ИСТОРИЧЕСКАЯ

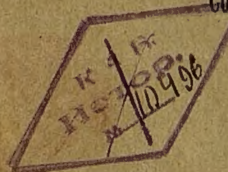
ХРЕСТОМАТІЯ

по

НОВОЙ ИСТОРІИ.

ПОСОБІЕ
для преподавателей, учениковъ старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній и лицъ, ищущихъ самообразованія.

Составилъ Я. Г. ГУРЕВИЧЪ.

Томъ I.

Изданіе пятое, переработанное
Н. П. Борецкимъ-Бергфельдомъ, С. В. Вознесенскимъ и Я. Я. Гуревичемъ.

Подъ общей редакціей
Я. Я. ГУРЕВИЧА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1914.

ИСТОРИЧЕСКАЯ

ХРЕСТОМАТІЯ

по

НОВОЙ ИСТОРІИ.

ПОСОБІЕ
ДЛЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ, УЧЕНИКОВЪ СТАРШИХЪ КЛАССОВЪ СРЕДНЕУЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ И ЛИЦЪ, ИЩУЩИХЪ САМООБРАЗОВАНІЯ.

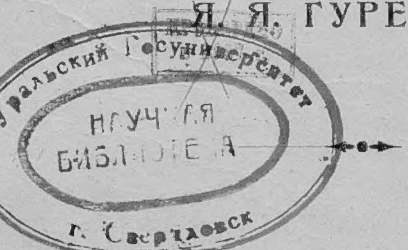
Составилъ Я. Г. ГУРЕВИЧЪ.

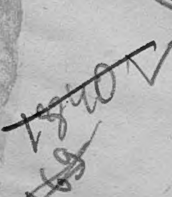
ТОМЪ I.

Изданіе пятое, переработанное
Н. П. Борецкимъ-Бергфельдомъ, С. В. Вознесенскимъ и Я. Я. Гуревичемъ.

Подъ общей редакціей
Я. Я. ГУРЕВИЧА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1914.

4598

Предисловіе къ пятому изданію.

Предпринимая настоящее пятое изданіе „Хрестоматіи по новой исторіи“, редакція его сочла себя вынужденной во многомъ отступить отъ текста предыдущаго изданія, выпущеннаго при жизни составителя хрестоматіи, Я. Г. Гуревича.

Къ обновленію текста хрестоматіи побуждали редакцію слѣдующія соображенія.

Въ предыдущихъ изданіяхъ группировка матерьяла производилась по двумъ различнымъ принципамъ: въ особые отдѣлы хрестоматіи выдѣлялись въ нѣкоторыхъ случаяхъ статьи, посвященныя изображенію и научной характеристикѣ опредѣленныхъ историческихъ явленій независимо отъ того, въ какой странѣ они имѣли мѣсто. Такъ отдѣлъ II первой части былъ посвященъ эпохѣ открытій и изобрѣтеній XIV, XV и XVI вв., отдѣлъ III — эпохѣ возрожденія. Во второй же части отдѣлы объединяли статьи, посвященныя попреимуществу исторіи того или иного государства въ опредѣленный хронологическій періодъ, при чемъ въ одномъ и томъ-же отдѣлѣ встрѣчался матерьялъ, относящійся къ разнороднымъ явленіямъ: напр., отдѣлъ II въ этой части былъ посвященъ реформаціи въ Италіи и реакціи католицизма, отдѣлъ III — реформаціи и католической реакціи въ Испаніи и Нидерландахъ.

Такое расположеніе историческаго матерьяла, по мнѣнію редакціи настоящаго изданія, препятствовало цѣлесообразному расположенію въ хрестоматіи статей обобщающаго характера, трактующихъ то или иное историческое явленіе во всемъ его объемѣ, напр., статей посвященныхъ уясненію причинъ и слѣдствій реформаціи, причинъ и слѣдствій католической реакціи. Придавая большое значеніе матерьялу именно такого обобщающаго характера, редакція распланировала по новому содержаніе II части настоящаго тома: реформація и католическая реакція въ Европѣ выдѣлены въ особые, вполнѣ самостоятельные отдѣлы. Отмѣтимъ попутно, что такое распредѣленіе историческаго ма-

терьяла соотвѣтствуетъ распредѣленію его въ нѣкоторыхъ весьма распространенныхъ учебникахъ по новой исторіи, напр., въ учебникѣ проф. Карѣева.

Редакція отступила въ нѣкоторой степени отъ принциповъ, принятыхъ составителемъ предыдущихъ изданій, и въ отношеніи выбора матерьяла. На ряду съ введеніемъ новыхъ статей обобщающаго характера, о которыхъ сказано было выше, редакція считала необходимымъ ввести въ текстъ хрестоматіи отрывки нѣкоторыхъ литературныхъ произведеній, современныхъ изображаемой эпохѣ. Такъ, въ отдѣлѣ III настоящаго тома помѣщены впервые нѣкоторые сонеты и канцоны Петрарки, нѣсколько новеллъ изъ Декамерона Боккачіо, отрывки изъ сочиненій Макіавели и Эразма Роттердамскаго.

Слѣдуя современной тенденціи исторической науки, редакція озаботилась расширеніемъ и углубленіемъ матерьяла, посвященнаго уясненію явленій соціально-экономической исторіи Зап. Европы. Статьи, посвященныя этимъ явленіямъ историческаго процесса, помѣщены главнымъ образомъ въ I и II отдѣлахъ настоящаго тома.

Съ другой стороны, редакція признала возможнымъ подвергнуть матерьялъ, вошедшій въ настоящее изданіе, нѣкоторому сокращенію по сравненію съ предыдущими изданіями. Появленіе превосходныхъ учебныхъ пособій по исторіи среднихъ вѣковъ (напр. „Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ", составленная подъ редакціей проф. Виноградова, „Историческая хрестоматія" В. В. Нейкирха и Я. С. Кулжинскаго и „Средневѣковье въ его памятникахъ", подъ ред. Д. Н. Егорова) позволило нѣсколько сократить матерьялъ I отдѣла, посвященнаго эпохѣ переходной, стоящей на рубежѣ между средневѣковьемъ и новымъ временемъ. Сокращенъ также отдѣлъ, заключающій въ себѣ статьи по исторіи Испаніи и Нидерландовъ въ XVI в., такъ какъ, по мнѣнію редакціи, въ средней школѣ, для нуждъ которой по преимуществу предназначается настоящее изданіе, не представляется возможности подробно останавливаться на исторіи странъ, игравшихъ лишь второстепенную роль въ развитіи всемірно-историческаго процесса.

Кромѣ изложенныхъ соображеній, къ измѣненію текста предъидущаго изданія редакцію побуждала признанная ею необходимость обновить текстъ его введеніемъ свѣжаго матерьяла взамѣнъ устарѣвшаго. Работа эта произведена въ довольно широкихъ рамкахъ. Какъ видно изъ списковъ, помѣщаемыхъ ниже, изъ настоящаго изданія исключена 51 статья, изъ числа входившихъ въ предъидущее изданіе, вновь помѣщено столько же статей.

При этомъ редакціей использованы не только недавно появившіеся труды столь авторитетныхъ ученыхъ, какъ Бергеръ, Бранди, Жебаръ, Гаузеръ, Ли, Моно на Западѣ, а у насъ въ Россіи П. Н. Ардашевъ, Н. И. Карѣевъ, М. М. Ковалевскій, І. М. Кулишеръ, но и работы сравнительно старыхъ ученыхъ, сохранившія все свое научное значеніе, въ родѣ классическихъ книгъ Бецольда, Ганото или покойнаго Корелина. Редакція не боялась черпать матеріалъ и изъ популярной литературы, лишь бы только онъ вполнѣ отвѣчалъ научно-педагогическимъ требованіямъ. Этимъ объясняется появленіе въ настоящемъ изданіи выдержекъ изъ такихъ работъ, какъ разсчитанныя для широкаго круга читателей книги Бёмера, Бутми, А. К. Джевилегова, С. Г. Лозинскаго, наконецъ, коллективный трудъ по исторіи З. Европы, предпринятый въ Германіи подъ редакціей Пфлугъ-Гартунга. Въ тѣхъ случаяхъ, когда спеціальная или научно-популярная литература не могла представить необходимаго матерьяла въ обработкѣ, подходящей съ точки зрѣнія редакціи, послѣдняя обращалась къ составленію самостоятельныхъ статей, выполненному Н. П. Борецкимъ-Бергфельдомъ, С. В. Вознесенскимъ и Я. Я. Гуревичемъ.

Я. Я. Гуревичъ.

При подготовке [illegible]
[illegible]
[illegible]
В. П. [illegible] Н. Н. [illegible]
[illegible]

[illegible]

Списокъ статей, исключенныхъ изъ настоящаго изданія.

Высшая точка могущества папской власти и начало ея паденія. (По *Вызинскому*).

Великій расколъ западной церкви и его послѣдствія. (По *Вызинскому*).

Джонъ Виклефъ и его ученіе. (Изъ Введенія *В. Михайловскаго* къ переводу „Исторіи реформаціи" *Гейссера*).

Церковное состояніе Чехіи передъ появленіемъ Гуса. (По *Бильбасову*).

Жизнь и дѣятельность Гуса до Констанцскаго собора. (По *Бильбасову*).

Констанцскій соборъ и осужденіе Гуса. (По *Новикову*).

Параллель между Гусомъ и Виклефомъ и ихъ воззрѣніями. (Изъ соч. *Пальмова*: „Вопросъ о чашѣ въ Гуситскомъ движеніи").

Вліяніе гуситства на реформаціонное движеніе въ Германіи. (По *Ламанскому*).

Придворно-рыцарское общество Германіи въ его цвѣтущее время и во время его упадка. (По *Шерру*).

Рыцарское служеніе женщинѣ въ блестящій періодъ рыцарства и въ періодъ его упадка. (По *Петрову*).

Сила и богатство городовъ Западной Европы и бѣдственное положеніе крѣпостного класса въ концѣ среднихъ вѣковъ. (По *Ешевскому*).

Характеръ политическихъ стремленій Западной Европы въ XV вѣкѣ. (По *Гизо*).

Усиленіе торговли и мореходства въ Западной Европѣ съ крестовыхъ походовъ. (По *Шерреру*).

Открытія португальцевъ до Коломба. (По *Риттеру*).

Послѣдствія открытія Новаго Свѣта. (По *Веберу*).

Экономическія слѣдствія открытія Новаго Свѣта. (По *Бланки*).

Первое кругосвѣтное путешествіе и слѣдствія его. (По *Дрейеру*).

Историческое значеніе изобрѣтенія пороха. (По *Боклю*).

Появленіе книгопечатанія и отношеніе къ нему церкви и государства въ XV и XVI вв. (По *Фойницкому*).

Значеніе эпохи Возрожденія для Италіи. (По *Петрову*).

Данте, Боккачіо и Петрарка. (По *Раумеру*).

Пробужденіе классической древности и увлеченіе ею въ Италіи въ XIV и XV ст. (По *Бургардту*).

Микель-Анджело Буонарроти, зодчій, ваятель и живописецъ. (По *Прахову*).

Савонарола, его жизнь, его политическая и общественная дѣятельность. (По *Осокину*).

Эразмъ Роттердамскій. (По *Петрову*).

Списокъ статей, впервые помѣщенныхъ въ этомъ изданіи въ замѣну старыхъ или въ дополненіе къ нимъ.

Оглавленіе.

I. Состояніе З. Европы въ исходѣ среднихъ вѣковъ.

II. Великія открытія и изобрѣтенія.

стран.

III. Возрожденіе.

IV. Реформація.

1) *Разложеніе папства и возникновеніе оппозиціи Риму.*

2) *Реформація въ Германіи.*

СТРАН.

5) *Реформація въ Англіи.*

6) *Сектантское движеніе въ эпоху реформаціи.*

7) *Слѣдствія реформаціи XVI в.*

V. Католическая реакція.

1) *Папство и іезуиты.*

I. СОСТОЯНІЕ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ ВЪ ИСХОДѢ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

I. Возрожденіе формъ античной культуры въ концѣ среднихъ вѣковъ.

Статья Я. Я. Гуревича.

Такъ называемые средніе вѣка, изученіе которыхъ составляетъ предметъ *средней исторіи*, представляютъ собою эпоху культурнаго упадка въ жизни Западной Европы: ей предшествовала римская эпоха, столь богатая своимъ культурнымъ содержаніемъ, на смѣну же формамъ жизни средневѣковой явились новыя формы, изученіе которыхъ составляетъ содержаніе новой исторіи и которыя съ точки зрѣнія культурной представляются въ общемъ также значительно болѣе сложными, знаменующими прогрессъ какъ въ сферѣ личной, такъ и въ сферѣ общественной жизни [1]).

Въ Римской республикѣ и затѣмъ въ смѣнившей ее Римской имперіи государственная власть пользовалась огромнымъ авторитетомъ и, располагая многочисленными и сложными средствами воздѣйствія на жизнь населенія, въ значительной степени подчиняла ее своему вліянію и направляла общественныя силы къ служенію своимъ задачамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ правовыя нормы, которыя вырабатывались и видоизмѣнялись при участіи государственной власти, глубоко проникая въ жизнь народа, опредѣляли и закрѣпляли не только отношенія между властью и населеніемъ,

[1]) Говоря въ предшествующихъ строкахъ о *культурномъ состояніи* Западной Европы, мы пользовались понятіемъ „культура" въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, разумѣя подъ нимъ совокупность всѣхъ явленій, составляющихъ обстановку жизни человѣческаго общества, будь то явленія, характеризующія формы жизни политической, экономической, соціальной или наконецъ культурной въ узкомъ смыслѣ слова. Послѣдній терминъ—культура въ узкомъ смыслѣ этого слова—означаетъ для насъ совокупность явленій, характеризующихъ такъ сказать умственную, духовную жизнь общества—его нравы, обычаи, юридическія понятія, религіозныя вѣрованія, успѣхи, достигнутые имъ въ области литературы, науки, искусства и т. п.

Такая двойственность въ значеніи термина *культура* нѣсколько затрудняетъ пользованіе имъ, но, къ сожалѣнію, современная историческая терминологія не даетъ намъ возможности ея избѣгнуть и намъ оставалось только, во избѣжаніе недоразумѣній, сдѣлать соотвѣтственную оговорку.

не только устанавливали обязанности подданныхъ по отношенію къ государству, но регулировали также и отношенія между самими гражданами. Въ сознаніи римскаго гражданина государство и создаваемые имъ законы были живою, дѣйственною силою, которая связывала отдѣльныхъ людей въ единый народъ и властно подчиняла интересы единицъ общимъ цѣлямъ.

Первенствующее значеніе государства въ жизни народа отразилось и на взаимныхъ отношеніяхъ власти свѣтской и власти духовной. Во времена язычества культъ боговъ тѣсно переплетался съ культомъ государства, религія своимъ авторитетомъ всемѣрно поддерживала авторитетъ государственной власти и служила ея задачамъ. Такое служебное положеніе языческой религіи по отношенію къ государственной идеѣ облегчалось духомъ языческаго культа, въ основѣ котораго преклоненіе передъ силою господствуетъ надъ нравственными движеніями человѣческой души. Но и во времена распространенія христіанства среди населенія Римской имперіи и утвержденія въ Римскомъ государствѣ христіанской церкви государство съумѣло удержать за собою господствующее положеніе по отношенію къ ней и нерѣдко заставляло служителей алтаря въ различныхъ сферахъ общественной жизни ходить по путямъ угоднымъ государственной власти.

Въ соотвѣтствіи съ развитіемъ государственнымъ развивались въ Римской республикѣ, а позже въ Римской имперіи и другія стороны народной жизни. Народное хозяйство въ имперіи достигло весьма значительной степени сложности и интенсивности. Этому способствовала, несомнѣнно, вся совокупность условій политической и гражданской жизни императорскаго Рима: разнообразіе природныхъ условій и этнографическаго состава населенія, благопріятное географическое расположеніе частей государства вокругъ Средиземнаго моря, которое являлось главною дорогою для сношенія ихъ между собою—все это содѣйствовало развитію торговаго обмѣна какъ внутри имперіи, такъ и съ сосѣдними государствами; развитіе торговли вызывало съ своей стороны развитіе промышленной дѣятельности населенія, какъ въ смыслѣ напряженія его производительныхъ силъ, такъ и въ отношеніи качества изготовляемыхъ товаровъ. Внутренній порядокъ, закрѣпленный имперіей, обезпечивалъ безпрепятственное торговое общеніе въ границахъ государства, величіе и слава Рима привлекали къ нему вниманіе сосѣдей и содѣйствовали оживленію сношеній съ ними, органическая дѣятельность римскаго правительства на пути укрѣпленія и обогащенія государства создавала усовершенствованные пути сообщенія. Благодаря всему этому денежное хозяйство окрѣпло въ имперіи, все болѣе и болѣе вытѣсняя примитивныя формы хозяйства натуральнаго.

Успѣхи торговли и промышленности обусловили развитіе въ имперіи городской жизни. Населеніе города Рима во времена императоровъ достигало небывалой въ древнемъ мірѣ цифры—до милліона, какъ опредѣляютъ историки, жителей. Но и кромѣ Рима на территоріи государства находилось въ эту эпоху весьма большое число цвѣтущихъ въ отношеніи богатства и населенныхъ городовъ. Между ними особенно выдѣлялись Византія, Александрія, Антіохія.

Параллельно съ успѣхами политической и экономической жизни прогрессировала и культура страны.

Господство Рима надъ покоренными имъ образованными народами древности—греками, египтянами, вавилонянами, персами, іудеями и карѳагенянами—много способствовало успѣхамъ римской культуры. Въ свою

очередь Римъ сдѣлался культурнымъ центромъ, который содѣйствовалъ развитію обмѣна культурными цѣнностями между подвластными ему образованными народностями и распространенію культуры среди завоеванныхъ имъ варварскихъ племенъ. Однако роль Римскаго государства въ развитіи культуры среди населенія стараго свѣта не ограничивалась ролью собирателя и распространителя культурныхъ цѣнностей, созданныхъ творчествомъ чужеземныхъ націй: заимствуя, римляне въ то же время творили сами. Ихъ творческій геній съ большей или меньшей яркостью проявился въ различныхъ областяхъ науки, литературы, въ различныхъ областяхъ изящныхъ искусствъ и техническихъ изобрѣтеній. Но съ особенной силою обнаружился онъ въ сферѣ административнаго искусства, связаннаго съ развитіемъ началъ права и теоретическимъ изученіемъ послѣдняго—правовѣдѣніемъ. Въ указанныхъ областяхъ дѣятельности Римъ создалъ образцы совершенства, какихъ не знали народы древнѣйшихъ культуръ и которыми пользовались, какъ несравненною школою, позднѣйшіе народы на протяженіи многихъ вѣковъ.

Въ цѣломъ римское просвѣщеніе отличалось богатствомъ и разнообразіемъ своего содержанія. Преобладающій характеръ античной греко-римской интеллектуальной культуры—широкій, бодрый и жизнерадостный взмахъ ея крыльевъ, полнота и гармонія жизненныхъ стремленій—сохранился въ общемъ и въ эпоху утвержденія въ римскомъ государствѣ христіанской церкви, несмотря на то, что христіанское ученіе въ лицѣ современныхъ той эпохѣ своихъ послѣдователей не могло гармонически слиться съ культурными теченіями, развившимися на основѣ античнаго языческаго міросозерцанія. Правда, время торжества христіанства въ римской имперіи совпало съ эпохой упадка римскаго національнаго духа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и упадка культурнаго, который особенно ярко выразился въ огрубеніи нравовъ, притупленіи вкуса къ истинно прекрасному, въ извращеніи и опошленіи изящныхъ искусствъ. Но это древнее декадентство имѣетъ свои особыя причины, не имѣющія ничего общаго съ вліяніемъ христіанства: римское творчество временъ упадка въ большинствѣ своихъ проявленій продолжаетъ сохранять яркую печать своего античнаго происхожденія и свойственныя ему характерныя черты, выше нами отмѣченныя.

Богатые результаты исторической дѣятельности Рима — созданныя имъ формы политической, экономической и культурной жизни,—какъ извѣстно, не оказались незыблемыми и вѣчными. Глубокіе, постепенно развивавшіеся внутренніе недуги постепенно подточили его духовную и физическую мощь. Еще во времена республиканскихъ завоевательныхъ войнъ наряду съ расширеніемъ государственной территоріи Рима и ростомъ его внѣшняго могущества обнаружились отрицательныя стороны его политическаго и соціально-экономическаго строя: государство расширялось, укрѣплялось и поддерживалось въ своемъ величіи военной силою и на этой почвѣ развилась какъ-бы гипертрофія военной организаціи государства: войско получало чрезмѣрное значеніе во внутренней жизни страны; насиліе становилось принципомъ власти по отношенію къ покореннымъ народамъ, насиліемъ же рѣшались зачастую вопросы, возникавшіе на почвѣ соціально-экономической борьбы между римскими гражданами, военною силою нерѣдко утверждалась въ государствѣ власть въ лицѣ одного или нѣсколькихъ претендентовъ. Съ другой стороны, постепенно обострялись контрасты между бѣдностью и богатствомъ. Все плотнѣе смыкавшійся кругъ капиталистовъ-нобилей порабощалъ болѣе

и болѣе массу обезземеленныхъ гражданъ-пролетаріевъ. Состояніе крайней бѣдности, какъ и развитіе чрезмѣрнаго богатства, создавали условія неблагопріятныя для поддержанія въ средѣ римскаго населенія здороваго духа и гражданской доблести, напряженія жизненныхъ его силъ. Богачи изнѣжены, избалованы, ихъ потребности не просто удовлетворены, но пресыщены. Мечъ выпадаетъ изъ руки, тянущейся къ источникамъ привычныхъ наслажденій; привычность многократно испытанныхъ наслажденій притупляетъ вкусъ къ нимъ, привычка наслаждаться побуждаетъ сластолюбцевъ искать все новыхъ и новыхъ, еще не извѣданныхъ радостей. Идея государства, идея служенія общественнымъ нуждамъ тускнѣетъ и затмѣвается. Бѣдняки въ ежедневныхъ исканіяхъ насущнаго хлѣба тоже не слуги общества, не опора государства: они поглощены борьбою за личное существованіе. Покоренные народы, тѣснимые требовательными поработителями, не могутъ забыть о былой независимости; разноплеменное населеніе никакъ не можетъ въ такой обстановкѣ сростись въ единый національный по духу организмъ. А между тѣмъ одновременно съ внутреннимъ ослабленіемъ государства возрастаютъ препятствія къ его господству надъ отдѣльными частями своими и трудность его сопротивленія внѣшнему натиску, который въ свою очередь растетъ благодаря численному росту и постепенному сплоченію сосѣднихъ варварскихъ племенъ. Усиливается давленіе на римскія границы со стороны германскаго сѣвера. Разрыхленная, благодаря ослабленію внутренней гражданской сплоченности, римская среда начинаетъ впитывать въ себя стойкіе и жизнеспособные элементы молодого, предпріимчиваго народа. Германцы проникаютъ на римскую территорію сначала разрозненными единицами, потомъ объединенными дружинами, въ качествѣ наемныхъ пособниковъ Рима въ борьбѣ его за сохраненіе неприкосновенности границъ. Купленные за деньги варвары защищаютъ Римъ отъ своихъ же единоплеменниковъ, но эти пришлые защитники Рима, съ какою-бы искренностью ни поддавались они обаянію римской культуры, сколько бы энергіи и мужества не проявляли въ борьбѣ за интересы своего господина, не могутъ замѣнить собою его естественныхъ защитниковъ—исконныхъ гражданъ великаго государства, утратившихъ былую доблесть и способныхъ скорѣе деморализовать своимъ примѣромъ ревностныхъ союзниковъ, нежели поддержать въ нихъ стойкость и природную воинственность.

Сознаніе надвигающейся опасности побуждаетъ руководителей римской политики приступить къ реформѣ государственнаго строя, направленной къ внутренней концентраціи силъ. Мысль, положенная императорами Діоклетіаномъ и Константиномъ въ основаніе реформы, можетъ быть формулирована такъ: оборона имперіи противъ угрожающихъ силъ противника требуетъ приспособленія государства къ исключительнымъ обстоятельствамъ. Какъ во времена республики, въ случаѣ опасности, угрожавшей Риму, власть концентрировалась въ рукахъ диктатора и въ странѣ вводилось какъ бы особое осадное положеніе, такъ и теперь предъ лицомъ врага, становившагося страшнымъ, власть должна быть всецѣло сосредоточена въ рукахъ императора. Разница заключалась въ томъ, что въ III и IV вѣкахъ послѣ Рождества Христова внѣшняя опасность становилась для Рима хроническимъ зломъ и, чтобы противиться ей, недостаточно было вручить единому вождю чрезвычайныя полномочія на короткое время—нужно было сдѣлать эти полномочія постоянным мощнымъ орудіемъ власти. Необходимо принять во вниманіе и то обстоятельство, что внутреннія условія жизни Римской имперіи въ разсматри-

ваемую эпоху существенно отличались отъ условій жизни молодой Римской республики: государственная территорія разрослась до огромныхъ размѣровъ, задачи управленія значительно усложнились. Для осуществленія централизаціи власти въ рукахъ императоровъ потребовался теперь сложный административный механизмъ — цѣлая лѣстница чиновниковъ, всецѣло подчиненная въ іерархическомъ порядкѣ главѣ государства. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо было во что бы то ни стало усилить и финансовыя средства государства, необходимыя какъ для содержанія многочисленнаго чиновничества, такъ и для увеличенія военныхъ силъ государства.

Цѣль, поставленная себѣ императорами-реформаторами IV вѣка, была до извѣстной степени достигнута, но наряду съ положительными результатами реформы обнаружились и ея отрицательныя послѣдствія. Насажденіе бюрократизма въ римскомъ управленіи привело естественнымъ образомъ къ паденію органовъ самоуправленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ инертность, въ которую постепенно погружалось римское гражданство, получила благопріятную почву для дальнѣйшаго развитія. Общество привыкало ждать удовлетворенія своихъ нуждъ отъ правительства, ему лѣниво вручало оно свою невѣрную судьбу. И въ то же время растущая тягота государственныхъ повинностей ожесточала его противъ того же государства. Въ особенности сильно этотъ протестъ противъ государственнаго гнета, до поры до времени молчаливый, наросталъ среди иноплеменнаго населенія римскихъ провинцій. Къ старымъ мотивамъ національной антипатіи, къ исконнымъ мечтамъ о политической независимости присоединялась теперь усталость отъ непосильнаго ига государственныхъ поборовъ. Зло, созданное новымъ порядкомъ управленія, увеличивалось отъ того, что римская бюрократія, одержимая всѣми недугами верховъ римскаго общества, была далеко не на высотѣ своихъ отвѣтственныхъ обязанностей: она внесла въ свою дѣятельность слишкомъ много узкаго, часто циническаго эгоизма и отличалась крайней разнузданностью и безпринципностью въ способахъ удовлетворенія своихъ алчныхъ стремленій. И такъ, лѣкарственныя средства, введенныя рукою реформаторовъ въ больной государственный организмъ, хотя съ одной стороны и содѣйствовали временному его внѣшнему укрѣпленію, за то съ другой произвели въ немъ нѣкоторое внутреннее отравленіе, пагубное для дальнѣйшей его жизни.

Въ концѣ IV столѣтія послѣ Рождества Христова въ Европѣ началось массовое передвиженіе племенъ, извѣстное подъ названіемъ великаго переселенія народовъ. Это переселеніе до крайности увеличило давленіе варваровъ на римскія границы, такъ что дальнѣйшее сопротивленіе враждебному натиску ихъ дѣлалось для Рима непосильнымъ. Если въ предшествовавшія времена имперія и уступала участки своей территоріи для поселенія варваровъ германцевъ, то при этомъ все же она стремилась использовать ихъ силы на благо себѣ, поручая имъ защиту границъ, подчиняя ихъ своему авторитету, своей власти и въ извѣстной степени ассимилируя ихъ въ культурномъ отношеніи. Теперь массы пришлыхъ племенъ зачастую переступали границы государства уже въ качествѣ побѣдителей и, занимая цѣлыя провинціи римской имперіи, расчленяли ея территорію на отдѣльныя части. Само собою разумѣется, что этотъ насильственный процессъ занятія римской территоріи германцами сопровождался во многихъ случаяхъ кровопролитной борьбой и всѣми разрушительными послѣдствіями войны, которыя принимали колоссальныя размѣры въ виду того, что „великое переселеніе“, начавшись въ концѣ IV столѣтія, продолжалось въ теченіе двухъ послѣдующихъ столѣ-

тій съ большою, хотя и постепенно слабѣющей интенсивностью, отголоски же его затянулись на цѣлый рядъ позднѣйшихъ вѣковъ. Занявши извѣстную римскую область, германскія племена рѣдко обосновывались въ ней окончательно. Иногда въ поискахъ за лучшими мѣстами поселеній, иногда подъ давленіемъ новыхъ пришельцевъ или уступая сопротивленію коренного населенія имперіи, они снимались съ занятыхъ мѣстъ и шли дальше, или уходили обратно за границы государства. Вспомнимъ для примѣра судьбу Италіи въ періодъ времени между началомъ V и концомъ VI вѣка. Въ самомъ началѣ V столѣтія центръ имперіи испыталъ три нашествія германскаго племени вестготовъ, подъ предводительствомъ короля ихъ Алариха. Во время третьяго нападенія на Апеннинскій полуостровъ войска Алариха, подкрѣпленныя отрядами гунновъ, взяли послѣ упорной осады древнюю столицу и подвергли разграбленію ея богатства и насилію ея жителей. Въ промежутокъ между двумя походами Алариха въ Италію вторгался съ сѣвера черезъ Альпы Радагайсъ, вождь разноплеменныхъ германскихъ дружинъ. Въ 451 году произошло нашествіе на Италію гунновъ подъ предводительствомъ знаменитаго Атиллы. Въ 455 Римъ вновь разграбленъ германцами вандалами, переплывшими Средиземное море отъ береговъ сѣверной Африки, гдѣ они утвердились къ этому времени. Нѣсколько позднѣе основывается на почвѣ Италіи королевство геруловъ, во время господства которыхъ Западная Римская имперія формально прекратила свое существованіе, такъ какъ лишилась на этотъ разъ окончательно своего главы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣхъ подчиненныхъ ему властей и учрежденій. На развалинахъ недолговѣчнаго королевства геруловъ возникаетъ сравнительно сильное королевство остготское, но и его мощь оказывается недостаточной, чтобы обезпечить ему длительное существованіе и дальнѣйшее развитіе. Въ началѣ VI вѣка энергичный императоръ Юстиніанъ, глава пережившей эпоху великаго переселенія народовъ Восточной Римской имперіи, начинаетъ упорную борьбу съ остготами за обладаніе Италіей и послѣ кровопролитной и разрушительной войны, длившейся три десятилѣтія, окончательно сокрушаетъ королевство остготовъ и присоединяетъ Италію къ византійскимъ владѣніямъ подъ названіемъ Равеннскаго экзархата. Но не успѣлъ Юстиніанъ закрыть глаза на смертномъ одрѣ, какъ завоеванная имъ страна оказалась на двѣ трети въ рукахъ новыхъ завоевателей—лангобардовъ, утвердившихся въ сѣверной и средней Италіи. И такъ, на протяженіи двухъ столѣтій Италія испытала шесть крупныхъ нашествій, три раза должна была признать надъ собою болѣе или менѣе продолжительное господство варварскихъ племенъ и подвергалась бѣдствіямъ долголѣтней ожесточенной войны.

Въ большей или меньшей степени подобныя же терзанія въ эпоху переселеній испытали Галлія, Испанія и нѣкоторыя другія римскія провинціи.

Легко понять, что катастрофа, постигшая Западную Римскую имперію, далеко не ограничилась распаденіемъ ея на части. Установленіе власти варварскихъ королей надъ обломками нѣкогда могущественнаго государства сопровождалось разложеніемъ культурнаго и экономическаго строя его. И это не потому даже, чтобы варвары германцы сознательно стремились къ истребленію римской культуры, передъ которою они въ извѣстной степени преклонялись, а потому скорѣе, что превращенная на цѣлыя столѣтія въ арену почти непрерывной кровавой борьбы Западная Европа должна была неизбѣжно утратить въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній

тотъ культурный обликъ, который она пріобрѣла подъ покровомъ и при содѣйствіи римской имперіи. На театрѣ войны нѣтъ мѣста для просвѣтительныхъ учрежденій, нѣтъ возможности сохранить условія, необходимыя для нормальнаго теченія интеллектуальной жизни, для поддержанія образовательной работы, а если война длится очень долго, то замираютъ мало по малу и самыя традиціи образованности, притупляются потребности умственной жизни. Долгая война убиваетъ мало-по-малу въ населеніи уваженіе къ началамъ права, пріучаетъ его преклоняться лишь передъ физической силой и искать удовлетворенія своихъ примитивныхъ потребностей путемъ насилія. Вмѣстѣ съ тѣмъ война прерываетъ пути торговаго общенія. Перевозка товаровъ по дорогамъ, на которыхъ кишатъ необузданныя толпы вооруженныхъ пришельцевъ, и по которымъ шныряютъ разбойники, вышедшіе изъ рядовъ разнуздавшагося мѣстнаго населенія, представляетъ слишкомъ большія опасности, передъ сознаніемъ которыхъ меркнутъ интересы наживы, вызывающіе развитіе торговыхъ предпріятій.

Разрушаются и формы производства, приноровленныя къ обслуживанію болѣе или менѣе обширныхъ рынковъ. Промышленность, приспособляясь къ новымъ условіямъ народной жизни, радикально измѣняетъ свой характеръ. Теперь продукты изготовляются уже не для продажи на сторонѣ, а лишь для мѣстнаго и даже прямо таки домашняго потребленія. Иными словами, экономическая жизнь населенія вновь возвращается къ примитивнымъ формамъ натуральнаго хозяйства, основою котораго является земледѣльческій трудъ, ибо только онъ доставляетъ возможность жителямъ добывать всѣ продукты, необходимые для поддержанія существованія, не прибѣгая къ услугамъ рынка. Рѣшительное преобладаніе земледѣлія передъ другими видами промышленной дѣятельности ведетъ естественно къ упадку и запустѣнію городовъ—горожанамъ нечѣмъ кормиться, если прекращается подвозъ товаровъ изъ окружающихъ мѣстностей, или если сами горожане не возьмутся за плугъ и за косу. Но въ послѣднемъ случаѣ скученность городского населенія становится условіемъ, исключающимъ возможность успѣшнаго сельскохозяйственнаго промысла. Приходится выселяться и разселяться поближе къ своимъ полямъ. Въ V вѣкѣ послѣ Рождества Христова милліонное населеніе города Рима падаетъ до 50 тысячъ, и на площадяхъ столицы по свидѣтельству современника виднѣются посѣвы зерновыхъ хлѣбовъ.

Культурный и экономическій упадокъ Западной Европы, сопровождавшій крушеніе западной римской имперіи, въ свою очередь подтачивалъ болѣе и болѣе формы государственности, унаслѣдованныя пришлыми варварскими племенами отъ своихъ цивилизованныхъ предшественниковъ. Ни представители власти, ни ихъ подданные не были приспособлены къ формамъ политической жизни, развившимся при наличности соотвѣтственныхъ культурныхъ и экономическихъ условій. Для германскихъ правителей римскіе порядки были слишкомъ сложны, требовали большихъ знаній, болѣе широкаго умственнаго кругозора; для массы варварскаго населенія порядки эти были слишкомъ обременительны, потому что требовали привычки къ самоограниченію и даже готовности къ нѣкоторымъ жертвамъ во имя исполненія гражданскаго долга.

Нѣтъ сомнѣнія, что и членамъ германскихъ общинъ приходилось слушаться своихъ родовладыкъ или военачальниковъ, но власть родовладыкъ была ближе, а воля военачальника проявлялась лишь при исключительныхъ обстоятельствахъ, когда необходимость повиноваться или

даже итти навстрѣчу смертельной опасности представлялась очевидною для каждаго. Другое дѣло несеніе регулярныхъ государственныхъ повинностей, въ формѣ постоянной личной службы или уплаты податей: здѣсь близорукость варвара лишала его способности уразумѣть наличность дѣйствительной общественной нужды и подчинять свои интересы достиженію отдаленныхъ и невидимыхъ для него государственныхъ цѣлей. И такъ, варварскіе правители не умѣютъ управлять, а подчиненные подчиняться въ духѣ римской цивилизаціи. Что касается потомковъ римскаго гражданства, то они настолько одичали и деморализовались при новыхъ условіяхъ жизни, что оказались совершенно безсильными поддержать традиціи этой цивилизаціи и подчинить своему вліянію массы непрошенныхъ гостей, становившихся господами положенія.

Къ тѣмъ же послѣдствіямъ велъ и упадокъ денежнаго хозяйства въ Западной Европѣ. Если бы даже и обнаружилась среди ея населенія нѣкоторая готовность къ уплатѣ государственныхъ налоговъ, то при господствѣ формъ натуральнаго хозяйства у него не нашлось бы для этого нужныхъ средствъ. А запустѣніе государственной казны исключало возможность содержанія постоянныхъ войскъ и правительственныхъ учрежденій, необходимыхъ для поддержанія авторитета и дѣеспособности государственной власти.

Среди общаго крушенія формъ политической, культурной и экономической жизни античнаго Рима одно лишь учрежденіе, развившееся подъ защитою римской государственности не только не подверглось разложенію, но даже окрѣпло и получило небывалое до этого времени значеніе: это была римская церковь.

Явленіе это станетъ намъ весьма понятно, если мы примемъ во вниманіе, что тѣ самыя условія, которыя вели къ упадку государственности, культуры и народнаго хозяйства въ средневѣковой Европѣ, должны были содѣйствовать возвышенію авторитета римской церкви.

На самомъ дѣлѣ народныя бѣдствія, которыми сопровождалось паденіе западной имперіи, и хаотическое состояніе, въ которомъ находились вновь возникшія государственныя образованія въ послѣдующіе вѣка, не могли не содѣйствовать обостренію религіознаго чувства въ населеніи Западной Европы, тѣмъ болѣе что проповѣдь христіанства дѣлала большіе успѣхи среди варваровъ, и такимъ образомъ вліяніе христіанства не только становилось дѣйственнѣе и глубже, но и распространялось территоріально. Съ другой стороны, упадокъ государственной власти открывалъ просторъ для развитія притязаній церкви на всестороннее руководство жизнью народовъ. Церковь, такимъ образомъ, не только выходитъ изъ подчиненія государственной власти, но до нѣкоторой степени замѣщаетъ ее и вытѣсняетъ ея вліяніе изъ свойственной ей области: вожди церкви принимаютъ на себя труды и заботы о благѣ народномъ, ведутъ переговоры съ варварскими военачальниками при нападеніи ихъ на области имперіи, снабжаютъ населеніе продовольствіемъ изъ богатыхъ запасовъ, собранныхъ на обширныхъ церковныхъ земляхъ, выступаютъ посредниками при возникновеніи политическихъ споровъ, а позже начинаютъ прямо таки диктовать свою волю представителямъ свѣтской власти.

Вмѣшательство церкви въ дѣла свѣтскаго управленія не можетъ не вызывать протеста со стороны представителей свѣтской власти. Но лишь немногіе изъ нихъ, наиболѣе сильные и смѣлые, рѣшаются дать энергическій отпоръ теократическимъ притязаніямъ папъ: религіозное настроеніе массъ и высокій авторитетъ духовенства создаютъ условія,

зачастую парализующія попытки къ сопротивленію даже со стороны самыхъ рѣшительныхъ государей—вспомнимъ Каноссу.

Наконецъ не слѣдуетъ забывать, что пониженіе культурнаго уровня населенія еще болѣе содѣйствовало слѣпому подчиненію его своимъ духовнымъ руководителямъ, а сосредоточеніе всей умственной работы, всѣхъ наслѣдій древней образованности въ средѣ духовенства всецѣло отдавало въ его руки судьбы просвѣщенія, которое въ средніе вѣка получаетъ характеръ, позволяющій назвать его—почти безъ всякихъ оговорокъ—церковнымъ.

Даже и въ сферѣ экономической церковь, бывшая уже и въ римскія времена крупнѣйшимъ землевладѣльцемъ Западной Европы, а въ средніе вѣка обогатившаяся благодаря безчисленнымъ земельнымъ дареніямъ и завѣщаніямъ благочестивыхъ своихъ послѣдователей до чрезмѣрности, заняла исключительное положеніе.

Упадокъ государственности, такъ много содѣйствовавшій успѣхамъ теократическихъ стремленій римской церкви, вызвалъ къ жизни и другое явленіе средневѣковой жизни, столь же, если не еще болѣе, характерное. Мы имѣемъ въ виду феодализмъ.

Сколько бы усилій не прилагала римская церковь къ тому, чтобы стать руководительницей жизни европейскихъ и даже внѣевропейскихъ народовъ во всѣхъ ея проявленіяхъ, она не могла даже въ малой степени замѣнить своею дѣятельностью пришедшую въ совершенное разстройство работу свѣтской власти: не могла она поддержать внутренній порядокъ внутри отдѣльныхъ государствъ, не могла помѣшать вооруженнымъ столкновеніямъ, не могла оборонить жизнь и имущество населенія противъ всякаго рода насилій.

И населеніе, до извѣстной степени покинутое на произволъ судьбы обезсиленной властью свѣтскою, не находя достаточной защиты и со стороны церкви, должно было выработать какія-либо формы общественной организаціи, могущія хоть отчасти оградить его отъ бѣдствій политическаго безначалія. Создается положеніе, при которомъ каждый человѣкъ, способный доставить нѣкоторую защиту окрестному населенію, становится въ отношеніи къ нему въ положеніе господина.

Слабые сплачиваются вокругъ сильнаго и добровольно ему подчиняются. Внутри государства создается, какъ бы самопроизвольно, множество болѣе или менѣе самостоятельныхъ мелкихъ общественныхъ ячеекъ. Образованію этихъ самочинныхъ мѣстныхъ организацій сопутствуетъ раздробленіе государственной власти, идущее какъ бы изъ центра. На почвѣ натуральнаго хозяйства, благодаря которому государи лишаются возможности вознаграждать своихъ слугъ и помощниковъ денежнымъ жалованьемъ, возникаетъ система вознагражденія ихъ земельными владѣніями на условіяхъ пожизненнаго пользованія ими. Такія владѣнія назывались, какъ извѣстно, сначала римскимъ именемъ beneficium, а позднѣе стали именоваться ленами или феолами. Владѣльцы феодовъ первоначально кромѣ службы своему государю (сюзерену) обязывались еще и нѣкоторыми матерьяльными повинностями, но позднѣе, пользуясь слабостью центральной власти, добивались отъ нея льготъ въ исполненіи этихъ повинностей и даже полнаго отъ нихъ освобожденія (иммунитетъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ пожизненныя земельныя владѣнія мало-по-малу обращались благодаря тѣмъ же условіямъ въ наслѣдственныя, если принадлежали свѣтскимъ владѣтелямъ; если-же они принадлежали соборнымъ капитуламъ или монастырямъ, то закрѣплялись за ними на началахъ общественной собственности.

И такъ мы видимъ, что сверху и снизу шелъ своеобразный процессъ, приведшій постепенно къ образованію феодальной системы.

Болѣе или менѣе полное изображеніе результатовъ этого процесса т.-е. болѣе или менѣе исчерпывающее описаніе самой феодальной системы является задачею очень сложной. Цѣль нашей статьи прослѣдить лишь въ самыхъ краткихъ чертахъ основные моменты той эволюціи, которая, отправляясь отъ основныхъ формъ римской государственности и римской жизни вообще, привела Западную Европу черезъ глубокія потрясенія средневѣковой эпохи къ возстановленію этихъ основныхъ формъ къ концу среднихъ вѣковъ.

Поэтому не останавливаясь на характеристикѣ феодализма въ его окончательной формѣ, обращаемся къ судьбамъ западно-европейской культуры (въ широкомъ смыслѣ слова) въ позднѣйшія времена.

Съ теченіемъ вѣковъ Западная Европа мало-по-малу начинаетъ оправляться отъ потрясеній, пережитыхъ ею въ эпоху великаго переселенія народовъ. Прекращаются и набѣги на нее со стороны сарациновъ, венгровъ, норманновъ, терзавшихъ ее въ періодъ времени между началомъ VIII и половиною X вѣка. Правда, непрерывныя феодальныя усобицы продолжаютъ тревожить ея населеніе, но, какъ ни разорительны были ихъ послѣдствія, все же они не могли сравниться съ разгромомъ, произведеннымъ массовымъ передвиженіемъ варварскихъ племенъ. Этимъ, правда, весьма относительнымъ, успокоеніемъ можемъ мы объяснить нѣкоторое оживленіе торговыхъ сношеній въ европейскихъ странахъ, которое въ Италіи, напримѣръ, обнаруживается довольно замѣтно уже къ X вѣку. Неизбѣжно оживленіе торговли, а съ нею вмѣстѣ и промышленности, ведетъ къ росту городскихъ поселеній.

Богатѣя, укрѣпляясь, расширяясь, города начинаютъ борьбу за независимость съ мѣстными синьорами, которымъ они подчинялись въ предшествующую эпоху, откупаясь отъ феодальнаго ига за деньги, а иногда освобождаясь отъ него оружіемъ.

Крестовые походы, давшіе толчокъ оживленію торговли европейскихъ городовъ со странами образованнаго мусульманскаго Востока, содѣйствовали дальнѣйшему росту городскихъ центровъ (Венеція, Генуя).

Къ XII вѣку итальянскіе города, превратившіеся къ этому времени въ мелкія республики, становятся настолько окрѣпшими, что союзъ ихъ оказывается въ силахъ успѣшно бороться съ самымъ могущественнымъ изъ германскихъ императоровъ, Фридрихомъ Барбароссою (битва при Леньяно).

И такъ, города явились силою враждебной началамъ феодализма и принялись за разрушеніе его формъ въ такую эпоху, когда королевская власть въ большинствѣ случаевъ оказывалась еще безсильною, чтобы приняться за это дѣло, съ полною очевидностью отвѣчавшее ея интересамъ. Зато когда короли выступили на путь расширенія своихъ домевовъ и объединенія подъ своею властью феодальныхъ владѣній, въ городахъ нашли они естественныхъ союзниковъ, достаточно подготовленныхъ, достаточно сильныхъ, чтобы оказать имъ поддержку противъ общаго врага.

Развитіе денежнаго хозяйства, выразившееся въ успѣхахъ торговли и промышленности, создало и другой факторъ, благопріятный для укрѣпленія государственной власти: возможность мало-по-малу возсоздать государственную казну путемъ наложенія денежныхъ повинностей на населеніе. Явились слѣдовательно и источники для организаціи постояннаго

войска и содержанія королевской администраціи и коронныхъ судей, источники, изсякновеніе которыхъ такъ пагубно отражалось на состояніи государственной власти въ эпоху господства формъ натуральнаго хозяйства.

Развитіе городскихъ центровъ сыграло огромную роль и въ культурной жизни средневѣковой Европы. Зажиточные слои городского населенія, находясь въ сравнительно благопріятныхъ жизненныхъ условіяхъ, утратили мало по малу то исключительно напряженное религіозное настроеніе, которое заставляло ихъ предковъ слѣпо слѣдовать всѣмъ предписаніямъ церкви въ мучительной погонѣ за благами жизни загробной, мерцавшей для нихъ, какъ единственная надежда на утѣшеніе среди бѣдствій земного существованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ среды городского населенія выдѣляется постепенно интеллигенція—категорія людей, которые служили обществу своими знаніями, необходимыми для удовлетворенія осложнившихся потребностей общественной жизни. Юристы, нотаріусы, инженеры, врачи, наконецъ, свѣтскіе писатели и ученые, порвавшіе съ традиціями средневѣкового схоластическаго просвѣщенія, созданнаго богословами среднихъ вѣковъ, вносятъ свѣжую струю въ умственную жизнь общества. Развиваются гуманистическая наука, литература, искусства.

Успѣхи просвѣщенія въ свою очередь вліяютъ благопріятно на развитіе государственныхъ началъ въ жизни западно-европейскаго общества. Государство не можетъ развиваться успѣшно безъ развитія началъ права. Ибо однимъ изъ необходимыхъ орудій государственной власти является законъ, а законъ и есть право, вылившееся въ опредѣленную форму и закрѣпленное письменнымъ его выраженіемъ. Очевидно, что для выработки закона, для цѣлесообразнаго его примѣненія и проникновенія его вліянія въ народную жизнь культурный уровень страны играетъ рѣшающую роль.

Невѣжество правителей и управляемыхъ, какъ отмѣчено было выше, расшатывало въ эпоху ранняго средневѣковья устои государственности. Умственное развитіе и обогащеніе знаніями правителей и хотя бы нѣкоторой части общества содѣйствовали теперь возсозданію государственныхъ формъ.

Но факторы, благопріятные для возрожденія денежнаго хозяйства, культуры и государственности, совершенно иное вліяніе оказали на состояніе церкви.

По мѣрѣ того какъ упорядочивалась общественная жизнь въ странахъ Западной Европы, слабѣли специфическія условія, которыя поддерживали ранѣе въ населеніи остроту и напряженность религіознаго чувства. Аскетическіе идеалы средневѣковья мало по малу теряли свою силу надъ умами. Слѣпое подчиненіе авторитету церкви по крайней мѣрѣ въ средѣ болѣе просвѣщенныхъ слоевъ общества уступало мѣсто болѣе или менѣе самостоятельному исканію религіозной истины. Упадку церковнаго авторитета много способствовало нравственное разложеніе, все ярче и ярче обнаруживавшееся передъ глазами общества. Погоня за мірскою силой и славой, столь характерная для церковныхъ вождей второй половины средневѣковой эпохи, интриги среди прелатовъ церкви, различныя злоупотребленія, порожденныя ихъ алчностью и сребролюбіемъ, упадокъ монастырской дисциплины, пьянство и нравственная распущенность монаховъ — все это тѣмъ болѣе возмущало общество, чѣмъ болѣе развивалось и распространялось среди него просвѣщеніе. Изобличеніе церковныхъ недуговъ и грѣховъ духовенства становится излюбленною

темою для писателей XIV—XV столѣтій, а книжное обращеніе, усилившееся благодаря изобрѣтенію книгопечатанія, давало широкое распространеніе произведеніямъ этой изобличительной литературы.

Упадокъ нравовъ въ средѣ духовенства въ извѣстной степени можетъ быть связанъ съ перемѣнами въ условіяхъ экономической жизни Европы. Бытъ народовъ, живущихъ среди условій натуральнаго хозяйства, отличается вообще большей простотой. Сельское хозяйство, составляющее его основу, не въ состояніи доставить человѣку предметовъ роскоши, и если его продукты не могутъ быть при посредствѣ рынка обращены въ деньги, то избытокъ ихъ не можетъ привлекать хозяина. Слѣдовательно при натуральномъ хозяйствѣ люди привыкаютъ довольствоваться необходимымъ, нѣтъ почвы для развитія жадности, погони за наживой. Обладая обширными земельными владѣніями, монастыри часто получали съ нихъ продуктовъ больше, чѣмъ было нужно для прокормленія монаховъ и монастырскихъ слугъ. Пока не существовало условій благопріятныхъ для продажи этихъ избытковъ монастырскихъ запасовъ, они шли на вспомоществованіе недостаточнымъ окрестнымъ поселянамъ. Когда же явился соблазнъ обогащенія, созданный возрожденіемъ денежнаго хозяйства, сократилась благотворительная дѣятельность монастырской братіи, владѣнія ихъ сдѣлались предметомъ болѣе напряженной эксплоатаціи, а обогащеніе монастырей доходами съ своихъ земель создало множество искушеній всякаго рода, создало страсть къ наживѣ, которая уже не удовлетворялась узаконенными источниками, а искала насыщенія путемъ всевозможныхъ злоупотребленій.

Церковныя и монастырскія богатства къ концу среднихъ вѣковъ сдѣлались условіемъ неблагопріятнымъ для господства церкви надъ міромъ и въ другомъ отношеніи—они вызывали все большую и большую зависть со стороны мірянъ.

Особенно значительную роль съиграло въ этомъ отношеніи церковное землевладѣніе. Земельныя даренія и завѣщанія въ пользу церкви и монастырей постепенно выводили изъ оборота свѣтскаго землевладѣнія новые участки; между тѣмъ площадь церковныхъ земель разросталась безо всякихъ потерь, такъ какъ земли эти никогда не отчуждались въ пользу свѣтскихъ владѣтелей. И въ лицѣ послѣднихъ церковь пріобрѣтала враговъ, ждавшихъ случая, чтобы вернуть своему классу утраченное имъ имущество.

Выше мы отмѣтили развитіе и укрѣпленіе государственной власти къ концу среднихъ вѣковъ и указали, что могущество церкви въ средніе вѣка отчасти стояло въ непосредственной связи со слабостью власти свѣтской. Ленная зависимость многихъ свѣтскихъ владѣній отъ папскаго престола, вмѣшательство папъ въ рѣшеніе чисто политическихъ вопросовъ, распространеніе церковной юрисдикціи на мірянъ, замѣщеніе епископскихъ должностей лицами угодными римскому папѣ безъ согласія на то представителей свѣтской власти — все это факты, которые могли имѣть мѣсто только до тѣхъ поръ, пока государи Западной Европы чувствовали себя слишкомъ слабыми, чтобы дать энергическій отпоръ римскимъ первосвященникамъ, прелатамъ и духовенству. Всѣ эти явленія становились невозможными по мѣрѣ укрѣпленія національной власти въ европейскихъ государствахъ. Государи, освобождаясь отъ вліянія церкви въ свѣтскихъ дѣлахъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ переходятъ уже въ нападеніе на нее и стремятся поставить ее въ подчиненное къ себѣ отношеніе. Наиболѣе яркимъ примѣромъ такого рода явленій можетъ слу-

жить перенесеніе папской резиденціи изъ Рима на французскую территорію въ Авиньонъ и послѣдующее семидесятилѣтнее „вавилонское плѣненіе папъ"

И такъ, мы видимъ, что къ концу среднихъ вѣковъ въ жизни Западной Европы создаются формы и отношенія, которыя въ своихъ основныхъ чертахъ являются воспроизведеніемъ формъ и отношеній, ранѣе существовавшихъ въ ней въ эпоху Римской имперіи. Между первыми и послѣдними само собою разумѣется нѣтъ и не можетъ быть тождества: сословная монархія конца среднихъ вѣковъ во многомъ разнится отъ монархіи римскихъ императоровъ; средневѣковая цеховая организація промышленности существенно отличается отъ организаціи промышленнаго труда въ римскомъ государствѣ; оппозиціонно-изобличительныя произведенія гуманистовъ не имѣютъ соотвѣтственныхъ образцовъ въ античной литературѣ; наконецъ, пораженная глубокими недугами римская церковь, склоняющаяся постепенно передъ растущею силою свѣтской власти, мало напоминаетъ молодую христіанскую церковь, окрѣпшую подъ покровомъ императорскаго Рима. Но насъ интересуетъ сопоставленіе основныхъ принциповъ, а не конкретныхъ физіономій обѣихъ сравниваемыхъ эпохъ. И съ этой точки зрѣнія мы считаемъ себя въ правѣ сказать, что принципы эти одинаковы въ томъ и другомъ случаѣ—они могутъ быть кратко формулированы такъ: сильная государственная власть, денежное хозяйство, высокая культура, подчиненное положеніе церкви.

Содержаніе настоящей статьи мы позволяемъ себѣ представить схематически въ нижеслѣдующей таблицѣ.

Эпохи.	Государственная власть	Народное хозяйство.	Культура.	Церковь.
Римская.	Сильная государственная власть.	Денежное хозяйство. Процвѣтаніе городовъ.	Высокая культура. Свѣтское просвѣщеніе.	Подчиненное положеніе церкви.
Средневѣковая.	Упадокъ государственности. Развитіе феодализма.	Натуральное хозяйство. Упадокъ городовъ.	Упадокъ культуры. Церковное просвѣщеніе.	Господство церкви.
Переходная.	Усиленіе государственной власти.	Развитіе денежнаго хозяйства. Усиленіе городовъ.	Подъемъ культуры. Возрожденіе античнаго просвѣщенія.	Упадокъ церкви и ея подчиненіе государству.

II. О состоянiи государственной власти въ концѣ среднихъ вѣковъ [1]).

(Статья Н. Борецкаго-Бергфельда).

Начало той исторической эпохи, которая называется Новымъ Временемъ, обычно относится хронологически къ концу пятнадцатаго столѣтія (Открытіе Америки въ 1492 г.), но въ эту пору этотъ новый культурно-историческій періодъ не имѣетъ еще тѣхъ существенныхъ, ему одному присущихъ признаковъ, которые рѣзко отличали бы его отъ предыдущей эпохи, именуемой Средними Вѣками. Корни Новаго Времени въ концѣ XV, да еще и въ началѣ XVI столѣтія, крѣпко держатся въ политической, соціально-экономической и религіозной системѣ средневѣковья, и постепенный ростъ бытовыхъ и правовыхъ началъ общественной организаціи новой исторической эпохи совершается не на почвѣ одной только новой образованности и проявленія новыхъ экономическихъ и хозяйственныхъ факторовъ, обнаружившихся съ открытіемъ эры колоніальной политики европейскихъ державъ, но въ значительной степени и подъ вліяніемъ разложенія элементовъ феодализма. Можно сказать, что въ ранней своей стадіи эпоха Новаго Времени развивается параллельно съ паденіемъ, медленнымъ и незамѣтнымъ, всей сложной общественной и политической системы Средневѣковья. Поэтому, приступая къ изученію эпохи Новаго Времени, мы должны подвести итоги предшествующему ей историческому періоду, чтобы тѣмъ полнѣе понять культурное значеніе новаго періода, выдвинувшаго принципъ индивидуальнаго развитія, какъ отрицаніе своеобразно сложившихся отношеній феодальнаго общества.

Но, надо замѣтить, что между Средними Вѣками и Новымъ Временемъ существовала переходная стадія, объемлющая цѣлыхъ два столѣтія— XIV и XV вв. Вѣянія Новаго Времени въ эту пору сказались, прежде всего, въ измѣненіи политическихъ условій, въ окончательномъ перемѣщеніи центра тяжести государственной власти отъ раздробляющей системы сюзеренитета и вассалитета, къ болѣе объединяющему центру — къ сословной монархіи. Присяга и верховная власть сюзерена были тѣми единственными скрѣпами, которыми держалась политическая организація средневѣковаго государства. Новое Время противопоставило ему сперва земское единство, въ видѣ сословнаго представительства, а затѣмъ восторжествовавшую въ борьбѣ съ послѣднимъ единоличную королевскую власть, опирающуюся уже на территоріально сплоченное государство. Самый сословный строй, какъ политическое явленіе новаго порядка, подточившій феодальное государство, возникаетъ еще въ XII столѣтіи, но полный расцвѣтъ его относится къ XIV и XV в. Еще въ 1148 году, въ

---

[1]) Въ основу этой статьи положены слѣдующіе труды: *Н. Карѣевъ.* Исторія Западной Европы въ Новое Время, т. I.—*Д. Петрушевскій.* Очерки изъ исторіи Англійскаго государства и общества въ Средніе Вѣка.—*Н. Ардашевъ.* Абсолютная монархія на Западѣ.—*Guizot.* Histoire des origines du Gouvernement représentatif en Europe.—*Н. Карѣевъ.* Помѣстье-государство и сословная монархія Среднихъ Вѣковъ.— *Его же.* Западно-европейская абсолютная монархія.

Португаліи на Ламегскомъ Сеймѣ собираются сословія, причемъ впервые наравнѣ съ дворянами и представителями высшаго духовенства участвуютъ и представители городовъ, такъ называемые прокураторы. Въ томъ же XII вѣкѣ, вслѣдъ за Португаліей, первыми изъ прочихъ европейскихъ государствъ, въ которыхъ представители третьяго сословія участвуютъ въ совѣщаніяхъ свѣтскихъ и духовныхъ феодаловъ, были—Аррагонъ и Кастилія. Во Франціи и въ Англіи сословный строй принимаетъ законченную форму, въ смыслѣ привлеченія на совѣщаніе двухъ высшихъ привилегированныхъ классовъ горожанъ, уже въ XIII столѣтіи. И только въ Германіи городскіе представители проникаютъ въ сословное представительство (Landstände — земскіе чины) не ранѣе конца XIV столѣтія. Такимъ образомъ, о сословной монархіи, какъ о господствующей формѣ государственной организаціи, общей для большинства европейскихъ странъ, можно говорить начиная съ XV столѣтія, тѣмъ болѣе, что съ этого времени вліяніе третьяго сословія рѣшительно усиливается и городскому элементу принадлежитъ уже большая роль въ новомъ направленіи политическихъ судебъ государства. Мы это поймемъ яснѣе, когда познакомимся съ общими чертами сословно-представительной монархіи XIV и XV вв.

Примѣчательной стороной сословно-представительнаго строя является то, что онъ былъ основанъ на договорномъ началѣ. Король вступалъ въ соглашеніе съ рыцарями, баронами, прелатами, со всѣю свѣтскою и духовною знатью, а также и представителями городовъ, которые уже ранѣе добывали себѣ муниципальныя вольности, уступая всѣмъ имъ, объединеннымъ въ представительномъ собраніи, какъ бы частицу своей верховной власти. Договоры эти между королемъ и феодалами бывали устные, — тогда они входили, такъ сказать, въ обычай страны — и писанные,—называвшіеся хартіями вольностей. Самыми типическими писанными договорами, добытыми, цѣной длительной борьбы, какъ это бывало въ большинствѣ случаевъ, когда феодальный строй приходилъ въ упадокъ и король дѣлалъ попытку освободиться отъ извѣстныхъ обязательствъ сюзерена къ вассаламъ, считаются англійская Хартія вольностей, данная Іоанномъ Безземельнымъ въ 1215 г. и Золотая Була, данная венгерскимъ королемъ Андреемъ II въ 1222 году. Договоръ давалъ феодаламъ извѣстныя гарантіи въ томъ, что ихъ право совѣщаться по вопросамъ государственнаго законодательства не можетъ быть нарушено королевской властью, противъ которой, въ случаѣ нарушенія договорныхъ условій, сословія могли поднимать вооруженное возстаніе. Любопытно, что идея этого сословно-представительнаго учрежденія, которое предшествовало развитію въ Новомъ Времени королевскаго абсолютизма, возникла въ условіяхъ феодальнаго порядка. Именно переплетающіеся интересы сюзерена и вассаловъ, ихъ взаимная связь, обусловленная съ обѣихъ сторонъ договорными обязательствами, породили своеобразное политическое міровоззрѣніе средневѣковья, улегшееся въ краткомъ выраженіи: король—только первый между равными (primus inter pares).

Но возникши въ нѣдрахъ феодальнаго общества, сословная монархія не вездѣ стояла на достаточной высотѣ, достаточной въ томъ смыслѣ, что обезпечивала новому политическому явленію — раздѣленіе законодательной власти между королемъ и сословіями—свободное развитіе. Судьбы сословно-представительныхъ учрежденій въ разныхъ государствахъ Европы подвергаются различнымъ испытаніямъ, и сословную монархію въ томъ или иномъ мѣстѣ, даже въ эпоху ея наивысшаго расцвѣта, въ XIV—

XV вв., можно представить себѣ лишь, какъ „большее или меньшее участіе народа въ дѣлахъ страны". И хотя въ развитіи сословной монархіи творческая дѣятельность всецѣло выпадаетъ на долю среднихъ вѣковъ, однако уже на исходѣ средневѣковья этотъ новый видъ государственной власти находится въ упадкѣ во многихъ мѣстахъ и оказывается безсильнымъ въ борьбѣ съ развивающимся абсолютизмомъ, ибо либо недостаточно внѣдрился въ сознаніе феодальнаго общества, либо не успѣлъ освоиться съ чисто мѣстными экономическими и политическими условіями. Если въ Испаніи, гдѣ сословная монархія зародилась прежде, чѣмъ въ другихъ европейскихъ странахъ, сословно-представительныя учрежденія исчезаютъ при Карлѣ V и Филиппѣ II (XVI в.), то во Франціи уже съ конца XIV ст. значеніе ихъ настолько игнорируется королевской властью, Генеральные Штаты созываются такъ рѣдко, что о нихъ можно говорить, какъ о политическомъ учрежденіи, фактически несуществующемъ; и это тѣмъ болѣе справедливо, что уже при Карлѣ VII, въ началѣ XV ст., Штаты теряютъ одно изъ важнѣйшихъ своихъ правъ, т.-е. право вотировать субсидіи. Въ пріостановкѣ созыва, болѣе или менѣе регулярнаго, сословно-представительнаго учрежденія, главная роль котораго заключалась въ одобреніи или неутвержденіи законодательныхъ мѣръ, принимаемыхъ королевской властью, а еще больше—въ вотированіи налоговъ, проявлялись явные признаки абсолютизма, быстро развившагося и наполнившаго всю политическую систему Новаго Времени. Поэтому о сословной монархіи на континентѣ Европы можетъ быть лишь рѣчь, какъ о переходной стадіи государственной власти, и только одна Англія стоитъ какъ бы особнякомъ въ этомъ процессѣ политическаго перерожденія феодальнаго порядка. И на нее, какъ на страну, политическое развитіе которой пошло по особому пути, гдѣ королевскій абсолютизмъ „не ведетъ за собой прекращенія дѣятельности представительныхъ собраній", слѣдуетъ обратить особое вниманіе. Здѣсь сословная монархія, въ отличіе отъ всей Европы, становится, какъ говоритъ Д. Петрушевскій, „своеобразнымъ продуктомъ своеобразнаго политическаго развитія средневѣковой Англіи".

То обстоятельство, что абсолютизмъ, проявившійся во всѣхъ государствахъ Западной Европы съ начала эпохи Новаго Времени, сдѣлавшійся какъ бы явленіемъ общимъ, не нашелъ въ Англіи столь благопріятной почвы для своего расцвѣта, какъ въ другихъ странахъ, указываетъ дѣйствительно на наличность въ ней общей суммы такихъ экономическихъ и общественныхъ условій, которыя исключили англійское государство изъ общаго хода историческаго развитія всей остальной Европы. Уже почти на исходѣ Среднихъ вѣковъ, когда англійскій парламентъ преобразовался въ двухпалатное учрежденіе (средина XIV столѣтія), сословная монархія принимаетъ здѣсь рѣзко отличительный характеръ, почти ничего общаго не имѣющій съ характеромъ французскаго политическаго строя. Изъ феодальнаго порядка выросло политическое значеніе двухъ привилегированныхъ сословій; оно воплотилось въ такъ называемой Верхней Палатѣ. Нижняя Палата или Палата Общинъ есть исключительно продуктъ англо-саксонской культуры и государственности и „всецѣло стоитъ... на антифеодальной почвѣ". Нижняя палата была создана, какъ бы для того, чтобы парализовать вліяніе земельной аристократіи. Въ ней сразу обнаружилось громадное политическое значеніе представителей городовъ и рыцарей графствъ, причемъ все своеобразіе этого „вполнѣ оригинальнаго продукта англійскаго политическаго развитія", заключается именно въ избирательномъ принципѣ, въ противоположность „власти отъ земли" засѣдав-

шихъ въ верхней палатѣ феодаловъ. „Англійская Нижняя Палата,—говоритъ Д. Петрушевскій,—представляла интересы не какого-нибудь одного класса, но интересы всей массы населенія Англіи за исключеніемъ небольшой, сравнительно, группы свѣтскихъ и духовныхъ лордовъ". Выборное начало уничтожаетъ феодальные элементы, но не съ тѣмъ, чтобы противопоставить имъ единоличную власть короля, какъ это было во Франціи, въ результатѣ борьбы горожанъ съ аристократическими сословіями, а, наоборотъ, „чтобы заставить всю націю служить опорой королевскому правительству; поэтому—говоритъ В. Вильсонъ—съ самаго начала вторая палата была представительнымъ корпусомъ". Представители графствъ и городовъ были носителями интересовъ всего мѣстнаго населенія, и въ возобладаніи послѣднихъ надъ интересами только сословными, въ постоянномъ противопоставленіи національной монархіи монархіи сословной заключается политическая эволюція Англіи, ея, если можно такъ выразиться, оригинальный переходъ отъ средневѣковья къ Новому Времени.

Обратимся теперь къ вопросу, имѣвшему всюду въ Европѣ, какъ разъ въ моментъ конструированія сословной монархіи, значеніе рѣшающаго фактора, къ вопросу о политической роли городовъ. Прежде всего мы должны помнить, что въ политическомъ отношеніи феодальный порядокъ покоился на „размѣльчаніи власти", на, такъ сказать, распыленіи государствъ; каждый сеньоръ былъ государемъ, при чемъ государство отождествлялось здѣсь съ вотчиной въ отличіе отъ отождествленія государства съ личностью въ эпоху торжества абсолютистическаго начала („Государство — это я" — таковъ былъ политическій принципъ Людовика XIV). Роль городовъ въ развитіи промышленности, ихъ сила, заключающаяся въ денежномъ богатствѣ, сдѣлали ихъ важнымъ элементомъ для государства, все болѣе и болѣе нуждавшагося въ финансахъ. Взаимные договоры между королевской властью и городами есть тотъ путь, черезъ который городская буржуазія достигла своей значительной политической силы. Города выступали, какъ отдѣльные коллективы, противопоставляя власти феодаловъ свое общинное самоуправленіе — съ одной стороны и свое участіе въ королевскихъ совѣтахъ и сословныхъ учрежденіяхъ, въ лицѣ выборныхъ представителей третьяго чина (tiers état) — съ другой. Образованіе такъ называемыхъ вольныхъ имперскихъ городовъ въ Германіи—есть первый шагъ къ уничтоженію феодализма, потому что политическое самоуправленіе городовъ покоится не на частно-владѣльческомъ принципѣ, а на признаніи за ними единственной роли въ развитіи денежнаго хозяйства, ускорившаго „побѣдоносное шествіе королевской власти". „Ближайшимъ шагомъ къ признанію ихъ независимости и значенія—говоритъ одинъ историкъ государства—было допущеніе ихъ представителей въ имперскій сеймъ,—и это призваніе въ сеймъ не заставило себя долго ждать. Роль большихъ вольныхъ городовъ въ имперскихъ дѣлахъ вскорѣ сдѣлалась одной изъ самыхъ независимыхъ, какія только разыгривались на безпорядочной сценѣ этого смутнаго времени. Любекъ, Гамбургъ и Бременъ до настоящаго времени сохранили нѣкоторыя изъ тѣхъ привилегій, которыми они пользовались въ качествѣ вольныхъ городовъ германской имперіи".

Во Франціи въ періодъ расцвѣта сословной монархіи города играли въ политическомъ отношеніи выдающуюся роль, и здѣсь это, прежде всего, „политическая сила денегъ и денежныхъ людей". Городская буржуазія выступала здѣсь на Генеральныхъ Штатахъ въ роли демократіи, которая,

защищая интересы націи, государства, боролась противъ сословныхъ привилегій свѣтскихъ и духовныхъ феодаловъ. Горожане нерѣдко выступаютъ и противъ попытокъ королевской власти забрать въ свои руки всю область политическаго вліянія, и если это удавалось имъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, то, въ силу очень рѣзкаго внутренняго антагонизма сословій въ Генеральныхъ Штатахъ, они были въ общемъ безсильны противостоять абсолютистическимъ тенденціямъ монарха. Въ Англіи мы видѣли, что съ паденіемъ политическихъ привилегій феодаловъ возвышалось политическое значеніе представителей общинъ, главнымъ образомъ горожанъ, во Франціи-же, такъ называемая дефеодализація королевской власти происходила въ ущербъ политическому росту третьяго сословія. Французскіе короли въ своей борьбѣ съ феодальной аристократіей опирались всегда на городскую буржуазію, этимъ самымъ какъ бы подтверждая политическое значеніе новаго общественнаго элемента, но, съ другой стороны, урѣзывая постоянно права Генеральныхъ Штатовъ, они не давали городамъ возвыситься до положенія господствующаго элемента въ государствѣ. Тутъ раньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, королевская власть освободилась „отъ контроля сословнаго представительства", ибо Генеральные Штаты, гдѣ засѣдала и городская буржуазія, игравшая роль разрушительницы политическихъ привилегій феодаловъ, никогда не обладали функціями законодательнаго учрежденія, какъ это было въ Англіи.

Зато нигдѣ городъ не занималъ такого высокаго положенія въ политическомъ отношеніи, какъ въ Италіи; здѣсь, можно вполнѣ сказать, „городской бытъ разрушилъ политическій феодализмъ". Во второй половинѣ среднихъ вѣковъ италіанскіе города превратились въ самодовлѣющій политическій факторъ, они стали самостоятельными государствами. Если въ это время въ Англіи можно было говорить о политическомъ верховенствѣ парламента, во Франціи—о верховенствѣ монарха, то въ Италіи рѣчь шла о верховенствѣ города, какъ цѣлаго коллектива. Однако, столь характерный для исхода среднихъ вѣковъ, сословно-представительный строй всецѣло нашелъ себѣ мѣсто и въ италіанскомъ государствѣ-городѣ. Политическими правами пользовались здѣсь лишь нѣкоторые элементы, часто они составляли даже меньшинство всего населенія, а во Флоренціи, напримѣръ, только 3% населенія всей территоріи. Равнымъ образомъ, нигдѣ власть денегъ не сказалась въ такой сильной степени, какъ въ италіанскихъ городахъ. Въ то время, какъ въ феодальную эпоху „власть отъ земли" создала классъ могущественныхъ вассаловъ, изъ среды которыхъ самый значительный, ставши сюзереномъ, достигъ въ дальнѣйшей эволюціи средневѣковыхъ соціально-политическихъ отношеній, монаршей власти,—въ италіанскихъ городахъ, въ которыхъ бился главный пульсъ европейской промышленной жизни, сформировалась своего рода денежная аристократія, образовавшая сословную олигархію и выдвинувшая изъ своей среды властителей-князей. Едва-ли можно найти въ исторіи Европы конца среднихъ вѣковъ болѣе яркій примѣръ политической силы денежнаго капитала, чѣмъ установленіе княжеской династіи Медичей, флорентинскихъ банкировъ. Вмѣстѣ съ процвѣтаніемъ городской буржуазіи Италіи, съ окончательнымъ торжествомъ новаго историческаго фактора—капитала — надъ феодализмомъ, здѣсь, подъ внѣшней формой муниципальной республики, какъ-то сразу утвердился родъ абсолютизма. Италіанскій принципатъ—это ни что иное, какъ тотъ-же абсолютизмъ, который нашелъ съ начала эпохи Новаго Времени такую благопріятную почву во Франціи для своего всесторонняго и полнаго развитія; этотъ

ранній абсолютизмъ „нашелъ себѣ здѣсь (въ Италіи) конкретное воплощеніе во множествѣ мелкихъ „князей“.

И такъ, мы видимъ, что сословность есть политическій признакъ переходной эпохи отъ Среднихъ Вѣковъ къ Новому Времени. Она существовала всюду, гдѣ политическій феодализмъ приходилъ въ упадокъ и разлагался, но если причины, ее породившія были вездѣ одинаковы, то не всюду были одинаковы ея послѣдствія. Сословно—представительный *строй* оказался далеко не прочнымъ элементомъ государственности, и если въ Англіи, *преобразовавшись въ* конституціонный, онъ сохранился въ полной неприкосновенности, то во всей остальной Европѣ онъ пришелъ въ упадокъ.

Что привело къ упадку сословную монархію? Мы знаемъ, что какъ на зарожденіе, такъ и на исчезновеніе извѣстнаго политическаго фактора огромное вліяніе оказываютъ чисто мѣстныя условія; въ однихъ случаяхъ они бываютъ благопріятными, въ другихъ—неблагопріятными. Но существовала одна главная и въ то же время общая для всѣхъ европейскихъ государствъ причина, которая къ началу Новаго Времени, т. е. къ эпохѣ уже окончательнаго паденія политическаго феодализма, привела къ замѣнѣ сословно-представительнаго строя королевскимъ абсолютизмомъ. Этой главной причиной была самая сословность. Политическій строй, основанный на сословномъ представительствѣ, не могъ отвѣчать интересамъ всего населенія, всего государства. Сословное представительство—это прежде всего политическая власть меньшинства, которая привела въ Италіи, напримѣръ, къ установленію ранняго абсолютизма. Громадная масса населенія оставалась такимъ образомъ за бортомъ этой новой государственности; мало того, даже городская буржуазія далеко не вездѣ и не всегда была полно представлена въ сословномъ учрежденіи. Поэтому сословная монархія была какъ бы безпочвенна, корни ея не шли дальше первыхъ трехъ слоевъ населенія и совсѣмъ не затрагивали народной толщи. Затѣмъ, другая важнѣйшая причина паденія сословной монархіи заключалась несомнѣнно въ томъ, что сословно-представительныя учрежденія не имѣли характера постояннаго, они не собирались въ опредѣленные сроки, а большей частью созывались королемъ, какъ напримѣръ во Франціи, причемъ съ большими промежутками. Получалось такимъ образомъ то, что сословно-представительныя совѣщанія обслуживали интересы не государства, а монарха, ибо, когда послѣдній находилъ нужнымъ, по своему личному усмотрѣнію, созывать ихъ—тогда и приходилъ въ дѣйствіе сложный механизмъ сословной монархіи. Какъ мы видимъ, въ этомъ уже одномъ фактѣ вырисовывается первенствующее значеніе монархической власти. Къ числу внутреннихъ, изъ нея самой возникшихъ причинъ гибели сословной монархіи, надо отнести и сословный антагонизмъ, особенно сильно проявлявшійся во Франціи. Сословная рознь отсутствовала въ Англіи, потому-что тамъ феодальная аристократія наравнѣ съ городской буржуазіей поставила себѣ цѣлью удержать королевскую власть въ политическихъ предѣлахъ, ей отмежеванныхъ съ момента возникновенія сословной монархіи. Для этого эти сословія не видѣли для себя иного исхода, какъ учрежденіе Парламента, гдѣ „англійская аристократія съ успѣхомъ охраняетъ въ теченіе вѣковъ твердыню своего всемогущества... отъ всевозможныхъ попытокъ Іорковъ, Тюдоровъ и Стюартовъ къ возстановленію въ свою пользу единоличнаго правленія“. Во Франціи-же сословный антагонизмъ идетъ тѣмъ глубже, чѣмъ значительнѣе ростъ городовъ, чѣмъ вліятельнѣе становится въ политическомъ отношеніи городская

буржуазія; здѣсь сословные интересы лежатъ не въ плоскости завоеванія государственной власти—какъ въ Англіи,—а въ плоскости борьбы за господство одного изъ двухъ элементовъ — землевладѣльческаго дворянства или горожанъ. Эта сословная рознь дастъ возможность уже въ XV столѣтіи пустить глубокіе корни королевской власти во Франціи, Германіи, Испаніи, и окончательно расшатываетъ весь фундаментъ сословной монархіи.

Успѣху развитія абсолютизма въ противовѣсъ сословно—представительнымъ учрежденіямъ въ концѣ среднихъ вѣковъ также сильно способствуетъ господство новой политической теоріи, заимствованной изъ римскаго права. Мы видѣли, что ранній абсолютизмъ возникъ въ италіанскихъ городахъ—республикахъ; италіанскій принципатъ и хронологически; и по существу своему есть прототипъ королевскаго абсолютизма эпохи Новаго Времени. Но здѣсь возникновенію принципата предшествовало возрожденіе римскаго права, основанное на ученіи юристовъ болонской школы о неограниченности государственной власти. Это воплощеніе политическаго абсолютизма въ догму римскаго права и римской государственности имѣло большой успѣхъ повсюду въ Италіи, и такъ называемые италіанскіе легисты могутъ по праву считаться первыми носителями идеи абсолютной монархіи не только у себя на родинѣ, но и далеко за ея предѣлами. Еще съ XII вѣка ученіе италіанскихъ легистовъ было занесено во Францію и тамъ, независимо отъ господства еще феодальныхъ отношеній оно начинаетъ пріобрѣтать нѣкоторую популярность. Французскіе легисты выработали новый политическій принципъ, являющійся краеугольнымъ камнемъ абсолютизма Новаго Времени: воля короля имѣетъ силу закона—говорили они (quod principi placuit, legis habet vigorem).

Итакъ, конецъ Среднихъ Вѣковъ въ Западной Европѣ отмѣчается усиленіемъ королевской власти. Въ Испаніи „при Изабеллѣ и Фердинандѣ не только закладываются фактическія основы королевскаго абсолютизма въ Кастиліи, но и дѣлается первая серьезная попытка упрочить его посредствомъ соотвѣтствующей правительственной организаціи" (конецъ XV в.). Во Франціи о торжествѣ абсолютизма можно говорить уже въ XV вѣкѣ; приблизительно около этого времени господство политическихъ идей римскаго права въ Германіи становится безспорнымъ фактомъ. А если мы вспомнимъ, что еще Фридрихъ Барбаросса „приписывалъ себѣ всѣ права, которыми пользовались древніе императоры",—то мы поймемъ, какъ далеко простиралось идейное вліяніе болонской школы легистовъ: благодаря имъ еще въ XII столѣтіи германскіе монархи находили „правовое обоснованіе своихъ абсолютистическихъ вожделѣній". Въ Англіи же, хотя Парламентъ и ограничилъ королевскую власть, тѣмъ не менѣе и тамъ мы находимъ отпечатокъ новой политической конструкціи на континентѣ—абсолютной монархіи—въ возвышеніи власти Тюдоровъ въ концѣ XV вѣка. А въ Италіи, до появленія Цезаря Борджіа, этого „великаго тиранна возрожденія" и Макіавелли—этого величайшаго теоретика политическаго деспотизма, абсолютизмъ конкретно воплотился въ принципатѣ, во власти мелкихъ князей.

То, что на исходѣ Среднихъ Вѣковъ медленно подготовлялось въ области политической, съ наступленіемъ Новаго Времени стало развиваться ускореннымъ темпомъ. Абсолютная монархія, господствовавшая въ Новомъ Времени, есть продуктъ средневѣковья; она зародилась въ нѣдрахъ сословнаго строя, ставшаго противовѣсомъ феодализма. Объ этомъ

необходимо помнить, когда мы приступаемъ къ изученію политической эволюціи Новаго Времени, такъ-какъ между государственностью этой послѣдней эпохи и государственностью средневѣковой существуетъ преемственная связь.

III. Развитіе національнаго самосознанія въ исходѣ среднихъ вѣковъ.

(*По соч. Бергера: «Культурныя задачи реформаціи»*).

Съ исходомъ XIII вѣка, средневѣковая универсальная идея, нашедшая еще разъ въ Данте своего геніальнаго выразителя, начала уступать свое господствующее положеніе все крѣпнувшему и развивавшемуся національному духу: не папская и не императорская власть являлись двумя главными противоположными полюсами, а идеальный универсализмъ и реальный національнизмъ. Недоразумѣнія между папствомъ и императорствомъ вытекали теперь гораздо менѣе изъ взаимныхъ теоретическихъ притязаній ихъ, нежели изъ того факта, что папа выступилъ итальянскимъ владѣтельнымъ княземъ; а что онъ, какъ таковой, могъ соединиться съ нѣмецкими феодалами и внѣ германскими народами противъ императорской идеи указывало именно на то, какъ окрѣпли уже повсюду національныя концентраціи. Въ литературѣ, искусствѣ, наукѣ и ремеслахъ впервые рельефно сказались національныя особенности, и въ эпоху крестовыхъ походовъ ихъ привыкли уже наглядно различать; впослѣдствіи эти особенности стремились проявиться въ сферѣ политической, церковной и экономической.

Французскому королевству удалось въ XIII ст. подчинить себѣ партикуляристическія силы и создать могучую центральную власть, унизившую Бонифація VIII, низведшую авиньонское папство до степени игрушки французской политики и уже простиравшую руку къ германской коронѣ. Фридрихъ II былъ вынужденъ отдавать Франціи и Англіи отчетъ въ своей итальянской политикѣ; обѣ державы сдѣлали свои національныя церкви въ правовомъ и финансовомъ отношеніяхъ вполнѣ независимыми отъ куріи.

Въ Италіи, незнавшей въ эпоху Гогенштауфеновъ никакой національной политики, проявлявшей лишь сильную ненависть къ Германіи, въ Италіи при вступленіи на ея почву императора Люксембургскаго дома, Генриха VII, рѣзко обнаружилось ниціональное чувство, въ особенности во Флоренціи, гдѣ идея національнаго государства зародилась въ томъ видѣ, какъ ее впослѣдствіи провозгласилъ Макіавелли.

Въ Испаніи, гдѣ національное чувство, благодаря борьбѣ съ маврами, получило наибольшіе импульсы, не только сословія добились участія въ законодательствѣ (кортесы), но тамъ рано удалось освободить и мѣстную церковь изъ-подъ власти куріи и подчинить ее исключительно коронѣ. На востокѣ славянство дѣлало все большіе успѣхи: въ Богеміи національные элементы пріобрѣли громадную силу благодаря сліянію ихъ съ религіозно-реформаторскимъ движеніемъ, стремившимся къ національной основанію чешской церкви; эти элементы отшатнулись отъ Германіи, какъ отъ носительницы враждебной культуры и отвоевали самостоятельность Богеміи (Георгій Подибрадъ 1458—71). Мощно поднялась и польско-

литовская монархія. Іоаннъ Великій (Грозный) положилъ основаніе русскому царству. Венгрія, боровшаяся при Іоаннѣ Гуніадѣ съ османами за свою національную независимость, пережила при его сынѣ, Матвѣѣ Корвинѣ, побѣдоносную эпоху политическаго и цивилизаторскаго подъема. На сѣверѣ владычество Даніи угрожало Германіи, и въ 1397 году три скандинавскихъ государствъ соединились Кольмарской уніей въ одну державу.

Среди такого національнаго прогресса въ сосѣднихъ съ Германіей государствахъ, угрожавшаго отчасти и самымъ блестящимъ результатамъ нѣмецкой колонизаціи, стояло нѣмецкое государство со своей неустойчивой организаціей, обуреваемое партикуляристическими тенденціями, сдѣлавшимися все болѣе непримиримыми и оказывавшими стойкое противодѣйствіе всеобщему теченію къ національной консолидаціи. Отъ императорскихъ универсальныхъ притязаній сохранилось развѣ только смутное представленіе, которому эпоха великихъ церковныхъ соборовъ придавала обманчивый отблескъ реальности.

Понятно, по этому, какъ тщетны должны были быть часто повторявшіяся попытки усиленія императорской центральной власти между прочимъ введеніемъ обще-государственнаго налога; а все XV столѣтіе ознаменовалось серьезными попытками заново построить имперскую конституцію на національныхъ основахъ съ точки зрѣнія федеративно-аристократической.

Подъ вліяніемъ богато одаренной личности Максимиліана, котораго въ Германіи привѣтствовали какъ избавителя отъ неудачъ, длившихся болѣе двухъ столѣтій, эти попытки достигли неожиданнаго подъема. Съ паденіемъ Штауфеновъ насталъ конецъ и европейской гегемоніи Германіи: внутренняя связь между имперіей и епископатомъ, на которой эта гегемонія преимущественно зиждилась, была порвана папствомъ; финансовая помощь Италіи изсякла; условія жизненности націи были окончательно подавлены расцвѣтомъ городской культуры; имперія стала пестрымъ смѣшеніемъ монархическихъ и республиканскихъ теорій. Безсильная защитить интересы націи въ все болѣе обострявшейся борьбѣ городскихъ и территоріальныхъ противорѣчій, она сознавала себя лишь представительницей княжеской олигархіи, причемъ все вниманіе свое она обратила на расширеніе своей территоріальной власти, преслѣдуя не національные, а узко-династическіе интересы. Слѣдствіемъ этого были не только неудержимый ростъ сословныхъ образованій, ничѣмъ не сдерживаемыя эгоистическія стремленія и политическая безнравственность, не только паденіе германскаго престижа въ Европѣ, но также и безславное крушеніе всѣхъ результатовъ, достигнутыхъ германской колонизаціей на востокѣ; на западѣ же угрожающе подымалась новая сила—бургундская монархія. Безпомощно смотрѣла раздробленная имперія на угрожающій ростъ своихъ ближайшихъ сосѣдей; бичъ гуситскихъ войнъ, какъ какой то фатумъ, пронесся надъ нею, она же не смогла оказать чехамъ какого-либо противодѣйствія; а долгое, бездѣятельное правленіе неисправимаго флегматика Фридриха III сдѣлало все, чтобы превратить подавленное настроеніе недовѣрія въ какую-то апатію, исключавшую всякую энергію. Жаждали значительныхъ событій, искали стойкихъ характеровъ и полныхъ драматизма жизненныхъ коллизій. Все это настроеніе шло на встрѣчу Максимиліану, вознесло его, облегчило его успѣхъ, легло въ основу его популярности и опредѣлило характеръ его дѣятельности, полной отваги, энергіи, поражавшей своими неожиданными порывами,

хотя и лишенной послѣдовательности. Счастье улыбалось ему. Въ январѣ 1477 года Карлъ Смѣлый, этотъ грозный бургундскій авантюристъ, погибъ въ борьбѣ съ швейцарцами, а Максимиліанъ женитьбой на его дочери, Маріи, пріобрѣлъ твердую почву на западѣ; на востокѣ онъ въ 1490 году, по смерти Матвѣя Корвина, торжественно вступилъ въ Вѣну и здѣсь поднялъ прежнее значеніе Габсбургскаго дома. Наступила пора неожиданнаго счастья. Воспрянувшее патріотическое чувство было слѣдствіемъ всѣхъ этихъ событій: Максимиліанъ снова укрѣпилъ положеніе своего дома, сталъ во главѣ швабскаго союза, этого центра Имперіи, использовалъ бывшія безъ употребленія силы страны и явился многостороннѣйшимъ, образованнѣйшимъ и дѣятельнѣйшимъ властелиномъ, за многія столѣтія; вѣрили, что онъ разрѣшитъ и величайшую задачу внутренней политики со временъ Штауфеновъ: что онъ осуществитъ безнадежно заглохшія конституціонная тенденціи.

Душею этого реформаторскаго движенія съ 1485 года былъ курфюрстъ Бертольдъ Майнцскій. Его программа гласила: сословная конституція, т.-е. открытое представительство націи—императоръ, курфюрсты, князья и города; провозглашеніе вѣчнаго земскаго мира, съ которымъ должна была прекратиться всякая кулачная самопомощь; введеніе всеобщаго государственнаго налога, который, приведенный въ извѣстность послѣ переписи, былъ бы въ состояніи преобразовать по новой системѣ прежній феодально-военный строй; учрежденіе высшаго центральнаго юридическаго органа Рейхскаммергерихта, членовъ котораго должны назначать были сословія; наконецъ, главнымъ образомъ, образованіе сословно-выборнаго комитета, на обязанности котораго лежали бы всѣ важнѣйшія государственныя дѣла, свои же заключенія онъ долженъ былъ подавать на утвержденіе императора и курфюрстовъ, чтобы путемъ такого ограниченія императорской власти имѣть въ виду главнымъ образомъ пользу народа.

Однако серьезныя попытки новой организаціи государственнаго строя утратили со смертью Бертольда не только свою программу, но и разбились о сословные и территоріально-партійные интересы, и раньше всего нашли врага въ самомъ Максимиліанѣ, который, уступая нѣкоторое время противъ воли этой сословной реформѣ, направленной къ ограниченію императорской власти, исключительно преслѣдовалъ интересы своей династіи. Особенно ясно обнаружилось это на Аугсбургскомъ рейхстагѣ (сеймѣ) 1518 года: горячо начатое реформаціонное движеніе не имѣло уже сторонниковъ: національная консолидація, удавшаяся всѣмъ другимъ государствамъ, осталось для Германіи недостигнутой, далекой цѣлью; политическая жизнь *билась* еще въ отдѣльныхъ территоріяхъ, но она не оживляла болѣе національнаго организма. Нѣмецкое національное чувство было еще не подготовлено для положительнаго творчества; оно укрылось изъ политической сферы въ область науки и поэзіи и недалеко уже время, когда оно со страстью проявится и въ области религіозной; столѣтіями въ немъ накапливалась отрицательная сила, все увеличивавшаяся въ интенсивности: ненависть къ Риму. На этой ненависти съ исхода среднихъ вѣковъ крѣпло національное чувство. Вальтеръ фонъ-деръ-Фогельвейде называлъ папу новымъ Іудой, волкомъ среди овецъ, покровителемъ невѣрія, ведущимъ порочный клиръ на „дьявольской веревкѣ“, чтобы отдать все христіанство во власть дьявола; его свѣтское могущество—ядъ, падающій на церковь; онъ врагъ имперіи, онъ разоряетъ Германію и постоянно поселяетъ въ ней гражданскія войны. Такія

страстныя инвективы пробуждали разнообразные отзвуки, но до поры до времени они раздавались лишь въ лагерѣ аристократіи. Съ паденіемъ стараго строя въ XIII вѣкѣ и съ ростомъ новой политической организаціи, неудовольствіе аристократіи противъ римской тиранніи все болѣе и болѣе проникло въ медленно развивающуюся въ политическомъ отношеніи народную массу, сроднилось тамъ съ самыми различными идеями религіознаго и соціально-политическаго переворота, слилось также и съ мистическимъ духомъ визіонерскихъ и астрологическихъ предсказаній, съ древними пророчествами о паденіи Римской имперіи и пришествіи антихриста и тѣмъ самымъ все интенсивнѣе возбуждало массы къ движенію.

Національная идея, не находившая въ государствѣ съ его доктринерскимъ универсализмомъ подходящаго себѣ субстрата, укрылась въ территоріяхъ, выжидая въ тиши момента, чтобы сочетать всѣ разрозненные члены національнаго организма и вдохнуть въ нихъ жизнь. Но этотъ моментъ былъ еще далеко: для чего національная идея еще не достаточно созрѣла; ея значеніе сводилось къ духовной поддержкѣ съ цѣлью способствовать выступленію на историческую арену несравненно большой исторической силы. И сфера дѣятельности этой силы не была ограничена одной нѣмецкой націей, хотя она и пользовалать для своихъ цѣлей національными идеями; она была скорѣе столь-же универсальной, какъ и церковь, противъ которой она возставала; и если въ Германіи она проявилась съ наибольшей силой и глубиной и привела къ открытому разрыву съ церковью, то это произошло не въ интересахъ одной только нѣмецкой націи, хотя она и находила дѣятельную поддержку въ ней, но во имя всего христіанскаго міра, уже подготовленнаго для ея усвоенія; не смотря на то, что онъ не принялъ непосредственнаго участія въ окончательномъ поворотѣ нѣмецкой церкви, онъ все же участвовалъ въ духовныхъ результатахъ великой посреднической работы нѣмецкаго народа.

IV. Состояніе церкви въ исходѣ среднихъ вѣковъ [1]).

(Статья Н. Борецкаго-Бергфельда).

Вся средневѣковая культура носитъ строго церковный характеръ. Въ эту пору феодальнаго раздробленія католическая церковь достигла полнаго господства; она окончательно подчинила своему вліянію личность и государство, и пыталась захватить въ свои руки свѣтскую власть. Католицизмъ, опираясь на авторитетъ священнаго писанія,—догмы котораго, впрочемъ, онъ истолковывалъ не всегда въ духѣ истины,—создалъ цѣлую теорію о правѣ папы, ему одному, какъ намѣстнику Христа, будто бы принадлежащемъ, распоряжаться судьбами государства и вообще всѣми мірскими дѣлами. Эти домогательства католической церкви, встрѣтившія въ концѣ среднихъ вѣковъ сильнѣйшую оппозицію со стороны общества и государства, въ литературѣ и политикѣ, въ свѣтской философіи и въ

[1]) Въ основу этой статьи положены слѣдующіе труды: *Н. Карѣевъ.* „Исторія Западной Европы въ Новое Время“; т. I.—*I. Pflugk-Harttung.* „Weltgeschichte“. Band IV. Geschichte der Neuzeit.—*М. Корелинъ.* „Важнѣйшіе моменты въ исторіи средневѣковаго папства“.

богословіи,—эти домогательства клонились, въ сущности, къ тому, чтобы „превратить Западную Европу въ обширную теократію и сдѣлать изъ римскаго первосвященника верховнаго вождя общества“.

Если присмотрѣться къ внутренней организаціи средневѣковой католической церкви, то мы увидимъ, что она носитъ характеръ вполнѣ обособленнаго государства, ревниво слѣдящаго за тѣмъ, чтобы ея универсальный авторитетъ не былъ поколебленъ государствомъ свѣтскимъ, выроставшимъ на политической и соціальной основѣ разлагающагося феодализма. Помимо своей теоріи о первенствѣ, имѣвшей нѣкоторое время, особенно до XII столѣтія, успѣхъ, католическая церковь была сильна и тѣми сторонами своей дѣятельности, которыя въ средневѣковье опирались на догму тогдашняго каноническаго права. Эти стороны суть—церковный судъ, церковные налоги, получаемые съ міряпъ, и особыя привилегіи, связанныя съ положеніемъ членовъ церковной іерархіи, а также вытекающія отсюда имущественныя права клира; сюда же надо отнести одно изъ самыхъ сильныхъ оружій, какимъ католическая церковь защищала свой авторитетъ и свою неприкосновенность,—это право отлученія заблудшихся сыновъ церкви, т.-е. тѣхъ, кто попытался бы противорѣчить основамъ каноническаго права. Это была, такъ сказать, матеріальная опора церкви, но ея вліяніе сказалось еще и въ иномъ смыслѣ, въ моральномъ и умственномъ. Католическая церковь имѣла свои школы, въ коихъ развитіе личности, ея міросозерцаніе направлялись въ сторону, прямо противоположную всему свѣтскому. Ея философія аскетизма открывала одинъ лишь путь нравственнаго очищенія—служеніе церкви, слѣпое повиновеніе власти духовной, въ лицѣ ея высшаго представителя, папы, отрѣшеніе отъ міра сего, для поступленія въ монашескую братію. Но именно, стремленіе господствовать надъ свѣтскимъ государствомъ привело церковь къ полному противорѣчію съ христіанской моралью. Прежде всего служители католической церкви были въ феодальную эпоху такими-же собственниками большихъ имѣній, какъ и свѣтскіе сеньеры, и подобно имъ держали въ рабствѣ у себя огромное множество людей. Мало того, расширяя все больше и больше свои доходы, они не ограничивались одними только добровольными пожертвованіями вѣрующихъ, но ввели систему принудительныхъ оброковъ въ пользу церкви. Эти корыстолюбивыя стремленія, по мнѣнію обличителей грѣховныхъ сторонъ средневѣковаго католицизма, и привели къ такъ называемой порчѣ церкви. А продажа индульгенцій, широко практиковавшаяся римскимъ престоломъ, покрыла средневѣковое папство пятномъ величайшаго позора, смыть которое ему не удалось, несмотря на всѣ ухищренія католическихъ богослововъ привести всѣ папскія дѣянія въ соотвѣтствіе съ церковной догмой. Во вторую половину средневѣковья, когда всѣ эти выше указанные пороки католической церкви развились до самыхъ крайнихъ предѣловъ, ни для кого уже не было сомнѣнія „во внутреннемъ противорѣчіи аскетическаго идеала съ свѣтской властью папъ, съ мірскою жизнью духовенства и съ черезчуръ матеріальнымъ пониманіемъ религіи“.

Съ XIII столѣтія авторитетъ намѣстника Христа сильно падаетъ, и та прочная связь, которая держалась въ эпоху ранняго феодализма между церковью и обществомъ, постепенно ослабѣваетъ, и начинается эпоха критическаго отношенія къ католической морали и каноническому праву. Въ эту эпоху возрождается чисто свѣтская философія, разрушающая всѣ догмы схоластики и—что весьма важно—выдвигается и въ ду-

ховной, и въ свѣтской средѣ ученіе о раздѣленіи церковной и свѣтской власти, ученіе объ отдѣленіи церкви отъ государства. Развитію этой теоріи о политическомъ верховенствѣ государства и о признаніи папскаго авторитета исключительно въ области церковныхъ вопросовъ содѣйствовали въ значительной степени французскіе легисты. Но она была извѣстна въ богословской философіи еще раньше въ видѣ не совсѣмъ законченнаго, не вполнѣ яснаго ученія о несоотвѣтствіи божескаго съ мірскимъ. Еще въ V вѣкѣ блаженный Августинъ въ своемъ знаменитомъ трактатѣ „De Civitate Dei“ проложилъ пути къ этой идеѣ объ отдѣленіи церкви отъ государства, сдѣлавшейся въ позднѣйшее средневѣковье центромъ общественнаго вниманія. Какъ бы то ни было, споръ о католическихъ догматахъ, о границахъ вліянія папства, привелъ къ весьма важнымъ практическимъ результатамъ. Возвышавшаяся королевская власть, видѣвшая раньше въ папѣ какъ бы своего покровителя и благоговѣйно относившаяся къ церковной морали, начинаетъ подъ вліяніемъ господствовавшаго въ позднее средневѣковье духа критицизма, эмансипироваться отъ римскаго престола. Въ этомъ отношеніи, самый яркій примѣръ являетъ собой знаменитая борьба Филиппа Красиваго съ папой Бонифаціемъ VIII, начавшаяся въ 1287 г. Эта политическая оппозиція противъ церкви, возникшая во Франціи изъ-за того, что король хотѣлъ лишить духовенство одной изъ его многочисленныхъ привилегій, права свободы отъ налоговъ и права взимать съ государства налоги въ пользу церковной казны, мало-по-малу разрослась въ тяжбу огромной принципіальной важности. Созванные Филиппомъ IV Генеральные Штаты въ 1302 одобрили поведеніе короля и высказались въ томъ смыслѣ, что король, помазанникъ Божій на землѣ, не подчиненъ авторитету намѣстника Христа. Надо замѣтить, что въ это время вопросъ объ авторитетѣ папы подвергался горячему обсужденію и въ богословской литературѣ. Церковная порча вызвала въ духовенствѣ движеніе въ пользу реформы католицизма и тогда-же на первый планъ было выдвинуто значеніе вселенскаго собора, авторитетъ котораго былъ поставленъ выше авторитета папы. Уже въ одномъ этомъ явленіи усматривается паденіе католической церкви и ослабленіе папскаго вліянія, споръ-же Бонифація VIII съ Филиппамъ Красивымъ только усугубилъ положеніе вещей и далъ большое моральное удовлетвореніе сторонникамъ церковной реформы и созыва вселенскаго собора. Ударъ, нанесенный французскимъ королемъ папству, съ его теоріей превосходства надъ свѣтской властью, былъ тѣмъ болѣе опасенъ для средневѣковаго католицизма, что онъ повлекъ за собой полное подчиненіе намѣстниковъ Христа авторитету королевской власти. Завершеніемъ этого паденія политическаго значенія католицизма было то, что со времени смерти Бонифація VIII, папы должны были жить уже во Франціи, въ Авиньонѣ, подъ сѣнью власти французскихъ королей.

Но политическая оппозиція противъ церкви, начиная съ XIV столѣтія, дѣлаетъ большіе успѣхи и въ Англіи, гдѣ авторитету папы противопоставляется фактическое народовластіе. Если во Франціи король, вступивъ въ борьбу съ римскимъ престоломъ, тѣмъ самымъ возвысилъ престижъ королевской власти, то въ Англіи противникомъ церковнаго деспотизма выступаетъ Парламентъ, нерѣдко вопреки желаніямъ королевской власти, и идетъ по этому пути такъ далеко, что въ концѣ концовъ приводитъ къ полному разрыву государства съ католической церковью въ началѣ XVI ст. и Генрихъ VIII, опубликовавъ въ 1534 г. „актъ о верховенствѣ“, становится самъ верховнымъ главою церкви. Въ этой борьбѣ

государства съ церковью, общество всюду становится на сторонѣ перваго, ибо культура поздняго средневѣковья уже достаточно была насыщена идеями раціональнаго направленія.

Въ эпоху своего полнаго господства, католическая церковь, видя пробужденіе въ обществѣ съ XII вѣка интереса къ проблемамъ философіи, постепенно возникавшаго при изученіи въ школахъ церковной догматики, пустила въ оборотъ изрѣченіе: „философія есть служанка богословія". Въ этихъ нѣсколькихъ словахъ выражается вся система умственнаго воспитанія средневѣкового общества. Но внѣшнія проявленія дѣятельности церкви, ея полное презрѣніе къ человѣческой личности, ея алчные аппетиты, выжиманіе путемъ поборовъ послѣднихъ соковъ изъ общества, ея продажность и мірская суетность—все это инстиктивно толкало общество на путь противодѣйствія, которое, прежде всего, вылилось въ открытомъ порицаніи папы и всего духовенства. Церковно-оппозиціонное настроеніе проникло въ литературу поздняго средневѣковья, и философія не только не осталась служанкой богословіи, какъ того тщетно желали папы, но даже получила самостоятельное развитіе, подрывавшее во многихъ случаяхъ авторитетъ католическаго богословія. Умственное пробужденіе средневѣковаго общества, широко развившееся какъ разъ со времени перваго серьознаго столкновенія церкви съ государствомъ, въ лицѣ Бонифація VIII и Филиппа Красиваго, дало удивительные плоды въ Италіи, въ той именно странѣ, которая долгое время служила ареной возвышенія папской власти. Такъ называемый ранній гуманизмъ, о которомъ будетъ подробно идти рѣчь въ главѣ объ эпохѣ Возрожденія, является полнымъ торжествомъ человѣческаго разума надъ средневѣковымъ католическимъ міросозерцаніемъ. Итальянскій гуманизмъ—это начало образованности новой эпохи; онъ освободилъ личность отъ порабощенія церкви и онъ-же поддержалъ эманссипаціонныя стремленія государственной власти. Но въ области догматической католическая церковь встрѣтила въ концѣ среднихъ вѣковъ прямо таки неожиданную оппозицію. Образовались религіозныя секты, выступили смѣлые реформаторы, идея вселенскаго собора носилась постоянно въ этой атмосферѣ протестующаго духа. Ортодоксальная католическая церковь окрестила эту религіозную оппозицію именемъ ереси, однако еретическая мысль была провозвѣстницей новой эры и перешла въ эпоху Новыхъ Вѣковъ, какъ торжествующее начало церковнаго раціонализма.

V. Перемѣны въ экономической жизни З. Европы въ исходѣ средневѣковья [1]).

(Статья Н. Борецкаго-Бергфельда).

Экономическимъ основаніемъ феодальнаго порядка служило, какъ извѣстно, натуральное хозяйство. Но начиная уже съ XII вѣка, въ эпоху такъ называемаго поздняго средневѣковья общій хозяйственный строй

[1]) Въ основу статьи положены гл. обр. слѣд. труды: *I. Кулишеръ.* „Исторія экономическаго быта З. Европы".—*I. Pflugk-Harttung.* „Weltgeschichte". Band IV. Geschichte der Neuzeit. — *I. Янсенъ.* „Экономическое, правовое и политическое состояніе германскаго народа наканунѣ реформаціи".

Европы переживаетъ крупный переломъ. Самодовлѣющее въ политическомъ и экономическомъ отношенiи помѣстье уступаетъ мѣсто городу: наступаетъ эра городского хозяйства, залагается фундаментъ промышленнаго и мѣнового хозяйства, образуется классъ трудящихся для рынка элементовъ, производительныя силы страны формируются въ цехи, городъ становится средоточiемъ большой торговой дѣятельности, появляется денежный капиталъ, который начинаетъ служить стимуломъ усиленнаго промышленнаго роста Европы Этотъ процессъ хозяйственнаго переворота вызываетъ въ то же время внутреннее разложенiе такъ называемаго феодальнаго экономическаго быта. Значенiе деревни или вѣрнѣе помѣстья, какъ хозяйственной единицы, быстро падаетъ, крестьянство мало-по-малу раскрѣпощается.

Элементы новаго экономическаго строя—поскольку рѣчь идетъ о разьитiи городского хозяйства въ исходѣ XII вѣка,—т.-е. появленiе денегъ, организацiя труда и класса торговцевъ, расширенiе области торговыхъ путей, превращенiе городовъ въ рынки для обслуживанiя не только прилегающихъ къ нимъ округовъ, но и для международнаго обмѣна,—всѣ эти явленiя поздняго средневѣковья возникли въ тѣсной взаимной связи. И трудно въ этой сложной конъюнктурѣ еще не отжившаго феодальнаго порядка—съ одной стороны, и роста городского хозяйства—съ другой, точно установить, что чѣмъ обусловливалось, какой экономическiй факторъ предшествовалъ другому, породилъ его или послѣдовалъ за нимъ. По однимъ взглядамъ, толчкомъ тутъ явились крестовые походы, которые, по словамъ одного историка, служили какъ-бы образовательной поѣздкой для христiанъ Западной Европы. Мусульманская культура въ эпоху XI—XIII вв. стояла выше европейской; оттуда крестоносцами несомнѣнно было заимствовано много изобрѣтенiй. Кромѣ того, восточная роскошь создала въ массѣ участниковъ крестовыхъ походовъ вкусъ къ новымъ вещамъ, появились новыя потребности—и это обстоятельство повлекло за собой оживленiе въ торговыхъ сношенiяхъ Западной Европы съ восточными рынками; а торговля, какъ извѣстно, больше всего влiяетъ на развитiе промышленности. Существуетъ и другой взглядъ на развитiе городского хозяйства, въ силу котораго самый фактъ зарожденiя городовъ кладетъ начало новой экономической эры. Дѣло въ томъ, что жители городовъ раньше, чѣмъ помѣстное населенiе, стали освобождаться отъ безчисленныхъ путъ феодальныхъ повинностей. Въ силу этого городъ сдѣлался центромъ тяготѣнiя различныхъ общественныхъ элементовъ; сюда устремлялись одинаково, какъ крѣпостные крестьяне, такъ и ремесленники и торговцы, ибо всѣ хотѣли жить въ той области, за той чертой, гдѣ по средневѣковому выраженiю, воздухъ дѣлалъ людей свободными. Бѣгство изъ деревень въ города—явленiе, настолько частое и обычное въ позднее средневѣковье, что сами феодалы начинаютъ относиться къ нему безразлично. Разъ городъ становится такимъ важнымъ центромъ и вмѣщаетъ въ своихъ стѣнахъ такой многочисленный и разнообразный элементъ, то понятно, въ немъ теперь, какъ въ раннее средневѣковье въ помѣстьѣ, начинаетъ оживляться экономическая дѣятельность. Въ эпоху ранняго средневѣковья городъ, какъ и помѣстье,носитъ совершенно сельскiй характеръ, и основа феодальнаго хозяйства—натура—имѣетъ всеобщее распространенiе даже и тогда, когда появляется ремесленный трудъ. Но мало по малу городъ становится рынкомъ, сначала внутреннимъ, для всей прилегающей округи, а потомъ внѣшнимъ, для торговыхъ сношенiй съ болѣе отдаленными областями

страны и наконецъ съ иноземцами. Къ этому времени деньги являются уже важнымъ мѣновымъ фактомъ и вытѣсняютъ натуру не только въ городахъ, но и въ помѣстьяхъ, гдѣ феодалы, подражающіе въ своей роскоши жителямъ Востока, нуждаются въ капиталахъ, а потому сами охотно замѣняютъ всѣ натуральныя повинности крестьянъ денежными платежами. До тѣхъ поръ, пока не было широкой и бойкой торговли съ отдаленными центрами и въ особенности съ Востокомъ, пока притокъ денегъ въ города шелъ медленно—городское хозяйство развивалось очень туго и почти незамѣтно было его вліяніе на разложеніе феодальнаго экономическаго быта, на разложеніе помѣстнаго хозяйства. Но когда крестовые походы открыли широкій просторъ волнѣ мірового торговаго обмѣна, хозяйственное значеніе европейскихъ городовъ пріобрѣло колоссальное значеніе.

И вотъ, согласно другому взгляду, крестовые походы способствовали только усиленію или ускоренію промышленнаго развитія средневѣкового города, но никакъ не его возникновенію.

Но прежде всего обратимъ вниманіе на то, какой переворотъ произошелъ въ позднѣйшее средневѣковье, въ эту эпоху усиленнаго экономическаго роста городовъ, въ помѣстномъ хозяйствѣ. Съ появленіемъ городского рынка и возникновеніемъ денежнаго хозяйства отношенія между помѣщикомъ и его крѣпостными совершенно мѣняются. Помѣщикъ какъ бы самъ выходитъ изъ замкнутаго феодальнаго хозяйства и становится въ зависимость отъ городского рынка. Сбытъ продуктовъ земледѣльческаго труда, превращеніе помѣщичьяго запаса, образовавшагося отъ натуральныхъ повинностей, отбываемыхъ крестьянами, въ звонкую монету въ то время, когда потребность жить съ комфортомъ, одѣваться въ дорогіе шелка, обладать заморскими предметами роскоши стали неотложной заботой двора феодала, это превращеніе является такимъ соблазномъ, передъ которымъ трудно устоять. Помѣщикъ становится на точку зрѣнія предпринимателя, стремящагося извлечь возможно больше выгодъ изъ своего положенія. Онъ вскорѣ убѣждается, что крѣпостной строй мѣшаетъ цѣлесообразному веденію хозяйства и постепенно переходитъ къ пріемамъ свободнаго труда. Первый шагъ къ освобожденію крестьянъ, къ которому феодалъ вынуждается, быть можетъ, вопреки своимъ воззрѣніямъ на существующія въ средневѣковьѣ соціальныя отношенія, но отнюдь не вопреки своимъ экономическимъ интересамъ, приспособляющимся уже къ требованіямъ возростающаго городского рынка—это замѣна барщины и вообще всѣхъ натуральныхъ повинностей денежными взносами. Отнынѣ, т.-е. уже съ конца XII вѣка, имъ устанавливаются опредѣленные платежи въ опредѣленные сроки. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ самомъ феодальномъ помѣстьѣ происходитъ постепенное измѣненіе способовъ веденія сельскаго хозяйства: появляются вольнонаемные сельскіе работники, улучшается сельско-хозяйственная техника, въ предпріятіе вкладывается денежный капиталъ, мѣстами пахотныя поля превращаются въ пастбища, какъ напримѣръ въ Англіи, гдѣ феодалы уже стремятся удовлетворить появившійся на рынкѣ спросъ на шерсть. Характерно, что сами феодалы отпускаютъ крестьянъ на волю, конечно за приличный выкупъ, ибо то же соображеніе личной выгоды указываетъ имъ, что свободный трудъ гораздо продуктивнѣе крѣпостного. А во Франціи, напримѣръ, уже въ XIV вѣкѣ короли подъ вліяніемъ ученія легистовъ объ естественныхъ правахъ человѣка, по которому „каждый долженъ родиться свободнымъ“, отмѣняютъ рабское состояніе крестьянъ (servage).

Процессъ раскрѣпощенія крестьянъ въ Западной Европѣ повсюду вытекалъ изъ однѣхъ и тѣхъ-же причинъ и если во Франціи короли приходили къ его необходимости еще изъ идейныхъ основаній, то это было не болѣе, какъ идеологическая надстройка надъ фактически разлагающейся экономической структурой феодальнаго государства. Въ основу эксплуатаціи помѣстья въ позднее средневѣковье положена уже чисто промышленная цѣль. Выше мы говорили, что требованія рынка заставили англійскихъ феодаловъ отвести значительную часть своихъ полей подъ пастбища, но даже такой земледѣльческій продуктъ, какъ хлѣбъ, тоже становится къ этому времени предметомъ торга. По мѣрѣ того, какъ городъ утрачиваетъ свой первоначальный, сельскій видъ и становится торгово-промышленнымъ центромъ, по мѣрѣ исчезновенія площади его собственной запашки, онъ уже не можетъ жить безъ подвоза изъ окружающихъ деревень продуктовъ первой необходимости. И мы видимъ, что не только феодальное помѣстье становится въ зависимость отъ города, потому-что, вывозя на его рынокъ продукты земледѣльческаго труда, помѣщикъ дѣлатся обладателемъ нужнаго ему денежнаго капитала, но и само городское населеніе, подымающееся вверхъ по лѣстницѣ промышленнаго развитія, тѣсно связано съ деревней, потому что она его кормитъ. Однако, не всегда помѣщикъ вымѣнивалъ въ городѣ свои продукты на деньги; часто хлѣбъ, шерсть и другіе предметы обмѣнивались имъ на необходимые ему продукты городского хозяйства Спросъ городского рынка на продукты сельскаго хозяйства нерѣдко превышалъ предложеніе деревни, не только благодаря развитію городской жизни, но и благодаря вывозу въ другія страны. И поэтому помѣщику приходилось какъ можно больше увеличивать продуктивность своего хозяйства, чтобы имѣть больше продуктовъ для продажи. Всѣ бывшія безъ употребленія пустоши, каждый клочекъ затерявшейся помѣщичьей земли пріобрѣтаютъ теперь для феодала огромную производительную стоимость. Онъ собираетъ ихъ, округляетъ свое имѣніе, сгоняетъ крестьянъ съ насиженныхъ надѣловъ, охотно освобождаетъ ихъ— лишь бы вся земля была обращена въ его личное пользованіе. Раньше, до развитія городского хозяйства, помѣщикъ не былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы самостоятельно вести свое хозяйство; раздробивъ свое помѣстье на мелкіе участки, онъ отдавалъ ихъ въ обработку крестьянамъ, довольствуясь тѣмъ, что его склады и амбары аккуратно наполнялись натурою. Нынѣ феодалъ становится лично заинтересованнымъ въ веденіи крупнаго хозяйства, а на крестьянъ своихъ смотритъ уже не какъ на своихъ „кормильцевъ", а какъ на рабочую силу. Вотъ почему, отпуская крестьянъ на волю, помѣщикъ часто ставилъ имъ одно, чрезвычайно важное для него условіе — это, чтобы они оставались въ предѣлахъ его сеньеріи и не переходили въ другія мѣста. Но, именно, этого-то явленія, при быстромъ разложеніи феодально-экономическаго уклада деревни, устранить было невозможно. Крестьяне массами уходили въ другіе мѣста, туда, гдѣ можно было найти болѣе выгодныя условія труда и повышенный заработокъ. Вѣдь если обезземеленные крестьяне вынуждены были стать вольнонаемными сельскими работниками, то, естественно, что заработная плата стала для нихъ единственной приманкой; ихъ уже ничто не удерживало на старыхъ мѣстахъ, ни родное гдѣздо, ни родственныя связи съ мѣстнымъ населеніемъ, ни обязанности передъ помѣщикомъ. Такъ возникаетъ „рабочій вопросъ" въ деревняхъ въ эпоху феодальнаго разложенія. Для обезпеченія себя достаточнымъ количествомъ

рабочей силы у феодала не было въ эту эпоху тѣхъ мѣръ пресѣченія, которыя онъ могъ примѣнять во время расцвѣта крѣпостного права. Разъ крѣпостная зависимость исчезала крестьянинъ становился лицомъ болѣе или менѣе свободнымъ, то тѣмъ самымъ подрывалась и сеньеріальная юрисдикція.

Раскрѣпощеніе крестьянъ и веденіе помѣстнаго хозяйства на промышленныхъ основаніяхъ встрѣтили въ дальнѣйшемъ большое затрудненіе благодаря одному непредвидѣнному, стоящему, такъ сказать, внѣ зависимости логически развивающихся экономическихъ условій поздняго средневѣковья, обстоятельству. Въ половинѣ XIV столѣтія (1348 г.). Европу посѣтила моровая язва или такъ называемая Черная Смерть, вслѣдствіе чего населеніе, преимущественно въ деревняхъ, сильно сократилось. У помѣщиковъ ощущалась прогрессивная недохватка рабочихъ рукъ, цѣны-же на трудъ стали неимовѣрно расти, достигнувъ въ Англіи къ концу XIV ст. увеличенія на 50 процентовъ. Для феодаловъ, захватившихъ, какъ мы видѣли, въ свое пользованіе огромныя пространства земли, наступилъ періодъ серіознаго экономическаго кризиса. Они уже не могли разсчитывать на ту доходность отъ самостоятельнаго веденія крупнаго помѣстнаго хозяйства, которую они должны были бы имѣть, если-бы съ одной стороны, не было недостатка въ сельскихъ рабочихъ, а съ другой — если бы цѣна на поденную работу не возростала. Такое положеніе вещей подсказало феодаламъ, что необходимо перейти къ прежнимъ экономическимъ условіямъ, когда отбываніе крѣпостныхъ повинностей удерживало крестьянъ въ предѣлахъ сеньеріальной вотчины, когда барщина обезпечивала помѣщику исполненіе необходимыхъ для него работъ. Характерную картину въ этомъ отношеніи представляютъ въ XIV ст. Англія и Германія. Во Франціи же, хотя реставрація феодально-крѣпостныхъ отношеній коснулась и ея, общее положеніе крестьянства было нѣсколько лучше. По однимъ свѣдѣніямъ, въ Нормандіи, напримѣръ, крѣпостное состояніе окончательно исчезаетъ къ XII вѣку, по другимъ, къ концу XIV столѣтія во Франціи уже насчитывается около двухъ третей всего крестьянства, перешедшаго изъ состоянія сервовъ (рабства) въ вилланы, что указываетъ на постоянно существующія благопріятныя для раскрѣпощенія крестьянъ условія.

Такъ какъ попытка наложить на крестьянъ тяжесть крѣпостного права была возобновлена въ Англіи лендлордами послѣ Черной Смерти весьма рѣшительно, то здѣсь она вызвала сильнѣйшій отпоръ со стороны ушедшихъ на волю крестьянъ. Возникшее въ 1381 г. крестьянское возстаніе, руководимое Уотомъ Тайлеромъ, было направлено противъ помѣщиковъ, не желавшихъ болѣе считаться съ совершившимся фактомъ—съ отмѣной барщинной системы и съ личнымъ освобожденіемъ крестьянъ. Если весь процессъ раскрѣпощенія, который имѣлъ въ Европѣ повсемѣстное распространеніе, явился результатомъ доброй воли феодаловъ, переходящихъ отъ натуральнаго къ денежному хозяйству, а не слѣдствіемъ нарушенія юридическихъ нормъ феодальной эпохи, то для крестьянъ эта коренная ломка соціальныхъ отношеній и экономическаго быта ранняго средневѣковья явилась тѣмъ шагомъ впередъ, отмѣна котораго была не мыслима ни при какихъ условіяхъ, даже при условіи полной закономѣрности новыхъ дѣйствій лендлордовъ. Вотъ почему возстаніе Уота Тайлера имѣло такой успѣхъ въ Англіи и вотъ почему въ конечномъ итогѣ, не смотря на всѣ репрессіи, на жестокое подавленіе бунта въ деревнѣ, англійскіе крестьяне все-же добились своего, т.-е.

признанія свободнаго состоянія. Но это движеніе имѣло, съ принципіальной точки зрѣнія, еще болѣе плодотворное для крестьянъ значеніе. Возставшіе требовали, помимо всего, расширенія своихъ правъ, требовали, какъ они говорили, для всѣхъ „одинаковой свободы и одинаковой власти“— и дѣйствительно съ XV вѣка въ Англіи не только значительно сокращается барщина, но уничтожаются также и личныя повинности крестьянъ.

Вообще съ эпохи возстанія Уота Тайлера начинается какъ бы новая эра въ правовомъ и экономическомъ положеніи крестьянъ не только въ Англіи, но и во всей Европѣ. На сцену выступаетъ организованная масса, которая уже не ждетъ уступокъ въ свою пользу ни со стороны помѣщиковъ, ни со стороны государства; она борется сама за улучшеніе своего быта, собственными силами прокладываетъ себѣ путь изъ царства феодальнаго гнета въ царство гражданской свободы. Въ томъ же XIV столѣтіи и еще раньше, чѣмъ возникло въ Англіи возстаніе Уота Тайлера, а именно въ 1358 г. во Франціи разразилось грандіозное движеніе крестьянъ противъ феодальныхъ притѣсненій, извѣстное подъ именемъ жакеріи. Изъ того же источника вытекаетъ въ началѣ XVI столѣтія массовой протестъ въ Германіи, вылившійся въ великую крестьянскую войну. Всѣ эти явленія — одного и того же экономическаго порядка; они вызваны пробужденіемъ личности въ той соціальной средѣ, въ которой, благодаря феодальному строю, благодаря господству власти помѣщика, долго отсутствовали элементы сознательнаго отношенія къ окружающимъ явленіямъ. Первый толчокъ къ освобожденію личности крестьянина, который данъ былъ во вторую половину средневѣковья хозяйственнымъ ростомъ городовъ, и явился началомъ новой исторической эпохи. Оно ознаменовалось, какъ мы видѣли, раскрѣпощеніемъ крестьянъ и нарожденіемъ новой общественной категоріи, надѣленной собственными правами. И хотя соціально-экономическій укладъ феодализма во многихъ своихъ сторонахъ продолжаетъ долго еще держаться въ Европѣ и объ окончательномъ его паденіи мы можемъ говорить только въ XIX вѣкѣ, тѣмъ не менѣе крестьянство переходитъ въ Новое Время уже въ иномъ состояніи, чѣмъ состояніе средневѣковаго крѣпостничества, и если въ экономическомъ отношеніи не замѣчается крупныхъ перемѣнъ въ его судьбѣ, то въ моральномъ измѣненіе было значительно.

Но этимъ еще не исчерпывается перемѣна въ хозяйственномъ быту Западной Европы въ позднее средневѣковье. Замѣчательная сторона экономическаго развитія этой эпохи заключалась еще въ своеобразной организаціи ремесленнаго труда и промышленнаго класса, въ образованіи цеховъ. Люди, занимающіеся однимъ и тѣмъ же ремесломъ объединялись въ корпораціи, преслѣдовавшія свои экономическія и, если здѣсь можно употребить это слово, сословныя цѣли. Часто они даже селились вмѣстѣ, и въ городахъ обыкновенно были цѣлые кварталы или улицы, спеціально заселенные одними только мясниками, одними булочниками, ювелирами и т. д. Въ особый цехъ были сорганизованы также и торговцы.

Каждый цехъ имѣлъ свой уставъ, которому подчинялись всѣ члены корпораціи. Но надо замѣтить, что огромное значеніе эта организація имѣла не только съ экономической стороны; она являлась еще какъ бы обособленной политической и религіозной единицей. Возникнувъ на почвѣ взаимнаго общенія и урегулированія правильнаго сбыта ремесленныхъ производствъ, цехъ мало-по-малу совершенно поглотилъ человѣческую личность, сдѣлалъ ее рабомъ цехового регламента. „Этотъ строй,—гово-

ритъ одинъ историкъ,—можно характеризовать однимъ словомъ: порабощенный ремесленникъ въ свободной корпораціи". Въ экономическомъ отношеніи цехи достигали важныхъ результатовъ: они устанавливали цѣны на ремесленныя произведенія, заботились о правильномъ распредѣленіи труда, контролировали качество покупаемаго для обработки сырья и наконецъ обезпечивали каждому своему члену „приличествующее питаніе". Въ цехѣ была широко развита взаимопомощь и вотъ почему эпоха цеховой организаціи труда считается золотымъ вѣкомъ ремесленниковъ. Цехъ былъ также и религіозной корпораціей; каждый цехъ имѣлъ своего святого патрона, а въ тѣ времена, когда цехи подвергались преслѣдованію властей, они продолжали существовать какъ экономическая группа подъ видомъ только религіозной ассоціаціи. Цехъ имѣлъ свой судъ, свое военное ополченіе и, напримѣръ, защита города въ военное время всецѣло лежала на обязанности цеховъ, имѣвшихъ свое вооруженіе и свои знамена. Цехи добивались особыхъ привилегій, пользовались такими правами, которыхъ не имѣло остальное населеніе города, но они находились въ постоянномъ антагонизмѣ съ городскимъ патриціатомъ, съ которымъ они боролись за уравненіе свое въ гражданскихъ правахъ. Въ высшей степени интересна та роль, какую цехи играли въ самоуправленіи города вообще, добиваясь постояннаго участія въ городской администраціи.

Отрицательная сторона цеховой организаціи ремесла заключалась въ томъ, что она препятствовала развитію крупной промышленности и стремилась утвердить мелкое производство. Затѣмъ, цехъ могъ произвольно повысить цѣну на какое-нибудь производство, не считаясь совершенно съ интересами потребителя, и нерѣдко изъ-за этого происходила между нимъ и городскимъ самоуправленіемъ борьба, причемъ отмѣнялась цеховая такса и замѣнялась другой, выработанной городскими властями. Наконецъ, цехъ обладалъ правомъ принужденія, что также мѣшало свободному развитію промышленности; всякій ремесленникъ долженъ былъ принадлежать къ цеху, въ противномъ случаѣ онъ лишался возможности работать въ своей собственной мастерской и даже удалялся изъ города.

Мы не можемъ входить въ болѣе подробныя объясненія хозяйственнаго быта феодальной эпохи—это задача средневѣковой исторіи, мы же отмѣчаемъ наиболѣе характерныя и общія стороны того историческаго періода, въ разложеніи котораго кроятся зачатки эпохи Новаго Времени. Они заключались, въ области экономической жизни, въ широкомъ распространеніи денежнаго капитала, при помощи котораго и сельское хозяйство, и ремесла вступаютъ въ чисто промышленную фазу; работа производится для обширнаго рынка, количество потребителей растетъ. Вліянію денежнаго фактора надо приписать также и улучшеніе путей сообщенія, этихъ главныхъ артерій, черезъ которыя идетъ, принимающая все болѣе широкіе размѣры, торговля. Этотъ промышленный духъ, который царилъ въ городѣ въ исходѣ среднихъ вѣковъ, подточилъ и цѣховую организацію труда. На сцену появился предприниматель, который сдѣлался какъ бы посредствующимъ звеномъ между производителемъ и потребителемъ. Въ эпоху своего расцвѣта цехи работали непосредственно на рынокъ, они входили въ тѣсное соприкосновеніе съ потребителемъ, теперь же они стали работать для купца, предпринимателя, который одинъ былъ знакомъ съ требованіями рынка, а потому диктовалъ цехамъ свои условія, объявлялъ свои цѣны на предметы, производимые ими. И этого было достаточно, чтобы экономическое значеніе цеховъ начало

падать. Но, кромѣ того, по мѣрѣ роста производительныхъ силъ и увеличенія рынка, предприниматель уже не довольствуется цехами, онъ самъ начинаетъ устраивать большія мастерскія — прототипъ будущей фабрики, — гдѣ работаютъ вольнонаемные рабочіе, въ большинствѣ случаевъ обезземеленные крестьяне. Къ концу среднихъ вѣковъ своеобразныя формы промышленности, вылившіяся въ ремесленные цехи и купеческія гильдіи, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи способствовали дифференцированію городского населенія на классы и сословія. Обособлялись не только члены одной профессіональной группы, но даже внутри послѣдней было нѣсколько ступеней, отдѣлявшихъ мастеровъ отъ подмастерьевъ, работниковъ, занимающихся только отдѣлкой предметовъ, отъ тѣхъ, которые дѣлали работу подготовительную, такъ называемую черную. И это раздѣленіе труда, столь неизбѣжное при расширеніи производства, кладетъ начало классовому дѣленію производительныхъ элементовъ. Впослѣдствіи, съ XVI столѣтія, цехи выродились въ какую-то аристократическую организацію труда, дорожащую, подобно феодальной земельной аристократіи, своими особыми привилегіями, своими традиціями и закрывающую доступъ въ свою среду новымъ людямъ. Противъ цеховъ возстаютъ не только ученики, подмастерья и прочіе, не принадлежащіе къ нимъ рабочіе, видѣвшіе въ ихъ монопольномъ правѣ особый родъ эксплуатаціи низшихъ работниковъ, но и купцы, и предприниматели, которые добиваются разрушенія цеховой монополіи и регламентаціи, приносящихъ вредъ развитію крупной промышленности. Такимъ образомъ, — говоритъ историкъ хозяйственнаго быта Западной Европы,—хотя господствовавшая въ средніе вѣка ремесленная форма производства сама по себѣ, казалось бы, не должна была вызывать распаденія лицъ, участвующихъ въ производствѣ, на двѣ категоріи — мастеровъ-господъ и подмастерьевъ-слугъ, изъ коихъ вторые были подчинены первымъ, но цеховой строй съ его стѣсненіями доступа въ цехъ неминуемо приводилъ къ тому, что чуть ли не одновременно съ образованіемъ цеховъ возникъ и рабочій вопросъ, и цехъ разбился на двѣ группы лицъ съ рѣзко отличнымъ экономическимъ и соціальнымъ положеніемъ... Такое положеніе дѣлъ вело неминуемо къ переходу къ инымъ формамъ производства, разсчитаннымъ на болѣе широкій рынокъ и въ лицѣ подмастерьевъ подготовлялось необходимое для этой формы производства постоянное рабочее населеніе".

Итакъ, мы видимъ, что въ области экономической, разложеніе феодальныхъ отношеній привело прежде всего къ хозяйственному возвышенію города надъ деревней, въ которой въ силу этого происходитъ цѣлый переворотъ, отразившійся благопріятно, въ общемъ, на судьбѣ крѣпостныхъ крестьянъ. Поэтому, періодъ XII—XV вѣковъ считается эпохой городского хозяйства, смѣняющагося въ Новомъ Времени такъ называемымъ государственнымъ или національнымъ хозяйствомъ. Въ средніе вѣка территоріальной единицей промышленнаго развитія былъ городъ, съ начала XVI столѣтія ею становится государство. Въ первомъ случаѣ деревня осталась, такъ сказать, внѣ границъ промышленнаго развитія; городъ, замыкаясь въ хозяйственномъ отношеніи, жилъ за счетъ деревни, онъ препятствовалъ устройству тѣхъ или иныхъ промышленныхъ предпріятій за городской чертой и самъ пользовался сырымъ матеріаломъ, доставляемымъ деревней, и рабочими руками, явившимися также изъ окрестныхъ помѣстій. Государственное же хозяйство эпохи Новаго Времени включаетъ въ свои границы не только городъ, но и деревню; наряду съ расширеніемъ городскихъ торговыхъ и промышленныхъ центровъ,

нарождается новая форма крупной промышленности, домашнее или кустарное производство въ селахъ. Всѣ эти явленія новаго историческаго періода находятся въ связи съ наростаніемъ денежнаго капитала, особенно сказавшемся въ эпоху открытія новыхъ странъ и возникновенія эры колоніальной политики.

VI. Развитіе торговли и промышленности въ З. Европѣ въ исходѣ среднихъ вѣковъ.

(Изъ книги К. А. Дживилегова: «Торговля на Западѣ въ средніе вѣка»).

Въ хозяйственныхъ отношеніяхъ, какъ и во всѣхъ другихъ, замѣна стараго новымъ происходитъ не сразу. Лишь постепенно отпадаютъ пришедшія въ несоотвѣтствіе съ условіями части, лишь постепенно нарождаются и развиваются другія, сдѣлавшіяся необходимыми, благодаря тѣмъ же условіямъ.

Такая медленная замѣна стараго новымъ происходила въ хозяйственныхъ отношеніяхъ Запада въ промежутокъ между серединою XII вѣка и серединою XIV в. Къ началу XV в. въ культурныхъ странахъ Запада остаются лишь немногія воспоминанія о господствовавшемъ въ раннее средневѣковье экономическомъ строѣ. Замѣна эта состоитъ, какъ извѣстно, въ вытѣсненіи системы самодовлѣющаго натуральнаго хозяйства системою денежнаго и мѣнового хозяйства. Мы знаемъ, что признаки обмѣна были и въ предшествующую эпоху, что деньги обращались и тогда; точно также не исчезли слѣды натуральнаго хозяйства и въ XV и даже въ XVIII вѣкахъ. Но характеристика экономической эпохи дается по господствующей системѣ хозяйства, а съ середины XII в. господство въ хозяйственныхъ отношеніяхъ Европы переходитъ къ денежно-мѣновой системѣ.

Трудно съ опредѣленностью установить причины этого колоссальнаго по своему значенію факта. Ихъ можно указывать только въ очень общей формулировкѣ, и мы едва ли ошибемся, если будемъ считать наиболѣе общей причиною всѣхъ явленій, характеризующихъ хозяйственный переворотъ, ростъ народонаселенія. Переходъ къ болѣе интенсивнымъ формамъ земельнаго хозяйства, раскрѣпощеніе крестьянъ, переводъ повинностей съ барщины на твердый, по преимуществу денежный, оброкъ, мобилизація и вздорожаніе земельныхъ участковъ, колонизація, духъ передвиженія, охватившій Европу и нашедшій свой исходъ въ крестовыхъ походахъ, наконецъ, возрожденіе торговли и промышленности,—все это представляется результатомъ одного руководящаго факта, роста населенія Европы. Всѣ перечисленныя перемѣны, въ свою очередь, находятся въ тѣсной связи и другъ друга обусловливаютъ.

На эволюціи торговли переворотъ долженъ былъ сказаться особенно ярко. Благодаря ему явилось то условіе, которое одно можетъ содѣйствовать прочному развитію торговыхъ сношеній: разъединеніе производителя и потребителя. И чѣмъ дальше, тѣмъ разстояніе между тѣмъ и другимъ становилось больше и, слѣдовательно, тѣмъ шире раскидывалась сѣть обмѣна. Возрожденіе торговли получало толчокъ съ двухъ сторонъ. Въ самой Европѣ завязывались сношенія между помѣстьями; внѣ Европы устанавливались болѣе тѣсныя связи съ Востокомъ.

Раньше торговля между помѣстьями почти не существовала, ибо въ ней не было необходимости, но эта необходимость мало-по-малу должна была явиться сама собою. Нужда въ обмѣнѣ могла явиться по многимъ причинамъ. Было очень много помѣстій, гдѣ, благодаря природнымъ условіямъ, выгодно было оставить хлѣбопашество и перейти на другой промыселъ. Такъ, природа Фландріи и Фрисландіи очень благопріятствовала скотоводству, въ частности разведенію овецъ; такъ, въ прирейнскихъ и мозельскихъ помѣстьяхъ очень выгодно было разводить виноградники, въ горахъ сама собою напрашивалась разработка руды, въ приморскихъ помѣстьяхъ — рыболовство, въ помѣстьяхъ, лежащихъ близъ соляныхъ озеръ—солевареніе. Такъ какъ каждый изъ этихъ промысловъ былъ выгоднѣе, чѣмъ хлѣбопашество, особенно если почва была негодна для посѣва хлѣбныхъ злаковъ, то естественно хлѣбопашество забрасывалось, и люди весь свой трудъ направляли на болѣе выгодные промыслы. Но съ переходомъ къ новымъ промысламъ появлялись и новыя задачи. Во-первыхъ, нужно было сбыть добытые продукты, во-вторыхъ, нужно было купить хлѣба. То и другое дѣлало необходимымъ существованіе правильнаго хлѣбнаго рынка. Его появленіе вызывалось потребностью какъ людей, отбившихся отъ хлѣбопашества, такъ и людей, продолжавшихъ имъ заниматься. Одно должно было явиться вмѣстѣ съ другимъ, ибо хлѣбопашцы и нехлѣбопашцы были сторонами въ торговыхъ сдѣлкахъ. Крестьянинъ, которому неразъ приходилось продавать хлѣбъ человѣку, случайно пришедшему къ нему съ шерстью или льномъ, долженъ былъ очень скоро прійти къ тому выводу, что ему выгоднѣе обмѣнять необходимое ему количество льна на хлѣбъ, чѣмъ трудиться надо льномъ дома; и на слѣдующій годъ онъ на мѣстѣ льна сѣялъ тоже хлѣбъ, и собранное зерно хранилъ на случай прибытія людей, желающихъ вымѣнить его на что-нибудь другое. Однако, какъ той, такъ и другой сторонѣ было гораздо удобнѣе не итти на авось, а знать навѣрное, гдѣ что можно сбыть или получить. У крестьянина, заготовившаго запасъ хлѣба, могло въ концѣ концовъ не оказаться ни соли, ни льна, потому что къ нему не доѣхали люди съ этими предметами; а хлѣбъ у него сгнилъ бы въ плохихъ амбарахъ или его съѣли бы крысы. Съ другой стороны, люди, везущіе по помѣстьямъ соль или желѣзо, могли привезти свой товаръ назадъ, не получивъ въ обмѣнъ ни одного мѣшка зерна, потому что ихъ предупредили. Существованіе рынка въ значительной степени устраняло всѣ эти неудобства. Стоило ему просуществовать нѣкоторое время, какъ вся округа, которую онъ обслуживалъ, отлично узнавала, на что тамъ можно было разсчитывать. Рынокъ видоизмѣнялъ свой характеръ, смотря по продуктамъ. Въ началѣ не было или было мало ежедневныхъ рынковъ; они появились нѣсколько позднѣе, когда обмѣнъ совершенно вошелъ въ плоть и кровь общественнаго организма. Первоначально самымъ обычнымъ типомъ рынка былъ еженедѣльный хлѣбный рынокъ. Его устраивали обыкновенно въ центрѣ тянувшихъ къ нему помѣстій; если было укрѣпленіе или стояло какое-нибудь аббатство, то рынокъ возникалъ подъ ихъ стѣнами. При наличности рынка обмѣнъ все больше и больше увеличивался и все больше и больше принималъ характеръ денежнаго обмѣна. Къ деньгамъ крестьяне мало-по-малу привыкли, ибо они должны были копить ихъ на оброкъ. Такъ путемъ естественной эволюціи производительныхъ отношеній явился обмѣнъ, становившійся все болѣе и болѣе характерной чертою хозяйственной системы.

Внутренней эволюціи помогали внѣшнія событія, среди которыхъ

первое мѣсто по своему экономическому значенію занимаютъ крестовые походы. Ихъ значеніе выясняется на нѣсколькихъ фактахъ.

Когда говорятъ о переходѣ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, то обыкновенно совершенно обходится вопросъ, откуда взялись въ Европѣ деньги. Какъ будто денегъ было много и до того, или подразумѣвается само собою, что они откуда-то явились въ огромномъ количествѣ и вполнѣ естественнымъ путемъ. Между тѣмъ дѣло не такъ просто. Вѣдь въ теченіе всего ранняго средневѣковья деньги очень рѣдки; большинство золотой и серебряной наличности осталось еще отъ римскихъ временъ; она постепенно таяла; частью деньги продолжали отливать на востокъ, частью припрятывались въ землю для безопасности и выходили изъ обращенія. Обновить же запасы драгоцѣнныхъ металловъ было нечѣмъ; рудники почти не разрабатывались, а военной добычи было мало. Одинъ только разъ лѣтописцы разсказываютъ о томъ, что въ руки христіанскаго войска попала дѣйствительно богатая добыча—это при взятіи главнаго лагеря аваровъ войскомъ Карла Великаго. Но экономическихъ результатовъ взятія аварскаго лагеря мы прослѣдить не въ состояніи, да ихъ и не видно. Чеканится денегъ въ описываемую эпоху мало, а остается въ обращеніи еще меньше. Между тѣмъ съ конца XI в. они откуда-то появляются. Откуда же? Повидимому, въ буквальномъ смыслѣ слова изъ подъ земли, и мы можемъ даже указать причины, почему вѣками пролежавшее въ землѣ золото пускается теперь въ оборотъ. Паломнику и крестоносцу деньги нужны во что бы то ни стало. Мы знаемъ, насколько обычнымъ явленіемъ было закладывать земли богатому аббату, чтобы получить отъ него золото на необходимые дорожные расходы. Еще естественнѣе было со стороны барона обратиться къ собственнымъ вассаламъ и даровать имъ различныя льготы взамѣнъ единовременнаго денежнаго взноса. На такія цѣли у крестьянъ деньги находились всегда, и сами бароны дивились тому, откуда они взялись. Не одинъ вѣковой кладъ появился такимъ образомъ на свѣтъ Божій, чтобы купить свободу потомкамъ припрятавшаго его человѣка. Эти деньги моментально пускались въ оборотъ. Первымъ дѣломъ объ нихъ узнавалъ еврей-купецъ и появлялся въ замкѣ барона съ великолѣпнымъ вооруженіемъ и породистымъ боевымъ конемъ. То, что не попадало въ руки еврея, шло на другіе расходы, и когда наконецъ рыцарь пускался въ далекій путь, въ его кожанномъ поясѣ сиротливо звенѣли немногіе оставшіеся у него солиды и денаріи. Съ другой стороны и виллану деньги стали нужнѣе съ тѣхъ поръ, какъ барщинная повинность все чаще стала переводиться на денежный по преимуществу оброкъ. Благодаря всему этому, денежная наличность въ Европѣ нѣсколько увеличилась. Потомъ подоспѣла военная добыча (Антіохіи, Іерусалима, Константинополя), стали аккуратно разрабатываться рудники. Однако, несмотря на это, вплоть до открытія Америки деньги все время были очень дороги.

Другимъ послѣдствіемъ крестовыхъ походовъ было установленіе непосредственной и постоянной связи съ Левантомъ. Европейскіе купцы, которые до того были рѣдкими гостями въ портахъ Леванта, теперь заводятъ тамъ постоянныя конторы; левантскіе товары, которые были страшно дороги и которые можно было достать только у еврея, упали въ цѣнѣ и сдѣлались гораздо болѣе обыкновенными на европейскихъ рынкахъ. Въ Европѣ появляется роскошь, явленіе почти незнакомое раннему средневѣковью, и торговля сейчасъ же дѣлается ея послушною служанкой. Европейскій купецъ вытѣсняетъ еврея. Привозимые имъ восточные то

вары также требуютъ рынка; эта тенденція встрѣчается съ тенденціей внутренняго хозяйственнаго развитія. Одни еженедѣльные рынки уже перестаютъ удовлетворять запросамъ: болѣе обычнымъ дѣлается когда-то господствовавшій типъ рынка—ярмарки, гдѣ можно получать всякіе восточные товары.

Хозяйственной эволюціи отвѣчала эволюція соціальная. При тѣхъ широкихъ требованіяхъ, которыя предъявляла человѣку торговая дѣятельность, несвободный торговецъ сталъ явленіемъ ненормальнымъ. Такъ какъ полученіе свободы перестало уже быть чѣмъ-то недосягаемымъ, то вилланъ, привыкшій быть посредникомъ въ обмѣнѣ продуктовъ между отдѣльными частями помѣстья, выкупаетъ свои повинности и получаетъ возможность свободно отдаться привлекающей его торговой дѣятельности. Прежде другихъ переходятъ на свободное положеніе люди указанныхъ выше нехлѣбопашескихъ помѣстій, вслѣдъ за тѣмъ процессъ сословной дифференціаціи начинается и въ чисто-хлѣбопашескихъ помѣстьяхъ. По отношенію къ послѣднимъ всѣ эти отбившіеся отъ земледѣлія элементы сдѣлались потребителями. Они стали нуждаться въ хлѣбѣ, мясѣ, пивѣ, одеждѣ, оружіи и прочемъ, т.-е. во всемъ томъ, что при прежнихъ условіяхъ они имѣли дома и чего теперь лишились. Другими словами, съ каждымъ шагомъ хозяйственной эволюціи необходимость рынка выяснялась все больше и больше, и чѣмъ важнѣе становилась его роль, тѣмъ глубже шла дифференціація единой феодальной семьи. Мало-по-малу образуется цѣлое купеческое сословіе, первое сословіе послѣ духовнаго, объединенное исключительно професcіей. Вслѣдъ за нимъ образуется другое, которое тоже явится носителемъ новыхъ хозяйственныхъ принциповъ—ремесленное. А когда образуются сословія, тогда легко создаются необходимыя для него учрежденія. Но прежде, чѣмъ перейти къ характеристикѣ этихъ учрежденій, необходимо прослѣдить тѣ измѣненія въ торговыхъ сношеніяхъ, которыя были произведены хозяйственнымъ переворотомъ.

Внѣшнія причины въ исторіи всегда дѣйствуютъ быстрѣе, чѣмъ внутреннія. Такъ было и въ исторіи торговли. Тѣ факты, которые исподволь въ самой Европѣ подготовляли переходъ натуральнаго хозяйства въ денежно-мѣновое, лишь медленно и постепенно создавали новыя ступени экономической эволюціи, а открытіе для Европы левантскихъ рынковъ оказало свое вліяніе немедленно. Поэтому, и оживленіе торговли началось съ той страны, которая прежде другихъ воспользовалась выгодами установленія прямыхъ сношеній съ Востокомъ, съ Италіи.

Въ числѣ крестоноснаго ополченія флоты трехъ важнѣйшихъ итальянскихъ республикъ [1]) Генуи, Пизы и Венеціи играли очень большую роль. Эти три итальянскія республики завели свои конторы и факторіи во всѣхъ важнѣйшихъ портахъ Азіи. Постепенно наряду съ ними устроились тамъ и другія колоніи средиземноморскихъ городовъ: Марселя, Нарбонны, Монпелье, Барселоны и итальянскихъ республикъ, которыя мало-по-малу добились независимости и между которыми все болѣе и болѣе видное мѣсто стала занимать Флоренція.

Главное значеніе этихъ фактовъ заключается въ томъ, что теперь Европа перестала нуждаться въ посредничествѣ Византіи; европейскіе купцы могли закупать восточные товары въ сирійскихъ портахъ, куда караваны изъ Багдада и Дамаска подвозили ихъ въ какомъ угодно ко-

[1]) Онѣ незадолго передъ этимъ добились полной самостоятельности отъ своихъ властителей.

личествѣ. Здѣсь они были гораздо дешевле, чѣмъ въ Константинополѣ и Херсонесѣ; итальянцамъ не приходилось уже болѣе дѣлиться своими прибылями съ греческимъ купцомъ. Они мало-по-малу сдѣлались смѣлѣе, стали сами предпринимать путешествія въ глубь Азіи, чтобы на мѣстѣ получать дорогіе товары. Такія путешествія съ избыткомъ окупали рискъ, сопряженный съ ними.

Благосостояніе купцовъ, которые захватили въ свои руки торговое посредничество между востокомъ и западомъ, стало быстро возрастать. Они стали опытнѣе, предпріимчивѣе, смѣлѣе. Теперь итальянцы не боялись конкурировать съ греческими купцами даже въ самой Византіи. Пользуясь тѣми льготами, которыя даровали имъ первые три Комнина, особенно Мануилъ, и преимуществами своей монеты передъ низкопробной греческой, они стали отнимать у византійцевъ рынокъ за рынкомъ. Мѣстнымъ купцамъ было не подъ силу тягаться съ молодой энергіей итальянцевъ.

Время съ конца XIII по конецъ XIV в. является эпохой наибольшаго расцвѣта левантской торговли. Количество городовъ, принимающихъ участіе въ ней, росло съ каждымъ десятилѣтіемъ; товары, привозимые съ востока въ Европу, дѣлались разнообразнѣе и многочисленнѣе. Обмѣнъ съ Азіей оказывалъ могущественное вліяніе на торговлю въ самой Европѣ, гдѣ мало-по-малу успѣли обнаружиться и результаты внутренней экономической эволюціи; то и другое вмѣстѣ совершенно преобразовало народнохозяйственную физіономію Запада.

Первымъ послѣдствіемъ оживленія левантской торговли было увеличеніе оборотовъ итальянской транзитной торговли. Итальянскія городскія республики вывозили теперь изъ левантскихъ портовъ и переправляли въ другія европейскія страны въ нѣсколько разъ больше товаровъ, чѣмъ раньше, когда они принуждены были пользоваться посредничествомъ Византіи.

Отъ Италіи теперь расходились во всѣ концы Европы торговые пути. Одинъ шелъ моремъ черезъ Гибралтарскій проливъ мимо Франціи и Англіи во Фландрію, другой—отъ Ліонскаго залива по Ронѣ и Сонѣ въ глубь Франціи и по Мозелю и Рейну въ Нѣмецкое море, третій—черезъ Альпы. Дорогія матеріи, преимущественно шелковыя, издѣлія изъ драгоцѣнныхъ металловъ, оружіе, стеклянные фабрикаты, куренія, благоуханія, пряности, цѣлительныя средства, фрукты, вино, лошади,—все это привозилось съ востока все въ большемъ и большемъ количествѣ, и спросъ на эти товары въ Европѣ возрасталъ съ каждымъ годомъ.

Другое послѣдствіе близкаго знакомства съ востокомъ заключалось въ томъ, что Италія, а вслѣдъ за нею и другія страны Европы переняли у восточныхъ народовъ секреты ихъ производства, и въ Европѣ стала все больше и больше развиваться мѣстная промышленность, получившая могучій толчокъ со стороны. Развитіе промышленности всегда предполагаетъ дифференціацію производства по странамъ и областямъ. Различныя условія приводятъ къ тому, что одна какая-нибудь отрасль производства процвѣтаетъ въ одномъ мѣстѣ, другая въ другомъ. Такая дифференціація вызываетъ необходимость обмѣна, который растетъ по мѣрѣ ея усложненія. Поэтому, для того, чтобы какъ слѣдуетъ понять характеръ торговыхъ сношеній въ XII—XIII вѣкахъ, необходимо хоть вкратцѣ ознакомиться съ состояніемъ промышленности въ Европѣ въ эту эпоху.

Текстильная промышленность стояла теперь, какъ и раньше, на первомъ планѣ и развивалась съ необыкновенной быстротою. По мѣрѣ

того, какъ разлагалось натуральное хозяйство, становилось все болѣе и болѣе невыгоднымъ приготовлять одежду дома; явился спросъ на простыя матеріи и этому спросу удовлетворяла на первыхъ порахъ мѣстная текстильная промышленность. Теперь всякій покупалъ по крайней мѣрѣ часть своей одежды, и на рынкѣ появились наряду съ высокими сортами матерій, разсчитанными на удовлетвореніе спроса со стороны богачей, и грубые, простые сорта, потребителями которыхъ были крестьяне. Притомъ торговля матеріями не могла ограничиться однимъ какимъ-нибудь округомъ, ибо почти никогда не бывало такъ, чтобы одна какая-нибудь мѣстность умѣла приготовлять одинаково хорошо всякіе сорта. Необходимость широкаго обмѣна вытекала отсюда сама собою.

Въ потребленіи полотна и полотняныхъ издѣлій произошли къ этому времени нѣкоторыя перемѣны. Въ верхней одеждѣ шерстяныя матеріи постепенно вытѣснили полотняныя. Знаменитыя красныя шаровары, которыя были неразлучнымъ спутникомъ франка еще въ эпоху Карла Великаго, исчезли. Даже въ бѣльѣ шерсть конкурировала съ полотномъ. За то полотно нашло себѣ новое примѣненіе. Среди высшихъ классовъ сталъ распространяться обычай употребленія постельнаго и столоваго бѣлья.

По самому своему существу приготовленіе полотна болѣе соотвѣтствовало строю домашняго хозяйства, чѣмъ приготовленіе шерсти. Поэтому, льняной промыселъ былъ однимъ изъ самыхъ любимыхъ промысловъ въ селѣ.

Такимъ образомъ, полотно было продуктомъ, довольно легко добываемымъ гдѣ-угодно, и по одному этому оно не могло служить объектомъ оживленной торговли. Совсѣмъ въ другомъ положеніи была шерстяная промышленность. Техника обработки шерсти очень сложна, требуетъ силы (валяніе) и искусства. Поэтому, шерсть никогда почти не была продуктомъ кустарнаго промысла и въ болѣе раннее время не потреблялась въ крестьянскихъ хозяйствахъ. Только со времени разложенія натурально-хозяйственнаго строя крестьянъ открылась возможность получать шерстяныя матеріи на рынкѣ. Это одно дѣлало шерсть товаромъ, очень подходящимъ для обмѣна; но была и другая причина. Техника приготовленія шерстяныхъ матерій была очень неодинакова въ разныхъ мѣстахъ, и различіе въ техническихъ пріемахъ сильно вліяло на различіе качества матеріи. Валяніе шерсти производилось или простымъ способомъ (ногами), или механическимъ (валяльныя мельницы были изобрѣтены очень рано). Во Фландріи и Парижѣ послѣ долгаго опыта съ мельницами было признано, что простой способъ даетъ сукно лучшаго качества; въ мастерскихъ Сенъ-Галленскаго монастыря принуждены были отказаться отъ механическаго валянія при приготовленіи хорошихъ сортовъ сукна. Способъ окраски тоже оказывалъ воздѣйствіе на обмѣнъ. Не всюду удавались всѣ цвѣта; здѣсь умѣли отлично красить въ красное, но портили всѣ остальные, тамъ удавались только сѣрые. Естественно, то, что не выходило, послѣ долгихъ опытовъ, мало-по-малу забрасывалось, и такимъ образомъ для полученія опредѣленной матеріи нужно было непремѣнно обращаться въ опредѣленное мѣсто. Такія же различія создавались разнообразіемъ въ пріемахъ тканья, стрижки и проч. Словомъ, хотя производство шерсти и было распространено всюду, но товаръ принадлежалъ къ числу самыхъ выгодныхъ для торговли, ибо каждая страна вырабатывала сукно особаго сорта, а нѣкоторые изъ особенно цѣнныхъ сортовъ можно было достать только въ опредѣленной странѣ.

Лучшая по качеству шерсть добывалась теперь, какъ и прежде, въ Англіи, и обѣ классическихъ страны шерстяной промышленности пользовались одна почти исключительно, другая въ очень большихъ размѣрахъ англійской шерстью. Рѣчь идетъ о Фландріи и Италіи.

Расцвѣтъ фламандской суконной промышленности относится къ XII в. Въ XIII в. одинъ Иперпъ производилъ въ годъ отъ 30.000 до 80.000 кусковъ сукна. Англійской шерсти не хватало, приходилось вывозить изъ Навары и Испаніи. Организація производства здѣсь, какъ и въ Италіи, а позднѣе и повсюду, была поставлена на капиталистическую ногу. Обычное цеховое устройство, которое было приспособлено къ городскому рынку, совершенно не годилось, когда производство расширялось и имѣло въ виду міровой рынокъ. Какой-нибудь булочникъ или кузнецъ—въ одно и то же время и купецъ, и ремесленникъ. Онъ прямо продаетъ свое издѣліе покупателю. Наоборотъ, ткачи, валяльщики, стригали и красильщики суконныхъ матерій только въ томъ случаѣ могли удовлетворять спросу, если надъ ними стоялъ человѣкъ, который былъ хорошо знакомъ съ состояніемъ рынка и могъ успѣшно направлять ихъ работу. Такимъ образомъ, разбогатѣвшій купецъ становился во главѣ предпріятія, а ремесленники дѣлались зависимыми отъ него. Онъ закупалъ оптомъ шерсть, раздавалъ работу, принималъ готовый товаръ и направлялъ его туда, куда нужно. Въ Брюгге, Гентѣ и Ипернѣ такая организація сдѣлалась обычной. За ремесленниками былъ учрежденъ строгій надзоръ, имѣющій цѣлью охранять репутацію производства. И, благодаря всему этому, Фландрія долго сохраняла за собою свои рынки.

Въ самой Италіи искусство выдѣлки суконъ осталось еще въ качествѣ наслѣдія отъ римскихъ временъ, но въ ранній періодъ оно не имѣло большого экономическаго значенія, ибо итальянская шерсть—очень низкаго качества. Когда левантская торговля стала доставлять въ изобиліи дорогія краски, то вопросъ о развитіи суконной промышленности возникъ самъ собою; но такъ какъ не было никакого разсчета красить такими красками плохія сукна изъ итальянской шерсти, то шерсть стали привозить изъ Габро (въ нынѣшней Португаліи), Испаніи и Туниса. Качество этой шерсти было превосходно, и она уступала только англійской. Съ начала XIII в. появилась въ Италіи и англійская шерсть, что вызвало оживленный обмѣнъ между Италіей, Англіей и Фландріей [1]).

Самымъ раннимъ изъ крупныхъ центровъ шерстяной промышленности былъ Миланъ. Начало выработки тамъ суконъ въ большихъ размѣрахъ должно быть отнесено къ концу XII в. Послѣ оружія и боевыхъ коней сукна были главнымъ предметомъ миланской торговли. Миланскія сукна продавались не только въ самой Италіи и за Альпами, но въ большомъ количествѣ шли на Востокъ, вплоть до отдаленныхъ, находившихся въ самомъ сердцѣ Азіи, татарскихъ кочевій. Изъ другихъ городовъ сѣверной Италіи наиболѣе цвѣтущую шерстяную промышленность имѣли Монца, Мантуя и Пьяченца. Всѣ эти города, однако, были оставлены далеко позади расцвѣтомъ шерстяной промышленности во Флоренціи.

Здѣсь текстильное производство приняло уже въ XIII в. типичную форму домашней промышленности, въ которой ремесленники находятся въ полной зависимости отъ купца-капиталиста. Организованное такимъ образомъ производство достигло очень большихъ размѣровъ и работало, конечно, главнымъ образомъ на вывозъ. Современный историкъ разска-

---

[1]) Въ послѣдней находились склады англійской шерсти.

зываетъ, что въ 1308 г. въ одномъ Lana было почти 300 суконодѣлательныхъ предпріятій, и ежегодно во Флоренціи производилось до 10.000 штукъ сукна. Но въ это время городъ еще не пользовался тонкой англійской шерстью. Черезъ 30 лѣтъ, когда ее стали привозить, количество мастерскихъ упало до 200, но цѣнность всего производимаго сукна значительно возрасла.

Шерстяная промышленность уже и въ эту эпоху занимала доминирующее положеніе на европейскомъ континентѣ. Это легко объясняется тѣмъ, что она существовала изстари, и теперь, когда явились благопріятныя условія, быстро достигла цвѣтущаго состоянія. Двѣ другихъ отрасли текстильнаго производства, шелковое и хлопчатобумажное, наоборотъ, были новы въ Европѣ и явились результатомъ сношеній съ Востокомъ. Условія ихъ появленія въ Европѣ сказались прежде всего въ томъ, что какъ та, такъ и другая привились наиболѣе прочно и пріобрѣли самостоятельное значеніе прежде всего въ той странѣ, которая была во всѣхъ отношеніяхъ ближе къ востоку, въ Италіи. Европа потребляла шелковыя ткани въ довольно большомъ количествѣ. Они шли какъ на одежду, такъ, главнымъ образомъ, и на церковное облаченіе. Но шелковыя ткани были дороги, ибо ихъ приходилось покупать у византійскихъ и мусульманскихъ купцовъ. Главная и лучшая часть шелковыхъ матерій продолжала привозиться изъ Китая, но были, какъ мы знаемъ, фабрики и въ Византійской имперіи. Въ Европѣ первыя мастерскія, приготовляющія шелковыя матеріи, появились не раньше середины XII в.; на этотъ разъ первенство принадлежитъ югу, гдѣ были живы какъ культурныя, такъ и хозяйственныя традиціи мусульманской эпохи. Норманнскіе короли призвали въ Палермо въ 1148 г. греческихъ мастеровъ, и въ Сициліи выросла очень значительная промышленность. Въ обѣихъ главныхъ торговыхъ республикахъ, въ Венеціи и Генуѣ, шелковое производство явилось позднѣе, около середины XIII в.; но оно рано существовало въ ихъ восточныхъ колоніяхъ. Оба города предупредила Тоскана. Во Флоренціи повидимому уже въ концѣ XII в. существовало шелковое производство, но оно влачило тамъ довольно жалкое существованіе, пока Лукка не передала Флоренціи сдѣланныхъ ея мастерами техническихъ изобрѣтеній.

Если Флоренція была центральнымъ пунктомъ шерстяного производства, то Лукка по справедливости считалась царицею въ сферѣ шелковаго дѣла. Ея мастера значительно усовершенствовали технику производства, особенно парчи и тонкихъ сортовъ матерій; въ Луккѣ была изобрѣтена великолѣпная окраска ткани въ сѣрый, красный, фіолетовый и синій цвѣта; тутъ же нашли секретъ украшенія шелковыхъ матерій тончайшими нитями чистаго золота и различными прямо сотканными вмѣстѣ съ матеріей фигурами (леопарды, грифы, птицы, цвѣты и гербы). Луккскія шелковыя матеріи съ XIII в. очень успѣшно конкурировали съ византійскими и восточными. Шелковое дѣло въ Луккѣ, какъ и шерстяное въ крупныхъ центрахъ, было организовано капиталистически. Купецъ-предприниматель раздавалъ работу на домъ ткачамъ и принималъ отъ нихъ уже готовый фабрикатъ. Какъ зѣницу ока хранили граждане города секретъ своего ремесла, но уже въ XIII вѣкѣ одинъ изъ самыхъ главныхъ—устройство шелкопрядильной машины, сдѣлался извѣстенъ въ Болоньѣ, а въ самомъ началѣ XIV в., когда Лукка потеряла свою независимость, ея секреты сдѣлались достояніемъ Италіи; Венеція, Флоренція, Генуя, ломбардскіе города немедленно воспользовались появленіемъ бѣг-

лецовъ изъ Лукки, чтобы основать у себя шелковыя фабрики. Но настоящій расцвѣтъ шелковой промышленности въ этихъ городахъ относится къ болѣе поздней эпохѣ.

Изъ другихъ городовъ Европы хорошо поставленное шелковое производство имѣлъ Парижъ, гдѣ уже въ XIII вѣкѣ было шесть корпорацій, занятыхъ покупкой и обработкой шелка, Цюрихъ и Констанцъ.

Что касается хлопка, то хотя хлопчатникъ и росъ въ южной Европѣ, но лучшіе промысловые сорта его шли съ Востока. Италія и на этомъ поприщѣ опередила другія страны. Тамъ уже въ концѣ XII в. въ Венеціи, Миланѣ, Пьяченцѣ и нѣкоторыхъ другихъ ломбардскихъ городахъ существовало хлопчатобумажное производство. Въ другихъ странахъ: въ Испаніи, Фландріи, Германіи оно появилось позже; но въ Германіи оно пріобрѣло совершенно самостоятельное значеніе. Въ Констанцѣ, Базелѣ, Ульмѣ, Аугсбургѣ хлопокъ потреблялся въ большомъ количествѣ на выдѣлку бумазеи, которая быстро завоевала себѣ популярность на европейскихъ ярмаркахъ.

Продукты текстильной промышленности занимали первое мѣсто среди предметовъ европейскаго обмѣна. Но наряду съ ними появляются и другіе товары, которые занимали на ярмаркахъ и въ телѣгахъ разъѣзжающихъ купцовъ очень замѣтное мѣсто.

Расцвѣтъ текстильной промышленности потребовалъ тщательнаго подбора красящихъ веществъ, ибо только при томъ условіи, что европейскія краски не будутъ уступать восточнымъ, возможна была сколько-нибудь серьезная конкуренція съ Левантомъ. Поэтому красящія вещества играли въ торговлѣ весьма существенную роль. Для красной краски употреблялся кермессъ, или дубовый червецъ (coccus ilicis), червячекъ, вродѣ вывезенной впослѣдствіи изъ Америки кошенили, но уступающій послѣдней въ содержаніи красящаго вещества. Онъ появляется въ Европѣ не позже конца XII в., и его культура легко прививается въ Испаніи и южной Франціи, а позднѣе проникаетъ и дальше на сѣверъ. Для окраски въ желтый цвѣтъ шелъ шафранъ, вещество, почти универсальнаго употребленія: его можно было встрѣтить, начиная съ XII вѣка, и въ мастерской художника, и въ красильнѣ ремесленника, и въ лавочкѣ дрогиста, и въ кухнѣ богатыхъ людей. Его культура принялась также сначала въ Испаніи и Италіи, а потомъ и въ южной Германіи. Индиго извѣстно съ древнихъ временъ; въ торговыхъ документахъ оно появляется въ Италіи въ серединѣ XII в., въ южной Франціи въ серединѣ XIII, нѣсколько позже въ Англіи. Въ Германію и сѣверную Францію оно проникло гораздо позже, ибо тамъ предпочитали пользоваться для окраски въ синій цвѣтъ вайдою (франц. пастель, у насъ синило, синиль; Isatis tinctoria). Для зеленаго цвѣта употреблялась смѣсь, въ которую входилъ опперментъ. Для приданія блеска тканямъ въ краску примѣшивали квасцы. Начиная съ XIV в. въ Европѣ появляются и другія краски: красное, желтое и бѣлое сандальное дерево, мѣдянка и проч.

Не могло не увеличиться также потребленіе разныхъ москательныхъ товаровъ, съ употребленіемъ которыхъ познакомились крестоносцы на востокѣ и привезли съ собою въ Европу. Для кухни шли пряности, въ медицинскомъ дѣлѣ—всякія лѣкарственныя вещества, въ домашней жизни—благовонія, въ церквахъ—куренія. Мало-по-малу появляются въ Европѣ аптекари и москательные торговцы, пріобрѣтающіе постепенно весьма выдающееся мѣсто въ городскомъ быту [1]). Въ качествѣ пряностей

[1]) Во Флоренціи цехъ аптекарей принадлежалъ къ числу семи старшихъ.

шли перецъ, калганъ, гвоздика, корица, инбирь, мускатные орѣхи, шафранъ, кардамонъ; въ качествѣ лѣкарствъ между другими: манна, трагантъ, алоэ, лакрица (сладкое дерево), нубеба; въ богослуженіи употреблялось много ладона и воска; послѣдній шелъ изъ Россіи, Польши, Богеміи, Венгріи, Испаніи и съ африканскихъ береговъ.

Добываніе металловъ стояло до XIV вѣка еще не на очень высокой ступени. Серебро добывалось въ Шварцвальдѣ, на Юрѣ, въ Эльзасѣ, въ Тиролѣ, въ нынѣшней Швейцаріи, въ сѣверной Италіи; желѣзо—въ южной Германіи, Швейцаріи и сѣверной Италіи; мѣдь—преимущественно въ Швеціи, Англіи, подъ Динаномъ и Гюи во Фландріи и около Гослара въ Германіи; олово—въ Англіи (въ Испаніи его добываніе пало), а съ XII в. въ Богеміи, гдѣ оно оказалось лучше и чище англійскаго, отчасти также во Фландріи.

Оружейное производство процвѣтало, главнымъ образомъ, въ сѣверной Италіи. Миланскія оружейныя мастерскія славились на всю Европу. Миланскіе мастера научились не только копировать лучшіе образцы восточнаго оружія, но и сами сдѣлали цѣлый рядъ открытій, упрочившихъ за ихъ произведеніями кромѣ европейскихъ еще и азіатскіе рынки: татары и сарацины давали большія деньги за миланское вооруженіе. Изъ мѣстныхъ изобрѣтеній едва ли не самыми славными были знаменитые панцыри, считавшіеся почти непроницаемыми. Послѣ Милана славились своимъ оружіемъ Павія и Венеція въ Италіи, Золингенъ, Нассау, Регенсбургъ, Страсбургъ и Майнцъ въ Германіи, Динанъ и Гюи во Фландріи, Толедо въ Испаніи.

Еще одна отрасль промышленности достигла блестящаго расцвѣта въ XIII в. — стекольное производство въ Венеціи. Это искусство было перенесено въ городъ съ востока въ XII в., но въ XIII оно уже славилось на всю Европу, потому что эмигрировавшіе изъ Константинополя греческіе рабочіе научили венеціанцевъ всѣмъ своимъ секретамъ. Стекольное производство обнимало собою и мозаику. Въ это время Венеція производила и сбывала въ огромномъ количествѣ кубки, графины для напитковъ, флаконы для духовъ, стаканы филигранной работы, знаменитыя венеціанскія зеркала, стеклянные цвѣты, коробки, бусы, оконныя стекла. Лучшій товаръ продавался въ Европѣ, сорта похуже сбывались въ Африку и Азію. Венеціанскія издѣлія доходили до Китая, гдѣ мандарины носили стеклянныя венеціанскія пуговицы, и до Татаріи, появлялись въ Индійскихъ островахъ и Ѳіопіи, гдѣ предки теперешнихъ негровъ были такъ же падки до стеклянныхъ цвѣтныхъ бусъ, какъ и наши черные современники.

VII. Аграрныя отношенія въ исходѣ среднихъ вѣковъ.

(По «Лекціямъ по исторіи экономическаго быта Западной Европы» І. М. Кулишера).

1) *Измѣненія въ распредѣленіи земельной собственности и организаціи помѣстья.*

Аграрное развитіе позднѣйшаго средневѣковья (XII—XV ст.) характеризуется прежде всего измѣненіемъ въ распредѣленіи землевладѣнія между королевской властью, церковью и свѣтской аристократіей. Уже

начиная съ X, въ особенности же съ XI—XII ст., въ Германіи императорскіе домены сокращаются, такъ какъ императоры раздаютъ ихъ церквамъ и монастырямъ или за службу своимъ сподвижникамъ и сторонникамъ.

Начиная же съ XIII вѣка въ Германіи, какъ выморочныя имущества, такъ и другія пріобрѣтавшіяся императорами земли поступали въ пользу отдѣльныхъ территоріальныхъ государей, а не имперской казны; такъ, напр., завоеванія на востокѣ стали собственностью Тевтонскаго ордена, который образовалъ особое государство. И другія права имперской власти, какъ-то: регаліи горная, рыночная, монетная, таможенная, лѣсная, въ особенности же судебная, перешли въ руки отдѣльныхъ территоріальныхъ государей (какъ и право конвоя, право на найденныя вещи, береговое право, и т. д.); такимъ образомъ умаленіе значенія императора какъ землевладѣльца шло рука объ руку съ общимъ упадкомъ его власти,—и въ томъ и въ другомъ случаяхъ онъ уступалъ свое мѣсто территоріальнымъ государямъ. Въ эпоху междуцарствія въ особенности (1250—73) феодалы, пользуясь всеобщимъ хаосомъ, захватывали имперскія земли, между прочимъ и для покрытія расходовъ, связанныхъ съ борьбой за императорскую корону. Хотя Рудольфъ I и Альбрехтъ I и старались впослѣдствіи вернуть присвоенныя баронами въ эту эпоху земли, но, если не считать отнятыхъ у Оттокара II земель, имѣвшихъ значеніе лишь для усиленія власти габсбургскаго дома, имперія изъ этого почти не извлекла выгоды; ибо частью попытки оказались безрезультатными, частью отнятыя земли снова были заложены, частью, наконецъ, ихъ пришлось отдать князьямъ въ видѣ покрытія расходовъ по ревендикаціи этихъ земель.

Уже изъ приведенныхъ фактовъ видно, что развитіе землевладѣнія свѣтской аристократіи шло въ совершенно иномъ направленіи. Въ періодѣ X—XII ст. не только возрастаетъ количество крупныхъ землевладѣльцевъ (феодаловъ), вслѣдствіе распространенія феодализма, образованія рыцарства, сословія министеріаловъ (въ особенности изъ прежнихъ помѣстныхъ управителей и имперскихъ придворныхъ чиновъ), присвоенія общинныхъ земель, образованія помѣстій во вновь завоеванныхъ на востокѣ земляхъ, но и крупные помѣстные владѣльцы попрежнему обнаруживаютъ стремленіе къ дальнѣйшему расширенію своихъ владѣній. Пользуясь обширной властью и правами, перешедшими къ нимъ отъ императора, они не упускаютъ попрежнему случаевъ пріобрѣтенія полюбовно ли или насильственнымъ путемъ новыхъ земель. Чѣмъ успѣшнѣе была дѣятельность отдѣльныхъ аристократическихъ родовъ въ этомъ направленіи, тѣмъ болѣе усиливались они и въ политическомъ отношеніи, тѣмъ легче имъ было превратиться изъ обыкновенныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ въ территоріальныхъ государей, подчинивъ себѣ всѣхъ остальныхъ владѣльцевъ вотчинъ, графовъ и бароновъ. Эти территоріальные государи были въ то же время и крупнѣйшими помѣщиками въ своемъ княжествѣ: таковы были и баварскіе герцоги, считавшіеся въ XIII вѣкѣ богатѣйшими государями, и герцоги австрійскіе еще до Габсбурговъ, таковы были и маркграфы бранденбургскіе, въ значительной мѣрѣ и герцоги вюртембергскіе. На владѣніи землей вѣдь и покоилась ихъ власть, на немъ была построена и военная организація, и феодализмъ, и весь соціальный строй. Для пріобрѣтенія государственной власти необходимо было, слѣдовательно, прежде всего получить въ свои руки тѣ земли, съ которыми была связана публичная власть въ данной мѣстности, независимо отъ того, покоилась ли послѣдняя на ленныхъ или на аллодіальныхъ земляхъ.

Вслѣдствіе этого произошла однако дифференціація среди той одно-

родной системы крупнаго землевладѣнія, которая господствовала въ эпоху Каролинговъ: въ то время, какъ одни повышались, другіе падали—рука объ руку съ превращеніемъ однихъ крупныхъ землевладѣльцевъ въ государей, шелъ процессъ подпаденія другихъ подъ ихъ власть, а это повело въ свою очередь къ поглощенію послѣднихъ первыми. Въ результатѣ тѣ крупные землевладѣльцы, которые не сумѣли захватить въ свои руки государственную власть, подъ вліяніемъ образованія послѣдней, потери прежнихъ регалій, паденія земельныхъ рентъ, погибли въ неравной борьбѣ съ новой территоріальной властью. Въ XIII и XIV ст. эти аристократическіе роды повсюду вымирали, ихъ замѣняли мелкіе землевладѣльцы въ видѣ министеріаловъ и рыцарей.

Уже въ XI—XII ст., когда стали сокращаться домеміальныя земли императоровъ, и церковное землевладѣніе уменьшается: даренія въ пользу церкви, какъ со стороны королей, такъ и со стороны прочихъ землевладѣльцевъ хотя и продолжаются, но въ значительно меньшихъ размѣрахъ; а въ то же время много земли уходитъ изъ рукъ церкви, частью вслѣдствіе передачи вассаламъ, частью вслѣдствіе захвата церковной земли герцогами и баронами, наконецъ, вслѣдствіе неоднократныхъ секуляризацій церковныхъ земель, вродѣ отнятія около 1250 гуфъ у баварскихъ монастырей при Оттонѣ I, раздачи въ XI и XII ст. монастырскихъ земель свѣтской аристократіи и т. д. Въ XIII—XIV ст. мы не находимъ уже столь крупныхъ монастырскихъ владѣній, какъ въ IX—X ст. и владѣніе въ 300 гуфъ считалось уже весьма значительнымъ,—дѣйствительно, рѣдко монастыри имѣли большее количество. Въ XIII вѣкѣ даренія въ пользу нихъ совершенно прекратились; наоборотъ, доходы настолько уменьшились, что приходилось прибѣгать къ отчужденію церковныхъ земель. Если въ предыдущія столѣтія церкви занимались кредитными операціями, отдавая въ займы движимые капиталы, которыми они располагали, то къ концу средневѣковья имъ, наоборотъ, приходилось самимъ прибѣгать къ займамъ и задолженность нѣкоторыхъ изъ духовныхъ княжествъ (Констанцъ, Кельнъ, Майнцъ) достигаетъ къ концу средневѣковья весьма большихъ размѣровъ. Только во вновь завоеванныхъ земляхъ различнымъ духовнымъ орденамъ удалось образовать крупныя территоріальныя княжества, среди которыхъ на первомъ мѣстѣ стоитъ Тевтонскій Орденъ.

И въ характерѣ самой помѣстной организаціи и веденія хозяйства въ помѣстьяхъ произошла рѣзкая перемѣна. Возьмемъ ли мы имперскія земли, монастырскія владѣнія или вотчины свѣтской аристократіи, повсюду замѣтимъ совершающійся процессъ распаденія прежняго помѣстнаго хозяйства, распаденія той единицы, которую представляло собой помѣстье — вилла. И это происходитъ во всѣхъ странахъ, хотя въ различныхъ мѣстностяхъ и не одинаково скоро. Уже съ XI ст. прежняя централизованная организація имперскихъ земель распадается, связь между отдѣльными имѣніями прекращается, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаютъ и iudices и сохраняется только одинъ maior, villicus, scultes, стоящій во главѣ данной виллы. Самостоятельное барщинное хозяйство болѣе не ведется, домены доставляютъ лишь опредѣленный для каждаго изъ нихъ servitium.

Вотчинникъ пересталъ быть сельскимъ хозяиномъ, ибо барщинная земля болѣе не обрабатывалась на его страхъ и рискъ, онъ оставался лишь землевладѣльцемъ; вилла превращалась изъ хозяйственной единицы, состоявшей изъ извѣстнаго количества земли, исключительно въ субстратъ платежей и повинностей, которыя доставляютъ принадлежащія феодалу

земли и которыя въ свою очередь отчуждаются и выдѣляются другимъ лицамъ по частямъ. Получается дисмембрація виллы, распаденіе прежнихъ крупныхъ помѣстій на рядъ мелкихъ, изъ виллъ образуются иногда совершенно мелкія имѣнія.

2) Барщина, личныя повинности и платежи.

Эти измѣненія не могли не отразиться на положеніи крестьянъ, облегчая крѣпостную зависимость и постепенное возвращеніе крестьянъ снова въ состояніе свободныхъ землевладѣльцевъ. Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи являлось установленіе разъ на всегда опредѣленныхъ платежей (они должны взиматься безъ насилія, такъ тихо, чтобы не разбудить дитя въ люлькѣ, не спугнуть пѣтуха съ насѣста), не зависѣвшихъ отъ произвола приказчика (который значительную часть ихъ присваивалъ себѣ), хотя при отсутствіи правильныхъ мѣръ и вѣсовъ эта опредѣленность могла быть лишь относительная.

А за этимъ слѣдовалъ дальнѣйшій и чрезвычайно важный шагъ— переводъ натуральныхъ повинностей и барщинныхъ работъ на деньги. Послѣднее обезпечивало феодалу опредѣленный доходъ и при распаденіи помѣщичьяго хозяйства являлось наиболѣе удобной для него формой дохода, тѣмъ болѣе, что продукты, доставляемые крестьянами въ натурѣ, были плохого качества, а вслѣдствіе послѣдующаго паденія цѣнности денегъ—эти платежи, при ихъ неизмѣняемости, оказались весьма выгодными и для крестьянъ.

Другой еще болѣе важный шагъ въ томъ же направленіи дѣлается въ смыслѣ замѣны барщины денежнымъ оброкомъ. Отдача барской земли на откупъ дѣлала излишнимъ барщину, какъ и вообще всякое сокращеніе ея позволяло освободить опредѣленныя группы вилланов отъ этой тяжелой повинности. Но и вообще для феодала барщинный трудъ являлся повидимому далеко не всегда выгоднымъ. Барщинные дни сопровождались угощеніемъ крестьянъ, которое иногда достигало такихъ размѣровъ, что прокормленіе ихъ обходилось дороже, чѣмъ выручка отъ ихъ мало-интенсивнаго труда.

При такихъ условіяхъ для феодала нерѣдко было выгоднѣе получать изъ года въ годъ опредѣленные денежные платежи, выгоднѣе было даже тамъ, гдѣ сохранилось сеньоріальное хозяйство; они нанимали батраковъ для обработки барской земли, т.-е. рабочую силу, въ пользованіи которой они были болѣе свободны; не слѣдуетъ упускать изъ виду, что военная дѣятельность — обычное занятіе феодаловъ — вызывала у нихъ потребность въ значительныхъ денежныхъ суммахъ. Но и для крестьянъ такая замѣна обозначала значительное облегченіе, ослабляя зависимость ихъ и устраняя вмѣшательство сеньора въ ихъ жизнь; она превращала виллана изъ хозяйственнаго орудія своего господина въ свободно располагающаго своимъ трудомъ и временемъ человѣка, который вноситъ лишь извѣстную сумму денегъ въ пользу феодала. Замѣна барщины денежными платежами обозначала устраненіе стѣснительнаго контроля, неизбѣжно сопряженныхъ съ отбываніемъ повинностей насилій, произвола служащихъ въ экономіи лицъ, старавшихся извлечь изъ этого какъ можно больше выгоды для себя; обозначала освобожденіе крестьянъ отъ работъ въ пользу помѣщика въ страдную пору, работъ, сопряженныхъ съ разстройствомъ ихъ собственнаго хозяйства.

Наконецъ, и третья категорія повинностей, повинности чисто-личнаго характера—дурные обычаи, какъ ихъ называло населеніе, ибо они носили рабскій отпечатокъ, вытекая изъ первоначальнаго рабскаго со-

стоянія (отъ котораго они и впослѣдствіи сохранились, распространившись и на прочихъ держателей)—постепенно измѣняютъ свой прежній характеръ. Поскольку они выполнялись ранѣе въ натурѣ, они замѣняются теперь денежными платежами, поскольку же являлись имущественными, сокращаются до незначительныхъ размѣровъ; наконецъ, во многихъ случаяхъ они исчезаютъ вовсе, вслѣдствіе выкупа или полной отмѣны ихъ. Среди этихъ повинностей на первомъ планѣ стояли различные поголовные платежи—признакъ несвободнаго состоянія, впослѣдствіи превращенные въ реальную тягость, лежащую на землѣ, которую держитъ крестьянинъ, въ сборѣ съ дыма, со двора, какъ это происходило въ различныхъ мѣстностяхъ Германіи. Или же они превратились (во Франціи) изъ taille arbitraire (первоначально сеньоръ вправѣ взять любую часть: tailler à volonté) въ опредѣленный, взимаемый соотвѣтственно размѣрамъ держанія, раскладочный сборъ—censive; къ нему иногда впрочемъ присоединяется taille extraordinaire. Или, наконецъ, выражая собою одинъ лишь фактъ зависимости, понизились до минимальныхъ размѣровъ до приношенія разъ въ годъ каплуна, корня имбиря или розы.

Таково далѣе присвоеніе сеньоромъ послѣ смерти виллана принадлежащаго послѣднему имущества цѣликомъ или частью. Оно вытекало изъ права сеньора на все, что принадлежало крѣпостному. Постепенно, однако, переходъ всего имущества послѣ смерти крѣпостного къ сеньору замѣняется отдачей лучшей штуки скота и извѣстной денежной суммы, смотря по размѣрамъ земли, или только однимъ платежемъ; запрещеніе же отчуждать землю или пріобрѣтать ее на сторонѣ замѣнялось уплатой въ пользу сеньора небольшой суммы при переходѣ земли.

3) Причина постепеннаго раскрѣпощенія крестьянъ.

Чѣмъ же обусловливались перемѣны, происшедшія въ положеніи крестьянъ въ послѣднія столѣтія средневѣковья? Несомнѣнно, что фискальныя соображенія играли важную роль въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ отъ различныхъ повинностей и сокращенія чинша и оброковъ. Возможность получить сразу крупную сумму, выкупъ, которымъ сопровождалось освобожденіе отъ этихъ тягостей, имѣло огромное значеніе для феодала, постоянно нуждавшагося въ деньгахъ, и, неудивительно, что наиболѣе нуждавшійся въ звонкой монетѣ—король—всегда первый вступалъ на этотъ путь. Но рядомъ съ этимъ имѣлись и другія, болѣе глубокія причины, которыя дѣлали не только возможнымъ, но и необходимымъ постепенное раскрѣпощеніе вотчиннаго населенія.

Эти причины заключались прежде всего въ обиліи свободныхъ земель, съ одной стороны, и въ рѣдкости населенія и медленномъ его приростѣ, съ другой стороны. И въ Англіи (въ особенности на сѣверѣ, и въ различныхъ мѣстностяхъ Франціи, а особенно въ Германіи имѣлись обширныя пространства, гдѣ посредствомъ осушенія болотъ, расчистки лѣсовъ и истребленія хищныхъ животныхъ, а также экспропріаціи завоеванной земли можно было создать новыя пахотныя поля. Населеніе уходило въ эти мѣстности, гдѣ оно пользовалось и личной свободой и большими правами на землю.

Въ то же время убыль его на мѣстахъ прежнихъ поселеній не покрывалась естественнымъ приростомъ, вслѣдствіе чрезвычайно высокой смертности. Въ Англіи въ теченіе одного XIII вѣка находимъ цѣлый рядъ эпидемій и сильныхъ голодовъ; еще больше ихъ было въ предшествующемъ столѣтіи; въ Германіи съ 1326 г. по 1400 г. насчитывается 32 года эпидемій. Наиболѣе ужасной „международной“ (ибо она распро-

странилась на всю Европу) эпидеміей являлась черная смерть 1347—50 г.г. — эпидемія моровой язвы, которая во всѣхъ странахъ Европы унесла отъ одной трети до половины населенія.

Повсюду послѣ черной смерти наступаетъ эпоха запустѣнія земель, заростанія пахотей лѣсомъ, подъ вліяніемъ вымиранія цѣлыхъ имѣній, эпоха перехода выморочныхъ имуществъ обратно къ вотчиннику. Послѣдній нерѣдко не находилъ людей, соглашающихся принять ихъ на себя, и поэтому готовъ былъ на различныя уступки, лишь бы найти держателей. Въ частности онъ соглашался на замѣну барщины денежнымъ оброкомъ, и въ Англіи, тамъ, гдѣ еще сохранилась барщина, она была превращена въ оброкъ, нерѣдко меньшій по своимъ размѣрамъ, чѣмъ это было до моровой язвы.

Къ этому присоединилось возникновеніе городскихъ поселеній, пребываніе въ которыхъ въ теченіе извѣстнаго времени (обыкновенно въ теченіе года и дня, но нерѣдко и въ продолженіе меньшаго срока — 40 дней) дѣлало человѣка свободнымъ, какъ-бы самый воздухъ городской освобождалъ ихъ отъ крѣпостной зависимости: Stadtluft macht frei, — основной принципъ городского строя, въ извѣстномъ отношеніи противоположность принципу: „nulle terre sans seigneur“, господствовавшему въ вотчинахъ. Для того, чтобы получить въ теченіе этого времени виллана обратно, сеньоръ долженъ былъ доказать его несвободное состояніе посредствомъ свидѣтелей, а это было дѣломъ весьма нелегкимъ (нужно было найти свидѣтелей и т. д.); такъ что въ результатѣ крѣпостному достаточно было добраться до одного изъ многочисленныхъ возникшихъ въ XII и слѣд. столѣтіяхъ городовъ, чтобы почувствовать себя свободнымъ за его привилегированной чертой.

Такимъ образомъ вотчиннымъ владѣльцамъ приходилось идти на уступки, чтобы сохранить свое населеніе, а коль скоро одни вступали на этотъ путь, и другіе вынуждены были слѣдовать за ними; ибо крестьяне шли туда, гдѣ тягости были меньше. „Вилланъ — бѣглецъ и пришлый поселенецъ сдѣлались постоянными явленіями въ жизни феодальнаго общества“. Вилланы стали теперь въ большомъ количествѣ покидать своихъ помѣщиковъ, гдѣ они являлись несвободными, и селиться на земляхъ другихъ лицъ, нерѣдко въ непосредственномъ сосѣдствѣ, на болѣе льготныхъ условіяхъ; предпріимчивые-же землевладѣльцы часто переманивали къ себѣ чужихъ людей какими-либо предоставляемыми имъ выгодами. Личное холопство превратилось какъ-бы въ мѣстное холопство, ибо съ новымъ помѣщикомъ прежніе вилланы, бравшіе на себя обязанность расчистки лѣсовъ и болотъ и создававшіе нерѣдко новыя поселенія, вступали уже въ договорныя отношенія, въ качествѣ hôte, hospites, laeten, противополагаясь крѣпостнымъ. Барщина для нихъ либо вовсе отсутствуетъ (въ Англіи), либо строго опредѣлена (во Франціи), они освобождены отъ всѣхъ личныхъ повинностей — таліи, main-morte или Resthaupt, formariage или maritagium (хотя нѣкоторые сборы сохраняются), причемъ, эта свобода гарантируется особымъ договоромъ. Неудивительно при такомъ образованіи многочисленной пловучей массы, въ противоположность безправному и отягченному повинностями осѣдлому крестьянству, что и въ отношеніи послѣдняго „произволъ долженъ былъ замѣниться болѣе умѣренной, опредѣляемой договорами и закрѣпляемой мѣстными обычаями, эксплоатаціей, ибо вотчинникъ постоянно долженъ былъ имѣть въ виду, что притѣсненіе можетъ согнать крестьянина къ сосѣду, въ городъ или

лѣсъ". И не по требованію короля, который вовсе не вмѣшивался въ отношенія между феодалами и ихъ крестьянами, не подъ вліяніемъ подаваемаго имъ прекраснаго примѣра, а въ слѣдствіе ухода крестьянъ на королевскіе домены, гдѣ ранѣе всего было произведено повсюду раскрѣпощеніе крестьянъ, и другіе вотчинники вынуждены были, для поддержанія связи населенія съ землей и изъ опасенія подвергнуть свои земли опустѣнію, идти по его слѣдамъ въ смыслѣ облегченія крѣпостничества и даже полной его отмѣны. И въ отношеніи собственныхъ крестьянъ, а не только пришельцевъ изъ другихъ мѣстъ, возникаетъ свободная аренда на 10—25 лѣтъ, иногда на меньшіе сроки, или, наоборотъ, пожизненно, за опредѣленный чиншъ или на условіяхъ половничества (крестьянинъ отдаетъ $^1/_2$ или $^1/_3$ жатвы); въ Германіи она появляется первоначально, повидимому, лишь на участкахъ, находившихся подъ интенсивными культурами (виноградниками), но позже и на другихъ участкахъ. Арендаторы становятся homines franci, не подлежа ни main-morte ни formariage во Франціи, нерѣдко sine precio quod dicitur vorhure, т.-е. безъ платежей, по случаю смерти, въ Германіи, съ отмѣной, притомъ, во многихъ случаяхъ, барщины. Въ Англіи изъ 73 изслѣдованныхъ Пэджемъ имѣній въ 1371—80 гг. барщина сохранилась лишь въ 14 вполнѣ и то только въ отношеніи ручныхъ (а не упряжныхъ) работъ, причемъ эти работы, въ виду сокращенія площади барской земли, значительно уменьшились.

Если такова была общая тенденція развитія, то все-же самая эволюція аграрнаго строя была въ отдѣльныхъ государствахъ неодинакова, ибо перечисленные моменты и складывались различно, и дѣйствовали тутъ и тамъ не одинаково интенсивно, да и къ нимъ присоединялись еще иные факторы, задерживавшіе развитіе или отклонявшіе его въ ту или иную сторону.

4) Положеніе крестьянъ въ Италіи, Англіи и Испаніи.

А) Весьма рано личное освобожденіе крестьянъ совершилось въ Италіи. Здѣсь огромное значеніе имѣлъ ранній и быстрый ростъ городовъ, которые уже въ первой половинѣ XIII ст. (Лукка, Пиза, Флоренція, Сіена, Ассизи) выступили на защиту бѣглецовъ, признавая ихъ немедленно свободными; они даже допускали бѣглыхъ крѣпостныхъ въ качествѣ свидѣтелей на судѣ, къ предъявленію исковъ и т. п. Вслѣдствіе этого установилась возможность покидать помѣщика и искать убѣжища въ городѣ; фактическая свобода крестьянъ подтверждалась затѣмъ и формальнымъ заявленіемъ объ этомъ итальянскихъ коммунъ: отмѣняется вотчинная власть и вотчинный судъ, наслѣдованіе въ имуществѣ крестьянъ, барщина, штрафы и всякіе произвольные поборы. Эта свобода укрѣплялась обыкновенно соглашеніемъ съ помѣщикомъ и совершавшимся чрезъ посредство города выкупомъ, какъ это произошло напр. въ XIII ст. въ Романьи, Эмиліи, Тосканѣ, въ Болоньи въ 1283 г., въ Ассизи въ 1210 г., въ Пармѣ въ 1266 г. Городъ производитъ самую операцію выкупа и опредѣляетъ денежную оцѣнку крестьянскихъ службъ и платежей и ихъ капитализацію и въ то-же время заставляетъ помѣщика принять тотъ или иной эквивалентъ — это право предоставлено городскому консулу. Конечно, пріобрѣтая такимъ путемъ личную свободу, бѣглый холопъ, нашедшій себѣ защиту въ стѣнахъ города, не могъ претендовать на покинутый имъ участокъ; послѣдній неминуемо оставался въ рукахъ феодала. Но нѣтъ основанія предполагать, чтобы обезземеленіе крестьянъ въ Италіи достигало значительныхъ размѣровъ. Напротивъ, сдача земли

въ аренду освобожденнымъ отъ личной зависимости крестьянамъ являлась повидимому и для помѣщиковъ необходимостью, такъ какъ въ случаѣ ухода колоновъ въ города, они лишались необходимыхъ для обработки земли рабочихъ рукъ; замѣна же арендаторовъ наемными рабочими была въ особенности съ половины XIV ст. послѣ опустошеній, произведенныхъ черной смертью, и установившейся вслѣдствіе этого дороговизны труда, едва-ли возможна. Поэтому, мы можемъ наблюдать и во Флоренціи, и въ Генуѣ, какъ первыми съемщиками являлись именно освобожденные отъ личной зависимости крестьяне, да и впослѣдствіи и здѣсь, и въ Моденѣ, сплошь и рядомъ лица, арендующія землю, становятся лично свободными, а въ теченіе XIII и XIV ст. повсюду въ Италіи распространяется этимъ путемъ система половничества; при этомъ помѣщикъ доставляетъ неимѣющему средствъ арендатору необходимый рабочій инвентарь. А затѣмъ, начавшись въ Ломбардіи и Тосканѣ, освободительное движеніе перешло въ XIV—XV ст. и въ другія мѣстности Италіи (позже всего въ Венецію), гдѣ также, изъ опасенія лишиться крестьянъ, и за соотвѣтствующій выкупъ вотчинники (путемъ отдѣльныхъ соглашеній) отказываются отъ службъ и повинностей, и крѣпостное право мало по малу вымираетъ.

В) Не столь гладко, какъ въ Италіи, совершался переворотъ въ аграрномъ строѣ Англіи. Здѣсь раскрѣпощеніе крестьянъ, постепенно происходя уже въ теченіе XIII и первой половины XIV ст., а также десятилѣтій, слѣдующихъ за черной смертью, окончательно имѣло мѣсто лишь послѣ крестьянскаго возстанія 1381 г., извѣстнаго подъ именемъ возстанія Уота Тайлера, одного изъ главныхъ вождей возмутившихся вилларовъ.

Роджерсъ усматриваетъ главную причину возстанія въ попыткѣ лордовъ возстановить послѣ черной смерти 1348 г. отмѣненную въ предшествующее столѣтіе барщинную систему. Онъ называетъ черную смерть 1348 г. наиболѣе существеннымъ моментомъ въ исторіи развитія личной свободы англійскаго населенія. Замѣна барщины денежнымъ оброкомъ, — объясняетъ Роджерсъ, — заставила лордовъ вести хозяйство при помощи вольнонаемныхъ батраковъ; между тѣмъ цѣна на трудъ, вслѣдствіе сильнаго сокращенія населенія послѣ моровой язвы, значительно повысились. Такъ какъ доходъ, извлекаемый лордами изъ земледѣлія, былъ и ранѣе невеликъ, то это возрастаніе цѣнъ на трудъ поставило ихъ въ крайне затруднительное положеніе. Они обратились за помощью къ правительству, и послѣднее дѣйствительно вступило въ борьбу съ рабочими, запрещая давать и требовать заработную плату свыше извѣстнаго уровня. Но и это не помогло: статуты о рабочихъ оказались безсильными, — при недостаткѣ въ рабочихъ невозможно было помѣшать заработной платѣ сильно повыситься. Тогда лорды прибѣгли къ новому средству, они сдѣлали попытку вернуться къ прежней барщинной системѣ. Формально они несомнѣнно имѣли на это полное право, ибо все, чѣмъ пользовались вилланы, было только обычаемъ, не обязательнымъ для лорда. Онъ только соглашался на соблюденіе обычая, но могъ всегда отъ этого отказаться, тѣмъ болѣе, что при переводѣ барщины на денежные платежи въ предшествующую эпоху землевладѣльцы всегда выговаривали себѣ право возстановить, въ случаѣ надобности, прежнія службы. Но вилланы на это не соглашались; нарушеніе издавна установившагося обычая вызвало возстаніе.

Возстаніе окончилось неудачей для крестьянскаго населенія, съ

4*

внѣшней стороны, но не съ внутренней; оно въ результатѣ все-таки остановило обратное движеніе и движеніе въ смыслѣ раскрѣпощенія крестьянъ возобновилось. Барщина продолжаетъ сокращаться (какъ въ концѣ XIII и первой половины XIV ст.), и въ XV вѣкѣ исчезаютъ постепенно и личныя повинности.

С) Въ Испаніи, въ особенности въ Каталоніи, находимъ въ значительной мѣрѣ сходное съ англійскимъ развитіе. Съ одной стороны, еще до черной смерти бѣгство крестьянъ въ города заставило вотчинниковъ идти на уступки, переводя барщину на денежные платежи и отмѣняя нѣкоторые „дурные обычаи". А съ другой стороны, моровая язва 1349 г., вызвавъ дальнѣйшія уступки со стороны помѣщиковъ, въ то же время заставила ихъ обратиться къ королевской власти съ просьбой о принятіи мѣръ противъ эмиграціи въ города и объ установленіи максимальныхъ цѣнъ на трудъ; ибо, согласно заявленіямъ, сдѣланнымъ земскими чинами на кортесахъ въ Вальльядолидѣ, повышеніе заработной платы на сельскій трудъ и городскія ремесла было настолько значительно, что могло имѣть послѣдствіемъ запустѣніе земель, дороговизну припасовъ и разореніе помѣщиковъ. Но въ виду того, что установленныя правительствомъ таксы и въ Испаніи повидимому имѣли ту же судьбу, что и въ другихъ странахъ, т. е. не примѣнялись на практикѣ, то и здѣсь обнаружилось сходное съ Англіей стремленіе замѣнить вздорожавшій свободный трудъ трудомъ подневольнымъ—именно трудомъ невольниковъ-сарацинъ, и новые даровые конкурренты грозили вытѣсненіемъ свободнаго труда. Это движеніе въ смыслѣ замѣны крестьянъ сарацинами, съ одной стороны, и желаніе положить конецъ вѣковымъ поборамъ и вымогательствамъ, частью уже уничтоженнымъ, съ другой стороны, и привело повсюду къ возстаніямъ, которыя въ концѣ концовъ вызвали отмѣну крѣпостного права (въ 1486 г.) Фердинандомъ Католикомъ. На основаніи „сентенцій" короля, крестьяне каждаго манса обязаны были уплатить 60 барселонскихъ солидовъ единовременно или выплачивать ежегодно ренту въ размѣрѣ 3 солидовъ за всѣ шесть дурныхъ обычаевъ, подлежавшихъ отмѣнѣ; крестьяне, подчиненные дѣйствію лишь нѣкоторыхъ изъ нихъ, подлежали уплатѣ 6 сол. единовременно или 6 дек. ежегодно за каждый изъ дурныхъ обычаевъ. Кромѣ дурныхъ обычаевъ отмѣняется также уголовная юрисдикція сеньоровъ. Всѣ повинности, являвшіяся результатомъ злоупотребленій сеньоральной власти, уничтожаются безъ всякихъ вознагражденій. Отмѣнялись, наконецъ, всякаго рода барщинныя службы и приношенія натурой, не внесенныя въ грамоты или внесенныя туда путемъ обмана. Что же касается различныхъ платежей за земельныя держанія, то они остаются въ силѣ, если крестьяне не въ состояніи доказать, что свободны отъ нихъ. Точно также въ отношеніи земли они могутъ распоряжаться лишь благопріобрѣтенными участками, мансы же они вправѣ оставлять вмѣстѣ со всѣмъ движимымъ имуществомъ, но обязаны уплатить всѣ долги сеньору.

5) Положеніе крестьянъ во Франціи и Германіи.

Наименѣе благопріятно было положеніе крестьянъ къ концу средневѣковья во Франціи и Германіи. Во Франціи всѣ короли изъ дома Капетинговъ, начиная отъ Людовиковъ VI и VII, вплоть до Филиппа Красиваго и Людовика X, постепенно отмѣняютъ main-morte въ своихъ доменахъ въ Иль-де-Франсѣ, Орлеанѣ, Лангедокѣ и Шампани, и точно также цѣлый рядъ сеньоровъ—дофинъ, графы Тулузскіе, Ниверцэ, Валуа и Блуа, церковь Nôtre-Dame въ Парижѣ, епископъ Реймскій, мона-

стыри Сенъ-Дени и Сенъ-Жерменъ—уже въ XII вѣкѣ уничтожили main-morte. Многочисленныхъ vilains francs мы встрѣчаемъ въ XIV ст. однако лишь во всей сѣверной и западной Франціи (Нормандіи, Бретани, Пуату, Провансѣ, Лангедокѣ, Беарнѣ), а также во Фландріи и во французской Швейцаріи (Невшатели); одни изъ нихъ освобождены отъ main-morte, другіе—отъ taille arbitraire, многіе вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ formariage. Освобожденіе крестьянъ выразилось въ выкупѣ этихъ повинностей, а вовсе не въ освобожденіи отъ всякой феодальной зависимости, причемъ самая мѣра имѣла фискальный характеръ. Хотя въ предисловіи къ грамотѣ Людовика X и говорится въ пышныхъ выраженіяхъ о свободномъ состояніи людей, какъ „естественномъ, основанномъ на ихъ природѣ, и о невозможности существованія неволи въ королевствѣ франковъ, т. е. свободныхъ людей“, но сервы доменовъ должны были путемъ выкупа повинностей доставить Людовику необходимыя ему для веденія войны деньги. Все-же въ результатѣ въ XV ст. во всей сѣверной и западной Франціи большинство населенія—особенно много во Фландріи и Брабантѣ—оказалось лично свободнымъ. Оно не было подвержено никакимъ личнымъ повинностямъ или замѣняющимъ ихъ платежамъ и имѣло возможность свободно распоряжаться своей землей, на которую смотрѣло какъ на свою собственность.

Иное дѣло въ центрѣ и восточной Франціи—здѣсь прежнее крѣпостное право сохраняется въ значительной мѣрѣ и кутюмы отводятъ ему много мѣста (Ниверне, Бурбоне, Маршъ, Труа и пр.) или по крайней мѣрѣ упоминаютъ о немъ (Мо, Витри, Овернь и др.); крестьяне называются иногда даже „hommes de corps“ („il tient et adheire à sa chaire et aux os“).

Въ Германіи повидимому еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ Англіи послѣ моровой язвы, происшедшее въ XIII—XIV ст. движеніе въ смыслѣ облегченія крѣпостной зависимости, смѣнилось, какъ указываетъ Лампрехтъ, обратнымъ теченіемъ. Появилась масса безземельнаго несвободнаго населенія, питавшагося отъ общинныхъ угодій и не имѣвшаго никакого постояннаго заработка и крѣпкой осѣдлости,—населенія, которое рядомъ съ прочими личными повинностями уплачивало подушную подать и несло тяжелую барщину. Но положеніе и прочаго населенія повидимому ухудшилось, вслѣдствіе захвата общинныхъ земель вотчинниками, которые по своему усмотрѣнію регулировали пользованіе общинными угодьями; они выдѣляли для себя лѣса, входъ въ которые вовсе не дозволялся крестьянамъ, ограничивали въ другихъ лѣсахъ право рубить деревья и запасаться топливомъ, травой и дерномъ, жечь уголь и золу, пасти скотъ, въ особенности свиней и козъ, разсматривая при этомъ общинные лѣса какъ свою помѣщичью собственность, за пользованіе которою крестьяне должны платить опредѣленную сумму. Право охоты и рыбной ловли, поскольку оно не было объявлено регаліей территоріальныхъ государей, вотчинники присвоили себѣ, право разведенія пчелъ въ лѣсахъ, добываніе извѣстняка и т. д. также отняли у крестьянъ, за пользованіе выгонами установили высокіе платежи. Къ этому сокращенію крестьянскихъ угодій, приводившему къ разстройству крестьянскаго хозяйства, присоединялось вызванное этимъ-же захватомъ усиленіе барщины; послѣдняя была необходима для воздѣлыванія этихъ новыхъ присоединенныхъ къ помѣстью земель. Наконецъ, ту частичную свободу переселенія, тотъ intercursus, котораго крестьянамъ удалось добиться въ предшествующую эпоху посредствомъ соглашеній между помѣщиками, теперь у

нихъ снова отнимаютъ, совершенно прикрѣпляя крестьянъ къ землѣ. Такимъ образомъ мы находимъ здѣсь такое-же какъ въ Англіи и Испаніи реакціонное движеніе, но еще въ большей, пожалуй, мѣрѣ; обнаруживаются одни и тѣ-же моменты и тутъ, и тамъ: захватъ общинныхъ угодій, расширеніе барщины, ограниченіе права передвиженія. И рядомъ съ этимъ общимъ движеніемъ замѣчается и здѣсь, какъ въ Англіи и Каталоніи, частичное продолженіе прежней тенденціи въ смыслѣ улучшенія положенія крестьянъ. Оно, какъ указываетъ Инама-Стернеггъ, замѣтно въ южной Германіи, гдѣ продолжаютъ развиваться формы свободной аренды, въ особенности же въ Тиролѣ. Здѣсь, какъ выяснилъ Вопфнеръ, положеніе крестьянъ въ XV ст. было благопріятное, установилась наслѣдственность держаній съ уплатой разъ навсегда опредѣленнаго невысокаго чинша и съ несеніемъ не тяжелыхъ повинностей; но и при этомъ велико было недовольство крестьянъ, въ особенности же лишеніемъ ихъ права охоты и рыбной ловли, захватомъ общинныхъ угодій и ограниченіемъ пользованія общинными лѣсами, такъ какъ они необходимы были для многочисленныхъ серебряныхъ и мѣдныхъ рудниковъ, принадлежавшихъ герцогу Тирольскому.

Однѣ и тѣ-же причины должны были привести къ одинаковымъ послѣдствіямъ—къ возстанію крестьянъ.

Уже съ половины XV ст. среди крестьянъ обнаруживается стремленіе послѣдовать примѣру добившихся свободы въ борьбѣ съ Габсбургами швейцарцевъ—„стать швейцарцами“ (schweizerisch werden wollen); мы встрѣчаемъ то-же двустишіе, которое распѣвалось въ Англіи въ 1381 г.: „когда Адамъ копалъ землю, а Ева пряла, гдѣ же былъ тогда дворянинъ“? И вотъ возникаютъ возстанія въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ.

Непосредственный результатъ былъ и въ Германіи, какъ и въ Англіи одинаково неблагопріятенъ для крестьянъ, ибо возстаніе окончилось неудачей, причемъ въ Германіи оно сопровождалось гораздо большими жестокостями съ обѣихъ сторонъ, чѣмъ въ Англіи. Однако, въ то время, какъ въ Англіи (какъ и въ Каталоніи) крестьяне все-таки добились своего, ибо обратное теченіе остановилось, и раскрѣпощеніе вновь стало дѣлать большіе успѣхи, въ Германіи такіе результаты не могли быть достигнуты. Въ Англіи фактическая сила была въ рукахъ крестьянъ, ибо имѣлось и много свободныхъ земель, и города могли принимать къ себѣ сельское населеніе; далѣе, послѣднее къ концу XIV вѣка не успѣло даже достигнуть той цифры, какая имѣлась наканунѣ Черной смерти; а къ этому присоединился разгромъ англійской аристократіи во время борьбы алой и бѣлой розы. Въ Германіи Черная смерть не причинила столь значительныхъ опустошеній, какъ въ приморскихъ странахъ Англіи или Италіи; города стали стѣснять доступъ сельскихъ жителей, и уходъ туда сталъ сокращаться; территоріальная власть мелкихъ государей усиливалась, и—что самое главное—прекратился тотъ отливъ населенія на востокъ въ славянскія земли, который въ теченіи трехъ столѣтій (XII—XIV) являлся исходомъ для всѣхъ недовольныхъ, вызывалъ разрѣженіе населенія въ западныхъ областяхъ и заставлялъ феодаловъ идти на уступки. Если это отсутствіе исхода усиливало революціонное движеніе въ теченіи XV вѣка, то оно въ то-же время приводило къ тому, что здѣсь—въ противоположность Англіи—установилось дѣйствительно adscriptio glebae, и прикрѣпленіе къ землѣ совершилось не только юридически (стѣсненіе передвиженія), но и фактически. И хотя, какъ выяснили новѣйшія изслѣдованія (въ болѣе старыхъ сочиненіяхъ высказывалось

другое мнѣніе), положеніе крестьянъ послѣ Крестьянской войны и не ухудшилось (въ Баденѣ, Баваріи, Эльзасѣ, Тиролѣ, отчасти и въ Вюртенбергѣ), но происшедшее въ XV ст. фактическое прикрѣпленіе къ землѣ сократилось и въ послѣдующія столѣтія.

Соотвѣтственно юридическому и общее экономическое положеніе крестьянъ въ позднее средневѣковье на континентѣ (въ Англіи оно было лучше) не могло быть благопріятнымъ. Земля давала крестьянину весьма мало, ибо, сдѣлавъ значительные успѣхи въ смыслѣ экстенсивности — расширеніе площади посѣвовъ путемъ корчеванія лѣсовъ, осушенія болотъ и расчистки пустошей,—сельское хозяйство въ отношеніи интенсивности стояло весьма низко. Велось хищническое хозяйство, воздѣлывались изъ года въ годъ одни и тѣ-же истощающіе землю злаки (кормовыхъ травъ, рѣпы, картофеля и т. п. не сѣяли, люцерна и клеверъ появились не ранѣе XVII—XVIII ст.). Искусственнаго удобренія не было, естественное не умѣли использовать, навозъ выбрасывался въ рѣки или просто на улицу, заражая воздухъ и не принося пользы земледѣльцу, почему поля удобрялись далеко не ежегодно. Господствовала трехпольная система хозяйства: изъ трехъ полосъ земли, на которыя раздѣлялось поле, одна засѣивалась озимыми хлѣбами, другая яровыми, третья находилась подъ паромъ. При ней изъ трехъ полей ежегодно лишь одно поле доставляло полную жатву, второе (подъ яровыми посѣвами) только половину, а третье—ничего, т. е. весь участокъ земли приносилъ лишь половину того, что могъ бы давать. Въ отпускныхъ грамотахъ XIV—XV ст. еще сплошь и рядомъ упоминается о томъ, что земля разрывалась заступомъ: считалось, что соха нужна лишь для распашки поля въ 60 акровъ, но этого размѣра надѣлы отдѣльныхъ крестьянъ обыкновенно не достигали (Delisle); иногда, впрочемъ, соха пріобрѣталась сообща, составляя общинное имущество, и въ нее запрягалось 6—8 животныхъ, быковъ, рѣже лошадей. Борона обыкновенно отсутствовала, почему оставшіяся на поверхности сѣмена становились нерѣдко пищей птицъ, а дурныя травы не выпалывались, серпомъ-же вырывались въ лучшемъ случаѣ лишь верхушки ихъ. Раціональному сельскому хозяйству препятствовали въ значительной мѣрѣ всевозможныя суевѣрія; различныя причитанія и языческіе обряды должны были обезпечить хорошую жатву, устранить враждебныя земледѣльцу силы.

Получая отъ земли мало, крестьянинъ вынужденъ былъ, однако, много отдавать сеньору въ видѣ различныхъ оброковъ, чиншей и платежей, церкви вносить десятину, а королю различнаго рода подати. По вычисленіямъ Авенеля, земля доставляла 10 проц. дохода (съ ея продажной стоимости), изъ которыхъ 3—4 проц. уходило въ пользу сеньора; если-же прибавить къ этому еще прочіе платежи, да имѣть въ виду, что обсолютно эти 10 проц. составляли сами по себѣ весьма небольшую сумму, то для крестьянина останется очень немного. Инама-Стернеггъ также пришелъ къ тому выводу, что у средневѣковаго крестьянина оставалась лишь третья часть того небольшого дохода, который доставляла ему земля; ибо $^1/_3$ уплачивалась въ видѣ чинша и оброка помѣщику, изъ оставшихся 66 проц. $^1/_{10}$ или 6 проц. составляли десятину въ пользу церкви, а изъ этихъ 60 проц. $^1/_3$ шла въ пользу фогта и 10 проц. въ качествѣ государственныхъ податей, не считая остальныхъ сборовъ, барщины и т. д.

II. ВЕЛИКІЯ ОТКРЫТІЯ И ИЗОБРѢТЕНІЯ.

VIII. Открытіе пути въ Индію и начало колоніальной политики Западной Европы [1]).

(Ст. Н. П. Борецкаго-Бергфельда).

До конца среднихъ вѣковъ вся торговля западно-европейскихъ странъ сосредоточивалась въ области Средиземнаго моря. Здѣсь находился какъ бы узловой пунктъ міроваго товарообмѣна. Сюда прибывали изъ сѣверо-западныхъ странъ Европы купцы для покупки восточныхъ драгоцѣнностей и пряныхъ товаровъ. Но особеннымъ оживленіемъ въ области торговли славилась юго-восточная половина Средиземнаго моря, омывающаго берега сѣверной Африки, часть Аравійскаго полуострова и всю западную половину Малой Азіи. Отсюда лежали два пути, по которымъ Западъ входилъ въ сношеніе съ Востокомъ. Съ одной стороны, черезъ портовый городъ Александрію европейцу открывался доступъ къ берегамъ Краснаго моря, выходъ изъ котораго велъ прямо въ Индійскій Океанъ. Съ другой—торговые посредники на мало-азіатскихъ берегахъ имѣли возможность направлять свои караваны въ область рѣкъ Тигра и Ефрата и отсюда же, либо черезъ Персидскій заливъ, либо сухопутнымъ способомъ, достигали Индіи — страны сказочныхъ богатствъ и разнообразныхъ даровъ природы.

---

[1]) Въ основу этой статьи положены слѣдующіе труды: 1) *A. Supan.* „Die territoriale Entwicklung der Europäischen Kolonien". Gotha, 1916. 2) *Ch. de Lannoy* et *H. Vander Linden.* „Histoire de l'Expansion Coloniale des peuples européens", t. I. „Portugal et Espagne". Bruxelles, 1907. 3) *P. Herre.* „Der Kampf und die Herrschaft im Mittelmeer". Leipzig, 1909. 4) *D. Schäfer.* „Kolonial-Geschichte", Leipzig, 1906. 5) *J. Pflugk-Harttung.* „Weltgeschichte". Band IV. „Geschichte der Neuzeit".

Но на этихъ обоихъ путяхъ восточной торговли господствовали арабы. Они являлись посредниками въ томъ міровомъ товарообмѣнѣ, центръ котораго лежалъ въ указанной области Средиземья. Естественно, что вслѣдствіе этого торговля индійскими пряностями и другими предметами Востока должна была стать монополіей мусульманскихъ народовъ. Однако, если географическія условія, какъ мы видимъ, сдѣлали арабовъ хозяевами положенія въ юго-восточной половинѣ Средиземнаго моря, то тѣ же самыя условія создали равнымъ образомъ исключительно-выгодное положеніе для того европейскаго народа, который ближе другихъ находился къ этому центру восточной торговли. Въ самомъ дѣлѣ, сѣверозападная половина Средиземнаго моря была областью господства италіанцевъ, которые въ свою очередь, должны были играть роль единственныхъ посредниковъ въ торговыхъ сношеніяхъ западныхъ народовъ съ восточными. Венеція и Генуя — вотъ два морскихъ центра европейскаго материка, которые въ средніе вѣка служили пристанищемъ огромной флотиліи торговыхъ судовъ, плавающихъ подъ флагомъ различныхъ государствъ. Сюда стекались купцы всего романо-германскаго міра; здѣсь находились оптовые склады восточныхъ товаровъ и отсюда вывозились предметы европейскаго производства, предназначенные для обмѣна на Востокѣ. Италіанцы помимо всего считались еще и опытными мореплавателями, опередившими въ этомъ отношеніи другіе европейскіе народы, и эта репутація сохранялась за ними до того времени, пока не наступилъ моментъ перемѣщенія центра тяжести всей міровой торговли, послѣ того, какъ португальцы покорили себѣ стихіи Атлантическаго океана.

При такихъ условіяхъ, понятно, всѣ остальныя государства Западной Европы чувствовали большое стѣсненіе въ своей торговой дѣятельности.

Прежде всего, они испытывали большое неудобство оттого, что въ ихъ торговыхъ сношеніяхъ съ Востокомъ принимаютъ участіе цѣлыхъ два посредника: италіанцы и арабы. Восточныя пряности, т.-е. то, въ чемъ такъ сильно нуждалась Европа, попадали къ нимъ такимъ образомъ уже изъ третьихъ рукъ. Само собою разумѣется, что при такихъ сложныхъ условіяхъ торговли бо́льшая часть прибыли оставалась въ рукахъ двухъ господствовавшихъ на Средиземномъ морѣ народовъ. Кромѣ того, полученіе пряностей не изъ первыхъ рукъ сильно вліяло на увеличеніе ихъ продажной стоимости, хотя, съ другой стороны, возростаніе цѣнъ на восточные товары зависѣло еще и отъ неудобствъ путей сообщенія. Но какъ бы то ни было, а это именно обстоятельство, конечно, суживало кругъ европейскихъ потребителей. И такъ какъ развитіе торговли, помимо всѣхъ прочихъ причинъ, зависитъ еще и отъ покупательной способности потребителя, а эта покупательная способность, въ свою очередь, зависитъ, главнымъ образомъ, отъ низкихъ цѣнъ на товары, — то передъ всѣми государствами Западной Европы въ концѣ концовъ встала проблема отысканія новыхъ, болѣе выгодныхъ путей міровой торговли.

Этотъ кризисъ въ торговлѣ Западной Европы ощущался довольно долгое время. Но кульминаціоннаго пункта достигъ онъ тогда, когда арабы, понявъ все преимущество своего положенія, стали злоупотреблять имъ. Зная прекрасно нужду европейскихъ народовъ въ тѣхъ или иныхъ продуктахъ Востока, они умышленно сокращали ихъ вывозъ на европейскій рынокъ и тѣмъ невѣроятно увеличивали цѣны, пользуясь при этомъ

огромными барышами. Европейскіе купцы находились, такимъ образомъ, въ полной кабалѣ у арабовъ. Условія торговли, особенно левантской, еще болѣе ухудшились, когда Константинополь былъ завоеванъ турками (1453). Эти послѣдніе стремились монополизировать всю торговлю съ Востокомъ и всѣми мѣрами содѣйствовали прекращенію всякаго доступа къ индійскимъ владѣніямъ европейскимъ купцамъ, уже сдѣлавшимъ въ XIV ст. попытку самостоятельно проникнуть туда черезъ Малую Азію и Персію. Генуэзскіе и венеціанскіе купцы, поставившіе себѣ цѣлью, еще до завоеванія Константинополя турками, полученіе восточныхъ товаровъ изъ первыхъ рукъ, сумѣли достичь малабарскаго берега, прославившагося замѣчательнымъ качествомъ своихъ пряныхъ растеній, лишь благодаря свободному проходу черезъ Малую Азію. Здѣсь намѣчался уже какъ бы новый великій путь торговыхъ сношеній, непосредственно связывающій Западъ съ Востокомъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Колумбу, въ которомъ рѣчь идетъ о способахъ достиженія Индіи западнымъ путемъ, флорентійскій ученый Тосканелли обращаетъ его вниманіе на то обстоятельство, что эту страну посѣтило уже много европейцевъ и что благодаря этому задача его экспедиціи можетъ значительно облегчиться. Повидимому, у народовъ Южной Европы и главнымъ образомъ у италіанцевъ, была твердая надежда овладѣть именно тѣми путями сношенія съ Востокомъ, на которыхъ въ теченіе многихъ вѣковъ господствовали арабы. И если бы не завоеваніе турками Константинополя, являвшагося ключомъ къ Малой Азіи и слѣдовательно къ той области, черезъ которую всего охотнѣе переправлялись караваны, груженые индійскими товарами, то тѣ единичныя попытки самостоятельныхъ сношеній европейскихъ купцовъ съ рынками передней Индіи, которыя дали поводъ Тосканелли предположить, что стоявшая передъ Европой конца XV в. экономическая и географическая задача легко разрѣшима, навѣрно привели бы къ болѣе значительнымъ результатамъ. Но въ томъ то и дѣло, что надежды европейскихъ купцовъ разбивались здѣсь о твердыню турецкаго господства, господства, тѣмъ болѣе ужаснаго для Европы, что съ его установленіемъ проблема правильнаго товарообмѣна съ Индіей еще болѣе обострялась. Ибо турки не только ограждали отъ европейцевъ всѣ пути въ Индію, лежащіе черезъ материкъ Малой Азіи, но стремились еще вытѣснить италіанцевъ въ торговлѣ на Средиземномъ морѣ. Болѣе того, турки отрѣзали свободный проходъ италіанцамъ даже въ Черное море, гдѣ въ Кафѣ (нынѣ Ѳеодосія) генуэзцы основали бойкій центръ торговли.

Это обстоятельство заставило южныя страны Западной Европы взяться серьезно за отысканіе новыхъ и, по возможности, прямыхъ путей въ Индію. Уже въ концѣ XV вѣка въ Европѣ усиливается интересъ къ географическимъ познаніямъ, дѣлается попытка точнаго установленія строенія земного шара и изученія всѣхъ путей, ведущихъ въ страны Востока. Наиболѣе полныя свѣдѣнія объ этихъ странахъ оставилъ Марко Поло, знаменитый венеціанецъ, проведшій двадцать шесть лѣтъ при дворѣ великаго Могола. Хотя его записки и были написаны еще въ концѣ XIII ст., тѣмъ не менѣе онѣ служили единственнымъ источникомъ для болѣе или менѣе точнаго изученія Дальняго Востока и передней Азіи. Впрочемъ, указанное выше проникновеніе италіанскихъ купцовъ въ переднюю Индію черезъ Персію въ XIV и XV вв. нѣсколько пополнило весьма скудныя, въ общемъ, географическія познанія европейскихъ народовъ, но все же одного этого было слишкомъ недостаточно, чтобы

проложить новые пути мірового товарообмѣна. Поэтому, когда во вторую половину XV в. былъ выдвинутъ новый проектъ, заключавшійся въ томъ, чтобы совершенно оставить старые континентальные пути и найти *морской* путь въ Индію, то успѣхъ его былъ основанъ не столько на географическихъ данныхъ, сколько на рискѣ и авантюрѣ, склонность къ которымъ у южныхъ народовъ Европы была велика.

Мысль о морскомъ пути въ царство сказочныхъ богатствъ возникла у европейцевъ не только въ связи съ завоеваніемъ турками Константинополя, но еще и съ цѣлымъ рядомъ другихъ условій, вредившихъ экономическимъ интересамъ Европы. Дѣло въ томъ, что тѣ же самые арабы, которые вытѣсняли италіанскихъ купцовъ изъ торговыхъ центровъ Средиземья, занимались также и пиратствомъ, видя въ этомъ промыслѣ одинъ изъ самыхъ выгодныхъ источниковъ дохода. Въ виду того, что торговыя суда, груженыя европейскими товарами, предназначенными для обмѣна на восточные предметы, чаще всего встрѣчались у входа въ Средиземное море, мусульманскіе пираты и сосредоточились преимущественно у береговъ Гибралтарскаго пролива. Въ Танжерѣ и Цеутѣ, напримѣръ, была устроена этими пиратами настоящая засада. Борьба съ этимъ зломъ, гибельно отражавшемся на всей западно-европейской торговлѣ, заставила португальцевъ предпринять завоеваніе всего сѣвернаго побережья Марокко. Цеутой, однимъ изъ лучшихъ портовыхъ городовъ сѣвернаго Марокко, лежащей противъ Гибралтара, португальцы овладѣли еще въ 1415 г. Но громадное значеніе ихъ „крестовый походъ“ противъ новаго нашествія мусульманъ, выразившагося въ разгромѣ средиземноморской торговли, возымѣлъ лишь послѣ того, какъ въ ихъ руки попалъ и Танжеръ. Это произошло въ 1471 г., и къ этому времени Португалія окончательно упрочилась на сѣверномъ побережьѣ Марокко. Тутъ снова завязался оживленный товарообмѣнъ; сюда стекались арабскіе купцы не только съ береговъ Краснаго моря, но и изъ Судана, изъ глубинъ африканскаго материка, остававшагося еще менѣе извѣстнымъ Западной Европѣ, чѣмъ сказочный Востокъ.

Большой предпріимчивостью въ завоеваніи сѣверной Африки отличался португальскій принцъ Генрихъ, прозванный Мореплавателемъ (1390—1460). Онъ подробно изучалъ важнѣйшіе пути сообщенія въ Африкѣ, собиралъ какъ можно больше свѣдѣній отъ арабскихъ купцовъ о странахъ, лежащихъ по ту сторону Средиземнаго моря, и лишь сопоставивъ всѣ, полученные такимъ образомъ данныя, могъ уже болѣе или менѣе свободно оріентироваться въ географическомъ строеніи Африканскаго материка. А въ этомъ, именно, заключалась задача огромной важности. Благодаря добытымъ Генрихомъ свѣдѣніямъ выяснилось, во-первыхъ, что Индія лежитъ на востокѣ отъ Африки, а во-вторыхъ, что самый африканскій материкъ, ошибочно представлявшійся Генриху Мореплавателю наполовину меньше его настоящей величины, служитъ какъ бы преддверіемъ въ царство восточныхъ богатствъ. Проэктъ морского пути въ Индію нашелъ отнынѣ для собя прочную почву, ибо португальцы, ступивъ уже твердой ногой на территорію Африки были увѣрены въ томъ, что проплыть вокругъ африканскаго материка не представляетъ большихъ трудностей.

Между тѣмъ, уже первыя столкновенія португальцевъ съ арабскими купцами въ Цеутѣ и Танжерѣ обогатили Европу новыми свѣдѣніями относительно богатства западныхъ береговъ Африки. Если достиженіе Индіи морскимъ путемъ вдоль береговъ африканскаго материка могло все еще

казаться рискованнымъ предпріятіемъ, имѣющимъ мало шансовъ на успѣхъ, то все же постоянное тяготѣніе къ этой цѣли оправдывалось другими практическими соображеніями, а именно, возможностью открытія по пути въ Индію новыхъ африканскихъ странъ, могущихъ, быть можетъ, вполнѣ замѣнить восточные рынки. Какъ бы то ни было, но съ той поры, какъ передъ европейцами открылись новыя географическія перспективы, Генрихъ Мореплаватель направилъ все свое стараніе къ тому, чтобы подробнѣйшимъ образомъ изучить берега африканскаго материка и, гдѣ это будетъ возможно, устроить центры португальской колонизаціи. Съ этой цѣлью имъ было снаряжено нѣсколько экспедицій, приведшихъ къ благопріятнымъ результатамъ.

Сначала португальцы не рѣшаются уплывать далеко въ океанъ и лишь постепенно начинаютъ знакомиться съ новой территоріей, лежащей вблизи отъ мыса Венцента, гдѣ Генрихъ Мореплаватель построилъ себѣ виллу, въ которой онъ проводилъ обычно время за изученіемъ географическихъ картъ и разработкой проектовъ новыхъ морскихъ экспедицій. Поэтому, первые годы, ушедшіе на отысканіе морского пути въ Индію, принесли мало пользы въ томъ смыслѣ, что это не дало никакихъ точныхъ указаній о мѣстоположеніи восточныхъ рынковъ. Мореплаватели, пользующіеся покровительствомъ Генриха, плыли большей частью къ Канарскимъ островамъ, а къ африканскому материку приставали со своими кораблями не далѣе мыса Нунъ. Но съ 1433 г., послѣ того, какъ португальцы объѣхали мысъ Боядоръ, начинается уже настоящая эра первыхъ большихъ морскихъ путешествій. Люди стали смѣлѣе, какъ бы сроднились съ морской стихіей, и къ тому же открытіе новыхъ территорій на западномъ берегу Африки разжигало ихъ любопытство, будило въ нихъ предпринимательскій духъ. Мало-по-малу, португальцы обогнули Зеленый мысъ и попали на Гвинейскій берегъ, гдѣ, казалось, они уже достигли источника сказочныхъ богатствъ. И дѣйствительно, все, начиная съ пышной природы и кончая золотыми розсыпями на берегахъ Гвинейскаго залива, привлекало вниманіе европейца. Тотчасъ же португальцы завязали оживленныя торговыя сношенія съ туземцами и основали здѣсь свои первыя факторіи. Явились и такіе смѣльчаки, которые сдѣлали рискованное путешествіе въ глубь страны. Нѣкоторыя данныя свидѣтельствуютъ о томъ, что еще при Генрихѣ Мореплавателѣ европейцамъ удалось проникнуть съ Гвинейскихъ береговъ до границъ Сахары. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что уже эти первыя путешествія къ западнымъ берегамъ Африки внесли переворотъ въ міровую торговлю. Важно было не только то, что открылись новые рынки для сбыта европейскихъ продуктовъ, въ обмѣнъ на которые можно было получать такія цѣнности, какъ золото и слоновую кость, но и то, что путь къ этимъ рынкамъ былъ совершенно свободенъ, и португальцы не встрѣчали здѣсь никакихъ конкурентовъ или посредниковъ и могли, слѣдовательно, безраздѣльно господствовать на Атлантическомъ океанѣ.

Въ 1460 г. умеръ Генрихъ Мореплаватель, заслуга котораго въ развитіи первыхъ морскихъ предпріятій огромна. Онъ, собственно, первый сдѣлалъ попытку практическаго осуществленія идеи морского пути въ Индію, и если при его жизни эта жизненная цѣль, важная для всѣхъ европейскихъ народовъ, вытѣсненныхъ изъ Средиземья мусульманами, не была еще достигнута, то во всякомъ случаѣ, благодаря его стараніямъ и географическимъ открытіямъ, сдѣланнымъ при его содѣйствіи, она изъ области иллюзій перешла уже въ область реальныхъ фактовъ. Помимо того, Ген-

рихъ Мореплаватель считается инициаторомъ колоніальной политики западно-европейскихъ странъ. Онъ впервые указалъ на необходимость заморскихъ пріобрѣтеній, облегчающихъ задачу торговаго обмѣна, и его планы въ этомъ отношеніи шли очень далеко. И прекрасно сознавая всю опасность, угрожавшую европейцамъ, проникавшимъ въ новыя страны, онъ позаботился о томъ, чтобы на ряду съ факторіями, устраивать тотчасъ же послѣ высадки экспедиціи на берегъ открытой территоріи, также и крѣпости, для защиты горсточки европейскаго населенія, прокладывавшаго пути торговыхъ сношеній большей частью среди враждебно настроенныхъ туземцевъ. „Дѣло, начатое имъ, не могло уже остановиться,—замѣчаетъ Пфлугъ-Гартунгъ. — Насмѣшки, которыми были встрѣчены его первыя предпріятія, смолкли; былъ найденъ путь, которымъ въ будущемъ долженъ былъ идти впередъ его народъ".

Послѣ смерти Генриха Мореплавателя во главѣ новыхъ заморскихъ предпріятій португальцевъ сталъ король Іоаннъ II. Важнѣйшей цѣлью теперь было уже не столько открытіе новыхъ территорій на африканскомъ материкѣ, сколько достиженіе восточнаго берега Африки, откуда начиналась по тогдашнему представленію европейцевъ Индія. Кромѣ того, здѣсь, на востокѣ Африки, должно было находиться царство архипресвитера Іоанна (Абиссинія), и португальскій король поставилъ себѣ задачей прежде всего открыть эту именно страну, откуда, по его мнѣнію, легче всего было бы перебраться къ берегамъ Азіи. Экспедиціи, снаряжаемыя подъ покровительствомъ Іоанна II, имѣли еще бо̀льшій успѣхъ, чѣмъ при Генрихѣ Мореплавателѣ, ибо чѣмъ дальше къ югу плыли теперь португальскіе корабли, тѣмъ все богаче были открываемыя ими страны, въ чемъ европейцы видѣли признакъ близости индійскаго царства. При входѣ въ Гвинейскій заливъ, передъ взорами португальцевъ открылся еще болѣе богатый золотомъ берегъ. Послѣ поверхностныхъ развѣдокъ въ этой области, убѣдившихъ смѣлыхъ предпринимателей въ богатствѣ всей вообще западной Африки, Іоаннъ II открылъ новую факторію, давъ ей названіе „del Mina" и основалъ тутъ же крѣпость св. Георгія. Эти новыя заморскія пріобрѣтенія Португаліи окрылили многихъ предпринимателей, которые съ еще большей энергіей принялись за развитіе морского дѣла. Но Іоаннъ II, подобно своему предшественнику Генриху Мореплавателю, неохотно покровительствовалъ этимъ авантюристамъ, движимымъ жаждой скорой и легкой наживы. Онъ вовсе не спѣшилъ съ открытіемъ новыхъ странъ, а старался основательно изучить результаты уже посланныхъ имъ экспедицій, чтобы развивать свою дальнѣйшую дѣятельность въ этомъ направленіи возможно цѣлесообразнѣе. Въ его царствованіи наука о мореплаваніи достигла большихъ успѣховъ. Имъ были образованы спеціальныя астрономическія комиссіи изъ выдающихся ученыхъ того времени, которымъ было поручено по звѣздному вычисленію опредѣлить географическое положеніе тѣхъ или другихъ странъ. Въ 1484 г. въ распоряженіе нѣкоего Діего Камъ было предоставлено королемъ два великолѣпно оборудованныхъ корабля, спеціально для изслѣдованія южнаго берега Африки. Ему въ помощники былъ приглашенъ знаменитый нѣмецкій ученый Мартинъ Бегаймъ, извѣстный бо̀льшей частью подъ именемъ „нюрембергскаго географа".

Діего Камъ открылъ рѣку Конго и изучилъ берегъ Африки на цѣлыхъ 200 лигъ къ югу отъ устья этой рѣки. Но то, что̀ составляло главную цѣль этой научной экспедиціи—открытіе прохода на Востокъ,—не было всетаки имъ осуществлено. Эта неудача способна была бы нѣсколько охла-

дить рвеніе Іоанна II, въ послѣдніе годы всецѣло отдавшагося разработкѣ проектовъ морскихъ предпріятій, если бы въ это время онъ не получилъ новаго подтвержденія изъ устъ абиссинскихъ священниковъ, прибывшихъ въ Испанію, и португальскихъ монаховъ, побывавшихъ въ Іерусалимѣ, что къ югу отъ Египта дѣйствительно находится большое христіанское государство, простирающееся до Индійскаго Океана. Получивъ такія важныя свѣдѣнія, король Іоаннъ II снарядилъ въ 1486 г. новую экспедицію, во главѣ которой онъ поставилъ Бартоломео Діаса и поручилъ ему открыть дорогу въ Индію, обогнувъ африканскій материкъ. Діасу удалось, наконецъ, достигнуть юга Африки, того самаго конечнаго пункта, который по желанію Іоанна II былъ названъ мысомъ Доброй Надежды. Обогнувъ дважды этотъ мысъ и проплывъ немного далѣе, къ сѣверо-востоку, Діасъ вернулся въ 1487 г. на родину и сообщилъ о результатахъ своей экспедиціи королю. Но у Іоанна II имѣлись уже и другія доказательства въ пользу расположенія Индіи на востокъ отъ африканскаго материка. Нѣкій Педро де-Ковильгамъ совмѣстно съ Аффонсо де-Паива, благодаря своему знанію арабскаго языка, проникъ черезъ Каиръ къ Малабарскому берегу и объ этомъ далъ по возвращеніи подробный отчетъ португальскому королю. Вскорѣ послѣ всего этого Іоаннъ II принялся лихорадочно за подготовленіе новой, большой экспедиціи, которая должна была, обогнувъ мысъ Доброй Надежды, направиться прямо къ Малабарскому берегу. Однако, смерть, постигшая его въ 1495 г., помѣшала осуществленію этого грандіознаго морского предпріятія, и открытіе пути въ Индію было сдѣлано уже въ царствованіе Мануэля.

Но въ это время другое государство Иберійскаго полуострова, Испанія стала соперничать въ заморской политикѣ съ Португаліей. Открытіе Колумбомъ Багамскихъ и Антильскихъ острововъ проложило совершенно новые пути для развитія морского могущества испанцевъ, до того времени стоявшихъ въ сторонѣ отъ колоніальныхъ предпріятій. Еще при Генрихѣ Мореплавателѣ португальцы были увѣрены въ томъ, что ранѣе, чѣмъ какой-нибудь другой европейскій народъ попытается послѣдовать ихъ примѣру и установить самостоятельный морской путь въ Индію, они сумѣютъ проникнуть на Востокъ и окончательно тамъ утвердиться. А между тѣмъ, испанцы въ сравнительно короткое время достигли въ мореплаваніи блестящихъ результатовъ. И если первыя два путешествія Колумба черезъ Атлантическій океанъ на западъ не ознаменовались еще открытіемъ восточной Индіи, то во всякомъ случаѣ эти предпріятія давали испанцамъ столько же шансовъ на возможность проникнуть на Востокъ изъ Новаго Свѣта, сколько ихъ было у португальцевъ, направлявшихся къ Индіи вокругъ Африки. Но это обстоятельство и повело къ энергичному соревнованію между двумя странами Иберійскаго полуострова, которое тѣмъ сильнѣе вліяло на духъ предпріимчивыхъ португальцевъ, чѣмъ успѣшнѣе дѣйствовали испанскіе мореплаватели. Достиженіе Восточной Индіи морскимъ путемъ было теперь дѣломъ національной гордости, дѣломъ политическаго честолюбія.

Въ 1497 г. Португалія отправляетъ экспедицію, состоящую изъ четырехъ кораблей, съ экипажемъ въ 150 человѣкъ, подъ командой Васко-да-Гамы, снабженнаго письмами короля для того, чтобы по прибытіи въ Индію онъ вручилъ ихъ мѣстнымъ государямъ. Быстро проплыли они вдоль западныхъ береговъ Африки, и достигнувъ мыса Доброй Надежды, повернули на востокъ, довѣрившись морской стихіи. Здѣсь морское теченіе все время относило ихъ отъ берега и съ большимъ трудомъ Васко-

да-Гамѣ удалось пристать къ области, лежащей у устья рѣки Замбези. Жители этой мѣстности, съ которыми Васко-да-Гама объяснялся на арабскомъ языкѣ, дали ему весьма цѣнныя указанія, которыми онъ пользовался въ дальнѣйшемъ своемъ плаваніи. Они разсказали ему между прочимъ о томъ, что дальше, къ сѣверу, находятся бѣлые люди, которые пріѣзжаютъ къ нимъ на корабляхъ и ведутъ оживленный товарообмѣнъ. Васко-да-Гама рѣшилъ, что эти „бѣлые люди" являются несомнѣнно жителями Индіи и что онъ, очевидно, находится уже въ преддверіи этой именно страны. Но, плывя дальше, онъ убѣдился, что ошибся въ своихъ предположеніяхъ, будто Индія находится на восточномъ берегу Африки. На его, все еще длинномъ морскомъ пути встрѣтился рядъ новыхъ африканскихъ странъ: Мозамбикъ, Занзибаръ, Момбасса, Мелинда, населенныхъ преимущественно арабами, которые, узнавши о попыткѣ европейцевъ достичь Индіи и понимая, какой ущербъ это можетъ принести ихъ торговлѣ, стали враждебно относиться къ экспедиціи Васко-да-Гамы. Вслѣдствіе такого отношенія къ европейскимъ мореплавателямъ со стороны жителей восточно-африканскихъ странъ, ему пришлось отказаться отъ дальнѣйшихъ остановокъ у береговъ Африки и взять курсъ въ восточномъ направленіи, выйдя такимъ образомъ въ открытое море. Но на мѣстѣ послѣдней стоянки кораблей Васко-да-Гамы, въ Мелиндѣ, населеніе, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, отнеслось дружелюбно къ португальцамъ, предложивши имъ взять съ собой опытнаго лоцмана, благодаря которому въ три недѣли они достигли перваго города Индіи, Каликута (20 мая 1498).

Вначалѣ португальцы были встрѣчены дружелюбно, какъ мѣстнымъ правителемъ, однимъ изъ могущественнѣйшихъ раджей Индіи, такъ и населеніемъ. По впослѣдствіи между европейцами и жителями Каликута начались враждебныя столкновенія, благодаря арабамъ, которые убѣдили туземцевъ въ томъ, что португальцы намѣрены завоевать всю ихъ страну. Въ виду этого Васко-да-Гама поспѣшилъ оставить Каликутъ и отправился въ обратный путь. Однако, на этотъ разъ Индійскій Океанъ оказался не столь гостепріимнымъ, и обратное плаваніе совершалось съ большими неудобствами. Большинство экипажа погибло либо въ пучинѣ бушующаго океана, либо отъ болѣзней, и 29 августа 1499 г. Васко-да-Гама прибылъ въ Лиссабонъ съ незначительнымъ количествомъ матросовъ. Здѣсь ему была устроена королемъ и населеніемъ торжественная встрѣча. Итакъ, завѣтная цѣль была достигнута; морской путь отнынѣ найденъ усиліями португальцевъ, слава коихъ затмила въ это время всѣ европейскіе народы. Васка-да-Гама привезъ съ собой множество восточныхъ драгоцѣнностей и образцовъ пряныхъ продуктовъ, которые свидѣтельствовали о томъ, что имъ достигнуто то именно царство сказочныхъ богатствъ, куда доступъ европейцамъ со стороны Средиземнаго моря былъ загражденъ мусульманскими народами.

Тотчасъ же по возвращеніи Васко-да-Гамы король Португаліи вновь снарядилъ въ Индію экспедицію, подъ начальствомъ Кабраля, въ распоряженіи котораго былъ уже цѣлый флотъ изъ 13 кораблей и 1500 человѣкъ. Кабралю удалось посѣтилъ не только Каликутъ, но Кочинъ и другіе важные центры торговли на Малабарскомъ берегу. Однако, вторичное появленіе въ Индіи португальцевъ дѣйствительно заставило жителей Малабарскаго берега серіозно обезпокоиться за свою судьбу, и на этой почвѣ началась настоящая война между туземцами и европейцами, война, осложненная еще мѣстными междоусобіями. Кабраль стойко вынесъ натискъ туземнаго населенія, и въ концѣ концовъ утвердился въ двухъ-трехъ

пунктахъ настолько прочно, что сумѣлъ завязать болѣе или менѣе правильныя торговыя сношенія съ странами, лежащими вдали отъ берега. Но настоящее утвержденіе португальскаго господства началось въ Индіи при Альбукеркѣ, который былъ назначенъ губернаторомъ всѣхъ восточныхъ владѣній Португаліи (1505). Альбукеркъ былъ основателемъ колоніальнаго могущества Португаліи, въ собственномъ смыслѣ этого слова. При немъ португальцы открыли свои факторіи и завязали торговыя сношенія въ Гоа, Діу, въ Малаккѣ, Макао, на о. Цейлонѣ. Его усиліями были открыты Молуккскіе острова (1511), считавшіеся лучшими рынками пряныхъ продуктовъ. Альбукеркъ открылъ также морской путь въ Ормузъ и овладѣлъ этимъ важнымъ торговымъ центромъ у входа въ Персидскій заливъ. „Къ матеріальнымъ успѣхамъ присоединились и моральные, — говоритъ одинъ изслѣдователь: — чувство собственнаго достоинства этой маленькой націи значительно поднялось... Португальская народность направила свои взоры въ даль океана, проложила путь современнымъ міровымъ морскимъ сообщеніямъ, приподняла конецъ таинственнаго покрывала, закрывающаго значительную часть міра. Съ этого времени быстро возросло міровое значеніе торговли и путей сообщеній. Средиземное море, которое до того занимало господствующее положеніе, сдѣлалось внутреннимъ озеромъ, тогда какъ океанъ, находившійся на второмъ планѣ, занялъ первое мѣсто и получилъ всемірное значеніе".

IX. Открытіе Америки и экономическія слѣдствія колоніальныхъ завоеваній [1]).

(Ст. Н. П. Борецкаго-Бергфельда).

Попытка отыскать морской путь въ Индію была сдѣлана также и Испаніей. Географическое положеніе этой страны не менѣе, чѣмъ положеніе Португаліи, способствовало развитію мореплаванія, а близость ея къ Африканскому материку давала ей возможность разсчитывать на новыя территоріальныя пріобрѣтенія по ту сторону Средиземнаго моря. И дѣйствительно, еще въ концѣ XIV в. купцы Андалузіи и другихъ южныхъ провинцій Испаніи, одержимые быть можетъ не столько духомъ коммерческой предпріимчивости, сколько склонностью къ приключеніямъ, съ разрѣшенія короля кастильскаго Генриха III, пред-

---

[1]) Въ основу этой статьи положены слѣдующіе труды: 1) *A. Supan.* „Die territoriale Entwicklung der Europäischen Kolonien". Gotha, 1906. 2) *J. Pflug-Harttung.* „Weltgeschichte". Baud IV. „Geschichte der Neuzeit". 3) *Кулишеръ.* „Лекціи по исторіи экономическаго быта Западной Европы". 4) *Зомбартъ.* „Современный Капитализмъ", т. I. M. 5) *Э. Зевортъ.* „Исторія Новаго Времени" (XVI—XVIII). Кіевъ, 1883. 6) *P. Leroy-Beaulieu.* „De la Colonisation chez les peuples modernes. Paris, 1882.

принимаютъ морское путешествіе къ западнымъ берегамъ Африки. Имъ удалось въ короткое время достичь Канарскихъ острововъ. Здѣсь они занялись грабежомъ, и нагрузивши свои корабли новыми, заморскими продуктами, забравъ также съ собой нѣсколькихъ жителей этихъ острововъ, двинулись въ обратный путь. Однако, это первое смѣлое путешествіе испанскихъ искателей приключеній вызвало скоро подражаніе со стороны потомка нормандскихъ рыцарей, породнившихся съ кастильскимъ дворянствомъ, Жана Бетенкура. Онъ былъ первымъ изъ испанцевъ, предпринявшимъ за свой страхъ и рискъ завоеваніе Канарскихъ острововъ (1402—1405) отъ имени короля Кастиліи. Отсюда Бетенкуръ проникъ на западный берегъ Африки, значительно южнѣе мыса Нуна, въ область, называемую Rio del Oro. По мнѣнію новѣйшихъ изслѣдователей колоніальной исторіи Западной Европы, это завоеваніе Канарскихъ острововъ, предпринятое Испаніей въ началѣ XV ст., не имѣло никакого отношенія къ вопросу объ отысканіи морского пути въ Индію, вопросу, особенно интересовавшему государства юго-западной Европы во второй половинѣ этого столѣтія. По всей вѣроятности, Канарскіе острова должны были служить опорнымъ пунктомъ въ борьбѣ Кастиліи и другихъ странъ Иберійскаго полуострова съ маврами, противъ которыхъ испанцы и португальцы предприняли настоящій крестовый походъ (Vander Linden).

Такимъ образомъ, несмотря на то, что еще въ XIV ст. жители южной Испаніи совершали значительныя морскія путешествія къ берегамъ Африки, эта страна не играетъ еще никакой роли въ колоніальныхъ открытіяхъ вплоть до конца XV ст., когда опередившая ее въ этомъ отношеніи Португалія вызываетъ со стороны Испаніи зависть и стремленіе соперничать съ ней въ морскомъ могуществѣ. Послѣ того только, какъ испанцы узнали о новыхъ успѣхахъ Португаліи, о томъ, что она проникла уже къ берегамъ Гвинейскаго Залива и основала тамъ свои факторіи, завязавъ весьма оживленныя торговыя сношенія съ туземнымъ населеніемъ, только послѣ этого они начинаютъ смотрѣть на развитіе мореплаванія и на заморскія пріобрѣтенія съ точки зрѣнія ихъ коммерческой выгоды. Такъ, Изабелла Кастильская начинаетъ понимать, что она совершила громадную ошибку, уступивъ навсегда по трактату въ Толедо въ 1480 г. Канарскіе острова Португаліи и рѣшаетъ послать новыя экспедиціи къ этимъ островамъ, чтобы завоевать ихъ вторично. Но это удалось ей лишь тогда, когда Колумбъ открылъ отъ имени Испаніи Новый Свѣтъ, сдѣлавъ во время своихъ путешествій нѣсколько остановокъ на Канарскихъ островахъ.

Стремленіе наверстать потерянное время, страстное желаніе опередить Португалію въ дѣлѣ распространенія своего вліянія въ заморскихъ странахъ увлекаетъ Изабеллу Кастильскую на путь широкой колоніальной политики. Пользуясь тѣмъ, что Португалія, упорно искавшая морского пути въ Индію, не достигла еще своей цѣли, и желая опередить ее въ этомъ, Изабелла принимается за осуществленіе новаго проекта, представленнаго ей генуэзскимъ мореплавателемъ, Христофоромъ Колумбомъ. Среди многихъ искателей приключеній того времени Колумбъ занимаетъ совершенно исключительное мѣсто. Пріобрѣвшій въ долгіе годы странствованія по Средиземному морю огромный опытъ въ морскомъ дѣлѣ, онъ сталъ интересоваться заморскими открытіями съ научной точки зрѣнія. Колумбъ для своего времени былъ человѣкомъ, чрезвычайно освѣдомленнымъ, хотя ученымъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова назвать его нельзя. Онъ

много лѣтъ изучалъ основательно географію, астрономію, познакомился съ записками различныхъ путешественниковъ, особенно тщательно изучилъ записки Марко-Поло, подробнѣе другихъ описывающаго страну великаго Могола, подъ властью котораго, по тогдашнему представленію европейцевъ, должна была находиться Индія. Онъ состоялъ также въ перепискѣ съ Тосканелли и пользовался его совѣтами въ составленіи своего новаго проекта достиженія Индіи западнымъ путемъ. Для современниковъ Колумба такой именно проектъ казался совершенно безпочвеннымъ, чуть ли не бредомъ безумца, такъ какъ смѣлый предприниматель игнорировалъ всѣ тѣ пути, которые уже были открыты и которые приближали, несомнѣнно, путешественниковъ и открывателей къ главной цѣли. Вѣдь открытіе мыса Доброй Надежды являлось какъ бы послѣднимъ этапомъ въ упорныхъ стремленіяхъ португальцевъ достичь береговъ восточнаго царства. Колумбъ же намѣчалъ новый и потому чреватый опасностями *западный путь*, къ тому же никому не внушавшій ни малѣйшей увѣренности въ томъ, что такимъ образомъ можно будетъ найти Индію, такъ какъ мало кто въ то время имѣлъ представленіе о шаровидности земли. Вотъ почему проектъ Колумба, представленный португальскому королю, потерпѣлъ фіаско. Для Португаліи, уже совершившей рядъ морскихъ открытій, проэктъ этотъ былъ мало обоснованнымъ и не стоющимъ вниманія.

По мнѣнію новѣйшаго изслѣдователя вопроса объ открытіи Америки, Виньо, Колумбъ самъ мало надѣялся на то, что ему удастся найти Индію западнымъ путемъ. Будучи прекрасно освѣдомленъ въ географіи, онъ былъ твердо убѣжденъ, что на Западѣ, по ту сторону Атлантическаго Океана, должна находиться новая, никому неизвѣстная еще территорія. Но проектъ открыть никому неизвѣстную территорію въ то время, когда сколько-нибудь точныя данныя имѣлись только о существованіи Азіи или вѣрнѣе Востока, представлявшагося европейцамъ въ видѣ естественнаго продолженія африканскаго материка, такой смѣлый проектъ еще меньше могъ разсчитывать на сочувствіе со стороны кого бы то ни было, чѣмъ достиженіе Индіи западнымъ путемъ. Вполнѣ сознавая это и не желая въ то же время отказаться отъ мысли плыть на Западъ, Колумбъ, по словамъ Виньо, говорилъ всѣмъ о своемъ желаніи найти якобы новымъ путемъ Индію. Покинувъ Португалію, онъ пытается привлечь на свою сторону соперничающихъ съ португальцами испанцевъ. Послѣ долгихъ мученій ему удалось, наконецъ, получить аудіенцію у Изабеллы Кастильской, которая соблазнилась его проектомъ по двумъ причинамъ. Съ одной стороны, она считала государственной необходимостью пріобрѣсти новыя владѣнія за морями, чтобы не отстать отъ Португаліи въ смыслѣ развитія морского могущества, а проектъ открытія Индіи не только соотвѣтствовалъ этимъ ея планамъ, но и давалъ еще возможность, къ тому же, овладѣть и путями торговли съ Востокомъ. Другая же задача, которая толкала ее на путь колоніальной политики, заключалась въ ея стремленіи распространить въ новыхъ странахъ католическую религію. Есть много данныхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что именно интересы католической церкви, которые Изабелла Кастильская такъ ревностно защищала совмѣстно съ своимъ супругомъ Фердинандомъ Арагонскимъ (за что они оба заслужили названіе „католическихъ монарховъ“), возобладали надъ всѣми прочими соображеніями въ ея окончательномъ рѣшеніи оказать матеріальную поддержку проекту Колумба. Какъ бы то ни было, а благодаря „католичкѣ“ Изабеллѣ Колумбъ смогъ,

наконецъ, привести въ исполненіе давно задуманный имъ планъ, увѣнчавшійся блестящимъ успѣхомъ.

Флотилія Колумба, отплывшая 3 августа 1492 г. изъ маленькаго испанскаго городка на Средиземномъ морѣ, Палоса, совершила продолжительное и опасное путешествіе черезъ Атлантическій океанъ. Надо замѣтить, что за время развитія мореплаванія въ океанѣ, это былъ первый случай, когда люди рисковали плыть въ совершенно открытомъ морѣ. Плаваніе же португальцевъ къ Востоку вдоль Африканскаго материка не сопровождалось большимъ рискомъ, такъ какъ корабли ихъ почти все время держались близко къ берегу. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, однако, Колумбъ съ высоты своего судна замѣтилъ первую заатлантическую территорію—это былъ одинъ изъ острововъ Багамскаго Архипелага, который туземцы называли Гуанани и который Колумбъ переименовалъ въ Санъ-Сальвадоръ. Отсюда онъ направился къ другимъ, близъ лежащимъ островамъ, посѣтилъ Гаити и назвалъ его Испаньолой, предположивъ вначалѣ, что здѣсь и находится пресловутый Ципангу (Японія), о которомъ столько говорится въ запискахъ Марко Поло. Но достигнувъ впервые вестъ-индскихъ острововъ, Колумбъ былъ введенъ въ нѣкоторое заблужденіе. Дѣло въ томъ, что внѣшность ихъ, богатство природы и признаки присутствія въ нѣдрахъ этихъ острововъ золота и другихъ металловъ (на всѣхъ туземцахъ были золотыя украшенія, которыя они мѣняли на различныя бездѣлушки, привезенныя испанцами) напоминали извѣстныя ему уже описанія Востока, и Колумбъ склоненъ былъ думать, что онъ дѣйствительно находится въ преддверіи Индіи, добравшись-таки до нея, вопреки всѣмъ сомнѣніямъ, западнымъ путемъ. Вернувшись въ Испанію съ образцами заморскихъ продуктовъ и драгоцѣнныхъ украшеній, отобранныхъ у туземцевъ, онъ все еще колебался въ вопросѣ, имѣвшемъ для него лично, по крайней мѣрѣ, громадное научное значеніе. Между тѣмъ, радостно и торжественно встрѣтивъ великаго предпринимателя и путешественника, Испанія праздновала одну изъ самыхъ славныхъ побѣдъ своихъ. Отнынѣ испанцы владѣли морскимъ путемъ, ведущимъ прямо въ Индію. Такъ они полагали, хотя самое царство сказочныхъ богатствъ не было еще открыто, и поэтому, острова, лежащіе якобы въ преддверіи къ этому царству, названы были ими Вестъ-Индіей. Но во второе и слѣдующія свои путешествія въ Вестъ-Индію, Колумбъ (всего совершившій туда четыре поѣздки) посѣтилъ другіе острова Антильскаго Архипелага и, спустившись немного на юго-западъ, къ территоріи, называющейся нынѣ Гондурасомъ, убѣдился въ томъ, что все же земля, имъ открытая, является совершенно новой и что только теперь и предстоитъ ему отысканіе западнаго пути на Востокъ. Въ то же время онъ рѣшилъ—и какъ мы теперь знаемъ, совершенно правильно,—что такой путь лежитъ къ югу, для чего необходимо обогнуть новый материкъ. Къ этому времени Индія была уже открыта португальцами, тѣмъ не менѣе, исходя изъ убѣжденія въ шаровидности земли, Колумбъ не оставлялъ своей мысли о возможности проплыть туда въ намѣченномъ имъ направленіи. И насколько ясно представлялъ себѣ Колумбъ карту Востока, какъ свободно онъ оріентировался въ новомъ, открытомъ имъ Свѣтѣ, видно изъ того, что, по его предположенію, ближайшей азіатской территоріей къ Вестъ-Индскимъ островамъ должны были бы быть Молуккскіе острова или, какъ ихъ тогда называли европейцы, „Острова пряностей“. Такимъ образомъ имъ былъ намѣченъ почти тотъ самый путь, который прошелъ въ 1519—1521 гг. Магелланъ, открывшій эру кругосвѣтнаго плаванія.

Открытіе Новаго Свѣта Колумбомъ сразу выдвинуло Испанію въ ряды первоклассныхъ державъ и открыло ей путь для широкаго экономическаго развитія. Португальцы увидѣли въ этомъ большую для себя опасность. Покуда Испанія искала путей къ новымъ заморскимъ владѣніямъ, можно было еще сомнѣваться въ успѣхѣ ея предпріятій и не бояться ея соперничества, тѣмъ болѣе, что за вторую половину XV ст. Португалія въ своемъ заморскомъ развитіи шагнула такъ далеко, что, казалось, угнаться за ней на этомъ пути составляло нелегкую задачу.

Но открытіе Колумба являлось прямо-таки переворотомъ въ исторіи. Помимо того, что оно предоставляло Испаніи новое поле дѣятельности и расширяло область ея политическаго вліянія, оно разсѣяло даже у самыхъ закоренѣлыхъ скептиковъ сомнѣнія относительно того, что Испанія сумѣетъ проложить новые пути къ Востоку и станетъ такимъ образомъ бокъ-о-бокъ съ Португаліей, съ которой ей не трудно будетъ конкурировать въ торговлѣ восточными продуктами. Эти соображенія и вынудили Португалію послѣ перваго же путешествія Колумба, начать переговоры съ Испаніей о размежеваніи между ними сферъ колоніальнаго вліянія. Окончательное рѣшеніе этого вопроса было предоставлено папѣ Александру VI, который издалъ въ 1493 г. по этому поводу четыре буллы. Однако, дипломатическіе переговоры между Испаніей и Португаліей продлились до 7 іюля 1494 г., когда въ Тордесиласѣ былъ подписанъ договоръ, въ силу котораго сферой вліянія первой считалась западная половина земного шара, сферой же вліянія второй—восточная его половина, причемъ границей былъ намѣченъ мередіанъ, лежащій на разстояніи 370 легасовъ къ западу отъ Зеленаго Мыса.

Съ начала XVI ст. у населенія обоихъ, прославившихся великими открытіями государствъ обнаруживается лихорадочное стремленіе въ новыя страны, куда ихъ влечетъ, прежде всего, возможность легкой наживы. Всѣмъ казалось, будто въ этихъ новыхъ странахъ „золото валяется подъ ногами“. На взглядъ этихъ первыхъ европейскихъ эмигрантовъ, цѣнность земли въ колоніяхъ зависѣла не отъ ея плодородія, а отъ того, заключался ли въ ея нѣдрахъ драгоцѣнный металлъ или нѣтъ. Никогда еще, быть можетъ эмиграція изъ Португаліи и Испаніи не достигала такихъ размѣровъ, какъ въ началѣ XVI ст. Наиболѣе значительныя поселенія въ заморскихъ колоніяхъ этихъ государствъ были основаны именно въ эту эпоху конквистадорства и авантюръ. Но и никогда, быть можетъ, колоніальныя предпріятія не носили такого хищническаго характера, какъ въ періодъ первыхъ европейскихъ эмиграцій въ Остъ и Вестъ-Индію. Это была эпоха самыхъ большихъ расхищеній, какія только знаетъ исторія. Жадно набрасывались европейцы на всякое новое мѣсто, овладѣвая тѣмъ или инымъ источникомъ обогащенія. Но во время этого хаоса переселеній изъ Европы на новыя мѣста, въ самый разгаръ колоніальныхъ авантюръ, нарасталъ процессъ серьезнаго экономическаго переворота. Уже одинъ тотъ фактъ, что всѣми новыми рынками товарообмѣна отнынѣ владѣли только два государства—Португалія и Испанія, что центръ тяжести экономическаго развитія Европы перемѣстился на Иберійскій полуостровъ, что былое торговое значеніе Венеціи и Генуи окончательно пало и что, наконецъ, установлено два великихъ морскихъ пути, черезъ Атлантическій океанъ къ новому материку и вокругъ Африки—къ Индіи, одно это являлось чрезвычайно важнымъ обстоятельствомъ, имѣвшимъ огромное вліяніе на весь строй хозяйственной жизни Европы.

Прежде всего, сравнительно легкая добыта золота въ Америкѣ увеличила въ такихъ размѣрахъ притокъ благороднаго металла на европейскій континентъ, что произошла такъ называемая революція цѣнъ. Въ этомъ многіе видѣли главное зло, порожденное открытіемъ новыхъ странъ. Въ самомъ дѣлѣ, еще до конца XIV ст. благородный металлъ находился въ весьма ограниченномъ количествѣ въ оборотѣ Европы. Деньги, слѣдовательно, стоили очень дорого, а предметы потребленія почти что обезцѣнились. Сильный же притокъ золота съ XVI в. сразу рѣзко мѣняетъ указанныя экономическія условія. Благодаря ему происходитъ совершенно обратное явленіе: деньги падаютъ въ цѣнѣ вслѣдствіе ихъ изобилія (въ нѣсколько лѣтъ количество обращавшейся въ Европѣ монеты увеличилось въ 12 разъ, приблизительно на 60 милліоновъ франковъ ежегодно), а предметы первой необходимости страшно дорожаютъ,—въ иныхъ случаяхъ повышеніе цѣнъ достигало 200 процентовъ. Собственно говоря, въ этомъ одномъ увеличеніи денежнаго запаса нѣтъ еще большой бѣды. Напротивъ, обладаніе излишкомъ благороднаго металла увеличиваетъ покупательную способность населенія и порождаетъ новыя потребности, являющіяся, въ свою очередь, стимуломъ для промышленнаго развитія страны. Но въ томъ-то и бѣда, что этотъ кругъ экономическихъ причинъ и слѣдствій, въ общемъ, казалось бы могущихъ имѣть благотворное значеніе для массъ, на дѣлѣ ухудшилъ ихъ положеніе. Революція цѣнъ нисколько не коснулась утвердившейся при старомъ экономическомъ порядкѣ нормы заработной платы. Цѣны на трудъ остались прежнія, т.-е. стояли такъ низко, что при вздорожаніи продуктовъ потребленія во многихъ случаяхъ въ четыре, шесть и восемь разъ противъ прежней ихъ стоимости, трудящіяся массы обречены были на лишенія и не могли пріобрѣтать для себя самыхъ необходимыхъ продуктовъ. А если кое-гдѣ и замѣтно было возрастаніе заработной платы, то всегда въ незначительной степени въ сравненіи съ общимъ уровнемъ цѣнъ на товары. „Реальная плата,—говоритъ Кулишеръ,—слѣдовательно, упала: она понизилась уже въ началѣ XVI ст. и составляла къ концу XVII ст. не болѣе половины того, что рабочіе получали въ 1500 г.“. Въ эту именно пору начинается тотъ процессъ обнищанія или пролетаризаціи трудовыхъ элементовъ населенія, который вынуждаетъ ихъ къ открытому протесту противъ установившихся новыхъ экономическихъ условій, протесту, вылившемуся въ мятежныхъ движеніяхъ. Повышеніе заработной платы составляло уже важнѣйшую задачу времени, и королевская власть вынуждена была издавать спеціальные указы, въ которыхъ выражалась забота объ улучшеніи экономическаго положенія рабочаго класса. Въ одномъ такомъ королевскомъ ордонансѣ, изданномъ въ 1544 г., прямо говорится, что „подданные наши такъ сильно отягощены и затруднены, что даже имѣющіе кое-какой доходъ не въ состояніи пропитаться, а еще менѣе могутъ сдѣлать это рабочіе и низшій классъ трудомъ своихъ рукъ, почему и вынуждены требовать увеличенія рабочей платы“. Таковы были послѣдствія наплыва золота изъ заморскихъ колоній въ Европу.

Но, съ другой стороны, колоніи имѣли огромное вліяніе на развитіе такъ называемой меркантильной системы во всѣхъ западно-европейскихъ странахъ,—системы, возникшей почти одновременно съ открытіемъ новыхъ странъ, господствовавшей до французской революціи и имѣющей своихъ сторонниковъ и въ наше время. Въ эпоху первыхъ сношеній съ заморскими странами, когда торговля стала постепенно развиваться, эко-

номическая политика государствъ основывалась на томъ, что „богатство и благосостояніе народовъ создаются деньгами, добываемыми только внѣшней торговлей". Правительственная власть, поэтому, охотно покровительствовала всякимъ колоніальнымъ предпріятіямъ и содѣйствовала развитію вывозной торговли. Но главная задача меркантилизма заключалась въ томъ, чтобы держать исключительно въ своихъ рукахъ всю заморскую торговлю. Такъ возникаетъ система торговой монополіи. И долгое время послѣ открытія Новаго Свѣта и Индіи вся торговля въ этихъ странахъ шла исключительно черезъ Испанію и Португалію. Европейскіе купцы пріѣзжали въ эти страны, и здѣсь производился товарообмѣнъ, причемъ пиренейскія государства имѣли огромный доходъ отъ пошлинъ, налагаемыхъ ими на вывезенные изъ колоній продукты. Колоніальная же торговля носила строго урегулированный характеръ. Одинъ разъ или два раза въ году цѣлая флотилія торговыхъ судовъ, приблизительно двадцать кораблей, прибывала изъ колоній въ Лиссабонъ и Севилью, черезъ Кадиксъ, гдѣ къ этому времени находились уже купцы, въ свою очередь привозившіе изъ другихъ государствъ Западной Европы предметы производства для обмѣна.

Для развитія промышленности въ Европѣ открытіе новыхъ странъ имѣло огромное значеніе. По словамъ Зомбарта, европейскій капитализмъ былъ вызванъ къ жизни благодаря колоніальной политикѣ западно-европейскихъ странъ, политикѣ, приведшей къ „разграбленію трехъ частей свѣта". „Какъ богатство италіанскихъ городовъ,—говоритъ онъ,—было бы немыслимо безъ обнищанія остальныхъ странъ по Средиземному морю, такъ и расцвѣтъ Португаліи, Испаніи, Голландіи, Франціи и Англіи былъ бы немыслимъ безъ предшествовавшаго уничтоженія арабской культуры, безъ разграбленія Африки, безъ обнищанія и опустошенія Южной Азіи и ея острововъ, плодородной Остъ-Индіи и цвѣтущихъ государствъ инковъ и ацтековъ". Прежде всего, колоніи доставляли въ огромномъ количествѣ сырой матеріалъ, а затѣмъ эти же колоніи являлись новыми рынками для сбыта товаровъ европейскаго производства, потребность въ которыхъ увеличивалась тѣмъ больше, чѣмъ сильнѣе распространялась въ заморскихъ странахъ волна европейской эмиграціи. Дикія мѣста расчищались, устраивались новые города, туземцы пріобщались къ европейской культурѣ—все это вызывало новыя потребности, появлялся спросъ на такіе предметы производства, которыхъ нельзя было пріобрѣтать въ колоніяхъ. Однако, несмотря на то, что вся эта торговля съ колоніями находилась въ монопольномъ владѣніи Португаліи и Испаніи, въ городахъ которыхъ устраивались огромные склады колоніальныхъ продуктовъ, промышленность странъ Иберійскаго полуострова была развита весьма слабо. Онѣ выполняли теперь ту роль, которую играли въ концѣ среднихъ вѣковъ арабы, т.-е. были посредниками между Европой и новыми колоніальными рынками. Но зато другія государства быстро развили у себя промышленность и сбывали въ колоніи Испаніи и Португаліи свои фабрикаты благодаря посредничеству купцовъ, среди которыхъ міровой извѣстностью пользовались нѣмецкіе купцы Вельзеры и Фуггеры. Еще Адамъ Смитъ указалъ, что открытіе колоній имѣло огромное вліяніе на промышленное развитіе не тѣхъ странъ, которыя ими владѣли, а тѣхъ, которыя еще не вступили на путь заморскихъ пріобрѣтеній. Такъ, напримѣръ, вскорѣ послѣ открытія Новаго Свѣта производство полотна въ Голландіи значительно увеличилось, такъ какъ появившійся на него спросъ не могъ быть удовлетворенъ „колоніальными"

государствами, т.-е. Португаліей и Испаніей, съ ихъ едва развитой промышленностью. И вліяніе иностранныхъ купцовъ-посредниковъ въ странахъ Иберійскаго полуострова все болѣе увеличивалось по мѣрѣ того, какъ все болѣе и болѣе развивалась торговля съ ихъ колоніями. Но если Лиссабонъ былъ главнымъ складочнымъ пунктомъ колоніальныхъ товаровъ, то Антверпенъ, въ виду занимаемаго имъ какъ бы центральнаго положенія среди главныхъ западно-европейскихъ государствъ, становится съ XVI в. главнымъ торговымъ городомъ. Сюда пріѣзжали купцы, скупавшіе въ однѣ руки товары въ огромномъ количествѣ, такъ сказать, оптомъ. Это были также монополисты, и лишь въ Антверпенѣ торговля имѣла широкій характеръ. „Такъ, Фуггеры въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій играли руководящую роль въ торговлѣ перцемъ на антверпенскомъ рынкѣ,—говоритъ Кулишеръ.—Точно такъ же и Вельзеры вели въ большихъ размѣрахъ торговлю остъ-индскими пряностями... Гехштеттеры изъ Аугсбурга и Лацарусъ Тугеръ изъ Нюренберга очень удачно спекулировали на пряностяхъ, привезенныхъ изъ Лиссабона въ Антверпенъ... Первоначально каждый изъ этихъ торговыхъ домовъ, повидимому, самостоятельно закупалъ пряности изъ королевскихъ магазиновъ въ Лиссабонѣ, но впослѣдствіи образовался цѣлый синдикатъ, который бралъ весь перецъ, монополизированный португальскимъ королемъ, на откупъ... Не только торговля пряностями—перцемъ, имбиремъ, корицей,—но и торговля другими товарами въ Антверпенѣ находилась въ рукахъ синдикатовъ, состоявшихъ изъ немногихъ крупныхъ торговыхъ фирмъ".

Однако, привилегированное положеніе Португаліи и Испаніи въ торговлѣ съ колоніями было утрачено ими уже въ концѣ XVI ст., такъ какъ вслѣдъ за странами Иберійскаго полуострова вступила на путь заморской политики Голландія, съ единственной цѣлью получить свободный и непосредственный доступъ къ восточнымъ рынкамъ. Въ XVII ст. образуются первыя голландскія торговыя компаніи, которыя наносятъ огромный ущербъ колоніальной политикѣ Португаліи. Съ этого времени вообще начинается европейская колоніальная политика, въ собственномъ смыслѣ этого слова. За Голландіей тянутся Англія, Франція, позже—другія государства Западной Европы, движимыя интересами экономическаго характера. Въ этомъ соперничествѣ государствъ Европы на пути распространенія ихъ заморскаго вліянія за счетъ странъ Иберійскаго полуострова и лежитъ основная причина быстраго паденія колоніальнаго могущества Португаліи и Испаніи.

X. Христофоръ Колумбъ и открытіе Новаго Свѣта.

(По соч. Вашингтона Ирвинга).

Многіе города оспариваютъ честь называться родиной Колумба; но всего вѣрнѣе то, что онъ родился въ Генуѣ въ 1436 г. Отецъ его, простой ремесленникъ, былъ бѣдный, но честный и всѣми уважаемый человѣкъ. Христофоръ былъ старшій изъ его четверыхъ дѣтей. Воспитаніе онъ получилъ хотя и не блестящее, но довольно основательное для небольшихъ средствъ его родителей и даже пробылъ нѣкоторое время въ

высшемъ училищѣ въ Павіи, хотя уже 14-ти лѣтъ вышелъ оттуда. Еще съ ранняго дѣтства онъ обнаруживалъ сильнѣйшій интересъ къ географіи и непобѣдимое влеченіе къ морю и потому съ жаромъ изучалъ всѣ науки, которыя имѣли отношеніе къ морскому поприщу.

Чтобы понять такого рода направленіе въ молодомъ человѣкѣ, необходимо обратить вниманіе на общее настроеніе умовъ XV столѣтія, столь обильнаго открытіями и изобрѣтеніями. Возрожденіе древне-классической литературы много способствовало возбужденію интереса къ географическимъ изслѣдованіямъ. Особенное вниманіе обратили на себя сочиненія греческихъ и римскихъ географовъ Птоломея, Плинія, Помпонія Мелы и Страбона, которыя послужили основаніемъ для дальнѣйшаго развитія землевѣдѣнія. Открытія португальцевъ вдоль западныхъ береговъ Африки еще болѣе усилили этотъ интересъ къ географіи, въ особенности же въ приморскомъ и торговомъ городѣ, какова была Генуя.

Генуя, окруженная со стороны твердой земли высокими горами, представляла небольшое поле для предпріятій на сушѣ, тогда какъ обширная торговля со стороны моря и неустрашимый флотъ, объѣзжавшій всѣ моря, естественно привлекали на волны ихъ молодыхъ людей смѣлаго и предпріимчиваго характера, каковъ былъ и Колумбъ. Онъ самъ говоритъ, что въ первый разъ отправился въ море 14-ти лѣтъ. Жизнь моряка на Средиземномъ морѣ состояла въ ту эпоху изъ ряда опасныхъ приключеній и отчаянныхъ схватокъ: морскіе разбои почти покровительствовались властями. Частые раздоры между итальянскими республиками, цѣлыя эскадры простыхъ искателей приключеній, то употребляемыхъ непріятельскими правительствами, то разъѣзжавшихъ по морямъ по своей охотѣ для незаконной добычи, экспедиціи, предпринимаемыя западными христіанами противъ магометанскихъ владѣній — все это дѣлало тѣсныя моря, на которыхъ было сжато все тогдашнее мореплаваніе, мѣстомъ жесточайшихъ встрѣчъ и страшныхъ бѣдствій. Эта суровая школа, которую прошелъ Коломбъ, доставила ему то практическое знаніе, ту непоколебимую рѣшимость, то постоянное умѣніе владѣть собой, которыми онъ отличался впослѣдствіи. Лишенія и препятствія не подавили его геніальной натуры.

Изъ разныхъ свѣдѣній, дошедшихъ до насъ о дѣятельности Колумба въ ту эпоху, достовѣрно только то, что онъ былъ нѣкоторое время начальникомъ экспедиціи, снаряженной неаполитанскимъ королемъ противъ тунисскихъ пиратовъ. Въ ней онъ обнаружилъ тотъ духъ настойчивости и непреклонной твердости, который впослѣдствіи обезпечилъ успѣхъ его важнѣйшихъ предпріятій. На половинѣ пути экипажъ Колумба былъ встревоженъ извѣстіемъ о многочисленности пиратовъ и отказался плыть далѣе, требуя, чтобы судно возвратилось за подкрѣпленіемъ въ Марсель. Не имѣя возможности принудить экипажъ плыть далѣе, Колумбъ сдѣлалъ видъ, что согласился, перемѣнилъ направленіе корабля и поднялъ паруса. Дѣло было вечеромъ, а на другое утро они очутились на высотѣ Карѳагена, тогда какъ всѣ были убѣждены, что плывутъ въ Марсель.

Слава объ открытіяхъ португальцевъ, объ ихъ частыхъ экспедиціяхъ, отправляющихся въ море, привлекала въ Лиссабонъ толпы иностранцевъ, между которыми въ 1470 году оказался и Колумбъ. Онъ былъ въ то время уже въ полномъ развитіи своихъ нравственныхъ и физическихъ силъ. Наружность онъ имѣлъ благородную и величественную, былъ высокъ ростомъ, строенъ и силенъ; объяснялся онъ свободно и краснорѣчиво

и былъ чрезвычайно ласковъ въ обхожденіи со всѣми. Несмотря на природную раздражительность характера, Колумбъ умѣлъ умѣрять свои порывы душевной силой и отличался строгой религіозностью, соединенной съ тѣмъ благороднымъ энтузіазмомъ, которымъ былъ запечатлѣнъ весь его характеръ. Въ Лиссабонѣ Колумбъ познакомился съ дочерью покойнаго губернатора острова Портъ-Санто, считавшагося однимъ изъ лучшихъ мореходцевъ при жизни принца Генриха. Знакомство обратилось во взаимную привязанность и закончилось бракомъ, который утвердилъ пребываніе Колумба въ Лиссабонѣ. Мать его жены, замѣтивъ сильный интересъ зятя къ морскимъ предпріятіямъ, разсказала ему, что знала, объ экспедиціяхъ своего мужа и отдала ему всѣ карты и корабельные дневники покойнаго. Это были драгоцѣнные матеріалы для Колумба. Онъ сталъ изучать всѣ пути, которыми слѣдовали португальцы, и самъ принималъ иногда участіе въ экспедиціяхъ, посылаемыхъ на гвинейскій берегъ. Возвращаясь въ Лиссабонъ, онъ занимался составленіемъ картъ и глобусовъ для продажи и этимъ добывалъ средства къ содержанію своего семейства. Составленіе вѣрной и исправной карты требовало въ то время необыкновенныхъ познаній и опытности. Карты XV вѣка представляли странную смѣсь истины и самыхъ дикихъ заблужденій, а потому и познанія и искусство такого географа, какъ Колумбъ, естественно обратили на него вниманіе ученыхъ того времени. Уже въ 1474 году онъ былъ въ перепискѣ съ извѣстнѣйшимъ флорентійскимъ ученымъ Пауло Тосканелли, и переписка эта много способствовала развитію великой идеи Коломба. Сравнивая безпрестанно карты, наблюдая степени дальности путей и направленіе мореплавателей, онъ былъ пораженъ тѣмъ, что столь огромная часть земного шара остается неизвѣстною, и это навело его на мысль о возможности дальнѣйшихъ открытій. Переселившись по семейнымъ обстоятельствамъ на островъ Порто-Санто, онъ находился въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ путешественниками, отправлявшимися въ Гвинею или ѣдущими изъ нея обратно, и это давало постоянно новую пищу его соображеніямъ и планамъ. Всеобщее броженіе умовъ подъ вліяніемъ совершившихся открытій было таково, что часто порождало слухи о неизвѣстныхъ островахъ, замѣчаемыхъ въ океанѣ, и нерѣдко поводомъ къ тому служили облака, разстилавшіяся неподвижно надъ горизонтомъ. Колумбъ, однако, не раздѣлялъ этихъ заблужденій и старался найти болѣе положительныя данныя для подтвержденія своихъ мыслей. Съ этой цѣлью онъ сталъ изучать все, что было написано по географіи съ древнѣйшихъ временъ, тщательно разбирая и провѣряя различныя теоріи, на основаніи собственныхъ опытовъ и современныхъ извѣстій.

Мало по малу Колумбъ обосновалъ свою теорію на слѣдующихъ данныхъ:

1) Принимая за аксіому, что земля имѣетъ видъ шара, который можно объѣхать отъ востока на западъ, и что у насъ есть антиподы, Коломбъ, подобно Птоломею, раздѣлилъ поверхность земли по экватору на 24 часа, по 15° каждый. Сравнивая глобусъ Птоломея съ древнѣйшей картой Марино Тирскаго, онъ опредѣлилъ, что изъ числа этихъ 24-хъ часовъ древнимъ извѣстны были только 15, т.-е. пространство отъ Гибралтарскаго пролива до города Фине въ Азіи. Португальцы же открытіемъ острововъ Азорскихъ и Зеленаго мыса подвинули западную границу еще на одинъ часъ, но еще цѣлая треть земной поверхности оставалась неизвѣстной. Большая часть этого пространства могла быть занята, по мнѣнію Колумба, восточными странами Азіи, такъ что, отправляясь отъ

востока на западъ, мореходецъ долженъ приплыть къ восточной окраинѣ Азіи или Индіи и открыть всѣ земли и острова, лежащіе на пути къ ней.

2) На основаніи сочиненій Аристотеля, Плинія и Страбона, Колумбъ полагалъ, что междуземный океанъ не можетъ быть слишкомъ обширенъ и что переѣхать его не трудно, особенно если допустить мнѣніе арабскаго космографа, Альфрагена, который, уменьшивъ величину градусовъ, призналъ вмѣстѣ съ тѣмъ и меньшую величину земли. Повѣствованія путешественниковъ, Марко-Поло и Мандевиля, посѣтившихъ въ XIII и XIV столѣтіи восточныя страны Азіи гораздо далѣе описанныхъ Птоломеемъ, еще болѣе утвердили его въ убѣжденіи объ относительной близости азіатскихъ береговъ.

3) Возбужденный къ этому изслѣдованію, Колумбъ пользовался для подкрѣпленія своихъ мнѣній всѣми обстоятельствами, какъ бы темны и ничтожны они ни казались. Съ этою цѣлью онъ тщательно собиралъ различныя свѣдѣнія и показанія отъ моряковъ и жителей вновь открытыхъ островов. Таковы были, напримѣръ, разсказы объ обрубкѣ дерева, найденномъ въ водѣ на разстояніи 450 миль на западъ отъ мыса Санъ-Винцента и, видимо, отрубленномъ не желѣзнымъ инструментомъ; о тростникѣ необыкновенной толщины, пригнанномъ западнымъ вѣтромъ къ берегамъ вновь открытыхъ островов. Изъ описанія этого растенія Колумбъ вывелъ заключеніе, что это тотъ самый огромный тростникъ, о которомъ упоминаетъ Птоломей, исчисляя произведенія Индіи. Еще большее значеніе имѣло показаніе жителей Азорскихъ островов объ обломкахъ исполинскихъ сосенъ неизвѣстной породы, заносимыхъ западными вѣтрами и, въ особенности, о двухъ человѣческихъ трупахъ, лица которыхъ не имѣли никакого сходства съ лицами людей всѣхъ извѣстныхъ тогда типовъ.

Переписка съ Тосканелли и присланная имъ карта еще болѣе воспламенили воображеніе Колумба. На картѣ этой, составленной частію по свидѣтельствамъ Птоломея, частью же по описанію Марко-Поло, восточный берегъ Азіи былъ означенъ противъ западныхъ береговъ Африки и Европы и отдѣленъ отъ нихъ небольшимъ пространствомъ океана, на которомъ были размѣщены предполагавшіеся острова Чипанго, Антилы и др.

Странно, до какой степени успѣхъ этого предпріятія зависѣлъ отъ двухъ счастливыхъ заблужденій: отъ мнимаго протяженія Азіи по направленію къ востоку и отъ воображаемой малости земли.

Когда Колумбъ составилъ свою теорію; она укоренилась въ его умѣ съ удивительной силою и имѣла вліяніе на весь его характеръ и на всѣ его поступки. Проникнутый глубокимъ религіознымъ чувствомъ, онъ смотрѣлъ на себя, какъ на посланника Божія, избраннаго для исполненія Его великихъ предначертаній. Энтузіазмъ, которымъ онъ былъ воодушевленъ, сообщался его словамъ, самой осанкѣ.

Португальскій дворъ съ необыкновенной щедростью вознаграждалъ морскія предпріятія. Почти всѣ совершившіе отъ его имени отдаленныя экспедиціи были назначены губернаторами тѣхъ островов и земель, которые они открыли, хотя многіе изъ нихъ были иностраннаго происхожденія. Ободренный этими примѣрами и страстнымъ желаніемъ короля Іоанна II проложить путь къ Индіи моремъ, Колумбъ предложилъ ему открыть путь самый короткій, если король снабдитъ его людьми и кораблями. Планъ его состоялъ въ томъ, чтобы, бросивъ африканскій берегъ, устремиться къ Индіи прямо на западъ черезъ Атлантическій океанъ. Доводы Колумба произвели впечатлѣніе на короля, и онъ пере-

далъ это предложеніе на разсмотрѣніе особой комиссіи, занимавшейся разсмотрѣніемъ всѣхъ дѣлъ, касающихся морскихъ открытій. Ученая комиссія объявила предложеніе Колумба нелѣпымъ и несбыточнымъ, и даже изъ среды ея стали возвышаться голоса противъ всякаго рода открытій. Несмотря на это, нѣкоторые изъ совѣтниковъ короля, замѣтивъ его недовольство ихъ рѣшеніемъ, уговорили его употребить хитрость, посредствомъ которой онъ могъ бы воспользоваться всѣми выгодами открытія, не унижая своего достоинства вступленіемъ въ формальныя условія насчетъ предпріятія, которое могло оказаться нелѣпымъ. Хитрость эта заключалась въ томъ, чтобы, не давая Колумбу положительнаго отвѣта, вытребовать отъ него подробный планъ предполагаемаго имъ путешествія съ картами и прочими документами, какъ бы для разсмотрѣнія въ совѣтѣ, а между тѣмъ снарядить корабль по указанному имъ направленію. Король, отличавшійся обыкновенно великодушіемъ и справедливостью, на этотъ разъ имѣлъ слабость поддаться пагубному вліянію и послѣдовать дурному совѣту. Корабль былъ отправленъ; но, проплывъ нѣсколько дней на западъ при бурной погодѣ и видя передъ собой безконечное пространство грозныхъ волнъ, лоцманы потеряли бодрость и возвратились въ Лиссабонъ, безусловно отвергая проектъ Колумба. Узнавъ объ этой низкой измѣнѣ, Колумбъ былъ крайне возмущенъ и отказался отъ всякихъ дальнѣйшихъ переговоровъ, когда король хотѣлъ ихъ возобновить. Смерть жены его разорвала послѣднія связи его съ Португаліей, и онъ рѣшился оставить страну, гдѣ съ нимъ поступили такъ коварно. Въ концѣ 1484 г. онъ уѣхалъ изъ Лиссабона съ сыномъ своимъ Діего и прибылъ въ Геную, гдѣ повторилъ свое предложеніе генуэзскому правительству. Но генуэзская республика находилась въ такомъ положеніи, при которомъ не могла думать о подобныхъ предпріятіяхъ. Ея огромное складочное мѣсто въ Крыму—Кафора—было только-что завоевано турками, которые угрожали и самый флотъ генуэзскій изгнать изъ Архипелага. Такимъ образомъ, она уклонилась отъ предложенія, которое могло дать ей блистательныя выгоды и утвердить скипетръ торговли въ рукахъ Италіи.

Недалеко отъ приморскаго города Палосса, въ Андалузіи, находится древній францисканскій монастырь. Однажды у воротъ этого монастыря остановился пѣшій странникъ съ мальчикомъ и попросилъ у привратника немного хлѣба и воды для своего сына. Въ это время случайно проходилъ настоятель монастыря Пересъ де-Морчена и былъ пораженъ наружностью незнакомца. Замѣтивъ по его произношенію, что онъ иностранецъ, настоятель вступилъ съ нимъ въ разговоръ и скоро узналъ главныя подробности его жизни. Этотъ странникъ былъ Колумбъ съ сыномъ своимъ Діего; онъ шелъ въ ближній городъ для свиданія съ своимъ зятемъ. Настоятель просилъ Колумба погостить у него, пригласилъ своего друга, палосскаго врача Фернандеса, и втроемъ они много совѣщались о замышлявшемся Колумбомъ путешествіи. Убѣдившись, что предполагаемое предпріятіе можетъ принести величайшую пользу его отечеству, Хуанъ Пересъ обѣщалъ доставить Колумбу благопріятный пріемъ при дворѣ и совѣтовалъ ему немедленно представить свое предложеніе королю и королевѣ. Весною 1486 года, когда Фердинандъ и Изабелла прибыли въ Кордову для приготовленія своихъ войскъ къ походу противъ гренадскихъ мавровъ, Колумбъ отправился ко двору съ полной надеждой, что убѣдительное письмо Переса къ духовнику королевы Талаберѣ исходатайствуетъ ему скорую аудіенцію. Однако и здѣсь онъ горько обманулся въ своихъ надеждахъ. Талабера взглянулъ на его планъ, какъ на вздор-

ную мечту, бѣдность же его костюма и иностранное происхожденіе не могли служить хорошей рекомендаціей въ глазахъ придворныхъ. Несомнѣнно также, что положеніе дѣлъ въ Испаніи въ ту пору вовсе не благопріятствовало предложенію Колумба. Война съ маврами была во всемъ разгарѣ, король и королева сами участвовали во всѣхъ походахъ, и дворъ представлялъ видъ передвижного воинскаго стана. Война требовала большихъ издержекъ, и трудно было рѣшиться на новыя затраты, производительность которыхъ еще не была доказана. Несмотря на всѣ неудачи, Колумбъ прожилъ лѣто и осень въ Кордовѣ въ надеждѣ, что время и постоянство его усилій доставятъ ему наконецъ сильныхъ покровителей. Дѣйствительно, благородство его пріемовъ и чувство глубокаго убѣжденія, которымъ дышали его рѣчи, снискали ему друзей, изъ которыхъ главную роль играли: государственный казначей Кастиліи, папскій нунцій и братъ его — наставникъ королевскихъ дѣтей. Съ ихъ помощью онъ былъ представленъ знаменитому толедскому архіепископу и великому кардиналу Испаніи Мендосѣ. Убѣдившись въ томъ, что въ предложеніяхъ Колумба нѣтъ ничего противнаго религіи, ученый кардиналъ принялъ его благосклонно и понялъ величіе его идеи. По его протекціи Колумбъ получилъ аудіенцію у Фердинанда и Изабеллы. Онъ явился передъ ними безъ замѣшательства, почитая себя орудіемъ, избраннымъ самимъ небомъ.

Возможность открытій гораздо болѣе важныхъ, чѣмъ тѣ, которыя прославили Португалію, возбуждало честолюбіе Фердинанда; но всегда холодный и осторожный, онъ рѣшился прежде посовѣтоваться съ ученѣйшими людьми королевства и затѣмъ послѣдовать ихъ рѣшенію. Итакъ, онъ передалъ это дѣло Талаберѣ, уполномочивъ его собрать ученѣйшихъ астрономовъ и космографовъ для обсужденія теоріи Колумба.

Любопытное совѣщаніе по поводу предложенія Колумба происходило въ Саламанкѣ, въ доминиканскомъ монастырѣ св. Стефана. Въ эту эпоху въ Испаніи религія и наука состояли между собою въ самой тѣсной связи. Сокровища литературы были заключены въ монастыряхъ, профессорскія каѳедры занимались исключительно духовными, и всѣ важнѣйшія должности находились въ рукахъ монаховъ.

Совѣтъ былъ составленъ изъ профессоровъ географіи, астрономіи, математики, также изъ многихъ сановниковъ церкви и нѣсколькихъ ученыхъ монаховъ. Колумбъ былъ увѣренъ, что если только ему удастся высказаться передъ собраніемъ людей просвѣщенныхъ, онъ неминуемо сообщитъ ихъ умамъ то убѣжденіе, которымъ былъ проникнутъ самъ. Но большая часть ученой юнты была предубѣждена противъ него, какъ противъ бѣднаго просителя. Въ то же время вмѣсто ученыхъ доводовъ, которыхъ ожидалъ Колумбъ, ему приводили ложнотолкуемыя мѣста изъ Библіи, Новаго Завѣта и другихъ священныхъ книгъ. Такъ, напримѣръ, предположеніе о существованіи антиподовъ въ южномъ полушаріи, вполнѣ принятое умнѣйшими людьми древности, было подвергнуто жесточайшимъ нападкамъ на основаніи сочиненій Лактанція: „Можетъ ли быть,— восклицалъ Лактанцій,—что-нибудь нелѣпѣй мнѣнія, будто есть на землѣ люди, у которыхъ ноги въ обратномъ положеніи съ нашими, которые ходятъ ногами вверхъ, а головами внизъ, а дождь, снѣгъ и градъ падаютъ снизу вверхъ“ и т. д. Но возраженія болѣе опасныя были приведены изъ св. Августина, который говоритъ, что „ученіе объ антиподахъ несходно съ основаніями религіи, потому что это значило бы утверждать, что есть люди, которые не происходятъ отъ Адама, ибо не воз-

можно, чтобы они перешли черезъ океанъ, окружающій всю землю". Другіе, болѣе знакомые съ наукой, хотя и допускали сферическій видъ земли и существованіе полушарія діаметрально противуположнаго и обитаемаго, но, слѣдуя мнѣніямъ древнихъ, утверждали, что его невозможно достигнуть, вслѣдствіе нестерпимаго зноя жаркаго пояса. Наконецъ приводили возраженія такого рода, что еслибы и удалось кораблю достигнуть оконечности Индіи, то онъ никогда не могъ бы возвратиться оттуда, такъ какъ выпуклость шара представляла бы ему родъ необозримой горы, которую невозможно переѣхать.

Отвѣчая на возраженія, приведенныя изъ священнаго писанія, Колумбъ говорилъ, что священныхъ книгъ не должно понимать въ буквальномъ смыслѣ, что святые отцы не употребляли языка техническаго, подобно космографамъ, а говорили иносказательно, и что, при всемъ своемъ уваженіи къ ихъ истолкованіямъ въ смыслѣ благочестивыхъ поученій, онъ не можетъ смотрѣть на нихъ, какъ на предположенія ученыя, которыя можно было бы допускать или отвергать.

Устранивъ такимъ образомъ опаснѣйшую часть преній и переходя къ опроверженіямъ, извлеченнымъ изъ древнихъ философовъ, Колумбъ, наконецъ, склонилъ на свою сторону просвѣщеннѣйшихъ людей университета, но большинство, исполненное закоренѣлаго невѣжества и педантической гордости, одержало перевѣсъ, не соглашаясь уступить доказательствамъ ничтожнаго пришлеца, не имѣющаго академическихъ дипломовъ.

Совѣщанія, начавшіяся въ Саламанкѣ, были прерваны отъѣздомъ двора въ Кордову весною 1487 года. Въ то время открывалась знаменитая кампанія противъ Малаги. Колумбъ всюду слѣдовалъ за дворомъ, надѣясь, что его потребуютъ снова. Ему пришлось перенести много насмѣшекъ и оскорбленій за это время. Одни называли его мечтателемъ, другіе пятнали именемъ шарлатана. Даже дѣти, встрѣчаясь съ нимъ на улицѣ, указывали на голову, намекая на то, что онъ сумасшедшій. Наконецъ, зимою 1491 года, послѣ многихъ хлопотъ и усилій со стороны Колумба, совѣтъ былъ созванъ снова, и Талабера представилъ монархамъ донесеніе ученаго общества. Общимъ мнѣніемъ юнты предположеніе Колумба признано несбыточнымъ и нелѣпымъ. Несмотря на это, однако, нѣкоторые болѣе просвѣщенные члены совѣта, убѣжденные доводами Колумба, горячо вступились за него передъ Фердинандомъ и Изабеллой. Послѣдніе велѣли сказать Колумбу, что расходы войны не позволяютъ имъ въ настоящее время думать о новыхъ предпріятіяхъ, но по окончаніи войны они займутся его дѣлами.

Видя, что жизнь его въ Испаніи проходитъ въ безплодныхъ надеждахъ и безпрерывныхъ разочарованіяхъ, Колумбъ рѣшился наконецъ отправиться въ Парижъ, откуда онъ получилъ благопріятное письмо отъ французскаго короля; но предварительно онъ заѣхалъ въ Равидскій монастырь, чтобы взять оттуда сына своего Діего.

Когда Колумбъ явился снова въ этотъ монастырь послѣ шестилѣтнихъ безплодныхъ домогательствъ при дворѣ, достойный Пересъ былъ глубоко огорченъ его неудачей. Опасаясь, чтобы важное предпріятіе это не погибло безвозвратно для его отечества, онъ рѣшился употребить послѣднія усилія для этой цѣли. Онъ былъ когда-то духовникомъ королевы и зналъ, что люди его званія могутъ имѣть къ ней доступъ; поэтому онъ немедленно написалъ къ ней письмо и просилъ Колумба отсрочить свой отъѣздъ до полученія ея отвѣта. Изабелла уже была предрасполо-

жена въ пользу Колумба письмомъ герцога Медина-Сели, который очень покровительствовалъ Колумбу; поэтому она отвѣтила Пересу просьбой пріѣхать ко двору, Колумбу же велѣла сказать, чтобы онъ ждалъ отъ нея увѣдомленія. Изабелла обладала характеромъ болѣе пылкимъ и рѣшительнымъ, чѣмъ король: представленія Переса произвели на нее впечатлѣніе. Она потребовала Колумба къ себѣ и приняла его весьма благосклонно. Но это было въ пору сдачи Гренады, сопровождавшейся блистательными празднествами и всеобщимъ торжествомъ. Послѣ ожесточенной борьбы, продолжавшейся около восьми вѣковъ, на мѣсто полумѣсяца водворенъ былъ крестъ. Еще не скоро наступила минута, когда король и королева могли на свободѣ заняться предложеніемъ Колумба. Но вотъ, наконецъ, она назначила особыхъ коммиссаровъ для заключенія съ нимъ условій. Коммиссары приступили къ дѣлу, но въ самомъ началѣ переговоровъ представились неожиданныя затрудненія: Колумбъ былъ настолько проникнутъ величіемъ своего предпріятія, что потребовалъ условій истинно царскихъ. Онъ хотѣлъ, чтобы прежде отъѣзда его въ экспедицію онъ былъ облеченъ титуломъ и привилегіями адмирала и званіемъ вице-короля всѣхъ странъ, которыя онъ откроетъ; кромѣ того, онъ требовалъ десятой доли всей прибыли отъ своихъ открытій. Но королева велѣла предложить ему условія болѣе умѣренныя. 18 лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ въ умѣ Колумба зародилась его высокая идея, и, несмотря на всѣ страданія, перенесенныя имъ за эти годы, онъ рѣшился лучше навсегда оставить Испанію, чѣмъ согласиться на постыдный для него договоръ. Когда немногіе друзья Колумба удостовѣрились въ его твердомъ намѣреніи оставить Испанію, они рѣшились на послѣднее усиліе для предотвращенія этого несчастья. Въ числѣ этихъ друзей были сборщикъ церковныхъ доходовъ Аррагоніи Сантъ-Анхель и государственный казначей. Они испросили аудіенцію у королевы и убѣждали ее не полагаться на увѣренія нѣкоторыхъ ученыхъ, которые называютъ этотъ проектъ фантазіей мечтателя. Въ заключеніе они сообщили королевѣ о вызовѣ Колумба принять на себя восьмую часть издержекъ и объяснили, что все это великое предпріятіе требуетъ не болѣе двухъ кораблей и 300.000 куроновъ.

Воображеніе Изабеллы воспламенилось. Казалось, этотъ давно знакомый ей проектъ только теперь представился ея уму во всемъ своемъ величіи, и она торжественно объявила себя покровительницей предпріятія.

Послѣ этого королева тотчасъ же послала курьера вернуть съ дороги Колумба. Курьеръ догналъ его недалеко отъ Гренады. Узнавъ объ энтузіазмѣ, съ которымъ королева приняла его дѣло подъ свое покровительство, онъ немедленно возвратился съ полнымъ довѣріемъ къ ея благородной честности.

Наконецъ и король далъ свое согласіе, хотя больше изъ уваженія къ королевѣ. Однимъ изъ важнѣйшихъ результатовъ, которыхъ Колумбъ ожидалъ отъ своего предпріятія, было распространеніе христіанской вѣры въ обширной и великолѣпной имперіи великаго хана. Почитая себя какъ бы избраннымъ свыше для совершенія этого великаго подвига, онъ заранѣе описывалъ королю и королевѣ, какъ вслѣдствіе его открытія установятся дружескія связи съ этой величайшей имперіей, какъ всѣ народы хана стекутся подъ знамя церкви и какъ чрезъ это исполнится предсказаніе Св. Писанія, что свѣтъ откровенія распространится до крайнихъ предѣловъ земли. Фердинандъ слушалъ съ удовольствіемъ разсказы Колумба. По понятіямъ того вѣка, всякое государство или страна, которыя не хотѣли признать истинъ христіанской религіи, составляли за-

конную добычу перваго христіанина, который пожелаетъ завладѣть ими, и короля болѣе занимало описаніе богатствъ Манжи и Кафая, чѣмъ обращеніе самого хана съ его подданными въ христіанскую вѣру. Изабелла же была исполнена святаго рвенія при мысли о совершеніи столь великаго подвига спасенія своихъ ближнихъ.

Кипящій энтузіазмъ Колумба не останавливался на этомъ. Въ одну изъ свободныхъ непринужденныхъ бесѣдъ съ ихъ величествами, онъ сообщилъ имъ о своемъ намѣреніи посвятить пріобрѣтенное такимъ образомъ богатство на благочестивый подвигъ освобожденія гроба Господня изъ рукъ невѣрныхъ. И дѣйствительно, этотъ фактъ, на который никто не обратилъ вниманія, былъ одной изъ великихъ цѣлей его честолюбія, дѣломъ, которое занимало всѣ его мысли въ послѣдніе годы его жизни и было предметомъ особеннаго распоряженія въ его духовномъ завѣщаніи.

Снаряженіе эскадры для экспедиціи было возложено на жителей Палосса, осужденыхъ за какое-то возмущеніе поставлять правительству каждый годъ по двѣ вооруженныхъ карабеллы для морской службы. Третью долженъ былъ снарядить самъ Колумбъ. Когда жители узнали о предположенной экспедиціи, по всему городу распространился неодолимый ужасъ и отчаяніе. Хозяева судовъ отказались дать корабли для такой службы, и самые неустрашимые моряки содрогнулись при вѣсти объ этомъ чудовищномъ предпріятіи. Въ такомъ положеніи дѣло находилось въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, несмотря на вторичный королевскій указъ.

Наконецъ явился Мартинъ Алонсо Пинсонъ, богатый и неустрашимый мореходецъ, пользовавшійся огромнымъ вліяніемъ на жителей Палосса, и вызвался принять личное участіе въ экспедиціи. Онъ и его братъ имѣли свои корабли и своихъ матросовъ, выставили на свой счетъ одно судно и приняли начальническія мѣста въ эскадрѣ. Примѣръ ихъ произвелъ чудесное дѣйствіе, и съ ихъ помощью къ началу августа всѣ три карабеллы были готовы къ отплытію въ море. Самая большая изъ нихъ Санта-Марія поступила подъ начальство Колумба, другія же двѣ, Пинта и Нина, находились подъ управленіемъ Мартина и Вицента Пинсоновъ

Колумбъ отплылъ изъ Палосса 3 августа 1492 года и направилъ путь къ Канарскимъ островамъ, откуда былъ намѣренъ устремиться прямо на западъ. Но здѣсь онъ принужденъ былъ простоять 4 недѣли для исправленія поврежденной Пинты. Потерявъ изъ виду послѣдній признакъ земли, матросы потеряли вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднюю бодрость. Адмиралъ употребилъ всѣ усилія, чтобы утѣшить ихъ и возбудить въ нихъ свои блистательныя надежды. Но предвидя, что страхъ ихъ будетъ увеличиваться по мѣрѣ удаленія ихъ отъ отечества, онъ прибѣгнулъ къ хитрости, которую и продолжалъ во все время путешествія. Онъ велъ два корабельныхъ дневника, въ которыхъ записывалъ пройденное кораблемъ разстояніе и мѣсто его на морѣ: одинъ, вѣрный, для короля и королевы, и этотъ журналъ хранилъ въ тайнѣ; другой же, въ которомъ могъ справляться весь экипажъ и въ которомъ ежедневно уменьшалъ по нѣсколько миль дѣйствительно пройденнаго разстоянія. Отклоненіе магнитной стрѣлки къ сѣверо-западу, замѣченное Колумбомъ въ 200 миляхъ отъ острова Ферро, послужило снова поводомъ къ ужасу и отчаянію матросовъ; имъ казалось, что они вступаютъ въ невѣдомый міръ, гдѣ измѣнялись законы природы и господствовали невѣдомыя вліянія. Колумбъ съ обычнымъ присутствіемъ духа объяснилъ имъ это явленіе движеніемъ самой полярной звѣзды, которая, подобно другимъ небеснымъ тѣламъ,

имѣетъ свои перемѣны и обращенія. Наконецъ они вступили въ полосу пассатныхъ вѣтровъ, дующихъ въ эту пору постоянно съ востока на западъ, но и самое это постоянство попутнаго вѣтра возбуждало опасеніе матросовъ. Они думали, что въ этихъ странахъ всегда дуетъ только восточный вѣтеръ, который не допуститъ ихъ возвратиться на родину. Однако, ихъ опасенія мало-по-малу разсѣялись, когда по временамъ сталъ дуть юго-западный вѣтеръ. Въ этой полосѣ они встрѣтили массу плавающихъ растеній, представляющихъ родъ подвижнаго луга, покрытаго множествомъ насѣкомыхъ, что было принято всѣми за признакъ близости земли. Вмѣстѣ съ тѣмъ вокругъ кораблей стали появляться стаи птицъ, и это еще болѣе подкрѣпило ихъ надежды. Подъ вліяніемъ этихъ надеждъ, они 25 сентября приняли вечернее облако за землю и съ восторгомъ принесли благодареніе Богу. Но заря разсѣяла, какъ сонъ, всѣ ихъ надежды и повергла ихъ еще въ большее уныніе. Напряженное ожиданіе, постоянныя колебанія между страхомъ и надеждой стали наконецъ переходить въ признаки открытаго недовольства и сопротивленія дальнѣйшему путешествію. Но Колумбъ съ обычной твердостью и спокойствіемъ умѣлъ удерживать ихъ въ границахъ повиновенія. Однихъ онъ обезоруживалъ ласковымъ обращеніемъ, въ другихъ возбуждалъ честолюбіе или жадность къ прибыли; самымъ же безпокойнымъ открыто угрожалъ примѣрнымъ наказаніемъ, если они покусятся въ чемъ-нибудь препятствовать экспедиціи. Испанское правительство назначило пенсію въ 30 куроновъ (600 руб.) тому, кто первый увидитъ землю, и это послужило поводомъ къ неоднократнымъ сигналамъ открытія земли, которыя потомъ не осуществлялись. Чтобы положить конецъ этимъ ложнымъ извѣстіямъ, которыя наводили уныніе на экипажъ, Колумбъ объявилъ, что каждый, подавшій фальшивый сигналъ, навсегда лишается права на награду. Въ началѣ октября признаки близости земли становились все чаще и очевиднѣе. Стаи маленькихъ птичекъ кружились надъ кораблями, потомъ улетали на юго-западъ. Цапля и утка пролетѣли въ томъ же направленіи. Травы, носившіяся около кораблей, были свѣжи и зелены, какъ будто только что вырванныя изъ земли. Воздухъ былъ такъ пріятенъ и благоухающъ, какъ въ апрѣльское утро въ Севильѣ. Потомъ пронеслась мимо нихъ терновая вѣтвь въ цвѣтахъ; далѣе они достали изъ воды тростникъ, небольшую доску и искусственно обрубленную палку. Вечеромъ 11 октября, послѣ вечерняго гимна Святой Дѣвѣ, Колумбъ произнесъ передъ экипажемъ трогательную рѣчь и затѣмъ предписалъ особенную бдительность матросамъ. Этотъ день онъ провелъ въ мучительной тоскѣ, хотя и старался казаться увѣреннымъ и довольнымъ, и когда ночная тѣнь скрыла его отъ глазъ экипажа, онъ устремилъ безпокойный взоръ въ темную даль. Вдругъ онъ замѣтилъ вдали мелькающій свѣтъ. Опасаясь оптическаго обмана, онъ подозвалъ къ себѣ двухъ спутниковъ, которые, хотя и подтвердили его замѣчаніе, но не придавали ему никакого значенія. Самъ же онъ смотрѣлъ на него, какъ на несомнѣнный признакъ близости обитаемой земли. Въ 2 часа утра 12 октября пушечный выстрѣлъ съ Пинты подалъ радостный сигналъ. Съ разсвѣтомъ дня каравеллы бросили якорь и спустили вооруженныя шлюпки. Колумбъ въ богатомъ пурпуровомъ адмиральскомъ мундирѣ, въ сопровожденіи братьевъ Пинсоновъ, нотаріуса эскадры и др., сошелъ на берегъ, неся передъ собою королевское знамя, и торжественно взялъ островъ во владѣніе на имя короля и королевы Кастиліи, назвавъ его въ честь Спасителя Санъ-Сальвадоромъ.

Такимъ образомъ Колумбъ совершилъ, наконецъ, свое великое дѣло. Тайна океана была открыта и навсегда осталась достояніемъ человѣчества.

XI. Открытія Колумба, его послѣдующая судьба, его заслуги и заблужденія.

(По соч. Пешеля: «Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen»).

Низменный островъ Гванагани, первый изъ острововъ Антильскаго архипелага, представился мореплавателямъ 12-го октября 1492 года. Коломбъ, Мартинъ и Вицентъ Пинсоны пристали къ берегу на вооруженной лодкѣ, съ развѣвающимися знаменами, и Колумбъ — отнынѣ Донъ Христофоръ Колумбъ, адмиралъ и вице-король—вступилъ во владѣніе новой землей. Довѣрчиво, безъ боязни подошли туземцы къ нему и были надѣлены колокольчиками, украшенными бусами, шнурками и другими бездѣлушками; дикари же принесли взамѣнъ бумажной пряди, попугаевъ и все, что нашли у себя. „Они казались мнѣ бѣднымъ народомъ,—пишетъ адмиралъ въ своемъ дневникѣ.—Всѣ они здѣсь, не исключая женщинъ, ходятъ совершенно нагими; тѣлосложеніе ихъ безукоризненно, фигуры полны граціи и выраженіе лица проникнуто добротой. Цвѣтомъ кожи они походятъ на жителей Канарскихъ острововъ. Тѣло они раскрашиваютъ иногда черной краской, иногда бѣлой, часто пестрыми; одни раскрашиваютъ все туловище; другіе—только лицо; нѣкоторые—только носъ и части лица вокругъ глазъ. Оружія они никакого не носятъ и вообще имѣютъ слабое понятіе о немъ: такъ напр., они схватили за лезвее мою шпагу и, конечно, поранили себя. Я спросилъ о причинѣ шрамовъ на тѣлѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ; они знаками разъяснили мнѣ, что имъ приходится часто бороться съ жителями сосѣднихъ острововъ, которые нападаютъ на нихъ и побѣжденныхъ уводятъ плѣнными съ собой“. Кусочки золота, продѣтые въ ноздри у большей части дикарей, сильно возбудили алчность испанцевъ; но Колумбъ не хотѣлъ останавливаться на островѣ для отысканія золота и, не теряя времени, направился къ югу, вдоль западнаго берега Гванагани. Внутри страны открылось озеро; на берегу виднѣлись хижины. „Какимъ образомъ эти незнакомцы сошли съ неба?“ спрашивали вездѣ удивленные дикари. Они падали на землю и, подымая руки къ небу, громкими криками приглашали, казалось, мореплавателей пристать къ ихъ берегамъ. Смыслъ этихъ вопросовъ и жестовъ былъ еще загадкой для всѣхъ: наивные индѣйцы принимали странныя существа за дѣтей „Великаго солнца“. Изъ Гванагани, получившаго въ память Спасителя названіе Санъ-Сальвадоръ, Колумбъ отправился къ островку Румъ-Кай, который назвалъ Санта-Маріей. Вѣсть о прибытіи чужестранцевъ стала наводить ужасъ на дикихъ островитянъ. Челнъ дикарей, видя приближеніе эскадры, поспѣшно обратился въ бѣгство и успѣлъ достичь берега, гдѣ дикари мгновенно скрылись и оставили пустой челнъ въ добычу догоняющимъ матросамъ. Завладѣвъ островомъ Румъ-Кай, Колумбъ отправился къ острову Лонгъ-Эйландъ, который назвалъ въ честь государя островомъ Фердинанда. По увѣренію плѣнниковъ о. Гванагани, жители Лонгъ-Эйланда носили на затылкѣ, рукахъ и по-

гахъ цѣнныя золотыя пряжки; но этихъ украшеній испанцы нигдѣ не нашли. Колумбъ и его спутники посѣтили на Лонгъ-Эйландѣ нѣсколько разбросанныхъ на берегу рыбачьихъ хижинъ, и адмиралъ вывелъ изъ своихъ наблюденій заключеніе, что у дикихъ островитянъ, по мѣрѣ приближенія къ западу, является все больше признаковъ высшей культуры. Къ западу отъ острова Фердинанда открылись берега острововъ Саомете или Благоухающихъ, которые получили названіе острововъ Изабеллы. Благоуханіе цвѣтовъ и растеній, съ берега доходившее до кораблей, навело Колумба на мысль, что эти острова должны производить всѣ растенія и травы Индіи. Предсказанія плѣнныхъ индѣйцевъ не сбылись и на этихъ островахъ: ни города, ни короля, ни золота не нашли мореплаватели; одни опустѣлыя хижины представились имъ. Плѣнники увѣряли, что островъ Куба, гдѣ перебывало много странствующихъ купцовъ, осуществитъ всѣ надежды мореплавателей, что на немъ найдутъ они много золота. 24-го октября, Колумбъ оставилъ острова Изабеллы и послѣ трехдневнаго плаванія достигъ сѣвернаго берега Кубы.

Осенній періодъ дождей уже приходилъ къ концу, и тропическая природа явилась во всемъ блескѣ юной красоты. Съ восторгомъ вслушивается Колумбъ въ чудныя пѣсни соловья; онъ сравниваетъ теплый климатъ Индіи съ андалузской весной, онъ любуется роскошной дикостью покрытыхъ растеніями береговъ, разнообразіемъ, богатствомъ тропическихъ лѣсовъ. Одинъ за другимъ, точно изъ глубины безпредѣльнаго океана, встаютъ предъ нимъ чудные острова, и каждый новый видъ кажется ему прекраснѣе предидущаго. То „скалу любящихъ“ видитъ онъ въ горахъ Кубы, то стройныя, воздушныя арабскія мечети, и, воспріимчивый къ красотамъ природы, къ великимъ чудесамъ творенія, онъ созерцаетъ эту красоту съ чувствомъ отца, который глядитъ съ упоеніемъ въ сіяющія очи любимаго дитяти. Воображеніе рисуетъ предъ нимъ чудныя картины, которыя, въ опьяненіи успѣха, онъ принимаетъ за дѣйствительность: онъ видитъ мастичное дерево въ лѣсахъ, золото свѣтится ему въ песчаномъ руслѣ рѣкъ, жемчугъ сіяетъ на днѣ океана; всѣ необъятныя мечты, всѣ сны народовъ о счастливой Индіи являются осуществленными предъ нимъ! Мореплаватели пристали къ сѣверному берегу Кубы. Ночи становились все холоднѣй, и адмиралъ находилъ неудобнымъ „зимой продолжать дальнѣйшія изслѣдованія къ сѣверу“, а рѣшился направиться къ юго-востоку, въ надеждѣ отыскать тамъ земли, богатыя „золотомъ и пряностями“. Приходилось оставить берега Кубы; но до отплытія адмиралъ отправилъ во внутренность страны посольство для изслѣдованія ея продуктовъ, давъ ему въ проводники одного гванаганскаго плѣнника. Колумбъ снабдилъ пословъ инструкціями къ князю страны, котораго они должны были подготовить къ заключенію союза съ кастильскимъ королемъ. Посланники, вернувшись, сообщили, что въ 12-ти миляхъ отъ берега они нашли селеніе дикарей, состоявшее изъ 50 хижинъ и тысячи человѣкъ. Туземцы весьма дружелюбно приняли иностранцевъ, пригласили ихъ сѣсть на стулья, сами расположились на полу и внимательно слушали плѣннаго индѣйца, который говорилъ отъ имени пословъ. Пряностей, отвѣтили туземцы, страна ихъ не производила, но они указывали на юго-востокъ. Пришли и женщины; онѣ цѣловали руки и ноги странныхъ пришельцевъ и съ удивленіемъ ощупывали тѣла ихъ. Далѣе 500 человѣкъ обоего пола сопровождало иностранцевъ, надѣясь, вѣроятно, видѣть ихъ „восхожденіе къ небу“. Многіе изъ нихъ держали въ рукахъ раскаленные куски угля и какія-то травы, завернутыя въ сухой листъ на

подобіе патроновъ; углемъ они зажигали одинъ конецъ свернутаго листа и изъ другого конца втягивали дымъ. Эти патроны они называютъ „tabacos". Адмиралъ приказалъ схватить на берегу 12 дикарей, между которыми были и женщины. Этотъ насильственный поступокъ такъ запугалъ индѣйцевъ, что они вездѣ стали бросать жилища, какъ только съ берега видѣли приближеніе кораблей. Горсть дикарей однажды пыталась грозными жестами запугать иностранцевъ, но когда лодка стала приближаться къ берегу, они поспѣшно обратились въ бѣгство.

21-го ноября Мартинъ Алонзо удалился на своемъ кораблѣ къ востоку. Подозрѣвая его въ намѣреніи опередить другихъ и раньше достичь острова Бабекъ, Колумбъ посредствомъ фонаря, прикрѣпленнаго къ мачтѣ, подалъ Пинтѣ сигналъ; ночь была ясная, направленіе вѣтра благопріятное, но Пинта не отвѣтила на поданный сигналъ: Пинсонъ исчезъ на своемъ кораблѣ.

Несмотря на противный вѣтеръ, Колумбъ направился къ восточной оконечности Кубы, и скоро роскошные хвойные лѣса явились во всей красотѣ предъ нимъ. Вглядываясь въ сильные, славные стволы деревьевъ, адмиралъ, казалось, уже видѣлъ, какъ создавались здѣсь самые грандіозные флоты міра. Съ чувствомъ глубокаго восторга онъ описываетъ прибрежные склоны горъ Кубы, покрытые пальмами и хвойными деревьями, рисуетъ этотъ прелестнѣйшій уголокъ міра, гдѣ среди зелени свѣтится чистая, прозрачная вода и гдѣ ему казалось невозможнымъ разстаться съ этой дышащей жизнью красотой. „Тысяча устъ не въ состояніи передать монарху дивныхъ картинъ новой природы", восклицалъ онъ и призывалъ своихъ спутниковъ въ свидѣтели, что рука его, точно околдованная, отказывается служить ему въ описаніи этихъ красотъ.

На востокѣ виднѣлся новый берегъ: холмы острова Тортуги показались на горизонтѣ, и къ вечеру 6-го декабря пристань Св. Николая приняла мореплавателей. За зеленѣющими, прекрасно воздѣланными полями тянулись высокія цѣпи горъ: ночью безчисленные огни сверкали въ странѣ, а днемъ густые столбы дыма подымались со всѣхъ сторонъ, точно желая извѣстить сосѣдей о прибытіи странныхъ гостей. Огни предвѣщали густое населеніе, но до сихъ поръ только опустѣлыя хижины попадались по берегу. Наконецъ три матроса встрѣтили шайку дикарей, но, при видѣ странныхъ существъ, дикари мгновенно исчезли; только молодая, хорошенькая женщина не успѣла спастись и была приведена на корабль, гдѣ ее осыпали ласками и подарками; потомъ Коломбъ приказалъ высадить ее на берегъ, надѣясь, что ея разсказы разсѣятъ ужасъ дикарей. На слѣдующій день нѣсколько вооруженныхъ матросовъ, отправленныхъ для изслѣдованія страны, открыли большое селеніе. И здѣсь изумленные жители бѣжали при видѣ иностранцевъ, но плѣнному индѣйцу удалось ободрить ихъ, и, когда нѣсколько туземцевъ, ликуя, принесли на плечахъ женщину, такъ щедро одаренную Колумбомъ, дикари совершенно успокоились.

15-го декабря мореплаватели пристали къ острову Тортугѣ и, посѣтивъ индѣйскую деревню, впервые завязали сношенія съ индѣйскимъ кацикомъ; 18-го, въ день св. Маріи, на корабляхъ развѣвались знамена и раздавалась музыка: ждали посѣщенія кацика. На носилкахъ принесли его къ берегу и перенесли на корабль. Во время посѣщенія онъ держалъ себя съ достоинствомъ, приличнымъ его сану, и весьма мало говорилъ, соблюдая индѣйскій этикетъ. Въ честь высокаго гостя, Колумбъ, провожая его, приказалъ выстрѣлить изъ пушекъ.

Оставивъ берега Тортуги, Колумбъ направился къ востоку, къ берегамъ острова Гаити, который онъ по сходству съ Андалузіей назвалъ островомъ Испаньолы. Островъ Гаити внушалъ невыразимый ужасъ индѣйскимъ плѣнникамъ: они увѣряли Колумба, что онъ населенъ людоѣдами, и умоляли не приставать къ нему. Caniba! всѣ восклицали они. Caniba! слышалось Колумбу, и названіе Caniba—Канибалы, вслѣдствіе недоразумѣнія Колумба, было потомъ примѣнено къ людоѣдамъ Америки. Медленно плыли корабли между берегами Гаити и Тортуги; на нихъ стали являться поселенія индѣйскихъ вельможъ; на берегахъ толпились любопытные, и сотни лодокъ подвозили жизненные припасы, золото и хлопчатую бумагу. Куски золота становились все больше, по мѣрѣ удаленія кораблей къ востоку, золотыя издѣлія—все драгоцѣннѣй. Туземцы охотно обмѣнивали ихъ на стеклянныя бусы, на колокольчики и другія бездѣлушки. Густое населеніе и бытъ жителей Испаньолы представляли ясныя доказательства культуры, несравненно высшей, чѣмъ та, которую нашли испанцы на пустынномъ островѣ Кубы. Зданія были правильно расположены и составляли улицы; вездѣ проявлялось уже раздѣленіе народа на два класса: на подданныхъ и господъ. Другой языкъ, уже недоступный пониманію плѣнныхъ индѣйцевъ, былъ здѣсь въ употребленіи.

24-го декабря корабли объѣхали Св. мысъ. Ночью корабль, на которомъ плылъ Колумбъ, Санта-Марія, сѣлъ на мель. Несмотря на всѣ усилія, несмотря на то, что главная мачта были отрублена для облегченія корабля, Санта-Марію невозможно было спасти. Утромъ адмиралъ извѣстилъ о кораблекрушеніи кацика Гуаканагари, послы котораго нѣсколько дней тому назадъ посѣтили европейскіе корабли. Индѣйцы и кацикъ ихъ, со слезами на глазахъ, выслушали описаніе случившагося и тотчасъ изъявили готовность помочь иностранцамъ. На своихъ лодкахъ они перевезли имущество Санта-Марія и выказали, по увѣренію мореплавателей, удивительную честность: ни одного гвоздя не пропало во время перевозки, говоритъ адмиралъ.

Надежда, что островъ Гаити богатъ золотомъ, нѣсколько утѣшала мореплавателей; они стали мечтать о пріобрѣтеніи богатства. Коломбъ и Гуаканагари посѣтили другъ друга. Кацикъ держалъ себя съ большимъ достоинствомъ: мылъ послѣ ѣды руки и теръ ихъ травами, вообще велъ себя, пишетъ Колумбъ, какъ человѣкъ, который хочетъ выказать свое высокое происхожденіе. Желая познакомить знатнаго посѣтителя съ силою своего могущества, отчасти въ угрозу ему, Колумбъ приказалъ матросамъ стрѣлять изъ пушекъ и заставилъ стрѣлка показать индѣйскому князю свое искусство въ стрѣльбѣ. Рубаха и перчатки, которыя были поднесены кацику, сильно обрадовали его. Колумбъ посѣтилъ кацика въ его столицѣ, гдѣ нашелъ его окруженнымъ своими придворными—пятью вассалами, и гдѣ былъ весьма торжественно принятъ; адмиралъ и кацикъ обмѣнялись подарками. Испанцы успѣли въ короткое время пріобрѣсти такъ много золотыхъ издѣлій, что стали благодарить Провидѣніе, которое заставило ихъ потерпѣть кораблекрушеніе у береговъ этой богатой золотомъ страны. Съ остатками Санта-Маріи Колумбъ приступилъ къ сооруженію укрѣпленія со рвомъ и башней. Всѣмъ хотѣлось остаться въ богатой, привлекательной землѣ; Колумбъ оставилъ 40 человѣкъ, подъ предводительствомъ трехъ офицеровъ, въ маленькой крѣпости, которая по дню крушенія была названа Навидадъ, снабдивъ ихъ порохомъ, оружіемъ, сухарями, лодкой для продолженія береговыхъ изслѣдованій и нѣкоторыми товарами, предназначенными для мѣны съ дикарями. Колумбъ

тѣшилъ себя надеждой, что найдетъ здѣсь несмѣтныя сокровища по возвращеніи и что черезъ три года пріобрѣтенное имъ золото дастъ средства кастильскимъ монархамъ предпринять крестовый походъ. Вполнѣ увѣренный, что ему удалось нѣкоторыми маневрами внушить туземцамъ сильный страхъ передъ могуществомъ европейцевъ, онъ оставилъ страну еще до окончанія работъ въ Навидадѣ и 4-го января направилъ другой корабль Нину къ востоку.

Послѣ крушенія Санта-Маріи, отсутствіе Пинты стало еще чувствительнѣе—было не безопасно съ однимъ кораблемъ предпринимать изслѣдованія неизвѣстныхъ береговъ. Къ тому же адмиралъ томился подозрѣніемъ, что Пинсонъ могъ опередить его, раньше прибыть въ Испанію и возбудить противъ него испанскій дворъ. Прежде онъ предполагалъ приступить къ обратному плаванію въ апрѣлѣ 1493 года, теперь же не хотѣлъ терять времени и рѣшился направиться къ родинѣ, не медля, не останавливаясь нигдѣ. 8-го января на горизонтѣ показался корабль: Пинта плыла на встрѣчу Нинѣ. Мартинъ Алонзо извинился за долгое свое отсутствіе и тотчасъ сообщилъ Колумбу о сдѣланныхъ открытіяхъ. Колумбъ не выказалъ ему своего гнѣва: онъ „скрылъ его до возвращенія", признается онъ въ дневникѣ.

Въ ночь 21-го ноября Пинта направилась къ острову Бабекъ и къ востоку отъ Кубы открыла новую группу острововъ. Мартинъ Алонзо признался адмиралу, что достигъ острова Бабекъ, но золота онъ не нашелъ на немъ; а жители его указывали на богатый островъ Гаити, къ которому онъ присталъ три недѣли тому назадъ. Тамъ мореплаватели завязали очень выгодныя торговыя сношенія съ туземцами: дикари обмѣнивали куски золота „толщиною въ два пальца" на булавки или другія бездѣлушки и часто приносили слитки золота величиною въ кулакъ. Колумбъ немного раньше Пинсона открылъ островъ Гаити, пристали же они къ нему почти одновременно.

16-го января корабли направились къ родинѣ; плохое состояніе обоихъ кораблей сильно озабочивало адмирала и его спутниковъ.

12-го февраля поднялась буря. Ночью опасность приняла страшные размѣры, и въ эту ночь глубокаго отчаянья Пинта, до сихъ поръ отвѣчавшая на сигналы Нины, была вырвана бурей изъ ея кругозора и болѣе не возвращалась къ ней.

Утромъ 13-го февраля положеніе казалось безвыходнымъ, и Коломбъ предложилъ взволнованному экипажу дать обѣтъ предпринять странствіе въ Гваделупу, если Богу угодно будетъ спасти ихъ. Бросили жребій, онъ палъ на адмирала. Въ эти минуты отчаянной борьбы жизни и смерти Колумба неотступно преслѣдовала мысль, что съ нимъ погибнетъ никѣмъ не разгаданная тайна запада. Онъ вспомнилъ и двухъ сыновей своихъ, которымъ суждено осиротѣть, не зная о славѣ отца, не воспользовавшись его заслугами. Потомъ онъ горько упрекалъ себя за недостатокъ вѣры въ Провидѣніе, которое до сихъ поръ охраняло его. „Сердце мое было безсильно въ тѣ минуты,—признается онъ,—и не могло успокоиться". Опасность возрастала съ ужасающей быстротой, и адмиралъ, потерявъ надежду на возможность спасенія, рѣшилъ описать свои открытія на пергаментѣ; потомъ онъ запечаталъ свертокъ, написалъ на немъ, что нашедшій его получитъ 1000 дукатовъ, если представитъ нераспечатаннымъ кастильскому двору и, уложивъ его въ боченокъ, бросилъ въ волны океана. Къ вечеру 14-го небо прояснилось, ночью и море успокоилось; на разсвѣтѣ показалась земля. Одни приняли

ее за островъ Мадеру, другіе за берегъ Португаліи; скоро, однако, всѣ убѣдились, что находятся у одного изъ Азорскихъ острововъ.

Запасшись водой и балластомъ и дождавшись попутнаго вѣтра, корабли направились къ родинѣ. Но испытанія ихъ еще не кончились. 3-го марта сильный вѣтеръ разорвалъ паруса, и опасность стала такъ велика, что моряки дали новый обѣтъ: отправиться по жребію на поклоненіе къ чудотворной иконѣ въ Гуэльбѣ; жребій и въ этотъ разъ палъ на Колумба. Ночью 4-го буря разыгралась съ страшной силой, и гроза пронеслась по океану. На разсвѣтѣ, при первой смѣнѣ караула, послышались крики: земля! земля! и къ утру адмиралъ узналъ Roco-de-Cintra.

Колумбу хотѣлось избѣгнуть португальской пристани, но это было невозможно, и утромъ 4-го марта онъ присталъ къ Португаліи. Закинувъ якорь на р. Тейхо, онъ тотчасъ же отправилъ къ португальскому королю Іоанну II письмо, въ которомъ просилъ позволенія прибыть на своемъ караблѣ въ Лиссабонъ и тамъ представиться двору. Множество лодокъ окружило корабль, и толпа посѣтителей съ радостнымъ выраженіемъ лицъ наполнила его. 8-го марта Колумбъ получилъ приглашеніе явиться въ замокъ Вальпарайзо, куда, по причинѣ чумы, свирѣпствовавшей въ Лиссабонѣ, удалился португальскій король. Колумбъ прибылъ во дворецъ поздно вечеромъ; король принялъ его весьма любезно, пригласилъ даже сѣсть и съ удивительнымъ искусствомъ прикрылъ маской веселости свою досаду. Вернувшись на корабль 12-го марта, Колумбъ отплылъ на слѣдующій день и 15-го марта присталъ наконецъ къ берегу Испаніи. Въ тотъ же вечеръ въ Палосъ прибылъ Пинсонъ на Пинтѣ. Онъ присталъ къ испанскому берегу нѣсколько ранѣе Коломба и тотчасъ отправилъ государю письмо, въ которомъ описывалъ сдѣланное открытіе и просилъ позволенія представиться двору. Холодное приказаніе явиться въ свитѣ адмирала было отвѣтомъ на это письмо. Заболѣвши еще дорогой, Пинсонъ не вынесъ немилости монарха и скоро умеръ. Память этого великаго моряка долгое время была затемнена ненавистью къ нему семьи Колумба.

Въ вербное воскресенье, 31-го марта, Колумбъ выѣхалъ въ Севилью и оттуда тотчасъ отправился по приглашенію двора въ Аррагонію. Шесть дикарей сопровождали его, четыре остались въ Севильѣ. Предъ нимъ несли попугаевъ, слитки золота и разные продукты Новаго Свѣта, привезенные имъ. Улицы всюду наполнялись народомъ, всѣмъ хотѣлось видѣть мореплавателя и привезенныя изъ далекихъ странъ рѣдкости.

Монархи, занятые важными государственными дѣлами, только въ срединѣ апрѣля приняли адмирала въ Барселонѣ, гдѣ среди рынка былъ воздвигнутъ для нихъ тронъ. При появленіи Колумба король всталъ, подалъ ему руку для поцѣлуя и пригласилъ сѣсть на стулъ—самая высокая честь, которую испанскій король могъ оказать своему подданному. Колумба наградили гербомъ, осыпали ласками, подарками и почестями и торжественно подтвердили права и привиллегіи, которыя были ему обѣщаны до отплытія экспедиціи.

Но тайна запада оставалась неразгаданной: ни геніальный мореплаватель, ни король, ни удивленная Испанія не могли предчувствовать новый великій материкъ, и только издали слышались робкіе голоса сомнѣнія въ томъ, принадлежатъ ли новооткрытые берега и острова дѣйствительно Восточному океану.

Блестящее описаніе Колумба вновь открытыхъ тропическихъ странъ побудило испанское правительство приняться съ большимъ жаромъ за

снаряженіе новаго флота. Уже осенью 1493 г. адмиралъ стоялъ во главѣ эскадры въ 17 парусныхъ судовъ съ 1500 испанцами, которые, побуждаемые блестящими надеждами, покинули Кадиксъ, чтобы послѣдовать за Колумбомъ въ совершенно неизвѣстную страну. Вмѣстѣ съ ними перешли въ новый свѣтъ и самыя дорогія пріобрѣтенія европейской культуры, а именно: домашній скотъ и нашъ зерновой хлѣбъ, которые вскорѣ придали новому свѣту европейскій видъ.

Колумбъ отплылъ изъ Кадикса 25 сентября 1493 года и 2 ноября увидалъ оконечность острова, который назвалъ Доминикой (островомъ Воскресенія). Кромѣ того, результатами этого второго плаванія было открытіе Порто-Рико и Ямайки. Вернувшись на островъ Гаити, гдѣ онъ оставилъ небольшую колонію въ Навидадѣ, Колумбъ нашелъ, что всѣ возведенныя тамъ постройки сожжены и разорены, а люди исчезли. Колумбъ основалъ здѣсь новую колонію съ тысячью жителей, которую назвалъ Изабеллой. Переселенцы, имѣвшіе въ виду покорять, угнетать и грабить туземцевъ и найти въ новооткрытыхъ земляхъ неистощимыя сокровища, убѣдились скоро, что тамъ можно упрочиться, лишь обезпечивъ себѣ помощь изъ Испаніи. Такимъ образомъ вскорѣ оказалось, что предпріятіе Колумба, вмѣсто немедленныхъ выгодъ, потребуетъ сначала большихъ расходовъ. Уже въ февралѣ 1495 года адмиралъ отправилъ назадъ 12 кораблей за разными предметами, въ которыхъ нуждался. Затѣмъ, поручивъ управленіе новою колоніей своимъ братьямъ Вароояомею и Діэго, самъ Колумбъ также въ скоромъ времени возвратился въ Испанію. Когда плохое положеніе новыхъ колоній, стоившихъ громадныхъ суммъ, возбудило въ испанскомъ обществѣ сильное нерасположеніе къ нимъ, адмиралу пришла въ голову несчастная мысль населить новый край, который онъ представлялъ земнымъ раемъ, преступниками изъ Испаніи. 30-го мая 1498 года отплылъ онъ съ 6 кораблями изъ Испаніи. Достигнувъ меридіана Ферро, онъ отправилъ три корабля по ближайшему западному пути въ Гаити; самъ-же съ остальными кораблями поплылъ къ экватору, потому что онъ находился еще подъ вліяніемъ ложнаго убѣжденія, что подъ одинаковыми градусами широты встрѣчаются одни и тѣ же произведенія; онъ надѣялся поэтому найти на широтѣ Гвинеи много золота и величайшія драгоцѣнности; такимъ образомъ, онъ попалъ въ поясъ экваторіальнаго безвѣтрія; жара достигала здѣсь такой степени, что обручи на бочкахъ распались и оказался недостатокъ въ водѣ, годной для питья. Тогда онъ оставилъ югозападное направленіе и поплылъ съ помощью пассатнаго вѣтра прямо на западъ, гдѣ открылъ островъ Тринидадъ и пустынную дельту рѣки Ориноко, то-есть берегъ южной Америки, не подозрѣвая, впрочемъ, что этотъ открытый имъ берегъ составляетъ уже часть новаго материка. Но боязнь за судьбу гаитской колоніи, покинутой имъ полтора года тому назадъ, опасенія, что припасы, которые онъ долженъ былъ ей доставить, испортятся и недостанетъ денегъ на жалованье матросамъ, — заставили его отложить изслѣдованіе открытой имъ части материка и поплыть по ближайшему пути въ Гаити. Прибывъ туда, онъ засталъ въ колоніи полнѣйшую анархію и возмущеніе. Оставленный Колумбомъ на островѣ Гаити братъ его Варѳоломей не могъ ввести никакого порядка между гордыми и упрямыми гидальго и дерзкими авантюристами. Никто не хотѣлъ ни работать, ни повиноваться. На Гаити возникли недостатки и нищета, грабежи и насилія, Колумбъ же не сумѣлъ справиться съ возмутившимися колонистами, не сумѣлъ пріобрѣсти власти надъ этими

смѣлыми искателями приключеній, привезенными имъ въ Новый Свѣтъ; многіе изъ нихъ, вернувшись въ Испанію больными, нищими и разочарованными, обвиняли Колумба въ присвоеніи имъ себѣ богатствъ и стремленіи къ пріобрѣтенію независимости съ помощію своихъ приверженцевъ. Правительство также видѣло ошибку въ томъ, что довѣрило власть надъ жизнью и смертію подданныхъ въ столь отдаленной странѣ человѣку, которому такая задача была, очевидно, не подъ силу.

Когда же Колумбъ самъ обратился къ правительству съ просьбою прислать „ученаго судью", монархи назначили правительственнымъ судьею Франческо де-Бовадиллу, уполномочивъ его удалять всякаго, какого-бы онъ званія ни былъ, если онъ сочтетъ это необходимымъ для пользы престола. Бовадилла прибылъ въ Гаити въ то время, когда Колумбъ былъ занятъ усмиреніемъ новыхъ возмущеній и старался строгостью исправить то, чего онъ по своей слабости не сдѣлалъ раньше. Новый регентъ потребовалъ выдачи всѣхъ заключенныхъ и акты, относившіеся къ слѣдствію, помиловалъ предводителей прежняго возмущенія, не церемонясь, занялъ квартиру адмирала и предоставилъ всѣмъ свободу разыскивать золото.

Послѣ того Бовадилла безъ всякаго суда и слѣдствія наложилъ на адмирала оковы и отправилъ его съ братьями въ Испанію. На пути капитанъ хотѣлъ освободить его отъ цѣпей, но Колумбъ не согласился на это; онъ хотѣлъ пристыдить своего государя и такимъ образомъ отплатить ему за его неблагодарность. По прибытіи Коломба въ Испанію, царственные супруги велѣли тотчасъ снять съ него цѣпи, а затѣмъ пригласили его явиться ко двору въ Гренаду. Рѣчь этого столь жестоко оскорбленнаго человѣка прерывалась рыданіями; монархи старались успокоить его, утверждая, что не уполномочивали Бовадиллу поступать съ такою жестокостью и что не намѣрены лишать адмирала ни его достоинства, ни его преимуществъ. Съ удовольствіемъ согласились они на его предложеніе отправиться съ 4 кораблями на новое открытіе. Управленіе Гаити было передано Овандо, который казался болѣе способнымъ для обуздыванія буйныхъ поселенцевъ молодой колоніи, нежели Коломбъ, не умѣвшій ни привлечь ихъ къ себѣ, ни пріучить къ повиновенію непослушныхъ.

Цѣлью послѣдняго предпріятія было найти западный путь въ Китай. Послѣ сравнительно скораго прибытія къ Караибскимъ островамъ, Колумбъ не могъ противостоять соблазну явиться снова въ качествѣ адмирала въ С. Доминго, но не былъ допущенъ намѣстникомъ Гаити Овандо.

На дальнѣйшемъ пути Колумбъ открылъ Гондурасъ и Коста Рика (то-есть Золотой берегъ); отъ индѣйцевъ услышалъ онъ неопредѣленные намеки на существованіе Южнаго океана; но упорное слѣдованіе географіи Птоломея ввело его въ совершенное заблужденіе и заставило его принять Южный океанъ за Бенгальскій заливъ. Постоянные восточные и сѣверо-восточные вѣтры принудили его повернуть назадъ у самаго Панамскаго перешейка. Когда онъ въ іюнѣ 1503 г. прибылъ въ Ямайку, то долженъ былъ высадить на берегъ экипажъ своихъ двухъ кораблей, такъ какъ отъ постоянныхъ бурь, перенесенныхъ ими, они оказывались негодными для дальнѣйшаго плаванія. Между тѣмъ матросы, высаженные на берегъ, истощенные холодомъ и лихорадкою, стали подозрѣвать, что адмиралъ хочетъ ихъ оставить колонистами на Ямайкѣ, и это вызвало между ними возмущеніе.

Вскорѣ туземцы перестали доставлять припасы, по причинѣ ли не-

достатка въ нихъ, или же неудовольствія на требовательность возмутившихся испанцевъ. Тогда Колумбъ прибѣгнулъ къ хитрости, а именно, къ угрозѣ, что они скоро увидятъ на небѣ знаменіе гнѣва Божія. И когда дѣйствительно, наступило лунное затмѣніе, извѣстное Колумбу по календарю, туземцы стали умолять его укротить гнѣвъ Божій. Онъ обѣщалъ имъ исполнить ихъ просьбу; и съ тѣхъ поръ эти суевѣрные индѣйцы не переставали доставлять испанцамъ съѣстные припасы. Между тѣмъ заболѣвшій адмиралъ принужденъ былъ возвратиться въ Испанію, что случилось не задолго до смерти королевы Изабеллы. Наконецъ, смерть избавила его отъ увеличивавшихся физическихъ страданій. 21 мая 1506 г. умеръ онъ въ Вальядолидѣ, не подозрѣвая, что „подарилъ королевству Кастиліи и Леона новый свѣтъ", какъ гласитъ надгробная надпись на его памятникѣ въ Севильскомъ Картезіанскомъ монастырѣ. Прахъ его, перевезенный потомъ въ церковь Санъ-Доминго, покоится съ 1796 года въ соборѣ Гаванны, главнаго города острова Кубы, куда испанцы перевезли его послѣ уступки Франціи Гаити.

Колумбъ является великимъ представителемъ того страннаго, непреодолимаго стремленія раздвинуть тѣсныя границы Стараго Свѣта, которое составляетъ отличительную черту XV вѣка. Это страстное стремленіе къ Востоку съ его несмѣтными сокровищами оживляло, поддерживало мореплавателей до и послѣ Колумба. Можетъ быть, Америка была бы открыта нѣсколько раньше или позже, во время путешествій португальцевъ въ Остъ-Индію, но то, что было бы тогда простой игрой слѣпого случая, теперь является предъ нами, какъ грандіозное предпріятіе великаго человѣка, въ которомъ обширный умъ соединился съ сильнымъ воображеніемъ, котораго самый отдаленный намекъ наводилъ на предугадываніе будущихъ событій или вводилъ въ поразительныя заблужденія. Только такой глубокій, живой умъ, какъ Колумбъ, въ которомъ самый слабый лучъ истины вызываетъ ясное пониманіе ея, могъ внутреннимъ созерцаніемъ постигнуть неизвѣстное, разоблачить его. Но неутомимаго изслѣдователя также сильно волновали ложные фантастическіе призраки, какъ и великія предчувствія и грандіозные планы, и вся дѣятельность Колумба представляетъ поразительное соединеніе истины съ заблужденіемъ.

Очевидецъ послѣдней борьбы испанцевъ съ арабами, Колумбъ страстно мечталъ о торжествѣ церкви и горячо надѣялся, что его индѣйское золото дастъ средства католическимъ монархамъ предпринять походъ ко Гробу Христа. Все болѣе предаваясь религіозной мечтательности, онъ сталъ смотрѣть на свое открытіе, какъ на сверхъестественное явленіе, на свой духовный міръ, какъ на вѣяніе божественнаго духа, на себя, какъ на избранника, исполнителя высшаго рѣшенія. „Я повторяю,—говорилъ онъ въ своихъ признаніяхъ,—что для успѣха предпріятія не нужны были ни глубокій умъ, ни математика, ни карты: въ немъ просто исполнилось пророчество Исаіи". Во время болѣзни, въ припадкѣ лихорадки, онъ видитъ передъ собою божественнаго посланника, который возвѣщаетъ ему, что всѣ его великія страданія вырѣзаны на безсмертномъ мраморѣ, и этимъ ободряетъ больнаго душой мореплавателя.

Натуры, духовный міръ которыхъ глубоко потрясенъ рѣшеніемъ великихъ вопросовъ, рѣдко обладаютъ способностью привлекать къ себѣ окружающихъ; съ ними люди трудно сближаются и всегда чувствуютъ какое-то стѣсненіе въ ихъ присутствіи; потому, вѣроятно, и Колумбу не удалось вызвать въ испанцахъ то страстное, слѣпое увлеченіе, съ кото-

рымъ они всегда слѣдовали за каждымъ изъ своихъ народныхъ вождей, преданные ему до безразсудства, готовые на самый отчаянный шагъ. Рукописи, оставленныя намъ Колумбомъ, даютъ возможность нѣсколько ближе подойти къ этому геніальному человѣку, и мы съ прискорбіемъ замѣчаемъ въ немъ полное отсутствіе уваженія къ врожденнымъ правамъ человѣка: съ свирѣпыми собаками охотится онъ за беззащитными людьми Новаго Свѣта, на которыхъ онъ смотритъ, какъ на собственность перваго человѣка, открывшаго ихъ. Колумбъ утверждалъ, что совершенно законно и справедливо обращать островитянъ въ рабство, особенно дикихъ и враждебныхъ караибовъ, въ наказаніе за ихъ нечеловѣческіе нравы. Онъ заходитъ даже далѣе, прося правительство не высылать ему на свой счетъ множество нужныхъ ему предметовъ, но лишь поощрять купцовъ перевозить ихъ въ Кубу. Тамъ, по его словамъ, купцы получатъ въ замѣнъ товаровъ людей, которыхъ жители Изабеллы поймаютъ и продадутъ потомъ въ рабство. Но если и теперь нерѣдко раздаются голоса, отрицающіе естественныя права низшихъ, болѣе слабыхъ расъ, то не заслуживаютъ ли полнаго снисхожденія воззрѣнія человѣка XV вѣка, который только раздѣлялъ заблужденія большинства современниковъ? Нельзя не пожалѣть, впрочемъ, о томъ, что Колумбъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ благородныхъ и высокихъ душъ, которыя, подобно Изабеллѣ и добрымъ доминиканцамъ на островѣ Испаньолѣ, боролись и страдали за сохраненіе естественныхъ правъ туземнаго населенія. Тяжелое и прискорбное чувство охватываетъ насъ при чтеніи рукописи Коломба, когда мы на каждомъ листѣ его признаній встрѣчаемъ то страстныя мечты о монополіи, то мечты объ обогащеніи казны королевской, да и своей собственной, мечты, вызванныя ненасытимой алчностью; даже въ паѳосѣ религіознаго бреда, даже въ порывахъ перваго восторга при созерцаніи новыхъ красотъ заатлантическаго міра, эти мечты давятъ, преслѣдуютъ его.

Но если даже допустить, что постигшая Колумба катастрофа выпала на долю его не вполнѣ незаслуженно съ его стороны и что она была какъ бы необходима для того, чтобы оторвать его отъ тѣснаго круга недостойныхъ его заботъ и снова возвратить его къ настоящему его призванію, какъ это обнаружилось въ его послѣднемъ путешествіи, то все-таки темнымъ, несмываемымъ пятномъ въ блестящемъ царствованіи Фердинанда и Изабеллы навсегда останется то, что этотъ человѣкъ, подарившій Кастиліи цѣлый міръ, умеръ съ горькимъ чувствомъ, что онъ служилъ не умѣвшимъ оцѣнить его монархамъ. Смерть спасла великаго мореплавателя отъ удара, который заставилъ бы его сильнѣе страдать, чѣмъ цѣпи Бовадильи: онъ умеръ въ ложномъ заблужденіи, что ему удалось осуществить свои мечты, что путь къ землямъ Востока найденъ, что островъ Куба—одна изъ провинцій Китая и что Караибскій и Бенгальскій заливы, между которыми лежитъ цѣлое полушаріе, раздѣлены только небольшимъ перешейкомъ. Человѣкъ, открывшій Америку, умеръ, не предчувствуя своего открытія; можетъ быть, онъ глубоко палъ бы духомъ, если бъ за побѣжденнымъ океаномъ вдругъ всталъ предъ нимъ великій материкъ, преграждая ему дорогу, разбивая завѣтную его мечту: соединить морскимъ путемъ Западъ съ культурными странами Востока.

XII. Фернандо Кортесъ, открытіе Мексики и основаніе въ ней первой испанской колоніи.

(По соч. Прескотта: «Завоеваніе Мексики».)

Подъ вліяніемъ рыцарскаго духа предпріимчивости открытія распространились въ началѣ царствованія Карла V отъ Гондурасскаго залива, вдоль материка южной Америки, до Ріо-де-ла-Платы. Громадная преграда Панамскаго перешейка была пройдена, и Тихій океанъ открытъ Васко Нуньесомъ де-Бальбоа, знаменитѣйшимъ послѣ Колумба изъ доблестныхъ „рыцарей океана". Багамскіе и Караибскіе острова были извѣданы такъ же, какъ полуостровъ Флорида. Къ этому послѣднему пункту прибылъ Себастіанъ Каботъ, спускаясь вдоль берега изъ Лабрадора въ 1497 году. Такимъ образомъ, передъ 1518 г. восточные берега обоихъ великихъ материковъ были уже извѣстны почти по всему своему протяженію. Прибрежья обширнаго Мексиканскаго залива, вдающіяся далеко во внутрь, были, однако, еще скрыты отъ взоровъ мореплавателей, вмѣстѣ съ богатыми царствами, которыя находились за ними. Теперь настало время и для этого открытія.

Вторымъ изъ открытыхъ испанцами острововъ былъ Куба; но на немъ при жизни Колумба не дѣлали попытокъ колонизаціи; самъ онъ, пройдя вдоль всего южнаго берега этого острова, умеръ съ убѣжденіемъ, что островъ составляетъ часть материка. Наконецъ, въ 1511 г. Діего, сынъ и преемникъ великаго „адмирала", имѣвшій резиденцію въ Испаньолѣ, нашелъ, что золотые рудники этого острова уже истощились, а потому предложилъ правительству занять сосѣдній островъ Кубу. Онъ приготовилъ для завоеванія небольшую военную силу, надъ которой начальство поручилъ дону Діего Веласкесу.

Послѣ завоеванія Кубы Веласкесъ, назначенный губернаторомъ, принялъ дѣятельныя мѣры для устройства благосостоянія острова. Онъ основалъ нѣсколько колоній, и сдѣлалъ Санъ-Яго, на юго-восточной оконечности, резиденціею правительства. Больше всего онъ занялся разработкою золотыхъ рудниковъ, которые обѣщали доставить на Кубѣ гораздо прибыльнѣйшіе результаты, чѣмъ въ Испаньолѣ.

Гернандесъ де-Кордова, одинъ изъ поселившихся на Кубѣ гидальговъ, отправился съ тремя судами на одинъ изъ сосѣднихъ Багамскихъ острововъ за индѣйскими невольниками (1517 г.). Онъ встрѣтилъ сильныя бури, сбившія его далеко съ настоящаго пути, и черезъ три недѣли увидѣлъ себя у неизвѣстнаго берега. Выйдя на него и спросивъ у жителей имя страны, онъ услышалъ отъ нихъ отвѣтъ: „Тектетанъ", что значитъ: „я тебя не понимаю". Но испанцы, воображая это слово названіемъ страны, легко передѣлали его въ Юкатанъ.

Кордова удивился обширности и прочнымъ матеріаламъ зданій, сооруженныхъ изъ камня и извести и совершенно не похожихъ на легкія жилища островитянъ, составленныя изъ тростника и прутьевъ. Его поразила также хорошая обработка земли, тонкая ткань одежды туземцевъ и отдѣлка ихъ золотыхъ украшеній. Все здѣсь обнаруживало образованность гораздо выше той, какую случалось видѣть гдѣ-либо въ

новомъ свѣтѣ; а воинственный духъ жителей ясно показывалъ, что они принадлежали къ совершенно другому племени. Вѣроятно, что до нихъ дошли уже слухи объ испанцахъ, ибо они безпрестанно спрашивали: „не съ востока ли они пришли"? Вообще всюду, гдѣ только испанцы покушались пристать, ихъ встрѣчали смертельною враждою. Самъ Кордова получилъ ранъ двѣнадцать въ одну изъ стычекъ съ туземцами. Наконецъ, пройдя по полуострову вдоль берега до Кампича, онъ возвратился въ Кубу и вскорѣ умеръ. Привезенныя имъ извѣстія о новооткрытой странѣ и, еще больше, затѣйливо отдѣланныя золотыя вещи убѣдили Веласкеса въ важности этого открытія, и онъ поспѣшно сталъ готовиться въ новую экспедицію.

Веласкесъ снарядилъ для посылки въ новооткрытыя земли небольшую эскадру изъ четырехъ судовъ и отдалъ ее подъ начальство своего племянника Хуана де-Грихальвы.

Гдѣ Грихальва не приставалъ, его встрѣчалъ всюду тотъ же непріязненный пріемъ, какъ и Кордову, хотя онъ страдалъ отъ того меньше, будучи лучше приготовленъ. Когда онъ шелъ вдоль изгибовъ Мексиканскаго залива, одинъ изъ его капитановъ Педро де-Альварадо, прославившійся впослѣдствіи при завоеваніи Мексики, входилъ въ рѣку, которую назвалъ своимъ именемъ. Во время плаванія по сосѣдней небольшой рѣкѣ, названной Ріо де-Бандерасъ, „рѣкою знаменъ", по множеству видѣнныхъ тамъ испанцами у жителей знаменъ, Грихальва встрѣтился въ первый разъ съ мексиканцами.

Управлявшій этою областью кацикъ получилъ извѣстіе о приближеніи европейцевъ и объ ихъ необыкновенной наружности. Онъ пламенно желалъ собрать какъ можно больше свѣдѣній о цѣли такого посѣщенія, чтобъ передать своему повелителю, ацтекскому монарху. Обѣ стороны сошлись дружелюбно на берегу, куда Грихальва вышелъ со всѣмъ своимъ войскомъ, желая произвести приличное впечатлѣніе на умъ варварскаго вождя. Испанцы обмѣнялись съ туземцами подарками, и съ удовольствіемъ получили за нѣсколько пустыхъ бездѣлушекъ множество драгоцѣнныхъ каменьевъ, золотыхъ украшеній и сосудовъ фантастической формы и затѣйливой работы.

Грихальва отправилъ Альварадо на одной изъ карабеллъ въ Кубу съ сокровищами и извѣстіями о великомъ государствѣ внутри земли, а самъ пошелъ далѣе вдоль берега. Наконецъ, послѣ почти шести-мѣсячнаго отсутствія, прибылъ онъ благополучно въ Кубу. Грихальвѣ принадлежитъ слава перваго мореплавателя, ступившаго на берегъ Мексики и открывшаго сношенія съ ацтеками.

Когда Альварадо возвратился въ Кубу со своимъ золотымъ грузомъ и собранными отъ жителей извѣстіями о богатомъ мексиканскомъ государствѣ, сердце губернатора исполнилось восторгомъ при мысли, что такъ легко могутъ сбыться мечты его о богатствѣ и славѣ. Онъ рѣшился снарядить другую экспедицію, у которой бы достало силы на покореніе той страны.

Веласкесъ отправилъ своего духовника въ Испанію съ королевскою долей добытаго въ Мексикѣ золота и съ подробнымъ отчетомъ обо всемъ видѣнномъ въ тѣхъ краяхъ. Въ ожиданіи отвѣта онъ прежде всего сталъ отыскивать человѣка, который могъ бъ раздѣлить съ нимъ первоначальныя издержки на снаряженіе экспедиціи и былъ бы способенъ предводительствовать ею. Онъ нашелъ такого сотоварища въ лицѣ Фернанда Кортеса.

Фернандо Кортесъ родился въ 1485 г. Онъ происходилъ отъ старинной испанской фамиліи. Въ юности неугомонный характеръ его обнаруживался въ безпрестанныхъ шалостяхъ и своенравныхъ выходкахъ, вовсе не сообразныхъ со степеннымъ образомъ жизни его родителей. Когда ему минуло 17 лѣтъ, онъ объявилъ родителямъ, что желаетъ опредѣлиться подъ знамена „великаго полководца", Гонзальва Кордуанскаго, а они, разсчитывая, вѣроятно, что жизнь, исполненная трудовъ и лишеній за границею, будетъ для него полезнѣе праздности дома, изъявили свое согласіе.

Юный гидальго, однако, все еще колебался, идти-ли ему искать счастья подъ начальствомъ этого побѣдоноснаго вождя, или отправиться въ Новый Свѣтъ, гдѣ предстояла возможность пріобрѣсти столько же золота, сколько славы, и гдѣ самыя опасности имѣли романическую таинственность, невыразимо плѣнительную для молодого воображенія. Онъ рѣшился на послѣднее. Ему было 19 лѣтъ, когда онъ простился съ родными берегами въ 1504 году и отплылъ на Испаньолу.

Въ 1511 году, когда Веласкесъ предпринялъ завоеваніе Кубы, Кортесъ охотно оставилъ жизнь плантатора для тревогъ и опасностей новаго поприща, и принялъ участіе въ экспедиціи.

Послѣ покоренія Кубы Кортесъ былъ, повидимому, въ большой милости у Веласкеса. Онъ получилъ щедрое repartimiento индѣйцевъ и обширный участокъ земли по сосѣдству Сан-Яго, въ которомъ вскорѣ былъ сдѣланъ алькальдомъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ трудолюбивой жизни Кортесъ имѣлъ уже около двухъ или трехъ тысячъ castellanos, что̀ тогда было важною суммой для человѣка въ его положеніи.

Когда Альварадо возвратился съ извѣстіями объ открытіяхъ Грихальвы и о великолѣпныхъ барышахъ торга съ жителями, Веласкесъ послалъ за Кортесомъ и объявилъ ему намѣреніе свое сдѣлать его капитанъ-адмираломъ армады.

Теперь Кортесъ достигъ цѣли своихъ желаній, цѣли, къ которой душа его стремилась съ тѣхъ поръ, какъ онъ ступилъ на землю Новаго Свѣта. Онъ больше не будетъ осужденъ на жизнь копотливаго труженика, который бьется въ потѣ лица для жалкихъ денегъ; онъ не будетъ запертъ въ тѣсныхъ предѣлахъ ничтожнаго острова: ему предстоитъ новое и широкое поприще независимой дѣятельности; взорамъ его откроется перспектива безграничная, которая удовлетворитъ не только самымъ алчнымъ порывамъ корысти, но гораздо болѣе возвышеннымъ и безпокойнымъ влеченіямъ его предпріимчиваго ума и человѣколюбивой души. Онъ вполнѣ постигалъ всю важность новыхъ открытій и видѣлъ въ нихъ несомнѣнный признакъ существованія большого государства на отдаленномъ западѣ. То была та самая страна, о которой разсказывали „великому адмиралу", когда онъ былъ въ Гондурасскомъ заливѣ въ 1502 году, и до которой онъ бы дошелъ, еслибъ направился къ сѣверу, а не къ югу, для отысканія воображаемаго пролива. По собственному горькому выраженію Колумба, „онъ только отперъ ворота, чтобъ въ нихъ могли входить другіе".

Съ этого времени все существо Кортеса перемѣнилось. Онъ немедленно употребилъ всѣ свои деньги на снаряженіе экспедиціи, заложилъ все свое имущество и, кромѣ того, занялъ денегъ у нѣкоторыхъ жившихъ на островѣ богатыхъ купцовъ, которые согласились ссудить ему, взявъ обязательство въ уплатѣ долга и надѣясь быть вознагражденными съ избыткомъ успѣхомъ экспедиціи. Когда истощился его собственный кре-

дитъ, онъ пустилъ въ дѣло кредитъ своихъ друзей. Добытые такимъ образомъ капиталы онъ употребилъ на покупку судовъ, провизіи, военныхъ припасовъ, на содержаніе сподвижниковъ, которые были не въ состояніи приготовиться къ походу собственными средствами; кромѣ того, онъ привлекалъ подъ свои знамена щедрыми обѣщаніями богатой доли изъ предстоящей добычи.

Все закипѣло и засуетилось въ маленькомъ городѣ Сан-Яго. Всякій старался такъ или иначе содѣйствовать успѣху предпріятія. Шесть судовъ были уже добыты, триста охотниковъ записались у Кортеса въ теченіе нѣсколькихъ дней, горя жаждою попытать счастія подъ знаменами отважнаго и любимаго вождя.

Неизвѣстно въ точности, много ли самъ губернаторъ содѣйствовалъ издержкамъ снаряженія. Но должно отдать справедливость Веласкесу въ томъ, что судя по инструкціямъ, даннымъ имъ Кортесу, какъ вести экспедицію, онъ не можетъ быть обвиненъ въ мелочности и корыстолюбіи. Главнымъ предметомъ экспедиціи была мѣновая торговля съ туземцами, причемъ особенно предписывалось не дѣлать имъ зла, не обижать ихъ, но обращаться съ ними со всевозможною кротостью и человѣколюбіемъ. Кортесъ долженъ былъ помнить прежде всего, что первымъ желаніемъ испанскаго монарха было обращеніе въ христіанство индѣйцевъ. Онъ долженъ былъ сдѣлать тщательную опись берега и промѣрить глубину его заливовъ и входовъ для пользы будущихъ мореплавателей. Ему предписывалось познакомиться съ естественными произведеніями земли, характеромъ населяющихъ ее различныхъ племенъ, съ ихъ общественными учрежденіями и успѣхами просвѣщенія: подробные отчеты обо всемъ этомъ онъ долженъ былъ прислать домой, вмѣстѣ съ вещами, которыя пріобрѣтетъ торгомъ съ жителями.

Важность, которую пріобрѣлъ Кортесъ своимъ новымъ положеніемъ, начала, однако, тревожить склонное къ подозрѣнію воображеніе Веласкеса; но Кортесъ показалъ въ этомъ случаѣ ту же быструю рѣшимость, которая впослѣдствіи столько разъ выручала его изъ бѣды. Онъ снялся съ якоря прежде, чѣмъ губернаторъ могъ привести въ исполненіе свое намѣреніе замѣнить его другимъ лицомъ, хотя далеко не все было готово къ его отъѣзду.

Когда эскадра Кортеса пришла къ Сан-Хуану-де-Улуа, острову, названному такъ Грихальвою, погода была ясная и пріятная: толпы туземцевъ собрались на берегу материка и глядѣли съ изумленіемъ на невиданный феноменъ, суда испанцевъ, скользившія подъ малыми парусами по гладкой поверхности водъ.

Не успѣли суда бросить якоря, какъ отъ берега материка отвалила легкая „пирога", наполненная туземцами, и направилась прямо къ судну главнокомандующаго, которое отличалось отъ прочихъ развѣвавшимся на мачтѣ кастильскимъ штандартомъ.

При помощи своихъ переводчиковъ Кортесъ вступилъ въ разговоръ съ пріѣхавшими къ нему посѣтителями. Онъ узналъ, что они мексиканцы, или, лучше сказать, подданные великой мексиканской имперіи, областью которой сдѣлалось недавно ихъ отечество. Государство это было подъ скипетромъ могущественнаго монарха Монтезумы, который жилъ на равнинахъ, среди горъ, внутри страны, въ разстояніи около 70 лигъ отъ моря; а этою прибрежною областью управлялъ одинъ изъ его вельможъ, по имени Теухтлиле, жившій въ 8 лигахъ отъ берега. Кортесъ съ своей стороны увѣрилъ ихъ въ дружелюбной цѣли своего прихода, сообщилъ

имъ желаніе свое увидѣться съ ацтекскимъ губернаторомъ, и отпустилъ ихъ съ щедрыми подарками, увѣрившись напередъ изъ ихъ разсказовъ, что внутри земли много золота, подобнаго тому, изъ котораго были сдѣланы ихъ украшенія.

Кортесъ, довольный своими посѣтителями и хорошими вѣстями объ ихъ отечествѣ, рѣшился расположиться тутъ на время. На слѣдующее утро онъ вышелъ на берегъ со всѣми своими сподвижниками, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится городъ Вера-Крусъ.

Пока испанцы трудились надъ устройствомъ своего лагеря, изъ окрестныхъ мѣстъ, довольно многолюдныхъ, стекались туземцы, влекомые естественнымъ любопытствомъ посмотрѣть на чудныхъ пришельцевъ. Они принесли съ собою въ изобиліи плодовъ, овощей, цвѣтовъ, разной дичи, кушаньевъ, состряпанныхъ по обычаю страны, а также много золотыхъ вещицъ и другихъ украшеній. Индѣйцы подарили испанцамъ много изъ принесеннаго, остальное промѣнивали на разныя бездѣлушки, такъ что лагерь Кортеса, оживленный пестрою толпою людей обоего пола и всѣхъ возрастовъ, казался веселою ярмаркой. Отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ Кортесъ узналъ, что губернаторъ намѣренъ посѣтить его на другой день. Теухтлиле явился до полудня въ сопровожденіи многочисленной свиты и былъ встрѣченъ Кортесомъ, который ввелъ его съ большою торжественностью въ свою палатку, гдѣ были собраны главные изъ его сподвижниковъ. Ацтекскій вельможа отвѣчалъ на привѣтствія съ церемонною вѣжливостью.

Первые вопросы Теухтлиле, предложенные черезъ переводчиковъ, были объ отечествѣ пришельцевъ и о цѣли ихъ прибытія. Кортесъ отвѣчалъ ему, что „онъ подданный могущественнаго государя за морями, который, узнавъ о величіи мексиканскаго императора, пожелалъ вступить съ нимъ въ дружескія сношенія, почему отправилъ его посломъ къ Монтезумѣ, съ подаркомъ въ знакъ своей пріязни, и грамотою, которую онъ долженъ вручить ему лично“. Въ заключеніе онъ спросилъ у Теухтлиле, когда ему можно предстать передъ лицо великаго Монтезумы.

На это ацтекскій вельможа отвѣчалъ съ нѣкоторою надменностью: „Какъ это возможно, что ты, находясь здѣсь только два дня, уже требуешь счастья видѣть императора?“ Но потомъ прибавилъ съ большею вѣжливостью, что „удивляется извѣстію о государѣ, столь же могущественномъ, какъ Монтезума; но если это правда, то онъ увѣренъ, что его повелитель почтетъ за удовольствіе имѣть съ нимъ сношеніе“. Онъ присовокупилъ, что пошлетъ гонцовъ съ подаркомъ испанскаго вождя въ столицу и сообщитъ Кортесу волю Монтезумы, какъ только ее узнаетъ.

Послѣ этого Теухтлиле велѣлъ своимъ невольникамъ принести подарокъ, назначенный испанскому генералу. Онъ состоялъ изъ десяти тюковъ тонкихъ бумажныхъ матерій, нѣсколькихъ плащей, затѣйливо сдѣланныхъ изъ перьевъ, которыхъ яркіе и нѣжные отливы могли спорить съ самою прекрасною живописью, и плетеную корзину, наполненную дорогими золотыми украшеніями, все это съ цѣлью внушить испанцамъ высокое понятіе о богатствѣ и искусствѣ мексиканцевъ.

Кортесъ принялъ эти подарки съ приличными знаками благодарности и велѣлъ одному изъ своихъ слугъ показать гостю вещи, привезенныя для Монтезумы. То были: кресла съ затѣйливою рѣзьбою, великолѣпно раскрашенною, алая суконная шапка съ золотымъ медальономъ, на которомъ было изображеніе св. Георгія и дракона, и множество ожерельевъ, браслетовъ и тому подобныхъ украшеній изъ стекла, которое

въ странѣ, гдѣ о немъ не имѣли понятія, могло быть сочтено за драгоцѣнный матеріалъ.

Пока происходили эти переговоры, Кортесъ замѣтилъ, что одинъ изъ свиты Теухтлиле трудился съ особеннымъ усердіемъ надъ какою-то работой съ карандашемъ въ рукѣ, какъ будто стараясь изобразить какой-то предметъ. Взглянувъ на его работу, онъ увидѣлъ, что это—изображеніе на полотнѣ испанцевъ, ихъ костюмовъ, оружія и, короче, всѣхъ новыхъ и занимательныхъ для ацтековъ вещей, которымъ рисовальщикъ давалъ настоящую фигуру и цвѣтъ. То была знаменитая картинопись ацтековъ. Теухтлиле сообщилъ Кортесу, что рисовальщикъ снималъ всѣ эти предметы для представленія Монтезумѣ, который, такимъ образомъ, получитъ о нихъ гораздо живѣйшее понятіе, чѣмъ изъ описанія на словахъ. Идея эта понравилась испанскому генералу, и онъ, желая произвести еще больше эффекта, велѣлъ кавалеріи выѣхать на взморье, гдѣ на морскомъ пескѣ лошади могли ступать твердо. Смѣлыя и быстрыя движенія всадниковъ, продѣлавшихъ всѣ военныя эволюціи, легкость, съ какою они управляли горячившимися подъ ними сердитыми животными, блескъ оружія и рѣзкіе звуки воинской трубы—все это поражало зрителей изумленіемъ; но когда раздались громы пушекъ, изъ которыхъ Кортесъ велѣлъ выпалить залпомъ, когда ацтеки увидѣли клубы дыма и пламени, извергавшіеся изъ этихъ страшныхъ жерлъ, когда они услышали визгъ ядеръ и жужжаніе ихъ между деревьями сосѣдняго лѣса, у которыхъ онѣ раздробляли въ щепки сучья и стебли, тогда ацтеками овладѣло просто отчаяніе, отъ котораго не былъ избавленъ и самъ Теухтлиле.

Наконецъ Теухтлиле удалился съ своею свитою изъ испанскаго лагеря съ такою же церемоніею, какъ и пришелъ туда, оставивъ народу приказаніе доставлять чужеземцамъ провизію и все нужное до прибытія изъ столицы новыхъ распоряженій.

Мы оставимъ теперь на время испанцевъ, расположившихся лагеремъ на берегу, и перенесемся въ отдаленную столицу Мексики, гдѣ прибытіе къ берегу чудныхъ пришельцевъ произвело значительное впечатлѣніе. На ацтекскомъ тронѣ возсѣдалъ въ то время Монтезума II. Онъ былъ избранъ на царство въ 1502 г., предпочтительно предъ своими братьями, за высокія достоинства, обнаруженныя имъ въ качествѣ воина и жреца.

Въ первые годы своего правленія Монтезума былъ занятъ безпрестанными войнами и часто самъ предводительствовалъ войсками. Ацтекскія знамена развѣвались въ отдаленнѣйшихъ странахъ, прилегающихъ къ Мексиканскому заливу, и даже въ Никарагуѣ и Гондурасѣ. Экспедиціи ихъ были почти всегда успѣшны, и границы имперіи расширились больше, чѣмъ когда-либо въ предшествовавшія времена.

Между тѣмъ, новый монархъ не оставлялъ также безъ вниманія внутренняго управленія государствомъ. Онъ сдѣлалъ нѣкоторыя важныя преобразованія въ организаціи судилищъ, тщательно наблюдалъ за исполненіемъ законовъ и поддерживалъ ихъ съ неумолимою строгостью. Монтезума имѣлъ также привычку бродить переряженнымъ по улицамъ столицы, чтобы узнавать лично злоупотребленія: говорятъ даже, что онъ иногда испытывалъ правдивость судей, искушалъ ихъ богатыми подкупами и потомъ требовалъ на безпощадную расправу тѣхъ, кто соглашался покривить совѣстью. Онъ щедро награждалъ всѣхъ, кто ему служилъ; не жалѣлъ издержекъ на полезныя постройки; сооружалъ и украшалъ храмы; провелъ въ столицу воду посредствомъ новаго канала и учредилъ родъ инвалиднаго дома для изувѣченныхъ воиновъ.

Подобныя дѣянія, достойныя великаго государя, затемнялись, однако, другими, совершенно противоположнаго свойства. Смиреніе, которое онъ старался выказывать до своего возвышенія, замѣнилось нестерпимымъ высокомѣріемъ. Въ увеселительныхъ дворцахъ, домашнемъ хозяйствѣ и образѣ жизни онъ окружалъ себя пышностью, неизвѣстною его предшественникамъ. Онъ отдѣлилъ себя отъ общественной жизни, а когда показывался въ публикѣ, то требовалъ самаго рабскаго подобострастія; во дворцѣ допускалъ къ своей особѣ, даже для самыхъ низкихъ услугъ, только людей высокаго званія.

Отталкивая отъ себя сердца подданныхъ такою надменностью, Монтезума возбудилъ ихъ ненависть тяжкими налогами, которыхъ требовали неимовѣрныя издержки двора. Тяжесть ихъ падала въ особенности на завоеванные города. Такія угнетенія вели къ частымъ возстаніямъ, и послѣдніе годы его царствованія представляютъ рядъ непрерывныхъ военныхъ экспедицій, въ которыхъ всѣ силы одной половины имперіи занимались постоянно подавленіемъ мятежей, безпрестанно вспыхивавшихъ въ другой. Къ несчастью, вновь пріобрѣтенныя области не сливались съ древнею монархіею и не составляли съ нею одного цѣлаго: отъ этого имперія, по мѣрѣ расширенія границъ, дѣлалась все слабѣе и слабѣе.

Таково было положеніе ацтекской монархіи въ эпоху прибытія Кортеса. Но все-таки государство было еще сильно волею своего монарха, привычнымъ уваженіемъ къ его власти и храбростью и дисциплиною войскъ, хорошо свыкшихся съ тактикою индійской войны. Настало время, когда эта младенчествующая тактика и грубое оружіе варваровъ должны были столкнуться съ военнымъ искусствомъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ образованнѣйшаго изъ тогдашнихъ народовъ земного шара.

Быстрому завоеванію Мексики испанцами много способствовали народныя преданія на счетъ Кветцалькоатля, бога воздуха, котораго представляли съ бѣлымъ лицомъ и развѣвающеюся бородою; образъ, начертанный этимъ преданіемъ, совершенно сходенъ съ физіономіею индѣйцевъ. Говорятъ, что этотъ богъ, исполнивъ дѣло благодати между ацтеками, поплылъ по Атлантическому океану къ таинственнымъ берегамъ Тлапаллана. Отправляясь, онъ обѣщалъ возвратиться въ грядущія времена вмѣстѣ со своимъ потомствомъ и вступить снова во владѣніе своимъ государствомъ. Этого дня ожидали ацтеки со страхомъ или надеждою, смотря по обстоятельствамъ, но съ полнымъ убѣжденіемъ, во всемъ Анагуакѣ, что оно случится.

Прошло около 30-ти лѣтъ со времени открытія острововъ Колумбомъ и больше 20-ти съ тѣхъ поръ, какъ онъ посѣтилъ въ первый разъ материкъ Америки. Слухи, болѣе или менѣе смутные, о чудномъ появленіи бѣлыхъ людей, которые держатъ въ своихъ рукахъ громъ и молнію, что во многихъ отношеніяхъ сходно съ легендами о Кветцалькоатлѣ, должны были, весьма естественно, распространиться между всѣми индѣйскими племенами; они, безъ сомнѣнія, дошли до Мексики задолго до прихода испанцевъ къ американскимъ берегамъ и наполнили умы ожиданіемъ чего-то необыкновеннаго.

Когда въ столицѣ получили извѣстіе о приходѣ Грихальвы къ берегамъ имперіи, сердце Монтезумы наполнилось отчаяніемъ; онъ чувствовалъ, что бѣда, тяготѣвшая такъ долго надъ его династіей, должна обрушиться и лишить его скипетра навсегда. Хотя отплытіе испанцевъ успокоило его до нѣкоторой степени, однако онъ велѣлъ разставить часовыхъ на всѣхъ

высотахъ, и когда ему стало извѣстно, что испанцы возвратились съ Кортесомъ, онъ немедленно созвалъ главныхъ своихъ совѣтниковъ.

Повидимому, мнѣнія собранія были разногласны: одни утверждали, что должно противиться чужеземцамъ силою или хитростью, другіе думали, что если это существа сверхъестественныя, то ни сила, ни хитрость не помогутъ, а если они, какъ сами увѣряютъ, дѣйствительно послы неизвѣстнаго государя, то политика такого рода будетъ несправедлива и безчестна. Что они не принадлежатъ къ породѣ Кветцалькоатля, это вывели изъ враждебныхъ дѣйствій испанцевъ противъ религіи. Но Монтезума, основываясь больше на своихъ собственныхъ неопредѣленныхъ опасеніяхъ, предпочелъ держаться средины, политики, какъ всегда бываетъ, самой неблагоразумной тамъ, гдѣ нужна твердость. Онъ рѣшился отправить къ пришельцамъ посольство съ великолѣпнымъ подаркомъ, который внушилъ бы имъ высокую идею о величіи его и рессурсахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ запретилъ имъ приближаться къ столицѣ. Подобная мѣра могла только обнаружить его богатство и слабость.

Пока ацтекскій дворъ былъ такимъ образомъ взволнованъ прибытіемъ испанцевъ, они страдали отъ нестерпимыхъ жаровъ и удушливой атмосферы песчаной пустыни, за которой былъ расположенъ лагерь. Внимательность дружелюбныхъ жителей доставляла имъ всевозможныя облегченія; они, по приказанію своего губернатора, устроили изъ вѣтвей и цыновокъ больше тысячи шалашей, въ которыхъ поселились поблизости лагеря, и готовили безвозмездно разныя кушанья для Кортеса и его офицеровъ, такъ какъ солдаты добывали себѣ въ обмѣнъ за привезенныя ими для торга бездѣлушки все, что было нужно для продовольствія.

По прошествіи семи или восьми дней мексиканское посольство снова явилось въ лагерь. Оно состояло изъ двухъ ацтекскихъ вельможъ, въ сопровожденіи губернатора Теухтлиле и ста невольниковъ, несшихъ царственные подарки Монтезумы.

Войдя въ палатку генерала, послы привѣтствовали его и испанскихъ офицеровъ знаками почтенія, обычными при свиданіяхъ съ высокими особами: они коснулись земли обѣими руками и потомъ приложили ихъ къ головѣ; въ это время воздухъ наполнился густыми облаками благоуханій изъ принесенныхъ слугами курильницъ. Потомъ невольники раскинули нѣсколько затѣйливо сплетенныхъ цыновокъ и на нихъ разложили всѣ разнородные подарки Монтезумы. Тутъ были щиты, шлемы, кирасы съ набитыми на нихъ бляхами и украшеніями изъ чистаго золота, ожерелья и браслеты изъ того же металла, сандаліи, опахала, султаны и нашлемники изъ разноцвѣтныхъ перьевъ, перевитые золотыми или серебряными шнурками и осыпанные жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями; изображенія птицъ и звѣрей, изваянныя и отлитыя изъ золота и серебра, самой изящной отдѣлки; занавѣсы, покрывала и одежды изъ бумажной пряжи, тонкой, какъ шелкъ, самыхъ яркихъ цвѣтовъ, и протканной сдѣланными изъ перьевъ узорами, которые по нѣжности обработки рисунковъ могли соперничать съ живописью. Въ добавокъ къ этому было больше тридцати кипъ бумажныхъ матерій. Въ числѣ вещей былъ также посланный въ столицу испанскій шлемъ; его возвратили наполненнымъ до краевъ золотымъ пескомъ. Но больше всего возбудили удивленіе испанцевъ два круглыя блюда, золотое и серебряное, „величиною съ каретное колесо", золотое съ изображеніемъ солнца, окруженнаго фигурами растеній и звѣрей, означавшихъ, вѣроятно, іероглифы годовъ ацтекскаго столѣтія.

Испанцы не могли скрыть своего восторга при видѣ сокровищъ,

такъ много превосходившихъ все, что имъ представляли самыя заносчивыя ихъ мечты. Какъ ни были богаты вещи сами по себѣ, но ихъ превышали красота и великолѣпіе отдѣлки.

Когда Кортесъ и его офицеры осмотрѣли подарки, посланники передали съ вѣжливостью отвѣтъ Монтезумы. „Государю ихъ,—говорили они,—очень пріятно быть въ сношеніяхъ съ такимъ могущественнымъ монархомъ, какъ испанскій король, къ которому онъ чувствуетъ самое глубокое уваженіе. Онъ сожалѣетъ только, что долженъ отказаться отъ личнаго свиданія съ испанцами: разстояніе до столицы слишкомъ велико, путешествіе сопряжено съ величайшими трудностями и опасностями отъ сильныхъ враговъ, почему предпринять его невозможно; а потому самое лучшее, что могутъ сдѣлать чужеземцы,—возвратиться въ свое отечество со знаками его дружескаго расположенія“.

Кортесъ былъ сильно огорченъ рѣшительнымъ отказомъ Монтезумы.

Между тѣмъ, испанцы значительно страдали отъ неудобствъ своего положенія среди палящихъ песковъ и злокачественныхъ испареній сосѣднихъ болотъ и ядовитыхъ насѣкомыхъ этихъ знойныхъ странъ, которыя не давали имъ покоя не днемъ, ни ночью. Тридцать человѣкъ уже заболѣли и умерли — потеря весьма ощутительная въ такой маленькой дружинѣ. Къ довершенію неудовольствій, обнаружившаяся холодность мексиканскихъ вельможъ перешла и къ низшему разряду туземцевъ: доставка продовольствія въ лагерь не только значительно уменьшилась, но жители требовали уже за свои припасы непомѣрныя цѣны. Положеніе судовъ, стоявшихъ на якорѣ на открытомъ рейдѣ, было также невыгодно.

Обстоятельства эти заставляли генерала послать два судна, подъ начальствомъ Франциско де-Монтехо и одного опытнаго лоцмана, для осмотра береговъ къ сѣверу, съ цѣлью отысканія безопаснѣйшаго порта для эскадры и удобнѣйшаго мѣста для лагеря.

Черезъ 12 дней вернулись суда Монтехо. Онъ прошелъ по заливу до Пануко, гдѣ встрѣтилъ, стараясь обогнуть одинъ мысъ, такія страшныя бури, что его отнесло назадъ и едва не залило. Въ продолженіе всего своего крейсерства онъ нашелъ одинъ только портъ, довольно сносно защищенный отъ сѣверныхъ вѣтровъ.

Между тѣмъ, солдаты роптали больше и больше, по мѣрѣ продолженія своего пребыванія въ этой странѣ. Неудовольствіе ихъ увеличилось, когда они узнали намѣреніе генерала перейти въ портъ, открытый Франциском де-Монтехо.

Пока это происходило, въ лагерь пришло пятеро индѣйцевъ, которыхъ немедленно ввели въ палатку генерала. Одеждою и наружностію они вовсе не походили на мексиканцевъ: они носили въ ушахъ и ноздряхъ золотыя кольца съ блестящими синими каменьями, а на нижней губѣ золотой листъ затѣйливаго узора. Они сказали, что пришли изъ Семпоаллы, главнаго города тотонаковъ, могущественнаго народа, который пришелъ на плоскую возвышенность много столѣтій тому назадъ. Земля ихъ была недавно завоевана ацтеками, угнетенія которыхъ сдѣлались для нихъ нестерпимыми. Они сообщили Кортесу много разныхъ подробностей и присовокупили, что слава объ испанцахъ достигла до ихъ государя, который послалъ пригласить чудныхъ иноземцевъ въ свою столицу.

Генералъ слушалъ ихъ съ жадностью: ему не были извѣстны подробности о внутреннемъ состояніи мексиканской имперіи, которую онъ воображалъ не иначе, какъ сильною и крѣпко связанною въ своихъ составныхъ частяхъ. Теперь умъ его озарился лучемъ важной истины, и

онъ понялъ сразу, какимъ могучимъ союзникомъ можетъ ему служить духъ раздора, царствующій внутри этой варварской монархіи.

Кортесъ отправилъ свою тяжелую артиллерію на суда и велѣлъ имъ идти вдоль берега къ сѣверу, на Чіагуитсалы, городъ, около котораго находится портъ, предназначенный для новой колоніи; самъ онъ рѣшился на пути туда берегомъ посѣтить Семпоаллу.

На пути своемъ испанцы прошли черезъ нѣсколько покинутыхъ селеній, въ которыхъ были индѣйскіе храмы; въ нихъ нашли они курильницы, разныя священныя принадлежности и картинописные манускрипты на бумагѣ изъ волоконъ agave, заключавшіе въ себѣ, вѣроятно, описаніе религіозныхъ обрядовъ туземцевъ. Они увидѣли также отвратительное зрѣлище, съ которымъ впослѣдствіи освоились: изуродованные трупы жертвъ, умерщвленныхъ на богомерзкихъ алтаряхъ кровожадныхъ божествъ страны. Испанцы отворачивались съ негодованіемъ отъ этихъ противныхъ сценъ, такъ несвойственныхъ окружавшимъ ихъ очаровательнымъ красотамъ природы.

Они шли вдоль береговъ рѣки къ ея источнику, гдѣ были встрѣчены 12-ю индѣйцами, высланными касикомъ Семпоаллы, чтобы указать имъ дорогу въ его столицу.

Приближаясь къ индѣйской столицѣ, они увидѣли заботливо содержимые сады и огороды, тянувшіеся по обѣимъ сторонамъ дороги. Тутъ ихъ встрѣтили толпы туземцевъ обоего пола, которыхъ число возрастало съ каждымъ ихъ шагомъ. Мужчины и женщины, съ букетами и гирляндами въ рукахъ, вмѣшивались безбоязненно въ ряды солдатъ; они украсили цвѣтами шею боевого коня Кортеса и надѣли на его шлемъ розовый вѣнокъ. Вообще, народъ этотъ любилъ цвѣты и разводилъ ихъ съ большимъ стараніемъ и искусствомъ, въ чемъ много содѣйствовалъ теплый и влажный климатъ, возбуждавшій почву къ произращенію всякаго рода растительности. Тотъ же утонченный вкусъ господствовалъ, какъ мы увидимъ, и между воинственными ацтеками, и пережилъ униженіе народа въ лицѣ ихъ нынѣшнихъ потомковъ.

Многія женщины, судя по богатой одеждѣ и многочисленной свитѣ, принадлежали къ высшему классу; на нихъ были платья изъ тонкихъ бумажныхъ тканей, съ затѣйливыми узорами; платья эти доходили отъ шеи, у низшаго класса отъ пояса, до икръ. Мужчины носили родъ плаща изъ того же матеріала, по-мавритански накинутый черезъ плечи, и шарфы или кушаки на поясѣ. У обоихъ половъ были видны украшенія изъ золота и драгоцѣнныхъ камней, а въ ушахъ и въ носу продѣты кольца изъ того же металла.

Передъ самымъ входомъ въ городъ, нѣсколько испанскихъ всадниковъ, выѣхавшихъ впередъ, возвратились съ изумительнымъ извѣстіемъ, „что они заглянули въ ворота и увидѣли тамъ дома, выложенные снаружи полированнымъ серебромъ!“ Серебро это оказалось блестящимъ стюкомъ, которымъ были покрыты главныя зданія. Первоклассныя строенія были сооружены изъ камня и извести или изъ сушеныхъ на солнцѣ кирпичей; а бѣднѣйшія были глиняныя мазанки. Всѣ были покрыты пальмовыми листьями, хотя крыши эти казались слишкомъ легкими для такихъ зданій, но листья были переплетены между собою такъ искусно, что доставляли надежную защиту отъ непогодъ.

Городъ имѣлъ, какъ говорили, отъ 20 до 30 тысячъ жителей. Молча и тихо шли испанцы по узкимъ и многолюднымъ улицамъ Семпоаллы, внушая туземцамъ столько же удивленія, сколько они ощущали сами при

видѣ порядка и образованности, такъ далеко превосходившихъ все, что имъ встрѣчалось въ Новомъ Свѣтѣ. Кацикъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу на порогъ своего дома. То былъ человѣкъ высокій и дородный; онъ приблизился, опираясь на двоихъ приближенныхъ, и принялъ Кортеса и его сподвижниковъ съ величайшею ласкою. Послѣ краткаго обмѣна учтивостей онъ предложилъ испанцамъ сосѣдній храмъ, на широкій дворъ котораго выходило множество покоевъ, могшихъ служить солдатамъ превосходнымъ помѣщеніемъ.

Тутъ испанцы были вдоволь снабжены съѣстными припасами, разными мясными кушаньями, приготовленными по обычаю страны, и лепешками, испеченными изъ маисовой муки. Генералъ получилъ отъ кацика довольно цѣнный подарокъ, состоявшій изъ золотыхъ украшеній и тонкихъ бумажныхъ тканей. Несмотря на такой дружественный пріемъ, Кортесъ не ослаблялъ своей обычной бдительности и не упустилъ изъ вида ни одной военной предосторожности. По дорогѣ въ Семпоаллу онъ шелъ всегда въ боевомъ порядкѣ, готовый отразить всякое внезапное нападеніе. Здѣсь онъ разставилъ часовыхъ съ такою же заботливостью, помѣстилъ артиллерію на самомъ выгодномъ мѣстѣ для защиты входа и запретилъ солдатамъ, подъ опасеніемъ смертной казни, отлучаться безъ приказанія изъ лагеря.

На слѣдующее утро Кортесъ, въ сопровожденіи пятидесяти человѣкъ, отправился съ визитомъ къ владѣтелю Семпоаллы, въ собственную его резиденцію, обширное каменное зданіе, воздвигнутое на круглой земляной насыпи, на которую всходили по ряду каменныхъ ступеней. Построеніемъ своимъ оно могло походить на древнія зданія, находимыя и до сихъ поръ въ центральной Америкѣ. Кортесъ, оставя солдатъ во дворѣ, вошелъ въ чертоги съ однимъ изъ гидальговъ и съ прекрасною переводчицей, донною Мариной. Завязался продолжительный разговоръ, изъ котораго испанскій генералъ почерпнулъ много свѣдѣній касательно внутренняго состоянія страны.

Кацикъ разсказалъ, что на землѣ тотонаковъ можно насчитать около тридцати городовъ и деревень, которые могутъ выставить сто тысячъ воиновъ, число слишкомъ преувеличенное. Есть также другія области имперіи, говорилъ онъ, гдѣ правленіе ацтековъ столько же тягостно, какъ здѣсь; что между нимъ и столицею находится воинственная республика Тласкала, которая всегда сохраняла свою независимость отъ Мексики. Но все-таки онъ смотрѣлъ со страхомъ и сомнѣніемъ на разрывъ съ „великимъ Монтезумой", котораго войска, при малѣйшемъ поводѣ, низринутся со своихъ горъ, пронесутся, какъ вихрь, по равнинамъ и увлекутъ въ рабство и на закланіе несчастныхъ жителей.

Кортесъ пытался успокоить его и увѣрялъ, что одинъ испанецъ сильнѣе цѣлаго войска ацтековъ; онъ спросилъ, на содѣйствіе какихъ народовъ ему можно будетъ разсчитывать, чтобы знать, кого щадить въ истребительной войнѣ, которую онъ намѣревается начать. Ободривъ удивленнаго кацика такою ловкою похвальбой, онъ простился съ нимъ дружески, увѣривъ, что скоро опять съ нимъ увидится для совѣщанія о планѣ будущихъ дѣйствій, теперь же съѣздитъ осмотрѣть свои корабли въ близкій оттуда портъ и устроитъ тамъ постоянную колонію.

Мѣстность, избранная для новаго города, была не болѣе, какъ въ полу-лигѣ разстоянія, на обширной и плодородной равнинѣ; портъ могъ служить довольно сноснымъ убѣжищемъ для судовъ. Кортесу нужно было немного времени для опредѣленія окружности городской стѣны и мѣстъ для

форта, провіантскихъ магазиновъ, ратуши, церкви и другихъ общественныхъ зданій. Дружелюбные индѣйцы помогали съ жаромъ своимъ новымъ союзникамъ и натаскали имъ вдоволь камня, извести, глины, лѣса и сушеныхъ на солнцѣ кирпичей. Всѣ принялись усердно за работу. Генералъ трудился вмѣстѣ съ послѣднимъ солдатомъ и поощрялъ всѣхъ словомъ и примѣромъ. Въ нѣсколько недѣль дѣло было сдѣлано, и воздвигся городъ, хотя и не совершенно достойный своего пышнаго имени, но соотвѣтствовавшій большей части потребностей своего назначенія. Онъ могъ служить хорошимъ опорнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ операцій, убѣжищемъ для больныхъ и раненыхъ, а также для самой арміи въ случаѣ, если-бъ она претерпѣла пораженіе; магазиномъ для разныхъ припасовъ или вещей, которыя могли бы прибыть изъ отечества или отсылаться туда; портомъ для судовъ и, наконецъ, достаточно крѣпкою позиціей для владычества надъ окрестною страною.

То была первая колонія въ Новой Испаніи. Простодушные туземцы привѣтствовали ее съ удовольствіемъ, надѣясь на спокойствіе и безопасность подъ ея охранительною сѣнью. Увы! они не могли читать въ будущемъ: иначе нашли бы мало причинъ радоваться этому предтечѣ переворота, болѣе грознаго, чѣмъ все, что имъ предсказывали ихъ барды и пророки. То былъ не благодѣтельный Кветцалькоатль, возвратившійся къ своему народу съ миромъ, свободой и просвѣщеніемъ. Правда, оковы ихъ будутъ разбиты и за обиды ихъ будетъ страшно отмщено гордымъ ацтекамъ, но все это сдѣлаетъ могучая рука, которая низвергнетъ въ прахъ и притѣснителей, и угнетенныхъ. Свѣтъ просвѣщенія озаритъ ихъ страну; но то будетъ свѣтъ пожирающаго пламени, предъ которымъ падутъ и исчезнутъ ихъ обычаи, ихъ варварская слава, ихъ народное существованіе, даже самое имя! Приговоръ былъ уже произнесенъ, лишь только нога бѣлаго человѣка ступила на ихъ почву.

XIII. Франциско Пизарро, открытіе и завоеваніе Перу.

(По соч. Прескотта: «Завоеваніе Перу»).

Подъ вліяніемъ духа морскихъ предпріятій, который господствовалъ въ Европѣ въ XVI вѣкѣ, американскій материкъ былъ осмотрѣнъ менѣе, чѣмъ въ тридцать лѣтъ спустя послѣ его открытія, начиная отъ Лабрадора и до Огненной Земли. Но между тѣмъ, какъ весь восточный берегъ Америки былъ уже изслѣдованъ, и въ центральной части ея заведены колоніи, даже по успѣшномъ окончаніи завоеванія Мексики, завѣса, скрывавшая золотые берега Тихаго океана, еще не была приподнята.

Въ 1522 году была наконецъ снаряжена экспедиція по направленію къ югу отъ Панамы подъ начальствомъ Паскуаля Андагоіи, но онъ доѣхалъ только до Пуэрто де-Пиньясъ, откуда болѣзнь заставила его возвратиться.

Между тѣмъ, блестящее завоеваніе Мексики придало новую силу страсти къ открытіямъ. Среди лицъ, охваченныхъ духомъ предпріимчивости, оказался и Франциско Пизарро, жившій въ то время въ Панамѣ.

Франциско Пизарро родился въ Испаніи около 1470 года. Объ юности его извѣстно весьма немногое. Родители о немъ мало заботились, и онъ

росъ безъ всякаго воспитанія. Выросши и услышавъ толки о Новомъ Свѣтѣ, онъ убѣжалъ отъ своихъ родителей въ Севилью, пристань, изъ которой обыкновенно отправлялись испанскіе авантюристы за тѣмъ, чтобы поискать счастія на западѣ.

Когда Андагоія возвратился изъ своей неоконченной экспедиціи къ югу отъ Панамы и привезъ болѣе точныя свѣдѣнія о богатствѣ страны, лежащей далеко впереди, и у Пизарро возникла мысль отправиться на югъ.

На частныя средства были куплены два корабля и нанято около сотни людей. Пизарро принялъ начальство надъ своимъ отрядомъ и отплылъ изъ панамской гавани въ срединѣ ноября 1524 года. Въ теченіе послѣдующихъ четырехъ лѣтъ подъ предводительствомъ самого Пизарро или въ рѣдкихъ случахъ подъ руководствомъ другихъ лицъ по его уполномочію былъ совершенъ цѣлый рядъ экспедицій по направленію къ экватору вдоль западныхъ береговъ Южной Америки. Экспедиціи эти сопряжены были съ огромными трудностями и лишеніями, уносившими много жертвъ изъ команды Пизарро, и хотя въ результатѣ онѣ дали много свѣдѣній о характерѣ прибрежной страны и ея населенія, все же Пизарро и его сотоварищамъ не удалось за этотъ періодъ добраться до источниковъ настоящаго обогащенія золотомъ и драгоцѣнными камнями, которыхъ они искали. Немыслимо было при скудости вооруженныхъ силъ и матерьяльныхъ средствъ, которыми располагалъ Пизарро, утвердиться на побережьи и предпринять завоеваніе страны. Между тѣмъ губернаторъ Панамы, несмотря на значительные успѣхи экспедицій Пизарро, не соглашался оказать ему необходимую поддержку для захвата открытыхъ земель, между которыми особенно привлекало къ себѣ вниманіе Пизарро государство, именуемое Перу.

Не добившись никакой помощи отъ губернатора, Пизарро рѣшился отправиться въ Испанію просить помощи у высшаго правительства. Весною 1528 года онъ оставилъ Панаму, взявъ съ собою нѣсколько туземцевъ, привезенныхъ имъ изъ Тумбеца, двѣ или три ламмы, тонкія шерстяныя ткани, нѣсколько золотыхъ и серебряныхъ украшеній и сосудовъ, какъ образчики богатства страны и доказательства справедливости его разсказа.

Въ началѣ лѣта 1528 года Пизарро пріѣхалъ въ Севилью и оттуда отправился въ Толедо, гдѣ нашелъ королевскій дворъ.

Пизарро, представивъ передъ королевскія очи доказательства справедливости заманчивыхъ слуховъ, которые по временамъ доходили до Кастиліи, былъ милостиво принятъ Карломъ V и получилъ отъ него право открыть и покорить провинцію Перу или Новую Кастилію. За это онъ долженъ былъ получить званіе губернатора провинціи и пользоваться почти всѣми правами и премуществами, принадлежащими званію вицекороля; товарищамъ его также были обѣщаны разныя права. И вотъ, устроивъ такимъ образомъ всѣ дѣла, согласно своему желанію, Пизарро снарядилъ три корабля и отправился обратно въ Панаму, куда сопровождалъ его и его старшій братъ Фернандо Пизарро.

Въ Панамѣ Пизарро успѣлъ присоединить немного людей къ числу тѣхъ, которыхъ онъ привезъ съ собою изъ Испаніи. Весь отрядъ его не превышалъ 180 человѣкъ и 27 лошадей. Съ такими силами смѣлый военачальникъ рѣшился открыть дѣйствія, надѣясь на свое счастіе и на подкрѣпленія, которыя онъ долженъ былъ получить изъ Панамы при содѣйствіи друзей. Призвавъ торжественно благословеніе неба на

свое предпріятіе, Пизарро и его спутники въ началѣ 1531 года отправились въ послѣднюю экспедицію для завоеванія Перу.

Подвигаясь вдоль берега, они достигли городка Коакъ. Испанцы устремились на этотъ пунктъ, и жители разбѣжались по окрестнымъ лѣсамъ, безъ малѣйшаго сопротивленія предоставивъ свое имущество на произволъ пришельцевъ. Разсѣявшись по опустѣлымъ долинамъ, пришельцы нашли въ нихъ, кромѣ матерій разнаго рода и съѣстныхъ припасовъ, множество золота и серебра и большое изобиліе драгоцѣнныхъ камней, въ особенности изумрудовъ. Золотыя и серебряныя украшенія, похищенныя изъ домовъ, были сложены въ кучу, изъ которой одна пятая часть отдѣлена въ пользу правительства, а все остально Пизарро раздѣлилъ, въ опредѣленной соразмѣрности, между офицерами и прочими людьми отряда.

Давъ отдыхъ своимъ людямъ, Пизарро продолжалъ движеніе по берегу, а корабли послалъ въ Панаму за подкрѣпленіемъ. На пути своемъ испанцы встрѣчали мало сопротивленія со стороны жителей, которые были научены примѣромъ Коака и спасались со всѣмъ своимъ имуществомъ въ лѣса и сосѣднія горы.

Продолжая движеніе свое по берегу, Пизарро достигъ небольшаго острова Пуны. Этотъ островъ онъ счелъ выгоднымъ мѣстомъ для расположенія и приготовленія къ десанту въ индѣйскій городъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ прибыли сюда два корабля съ подкрѣпленіемъ, состоявшимъ изъ ста волонтеровъ, кромѣ лошадей для кавалеріи. Съ этими новобранцами Пизарро чувствовалъ себя достаточно сильнымъ, чтобъ переправиться на твердую землю и начать военныя дѣйствія на настоящемъ театрѣ открытій и завоеваній.

Въ эту эпоху Перуанское государство находилось въ критическомъ положеніи: въ продолженіе нѣкотораго времени край раздирала междоусобная война между двумя сыновьями покойнаго инки—Гуаскаромъ и Атагуальпой, изъ которыхъ послѣдній, за нѣсколько мѣсяцевъ до прибытія испанцевъ, взялъ въ плѣнъ своего старшаго брата и завладѣлъ престоломъ. Этотъ переворотъ весьма благопріятствовалъ намѣреніямъ испанцевъ: безъ него завоеваніе никакъ не могло бы быть выполнено съ столь ничтожною горстью солдатъ.

Переправившись съ острова Пуны на материкъ, Пизарро основалъ въ 30 лигахъ къ югу отъ Тумбеца колонію Санъ-Мигуель, гдѣ оставилъ часть своего отряда, а самъ съ остальными воинами направился къ югу, въ Кахамалку, гдѣ стоялъ лагеремъ инка Атагуальпа.

На пути онъ не встрѣчалъ сопротивленія и, напротивъ, пріобрѣлъ расположеніе туземцевъ кроткимъ обращеніемъ съ ними. Чтобы достигнуть Кахамалки, испанцамъ предстояло перейти черезъ Анды. Передъ ними возвышалась вершина надъ вершиною,—съ покатостями, покрытыми вѣчно зеленѣющими лѣсами, кое-гдѣ пересѣченными террасообразными полосами воздѣланныхъ садовъ; нижнія хижины лѣпились по неровностямъ, снѣжныя вершины сіяли надъ облаками: все представляло такой дикій хаосъ величія и красоты, какого не можетъ представить ни одна горная страна въ цѣломъ свѣтѣ. Черезъ эту страшную преграду отрядъ долженъ былъ пройти по лабиринту проходовъ, которые могли быть обороняемы горстью людей противъ цѣлой арміи.

Совершивъ трудный переходъ черезъ Анды, испанцы прибыли въ Кахамалку и заняли дома, оставленные жителями. Отсюда Пизарро послалъ посольство, подъ предводительствомъ своего брата Фернандо, въ лагерь Атагуальпы.

Мѣстопребываніе инки состояло изъ открытаго двора, въ серединѣ котораго находилось легкое строеніе или павильонъ, окруженный галлереями и имѣвшій позади себя садъ. Дворъ наполненъ былъ знатными индѣйцами въ богато украшенныхъ одеждахъ, прислуживавшими Атагуальпѣ, и женщинами, принадлежащими къ его двору. Между всѣми ними не трудно было замѣтить Атагуальпу, хотя одежда его была проще, чѣмъ на всѣхъ прочихъ. На немъ надѣта была пурпурная бахрома, которая, покрывая голову, спускалась до самыхъ бровей. Это былъ отличительный знакъ достоинства владѣтельнаго инки перуанцевъ, и Атагуальпа возложилъ его на себя не прежде, какъ побѣдивъ брата своего Гуаскара. Онъ сидѣлъ на низкомъ стулѣ или подушкѣ, какъ турокъ, окруженный знатными людьми и сановниками своими, которые стояли по старшинству, соблюдая строжайшій этикетъ.

Испанцы съ величайшимъ любопытствомъ смотрѣли на инку, который мужествомъ своимъ достигъ до обладанія престоломъ. Но видъ его не показывалъ ни пылкихъ страстей, ни умственныхъ дарованій, которыя ему приписывались. Хотя осанка его была важна и выражала спокойное сознаніе могущества, однакожъ черты его ничего не обнаруживали, кромѣ равнодушія, столь характеризующаго всѣ американскія племена. Фернандо Пизарро съ двумя или тремя товарищами медленно подъѣхалъ къ инкѣ и, почтительно поклонившись, но не сходя съ лошади, объяснилъ, что онъ прибылъ посланникомъ отъ своего брата, предводителя бѣлыхъ людей, для того, чтобы извѣстить Атагуальпу о вступленіи этихъ людей въ Кахамалку. Они, подданные могущественнаго государя, живущаго за морями, пришли, сказалъ онъ, привлеченные молвою о великихъ побѣдахъ инки, предложить ему свои услуги и сообщить ученіе истинной вѣры, которое они исповѣдуютъ. Испанскій военачальникъ, заключилъ онъ, приглашаетъ Атагуальпу пожаловать къ нему въ гости.

На все это инка не отвѣчалъ ни слова и даже не подалъ ни малѣйшаго знака, что понялъ сказанное, хотя все это было переведено ему черезъ переводчика. Инка молчалъ, устремивъ глаза въ землю, но одинъ изъ сановниковъ его, стоявшій съ нимъ рядомъ, отвѣчалъ: „хорошо“.

Фернандо Пизарро учтиво и почтительно просилъ инку отвѣчать самому и изъявить свою волю. На это Атагуальпѣ угодно было, наконецъ, сказать, съ легкою улыбкою на устахъ: „Объяви твоему предводителю, что я теперь пощусь, но постъ мой кончится завтра утромъ. Я тогда посѣщу его съ моими чиновниками. Между тѣмъ пускай онъ занимаетъ дома на площади, а не другіе, пока я не пріѣду и не прикажу, что дѣлать“.

Почтительно распростясь съ инкою, кавалеры поѣхали обратно въ Кахамалку, разсуждая о всемъ видѣнномъ: о богатствѣ, пышности и многочисленности его арміи; о благоустройствѣ и дисциплинѣ, существующихъ въ ея рядахъ. Все это обнаруживало гораздо высшую степень цивилизаціи, а, слѣдовательно, и могущества, нежели какую имъ удалось видѣть въ низменной части края. Сравнивая все это съ своею малочисленностью и принимая въ соображеніе, что они зашли слишкомъ далеко и не могли ждать подкрѣпленія, воины чувствовали, что поступили безразсудно, проникнувъ въ самую глубь столь могущественнаго государства, и преисполнились опасеній на счетъ будущаго. Эти чувства скоро сообщились и ихъ товарищамъ, оставшимся въ лагерѣ.

Но въ этомъ малочисленномъ войскѣ билось одно сердце, въ которое не могли закрасться ни страхъ, ни уныніе. Это было сердце Пизарро,

внутренно радовавшагося, что довелъ дѣло до такой точки, къ которой издавна стремился. Въ головѣ его созрѣвалъ отчаянный планъ устроить для инки засаду и захватить его въ плѣнъ въ виду цѣлой его арміи. Это было предпріятіе, полное опасностей и внушенное, повидимому, отчаяніемъ. Лучше было смѣло броситься въ опасность, чѣмъ отступать тамъ, гдѣ не было пути для отступленія. Бѣжать было уже поздно. При первомъ шагѣ къ отступленію вся армія инки поднялась бы на нихъ. Оставаться въ бездѣйствіи среди настоящихъ обстоятельствъ казалось почти столь же опаснымъ. Приглашеніе, которое инка такъ довѣрчиво принялъ, посѣтить испанцевъ на мѣстѣ ихъ расположенія, составляло самое лучшее средство овладѣть этимъ драгоцѣннымъ залогомъ; захвативъ инку, нечего было опасаться его подданныхъ, оглушенныхъ неожиданностью событія; имѣя же Атагуальпу въ рукахъ своихъ, Пизарро могъ предписывать законы цѣлому государству.

Инка сдержалъ слово и прибылъ на другой день въ Кахамалку въ сопровожденіи многочисленной свиты, простиравшейся отъ пяти до шести тысячъ человѣкъ. Сперва явилось нѣсколько сотъ слугъ, богато одѣтыхъ и несшихъ разную мебель и туалетныя принадлежности для инки; за ними множество дворянъ, составлявшихъ ближайшую его прислугу и отличавшихся огромными золотыми серьгами; въ заключеніе шествовалъ золотой тронъ, на которомъ сидѣлъ Атагуальпа, украшенный разноцвѣтными перьями тропическихъ птицъ и несмѣтнымъ количествомъ изумрудовъ значительной величины.

Атагуальпа, прибывъ на середину площади, обозрѣвъ ее со своего высокаго сѣдалища и не видя бѣлыхъ людей, спросилъ: „Гдѣ же чужестранцы?" Въ эту минуту выступилъ доминиканецъ Виценте де-Вальверде съ библіею въ одной рукѣ и съ крестомъ въ другой и, приблизясь къ инкѣ, объявилъ ему, что онъ является вѣстникомъ благодати и желаетъ обратить язычника въ истинную вѣру, спасительную для человѣческой души. Доминиканецъ не удовлетворился длиннымъ изложеніемъ исторіи христіанства и его догматовъ, но развилъ еще подробнѣе ученіе о власти папъ надъ цѣлымъ міромъ и заключилъ приглашеніемъ Атагуальпы обратиться въ христіанство и сдѣлаться вѣрнымъ слугою папы и вассаломъ кастильскаго короля. Перуанскій владыка, выслушавъ съ явнымъ нетерпѣніемъ длинную рѣчь доминиканца, съ гнѣвомъ отвѣчалъ ему, что онъ мало и худо понялъ эту рѣчь, но изъ того, что понялъ, заключаетъ, что бѣлые люди забываютъ должное къ нему уваженіе, и что онъ не намѣренъ перемѣнять своей вѣры и сдѣлаться вассаломъ другого короля или слугою папы. „Я очень вѣрю,—говорилъ инка,—что кастильскій король—великій государь, и готовъ считать его за брата и союзника; что же касается до папы, то онъ не можетъ распоряжаться по своему произволу чужими землями". На вопросъ, по какому праву Вальверде смѣетъ дѣлать инкѣ такія предложенія, доминиканецъ указалъ на книгу, бывшую у него въ рукахъ. Атагуальпа взялъ книгу изъ рукъ монаха, осмотрѣлъ внимательно и, не видя въ ней ничего особеннаго, тутъ же громкимъ голосомъ потребовалъ къ себѣ начальника бѣлыхъ людей для отвѣта за причиненное такому великому государю оскорбленіе. Вальверде тотчасъ побѣжалъ назадъ и закричалъ Пизарро: „Гордый инка оскорбляетъ нашу религію; бейте язычниковъ; именемъ папы, даю вамъ разрѣшеніе!" Въ эту минуту Пизарро махнулъ шарфомъ, грянула сигнальная пушка съ крѣпостной стѣны, и испанцы хлынули изъ засады съ крикомъ: „бейте язычниковъ, съ разрѣшенія папы!" Грохотъ выстрѣловъ, крики испанцевъ, закованныхъ

въ желѣзо, видъ и натискъ страшной конницы поразили индѣйцевъ паническимъ страхомъ. Пороховой дымъ повисъ сѣроватою тучею надъ мѣстомъ страшной бойни; закованные въ панцыри воины рубили направо и налѣво длинными мечами и разсѣкали пополамъ члены легко одѣтыхъ перуанцевъ, а сомкнутые ряды конницы топтали всѣхъ безъ разбора. Безоружные перуанцы искали спасенія въ бѣгствѣ; но выходъ съ площади былъ заваленъ грудою тѣлъ. Вѣрные дворяне густою толпою окружили своего государя, хватали лошадей за ноги и мужественно умирали подъ копытами коней и мечами всадниковъ; но мѣсто каждаго убитаго занимала тотчасъ же новая жертва. Вокругъ инки составилась гора труповъ, а онъ, какъ бы ошеломленный неожиданнымъ ударомъ, безумно смотрѣлъ кругомъ съ высоты трона и не трогался съ мѣста, не давалъ никакихъ приказаній. Между тѣмъ солнце заходило, и воины, думая, что ночная темнота скроетъ отъ нихъ Атагуальпу, сдѣлали послѣднее отчаянное усиліе и пробились до трона. Пизарро громкимъ голосомъ закричалъ, что казнитъ того, кто подниметъ мечъ на инку, и собственной рукой отразилъ ударъ, назначенный Атагуальпѣ. То была единственная рана, полученная испанцемъ въ этотъ достопримѣчательный день.

При отчаянномъ напорѣ пали многіе изъ дворянъ, несшихъ тронъ на плечахъ, и Атагуальпа грянулся на землю; при паденіи онъ попалъ на руки одного испанца, который, стиснувъ плѣнника на груди, сорвалъ съ головы несчастнаго монарха *борлу*. Тутъ подоспѣли другіе рыцари и отвели Атагуальпу подъ крѣпкимъ карауломъ въ жилище Пизарро.

Послѣ плѣненія инки перуанцы думали уже не о сопротивленіи, а только о спасеніи собственной жизни. Конница преслѣдовала и поражала бѣгущихъ, пока темная ночь не укрыла побѣжденныхъ отъ ярости побѣдителей, и Пизаро приказалъ трубнымъ звукомъ сзывать воиновъ обратно въ городъ.

Вся эта схватка продолжалась съ небольшимъ полчаса, а число убитыхъ перуанцевъ простиралось до 5,000 человѣкъ. При этомъ надо, однакожъ, вспомнить, что у перуанцевъ не было никакого оружія и что они голыми руками должны были отражать удары длинныхъ мечей и защищаться отъ закованныхъ въ желѣзные панцыри ратниковъ. Лучшимъ доказательствомъ безоружности индѣйцевъ служитъ то, что единственная рана, полученная испанцемъ въ эту схватку, была нанесена Пизарро собственнымъ солдатомъ.

Вечеромъ того же дня, когда происходила битва, Пизарро ужиналъ вмѣстѣ съ Атагуальпой. Ужинъ былъ поданъ на одномъ изъ дворовъ, обращенныхъ къ большой площади, которая за нѣсколько часовъ до того была театромъ убійства и мостовая которой еще была покрыта трупами подданныхъ инки. Плѣнникъ сидѣлъ подлѣ своего побѣдителя. Казалось, что онъ не вполнѣ понималъ великость своего несчастія. „Это участь войны", сказалъ онъ, и выразилъ удивленіе тому искусству, съ которымъ испанцы захватили его въ самой серединѣ арміи.

Атагуальпѣ было въ это время около тридцати лѣтъ. Онъ былъ хорошо сложенъ и крѣпче большей части своихъ единоземцевъ. Голова его была велика, и лицо можно было бы назвать прекраснымъ, если бы глаза его не были налиты кровью, что̀ придавало свирѣпое выраженіе его чертамъ. Онъ былъ остороженъ въ словахъ своихъ, важенъ въ обращеніи, строгъ до суровости съ своими подданными, но съ испанцами привѣтливъ; иногда даже шутилъ съ ними.

Пизарро оказывалъ величайшее вниманіе своему плѣннику и ста-

рался облегчить его положеніе. Ему оказывалось уваженіе, должное его сану, и подданные его имѣли къ нему доступъ. Каждый день его посѣщали индѣйскіе вельможи, которые приносили подарки и изъявляли соболѣзнованіе. При этихъ посѣщеніяхъ знатнѣйшіе вельможи не осмѣливались явиться въ его присутствіе, не снявъ съ ногъ обуви и не надѣвъ на спину ноши, въ знакъ своего уваженія.

Атагуальпа вскорѣ открылъ въ испанцахъ жадность къ золоту и рѣшилъ воспользоваться ею для возвращенія себѣ свободы. Съ этою цѣлью Атагуальпа сказалъ однажды Пизарро, что если онъ выпуститъ его на волю, то онъ наполнитъ золотомъ комнату, въ которой они находились. Пизарро согласился на это предложеніе и заставилъ нотаріуса написать условія договора. Тогда Атагуальпа отправилъ гонцовъ въ Куско и другія важнѣйшія мѣста государства съ приказаніемъ собрать золотыя украшенія и сосуды изъ дворцовъ, храмовъ и другихъ публичныхъ зданій и немедленно перенести ихъ въ Кахамалку.

Между тѣмъ, Атагуальпа опасался, чтобы братъ его Гуаскаръ, находившійся еще въ плѣну, не освободился съ помощью испанцевъ и не занялъ опять престола; поэтому онъ отдалъ втайнѣ приказаніе умертвить Гуаскара. Приказаніе его было немедленно выполнено, и несчастный Гуаскаръ былъ утопленъ въ рѣкѣ. Умирая, онъ выразилъ надежду, что бѣлые люди отомстятъ за его смерть.

Прежде чѣмъ выкупъ инки былъ доставленъ, одно обстоятельство измѣнило положеніе испанцевъ и имѣло неблагопріятное вліяніе на судьбу Атагуальпы. Альмагро прибылъ въ Кахамалку въ началѣ 1533 года съ сильнымъ подкрѣпленіемъ, состоящимъ изъ 150 человѣкъ пѣшихъ и 50 конныхъ, снабженныхъ всѣмъ нужнымъ для войны. Солдаты Пизарро вышли навстрѣчу своимъ землякамъ, и оба капитана обнялись съ изъявленіемъ сердечнаго удовольствія.

На Атагуальпу, однако, прибытіе испанцевъ произвело впечатлѣніе совершенно иное. Онъ смотрѣлъ на новыхъ пришельцевъ, какъ на новое стадо саранчи, которая готова все пожрать въ несчастной его отчизнѣ. Онъ понималъ, что съ увеличеніемъ числа непріятелей вокругъ него уменьшалась вѣроятность возвращенія его свободы. Между тѣмъ, въ это время обстоятельство, неважное само по себѣ, но превращенное въ нѣчто грозное суевѣріемъ инки, придало еще бо̀льшую мрачность его положенію.

Солдаты увидѣли на небѣ что-то въ родѣ метеора или кометы и указали на это Атагуальпѣ. Онъ смотрѣлъ внимательно на небо въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ и потомъ воскликнулъ съ печальнымъ видомъ: „Такое же явленіе было видно на небѣ незадолго до смерти отца моего Гуайны Копака“. Съ этой минуты уныніе овладѣло имъ, и онъ сталъ смотрѣть на будущее съ безотчетнымъ страхомъ.

Между тѣмъ въ Кахамалку стекались сокровища всей страны. Когда мѣра, предназначенная для выкупа инки, была уже почти полна, у испанцевъ не хватило терпѣнія ожидать далѣе, и они потребовали раздѣла добычи; а такъ какъ Пизарро хотѣлъ продолжать завоеванія и овладѣть столицею, то онъ и согласился немедленно раздѣлить добычу. Вся добыча представляла стоимость въ $22^1/_2$ милліона рублей серебромъ на наши деньги. Пятая часть добычи была отдѣлена для казны, и на Фернандо Пизарро было возложено порученіе перевезти ее въ Испанію. Остальную добычу похитители раздѣлили между собою.

Нигдѣ въ исторіи не находимъ мы другого примѣра, чтобы такая добыча досталась въ руки небольшой шайки военныхъ авантюристовъ,

каковыми были завоеватели Перу. Замѣтимъ также, что это богатство, пріобрѣтенное такъ внезапно, отвратило испанцевъ отъ медленныхъ, но вѣрныхъ и неизсякаемыхъ источниковъ народнаго благосостоянія и, наконецъ, само ускользнуло изъ ихъ рукъ и перешло къ другимъ христіанскимъ народамъ.

По окончаніи между испанцами дѣлежа, ничто, повидимому, не препятствовало возобновленію непріятельскихъ дѣйствій и движенію прямо на Куско. Но что было дѣлать съ Атагуальпой? Освободить инку—значило пустить на волю того человѣка, который могъ сдѣлаться самымъ опаснымъ врагомъ, который могъ возстановить весь народъ противъ испанцевъ и заставить ихъ отказаться надолго, если не навсегда, отъ завоеванія края. Но держать его въ плѣну было почти столь же затруднительно: для охраненія такого важнаго плѣнника требовалось столько людей, что самый отрядъ этимъ ослаблялся; и можно ли было надѣяться, при всемъ этомъ, воспрепятствовать освобожденію инки, двигаясь по опаснымъ горнымъ проходамъ?

Очевидно, что Пизарро нужно было во что бы то ни стало отдѣлаться отъ Атагуальпы. Для приличія и освобожденія себя отъ отвѣтственности онъ нарядилъ надъ плѣнникомъ судъ, который обвинилъ его въ томъ, что онъ похитилъ власть и умертвилъ брата своего Гуаскара; что онъ расточилъ государственные доходы, по завоеваніи края испанцами, и роздалъ ихъ своимъ родственникамъ и любимцамъ; что онъ предавался идолопоклонству и прелюбодѣянію, какъ это доказывается явнымъ его многоженствомъ; наконецъ, что онъ замышлялъ произвести народное возстаніе противъ испанцевъ.

Эти обвиненія, изъ числа которыхъ бо́льшая часть касается народныхъ обычаевъ или личныхъ отношеній инки и до которыхъ испанцы не могли имѣть никакого дѣла, такъ нелѣпы, что, конечно, заслуживали бы смѣха, если-бъ не производили другого тяжелаго чувства; послѣдній изъ этихъ обвинительныхъ пунктовъ одинъ могъ имѣть важность, но неосновательность его доказывается уже тѣмъ, что испанцы нашли необходимымъ подкрѣпить его другими обвиненіями. Одно исчисленіе этихъ пунктовъ достаточно объясняетъ уже, что судьба инки заранѣе была рѣшена. Дѣйствительно, инка былъ приговоренъ къ смертной казни и казненъ въ Кахамалкѣ въ концѣ августа 1533 года.

Плѣненіе Атагуальпы, запятнанное безчеловѣчіемъ и вѣроломствомъ, и ограбленіе его составляютъ, безъ всякаго сомнѣнія, самую темную страницу въ исторіи испанскихъ зовоеваній; смерть Атагуальпы наложила неизгладимое пятно на испанское оружіе въ Новомъ Свѣтѣ.

Смерть Атагуальпы не только оставила престолъ безъ законнаго наслѣдника, но и возвѣстила перуанскому народу, что рука, болѣе сильная, чѣмъ рука инковъ, овладѣла скипетромъ, и что династія „сыновъ солнца“ прекратилась навсегда.

Слѣдствіемъ этого переворота было то, что древнее благоустройство государства исчезло вмѣстѣ съ властью, которая соблюдала его. Индѣйцы тотчасъ же пришли въ совершенную анархію. Деревни были преданы пламени, дворцы и храмы ограблены, и золото, въ нихъ заключавшееся, расхищено или скрыто. Отдаленныя области не признавали уже власти инковъ. Полководцы ихъ, предводительствовавшіе отдѣльными арміями, дѣйствовали по своему произволу.

Между тѣмъ, мысли всѣхъ испанцевъ съ жадностью устремлены были на Куско, столицу Перуанскаго царства, о которой между солдатами Пи-

зарро ходили самые блестящіе разсказы: будто бы храмы и дворцы ея сіяли золотомъ и серебромъ. Съ воображеніемъ, разгоряченнымъ этими видѣніями, Пизарро и весь отрядъ его, простиравшійся почти до 500 чел., выступили въ началѣ сентября 1533 г. изъ Кахамалки.

Послѣ утомительнаго похода, сопряженнаго съ затруднительнымъ переходомъ черезъ кордильерскія высоты и со многими лишеніями, и послѣ нѣсколькихъ жаркихъ стычекъ съ туземцами, стычекъ, изъ которыхъ, однако же, испанцы вышли побѣдителями,—достигли они накоцецъ перуанской столицы.

Подъ вечеръ 14 ноября 1533 г. испанцы были въ виду Куско. Заходящее солнце озаряло величественный городъ, вмѣщавшій въ себѣ множество храмовъ, воздвигнутыхъ поклонниками въ честь этого свѣтила, почитаемаго ими за верховное существо. Было уже такъ поздно, что Пизарро рѣшился отложить вступленіе свое до слѣдующаго утра, и на разсвѣтѣ 15 ноября вошелъ въ перуанскую столицу.

При вступленіи небольшой арміи Пизарро въ Куско, предмѣстія его наполнены были безчисленнымъ множествомъ туземцевъ, которые сбѣжались изъ города и окрестностей посмотрѣть на невиданное и дивное зрѣлище. Всѣ съ жадностью смотрѣли на чужеземцевъ, которые за чудные подвиги свои были предметомъ молвы во всѣхъ предѣлахъ государства. Дивились блестящему оружію испанцевъ и ихъ красотѣ, которая, казалось, давала имъ право называться настоящими „сынами солнца". Перуанцы съ невольнымъ трепетомъ прислушивались къ трубнымъ звукамъ, перекатывавшимся по улицамъ столицы, и къ стопу твердаго грунта подъ копытами лошадей.

Пизарро двинулся прямо на большую площадь, окруженную низкими рядами зданій, между которыми находились нѣкоторые изъ дворцовъ инковъ. Одно изъ этихъ прекрасныхъ зданій украшено было башнею; но нижніе этажи вездѣ состояли изъ одной или нѣсколькихъ огромныхъ залъ, подобныхъ находившимся въ Кахамалкѣ, въ которыхъ перуанскіе вельможи пировали въ ненастную погоду. Хотя эти зданія могли служить превосходными казармами, однако же войска въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль жили въ палаткахъ, разбитыхъ ими на площади, въ полной готовности дать сильный отпоръ въ случаѣ нападенія со стороны перуанцевъ.

Столица инковъ, хотя и не была тѣмъ Эльдорадо, о которомъ мечтали легковѣрные испанцы, однакожъ поразила ихъ красотою зданій, длиною и правильностью улицъ, благоустройствомъ и видомъ довольства, даже роскоши, многочисленнаго народопаселенія, численность котораго, по словамъ одного изъ завоевателей, составляла въ самомъ Куско около 200,000, а въ предмѣстьяхъ еще гораздо болѣе. Но предполагая это число даже преувеличеннымъ, мы все-таки знаемъ, что Куско былъ столицею обширнаго государства, постоянною резиденціею инки, мѣстомъ, куда стекались самые искусные художники и мастеровые, получавшіе тамъ заказы для своего ремесла, гдѣ находился многочисленный гарнизонъ, куда, наконецъ, стекались выходцы изъ самыхъ отдаленныхъ областей перуанской имперіи. Порядокъ и приличіе, соблюдавшіеся на площадяхъ, свидѣтельствовало о превосходномъ устройствѣ полиціи.

Лучшіе дома, которыхъ было очень много, выстроены были изъ камня или облицованы имъ. Царскія гробницы отличались отъ прочихъ зданій своимъ великолѣпіемъ. Каждый инка строилъ для себя новый дворецъ, который, хотя и не былъ высокъ, однако же занималъ обширное про-

странство. Стѣны иныхъ домовъ были выкрашены яркими красками, а ворота, какъ увѣряютъ, перѣдко сдѣланы изъ цвѣтного мрамора. „Въ изяществѣ каменной работы, — говоритъ одинъ изъ завоевателей,—туземцы далеко превосходили испанцевъ, хотя крыши ихъ домовъ, вмѣсто черепицъ, были покрыты соломою, настланною весьма искусно". Теплый климатъ Куско не требовалъ болѣе прочнаго матеріала для защиты отъ непогоды. Самое значительное строеніе была крѣпость, расположенная на скалѣ, высоко поднимавшейся надъ городомъ. Крѣпость эта была построена изъ тесаныхъ камней, швы которыхъ были чрезвычайно тщательно обдѣланы. Подступы обороняемы были тремя полукруглыми брустверами, выведенными изъ такихъ огромныхъ обломковъ скалъ, что работа походила на сооруженія, извѣстныя подъ названіемъ „циклопическихъ".

Длинныя и узкія улицы проведены были совершенно правильно, взаимно пересѣкаясь подъ прямыми углами; отъ большой площади расходились четыре главныя улицы, соединяющіяся съ большими общественными дорогами. Площадь и большая часть города вымощена была мелкимъ щебнемъ. Посреди столицы протекалъ ручей чистой воды или, лучше сказать, каналъ съ каменною набережною. Перекинутые черезъ ручей этотъ мосты, вымощенные широкими плитами, были въ такомъ близкомъ другъ отъ друга разстояніи, что различныя части города имѣли удобное между собою сообщеніе.

При инкахъ самое великолѣпное зданіе во всемъ Куско былъ, безъ сомнѣнія, великій храмъ солнца; вокругъ него находились покои для жрецовъ съ садами и цвѣтниками; блестѣвшими золотомъ. Наружныя украшенія были всѣ уже захвачены завоевателями. Вѣроятно, однако же, что слухи о несмѣтныхъ богатствахъ, ходившіе между испанцами, были очень преувеличены. Въ противномъ случаѣ, должно полагать, что туземцамъ удалось скрыть свои сокровища отъ хищничества авантюристовъ. Впрочемъ, все еще осталось много богатства не въ одномъ великомъ жилищѣ солнца, но и во второстепенныхъ храмахъ, которыхъ было множество въ столицѣ.

Пизарро, вступивъ въ Куско, запретилъ своимъ солдатамъ прикасаться къ имуществу и зданіямъ частныхъ лицъ. Но многочисленные дворцы, такъ же какъ и храмы, были тотчасъ же опустошены испанцами и доставили имъ богатую добычу. Они сорвали драгоцѣнные камни и богатые уборы, украшавшіе муміи инковъ въ одномъ изъ храмовъ. Приведенные въ ярость укрывательствомъ сокровищъ, испанцы нерѣдко подвергали жителей пыткѣ и старались добиться отъ нихъ указанія мѣста кладовъ, нарушали даже неприкосновенность могилъ, въ которыя перуанцы нерѣдко зарывали дорогія вещи; даже мертвые вырываемы были изъ земли съ корыстною цѣлью. Не было мѣста, гдѣ бы не рылись завоеватели, и случай иногда доставлялъ имъ сокровища, вознаграждавшія ихъ за труды.

Въ одной пещерѣ, вблизи города, испанцы нашли множество сосудовъ изъ чистаго золота, на которыхъ сдѣланы были изображенія змѣй, саранчи и другихъ животныхъ. Между прочимъ, найдены были четыре золотыя лампы и 10 или 12 женскихъ статуй, нѣкоторыя изъ золота, а другія изъ серебра, „на которыя смотрѣть даже было очень пріятно", какъ говоритъ наивно одинъ изъ завоевателей. Кладовыя наполнены были разными роскошными издѣліями; въ нихъ находились ярко раскрашенныя одежды изъ бумаги и перьевъ, золотыя сандаліи, женскія туфли изъ

того же металла, наконецъ уборы, составленные исключительно изъ золотыхъ пуговицъ.

При всемъ томъ, сокровища, найденныя въ Куско, не удовлетворили пылкихъ ожиданій завоевателей; но они успѣли вознаградить себя грабежомъ въ различныхъ мѣстахъ, чрезъ которыя проходили.

Всѣ сокровища свалены были въ одну общую груду, изъ которой нѣсколько лучшихъ образцовъ отложено было для короны, а все остальное передано индѣйскимъ золотыхъ дѣлъ мастерамъ для переплавки въ слитки однообразной формы. Раздѣлъ добычи произведенъ былъ на томъ же основаніи, какъ и прежде.

Вліяніе этого изобилія драгоцѣнныхъ металловъ на цѣны тотчасъ же обнаружилось. Самые обыкновенные предметы потребленія сдѣлались неслыханно дороги. Цѣнность на все возрастала по мѣрѣ того, какъ золото и серебро, представители всякой цѣнности, упадали въ цѣнѣ. Словомъ сказать, только золото и серебро и были дешевы въ Куско. Было, впрочемъ, между испанцами нѣсколько благоразумныхъ людей, которые возвратились на родину свою, довольствуясь пріобрѣтеннымъ. Тамъ богатство доставило имъ уваженіе и довольство, и вмѣстѣ съ тѣмъ судьба ихъ возбудила завистъ въ ихъ землякахъ и увлекла многихъ искать счастья на томъ же поприщѣ.

XIV. Великія изобрѣтенія, ихъ культурное и политическое значеніе [1]).

(Ст. Н. П. Борецкаго-Бергфельда).

Эпоха великихъ морскихъ открытій совпала съ періодомъ возрожденія наукъ и искусствъ въ Европѣ. Быть можетъ, благодаря этому сильному умственному движенію, принявшему сравнительно широкіе размѣры уже въ XV в., была облегчена задача отысканія путей въ Индію, задача, до того времени остававшаяся совершенно неразрѣшенной. Во всякомъ случаѣ, ко времени начала дѣятельности Генриха Мореплавателя европейское общество стояло уже на высотѣ такой научной подготовки, которая обезпечивала ему успѣхъ въ его различныхъ предпріятіяхъ. Въ эту эпоху астрономическія знанія, напримѣръ, настолько усовершенствовались, что благодаря имъ первые мореплаватели и путешественники, пустившіеся плыть въ открытомъ океанѣ, сравнительно, легко оріентировались, такъ какъ путемъ астрономическихъ вычисленій составлялись географическія карты, болѣе или менѣе точно опредѣлявшія мѣстоположеніе тѣхъ или иныхъ странъ. Огромную пользу этимъ первымъ заморскимъ предпріятіямъ оказалъ также и компасъ, ставшій извѣстнымъ въ Европѣ еще въ XIII ст., но впервые примѣненный къ дѣлу мореплаванія въ XIV в., послѣ его усовершенствованія италіанцемъ Орлавіо Джіойей. Значеніе

[1]) Въ основу этой статьи положены слѣд. труды: 1) *Пфлугъ-Гартунгъ.* „Всемірная Исторія", т. V. „Отъ эпохи великихъ открытій до Вестфальскаго мира", и *Ch. de Launoy* et *Van-der-Linden.* „Histoire de l'Expansion coloniale. Néerland et Danemark".

этого небольшого аппарата окончательно выяснилось только послѣ первыхъ большихъ путешествій, особенно послѣ перваго путешествія Колумба къ вестъ-индскимъ островамъ, когда, въ виду свойства намагниченной стрѣлки поворачиваться на сѣверъ, ему удалось легко оріентироваться не только днемъ, но и ночью и даже во время тумана. Съ тѣхъ поръ ни одна экспедиція въ открытомъ морѣ не совершалась безъ помощи компаса, и безъ него, быть можетъ, Магелланъ не выполнилъ бы своей мечты о кругосвѣтномъ путешествіи. Вполнѣ справедливо Гердеръ говоритъ, „что съ компасомъ европеецъ открылъ міръ“.

Вообще надо сказать, что новыя открытія и дальнѣйшія усовершенствованія въ области географическихъ познаній тѣсно связаны съ первыми попытками европейцевъ, направленными къ отысканію морского пути въ Индію. По мѣрѣ того, какъ португальцы и испанцы добывали изъ своихъ заморскихъ путешествій новыя свѣдѣнія о мѣстоположеніи тѣхъ или иныхъ странъ и острововъ, накоплялись новыя *конкретныя* данныя, расширявшія тѣ представленія о строеніи земного шара, которыя въ научномъ отношеніи все еще являлись сомнительными и неустойчивыми. Любопытно, что Мартинъ Бегаймъ, изготовившій въ Нюренбергѣ въ концѣ XV ст. свой знаменитый глобусъ, участвовалъ въ экспедиціи Діего Као въ Западную Африку и жилъ продолжительное время на Азорскихъ островахъ, гдѣ дѣлалъ свои наблюденія. Вслѣдъ за Бегаймомъ, новые пути въ области географическихъ познаній были сдѣланы Меркаторомъ, знаменитымъ голландскимъ ученымъ XVI ст. Онъ явился основателемъ научной, такъ называемой математической географіи. Его карты, въ основу которыхъ впервые имъ была положена сѣть меридіановъ и параллелей, не утратили и въ настоящее время своего важнаго значенія. Рядомъ съ большими успѣхами въ области географическихъ познаній въ XVI ст. произошелъ цѣлый переворотъ въ области астрономіи. Сначала Коперникъ (1473—1543), со своей теоріей вращенія земли вокругъ солнца, а затѣмъ Кеплеръ (1571—1630) и Галилей (1564—1642) перевернули совершенно „птоломеевское“ воззрѣніе на планетную систему. Новымъ астрономическимъ теоріямъ сильно помогъ изобрѣтенный въ 1608 году въ Голландіи телескопъ,—имъ широко пользовался Галилей въ своихъ астрономическихъ наблюденіяхъ.

Другимъ изобрѣтеніемъ, оказавшимъ также не малую пользу первымъ завоевательнымъ предпріятіямъ европейцевъ за морями, былъ порохъ. Войдя въ употребленіе въ Европѣ съ XIV ст., онъ сразу подвинулъ впередъ военное дѣло, измѣнивъ и самый способъ веденія войны. Порохъ вызвалъ прежде всего полное измѣненіе вооруженія; появились новыя изобрѣтенія, облегчившія военное искусство, но и увеличившія, правда, расходы на содержаніе арміи. Вмѣсто прежнихъ копій и мечей, завелись теперь пушки, пистолеты, бомбы, мортиры. Благодаря этому новому вооруженію, европейцы сумѣли очень скоро проложить себѣ путь къ великимъ завоеваніямъ, имѣвшимъ мѣсто одновременно съ заморскими открытіями. Теперь достаточно было горсточки хорошо вооруженныхъ по новому образцу людей, чтобы смѣло идти войной противъ огромной массы туземцевъ, не имѣвшихъ никакого понятія о свойствѣ пороха и употреблявшихъ въ военномъ дѣлѣ чуть-ли не первобытное оружіе. Вотъ почему какой-нибудь ничтожный по своей численности экипажъ португальцевъ, высадившихся на малабарскомъ берегу и вступившихъ въ борьбу съ многочисленнымъ туземнымъ населеніемъ, оказался побѣдителемъ, сумѣвшимъ внушить къ себѣ паническій страхъ. Объ этой

пользѣ изобрѣтенія пороха весьма ярко свидѣтельствуютъ также повѣствованія о завоеваніи испанцами Мексики. Одной-двухъ пушекъ было достаточно, чтобы привести въ повиновеніе упорно сопротивлявшихся европейскому нашествію мексиканцевъ. А тѣ опустошенія, которыя производила армія Кортеса, подвигаясь въ глубь этой страны, приводили всѣхъ туземцевъ въ трепетъ. Колоніальное могущество Испаніи въ Южной Америкѣ было добыто именно силою огнестрѣльнаго оружія, и всякій колоніальный предприниматель, владѣвшій новымъ оружіемъ и запасомъ пороха, становился въ то же время и завоевателемъ. Можно, конечно, считать, что разрушительная сила пороха, жертвой котораго стало безчисленное множество людей въ эпоху проникновенія европейцевъ въ заморскія страны, меньше всего дѣлаетъ это изобрѣтеніе полезнымъ. Но если подумать, что все же эти первыя заморскія завоеванія пріобщили въ концѣ концовъ новый міръ къ благамъ европейской цивилизаціи, что кругъ культурнаго вліянія Европы расширился, что, наконецъ, благодаря этимъ завоеваніямъ европейскія государства были избавлены отъ экономическаго застоя и въ нихъ начался оживленный и колоссальный по своимъ размѣрамъ торговый обмѣнъ, то придется признать, что и порохъ сдѣлалъ, по крайней мѣрѣ, въ XV—XVI вв., свое культурное дѣло.

Третьимъ наиболѣе значительнымъ по своимъ культурнымъ послѣдствіямъ изобрѣтеніемъ надо считать изобрѣтеніе книгопечатанія въ 1440 г. Изобрѣтеніе это состояло въ томъ, что былъ примѣненъ подвижной шрифтъ, позволявшій печатать книги въ любомъ размѣрѣ и въ любомъ количествѣ. До этого была уже сдѣлана нѣкоторая попытка книгопечатанія досками (ксилографія), на которыхъ вырѣзались буквы и рисунки. Но первая мысль примѣненія подвижного шрифта принадлежала Іоанну Гуттенбергу, изъ Майнца, который совмѣстно съ Фустомъ и Шеfферомъ устроилъ въ 1450 г. первую типографію, изъ которой уже въ 1455 г. вышла первая печатная книга — библія, извѣстная подъ названіемъ Гуттенбергской. О томъ, какое вліяніе оказало на умственное развитіе европейскаго общества это, поистинѣ, великое изобрѣтеніе, говорить не приходится. Распространеніе дешевой книги, дешевой, въ сравненіе съ тѣмъ, во что обходилась раньше каждая рукописная книга (одинъ экземпляръ библіи, напр., стоилъ нѣсколько сотъ рублей), носило положительно характеръ переворота въ культурѣ Европы. Отнынѣ появился массовый читатель. Прогрессъ умственнаго развитія обезпечивался такимъ образомъ не только на континентѣ, но и за морями, куда вмѣстѣ съ продуктами европейскаго производства транспортировалась и книга, главнымъ образомъ евангеліе, это орудіе умственнаго пробужденія туземцевъ. Одной изъ причинъ быстраго распространенія книгопечатанія въ концѣ XV в. надо считать также и изобрѣтеніе производства бумаги, предшествовавшее изобрѣтенію Гуттенберга.

Къ числу только что отмѣченныхъ научныхъ успѣховъ надо отнести еще расширеніе области естествознанія, явившееся уже прямымъ слѣдствіемъ открытія новыхъ странъ. Тропическія страны, столь рѣзко отличающіяся отъ Европы своей флорой и фауной, обогатили естественную науку новыми ботаническими и зоологическими видами. Перу голландскихъ ученыхъ XVII в. принадлежитъ рядъ новѣйшихъ изслѣдованій и въ этой области и, напр., такіе труды, какъ „Historia naturalis Brasiliae“ Маркгравіуса и подробное описаніе растительнаго царства Индіи (Malabaarse Kruythof) Ванъ-Реедэ положили начало научному обслѣдованію природы новыхъ открытыхъ странъ.

Трудно учесть всѣ тѣ послѣдствія, какія повлекли за собой открытія заморскихъ странъ. Но ясно одно,—благодаря этимъ послѣднимъ значительно расширился кругозоръ европейцевъ, а уже это одно обстоятельство является чрезвычайно важнымъ, ибо отъ него зависитъ тотъ переворотъ въ міровоззрѣніи, который, по выраженію одного историка, является „характерной особенностью новаго времени".

XV. Письменность въ средніе вѣка, изобрѣтеніе книгопечатанія и Гутенбергъ.

(Изъ сочиненія Зоймана: «Gutenberg und seine Mitbewerber», Historisches Taschenbuch von Raumer, II Jahrgang).

Въ средніе вѣка, пока образованіе сосредоточивалось преимущественно въ монастыряхъ и единственнымъ представителемъ его было духовенство, потребность въ священныхъ книгахъ и въ назидательномъ чтеніи удовлетворялась посредствомъ переписки книгъ духовнаго содержанія почти одними только монахами. Но уже начиная съ учрежденія университетовъ, особенно же съ возрожденія классицизма, потребность въ образованіи все болѣе и болѣе увеличивается, и манускрипты пріобрѣтаютъ бо́льшую цѣнность, вслѣдствіе чего переписка становится занятіемъ весьма прибыльнымъ и постепенно переходитъ въ руки цѣлаго класса переписчиковъ, спеціально занимающихся этимъ ремесломъ.

Между этими переписчиками въ первой половинѣ XV вѣка замѣчается уже нѣсколько различныхъ по характеру своей дѣятельности категорій.

Первую категорію составляли каллиграфы и художники миніатюрной живописи, которые совмѣстно занимались изданіемъ роскошныхъ рукописныхъ книгъ. Но такія книги были по своей дороговизнѣ доступны только знати и владѣтельнымъ князьямъ, для которыхъ (особенно во Франціи и въ Бургундіи) онѣ сдѣлались однимъ изъ любимѣйшихъ предметомъ роскоши и которые составляли изъ нихъ даже цѣлыя библіотеки. Такъ, напримѣръ, герцогъ бургундскій Филиппъ Добрый (около половины XV в.) обладалъ огромнымъ рукописнымъ заведеніемъ (scriptorium) въ Брюсселѣ и имѣлъ, по словамъ начальника этого заведенія, замѣчательнѣйшую коллекцію подобныхъ книгъ. Въ различныхъ библіотекахъ бургундскихъ герцоговъ находилось болѣе 3,000 экземпляровъ роскошныхъ рукописей, какъ, напримѣръ, рыцарскихъ романовъ, историческихъ хроникъ, сочиненій по астрологіи и т. п.; у большинства же знатныхъ лицъ имѣлись, по крайней мѣрѣ, роскошные молитвенники (Heures), написанные на пергаментѣ и украшенные картинами; эти молитвенники сохранялись обыкновенно въ сумкахъ или футлярахъ, привѣшиваемыхъ къ поясу, и переходили по наслѣдству изъ рода въ родъ.

Вторую категорію составляли переписчики научныхъ книгъ, отъ которыхъ требовалась не столько красота почерка, сколько правильность и точность письма. Прежде всего переписчики эти появились при университетахъ Франціи и Германіи, и число ихъ находилось въ прямомъ соотвѣтствіи съ числомъ слушателей университета.

Въ то время, какъ переписчики первой категоріи работали обыкно-

венно по заказу или находились на постоянной службѣ у владѣтельныхъ князей и у знатныхъ лицъ, переписчики второй категоріи изготовляли книги на свой рискъ. Но значительный объемъ этихъ книгъ, обусловливаемый содержаніемъ ихъ, а вслѣдствіе этого и дороговизна ихъ не позволяли каждому нуждающемуся въ нихъ пріобрѣтать ихъ въ собственность, и большинство, напротивъ, должно было ограничиваться временнымъ пользованіемъ ими. Такимъ положеніемъ дѣлъ вызвано было появленіе большого числа библіотекъ, въ которыхъ можно было получать на время нужныя книги за сравнительно небольшую плату.

Третья категорія переписчиковъ по характеру своей дѣятельности существенно отличалась отъ первыхъ двухъ категорій. Переписчики и книгопродавцы этой третьей категоріи, сосредоточенные въ столичныхъ и главныхъ торговыхъ городахъ (особенно въ Англіи и Германіи), занимались преимущественно изданіемъ для массы народа въ большомъ числѣ экземпляровъ церковныхъ молитвъ и книгъ религіознаго содержанія, украшенныхъ картинами, при ближайшемъ содѣйствіи особаго класса рисовальщиковъ. Такъ, напримѣръ, въ Англіи, а именно въ Іоркѣ, въ 1412 г. въ числѣ различныхъ ремесленныхъ цеховъ встрѣчаются также переписчики (escriviners) и рисовальщики (lumners); а въ Лондонѣ съ 1405 г. существовалъ особый цехъ переписчиковъ и книгопродавцевъ (stationer), издававшихъ въ огромномъ числѣ экземпляровъ небольшія молитвы, какъ „Pater noster" („Отче нашъ"), „Credo" („Вѣрую"), „Ave Maria" и т. п. Около 1442 г. и въ Голландіи уже появляются такъ называемые „печатники" (prenters) и „иллюминаторы" (verlichters), которые послѣ изобрѣтенія и примѣненія ксилографическаго книгопечатанія (то-есть, печатанія посредствомъ вырѣзыванія текста на деревянныхъ доскахъ) замѣняютъ прежнихъ переписчиковъ и рисовальщиковъ (Briefmaler).

Въ изданіи книгъ, предназначавшихся для массы народа, рисовальщики и иллюминаторы играли очень видную роль; значеніе ихъ выясняется еще болѣе при разсмотрѣніи условій, въ которыхъ находилось изданіе священныхъ книгъ до XV ст. Такъ какъ латинскій языкъ былъ въ то время языкомъ церкви, то всѣ священныя книги были написаны только на этомъ языкѣ. Правда, библія еще и до Лютера существовала въ переводѣ на нѣкоторые изъ новыхъ языковъ; но тѣмъ не менѣе употребленіе ея въ этихъ переводахъ было строго воспрещено католическою церковью. Богослуженіе совершалось на латинскомъ языкѣ; и хотя содержаніе богослуженія отчасти переводилось тутъ же прихожанамъ на мѣстный языкъ, народу все-таки недоставало такой книги, которая давала бы ему возможность запомнить и усвоить себѣ существенную часть богослуженія.

Единственнымъ средствомъ, которое могло восполнить существовавшій въ то время недостатокъ въ священныхъ книгахъ, были картины и рисунки, изображавшіе различныя сцены изъ Библіи, Евангелія и др. назидательныхъ книгъ. Онѣ издавались въ формѣ тетрадей, а чаще всего въ видѣ отдѣльныхъ листовъ, и въ послѣднемъ случаѣ назывались „письмами" (breve); отъ этого слова произошло нѣмецкое слово „Brief" (письмо). Эти-то письма (breve), подъ которыми въ средніе вѣка понималась всякая рукопись или рисунокъ, написанный на отдѣльномъ листкѣ, включая сюда даже и игральныя карты, занимали всего больше рабочихъ рукъ. При производствѣ этихъ послѣднихъ изображеній въ XV вѣкѣ почти не существовало раздѣленія труда: такъ какъ писцы не имѣли при этомъ достаточно дѣла для себя, то занятіе писца и письморисовальщика

(Briefmaler), а нѣсколько позже занятіе гравера и письмопечатника (Briefdrucker) соединялось обыкновенно въ однѣхъ рукахъ.

Развивавшееся ксилографическое книгопечатаніе отодвигало писцовъ мало-по-малу на задній планъ.

Эти писцы, безъ сомнѣнія, имѣли массу случаевъ еще въ XV ст. воспользоваться всѣми результатами рѣзьбы на деревѣ для наибольшаго и, въ виду сильной потребности, наивыгоднѣйшаго распространенія своихъ изданій, и хотя нѣкоторые историки думаютъ, что у ювелировъ, какъ людей, имѣвшихъ постоянно дѣло съ рѣзьбой на металлѣ, должна была впервые появиться мысль о рѣзьбѣ на деревѣ, тѣмъ не менѣе первая извѣстная гравюра на металлѣ есть гравюра св. Бернардина, сдѣланная въ 1459 году въ Парижѣ, между тѣмъ какъ первая гравюра на деревѣ, гравюра св. Христофора, относится къ 1423 году; изъ этого мы можемъ заключить, что рѣзьба на деревѣ предшествовала рѣзьбѣ на металлѣ.

Для насъ, впрочемъ, вопросъ этотъ не имѣетъ такого важнаго значенія, какъ вопросъ о первомъ примѣненіи рѣзьбы къ печатанію. Честь этого примѣненія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и изобрѣтеніе подвижныхъ буквъ, а также хромолитографія приписываются нѣкоторыми голландцу Костеру; другіе же, напротивъ, полагаютъ, что примѣненіе рѣзьбы къ печатанію принадлежитъ голландскимъ ювелирамъ и граверамъ (orfevres graveurs) и относится къ 1400 году. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что первенство въ изобрѣтеніи ксилографическаго книгопечатанія должно быть признано за голландцами.

На основаніи свидѣтельства „Кельнской Хроники", нѣкоторые думаютъ, что образцы, бывшіе въ рукахъ у Гутенберга, были напечатаны при посредствѣ подвижного шрифта; но, просмотрѣвши все, что говорится въ этомъ источникѣ по вопросу о книгопечатаніи, можно убѣдиться въ томъ, что до 1440 года существовало въ Голландіи только ксилографическое книгопечатаніе и что образцы, имѣвшіеся у Гутенберга, были оттиснуты съ цѣльныхъ досокъ.

Въ такомъ состояніи находилось книгопечатаніе, когда на поприще дѣятельности выступилъ Гутенбергъ.

Іоганнъ Гутенбергъ родился около 1409 года и происходилъ изъ патриціанской семьи Генцфлейшовъ въ Майнцѣ. Фамилію „Гутенбергъ" онъ получилъ по матери, которая была послѣднимъ отпрыскомъ знатнаго рода Гутенберговъ.

Безпокойный, постоянно чего-то ищущій умъ Гутенберга, съ одной стороны, и бѣдность, съ другой, побудили молодого человѣка заняться различными механическими искусствами. Постоянныя же его сношенія съ извѣстной категоріей ремесленниковъ положили отпечатокъ на дальнѣйшую его дѣятельность.

Не слѣдуетъ, однако, смотрѣть на эти занятія его, какъ на нѣчто выходящее изъ ряда обыкновеннаго, какъ на пренебреженіе своимъ знатнымъ происхожденіемъ, свойственное геніальной натурѣ. Въ средніе вѣка знатныя лица пользовались правомъ чекана золотой и серебряной монеты и для этой цѣли они обыкновенно составляли цѣлыя корпораціи. Въ Майнцѣ подобная корпорація состояла изъ 12-ти представителей знатныхъ родовъ, въ числѣ которыхъ были и Генцфлейши.

Подобныя занятія должны были, естественно, приводить аристократовъ къ сношеніямъ съ золотыхъ дѣлъ мастерами, и здѣсь же молодой Гутенбергъ имѣлъ случай присмотрѣться къ ихъ работѣ, замѣчать недостатки того или другого способа въ производствѣ различныхъ предме-

товъ и, наконецъ, принялся самъ за работу, имѣвшую сначала довольно близкое отношеніе къ работѣ ювелировъ.

Торговля, находившаяся прежде въ крайнемъ небреженіи у аристократовъ, начала мало-по-малу пріобрѣтать ихъ уваженіе, такъ что къ тому времени, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, многія знатныя лица сами занимались ею; нѣтъ, слѣдовательно, ничего удивительнаго въ томъ, что Гутенбергъ, хотя и человѣкъ знатнаго происхожденія, во время своего пребыванія въ Страсбургѣ, занимался различными торговыми и промышленными предпріятіями. О дѣятельности Гутенберга, объ его промышленныхъ предпріятіяхъ и, наконецъ, объ его открытіи мы узнаемъ изъ актовъ судебнаго процесса, который начался по смерти одного изъ товарищей Гутенберга, Дритцена, между нимъ и наслѣдниками покойнаго (въ 1439 году).

Изъ показаній одного свидѣтеля видно, что Гутенбергъ обучалъ сначала Дритцена искусству шлифовать камни; но здѣсь, очевидно, имѣлось въ виду шлифованіе драгоцѣнныхъ камней. Вѣроятнѣе всего, что Гутенбергъ училъ своихъ товарищей шлифованію такихъ камней, какъ агатъ, халцедонъ и др.

Въ XV ст. и еще гораздо раньше вмѣстѣ съ металлическими зеркалами были въ употребленіи маленькія ручныя стеклянныя зеркала. Эти послѣднія приготовлялись посредствомъ обливанія расплавленнымъ свинцомъ или оловомъ только-что вынутыхъ изъ плавильной печи стеклянныхъ плитъ; но такое приготовленіе возможно было только на стеклянномъ заводѣ, котораго, какъ извѣстно, Гутенбергъ не имѣлъ; поэтому есть основаніе предполагать, что Гутенбергъ умѣлъ амальгамировать стекло посредствомъ олова и ртути.

Если шлифованіе камней уже доставило этому небольшому товариществу, основанному Гутенбергомъ, нѣкоторыя выгоды, то отъ приготовленія и продажи такой любимой, но въ то же время такой дорогой и рѣдкой вещи, какъ зеркала, они могли ждать еще бо̀льшихъ выгодъ, особенно въ виду Ахенской ярмарки, которая должна была состояться въ 1439 году. Этотъ расчетъ побудилъ ихъ сдѣлать большой запасъ подобныхъ зеркалъ. Дритценъ положилъ на это дѣло все свое наслѣдственное имущество: онъ былъ убѣжденъ, что проигрышъ здѣсь невозможенъ и что даже раньше года они вернутъ весь затраченный капиталъ.

Въ Ахенскомъ соборѣ уже издавна хранились высокочтимыя мощи и другіе предметы религіознаго почитанія, которые (какъ и теперь) черезъ каждыя семь лѣтъ выставлялись народу для поклоненія, и въ это время сюда стекалось множество пилигримовъ. Такъ, напримѣръ, въ 1496 г. во время такого празднества въ Ахенѣ, ихъ насчитывалось до 142,000, а изъ кружки для пожертвованій было вынуто 80,000 гульденовъ. Празднество продолжалось съ 10 по 24 іюля; обыкновенное богослуженіе въ церквахъ на это время прекращалось; открывалась ярмарка; на улицахъ Ахена раздавались выстрѣлы, народъ веселился.

Но въ 1438 г. сдѣлалось извѣстнымъ, что ярмарка отложена на 1440 годъ, и хотя это не влекло за собою для товарищества прямого убытка, потребность въ прибыльной дѣятельности была уже настолько сильна, а довѣріе къ способностямъ Гутенберга настолько упрочилось въ его товарищахъ, что они рѣшились принять участіе еще въ третьемъ предпріятіи его, которое до сихъ поръ сохранялось имъ въ тайнѣ. Такимъ образомъ, въ 1438 году между ними состоялось новое условіе на

пять лѣтъ, по которому товарищи Гутенберга посвящались въ тайну третьяго предпріятія. Это предпріятіе было—книгопечатаніе.

Понимая всю трудность и все неудобство ксилографическаго книгопечатанія, Гутенбергъ стремился замѣнить его печатаніемъ посредствомъ подвижныхъ буквъ, такъ какъ онъ сознавалъ, что только этимъ способомъ есть возможность печатать книги любой величины и любого формата: онъ желалъ поставить книгопечатаніе на ту высоту, на которой оно должно было стоять по своей огромной важности. Ксилографическіе образцы, напечатанные въ Голландіи, навели его на эту мысль. Первымъ же шагомъ къ осуществленію его мысли, къ замѣнѣ прежнихъ досокъ, годившихся только для одной книги, подвижными буквами, было разрѣзываніе доски на столько частей, сколько находилось въ ней буквъ, и вставленіе ихъ въ формы.

Ученые очень долго спорили по поводу вопроса о томъ, есть ли возможность печатать деревянными буквами, но нѣкоторые спеціалисты-типографы, принявшіе участіе въ этомъ спорѣ, рѣшили, что печатаніе деревянными подвижными буквами возможно, но крайне затруднительно, потому что, во-первыхъ, деревянныя буквы быстро портятся, а, во-вторыхъ, набираніе ихъ, вслѣдствіе незначительности ихъ вѣса, весьма неудобно. Все это, естественно, должно было привести Гутенберга къ замѣнѣ деревянныхъ буквъ металлическими, которыя въ гораздо меньшей степени подвержены дѣйствію влажности и всякой порчѣ.

Война, веденная въ 1444 году императоромъ Фридрихомъ III противъ швейцарцевъ и коснувшаяся Страсбурга, заставила Гутенберга оставить этотъ городъ и переѣхать въ Майнцъ.

Идя постепенно впередъ въ своемъ изобрѣтеніи, Гутенбергъ постоянно совершенствовалъ способъ приготовленія буквъ, такъ что всякое новое усовершенствованіе заставляло его бросать весь накопившійся у него до того запасъ буквъ. Онъ уже давно думалъ о напечатаніи библіи, но отлично понималъ, что для этого нужны такія средства, какими онъ не обладалъ, и вотъ въ 1450 году онъ вступаетъ въ товарищество съ Іоанномъ Фустомъ, который даетъ ему 800 гульденовъ; на эти деньги Гутенбергъ, по словамъ Фуста, обязался напечатать и издать библію, хотя бы изданіе обошлось ему и дороже. Несмотря на это, однако, черезъ два года Фустъ даетъ Гутенбергу еще 800 гульд., но въ 1455 г. начинаетъ съ нимъ процессъ, передъ самымъ выходомъ библіи въ свѣтъ и требуетъ возвращенія всѣхъ денегъ съ процентами. Повидимому, главными причинами къ возникновенію этого процесса были: 1) неаккуратность Гутенберга въ подробныхъ отчетахъ относительно затрачиваемыхъ денегъ и 2) желаніе Фуста отдѣлаться отъ Гутенберга, который въ предпринятомъ ими дѣлѣ игралъ первую роль, и соединиться съ своимъ работникомъ (а впослѣдствіи зятемъ) Шефферомъ, знавшимъ хорошо типографское дѣло.

Такимъ образомъ, Фустъ разорвалъ связь съ Гутенбергомъ и, соединившись съ Шефферомъ, устроилъ типографію, при чемъ воспользовался многими инструментами, которые, по приговору суда, перешли къ нему отъ Гутенберга. Что касается самой типографіи, то судъ не обязалъ Гутенберга передать ее въ руки Фуста. Выручка же, полученная Гутенбергомъ отъ продажи библіи, дала ему возможность не только уплатить долгъ Фусту, но и устроить новую типографію.

Типографія Фуста и Шеффера пошла весьма хорошо, благодаря изобрѣтательности послѣдняго, который сталъ отливать буквы изъ сплава

свинца и сурьмы. Эти буквы по своей твердости были чрезвычайно удобны для печатанія, и въ 1459 году Фусто-Шефферовская типографія напечатала этими буквами сочиненіе епископа Дуранда (ум. 1244 г.) „Rationale", трактующее о происхожденіи и значеніи церковныхъ обрядовъ.

Благодаря этому измѣненію въ способѣ отливки буквъ, печатаніе пріобрѣло весьма совершенный видъ. Не нужно, однако, думать, что Гутенбергъ стоялъ внѣ этого усовершенствованія; весьма возможно, что Шефферу удалось провести только скорѣе Гутенберга ту мысль, на которую его натолкнулъ этотъ послѣдній, такъ какъ мы видимъ, что Гутенбергъ въ 1460 г. совершенно самостоятельно напечаталъ такимъ же мелкимъ и почти такимъ же красивымъ шрифтомъ „Catholicon" Іоанна де-Іануа, сочиненіе, чуть ли не вдвое болѣе объемистое, нежели „Rationale".

Многіе отрицали важное значеніе Гутенберга, исходя изъ того, что подвижныя буквы были изобрѣтены до него, а окончательное усовершенствованіе въ изготовленіи и отливкѣ ихъ сдѣлано Шефферомъ. Но лучшимъ опроверженіемъ подобнаго взгляда могутъ служить слова самого Шеффера, который называетъ Гутенберга и Фуста первыми замѣчательными типографами, а Гутенберга называетъ прямо изобрѣтателемъ книгопечатанія посредствомъ подвижныхъ буквъ; себя же онъ считаетъ только мастеромъ, усовершенствовавшимъ отливаніе буквъ.

24-го февраля 1468 г., послѣ жизни, полной тяжелыхъ трудовъ, Гутенбергъ скончался въ своемъ родномъ городѣ почти безъ средствъ къ существованію. Не переставая трудиться надъ приведеніемъ въ исполненіе своей мысли, онъ вмѣстѣ съ Шефферомъ и Фустомъ довелъ книгопечатаніе до весьма совершеннаго вида; оно стало очень быстро распространяться, и скоро послѣ его изобрѣтенія открылись типографіи въ Германіи (въ Бамбергѣ и Кельнѣ), Голландіи (въ Гаарлемѣ) и Италіи (въ Римѣ).

Быстрое распространеніе книгопечатанія и удешевленіе, вслѣдствіе этого, книгъ [1]) содѣйствовали поднятію уровня умственнаго и нравственнаго развитія европейскихъ народовъ, а когда появилась реформація, то главнымъ орудіемъ ея быстраго распространенія была уже значительно развившаяся пресса.

Благодаря книгопечатанію, успѣхи ума человѣческаго, нравственныя воззрѣнія передовыхъ личностей быстро передавались изъ одного мѣста въ другое, изъ одной страны въ другую, содѣйствуя такимъ образомъ уничтоженію невѣжества и мрака, господствовавшихъ въ массахъ въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ.

---

[1]) Цѣна на книги уже скоро послѣ появленія книгопечатанія понизилась на $^4/_5$ прежней стоимости своей, но и эта значительно понизившаяся цѣна все-таки была въ то время очень высока по сравненію съ настоящею, если принять во вниманіе, что цѣна на библію доходила въ Парижѣ предъ изобрѣтеніемъ книгопечатанія до 500 франковъ.

III. ВОЗРОЖДЕНІЕ.

XVI. Главныя причины Возрожденія въ Италіи.

(Изъ соч. Э. Жебара: «Начала возрожденія въ Италіи»).

Возрожденіе въ Италіи не было исключительно обновленіемъ литературы и искусства, вызваннымъ обращеніемъ культурныхъ умовъ къ античнымъ произведеніямъ и лучшею подготовкой артистовъ, постигшихъ въ школахъ Греціи истинный смыслъ красоты. Возрожденіе, охватывая всю итальянскую цивилизацію, вѣрно отражало духъ и жизнь всей Италіи; и такъ какъ все въ этой странѣ проникалось Возрожденіемъ: поэзія, искусство, наука, всѣ формы человѣческой изобрѣтательности, общественная и гражданская жизнь, религіозное сознаніе и нравы, то самое Возрожденіе можетъ быть объяснено лишь сокровеннѣйшими чертами итальянскаго характера, его оригинальнѣйшими привычками, величайшими фактами культурной и политической исторіи Аппенинскаго полуострова.

Глубочайшія причины Возрожденія, причины, носимыя Италіей въ себѣ самой, сводятся къ слѣдующему: свобода мысли, соціальный строй, живучесть латинской традиціи, постоянныя воспоминанія о Греціи и, наконецъ, своевременно выработавшійся языкъ. Иноземныя же цивилизаціи, ускорившія ходъ развитія Италіи,—вліяніе Византіи, Арабовъ, Нормандцевъ, Провансальцевъ и Французовъ,—подобны лишь притокамъ, время отъ времени вливающимъ свои воды въ главное русло.

1) Свобода мысли.

Схоластическая философія въ Италіи являлась всегда наукой совершенно обособленной, трактуемой главнымъ образомъ монахами и теологами; она никогда не становилась, какъ во Франціи, ни національной философіей, ни универсальнымъ методомъ, ни несокрушимой доктриной, которыя, дисциплинируя всѣ отрасли знанія, наконецъ властно подчинили себѣ самъ человѣческій разумъ. Мысль въ Италіи меньше, чѣмъ гдѣ-либо на западѣ, подавлена богословіемъ: она не Ancilla theologiae. Общее направленіе философіи носитъ свѣтскій характеръ. Это мы можемъ провѣ-

рить на Данте, ученикѣ парижскаго университета, являющемся вѣрнымъ выразителемъ итальянской схоластики начала XIV вѣка. Его Convito, написанное на итальянскомъ языкѣ, вполнѣ опредѣляетъ, въ какихъ размѣрахъ полуостровъ воспринялъ ученіе схоластической школы. Въ немъ не говорится ни о „чистомъ бытіи", ни объ „универсаліяхъ", ни о „матеріи и формѣ", зато трактуется о возможныхъ путяхъ къ достиженію блага человѣка, упоминается о правахъ, о городскомъ управленіи, о прелести молодости, объ обязанностяхъ зрѣлаго возраста, о добродѣтеляхъ старости. Это произведеніе не профессора логики, а моралиста и политика. Мысль, что нравственная философія—мать всѣхъ другихъ наукъ, источникъ всякой мудрости, повторяется тамъ неоднократно; въ немъ господствуетъ этика, а не метафизика. Но въ то же время это сочиненіе раціоналиста, и Данте громко провозглашаетъ, что умѣніе пользоваться разумомъ составляетъ все преимущество человѣка и обезпечиваетъ его счастье, но, конечно, необходимо, чтобы разумъ былъ свободенъ, какимъ онъ и былъ у Платона, Аристотеля, Сенеки и Зенона.

Итакъ, здѣсь мы сталкиваемся съ практической философіей и съ независимымъ методомъ; прибавимъ, что по характеру своихъ работъ эта философія очень приближается къ первенствующей наукѣ итальянскихъ университетовъ—правовѣдѣнію. Римское право, сохраненное готскими королями въ силу политическихъ обстоятельствъ, является оригинальнѣйшей доктриной Италіи среднихъ вѣковъ. Парижъ—представитель діалектики; Болонья—юриспруденціи. Эта наука, опирающаяся на положенія чистаго разума, съ одной стороны, и данныя опыта, съ другой, пытающаяся примирить временные интересы съ непоколебимыми принципами справедливости, облагораживается и достигаетъ въ итальянскихъ школахъ высшей степени своего развитія, именно благодаря важности интересовъ, которые она стремится примирить и которые касаются правительства и всеобщаго мира. Отношенія и предѣлы власти духовной и власти временной и феодальной, универсальная монархія и свобода городовъ,—таковы господствующія идеи, на которыхъ сосредоточиваются научныя стремленія Италіи. Въ Парижѣ спорятъ по поводу Аристотелевскихъ сочиненій, съ оригиналами которыхъ незнакомы; въ Болоньи и въ Римѣ комментируютъ подлинные памятники писаннаго права. Эта наука, которой покровительствуютъ императоры и авиньонскіе папы-легисты, которую изучаютъ такіе ученые, какъ св. Ѳома Кентерберійскій, господствовала во всѣхъ направленіяхъ мысли съ такой же властью, какъ во Франціи схоластика; она привлекала философовъ и своимъ методомъ удерживала ихъ на раціональномъ пути.

Итакъ, Апеннинскій полуостровъ не пострадалъ отъ того интеллектуальнаго недуга, который, благодаря излишествамъ діалектики, снѣдалъ французскую мысль. Съ первыхъ же моментовъ Возрожденія Италія всегда насмѣшливо отзывалась о томъ деспотическомъ образованіи, которое такъ сильно стѣсняло свободу умственной жизни Франціи. Петрарка не щадилъ схоластику; онъ изобличалъ ее всюду, гдѣ только встрѣчался съ нею: въ „спорящемъ городѣ Парижѣ", „contentiosa Parisios", въ пустословной аргументаціи Сорбонны, въ псевдо-аристотелевскихъ школахъ итальянскаго аверроизма, въ шарлатанствѣ врачей, въ комической торжественности университетскихъ экзаменовъ. Онъ утверждаетъ, что Аристотель не есть источникъ великій, и что никакой авторитетъ не превышаетъ авторитета разума; наконецъ, онъ повторяетъ, что задача образованія — научить мыслить, а не диспутировать. Онъ мирится съ

діалектикой какъ съ полезнымъ орудіемъ, какъ съ гимнастикой ума, но, прибавляетъ онъ, „если черезъ нее и полезно бываетъ пройти, все же было бы крупной ошибкой на ней остановиться: только безумный путникъ, прельщаясь прелестями пути, забываетъ о цѣли, къ которой онъ стремится". Во имя того же Аристотеля, истинный духъ котораго Петрарка постигъ (это мнѣніе самого поэта), онъ возвращается къ мысли, свойственной всѣмъ античнымъ мудрецамъ, мысли, полагающей, что цѣнность знанія заключается лишь во внутреннемъ совершенствѣ и что добиваться знанія стоитъ только ради того, чтобы становиться лучше. Едва прошло полвѣка со смерти Петрарки, справедливо названнаго „первымъ человѣкомъ новаго времени", и уже гуманисты, усилія которыхъ онъ поддерживалъ съ такимъ пыломъ, бросая взглядъ назадъ, и забывая чѣмъ они ему обязаны, нашли его очень отставшимъ отъ нихъ; они высмѣяли его, а вмѣстѣ съ нимъ и Данте, и Боккаччіо, этихъ основателей Возрожденія, въ которыхъ видѣли людей почти готскихъ временъ: до такой степени итальянскій геній въ своемъ свободномъ стремленіи къ знанію нетерпѣливо отряхалъ всякую традицію.

Эта неприкосновенность интеллектуальной свободы, составляющая достояніе итальянцевъ, тѣсно связана съ религіознымъ сознаніемъ ихъ. У нихъ не было ни фарисейской вѣры византійцевъ, ни фанатизма испанцевъ, ни суроваго догматизма нѣмцевъ и французовъ. Итальянцы избѣгали всѣхъ тѣхъ оковъ, которыя такъ сильно давятъ вѣрующаго и дѣлаютъ его неподвижнымъ, какъ въ покаяніи, такъ и въ мечтахъ; эти оковы — утонченная метафизика и теологія, чрезвычайная дисциплина, крайняя щепетильность въ благочестіи и безпокойная казуистика.

Для итальянца вселенская церковь, это—церковь Италіи, и зданіе, въ которомъ укрывается христіанство, отчасти—его твореніе. На престолѣ святого Петра, въ священной коллегіи кардиналовъ, въ великихъ институтахъ монашества, повсюду онъ узнаетъ самого себя; ему извѣстны тѣ земные страсти и интересы, которые изъ-за завѣсы святилища управляютъ совѣстью вѣрующихъ. Онъ менѣе заинтересованъ авторитетомъ и непоколебимостью ученія, нежели добродѣтелями или слабостями проповѣдниковъ этого ученія. Онъ такъ убѣжденъ въ томъ, что всѣ человѣческія слабости могутъ проникнуть въ домъ Божій, что входитъ въ него безъ трепета и фамильярно прикасается къ ковчегу, не опасаясь громовъ небесныхъ. Ни одинъ народъ никогда такъ свободно не вырабатывалъ по собственному образцу догматы и католическую дисциплину, и нигдѣ Римская церковь не была болѣе снисходительной къ вольному толкованію вопросовъ совѣсти, какъ въ Италіи. Вотъ почему и въ ту эпоху, которой мы теперь занимаемся, они никогда не пытались сбросить традиціонную религію, такъ какъ не находили ее обременительной.

Религіозное сознаніе Италіи выразилось ярче всего въ Св. Францискѣ Ассизскомъ и его апостолическихъ послѣдователяхъ, воплотившихъ завѣтъ Екатерины Сіеннской и фра-Джакопоне. Именно потому, что орденъ францисканцевъ вполнѣ соотвѣтствовалъ глубочайшимъ стремленіямъ цѣлаго народа, этотъ орденъ пользовался такой необыкновенной популярностью и могъ образовать церковь въ церкви. Научить освобождаться изъ подъ тѣснаго гнета церковной власти, обращаться къ Богу и просто, непосредственно бесѣдовать съ нимъ, свободно и безъ страха наслаждаясь созерцаніемъ вѣчности, и съ дѣтскимъ спокойствіемъ засыпать на лонѣ христіанства, таково было дѣло жизни св. Франциска.

Казалось—оставалось сдѣлать еще только одинъ шагъ, чтобы осво-

бодиться безъ возмущенія и терзанія отъ послѣднихъ оковъ христіанства и вступить въ область чистаго разума; но итальянскому народу, совѣсть котораго такъ мало стѣснялась церковью и который никогда не увлекался формальной ересью, не суждено было совершить этотъ рѣшительный переходъ, хотя уже съ давнихъ временъ большое число людей, болѣе образованныхъ, нежели простая толпа, перешли отъ свободной религіи къ свободной мысли. Въ XII вѣкѣ эти люди уже составляли значительную группу, которая непрестанно разрасталась до времени полнаго расцвѣта Возрожденія и представители которой въ концѣ XV вѣка, въ эпоху Льва X, уже не находили болѣе нужнымъ скрываться. Не легко опредѣлить мѣру положительныхъ вѣрованій, уцѣлѣвшихъ въ этихъ людяхъ, степень деизма, на которой они остановились, большее или меньшее приближеніе ихъ къ абсолютному скептицизму. Одно лишь совершенно достовѣрно: теоретически-ли нѣвѣрующіе, или же просто индифференты— они достигли той совершенной свободы мысли, которая характеризовала древнихъ, по крайней мѣрѣ принадлежавшихъ къ философскимъ школамъ. Sapientum templa serena.

2) *Соціальный строй.*

Соціальный строй Италіи съ XII по XIV вѣка чрезвычайно способствовалъ развитію въ ней Возрожденія. Формы общественной жизни полуострова были первымъ твореніемъ искусства, созданнымъ національнымъ геніемъ и, въ свою очередь, сдѣлались основаніемъ величайшихъ послѣдствій, благопріятствовавшихъ духовной жизни Италіи.

На развалинахъ древняго міра средніе вѣка основали очень прочное общество, организація котораго, одновременно простая и мудрая, являлась въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій спасеніемъ Запада, столь глубоко потрясеннаго вражескими вторженіями. Феодальный режимъ, свѣтское первенство германскаго императора, духовное главенство папы—все это замкнуло народы въ строгую іерархію, внесшую нѣкоторый порядокъ въ смуту, произведенную варварами. На всѣхъ ступеняхъ колоссальной пирамиды, связанныхъ между собою непобѣдимой силой, господствуетъ основной законъ вновь сложившагося общества: отдѣльный человѣкъ — лишь часть цѣлаго. Обособленіе, если бы оно и было возможно для индивидуума, стало бы для него пагубнымъ, ибо онъ имѣлъ значеніе только находясь въ той группѣ, къ которой онъ принадлежалъ и которая, въ свою очередь, существовала только благодаря подчиненію сюзеренамъ, замкнутымъ въ высшую группу. Такимъ-то образомъ поддерживалось единство феодальнаго и католическаго зданія: королевства, герцогства, графства, бароніи, епископства, капитулы, религіозные ордена, университеты, корпораціи, темные массы сервовъ—на каждой изъ этихъ ступеней человѣческая личность была скована и ограждалась долгомъ вѣрности, абсолютнымъ повиновеніемъ, общностью интересовъ и жертвъ. Человѣкъ, пытавшійся порвать эти оковы, будь то возмутившійся баронъ или борящійся за свободу народный трибунъ, невѣрующій ученый или еретическій монахъ, Жакъ или Фратичелли, такой человѣкъ будетъ сокрушенъ.

Между тѣмъ люди томились режимомъ, одинаково угнетавшимъ какъ частную, такъ и общественную жизнь.

Италіи приходилось сбросить съ себя или освободиться отъ тройного ига: отъ феодализма, отъ священной римской имперіи и отъ церкви.

Разрушеніемъ, отстраненіемъ или ослабленіемъ этихъ трехъ могуществъ создавалась res publica, современное государство.

Прежде всего Италія освободилась отъ наиболѣе непосредственнаго давленія, отъ узъ феодализма, и сдѣлала это не путемъ индивидуальныхъ или революціонныхъ попытокъ, подобныхъ дѣлу Кола ди Ріенцо, а противупоставленіемъ феодальной ассоціаціи—ассоціаціи коммуны.

Правленіе коммуны носило коллективный характеръ. Ректоры, пріоры и консулы цеховъ составляли полицію своихъ корпорацій и по мѣрѣ того, какъ ослаблялась центральная власть императорскихъ намѣстниковъ, городъ возлагаетъ на представителей цеховъ обязанности исполнительной власти, и они становятся магистратами уже не отдѣльныхъ цеховъ, а всей коммуны.

На сѣверѣ и въ центрѣ Италіи переворотъ городской жизни совершился въ первыхъ годахъ XII столѣтія. Столкновеніе и соперничество двухъ великихъ силъ, свѣтской и духовной, возвышавшихся въ Италіи надъ феодализмомъ, весьма удачно послужило дѣлу городского освобожденія.

При ломбардскихъ короляхъ церковь являлась обыкновенно защитницей муниципальныхъ вольностей противъ свѣтскихъ феодаловъ. При франкскихъ короляхъ города соединяются съ незначительными сеньерами противъ епископовъ, политическая власть которыхъ въ это время уже значительно возросла. Съ тѣхъ поръ эти мелкіе феодалы являются полезными сотрудниками коммунъ, которыя ихъ вознаграждаютъ за оказанныя услуги нѣкоторыми магистратурами. Начиная съ X вѣка города, сожалѣвшіе объ утратѣ стариннаго народнаго права избранія епископовъ, стали бороться съ церковными графами. Въ 983 году миланцы выгнали архіепископа и всю знать. Въ XI и XII вѣкахъ Коммуны, борясь со своими епископами, заставляютъ въ то же время императора дѣлать имъ уступки за уступками, но опасенія императорскаго вмѣшательства въ ихъ жизнь принуждаютъ ихъ нерѣдко снова сплачиваться на короткій срокъ вокругъ ихъ сюзерена-епископа. Такъ въ 1037 г. миланцы за одно съ своимъ архіепископомъ идутъ на Конрада Саличевскаго, но едва опасность миновала, городъ возмущается, избираетъ себѣ въ капитаны крупнаго феодала Ланцонэ и впродолженіи цѣлыхъ трехъ лѣтъ ожесточенно воюетъ со своими властителями, которыхъ въ концѣ концовъ и побѣждаетъ. Самостоятельность коммунъ растетъ по мѣрѣ того, какъ увеличивается вражда между императоромъ и папой. И тотъ, и другой, по очереди, ищутъ точки опоры въ итальянскихъ городахъ; но церковь—власть духовная, не передающаяся по наслѣдству, открывающаяся всѣмъ христіанамъ и въ лицѣ монаховъ близко соприкасающаяся какъ съ буржуазіей, такъ и съ поселянами,—соотвѣтствовала національному чувству больше чѣмъ имперія; въ періодъ времени между Григоріемъ VII и Бонифаціемъ VIII она является представительницей итальянской независимости, противополагаемой императору-чужестранцу. Правда, послѣдній располагаетъ очень преданными себѣ городами (Пиза), очень могущественными союзниками въ гибелинской партіи Флоренціи, но едва возникаетъ вопросъ о противодѣйствіи императорскому сюверенитету—всѣ республики обращаются къ папѣ. Александръ III руководитъ ломбардской лигой противъ Фридриха Барбароссы; Иннокентій III пользуется своимъ опекунствомъ надъ Фридрихомъ II, чтобы устроить въ тосканскихъ городахъ гвельфскую лигу. Но коммуны отнюдь не соглашаются признать политическое покровительство церкви: теоретически онѣ поддерживаютъ первенство имперіи.

„Вѣкъ коммунъ“ оставилъ глубокіе слѣды въ своеобразномъ строѣ Италіи. Правда, онъ не создалъ настоящей индивидуальной свободы, но привычка къ общественной жизни, постоянная борьба за независимость, ассоціаціи и самостоятельность города закалили характеры, пробудили умы и обострили страсти. Эти ремесленники и буржуа, строго распредѣлявшіеся по корпораціямъ, затерянные въ отвлеченной личности своего города, преобразуя соціальный режимъ Италіи, въ то же время освобождали свои умы отъ долгаго оцѣпенѣнія и отъ гнета рабства и пріобрѣтали качества, необходимыя для активной жизни. Превратности ихъ предпріятій изощрили ихъ волю, и къ смѣлости замысловъ, къ отвагѣ исполненія, они присоединили осторожность, терпѣніе, дипломатическую тонкость и хитрость. Посмотрите на лица Гирляндайо въ Санте-Марія-Новелла. Эти чинныя фигуры, изъ которыхъ многія прямо списаны съ натуры, обладаютъ той твердостью выраженія и увѣренностью во взглядѣ, которыя свидѣтельствуютъ о непреклонной волѣ; тонкія и плотно сжатыя губы сумѣютъ кстати солгать и не разомкнуться, чтобы выдать тайну. Они не противъ возстанія, но они будутъ управлять имъ помощью слова; ихъ истинное мѣсто въ совѣтѣ: тамъ они обсуждаютъ дѣла республики съ тѣмъ же здравымъ смысломъ, который обыкновенно проявляется ими въ ихъ конторахъ, но стоитъ посягнуть на ихъ гражданскую свободу—и эти купцы возьмутся за оружіе и ударятъ въ набатъ. Въ силу постояннаго взвѣшиванія шансовъ судьбы они пріобрѣли въ дѣлахъ правленія ту ловкость, которая такъ помогала имъ при продажѣ шерсти или при размѣнѣ ихъ флориновъ. Отъ близкаго соприкосновенія съ великими владыками міра сего они изучили ихъ слабости и играли ими. Венеція, Миланъ, Сіенна и особенно Флоренція создали въ свое время замѣчательныхъ дипломатовъ, которые такъ же мало волновались при видѣ императорскаго скипетра, какъ и папской тіары. Ихъ страсти, ихъ нѣжность,—все принадлежало ихъ родному городу. Они его выкупаютъ изъ неволи, укрѣпляютъ стѣнами и башнями, обогащаютъ и любятъ только его. „О мой прекрасный Санъ-Джіованни!“—вздыхаетъ Данте, вспоминая въ ссылкѣ флорентійскій баптистерій... Найдутся-ли драгоцѣнности достаточно роскошныя, чтобы украсить такую мать, такую невѣсту? Искусство эпохи ранняго Возрожденія неизбѣжно должно было носить коммунальный характеръ. Городъ украшается замкомъ для сеньоріи, зубчатой башней, дворцомъ подесты, соборомъ, колокольней, баптистеріемъ, кладбищемъ, лавками и портиками; каждый цехъ ремесленниковъ имѣетъ своего патрона-святого, свои ex-voto, свои придѣлы въ церквахъ, украшенные фресками; умершіе славной смертью покоятся въ роскошныхъ гробницахъ въ общественныхъ мѣстахъ. Пиза добываетъ изъ Іерусалима святой земли, въ которой и теперь еще покоятся ея великіе граждане въ ожиданіи наступленія Царствія Божія.

Коммунамъ не суждено было надолго пережить свое торжество. Въ самыхъ своихъ нѣдрахъ онѣ уже носили зародыши распаденія, и каждая изъ нихъ, встрѣчая на своихъ тѣсныхъ границахъ сосѣднюю коммуну, встрѣчала врага. Онѣ сокрушили аристократовъ, провозгласили равенство и все-таки не были настоящими демократіями: Флоренція 1494 года, имѣя 90 тысячъ населенія, насчитывала всего только 3.200 полноправныхъ гражданъ. Повсюду простой народъ имѣлъ гораздо меньше политическихъ правъ, нежели буржуазія; крестьяне, которыхъ вооружали для защиты территоріи, исключались изъ общественныхъ должностей и не пользовались коммунальными правами. Кастовый духъ, родовыя амбиціи,

зависть, взаимная узурпація властей, неопредѣленность внѣшней политики и соперничество матеріальныхъ интересовъ являлись постоянными поводами къ внутреннимъ безпорядкамъ.

Городъ или провинція, не поддающійся болѣе управленію ассоціаціей, ввѣряется теперь волѣ наиболѣе смѣлаго, хитраго, знатнаго изъ своихъ граждапъ, иногда даже волѣ чужеземца. Тиранъ является очень рѣзкимъ выразителемъ духа своей страны и эпохи, — вотъ почему онъ не останавливаетъ и не совращаетъ цивилизацію съ ея пути. Эта власть, незаконная по своему происхожденію и начинающаяся обыкновенно съ насилія, если даже не съ преступленія, не есть, однако, восточный деспотизмъ. Тиранъ, такъ-же, какъ прежде него коммуна, долженъ считаться съ личной независимостью своихъ подданныхъ. Его власть, не опирающаяся ни на права, ни на наслѣдственность, находится въ полной зависимости отъ обстоятельствъ: открытое возмущеніе, соперничество враждующихъ фамилій, заговоры, ядъ и кинжалъ постоянно напоминаютъ ему, что его могущество временно и непрочно; поэтому онъ удерживаетъ его за собою, лишь принаравливаясь къ характеру города, надъ которымъ онъ царствуетъ. Если общественное мнѣніе его не поддержитъ—тиранъ падетъ. Правда, ужасный Джанъ-Марія Висконти въ Миланѣ могъ, въ продолженіи нѣкотораго времени, кормить людьми своихъ дикихъ звѣрей и своихъ собакъ, но за то онъ былъ зарѣзанъ въ одной изъ церквей. Нельзя себѣ представить Флоренцію подъ игомъ иныхъ тирановъ, кромѣ Медичи.

Дѣло Возрожденія, начатое вольными коммунами, было продолжено тиранами.

Итальянскіе „маэстро“, всѣмъ обязанные только своимъ личнымъ достоинствамъ, пытаются увеличить значеніе своего генія блескомъ цивилизаціи. Съ Фридриха II и Петра-де-Виньи до Льва X и Рафаэля не найдется ни одного государя, который не покровительствовалъ бы артистамъ и писателямъ.

Эта либеральная роль тирановъ не была ни пустымъ капризомъ, ни мелкимъ и неяснымъ политическимъ разсчетомъ. Тираны требовали отъ поэзіи и искусства двухъ вещей: отдохновенія и наслажденія для себя, и развлеченія, способнаго стереть всякія воспоминанія о свободѣ, для своихъ подданныхъ. Меценатство являлось однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ для ихъ управленія.

Вотъ почему съ перваго же момента существованія тиранній появляется та традиція, которой Лаврентій Великолѣпный, Сфорца, Юлій II и Левъ X обязаны наибольшей частью своей славы. Тираны сѣверныхъ городовъ, собравшіе въ XIV вѣкѣ остатки партіи гибелиновъ—молодого Канэделля Скаля въ Веронѣ, Гвидо-да-Полента въ Равеннѣ — побѣдили лучшихъ людей, культурнѣйшіе умы Италіи, и въ тотъ день, когда изгнанный Данте нашелъ убѣжище у ихъ очага, между тираніей и Возрожденіемъ былъ заключенъ союзъ, впослѣдствіи не нарушавшійся. Тираны отлично сознавали, что артисты и ученые не только украшеніе ихъ двора, но и ихъ союзники и свита. Общество, которымъ они управляли, сочтя свою прежнюю муниципальную форму слишкомъ узкой, ввѣрилось тиранамъ на томъ лишь условіи, что они могущественно поддержатъ автономію государства, навсегда вырвутъ послѣднее изъ политическихъ рамокъ Среднихъ Вѣковъ и освободятъ его отъ болѣе или менѣе тяжкаго ига папства и имперіи; но вѣдь артисты, ученые и поэты были также освободителями общества: вѣрнымъ пониманіемъ вещей,

образами красоты, уроками античной мудрости, своимъ энтузіазмомъ и весельемъ они освобождали человѣческія души отъ страха передъ категорическимъ авторитетомъ, отъ ужасовъ и грезъ прежняго времени.

3) Классическая традиція.

Средневѣковая Италія оставалась въ гораздо болѣе тѣсномъ общеніи съ античнымъ міромъ, нежели всѣ остальные народы Запада. Ея не постигли въ такомъ же размѣрѣ тѣ пять-шесть вѣковъ глубокаго мрака, который наступилъ во Франціи и въ Германіи вслѣдъ за нашествіями варваровъ. Хотя и смутно, но Италія сохранила утраченное въ другихъ странахъ представленіе о томъ, что древніе народы, и въ особенности Греція, открыли для человѣческаго разума источники благороднѣйшихъ идей. Возрожденіе только закончило ту интеллектуальную культуру, которую истори ческія событія никогда въ сущности не уничтожали. Петрарка, первый изъ великихъ гуманистовъ, продолжалъ свѣтскую традицію, непрерывность которой является однимъ изъ основныхъ факторовъ итальянской цивилизаціи.

Въ этой традиціи играла преобладающую роль латинская древность. Можно указать нѣсколько причинъ, способствовавшихъ поддержанію въ Италіи престижа древняго Рима. Церковь говорила по-латыни; благодаря мудрой политикѣ готовъ, первенству Византіи при Юстиніанѣ, терпимости лонгобардскихъ королей и значенію, приданному писанному закону распрей между церковью и имперіей,—римское право продолжало существовать. Наконецъ Римъ, немогущій помириться съ паденіемъ, несмотря на всѣ свои неслыханныя бѣдствія, продолжалъ гордиться своимъ славнымъ именемъ и своими памятниками и утѣшаться въ своихъ несчастіяхъ удержаніемъ въ учрежденіяхъ и въ правахъ остатковъ прошлаго и воспоминаніями о римскомъ геніѣ.

Римъ связывалъ Италію Среднихъ Вѣковъ съ античной цивилизаціей. Онъ являлся для итальянцевъ столицей человѣчества, онъ не только священный городъ, резиденція намѣстника Христова, онъ—политическій владыка всего Запада. Видѣніе римской имперіи носится надъ всей его исторіей. Короли франкскіе и императоры германскіе коронуются въ Римѣ. Для гибелиновъ императоръ остается всегда въ идеалѣ государемъ римскимъ, прямымъ наслѣдникомъ Цезаря и Августа. Данте рисуетъ великій городъ въ трауръ и слезахъ, простирающимъ руки къ Цезарю и взывающимъ къ нему: Cesaro mio, perché non m'accompagne?

Но въ то же время Римъ—колыбель свободы, Вѣчная Республика. Римъ сохранилъ свой сенатъ, предписывавшій въ XIII вѣкѣ законы императору Конраду III. Папа Луціусъ, пытавшійся прогнать сенатъ изъ Капитолія, погибаетъ во время возстанія. Александръ III, побѣдитель Фридриха Барбароссы, можетъ вернуться въ Римъ, только заключивъ миръ съ его сенатомъ. Въ XIV вѣкѣ Кола-ди-Ріенци возвращаетъ Риму на одно мгновеніе иллюзіи прежнихъ дней и пробуждаетъ свободу „въ старыхъ стѣнахъ, которыхъ боится и которыхъ любитъ весь міръ, и которыя заставляютъ его трепетать при воспоминаніи о быломъ". Вокругъ славы древняго Рима образуется первая классическая традиція Возрожденія.

Во времена Петрарки сыновняя почтительность Италіи переносится и на Грецію, великую прародительницу. Въ XV в. во Флоренціи наступаетъ снова полное царствованіе Платона; но культъ, которымъ окружался Римъ, получаетъ еще разъ послѣднее свое выраженіе въ XVI вѣкѣ, въ „Бесѣдахъ" Маккіавелли о первыхъ десяти книгахъ Тита Ливія.

Всего за нѣсколько лѣтъ до знаменитаго Римскаго погрома (1527) и окончательной гибели Италіи, Маккіавелли пытается отыскать въ правилахъ римской политики тайну спасенія своей злополучной родины.

Обаяніе древности поддерживалось на всемъ Аппенинскомъ полуостровѣ употребленіемъ латинскаго языка, какъ бы послѣдній ни былъ испорченъ въ нѣкоторые моменты исторіи, напримѣръ, въ лангобардскій періодъ. До времени св. Франциска и св. Антонія проповѣдь говорилась по-латыни. Достовѣрно извѣстно, что еще въ XIII вѣкѣ политическія рѣчи, обращенныя къ толпѣ, произносились на латинскомъ языкѣ. Народъ распѣвалъ латинскія пѣсни. Всѣ тяжбы велись по-латыни, хорошо извѣстной, какъ юристамъ, такъ и всѣмъ дѣльцамъ. Серьезная работа школъ, университетовъ и монастырей объясняетъ намъ эту непрерывность классической культуры.

Необходимо различать два интеллектуальныхъ теченія, проходящихъ и через всю средневѣковую Италію: съ одной стороны, школы свѣтскія, происходившія отъ старинныхъ императорскихъ школъ и заканчивающіяся университетами; съ другой — школы церковныя и религіозные ордена, для которыхъ наука лишь дисциплина и средство къ апостолической дѣятельности.

Ни во времена готовъ, ни при лонгобардахъ, ни при франкахъ грамматики не прекращали своихъ школъ. Уже съ тѣхъ поръ правовѣдѣніе заняло видное мѣсто въ народномъ образованіи; коммунальная революція заставляетъ итальянцевъ еще больше изучать его, дабы быть въ состояніи защищать свои интересы противъ имперіи и церкви. Болонья, „Mater Studiorum", полагаетъ прочное основаніе преподаванію юриспруденціи, „науки о вещахъ божескихъ и человѣческихъ". Фридрихъ Барбаросса даруетъ привилегіи учителямъ и ученикамъ. Въ XIII вѣкѣ этотъ университетъ уже насчитываетъ до десяти тысячъ студентовъ сразу. Около 1260 года достигаетъ полнаго своего блеска Падуя. Швабскій домъ покровительствуетъ Неаполю и Салерно, sede e matre antica di studio. Въ Феррарѣ профессора права, медицины, грамматики и діалектики освобождаются отъ военной службы. Въ римскомъ университетѣ папы Иннокентій IV и Бонифацій VIII покровительствуютъ преподаванію гражданскаго права. Во Флоренціи и въ Болоньи рядомъ съ римскимъ правомъ съ жаромъ изучаются литература, грамматика и краснорѣчіе. Энеида и Метаморфозы комментируются безпрерывно.

Церковь очень способствовала прогрессу цивилизаціи. Литературная традиція отцовъ церкви, бережно хранимая въ первыхъ христіанскихъ общинахъ Галліи и Испаніи, — въ Италіи удержала за собой весь свой авторитетъ. Въ концѣ V вѣка Кассіодоръ началъ разыскивать древнія книги, и поиски за ними не прекращались въ монашескихъ орденахъ. Въ IX и X вѣкахъ въ монастыряхъ были библіотеки, уже богатыя древними авторами, ускользнувшими отъ сарацинскаго огня. Замѣчателенъ каталогъ монастыря Боббіо, опубликованный Муратори; въ немъ мы находимъ указаніе на существованіе во многихъ экземплярахъ Аристотеля, Демосѳена, Цицерона, Горація, Виргилія, Лукреція, Овидія, Ювенала.

4) Языкъ.

Языкъ является необходимымъ орудіемъ всякой цивилизаціи. Сложныя и утонченныя произведенія ума требуютъ для своего выраженія опредѣленнаго словаря и такого синтаксиса, обладать которымъ могутъ только языки, уже глубоко обработанные. Пѣсня — geste — или какая-

нибудь хроника могутъ быть написаны съ помощью немногихъ словъ и притомъ словъ, которыя не прибавляютъ къ непосредственному значенію корня никакихъ оттѣнковъ, т.-е. не вносятъ никакого ограниченія въ первоначальный его смыслъ, никакой болѣе индивидуальной черты по отношенію къ другимъ, близкимъ по смыслу выраженіямъ: этимъ произведеніямъ, основаннымъ на простыхъ концепціяхъ и выражающимъ, главнымъ образомъ, дѣйствіе и непосредственное волненіе, достаточно отдѣльныхъ предложеній, составленныхъ изъ существеннѣйшихъ своихъ элементовъ и отвѣчающихъ слѣдованію фактовъ и наивности чувствованій; имъ безполезны періоды, сочиненіе и соподчиненіе предложеній, весь этотъ сложный и богатый организмъ языка. Но высшіе роды творчества нуждаются въ богатствѣ и строгомъ механизмѣ рѣчи; лирическая поэзія, драма, эпопея, романъ—должны передавать самые разнообразные оттѣнки страсти, точно такъ же, какъ политическая исторія должна указать, кромѣ дѣяній, скрытую причину ихъ—волю и всѣ ея двигатели. Итакъ, богатство выраженій и аналитическая и діалектическая разработанность синтаксиса являются первымъ условіемъ всякой литературы. Но, кромѣ того, ей необходимъ драгоцѣнный запасъ общихъ идей и языкъ, многочисленныя формы котораго были бы приспособлены къ передачѣ всѣхъ видовъ мышленія. Всякое примитивное состояніе языка противодѣйствуетъ труду историка или философа; такой языкъ можетъ воспроизвести лишь видимые факты, но безсиленъ выразить какую бы то ни было отвлеченность; онъ запечатлѣваетъ все конкретное, въ его наиболѣе общихъ чертахъ, и не въ состояніи доказать раціональныя истины: ему недоступны высочайшія вершины интеллектуальнаго міра.

Но зрѣлость языка необходима коллективному генію не менѣе, чѣмъ писателямъ одной какой-нибудь націи. Народъ, подобно индивидууму, ясно сознаетъ лишь тѣ мысли, которыя ясно обозначены; развитіе народнаго самосознанія, прогрессъ духовной жизни и мудрость у народа, такъ же, какъ и у всякой отдѣльной личности, являются результатомъ нѣкоторыхъ свѣтлыхъ концепцій ума. Такимъ образомъ выработанный языкъ является для народа, иногда для цѣлой расы, условіемъ интеллектуальной мощи. Когда рѣчь идетъ о какой-нибудь группѣ городовъ или провинцій, связанныхъ между собою общностью происхожденія, религіи, учрежденій, интересовъ и нравовъ, языкъ долженъ быть не только законченнымъ и выработаннымъ, онъ долженъ быть кромѣ того общимъ; невозможна никакая общая цивилизація, если языкъ не установитъ единство національной мысли, не взирая на раздѣленіе территоріи и на различіе „маленькихъ родинъ“.

Какъ только Италія стала обладательницей такого народнаго языка, который былъ понятенъ всѣмъ ея народностямъ и былъ освященъ употребленіемъ всѣми ея великими писателями, — Возрожденіе пріобрѣло высшую степень энергіи. Анализъ этого любопытнаго историческаго явленія требуетъ, чтобы мы на немъ нѣсколько остановились.

Извѣстно, что шесть романскихъ языковъ имѣютъ своимъ первоисточникомъ латинскій языкъ, вѣрнѣе, языкъ римлянъ въ той формѣ, какую онъ получилъ въ концѣ имперіи; рядомъ съ нимъ оказали нѣкоторое вліяніе и древнія италіотскія нарѣчія. Послѣ паденія политическаго могущества Рима, этотъ буржуазный и плебейскій латинскій языкъ портился во всей Италіи и, наконецъ, распался на большое число говоровъ, наполнившихся варваризмами, благодаря иноземнымъ вліяніямъ арабовъ и норманновъ на югѣ и германцевъ на сѣверѣ. Всѣ эти говоры происхо-

дили отъ народной латыни, и такъ какъ только классическая латынь была записана и разъ навсегда установлена и только она одна привлекала вниманіе ученыхъ, то эти нарѣчія мало-по-малу глубоко исказились. Анархія въ сферѣ языка вполнѣ соотвѣтствовала анархіи политической. Муниципальный строй еще больше способствовалъ раздѣленію языка на діалекты. Данте насчитываетъ ихъ до четырнадцати вполнѣ отличныхъ другъ отъ друга и группирующихся направо и налѣво отъ Аппенинъ. Мы-же въ состояніи насчитать ихъ уже до двадцати и притомъ представленныхъ въ подлинныхъ текстахъ.

Такъ было въ продолженіи первыхъ столѣтій Средневѣковья. Только истинный поэтъ могъ-бы извлечь какую-нибудь гармонію изъ всѣхъ этихъ диссонирующихъ звуковъ, выбирая лучшія слова и красивѣйшія формы: Pigliando i belli i non belli lasciando, какъ сказалъ одинъ современникъ Данте, Франческо да-Барберини. Но истинные поэты заставляли себя ждать. Вся Италія принялась за дѣло, но ее не интересовалъ вѣкъ рыцарства; онъ не внушилъ ей сколько-нибудь крупнаго и оригинальнаго поэтическаго произведенія, весь ея умственный интересъ направлялся къ латинской древности и къ римскому праву. Ея первыя народныя пѣсни не были записаны и затерялись. А между тѣмъ зародыши общаго разговорнаго языка незамѣтно развивались среди всего этого неустройства, и несомнѣнно, что образованный классъ общества началъ имъ пользоваться уже въ X вѣкѣ, хотя первые его письменные памятники относятся къ XI вѣку. Торговыя сношенія, проповѣди странствующихъ монаховъ, соперничество учащейся молодежи въ университетахъ, политическія сношенія, гвельфскія и гибелинскія лиги, все это являлось обстоятельствами, благопріятствовавшими росту того молодого языка, lingua vulgaris, vulgare latinum, latinum vulgare (Данте), latino volgare (Боккачіо), который позднѣе, въ эпоху, когда Флоренція сдѣлалась законодательницей рѣчи, назывался lingua toscana, а иностранцами ломбардскимъ нарѣчіемъ и который уже во времена Исидора обозначался какъ lingua italica. Итакъ, двѣ преобладающія черты этого языка, созданнаго долгими и безсознательными усиліями полуострова, заключаются въ томъ, что, будучи, съ одной стороны, языкомъ итальянскимъ, онъ образовался изъ тѣхъ первѣйшихъ элементовъ, которые общи всѣмъ діалектамъ Италіи, а съ другой стороны, будучи языкомъ латинскимъ, онъ приблизился къ латынѣ больше, нежели любой изъ всѣхъ остальныхъ діалектовъ. Данте, закончившій его созданіе, украшаетъ его эпитетами illustre, cardinale, aulique, curiale. Данте не создалъ его подобно скульптору, творящему свое произведеніе, но печать его генія такъ глубоко запечатлѣлась на трудѣ, подготовленномъ его предшественниками, что мы имѣемъ полное право называть его отцомъ итальянскаго языка.

И дѣйствительно, до него языкъ этотъ пыталъ свои силы только въ короткихъ поэтическихъ произведеніяхъ, подражающихъ провансальцамъ и лишенныхъ въ большинствѣ случаевъ и оригинальности, и размаха. Но въ тотъ день, когда Италія освободилась изъ подъ вліянія Прованса, „славный“ итальянскій языкъ сразу становится языкомъ литературнымъ, почтительно изучаемымъ писателями наряду съ утонченной поэзіей трубадуровъ, хотя превосходство его для выраженія національнаго духа еще не было доказано. Данте и взялъ на себя доказать это. Онъ подарилъ Италіи необыкновенную поэму, въ которой были разсказаны видѣнія трансцедентнаго мистицизма, переданы величественныя грёзы и воспѣты бѣшенныя и нѣжныя страсти; нѣтъ ни одной сцены

проклятія, ни малѣйшаго вздоха любви, ни единаго взрыва гнѣва, которые не нашли бы въ „Божественной Комедіи“ имъ присущаго выраженія, оттѣнка, надлежащей ноты; только языкъ Данте и языкъ Шекспира умѣетъ достигать однимъ взмахомъ какъ вершины нѣжности, такъ и бездны ужасовъ. Петрарка, будучи первоклассньмъ поэтомъ, все-таки не могъ превзойти идеальную мягкость нѣкоторыхъ строфъ своего учителя, и Италіи никогда не довелось услышать болѣе трагическаго языка, даже въ самыхъ могучихъ произведеніяхъ Леопарди: Tuba mirum spargens sonum.

Но способность выражать энтузіазмъ, экстазъ, ненависть и характерныя черты описаній не доказываетъ еще безусловно того, что языкъ удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ, всѣмъ формамъ человѣческой мысли. Необходимо, чтобы онъ прошелъ кромѣ того черезъ испытаніе въ прозѣ, чтобы онъ оказался пригоднымъ для разсказа, для разсужденія и для анализа. Вотъ почему, когда Данте въ своей Vita Nuova разсказалъ исторію своей первой любви и описалъ радости, сомнѣнія и печали самой мучительной, самой возвышенной страсти; когда въ своемъ Convito онъ изложилъ утѣшенія въ страданіи посредствомъ разума, работающаго надъ проблемами нравственной философіи, только тогда народный языкъ навсегда завоевалъ себѣ право гражданства въ Италіи.

XVII. Что такое „Возрожденіе“.

(Изъ «Очерковъ итальянскаго возрожденія» М. С. Корелина).

„Возрожденіемъ“ или гуманизмомъ называется движеніе, освободившее, на западѣ Европы, личность и культуру отъ порабощенія католическою церковью и положившее прочное начало новой независимой наукѣ, свѣтской философіи, литературѣ, школѣ и самостоятельному искусству. Оно началось въ Италіи, откуда распространилось съ большей или меньшей силой по всей Европѣ и было первымъ проявленіемъ въ новой исторіи культурнаго роста личности, которая стала относиться критически къ современнымъ, уже отживавшимъ тогда культурнымъ формамъ. Аскетическій идеалъ, составлявшій нравственное основаніе господства церкви надъ государствомъ и культурой, стоялъ въ XIV и XV ст. въ рѣзкомъ противорѣчіи съ жизнью. Всемогущіе нѣкогда папы, поселившись въ Авиньонѣ, сдѣлались орудіемъ въ рукахъ французскихъ королей, а вернувшись въ Римъ, произвели такъ-называемый великій расколъ, который окончательно подорвалъ ихъ моральное и политическое вліяніе. Съ его прекращеніемъ папство превратилось въ свѣтское государство, глава котораго пользовался остатками духовной власти исключительно съ политическими и финансовыми цѣлями. Въ то же время распадался, особенно въ Италіи, средневѣковый политическій и соціальный строй. Прежнее строгое сословное дѣленіе сильно расшаталось особенно благодаря внутренней борьбѣ въ городскихъ республикахъ. Аристократія повсюду, за исключеніемъ Венеціи, оттѣснена была богатыми горожанами (popolo grasso), съ которыми вели упорную и иногда успѣшную борьбу низшіе классы (popolo minuto). Тираннія, подавившая городскія республики, нанесла окончательный ударъ высшимъ классамъ и открыла служебную

карьеру талантливымъ людямъ всѣхъ сословій. Этотъ процессъ разложенія средневѣковыхъ формъ начался раньше гуманистическаго движенія и проистекалъ изъ одинаковой съ нимъ причины. Индивидуальное развитіе, вызвавшее къ жизни новыя потребности, въ гуманистическомъ движеніи выразилось не только критическимъ отношеніемъ къ теоретическимъ основамъ средневѣковыхъ формъ, не только теоретическимъ оправданіемъ ихъ разрушенія, но и попытками построить новое міросозерцаніе, которое было бы основано на новыхъ индивидуальныхъ потребностяхъ развившейся личности.

Гуманистическій индивидуализмъ характеризуется, во-первыхъ, интересомъ человѣка къ себѣ самому, къ своему внутреннему міру; во-вторыхъ, интересомъ къ внѣшнему міру и преимущественно къ человѣку; въ третьихъ, убѣжденіемъ въ высокомъ достоинствѣ человѣческой природы вообще и въ неотъемлемомъ правѣ человѣка развивать свои способности и удовлетворять своимъ потребностямъ; въ-четвертыхъ, интересомъ къ окружающей дѣйствительности, поскольку она имѣетъ вліяніе на человѣка. Эта точка зрѣнія, составляющая основу гуманистическаго міросозерцанія, была діаметрально противоположна средневѣковымъ аскетическимъ воззрѣніямъ. Въ средніе вѣка человѣческая природа считалась, наряду съ внѣшнимъ міромъ и дьяволомъ, источникомъ соблазна и причиною вѣчной гибели. Въ силу этого слѣдуетъ интересоваться только божественнымъ, а не человѣческимъ; умственное развитіе—опасное излишество, которое можетъ повести къ смертному грѣху, т. е. къ дьявольской гордынѣ; отъ міра лучше всего бѣжать за монастырскія стѣны, а съ человѣческими потребностями нужно вести упорную борьбу. Разойдясь, такимъ образомъ, съ средневѣковымъ ученіемъ, гуманисты должны были искать опоры для своихъ воззрѣній за предѣлами христіанства, которое они знали только въ формѣ католицизма,—и нашли ее въ античной литературѣ. Глубокій и горячій интересъ къ классической древности—вторая характерная черта гуманистическаго движенія. Гуманисты не только изучаютъ греческій и латинскій языки, античную литературу и исторію, какъ всякій объектъ науки, но ищутъ въ древности оружія для борьбы съ средневѣковыми воззрѣніями и авторитета для оправданія своихъ ученій. Въ античной литературѣ гуманисты находятъ иногда родственное настроеніе, иногда готовую формулу для своихъ воззрѣній, иногда высокій образецъ для научной или литературной работы. Кромѣ того, античный міръ и преимущественно древній Римъ является въ ихъ глазахъ великою родною стариной, которая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стоитъ гораздо выше настоящаго. Гуманисты любятъ древность, высоко цѣнятъ ея авторитетъ и стараются у нея учиться; но живой интересъ къ дѣйствительности, пониманіе ея жизненности, силы и важности препятствуютъ слѣпому преклоненію передъ античнымъ прошлымъ, фантастическому стремленію воскресить отжившее—и гуманисты относятся къ классической древности такъ же критически, какъ къ ближайшему прошлому и современной дѣйствительности. Исходнымъ пунктомъ ихъ стремленій являлась индивидуальная потребность; основнымъ настроеніемъ по отношенію къ прошлому былъ критицизмъ, причемъ классическая древность по-временамъ служила опорой для новаго міросозерцанія, а современная дѣйствительность—его регуляторомъ.

Отвергши средневѣковый аскетизмъ, гуманисты попытались выработать новыя религіозныя воззрѣнія. Это было самою слабой стороной итальянскаго возрожденія. Ранніе гуманисты, какъ Петрарка, Салютати,

и нѣкоторые другіе, старались примирить свое настроеніе съ церковнымъ ученіемъ; но ниспровергнуть папство, опираясь на Евангеліе, они не были въ состояніи, по недостатку религіознаго одушевленія, съ одной стороны, и смѣлости мысли, съ другой сдѣлать это. Въ послѣдующихъ поколѣніяхъ смѣлость критицизма возросла, но одновременно ослабѣли религіозные интересы, и среди позднѣйшихъ итальянскихъ гуманистовъ въ религіозномъ отношеніи можно отмѣтить четыре теченія: формальную приверженность къ старой церкви и внѣшнее благочестіе—у неглубокихъ натуръ и поверхностныхъ умовъ; полное равнодушіе къ религіознымъ вопросамъ, скептическое и насмѣшливое невѣріе — у большинства, и фантастическій паганизмъ, результатъ крайняго увлеченія Платоновой философіи — у весьма немногихъ гуманистовъ второй половины XV в. Гораздо смѣлѣе, чѣмъ церковное ученіе, отрицали гуманисты средневѣковую философію и ея госпожу—теологію, и въ этой области пытались противопоставить средневѣковому собственное ученіе. Петрарка и вообще ранніе гуманисты отрицали метафизику и сводили философію на мораль: одни изъ нихъ старались формальнымъ образомъ примирить съ христіанствомъ стоицизмъ, другіе—эпикурейство. Позже, со второй половины XV в., гуманисты распадаются на платониковъ и аристотеликовъ, и только въ концѣ столѣтія являются крупные представители оригинальной философской мысли. Но если гуманистамъ не удалось создать самостоятельную свѣтскую философію, то результатомъ ихъ разрыва съ богословіемъ и вообще съ церковными доктринами была полная секуляризація мысли, которая имѣла благотворное вліяніе на другія сферы ихъ дѣятельности. Такъ, многочисленные этическіе трактаты гуманистовъ и ихъ дидактическая беллетристика проникнуты тою мыслью, что человѣкъ по природѣ существо нравственное и что на лучшихъ сторонахъ нашей природы должна быть построена новая этика. Самое содержаніе моральнаго ученія гуманистовъ отличается индивидуалистическимъ характеромъ и сводится къ проповѣди права личности на широкое удовлетвореніе всѣхъ ея потребностей и на полное развитіе всѣхъ ея свойствъ. Гуманистамъ не удалось выработать долговѣчной этической системы и, что еще важнѣе, не удалось найти моральнаго авторитета. Ихъ этическій индивидуализмъ, подъ вліяніемъ реакціи противъ аскетизма, и въ теоріи заходилъ иногда слишкомъ далеко; кромѣ того, современные нравы и положеніе гуманистовъ, находившихся въ зависимости отъ меценатовъ, весьма невыгодно отразились на ихъ морали, и въ гуманистической литературѣ встрѣчается иногда открытая проповѣдь безнравственности въ индивидуальныхъ и политическихъ отношеніяхъ. Тѣмъ не менѣе несомнѣнную заслугу гуманистовъ составляетъ секуляризація этики, какъ науки, и признаніе правъ личности на всестороннее развитіе въ предписаніяхъ практической морали. Эта послѣдняя сторона гуманической нравственности особенно благотворно повліяла на школу. Средневѣковая школа была проникнута аскетическимъ духомъ, что вызывало враждебное отношеніе къ ней гуманистовъ и ихъ стремленіе противопоставить ей новыя педагогическія требованія; кромѣ того, многіе гуманисты были педагогами по спеціальности. Этимъ объясняется обиліе трактатовъ, которые всѣ проникнуты однимъ духомъ: воспитаніе должно быть основано на изученіи индивидуальныхъ свойствъ ребенка, должно готовить его къ жизни, а для этого необходимо развивать всѣ хорошія духовныя и физическія стороны его природы. Эти педагогическія теоріи были положены въ основу гуманистической школы, и мантуанскій педагогъ Витторино да-Фельтре, назвавъ свою школу casa

giocosa (радостный домъ), сдѣлалъ первую и весьма удачную попытку ихъ практическаго осуществленія.

Особенно наглядно выражаются особенности итальянскихъ гуманистовъ въ ихъ политическихъ теоріяхъ. Вначалѣ они настроены очень патріотически: ихъ идеаломъ является объединенная Италія, а нѣкоторые, въ видѣ исключенія, мечтаютъ даже о возстановленіи прежняго господства Рима надъ міромъ. Средневѣковымъ учрежденіямъ—папству и имперіи — и политическимъ формамъ вообще они не придаютъ абсолютнаго значенія. Если Петрарка возлагалъ большія надежды на Карла IV, то имѣлъ въ виду исключительно его индивидуальныя свойства. Вообще между итальянскими гуманистами не было ни гвельфовъ, ни гибеллиновъ въ средневѣковомъ смыслѣ; такъ же мало вѣрили они въ возможность реставраціи античныхъ порядковъ. Въ основѣ ихъ политическихъ воззрѣній лежали вѣра въ могущество отдѣльной личности въ установленіи общественныхъ порядковъ и наблюденіе надъ современною дѣйствительностью. Тѣ гуманисты, которые вѣрили въ возможность объединенія Италіи, ожидали осуществленія этого идеала отъ отдѣльной личности: сначала отъ Роберта Неаполитанскаго, Кола-ди-Ріенцо, Карла IV, потомъ отъ Висконти и отъ Медичи. Эта же вѣра въ личность, въ связи съ наблюденіями, заставляла большинство гуманистовъ предпочитать монархію республикѣ, и притомъ монархію абсолютную; происходившая у нихъ на глазахъ внутренняя борьба падающихъ республикъ приводила гуманистовъ къ убѣжденію въ большой жизненности монархіи и внушала презрѣніе къ закону, который одинаково попирался въ республикахъ, и въ тираніяхъ. Тѣ немногіе гуманисты (почти исключительно флорентійскіе), которые защищаютъ республику, нападаютъ не принципіально на монархію, а только на ея современныхъ представителей, попирающихъ свободу и всѣ права личности. Но наблюденіе надъ дѣйствительностью у нѣкоторыхъ гуманистовъ подрывало вѣру и въ отживающія республиканскія формы, и въ благотворность тиранніи, и въ возможность объединенія Италіи, и даже въ политическое всемогущество личности. Вслѣдствіе этого съ самаго начала среди гуманистовъ возникаетъ направленіе, проповѣдующее политическій индифферентизмъ и даже космополитическія тенденціи.

Всѣ эти разнообразныя политическія теченія проникнуты общимъ всѣмъ гуманистамъ демократизмомъ, который, однако, не идетъ далѣе отрицанія сословныхъ привилегій. Исходя изъ своего основного воззрѣнія на человѣческую природу, почти всѣ гуманисты, кромѣ венеціанскихъ, не допускаютъ никакой справедливой разницы между людьми, кромѣ различія въ нравственныхъ и умственныхъ свойствахъ, и въ силу этого рѣзко нападаютъ на аристократію; но идея народовластія имъ совершенно чужда: наоборотъ, большинство изъ нихъ относится къ грубой и невѣжественной толпѣ съ открытымъ презрѣніемъ. Итальянскимъ гуманистамъ не удалось выработать стройной политической системы, если не считать макіавеллизма; тѣмъ не менѣе ихъ заслуга заключается въ томъ, что ихъ политическіе трактаты въ новое время положили основаніе политикѣ, какъ наукѣ и какъ искусству, а ихъ борьба противъ аристократіи и сословныхъ различій вообще во имя индивидуальныхъ свойствъ представляетъ первую попытку теоретическаго обоснованія политическаго равенства.

Культурный ростъ личности имѣлъ, между прочимъ, слѣдствіемъ признаніе важности стремленія человѣка къ знанію, а секуляризація

мысли давала полную свободу этому стремленію,—и гуманизмъ создалъ самостоятельную и свободную науку. Первые гуманисты, какъ Петрарка, отдавая неизбѣжную дань прошлому, еще ставятъ науку въ прямую и косвенную зависимость отъ религіи: изученіе языческой поэзіи, философіи и науки необходимо потому, что оно внушаетъ уваженіе къ истинной религіи, и потому еще, что оно ведетъ къ самосознанію и добродѣтели, а слѣдовательно къ спасенію. Изъ этой религіозной санкціи науки они дѣлаютъ и дальнѣйшій выводъ: если цѣль науки — самосознаніе, то ея главный объектъ—человѣкъ. Позже эта внѣшняя санкція науки секуляризовалась: гуманисты отождествляютъ науку съ добродѣтелью и на этомъ основаніи выдѣляютъ себя изъ толпы, а затѣмъ стремленіе къ знанію, какъ одно изъ важнѣйшихъ потребностей человѣчества, признается и само по себѣ за высокое благо. Сдѣлавшись самостоятельной и свободной, гуманистическая наука, дѣлавшая первые шаги подъ вліяніемъ борьбы со схоластикой, съ самаго начала носитъ критическій характеръ. Этотъ критицизмъ повелъ къ выработкѣ научныхъ методовъ, при чемъ первою школой послужило здѣсь изученіе классической древности. Въ виду важности для гуманистовъ античной литературы, ея изученіе сдѣлалось настоящею страстью: собираніе древнихъ рукописей считалось дѣломъ почти государственной важности; государи, республиканскія правительства и частные люди основывали публичныя библіотеки; знатоки классической латыни и особенно рѣдкіе учителя греческаго языка нарасхватъ приглашались городами и частными людьми; ради изученія греческаго языка гуманисты отправлялись въ Византію. При такомъ положеніи дѣла извѣстное увлеченіе формальною стороной античной литературы было неизбѣжно: нѣкоторые—правда, весьма немногіе—гуманисты, какъ, напр., Траверсари, не шли дальше этого, большинство, не ограничиваясь формой, придавало ей весьма существенное значеніе, такъ что хорошее знаніе древнихъ языковъ считалось самими гуманистами признакомъ принадлежности къ созданному ими движенію. Но изъ этого нельзя заключать, что они презирали родную рѣчь. Правда, они писали преимущественно по-латыни, а иногда даже по-гречески, и старались усвоить себѣ классическій стиль. Но, во-первыхъ, многіе изъ безспорныхъ гуманистовъ, какъ, Бруни, Альберти и др., писали и по-итальянски, когда имѣли въ виду болѣе широкій кругъ читателей; во-вторыхъ, употребленіе латыни въ качествѣ учено-литературнаго языка, было средневѣковой традиціей, къ которой только примкнули гуманисты, и ихъ попытки замѣнить средневѣковую латинскую рѣчь классической были не слѣпымъ подражаніемъ античной старинѣ, а тѣмъ же стремленіемъ къ изящной формѣ, которое съ такимъ блескомъ выразилось въ искусствѣ Ренессанса. Результатомъ этого интереса къ формальной сторонѣ древней литературы былъ цѣлый рядъ важныхъ работъ по латинской орѳографіи (Гаспарино ди-Барцицца, Гварино, Веронезе, Тортелло), реформа школьной латинской грамматики и попытки построить ее на научныхъ основахъ (труды Дечембріо, Гуарино, Перотти и въ особенности Валли, а по греческой грамматикѣ — М. Хризомора, Ѳ. Газы и К. Ласкариса), а также нѣсколько сочиненій по метрикѣ (Верджеріо и Перотти). Съ увлеченіемъ изучая форму древнихъ писателей, гуманисты находили главный интересъ въ ихъ содержаніи, которое они критиковали съ разныхъ точекъ зрѣнія. Уже самое желаніе точно и правильно понять автора приводило къ критикѣ,—для этого нужно было не только хорошо изучить языкъ, но и возстановить подлинный текстъ со-

чиненія, дошедшаго въ одной или нѣсколькихъ искаженныхъ рукописяхъ—и гуманисты съ самаго начала движенія занимались этимъ дѣломъ, развивая въ немъ наклонность къ критицизму. Съ этой эпохи ведутъ начало критическія изданія латинскихъ авторовъ и разнообразные комментаріи къ нимъ. Наконецъ, гуманисты впервые предъявили строго-научныя требованія къ переводамъ. Переводы на національный языкъ встрѣчаются рѣдко; но съ самаго начала движенія менѣе доступные греческіе писатели усердно переводятся на латинскій языкъ, причемъ раннимъ переводчикамъ приходилось преодолѣвать своеобразныя трудности. Такъ, средневѣковый латинскій Аристотель былъ не переводомъ, а передѣлкой, приспособленною къ современнымъ богословскимъ понятіямъ, и когда Бруни впервые далъ точный переводъ его сочиненій, то ему пришлось выдержать горячую полемику съ богословами, которые, признавая точность перевода, объявляли, тѣмъ не менѣе, подлиннаго Аристотеля не настоящимъ, такъ что Бруни въ особомъ трактатѣ („De recta iterpretatione“) формулировалъ условія совершеннаго перевода. Гуманистическіе переводчики преслѣдовали еще одну цѣль, весьма характерную для раннихъ періодовъ движенія: стремясь придать наукѣ нравственную санкцію, гуманисты переводили древнихъ авторовъ съ цѣлью назиданія и поэтому особенно останавливались на Плутархѣ, обстоятельно разъясняя въ предисловіи дидактическій элементъ своей работы.

Уже въ чисто-филологическихъ работахъ обнаруживается связь научной дѣятельности гуманистовъ съ ихъ основнымъ настроеніемъ. Этою же связью опредѣляется степень ихъ активнаго интереса къ различнымъ отраслямъ знанія: чѣмъ ближе касается человѣка извѣстная наука, тѣмъ болѣе занимаетъ она гуманистовъ. Поэтому съ самаго начала движенія исторія становится любимымъ предметомъ ихъ научной дѣятельности; но первые гуманисты понимаютъ ее весьма односторонне: исторія для нихъ—аггрегатъ біографій, а ея цѣль—воспитаніе индивидуальныхъ добродѣтелей. Съ этой точки зрѣнія древняя исторія, богатая примѣрами личной доблести, представлялась особенно поучительной; уже Петрарка началъ писать римскую исторію въ біографіяхъ, и послѣдующіе гуманисты шли по его стопамъ. Такое узко-индидуалистическое пониманіе исторіи имѣло и хорошую сторону; интересъ къ біографіи имѣлъ то послѣдствіе, что уже въ XV ст. этотъ отдѣлъ исторіографіи доведенъ до значительнаго совершенства (біографія послѣдняго Висконти, написанная Дечембріо). Вскорѣ взглядъ на исторію расширился, ея цѣль стала пониматься глубже: объектомъ исторіи признаютъ не только отдѣльнаго человѣка, но и государство, а ея назидательность видятъ въ замѣнѣ его политическаго опыта. Предметомъ историческаго изученія становится не только античный міръ, но также средніе вѣка и болѣе близкое прошлое; въ томъ же направленіи дѣйствовало желаніе меценатовъ прославить прошлое своихъ фамилій и своихъ владѣній. Уже въ первой половинѣ XV в. Дечембріо написалъ сочиненіе о римской магистратурѣ, а Бруни—исторію Флоренціи, предпославъ ей спеціальную работу, на греческомъ языкѣ, о флорентійскихъ учрежденіяхъ. Тотъ же авторъ положилъ начало историческимъ мемуарамъ, записавъ современныя ему событія, часто на основаніи непосредственныхъ наблюденій. За этимъ слѣдуетъ продолженіе флорентійской исторіи Бруни, написанное Поджіо, сочиненіе П. П. Верджеріо о Каррарахъ, декады Біондо, первый крестовый походъ Аккольти, исторія папъ Платины, исторія Фердинанда Аррагонскаго Валлы и мн. др. Родоначальникомъ исторической критики

былъ Петрарка, доказавшій подложность одного письма, приписываемаго Цезарю; но у него самого и его ближайшихъ послѣдователей эта критика еще очень элементарна, чаще всего ограничивается простымъ сопоставленіемъ разногласящихъ источниковъ и рѣдко идетъ дальше скептицизма. Уже Бруни дѣлаетъ значительный шагъ впередъ: его письмо о началѣ Мантуи и о происхожденіи Цицерона—чрезвычайно разносторонній анализъ источниковъ. Онъ очистилъ исторію Флоренціи отъ средневѣковыхъ и античныхъ басенъ и считалъ необходимымъ написать новыя біографіи Аристотеля и Цицерона, такъ какъ имѣвшіяся казались пристрастными. Съ этихъ поръ историческія сочиненія гуманистовъ, оставаясь еще долгое время подъ формальнымъ вліяніемъ Ливія и Ѳукидида, заключаютъ уже въ себѣ всѣ элементы новой научной исторіографіи. На юриспруденцію итальянскіе гуманисты имѣли только весьма общее и косвенное вліяніе, и обнаружилось оно значительно позже. Гуманисты непосредственно не интересовались правомъ ни современнымъ, ни римскимъ. Современные юристы казались имъ обыкновенными схоластиками, и съ ними они вели непрерывную и ожесточенную борьбу; къ законамъ вообще, включая сюда и римскіе, они чувствовали пренебреженіе. Тѣмъ не менѣе ихъ философскія работы, ихъ историческіе и философскіе интересы, свойственный имъ критицизмъ, который они особенно изощряли въ полемикѣ съ юристами, въ концѣ концовъ благотворно подѣйствовали на развитіе научной юриспруденціи. Также косвенное, хотя и болѣе непосредственное, вліяніе имѣло гуманистическое движеніе на естественныя науки. Уже первыя гуманисты обнаруживаютъ любовь къ природѣ и почти религіозное благоговѣніе передъ ея красотами, и эта черта проходитъ красною нитью черезъ все движеніе; но оно отразилось прежде всего и сильнѣе всего на искусствѣ и на поэзіи; затѣмъ развившаяся страсть къ путешествіямъ повліяла на развитіе географіи, о которой писали гуманисты уже въ XV вѣкѣ („Описаніе Крита“ Буондельмонти, „Italia illustrata“ Біондо, „Космографія“ Пикколомини). Наконецъ, среди самихъ гуманистовъ появляются натуралисты, какъ А. Б. Альберти. На-ряду съ философіей и наукой, а иногда даже выше ихъ, гуманисты ставили поэзію, въ которой Петрарка и его ближайшіе послѣдователи видѣли моральное назиданіе въ аллегорической формѣ; поэтому всѣ гуманисты называли себя поэтами и весьма многіе изъ нихъ писали стихи. Поэтическія произведенія гуманистовъ распадаются на двѣ категоріи: латинскія, составлявшія по формѣ подражаніе древнимъ, и итальянскія, продолжавшія средневѣковую литературную традицію. Воспроизводя всѣ формулы античной поэзіи, отъ эпоса до драмы, гуманисты влагали въ нихъ новое содержаніе. Такъ, уже Петрарка, воспѣвавшій въ эпической поэмѣ „Африка“ Сципіона Африканскаго, въ эклогахъ изображалъ современную дѣйствительность; позже гуманисты обрабатывали почти исключительно современныя темы; но поэзія по большей части совершенно отсутствуетъ въ ихъ произведеніяхъ, кромѣ музыки. Существеннѣе и важнѣе измѣненія, внесенныя ими въ національную литературу. Петрарка и Боккачіо не только оказали сильное вліяніе на развитіе итальянскаго стихосложенія и прозы, но измѣнили самое отношеніе къ сюжету. Интересъ къ человѣку развилъ наблюдательность къ своей и чужой психической жизни; лирика сдѣлалась точнымъ изображеніемъ внутренняго міра человѣка, а въ произведеніяхъ Боккачіо встрѣчаются первые образцы психологическаго романа. Въ концѣ движенія латинская поэзія постепенно исчезаетъ, и въ произведеніяхъ Тассо и Аріосто итальянская поэзія

по художественности приближается къ античнымъ образцамъ, вполнѣ сохраняя національный характеръ въ формѣ и содержаніи.

Перерабатывая унаслѣдованную культуру въ духѣ новыхъ индивидуальныхъ потребностей, гуманисты не оставались только теоретиками, но и практически проводили въ жизнь свои воззрѣнія. Свѣтскій ученый, кромѣ практическихъ врачей и юристовъ-практиковъ, — исключительное явленіе въ средніе вѣка, и гуманистамъ, порвавшимъ съ монастыремъ, приходилось создавать себѣ новое общественное положеніе. Выходя, по большей части, изъ среднихъ и даже низшихъ классовъ городского населенія, они или принимали духовный санъ, чтобы имѣть какіе-нибудь доходы, оставаясь чисто свѣтскими людьми по жизни и убѣжденіямъ, или добивались университетскихъ каѳедръ, или открывали свои школы, или чаще и охотнѣе всего поступали на службу къ частнымъ лицамъ, къ республиканскимъ правительствамъ, къ государямъ и въ папскую курію. Являясь выразителями назрѣвшихъ общественныхъ потребностей, гуманисты скоро пріобрѣли широкое вліяніе, которымъ они пользовались для распространенія своихъ воззрѣній и вкусовъ. Средствомъ для этого служили публичныя рѣчи, переписка, инвективы. Уже въ XIV ст. развился обычай сопровождать рѣчами дипломатическія сношенія и всѣ болѣе или менѣе важные акты внутренней жизни государства, что заставляло правительства приглашать на службу гуманистовъ. Позже появляется мода произносить рѣчи на домашнихъ торжествахъ, и гуманистъ являлся въ такихъ случаяхъ или почетнымъ гостемъ, или наемнымъ ораторомъ. Гуманистическія рѣчи не только защищали интересы мецената или прославляли его, но служили средствомъ распространенія въ обществѣ новыхъ взглядовъ и новыхъ вкусовъ. Обыкновенно эти образцы краснорѣчія собирались, перечитывались и имѣли значеніе философской, ученой и политической публицистики. Такое же значеніе имѣла гуманистическая эпистолографія. Уже Петрарка при жизни собралъ и издалъ свою частную переписку; его примѣру слѣдовало большинство гуманистовъ. Личныя дѣла, кромѣ самыхъ интимныхъ, не исключались, потому что они могли служить средствомъ самовосхваленія въ благовидной формѣ; но главное содержаніе переписки составляла пропаганда гуманистическихъ воззрѣній,—а иногда письма носятъ характеръ настоящей передовой статьи по политическому вопросу. Чтобы произвести болѣе сильное впечатлѣніе, гуманисты прибѣгали къ инвективѣ, т.-е., къ памфлету, а чаще къ пасквилю. Обыкновенно инвективы писались гуманистами другъ противъ друга; но иногда онѣ выходили за предѣлы личныхъ отношеній. Такъ, Петрарка написалъ инвективу противъ одного французскаго кардинала, противодѣйствовавшаго возвращенію папъ изъ Авиньона въ Римъ; Верджеріо—противъ Малатесты, сбросившаго статую Виргилія, и противъ ростовщиковъ; Поджіо—противъ антипапы Феликса и Базельскаго собора; даже знаменитая критика Дара Константина, написанная Валлою, имѣла характеръ инвективы. Гуманисты создаютъ новый общественный классъ — свѣтскую интеллигенцію, и ихъ рѣчи, письма и инвективы служатъ органами руководимаго ими общественнаго мнѣнія и являются прототипомъ новой публицистики.

Несмотря на блестящій успѣхъ, гуманистическое движеніе не успѣло пріобрѣсти прочной почвы въ Италіи, вслѣдствіе недостатковъ, заключавшихся отчасти въ міросозерцаніи гуманистовъ, отчасти въ ихъ общественномъ положеніи. Совершивъ переворотъ въ воззрѣніяхъ образованнаго общества, гуманизмъ не былъ въ состояніи проникнуть въ массу,

не сохранилъ для интеллигенціи связей съ народомъ, заключающихся въ религіи и патріотизмѣ, и остался безъ твердыхъ корней на поверхности итальянскаго общества. Съ другой стороны, религіозный индифферентизмъ и космополитическія тенденціи не надолго удовлетворили и образованные классы: гуманистамъ не удалось замѣнить средневѣковыхъ религіозно-моральныхъ ученій твердою этикой и прочной философскою доктриной, необходимость въ которыхъ чувствовалась особенно живо въ концѣ XV и въ XVI в., когда Италіи приходилось испытывать тяжесть иноземнаго нашествія, а за Альпами началось могучее религіозное движеніе, нашедшее отголосокъ почти во всей Европѣ. Неустойчивость гуманистической морали рѣзко обнаружилась и на самихъ представителяхъ движенія. Реакція противъ аскетизма во имя потребностей человѣческой природы разнуздывала чувственность и въ практической жизни, и въ поэтическихъ произведеніяхъ, и даже въ моральныхъ теоріяхъ; стремленіе къ славѣ часто извращалось въ необузданное тщеславіе и самохвальство; развращающее положеніе на службѣ у меценатовъ заставляло кривить душой и писать по заказу. Въ силу всего этого гуманистическое движеніе заглохло въ Италіи къ концу XVI в., но созданный имъ культурный переворотъ не ограничился родиной гуманизма, а распространился за Альпы. Движеніе захватило Германію, Англію, Францію, Испанію и даже Польшу, причемъ въ каждой странѣ оно имѣло мѣстныя особенности.

XVIII. Странствующіе греческіе учителя въ Италіи и итальянскіе антикваріи въ эпоху возрожденія.

(По сочиненію Фойхта: «Die Wiederbelebung des classischen Alterthums»).

Несмотря на рвеніе, съ которымъ въ Италіи со времени Петрарки и Боккачіо принялись за изученіе памятниковъ древней литературы, успѣхи этого изученія были очень незначительны, и распространеніе знаній шло медленными шагами. Цѣлое столѣтіе было необходимо, чтобы достигнуть тутъ тѣхъ результатовъ, которые въ наше время могутъ быть достигнуты за одно десятилѣтіе. Средства къ пріобрѣтенію и передачѣ знаній были очень скудны. Тотъ, кто не въ состояніи былъ тратить большихъ суммъ на покупку книгъ, или не имѣлъ возможности брать ихъ у кого-либо изъ либеральныхъ богачей, долженъ былъ довольствоваться однимъ Виргиліемъ да немногими сочиненіями Цицерона и только съ трудомъ могъ увеличить свои сокровища собственноручной перепиской. Старыя руководства по риторикѣ и грамматикѣ стали негодными для употребленія, а новыхъ еще не имѣлось. Постоянное чтеніе одного и того же, заучиваніе наизусть древнихъ образцовъ и упражненія въ подражаніи имъ должны были замѣнять систематическое обученіе и замѣняли, конечно, весьма неудовлетворительно. Правда, кружокъ друзей, образовавшійся вокругъ Петрарки и Боккачіо, былъ очень великъ, но все-таки оказывался незначительнымъ въ сравненіи съ сотнями и тысячами людей, которые искали доступа къ наукѣ и встрѣчали препятствія на каждомъ шагу. Такъ какъ книгопечатаніе съ подвижными буквами еще не было изобрѣтено, то необходимъ былъ другого рода двигатель для распространенія знаній.

За первыми дѣятелями возрожденія послѣдовало новое поколѣніе, именно поколѣніе странствующихъ учителей и передвижныхъ школъ. Подобное же странствованіе учителей и учениковъ предшествовало учрежденію высшихъ учебныхъ заведеній Италіи; и тогда, какъ и теперь, это были преимущественно преподаватели грамматики и риторики, которые переходили изъ города въ городъ въ качествѣ частныхъ учителей. Такимъ образомъ, классическое выраженіе „ludi litterarii" сохранило вполнѣ свое значеніе и для этого времени. Къ стопамъ прославленныхъ учителей стекалась пестрая толпа. Здѣсь были люди разныхъ странъ, разныхъ возрастовъ и сословій; слѣдуя за учителями, переходившими съ одной каѳедры на другую, они странствовали по городамъ, изучая въ одномъ мѣстѣ искусство изящнаго слога или древнюю нравственную философію, въ другомъ—основы греческаго языка, въ третьемъ—слушая толкованія какого-нибудь автора. Эта разносторонность преподаванія, это передвиженіе и соприкосновеніе различныхъ элементовъ—развивали творческія силы слушателей и возбуждали въ нихъ живые и многосторонніе интересы.

Первымъ изъ странствующихъ учителей былъ одинъ изъ ближайшихъ учениковъ Петрарки. Уроженецъ Равенны, бѣдный юноша Джіованни Мальпагино три года жилъ у стараго поэта въ качествѣ переписчика. Прежде всего онъ обратилъ на себя вниманіе Петрарки удивительной памятью, прекраснымъ почеркомъ и способностью къ терпѣливому добросовѣстному труду; съ необыкновеннымъ изяществомъ переписывалъ онъ произведенія своего учителя и вначалѣ отдался горячо этой работѣ. Но изъ покорнаго слуги и ученика Петрарки мало-по-малу выросталъ самобытный ученый; подвижной, безпокойный духъ его сталъ томиться бездѣйствіемъ; онъ не хотѣлъ, не могъ оставаться простымъ писцомъ: кровь застывала въ немъ при мысли, что онъ, юноша полный силы, долженъ вести спокойный, безмятежный образъ жизни мирнаго старика. Онъ сталъ мечтать о Византіи, объ изученіи греческаго языка, о томъ, чтобъ собственнымъ трудомъ создать себѣ громкую будущность, прославить свое имя, отыскать счастье жизни, и рѣшился оставить свой тихій уголокъ. Сообщивъ свои планы старому учителю, юноша рѣзко отвергъ его отеческія увѣщанія и, сильно взволнованный, раздраженный, оставилъ его домъ. Онъ чувствовалъ, что могучая сила влечетъ его къ великой цѣли, а поэтъ обращался съ нимъ, какъ съ юнымъ, несложившимся ученикомъ. Старикъ не отвернулся отъ Джіованни, когда юноша оставилъ его; онъ продолжалъ заботиться о немъ, хотя и сталъ теперь смотрѣть на него, какъ на непостоянную натуру, какъ на буйнаго искателя приключеній. Правда, нужда, лишенія, неудачи скоро привели непокорнаго ученика въ домъ стараго учителя, но миръ продолжался недолго: молодой равеннскій ученый вновь оставилъ уединенный уголокъ, вооружившись лучше прежняго для предстоящей борьбы. Ему хотѣлось изучить жизнь Италіи, хотѣлось ближе узнать людей и, сдѣлавшись учителемъ ихъ, сообщить имъ то, что пріобрѣлъ онъ въ тихіе дни своей уединенной жизни. Сдѣлавшись канцлеромъ при каррарскомъ дворѣ, онъ въ этомъ званіи написалъ два трактата: „о своемъ поступленіи на придворную службу" и „о счастьѣ при дворѣ", написалъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ тяготившаго его чувства стѣсненной свободы. Онъ чувствовалъ, что призванъ странствовать, бросать на пути сѣмена, не выжидая нигдѣ жатвы. Въ Венеціи, въ Падуѣ, во Флоренціи и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ онъ воздвигалъ свои каѳедры.

толкуя Цицерона и лучшихъ римскихъ поэтовъ. Много замѣчательныхъ личностей вышло изъ его школы, много людей, которые своими обширными познаніями и своей дѣятельностью въ школахъ сильно содѣйствовали распространенію образованія въ Италіи. Сочиненія Джіованни Равеннскаго не заслуживаютъ вниманія: онъ въ нихъ не выходилъ изъ тѣсныхъ границъ слѣпого подражанія извѣстнымъ образцамъ, отъ котораго его предупреждалъ еще Петрарка; но онъ умѣлъ, какъ говоритъ одинъ изъ учениковъ его, Леонардо Бруни, „точно одаренный божественной силой", вызвать въ своихъ слушателяхъ страсть къ изученію изящной словесности и возбуждать ихъ къ подражанію безсмертнымъ твореніямъ Цицерона.

Изъ многочисленныхъ учениковъ великаго учителя назовемъ только тѣхъ, которые особенно выдаются своими знаніями и литературными заслугами во Флоренціи—Карло Марзуппини, Поджіо Браччіолини и Леонардо Бруни, три литературныя знаменитости, выступающія впослѣдствіи въ званіи государственныхъ канцлеровъ; Гварино Веронскій и Витторино де-Фельтре, одинъ изъ болѣе извѣстныхъ странствующихъ учителей позднѣйшаго періода, и Франческо Барбаро, даровитѣйшій изъ его венеціанскихъ учениковъ.

При Бонифаціи IX въ Италіи появился византійскій ученый Эммануилъ Хризолорасъ, въ сопровожденіи другаго ученаго, Димитрія Кидонія. Оба они прибыли отъ имени византійскаго императора съ цѣлію испросить помощи у западныхъ народовъ противъ притѣсненій турокъ. Ихъ появленіе сильно взволновало умы во Флоренціи; всѣ взоры устремились на нихъ: теперь, казалось всѣмъ, удастся, наконецъ, при помощи образованныхъ грековъ, овладѣть недоступными сокровищами эллинской литературы.

Два благородныхъ флорентійца, Джіакомо де-Скарпаріо и Робертъ де-Росси, увлеченные жаждой знанія, поспѣшили во Флоренцію. Но когда затѣмъ Хризолорасъ, потерпѣвъ неудачу въ исполненіи возложеннаго на него порученія, возвратился въ Константинополь, Джіакомо послѣдовалъ за нимъ, Росси же возвратился во Флоренцію, успѣвъ уже завязать сношенія съ Хризолорасомъ, и познакомившись, при помощи его, съ основами греческаго языка. Но хотя посольство Хризолораса оказалось въ политическомъ отношеніи безуспѣшно, такъ какъ итальянскіе государи и республики отнеслись къ дѣлу равнодушно, но тѣмъ блестящѣе былъ успѣхъ литературной миссіи, которую оба греческіе ученые приняли на себя не по порученію императора, а по собственному желанію. Хризолорасъ былъ долгое время единственнымъ истинно-ученымъ грекомъ, появившимся на Западѣ; притомъ онъ былъ въ состояніи дать своимъ ученикамъ грамматическую основу, истолковать имъ греческихъ классиковъ, а, главное, онъ могъ объясняться на латинскомъ языкѣ. Кромѣ того, онъ пользовался уже значительною степенью извѣстности. Гварино Веронскій, еще будучи юношей, провелъ пять лѣтъ въ Константинополѣ, чтобы изучить подъ его руководствомъ греческій языкъ. О распространеніи его славы заботился въ особенности Росси, который сумѣлъ возбудить въ лучшихъ изъ своихъ согражданъ сильное желаніе привлечь этого ученаго во Флоренцію. Наиболѣе ревностно взялся за это извѣстный флорентійскій писатель и канцлеръ Салутати; несмотря на свои 65 лѣтъ, онъ съ юношескимъ увлеченіемъ думалъ о возможности научиться теперь греческому языку и греческой философіи. Онъ вспомнилъ при этомъ о Катонѣ, который принялся за греческій языкъ и литературу въ еще бо-

лѣе зрѣлыхъ лѣтахъ. Онъ съ удовольствіемъ мечталъ о томъ, какъ онъ будетъ добиваться отъ своего учителя разрѣшенія занимающихъ его вопросовъ, какъ будутъ смѣяться его сотоварищи при видѣ степеннаго государственнаго канцлера, съ трудомъ выговаривающаго греческія слова. Онъ просилъ своего друга Джіакомо де-Скарпаріо, который находился въ то время въ Константинополѣ, возвратиться оттуда не иначе, какъ нагруженнымъ греческими книгами, онъ поручилъ ему купить всѣ историческія сочиненія, въ особенности Плутарха, всѣ поэтическія произведенія, особенно произведенія Гомера, четко написанныя на пергаментѣ, а также и словарей. Рядомъ съ Солутати, которому, впрочемъ, не пришлось уже воспользоваться уроками ожидаемаго учителя, особенно усердно хлопотали о призваніи Хризолораса во Флоренцію Палло де-Строцци и Николо Николи.

Въ 1396 году послано было Хризолорасу оффиціальное приглашеніе. Ему назначили, какъ учителю греческаго языка, содержаніе въ 150 золотыхъ гульденовъ, которое было потомъ увеличено до 250 И какихъ учениковъ видѣлъ Хризолорасъ ежедневно у своихъ ногъ? Почти всѣ они были прежде слушателями Джіованни Равеннскаго, а теперь подъ его руководствомъ принялись изучать греческій языкъ съ начальныхъ элементовъ. Здѣсь были Палло-де-Строцци и престарѣлый Робертъ де-Росси, какъ представители флорентинскаго дворянства; затѣмъ 18-ти лѣтній Поджіо, Леонардо Бруни и нѣкоторые другіе. Бруни передъ этимъ уже въ продолженіе четырехъ лѣтъ изучалъ гражданское право; но его уже давно привлекало также и изученіе греческой литературы и ея стилистики. Прибытіе ученыхъ грековъ возбудило въ немъ сильное колебаніе, побуждая его избрать ту или другую спеціальность. Но онъ разсудилъ такъ: „Теперь тебѣ можно бы было познакомиться съ Гомеромъ, Платономъ, Демосѳеномъ и со всѣми философами и ораторами, о которыхъ разсказываютъ такъ много удивительнаго. Упустишь ли ты этотъ случай? Въ продолженіе 700 лѣтъ никто въ Италіи не зналъ греческаго языка, и все-таки мы признаемъ, что греки положили начало наукѣ. Докторовъ по гражданскому праву достаточно, этому ты всегда можешь научиться; но здѣсь есть теперь учитель греческаго языка, онъ единственный у насъ“. Окончательное рѣшеніе было принято: въ продолженіе двухъ лѣтъ слушалъ Бруни ученаго грека; то, что онъ выучивалъ въ продолженіе дня, бродило въ его головѣ, говоритъ онъ, и ночью, во время сна. Вотъ образчикъ того рвенія, съ которымъ предавались съ тѣхъ поръ изученію греческаго языка. Въ нѣсколько десятилѣтій дѣло дошло до того, что даже на отличнаго латиниста смотрѣли, какъ на полу-ученаго, если онъ не зналъ греческаго языка. Хризолорасъ явился въ Римъ и открылъ здѣсь школу, какъ это онъ дѣлалъ во Флоренціи, Падуѣ, Миланѣ и Венеціи. Послѣ перерыва нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ имъ на родинѣ, онъ снова явился въ Италію и отправился въ Констанцъ. Но здѣсь онъ умеръ въ апрѣлѣ 1415 года. Его слава и уваженіе къ нему современниковъ все болѣе обнаруживались и послѣ его смерти; его многочисленные ученики признавали всегда его достоинства, хотя новое поколѣніе и считало его ниже себя по отношенію къ изяществу стиля. Уже прошло 40 лѣтъ послѣ его смерти, когда его наиболѣе ревностному ученику Гварино, тогда уже 83-хъ лѣтнему старцу, пришла въ голову мысль поставить литературный памятникъ „божественному, мудрѣйшему философу, своему любимому учителю“, заслуга котораго въ дѣлѣ распространенія классической науки въ Италіи неоцѣ-

нима. Онъ принялся собирать разсѣянныя письма Хризолораса въ одинъ томъ и обратился къ Поджіо, единственному еще оставшемуся ученику „старой школы", съ просьбою содѣйствовать ему въ осуществленіи этой мысли. Даже во время Льва X, когда латинское образованіе стояло наравнѣ съ греческимъ, сохранились еще самыя живыя воспоминанія о первомъ достойномъ учителѣ греческаго языка. Послѣ такого блестящаго начала въ изученіи древне-классической литературы, какое мы видимъ въ результатахъ дѣятельности Хризолораса и другихъ первыхъ учителей, переходившихъ съ мѣста на мѣсто и возбуждавшихъ своимъ рвеніемъ страсть къ изученію классиковъ въ сотняхъ людей, понятно, что ученики этихъ учителей, въ свою очередь, открывали школы, способствуя такимъ образомъ распространенію классицизма. Кромѣ того, и грековъ все болѣе и болѣе пріѣзжало въ Италію, а молодые итальянскіе гуманисты, отправлявшіеся доканчивать свое образованіе въ Константинополь, возвращались оттуда къ своимъ соотечественникамъ съ вновь пріобрѣтенными знаніями греческаго языка и съ новыми памятниками древней литературы.

Въ XV столѣтіи начинается такая кипучая дѣятельность въ литературномъ мірѣ, подобную которой въ наше время мы можемъ замѣтить только въ мірѣ промышленномъ. Сигналъ, поданный Петраркою, находитъ сотни и тысячи отголосковъ. Повсюду начинаютъ разыскивать древнія рукописи, даже въ чужихъ краяхъ; ихъ сравниваютъ и исправляютъ, списываютъ и распространяютъ. Скромный ученый не работаетъ болѣе въ тиши уединенія, а тотчасъ же вступаетъ со своими открытіями и твореніями на публично-литературное поприще. Открываются каѳедры съ спеціальною цѣлью изученія древностей и классическихъ языковъ. Въ республикахъ и при дворахъ гуманисты играютъ важную роль и получаютъ здѣсь приличный окладъ жалованья. Они становятся прославленными героями вѣка. Они представляютъ собой тѣсно сплоченный, по своимъ внутреннимъ интересамъ, кружокъ, имѣющій, однако, множество развѣтвленій; они составляютъ какъ-бы ученую республику, доступъ къ которой открываютъ только талантъ и прилежаніе, новое сословіе, свободное отъ всякаго кастоваго ограниченія, независимое и въ то же время высоко чтимое сильными міра сего. Всѣ помыслы и интересы этихъ людей были сосредоточены на древнемъ мірѣ: его литературныя произведенія, медали, статуи и камни собираются ими и почитаются, какъ святыни; его дворцы, цирки, храмы и надгробные памятники получаютъ для нихъ значеніе какъ-бы живого слова, живыхъ свидѣтелей прошлаго. Какъ только это одушевленіе возгорѣлось и сдѣланъ былъ первый приступъ, явилось прежде всего, какъ у Петрарки, желаніе спасти тѣ остатки древности, которые еще сохранились. Стали много думать и разсуждать о томъ, какъ бы очистить ту ржавчину, которую время наложило на памятники древности. Книги, хранившіяся въ монастыряхъ, даже внѣ Италіи, казались осужденными на погибель варварствомъ ихъ хранителей. Ихъ надо было или похитить, или переписать. Хотя опасенія и рвеніе ищущихъ отчасти и преувеличивали опасность, въ общемъ, ими все-таки руководилъ вѣрный инстинктъ; опытъ, доказавшій, что многое изъ неоцѣненнѣйшихъ произведеній римской литературы пропало безвозвратно, научилъ ихъ, что нужно производить изысканія поспѣшно и осторожно. Боккачіо любилъ разсказывать о томъ, что случилось съ нимъ у бенедиктинцевъ въ Монте-Кассино. Желая осмотрѣть ихъ библіотеку, онъ обратился къ одному изъ монаховъ съ просьбою ее отпереть. Тотъ сухо указалъ ему на крутую лѣстницу: „иди наверхъ, она открыта", сказалъ онъ. И дѣйстви-

тельно, библіотека не была защищена ни замками, ни даже дверьми. Боккачіо съ жаромъ принимается за осмотръ рукописей, но, о ужасъ! видитъ, что у нѣкоторыхъ изъ нихъ отрѣзаны края, у другихъ недостаетъ цѣлыхъ листовъ и, кромѣ того, всякія другія поврежденія. Плача съ досады, сходитъ онъ внизъ и спрашиваетъ перваго встрѣтившагося монаха, почему съ этими сокровищами обходятся такъ небрежно. Монахъ отвѣчаетъ, что нѣкоторые изъ его братій употребляли вырванный и вырѣзанный пергаментъ на молитвенники и псалтыри, которые они потомъ продавали за 2 или 3 солида женщинамъ и дѣтямъ. Если это могло произойти въ разсадникѣ просвѣщенія, какимъ считался этотъ монастырь, то чего же было ожидать отъ другихъ?—Именно тѣ юноши и мужи, которые были слушателями Джіованни Равенскаго и Хризолораса, продолжали дѣло розысканій съ неутомимымъ рвеніемъ и насладились торжествомъ счастливо достигнутаго результата. Литературныя сокровища, хранившіяся въ Италіи, были вскорѣ раскрыты. Розысканію этихъ сокровищъ въ другихъ странахъ содѣйствовалъ Констанцскій соборъ, такъ же какъ и Базельскій много способствовалъ соприкосновенію различныхъ націй. Нерѣдко легаты и нунціи римской куріи, представители духовнаго и монашескаго сословія, являлись, вмѣстѣ съ тѣмъ, піонерами литературы. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ кардиналы Бронда и Цезарини, были достаточно образованы для того, чтобы заниматься розысканіемъ древнихъ произведеній даже въ монастырскихъ библіотекахъ Германіи; другіе имѣли въ числѣ своихъ духовныхъ братьевъ секретарей-гуманистовъ. Во время Базельскаго собора легаты, какъ напримѣръ, Цезарини и Альбергати, занимались, кромѣ церковныхъ и политическихъ дѣлъ, также и книжнымъ дѣломъ.

Въ этой дѣятельности особенную славу стяжалъ Поджіо Браччіолини. Онъ пріѣхалъ на Констанцскій соборъ въ качествѣ папскаго секретаря, но внутренно смѣялся, слушая, какъ ученые прелаты и доктора вдавались въ безконечныя разсужденія и споры по поводу раскола или гуситской ереси. Ихъ рѣчи представлялись ему устарѣлыми и безсмысленными. Онъ предпочелъ совершенно отстраниться отъ нихъ и, поощряемый письмами своихъ флорентійскихъ и венеціанскихъ друзей, предался своей литературной миссіи, нисколько не заботясь ни о церковныхъ дѣлахъ, ни о своей должности. Покровительство нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ духовныхъ особъ открыло ему доступъ въ библіотеки близлежавшихъ монастырей. Суровая зима и занесенныя снѣгомъ дороги не остановили его. Первая поѣздка его была направлена въ бенедиктинскіе монастыри Рейхенау и Вейнгартенъ, откуда во время Констанцскаго собора было вывезено много прекрасныхъ рукописей, которыя были отданы во временное пользованіе ученыхъ отцовъ, но ужъ не были ими возвращены. Но только въ Сен-Галленѣ получилъ онъ блестящую награду за свои труды. Мрачными красками описываетъ онъ состояніе этой богатой библіотеки, до сихъ поръ еще пользующейся извѣстностью. Книги, говоритъ онъ, лежали въ темной комнатѣ башни, въ которую не посадили бы и преступника; онѣ были въ страшномъ безпорядкѣ, валялись въ мусорѣ, покрытыя толстымъ слоемъ пыли. Никто не заботился объ этихъ драгоцѣнныхъ памятникахъ литературы, которые истлѣвали здѣсь въ темнотѣ. Поэтому Поджіо не иначе говоритъ о нѣмцахъ, какъ о варварахъ, и о монастырскихъ библіотекахъ ихъ, какъ о темницахъ. Съ этой точки зрѣнія, онъ считалъ своимъ долгомъ похитить нѣкоторыя изъ этихъ „благородныхъ заключенныхъ“, гдѣ это было возможно, и возвратить ихъ отечеству по ту сторону Альпъ.

Важное значеніе его открытій оправдываетъ тотъ торжествующій тонъ, съ какимъ онъ возвѣщаетъ о нихъ. Сперва онъ нашелъ „Институціи Квинтиліана“, хотя и не въ полномъ экземплярѣ. До того времени писатель этотъ былъ извѣстенъ въ самомъ неполномъ видѣ. Петрарка нашелъ въ 1350 г. во Флоренціи дурно составленный и искаженный экземпляръ рукописи, который хотя и давалъ понятіе о значеніи этого учителя римскаго краснорѣчія, но не давалъ возможности его изучить. И вдругъ во Флоренціи появляется изящно переписанный рукою Поджіо экземпляръ, работа, на которую Поджіо потратилъ 32 дня, и Бруни, по сличенію его съ имѣвшеюся уже рукописью, находитъ возможнымъ возстановить цѣлое сочиненіе Квинтиліана, вполнѣ годное для чтенія и изученія его. Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ произведеній, которыхъ до тѣхъ поръ въ Италіи совсѣмъ не знали, и даже названія которыхъ пропали-бы безслѣдно, если бы, по призыву Поджіо, они не воскресли изъ своихъ пыльныхъ и заплѣснѣвѣвшихъ гробовъ, чтобы снова вступить въ страну, чей языкъ они настолько совершенствовали и обогащали. Только теперь усердіе монаховъ IX ст. стало плодотворнымъ для міра. Изъ нѣмецкихъ и французскихъ монастырей снова появились на свѣтъ древніе поэты, какъ Лукрецій Каръ, въ поэтической формѣ поучающій „о природѣ вещей“, хотя изъ его произведеній нашлись только отрывки. Сочиненія Витрувія объ архитектурѣ и Колумеллы о сельскомъ хозяйствѣ увеличили число древнихъ литературныхъ памятниковъ.

На исторію императорскаго періода пролитъ былъ отчасти свѣтъ Амміаномъ Марцеллиномъ, сочиненія котораго Поджіо нашелъ, правда, въ томъ же не полномъ видѣ, въ какомъ мы и теперь ихъ имѣемъ. Николи тотчасъ же списалъ собственноручно эти книги, также какъ и произведенія Лукреція и Колумеллы; его списки находятся еще и теперь въ Лаврентійской библіотекѣ. Въ монастырѣ Клюнийскомъ въ Лангрѣ попала въ руки Поджіо рѣчь Цицерона, которой въ Италіи еще не имѣли, именно рѣчь за Цецину. Впослѣдствіи онъ нашелъ еще семь другихъ рѣчей Цицерона во время своихъ путешествій. Если вспомнить то почитаніе, которымъ пользовался Цицеронъ со временъ Петрарки, то энтузіазмъ, съ какимъ были приняты флорентійскимъ міромъ посланныя Поджіемъ рукописи и похищенные кодексы, будетъ вполнѣ понятенъ. Изъ собранія писемъ Амброджіо Траверсарія видно, какъ ревностно предавались въ Италіи распространенію, перепискѣ и собиранію этихъ рукописей. Вскорѣ возникъ вопросъ о денежной поддержкѣ для путешествующихъ съ цѣлью литературныхъ изысканій, такъ какъ пріобрѣтеніе найденныхъ произведеній часто возможно было только при посредствѣ подкупа и обмана. Поджіо велъ однажды такимъ образомъ переговоры съ однимъ герсфельдскимъ монахомъ, находившимся въ безденежьи; послѣдній долженъ былъ похитить изъ своего монастыря и доставить въ Нюрнбергъ по одному экземпляру Амміана Марцеллина и Ливія и одинъ томъ рѣчей Цицерона. Позаботиться же о дальнѣйшей доставкѣ похищенныхъ сочиненій и вознаградить похитителя Поджіо бралъ уже на себя. Когда нельзя было воспользоваться денежною помощью Козимо Медичи для литературныхъ предпріятій, а флорентійскіе друзья, сами по себѣ бѣдные, не въ состояніи были помочь, Поджіо имѣлъ возможность обратиться въ Венецію, къ содѣйствію двухъ богатыхъ меценатовъ, Леонардо Джустиніани и Франчески Барбаро. Послѣдній часто подстрекалъ Поджіо къ дальнѣйшимъ поискамъ и изслѣдованіямъ. „Ты, кажется, рожденъ для того, чтобы найти еще произведенія Цицерона о госу-

дарствѣ, римскія древности Варрона и Катона, исторію Рима Саллюстія и потерянныя декады Ливія“. Подобнымъ же образомъ побуждалъ его и Леонардо Бруни: „Если твой трудъ и прилежаніе возвратятъ нашему вѣку уже потерянныя и осужденныя на погибель рукописи тѣхъ славныхъ мужей, то это, поистинѣ, доставитъ тебѣ славу. Камилла называли вторымъ основателемъ Рима, тебя же назовутъ вторымъ авторомъ найденныхъ сочиненій“. Судьба привела Поджіо на нѣкоторое время въ Англію, но тамъ его поиски были безуспѣшны; съ тѣхъ поръ онъ уже не покидалъ болѣе Италіи. Съ радостью и гордостью смотрѣлъ онъ въ старости на авторовъ, „возвращенныхъ имъ латинскому міру“.

Въ немъ навсегда сохранился къ этому дѣлу живѣйшій интересъ, хотя и пришлось испытать нѣсколько разочарованій. Однажды услышалъ онъ отъ своего португальскаго друга Веласкеса, что въ бенедиктинскомъ монастырѣ въ Алькабасѣ находятся различныя классическія произведенія, между прочимъ, „Аттическія ночи“ Авла Геллія въ полномъ экземплярѣ. Тотчасъ же обратился онъ къ одному португальскому епископу съ просьбою тщательно заняться розысканіемъ и составить списокъ всѣхъ такъ называемыхъ „языческихъ книгъ“. При этомъ онъ писалъ, что особенно желательно получить потерянныя сочиненія Цицерона и Ливія. Но прежде всего онъ просилъ его какъ можно точнѣе переписать сочиненія Авла Геллія, не пропуская, какъ это обыкновенно дѣлалось, греческихъ цитатъ; въ благодарность за это онъ обѣщалъ епископу содѣйствовать распространенію его славы. Но епископъ, кажется, не заботился о такого рода славѣ. Въ другой разъ Поджіо былъ обнадеженъ однимъ нѣмецкимъ монахомъ изъ Трира тѣмъ, что потерянныя части исторіи Тацита могутъ быть исторгнуты изъ пыли и забвенія. Этотъ нѣмецъ говорилъ также съ большою увѣренностью о какомъ-то историческомъ произведеніи Плинія, въ которомъ разсказывалось о войнѣ римлянъ противъ германцевъ, и о сочиненіи Цицерона „О государствѣ“. Но Поджіо обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Поэтому онъ и не хотѣлъ вѣрить въ существованіе произведеній Тацита и довольно равнодушно отнесся къ этому извѣстію. Но тѣмъ не менѣе извѣстіе было не безъ основанія: во время Льва X манускриптъ, содержавшій пять историческихъ книгъ, которыя считались невозвратно потерянными, былъ привезенъ изъ Германіи и помѣщенъ въ Лаврентійской библіотекѣ. Въ другой разъ Поджіо возимѣлъ надежду, что недостающія декады Ливія могутъ быть найдены, и на этотъ разъ на дальнемъ сѣверѣ. При куріи папы Мартина V находился одинъ датчанинъ, который въ присутствіи Поджіо, кардинала Орсини и нѣкоторыхъ другихъ клялся, что онъ видѣлъ въ одномъ цистеріанскомъ монастырѣ въ Зеландіи два или три фоліанта, въ которыхъ, судя по надписи на одномъ изъ нихъ, содержатся всѣ 10 декадъ Ливія. Онъ увѣрялъ, что читалъ даже нѣкоторые отрывки изъ нихъ. Датчанинъ хотя и оказался легкомысленнымъ болтуномъ, но выдалъ себя за такого знатока, что можно было повѣрить его пониманію въ этомъ дѣлѣ, и не было никакого основанія видѣть въ этомъ открытую безсовѣстную ложь. Кардиналъ Орсини хотѣлъ-было, по совѣту Поджіо, тотчасъ отправить посланнаго въ Зеландію для разъясненія этого дѣла; онъ обратился также къ содѣйствію Николи. Побуждаемый послѣднимъ, Козимо Медичи поручилъ своему агенту въ Любекѣ тотчасъ отправиться въ указанное мѣсто и разслѣдовать дѣло. Но означенныхъ книгъ въ монастырѣ не оказалось, хотя впослѣдствіи новый свидѣтель подтвердилъ показаніе датчанина. Потомъ указанъ былъ другой монастырь на сѣверѣ,

и здѣсь, по настоянію Поджіо, произведено было розысканіе, но также напрасно.

Для насъ понятно, конечно, что послѣ нѣсколькихъ такихъ опытовъ высокіе покровители, поддерживавшіе эти изысканія, уже не такъ охотно выдавали деньги для этой цѣли; но все-таки мы находимъ естественнымъ, что Поджіо жалуется на князей и епископовъ, у которыхъ только деньги и пышная обстановка на умѣ, которые охотнѣе проводятъ дни въ войнахъ и пирахъ, чѣмъ въ заботахъ объ освобожденіи изъ темницъ варваровъ (т. е. нѣмецкихъ монастырей) тѣхъ писателей, которыхъ мудрость и ученость ведутъ насъ къ истинному счастію и блаженной жизни. Ему казалось, что вся вселенная должна быть поражена радостнымъ удивленіемъ при его открытіяхъ; между тѣмъ, подобно людямъ, открывавшимъ землю, онъ постоянно наталкивался на холодность, мелочность, денежные разсчеты.

Выше мы назвали тѣ произведенія Цицерона, которыя въ продолженіе среднихъ вѣковъ никогда не приходили вполнѣ въ забвеніе. Этому содѣйствовалъ Петрарка, нашедшій письма и часть рѣчей его, сборникъ которыхъ значительно пополнилъ Поджіо. Какія перемѣны произошли подъ вліяніемъ этихъ писемъ и рѣчей въ литературѣ того времени, доказываютъ не только многочисленныя подражанія имъ, но и вообще цицеронизмъ, который, по прошествіи цѣлыхъ столѣтій, былъ еще лозунгомъ гуманистовъ и болѣе всего былъ примѣняемъ въ риторическомъ и эпистолярномъ стилѣ. Всякое новое произведеніе Цицерона, выведенное на свѣтъ какимъ бы то ни было случаемъ, было привѣтствуемо, какъ новое евангеліе. Леонардо Бруни былъ очень счастливъ, когда во время его пребыванія въ Пистойѣ былъ найденъ старый сборникъ писемъ Цицерона. Хотя онъ не содержалъ даже всѣхъ извѣстныхъ уже въ то время писемъ, но онъ былъ полезенъ для сравненія и исправленія ихъ текста. Потомъ случайно найденъ былъ однимъ епископомъ въ древнемъ соборномъ храмѣ въ Лоди очень древній сборникъ цицероновскихъ сочиненій, состоявшихъ изъ многихъ частей. Въ немъ заключалось, кромѣ двухъ уже ранѣе извѣстныхъ риторическихъ сочиненій, еще три полныхъ книги „Объ ораторѣ", „Брутъ" или „О знаменитыхъ ораторахъ" и „Ораторъ", произведеніе, посвященное Бруту. Между тѣмъ, до того времени извѣстны были только искаженные отрывки сочиненія „Объ ораторѣ", надъ которымъ Гаспарино упражнялся въ своемъ искусствѣ возстановлять и дополнять текстъ. Теперь же лодійскій сборникъ съ своею древнею рукописью оказался книгою о семи печатяхъ, предъ которою итальянскіе ученые останавливались въ безмолвномъ удивленіи, не смѣя приняться за нее до тѣхъ поръ, пока опытный дипломатъ Козьма Кремонскій не разобралъ книги „Объ ораторѣ" и затѣмъ во множествѣ копій не распространилъ ее по Италіи, гдѣ ее повсюду принимали съ истиннымъ тріумфомъ. Гаспарино имѣлъ честь получить первый списокъ. Молодой Флавій Біандо изъ Форли, пріѣхавшій по дѣламъ своего родного города въ Миланъ, съ необыкновеннымъ жаромъ и быстротой, какъ онъ самъ говоритъ, списалъ „Брута"; онъ послалъ его сперва Гварино Веронскому, потомъ въ Венецію Леонардо Джустиніани, и вскорѣ экземпляры этого произведенія разошлись по всей Италіи. Нельзя почти назвать преувеличеніемъ мнѣніе Біандо, что съ распространеніемъ означенныхъ сочиненій Цицерона, этого „источника питанія велерѣчія", начинается новая литературная эра. Великія открытія въ области римской литературы были завершены достойнымъ образомъ, по крайней

мѣрѣ, для этого столѣтія. То, что было еще найдено потомъ, является жалкими остатками. Теперь могли уже начаться усвоеніе, распространеніе и обработка собраннаго матеріала. Сверхъ того, возвратились еще тѣ итальянцы, которые отправились въ Византію, чтобы почерпнуть греческой мудрости изъ самаго ея источника и пріобрѣсти греческія рукописи. Они привезли богатыя сокровища. Правда, Гварино потерялъ на морѣ часть своихъ греческихъ сборниковъ. Впослѣдствіи разсказывали, что его волоса посѣдѣли отъ этого горя. Ауриспа же привезъ, возвращаясь изъ Византіи въ 1425 г., коллекцію изъ 238 греческихъ рукописей, заключавшихъ только языческихъ авторовъ, такъ какъ о нихъ греки не заботились, тогда какъ на похищеніе священныхъ книгъ они жаловались императору. Между языческими книгами были, напримѣръ, произведенія Платона, Ксенофонта, Арріана, Діона Кассія, Діодора, Страбона и Лукіана. Также и Франческо Фидельфо, возвращаясь въ 1427 г. въ Венецію, привезъ нѣсколько ящиковъ книгъ. Правда, знаніе греческаго языка, необходимое для чтенія такихъ книгъ, было достояніемъ только немногихъ счастливцевъ; но переводы сдѣлали вскорѣ доступнымъ новый матеріалъ и для латинскаго міра, и все яснѣе и лучезарнѣе выступалъ древній міръ изъ покрывавшаго его прежде мрака.

Подобно древнимъ сочиненіямъ, развалины, статуи, надписи, медали и монеты древняго времени также снова получили теперь значеніе. Недвижимые памятники древности стояли отнынѣ, какъ неприкосновенная святыня, подъ охраною національнаго чувства; движимыя же сокровища древности были мало-по-малу собраны въ кабинетахъ и галлереяхъ. И здѣсь также ревностное стремленіе къ сохраненію и собиранію уцѣлѣвшаго отъ древности предшествовало пониманію его, и какъ Поджіо явился какъ-бы духомъ, роющимся по пыльнымъ монастырскимъ библіотекамъ, такъ и древніе памятники имѣли своего удивительнаго изслѣдователя, странствовавшаго изъ страны въ страну для открытій, въ лицѣ гражданина Анконы, Чиріако де-Пиццикolли. Въ этомъ ученомъ туристѣ явились какъ-бы олицетворенными и безпокойная жажда знаній, и неутомимое разыскиваніе и изслѣдованіе, и торжество при нахожденіи, и тщеславіе, и легкомысліе, и хвастливость, словомъ все, что придало литературной дѣятельности этого періода и блескъ молодости, и недостатки ея. Вообразите себѣ гуманиста того времени, читающаго и пишущаго, при слабосвѣтящейся лампѣ, съ возрастающимъ удовольствіемъ листъ за листомъ, книгу за книгой, торопливо переходящаго отъ одного драгоцѣннаго пріобрѣтенія къ другому; представьте себѣ, какъ его фантазія словно въ чудномъ снѣ переносится на эллинскій востокъ и далѣе по всему театру античной жизни, и вы представите себѣ живо то, что именно побуждало нашего анконійца, вѣчно готоваго въ путь, переходить отъ одного освященнаго исторической жизнію мѣста къ другому. Всякое мѣсто, гдѣ только можно было отыскать, или хотя бы только предполагать слѣды древности, было для него святой землей. О, еслибъ это былъ человѣкъ съ яснымъ умомъ и основательной эрудиціей! А то въ латинскомъ и греческомъ языкахъ онъ былъ самоучкой, и хотя свѣдѣнія его были довольно обширны, но они были такъ же перемѣшаны и запутаны, какъ и его жизнь. Сначала онъ, какъ кажется, странствовалъ въ качествѣ купца и авантюриста, потомъ въ качествѣ ученаго собирателя. Какъ путешественникъ по профессіи, находившійся при этомъ въ различныхъ сношеніяхъ съ венеціанскими и генуэзскими купцами, онъ умѣлъ всюду проложить себѣ дорогу. Три или четыре раза былъ онъ въ

Греціи, и гдѣ только ни перебывалъ онъ: и въ Византіи, и въ Мореѣ, и на Родосѣ, и на Критѣ, и на Кипрѣ, и на островахъ Архипелага. Онъ доходилъ до Бейрута и Дамаска и дважды посѣтилъ египетскую Александрію. Но мысли его устремлены были къ стовратнымъ Ѳивамъ, къ Персіи и Индіи; затѣмъ является у него новый планъ добраться до Эѳіопіи, до оракула Аммонскаго и даже до Атласскихъ горъ. Все землевѣдѣніе древнихъ и новыхъ временъ носилось передъ нимъ мысленно, словно во снѣ. Даже по возвращеніи его въ Италію мы видимъ его объѣзжающимъ ее вдоль и поперекъ.

XIX. Франческо Петрарка.

(Изъ соч. Р. Зайчика: „Люди и искусство итальянскаго возрожденія". Переводъ съ нѣм. Е. Герстфельда. Спб. 1906 г.).

Въ Петраркѣ воплотились новыя противорѣчія жизни полусвѣтскаго, полудуховнаго лица. Новыя силы народились въ его душѣ и сочетались своеобразнымъ образомъ. Онъ уже обладаетъ рѣдкою всесторонностью интересовъ и стремленій и сильно развитою впечатлительностью. Въ болѣе ранніе періоды среднихъ вѣковъ, преобладающею чертой духовнаго облика человѣка были сосредоточенное вниманіе къ внутренней жизни и созерцательность; въ Петраркѣ-же ясно обнаруживались новыя духовныя стремленія, если не сильно выраженныя, то тѣмъ болѣе многочисленныя и разнообразныя.

Стремленіе къ свѣту — выдающаяся черта его характера, внутренняя потребность его. То, что онъ переживаетъ, уже очень сложно. Природа манитъ его, какъ молчаливая тайна: онъ уже не считаетъ ее полнымъ отрицаніемъ духа,—она скорѣе представляется ему неизсякаемой творческой силой.

Онъ обладалъ чуткимъ пониманіемъ таинственной жизни природы при свѣтѣ и во мракѣ. Дремучій лѣсъ не пугалъ его. Высокія горы имѣли для него особенную притягательную силу. Еще когда онъ былъ мальчикомъ и посѣщалъ школу въ Карпентрасѣ, гораВанту (Ventoux) привлекала его, какъ неразгаданная тайна. Болѣе всего восхищался онъ красотою природы Прованса и прелестью итальянскихъ ландшафтовъ. Онъ любилъ полное уединеніе и описывалъ жизнь въ деревнѣ съ истинно поэтическимъ восторгомъ. Журчаніе ручьевъ, тѣни, падающія отъ нависшихъ скалъ, рѣчка, протекающая по лугу, все это производило на него глубокое впечатлѣніе и какъ-бы говорило его сердцу. Въ первые годы зрѣлаго возраста онъ цѣлыми годами жилъ въ Воклюзѣ, совсѣмъ уединенномъ мѣстечкѣ Прованса; онъ довольствовался простою крестьянской избою, которую мало по малу передѣлалъ въ удобную дачу, окруженную садомъ. Здѣсь создалъ онъ большинство своихъ произведеній: началъ „Африку", написалъ значительную часть своихъ писемъ въ прозѣ и поэтическихъ посланій, почти всѣ свои „Bucolica" и значительную часть „Canzoniere".

Но въ то-же время въ душѣ Петрарки жила потребность воспринимать все новыя и новыя впечатлѣнія. Онъ часто смѣнялъ одиночество пребываніемъ среди многочисленнаго общества, тихую спокойную жизнь

въ деревнѣ — шумомъ и суетой столицы. Онъ самъ, однажды, указалъ на это противорѣчіе: „Среди шума и суеты городской жизни, меня непреодолимо влечетъ въ деревенскую тишину. Когда я чувствую на себѣ оковы, меня манитъ свобода, когда я усиленно занятъ и дѣятеленъ, мнѣ хочется досуга и покоя“. Внутреннее безпокойство, проистекавшее изъ двойственности его природы, влекло за собою приливъ и отливъ настроеній. Онъ постоянно искалъ новыхъ условій жизни, новыхъ людей и безпрестанно мѣнялъ мѣсто своего пребыванія. Страсть къ скитанію всю жизнь была свойственна ему. Онъ перебывалъ во время своихъ путешествій въ различныхъ мѣстностяхъ Италіи, на берегахъ Испаніи, въ Германіи, Богеміи, Нидерландахъ и даже въ Англіи. Городъ не представлялся ему мертвымъ понятіемъ, онъ приступалъ къ его изученію съ интересомъ и глубокою любознательностью, какъ подходятъ къ живому человѣку. Гентъ, Люттихъ, Пахенъ, Парижъ оставили ему совершенно опредѣленныя впечатлѣнія. „Я внимательно изучалъ нравы чужихъ народовъ, и мнѣ доставляло огромное удовольствіе видѣть новыя, незнакомыя мнѣ мѣстности; я сравнивалъ то и другое съ тѣмъ, что было знакомо мнѣ“,—писалъ онъ во время путешествія кардиналу Джіованни Колонно.

Въ характерѣ Петрарки обнаруживалось рѣзкое противорѣчіе между высокими и низкими стремленіями и желаніями. Средневѣковый идеализмъ оставилъ въ немъ глубокую аскетическую черту, которая, однако, не могла одержать верхъ надъ всею природою его. Въ юности онъ одно время принималъ участіе во всѣхъ свѣтскихъ удовольствіяхъ и развлеченіяхъ: онъ старался, въ то время, внѣшностью походить на современныхъ ему свѣтскихъ денди, очень дорожилъ изящною обувью и покроемъ платья по послѣдней модѣ.

Бурный періодъ жизни Петрарки начался, когда онъ двадцатилѣтнимъ юношей бросилъ, наконецъ, послѣ семилѣтняго изученія, противъ собственнаго желанія и единственно уступая отцу, юридическія науки въ Монпелье и Болоньи, и сейчасъ-же послѣ смерти послѣдняго вмѣстѣ съ братомъ своимъ Джерардо, переѣхалъ въ папскую столицу Авиньонъ, гдѣ велъ вполнѣ свободную жизнь, несвязанную никакой опредѣленною дѣятельностью. Такъ какъ оставленное отцомъ наслѣдство было очень незначительно, Франческо былъ принужденъ стать клирикомъ и получить первое посвященіе. Авиньонъ былъ въ то время міровымъ городомъ, въ которомъ господствовалъ космополитическій духъ; выдающіяся личности и ученые всѣхъ странъ собирались сюда, гдѣ еще живы были воспоминанія о веселой средневѣковой поэзіи провансальцевъ. Въ Авиньонѣ Петрарка вскорѣ пріобрѣлъ вліятельныхъ друзей въ лицѣ членовъ римской фамиліи Колонна.

Открытый, живой и воспріимчивый нравъ молодого человѣка долженъ былъ производить сильное впечатлѣніе на всѣхъ окружавшихъ его и имѣть большую притягательную силу для болѣе близкаго кружка друзей и знакомыхъ. Къ этому присоединялась обаятельность обхожденія и наружности—черты лица его были красивы; темные, блестящіе глаза его свѣтились жизнью, весь его темпераментъ производилъ впечатлѣніе бьющихъ черезъ край жизненныхъ силъ.

Въ молодые годы его особенно ярко выразилась и своеобразная сторона его чувствованія. То, что даровитый человѣкъ ранней эпохи переносилъ на идею, на Бога, на вѣчность, Петрарка почти всецѣло вкладывалъ въ сложное чувство къ смертной женщинѣ. Ему шелъ 23-й годъ,

когда на страстной недѣлѣ онъ замѣтилъ во время богослуженія въ церкви св. Клары, въ Авиньонѣ, женщину, пробудившую въ немъ своеобразное чувство, отъ котораго онъ не могъ освободиться въ теченіе всей своей жизни. Молодой женщинѣ было тогда около двадцати лѣтъ; она была прекрасно сложена, у нея были бѣлокурые, золотистые волосы, блестящіе глаза, и черты ея лица выражали большую кротость. Ее звали Лаурой де-Новесъ, и она уже около двухъ лѣтъ была замужемъ въ Авиньонѣ за дворяниномъ Гуго де-Садъ. Повидимому замужество ея не было слѣдствіемъ большой взаимной склонности, но Лаура отличалась твердостью своихъ принциповъ, и безграничное поклоненіе Петрарки не могло уклонить ее отъ предначертаннаго пути: она оставалась вѣрна своему мужу и была матерью многочисленной семьи. Когда въ апрѣлѣ 1348 г., ровно двадцать одинъ годъ послѣ первой встрѣчи съ Петраркой, Лаура умерла отъ чумы, свирѣпствовавшей въ то время въ Авиньонѣ, какъ и во всей остальной Европѣ, не мужъ ея, а Петрарка остался вѣренъ ея памяти. Болѣе двадцати лѣтъ приковывала она къ себѣ поэта, и даже послѣ своей смерти, она все еще воодушевляла его, какъ просвѣтленная муза его успокоившагося, но еще не состарившагося сердца.

Чувство любви къ Лаурѣ красной нитью проходитъ черезъ всю жизнь Петрарки; это центръ, въ которомъ сливаются всѣ проявленія его душевной жизни, его мысли, его поступки. Въ первые годы его любви къ Лаурѣ, онъ былъ охваченъ такою сильною страстью, что даже здоровье его пострадало. Безсонница, съ трудомъ заглушаемыя рыданія по ночамъ и поглощеніе всей внутренней жизни однимъ сильнѣйшимъ аффектомъ повлекли за собою подавленное состояніе всего физическаго организма. Только благодаря сильному развитію интеллектуальной стороны его природы и его способности къ самонаблюденію и анализу своей душевной жизни, сила этого аффекта со временемъ нѣсколько сгладилась и перешла въ болѣе умѣренное чувство. Его путешествія въ дальнія страны въ значительной мѣрѣ были слѣдствіемъ внутренней необходимости избѣгать близости своей возлюбленной.

Въ чувствѣ къ Лаурѣ обнаруживается вся сокровенная сущность характера Петрарки: индивидуальная жизнь его души ищетъ себѣ дополненія въ такой-же человѣческой душѣ; любовь къ женщинѣ служитъ для него чистымъ источникомъ самыхъ разнообразныхъ душевныхъ движеній и настроеній. Душевный міръ его все расширяется, и ему открываются совершенно новыя области внутренняго опыта.

Именно душевный строй Петрарки особенно благопріятствовалъ зарожденію такого сложнаго чувства, ибо въ немъ боролись пылкія страсти съ духомъ чистымъ и склоннымъ къ безотчетной тоскѣ. Такая тоска указываетъ на неспособность отдавать себѣ ясный отчетъ, несмотря на зоркость самонаблюденія, въ своихъ собственныхъ душевныхъ настроеніяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ на высокую степень художественной воспріимчивости, благодаря которой однажды пережитое душою впослѣдствіи снова и снова переживается въ воображеніи, часто съ еще большею силой, нежели въ дѣйствительности. Проникая, затѣмъ въ самыя сокровенныя области духа, воспринятое впечатлѣніе уже не есть нѣчто несвязанное съ остальными душевными силами, а является выраженіемъ сильно развитой искренности.

Подобно тому, какъ въ душѣ Петрарки идеалы, къ которымъ онъ стремился, боролись съ дѣйствительностью, такъ и фантазія его находилась въ постоянномъ противорѣчіи съ его разумомъ и чувствами. Въ

юности и въ возмужаломъ возрастѣ ему приходилось вести упорную борьбу съ пылкою горячностью своего темперамента. Въ то время, какъ образъ Лауры неизгладимо жилъ въ его умѣ, чувственныя побужденія низводили его до обычной дѣйствительности: на тридцать четвертомъ году, несмотря на первое посвященіе въ духовный санъ и на положеніе, занимаемое имъ въ церкви, онъ имѣлъ незаконнаго сына и вскорѣ послѣ того незаконную дочь отъ женщины, повидимому, низкаго происхожденія, которую онъ, къ великому ея удивленію, отстранилъ отъ себя, вернувшись въ Авиньонъ послѣ многолѣтняго отсутствія: она думала, что онъ поступилъ такъ ради другой женщины, онъ-же повиновался внутреннему обѣту: въ сорокалѣтнемъ возрастѣ, въ полномъ расцвѣтѣ силъ, онъ рѣшился навсегда отказаться отъ плотской любви.

Меланхоличность Петрарки приводила его иногда къ колебаніямъ, а слишкомъ большая воспріимчивость—къ зависимости отъ мимолетныхъ впечатлѣній. Его внутреннее „я" было для него самымъ важнымъ объектомъ его чувствъ и размышленій; онъ ни на мгновенье не можетъ забыть самого себя; во все, что онъ говоритъ и пишетъ, проникаетъ его сильно развитая субъективность. Стремленіе къ славѣ переходитъ у него въ страсть, хотя въ ранніе годы своей юности онъ и называлъ славу тѣнью. При томъ слава значила для него гораздо больше, чѣмъ мы разумѣемъ въ настоящее время; она принимала въ его глазахъ образъ сіяющей богини, возвѣщавшей грядущимъ поколѣніямъ цѣнность того, что было наиболѣе высокимъ и единственно имѣющимъ значеніе. То было совершенно незнакомое среднимъ вѣкамъ стремленіе, которое теперь стало проявляться все съ большей силой: способный и одаренный человѣкъ желалъ спасти отъ забвенія свои мысли, свои слова и поступки; онъ хотѣлъ продолжать свою жизнь въ будущихъ поколѣніяхъ и тѣмъ создать себѣ ограду отъ разрушительныхъ силъ природы.

Рѣдко писателя, еще при жизни его, такъ цѣнили и такъ почитали, какъ Петрарку.

Неаполитанскій король Робертъ, котораго Петрарка, въ противоположность къ Данте, называетъ великимъ человѣкомъ и великимъ королемъ, далъ ему, въ знакъ особаго уваженія, свою собственную пурпуровую мантію, когда поэтъ отправлялся въ Римъ, гдѣ его должны были вѣнчать на Капитоліи лавровымъ вѣнкомъ. Между различными дворами нѣсколько разъ происходили споры, которому изъ нихъ Петрарка окажетъ честь своего присутствія. Императоръ Карлъ IV, короли Франціи, папы въ Авиньонѣ, дожъ Венеціи, князья и полководцы считали за честь переписку съ Петраркой и личное общеніе съ нимъ.

„Съ перваго взгляда можетъ казаться, будто я жилъ съ государями,— пишетъ Петрарка Боккачіо;—въ дѣйствительности-же они жили со мною. Рѣдко присутствовалъ я на ихъ совѣщаніяхъ, крайне рѣдко на ихъ пиршествахъ. Я бы никогда не могъ приноровиться къ образу жизни, который малѣйшимъ образомъ стѣснялъ-бы мою свободу или мѣшалъ-бы моимъ занятіямъ". И дѣйствительно, онъ говорилъ необыкновенно свободнымъ языкомъ съ императоромъ, папами, государями и кардиналами, былъ даже готовъ, какъ онъ писалъ однажды, лично упрекнуть императора въ томъ, что тотъ не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ. Поэтъ готовъ былъ ради идей о свободѣ, которыя онъ раздѣлялъ съ трибуномъ Кола ди-Ріенцо, порвать отношенія съ лучшими друзьями своими, членами римской семьи Колонна, противниками Ріенцо, но, что было, въ виду мягкости его характера, еще удивительнѣе, даже убѣ-

ждалъ трибуна лишить жизни всѣхъ противниковъ свободы римскаго народа.

Петрарка познакомился съ Ріенцо въ 1343 г. въ Авиньонѣ, куда Ріенцо прибылъ однимъ изъ пословъ города Рима къ папѣ. Поэтъ-созерцатель впервые встрѣтился съ человѣкомъ, готовымъ осуществить на дѣлѣ то, что въ немъ самомъ жило еще какъ неопредѣленный идеалъ, и считавшимъ, что обладаетъ силами, необходимыми для такого осуществленія. И дѣйствительно, сыну трактирщика удалось, благодаря ловкости и благопріятнымъ обстоятельствамъ, стать трибуномъ Рима въ 1347 г. Когда предпринятыя имъ реформы въ управленіи вѣчнаго города встрѣтили одобреніе даже со стороны папы въ Авиньонѣ и другихъ итальянскихъ государей и вызвали удивленіе во всей Европѣ, воодушевленіе Петрарки достигло высшей точки: онъ воспѣвалъ трибуна въ стихотвореніяхъ, писалъ ему сначала каждый день письма и всюду вступался за предпріятія „третьяго Брута", вслѣдствіе чего утратилъ, какъ говорится въ одномъ письмѣ къ Ріенцо, расположеніе многихъ дружественно къ нему относящихся лицъ. Ріенцо могъ только гордиться тѣмъ, что въ числѣ своихъ самыхъ преданныхъ приверженцевъ имѣлъ Петрарку, знаменитѣйшаго изъ своихъ современниковъ: онъ называлъ его самымъ дорогимъ изъ своихъ согражданъ и сожалѣлъ объ его отсутствіи въ Римѣ. Вскорѣ Петрарка получилъ извѣстіе о паденіи импровизированной республики и о непозволительно трусливомъ поведеніи самого трибуна. Высокомѣріе и тщеславіе Ріенцо, граничащія съ безуміемъ, непозволительная роскошь, которою онъ себя окружилъ, пиршества, которыя задавалъ, блестящая обстановка, въ которой показывался на улицахъ Рима со своею женой и многочисленною свитой — все это служило достаточнымъ доказательствомъ того, что трибунъ, начинавшій считать себя повелителемъ міра, страдаетъ маніей величія, и что выпавшая ему на долю роль историческаго дѣятеля ему вовсе не по плечу. Незначительнаго повода, ссоры, возникшей между его приближенными и однимъ изъ членовъ римскаго дворянства, было достаточно, чтобы смутить его до такой степени, что онъ обратился въ бѣгство. Вмѣсто того, чтобы привѣтствовать его, какъ повелителя Рима, Петраркѣ пришлось впослѣдствіи увидѣть его въ Авиньонѣ плѣнникомъ императора; его вели по улицѣ между двухъ стражниковъ, и толпа съ любопытствомъ смотрѣла на это зрѣлище. Горькое разочарованіе, которое Петраркѣ пришлось пережить, причинило ему много горя. Но идеалъ античной свободы, осуществить который Ріенцо не былъ способенъ, продолжалъ жить въ душѣ Петрарки, хотя и въ болѣе умѣренномъ видѣ: онъ не забылъ, несмотря на грустный исходъ попытки Ріенцо, краткой весны столь желательной свободы.

Петрарка стремился къ матеріальному обезпеченію, чтобы имѣть возможность спокойно жить: онъ страшился бѣдности и связанной съ нею зависимости отъ людей, но деньги были для него только средствомъ для достиженія опредѣленной цѣли: онъ постоянно содержалъ переписчиковъ для своего богатаго собранія рукописей, пріобрѣталъ рѣдкія сочиненія и предпринималъ путешествія съ ученою цѣлью. Ему приходилось, вмѣстѣ съ тѣмъ заботиться о воспитаніи своего сына и дочери и объ обезпеченіи ихъ будущности.

Друзьямъ своимъ Петрарка также всегда готовъ былъ оказать помощь. Онъ отказался отъ двухъ изъ четырехъ предложенныхъ ему церковныхъ приходовъ въ пользу двухъ друзей; предложенный ему кано-

никатъ въ Моденѣ онъ тоже передалъ одному изъ своихъ знакомыхъ. Кардиналу Альборжозъ въ Миланѣ, предложившему Петраркѣ испросить себѣ что-либо, онъ отвѣтилъ, что принимаетъ его предложеніе, но не для себя, а только для своихъ друзей. Онъ принялъ подъ свое покровительство школьнаго учителя Заноба да Страда и попросилъ сенешаля неаполитанскаго Никколо Аччайцоли оказать ему содѣйствіе.

Дружба, по мнѣнію Петрарки, возвышаетъ и обогащаетъ наши чувства, она одинъ изъ лучшихъ даровъ человѣческой жизни. Лично для него чувство дружбы слагается изъ различныхъ элементовъ: въ немъ сильно развиты крайняя потребность въ обмѣнѣ мыслей и вмѣстѣ съ тѣмъ тайное желаніе видѣть свое отраженіе въ другихъ, какъ въ зеркалѣ. Но въ своей сущности чувство дружбы у Петрарки всегда искренне, здорово и чисто. Онъ имѣлъ полное право считать себя добрымъ, привязчивымъ другомъ. Опытъ, вынесенный изъ жизни, привелъ его къ заключенію, что если-бы всѣ называющіе себя друзьями, были-бы таковыми въ дѣйствительности, жизнь наша была-бы гораздо счастливѣе. Послѣ добродѣтели ничто въ жизни не должно человѣку казаться цѣннѣе дружбы, пишетъ онъ однажды Заноби да Страда; въ другой разъ поэтъ говоритъ, что узы, связывающія его съ друзьями, дѣлаютъ его болѣе богатымъ, нежели обладаніе всевозможными сокровищами.

Съ друзьями, находившимися вдали отъ него, онъ разговаривалъ такъ, какъ-будто они были тутъ-же: онъ обладалъ даромъ чрезвычайно ярко и живо описывать въ своихъ письмахъ, которыя онъ писалъ охотно и въ большомъ количествѣ, какъ окружающую его среду, такъ и впечатлѣнія данной минуты и внутреннія переживанія; письма эти живые разговоры, въ которыхъ Петрарка, обдуманно и строго взвѣшивая свои слова, касается всего того, что болѣе подробно излагаетъ въ другихъ сочиненіяхъ.

Общеніе его съ книгами тоже носило характеръ разговора вдвоемъ, такъ какъ и онѣ какъ-бы принадлежали къ числу его ближайшихъ друзей. „Нельзя держать книги точно въ тюрмѣ,—говорилъ онъ,—онѣ должны переходить изъ библіотеки въ память только истинно хорошія книги стоятъ того, чтобы ихъ читали и чтобы воспринимали ихъ содержаніе; питать свой умъ многими книгами, безо всякаго выбора, значитъ лишать его собственной силы полета и даже совсѣмъ губить его“.

Книги свои Петрарка читалъ черезвычайно внимательно, подчеркивалъ въ нихъ то, что казалось ему особенно важнымъ, дѣлалъ на поляхъ замѣчанія, а иногда и рисунки, напримѣръ силуэты деревьевъ, горъ. Когда онъ читалъ книгу, особенно захватывающую его, ему трудно было оторваться отъ нея, и онъ часто забывалъ о пищѣ и о снѣ.

Надъ сочиненіями своими Петрарка всегда работалъ долго, иногда въ теченіе десятилѣтій. Ставя очень высокія требованія всему тому, что намѣревался написать, онъ тщательно обдумывалъ каждую подробность, взвѣшивалъ каждое слово, чтобы достичь наибольшей ясности выраженія и найти наиболѣе удачный оборотъ, постоянно оттачивалъ свои сонеты и canzone, чтобы достичь возможно большей изящности формы и звучности стиха, при чемъ, конечно, непосредственность чувства, иногда, страдала отъ искусственной дѣланности формы. Его латинская поэма „Африка“, написанная въ невѣроятно краткій срокъ, занимала его еще цѣлыми годами, и Петрарка никакъ не могъ рѣшиться отложить ее въ сторону.

Свои письма, которыя поэтъ обыкновенно писалъ съ большою лег-

костью, онъ тоже подвергалъ строгой оцѣнкѣ, выдѣляя и уничтожая многія изъ нихъ, раньше чѣмъ предать ихъ гласности. Желаніе предавать гласности только возможно совершенное, побудило Петрарку сжечь около тысячи стихотвореній, хотя ему и трудно было разстаться съ ними.

Въ сложности его натуры коренилось и пессимистическое настроеніе его, такъ называемая acedia, которая была не однимъ только чисто разсудочнымъ убѣжденіемъ, но и повышеннымъ, своеобразно окрашеннымъ чувствованіемъ.

Петрарка никогда не могъ примириться съ происхожденіемъ зла на землѣ. „Я довольно жилъ на свѣтѣ,—говоритъ онъ въ старческихъ годахъ:—Комедія близится къ концу, пусть-же занавѣсъ падаетъ, и если-бы режиссеру вздумалось сейчасъ-же прекратить игру, я-бы ничего противъ этого не имѣлъ. Я уже усталъ“. Петрарка чувствовалъ неопредѣленное, но непреодолимое влеченіе къ лучшему міру, и сознавалъ, въ то-же время, тѣсную связь свою съ землею. Прежнія незыблемыя представленія о Богѣ и вѣчности уже утратили для него свое живительное и укрѣпляющее значеніе, они не могли утѣшить и удовлетворить поэта, потому что уже не составляли средоточія его чувствованій, его внутренней жизни, они распались на различныя отдѣльныя представленія и тѣмъ нарушили единство чувствъ и мышленія. Онъ усматривалъ въ жизни больше отдѣльныхъ подробностей, нежели человѣкъ среднихъ вѣковъ, но воспринималъ все это въ неспокойномъ, недовольномъ настроеніи; міръ не представлялся ему законченнымъ и цѣльнымъ, и собственная личность его не могла не казаться ему иногда загадкой.

Утѣшеніе въ горестяхъ человѣческой жизни, представленіе о которыхъ никогда не покидало его сознанія, Петрарка находилъ въ размышленіи, въ знаніи и въ своей страстной любви къ древнему міру. Нѣмой разговоръ съ античными авторами служилъ для него единственнымъ средствомъ забвенія тѣхъ бѣдъ, отъ которыхъ его время, казалось, страдало больше, нежели всякое другое, въ особенности древнее. Современная ему эпоха не только не нравилась ему, но внушала отвращеніе, и онъ искренне сожалѣлъ, что ему не было суждено жить въ древнемъ Римѣ. Въ теченіе всей жизни Петрарки Римъ производилъ на него сильное и возвышающее душу впечатлѣніе. Христіанство и древній міръ мирно уживались въ его представленіи; Римъ былъ для него древнимъ городомъ квиритовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ высоко чтимой столицей папства Перенесеніе папскаго престола въ Авиньонъ Петрарка считалъ, какъ и Данте, позоромъ и постоянно убѣждалъ въ своихъ посланіяхъ папѣ вернуться въ Италію и возвратить осиротѣлому городу утраченное всемірное значеніе.

Петрарка питалъ ярко выраженную привязанность къ Италіи. Искренне чувствуя себя порою всемірнымъ гражданиномъ и считая весь міръ своею родиной, онъ, все-таки, былъ склоненъ превозносить Италію надъ всѣми остальными странами. Держась въ сторонѣ отъ страстной политической борьбы итальянскихъ коммунъ того времени, онъ ни умомъ ни сердцемъ не принадлежалъ ни къ одной изъ политическихъ партій: недаромъ поэтъ провелъ всю свою юность въ Прозансѣ, а лучшіе годы зрѣлаго возраста въ полномъ одиночествѣ въ Воклюзѣ или въ Авиньонѣ. Италія всегда представлялась ему настоящей наслѣдницей античной культуры, и онъ гордился быть итальянцемъ, такъ какъ остальные народы казались ему варварами, получавшими свою образованность у его родины.

Любовь Петрарки къ латинскому языку и къ римской литературѣ,

ставшая у него настоящей страстью, заразительно и плодотворно вліяла на его современниковъ. Его восторженное отношеніе къ классической древности часто не знало границъ: въ воображеніи своемъ онъ всецѣло жилъ въ древнемъ мірѣ, рисуя себѣ Римъ въ идеальныхъ образахъ. Онъ писалъ письма древнимъ авторамъ, какъ будто-бы они были его современниками; Сенеку онъ осуждалъ, напримѣръ, за то, что послѣдній жилъ при дворѣ Нерона, гонясь, какъ дитя, за призракомъ славы; въ письмѣ къ Марку Варрону онъ высказываетъ искреннее сожалѣніе, что только слава послѣдняго, а не многочисленныя произведенія его, достигли потомковъ; Тита Ливія, изъ историческаго сочиненія котораго онъ зналъ только нѣсколько декадъ, Петрарка благодаритъ за ясное представленіе объ условіяхъ жизни древнихъ римлянъ, которое тотъ сообщилъ ему; оратора Азинія Полліона, друга Виргилія, онъ упрекаетъ за ревность по отношенію къ славѣ Цицерона и проситъ передать поклонъ отъ его имени Исократу, Демосѳену и Эсхилу; къ Гомеру онъ обращается, какъ къ несравненному поэту, лавры котораго неувядаемы, несмотря на то, что современники Петрарки, въ особенности врачи и юристы, въ противоположность своимъ товарищамъ по профессіи, жившимъ въ древнія времена, по слабости своихъ глазъ, подобно ночнымъ птицамъ, не могутъ смотрѣть на солнце его славы.

Общеніе Петрарки съ литературными памятниками древнихъ авторовъ и безграничное благоговѣніе передъ письменнымъ выраженіемъ мысли служили въ значительной степени источникомъ того уваженія, которое онъ питалъ ко всему, что самъ думалъ и писалъ: онъ чувствовалъ себя избранникомъ, явившимся для просвѣщенія своего времени.

Гуманизмъ его, правда, какъ и гуманизмъ его предшественниковъ, обнималъ только латинскихъ авторовъ. Онъ не зналъ ни греческаго языка, ни греческой литературы. Уже въ зрѣломъ возрастѣ онъ нашелъ случай изучить греческій языкъ, когда византійскій игуменъ Варлаамъ Калабрійскій прибылъ въ Авиньонъ для переговоровъ о соединеніи восточной и западной церквей; но, какъ самъ онъ замѣчаетъ въ письмѣ къ Боккачіо, свѣдѣнія его остались очень элементарными. Рукопись стихотвореній Гомера, полученную имъ черезъ посредство византійца Николая Сигероса, посла греческаго императора при папскомъ престолѣ, онъ цѣнилъ такъ высоко, что при одномъ видѣ ея приходилъ въ восторгъ и, хотя самъ не былъ въ состояніи уразумѣть сокровища греческаго поэтическаго произведенія, тѣмъ не менѣе попросилъ Сигероса достать ему и сочиненія Гезіода и Еврипида. Рукописи нѣсколькихъ сочиненій Платона тоже лежали въ его библіотекѣ, но онъ не имѣлъ возможности пользоваться ими. Все, что онъ зналъ о Платонѣ, былъ латинскій переводъ Тимея и отдѣльныя мѣста изъ другихъ произведеній философа.

Смѣлый, ясный взглядъ, свободная отъ оковъ мысль, истинная человѣчность, виртуозный философскій и художественный языкъ, построенная на разумѣ мораль, однимъ словомъ полный расцвѣтъ мыслящей и свободной личности—все это должно было въ высшей степени воодушевить Петрарку даже въ передачѣ греческаго философа римскими эклектиками. Онъ часто забывалъ, что мысли эти принадлежали другому, нехристіанскому міру. Мнѣнія, которыя онъ черпалъ изъ всѣхъ этихъ источниковъ, вовсе не противорѣчили его взглядамъ на христіанство: стилю и языку, думалъ онъ, должно учиться у древнихъ авторовъ, въ жизни-же никогда не слѣдуетъ отступать отъ христіанскаго ученія, какъ самаго вѣрнаго руководителя.

Ученіе апостола Павла было въ глазахъ Петрарки довершеніемъ философіи Платона, а псалтырь, которую онъ впослѣдствіи всегда имѣлъ подъ рукою, была существеннымъ дополненіемъ поэзіи Виргилія. Если въ юности цвѣты прельщали его сильнѣе чѣмъ плоды, а прекрасная форма значила больше всего остального, отчего и умственные интересы его были почти исключительно сосредоточены на древнихъ писателяхъ, то впослѣдствіи сочиненія Августина и собственная внутренняя борьба привели къ большему пониманію и должной оцѣнкѣ глубокаго содержанія произведеній отцовъ церкви.

Онъ стремился усвоить и переработать все, что читалъ, какъ пчела перерабатываетъ пищу, собираемую ею съ цвѣтовъ; онъ руководствовался при этомъ извѣстными точками зрѣнія, внушенными ему непосредственными потребностями его духовной жизни, хотя и не всегда ясно отдавалъ себѣ въ этомъ отчетъ.

Жизнь и человѣкъ, какъ цѣлое, всего болѣе возбуждали интересъ Петрарки. Онъ охватывалъ важнѣйшія области всей совокупности знаній своего времени и обладалъ самыми разнообразными духовными потребностями; его интересовала теологія, предполагавшая, по его мнѣнію, универсальное знаніе, философія, исторія, музыка, археологія нумизматика.

Все демоническое, мрачное, загробное никогда не входило въ духовный кругозоръ и область чувствъ Петрарки. Предразсудки и суевѣріе всегда было ему противны, и онъ смѣло нападалъ на господствовавшія въ его время алхимію и астрологію. Астрологовъ онъ считалъ лживыми прорицателями будущаго, опустошавшими кошельки суевѣрныхъ людей и „омрачавшими настоящее ложнымъ страхомъ передъ будущимъ". Не менѣе сильное отвращеніе внушало ему все схематичное, все пустословіе напыщенной учености, извращенія и формалистика сухой схоластики современныхъ ему послѣдователей Аристотеля, не имѣвшихъ ничего общаго съ истиннымъ Аристотелемъ, котораго и Петрарка считалъ великимъ мыслителемъ.

Живой интересъ ко всему, касающемуся конкретнаго человѣка, часто побуждалъ Петрарку рѣзко возставать противъ мнѣній и выраженій, которыя онъ считалъ невѣрными. Особенно сильно обнаруживается его полемическая жилка въ „Epistolae sine titulo", въ которыхъ онъ—истинный приверженецъ католической церкви—возстаетъ противъ злоупотребленій и недостатковъ ея. Петрарка черезвычайно рѣзко осуждаетъ въ своихъ эклогахъ роскошь и легкомысленную жизнь при папскомъ дворѣ въ Авиньонѣ. Его отвращеніе къ Авиньону доходило до того, что онъ называлъ этотъ городъ адомъ. Вообще, поэтъ при всякомъ удобномъ случаѣ порицаетъ, со смѣлой откровенностью, накопленіе богатствъ прелатами и кардиналами и пренебреженіе ихъ къ великимъ и святымъ цѣлямъ христіанской религіи. Церковь можетъ обладать золотомъ, говорилъ онъ, но не должна быть одержима страстью къ нему. „Слѣдовало-бы удалить излишнее золото изъ храмовъ и употребить его на другой храмъ Божій, а именно на поддержку неимущихъ; пора перестать прикрывать личиной набожности—идолопоклонство".

Петрарка раздѣлялъ мнѣніе всего средневѣковья, что высшая поэзія подъ простою оболочкой должна скрывать болѣе глубокій, аллегорическій смыслъ. Аллегорія господствовала въ то время даже въ изобразительномъ искусствѣ: достаточно вспомнить аллегорическія изображенія Джiотто въ церкви св. Франциска Ассизскаго, фрески Амброджіо Лоренцетти въ Palazzo Pubblico въ Сіенѣ, или стѣнную живопись въ испанской капеллѣ

св. Марія Новелла во Флоренціи, а также большія по своимъ размѣрамъ аллегорическія фрески въ Кампо Санто въ Бизѣ. За аллегорію въ поэзіи еще цѣлое столѣтіе послѣ Петрарки стоялъ комментаторъ Божественной комедіи Христофоръ Ландино въ своихъ „Disputationes Camaldulenses". Петрарка находилъ преимущественно „Энеиду" полной глубокихъ и таинственныхъ аллегорій, и говорилъ, что у Вергилія нѣтъ стиха, котораго нельзя было-бы истолковать въ болѣе глубокомъ смыслѣ. Поэтическое творчество, по видимому, ставилось Петраркой выше, чѣмъ творчество художника изобразительнаго искусства.

„Canzoniere" Петрарки проникнуто чувствомъ не столько сильнымъ, сколько утонченнымъ. Чтобы быть въ состояніи въ теченіе десятилѣтій всегда одинаково тонко изображать чувство любви, не встрѣтившей взаимности, Петрарка дѣйствительно долженъ былъ самъ пережить это чувство. Сильная страсть, всецѣло завладѣвшая имъ въ юности, должна была отразиться на его духовной и умственной жизни; страсть эта доставляла ему, въ минуту переживанія, истинное душевное страданіе, постоянно разжигаемое еще его безпокойной фантазіей; онъ такъ сжился съ этимъ чувствомъ, что оно стало неотъемлемой составною частью его душевной жизни.

Своеобразная прелесть сонетовъ и канцонъ Петрарки именно заключается въ тонко выраженной передачѣ психическаго состоянія, никогда не нашедшаго удовлетворенія и утратившаго остроту реальной страсти.

Такъ какъ въ Петраркѣ рядомъ съ непосредственно чувствующимъ человѣкомъ уживался человѣкъ вдумчивый и рефлектирующій, то извѣстное сочетаніе непосредственности съ разсудочностью иногда свойственно и искренно прочувствованнымъ стихотвореніямъ его: онъ не принадлежитъ къ тѣмъ натурамъ, сильно и безсознательно проявляющимъ свои чувства, которыя въ минуты охватившей ихъ страсти всецѣло погружаются въ нее. Фантазія его скорѣе находила себѣ пищу въ такихъ душевныхъ настроеніяхъ, надъ которыми она могла работать медленно и сознательно: настроеніе вызываетъ въ немъ впечатлѣнія, которыя онъ точно наблюдаетъ и оттѣняетъ.

Когда Петрарка примирился со своимъ чувствомъ, какъ предопредѣленіемъ судьбы свыше, онъ сталъ точнѣе наблюдать и изслѣдовать ту постоянную смѣну настроеній, которой душа его была подвержена. Чувство поэта къ Лаурѣ заполняло цѣлую область его души: художественныя склонности его натуры находили въ немъ пищу и не могли быть окончательно подавлены и впослѣдствіи, когда научныя стремленія начали преобладать въ его умственной жизни. Въ то время, какъ умъ Петрарки былъ занятъ аллегорическими истолкованіями древнихъ авторовъ, чувства и стремленія его души выливались въ сонетахъ и тріумфахъ, которые онъ писалъ послѣ смерти мадонны Лауры и которые служили выраженіемъ дѣйствительно пережитого имъ истиннаго художественнаго настроенія. Величіе и значеніе „Canzoniere" есть величіе и значеніе дѣйствительно пережитой и прочувствованной поэзіи.

XX. Изъ стихотворныхъ произведеній Франческо Петрарки [1]).

Сонеты.

I.

Когда порой меня томитъ страданье,
Въ безмолвный часъ передъ закатомъ дня,
Я вспоминаю кроткое сіянье
Лучей любви, сіявшей для меня.
Когда разсвѣтъ льетъ блѣдное мерцанье,
И колоколъ зарю привѣтствуетъ звеня,
Ласкаютъ душу мнѣ любви воспоминанья,
Докучныя заботы прочь гоня.
И сердцу сладкое дыханье ощущая,
Я слышу рѣчи, вижу я черты
Подобной небу, чистой красоты.
И мнится мнѣ, что я блаженствомъ рая
Живу въ тотъ мигъ, и радостный покой
Вдыхаю я усталою душой.

(Пер. В. П. Буренина).

II.

Ты, чья душа огнемъ добра озарена,—
Нѣтъ для тебя достойныхъ пѣснопѣній,
Ты вся изъ кротости небесной создана,
Ты отъ земныхъ свободна искушеній.
Ты пурпуръ розъ и снѣга бѣлизна,
Ты красота и правды свѣтлый геній.
Какимъ блаженствомъ грудь моя полна,
Когда къ тебѣ въ порывѣ вдохновеній
Я возношусь.... О, еслибы я могъ
Тебя прославить, въ звукахъ этихъ строкъ,
На цѣлый міръ.... Но тщетное желанье!...
Такъ пусть хоть тамъ, въ странѣ моей родной,
Гдѣ блещутъ выси Альпъ, гдѣ море бьетъ волной,
Твердятъ Лауры нѣжное названье.

(Пер. В. П. Буренина).

III.

Въ какихъ небесныхъ сферахъ обрѣла
Природа образецъ твоей красы чудесной?

[1]) Позаимствовано изъ изд. И. Глазунова: „Русская классная библіотека", издаваемая подъ редакціей А. Н. Чудинова. Серія вторая. „Классическія произведенія иностранныхъ литературъ въ переводахъ русскихъ писателей". Выпускъ XI-ый.

Не для того ли ты на землю низошла,
Чтобъ мы узрѣли ликъ любви небесной?
Купаяся въ ручьѣ прозрачнѣе стекла
Или таясь подъ сѣнію древесной,
Какая нимфа расплести могла
Златую прядь такой косы прелестной?
Кто не видалъ твоихъ ласкающихъ очей,
Кого не озарялъ блескъ кроткій ихъ лучей,
Тотъ высшей красотѣ не вѣдалъ поклоненья.
Кто не слыхалъ рѣчей любви живыхъ
И вздоховъ сладостныхъ изъ нѣжныхъ устъ твоихъ,
Не знаетъ тотъ любви, страданья и цѣленья.

(Пер. В. П. Буренина).

IV.

Поетъ ли птичекъ хоръ, или въ долинѣ злачной
Слегка зашелеститъ листвой полетъ зефира,
Иль ропотъ жалобный въ ручьѣ волны прозрачной
Услышу съ берега, гдѣ одинокій, сиро,
Сижу я и пишу въ честь моего кумира:
Повсюду ликъ ея въ одеждѣ новобрачной
Я вижу, познаю и слышу съ того міра
Отвѣтъ изъ устъ ея моей печали мрачной.
„О, что такъ сѣтуешь, безвременно убитый?“
Мнѣ говоритъ она. „Зачѣмъ недугъ сердечный
„Потокомъ горькихъ слезъ кропитъ твои ланиты?
„Не сѣтуй обо мнѣ. Со смертью стали вѣчны
„Отнынѣ дни мои, и въ мигъ, когда закрыты
„Глаза мои, имъ свѣтъ открылся безконечный!“

(Пер. Д. И. Мина).

V.

О, полный вздохами моими долъ зеленый!
Рѣка, куда лилися слезъ моихъ ручьи!
Лѣса и звѣри, птички, рыбочки мои,
Что рѣзво плещетесь въ волнѣ студеной!
И воздухъ, дышущій моимъ сердечнымъ пыломъ!
Тропинка горная и холмъ крутой,
Откуда я глядѣлъ съ любовію святой
На долъ, мечтая о предметѣ миломъ!
Все тѣ же вы! для васъ прошли безслѣдно годы!
Но въ страждущей душѣ моей покоя нѣтъ давно,
И сердце охватили скорби и невзгоды....
Здѣсь видѣлъ счастье я, здѣсь кончилось оно,—
И я иду на старый холмъ, гляжу я вновь
На долъ, гдѣ умерла она, моя любовь.

(Пер. А. Т.).

VI.

Повѣялъ вновь зефиръ, и вёдро къ намъ слетѣло
И вся семья его: цвѣты луговъ и травы;

Щебечетъ Прогна вновь, и плачетъ Филомела,
И роскошью весны одѣлися дубравы.
Смѣются вкругъ луга и небо просвѣтлѣло;
Глядитъ на дочь свою Зевесъ, исполненъ славы.
Всю землю, воздухъ весь и воды страсть согрѣла,
И все живущее любви влекутъ забавы.
Увы! лишь для меня настали дни невзгоды,
И надрываетъ грудь сильнѣй мнѣ вздохъ тяжелый,
Теперь со смертью той, кѣмъ я лишенъ свободы,
Ни хоръ веселыхъ птицъ, ни блещущіе долы,
Ни дѣвъ плѣнительныхъ живые хороводы
Меня не радуютъ, какъ видъ пустыни голой.

(Пер. Д. И. Мина).

VII.

Благословляю день и мѣсяцъ, и годину,
И часъ божественный, и чудное мгновенье,
И тотъ волшебный край, гдѣ зрѣлъ я, какъ видѣнье,
Прекрасные глаза, всѣхъ мукъ моихъ причину.
Благословляю скорбь и первую кручину,
Въ какую ввергъ меня Амуръ въ жестокомъ мщеньѣ,
И страшный лукъ его, и стрѣлъ его язвленье,
И боль сердечныхъ ранъ, съ которой жизнь покину.
Благословляю всѣ тѣ нѣжныя названья,
Какими призывалъ ее къ себѣ,—всѣ стоны,
Всѣ вздохи, слёзы всѣ и страстныя желанья.
Благословляю всѣ сонеты и канцоны,
Ей въ честь сложенные, и всѣ мои мечтанья,
Въ какихъ явился мнѣ прекрасный образъ донны!

(Пер. Д. И. Мина).

VIII.

Теперь, какъ все молчитъ на всемъ земномъ просторѣ,
И сонъ, ліясь съ небесъ, смыкаетъ всѣмъ зеницы,
И ночь нисходитъ въ міръ со звѣздной колесницы,
И на одрѣ своемъ, безъ волнъ, почіетъ море,—
Я бодрствую, горю и плачу въ вѣчномъ спорѣ
Съ тѣмъ милымъ существомъ, кто стражъ моей темницы;
Кипитъ война во мнѣ, и лишь своей царицы
Припоминая ликъ, я утоляю горе.
Такъ вѣчно льетъ одинъ и тотъ же токъ прозрачный
И сладкій медъ, и желчь, и ими я питаюсь:
Одна и та-жъ рука разитъ меня и лѣчитъ.
И чтобъ бороться вѣкъ съ моей любовью мрачной,
Сто разъ во дню я мру и столько-жъ возрождаюсь:
Такъ все одно съ другимъ во мнѣ противорѣчитъ.

(Пер. Д. И. Мина).

IX.

Когда она вошла въ небесныя селенья,
Ее со всѣхъ сторонъ соборъ небесныхъ силъ,

Въ благоговѣніи и тихомъ изумленьи,
Изъ глубины небесъ слетѣвшись, окружилъ.
„Кто это?—шепотомъ другъ друга вопрошали,—
Давно ужъ изъ страны порока и печали
Не восходило къ намъ въ сіяньи чистоты
Столь строго дѣвственной и свѣтлой красоты“.
И тихо радуясь, она въ ихъ сонмъ вступаетъ,
Но замедляя шагъ, свой взоръ по временамъ
Съ заботой нѣжною на землю обращаетъ
И ждетъ—иду ли я за нею по слѣдамъ....
Я знаю, милая! Я день и ночь на стражѣ!
Я Господа молю! молю и жду—когда же?...

(Пер. А. Н. Майкова).

X.

Папскому двору въ Римъ.

Потокъ скорбей, обитель злобы дикой,
Храмъ ереси и школа заблужденій,
Источникъ слезъ, когда-то Римъ великій,
Теперь лишь Вавилонъ всѣхъ прегрѣшеній,

Горнило всѣхъ обмановъ, мрачная тюрьма,
Гдѣ гибнетъ благо, зло произростаетъ,
Живымъ—до смерти адъ и тьма,—
Ужель тебя Господь не покараетъ?

Обѣтамъ бѣдности и сердца чистоты
Враждебенъ ты, о, блудникъ хилый,
И гдѣ твои надежды и мечты?

Въ развратѣ—да? Въ большой казнѣ твоей?
Ну, чтожъ! ты правъ,—непогрѣшимъ ты у людей,
И Константинъ не встанетъ изъ могилы.

(Пер. А. Т.).

Канцоны.

I) Итальянскимъ властелинамъ.

Италія моя! хотя не исцѣлитъ
Мой стихъ тѣхъ ранъ кровавыхъ,
Что̀ губятъ тѣло чудное твое,
Но сердце такъ болитъ мое,
Что съ береговъ По величавыхъ
Мой вопль до Тибра зазвучитъ.

* * *

Небесный Царь! во имя той любви,
Что̀ привела Тебя въ юдоль земную,
Отчизнѣ милость Ты яви!

Гляди: мою страну родную,
Мой край, Тобой любимый,
Война, раздоръ неугасимый
Изъ-за пустыхъ причинъ,
Какъ жестоко терзаетъ!
Смягчи, Отецъ и Господинъ,
Сердца, что распря такъ ожесточаетъ,
И ихъ открой, чтобъ истина Твоя
Влилася въ нихъ черезъ меня.

* * *

О, вы, кому судьба дала
Бразды правленья надъ страною,
Къ которой жалости въ васъ нѣтъ,
Зачѣмъ, вы дайте мнѣ отвѣтъ,
На вашъ призывъ съ войною
Германцевъ армія пришла?
Не льститесь вы мечтой пустою,
Что варвары поля чужія
Своею кровью обагрятъ!
Вожди слѣпые!
Да развѣ вы въ сердцахъ продажныхъ
Найдете вѣру и любовь?
Вѣдь тотъ, кто больше окруженъ
Толпой солдатъ наемныхъ,
Тѣмъ больше и враговъ
Имѣетъ онъ.
И вотъ изъ той страны своей ужасной
Потокомъ хлынули они
На нивы нашей родины прекрасной,
И въ томъ виновны мы одни!
Вѣдь сами мы призвали ихъ,—
Такъ кто-жъ теперь спасетъ отъ нихъ?

* * *

Природа мудро поступила,
Когда межъ нами и свирѣпою ордой
Преградой Альпы положила;
Но вы своею дикою враждой
Того достигли, что проказа
Здоровое покрыла тѣло,
И мудрое свершили дѣло,
Сведя въ одну овчарню сразу
Съ волками мирныя стада,
Гдѣ лучшій стонетъ лишь всегда!
Но скорбь еще тяжелѣ
При мысли той, кто давитъ насъ!
Народъ, что въ дикости погрязъ,
Народъ, котораго въ сраженьи
(Преданіе о томъ живетъ доселѣ)

Такъ Марій поразилъ жестоко,
Что изъ сосѣдняго потока
Не воду онъ, а кровь пилъ въ утомленьи!
О Цезарѣ лишь то скажу я,
Что онъ всѣ берега
Окрасилъ кровію врага,—
Германской кровью.
Теперь, какъ погляжу я,
Забыты мы небесною любовью,
Забыты изъ-за васъ.

* * *

Свирѣпо межъ собой враждуя,
Изъ лучшихъ лучшій—край родимой
Вы оскверняете вѣдь всякій часъ.
Что сдѣлалъ вамъ бѣднякъ сосѣдъ,
Что гоните его неутомимо
И всѣмъ творите столько бѣдъ?
Зачѣмъ вы жаждете его имѣнья—
Несчастныхъ крохъ труда—
И грабите безъ сожалѣнья?
Зачѣмъ зовете вы сюда
За плату изъ страны чужой
Людей безъ всякаго закона,
Которые съ аукціона
Торгуютъ кровью и душой?
Лишь истину я вамъ вѣщаю
И ни къ кому я не питаю
Ни злобы, ни презрѣнья.

* * *

Неужто вы все до сихъ поръ
Въ обманѣ варваровъ не убѣдились?
Вѣдь эти пришлецы съ холодныхъ горъ
Не воевать за васъ явились,
А лишь вести игру въ войну,
Искать наживу лишь одну!
Зато ужъ въ ярости безумной
Свою взаправду льете кровь!
Остановитесь и разумно
Подумайте вы о себѣ,
Къ другому тотъ имѣетъ ли любовь
И устоитъ въ борьбѣ,
Кто такъ себя ужъ низко цѣнитъ?
Вѣдь онъ за золото измѣнитъ!

* * *

О, край латинянъ славныхъ,
Стряхни съ себя тяжелый гнетъ!

Не дѣлай идоловъ державныхъ
Изъ словъ, хоть звучныхъ, но пустыхъ.
И если варварскій народъ
Культурною страною овладѣлъ,
Такъ это не въ порядкѣ вѣдь вещей земныхъ,
А плодъ позорныхъ нашихъ дѣлъ!

* * *

Не это ли страна родная?
Не это-ль гнѣздышко, гдѣ я
Въ любви возросъ, заботъ не зная?
Не это ли отчизна та моя,
Которая, какъ мать, любовно
Своей землей прикрыла ровно
Родителей моихъ?
О, сжальтесь же, синьоры!
Смотрите—плачетъ весь народъ
И помощи отъ васъ однихъ
Онъ, послѣ Бога, ждетъ.
И если вы, оставивъ споры,
Лишь кликнете—на зовъ
Возстанетъ добродѣтель скоро
И злобу побѣдитъ враговъ:
Въ сердцахъ гражданъ Италіи моей
Жива вѣдь доблесть прежнихъ дней.

* * *

О, пѣснь моя! ты горькой правды слово
Толпѣ надменной и суровой
Смягчи и возвѣсти.
Туда, о, пѣснь, лети,
Гдѣ души такъ жестоки,
Гдѣ правды нѣтъ—одни пороки.
Но къ людямъ благороднымъ смѣло
Свой кличъ ты обрати,
Зови ихъ на благое дѣло
И имъ скажи: кто защититъ меня?
Лишь мира, мира, мира жажду я!

(Пер. А. Т.).

II) Къ Кола ди-Ріензи.

Къ тебѣ взываю я, герой,
Могучій духомъ, твердый въ дѣлѣ
Служенія странѣ родной!
Ты насъ ведешь къ высокой цѣли,
Тебѣ судьбою жезлъ врученъ,
Чтобъ указать для Рима снова
Затерянную въ тьмѣ временъ
Стезю величія былого.

* * *

Гдѣ гражданина я найду,
Чтобъ былъ съ тобой душою равенъ?
Нашъ вѣкъ печаленъ и безславенъ
И къ доблестямъ таитъ вражду;
Италія во снѣ тяжеломъ
Лежитъ дряхла, истомлена...
О, еслибъ пламеннымъ глаголомъ
Я могъ ее поднять отъ сна!

* * *

Увы, мое безсильно слово:
Отчизну сонъ сковалъ нѣмой
Оцѣпенѣнія больного;
Лишь ты могучею рукой
Ее воздвигнуть можешь нынѣ:
Не даромъ царственный нашъ Римъ
Въ тебѣ, свободномъ гражданинѣ,
Нашелъ оплотъ правамъ своимъ.

* * *

Надъ родиной десницу смѣло
Простри и, ухвативши прядь
Кудрей царицы посѣдѣлой,
Заставь ее отъ сна возстать!
И если римскому народу
Обрѣсть назначено судьбой
Былую славу и свободу,
Онъ долженъ ихъ найти съ тобой!

* * *

И эти стѣны вѣковыя,
Что будятъ и любовь, и страхъ
Благоговѣнія въ сердцахъ,
Напоминая дни былые;
И тѣ могилы, гдѣ лежатъ
Герои, чуждые забвенья,
Все, что̀ теперь—развалинъ рядъ,
Все отъ тебя ждетъ возрожденья...

* * *

О, если божество склоняютъ
На милость бѣдствія земли,
Пусть сонмы душъ, что̀ отошли
Въ страну блаженства, умоляютъ
Дать миръ Италіи: она
Братоубійственной войною

Истерзана, истомлена.
Въ церквахъ, гдѣ небо тишиною
Дышало все, царитъ теперь
Развратъ съ толпой грѣховъ безчинныхъ,
И благочестію ихъ дверь
Затворена; лежатъ въ руинахъ
Алтарь и жертвенникъ... И звонъ
Колоколовъ, что̀ звалъ къ молитвѣ,
Къ кровавой призываетъ битвѣ
И заглушаетъ смерти стонъ.

* * *

Къ тебѣ взываютъ со слезами
Толпы и женщинъ, и дѣтей,
И старцевъ, жизнію своей
Отягощенныхъ, какъ цѣпями:
„Спаси, спаси насъ!“—весь народъ
Рыдаетъ, раны обнажая...
Врагъ римлянъ Аннибалъ—и тотъ,
Тяжелымъ мукамъ сострадая,
Склонился бы на этотъ стонъ.

* * *

Ты ихъ скорбямъ пошлешь цѣленье,
Тобою будетъ потушенъ
Пожаръ гражданскаго волненья;
Затихнетъ бѣшенство страстей,
Вновь миръ прольетъ любви отраду...
И небо доблести твоей
Пошлетъ достойную награду.

* * *

Нерѣдко трудною борьбой
Дается славныхъ дѣлъ свершенье,
И терпятъ грозныя гоненья
Герои отъ судьбы слѣпой;
Но предъ твоимъ величьемъ дивнымъ
Судьбы вражда усмирена,
И кажетъ славы путь она
Съ привѣтомъ радостно-призывнымъ.

* * *

Съ тѣхъ поръ, какъ въ памяти людской
Живутъ преданія былого,
Никто столь вѣрною стезей
Не шелъ къ столь славной цѣли: снова
Въ народъ измученный вдохнуть
Животворящій духъ свободы...

Ступай же смѣло въ этотъ путь,
Да славишься изъ рода въ роды!

* * *

О, муза! видишь на скалѣ
Тарпейской мощнаго героя:
Стоитъ онъ съ думой на челѣ
Объ общемъ благѣ и покоѣ;
Иди къ нему и возвѣсти:
„Ты озаренъ лучами славы,
Ты призванъ родину спасти —
Возстань на подвигъ величавый!
Склоненъ подъ бременемъ вѣковъ,
Съ потухшими отъ слезъ очами,
Римъ скорбными зоветъ мольбами
Тебя со всѣхъ семи холмовъ!“

(Перев. В. П. Буренина).

XXI. Джіованни Боккачіо.

(Изъ соч. Р. Зайчика: «Люди и искусство итальянскаго возрожденія». Переводъ съ нѣм. Е. Герстфельда. С.-Пб. 1906 г.).

Преобладающею чертою въ характерѣ Боккачіо была естественная прямота и откровенность. Онъ всегда оставался вѣренъ себѣ въ этомъ отношеніи, какъ въ бурные годы своей молодости, такъ и во время серьезнаго настроенія болѣе зрѣлаго возраста.

Поэтическое дарованіе проявилось въ Боккачіо очень рано. Въ его „Ameto“ говорится о средѣ, въ которой онъ выросъ, о тираническомъ и мрачномъ характерѣ отца, для котораго главное въ жизни была нажива, деньги; въ словахъ этихъ звучитъ печаль о безотрадномъ дѣтствѣ: нерасположеніе къ купеческой профессіи навсегда осталось свойственнымъ ему. Юношей, изучая въ Неаполѣ юридическія науки, Боккачіо сталъ воспринимать впечатлѣнія окружавшей его пестрой и разнообразной жизни. Мѣстоположеніе Неаполя и его окрестностей, космополитическая жизнь города, который онъ, однажды, назвалъ наиболѣе привлекательнымъ изъ всѣхъ городовъ Италіи, сильнѣе всего возбуждала его поэтическое дарованіе. Приходилось ему слышать въ Неаполѣ и французскія fabliaux, и провансальскія пѣсни; здѣсь передавались восточныя сказанія и дальше развивались арабскія новеллы и легенды. Языческія воспоминанія сохранились здѣсь, какъ нигдѣ, уживаясь рядомъ съ церковнымъ благочестіемъ. Въ народѣ была распространена легенда о волшебникѣ Виргиліи, и живы были воспоминанія о греческихъ колоніяхъ и греческомъ языкѣ, встрѣчались здѣсь колонны и античныя мраморныя произведенія, которыми неаполитанцы XIV вѣка завладѣвали въ Римѣ и которыя они перевозили на свою родину, на что уже Петрарка горько жалуется въ письмѣ къ Кола ди-Ріенцо; при дворѣ короля Роберта пребывали различные

ученые и знатоки античной литературы, какъ, напримѣръ, Паоло изъ Перуджіа, библіотекарь короля.

Любовь и поэзія имѣли наибольшую притягательную силу для юноши: онъ не могъ противостоять пѣнію сиренъ и нимфъ, и объ одной изъ нихъ, которую окрестилъ Палтинеей и которая дольше другихъ держала его въ своихъ оковахъ, онъ и впослѣдствіи часто вспоминалъ.

Остается вопросомъ, было ли чувство, возникшее въ Боккачіо, когда ему было двадцать-пять лѣтъ, къ Маріи д'Аквино, незаконной дочери короля Роберта, дѣйствительно глубокимъ, или же оно служило только поводомъ перенести на одинъ образъ всѣ его прежнія любовныя испытанія, придавъ имъ поэтическое выраженіе. Во всякомъ случаѣ, отношенія его къ этой молодой дѣвушкѣ, принимавшей посвященія всѣхъ его произведеній и называемой Фіамметой, служили богатымъ источникомъ его поэтическаго вдохновенія.

Любовь Боккачіо, какою она является въ его „Rime", не то сокровенное чувство, которое мы встрѣчаемъ въ „Canzoniere" Петрарки; оно гораздо менѣе глубоко по содержанію, но вмѣстѣ съ тѣмъ гораздо болѣе конкретно по своему выраженію. Чувство любви его было непосредственно, но оно не держало въ своихъ оковахъ всего человѣка. Оно не мѣшало ему точно наблюдать и внѣшній міръ, и самого себя, какъ часть этого міра. Рядомъ съ лирическимъ вдохновеніемъ, Боккачіо обладалъ способностью ясно видѣть и смѣшныя стороны жизненныхъ явленій, показывая ихъ иногда въ сатирическомъ освѣщеніи. Онъ никогда не относился равнодушно къ женщинѣ и могъ только или любить или ненавидѣть ее. Въ его „Carbaccio", самой рѣзкой сатирѣ, когда-либо написанной на женщинъ, его холерическій темпераментъ скорѣе льстилъ самому себѣ, чѣмъ той флорентинкѣ, которая привела его уже въ болѣе зрѣломъ возрастѣ въ такое сильное возбужденіе.

Когда источникъ художественной силы Боккачіо началъ изсякать, онъ сталъ поддаваться настроеніямъ, подъ вліяніемъ которыхъ искалъ болѣе твердой основы для своей жизни и мышленія. Прежняя непринужденность, часто даже веселость, уступили мѣсто серьезному настроенію и стремленію привести свою жизнь въ соотвѣтствіе съ болѣе высокими требованіями. Бывали минуты, когда онъ думалъ совершенно отказаться отъ своихъ свѣтскихъ занятій: онъ съ пренебреженіемъ оглядывался въ болѣе поздніе годы на свои стихотворенія, новеллы и романы и на всѣ свои прежніе очерки различныхъ человѣческихъ слабостей; онъ даже предостерегалъ отъ чтенія своихъ юношескихъ произведеній, и лучшій другъ его, Петрарка, узналъ только въ послѣдніе годы своей жизни, что Боккачіо былъ авторомъ собранія новеллъ—„Декамерона".

Даже въ „Декамеронѣ" обнаруживается иногда серьезная сторона характера Боккачіо; въ своихъ описаніяхъ онъ, какъ художникъ, не преслѣдуетъ никакихъ намѣреній; ему только доставляетъ удовольствіе слѣдить за жизнью и поступками разныхъ типовъ людей, которыхъ онъ наблюдаетъ вокругъ себя; къ этому присоединяется наивность сведневѣковаго художника, всецѣло погруженнаго въ дѣйствительность и не испытывающаго ни малѣйшаго желанія отрѣшиться отъ нея. Средневѣковые люди любили искусство разсказывать; они охотно слушали разсказы о томъ, что происходитъ въ дальнихъ странахъ, предоставляя фантазіи свободный полетъ и не провѣряя буквальной точности слышаннаго. Въ противоположность ко всему святому и высокому, часто указывалось на смѣшныя стороны дѣйствительности, которыя описывались въ довольно

свободныхъ выраженіяхъ, нисколько не оскорблявшихъ чьего-либо нравственнаго чувства.

Боккачіо придалъ только художественную форму тому, что на всѣ лады разсказывалось въ средневѣковой Европѣ и что самъ онъ слышалъ въ своей юности. Наблюдатель дѣйствительности властно требовалъ въ немъ своихъ правъ: многія изъ своихъ новеллъ онъ разсказывалъ только ради удовольствія разсказа, а если фантазія его съ особенною легкостью вращалась именно въ этомъ родѣ поэзіи, то причиной было то, что его преимущественно привлекала пестрая дѣйствительность.

Когда одинъ изъ знакомыхъ Боккачіо, однажды, назвалъ его Giovanni delle tranquillistà, поэтъ написалъ ему, что онъ вовсе не тотъ, кѣмъ его считаютъ другіе, что онъ человѣкъ, умѣющій сочувствовать страданіямъ другихъ. Всякое честолюбіе всегда было чуждо ему. Слава была для Боккачіо только теоретическимъ представленіемъ: онъ говорилъ о ней въ духѣ представленій античнаго міра, не испытывая при этомъ какого-либо личнаго чувства. Самъ онъ, повидимому, всегда имѣлъ склонность мало придавать цѣны собственнымъ произведеніямъ, не только написаннымъ по-итальянски, но и по-латыни.

Гордое чувство независимости было присуще всему образу жизни поэта: онъ ни за что не хотѣлъ принять мѣсто папскаго секретаря, которое Петрарка думалъ выхлопотать ему, и также любовь къ независимости была причиной, почему онъ не вступилъ въ болѣе близкія отношенія къ сенешалу Неаполя, Николо Аччайуоли. Въ зрѣломъ возрастѣ Боккачіо не требовалъ отъ жизни ничего иного, кромѣ досуга для своихъ научныхъ занятій. О бѣдности своей онъ часто говорилъ не безъ тайнаго чувства гордости. Такъ какъ средства его не всегда позволяли ему покупать всѣ тѣ рукописи, которыя были ему нужны, онъ собственноручно переписывалъ античныя произведенія, въ чемъ достигъ удивительнаго совершенства, по словамъ Джіаноццо Монетти. Онъ съ горячимъ усердіемъ предавался изученію всѣхъ въ то время извѣстныхъ латинскихъ авторовъ и, писалъ, однажды, что испытываетъ бо̀льшую радость въ обществѣ своихъ книгъ, чѣмъ короли міра.

Боккачіо имѣлъ очень высокое представленіе о поэтахъ и объ ученыхъ, которые не стремятся къ пріобрѣтенію богатствъ и почестей, какъ купцы и завоеватели, а истолковываютъ тайный смыслъ жизни и поучаютъ высшей мудрости. Съ восторгомъ говоритъ онъ въ своей миѳологической книгѣ „О происхожденіи боговъ“—„De genealogia deorum“— о поэтическомъ искусствѣ и его славныхъ представителяхъ; онъ, какъ паладинъ, сознающій свое высокое назначеніе, беретъ ихъ подъ свою защиту, противъ всякаго недоразумѣнія и несправедливаго порицанія людей, признающихъ одну матеріальную пользу, противъ мелочныхъ критиковъ и невѣждъ. Поэтъ представляется ему высшимъ существомъ, художникомъ, учителемъ и пророческимъ глашатаемъ жизненной истины, соединенными въ одномъ лицѣ.

Подобно Петраркѣ, и Боккачіо боролся противъ предразсудковъ школьныхъ философовъ, юристовъ и прозаическихъ натуръ. Въ противоположность Петраркѣ, онъ съ искреннимъ восторгомъ относился къ Данте, какъ къ поэту и мудрецу. Плодомъ его глубокаго почитанія творца „Божественной комедіи“ былъ его комментарій къ великой поэмѣ и очеркъ жизни Данте, заключающій въ себѣ, несмотря на субъективность разсказа, много тонкихъ психологическихъ чертъ.

Какъ поэтъ, Боккачіо создавалъ свои произведенія, изъ-за внутрен-

ней потребности: сила его дарованія лежала въ удивительной способности наблюдать и описывать характеры людей. Онъ объективно взиралъ на страсти, заблужденія, хорошія и дурныя стороны человѣческой природы, ясно изображалъ и часто тонко описывалъ ихъ. Онъ возвысилъ разсказъ и новеллу до искусства, въ современномъ смыслѣ этого слова. Человѣкъ казался ему объектомъ, представляющимъ наибольшій интересъ для наблюденія и изображенія. Боккачіо умѣлъ обнаруживать острымъ взглядомъ противорѣчія человѣческой природы, равно какъ распознавать страсти, чувства и побудительныя причины человѣческихъ поступковъ; разсказъ его имѣетъ поэтому психологическую основу; онъ приводитъ человѣка въ тѣсное соотношеніе съ природою, и фантазія его представляетъ себѣ послѣднюю въ чисто конкретныхъ образахъ.

Боккачіо чувствовалъ влеченіе къ природѣ и радовался, когда ему удалось смѣнить городъ и его политическія интриги пребываніемъ въ деревнѣ. Удалившись въ Фертальдо, онъ написалъ одному изъ своихъ друзей, что думаетъ отдохнуть здѣсь отъ городского шума, наслаждаясь видомъ полей и холмовъ, зелени и цвѣтовъ и всего того, что природа производитъ съ такою простотою, въ противоположность искусственности городской жизни; онъ чувствуетъ себя счастливымъ въ одиночествѣ и въ обществѣ своихъ книгъ. Его отношеніе къ природѣ не проникнуто тѣмъ глубокимъ чувствомъ, какъ у Петрарки, но воспринимаетъ онъ ее болѣе конкретнымъ образомъ, удѣляетъ больше вниманія отдѣльнымъ деталямъ. Въ его произведеніяхъ, написанныхъ по-итальянски, всюду встрѣчаются описанія мѣстностей и впечатлѣній отъ картинъ природы.

Боккачіо описываетъ природу и людей широкими штрихами, языкъ его отличается большою образностью и, часто, тонкостью оттѣнковъ. Если въ его юношескихъ произведеніяхъ его способъ выраженія еще можно назвать громоздкимъ и искусственнымъ, то въ новеллахъ „Декамерона“ поэтъ достигаетъ образцовой ясности, полнѣйшаго соотвѣтствія съ содержаніемъ излагаемаго и, часто, большой звучности, вслѣдствіи чего языкъ его можетъ считаться образцомъ благороднаго прозаическаго слога; съ такимъ совершенствомъ владѣя роднымъ языкомъ, Боккачіо, однако, считалъ, что тотъ, кто описываетъ обыденную жизнь на языкѣ volgare, не можетъ имѣть притязанія на имя настоящаго писателя. Всѣ ученые труды свои Боккачіо писалъ на латинскомъ языкѣ, какъ, напримѣръ, свое сочиненіе о рѣкахъ, горахъ и озерахъ, книгу о „Генеалогіи боговъ“, о судьбѣ знаменитыхъ мужчинъ и знаменитыхъ женщинъ: въ послѣдней онъ описываетъ, на основаніи тщательнаго изученія, главнымъ образомъ, античныхъ произведеній, всемірноисторическое значеніе женщины, правда, не вдаваясь въ особенно глубокую критику, приводя, напримѣръ, миѳологическія личности, какъ Изида, Ніобея и Медея, наряду съ историческими, какъ Сафо и Клеопатра. Послѣ тридцатилѣтней усердной работы, онъ закончилъ свое сочиненіе о „Генеологіи боговъ“, начатое по желанію короля Кипрскаго Гуго де-Лузиньанъ. Рядомъ съ результатами его изученія античной миѳологіи, въ этомъ сочиненіи выражены взгляды поэта на гуманистическую науку, на значеніе поэзіи, а также приведено его христіанское вѣроисповѣданіе.

Латинскому слогу Боккачіо недостаетъ подвижности, чистоты и блеска. Онъ не владѣетъ латинскимъ языкомъ въ такомъ совершенствѣ, какъ Петрарка, такъ какъ гуманистическое образованіе его носитъ другой характеръ, нежели у Петрарки. Тамъ, гдѣ разсудокъ вступаетъ въ свои

права на мѣсто фантазіи, непосредственное творчество покидаетъ его: онъ не умѣетъ вникнуть въ духъ античнаго произведенія или античной личности. Онъ—гуманистъ изъ стремленія къ знанію, изъ искренняго интереса къ научнымъ занятіямъ, къ античному міру; онъ усердно собираетъ отдѣльные факты и свѣдѣнія изъ античныхъ произведеній, разыскиваетъ старыя рукописи, какъ, напримѣръ, рукопись Тацита, не только съ большимъ вниманіемъ читаетъ рукописи античныхъ произведеній, но и разбираетъ ихъ содержаніе и грамматическую форму. И все-таки, онъ не проникаетъ въ самую сущность вопроса и не въ состояніи, несмотря на свои заслуги по распространенію гуманистическихъ занятій, всецѣло и глубоко проникнуться значеніемъ классическаго античнаго міра.

Поэтъ и ученый жили въ Боккачіо каждый самъ по себѣ и часто расходились между собою. Его взглядъ на поэтическое искусство противорѣчитъ тому, что самъ онъ создалъ, какъ поэтъ: поэзія была для него полна таинственныхъ аллегорій, скрывающихъ высшія истины, полна скрытаго смысла, не всѣмъ доступнаго, тогда какъ собственныя поэтическія произведенія его не заключали въ себѣ истолкованія и разрѣшенія глубокихъ вопросовъ жизни, а доказывали только искусство изображать характеры и явленія окружающей среды. Боккачіо изображаетъ самыхъ различныхъ людей и вліяніе, которое на нихъ оказываетъ, съ одной стороны, ихъ прирожденный характеръ, а съ другой—сословіе, къ которому они принадлежатъ, и среда, въ которой они вращаются: онъ даетъ намъ типы священниковъ, монаховъ, купцовъ, дворянъ, вѣрныхъ и невѣрныхъ женъ и дѣвицъ, однимъ словомъ, всего общества „Trecento“.

XXII. Изъ сочиненія Джіованни Боккачіо „Декамеронъ“ [1]).

Гуси брата Филиппа [2]).

(Посвящается моимъ противникамъ).

Въ городѣ Флоренціи проживалъ нѣкогда одинъ гражданинъ, по имени Филиппо Бальдуччи. Человѣкъ онъ былъ хотя и незнатнаго происхожденія, но очень богатый, дѣловой и разумный. Онъ былъ женатъ и имѣлъ сына. Съ женой своей они жили въ любви и полномъ согласіи. Но счастье непостоянно. Жена Филиппо умерла, оставивъ ему маленькаго сына. Смерть эта повергла Филиппо въ глубокое горе. Онъ пересталъ заниматься дѣлами, роздалъ все, что имѣлъ, и удалился на гору Азинайо, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, рѣшивъ посвятить себя Богу. Цѣлые дни онъ проводилъ въ молитвѣ, питаясь подаяніемъ и стараясь наставлять сына въ словѣ Божіемъ и отдалять его отъ всего земного. Прошло много лѣтъ, мальчикъ превратился въ юношу, достигнувъ семнадцатилѣтняго возраста... Никогда не спускаясь съ горы и не бывая нигдѣ, кромѣ сосѣдняго лѣса, юноша никогда никого не видалъ, кромѣ звѣрей,

[1]) Переводъ на русскій языкъ подъ редакціей Г. А. Чарскаго. Изд. 2-е. Спб.
[2]) Изъ предисловія автора къ новелламъ 4-го дня.

и не понималъ, что на свѣтѣ существуетъ и другой полъ рода человѣческаго. Старикъ же часто ходилъ во Флоренцію за милостыней.

Однажды юноша и говоритъ своему отцу:—Возьмите меня съ собой, отецъ, вы уже стары и слабы, покажите дорогу, и я стану ходить вмѣсто васъ и познакомлюсь съ нашими благочестивыми благотворителями. Представьте себѣ, когда васъ не будетъ на свѣтѣ, что̀ я сдѣлаю, вѣдь я никого не знаю.

Старикъ согласился съ такими резонными доводами своего сына и, вѣруя въ его стойкость и набожность, взялъ его во Флоренцію. Молодой человѣкъ, очутившись въ городѣ, точно съ неба свалился, глаза его такъ и разбѣгались. Онъ пришелъ въ неописуемый восторгъ при видѣ прекрасныхъ домовъ, великолѣпныхъ дворцовъ, чудныхъ церквей, спрашивая у отца названіе каждой вещи. Перебѣгая взорами съ одного предмета на другой, онъ замѣтилъ группу красивыхъ женщинъ, возвращающихся со свадьбы. Осмотрѣвъ ихъ внимательно, онъ спросилъ у отца, что̀ это такое?

— Не смотри, мой сынъ,—сказалъ отецъ,—это нѣчто очень опасное.—Но какъ это называется?—спросилъ юноша. Старикъ, желая отвлечь вниманіе сына отъ такого суетнаго предмета и избѣгнуть болѣе подробныхъ объясненій, сказалъ ему, что это гуси.

Юноша, не обращая болѣе вниманія на величественныя зданія и другіе окружающіе предметы, такъ и впился глазами въ эту группу.

— Отецъ, достань мнѣ такого гусеночка,—просилъ онъ.

— Боже сохрани,—отвѣчалъ старикъ,—не помышляй объ этомъ, сынъ мой, это дурныя существа.

— Неужели дурныя существа могутъ быть такъ красивы на видъ?—вскричалъ юноша:—онѣ прекраснѣе изображенныхъ у насъ ангеловъ, которыхъ вы мнѣ показывали. Возьмемъ котораго-нибудь, я самъ буду беречь и кормить его. Понялъ Филиппо, что природные инстинкты сильнѣе всякихъ внушеній и раскаялся, что взялъ сына съ собою.

Но я прерываю свой разсказъ и возвращаюсь къ тѣмъ, для кого я это написалъ.

Многіе ставятъ мнѣ въ вину, что я слишкомъ увлекаюсь вами, прекрасныя дамы. Да, я смѣло сознаюсь, что восхищаюсь вами и ничего не нахожу въ этомъ достойнаго порицанія. Да развѣ это преступленіе любить васъ? любоваться вашей чарующей красотою, вашей граціей и всѣми вашими прелестями? Если даже юноша, выросшій въ уединеніи, съ перваго взгляда почувствовалъ къ вамъ необъяснимое влеченіе, то за что же карать меня, которому небо даровало нѣжное сердце, и который съ юности привыкъ преклоняться передъ вами и восторгаться вашей красотой. И если юный отшельникъ забылъ весь міръ, взглянувъ на васъ, то кто же осмѣлится порицать меня за это, — развѣ только такой человѣкъ, который совершенно нечувствителенъ ко всему прекрасному. Но мнѣніе такихъ людей для меня не важно. И, несмотря на мои лѣта, заявляю, что до конца моихъ дней не перестану интересоваться и, въ свою очередь, развлекать тѣхъ, о которыхъ такъ много размышляли Гвидо Ковальконти, Данте Алигіери и Чина де-Пистойа, которые всецѣло посвятили свое вниманіе вамъ, прекрасныя дамы. Я могу привести много примѣровъ, что и въ глубокой древности люди большого ума старались заслужить расположеніе женщинъ. Но не стану отдаляться отъ моей главной темы.

Что касается совѣта отправиться на Парнасъ къ музамъ, то я не

прочь бы отъ этого. Но можемъ ли мы всегда пребывать тамъ, да и музы останутся ли навсегда съ нами? Нельзя ставить въ вину человѣку, что онъ, покинувъ музъ, ищетъ общества простыхъ смертныхъ женщинъ. Музы—женщины, а хотя женщины и не одарены качествами музъ, но все же похожи на нихъ, и само это сходство заставляетъ меня любить ихъ. Музы помогали мнѣ работать и внушали мнѣ мои вирши, но все же я писалъ не ради нихъ, а въ честь смертныхъ женщинъ. Набрасывая свои безхитростныя новеллы, я, значитъ, былъ все-таки близко къ Парнасу.

Думаю, что мною сказаннаго совершенно достаточно. Льщу себя надеждой, что съ Божіей помощью и пользуясь вашимъ вниманіемъ, дорогія читательницы, я окончу свой трудъ, отвернувшись отъ злобныхъ нападокъ дикой ярости. Что могутъ сдѣлать мнѣ враги мои? Въ худшемъ случаѣ, этотъ злой вѣтеръ закрутитъ меня какъ пылинку, поднимающуюся кверху и затѣмъ падающую на высокіе дворцы, на грандіозныя башни или на головы важныхъ особъ или простыхъ смертныхъ.

Однимъ словомъ, эта пылинка все-таки спускается не ниже земли. И я рѣшилъ, прекрасныя дамы, до конца дней моихъ служить вамъ и восхвалять васъ. Это вполнѣ согласно съ закономъ самой природы, и трудно бороться съ этимъ; нужны немалыя силы, чтобы сумѣть побѣдить эту природу. Нерѣдко люди, сильные умомъ и волею, все-таки падали въ этой неравной борьбѣ, такъ и я сознаюсь, что не имѣю достаточно энергіи, чтобы противостоять естественнымъ законамъ природы, да и не стараюсь имѣть ее. Такъ пусть противники мои сочтутъ за лучшее оставить меня въ покоѣ и пусть ихъ ледяныя сердца оцѣпенѣютъ въ вѣчной неподвижности, а я буду жить такъ, какъ считаю за лучшее.

Монахъ—сборщикъ податей.

Чертальдо, какъ вы вѣроятно слышали, есть мѣстечко въ долинѣ Эльзы, которое находится въ нашей окрестности, и хотя оно очень маленькое, но въ прежнія времена въ немъ жили благородные и богатые люди. Такъ какъ тамъ было чѣмъ поживиться, то одинъ изъ монаховъ братства св. Антонія, по имени Чиполло, сталъ являться туда разъ въ годъ для сбора пожертвованій, которыми его надѣляли простые люди.

Чиполло (т.-е. луковица) принимали тамъ очень радушно скорѣе благодаря его имени, чѣмъ по благочестію, потому что въ той мѣстности росло много луку, который славился по всей Тосканѣ. Братъ Чиполло былъ маленькаго роста, рыжій и съ радостнымъ лицомъ; это былъ одинъ изъ остроумнѣйшихъ плутовъ въ мірѣ. Не имѣя никакого образованія, онъ говорилъ такъ находчиво и красиво, что тѣ, которые его не знали, могли принять его не только за большого оратора, но за самого Цицерона или Квинтиліана. Въ названномъ мѣстечкѣ онъ всѣмъ былъ близокъ: кому приходился кумомъ, кому родственникомъ или другомъ. Однажды онъ пришелъ туда въ августѣ и въ воскресенье утромъ, когда всѣ, и мужчины и женщины, собираются къ службѣ въ церковь, онъ, выбравъ удобное время, приблизился къ нимъ и сказалъ:

— Синьоры и дамы! Какъ вамъ всѣмъ извѣстно, вы имѣете обыкновеніе каждый годъ посылать дары бѣднымъ св. Антонія, по вашему желанію вы жертвуете крупу и овесъ, кто много, кто мало, смотря по

вашему достатку, за что присноблаженный и святой Антоній покровительствуетъ вашимъ быкамъ, осламъ, свиньямъ и овцамъ; всѣ тѣ, которые записаны въ нашей общинѣ, разъ въ годъ уплачиваютъ свой взносъ, и вотъ для сбора этихъ пожертвованій, послалъ меня къ вамъ нашъ настоятель, иначе говоря мессиръ аббатъ; а для этого съ Божьимъ благословеніемъ, когда услышите колокольный звонъ, соберитесь сюда къ церкви, я, по обыкновенію, скажу вамъ проповѣдь и дамъ поцѣловать крестъ. А такъ какъ я знаю, что вы всѣ очень чтите св. Антонія, то по особой милости я вамъ покажу драгоцѣнную, чудную святыню, которую я лично принесъ изъ святой земли, изъ-за моря, а именно перо архангела Гавріила, которое осталось въ комнатѣ, когда онъ явился въ Назаретъ съ благовѣстіемъ. — Сказавъ это, онъ смолкъ и вернулся въ церковь.

Въ то время, когда братъ Чиполло говорилъ, среди его слушателей было двое молодыхъ людей, большихъ проказниковъ: одного изъ нихъ звали Джіованни дель-Брагоніера, а другого—Баджіо Пиццини. Посмѣявшись надъ обманными словами брата Чиполло, они сговорились, хотя и были съ нимъ пріятели, подшутить надъ нимъ съ его перомъ, а потому узнавъ, что братъ Чиполло въ это утро долженъ былъ завтракать въ замкѣ со своими друзьями, дождались, когда всѣ сѣли за столъ, вышли на улицу и отправились въ гостиницу, гдѣ остановился монахъ, и сговорились, что одинъ изъ нихъ, а именно Баджіо будетъ разговаривать со слугою Чиполло, а Джіованни въ это время будетъ искать перо въ вещахъ монаха и похититъ его, чтобы посмотрѣть потомъ, что скажетъ народу Чиполло.

У Чиполло былъ слуга, котораго одни звали Гукчіо Балена (китъ), другіе—Гукчіо Имбратта (пачкунъ) и, наконецъ, третьи—Гукчіо Порко (боровъ). Этотъ слуга былъ такъ некрасивъ, что художникъ Липпо Topo никогда не изображалъ въ своихъ каррикатурахъ ничего подобнаго. Братъ Чиполло часто смѣялся надъ нимъ и говорилъ:

— Мой слуга имѣетъ такихъ девять свойствъ, что если бы хотя одно изъ нихъ было у Соломона, Аристотеля или Сенеки, то этого было бы достаточно, чтобы испортить всю ихъ добродѣтель, весь ихъ разумъ, всю ихъ мудрость. Подумайте только, какимъ онъ долженъ быть человѣкомъ, если при его девяти свойствахъ въ немъ нѣтъ ни добродѣтели, ни разума, ни мудрости.

А когда спрашивали: „Какія же эти качества?" то онъ отвѣчалъ:

— Я сейчасъ вамъ скажу: онъ лѣнивъ, склоненъ къ пьянству, лживъ, неряшливъ, непослушенъ, злорѣчивъ, безпорядоченъ, глупъ и распутенъ. Этого мало, у него есть еще другіе пороки, о которыхъ лучше умолчать. Но смѣшнѣе всего у него то, что вездѣ онъ ищетъ себѣ жену и собирается завестись хозяйствомъ; а такъ какъ у него большая черная борода, то онъ воображаетъ себя такимъ красивымъ и привлекательнымъ, что увѣренъ въ томъ, что всѣ женщины влюбляются въ него; если бы ему только позволить, то онъ бѣгалъ бы за ними до изнеможенія. Правда, онъ мнѣ бываетъ полезенъ тѣмъ, что всегда подслушаетъ то, что мнѣ говорятъ по секрету, а потомъ, когда меня что-нибудь спрашиваютъ, то онъ, боясь за меня, что я не сумѣю сказать то, что надо, торопится отвѣтить поскорѣе: да или нѣтъ, смотря по его мнѣнію.

Братъ Чиполло, оставляя его въ гостиницѣ, поручилъ хорошенько сторожить вещи, чтобы кто-нибудь не трогалъ ихъ, въ особенности шкатулку, въ которой хранились священные предметы. Но Гукчіо предпочиталъ

оставаться въ кухнѣ — подобно соловью въ зеленыхъ вѣткахъ, въ особенности если тамъ находилась какая-нибудь служанка. Онъ узналъ, что въ кухнѣ гостиницы имѣется кухарка, маленькаго роста и неуклюжая, очень полная и съ лицомъ, напоминающимъ Варончи: потная, жирная и пропитанная дымомъ, а потому, какъ коршунъ, который почуялъ добычу, бросилъ комнату брата Чиполло, весь его багажъ и спустился въ кухню; несмотря на то, что былъ августъ мѣсяцъ, онъ сѣлъ у печки и началъ разговоръ со стряпухою, которую звали Нута, разсказывалъ ей, что онъ дворянинъ и что у него были червонцы тысячами, не считая тѣхъ, которые онъ долженъ былъ отдать за другихъ, что онъ умѣлъ говорить и дѣлать столько вещей, что просто удивительно.

Не взирая на капюшонъ, на которомъ было столько жиру, что имъ можно было бы приправить монастырскій котелъ, ни на разодранный плащъ съ пятнами отъ пота и грязи, представлявшими такіе узоры, что съ ними бы не сравнялся узоръ турецкихъ и индійскихъ ковровъ, ни на разодранные башмаки и прорванные чулки, онъ разсуждалъ съ такимъ видомъ, какъ будто настоящій дворянинъ, и обѣщалъ ей красивыя платья, наряды, обѣщалъ освободить отъ несчастной необходимости служить другимъ, не зная радостей, обѣщалъ ей богатство и много хорошихъ вещей; и все это, несмотря на то, что было сказано очень учтиво, не имѣло никакого успѣха, подобно многимъ его другимъ намѣреніямъ.

Молодые люди нашли Гукчіо занятымъ разговоромъ съ Нутой; обрадованные этимъ обстоятельствомъ, которое облегчало имъ дѣло на половину, и не встрѣчая никакого препятствія, они вошли въ комнату брата Чиполло, которую нашли отпертой и въ которой первое, что имъ бросилось на глаза, была шкатулка, гдѣ хранилось знаменитое перо.

Открывъ шкатулку, они нашли маленькій ящичекъ, завернутый въ шелковую матерію, а въ ящичкѣ было перо изъ хвоста попугая, которое, по ихъ мнѣнію, и было тѣмъ, какое монахъ хотѣлъ показать обывателямъ Чертальдо.

Они, конечно, въ то время повѣрили бы ему, потому что утонченная роскошь Египта едва только начинала проникать въ Тоскану, и никто не только не видалъ попугаевъ, но даже не слыхалъ о ихъ существованіи. Молодые люди были въ восторгѣ, что нашли перо, взяли его, а чтобы ящикъ не оставить пустымъ, положили туда уголья, которые нашли въ каминѣ, закрыли его и поставили все на мѣсто и никѣмъ не замѣченные вышли и съ нетерпѣніемъ стали ждать, что скажетъ Чиполло, найдя уголья вмѣсто пера.

Простые мужчины и женщины, слышавшіе въ церкви, что имъ покажутъ перо изъ крыла ангела, сейчасъ-же послѣ службы разошлись по домамъ и быстро разнесли услышанную новость. Отобѣдавши, они толпою побѣжали къ замку, такъ что насилу можно было къ нему протолкаться, и всѣ съ большимъ любопытствомъ желали видѣть перо. Братъ Чиполло отлично пообѣдалъ, потомъ поспалъ, проснулся, и видя, что многочисленная толпа ждетъ его, послалъ сказать Гукчіо, чтобы тотъ пришелъ съ колокольчикомъ и принесъ бы ему шкатулку.

Гукчіо съ сожалѣніемъ разстался съ кухней и съ Нутой, взялъ требуемыя вещи и по приказанію брата Чиполло пошелъ къ дверямъ церкви и изо всей силы началъ звонить въ колокольчикъ.

Когда весь народъ былъ въ сборѣ, Чиполло, не замѣтя, что его вещи трогали, началъ свою рѣчь и сказалъ сильное слово, а когда настало время показать перо, то онъ съ большою торжественностью при-

казалъ зажечь новые факелы и открылъ ящикъ. Увидя тамъ уголья, — онъ ни минуты не заподозрилъ Гукчіо въ этой продѣлкѣ, потому что зналъ, что тотъ не былъ на это способенъ, онъ также не разсердился на него за то, что тотъ, повидимому, такъ плохо стерегъ порученныя вещи, но онъ самъ на себя досадовалъ за то, что повѣрилъ слугѣ свои драгоцѣнности, когда зналъ, что тотъ былъ такъ лѣнивъ, небреженъ, неисполнителенъ и разсѣянъ. Тѣмъ не менѣе, не измѣняя выраженія своего лица и поднявъ къ небу руки и глаза, онъ громко, обратясь къ народу, сказалъ:

— Синьоры и дамы! Надо сказать вамъ, что когда я былъ еще молодымъ, я былъ посланъ нашимъ настоятелемъ въ тѣ страны, гдѣ восходитъ солнце, и что я долженъ былъ отыскать тамъ во чтобы то ни стало буллы великаго Порцеллана. Я пустился въ путь, выѣхавъ изъ Венеціи, проѣхалъ черезъ королевства Гарбское и Бальдаку, достигъ Парюна и, наконецъ, черезъ немного времени прибылъ въ Сардинію. Но къ чему мнѣ вамъ перечислять всѣ страны, гдѣ я искалъ? Я посѣтилъ разныя населенныя земли и оттуда уже я добрался въ землю лгуновъ, гдѣ встрѣтилъ многихъ изъ нашей братіи и другихъ богомольцевъ, которые путешествовали по этимъ странамъ во имя любви къ человѣчеству, ничего не дѣлая и не заботясь о нуждахъ ближнихъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда они могли поживиться, не тратя ничего, развѣ только фальшивую монету. Оттуда я прошелъ въ землю абруцевъ, гдѣ мужчины и женщины въ деревянныхъ башмакахъ ходятъ по горамъ и убиваютъ свиней, завертывая послѣднихъ въ ихъ собственныя кишки. Немного дальше я нашелъ людей, которые носили хлѣбъ на палкахъ, а вино въ мѣшкахъ. Пройдя эти страны, я добрался до горъ, гдѣ рѣки текутъ сверху внизъ, а затѣмъ очень скоро я достигъ Инда Пастинака, гдѣ, клянусь вамъ одеждою, которую ношу, видѣлъ какъ летали двуногія существа, вещь удивительная для тѣхъ, кто этого никогда не видѣлъ, и я не вру вамъ, говоря, что видѣлъ, какъ одинъ купецъ занимался тѣмъ, что разбивалъ орѣхи и продавалъ скорлупу, но я не могъ найти того, чего искалъ, а такъ какъ въ тѣ страны надо добраться по водѣ, то я немного вернулся назадъ и пришелъ въ святую землю, гдѣ лѣтомъ свѣжій хлѣбъ продаютъ за четыре динарія, а горячій хлѣбъ раздаютъ даромъ.

Тамъ я встрѣтилъ досточтимаго отца мессира, достойнаго патріарха іерусалимскаго, который, изъ уваженія къ одеждѣ св. Антонія, непремѣнно хотѣлъ показать мнѣ всѣ бывшія у него святыни; число ихъ было такъ велико, что если-бы я сталъ вамъ ихъ перечислять, то долго недошелъ-бы до конца, но чтобы васъ утѣшить, я вамъ все-таки разскажу про нѣкоторыя изъ нихъ.

Во-первыхъ, онъ мнѣ показалъ: локонъ Серафима, который явился св. Франциску, ноготь херувима, одежды католической вѣры, лучъ звѣзды, которая явилась волхвамъ, флаконъ, наполненный потомъ св. Михаила, собраннымъ въ то время, когда онъ боролся съ діаволомъ, челюсть смерти св. Лазаря и много другихъ, а такъ какъ я ему подарилъ страницы вульгаты и нѣсколько главъ Капреція, которые онъ давно искалъ, то онъ подѣлился со мною и далъ мнѣ флаконъ съ небольшимъ количествомъ звона отъ храма Соломона, перо Гавріила, о которомъ я вамъ уже говорилъ, и башмакъ св. Герарда, который я недавно подарилъ во Флоренціи Герарду ди-Бонси, очень чтущему этого святого. Онъ-же, въ свою очередь, далъ мнѣ уголья, на которыхъ жарили св. Лаврентія. Всѣ

эти святыни съ большимъ благоговѣніемъ я принесъ съ собою и всѣ онѣ здѣсь у меня. Нашъ настоятель не позволялъ мнѣ показывать эти вещи, пока не удостовѣрится, что онѣ дѣйствительно настоящія, а не подложныя, но на дняхъ по одному виданному имъ чуду и благодаря письму, которое онъ получилъ отъ патріарха, онъ убѣдился, что всѣ онѣ настоящія, и далъ мнѣ разрѣшеніе ихъ показывать. Но я боюсь ихъ поручить кому-нибудь, а потому всегда ношу съ собою. Перо Гавріила я храню въ шкатулкѣ, чтобы оно не портилось, а въ другомъ ящикѣ у меня спрятаны уголья, на которыхъ жарился св. Лаврентій; оба эти ящика очень похожи другъ на друга, такъ что я часто ихъ смѣшиваю, и вотъ сегодня я тоже ошибся и думалъ, что взялъ съ собою ящикъ съ перомъ, а оказалось, что взялъ ящикъ съ угольями. Но мнѣ кажется, что тутъ не ошибка, а что я, по указанію промысла, захватилъ ящикъ съ угольями, потому что, какъ я сейчасъ припоминаю, черезъ три дня будетъ день св. Лаврентія, и потому я долженъ показать вамъ уголья, на которыхъ горѣлъ этотъ мученикъ католической церкви. Я пробудилъ въ вашихъ сердцахъ благоговѣніе, которое вы должны имѣть къ нему; но уголья еще пахнутъ горѣлымъ тѣломъ св. Лаврентія, а потому, дѣти мои, снимите ваши капюшоны и съ трепетомъ подходите смотрѣть на нихъ. Между прочимъ долженъ вамъ замѣтить, что тотъ, кто будетъ помѣченъ этими угольями, можетъ жить спокойно цѣлый годъ и быть увѣреннымъ, что не сгоритъ.

Проговоривъ все это, Чиполло пропѣлъ гимнъ во славу св. Лаврентія и открылъ ящикъ, показавъ уголья. Послѣ того какъ глупая толпа смотрѣла на нихъ съ восторгомъ, всѣ начали подходить къ Чиполло и давали ему двойное пожертвованіе, прося помѣтить ихъ уголькомъ. Для этого Чиполло держалъ уголья въ рукѣ и усердно дѣлалъ толстыя помѣтки на бѣлыхъ рубашкахъ и платьяхъ подходившихъ къ нему простолюдиновъ, увѣряя, что чѣмъ больше выходитъ угля на отмѣтки, тѣмъ больше прибавляется его въ шкатулкѣ, что это онъ уже замѣчалъ много разъ.

Такимъ образомъ онъ съ большою выгодою для себя помѣтилъ всѣхъ жителей Чертальдо и благодаря своей находчивости посмѣялся надъ тѣми, кто утащилъ у него перо, думая подшутить и посмѣяться надъ нимъ.

Присутствовавшіе тутъ шутники слышали, какъ Чиполло вывернулся изъ затрудненія, и такъ смѣялись, что чуть не вывихнули себѣ челюсти. Когда толпа разошлась, они тоже подошли къ монаху, чистосердечно разсказали ему о своей продѣлкѣ и вернули ему перо, которое годъ спустя сослужило ему такую-же службу, какъ и уголья.

Изъ „Молитвы противъ колики“.

Рено сдѣлался монахомъ, но вскорѣ, все оставаясь монахомъ, онъ сталъ всюду показываться, сшилъ себѣ красивое, дорогое платье, былъ нарядѣнъ и изященъ, сочинялъ пѣсни, сонеты и баллады, пѣлъ и занимался всякими неподобающими вещами.

— Но что я говорю именно о братѣ Рено? Развѣ не всѣ монахи таковы?

— О! Позоръ испорченнаго свѣта! И имъ не стыдно быть толстыми и жирными, съ румяными лицами, изнѣженными и женоподобными: они разгуливаютъ съ грудью впередъ, высоко поднявъ голову, не какъ го-

луби, а какъ торжествующіе пѣтухи. А хуже всего — не говоря уже о ихъ кельяхъ, наполненныхъ склянками съ помадами и мазями, банками варенья, флаконами съ душистыми водами и маслами, бутылками мальвазіи и другими рѣдкими и дорогими винами, такъ что кельи эти больше похожи на аптеки и парфюмерныя лавки; хуже всего, что они не краснѣютъ, что болѣютъ подагрой; они воображаютъ, будто никто не знаетъ, что отъ поста, простой умѣренной пищи и воздержанной жизни люди мужаютъ и здоровѣютъ, а если и болѣютъ, то ужъ во всякомъ случаѣ не подагрой, которую лѣчатъ воздержаніемъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ скромной монашеской жизни. Они воображаютъ также, что никто не знаетъ, что скромная жизнь, продолжительныя молитвы и строгая дисциплина дѣлаютъ людей серіозными и блѣдными: ни у святого Доминика, ни у святого Франциска не было многочисленныхъ, нарядныхъ одеждъ; они носили грубыя простыя ткани, для защиты отъ холода, а не для франтовства.

Да исправитъ ихъ Господь и да просвѣтитъ Онъ также и добрыхъ людей, которые кормятъ этихъ тунеядцевъ!

Булочникъ.

Папа Бонифацій послалъ во Флоренцію нѣсколькихъ своихъ приближенныхъ въ качествѣ посланниковъ, для обсужденія нѣкоторыхъ важныхъ дѣлъ; они остановились въ домѣ кавалера Джери, который помогалъ имъ въ устройствѣ дѣлъ папы. Случилось, что Джери и папскіе послы каждое утро проходили пѣшкомъ мимо церкви Санта-Марія Угги, гдѣ находилась булочная Чисти, которою онъ лично завѣдывалъ. Хотя судьба и надѣлила его очень скромнымъ ремесломъ, но она ему такъ благопріятствовала, что онъ скоро разбогатѣлъ, и жилъ широко, но никогда не хотѣлъ перемѣнить свое занятіе на другое. Кромѣ многихъ хорошихъ вещей онъ всегда имѣлъ самыя лучшія бѣлыя и красныя вина, какія только можно было найти во Флоренціи и во всей странѣ. Видя, что синьоръ Джери съ посланниками каждый день проходятъ мимо его двери въ самое жаркое время дня, онъ рѣшилъ, что было бы очень учтиво угостить ихъ хорошимъ бѣлымъ виномъ; но думая о своемъ званіи и о высокомъ положеніи кавалера Джери, онъ нашелъ, что будетъ неудобно, если онъ осмѣлится пригласить послѣдняго къ себѣ; тѣмъ не менѣе нашелъ средство сдѣлать такъ, чтобы кавалеръ самъ бы назвался къ нему. Для этого онъ надѣлъ бѣлую куртку и чистый, только что выстиранный передникъ, что придавало ему скорѣе видъ мельника, чѣмъ булочника, и къ тому времени, когда Джери и посланники должны были проходить мимо него, онъ велѣлъ подать ведро свѣжей воды и графинъ хорошаго бѣлаго вина, а также два стакана; онъ усаживался передъ виномъ и когда посланники проходили мимо него, онъ разъ или два отплевывался, а затѣмъ принимался пить вино съ такимъ видомъ, что кажется способенъ былъ воскресить мертваго.

Синьоръ Джери два утра подъ рядъ замѣчалъ эту продѣлку, а на третье спросилъ:

— Что, Чисти, вкусно?

Чисти тотчасъ же всталъ, говоря:

— Да, господинъ; я даже не въ силахъ и передать, попробуйте сами!

Синьоръ Джери, въ которомъ сильная жара, отчасти непривычная

работа и, наконецъ, тотъ довольный видъ, съ которымъ Чисти пилъ вино, возбуждали жажду, обернулся къ посланникамъ и, смѣясь сказалъ:

— Господа не дурно было бы попробовать вино этого достойнаго человѣка; быть можетъ оно такъ вкусно, что мы не раскаимся?

И онъ подошелъ съ посланниками къ Чисти, который приказалъ вынести изъ лавки красивую бѣлую скамейку и пригласилъ гостей сѣсть, а слугамъ, которые пришли мыть стаканы, онъ сказалъ:

— Друзья мои, отойдите и дайте мнѣ самому служить, потому что я не менѣе ловкій виночерпій, чѣмъ булочникъ, но только не думайте, что я и васъ угощу.

Сказавъ это, онъ вымылъ четыре новыхъ красивыхъ стакана и, приказавъ принести маленькій боченокъ съ хорошимъ бѣлымъ виномъ, поспѣшилъ налить его господину Джери и посланникамъ.

Вино показалось кавалерамъ такимъ вкуснымъ, какого они уже давно не пробовали, и они его много хвалили; а потому во все время пребыванія посланниковъ во Флоренціи, Джери со своими спутниками почти каждое утро заходили къ Чисти и пили его вино.

Наконецъ, дѣла были окончены, и посланники должны были уѣхать. Синьоръ Джери устроилъ для нихъ роскошный обѣдъ, на который пригласилъ большую часть почетныхъ гражданъ; между прочими приглашенъ былъ и Чисти. Но послѣдній ни подъ какимъ видомъ не рѣшался явиться. Джери просилъ тогда одного изъ своихъ приближенныхъ пойти и попросить у Чисти небольшой сосудъ его вина, чтобы въ началѣ обѣда угостить гостей, предложивъ имъ по полъ стакана этого вина. Приближенный, обиженный тѣмъ, что ему не удалось испробовать этого хорошаго вина, взялъ съ собою большой сосудъ; но едва только Чисти увидѣлъ его, то сказалъ:

— Сынъ мой, ты ошибся, это не ко мнѣ тебя послалъ твой господинъ.

Приближенный нѣсколько разъ увѣрялъ его, что онъ не ошибается, но не могъ убѣдить Чисти, и вернувшись къ своему господину разсказалъ о случившемся. Тогда Джери сказалъ:

— Иди опять и скажи Чисти, что я дѣйствительно послалъ тебя къ нему, а если онъ тебѣ начнетъ возражать, то спроси его, къ кому же я тебя послалъ?..

Приближенный вернулся къ Чисти и сказалъ:

— Чисти, увѣряю тебя, что господинъ Джери послалъ меня къ тебѣ.

На это Чисти отвѣтилъ:

— Увѣряю тебя, сынъ мой, что это неправда.

— Такъ скажи ты мнѣ, — сказалъ приближенный, — къ кому же онъ меня послалъ?

На это Чисти отвѣчалъ:

— На рѣку Арно...

Приближенный передалъ этотъ отвѣтъ Джери, который, прослушавъ его, удивленно раскрылъ глаза и, подумавъ, велѣлъ приближенному показать сосудъ, съ которымъ тотъ ходилъ къ Чисти, а когда увидѣлъ его, замѣтилъ:

— Чисти правъ.

Затѣмъ, побранивъ приближеннаго, онъ велѣлъ взять самый маленькій сосудъ и идти опять за виномъ.

На этотъ разъ Чисти, увидя сосудъ сказалъ:

— Теперь я вижу, что твой господинъ точно послалъ тебя ко мнѣ,— и съ довольнымъ видомъ наполнилъ сосудъ.

Въ тотъ-же день Чисти отослалъ къ Джери цѣлую бочку хорошаго вина, а затѣмъ явился къ нему самъ и сказалъ:

— Господинъ, мнѣ-бы не хотѣлось, чтобы вы подумали, что большой сосудъ испугалъ меня, но такъ какъ мнѣ показалось, что вы уже забыли, что въ послѣдніе дни, подавая вамъ по утрамъ свое вино въ небольшихъ сосудахъ, я показывалъ тѣмъ, что это вино не для слугъ, то это самое мнѣ захотѣлось напомнить вамъ и сегодняшнимъ утромъ. Теперь я больше не хочу держать это вино, а потому велѣлъ его все привезти къ вамъ,—дѣлайте съ нимъ, что желаете.

Синьору Джери былъ очень пріятенъ подарокъ, и онъ благодарилъ Чисти, какъ только нашелъ возможнымъ; и съ тѣхъ поръ очень уважаетъ его и считаетъ стоимъ другомъ.

Любовь рождаетъ чудо.

Изъ древнихъ преданій, сохранившихся на островѣ Кипрѣ, извѣстно, что тамъ нѣкогда проживалъ богатый и уважаемый человѣкъ, по имени Аристиппо, котораго во всемъ баловала фортуна, исключая одного обстоятельства, причинявшаго ему немало горя. Въ числѣ троихъ его сыновей былъ одинъ особенно выдающійся по красотѣ и статности фигуры, но зато внѣшнія данныя юноши совершенно не гармонировали съ его внутренними достоинствами. Онъ былъ совершенно тупоумный. Звали его Галезо. Отецъ его ничего не щадилъ, чтобы дать ему прекрасное образованіе, но всѣ труды и старанія были напрасны. Ни опытные наставники, ни ласки и угрозы отца—ничего не дѣйствовало. Грамота ему не давалась. Кромѣ того, по своимъ манерамъ, голосу и грубому обращенію, это былъ положительно дикарь, и никакое воспитаніе не могло сгладить этихъ недостатковъ природы. Его прозвали Чимоне, что означало на кипрскомъ нарѣчіи—скотина. Горько оплакивалъ судьбу своего сына несчастный отецъ, но ничего нельзя было сдѣлать, а поэтому онъ рѣшилъ отправить его въ деревню, чтобы не видѣть постоянно передъ глазами этого жестокаго дара судьбы.

Деревенская жизнь пришлась по вкусу Чимоне. Онъ занялся тамъ сельскими полевыми работами.

Вотъ, однажды, проходя съ палкой въ рукахъ по зеленой тѣнистой рощѣ, нечаянно набрелъ онъ на красивый фонтанъ, и видитъ невдалекѣ уснувшую на травѣ дѣвушку. Одежда на ней была легка и прозрачна, такъ что, обрисовывая ея красивыя формы, позволяла различать даже нѣжную бѣлизну ея кожи. Чимоне приблизился, чтобы лучше разглядѣть спящую. Опершись на палку, онъ сталъ пристально глядѣть на это изящное созданіе, изумляясь все болѣе и болѣе, какъ будто никогда не видывалъ женщинъ.

Въ его умѣ, куда прежде не проникала никакая мысль, гдѣ не зарождалось никакого осмысленнаго представленія, теперь появилось сознаніе, что дѣвушка эта—прелестнѣйшее созданіе въ мірѣ.

Онъ любовался ея волосами, красивыми губками, алыми щеками и изящными ручками. Доселѣ человѣкъ дикій и грубый, онъ сталъ понимать красоту. Ему захотѣлось видѣть ея глаза: онъ было надумалъ разбудить дѣвушку, но не рѣшился тревожить ея покой, полагая, что это

какая-либо фея заснула тутъ у подножія фонтана. И сталъ терпѣливо дожидаться ея пробужденія.

Такъ стоялъ онъ, какъ очарованный, боясь шелохнуться. Наконецъ, дѣвушка, которую звали Ифигенія, открыла глаза и очень удивилась, увидѣвъ передъ собой молодого человѣка.

— Ты что тутъ дѣлаешь, Чимоне, въ рощѣ въ эту пору? — спросила она.

Чимоне хорошо былъ извѣстенъ всѣмъ въ окрестности. Онъ ничего не отвѣтилъ на вопросъ дѣвушки, но все-таки упорно продолжалъ смотрѣть на нее.

Отъ этихъ безмолвныхъ взоровъ Ифигеніи стало неловко. Она поспѣшила пойти домой. Чимоне проводилъ ее до самого дома.

Въ этотъ же день онъ отправился къ отцу и объявилъ, что больше не хочетъ оставаться въ деревнѣ.

Молодой человѣкъ, мысль и сердце котораго доселѣ находились въ спячемъ состояніи, съ этихъ поръ совершенно измѣнился подъ вліяніемъ загорѣвшейся любви къ прекрасной Ифигеніи.

Прежде всего онъ потребовалъ, чтобъ его красиво и богато одѣли, согласно его желанію, затѣмъ познакомился и сошелся съ благовоспитанными людьми, стараясь перенять у нихъ изящныя и благородныя манеры. Къ удивленію всѣхъ окружающихъ, онъ въ короткое время не только постигъ грамоту, но даже отличился по ученой части. Такъ любовь и желаніе взаимности вдохновили его. Однимъ словомъ, менѣе, чѣмъ въ четыре года, Чимоне сдѣлался однимъ изъ самыхъ умныхъ и благовоспитанныхъ молодыхъ людей.

Аристиппо, счастливый такимъ благопріятнымъ превращеніемъ сына, не препятствовалъ его любви къ Ифигеніи. Чимоне, сдѣлавшись благовоспитаннымъ и уважаемымъ молодымъ человѣкомъ, не разъ просилъ Читео, отца Ифигеніи, выдать за него любимую дѣвушку, но Читео отказывалъ, ссылаясь на то, что уже обѣщалъ ее одному родосскому дворянину.

Но Чимоне ни за что не хотѣлъ отказаться отъ мысли назвать ее своею.

Между тѣмъ изъ Родоса прибыли послы за невѣстой.

— Царица души моей,—говорилъ Чимоне,—теперь настало время доказать тебѣ любовь мою! Ты сдѣлала меня человѣкомъ, и я завоюю тебя или сложу свою голову.

Онъ собралъ своихъ пріятелей, вооружилъ корабль, вышелъ въ море и сталъ дожидаться родосскаго судна, которое должно было вести невѣсту.

Ифигенія отправилась въ путь. Чимоне подстерегалъ корабль. Родосцы приготовились защищаться. Подплылъ Чимоне близко къ кораблю, притянулъ его абордажнымъ крюкомъ, бросился впереди всѣхъ на родосцевъ и сталъ наносить удары направо и налѣво. Любовь придала ему удвоенную храбрость и энергію. Всѣ бывшіе на кораблѣ перепугались такого сильнаго натиска, побросали оружіе и рѣшили сдаться.

— Друзья мои,—заявилъ Чимоне,—не злоба, не жажда добычи заставила меня напасть на васъ; нѣтъ, мнѣ ничего вашего не нужно, отдайте мнѣ только Ифигенію, которая мнѣ милѣе жизни. Отецъ ея отказалъ мнѣ въ ея рукѣ, но я рѣшилъ или умереть или завладѣть моимъ сокровищемъ.

Родосцы уступили, не смѣя болѣе противиться. Чимоне отвелъ Ифигенію на свое судно, не тронувъ ничего остальнаго.

Чимоне утѣшалъ плачущую дѣвушку.

— Не огорчайся, Ифигенія, что ты со мною, — говорилъ онъ; — я сдѣлаю тебя болѣе счастливой, чѣмъ твой бывшій женихъ Пазимунда, котораго ты не знаешь. Я не переставалъ боготворить тебя съ той минуты, какъ увидѣлъ впервые. Я постараюсь заслужить твою любовь.

Затѣмъ, посовѣтовавшись со своими друзьями, онъ рѣшился не возвращаться на Кипръ, а направить путь свой къ острову Криту, гдѣ могъ поселиться въ полной безопасности со своей Ифигеніей.

Судно направили къ Кандіи. Но вдругъ погода измѣнилась. Подулъ сильный вѣтеръ, небо покрылось свинцовыми тучами, море бурлило, волны такъ и вздымались, съ силою ударяя о бортъ бригандины. Къ ночи буря еще усилилась, ни зги не было видно. Матросамъ не подъ силу было справиться съ парусами. Всѣ были въ отчаяніи, плыли—не зная куда.

Чимоне съ ужасомъ видѣлъ, что пріобрѣтенная имъ дорогая добыча погибнетъ. Всѣ стонали и плакали. Болѣе всѣхъ убивалась Ифигенія. Видя въ этомъ кару боговъ, она проклинала Чимоне и его любовь. Вѣтеръ гналъ судно прямо къ Родосу. Матросы, завидя берегъ и не зная, какая это земля, старались всѣми силами направиться туда. Ихъ загнало въ бухту у Родоса, куда только-что прибылъ и отпущенный ими корабль.

На разсвѣтѣ они поняли, куда попали. Чимоне, страшась дурныхъ послѣдствій, велѣлъ направить судно въ противоположную сторону. Однако, ничего нельзя было подѣлать, сильнымъ вѣтромъ ихъ снова причалило къ острову. Родосскіе моряки ихъ узнали, собрали жителей города и объявили, что бригандина Чимоне загнана въ ихъ бухту.

Чимоне со своими людьми укрылся въ лѣсу, но ихъ всѣхъ изловили и увели въ городъ.

Пазимунда, узнавъ о случившемся, подалъ жалобу родосскому сенату. Правителю Родоса Лизимаху повелѣно было посадить Чимоне и его спутниковъ въ тюрьму. Чимоне снова потерялъ свою Ифигенію.

Дѣвушку помѣстили къ благороднымъ дамамъ Родоса, гдѣ она должна была оставаться до своей свадьбы съ Пазимундой.

Какъ ни интриговалъ Пазимунда, хлопоча о томъ, чтобы Чимоне и его спутники были казнены, но ему это не удалось. Ихъ приговорили къ пожизненному тюремному заключенію.

Но судьба сжалилась надъ Чимоне.

У Пазимунды былъ младшій братъ, по имени Ормизда, у него была невѣста, звали ее Кассандрою. Въ эту дѣвушку былъ страстно влюбленъ правитель Лизимахъ.

Приготовляясь къ своей свадьбѣ, Пазимунда рѣшилъ одновременно сыграть и свадьбу своего брата.

Вѣсть о замужествѣ Кассандры сильно опечалила Лизимаха. Онъ, во что бы то ни стало, рѣшилъ разстроить эту затѣю Пазимунды. Но какъ это сдѣлать? Долго размышлялъ онъ и рѣшилъ, что надо похитить Кассандру. Вспомнилъ онъ, что въ этомъ дѣлѣ ему лучше всѣхъ можетъ помочь Чимоне.

Призвалъ Лизимахъ Чимоне и сказалъ такъ:

— Слушай, Чимоне, боги не только даруютъ всѣ блага людямъ, но также испытываютъ и ихъ твердость и добродѣтель. Вспомни: любовь сдѣлала тебя человѣкомъ, затѣмъ ты получилъ Ифигенію и снова вдругъ потерялъ ее, и вотъ теперь находишься въ тюрьмѣ. Такъ превратна судьба человѣка. Пазимунда теперь торжествуетъ, а ты потерялъ все для тебя самое дорогое. Одновременно съ тобой и я испытываю тѣ же

муки. Въ тотъ день, какъ Ифигенія станетъ женою Пазимунды, дѣвушка, которую я люблю, Кассандра, станетъ женою его брата. Не думаю, чтобы тебѣ была мила свобода безъ любимой женщины. Помоги мнѣ овладѣть Кассандрой, и ты снова получишь свою Ифигенію.

Чимоне съ радостью согласился.

— Что долженъ я дѣлать? Научи!—съ восторгомъ вскричалъ Чимоне.—Я буду твоимъ вѣрнымъ и сильнымъ помощникомъ.

— Черезъ три дня,—сказалъ Лизимахъ,—когда новобрачныя пойдутъ въ домъ своихъ мужей, мы бросимся съ отрядомъ вооруженныхъ людей, отнимемъ нашихъ подругъ, сядемъ на корабль, заранѣе мною приготовленный и скроемся.

Этотъ планъ, разумѣется, понравился Чимоне, и онъ сталъ съ нетерпѣніемъ ждать условнаго дня.

Наступилъ день свадьбы. Устроили грандіозный пиръ.

Лизимахъ тоже не дремалъ. Онъ вооружилъ три отряда. Одинъ помѣстилъ у пристани, а съ двумя направился къ дому Пазимунды. Отрядъ, предводительствуемый Лизимахомъ и Чимоне, ворвался въ домъ, гдѣ сидѣли обѣ молодыя за свадебнымъ столомъ. Схвативъ своихъ возлюбленныхъ, храбрецы мечомъ прокладывая себѣ путь, увлекли ихъ на корабль. Пазимунда и его братъ пали бездыханными подъ ударами Чимоне.

Корабль, сопровождаемый попутнымъ вѣтромъ, поплылъ по направленію къ Криту и скоро достигъ острова. Тамъ Лизимахъ и Чимоне отпраздновали свои свадьбы.

По истеченіи нѣкотораго времени, друзья и знакомые выхлопотали прощеніе Лизимаху и Чимоне, и они вернулись каждый на свою родину: Чимоне съ Ифигеніей на Кипръ, а Лизимахъ съ Кассандрою—на Родосъ, гдѣ въ мирѣ и любви зажили со своими женами.

Соколъ.

Нѣкогда во Флоренціи проживалъ одинъ богатый юноша Федериго, сынъ Филиппа Алберигп. Онъ выдѣлялся своимъ образованіемъ, умомъ и дарованіями среди тосканской молодежи.

Онъ былъ влюбленъ, какъ свойственно людямъ въ его годы, въ одну красавицу изъ высшаго общества, по имени Джіованна, которая была лучше всѣхъ женщинъ во Флоренціи.

Федериго ничего не жалѣлъ, чтобы понравиться своей дамѣ: задавалъ пиры, устраивалъ турниры, подносилъ дорогіе подарки, словомъ все, но дама не обращала вниманія ни на кавалера, ни на то, что онъ для нея дѣлалъ.

Федериго безразсудно промоталъ свое состояніе: скоро у него ничего не осталось, кромѣ маленькаго имѣнія, которое едва давало возможность существовать, да чудный охотничій соколъ.

Не будучи уже въ состояніи проживать въ городѣ, но все еще безумно влюбленный въ свою даму, Федериго уединился въ свое помѣстье и занялся охотой.

Такъ жилъ онъ нѣкоторое время. Вдругъ мужъ его красавицы заболѣлъ и умеръ. Онъ оставилъ завѣщаніе, по которому все было назначено въ пользу сына, въ случаѣ же если мальчикъ умретъ, наслѣдство должно перейти къ Джіованнѣ.

Овдовѣвъ, прекрасная дама на время траура отправилась со своимъ сыномъ въ одно изъ помѣстій своего мужа, недалеко отъ усадьбы Федериго.

Мальчикъ подружился съ сосѣдомъ, ходилъ съ нимъ на охоту и любовался его чуднымъ соколомъ, котораго ему, конечно, очень бы хотѣлось имѣть.

Но вотъ, однажды, мальчикъ захворалъ. Мать, любившая его до безумія, нѣжно ухаживала за нимъ, исполняла всѣ его желанія и постоянно спрашивала, не хочется-ли ему чего-нибудь. Она съ радостію все исполнитъ.

— О, мамочка,—сказалъ мальчикъ,—если бы вы для меня достали сокола Федериго, я бы навѣрное выздоровѣлъ.

Эта просьба заставила задуматься Джіованну. Ей показалось неловко что-либо просить у Федериго, къ которому она всегда такъ сурово относилась, да еще тѣмъ болѣе чуднаго сокола, его послѣднюю утѣху и даже поддержку въ существованіи, такъ какъ благодаря этому соколу Федериго всегда удачно охотился.

Любовь матери пересилила всякія колебанія, и она сказала сыну:

— Только бы ты выздоровѣлъ, мой дорогой, а я завтра же пойду къ Федериго и выпрошу тебѣ сокола.

Отъ радости мальчикъ въ этотъ же день почувствовалъ себя лучше.

На утро Джіованна, какъ бы гуляя, въ сопровожденіи служанки направилась къ домику Федериго и попросила его вызвать. Молодой человѣкъ былъ у себя въ саду, такъ какъ сезонъ охоты еще не начинался.

Съ радостью выбѣжалъ онъ къ ней навстрѣчу.

— Здравствуйте, Федериго,—привѣтливо сказала красавица;—я пришла къ вамъ отчасти вознаградить васъ вниманіемъ за все то, что вы потерпѣли. Пришла посидѣть у васъ немного и пообѣдать съ вами.

— Вы нисколько не виноваты въ моихъ потеряхъ,—скромно замѣтилъ Федериго.—Напротивъ, мое чувство къ вамъ дѣлаетъ меня счастливымъ, а ваша сегодняшняя любезность для меня такъ дорога, что я не отдалъ бы ее за всѣ сокровища міра.

Онъ нѣсколько смущенно проводилъ ее въ садъ.

До этой поры бѣдность его какъ-то не особенно тяготила. Въ этотъ же день, не найдя у себя ничего, чѣмъ бы могъ достойно угостить даму, несчастный Федериго особенно почувствовалъ свою нищету. Сколько онъ ни искалъ, порывисто перерывая свои вещи, но денегъ не оказалось для того, чтобы пріобрѣсти что-либо, необходимое для пріема

Случайно попался ему его дорогой соколъ. Схватилъ онъ его, закололъ, ощипалъ и велѣлъ служанкѣ своей зажарить. Накрывъ на столъ, онъ пригласилъ даму раздѣлить съ нимъ его скудный обѣдъ.

Красавица пошла къ столу и вмѣстѣ съ Федериго, не зная чѣмъ угощается, покушала жирнаго мяса прекраснаго сокола.

Послѣ обѣда, спустя нѣкоторое время, красавица рѣшилась сообщить ему о цѣли своего прихода.

— Если вы помните Федериго,—такъ начала Джіованна,—все, что вы дѣлали ради меня и что за все это я платила вамъ только сдержанностью, граничащей съ суровостью, то, конечно, вы удивитесь, узнавъ, зачѣмъ я явилась сюда. Но если бы вы имѣли дѣтей, то поняли бы, до чего способна довести привязанность къ нимъ. Единственно материнская любовь можетъ заставить сдѣлать то, что противорѣчитъ и деликатности и всякой справедливости. И я, во имя этой любви, пришла просить васъ отдать мнѣ то, что вамъ такъ дорого. Мой сынъ боленъ, онъ страстно хочетъ имѣть сокола, а это, быть можетъ, поддержитъ его силы. Сдѣлайте это для меня не ради прежней любви, а просто изъ человѣко-

любія. Отдайте мнѣ сокола, быть можетъ, это сохранитъ жизнь моему мальчику, а я навсегда останусь вамъ признательна.

Федериго зарыдалъ, не отвѣтивъ ни слова, такъ велика была печаль его, не могъ онъ услужить царицѣ души своей, такъ какъ только что угостилъ ее этимъ соколомъ.

— Синьора,—сказалъ онъ прерывающимся голосомъ,—любовь моя къ вамъ доставила мнѣ много мукъ и горя, но все это незначительно въ сравненіи съ тѣмъ, что я сейчасъ чувствую. Судьба безжалостна ко мнѣ, я не могу исполнить вашей просьбы и вотъ почему: когда вы изъявили желаніе обѣдать у меня, я нашелъ нужнымъ угостить васъ не только самымъ деликатнымъ, но и самымъ дорогимъ изъ всего, что я имѣю. А потому я вспомнилъ о соколѣ, какъ о лучшемъ и достойномъ для васъ блюдѣ. Теперь же слыша, что вы желаете получить его живымъ, я не въ состояніи исполнить вашей просьбы.

Въ доказательство онъ принесъ ей перья и лапки любимой птицы.

Дама слегка пожурила его за такой безразсудный поступокъ, но въ глубинѣ души оцѣнила его любовь и благородство.

Грустно простилась Джіованна съ молодымъ человѣкомъ, лишенная возможности доставить утѣшеніе своему мальчику.

Сыну ея стало хуже. Сама ли по себѣ болѣзнь ухудшилась или разстройство изъ-за сокола такъ на него повліяло—неизвѣстно. Но мальчикъ черезъ нѣсколько дней умеръ, къ великому огорченію матери.

Горько плакала она надъ дорогой могилой.

Прошло немного времени. Братья ея стали убѣждать снова выдти замужъ, порицая ея одиночество. Не особенно хотѣлось ей вторично вступать въ бракъ. Но вспомнивъ постоянство и преданную любовь Федериго и оцѣнивъ его великодушіе и самоотверженіе, красавица объявила братьямъ, что ужъ если они такъ настаиваютъ, то она выйдетъ только за Федериго д'Альбериги.

Тѣ несказанно удивились.

— Да вѣдь, онъ нищій,—сказали они.—Какъ же ты пойдешь за него?

— Это вѣрно,—отвѣчала Джіованна,—но лучше имѣть человѣка, нежели богатство безъ человѣка.

Братья, видя ея рѣшимость и, несмотря на бѣдность, уважая Федериго, согласились.

Сыграли великолѣпную свадьбу. Новобрачный, сдѣлавшись вторично богатымъ человѣкомъ, сталъ расчетливымъ и жилъ долго и счастливо съ той, которую такъ пламенно и преданно любилъ.

Лепешки изъ имбиря.

У Каландрино была подлѣ Флоренціи небольшая усадьба, единственное приданое, принесенное ему женой. Въ числѣ другихъ продуктовъ, онъ получалъ оттуда ежегодно жирную свинью. Въ декабрѣ передъ праздникомъ онъ обыкновенно ѣздилъ съ женой въ усадьбу, гдѣ они закалывали свинью и солили мясо. Разъ какъ-то жена была больна, и ему пришлось отправиться одному. Лебруно и Булфамакко, постоянно съ нимъ встрѣчавшіеся, чтобы имѣть случай позабавиться на его счетъ,—узнали объ этомъ и тотчасъ же рѣшили его сопровождать. И вотъ подъ предлогомъ, будто имъ нужно повидать мѣстнаго патера, ихъ закадычнаго друга, они отправились вслѣдъ за Каландрино.

Прибывъ къ патеру, они узнали, что Каландрино какъ разъ въ этотъ день закололъ свинью. Хорошенько освѣжившись виномъ, они отправились вмѣстѣ съ патеромъ къ Каландрино, который отлично ихъ принялъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій онъ сказалъ имъ:

— Друзья мои! Я хочу вамъ показать, что я не только художникъ, но и хорошій хозяинъ.

И онъ повелъ ихъ въ чуланъ и показалъ тушу убитой имъ въ это утро свиньи.

— Я думаю ее засолить,—прибавилъ онъ,—и у меня хватитъ солонины на всю зиму.

— Ты бы ее лучше продалъ,—прервалъ его Лебруно.

— Для чего?

— Чтобы прокутить съ нами деньги, которыя за нее выручишь.

— А что же скажетъ жена?

— Пустяки! Тебѣ не трудно будетъ ее убѣдить, что свинью украли.

— О, нѣтъ! Я ее отлично знаю; она ни за что не повѣритъ, и Богъ знаетъ, что со мной сдѣлаетъ. Кромѣ того съ моей стороны было бы большой глупостью пожертвовать ради удовольствія нѣсколькихъ дней тѣмъ, что можетъ послужить моей семьѣ пропитаніемъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Нѣтъ, вашъ совѣтъ никуда не годенъ.

Булфамакко и патеръ поддерживали Лебруно, но ихъ краснорѣчіе разбилось въ прахъ предъ благоразуміемъ Каландрино. Единственное, чего они достигли, это приглашенія къ нему на ужинъ, но потому ли, что знали, что ужинъ будетъ не изъ обильныхъ, или по причинѣ дурного расположенія духа,—они отъ него отказались и ворча ушли.

Какъ только они очутились на улицѣ, Лебруно обратился къ своему пріятелю Булфамакко съ предложеніемъ:

— Не украсть ли намъ ночью его свинью?

— Это было бы отлично, но какимъ образомъ?

— Объ этомъ не безпокойся, у меня есть способъ, лишь бы только онъ не перетащилъ ее въ другое мѣсто.

— Ну, что-жъ, не будемъ зѣвать!—отвѣтилъ Булфамакко,—а потомъ кутнемъ съ господиномъ патеромъ, который, если понадобится, не отстанетъ отъ компаніи. Надо намъ заняться свиньей, а то я увѣренъ, что этотъ дуракъ не сумѣетъ какъ слѣдуетъ ее засолить.

Патеръ, человѣкъ не совсѣмъ безупречныхъ правилъ, не заставилъ себя долго упрашивать и вступилъ въ ихъ сообщество.

— Ну-съ, такъ какъ мы всѣ согласны,—сказалъ Лебруно,—то составимъ планъ атаки. Каландрино любитъ выпить, въ особенности на чужой счетъ, вернемся къ нему и возьмемъ его въ трактиръ. Господинъ патеръ скажетъ, что насъ угощаетъ, а мы ему вернемъ затѣмъ нашу часть расхода. Я не сомнѣваюсь, что нашъ голубчикъ напьется до чертиковъ.

Какъ только Каландрино узналъ, что патеръ платитъ за всѣхъ, онъ съ радостью пошелъ въ трактиръ. Найдя вино превосходнымъ, онъ пилъ, сколько могла вмѣстить его утроба. Около полуночи компанія разошлась.

Каландрино возвратился домой, едва держась на ногахъ, и употребивъ много времени на то, чтобы открыть дверь, онъ повалился въ одеждѣ на постель, забывъ запереть ее на замокъ.

Лебруно и Булфамакко отправились оканчивать свой ужинъ къ патеру, который, чтобы подкрѣпить ихъ силы, хорошенько ихъ накормилъ.

Спустя часъ, они отправились на охоту, захвативъ съ собой всѣ инструменты для вскрытія замковъ, но имъ не пришлось ими воспользоваться, потому что двери у Каландрино оказались открытыми. Они тихонько вошли, взяли, въ то время какъ Каландрино храпѣлъ, тушу, и никѣмъ не замѣченные отнесли ее къ патеру, который въ ожиданіи ихъ не спалъ.

Каландрино проснулся на другой день очень поздно. Вставши и найдя дверь открытой, онъ поспѣшилъ въ чуланчикъ, гдѣ висѣла туша. Увидѣвъ, что она исчезла, онъ остался нѣсколько минутъ недвижимъ и безмолвенъ, испустивъ только крикъ отъ неожиданности и горя. Очнувшись немного, онъ побѣжалъ къ сосѣдямъ узнать, не видалъ ли кто-нибудь вора, но никто не могъ ему ничего сказать. Тогда онъ началъ оплакивать свою несчастную судьбу, жаловаться, браниться и кричать, проливая горючія слезы.

Лебруно и Булфамакко, вставши утромъ, тотчасъ же отправились къ Каландрино, чтобы посмѣяться надъ его неудачей.

— Какъ я несчастенъ, друзья мои! — сказалъ онъ со слезами на глазахъ проказникамъ, завидя ихъ издали.—Украли мою свинью.

— Молодецъ,—шепнулъ ему на ухо Лебруно,—будь хоть разъ въ жизни практичнымъ, и всегда такъ говори.

— Я вовсе не хитрю, то, что я сказалъ, къ сожалѣнію, горькая истина.

— Отлично, въ особенности нужно дѣлать побольше шума, чтобы всѣ убѣдились въ этомъ.

— Будь я проклятъ, если это ложь! Говорю же я вамъ, что у меня украли тушу.

— Браво, мой дорогой, такимъ образомъ ты добьешься того, что тебѣ повѣрятъ.

— Вы меня съума сведете своимъ недовѣріемъ. Пусть меня повѣсятъ, если я лгу. У меня похитили ее, не оставивъ ни кусочка, это фактъ!

— Какъ это возможно?—прервалъ Лебруно,—мы, вѣдь, видѣли ее вчера вечеромъ въ этомъ чуланѣ. Неужели ты серьезно думаешь, что мы повѣримъ, что она исчезла.

— Не исчезла, говорю я вамъ, а украдена!

— Это басни!—воскликнулъ Лебруно.

— Какія тутъ басни, свиньи нѣтъ—и я погибъ, я ни въ коемъ случаѣ не осмѣлюсь показаться женѣ; она ни за что не повѣритъ, и Богъ знаетъ, что со мной будетъ!

— Ну, если это правда, — съ серьезнымъ видомъ замѣтилъ Лебруно,—то надо сознаться, что съ тобой сыграли злую шутку, но такъ какъ я вчера вечеромъ совѣтовалъ тебѣ продать свинью и затѣмъ сказать, что ее украли, то я и боялся, не хочешь ли ты посмѣяться надъ нами; я и теперь еще не вполнѣ увѣренъ, что ты не имѣешь намѣренія провести насъ, какъ и всѣхъ прочихъ.

— Сколько же еще разъ мнѣ нужно клясться, чтобы вы повѣрили такой возможной вещи?! Въ концѣ концовъ изъ-за васъ я начну богохульствовать! Говорю же я вамъ и сто разъ повторяю, что сегодня ночью у меня украли свинью.

— Если это такъ,—сказалъ Булфамакко,—то надо постараться ее найти.

— Но какъ же это сдѣлать?—недоумѣвалъ Каландрино.

— Надо думать,—возразилъ Булфамакко,—что не индѣйцы явились сюда почью за твоей тушей,—очевидно это сдѣлалъ кто-нибудь изъ сосѣдей. Если бы ты могъ собрать ихъ, то я знаю способъ, какъ съ помощью хлѣба и сыра открыть виновнаго.

— Глупости, — сказалъ Лебруно,—я охотно вѣрю въ дѣйствительность этого средства, но укравшій будетъ настолько остороженъ, что вовсе не придетъ на испытаніе.

— Что же въ такомъ случаѣ дѣлать?—спросилъ Булфамакко.

— Надо попробовать съ лепешками изъ имбиря съ хорошимъ виномъ. Пригласимъ ихъ всѣхъ на выпивку. Они придутъ, ни о чемъ не подозрѣвая, и можно будетъ околдовать вора лепешками такъ же хорошо, какъ и сыромъ съ хлѣбомъ.

— Это отлично придумано, — замѣтилъ Булфамакко,—какъ ты думаешь, дорогой Каландрино?

— Я вамъ буду крайне обязанъ, — отвѣтилъ онъ, — если вы употребите ваши знанія для открытія вора. Мнѣ кажется, я буду на половину утѣшенъ, если узнаю, кто этотъ злодѣй.

— Чтобы оказать тебѣ услугу,—сказалъ Лебруно,—я готовъ самъ отправиться во Флоренцію и купить все необходимое, если ты мнѣ дашь на это денегъ.

Каландрино отдалъ послѣдніе сорокъ сольдовъ, съ просьбой принять всѣ возможныя мѣры.

Лебруно отправился во Флоренцію, зашелъ къ знакомому аптекарю и купилъ у него фунтъ имбирныхъ лепешекъ, затѣмъ заказалъ двѣ лепешки изъ разной пакости, смѣшанной съ сабуромъ, покрылъ ихъ сахаромъ, какъ и всѣ остальныя, а для отличія сдѣлалъ на нихъ особыя помѣтки.

Затѣмъ, купивъ бутылку хорошаго вина, онъ возвратился въ деревню и сказалъ Каландрино:

— Ну, дружище, все готово, пригласи-ка на утро къ завтраку всѣхъ, кого ты подозрѣваешь, а такъ какъ завтра праздникъ, то всѣ охотно примутъ твое приглашеніе. Тѣмъ временемъ мы съ Булфамакко заколдуемъ лепешки и принесемъ тебѣ рано утромъ. Кромѣ того я ради тебя самъ буду раздавать лепешки и, вообще, буду говорить и дѣлать все, что нужно для успѣшнаго результата.

Приглашенные собрались утромъ передъ церковью вмѣстѣ со многими флорентинцами и окрестными жителями, пріѣхавшими провести нѣсколько дней въ деревнѣ. Лебруно и Булфамакко явились съ тарелкой лепешекъ и бутылкой вина и разставили всѣхъ въ кругъ. Лебруно, игравшій роль оратора и мага, обратился къ присутствующимъ съ слѣдующими словами:

— Господа, долженъ пояснить вамъ, почему нашъ другъ Каландрино собралъ васъ, дабы тотъ изъ васъ, съ кѣмъ можетъ случиться непріятность, не былъ бы на меня въ претензіи. Дѣло въ томъ, что у нашего славнаго Каландрино позавчера ночью украли отличную свиную тушу. Желая обнаружить вора, онъ пригласилъ васъ, чтобы каждый съѣлъ одну изъ этихъ лепешекъ и выпилъ стаканъ вина. Смѣю васъ увѣрить, что укравшій свинью не будетъ въ состояніи проглотить ее, потому что, хотя лепешка сама по себѣ очень вкусна, она ему покажется горче полыни и онъ долженъ будетъ ее выплюнуть. Если же виновный не хочетъ подвергнуться публичному посрамленію, пусть покается въ воровствѣ передъ патеромъ и тогда, конечно, мы не будемъ начинать

испытанія. Что касается остальныхъ, то лепешки покажутся имъ очень пріятными, а вино превосходнымъ. Пусть каждый справится у своей совѣсти и сообразно этому дѣйствуетъ; несомнѣнно, воръ долженъ находиться здѣсь.

Однако, всѣ присутствовавшіе изъявили готовность попробовать и вина, и лепешекъ, равно какъ и Каландрино, и все было въ полномъ порядкѣ. Лебруно началъ раздавать по очереди каждому по лепешкѣ, но дойдя до Каландрино, онъ далъ ему одну изъ двухъ спеціально приготовленныхъ. Тотъ пожевалъ ее нѣкоторое время, но, наконецъ, чувствуя страшную вонь и горечь, не могъ проглотить и былъ вынужденъ выплюнуть.

Всѣ наблюдали за получающимъ лепешку, чтобы увидѣть того, кто найдетъ ее горькой и выплюнетъ. Лебруно не успѣлъ еще окончить раздачу, какъ услышалъ, что Каландрино выплюнулъ лепешку. Обернувшись къ нему и убѣдившись, что это правда, онъ сказалъ:

— Погоди, мой милый, быть можетъ, ты сплюнулъ по какой-нибудь случайности; вотъ возьми другую, — прибавилъ онъ, самъ вложивъ ему въ ротъ лепешку.

Каландрино нашелъ ее еще болѣе отвратительною, чѣмъ первую, но стыдъ не допустилъ его выплюнуть и онъ принялся перемѣщать ее во рту, дѣлая усилія, чтобы проглотить. У бѣдняги даже показались на глазахъ слезы и, наконецъ, не будучи въ состояніи дольше терпѣть, онъ выбросилъ изо рта лепешку.

Булфамакко, разливавшій вино, Лебруно, прекратившій раздачу лепешекъ, и все общество, распивавшее вино, видя гримасы и плеваніе Каландрино, закричали въ одинъ голосъ, что онъ самъ себя обокралъ, и многіе стали его обвинять и бранить.

Когда всѣ разошлись, Лебруно и Булфамакко начали его ругать.

— Такъ я и зналъ, — сказалъ Булфамакко, — что ты самъ у себя стянулъ тушу; ты хотѣлъ убѣдить насъ, что ее у тебя украли, чтобы избавиться отъ лишняго расхода на угощеніе. Будь увѣренъ, что я ни на минуту не сомнѣвался въ твоей скупости.

Несчастный Каландрино, все еще чувствующій отвратительную горечь лепешекъ, увѣрялъ, съ своей стороны, что онъ ничего подобнаго и не думалъ.

— Ну, сколько ты за нее выручилъ?—продолжалъ Булфамакко, — признавайся, дукатовъ шесть получилъ?

Каландрино былъ внѣ себя отъ досады.

— Ты, однако, большой шутникъ и способенъ на такую продѣлку,—сказалъ Лебруно.—Теперь мы ужъ знаемъ твои штуки и больше въ дуракахъ не останемся. Какъ бы то ни было, мы не хотимъ понапрасну трудиться и требуемъ въ возмѣщеніе за хлопоты двѣ пары каплуновъ, въ противномъ случаѣ не будь въ претензіи, если мы все разскажемъ твоей женѣ.

Каландрино, видя, что пріятели упорствуютъ въ своемъ недовѣріи, и вполнѣ основательно боясь упрековъ и брани своей жены, которая, конечно, повѣритъ клеветѣ, отдалъ мошенникамъ четырехъ каплуновъ. Послѣ этого пріятели посолили тушу и отвезли ее во Флоренцію, не чувствуя даже угрызеній совѣсти по отношенію къ несчастному Каландрино, котораго они такъ безжалостно обобрали.

XXIII. Никколо Макіавелли.

(Изъ соч. Р. Зайчика: «Люди и искусство итальянскаго возрожденія». Переводъ съ нѣм. В. Герстфельда. С. П. Б. 1906 г.).

Политическія идеи Макіавелли были внушены ему отчасти его темпераментомъ, отчасти его временемъ. Макіавелли старался свести къ опредѣленнымъ законамъ то, что еще со временъ средневѣковья бродило въ умахъ различныхъ князей и тирановъ, и значительныхъ и незначительныхъ властителей городовъ современной ему Италіи. Если-бы его „Discorsi" и его книга „О князѣ" были напечатаны еще при его жизни, большинство его образованныхъ современниковъ и въ особенности власть имущихъ государственныхъ дѣятелей Ренессанса едва ли бы возмутились противъ изложенныхъ въ нихъ идей; вѣдь то, что теперь обозначается словомъ макіавеллизмъ, было совершенно въ порядкѣ вещей въ политической жизни того времени: политика того времени и не была ничѣмъ инымъ, какъ самымъ послѣдовательнымъ макіавеллизмомъ.

Въ то время, какъ другіе дѣятели Ренессанса въ зависимости отъ своихъ природныхъ склонностей или всецѣло предавались дѣятельной политикѣ, или приносили дань утонченности въ чувствахъ и мышленіи, Макіавелли благодаря своей натурѣ пришелъ къ мысли подвергнуть основательному изслѣдованію состояніе того общества, къ которому онъ принадлежалъ. Поэтому, именно, онъ—истинный политическій мыслитель Ренессанса; онъ изслѣдовалъ причины разлагающихъ силъ и предвидѣлъ образованіе новой формы государства. Онъ хотѣлъ указать Ренессансу, съ которымъ былъ тѣсно связанъ нѣкоторыми чертами своего духовнаго склада, развившагося на римской древности, исходъ къ образованію цѣльнаго единаго государства.

Въ темпераментѣ Макіавелли была холодность, рѣзкость и сдержанная энергія, сильнѣе проявляющаяся въ наблюденіи и въ мышленіи, нежели въ поступкахъ. Его односторонне развитой умъ былъ направленъ на ясныя, простыя, а часто и обобщающія заключенія; факеломъ холодной логики думалъ онъ освѣтить всѣ вліянія, вытекающія изъ сожительства людей, и отъ такимъ образомъ освѣщенныхъ фактовъ набросить такой-же яркій свѣтъ на темныя причины ихъ. Онъ вполнѣ уповаетъ при этомъ на свой умъ, такъ какъ онъ является руководящей силой всей его внутренней жизни. Все, что онъ наблюдалъ, испытывалъ или читалъ, принимало у него интеллектуальную, обобщенную форму, потому что чувство его рѣдко вступалось въ дѣятельность его ума. Вслѣдствіе этого человѣкъ представляетъ для него интересъ лишь, какъ политическая особь, какъ колесо, въ связи съ другими колесами въ сложной государственной машинѣ. Чувствомъ полюбить человѣка Макіавелли не можетъ; не отдѣльный индивидуумъ, а только общество можетъ внушить ему любовь и уваженіе, онъ охваченъ интересомъ къ одной лишь опредѣленной идеѣ.

Годы, проведенные Макіавелли на службѣ флорентійской республики, въ качествѣ государственнаго секретаря, въ достаточной мѣрѣ дали ему случай проявить и глубже развить свою прирожденную способность къ точному наблюденію людей и политическихъ конъюнктуръ. Во

время своихъ разнообразныхъ посольскихъ путешествій, онъ имѣлъ возможность близко наблюдать властителей и тирановъ; его посылали много разъ во Францію, въ Германію и въ различные города Италіи; онъ велъ личные переговоры съ Екатериной Сфорца, Пандольфо Петруччи, тираномъ Сіены, съ Джіованпаоло Бальони, тираномъ Перуджіи и съ Цезаре Борджія.

Макіавелли твердо вѣрилъ въ непоколебимость своего собственнаго ума; это была единственная вѣра, которая властвовала надъ нимъ; ни малѣйшаго сомнѣнія не проникало изъ его души въ широкую и свѣтлую область его мощнаго и прочно обоснованнаго мышленія, потому что его внутренній опытъ и переживаніе были чужды художественно-созерцательнаго элемента. Поэтому онъ не могъ исходить изъ личныхъ переживаній отдѣльнаго человѣка, а только государства. Кто желаетъ управлять государствомъ, долженъ сообразно своимъ чувствамъ прежде всего ясно видѣть требованія и цѣли, которыми общество охвачено, какъ цѣлое, въ противоположность интересамъ отдѣльнаго индивидуума. Цѣлью государства должно быть созданіе нравственно-политической совѣсти и подчиненіе индивидуальныхъ потребностей и склонностей потребностямъ и склонностямъ всей націи; для достиженія этого необходима одна единственная воля,—воля цѣлаго народа, или воля одного энергичнаго государственнаго человѣка, управляющаго народомъ.

То, что въ особенности восхищало Макіавелли, какъ страстнаго политическаго логика, въ Цезарѣ Борджія, была его энергичная дѣятельность, прослѣдовавшая безъ колебанія великія государственныя цѣли, затѣмъ его умѣнье молчать, его самообладаніе и своеобразность его инстинктивно дѣйствующей натуры.

По мнѣнію Макіавелли, правителю, желающему собственными силами создать государство, все дозволено, лишь-бы успѣхъ увѣнчалъ его дѣятельность; дозволено уничтоженіе всего того, что препятствуетъ достиженію великой цѣли, если, какъ въ природѣ, изъ этого уничтоженія возникаютъ жизнеспособныя образованія.

Симпатіи Макіавелли, если приглядѣться къ нимъ ближе, носили чисто буржуазный демократическій характеръ; онъ былъ вѣрнымъ слугою флорентійской республики не только благодаря занимаемой имъ должности и расположенію, которымъ онъ пользовался со стороны гонфалоньера Піеро Содерини, но и по собственному внутреннему побужденію; безъ всякой вины съ его стороны ему пришлось даже быть мученикомъ своихъ республиканскихъ идей, хотя онъ былъ менѣе, чѣмъ кто-либо другой, созданъ для мученическаго вѣнца: послѣ возвращенія Медичи въ 1512 году его отрѣшили отъ занимаемой имъ должности при синьоріи, и такъ какъ имя его оказалось въ спискѣ, найденномъ при арестѣ нѣкоторыхъ молодыхъ людей, составившихъ заговоръ противъ Медичи, съ цѣлью возстановленія прежнихъ республиканскихъ учрежденій, то Макіавелли былъ подвергнутъ пыткѣ. Ему шелъ тогда сорокъ пятый годъ и онъ былъ женатъ около двѣнадцати лѣтъ. Безъ мѣста и при такихъ неблагопріятныхъ матеріальныхъ условіяхъ онъ долженъ быть заботиться о семьѣ, состоящей изъ жены и четырехъ дѣтей. Макіавелли поселился въ деревнѣ, близъ Санъ Кашіано. Здѣсь онъ прилежно отдался изученію древнихъ историковъ и началъ свои „Discorsi“ и „Principe“.

„Discorsi“, маленькая книга „Il. Principe“ и діалоги о военномъ искусствѣ—продуктъ всего того, что Макіавелли хотѣлъ сказать и имѣлъ сказать. Все это труды, въ которыхъ обнаруживается своеобразный тем-

пераментъ со всѣми его недостатками и преимуществами; они являются и наиболѣе выдающимися памятниками Ренессанса смѣлостью своей мысли, рѣзкостью формулировки: въ нихъ не найти ни малѣйшаго отзвука среднихъ вѣковъ. Съ непрерывающейся самоувѣренностью, сбросившей съ себя оковы традиціи, умъ принимается здѣсь за изслѣдованіе и объясненіе первопричины и вліянія совмѣстной жизни общества. Здѣсь выступаетъ новый типъ человѣка безъ всякихъ поэтическихъ прикрасъ, безъ малѣйшей уступки тому, что еще сохранилось отъ среднихъ вѣковъ, какъ въ жизни, такъ и въ искусствѣ Ренессанса. Время Ренессанса связывается въ этихъ сочиненіяхъ непосредственно съ древнимъ Римскимъ государствомъ, а средневѣковая культура совершенно игнорируется; индивидуальности, ставшей свободной во всѣхъ своихъ исканіяхъ, настоятельно внушается мысль о необходимости направить всѣ свои силы на служеніе большого и прочно обоснованнаго государства.

Уже Петрарка сознавалъ необходимость объединенія отдѣльныхъ итальянскихъ государствъ и искалъ государя, который бы могъ совершить это дѣло. Но Петрарка всегда оставался пламеннымъ идеалистомъ правды, не умѣвшимъ считаться съ дѣйствительностью. Макіавелли въ противоположность Петраркѣ наблюдаетъ политическую жизнь совершенно хладнокровно и безъ тѣхъ предвзятыхъ идей, которыя воодушевляли Петрарку и ему подобные умы. Ни малѣйшаго воспоминанія о прежнемъ пониманіи государства, какъ воплощенія идеальнаго права, не живетъ въ его умѣ. Онъ совершенно иначе смотритъ на политическую жизнь, нежели Θома Аквинатскій, Эгидій Колонна или Данте. Его исходная точка—конкретный человѣкъ, и онъ не хочетъ ничего иного, кромѣ дѣйствительности, или, какъ онъ самъ выражается, истинной правды, а не призрака воображенія, потому что, кто преслѣдуетъ идеалъ не считаясь съ дѣйствительностью, тотъ, по его мнѣнію, долженъ погибнуть. Небо никогда не соприкасается у него съ землею. Его холодное знаніе людей не позволяетъ ему строить слишкомъ широкаго, высокаго взгляда на жизнь; жизнь повинуется только силѣ, а не договорамъ или инымъ письменнымъ обѣщаніямъ. Онъ говорилъ: „e cosi la forza e la necessita, non le scritture e gli obblighi, fa osservare ai principi la feole“.

Еще ни одно государство не было основано идеальной справедливостью; даже Моисей былъ вынужденъ устранить со своего пути безчисленное множество мѣшавшихъ ему людей, чтобы заставить признать свои законы: „conviene bene, che, accusandolo ie fatto, l'effetto lo scusi“.

Макіавелли чувствовалъ скрытое нерасположеніе ко всей культурѣ своего времени съ ея любовью къ искусству и роскошью, съ ея литературнымъ гурманствомъ, что вело лишь къ слабости Италіи, какъ внутри, такъ и во внѣ. Древній Римъ съ его цѣлостной системой государства и добродѣтели долженъ былъ казаться ему образцомъ совершеннаго государства, потому что и собственный умъ его требовалъ законности и строгаго порядка въ противоположность раздробленію тогдашней Италіи, отдѣльныя области, города и общины которой враждовали другъ съ другомъ и потому должны были стать желанной добычей другихъ націй. Въ религіи Макіавелли тоже усматриваетъ только одно изъ средствъ для сохраненія единства и процвѣтанія государства. Средневѣковое воззрѣніе на религію, воплощеніе послѣдней въ могущественной церкви кажется ему чѣмъ-то чуждымъ и противорѣчащимъ природѣ человѣка, тогда какъ античное представленіе о государствѣ, какъ вопло-

щеніе высшаго проявленія воли и энергичной дѣятельности, представляется ему источникомъ всякой добродѣтели.

Всѣ внутреннія потребности человѣка Макіавелли долженъ свести къ нѣсколькимъ простымъ и чисто естественнымъ чувствованіямъ. По его мнѣнію, человѣкъ ничего не можетъ открыть въ самомъ себѣ, что предавало бы жизни положительную цѣнность; поэтому онъ возвращается при всякомъ удобномъ случаѣ ко всѣмъ слабостямъ и немощамъ человѣческой натуры, какъ къ неоспоримому факту опыта: если что и возвышаетъ человѣка надъ прирожденными ему слабостями, то именно его принадлежность къ великому цѣлому, благодаря которому сознаніе его расширяется. Болѣе глубокое содержаніе религіи и философіи оставалось скрытымъ для Макіавелли; поэтому и религія римлянъ, именно потому, что она была вполнѣ государственнымъ учрежденіемъ и служила политическимъ интересамъ, казалась ему образцомъ истинной религіи. Когда онъ обращается къ наблюденію античнаго міра, чтобы въ немъ почерпнуть ученіе для своего времени, онъ преимущественно имѣетъ въ виду древній Римъ; онъ по возможности рѣдко останавливается на культурѣ грековъ.

Государство Макіавелли—вполнѣ законченный и прочный механизмъ, который, правда, допускаетъ возможность незначительныхъ улучшеній въ томъ или иномъ отношеніи, но не можетъ подвергнуться коренному органическому преобразованію: люди всюду и всегда остаются вѣрными самимъ себѣ, и кто намѣренъ создать государство или руководить имъ, долженъ остерегаться считать человѣческую природу лучшей, нежели она есть въ дѣйствительности. Законодатель и творецъ новаго государства, долженъ по его мнѣнію, считать всѣхъ людей одинаково дурными, потому что люди болѣе склонны къ дурному, нежели къ хорошему— „come gli homini sono piu' al male che al bene“. Люди не любятъ истины, а только призракъ ея, и не способны, если ближе приглядѣться къ нимъ, ни на добро, ни на зло. По мнѣнію Макіавелли, существуетъ только одна единственная добродѣтель, которая можетъ быть насаждена въ человѣкѣ: это любовь къ родной землѣ, которую онъ считаетъ высшей добродѣтелью, потому что эта любовь еще наименѣе эгоистична изъ всѣхъ тѣхъ, къ какимъ мы вообще имѣемъ склонность и способность; эта добродѣтель наиболѣе естественна и легче всего достижима именно благодаря тому, что слагается изъ эгоистическихъ и неэгоистическихъ побудительныхъ причинъ; если отдѣльный человѣкъ не подчиняется болѣе высокой государственной идеѣ, онъ неизбѣжно снова впадаетъ въ присущія ему слабости, и тогда даже наиболѣе живые источники его добродѣтели неизбѣжно изсякаютъ.

Замкнутую область политическаго мышленія, въ предѣлахъ которой Макіавелли вращался, онъ основательно зналъ. Скрытую связь отдѣльныхъ явленій онъ умѣло выискиваетъ, выводя изъ нея съ рѣдкой послѣдовательностью и неустрашимостью совершенно неожиданныя заключенія.

Въ своемъ изслѣдованіи сущности государства онъ исходитъ изъ убѣжденія, что только непредубѣжденный умъ способенъ и призванъ познать сожительство людей въ обществѣ и природу государства; онъ ни минуты не останавливается на конечныхъ отношеніяхъ человѣка къ неизвѣданной тайнѣ существованія, потому что все вниманіе его обращено на изслѣдованіе причинъ и слѣдствій человѣческихъ поступковъ, и во всѣхъ своихъ произведеніяхъ онъ занимается исключительно изслѣдованіемъ средствъ къ достиженію рисующагося ему идеала государства;

это, съ одной стороны, — ознакомленіе съ естественною связью силъ государства, ознакомленіе, вытекающее изъ чисто интеллектуальной потребности; съ другой стороны, Макіавелли преслѣдуетъ чисто утилитарную тенденцію: послѣдняя внушена ему сильно развитымъ патріотическимъ чувствомъ, съ которымъ соединяется и нравственная мысль, а именно, подъемъ буржуазныхъ нравовъ, улучшеніе того, что онъ называетъ „nostri corrotti secoli", борьба съ церковнымъ государствомъ, въ которомъ онъ усматриваетъ главную преграду къ объедененію Италіи, и съ развращающимъ вліяніемъ тогдашняго клира, указаніе на римскую virtus, какъ на активную силу, какъ на поучающій примѣръ для тогдашней Италіи.

XXIV. Изъ сочиненія Макіавелли: „Князь".

(Переводъ С. М. Роговина, вышедшій въ изданіи Н. Н. Клочкова).

Что надлежитъ Князю предпринять относительно военнаго дѣла.

Князь не долженъ имѣтъ другой цѣли, ни другой работы, ни дѣлать изъ чего-либо другого свое искусство, кромѣ войны, ибо только военное искусство приличествуетъ тому, кто повелѣваетъ, и сила этого искусства настолько велика, что оно не только помогаетъ удержаться тѣмъ, которые рождены Князьями, но часто возноситъ къ этому положенію людей, прежде бывшихъ частными гражданами. И наоборотъ, не трудно убѣдиться въ томъ, что, когда Князья болѣе думали о наслажденіяхъ, нежели объ оружіи, они лишались своихъ государствъ. Пренебреженіе этимъ искусствомъ является первой причиной потери государства; мастерство въ немъ — причиной пріобрѣтенія таковаго. Франческо Сфорца благодаря своимъ познаніямъ въ военномъ дѣлѣ сдѣлался изъ частнаго гражданина герцогомъ миланскимъ, а его сыновья изъ герцоговъ сдѣлались частными гражданами вслѣдствіе того, что избѣжали трудовъ и опасностей военнаго дѣла. Безоружность, кромѣ другихъ золъ, которыя она влечетъ за собой, дѣлаетъ еще Князя предметомъ презрѣнія, а это является однимъ изъ тѣхъ безчестящихъ свойствъ, которыхъ Князь долженъ избѣгать. Между вооруженными и безоружными нѣтъ никакого сравненія, и противно разуму, чтобы вооруженный добровольно подчинялся безоружному, и безоружный былъ въ безопасности среди вооруженныхъ слугъ. Вѣдь невозможна плодотворная совмѣстная дѣятельность тамъ, гдѣ одинъ питаетъ презрѣніе, а другой подозрѣніе. И потому Князь, который не смыслитъ въ военномъ дѣлѣ, кромѣ прочихъ претерпѣваемыхъ имъ бѣдъ, не можетъ, какъ я сказалъ, уважаться своими солдатами и не можетъ положиться на своихъ подданныхъ. Поэтому Князь никогда не долженъ забывать о воинскихъ упражненіяхъ и въ мирное время долженъ предаваться соотвѣтствующимъ упражненіямъ еще болѣе, чѣмъ во время войны — что можетъ быть сдѣлано двоякимъ образомъ: или путемъ внѣшней дѣятельности, или же мысленно. Что касается дѣятельности, то, кромѣ поддержанія надлежащаго порядка въ своихъ войскахъ, онъ долженъ всегда заниматься охотой и благодаря ей закалять свое тѣло и обогащаться свѣдѣніями относительно строенія мѣстности: знать, гдѣ и какъ высятся горы, гдѣ кончаются долины, какъ и

гдѣ раскидываются равнины, замѣчать положеніе рѣкъ и болотъ. Ко всему этому онъ долженъ относиться съ величайшей заботливостью.

Это знаніе полезно въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, Князь научается знать свою страну, чѣмъ весьма облегчаетъ себѣ ея защиту. Засимъ, благодаря знанію одной мѣстности и привычки къ ней, ему легко будетъ оріентироваться въ какой-нибудь новой, которую почему-либо необходимо изслѣдовать; вѣдь возвышенности, долины, равнины, рѣки и болота, имѣющіяся, напримѣръ, въ Тосканѣ, сходны кое въ чемъ съ таковыми же въ другихъ мѣстностяхъ, и, такимъ образомъ, знаніе мѣстоположенія одной области облегчитъ познаніе другихъ. И тотъ Князь, которому недостаетъ соотвѣтствующей опытности, лишенъ перваго свойства, необходимаго военачальнику, ибо она научаетъ находить врага, располагаться лагеремъ, вести войска, назначать сраженія, осаждать города — все съ наибольшей выгодой.

Среди другихъ похвалъ, которыя расточаютъ Филопомену, Князю ахейскому, писатели, замѣчательна та, что во время мира онъ только и думалъ, что о войнѣ, и когда ему приходилось совершать прогулку съ друзьями, онъ часто останавливался и начиналъ разсуждать съ ними такимъ образомъ: Если бы враги находились на этомъ холмѣ, а мы съ нашими войсками находились бы здѣсь, то кто бы изъ насъ имѣлъ преимущество? какъ можно было бы наступать на нихъ, сохраняя порядокъ? что слѣдовало бы сдѣлать, если бы мы рѣшили отступить? если бы врагъ отступилъ, какъ должны были бы мы его преслѣдовать? И во время прогулки онъ излагалъ имъ всѣ случаи, могущіе произойти съ войскомъ, выслушивалъ ихъ мнѣніе, высказывалъ свое, подкрѣплялъ его доводами, такъ что благодаря этимъ постояннымъ размышленіямъ, когда ему приходилось руководить войсками, онъ могъ найти выходъ изъ всякаго положенія. Что же касается до умственнаго упражненія, то Князь долженъ читать исторію и въ ней обращать вниманіе на дѣянія выдающихся людей, вникать въ ихъ способъ веденія войны, изслѣдовать причины ихъ побѣдъ и гибели, чтобы избѣжать послѣдней и подражать первымъ. Особенно же надлежитъ ему слѣдовать примѣру многихъ выдающихся людей древности, выбиравшихъ себѣ какой-нибудь образецъ для подражанія изъ числа тѣхъ, которые до нихъ отличились и прославились, и всегда имѣвшихъ передъ глазами его подвиги и дѣянія; какъ, говорятъ, Александръ Великій подражалъ Ахиллу, Цезарь—Александру, Сципіонъ—Киру.

О тѣхъ свойствахъ, за которыя людей и преимущественно Князей хвалятъ или порицаютъ.

Остается теперь разсмотрѣть, какъ Князь долженъ вести себя и держатся въ отношеніи къ подданнымъ и друзьямъ. Всѣмъ людямъ, когда о нихъ говорятъ, и преимущественно Князьямъ, такъ какъ они поставлены выше другихъ, обыкновенно приписываютъ одно изъ свойствъ, обусловливающихъ похвалу или порицаніе: одного, именно, считаютъ щедрымъ, другого скупымъ; одного считаютъ расточительнымъ, другого хищникомъ; одного жестокимъ, другого сострадательнымъ; одного вѣроломнымъ, другого надежнымъ; одного изнѣженнымъ и малодушнымъ, другого смѣлымъ и мужественнымъ; одного привѣтливымъ, другого высокомѣрнымъ, одного распутнымъ, другого цѣломудреннымъ; одного чистосердечнымъ, другого хитрымъ; одного упорнымъ, другого уступчивымъ;

одного серьезнымъ, другого легкомысленнымъ; одного религіознымъ, другого невѣрующимъ и т. д. Знаю, всякій признаетъ, что было бы лучше всего, если бы нашелся Князь со всѣми перечисленными качествами, признаваемыми за хорошія, но такъ какъ имѣть ихъ всѣ и неуклонно проводить не позволяютъ самыя условія человѣческаго существованія, то Князь долженъ быть настолько благоразуменъ, чтобы умѣть избѣгать позора тѣхъ пороковъ, которые могли бы лишить его государства и по возможности остерегаться тѣхъ, которые не опасны въ этомъ смыслѣ; но если послѣднее невозможно, то онъ можетъ не особенно стѣсняться. И онъ можетъ также не бояться осужденія за тѣ пороки, безъ которыхъ трудно удержать государство, ибо, если разсмотрѣть все надлежащимъ образомъ, то найдется кое-что, на первый взглядъ кажущееся доблестью, но влекущее къ погибели, если князь послѣдуетъ ему, и кое-что кажущееся порокомъ, но вознаграждающее Князя, послѣдовавшаго ему, безопасностью и благополучіемъ.

О щедрости и скупости.

Итакъ, начиная съ первыхъ изъ вышеназванныхъ свойствъ, я говорю, что хорошо было бы прослыть за щедраго, но что щедрость, практикуемая такимъ образомъ, что Князь не слыветъ таковымъ, приноситъ ущербъ; вѣдь если онъ будетъ примѣнять ее должнымъ образомъ, то она не будетъ бросаться въ глаза, и ему не избѣжать упрека въ противоположномъ свойствѣ. Поэтому при желаніи поддержать среди людей славу щедрости необходимо не останавливаться ни передъ какой роскошью; и такого рода Князь всегда будетъ расходовать на подобныя затѣи всѣ свои средства и, въ концѣ концовъ, если захочетъ поддержать славу своей щедрости, будетъ вынужденъ чрезмѣрно обременить народъ, превратиться въ откупщика и пускаться на все, лишь бы только достать средства. Послѣднее сдѣлаетъ его мало-по-малу ненавистнымъ для подданныхъ, и, обѣднѣвъ, онъ лишится уваженія. Обидѣвъ вслѣдствіе своей щедрости многихъ и наградивъ немногихъ, онъ встанетъ втупикъ передъ первымъ же затрудненіемъ, и первая же опасность пошатнетъ его положеніе; если же онъ, понявъ все это, захочетъ вернуться вспять, то онъ тотчасъ подвергнется упреку въ скупости. Итакъ, Князь, не имѣя возможности примѣнять щедрость безъ ущерба для себя такъ, чтобы о ней шла молва, не долженъ, если онъ благоразуменъ, бояться славы скупца. Вѣдь со временемъ онъ будетъ слыть все болѣе и болѣе щедрымъ, когда увидятъ, что, благодаря его бережливости, его доходы ему достаточны, что онъ можетъ оборониться отъ всякаго врага, можетъ, не обременяя народа, осуществлять различныя предпріятія; такъ что онъ окажется щедрымъ въ отношеніи всѣхъ тѣхъ, у кого онъ не беретъ, каковыхъ безчисленное множество, а скупымъ по отношеніи къ тѣмъ, кому онъ не даетъ, каковыхъ мало.

О жестокости и милосердіи и о томъ, что лучше, быть любимымъ или возбуждать страхъ.

Переходя затѣмъ къ другимъ изъ вышеупомянутыхъ свойствъ, я говорю, что каждый князь долженъ желать прослыть милосерднымъ, а не жестокимъ. Однако онъ долженъ остерегаться дурного примѣненія этого милосердія. Цезарь Борджіа слылъ жестокимъ, однако же этой же-

стокостью онъ водворилъ порядокъ въ Романьи, объединилъ ее, привелъ къ миру и повиновенію. Если правильно взвѣсить все это, то придешь къ выводу, что онъ былъ болѣе милосерденъ, нежели народъ флорентинскій, который, чтобы избѣжать славы жестокаго, допустилъ разрушеніе Пистойи. Поэтому Князь не долженъ считаться съ упреками въ жестокости, если только такая слава необходима для того, чтобы удержать подданныхъ въ единеніи и повиновеніи. Вѣдь ограничивающійся весьма немногими примѣрными наказаніями будетъ милосерднѣе тѣхъ, которые, вслѣдствіе неумѣстнаго милосердія, допускаютъ разрастись безпорядкамъ, порождающимъ убійства и грабежи, ибо послѣдніе составляютъ бѣдствіе для всего общества въ совокупности, кары же, исходящія отъ Князя, касаются лишь отдѣльныхъ лицъ.

Однако Князь не долженъ быть легковѣренъ и скоръ на крутыя мѣры и не долженъ самъ создавать себѣ страховъ; ему слѣдуетъ умѣрять свой образъ дѣйствій благоразуміемъ и человѣчностью, чтобы излишняя довѣрчивость не сдѣлала его неосторожнымъ, а излишняя недовѣрчивость — невыносимымъ. Здѣсь возникаетъ спорный вопросъ: *что лучше, быть любимымъ или возбуждать страхъ?* На него отвѣчаютъ, что желательно и то, и другое. Но такъ какъ совмѣститься имъ трудно, то, если приходится отказываться отъ одного изъ двухъ, много безопаснѣе внушать страхъ, нежели любовь, ибо относительно людей можно сказать вообще, что они неблагодарны, непостоянны, притворщики, бѣгутъ опасностей, алчны; пока оказываешь имъ благодѣянія, они всецѣло принадлежатъ тебѣ, обѣщаютъ, какъ уже было сказано, пока нужда далека, не щадить для тебя ни крови, ни имущества, ни жизни, ни дѣтей; но когда нужда приблизится—они поворачиваются къ тебѣ спиной. И тотъ Князь, который всецѣло положился на ихъ слова и потому не принялъ никакихъ другихъ мѣръ, гибнетъ, ибо дружба, которая пріобрѣтается матеріальными средствами, а не величіемъ и благородствомъ души, окупается, правда, но ее не держишь въ рукахъ и невозможно воспользоваться ею въ нужную минуту. И люди съ меньшей опаской оскорбляютъ того, кто внушилъ любовь, нежели внушившаго страхъ, ибо любовь поддерживается лишь отношеніемъ обязанности, которое порывается вслѣдствіе порочности людей при всякомъ столкновеніи съ личнымъ интересомъ; страхъ же держится боязнью наказанія, которая никогда не прекращаетъ своего дѣйствія. Однако Князь долженъ внушать страхъ такимъ образомъ, чтобы, если и не пріобрѣсти любви, то избѣжать ненависти, ибо страхъ и отсутствіе ненависти могутъ отлично ужиться вмѣстѣ, и онъ всегда достигнетъ этого, если не будетъ посягать на имущество своихъ согражданъ и подданныхъ и на ихъ женъ. Даже когда Князь считаетъ нужнымъ лишить кого-нибудь жизни, онъ можетъ сдѣлать это, если на лицо имѣются оправдывающія это обстоятельства и явное основаніе, но онъ долженъ остерегаться посягать на чужое имущество, ибо люди скорѣе забудутъ смерть отца, нежели лишеніе вотчины.

Но когда Князь находится во главѣ войска, и подъ его начальствомъ имѣется большое количество солдатъ, тогда совершенно необходимо не считаться со славой жестокаго, ибо безъ такой славы нельзя поддерживать въ войскѣ ни единенія, ни духа предпріимчивости. Въ число удивительныхъ дѣяній Ганнибала занесено и то, что ни разу въ его дикомъ войскѣ, которое представляло собой смѣсь безчисленныхъ племенъ и отправлялось воевать въ чужія страны, не поднялось ни распри между отдѣльными племенами, ни возстанія противъ Князя, какъ во дни его не-

удачи, такъ и удачи. Это можетъ быть объяснено только его безчеловѣчной жестокостью, которая, вмѣстѣ съ его безчисленными доблестями, поднимала его въ глазахъ солдатъ и дѣлала его предметомъ ужаса; и безъ этой жестокости другія его доблести не могли бы сами по себѣ привести къ подобному результату.

Какъ Князья должны хранить вѣрность своимъ обѣщаніямъ.

Каждый понимаетъ, насколько похвально было бы для Князя хранить вѣрность своимъ обѣщаніямъ и жить по-честному, безъ лукавства. Однако опытъ нашего времени показалъ, что великія дѣла совершались тѣми Князьями, которые мало считались съ вѣрностью обѣщаніямъ, умѣли лукавствомъ опутать людей и такимъ образомъ въ концѣ концовъ взяли верхъ надъ тѣми, которые полагались на порядочность.

Итакъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что есть два рода борьбы: одинъ посредствомъ законовъ, другой — силы. Первый свойственъ людямъ, второй — животнымъ; но такъ какъ первый часто оказывается недостаточнымъ, то приходится прибѣгать ко второму. Поэтому Князю необходимо умѣть пользоваться пріемами и животнаго, и человѣка. Съ такимъ наставленіемъ, хотя и не высказаннымъ ясно, обращались къ Князьямъ древніе писатели, которые писали, что Ахиллъ и многіе другіе изъ этихъ древнихъ Князей были отданы на воспитаніе Центавру Хирону, чтобы они взросли подъ его присмотромъ: здѣсь это наставничество получеловѣка-полузвѣря имѣетъ только тотъ смыслъ, что Князю слѣдуетъ усвоить какъ ту, такъ и другую природу, и одна безъ другой недолговѣчна. Итакъ, если Князь вынужденъ научиться пріемамъ животнаго, то онъ долженъ изъ числа ихъ выбрать лису и льва, ибо левъ не можетъ защититься отъ змѣй, лиса отъ волковъ. Слѣдовательно, нужно быть лисой, чтобы разглядѣть змѣй, и львомъ, чтобы расправиться съ волками. Тѣ, которые имѣютъ въ виду только львовъ, не понимаютъ положенія вещей.

Поэтому благоразумный властитель не можетъ соблюсти вѣрность своему обѣщанію, если такое соблюденіе должно обратиться противъ него самого, и если исчезли причины, побудившія его дать обѣщаніе. Если бы всѣ люди были хороши, то такое предписаніе было бы нехорошимъ, но такъ какъ они дурны и по отношенію къ тебѣ не станутъ соблюдать своихъ обѣщаній, то и ты не долженъ соблюдать своихъ по отношенію къ нимъ. И никогда у Князя не будетъ недостатка въ законныхъ причинахъ для того, чтобы замаскировать свое несоблюденіе. Этому можно привести безчисленное множество примѣровъ и показать, сколько мирныхъ договоровъ, сколько соглашеній остались мертвой буквой вслѣдствіе вѣроломства Князей, и кто лучше умѣлъ разыграть лису, тому это лучше удавалось. Необходимо однако хорошо замаскировать эту природу и быть великимъ притворщикомъ; люди же настолько простоваты и настолько во власти настоятельныхъ потребностей даннаго момента, что обманувшій разъ всегда найдетъ того, кто позволитъ провести себя вторично. Изъ примѣровъ недавняго времени я упомяну только объ одномъ. Александръ VI только и дѣлалъ, что обманывалъ людей, и всегда находилъ тѣхъ, надъ кѣмъ можно было это продѣлывать; и никогда не было человѣка, болѣе способнаго убѣждать другихъ и который бы бо́льшими клятвами завѣрялъ въ чемъ-нибудь и менѣе исполнялъ обѣщанное. Однако обманы всегда сходили ему съ рукъ, ибо онъ зналъ хорошо эту сторону людей.

Князь, и въ особенности новый Князь, не можетъ держаться всего того, за что люди слывутъ хорошими, такъ какъ часто для удержанія государства онъ поставленъ въ необходимость дѣйствовать вопреки вѣрности, вопреки любви къ ближнему вопреки человѣчности, вопреки религіи. И потому ему необходимо обладать духомъ, настолько гибкимъ, чтобы принимать направленія, указываемыя вѣтромъ и оборотомъ судьбы и, какъ я замѣтилъ выше, не уклоняться отъ пути добра, если это возможно, но умѣть вступить на путь зла, если это необходимо. Князь, слѣдовательно, долженъ очень позаботиться о томъ, чтобы съ его устъ не срывалось ни одного слова, не преисполненнаго вышеупомянутыхъ пяти свойствъ, и чтобы онъ казался, если его послушать и посмотрѣть, воплощеннымъ милосердіемъ, воплощенной честностью, человѣчностью, религіозностью. И болѣе всего необходимо казаться обладающимъ этимъ послѣднимъ свойствомъ; людямъ же, вообще говоря, приходится болѣе полагаться въ своихъ сужденіяхъ на чувство зрѣнія, нежели на чувство осязанія, ибо видятъ всѣ, въ болѣе же тѣсное соприкосновеніе приходятъ лишь немногіе. Каждый видитъ то, чѣмъ ты кажешься, немногіе чувствуютъ то, что́ ты есть, и эти немногіе не рѣшатся выступить противъ мнѣнія толпы, имѣющей еще на своей сторонѣ все величіе государства; кромѣ того, дѣйствія всѣхъ людей и въ особенности Князей, относительно которыхъ нельзя обратиться къ суду, обсуждаются въ зависимости отъ конечнаго исхода. Пусть поэтому Князь озаботится только о побѣдѣ и объ удержаніи государства, средства же къ этому всегда будутъ почитаться достойными, и каждый будетъ хвалить ихъ, ибо чернь всегда увлекается внѣшностью и исходомъ дѣла; на свѣтѣ же чернь — это все, а отдѣльныя личности только тогда пріобрѣтаютъ значеніе, когда большинство не знаетъ на чемъ остановиться. Одинъ находящійся еще въ живыхъ Князь, называть котораго по имени неудобно, твердитъ только о мирѣ и вѣрности, а на самомъ дѣлѣ величайшій врагъ того и другого, и если бы онъ хранилъ то и другое, то давно лишился бы государства и славы.

О томъ, что слѣдуетъ избѣгать возбужденія презрѣнія и ненависти.

Такъ какъ о наиболѣе важныхъ изъ упомянутыхъ свойствъ я уже сказалъ, то теперь я хочу вкратцѣ разсмотрѣть остальныя подъ тѣмъ общимъ угломъ зрѣнія, что Князь (какъ уже отчасти было замѣчено выше) долженъ избѣгать всего того, что̀ возбуждаетъ къ нему презрѣніе и ненависть; и если онъ только избѣжитъ этого, то онъ свое дѣло сдѣлаетъ, и ему не будутъ страшны упреки относительно остального. Ненависть къ нему возбуждаютъ раньше всего, какъ я уже сказалъ, хищничество и посягательство на имущество и женъ своихъ подданныхъ, и отъ этого ему слѣдуетъ воздерживаться. И если только людей въ ихъ совокупности не лишать имущества и чести, то они удовлетворены, и бороться приходится только съ честолюбіемъ отдѣльныхъ лицъ, обуздать которыхъ не трудно. Презрѣніе возбуждаетъ Князь тогда, когда молва считаетъ его непостояннымъ, легкомысленнымъ, малодушнымъ, нерѣшительнымъ,—чего Князь долженъ беречься, какъ огня. Онъ долженъ приложить всѣ старанія къ тому, чтобы его рѣшеніе было безповоротно, и чтобы общее мнѣніе о немъ было таково, что никому и въ голову не придетъ обмануть или провести его. Князь, составившій себѣ такое имя, пользуется высокимъ уваженіемъ; противъ такого Князя труднѣе соста-

вить заговоръ и труднѣе напасть на него, ибо всѣ знаютъ что онъ человѣкъ выдающихся дарованій и пользуется уваженіемъ со стороны своихъ подданныхъ. Вѣдь Князю грозитъ двоякая опасность: одна извнутри—со стороны подданныхъ, другая извнѣ—со стороны чужеземныхъ владыкъ. Отъ этихъ послѣднихъ его защищаютъ хорошія войска и хорошіе друзья; хорошіе же друзья всегда будутъ, если будутъ хорошія войска, и всегда положеніе внутреннихъ дѣлъ будетъ прочно при прочности внѣшнихъ, если только они уже не были разстроены заговоромъ. Если Князь устроилъ свою жизнь такъ, какъ я сказалъ, то онъ выдержитъ (онъ не долженъ только терять головы) всякій натискъ даже тогда, когда внѣшнія дѣла пошатнутся, какъ это было съ Набидомъ спартанскимъ. Что касается подданныхъ, то при прочномъ положеніи внѣшнихъ дѣлъ, Князь долженъ опасаться тайнаго заговора съ ихъ стороны. Князь весьма обезопаситъ себя съ этой стороны, если избѣжитъ ненависти и презрѣнія и возбудитъ въ народѣ удовлетворенность своимъ правленіемъ, чего необходимо добиться, какъ я уже подробно говорилъ выше. Вѣдь всегда заговорщики надѣются смертью Князя доставить удовлетвореніе народу; и если бы они были убѣждены, что этимъ оскорбятъ народъ, то у нихъ не хватило бы духа принять подобное рѣшеніе, ибо трудности, представляющіяся заговорщикамъ, безконечны.

Какъ долженъ вести себя Князь, чтобы пріобрѣсти громкое имя.

Ничто не внушаетъ такого уваженія къ Князю, какъ великія дѣла и необычайность проявляемыхъ имъ свойствъ. Въ наши дни можно указать, какъ на примѣръ, на Феррандо, короля арагонскаго, теперешняго короля испанскаго. Онъ можетъ быть названъ какъ бы новымъ Княземъ, такъ какъ изъ короля слабаго онъ сдѣлался, благодаря доброй молвѣ и славѣ, первымъ королемъ христіанскаго міра; и если мы вникнемъ въ его дѣянія, то найдемъ всѣ ихъ преисполненными величія, нѣкоторыя же изъ ряда вонъ выходящими.

Въ началѣ своего правленія онъ напалъ на Гренаду, и это предпріятіе стало основой его власти. Прежде всего слѣдуетъ указать на то, что онъ выбралъ для этой войны удобное время и велъ ее, не боясь помѣхи съ чьей-либо стороны: онъ занялъ ею пылъ кастильскихъ дворянъ, которые, увлекшись войной, не помышляли о нововведеніяхъ, и такимъ образомъ онъ пріобрѣлъ громкое имя и власть надъ ними, не давъ даже имъ замѣтить этого. Деньги церкви и народа дали ему возможность содержать войска и положить, благодаря этой продолжительной войнѣ, основаніе собственному войску, которое его впослѣдствіи прославило. Кромѣ того, чтобы имѣть возможность затѣять еще болѣе великія предпріятія, всегда прикрываясь религіей, онъ рѣшился на благочестивую жестокость—на изгнаніе мавровъ и полное очищеніе отъ нихъ своего королевства: нельзя указать на мѣру болѣе удивительную и болѣе необычайную. Подъ тѣмъ же самымъ предлогомъ онъ напалъ на Африку, совершилъ походъ на Италію, напалъ, наконецъ, на Францію и, такимъ образомъ, всегда затѣвалъ великія дѣла, которыя всегда держали въ напряженіи и изумленіи его подданныхъ, заинтересованныхъ ихъ исходомъ. И всѣ эти его дѣянія такъ послѣдовательно развивались одно изъ другого, что никогда не давали людямъ времени придти въ себя и противодѣйствовать имъ.

Полезно также для Князя проявлять себя рѣдкостными примѣрами въ дѣлахъ внутренняго управленія (вродѣ тѣхъ, которые разсказываютъ

о мессерѣ Бернабо изъ Милана), когда какой-нибудь человѣкъ, совершившій что-либо необычайное—въ дурномъ или хорошемъ смыслѣ—для гражданской жизни, даетъ поводъ къ этому, и при его награжденіи или наказаніи избрать такой способъ, о которомъ бы много говорили. И прежде всего Князь долженъ стараться каждымъ своимъ поступкомъ породить о себѣ молву, какъ о человѣкѣ великомъ и изъ ряду выходящемъ. Уважаютъ Князя и тогда, когда онъ настоящій врагъ и настоящій другъ, т.-е. когда онъ безъ всякихъ оговорокъ объявляетъ себя за кого-нибудь одного противъ кого-нибудь другого; каковое рѣшеніе всегда будетъ болѣе полезно, нежели оставаться нейтральнымъ. Ибо, если два могущественныхъ сосѣда Князя станутъ воевать, то или они таковы, что при побѣдѣ одного изъ нихъ Князь долженъ бояться побѣдителя, или же не таковы. Какъ въ томъ, такъ и другомъ случаѣ для Князя болѣе полезно вести дѣло на чистоту, начавъ открытую войну. Вѣдь, если онъ не сдѣлаетъ этого въ первомъ случаѣ, то всегда окажется жертвой побѣдителя къ радости и удовлетворенію побѣжденнаго, и не будетъ ему нигдѣ ни защиты, ни убѣжища.

Князь долженъ также заявить себя приверженцемъ доблести и окружать почетомъ дарованія, гдѣ бы они не проявлялись. Онъ долженъ, кромѣ того, внушить своимъ согражданамъ увѣренность въ томъ, что они могутъ спокойно заниматься своими промыслами, кто земледѣліемъ, кто торговлей, кто другимъ какимъ-либо промысломъ, для того, чтобы одинъ не воздерживался отъ украшенія своихъ владѣній изъ боязни, что ихъ у него отнимутъ, другой не сомнѣвался бы открыть какое-нибудь предпріятіе изъ страха налоговъ. Напротивъ, ему слѣдуетъ назначать награды для желающихъ заниматься подобными дѣлами и для всѣхъ тѣхъ, кто такъ или иначе способствуетъ возвеличенію его города и государства. Кромѣ того онъ долженъ въ извѣстное время года устраивать для народа праздники и зрѣлища. И такъ какъ каждый городъ дѣлится на цехи или сословія, то князь долженъ считаться съ этими корпораціями, появляться иногда на ихъ собраніяхъ, являть примѣры человѣчности и щедрости, никогда однако не забывая величія своего сана, ибо оно должно проявляться во всемъ.

Увѣщаніе освободить Италію отъ варваровъ.

Теперь, соображая все изложенное мною выше, я задаю самъ себѣ вопросъ: способно ли настоящее положеніе вещей въ Италіи покрыть славой новаго Князя, и имѣется ли въ ней матеріалъ, который могъ бы дать благоразумному и доблестному Князю поводъ придать ей новый обликъ — ему на славу и на благо всей совокупности ея жителей? — и прихожу къ тому выводу, что стеченіе обстоятельствъ теперь настолько благопріятно для новаго Князя, что не знаю, было ли когда-либо время болѣе для него удобное. И если, какъ я сказалъ, для того, чтобы проявилась доблесть Моисея, народъ израильскій долженъ былъ быть рабомъ въ Египтѣ, для распознанія величія и мужества Кира необходимо было, чтобы персы находились подъ игомъ мидянъ, а для прославленія великихъ дарованій Тезея аѳиняне должны были жить въ разсѣяніи,— то, точно также, и въ настоящій моментъ для того, чтобы проявилась доблесть итальянскаго духа, необходимо было, чтобы Италія дошла до своего теперешняго состоянія, чтобы она была болѣе порабощена, чѣмъ евреи, въ большемъ угнетеніи, нежели персы, въ большемъ разсѣяніи,

нежели аѳиняне; чтобы не было у нея ни главы, ни прочныхъ порядковъ, чтобы она была разгромлена, разграблена, истерзана, опустошена и перенесла всевозможный позоръ. И хотя и до сихъ поръ проявлялись кое въ комъ знаменательныя черты, позволявшія видѣть въ нихъ Богомъ посланныхъ освободителей Италіи,—однако же судьба преграждала имъ путь, лишь только они успѣвали подняться на извѣстную высоту, такъ что еще до сихъ поръ Италія, какъ бы распростертая на смертномъ одрѣ, ждетъ того, кто исцѣлилъ бы ея раны и положилъ бы конецъ разоренію и грабежу Ломбардіи, хищеніямъ и поборамъ, истощающимъ королевство Неаполитанское и Тоскану, и исцѣлилъ бы ея давно уже гноящіяся язвы. Какъ молитъ она Бога о томъ, чтобы онъ послалъ ей кого-нибудь, кто бы освободилъ ее отъ жестокости и неистовства варваровъ! Какъ одинъ человѣкъ встанетъ она подъ общее знамя, лишь бы только нашелся кто-нибудь, кто бы его поднялъ! И въ настоящій моментъ нѣтъ никого, на кого она могла бы возлагать бо́льшія надежды, нежели на вашъ славный домъ [1]), который при своей доблести и счастьѣ (ему покровительствуетъ Богъ и Церковь, во главѣ которой сейчасъ одинъ изъ его членовъ) могъ бы взять въ свои руки дѣло освобожденія. И это не будетъ слишкомъ трудной задачей, если вы будете имѣть передъ глазами дѣянія и жизнь великихъ людей, о которыхъ я повѣствовалъ. Правда, такіе люди рѣдки и достойны удивленія, но вѣдь они все же были людьми, и обстоятельства, давшія имъ поводъ къ выступленію, были менѣе значительны, нежели настоящія, ихъ подвигъ былъ ни болѣе справедливъ, ни болѣе легокъ, чѣмъ этотъ; и Богъ не былъ къ нимъ расположенъ болѣе, нежели къ вамъ. Въ этомъ подвигѣ—величайшая справедливость, ибо та война справедлива, которая необходима, и то оружіе священно, на которое единственная надежда. Для этого подвига все готово, а тамъ, гдѣ есть подобная готовность, не можетъ быть большой трудности, если только эта готовность будетъ использована въ соотвѣтствіи съ предложенными мною для руководства предписаніями.

Въ безпримѣрныхъ знаменіяхъ проявляетъ свою волю Богъ: море разверзлось, облако указывало вамъ путь, скала источала воду, падала манна въ видѣ дождя—все соединилось, чтобы возвеличить васъ; остальное должны сдѣлать вы сами. Богъ не хочетъ дѣлать всего, чтобы не лишить насъ свободной воли и части приличествующей намъ славы. И нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что ни одинъ изъ названныхъ выше итальянцевъ не могъ сдѣлать того, что́, какъ позволительно надѣяться, выполнитъ вашъ славный домъ, и что среди столькихъ переворотовъ въ Италіи и столькихъ военныхъ предпріятій все же на первый взглядъ кажется, будто воинская доблесть угасла въ ней: это объясняется тѣмъ, что прежнія учрежденія въ ней были дурны, и что не нашелся никто, кто бы сумѣлъ ввести новыя. И ничто не покрываетъ такой славой недавно возвысившагося человѣка, какъ введеніе хорошихъ законовъ и хорошихъ учрежденій. Когда они прочно установлены и носятъ на себѣ печать величія, они дѣлаютъ его предметомъ почитанія и удивленія. Въ Италіи же нѣтъ недостатка въ матеріалѣ, способномъ воспріять любую форму. Великая доблесть проявится въ каждомъ изъ ея сыновъ, если только таковая будетъ въ людяхъ, стоящихъ во главѣ ея. Обратите вниманіе на поединки и небольшія стычки. Вы убѣдитесь, насколько вы-

---

[1]) Книга Макіавелли посвящена Лоренцо Великолѣпному, герцогу Флоренціи.

соко стоятъ итальянцы въ отношеніи силы, ловкости, сообразительности. Когда же они собираются въ большое войско, ихъ достоинства не обнаруживаются, что объясняется всецѣло слабостью вождей, ибо тѣ, которые понимаютъ дѣло, неспособны къ повиновенію, и каждый можетъ считать себя понимающимъ, такъ какъ до сихъ поръ не появлялся еще человѣкъ, настолько превосходящій остальныхъ доблестью или счастьемъ, чтобы всѣ подчинялись ему. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что въ теченіе значительнаго промежутка времени, во всѣхъ войнахъ, веденныхъ за послѣднія двадцать лѣтъ, войско, составленное изъ однихъ итальянцевъ, всегда терпѣло неудачу; доказательствами могутъ служить во-первыхъ Таро, затѣмъ Александрія, Капуя, Генуя, Вайла, Болонья, Местри.

Поэтому, если вашъ славный домъ желаетъ послѣдовать примѣру превосходныхъ людей, освободившихъ свою родину, то онъ долженъ раньше всего обзавестись, какъ единственной основой для каждаго предпріятія, собственной арміей, ибо нельзя имѣть ни болѣе преданнаго, ни болѣе непоколебимаго, ни лучшаго войска.

Не слѣдуетъ поэтому пропускать такого случая, дабы Италія послѣ столькихъ лѣтъ ожиданія узрѣла наконецъ появленіе своего освободителя. Нельзя выразить словами, съ какой любовью онъ будетъ встрѣченъ въ провинціяхъ, пострадавшихъ отъ иноземныхъ нашествій, съ какой жаждой мести, съ какой непоколебимой вѣрностью, съ какимъ благоговѣніемъ, съ какими слезами! Какія ворота закрылись бы для него? какой народъ отказалъ бы ему въ повиновеніи? чья зависть стала бы на его пути? *Всѣмъ претитъ господство варваровъ.* Пусть же вашъ славный домъ возьмется за эту миссію съ тѣмъ мужествомъ и тѣми надеждами, съ какими берутся за правое дѣло, дабы подъ его знаменемъ воспряла родина и подъ его звѣздой оправдались слова Петрарки:

Virtù contra furore
Prenderà l'arme; efia 'l combatter carto,
Chè l'antico valore,
Nell' italici cor non è ancor morto [1]).

Petrarca Conz. XVI, v. 93—96.

XXV. Искусство эпохи возрожденія.

(По К. Бранди „Ренессансъ“).

Какъ ни благопріятны были природныя и историческія условія Флоренціи, ихъ все же далеко недостаточно для того, чтобы объяснить намъ, почему этотъ городъ, помимо превосходныхъ ткачей шерстяныхъ матерій и банкировъ, уже въ готическій періодъ произвелъ величайшаго поэта и знаменитѣйшаго художника, и почему съ того времени здѣсь какъ бы нарастаетъ огромный капиталъ духовнаго и художественнаго развитія, и дальнѣйшій ростъ и совершенствованіе культурныхъ условій именно отсюда получаютъ наиболѣе значительные импульсы. Во второй половинѣ XIV вѣка, въ то время, когда аристократія города, достигнувъ апогея своей

---

[1]) Доблесть подниметъ оружіе противъ бѣшеной злобы. И бой будетъ не долгъ, ибо еще не угасла прежняя доблесть въ сердцахъ италіанцевъ.

власти, начала постройку знаменитаго собора и требовала отъ архитектора, чтобы его куполу были даны совершенно невозможные размѣры въ ширину и въ вышину, въ то время, когда величественная Лоджіа деи Ланци, исключительно изъ любви гражданъ къ роскоши, была возведена рядомъ со старой ратушей, и когда ремесленные цехи и отдѣльные роды флорентинцевъ соперничали между собой въ украшеніи церквей и часовенъ,—именно тогда вторично возникли благопріятнѣйшія условія къ созданію великаго во всѣхъ областяхъ внѣшней культуры.

Дѣйствительно, въ началѣ XV столѣтія флорентинское искусство обнаружило новое и поразительное развитіе, овладѣло удивительнымъ образомъ древними мотивами и создало множество новыхъ. Мазаччіо, достигшій рано полнаго совершенства, перевелъ живопись съ плоскости въ глубину, придавъ ей пластичность и не нарушивъ при этомъ ея широкаго размаха; скульпторъ Донателло, съ другой стороны, обладая поразительнымъ чувствомъ гармоніи, ограничилъ художественные замыслы реальной дѣйствительностью, и оба эти мастера стремились къ высшему совершенству техники; точно также архитекторъ Брунеллеско принялся съ необычайной энергіей за разрѣшеніе труднѣйшихъ задачъ строительнаго искусства и за великолѣпное украшеніе возводимыхъ зданій. Леоне-Баттиста Альберти по возвращеніи во Флоренцію въ 1428 г. замѣчаетъ съ восторгомъ, что художники принялись за разрѣшеніе величайшихъ задачъ и „ни въ чемъ не уступаютъ древнимъ".

Во Флоренціи же рядъ замѣчательныхъ художественныхъ произведеній отмѣчаетъ тотъ путь, по которому изъ прежняго стиля создался новый. Когда въ 1402 г. для второй бронзовой двери собора былъ назначенъ конкурсъ, темой котораго было жертвоприношеніе Авраама, художники представили множество проектовъ, и изъ нихъ наиболѣе поучительными являются наброски Гиберти и Брунеллеско. Премія была присуждена барельефу Гиберти, линіи котораго дѣйствительно превосходны, но не менѣе замѣчателенъ своимъ полнымъ силы реализмомъ былъ и проектъ Брунеллеско. Послѣднему художнику принадлежала блестящая будущность, такъ какъ теперь вкусъ къ художественнымъ произведеніямъ и пониманіе ихъ стали вообще измѣняться. Подробности отдѣльныхъ явленій стали передаваться художниками такъ, какъ ихъ подмѣчаетъ въ дѣйствительности внимательный наблюдатель; предпочтеніе отдавалось формамъ, которыя сами за себя говорили и были ясны и опредѣленны; требовалось представленіе пространства, глубокой перспективы, рѣзкихъ тѣней и свѣтовыхъ переливовъ. Наряду съ опытами и проектами художниковъ происходило и критическое обсужденіе видимаго; въ теоретическихъ произведеніяхъ подводились итоги подобнымъ изслѣдованіямъ,—„кто идетъ по освѣщенному солнцемъ зеленому лугу, у того лицо является зеленымъ",—говоритъ Альберти въ главѣ объ отраженномъ свѣтѣ.

Это новое стремленіе къ естественному, къ природѣ, должно было быть согласовано съ тѣми требованіями старой школы, которыя имѣютъ дѣйствительную цѣнность,—съ прямолинейною композиціей, съ ритмическимъ движеніемъ, съ идеализованными одѣяніями фигуръ и съ классическими позами ихъ; все это соотвѣтствовало самымъ темамъ художественныхъ произведеній, такъ какъ искусство все еще служило исключительно почти для украшенія церквей и алтарей,—наиважнѣйшая тогда форма живописи, именно фрески, должны были со стѣнъ церкви обращаться къ зрителямъ какъ бы съ проникновенною проповѣдью. Если изображеніе святого, представленнаго въ видѣ обыкновеннаго человѣка

со всѣми его естественными чертами, выдвигалось изъ обычнаго ранѣе золотого фона, если ему придавалось натуральное движенiе, и окружающая обстановка обогащалась естественными предметами, то все это совершалось за счетъ того влiянiя на душу зрителя, которое должно было произвести это изображенiе. Воспроизведенiе сверхъестественнаго, идеализованнаго должно было, такимъ образомъ, страдать отъ подобной побѣды стремленiя къ естественному. Поэтому многiе художники останавливались въ нерѣшимости. Новыя вѣянiя служили все же къ захватывающему воспроизведенiю истинно-человѣческихъ чертъ даже въ изображенiяхъ, требуемыхъ благочестiемъ. Однако, напримѣръ, благочестивый художникъ въ соборѣ св. Марка, изобразившiй съ такою поразительною наглядностью пламенную молитву св. Франциска, обнаружилъ все же, вмѣстѣ съ тѣмъ, величайшую осторожность, сохранивъ и при изображенiи чудеснаго и сверхъестественнаго величавую простоту древняго стиля. Едва ли также гдѣ-либо Преображенiе Господне схвачено болѣе глубоко и величественно, какъ на фрескѣ Фра Анджелико, которая въ прежнее время была спрятана на сводахъ небольшой монастырской кельи и являлась достоянiемъ и источникомъ духовныхъ наслажденiй единственнаго счастливца, доминиканскаго монаха.

Подобное благоговѣйное отношенiе и величiе въ выполненiи деталей было постояннымъ достоянiемъ художественныхъ произведенiй, независимо отъ того, обусловливалось ли оно чисто-художественными или же болѣе религiозными требованiями. Однако, большинство живописцевъ и скульпторовъ слѣдовало въ своихъ произведенiяхъ собственному опыту и проникновенiю въ предметъ своими духовными очами, притомъ каждый дѣйствовалъ самъ за себя. Отсюда это множество художественныхъ индивидуальностей вмѣсто тѣхъ „школъ", которыя были въ XIII столѣтiи; отсюда и это видимое наслажденiе художниковъ при изображенiи индивидуальностей. Можно сказать, что почти неприличнымъ образомъ выглядываютъ всюду и вездѣ, во всѣхъ произведенiяхъ художества, вмѣсто идеализированныхъ головъ, портреты настоящихъ людей; библейскiя сцены содержатъ цѣлыя группы лицъ, въ которыхъ можно узнать друзей художника; самыя событiя поэтизируются и вмѣсто возвышеннаго стиля изображаются въ видѣ жанра. Художники воспроизводятъ и событiя священной исторiи, какъ событiя окружающаго мiра, и не останавливаются передъ тѣмъ, чтобы подвергать наисвященнѣйшiе предметы въ своихъ мастерскихъ извѣстному экспериментированiю; они рисуютъ ихъ упрощеннымъ образомъ, придаютъ живописное освѣщенiе, правильное архитектоническое расположенiе. Съ особою жадностью какъ бы рисуютъ они голое тѣло во всей его красотѣ, внушающей даже нѣкоторый ужасъ, и поэтому мы встрѣчаемъ такое несоразмѣрно большое количество изображенiй Адама и Евы и тѣла Iисуса Христа. Отъ совершенно сухого наблюденiя и изображенiя предметовъ художники поднимаются вверхъ, проходя всю лѣстницу переходовъ, къ полнѣйшей мечтательной идеализацiи, причемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, они серьезнѣйшимъ образомъ стремятся всѣ проявленiя красоты изучить съ точки зрѣнiя ихъ геометрическихъ условiй. Законы перспективы повели къ математическимъ открытiямъ совершенно такимъ же образомъ, какъ постройка зданiй и отливка статуй заставили производить опыты въ области техники.

Флоренцiя является, повидимому, наиболѣе богатой всѣми такими проявленiями, но сказываются подобныя стремленiя всюду. Въ Венецiи въ концѣ столѣтiя Андреа Мантенья ни въ чемъ не уступалъ флорен-

тинскимъ художникамъ, а въ Ломбардіи въ это время Леонардо да Винчи заканчивалъ свое великое произведеніе, посвященное природѣ, какъ міру внѣшнихъ чувствъ, въ области котораго онъ производилъ изслѣдованія и опыты всю свою жизнь. Такимъ образомъ, въ теченіе этого столѣтія вся средняя и верхняя Италія пережили великій періодъ возрожденія искусства, Ренессансъ,—вѣрнѣе, воскрешеніе, притомъ не столько воскрешеніе древности, сколько воскрешеніе природы.

Несмотря на это, нельзя въ данномъ случаѣ оставлять въ сторонѣ и древность. Никколо Пизано скопировалъ древніе саркофаги и придалъ, такимъ образомъ, новое направленіе пластикѣ. Завѣщанное древностью богатство формъ онъ самъ свободно видоизмѣнялъ и распоряжался съ нимъ безъ всякаго стѣсненія. Позднѣе художники обратили свое вниманіе на природу и стали въ ней искать новыхъ открытій, но, въ то же время, ученые и любители занялись развалинами и остатками древняго искусства въ Римѣ, отправлялись даже въ Грецію, какъ, напримѣръ, молодой купецъ Чиріако изъ Анконы, старались собирать надписи, украшенія и скульптурныя произведенія. Ни у кого не было такихъ богатыхъ коллекцій, и никто не проявлялъ такого усердія въ ихъ собираніи, какъ Скарчіоне въ Падуѣ, и обширный кругъ художниковъ находился подъ вліяніемъ его музея. Дома украшались во вкусѣ классической древности, и античные предметы искусствъ нравились все болѣе и болѣе.

Картина Мантеньи, изображающая тріумфальное шествіе Юлія Цезаря, представляетъ цѣлую выставку не только новыхъ идей въ искусствѣ, но и замѣчательныхъ аксессуаровъ. Безчисленное множество тріумфальныхъ арокъ, стѣнъ и развалинъ на заднемъ планѣ картины обнаруживаетъ основную романтическую черту — страстную преданность отдаленному прошлому, классической древности. Поджіо Браччіолини, секретарь римскаго папы, отправившійся съ Констанцскаго собора въ Сенъ-Галленъ для отысканія классиковъ, изъѣздилъ всю римскую Кампанью въ поискахъ за древними надписями и разсказываетъ, съ какимъ недоумѣніемъ смотрѣли на него крестьянскія дѣвушки, когда онъ освобождалъ камни развалинъ отъ плюща, чтобы прочесть сохранившіяся на нихъ буквы. Онъ также собиралъ произведенія античнаго искусства. Въ Греціи имъ была куплена голова Юноны, Минерва и Вакхъ, о чемъ онъ съ радостью сообщаетъ Никколо Никколи, и нельзя не отмѣтить, что онъ при этомъ прибавляетъ: „Донателло видѣлъ ихъ также и очень увлеченъ ими“. Наиболѣе именитыя семьи Флоренціи вскорѣ имѣли—каждая—свое собраніе древностей, и для реставраціи ихъ привлекались выдающіеся художники; такъ, Козимо Медичи пользовался для этой цѣли услугами Донателло, а его преемники пригласили для этого позднѣе Веррокіо и Микель-Анджело. Было бы даже странно, если бы жадно ловящіе красоту взоры этихъ художниковъ не впитали въ себя прелести античнаго искусства; поэтому не трудно представить себѣ, сколь многимъ они обязаны своимъ образованіемъ и своими художественными идеалами древности.

Въ одной изъ областей искусства результаты такого вліянія сказываются особенно ясно, почему здѣсь можно въ самомъ настоящемъ смыслѣ слова говорить о возрожденіи древности; мы разумѣемъ область архитектуры.

Вплоть до XV столѣтія и даже въ теченіе части этого столѣтія строили въ готическомъ стилѣ, такъ какъ необходимо было закончить то, что было ранѣе начато. Однако, уже въ началѣ этого вѣка Филиппо Брунеллеско, бывшій сперва ювелиромъ, занимался въ Римѣ тѣмъ, что

изслѣдовалъ древнія развалины въ цѣляхъ выяснить „музыкальныя пропорціи“ древней архитектуры. Дѣйствительно, въ результатѣ этихъ изслѣдованій онъ овладѣлъ новымъ стилемъ, и такъ какъ ему посчастливилось вскорѣ по возвращеніи во Флоренцію разрѣшить давнишнюю задачу постройки купола собора, то въ него увѣровали, какъ нѣкогда въ Петрарку, и охотно признали прекрасными и полными вкуса тѣ архитектурныя формы, которыя были имъ созданы. Правда, многое было уже подготовлено для воспріятія новаго стиля народомъ, къ тому же пришедшія изъ Франціи готическія формы были приняты лишь самымъ внѣшнимъ образомъ; все же является великой загадкой, какъ могъ Брунеллеско столь совершенно и окончательно вытравить изъ своихъ представленій готику и создать совершенно новыя архитектурныя формы, новыя архитектурныя украшенія. Онъ началъ съ постройки ризницы Санъ-Лоренцо и часовни Пацци, и разсказываютъ, что люди останавливались въ недоумѣніи предъ этимъ созданнымъ имъ „новымъ и прекраснымъ искусствомъ“; вмѣсто готическихъ арокъ и остроконечныхъ столбовъ, здѣсь были стройныя колонны, прямолинейныя очертанія крышъ и перекладинъ и античныя украшенія. Съ этого времени строители, бывшіе, вмѣстѣ съ тѣмъ, обыкновенно и скульпторами и живописцами, не переставали изучать древнія произведенія искусства, рисовали ихъ и передавали ихъ на свой собственный современный ладъ. Съ этого времени появляется множество альбомовъ съ эскизами и набросками, внушающими намъ и по сіе время благоговѣйное уваженіе.

Такимъ образомъ, несмотря на неравномѣрность внѣшнихъ и внутреннихъ условій въ развитіи различныхъ искусствъ и литературы, имѣлись все же между ними сильнѣйшія взаимодѣйствія, сказывавшіяся особенно ясно на отдѣльныхъ личностяхъ, отличавшихся большой многосторонностью. И, по всей вѣроятности, именно этой поразительной способностью къ воспріятію самыхъ различныхъ вліяній и малой разборчивостью этихъ лицъ объясняется то обстоятельство, что въ культурѣ quattrocento [1]) отсутствуютъ еще долгое время серьезныя столкновенія между тѣми противорѣчивыми и взаимно другъ друга исключающими элементами, какіе ей были свойственны. Нѣкоторое время можно даже говорить о попыткахъ къ полному уравненію. Въ этомъ смыслѣ чисто-универсальной многосторонностью отличался въ XV столѣтіи флорентинецъ Леоне-Баттиста Альберти; онъ получилъ юридическое образованіе, зналъ прекрасно классиковъ, былъ по профессіи представителемъ духовенства и притомъ не безъ дѣйствительной религіозности. Имъ была сочинена, между прочимъ, комедія на латинскомъ языкѣ, но онъ не былъ настоящимъ ученымъ гуманистомъ. Скорѣе у него были наклонности къ различной практической дѣятельности,—онъ былъ превосходнымъ гимнастомъ, наѣздникомъ, рисовальщикомъ и архитекторомъ. Онъ прекрасно владѣлъ ораторскимъ искусствомъ, былъ музыкантомъ и сочинялъ планы огромныхъ построекъ; онъ писалъ книги по генеалогіи и исторіи живописи и имѣлъ дерзость открыто выступать противъ латинскаго языка и писалъ на національномъ итальянскомъ. Несмотря на это, едва ли кто-нибудь изъ современниковъ больше его впиталъ въ себя духъ античной древности и ея идеи. Гуманизмъ его являлся культомъ здороваго и цвѣтущаго человѣка, а его религія, въ значительной степени приправленная эстетикой, въ основѣ своей имѣла мало связи съ христіанской. Одному изъ мелкихъ

[1]) Пятнадцатое столѣтіе.

тирановъ Римини онъ выстроилъ храмъ, отличающійся тяжелыми формами античныхъ построекъ, и его вкусамъ, надо думать, вполнѣ отвѣчало то обстоятельство, что подъ мрачными сводами этого храма нашли успокоеніе останки не христіанскихъ аскетовъ, а гуманистовъ, тѣла которыхъ были привезены Сигизмундомъ Малатестой изъ Греціи.

Всѣ служители искусства, начиная съ Данте, Петрарки и вплоть до художниковъ XVI столѣтія, исполнены чрезвычайнымъ воодушевленіемъ ко всему цѣльному, сложившемуся, личному. Гуманизмъ, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, преклоненіе предъ человѣкомъ, какимъ онъ имъ рисовался, со всѣми страстями, со всѣми страданіями, увлеченіями и любовью,—были главнѣйшими господствующими моментами. Потому и фантазія не знаетъ ничего болѣе высокаго, какъ изображеніе прекраснаго, захватывающаго, поднимающагося надъ всякой дѣйствительностью человѣка. Уже искусство XV вѣка, прежде всего, флорентинское, шло по этимъ путямъ. Во Флоренціи же имѣло мѣсто и достиженіе кульминаціоннаго пункта въ развитіи искусства въ данномъ направленіи,—не даромъ Флоренція настоящая родина всего прекраснаго!

Когда молодой Рафаэль Санти изъ Урбино (1483 — 1520) явился въ качествѣ робкаго начинающаго художника во Флоренцію и здѣсь наряду съ нѣкоторыми другими картинами создалъ своихъ первыхъ восхитительныхъ Мадоннъ, старое поколѣніе художниковъ уже сошло со сцены; послѣдніе изъ оставшихся разучились писать красками и ваять послѣ катастрофическаго выступленія Савонаролы. Лишь болѣе молодые и, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе сильные носители искусства—Леонардо да Винчи, фра Бартоломео делла Порта, Микель-Анджело Буонарроти и нѣкоторые другіе изъ ихъ современниковъ—удержались въ это тревожное время и основали теперь новое, болѣе совершенное искусство, которое уже цѣлое поколѣніе спустя Вазари называлъ еще „la moderna“ — современнымъ. Можно думать, что въ то время этотъ родъ искусства представлялъ наиболѣе высокій стиль, самую высшую степень совершенства въ изображеніи полныхъ и вполнѣ сложившихся формъ. Художники жили за счетъ цѣлаго столѣтія работы при самыхъ счастливыхъ условіяхъ,—работы, занятой энергичнѣйшимъ ознакомленіемъ съ окружающимъ внѣшнимъ міромъ. Тѣсный кругъ задачъ, которыя ставились искусству, облегчалъ упрощеніе формъ и открытіе въ нихъ самаго главнаго и существеннаго. Главнѣйшимъ элементомъ, однако, основнымъ остовомъ каждаго художественнаго произведенія оставался все же всегда живой человѣкъ, изображенія котораго, по традиціямъ классической древности, украшали и теперь еще алтари. То обстоятельство, что именно въ области изобразительныхъ искусствъ этотъ періодъ далъ самыя великія произведенія, стояло, несомнѣнно, въ связи съ этимъ своеобразнымъ соединеніемъ внѣшней церковности съ духовною свѣтскостью, а стремленіе къ наглядности, свойственное данной эпохѣ, довершало все остальное.

Во Флоренціи, послѣ смерти Савонаролы, еще разъ возникла республика, и богатый городъ, переживая радостное время полнаго благополучія, заказалъ Леонардо да Винчи и Микель-Анджело Буонарроти (1475—1563) разрисовать обширный залъ ратуши; къ прискорбію, ихъ удивительныя произведенія погибли отъ времени, и творенія да Винчи могутъ лишь угадываться нами въ настоящее время по едва замѣтнымъ очертаніямъ, сохранившимся на мѣстѣ его картинъ, — о величіи ихъ свидѣтельствуетъ чарующее впечатлѣніе, которое онѣ производили на современниковъ, и множество дошедшихъ до насъ набросковъ; ни одинъ

художникъ не умѣлъ съ такою страстностью подмѣчать сокровенныя черты, какъ Леонардо да Винчи; это былъ мастеръ, ощущавшій жизнь въ каждомъ волоконцѣ, въ каждомъ свѣтовомъ бликѣ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, великій изобрѣтатель, впервые попытавшійся использовать силы природы, заставить ихъ работать на человѣка, приводить въ движеніе его хитроумныя машины. Но если мы утратили нѣкоторыя изъ твореній Леонардо да Винчи, зато сохранилась до настоящаго времени колоссальная статуя Давида, созданная Микель-Анджело, какъ символъ свободы, и поставленная у воротъ ратуши Флоренціи. Въ церквахъ и монастыряхъ также появились произведенія искусства, о какихъ и не смѣло мечтать предшествовавшее поколѣніе. Создался новый стиль въ архитектурѣ, согласованный съ элементами симметріи, заложенными въ самомъ строеніи человѣка, и съ природнымъ чувствомъ равновѣсія. Индивидуальныя особенности художниковъ должны были подчиниться высшему, общему, охватывавшему ихъ чувству красоты. Картины, статуи и зданія проникнуты всѣ однимъ и тѣмъ же духомъ словно живой, движущейся тяжести. Во флорентинскихъ церквахъ свидѣтелями тому являются не только проникнутыя прелестью творенія Андреа дель Сарто, но и исполненныя глубокой серьезности произведенія Фра Бартоломео.

Папскій Римъ, однако, проявлялъ все болѣе и болѣе сильно свое превосходство въ смыслѣ могущества и силы. Въ Римѣ жили уже архитекторы Браманте изъ Милана, Джуліано да Санъ-Галло изъ Флоренціи и Фра Джокондо изъ Вероны. Подобно папамъ, могущественные кардиналы, располагавшіе огромными средствами, строили свои церкви, дворцы и виллы,—скульпторамъ и художникамъ доставалось здѣсь не мало выгодныхъ заказовъ. Папа Юлій II затмилъ всѣхъ своихъ предшественниковъ. Архитекторъ Браманте получилъ отъ него, прежде всего, большой заказъ перестроить заново соборъ св. Петра; 18 апрѣля 1506 г. былъ заложенъ фундаментъ одного изъ величественныхъ опорныхъ сводовъ купола. Въ то же время папа занялся планомъ постройки своей собственной гробницы и пригласилъ для этого Микель-Анджело изъ Флоренціи; неисчерпаемая фантазія этого художника вызвала къ жизни множество дивныхъ фигуръ, и онъ собирался уже приняться за выполненіе ихъ изъ мрамора. Но тутъ возникъ вопросъ о достойномъ помѣщеніи гробницы въ соборѣ св. Петра, и выполненіе ея было отложено,—скульптору пришлось, первоначально противъ его собственной воли, помѣстить всѣ задуманныя имъ фигуры надъ сводами Сикстинской часовни. Его могущественная фантазія создала изъ мрамора иллюстраціи къ древнимъ преданіямъ о сотвореніи міра и человѣка, о его грѣхопаденіи и изгнаніи изъ рая,—эти дивныя произведенія искусства въ теченіе всѣхъ послѣдующихъ столѣтій являлись какъ бы новымъ откровеніемъ. Ничего болѣе величественнаго нельзя было создать, и ни въ одну изъ эпохъ великія идеи не воплощались въ столь грандіозныя художественныя формы. Вокругъ этихъ преданій, касающихся бытія и небытія человѣка, развертывается въ безконечныхъ варіаціяхъ красота подвижного, гармонично сложеннаго человѣческаго тѣла. Рафаэль, который, при всемъ величіи стиля и совершенствѣ техники флорентинцевъ, не утратилъ нѣжной прелести красокъ умбрійской школы, получилъ отъ папы заказъ расписать его собственные покои и, между прочимъ, его библіотеку, которая позднѣе сдѣлалась Camera della Segnatura. Молодой художникъ, подъ вліяніемъ своихъ друзей-гуманистовъ, создалъ величественныя символическія фигуры, изображающія элементы духовной и свѣтской власти — теологію,

поэзію и науку; на заднемъ планѣ онъ помѣстилъ рядъ аллегорическихъ фигуръ и изображеній знаменитыхъ людей съ удивительно правильно схваченнымъ отпечаткомъ ихъ духовной сущности. Эти творенія Рафаэля являются такими же откровеніями, какъ элегическія фигуры Боттичелли. Они обнаруживаютъ яркое, искрящееся самосознаніе культуры этого времени, — ея противорѣчивыя черты, ея ужасы кажутся покоренными и скрашенными фантазіей. Міросозерцаніе среднихъ вѣковъ въ самой основѣ своей совершенно оставлено, и возвѣщена побѣда гуманизма; здѣсь, рядомъ съ чисто-гуманистической, совершенно индивидуально понятой теологіей, какъ въ его картинѣ „Disputa“, мы находимъ прославленіе наукъ и философіи въ его „Аѳинской школѣ“, и между обоими этими произведеніями поднимается къ небу „Парнасъ“, какъ истинная родина поэзіи, составляющей необходимый элементъ эстетическаго развитія.

Многія изъ этихъ произведеній, равно какъ и цѣлый рядъ другихъ, были начаты для папы Юлія II и закончены для Льва X, который, подобно своему отцу Лоренцо Великолѣпному, былъ какъ бы освѣщенъ тѣми яркими лучами, которые исходили отъ его предшественника. Онъ самъ, впрочемъ, также пожелалъ принять участіе въ украшеніи Сикстинской часовни, этой настоящей жемчужины папскаго дворца. Онъ поручилъ Рафаэлю нарисовать картины для гобеленовъ, которыми въ торжественныхъ случаяхъ долженъ былъ украшаться цоколь часовни. Достигшій къ тому времени уже зрѣлаго возраста, художникъ обнаружилъ въ этихъ новыхъ своихъ произведеніяхъ наибольшее совершенство, въ смыслѣ красоты композиціи и ясности выраженія; по краямъ гобеленовъ онъ изобразилъ въ рядѣ картинъ античнаго характера жизнь папы. Онъ нарисовалъ также и наиболѣе выдающихся дѣятелей при папскомъ дворѣ, увѣковѣчивъ ихъ, такимъ образомъ, навсегда.

Въ виду того, что опасныя времена вооруженной борьбы, повидимому, миновали, при склонности папы къ стяжанію и къ удовольствіямъ, стали снова проявляться также и другія черты въ жизни и поведеніи куріи. Художниковъ и архитекторовъ заставляли рисовать и строить, поэтовъ побуждали писать стихи, музыкантовъ — создавать музыкальныя произведенія, наконецъ, стали давать даже концерты и представленія, переходившія иногда за границы эстетически дозволеннаго. Въ то же время обстоятельства сложились такъ счастливо, что чрезвычайно обогатились и самый матеріалъ искусства, и его формы.

Дѣло въ томъ, что всюду художники приблизились къ формамъ античной древности, и когда теперь въ Римѣ писали красками картины по описаніямъ классическихъ авторовъ на античныя темы,—каковы, напримѣръ, фреска въ спальнѣ Агостино Киджи, изображающая свадьбу Александра и Роксаны по Луціану и принадлежащая кисти Содома, или находящаяся въ той же виллѣ картина Рафаэля, изображающая тріумфъ Галатеи,—то трактованіе подобныхъ темъ имѣло совершенно иное значеніе, чѣмъ миѳологическія произведенія флорентинцевъ, появившіяся однимъ поколѣніемъ ранѣе. Даже болѣе того, — сама почва древняго Рима порождала не только статуи и украшенія, но и цѣлыя архитектурныя сооруженія, для которыхъ мотивами служили остатки древнихъ фундаментовъ и старинныя развалины. Многое изъ остатковъ старины пытались непосредственно утилизировать. Производились и систематическія раскопки, и выражалась даже надежда, что Рафаэль, который являлся главнымъ надсмотрщикомъ надъ этими работами, не только позаимствуетъ великое множество мотивовъ для украшенія, но и возсоздастъ

полную картину древняго Рима. Рафаэль явился какъ бы символической фигурой этого времени—періода радостной беззаботности, періода, когда шутя рѣшались всѣ задачи, связанныя съ созданіемъ новыхъ формъ, и когда ощущалась ненасытная жажда къ новымъ знаніямъ и къ удовлетворенію эстетическихъ потребностей. Замѣчательный талантъ Рафаэля охватывалъ всѣ роды дѣятельности, и во всѣхъ ихъ онъ былъ равно геніаленъ,—послѣ его преждевременной смерти въ 1520 г. Піетро Бембо съ полной справедливостью жаловался, что сама мать-природа со смертью Рафаэля, этого лучшаго своего произведенія, угрожаетъ погибнуть. На самомъ же дѣлѣ въ это время кульминаціонный пунктъ былъ перейденъ, и блестящій лучезарный день начиналъ уже клониться къ вечеру!

Вслѣдъ за паденіемъ Рима и вслѣдъ за позоромъ, испытаннымъ папою, послѣдовала вскорѣ и окончательная гибель свободы Флоренціи. Папы и императоръ заключили миръ, однимъ изъ условій котораго было возстановленіе въ правахъ дома Медичи; Флоренція оказала вооруженное сопротивленіе, но, несмотря на храбрую защиту, городъ былъ завоеванъ и покоренъ (1530). При этой защитѣ Флоренціи дѣйствовалъ въ качествѣ инженера и художника Микель-Анджело. Онъ поочередно служилъ республикѣ, папамъ и князьямъ Медичи, — судьба капризно бросала его изъ стороны въ сторону. Въ молодости ему покровительствовали Медичи; затѣмъ ихъ противникъ Савонарола содѣйствовалъ и его паденію, и поскольку вообще душа его была затронута внѣшними переживаніями, постольку возбужденіе девяностыхъ годовъ повліяло на него въ смыслѣ выработки его мрачнаго характера. Подобно Данте и Савонаролѣ, онъ чувствовалъ надъ собою также великую власть любви, но тогда какъ первые давали исходъ этой страсти въ своей дѣятельности, его могучая фантазія создавала все новые и новые, полные внутреннихъ мукъ образы удивительной силы любви и красоты. Первыя великія его произведенія появились во время свободы (съ 1494 г.), затѣмъ воинствующій папа привезъ его въ Римъ (1505 г.): онъ нарисовалъ здѣсь свое „Сотвореніе міра“ и обязался изваять гробницу папы Юлія II. Эта работа затормозилась, однако, изъ-за безконечныхъ непріятностей, и изъ нея была выполнена лишь величественная статуя Моисея, по первоначальному плану одна изъ многихъ, долженствовавшихъ украшать этотъ монументъ. Папы изъ дома Медичи, которые, начиная съ 1512 г., распоряжались и во Флоренціи, завладѣли художникомъ и заставили его работать на себя; древняя фамильная церковь Медичи въ Санъ-Лоренцо была украшена по плану Микель-Анджело великолѣпнымъ фасадомъ (1516 г.). Работы его надъ мавзолеемъ Медичи затянулись, однако, чрезвычайно долго; этотъ мавзолей также не былъ совершенно законченъ, но въ его тяжелыхъ, давящихъ линіяхъ и въ фигурахъ, украшающихъ гробницы и истолковываемыхъ какъ изображенія дня, ночи, утра и вечера, мы находимъ полное выраженіе всего, что великій художникъ могъ сказать съ помощью своего рѣзца о собственной своей невеселой судьбѣ.

Идеи новой культурной эпохи нигдѣ не находили болѣе величественнаго изображенія, какъ въ твореніяхъ этого мастера, прекрасно знакомаго съ людьми, съ ихъ внѣшностью, съ ихъ горемъ и возвышенными стремленіями. Онъ не изображалъ уже, слѣдуя старинной манерѣ, Мадоннъ и Святыхъ Младенцевъ, Іоанновъ Крестителей и пеструю вереницу всевозможныхъ святыхъ и угодниковъ. Наряду съ совершенно свободными твореніями онъ создавалъ картины, полныя глубокаго значенія, являющіяся настоящимъ откровеніемъ, и въ высѣченномъ изъ мрамора

говорящимъ съ такою силою Моисеѣ, въ расположенныхъ вокругъ „Сотворенія міра“ Сикстинской часовни фигурахъ сивиллъ и пророковъ, символически изображающихъ знаніе и предчувствіе знанія, во всемъ этомъ возвеличеніи божественнаго откровенія въ лицѣ его носителей мы видимъ глубоко схваченное и мастерски истолкованное изображеніе истиннаго достоинства человѣка.

Эти великія творенія стояли въ связи со свободою, послѣдняя же должна была теперь совершенно исчезнуть. Полный поворотъ въ событіяхъ дѣйствительно наступилъ,—поворотъ, какого желалъ благородный Садолетъ еще въ 1527 г. Ни папа Климентъ VII, ни Павелъ III изъ дома Фарнезе не могли рѣшиться перейти открыто на сторону испанскаго императора, несмотря на то, что величайшія бѣды грозили и Италіи, и всему христіанскому міру. Опять появились на сцену непоты и папская семейная политика, но среди окружающихъ папу Павла III преобладалъ уже совершенно иной духъ, и, послѣ преодолѣнія безконечныхъ трудностей, дѣло дошло, въ концѣ концовъ, до созванія столь давно желаннаго Тріентскаго собора (1545 г.). Это собраніе представителей церкви не имѣло никакого значенія въ смыслѣ реформаціи, о которой хлопотала Германія, но получило огромное вліяніе на упроченіе древне-церковныхъ началъ за счетъ новѣйшаго развитія свѣтской власти папства.

Условія для возвращенія руководящихъ слоевъ общества къ прежней церковной строгости, собственно говоря, и ранѣе не исчезли совершенно. Монашество и схоластика лишь отступили на задній планъ, но вовсе не были побѣждены окончательно. Изученіе греческаго языка и литературы, мечтанія философовъ и серьезныя намѣренія многочисленныхъ художниковъ лишь подкрѣпляли церковныя стремленія, и нисколько не удивительны факты, о которыхъ разсказываетъ въ своемъ знаменитомъ сообщеніи одинъ изъ португальскихъ художниковъ (1539), говоря о высшемъ обществѣ Рима. Его другъ, Латтанціо Толомеи, ввелъ его въ одинъ изъ кружковъ, образовавшихся вокругъ Витторіи Колонны, вдовы генерала Ферранте де Пескара; этотъ кружокъ сходился въ Санъ-Сильвестро на Монте-Кавальо, гдѣ одинъ изъ знаменитыхъ теологовъ, фра Амброджіо изъ Сіены, истолковывалъ письма апостола Павла; тамъ чужеземецъ встрѣчалъ и художника-скульптора Микель-Анджело Буонарроти, который былъ привязанъ нѣжной дружбой къ женѣ генерала Пескара. Имѣвшій болѣе 60 лѣтъ художникъ былъ охваченъ въ этомъ кружкѣ тѣми же идеями и настроеніями, которыя онъ нѣкогда переживалъ въ качествѣ слушателя проповѣди Савонаролы, когда ему было 20 лѣтъ. Все существо его было охвачено идеей „божественной справедливости“, и подобно тому, какъ нѣкогда Савонарола провозвѣщалъ ужасное будущее, такъ и фантазія этого великаго художника и поэта вылилась теперь въ тяжелыхъ фигурахъ „Страшнаго суда“ Сикстинской часовни (1541). Осужденные на вѣчныя муки изображены на этой картинѣ погружающимися уже не въ пламя вѣчнаго огня прежняго ада съ его ребяческими ужасами, а въ безнадежный мракъ полнаго отрѣшенія отъ Божества.

Еще и въ эти болѣе позднія времена поднимались къ небу въ видѣ величественныхъ руинъ стѣны и своды строящагося вновь храма св. Петра, который долженъ былъ сдѣлаться самымъ грандіознымъ памятникомъ папскаго могущества. На престарѣлаго Микель-Анджело возложили заботы о довершеніи его, и онъ почти окончательно достроилъ великолѣпный куполъ Браманте. Послѣ смерти его, однако, прежній планъ постройки собора былъ оставленъ, и прекраснѣйшая мечта всѣхъ архитекторовъ

Ренессанса — храмъ св. Петра въ центрѣ величественныхъ построекъ — такъ и не была никогда осуществлена.

Изъ завоеваній Ренессанса римская церковь удержала прочно лишь то, что̀ ей непосредственно служило. Столь же мало повліяли на нее идеи германской реформаціи. Когда, въ виду отпаденія отъ нея Германіи, Англіи и Скандинавіи, ей пришлось серьезно оглянуться на свою собственную сущность, она охотно восприняла усиливающіе ее моменты, которые лежали въ возобновленіи религіозныхъ интересовъ и въ увеличеніи церковной дисциплины, но отнюдь не содѣйствовала развитію въ себѣ внутренней свободы. Она боялась свободной мысли, и потому она ограничила заботы объ искусствѣ и наукѣ снова одною лишь внѣшней формой и системой, какъ и въ прежнія времена.

Въ этихъ областяхъ, впрочемъ, все же въ ней замѣчалось еще много времени спустя самое блестящее развитіе. Новые монашескіе ордена, съ большою ревностью занимавшіеся обученіемъ юношества и воспитаніемъ сыновей владѣтельныхъ особъ, долгое время еще обнаруживаютъ глубокую преданность гуманистическому образованію, въ то же время князья церкви, сохранившіе свои богатства, соперничаютъ другъ передъ другомъ въ созданіи великолѣпныхъ построекъ, превосходныхъ картинъ, украшающихъ храмы, и другихъ произведеній искусства. Въ своихъ лѣтописяхъ церковь предоставляетъ исторической критикѣ отмѣчать лишь свои славныя дѣянія, и въ то же время несомнѣнно безвредныя изслѣдованія античной древности находятъ съ ея стороны вполнѣ дѣятельную поддержку. Собранія произведеній искусства въ Ватиканѣ не имѣютъ нигдѣ себѣ подобныхъ, и въ теченіе многихъ столѣтій весь Западъ черпаетъ свое художественное развитіе, прежде всего, изъ этихъ сокровищницъ папскаго Рима. Великолѣпными и торжественными остались формы внѣшней церковной обрядности, и полными величія выступали, какъ прежде, папскіе прелаты въ своемъ облаченіи.

Все это не имѣло, однако, уже болѣе ничего общаго со страстными исканіями эпохи Ренессанса.

Въ теченіе долгаго времени Венеція жила совершенно самостоятельной жизнью, при иныхъ условіяхъ и при иныхъ культурныхъ вліяніяхъ, чѣмъ вся остальная Италія. Ея аристократическо-олигархическіе, правящіе роды ревностно оберегали путемъ законовъ и искусственныхъ мѣропріятій свободу Большого совѣта, и всѣ попытки отдѣльныхъ дожей установить наслѣдственную власть отражались жесточайшимъ образомъ, нерѣдко съ пролитіемъ крови. Дѣловыя сношенія и интересы, лежавшіе первоначально на Востокѣ, а затѣмъ и на материкѣ Италіи (Terra ferma), повели къ развитію ловкой и ничѣмъ не стѣсняющейся дипломатіи, и, какъ венеціанецъ Марко Поло (ум. въ 1324 г.) сумѣлъ сдѣлаться необходимымъ человѣкомъ въ Татарскомъ царствѣ, такъ венеціанцы всюду проявляли поразительную ловкость въ обращеніи съ людьми и умѣли приспособляться къ самымъ различнымъ условіямъ. Литературныхъ интересовъ у венеціанцевъ не было; они не задавались философскими вопросами, и на берегахъ лагунъ Венеціи не раздавалось ни героическихъ, ни любовныхъ поэмъ тосканцевъ. Изъ водъ ихъ города поднимались на сваяхъ легкія и ажурныя постройки, и перенесенныя сюда позднѣе тяжелыя палаццо и храмы періода такъ называемаго Высокаго Ренессанса производятъ впечатлѣніе архитектурныхъ произведеній, нарушающихъ гармонію нѣжныхъ, изящныхъ очертаній древней Венеціи. Художники и скульпторы, которымъ здѣсь все же было достаточно дѣла, перенесли въ

Венецію чуждыя формы, заимствованныя съ материка (Terra ferma) или изъ Тосканы — таковы являются Верроккіо и флорентинецъ Сансовино, великолѣпная Лоджіетта котораго подъ древней колокольней св. Марка недавно обвалилась и теперь снова сооружена.

Лишь мало-по-малу, въ концѣ XVI столѣтія, Венеція начала получать все болѣе и болѣе крупное значеніе въ качествѣ самостоятельнаго культурнаго центра наряду съ Римомъ. Въ это время здѣсь собрались лучшіе представители искусства верхней Италіи; въ Венеціи достигли даже особаго совершенства главныя преимущества этого искусства. Искусство Милана, Пармы, Падуи и Вероны въ произведеніяхъ выдающихся художниковъ удалилось уже по самому направленію своему отъ той монументальной и пластической манеры, которая была свойственна флорентинцамъ и римлянамъ. Въ Римѣ апогей Ренессанса выразился, въ концѣ концовъ, въ стилѣ барокко; здѣсь господствовали увѣсистость и массивность, равно какъ и воспроизведеніе всюду тѣлеснаго, даже въ живописи. Венеція, напротивъ, искала совершенства въ мягкихъ и нѣжныхъ формахъ, въ блескѣ красокъ, въ волшебныхъ эффектахъ освѣщенія, въ глубинѣ перспективы, и потому именно такому художественному истолкованію окружающаго міра удалось впервые въ Италіи овладѣть въ дѣйствительности и ландшафтомъ. При этомъ художники искали не безграничнаго величія морской поверхности, а изображали нѣжные пейзажи холмистой страны и голубыхъ предгорій Альповъ, среди которыхъ разбросаны восхитительныя виллы венеціанскихъ патриціевъ, „нобилей", и богатыхъ гражданъ.

Первымъ великимъ представителемъ этого искусства былъ Джорджоне изъ Кастельфранко; до совершенства это искусство довелъ Тиціанъ Вечелліо (1477—1576). Въ теченіе своей почти столѣтней жизни этотъ великій мастеръ сдѣлалъ замѣчательнѣйшія завоеванія въ области воспроизведенія видимаго міра, и никогда не кончатся споры о томъ, въ какой области искусства онъ достигъ бо̀льшаго совершенства. Для историка нѣтъ лучшей и болѣе глубокой характеристики Карла V и Павла III съ его непотами, какъ портреты Тиціана. Трогательная вѣра и высокій религіозный подъемъ нигдѣ не переданы болѣе блестящимъ образомъ, какъ въ его картинѣ „Assunta", Успеніи Богородицы, хранящейся въ Венеціи, и вся исполненная великой тайны прелесть земли вылита въ той загадочной поэмѣ въ краскахъ, которая хранится въ галлереѣ Боргезе подъ названіемъ „Небесной и земной любви" и не поддается никакимъ истолкованіямъ. Такъ умѣлъ передавать природу и углубляться въ сущность ея лишь Леонардо да Винчи, но кисти венеціанскаго художника она подчинялась какъ будто еще съ большею охотою.

Приди, насъ разбуди своимъ прикосновеньемъ.
Вдохни въ насъ жизнь и дикое веселье!
Тебя все жаждетъ, что̀ мертво и нѣмо,
Все оживетъ, лишь твой призывъ услышитъ!

(*Гофмансталь*).

Съ того времени существуетъ настоящее венеціанское искусство. Послѣ Тиціана картины волшебной красоты создали Паоло Веронезе, Тинторетто и два вѣка спустя Джованни-Баттиста Тіеполо, считающійся послѣднимъ крупнымъ представителемъ венеціанской школы; онъ умеръ въ 1770 г.

Въ Венеціи со второй четверти XVI столѣтія собирались всѣ изгнанные изъ остальной Италіи поклонники радости жизни и представители искусства. Въ 1527 г. сюда переселился изъ Рима писатель Піетро Аритино, который затѣмъ почти 30 лѣтъ наслаждался въ Венеціи жизнью въ кругу своихъ друзей, поклонниковъ, художниковъ, любовницъ и веселыхъ остряковъ. Его девизомъ было „Vivere risolutamente"—„жить, во что бы то ни стало". Никто лучше его не изобразилъ міра умственныхъ наслажденій и міра порока и нравственнаго паденія Онъ былъ знакомъ и друженъ съ цѣлымъ рядомъ великихъ художниковъ и благородныхъ дамъ изъ общества того времени; въ его твореніяхъ поражали современниковъ блестящая роскошь стиля и богатство и разнообразіе рисовавшихся имъ картинъ; дѣйствительно, этотъ скабрезный, одаренный крупнымъ сатирическимъ талантомъ писатель имѣлъ не мало отношенія къ изобразительнымъ искусствамъ. Можно легко представить себѣ, какая полная и богатая содержаніемъ жизнь была развита въ Венеціи въ кругу такихъ людей, какъ Тиціанъ и Аретино. Художники того времени какъ при изображеніи библейскихъ сюжетовъ, такъ и при трактованіи современной жизни создавали подъ вліяніемъ богатой и роскошной жизни города картины, полныя блеска, роскоши и радостнаго праздничнаго настроенія,—они рисовали фантастическіе дворцы и не имѣющіе ничего общаго съ дѣйствительностью ландшафты, но наполняли ихъ зато фигурами изъ той жизни, которая была у нихъ передъ глазами.

Послѣ тяжкой для Венеціи утраты Востока богатство города значительно сократилось; ея древняя аристократія обѣднѣла, и ухудшились условія и для развитія искусства. Однако, еще и въ XVII и въ XVIII столѣтіяхъ Венеція со своими „ридотти" и „казини" занимала первое мѣсто среди городовъ всего міра. Никто не направлялся туда, чтобы производить какія-нибудь болѣе глубокія изысканія, но зато туда ѣздили многіе, чтобы насладиться мягкимъ воздухомъ лагунъ и отдохнуть. Прежде столь торжественныя въ своихъ богатыхъ нарядахъ дамы Венеціи сдѣлались кокетливыми и граціозными, унаслѣдовавъ красоту и грацію стараго общества.

XXVI. Козимо и Лоренцо Медичи.

(Изъ соч. Осокина: „Савонаролла и Флоренція").

Съ именемъ Козимо и его внука Лаврентія Великолѣпнаго тѣсно соединяется представленіе объ одной изъ тѣхъ эпохъ, которыя рѣдко повторяются въ исторіи. Но, при всемъ своемъ величіи, эпоха возрожденія замѣчательна не столько сама по себѣ: литература ея не оставила безсмертныхъ произведеній; человѣческій умъ не сдѣлалъ какихъ-либо гигантскихъ успѣховъ въ области знанія. Пятнадцатый вѣкъ замѣчателенъ болѣе, какъ фундаментъ нашего современнаго развитія, какъ сильный толчокъ, давшій такое блестящее направленіе Европѣ. Вспомнимъ, что при жизни Козимо, въ 1455 году, была напечатана первая книга, это—латинская библія, называемая нынѣ мазариновскою. Германскіе работники зашли и въ Италію. Въ октябрѣ 1465 года появилось въ типографіи субіакскаго монастыря изданіе Лактанція; говорятъ, что при немъ была приложена краткая Донатова грамматика. Этотъ первый трудъ итальян-

скихъ типографщиковъ и теперь еще существуетъ. Въ 1466 г. явилось Цицероново „De officiis“ въ той же типографіи; въ 1467 г. „De oratore“ Цицерона и „De civitate Dei“ св. Августина. Въ тотъ же годъ типографія была перенесена въ Римъ, станки росли быстро. Появилась книга въ Венеціи, а тамъ и въ другихъ городахъ. Въ 1470 г. книгопечатаніе окончательно утвердилось въ Италіи. Въ теченіе періода времени отъ 1470—1500 года въ одной Италіи напечатано по крайней мѣрѣ 5,400 сочиненій; изъ нихъ въ первое десятилѣтіе (1470—1480 г.) около 1,300, слѣдовательно, въ два послѣдующіе десятка лѣтъ книгопечатаніе возрастало въ значительно увеличивающейся прогрессіи. Во всей Европѣ до 1500 г. насчитываютъ болѣе десяти тысячъ изданій книгъ и брошюрокъ; слѣдовательно, какъ видимъ, Италіи принадлежитъ половина. Цифры очень краснорѣчиво рисуютъ великое значеніе Италіи въ исторіи науки и литературы.

Козимо, отчасти изъ государственныхъ причинъ, но болѣе всего по своей личной склонности къ наукамъ и искусствамъ, покровительствовалъ всѣмъ, кто только ознаменовалъ себя чѣмъ-либо въ области изящнаго или знанія. Подъ его постояннымъ чисто-отеческимъ попеченіемъ выросли всѣ знаменитости эпохи. „Вообще всѣ Медичи,—говоритъ историкъ возрожденія Фойгтъ,—любили покровительствовать наукамъ и искусствамъ, но никто, даже самъ Лаврентій Великолѣпный, не возвышался до такихъ высокихъ и благородныхъ понятій, какъ Козимо. Трудолюбивые критики, которые списывали и разбирали рѣдкія рукописи, стихотворцы, создававшіе съ геніальною легкостью гекзаметры, учителя древнихъ языковъ, переводчики съ греческаго, глубокоученые богословы и философы, художники, сооружавшіе храмы, дворцы, виллы, мосты или украшавшіе городъ статуями и картинами, всѣ они примыкали къ Козимо, какъ звенья къ цѣпи. Ихъ произведенія обогащали городъ, прославляли государство. Таланты высоко стояли надъ толпою; имъ всегда оказывали уваженіе; они были обременены наградами, но едва ли они сознавали, кого имъ слѣдуетъ благодарить—Козимо ли „отца отечества“, или Козимо „частнаго человѣка“.

Вообще изъ всѣхъ городовъ Италіи къ Флоренціи лучше всего идетъ эпитетъ „республика музъ“. Чѣмъ былъ Римъ для церкви, Венеція для торговли, тѣмъ Флоренція для литературной и художественной жизни. Рядомъ съ этимъ умственнымъ могуществомъ шло и политическое значеніе. Роль Рима взяла теперь на себя Флоренція и, опираясь на свою силу, съ достоинствомъ поддерживала равновѣсіе между сѣверными и южными государствами Италіи. Къ чести флорентійскихъ гражданъ надо сказать, что они всѣ наперерывъ старались отличиться покровительствомъ литературѣ и искусству; конечно, это относится къ вельможамъ и денежной аристократіи, но Медичи являлись лучшими представителями этого благороднаго стремленія. Они совершенно отдавались всѣми своими роскошными средствами, всѣми своими массивными капиталами художникамъ и ученымъ того времени. Огромныя богатства служили главною поддержкою такого возвышеннаго направленія Медичи, пользовавшагося безпредѣльною любовью черни и средняго сословія. Народъ привыкъ считать представителей этого рода людьми умными и честными; онъ вѣрилъ имъ, вѣрилъ ихъ правительственнымъ способностямъ.

Но, при всѣхъ своихъ блестящихъ качествахъ, Медичи не были чужды честолюбія. Напрасно упоминать о томъ, что задушевная цѣль ихъ была сдѣлаться полными властелинами Флоренціи. Мы не будемъ считать

первыхъ Медичи героями чести, но вмѣстѣ съ тѣмъ не будемъ говорить про нихъ, какъ про деспотовъ. Они оставили флорентійцамъ большую часть ихъ личныхъ правъ, а на себя взяли лишь веденіе ихъ внѣшнихъ дѣлъ и отчасти внутреннихъ, служащихъ къ огражденію народной свободы. Прибавимъ, что и такая власть была только въ періодъ полнаго господства купцовъ-Медичи, около времени Лаврентія Великолѣпнаго; прежде имъ принадлежало денежное вліяніе на разныя факціи государства. Слѣдовательно, деспотами они никогда не заявляли себя. Управлять 70 лѣтъ свободнымъ народомъ, возвеличить его извнѣ, не загубивъ его жизненныхъ соковъ, не заставляя его сожалѣть о потерѣ своихъ вольныхъ правъ, — огромная государственная заслуга. Что касается лично до Козимо, то его богатства, нравственныя качества, важныя заслуги, оказанныя родинѣ, были вѣрнымъ залогомъ постоянной любви согражданъ. По однимъ его вилламъ въ Кареджи и въ Кафаджіоло можно было судить о его богатствѣ. Онъ имѣлъ на арендѣ всѣ рудники итальянскіе и за одни романскіе платилъ сто тысячъ флориновъ ежегодно. Черезъ Александрію онъ велъ торговлю съ Индіею; его банки были во всѣхъ сколько-нибудь важныхъ городахъ. Король англійскій, герцогъ бургундскій брали у него значительныя суммы. До насъ дошелъ списокъ цѣнныхъ вещей Козимо, относящійся къ 1464 г. Въ немъ оказывается множество медалей, колецъ, камеевъ, печатей и пр., цѣною слишкомъ на 2,600 золотыхъ флориновъ; драгоцѣнныя вазы и иныя вещи высокой цѣнности на 8,000 слишкомъ флориновъ; однихъ галантерейныхъ вещей было почти на 18,000 флориновъ. Здѣсь не считается еще огромное количество серебряной посуды. Не удивительно, что такія баснословныя для того времени средстдва позволили Медичи издержать менѣе чѣмъ въ 40 лѣтъ (1431—1471) до 665 тысячъ флориновъ.

Путешествія Козимо по большей части европейскихъ государствъ доставили ему возможность изучить правителей и народы; личныя знакомства, черезъ вліятельнаго отца, съ монархами европейскими еще въ молодости открыли ему всѣ пружины политической жизни тогдашней Европы. Между тѣмъ, напрасно посланники и государственные люди думали проникнуть въ его тайны: онъ былъ недоступенъ для нихъ, всегда сводилъ рѣчь на модный разговоръ о древнихъ новооткрытыхъ рукописяхъ, объ итальянскомъ искусствѣ. Онъ самъ высказывался лишь въ своихъ поступкахъ, которые предпринималъ, лишь строго обдумавши ихъ результаты. Замѣчательна изворотливость ума его. Для примѣра приведемъ находчивость его при заключеніи мира съ королемъ неаполитанскимъ Альфонсомъ. Извѣстно, что рукопись Тита Ливія, присланная Козимо Альфонсу, прекратила ихъ продолжительную вражду. Король, страстный любитель древностей, съ жадностью бросился разбирать ветхія страницы оригинальнаго подарка. Онъ пришелъ въ восторгъ и нисколько не думалъ обращать вниманія на предостереженіе своего врача, что листы могутъ быть отравлены его врагомъ. Альфонсъ не зналъ, какъ благодарить правителя флорентійской республики. Между Неаполемъ и Флоренціею, благодаря Титу Ливію, былъ немедленно заключенъ мирный договоръ.

Макіавелли въ слѣдующихъ выраженіяхъ очертилъ характеръ дѣятельности Козимо, одного изъ лучшихъ Медичи: „Козимо, — говоритъ историкъ, — не только поддержалъ доброе имя и богатства своего отца, но даже превзошелъ его. Онъ еще съ большею ревностью и съ большею свободою управлялъ государствомъ. Это былъ благороднѣйшій человѣкъ,

пріятный и любезный въ обращеніи, либеральный, гуманный. Онъ заботился не объ однѣхъ партіяхъ, но старался снискать расположеніе всѣхъ граждан порознь. Щедростью онъ привлекъ на свою сторону множество флорентійцевъ". „Короче сказать,—замѣчаетъ Макіавелли,—это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ никогда не бывало не только во Флоренціи, но даже ни въ какомъ другомъ городѣ".

Лѣта и болѣзнь низвели Козимо въ могилу. 1 августа 1464 года не стало Козимо. Онъ умеръ 75 лѣтъ въ своей виллѣ Кареджи. Добрую и рѣдкую память онъ оставилъ по себѣ; въ теченіе тридцати лѣтъ онъ былъ главою, но не тираномъ республики. Знаменитая въ философскомъ развитіи эпохи платоническая академія; библіотека, купленная этимъ правителемъ и значительно увеличенная имъ; S. Marco, S. Lorenzo—храмы флорентійскіе; часовни работы Брунеллеско и Микелоццо—остались вѣчными памятниками „отца отечества", какъ въ приливѣ искренней благодарности называлъ его народъ флорентійскій. Рѣдко кто изъ правителей былъ болѣе достоинъ такого не громкаго, но многозначительнаго эпитета; рѣдко кто заслужилъ его такъ полно, такъ безупречно; рѣдко кто отдавался такъ всецѣлостно, всею силою души своей, пользѣ и благу отчизны.

Еще болѣе ревностнымъ покровителемъ возрождающихся литературы и искусства былъ внукъ Козимо Медичи, Лоренцо Медичи, по прозванію Великолѣпный, отличавшійся многосторонностію своего ума и образованія и утонченностью эстетическаго вкуса. Онъ никогда не упускалъ случая обогатить Флоренцію рѣдкими рукописями или предметами древняго искусства. Такъ, еще въ молодости, вскорѣ послѣ смерти отца, отправленный посломъ въ Римъ для присутствованія при коронованіи Сикста IV, Лоренцо большую часть времени посвящаетъ музеямъ и рукописямъ. По возвращеніи во Флоренцію онъ привезъ съ собою двѣ мраморныя головы Агриппы и Августа, лучшія созданія римскаго искусства. Въ то же время онъ обогатилъ Флоренцію множествомъ медалей, камей и прочихъ рѣдкихъ и дорогихъ вещей. При такомъ, по справедливости, „великолѣпномъ" правителѣ, ученые и художники въ большомъ числѣ стекались въ столицу Тосканы, гдѣ жили во дворцѣ Лоренцо, окруженные почетомъ и довольствомъ. Его приближенные, его застольные друзья состояли именно изъ такихъ людей. Они-то украсили Флоренцію изящными общественными зданіями и лучшими произведеніями живописи. Писатели обогатили вѣкъ Лоренцо прекрасными литературными произведеніями, какъ (важное для характеристики возрожденія) „Morgante maggiore" Пульчи; поэмы Полиціано, безчисленные „rime" и „canzone" другихъ поэтовъ развивали итальянскій языкъ и изгоняли латинскій изъ употребленія. Онъ самъ, въ подражаніе своему кружку, писалъ красивые и изящные стихи и, кромѣ того, оставилъ записки, важныя для его біографіи и характеристики окружавшихъ его.

Изученіе древнихъ также весьма занимало Лоренцо; но въ классикахъ онъ искалъ чего-то болѣе возвышеннаго, нежели скучныхъ, хотя необходимыхъ изслѣдованій критики. Большую часть времени онъ проводилъ въ своей виллѣ Кареджи, расположенной на скатѣ высокаго холма, на вершинѣ котораго чернѣлись развалины древней Фіезоле. Здѣсь, въ роскошныхъ садахъ, окруженный философами и писателями, Лоренцо диспутировалъ о Платонѣ и Аристотелѣ; конечно, весь кружокъ флорентійскихъ мыслителей стоялъ за обожаемаго ими Платона, въ честь котораго совершались праздники въ засѣданіяхъ академіи. Изъ густой зелени парковъ Кареджи красивый видъ раскидывается съ той и съ другой сто-

роны. Внизу лежала Флоренція съ своими церквами, дворцами, колокольнями, огромный куполъ каѳедральнаго собора, геніальное произведеніе Брунеллеско, горделиво высился подъ ярко-голубымъ небомъ. А съ другой стороны тянулись необозримыя равнины, покрытыя роскошными садами, уходившія вдаль за горизонтъ. Тамъ желтыя струи Арно бѣжали къ своему устью.

И современники, и потомки имѣютъ полное основаніе считать Лоренцо украшеніемъ рода Медичи, и титулъ „Великолѣпнаго", которымъ они наградили его за блескъ и величіе его правленія, есть только, по выраженію одного изъ итальянскихъ историковъ, слабая дань похвалы, которую вполнѣ заслужилъ Лоренцо. Все повиновалось ему въ городѣ. Аристократія потерпѣла полное фіаско въ борьбѣ съ Медичи. Среднее сословіе и простой народъ считали его лучшимъ своимъ другомъ, хотя невольно подчинялись ему, понимая его превосходство передъ прочими претендентами и видя постоянно возроставшую силу и могущество Флоренціи.

XXVII. Джироламо Савонарола.

(По „Исторіи инквизиціи въ средніе вѣка" Генри-Чарльса Ли).

Въ Италіи Возрожденіе наукъ, поднявъ умственный уровень въ обществѣ, повлекло за собою сильное нравственное и религіозное паденіе; оно породило въ только-что проснувшемся умѣ тогдашнихъ людей скептицизмъ и, ослабивъ авторитетъ религіи, не дало для нравственности другого основанія. Быть можетъ, никогда міръ не видалъ такую массу духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, нагло презиравшихъ всякій божескій и человѣческій законъ, какъ во времена папъ Сикста IV, Иннокентія VIII и Александра IV. Казалось, что ростъ культуры и богатства повлекъ за собою только увеличеніе роскоши и порока. Всѣ граждане, отъ самаго знатнаго и до самаго ничтожнаго, цинически предавались своимъ страстямъ, не думая даже скрывать своей безнравственности подъ маской лицемѣрія. Горячо вѣрующіе люди имѣли полное право надѣяться, что гнѣвъ Божій не можетъ долго сдерживаться, что неминуемая катастрофа сотретъ злыхъ съ лица земли и вернетъ церкви и человѣчеству чистоту первыхъ вѣковъ христіанства. Но время шло и испорченность людская съ каждымъ днемъ становилась ужаснѣй: казалось, нужно было, чтобы Богъ послалъ новаго пророка, который еще разъ направилъ бы на путь истины его заблудшихся дѣтей.

Такимъ пророкомъ явился Джироламо Савонарола, происходившій изъ старинной падуанской фамиліи. Онъ родился въ 1452 г. и готовился въ юношествѣ къ медицинской карьерѣ, получивъ такимъ образомъ основательную научную подготовку. Но будучи съ дѣтства вдумчивымъ и склоннымъ къ религіознымъ размышленіямъ, онъ рано проявилъ стремленіе къ аскетизму, а неудачная любовь къ дочери флорентинца Строцци и увлеченія средневѣковыми богословскими ученіями повліяло на него въ томъ смыслѣ, что еще въ двадцатитрехлѣтнемъ возрастѣ онъ отказывается отъ всѣхъ мірскихъ благъ и вступаетъ въ доминиканскій монастырь въ Болоньѣ. Уже къ этому времени духовный складъ Савонаролы, его отвращеніе къ гуманизму, приведшему, по его мнѣнію, къ паденію нравовъ,

къ порчѣ церкви, выразились въ его почти юношескомъ произведеніи „О презрѣніи къ свѣту“. Но въ монастырѣ обличительныя способности Савонаролы находятъ благопріятную почву для своего развитія, и онъ вскорѣ становится однимъ изъ самыхъ страстныхъ и краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ съ церковной каѳедры. Отнынѣ цѣлью его жизни становится борьба съ „развращеннымъ“ духомъ гуманизма обществомъ, гуманизма, въ которомъ онъ видитъ возрожденіе языческаго направленія, потрясающаго всю чистоту христіанской церкви.

Безпристрастное изученіе біографіи Савонаролы не можетъ оставить никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ искренне вѣрилъ въ свое призваніе для подобной пророческой дѣятельности. Такого рода убѣжденіе было вполнѣ естественно у человѣка со складомъ ума, какъ онъ; кромѣ того, его укрѣпляли въ этомъ убѣжденіи живое чувство царившихъ вокругъ бѣдствій и его вѣра въ вмѣшательство Бога, который совершитъ необходимыя измѣненія, которыя сдѣлать для человѣка было непосильно; ко всему этому присоединялось его увлекательное краснорѣчіе, его привычка къ уединенію и къ глубокому размышленію и частые экстазы, которымъ подвергался онъ и которые сопровождались видѣніями. Къ тому же традиціи церкви допускали возможность для всякаго человѣка быть облеченнымъ подобной миссіей.

Когда въ 1481 г. Савонарола, имѣвшій тридцать лѣтъ отъ роду, прибылъ во Флоренцію, то онъ былъ уже всецѣло поглощенъ своею реформаторскою миссіей. Онъ горячо пользовался всякимъ представлявшимся ему случаемъ, чтобы высказывать свои убѣжденія съ высоты каѳедры; но рѣчи его не производили большого впечатлѣнія на населеніе, погрязшее въ развратѣ. Постомъ 1486 г. онъ былъ посланъ въ Ломбардію, въ городахъ которой онъ проповѣдывалъ три года, пріобрѣтя мало-по-малу способность трогать сердца и совѣсть своихъ слушателей; и когда въ 1489 году, по настоянію Лаврентія Медичи, его пригласили во Флоренцію, то онъ уже пользовался славою крупнаго оратора. Дѣйствіе его краснорѣчія увеличивалось еще строгостью жизни. Менѣе чѣмъ черезъ годъ онъ былъ назначенъ пріоромъ монастыря св. Марка, принадлежавшаго доминиканцамъ-обсерватинамъ, членомъ ордена которыхъ онъ былъ.

Савонарола утверждалъ, что имъ непосредственно руководитъ божеское вдохновеніе, которое внушаетъ ему, что̀ дѣлать и что̀ говорить, и открываетъ будущее; и этому вѣрила не только простая масса флорентинцевъ, но и самые сильные и образованные умы эпохи, каковы, напр., Пико де-ла-Мирандола и Филиппъ Комминъ; увлекся имъ также и платоникъ Марсиліо Фичино, который въ 1494 г. утверждалъ даже, что только святость Савонаролы въ теченіе четырехъ лѣтъ отвращала отъ развращенной Флоренціи Божій гнѣвъ. Нарди разсказываетъ, что въ 1495 г., когда Петръ Медичи дѣлалъ враждебную демонстрацію противъ Флоренціи, онъ самъ лично слышалъ, какъ Савонарола предсказалъ, что осаждающіе подойдутъ подъ самыя городскія ворота и уйдутъ безъ успѣха; предсказаніе это, дѣйствительно, оправдалось. Исполнялись и другія пророчества его, напр., о смерти Лавренія Медичи и Карла VII, о голодѣ въ 1497 г. Такимъ образомъ, слава проповѣдника распространилась по всей Италіи, а во Флоренціи онъ пользовался какъ бы верховнымъ авторитетомъ. На каждой его проповѣди присутствовало отъ 12 до 15 тысячъ слушателей. Въ большомъ каѳедральномъ соборѣ Маріи дель Фіоре пришлось выстроить эстрады для тѣснившейся толпы, готовой

по одному слову его броситься въ огонь. Особое вниманіе обращалъ онъ на дѣтей; онъ такъ заинтересовалъ ихъ своимъ дѣломъ, что ихъ, казалось, нельзя было удержать въ кровати, когда Савонарола утромъ говорилъ проповѣдь: такъ они торопились придти въ церковь раньше родителей. Въ процессіяхъ, которыя онъ устраивалъ, часто участвовало по 5000—6000 мальчиковъ-подростковъ; они были неоцѣнимы для его задачи проведенія нравственной реформы, которую онъ предпринялъ въ этомъ развращенномъ городѣ, преданномъ позорнымъ удовольствіямъ. Дѣти врывались въ трактиры и игорные дома, прерывали оргіи и игры въ кости и карты; ни одна женщина не осмѣливалась показываться на улицѣ иначе, какъ прилично и скромно одѣтая. Крикъ „Вотъ питомцы Брата!“ наводилъ страхъ на самыхъ закоренѣлыхъ злодѣевъ, такъ какъ сопротивленіе имъ легко могло стоить жизни. Были даже отмѣнены происходившіе ежегодно въ Санто-Барнабо конскіе бѣга.

Съ извѣстной точки зрѣнія можно жалѣть о пуританизмѣ Савонаролы и о безразсудномъ рвеніи его питомцевъ. Въ 1498 г. онъ замѣнилъ нечестивые маскарады карнавала костромъ радости, на который сносились всѣ вещи, считаемыя имъ нескромными или неблагопристойными. Добровольныя приношенія на это сожженіе значительно увеличились благодаря энергіи мальчиковъ, которые входили въ дома и дворцы и уносили все, что, по ихъ мнѣнію, надлежало сжечь. Драгоцѣнныя раскрашенныя рукописи, статуи, картины, рѣдкіе обои, безцѣнныя произведенія искусства были перемѣшаны съ бездѣлушками и ничтожными украшеніями дамской прически, съ зеркалами, съ музыкальными инструментами, съ книгами по гаданію, по астрологіи, по магіи. Были сожжены даже экземпляры Боккачіо; но Петрарка заслужилъ снисхожденіе даже въ глазахъ строгаго и добродѣтельнаго Савонаролы. Стоимость предметовъ, обреченныхъ на это безжалостное ауто-да-фе, была такъ велика, что одинъ венеціанскій купецъ предложилъ за нихъ двадцать тысячъ скуди; вмѣсто отвѣта взяли портретъ этого любителя и поставили на самомъ верху костра. Нечего удивляться тому, что ночью пришлось охранять эту кучу драгоцѣнныхъ предметовъ съ помощью вооруженныхъ людей изъ боязни, чтобы tiepidi не украли чего-либо.

Если бы Савонарола дѣйствовалъ среди суровыхъ феодальныхъ установленій, то его вліяніе на нравственныя и религіозныя идеи его времени было бы, по всей вѣроятности, продолжительнѣе; но въ республикѣ, подобной Флоренціи, невозможно было удержаться, чтобы не вмѣшаться въ политику. Нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ жадно ухватился за удобный случай или за то, что показалось ему таковымъ, чтобы возродить могущественное государство и получить, такимъ образомъ, господствующее вліяніе во всей Италіи для того, чтобы провести реформу всего христіанскаго міра. Слышимый имъ пророческій голосъ убѣждалъ его, что тогда послѣдуетъ обращеніе невѣрныхъ, и христіанская любовь и кротость будутъ царить во всемъ мірѣ.

Сбитый съ пути этими увлекательными иллюзіями, Савонарола не задумался использовать въ практическихъ цѣляхъ почти неограниченную власть, которую онъ пріобрѣлъ надъ населеніемъ Флоренціи. Его совѣты вызвали въ 1494 г. революцію и изгнаніе Медичи, и только благодаря его вліянію это возстаніе не сопровождалось, какъ обыкновенно въ итальянскихъ городахъ, пролитіемъ крови. Во время похода Карла VIII въ 1494 году противъ Неаполя онъ дѣятельно старался укрѣпить союзъ республики съ этимъ монархомъ, въ которомъ онъ видѣлъ орудіе Бога

для проведенія реформъ въ Италіи. Въ этомъ самомъ году, когда во Флоренціи возстановлена была республика, онъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой, занимался какъ устройствомъ, такъ и выработкой законовъ; когда онъ заставилъ населеніе провозгласить королемъ Флоренціи Іисуса Христа, то, вѣроятно, онъ самъ не отдавалъ себѣ отчета, что въ качествѣ толкователя воли Бога онъ самъ необходимо долженъ былъ сдѣлаться диктаторомъ. Онъ не только поучалъ съ высоты каѳедры слушателей гражданскимъ обязанностямъ и давалъ свободу своему пророческому вдохновенію: вожди народной партіи имѣли кромѣ, этого, обыкновеніе постоянно спрашивать его мнѣнія и слѣдовать его совѣтамъ. Но чаще всего онъ оставался въ самомъ строгомъ уединеніи и предоставлялъ заботы о подробностяхъ двумъ довѣреннымъ лицамъ, выбраннымъ имъ среди монаховъ монастыря Св. Марка; одинъ изъ нихъ, Доминикъ да Пешіа, былъ человѣкъ горячій, весь отдававшійся первому движенію; другой, Сильвестро Маруффи, былъ мечтатель, ясновидящій. Итакъ, Савонарола, котораго считали пророкомъ Бога, спустился до положенія вождя партіи, которую народъ презрительно называлъ Piagnoni, или Плаксы и ему пришлось основать всѣ свои надежды на прочномъ главенствѣ этой партіи, такъ какъ всякій малѣйшій ущербъ ея политическимъ предначертаніямъ неизбѣжно дѣлался роковымъ для его широкихъ и благородныхъ плановъ, основанныхъ на этой политикѣ. Мало того, упорное отстаиваніе Савонаролой союза съ Карломъ VIII привело къ тому, что исчезновеніе проповѣдника демагога сдѣлалось необходимымъ для успѣха проектовъ папы Александра VI, мечтавшаго объединить всѣ итальянскія государства, чтобы предотвратить опасность новаго французскаго вторженія.

Судьба какъ будто хотѣла сдѣлать его паденіе неизбѣжнымъ: еще въ XIII в. былъ изданъ законъ, требовавшій, чтобы синьорія каждыя два мѣсяца мѣняла начальниковъ республики, такъ чтобы она отражала бы всѣ мимолетные проблески народныхъ страстей. Когда наступилъ критическій моментъ такой смѣны, то вѣтеръ подулъ противъ Савонаролы. Союзъ съ Франціей, на которомъ было основано довѣріе къ нему, какъ къ государственному мужу и пророку, имѣлъ печальныя послѣдствія. Карлу VIII съ великимъ трудомъ удалось пробиться во Францію съ жалкими остатками арміи, и онъ никогда уже болѣе не возвращался въ Италію, несмотря на то, что Савонарола не разъ грозилъ ему гнѣвомъ Божьимъ; и король не только оставилъ Флоренцію одну передъ лицомъ лиги, въ которую входили Испанія, папство, Венеція и Миланъ, но обманулъ самое горячее желаніе флорентинцевъ, не исполнивъ своего обѣщанія вернуть имъ Пизу. Когда 1 января 1496 г. извѣстіе объ этомъ было получено во Флоренціи, то возбужденное населеніе свалило всю отвѣтственность за это на Савонаролу; вечеромъ толпа окружила монастырь Св. Марка и громко грозила сжечь „этого свинью брата“. Зло увеличивалось еще ужасною нищетою, вызванною паденіемъ промышленности и торговли за время гражданскихъ войнъ, выдачей крупныхъ субсидій Карлу VIII и расходами по войнѣ противъ Пизы; значительныя контрибуціи обременяли городъ долгами; государственный кредитъ былъ подорванъ. Ко всему этому прибавился ужасный голодъ 1497 г. и сопровождавшая его чума. Всѣ эти бѣдствія, обрушившіяся одно за другимъ, возбудили невѣжественныя массы, которыя и произвели революцію.

Arrabiati, или партія оппозиціи, не замедлили воспользоваться реакціей; они нашли себѣ поддержку у праздношатающихся и у всѣхъ гражданъ, недовольныхъ строгою реформой. Образовалось общество подъ

именемъ Compagnacci. Среди нихъ были знатные молодые люди, наглые и распущенные, со своими кліентами; во главѣ ихъ стоялъ Доффо Спини, и ихъ поддерживалъ вліятельный домъ Альтовити. Ихъ конечною цѣлью было сверженіе Савонаролы, и они готовы были, если представится удобный случай, рѣшиться на крайнія мѣры.

Этотъ случай скоро представился. Если бы Савонарола ограничивался только нападками на испорченность церкви и куріи, то его, несомнѣнно, оставили бы въ покоѣ высказывать свое негодованіе, какъ это было со Св. Бригиттой, съ канцлеромъ Парижскаго университета Герсономъ, съ кардиналомъ д'Айльи, съ Николаемъ де Клеманжъ и со многими другими высоко почитаемыми духовными лицами. Папа и кардиналы привыкли къ поношенію и относились къ нему весьма снисходительно, лишь бы только не касались прибыльныхъ злоупотребленій. Но Савонарола сдѣлался крупною политическою личностью; его вліяніе во Флоренціи было враждебно планамъ Борджіа; тѣмъ не менѣе, Александръ VI относился къ нему съ насмѣшливымъ индифферентизмомъ, который иногда сильно напоминалъ презрѣніе. Когда же, наконецъ, поняли, насколько серьезна опасность, то папа постарался привлечь Савонаролу на свою сторону, предложивъ ему архіепископскую каѳедру во Флоренціи и кардинальскую шапку. Предложеніе это было отвергнуто съ пророческимъ негодованіемъ: „Я хочу только вѣнецъ мученика, окрашенный моею собственною кровью".

Враждебное отношеніе къ Савонаролѣ обнаружилось впервые 21 іюля 1495 г., послѣ того, какъ Карлъ VIII навсегда покинулъ Италію и оставилъ флорентинцевъ однихъ въ жертву лиги, душою которой былъ папа. Но и тутъ еще ограничились только тѣмъ, что дружески пригласили его въ Римъ дать отчетъ въ своихъ откровеніяхъ и пророчествахъ, внушенныхъ ему Богомъ. Онъ отвѣтилъ 31 іюля и отклонилъ приглашеніе подъ предлогомъ сильной лихорадки и дизентеріи; кромѣ того, онъ добавилъ, что республика не позволитъ ему пуститься за флорентинскіе предѣлы изъ страха передъ врагами, преслѣдующими его; его уже покушались отравить и убить, такъ что онъ никогда не выходитъ изъ монастыря безъ охраны; а затѣмъ его присутствіе во Флоренціи необходимо въ виду того, что начатыя реформы города еще не окончены. Онъ обѣщалъ прибыть въ Римъ при первой возможности, а до этого времени папа можетъ найти все, что интересуетъ его, въ книгѣ, которая находится еще въ печати и въ которой собраны пророчества, касающіяся обновленія церкви и преобразованія Италіи; экземпляръ этой книги немедленно по отпечатаніи ея будетъ доставленъ Святому Отцу.

Хотя Савонарола говорилъ, что не придаетъ никакого значенія этому дѣлу, тѣмъ не менѣе, онъ обратилъ на него вниманіе и прекратилъ на время проповѣдь. Неожиданно 8 сентября Александръ вернулся къ этому дѣлу и послалъ монахамъ-соперникамъ, францисканцамъ монастыря Св. Креста, буллу, въ которой приказывалъ присоединить Тосканскую конгрегацію къ провинціи Ломбардіи; дѣло Савонаролы было поручено викарному генералу этой провинціи Себастьяну де-Мадіисъ. Доминику да Пешіа и Сальвестру Маруффи было приказано въ недѣльный срокъ перебраться въ Болонью, а Савонаролѣ было запрещено проповѣдывать до тѣхъ поръ, пока онъ не явится въ Римъ. 29 сентября Савонарола послалъ подробно мотивированное оправданіе, просилъ папу сообщить ему, какія заблужденія въ его ученіи ставятся ему въ вину, и заявлялъ, что онъ готовъ отречься отъ нихъ. Но почти тотчасъ же послѣ этого походъ

Петра Медичи противъ Флоренціи заставилъ Савонаролу нарушить свое молчаніе: 2 октября, не дожидаясь папскаго отвѣта, онъ взошелъ на каѳедру и горячо убѣждалъ народъ соединиться противъ тирана. Несмотря на это явное неповиновеніе, Александръ принялъ выраженіе видимаго смиренія Савонаролы и 16 октября отвѣтилъ ему, запретивъ ему только всякую проповѣдь, пока онъ не явится въ Римъ, или пока не будетъ послано во Флоренцію лицо, уполномоченное рѣшить это дѣло.

Но голосъ проповѣдника былъ настолько важнымъ факторомъ въ жизни Флоренціи, что друзья Савонаролы, стоявшіе у власти, не могли согласиться на его вынужденное молчаніе. Много крупныхъ усилій было употреблено на то, чтобы папа разрѣшилъ ему проповѣдывать во время наступающаго поста, и Александръ уступилъ этой просьбѣ. Тогда Савонарола произнесъ рядъ рѣчей на слова пророка Амоса, и рѣчи эти были таковы, что не могли смягчить курію; мало того, что онъ съ ужасной силой бичевалъ пороки папскаго двора, онъ старался также доказать, что послушаніе его приказаніямъ папы должно имѣть извѣстныя границы. Эти рѣчи произвели сильное впечатлѣніе не только во Флоренціи, но и по всей Италіи. Въ воскресенье на Пасху, 3 апрѣля 1496 г., Александръ призвалъ четырнадцать доминиканцевъ докторовъ богословія и объявилъ ихъ собрата еретикомъ, схизматикомъ, непослушнымъ и суевѣрнымъ. Его сдѣлали отвѣтственнымъ въ несчастіяхъ Петра Медичи, и всѣ, кромѣ одного, подали голосъ за то, что нужно найти средство заставить его молчать.

Прежде всего Александръ попытался использовать противъ Савонаролы традиціонную вражду францисканцевъ. Центромъ дѣйствій былъ избранъ обсервантинскій монастырь св. Миніато; въ немъ собрались самые знаменитые ораторы ордена: Доминикъ да Поза, Михаилъ д'Аквисъ, Джованно Тедеско, Джакопо Брешіанскій и Франческо делла Пулья. Правда, Piagnoni, сильные своими недавними успѣхами на полѣ сраженія, избрали 1-го января 1497 г. гонфалоньеромъ Франческо Валори, который попытался запретить францисканцамъ проповѣдь, запретилъ имъ просить хлѣбъ, вино и другіе необходиые предметы и хвалился, что заставитъ ихъ умереть съ голоду; одинъ изъ нихъ былъ даже изгнанъ изъ города, но другіе упорствовали и объявили постомъ съ каѳедры церкви Св. Духа Савонаролу наглымъ обманщикомъ. Но его сторонники мало безпокоились; къ нему собиралось слушателей больше, чѣмъ когда-либо, и настроены они были крайне восторженно. Одна монахиня изъ монастыря св. Маріи ди Казиньяно прибыла во Флоренцію испытать свои силы въ подобной же кампаніи, но также не имѣла успѣха.

Въ это время былъ страшный голодъ, и угрожала чума. Синьорія, состоявшая тогда изъ Arrabiati, воспользовалась этимъ, чтобы положить конецъ войнѣ проповѣдниковъ, которая дѣйствительно угрожала спокойствію города. 3 мая были запрещены всѣ проповѣди, начиная съ Вознесенія (4 мая), подъ предлогомъ, что съ приближеніемъ лѣта собраніе людей въ многолюдныя толпы могло содѣйствовать распространенію эпидеміи. Непримиримое возбужденіе умовъ сказалось на другой день, когда Савонарола произносилъ въ соборѣ свою прощальную проповѣдь. Двери были выбиты раньше часа проповѣди, и его каѳедра была вымазана нечистотами. Compagnacci почти открыто дѣлали приготовленія къ тому, чтобы убить своего врага; они собрались въ огромномъ числѣ и криками прервали оратора; друзья Савонаролы обнажили шпаги, сгруппировались вокругъ него, и только подъ ихъ охраной ему удалось выйти невредимымъ.

Эта дерзкая выходка произвела сильное впечатлѣніе по всей Италіи; синьорія показала, на чьей сторонѣ ея симпатіи, такъ какъ виновные остались безнаказанны. Очевидная слабость Piagnoni ободрила Александра. 13 мая онъ послалъ францисканцамъ буллу, приказывая имъ объявить, что Савонарола, какъ подозрѣваемый въ ереси, отлученъ отъ церкви и что съ нимъ запрещены всякія сношенія. Но Piagnoni такъ мало обратили вниманія на отлученіе, что 17 сентября подали синьоріи петицію дѣтей Флоренціи, просившихъ, чтобы было разрѣшено проповѣдывать ихъ горячо любимому брату Савонаролѣ. Съ своей стороны, синьорія начала дѣятельныя, но безуспѣшныя попытки добиться отмѣны духовнаго наказанія. Но Савонарола, несмотря на то, что не признавалъ наложенныхъ папой наказаній, считалъ себя покорнымъ сыномъ церкви. Онъ употребилъ свой вынужденный досугъ этого лѣта на написаніе книги „Triomfo della Croce", въ которой доказывалъ, что папство есть верховная власть, и что всякій, кто отдѣляется отъ единства съ Римской церковью и отъ ея ученія, самъ отсѣкаетъ себя отъ церкви Христа.

Въ январѣ 1498 г. правленіе перешло въ руки синьоріи, состоявшей изъ горячихъ сторонниковъ Савонаролы, которые всѣ были страшно недовольны, что на него было наложено молчаніе. Старый обычай требовалъ, чтобы въ день св. Епифанія, годовой праздникъ церкви, синьорія in corpore отправилась въ соборъ; наступилъ этотъ день, и граждане всѣхъ партій были поражены, увидѣвъ, что Савонарола, все еще отлученный, отправлялъ торжественное богослуженіе, и что должностныя лица смиренно цѣлуютъ у него руки. Пошли еще далѣе въ дѣлѣ открытаго мятежа и рѣшили, чтобы онъ снова началъ проповѣдывать. Выборы новой синьоріи предстояли въ мартѣ; народъ началъ менѣе повиноваться Савонаролѣ, и необходимо было, чтобы его краснорѣчіе обезпечило ему безопасность и сохранило власть въ рукахъ Piagnoni. Вслѣдствіе этого, 11 февраля онъ снова явился въ каѳедральномъ соборѣ.

Проповѣди Савонаролы на тексты изъ Исхода—его послѣднія проповѣди—были болѣе рѣзки, чѣмъ всѣ прежнія. Онъ могъ опровергнуть свое настоящее положеніе, только доказавъ, что анаѳема, произнесенная папою, не имѣетъ значенія; и онъ доказывалъ это въ такихъ выраженіяхъ, которыя вызвали въ Римѣ самое сильное негодованіе. 26 февраля поспѣшно было послано синьоріи бреве, въ которомъ приказывалось подъ угрозой интердикта арестовать Савонаролу и выслать его въ Римъ. Это посланіе осталось мертвою буквою; но одновременно каноникамъ собора было предписано не допускать Савонаролу въ церковь. 1-го марта Савонарола явился въ соборъ и объявилъ, что онъ будетъ проповѣдывать въ церкви св. Марка, куда за нимъ послѣдовала толпа слушателей. Но въ этотъ самый день судьба рѣшила его паденіе: власть перешла къ синьоріи, состоявшей въ большинствѣ изъ Arrabiati, во главѣ которыхъ, въ качествѣ гонфалоньера, стоялъ одинъ изъ самыхъ ожесточенныхъ его враговъ, Петръ Пополески. Однако, Савонарола пользовался еще такимъ авторитетомъ среди народа, что на него не осмѣлились напасть открыто и ждали случая, чтобы сломить его.

Первымъ дѣломъ новаго правительства было обращеніе къ папѣ: 4 марта синьорія просила папу извинить ея неповиновеніе его указамъ и призывала милость Св. Отца на Савонаролу, труды котораго были такъ полезны и въ которомъ населеніе Флоренціи видѣло высшее существо. Быть можетъ, въ этомъ крылся коварный замыселъ воспламенить гнѣвъ папы; во всякомъ случаѣ изъ отвѣта Александра видно, что онъ

прекрасно понималъ выгоды новаго положенія. Онъ писалъ, что ждетъ теперь отъ синьоріи не словъ, а дѣла: если городскія власти Флоренціи желаютъ избѣгнуть интердикта, который будетъ снятъ только тогда, когда они совершенно покорятся, то нужно, чтобы они всѣ послали въ Римъ своего чудовищнаго идола или чтобы лишили его всякаго сношенія съ людьми.

Это посланіе было получено во Флоренціи 13 марта и вызвало горячіе споры. Какъ извѣстно, интердиктъ, наложенный папой, могъ повлечь за собой не только утрату духовныхъ привилегій, но также изгнаніе отовсюду отлученнаго и конфискацію его имущества. Для людей коммерческихъ это грозило полнымъ разореніемъ. Купцы и банкиры Флоренціи получали отъ своихъ корреспондентовъ изъ Рима очень тревожныя вѣсти: папа въ своемъ гнѣвѣ рѣшилъ предоставить ихъ имущество на разграбленіе. Ужасъ охватилъ городъ; мало-по-малу распространился слухъ, что страшный интердиктъ уже наложенъ. Но вліяніе Савонаролы было еще настолько сильно, что, послѣ горячихъ споровъ по поводу разныхъ проектовъ, синьорія только 17 марта рѣшила послать къ нему ночью пять гражданъ умолять его перестать нѣкоторое время проповѣдывать. Говоря, что онъ отказывается повиноваться приказаніямъ папы, Савонарола обѣщалъ уважать желанія свѣтской власти; но когда ему была передана просьба синьоріи, то онъ отвѣтилъ, что прежде всего онъ обязанъ слѣдовать волѣ Того, который послалъ его проповѣдывать; а на другой день съ высоты каѳедры церкви св. Марка онъ такъ формулировалъ свой отвѣтъ: „Внимайте, ибо такъ говоритъ Господь: прося брата отказаться отъ проповѣди, обращаются съ подобной просьбой ко Мнѣ, а не къ нему, ибо это Я проповѣдую; это Я уступаю просьбѣ и въ то же время отвергаю ее. Господь согласенъ, насколько дѣло касается проповѣди, но не насколько оно касается вашего спасенія“.

Невозможно было уступить болѣе неудачно, выказавъ въ то же время вполнѣ свою гордость; враги Савонаролы почерпнули изъ этихъ словъ новую смѣлость. Францисканцы побѣдоносно громили его съ высоты каѳедръ, которыми располагали; друзья безпорядка, которымъ надоѣло господство добродѣтели, начали дѣйствовать въ пользу распущенности, возврата которой они настоятельно требовали. Злые насмѣшники среди бѣлаго дня издѣвались надъ Савонаролой; черезъ недѣлю послѣ этого на стѣнахъ были расклеены объявленія, приглашавшія народъ сжечь дворцы Франческо Валори и Паоло Антоніо Содерини, двухъ главныхъ сторонниковъ Савонаролы. Агенты миланскаго герцога немного ошибались, когда радостно писали своему повелителю, что паденіе брата, законнымъ или незаконнымъ путемъ, совершится скоро.

Въ это время Савонарола прибѣгъ къ послѣднему средству, которымъ могъ располагать. 13-го марта онъ открыто пригласилъ Александра получше беречься, такъ какъ отнынѣ между ними миръ невозможенъ. Послѣ этого онъ обратился ко всѣмъ властителямъ христіанскаго міра съ грамотами, которыя, какъ говорилъ онъ, были написаны по особому приказанію и отъ имени Бога; въ нихъ онъ побуждалъ князей созвать вселенскій соборъ, который далъ бы церкви реформу. Она глубоко поражена, начиная отъ самаго высшаго и до самаго низшаго своего члена; она такъ сильно поражена, что Богъ не допустилъ, чтобы она имѣла законнаго главу. Александръ VI — не папа и не можетъ быть избранъ въ папы, во-первыхъ, въ виду симоніи, цѣною которой онъ купилъ тіару, и въ виду своей испорченности, которая, если бы ее разоблачить, воз-

будила бы всеобщее негодованіе; а во-вторыхъ, потому, что онъ не христіанинъ и не вѣритъ въ Бога. Все это Савонарола предлагалъ доказать фактами, а также чудесами, которыя Богъ произведетъ, чтобы убѣдить невѣрующихъ. Это грозное посланіе было адресовано съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями императору и королямъ Франціи, Испаніи, Англіи и Венгріи. Одинъ экземпляръ этого письма, посланный предварительно Доминикомъ Маззинги посланнику Флоренціи при французскомъ дворѣ Джованни Гуаскони, случайно попалъ въ руки миланскаго герцога, который, будучи врагомъ Савонаролы, поторопился переслать его папѣ.

Можно легко представить себѣ гнѣвъ Александра. Особенно разсердило его не обиліе личныхъ обвиненій, на которыя онъ смотрѣлъ съ циничнымъ презрѣніемъ, но призывъ къ созыву собора, котораго послѣ соборовъ Констанца и Базеля всегда желали реформаторы и боялось папство. Общее недовольство христіанскаго міра дѣлало созывъ собора чрезвычайно опаснымъ. Несомнѣнно, мысль Савонаролы, что онъ одинъ могъ заставить князей созвать соборъ, была нелѣпа, но онъ направилъ свой ударъ въ самое чувствительное мѣсто папства, и завязалась безпощадная борьба.

Неизбѣжный, впрочемъ, конецъ наступилъ раньше и былъ болѣе трагическій, чѣмъ могли предполагать самые тонкіе наблюдатели. Такъ какъ братъ Савонарола былъ осужденъ на молчаніе, то его замѣнилъ Доминикъ да-Пешіа. Положеніе съ каждымъ днемъ осложнялось, и Доминикъ въ своемъ безтолковомъ рвеніи предложилъ выяснить истину, защищаемую его наставникомъ, тѣмъ, что Савонарола низвергнется внизъ головой съ крыши дворца синьоріи, или бросится въ рѣку, или пройдетъ черезъ огонь. По всей вѣроятности, это была только реторическая фигура, но францисканецъ Франческо делла Пулья, съ успѣхомъ проповѣдывавшій въ церкви Св. Креста, принялъ вызовъ и вызвался выступить вмѣстѣ съ бр. Савонаролой на судъ Божій. Но послѣдній отказался подвергнуться испытанію, если не будутъ присутствовать на немъ папскій легатъ и представители всѣхъ христіанскихъ князей, чтобы это испытаніе могло сдѣлаться началомъ общей реформы церкви. Тогда бр. Доминикъ принялъ вызовъ и 27 или 28 марта велѣлъ прибить на главныхъ входныхъ дверяхъ церкви Св. Креста объявленіе, что онъ предлагаетъ подтвердить доказательствами или чудомъ слѣдующія положенія: 1) Церковь Господня нуждается въ реформѣ; 2) Церковь должна понести наказаніе; 3) Церковь будетъ реформирована; 4) Послѣ наказанія во Флоренціи будутъ произведены реформы и она будетъ благоденствовать; 5) Невѣрные будутъ обращены; 6) Отлученіе бр. Джироламо не имѣетъ значенія; 7) Не грѣшно не обращать вниманія на отлученіе. Бр. Франческо не безъ основанія говорилъ, что большинство этихъ положеній не стоитъ спора, но что онъ согласенъ пройти черезъ огонь съ бр. Доминикомъ, такъ какъ необходима демонстрація. Хотя онъ былъ увѣренъ, что сгоритъ, но соглашался на эту жертву, чтобы освободить флорентинцевъ отъ ихъ ложнаго идола.

Страсти разгорѣлись съ обѣихъ сторонъ; буйныя партіи волновали городъ. Чтобы помѣшать вспышкѣ, синьорія вызвала обоихъ противниковъ и заставила ихъ 30 марта подписать письменное обязательство подвергнуться странному испытанію. Триста лѣтъ передъ этимъ подобное безуміе могло бы показаться разумнымъ; но Латеранскій соборъ 1215 г. запретилъ всякія подобныя ордаліи и рѣшительно исключилъ ихъ изъ церковной практики.

Бр. Франческо объявилъ, что у него нѣтъ никакого спора съ Доминикомъ, что если Савонарола согласенъ подвергнуться испытанію, то онъ готовъ сопровождать его, но если вопросъ идетъ о комъ-либо другомъ, то онъ выставитъ замѣстителя; послѣдняго легко было найти въ лицѣ знатнаго флорентинца, монаха его ордена, бр. Джуліано Рондинелли. Съ другой стороны, всѣ монахи монастыря св. Марка, въ числѣ около трехсотъ, подписались подъ обязательствомъ принять участіе въ ордаліи, а Савонарола заявилъ, что въ данномъ случаѣ первый встрѣчный можетъ рискнуть, ничего не боясь. Энтузіазмъ былъ такъ великъ, что наканунѣ дня испытанія, когда Савонарола говорилъ по этому поводу проповѣдь въ церкви св. Марка, всѣ присутствовавшіе поднялись, какъ одинъ человѣкъ, и каждый предложилъ заступить мѣсто Доминика, чтобы отстоять истину.

Въ условіяхъ, предложенныхъ синьоріей, говорилось, что если представитель доминиканцевъ погибнетъ одинъ или вмѣстѣ съ своимъ противникомъ, то Савонарола долженъ покинуть городъ, пока его не призовутъ обратно; если падетъ одинъ только францисканецъ, то бр. Франческо подвергнется изнанію; то же наказаніе было опредѣлено той изъ двухъ партій, которая въ послѣднюю минуту уклонится отъ ордаліи.

7 апрѣля приступили къ окончанію приготовленій. На Piazza de Lignori воздвигли огромный костеръ изъ сухихъ дровъ; онъ достигалъ высоты глазъ, а посреди него была оставлена дорожка для борцовъ. Не пожалѣли ни пороха, ни масла, ни сѣры, ни спирта, чтобы пламя сразу охватило костеръ; зажечь костеръ должны были съ одной стороны, съ другой же должны были войти борцы, сзади которыхъ немедленно должны были поджечь вязанки хвороста, чтобы отрѣзать имъ отступленіе. Огромная толпа зрителей наполнила площадь; окна и крыши домовъ были черны отъ народа. Сторонники Савонаролы были въ большинствѣ, а францисканци были терроризованы, пока не прибыли на своихъ боевыхъ коняхъ Compagnacci, молодые люди знатныхъ фамилій, вооруженные съ ногъ до головы и сопровождаемые каждый восемью или десятью сторонниками; всего ихъ было до пятисотъ, и во главѣ ихъ шествовалъ Доффо Спини.

Францисканцы прибыли первыми на мѣсто испытанія и были страшно безпокойны и взволнованы. Затѣмъ показалась процессія доминиканцевъ; они шли числомъ до двухсотъ человѣкъ, распѣвая псалмы. Обѣ партіи представились синьоріи, и францисканцы, подъ предлогомъ, что они опасаются какого-нибудь колдовства, просили, чтобы Доминикъ переодѣлся. Согласіе было дано безъ всякаго труда, и оба состязателя тутъ же переодѣлись; но было потрачено безконечно много времени на разныя мелочи. Доминиканцы требовали, чтобы Доминику было разрѣшено нести въ правой рукѣ крестъ съ распятіемъ, а въ лѣвой — освященную облатку. Были сдѣланы возраженія противъ распятія, и Доминикъ согласился уступить; но его нисколько не поколебалъ крикъ ужаса, вызванный вопросомъ о святой облаткѣ. Савонарола держался твердо. Богъ открылъ брату Сильвестро, что св. дары необходимы; вопросъ этотъ горячо обсуждался до мелочей; въ это время синьорія объявила, что ордаліи не будетъ, и францисканы удалились, а за ними пошли и доминиканцы. Толпа, терпѣливо ожидавшая подъ проливнымъ дождемъ и подъ страшной грозой, пришла въ ярость, что обѣщанное зрѣлище не состоялось. Потребовался сильный конвой, чтобы довести доминиканцевъ живыми и здоровѣми до ихъ монастыря св. Марка. Если бы въ этомъ дѣлѣ люди дѣй-

ствовали сознательно, то нужно было бы удивляться, что жители увидѣли въ этомъ торжество францисканцевъ; но Савонарола обѣщалъ чудо; его сторонники непреклонно вѣрили въ его предсказаніе, такъ что это нерѣшенное испытаніе было въ ихъ глазахъ пораженіемъ; это было знаменіе, что Савонарола не могъ разсчитывать на вмѣшательство Бога. Вѣра учениковъ въ ихъ пророка поколебалась. Compagnacci, внѣ себя отъ радости, поносили его, а Piagnoni не знали, что̀ сказать въ его защиту.

Враги его торопились воспользоваться благопріятнымъ для нихъ положеніемъ. На другой день было Вербное Воскресеніе. Улицы наполнились торжествующими Arrabiati; Piagnoni, которые осмѣливались показаться на улицахъ, были ошиканы и осыпаны камнями. Во время вечерни доминиканецъ Маріано де-Уги хотѣлъ произнести проповѣдь въ каѳедральномъ соборѣ, гдѣ было много народу; но Compagnacci, бывшіе въ большинствѣ, прервали проповѣдника, а слушателямъ приказали расходиться; на неисполнившихъ этого приказанія напали и многихъ ранили. Затѣмъ кто-то закричалъ: „Къ св. Марку!"—и вся толпа бросилась туда. Уже входныя двери доминиканской церкви осаждались уличными мальчишками, крики которыхъ мѣшали совершавшемуся внутри богослуженію; когда же ихъ попросили замолчать, то они пустили градъ камней, и пришлось запереть входныя двери. Когда прибыла толпа изъ собора, то молящіеся съ трудомъ спаслись монастырскими переходами. Франческо Валори и Паоло Антоніо Содерини въ это время совѣщались съ Савонаролой. Содерини удалось бѣжать изъ города, а Валори былъ схваченъ у городскихъ стѣнъ и его притащили къ его замку, который Compagnacci уже начали осаждать. На его глазахъ была убита его жена, которая черезъ окно вступила въ переговоры съ осаждающими; одинъ изъ его сыновей и одна служанка были ранены; дворецъ разграбили и сожгли; самому Валори враги его, Торнабуони и Рудольфи, нанесли ударъ сзади и убили его. Два другихъ дома, принадлежавшихъ сторонникамъ Савонаролы, были также разграблены и сожжены.

Среди этого волненія синьорія выпустила одинъ за другимъ четыре объявленія; въ нихъ приказывалось Савонаролѣ до истеченія двѣнадцати часовъ покинуть флорентинскую область, а всѣмъ мірянамъ, не позже чѣмъ черезъ часъ, очистить церковь св. Марка. Хотя другія, вышедшія послѣ этого, объявленія грозили смертью всякому, кто войдетъ въ церковь, но всѣ эти мѣры лишь признавали законность мятежа и раскрывали тайну происхожденія возстанія. Нападеніе на монастырь св. Марка перешло въ правильную осаду. Положеніе уже нѣсколько времени раньше казалось настолько обостреннымъ, что монахи благоразумно запаслись оружіемъ; и, несмотря на строгое запрещеніе Савонаролы, они и ихъ друзья мужественно воспользовались имъ теперь; произошла стычка, въ которой съ двухъ сторонъ было болѣе ста раненыхъ и убитыхъ. Наконецъ, синьорія послала стражу схватить Савонаролу и его главныхъ сотрудниковъ, Доминика и Сильвестро, съ обѣщаніемъ, что имъ не будетъ сдѣлано ничего дурного. Сопротивленіе прекратилось; Савонарола и Доминикъ были найдены въ монастырской библіотекѣ, но Сильвестро спрятался и былъ арестованъ только на другой день. Плѣнникамъ надѣли цѣпи на руки и на ноги и повели въ такомъ видѣ по улицамъ, и ихъ тѣлохранители не могли защитить ихъ отъ ударовъ ногами и кулаками разъяренной толпы.

Слѣдующій день прошелъ сравнительно спокойно. Объединеніе аристократіи съ отбросами населенія вызвало полную революцію. Piagnoni

были совершенно терроризованы. Побѣдители не щадили бранныхъ словъ по адресу Савонаролы, а всякій, пытавшійся заступиться за него, рисковалъ заплатить жизнью. Но чтобы торжество это было прочнымъ, надо было прежде всего дискредитировать побѣжденнаго въ глазахъ народа, а затѣмъ, безъ замедленія казнить его. Лихорадочно работали, чтобы придать юридическое оправданіе заранѣе предрѣшенному убійству. Въ тотъ же день назначили особый трибуналъ изъ семнадцати членовъ, набранныхъ среди главныхъ враговъ Савонаролы; въ числѣ нихъ былъ и Доффо Спини. Этотъ трибуналъ принялся за дѣло уже 10 апрѣля, хотя актъ назначенія, заключавшій разрѣшеніе примѣнять пытку, былъ опубликованъ только 11 апрѣля. У папы было испрошено разрѣшеніе нарушить неприкосновенность узниковъ, какъ лицъ духовнаго званія; но дѣло начали, не дождавшись отвѣта, который, конечно, былъ благопріятенъ. Къ членамъ трибунала было присоединено два папскихъ комиссара. Савонарола и его спутники, все еще въ цѣпяхъ, были приведены въ Барджелло. Въ оффиціальномъ отчетѣ говорится, что сначала Савонаролу допрашивали кротко, но такъ какъ онъ не сознавался, то ему пригрозили пыткой; угроза эта не произвела дѣйствія, и его подвергли тремъ съ половиной tratti di fune. Это былъ обычный видъ пытки, соотвѣтствующій дыбѣ: узнику завязывали руки за спиной, затѣмъ, при помощи веревки, привязанной къ кистямъ рукъ, его поднимали кверху и сейчасъ же опускали, причемъ рѣзко останавливали паденіе раньше, чѣмъ ноги его коснутся пола. Иногда, чтобы сдѣлать пытку болѣе мучительной, къ ногамъ пытаемаго привязывали грузъ. Въ оффиціальномъ отчетѣ говорится, что уже первое примѣненіе пытки вырвало у Савонаролы полное признаніе; но современники думали, что пытка была повторяема нѣсколько разъ съ крайней жестокостью.

Какъ бы то ни было, но нервная система Савонаролы была черезчуръ чувствительна, чтобы онъ могъ долго выносить мученія, которыя, какъ онъ зналъ, будутъ повторяемы безконечно людьми, рѣшившимися добиться своего; и онъ просилъ прекратить пытку, обѣщая сказать все, что зналъ. Допросъ его длился до 18 апрѣля; но, какова бы ни была его добрая воля, его сознаніе надо было выправить раньше, чѣмъ обнародовать. Для этого безчестнаго дѣла былъ найденъ усердный работникъ въ лицѣ Серъ Чекконе. Старый сторонникъ Медичи, спасенный отъ смерти Савонаролой, давшимъ ему убѣжище въ монастырѣ св. Марка, онъ отблагодарилъ своего благодѣтеля чернымъ убійствомъ. Какъ нотаріусъ, онъ прекрасно зналъ подобнаго рода дѣла; въ его ловкихъ рукахъ отрывистые отвѣты Савонаролы приняли форму самаго отвратительнаго разсказа, въ которомъ обвиняемый выдалъ всѣхъ друзей.

Съ самаго начала онъ признавалъ себя обманщикомъ, человѣкомъ недостойнымъ вѣры, единственною цѣлью котораго было добиться могущества путемъ обмана народа. Если бы его проектъ созыва собора окончился избраніемъ его въ папы, то онъ не отказался бы отъ этого званія; но если бы этого и не случилось, то онъ все равно сдѣлался бы самымъ могущественнымъ человѣкомъ на землѣ. Для достиженія своихъ плановъ онъ вооружалъ однихъ гражданъ противъ другихъ и вызвалъ разрывъ между городомъ и Св. Престоломъ, стараясь образовать правленія по образцу Венеціанской республики, при чемъ пожизненнымъ дожемъ долженъ былъ быть Франческо Валори. Характеръ процесса ясно сказался въ томъ, какъ мало обращали вниманія на духовныя заблужденія Савонаролы,—между тѣмъ это было единственное, въ чемъ его можно было

уличить,—и въ томъ, съ какою излишнею подробностью были собраны данныя о его политической дѣятельности и о его сношеніяхъ съ гражданами, которыхъ хотѣли погубить вмѣстѣ съ нимъ. Если хотѣли соблюсти общія юридическія формы, то его чрезмѣрное смиреніе превзошло намѣренія его враговъ. Выпудивъ у него сознаніе въ томъ, что онъ не былъ пророкомъ и что втайнѣ онъ вѣрилъ въ дѣйствительность папскаго отлученія, его избавили тѣмъ самымъ отъ обвиненія въ упорной ереси и законнымъ образомъ его могли приговорить только къ епитиміи. Но нисколько не заботились о томъ, чтобы остаться въ рамкахъ закона; прежде всего было существенно важно дискредитировать его въ глазахъ народа, а затѣмъ уже можно было безнаказанно совершить законное убійство.

Первое удалось чудесно. 19 апрѣля публично въ присутствіи всѣхъ, пожелавшихъ прійти, было прочтено въ большой залѣ совѣта признаніе Савонаролы. Впечатлѣніе, произведенное этимъ чтеніемъ, описано намъ добродушнымъ Лукою Ландуччи, который былъ искреннимъ и преданнымъ, хотя и робкимъ сторонникомъ Савонаролы, и которому горько было видѣть, какъ пала его иллюзія, какъ разсѣялись его чудныя мечты, которыя раздѣляли всѣ ученики Савонаролы. Глубока была грусть его, когда онъ услышалъ признаніе человѣка, „котораго мы считали пророкомъ, и который теперь сознался, что онъ не былъ пророкомъ и что пророчества его не были открыты ему Богомъ. Я былъ пораженъ, вся душа моя наполнилась печалью при видѣ паденія зданія, которое рухнуло, потому что было построено на лжи. Я надѣялся, что Флоренція сдѣлается новымъ Іерусалимомъ, откуда будутъ исходить законы, блескъ и примѣръ святой жизни; я надѣялся увидѣть обновленную церковь, невѣрныхъ обращенными и добрыхъ исполненными радости. Все это пало въ моихъ глазахъ, и я долженъ испить эту горькую чашу!“

Однако, синьорія не была удовлетворена. 21-го апрѣля началось новое дѣло; Савонаролу снова подвергли пыткѣ и у него вырвали самыя полныя признанія относительно его политическихъ дѣйствій. Въ то же время арестовали массу людей, скомпрометированныхъ его сознаніемъ, а также признаніями Доминика и Сильвестро. Страхъ былъ такъ великъ, что многіе изъ его сторонниковъ бѣжали изъ города. 27-го арестованные были отведены въ Барджелло, гдѣ ихъ подвергли столь жестокой пыткѣ, что послѣ полудня проходившіе мимо слышали все время ихъ крики; но не удалось вырвать у нихъ ни одного показанія противъ Савонаролы. У стоявшихъ у власти магистратовъ оставалось мало времени для окончанія дѣла, такъ какъ власть ихъ прекращалась съ концомъ мѣсяца; правда, незаконными и произвольными мѣрами они обезпечили свои мѣста людямъ своего лагеря. Послѣднимъ оффиціальнымъ ихъ актомъ было изгнаніе 30 апрѣля десяти обвиненныхъ гражданъ и наложеніе на двадцать три другихъ разныхъ штрафовъ, въ общемъ на сумму въ 12000 флориновъ.

Новая синьорія, вступившая въ управленіе 1-го мая, тотчасъ же освободила изъ тюрьмы всѣхъ заключенныхъ гражданъ, кромѣ Савонаролы и его товарищей. Послѣдніе, какъ доминиканцы, не подлежали суду свѣтской власти; но синьорія немедленно обратилась къ папѣ Александру съ просьбой разрѣшить осудить и казнить ихъ. Папа отказалъ и повелѣлъ передать ихъ на его судъ; этимъ онъ подтвердилъ свое прежнее приказаніе, данное имъ, когда онъ узналъ объ арестѣ Савонаролы. Республика представила нѣкоторыя возраженія на папское распоряженіе, несомнѣнно, въ силу того, конфиденціально сообщеннаго посланнику,

соображенія, что Савонарола зналъ черезчуръ много тайнъ государства, чтобы его можно было выдать римской куріи. Но предложили, чтобы папа прислалъ во Флоренцію комиссаровъ, которымъ было бы поручено вести дѣло отъ его имени. Александръ согласился на это и особымъ бреве отъ 11-го мая предложилъ суффрагану архіепископа Флоренціи, епископу Везона, снять санъ съ подсудимыхъ, принадлежащихъ къ святымъ орденамъ, по ходатайству комиссаровъ, которымъ было поручено вести допросъ и все дѣло до выясненія окончательнаго приговора. Объ инквизиціи въ этомъ папскомъ бреве не упоминается ни слова. Дѣйствительно, святой трибуналъ настолько палъ въ глазахъ населенія, что ему нельзя было поручить столь важнаго дѣла; кромѣ того, въ Тосканѣ инквизиція была францисканская, и поэтому дать особое полномочіе бывшему въ то время инквизиторомъ брату Франческо да Монтальчино было бы неблагоразумно, такъ какъ это дѣлало бы францисканцевъ участниками въ гибели Савонаролы. Александръ въ данномъ случаѣ показалъ свою обычную хитрость; онъ избралъ для этого позорнаго дѣла генерала доминиканцевъ Джовакино Торріани, который пользовался славою человѣка кроткаго и снисходительнаго, а на самомъ дѣлѣ былъ человѣкъ безъ всякой воли; за спиной его скрывался дѣйствительный актеръ, его товарищъ Франческо Ромолино, клирикъ изъ Лериды, ревность котораго въ этомъ дѣлѣ была награждена кардинальской шапкой и архіепископской каѳедрой въ Палермо. Эти люди скорѣе были исполнителями, чѣмъ судьями: дѣло было уже раньше рѣшено въ Римѣ. Ромолино, не стѣсняясь, говорилъ всѣмъ громко: „У насъ будетъ хорошій костеръ, такъ какъ приговоръ у меня въ карманѣ“.

Комиссары прибыли во Флоренцію 19 мая и приступили къ дѣлу, не теряя времени. Единственнымъ послѣдствіемъ папскаго вмѣшательства было то, что жертвы подверглись новымъ страданіямъ и новому безчестію. Уваженіе къ формѣ требовало, чтобы судьи, присланные папой, вмѣсто того, чтобы взять готовое дѣло, подвергли Савонаролу третьему суду. Приведенный 20-го мая передъ Ромолино, Савонарола отрекся отъ признанія, вырваннаго у него пыткою, и утверждалъ, что онъ посланъ Богомъ. Согласно съ инквизиціонными правилами подобное отреченіе дѣлало его еретикомъ рецедивистомъ, котораго можно было сжечь прямо; но его судьи, слѣдуя желаніямъ Александра, еще нѣсколько разъ подвергали несчастнаго пыткѣ на дыбѣ, и онъ взялъ назадъ свое отреченіе. Вопросъ о томъ, участвовалъ ли кардиналъ Неаполя въ проектѣ созыва вселенскаго собора, былъ предметомъ спеціальныхъ допросовъ; 21-го мая подъ вліяніемъ повторной пытки Савонарола призналъ этотъ фактъ, но 22-го мая онъ отрекся. Все признаніе, хотя и было ловко выправлено Серъ Чикконе, такъ походило на первое, что его никогда не обнародовывали. Да это и не было важно, такъ какъ все это дѣло было не что иное, какъ наглая пародія на судъ. По какой-то странной забывчивости имени Доминика да Пешіи не было въ папскомъ приказѣ. Самъ по себѣ онъ не имѣлъ никакого значенія, но ревностные флорентинцы убѣдили Ромолино, что будетъ опасно пощадить этого человѣка, на что комиссаръ небрежно отвѣтилъ: „Однимъ frataccio больше или меньше не составляетъ большой разницы“, и вписалъ въ приговоръ имя несчастнаго. Доминикъ былъ не раскаявшимся еретикомъ, такъ какъ героически перенесъ самыя ужасныя пытки и не отрекся отъ своей вѣры въ горячо любимаго пророка.

Обвиняемыхъ, по крайней мѣрѣ, не подвергли мукамъ ожиданія.

Приговоръ былъ объявленъ 22-го мая. Они были осуждены, какъ еретики, схизматики, мятежники противъ церкви, сѣятели плевелъ, нарушители тайны исповѣди, и подлежали выдачѣ свѣтской власти. Чтобы „освобожденіе“ носило законный характеръ, требовалось, чтобы еретикъ былъ рецедивистомъ или не раскаявшимся; но Савонарола не былъ ни тѣмъ, ни другимъ. Онъ всегда выражалъ готовность отречься отъ всякаго слова, которое Римъ признаетъ несогласнымъ съ ученіемъ церкви; онъ сознался во всемъ, что отъ него потребовали, и его отреченіе послѣ прекращенія пытки не было признано „новымъ впаденіемъ въ грѣхъ“, такъ какъ онъ и его товарищи были допущены передъ казнью до причастія безъ соблюденія предварительной формальности отреченія; и это показываетъ, что на нихъ не смотрѣли какъ на еретиковъ или отлученныхъ отъ церкви. Мало того, какъ будто для того, чтобы еще больше увеличить число погрѣшностей въ процессѣ, Савонаролѣ утромъ, въ день самой казни, позволили служить обѣдню и совершить таинство. Но какое значеніе имѣли юридическія правила въ глазахъ Борджіа, жаждавшаго мщенія? Наканунѣ вечеромъ на Piazza былъ воздвигнутъ огромный костеръ. Утромъ 23-го мая состоялось публичное снятіе сана съ осужденныхъ, послѣ чего они были выданы свѣтскимъ властямъ. Изъ-за ханжества ли, изъ-за угрызенія ли совѣсти, но Ромолино въ эту минуту отъ имени папы Александра далъ жертвамъ полное отпущеніе грѣховъ. Ко всѣмъ неправильностямъ синьорія прибавила новую, видоизмѣнивъ обычное наказаніе: осужденные сначала были повѣшены, а потомъ сожжены и, такимъ образомъ, молча перенесли наказаніе.

Было обращено особое вниманіе на то, чтобы тѣла ихъ были совершенно уничтожены огнемъ; тщательно собрали весь пепелъ и бросили его въ Арно, чтобы помѣшать ученикамъ хранить его, какъ святыню. Однако, нѣкоторымъ вѣрующимъ удалось съ опасностью для жизни тайно взять нѣсколько угольковъ, плывшихъ по рѣкѣ, и нѣсколько лоскутковъ одежды, которые сохранялись, какъ сокровище, и почитались, какъ святыня, до послѣдняго времени. Если многіе ученики, подобно добродушному Ландуччи, разочаровались, то другіе сохранили въ него вѣру и долгое время ждали ежедневно прихода Савонаролы, который, какъ новый Мессія, возстановитъ христіанство и обратитъ невѣрныхъ. Ужасная участь Савонаролы произвела столь глубокое и сильное впечатлѣніе, что въ теченіе болѣе двухъ столѣтій, до 1703 г. мѣсто казни ежегодно, ночью въ годовой день, 23-го мая тайно усыпалось цвѣтами.

Папскіе комиссары хорошо поживились, вызывая въ Римъ сторонниковъ Савонаролы и пользуясь страхомъ этихъ людей, чтобы за деньги дать имъ неприкосновенность. Флоренція уже не замедлила проявить свою реакцію противъ строгости нравовъ, которую наложилъ Савонарола на гражданъ. Снова улицы наполнились наглыми шелопаями; ссоры и убійства сдѣлались обычнымъ явленіемъ; страсть къ игрѣ вспыхнула съ новой силой; повсюду царили распущенность. „Казалось,—говоритъ Нарди,—что скромность и добродѣтель были запрещены закономъ“. Всѣ вообще говорили, что со временъ Магомета никогда еще церкви Бога не наносился подобный позоръ. „Можно было подумать,—сообщаетъ Ландуччи,—что адъ сошелъ на землю“. Какъ бы нарочно для того, чтобы показать церкви, что за люди были ея союзники, съ помощью которыхъ она подавила ненавистную реформу, наканунѣ Рождества того же года въ каѳедральный соборъ ввели лошадь, которую замучили до смерти, въ церковь св. Марка напустили козъ, а по всѣмъ другимъ церквамъ на-

ложили assa foetita въ кадила; однако, мы не видимъ, чтобы эти святотатцы понесли какое-либо наказаніе. Церковь, чтобы дойти до желаннаго предѣла, пользовалась услугами людей нечестивыхъ; и она не могла жаловаться, что они такъ отплатили ей за позорную поддержку, которую она имъ оказала.

Савонарола воздвигъ свое зданіе на пескѣ, и все было снесено потокомъ. Однако, хотя онъ и былъ наказанъ, какъ еретикъ, церковь молчаливо созналась въ своемъ преступленіи, признавъ, что казненный былъ не еретикъ, а скорѣе святой. Лучшимъ средствомъ снять съ себя всякую отвѣтственность было, какъ сдѣлалъ это Ваддингъ, передать все дѣло на таинственный судъ Бога. Послѣ того, какъ Савонарола былъ сожженъ, Торріани и Ромолино приказали 27-го мая, подъ страхомъ отлученія отъ церкви, доставить имъ всѣ его сочиненія; но они не могли найти въ нихъ ни одного еретическаго мнѣнія и должны были ихъ вернуть владѣльцамъ, не измѣнивъ въ нихъ ни слова. Быть можетъ, подобное разслѣдованіе было бы лучше сдѣлать до осужденія несчастнаго! Павелъ III заявилъ, что онъ будетъ считать еретикомъ всякаго, кто будетъ затрагивать память Савонаролы; затѣмъ Павелъ IV приказалъ особой комиссіи тщательно разсмотрѣть сочиненія Савонаролы, и она подтвердила, что въ нихъ нѣтъ ничего еретическаго. Пятнадцать рѣчей, въ которыхъ Савонарола обличалъ злоупотребленія духовенства, равно какъ его трактатъ De Veritate Prophetica были, внесены въ индексъ, donec corrigantur, не какъ еретическія, а какъ не подходящія для чтенія общей массѣ вѣрующихъ. Бенедиктъ XIV въ своей серьезной работѣ De servorum Dei beatificatione вноситъ имя Савонаролы въ списокъ святыхъ и людей, прославившихся святостью. Была разрѣшена публичная продажа образовъ, на которыхъ Савонарола изображался въ ореолѣ славы; св. Филиппъ Нерійскій всегда носилъ у себя на груди такой образъ. Св. Францискъ де Поль признавалъ Савонаролу святымъ; св. Екатерина Риччи часто призывала его въ своихъ молитвахъ, вѣря въ силу его предстательства. Бенедиктъ XIII также очень основательно изучилъ этотъ вопросъ и, боясь, чтобы снова не вспыхнулъ старый споръ о законности осужденія Савонаролы, запретилъ совершенно его обсужденіе; это было косвенно признаніемъ святости мученика. Въ церквахъ Santa Maria Novella и св. Марка Савонарола былъ представленъ, какъ святой, а Рафаэль изобразилъ его на фрескахъ въ Ватиканѣ среди докторовъ церкви. Доминиканцы долгое время почитали его память и охотно видѣли въ немъ дѣйствительнаго пророка и неканонизованнаго святого. Когда въ 1598 г. Климентъ VIII старался захватить Феррару, то онъ, говорятъ, далъ обѣтъ въ случаѣ успѣха канонизовать Савонаролу; надежда доминиканцевъ была въ это время такъ горяча, что они уже заранѣе составили молебны въ честь новаго святого. Мало того, во многихъ доминиканскихъ монастыряхъ въ теченіе XVI ст. совершали богослуженіе въ честь мученика въ годовой день его казни. Такимъ образомъ, чудесная исторія Савонаролы представляетъ собою прямую противоположность исторіи его соотечественника феррарца Армано Понджилупо: послѣднему поклонялись, какъ святому, а потомъ сожгли его, какъ еретика; Савонаролу же сожгли, какъ еретика, а затѣмъ ему стали поклоняться, какъ святому.

XXVIII. Нѣмецкій гуманизмъ.

(Изъ «Очерковъ по исторіи западно-европейскихъ литературъ» П. Когана).

Итальянскій гуманизмъ носилъ болѣе научный, отвлеченный, эстетическій характеръ. Итальянскіе гуманисты много разсуждали и спорили о вопросахъ морали, о Платонѣ и объ Аристотелѣ. Они много думали о законахъ ораторскаго искусства, о поэзіи и т. д. Такія боевыя сочиненія, какъ трактатъ Валлы о дарѣ Константина, не играли преобладающей роли въ итальянской гуманистической литературѣ. Нѣмецкое гуманистическое движеніе, возникшее подъ вліяніемъ итальянскаго гуманизма, не ограничилось теологическими, научными и моральными интересами. Оно превратилось въ національное политическое и религіозное движеніе противъ Рима, слилось съ экономической борьбой, пріобрѣло демократическій, освободительный характеръ. Это объясняется особыми условіями, въ которыхъ находилась Германія въ XV и XVI столѣтіяхъ. Старая церковь владѣла почти третью всей нѣмецкой земли и распоряжалась безчисленной массой крестьянъ. Послѣдніе въ потѣ лица обрабатывали неизмѣримыя богатства для того, чтобы дать возможность епископамъ и ордѣ праздныхъ монаховъ вести неизвѣстную имъ дотолѣ роскошную жизнь. Умѣніе церкви находить все новые и новые источники богатствъ казалось неисчерпаемымъ. Она назначала крайне высокіе церковные налоги, вела дѣятельную торговлю индульгенціями и реликвіями. Вымогательства эти поселяли въ народѣ непримиримую ненависть къ духовенству.

Среди многочисленныхъ представителей нѣмецкаго гуманизма особенно выдѣляются трое: Рейхлинъ, Гуттенъ и Эразмъ. Рейхлинъ (1455—1522) прославился знаменитымъ споромъ о еврейскихъ книгахъ. Этотъ споръ—прекрасный образчикъ того, какъ чисто-научные интересы приводили лучшихъ людей эпохи къ столкновенію съ врагами прогресса. Рейхлинъ былъ знаменитымъ гебраистомъ своего времени. Даже образованнѣйшіе гуманисты не знали еврейскаго языка, который Рейхлинъ тщательно изучалъ. Ему было около шестидесяти лѣтъ, когда къ нему явился какой-то незнакомецъ, показалъ ему императорскій указъ, уполномочивавшій незнакомца конфисковать всѣ еврейскія книги, и предложилъ Рейхлину помочь ему въ этомъ дѣлѣ. Этимъ незнакомцемъ оказался крещеный еврей Іоганъ Пфефферкорнъ. Принявъ христіанство, Пфефферкорнъ сдѣлался непримиримымъ врагомъ своихъ бывшихъ единовѣрцевъ. Онъ выступилъ съ рядомъ памфлетовъ, въ которыхъ приписывалъ евреямъ пороки и преступленія противъ христіанъ. Наиболѣе дѣйствительнымъ средствамъ противъ закоснѣлости еврейства и его ненависти къ христіанству Пфефферкорнъ считалъ конфискацію еврейскихъ книгъ. Ему удалось добиться отъ императора соотвѣтствующаго указа. Евреи пришли въ ужасъ, подняли агитацію и добились новаго указа, по которому дѣло было отдано на разрѣшеніе университетамъ и спеціалистамъ, въ томъ числѣ Рейхлину. Послѣдній написалъ блестящій докладъ, въ которомъ доказывалъ, что уничтоженіе еврейскихъ книгъ было бы актомъ безправія и не имѣло бы послѣдствій; что единственное средство борьбы съ заблужденіемъ—это научное разъясненіе и внимательное изученіе предмета. Пфефферкорнъ выступилъ съ отвѣтомъ. Такъ возгорѣлась

борьба гуманистовъ съ обскурантами. Образованная Германія разбилась на два враждующихъ лагеря. Все, что было передового въ странѣ, сплотилось вокругъ Рейхлина. Союзомъ съ обскурантами опозорилъ себя кельнскій университетъ, и Рейхлинъ выступилъ съ рѣзкими памфлетами противъ кельнскихъ профессоровъ. Зато горячее сочувствіе Рейхлину проявила партія молодежи въ эрфуртскомъ университетѣ, которая смѣло возстала противъ стариковъ-схоластиковъ и во главѣ которой стоялъ знаменитый гуманистъ Муціанъ Руфъ.

Мало-по-малу частный споръ о еврейскихъ книгахъ превратился въ великій общій вопросъ. Гуманисты выступили на защиту свободы научнаго изслѣдованія вообще. Они безпощадно вскрывали язвы обскурантизма, осмѣивали схоластику, духовенство, устарѣвшія научныя традиціи, — словомъ, колебали всѣ устои стараго міросозерцанія. Лучшимъ памятникомъ этого славнаго поединка были „Письма темныхъ людей“ (Epistolae obscurorum virorum). Первая часть ихъ появилась въ 1515, вторая—въ 1517 году. Съ этимъ памфлетомъ связано имя другого великаго нѣмецкаго гуманиста—Ульриха фонъ-Гуттена (1488—1523), который принималъ близкое участіе въ ихъ составленіи. Это рядъ вымышленныхъ писемъ отъ обскурантовъ, которые выступаютъ въ нихъ во всемъ своемъ ничтожествѣ, со своимъ невѣжествомъ и предразсудками. Цѣлыя страницы наполнены остроумными описаніями схоластическихъ споровъ и разсужденій. Такъ слово magister одинъ изъ авторовъ производитъ отъ magis (болѣе) и ter (трижды), потому-что магистръ обязанъ знать втрое болѣе всякаго другого, и отъ словъ magis и terreo (устрашаю), потому-что онъ долженъ наводить ужасъ на своихъ учениковъ. Другой объявляетъ еврейскій и греческій языки безполезными между прочимъ на томъ основаніи, что не слѣдуетъ давать поводъ іудеямъ и схизматикамъ-грекамъ гордиться тѣмъ, что ихъ языки изучаются. Третій утверждаетъ, что школьники не должны изучать грамматику по римскимъ поэтамъ въ виду того, что поэты, по словамъ Аристотеля, много лгутъ; а кто лжетъ, тотъ грѣшитъ; а кто основываетъ свое ученіе на лжи, тотъ основываетъ его на грѣхѣ; а что основано на грѣхѣ, то противно Богу, и т. д. Гуттенъ, кромѣ того, былъ грознымъ, неутомимымъ и безпощаднымъ врагомъ Рима. Онъ выпустилъ противъ него рядъ памфлетовъ, въ которыхъ ярко обрисовывается пагубное вліяніе Рима на Германію. Римъ грабитъ ее, Римъ наложилъ на нѣмецкій народъ политическую опеку, наконецъ Римъ оказываетъ на него разлагающее нравственное вліяніе. Посмотрите туда, говорится въ одномъ изъ діалоговъ, на Римъ, взгляните на великую житницу всего земного шара, въ которую сносятъ все, что грабятъ и сбираютъ со всѣхъ странъ, въ серединѣ которой сидитъ ненасытная зерновая моль, поглощающая огромныя массы плодовъ, окруженная своими многочисленными сопожирателями, которые сначала высосали у насъ кровь, затѣмъ обглодали мясо, а теперь уже добрались до мозга, разбиваютъ самыя внутреннія кости и раздробляютъ все, что еще осталось. Неужели же нѣмцы не возьмутся за оружіе, не нагрянутъ съ огнемъ и мечомъ? Хищники утопаютъ въ крови и потѣ нѣмецкаго народа, набиваютъ себѣ брюхо. На наши деньги содержатъ себѣ лошадей, собакъ, муловъ, предаются разврату. Раньше они выманивали у насъ деньги ложью и кривляньемъ, теперь они прибѣгаютъ къ угрозамъ, запугиванью и силѣ, чтобы, какъ голодные волки, ограбить насъ. И мы должны ласкать ихъ. Мы не смѣемъ не только ужалить, но даже коснуться ихъ. Когда же мы поумнѣемъ и отплатимъ за нашъ позоръ, за общее бѣдствіе? Гут-

тенъ, въ противоположность двумъ своимъ современникамъ — Рейхлину и Эразму, представляетъ типъ послѣдовательнаго и упорнаго борца, умѣвшаго доводить свои взгляды до ихъ логическаго конца. И Рейхлинъ и Эразмъ боялись порвать съ Римомъ и пойти рука объ руку съ Лютеромъ. Гуттенъ открыто выступилъ его союзникомъ. Незадолго до отлученія Лютера отъ церкви онъ писалъ ему: „Говорятъ, что ты отлученъ. Какъ великъ ты, Лютеръ, если это вѣрно. Всѣ благочестивые скажутъ о тебѣ: они искали души праведника и осудили невинную кровь, но Богъ накажетъ ихъ за ихъ преступленіе, и нашъ Господь Богъ погубитъ ихъ въ ихъ злобѣ. Вотъ наша надежда, вотъ наша вѣра. Будь твердъ и непоколебимъ!.. Поборемся за общую свободу! Освободимъ угнетенное отечество!"

Горячіе памфлеты Гуттена, зажигавшіе ненависть противъ Рима во всей Германіи, побудили папу принять самыя энергичныя мѣры противъ опаснаго противника. Папа обратился съ циркуляромъ къ правителямъ Германіи, прося ихъ схватить непокорнаго врага и, заковавъ въ цѣпи, прислать его въ Римъ. Гуттенъ обратился съ „Воззваніемъ къ нѣмецкому народу", а самъ бѣжалъ въ Швейцарію. Никогда еще признаніе великаго значенія общественнаго мнѣнія не достигало такой яркости у гуманистовъ. Въ борьбѣ съ Римомъ Гуттенъ опирался только на читающія массы. Онъ нарочно сталъ писать по-нѣмецки, чтобы его могли понимать всѣ, а не только ученые. Споръ съ Римомъ, бывшій раньше достояніемъ только небольшой группы ученыхъ, писавшихъ на латинскомъ языкѣ, Гуттенъ превратилъ въ общенародное дѣло. Онъ призывалъ весь германскій народъ къ возстанію противъ ненавистнаго Рима, сосущаго соки его родины и погрязшаго въ роскоши и развратѣ.

Третій изъ крупнѣйшихъ представителей нѣмецкаго гуманизма, Эразмъ (1467—1536),—типъ настоящаго ученаго, интеллигента, для котораго интересы мысли и слова выше всего. Эразмъ тоже не былъ чуждъ современной борьбѣ. Ему часто противъ воли приходилось втягиваться въ жгучіе современные вопросы, но вопросы научные, филологическіе и философскіе всегда составляли главный предметъ его вниманія. Въ его работахъ, посвященныхъ Новому Завѣту и отцамъ церкви, виденъ не столько христіанинъ или теологъ, сколько филологъ. Въ его полемикѣ съ Лютеромъ трудно видѣть выраженіе чувствъ истиннаго католика. Это выраженія философа, не желающаго ограничить область своей мысли въ извѣстномъ, опредѣленномъ направленіи и ведущаго борьбу за свой авторитетъ въ умственной сферѣ, за авторитетъ, на который посягаютъ. Самымъ замѣчательнымъ произведеніемъ Эразма была его знаменитая сатира „Похвала Глупости". Въ этомъ твореніи Глупость окидываетъ взоромъ весь міръ. Отъ ея имени ведется рѣчь, и этотъ остроумный сюжетъ позволяетъ автору показать темныя стороны современной ему жизни, показать, какъ много творится во имя Глупости и чѣмъ обязанъ ей міръ. „Люди всѣ лелѣютъ меня,—говоритъ Глупость,— и на каждомъ шагу испытываютъ мои благодѣянія, и однако, не нашлось въ продолженіе столькихъ вѣковъ ни одного, кто бы въ признательной рѣчи воздалъ хвалу Глупости". Вотъ почему она сама выступаетъ въ честь себя съ похвальною рѣчью. Духовенство, поэты и риторы, грамматики и писатели, діалектики и софисты, правовѣды, философы, богословы, папы, астрологи и т. д.—все это проходитъ предъ нами, озаренное яркимъ сатирическимъ свѣтомъ. Слава Эразма, какъ ученаго, гремѣла во всей Европѣ. Но, какъ боецъ, Эразмъ не можетъ итти въ уро-

венъ съ Гуттеномъ. Эразмъ всегда имѣлъ знатныхъ покровителей,—Гуттенъ считалъ независимость высшимъ благомъ въ мірѣ. Эразмъ охотно сближался съ высокопоставленными лицами и любилъ показывать ящики, наполненные письмами друзей и почитателей,—Гуттенъ отвергалъ могущественныхъ друзей. Эразмъ зналъ лишь республику ученыхъ и чувствовалъ себя хорошо повсюду,—Гуттенъ былъ нѣмецкій патріотъ. Одинъ выстроилъ уютный домъ и дожилъ въ немъ спокойно до глубокой старости,—другой не зналъ покоя всю жизнь. Мятежный духъ его жаждалъ борьбы, и онъ умеръ рано, какъ воинъ, истомленный трудностями походовъ. Эразмъ скрывалъ свои мысли, боялся высказать ихъ прямо и навлечь на себя гнѣвъ сильныхъ,—Гуттенъ обращался ко всей Германіи, и къ его голосу со страхомъ прислушивались въ Римѣ. И когда Гуттенъ прибылъ въ Базель, нищій, гонимый, почти умирающій, въ надеждѣ найти пріютъ у прославленнаго счастливаго собрата, Эразмъ позорно отвергъ своего единомышленника, опасаясь нареканій за сношенія съ человѣкомъ, пользовавшимся дурной славой.

Не трудно понять, чей образъ выступаетъ въ болѣе привлекательномъ свѣтѣ изъ глубины вѣковъ.

XXIX. Похвала Глупости.

(Изъ книги „Похвала Глупости", изд. въ переводѣ и съ примѣчаніями проф. П. Н. Ардашева.

Въ сатирѣ „Похвала Глупости", — говоритъ проф. Ардашевъ, — „Эразму пришла очень удачная мысль,—взглянуть на окружающую его, современную ему дѣйствительность, наконецъ,—на все человѣчество, на весь міръ—съ точки зрѣнія глупости. Эта точка зрѣнія, исходящая изъ такого общечеловѣческаго, присущаго „всѣмъ временамъ и народамъ" свойства, какъ глупость, дала автору возможность, затрагивая массу животрепещущихъ вопросовъ современности, въ то же время придать своимъ наблюденіямъ надъ окружающею дѣйствительностью характеръ универсальности и принципіальности — освѣтить частное и единичное, случайное и временное съ точки зрѣнія всеобщаго, постояннаго, закономѣрнаго. Благодаря такой точкѣ зрѣнія, авторъ могъ, набрасывая сатирико-юмористическія картины современнаго ему общества, рисовать сатирическій портретъ всего человѣчества".

„По формѣ своей „Похвала Глупости" представляетъ собой пародію на панегирикъ — форма, пользовавшаяся большою популярностью въ то время, на что имѣется намекъ въ самомъ текстѣ сатиры (гдѣ говорится объ „охотникахъ сочинять панегирики въ честь Бусиридовъ и прочихъ мерзостей"). Оригинальнымъ является лишь то, что панегирикъ въ данномъ случаѣ произносится не отъ лица автора-оратора, а влагается въ уста самой олицетворенной Глупости. Эта форма автопанегирика придаетъ, конечно, еще болѣе живости и пикантности этой остроумной пародіи".

Въ этомъ панегирикѣ, обращенномъ къ себѣ самой, Глупость, между прочимъ, утверждаетъ, что ея храмъ—вся вселенная, что всѣ люди принадлежатъ къ числу ея горячихъ почитателей. И среди послѣднихъ она

по очереди отмѣчаетъ нѣсколько группъ, а среди нихъ особенно богослововъ, схоластиковъ и монаховъ. Этотъ отрывокъ сатиры мы здѣсь и приведемъ.

Схоластики-богословы.

Что касается богослововъ, то лучше, быть можетъ, было бы пройти ихъ молчаніемъ, „не трогать этого вонючаго болота“, какъ говорятъ греки, не прикасаться къ этому ядовитому растенію. Вѣдь это такой хмурый и сварливый народъ, что, чего добраго, они толпой обрушатся на меня со своими шестьюстами „заключеній“, чтобы заставить меня взять свои слова обратно, а въ случаѣ отказа съ моей стороны, чего добраго, объявятъ меня еретикомъ: вѣдь, это ихъ обычный пріемъ—запугивать обвиненіемъ въ ереси тѣхъ, кто успѣлъ себѣ снискать ихъ неблаговоленіе. Хотя богословы всего менѣе склонны признавать мое благотворное на нихъ вліяніе, но въ дѣйствительности они также многимъ мнѣ обязаны. Счастливые благодаря моей вѣрной спутницѣ Филавтіи (самомнѣнію), они чувствуютъ себя на третьемъ небѣ и съ высоты своего величія съ презрительнымъ сожалѣніемъ взираютъ на остальныхъ смертныхъ, пресмыкающихся на земной поверхности, на ряду съ безсмысленными животными.

Они оградили себя непроницаемымъ заборомъ изъ магистральныхъ опредѣленій, заключеній, короллaріевъ, предложеній—опредѣлительныхъ и вводныхъ; они понадѣлали себѣ столько скрытыхъ тайниковъ и потайныхъ выходовъ, что ихъ и сѣтями Вулкана не изловишь; съ помощью своихъ „различеній“ они выскользнутъ откуда угодно, а своими диковинными словечками они не хуже, чѣмъ тенедосскою сѣкирой, разрубятъ всякій узелъ. Прибавьте сюда ихъ такъ называемыя „гномы“, въ сравненіи съ которыми такъ называемые парадоксы стоиковъ могутъ показаться банальными, избитыми истинами. Эти богословскія гномы стоятъ того, чтобы привести здѣсь нѣсколько образчиковъ ихъ. Такъ, одна изъ нихъ гласитъ, что меньше грѣха зарѣзать тысячу человѣкъ, чѣмъ въ воскресенье починить башмакъ бѣдняку, другая гласитъ, что лучше допустить гибель всей вселенной, чѣмъ сказать самую пустяковинную ложь. Эти наитончайшія тонкости еще утончаются вслѣдствіи размноженія схоластическихъ направленій. Легче выбраться изъ лабиринта, чѣмъ разобраться въ хитросплетеніяхъ реалистовъ, номиналистовъ, ѳомистовъ, альбертистовъ, оккамистовъ, скотистовъ—я назвала далеко не всѣхъ, а лишь главнѣйшія схоластическія школы. Во всѣхъ ихъ столько учености, столько трудности, что, право, если бы апостоламъ пришлось вступить въ состязаніе о подобныхъ вещахъ съ нынѣшними богословами, то имъ понадобилась бы помощь иного Духа, чѣмъ тотъ, который древле говорилъ ихъ устами. Апостолъ Петръ, собственноручно получившій ключи церкви отъ самого Христа, врядъ ли, однако, понималъ, — во всякомъ случаѣ онъ не могъ бы оцѣнить всей тонкости этого разсужденія, — какимъ образомъ можетъ обладать ключами къ знанію тотъ, кто не обладаетъ самимъ знаніемъ. Апостолы крестили на каждомъ шагу, и однако нигдѣ ни разу не учили они, что такое формальная причина, что такое причина матеріальная, производящая и конечная причина крещенія, — ни разу не обмолвились ни словомъ о его характерѣ—изгладимомъ или неизгладимомъ. Молились они также, но молились духомъ, единственно руководствуясь этимъ евангельскимъ изрѣченіемъ: „Богъ есть духъ, и молящіеся ему должны молиться въ духѣ и истинѣ“. Но имъ, повиди-

мому, не было открыто, что слѣдуетъ не менѣе благоговѣйно чтить, чѣмъ самого Христа, нарисованное углемъ на деревянной доскѣ его изображеніе, если только онъ изображенъ съ двумя выпрямленными перстами, съ необрѣзанными волосами и съ тремя завитками на локонѣ, опускающемся отъ затылка. Впрочемъ, могъ ли всему этому научить тотъ, кто не прокорпѣлъ 36 лѣтъ надъ физикой и метафизикой Аристотеля и Скота.

Но, быть можетъ, вамъ кажется, что я говорю все это шутки ради. Я это вполнѣ понимаю. Дѣйствительно, надо признать, что среди самихъ богослововъ есть люди настолько образованные, что имъ претитъ отъ всѣхъ этихъ вздорныхъ, по ихъ мнѣнію, хитросплетеній богословской схоластики. Все это, однако, нисколько не мѣшаетъ нашимъ самодовольнымъ богословамъ восхищаться самими собой и рукоплескать себѣ.

Въ качествѣ цензоровъ вселенной, они тянутъ къ отвѣту всякаго, чьи мнѣнія хоть на іоту расходятся съ ихъ „заключеніями“ — и изрѣкаютъ тономъ оракула: „это положеніе не благочестиво“, „это—непочтительно“, „это — отзывается ересью“, „это — нехорошо звучитъ“, и т. д. словомъ, ни крещеніе, ни Евангиліе, ни ап. Павелъ или Петръ, ни св. Іеронимъ или Августинъ, ни даже самъ Ѳома „Аристотелѣйшій“ не въ состояніи сдѣлать человѣка христіаниномъ, если только не выскажутся въ его пользу гг. баккалавры богословія: ихъ ученость безусловно необходима для сужденія о столь тонкихъ вещахъ. Кто бы могъ предугадать, если бы только эти умныя головы не открыли намъ этого, что не христіанинъ тотъ, кто будетъ утверждать, что одинаково правильно сказать: matula putes и matula putet, ollae fervere и ollam fervers? Кто освободилъ бы церковь отъ столькихъ грубыхъ заблужденій, которыхъ, пожалуй, и не прочелъ бы никто, если бы они не были отмѣчены особымъ писателемъ?

Но скажите, развѣ не на верху благополучія чувствуютъ себя занятые всѣмъ этимъ господа? Развѣ малое счастіе для нихъ — описывать жизнь преисподней съ такою точностью и до мельчайшихъ подробностей, какъ будто они провели тамъ многіе годы? А фабриковать по произволу новые міры, въ томъ числѣ обширнѣйшій и прекраснѣйшій, нужно, вѣдь, чтобы было гдѣ блаженнымъ душамъ разгуляться на просторѣ и попировать въ приличной обстановкѣ, а при случаѣ и въ мячъ поиграть... Отъ всего этого и тому подобной вздорной чепухи головы этихъ господъ до того расперло, что врядъ ли у самого Юпитера до такой степени распирало черепъ въ тотъ моментъ, когда онъ готовился разрѣшиться отъ бремени Палладой и взывалъ къ Вулкану о помощи. Не удивляйтесь поэтому, если они являются на публичные диспуты съ обмотаною столькими повязками головой: иначе черепъ могъ бы не выдержать внутренняго давленія. Сама я подъ часъ не въ силахъ удержаться отъ смѣха, глядя на самодовольныя физіономіи этихъ господъ, которые воображаютъ себя тѣмъ болѣе замѣчательными богословами, чѣмъ болѣе варварски и неуклюже выражаются. Говоря, они до такой степени заикаются, что только заика развѣ и пойметъ у нихъ что нибудь. Впрочемъ, если ихъ не понимаютъ, они не только не смущаются этимъ, но даже гордятся, приписывая это необыкновенному глубокомыслію своихъ рѣчей.

Монахи.

Къ богословамъ всего ближе стоятъ, по своему благополучію, такъ называемые религіозы или монахи, хотя оба эти наименованія одинаково

мало подходятъ къ нимъ,—большинство ихъ имѣютъ очень мало общаго съ религіей; съ другой стороны, нѣтъ людей, которые бы чаще встрѣчались на всѣхъ улицахъ и перекресткахъ. Что за несчастный народъ были бы монахи безъ моей помощи! Они служатъ предметомъ такой всеобщей антипатіи, что даже встрѣтится съ монахомъ считается дурною примѣтой. Но за то, по моей милости, какого они высокаго мнѣнія о себѣ! Начать съ того, что благочестіе они считаютъ своимъ исключительнымъ удѣломъ, высшее же благочестіе они полагаютъ въ возможно полномъ невѣжествѣ: не умѣть даже читать, это въ ихъ глазахъ идеалъ благочестія. Читая ослинымъ голосомъ свои псалмы, безъ всякаго выраженія и пониманія, они воображаютъ, что доставляютъ величайшее наслажденіе слуху святыхъ. Иные изъ нихъ бахвалятся своею неопрятностью и нищенскою жизнью. Съ дикимъ завываніемъ выпрашиваютъ они у дверей милостыню. Назойливою толпой наполняютъ они постоялые дворы, публичные экипажи, суда, къ немалому ущербу для настоящихъ нищихъ. Своею нечистоплотностью, невѣжествомъ, грубостью, безцеремонностью эти малые люди хотятъ, какъ они сами утверждаютъ, представить намъ собой живой образъ апостоловъ. Забавно видѣть, какъ все у нихъ предусмотрѣно, предписано, разсчитано съ математическою точностью, не допускающей ни малѣйшаго отступленія: сколько должно быть узловъ на башмакѣ, какого цвѣта перевязь, какой окраски должна быть одежда, изъ какой матеріи, и какой ширины поясъ, какого фасона и какого цвѣта капюшонъ, сколько пальцевъ въ діаметрѣ должна имѣть тонзура, сколько часовъ надо спать и т. д. Эти люди, исповѣдающіе и проповѣдывающіе апостольскую любовь и милость, готовы душить другъ друга за горло изъ-за того, что поясъ, напримѣръ, не такъ опоясанъ, или, что одежда нѣсколько болѣе темнаго цвѣта, чѣмъ предписано. Есть между ними до того строгіе въ своемъ благочестіи, что сверху одѣваются въ шерстяное, а на тѣло надѣваютъ полотняное; другіе, наоборотъ сверху носятъ полотно, а подъ нимъ—шерсть. Есть и такіе, что боятся дотронуться до денегъ, какъ до яда, за то не прочь выпить. Наконецъ, всего болѣе озабочены они тѣмъ, чтобы во всемъ отличаться отъ мірянъ. Вообще же они стараются не столько о томъ, чтобы походить на Христа, сколько о томъ, чтобы другъ на друга не походить. Вотъ почему такое наслажденіе имъ доставляютъ ихъ орденскія клички. Одни съ гордостью называютъ себя вервеносцами; но вервеносцы, въ свою очередь, раздѣляются на такъ называемыхъ колетовъ, миноровъ, минимовъ, буллистовъ. За вервеносцами идутъ бенедиктинцы, бернардинцы, бригиттинцы, точно недостаточно имъ имени христіанъ!..

Большинство ихъ придаютъ такое значеніе исполненію своихъ обрядовъ и уставовъ, что и царство небесное считаютъ не вполнѣ достаточной для себя наградой. Имъ и въ голову не приходитъ, что Христосъ, чего добраго, не обратитъ на все это никакого вниманія, а потребуетъ лишь отчета въ исполненіи единственной своей заповѣди—любви къ ближнему. Между тѣмъ, съ чѣмъ предстанутъ передъ Христомъ эти люди въ день послѣдняго суда: одинъ покажетъ свою брюшину, растянутую рыбою всѣхъ сортовъ и видовъ; другой вывалитъ сотню пудовъ псалмовъ; третій начнетъ перечислять миріады постовъ и сошлется при этомъ на свой желудокъ, столько разъ рисковавшій лопнуть отъ разговенья послѣ каждаго поста; четвертый вытащитъ такую кучу обрядовъ, что ими можно было бы нагрузить семь купеческихъ судовъ; пятый будетъ бахвалиться, что въ теченіи 60 лѣтъ ни разу не прикоснулся къ деньгамъ иначе,

какъ надѣвъ предварительно на руку двойную перчатку; шестой принесетъ свой плащъ, до того пропитанный грязью и потомъ, что послѣдній бурлакъ не захотѣлъ бы надѣть его; седьмой сошлется на то, что онъ 60 лѣтъ прожилъ, какъ губка, не тронувшись съ мѣста; восьмой принесетъ съ собой хрипоту, пріобрѣтенную усерднымъ пѣснопѣніемъ; девятый нажитую въ одиночествѣ спячку; десятый—оцѣпенѣвшій отъ продолжительнаго молчанія языкъ. И какъ прерветъ Христосъ этотъ безконечный потокъ бахвальства, да какъ скажетъ: „откуда этотъ новый родъ іудеевъ? Единственный законъ признаю Я истинно моимъ, но о немъ-то Я до сихъ поръ ни слова не слышу! А, вѣдь, открыто, безъ всякой аллегоріи или притчи, обѣщалъ Я въ свое время наслѣдіе Отца Моего—не капюшонамъ, не молитвословіямъ, не постамъ, но дѣламъ любви. Не хочу я знать людей, которые слишкомъ хорошо знаютъ свои подвиги. Эти люди, желающіе казаться святѣе Меня, могутъ, если угодно, занять небо Абраксазіевъ, либо прикажутъ выстроить себѣ новое небо тѣмъ, которые свои уставы ставили выше моихъ заповѣдей“. Какими глазами, думаете вы, посмотрятъ они другъ на друга, когда выслушаютъ эти грозныя слова, и увидятъ, что отдано предпочтеніе передъ ними бурлакамъ и извозчикамъ?

Но что имъ въ томъ, когда, благодаря мнѣ, они вполнѣ счастливы своею надеждой. Хотя они и не принимаютъ прямо участія въ общественныхъ дѣлахъ, никто, однако, не осмѣлится относиться къ нимъ съ пренебреженіемъ, въ особенности къ нищенствующимъ монахамъ, которые держатъ въ своихъ рукахъ всевозможныя тайны всѣхъ и каждаго. Тайны эти они свято блюдутъ; правда, если иной разъ подъ пьяную руку явится желаніе позабавить другъ друга веселыми анекдотами, то они не прочь порасказать кое-что въ пріятельской компаніи, но при этомъ они ограничиваются лишь сущностью дѣла и умалчиваютъ имена. Другое дѣло, если кто на бѣду раздразнитъ этихъ осъ, тогда они сумѣютъ славно отплатить ему при первомъ же случаѣ, опозоривъ его имя въ публичной рѣчи, не называя правда, по имени, но намеками давая настолько ясно понять, о комъ идетъ рѣчь, что не пойметъ развѣ тотъ, кто вообще ничего не понимаетъ. И до тѣхъ поръ не перестанутъ они лаять, пока не заткнешь имъ глотку лакомымъ кускомъ.

Римскіе папы.

А верховные первосвященники, заступающіе мѣсто самого Христа? Если бы они, въ свою очередь, такъ попытались подражать Его жизни, т.-е. Его бѣдности, Его трудамъ, Его ученію, Его страданію, Его презрѣнію къ жизни, — да если бы къ тому же поразмыслили о значеніи своего титула папы, т.-е. отца и святѣйшаго,—то скажите, что было бы плачевнѣе положенія папы? И кто сталъ бы цѣною всего своего достоянія добиваться этого мѣста? Кто, купивъ его, сталъ бы отстаивать его мечемъ, ядомъ, всякаго рода насиліемъ? Сколькихъ выгодъ лишился бы папскій престолъ, если бы сюда получила доступъ мудрость? Мудрость, сказала я... Что говорю я — мудрость. Да хоть бы крупица той соли, о которой говоритъ Христосъ! Что сталось бы тогда со всѣми этими богатствами, со всѣми этими почестями, со всѣмъ этимъ земнымъ владычествомъ, со всѣми этими диспенсаціями, поборами, индульгенціями, лошадьми, мулами, тѣлохранителями,—что сталось бы, говорю я, со всѣми этими прелестями? Вмѣсто всего этого явились бы на сцену — бдѣнія, посты, слезы, мо-

литвенныя собранія, церковныя поученія, размышленія, воздыханія и тысяча другихъ подобныхъ непріятностей. И что сталось бы тогда со всей этою массою папскихъ секретарей, писцовъ, нотаріусовъ, адвокатовъ, дѣлопроизводителей, секретарей, мулятниковъ, конюховъ, мѣнялъ, — я хотѣла бы прибавить кое-что побукетистѣе, да не хочу оскорблять ушей моихъ слушателей? Однимъ словомъ, всей этой многоголовой тысячеголовой толпѣ, которая разоряетъ—виновата, оговорилась, которая украшаетъ римскій престолъ, пришлось бы помирать съ голоду. Не говоря уже о томъ, что это было бы крайне негуманно и недостойно, возможно-ли, безъ сердечнаго содроганія, допустить, чтобы верховные князья церкви и свѣточи міра были доведены до сумы и посоха? Теперь, наоборотъ, всѣ труды предоставляются Петру и Павлу: у нихъ вѣдь достаточно досуга!.. На свою долю папы оставляютъ зато весь блескъ и всѣ удовольствія. При моей благосклонной помощи, никому такъ вольготно и спокойно не живется на свѣтѣ, какъ именно папамъ. Они увѣрены, что титулуясь блаженнѣйшими и святѣйшими, — раздавая одной рукой благословенія, другой проклятія, и разыгрывая въ пышныхъ церемоніяхъ, въ своемъ мистическомъ и почти театральномъ уборѣ, роль епископовъ, они воздаютъ все должное Христу. Творить чудеса? — Какъ это устарѣло, какъ старомодно! Да и не по нынѣшнимъ это временамъ. Поучать народъ? — Черезчуръ тяжелый трудъ! Толковать священное писаніе?—Что за схоластика! Молиться?—Непроизводительная трата времени! Проливать слезы?—Что за бабья сентиментальность! Жить въ бѣдности? Некомфортабельно! Примириться съ пораженіемъ?—Позорно и недостойно того, кто едва королей допускаетъ лобызать свои блаженныя ноги. Наконецъ, умирать — вещь непріятная, быть распятымъ на крестѣ — вещь позорная. Послѣ всего этого у насъ остается то кроткое оружіе и „благія словеса", о которыхъ говоритъ ап. Павелъ — на этотъ счетъ куда какъ щедры папы, — т.-е. интердикты, временныя и вѣчныя отлученія, анаѳемы, карательныя грамоты, наконецъ, эти страшные перуны, посредствомъ которыхъ однимъ своимъ мановеніемъ папы низвергаютъ души смертныхъ глубже самаго тартара. Ни на кого, однако, не обрушиваютъ болѣе грозныхъ громовъ святѣйшіе во Христѣ отцы и Христовы намѣстники, какъ на тѣхъ, которые, по дьявольскому наущенію, пытаются уменьшить или расхитить вотчину св. Петра. Хотя, по Евангелію, Петръ сказалъ: „Мы все оставили и послѣдовали за Тобой", тѣмъ не менѣе папы называютъ вотчиною Его—поля, города, подати, пошлины, феодальныя повинности. Пылая ревностью по Христѣ, они отстаиваютъ все это огнемъ и мечемъ, не безъ изряднаго пролитія христіанской крови; нанося пораженіе непріятелю, папы убѣждены, что этимъ они апостольски защищаютъ церковь, невѣсту Христову. Какъ будто могутъ быть у церкви болѣе опасные враги, чѣмъ нечестивые первосвященники, которые своимъ систематическимъ молчаніемъ о Христѣ, позволяютъ почти забыть о немъ; они связываютъ его по рукамъ и по ногамъ своими лихоимными законами, искажаютъ его ученіе натянутыми толкованіями, наконецъ, вторично распинаютъ его своею гнусною жизнію. На томъ основаніи, что христіанская церковь основана кровью, кровью же укрѣплена и кровью увеличена, они и нынѣ орудуютъ мечемъ, — точно погибъ Христосъ, который бы могъ по своему защитить вѣрныхъ своихъ! Но что такое война? Это — нѣчто до того чудовищное, что она уподобляетъ людей хищнымъ звѣрямъ. Это—нѣчто до того неразумное, что, по представленію поэтовъ, она насылается на людей фуріями; это—нѣчто до того зловредное, что она ока-

зываетъ самое разлагающее вліяніе на людскіе нравы—и это съ быстротой заразительной язвы; это—нѣчто до того несправедливое, что лучшими ея выполнителями оказываются обыкновенно отъявленные разбойники; это—нѣчто до того нечестивое, что не можетъ имѣть ничего общаго съ Христомъ. Все это, однако, нисколько не мѣшаетъ папамъ войною-то всего болѣе и заниматься. Тутъ у иного дряхленькаго старичка и юношеская отвага вдругъ является,—никакія издержки его не страшатъ, никакіе труды не утомляютъ; если нужно, онъ не остановится передъ тѣмъ, чтобы перевернуть вверхъ дномъ и религію, и миръ и всѣ людскія отношенія. И нѣтъ недостатка въ ученыхъ льстецахъ, которые все это сумасбродство называютъ благочестивою ревностью и мужествомъ; они додумались до такой философіи, по которой можно хвататься за мечъ и пронзать имъ внутренности своего ближняго и въ то же время оставаться вѣрнымъ этой первой заповѣди Христа о любви къ ближнему!..

XXX. Франсуа Рабле и его романъ.

(Изъ „Очерковъ по исторіи западно-европейскихъ литературъ" П. Когана).

Среди французскихъ гуманистовъ наибольшей славой пользуется Франсуа Рабле (род. въ 80-хъ гг. XV вѣка, умеръ въ 1553 г.). Рабле оставилъ знаменитый романъ Гаргантюа и Пантагрюэль, состоящій изъ пяти книгъ, изъ которыхъ первая заключаетъ въ себѣ исторію самого Гаргантюа, а остальныя четыре—исторію его сына Пантагрюэля. Гаргантюа—это эпопея Возрожденія; въ ней затронуты всѣ стороны міросозерцанія Ренессанса. Авторъ изображаетъ и отжившія понятія и вновь народившіяся. Обладая бо̀льшими художественными достоинствами, чѣмъ сочиненія нѣмецкихъ гуманистовъ, твореніе Рабле быстрѣе проникло въ массы и содѣйствовало распространенію гуманистическихъ идеаловъ. Рабле—юмористъ. Его романъ—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ юмористической литературы. Въ его юморѣ, помимо чертъ, общихъ всѣмъ юмористамъ, извѣстный изслѣдователь Стапферъ отмѣчаетъ двѣ особенности, свойственныя исключительно Рабле, а именно: его личность не выступаетъ назойливо впередъ и, кромѣ того, онъ не уклоняется въ сторону такъ часто, какъ это дѣлаетъ Стернъ, эпизоды не отвлекаютъ его отъ главной нити разсказа. Юморъ Рабле долженъ былъ сдѣлать особенно популярнымъ его твореніе въ эпоху, когда общество только-что сбросило съ себя оковы аскетизма. Это былъ лучшій путь къ распространеніе гуманистическихъ идей.

Воспитаніе Гаргантюа распадается на двѣ части; въ первый періодъ онъ попадаетъ въ руки схоластика Тубала Олоферна, педагога стараго типа: все воспитаніе Тубала—злая сатира на схоластическую педагогію. Трудно удержаться отъ смѣха, когда читаешь, что за пять лѣтъ и три мѣсяца Тубалъ выучилъ Гаргантюа азбукѣ такъ хорошо, что тотъ могъ наизусть пересказать ее и даже „навыворотъ", что въ слѣдующіе затѣмъ тринадцать лѣтъ, шесть мѣсяцевъ и двѣ недѣли онъ прочиталъ съ нимъ Доната, Facet, Феодула и Алана in parabolis; затѣмъ восемнадцать лѣтъ и одиннадцать мѣсяцевъ ушло на изученіе De modis significandi и комментаріевъ къ нему. Ученикъ такъ хорошо постигъ ихъ, что

могъ отвѣчать наизусть и навыворотъ. Наконецъ, десятки лѣтъ ушли на изученіе разныхъ и дѣйствительно существовавшихъ и выдуманныхъ Рабле латинскихъ писателей и сочиненій. Авторъ приводитъ огромный списокъ такихъ сочиненій съ комическими заглавіями. Такъ какъ Гаргантюа былъ великанъ и пропорція времени и мѣста отсутствуетъ въ романѣ, то, несмотря на эти десятки лѣтъ ученія, Гаргантюа все еще остается мальчикомъ. Отъ чтенія книгъ „онъ такъ поумнѣлъ, что и сказать нельзя". Рядомъ съ умственнымъ шло и религіозное воспитаніе, и здѣсь форма преобладала надъ содержаніемъ. „Позавтракавъ плотно,— разсказываетъ Рабле,—онъ шелъ въ церковь, и за нимъ приносили туда въ большой корзинѣ толстый требникъ въ переплетѣ, который вѣсилъ ни болѣе, ни менѣе какъ одиннадцать центнеровъ шесть фунтовъ. Тамъ онъ слушалъ двадцать шесть или тридцать обѣденъ. Вмѣстѣ со своимъ капеланомъ онъ бормоталъ всѣ молитвы и такъ старательно выговаривалъ ихъ, что ни одного слова не пропадало. По выходѣ изъ церкви ему привозили на телѣгѣ, запряженной волами, кучу четокъ св. Клода, которыя были такъ крупны, какъ человѣческія головы, и онъ, прохаживаясь по монастырскимъ галлереямъ или по саду, читалъ больше молитвъ, чѣмъ шестнадцать отшельниковъ". Заботы о физическомъ развитіи Гаргантюа сводились къ тому, что его кормили и поили на убой. Такимъ образомъ уже въ дѣтствѣ Гаргантюа успѣлъ сдѣлаться обжорой и пьяницей.

Наконецъ, старый король Грангузье замѣчаетъ, что хотя сынъ учится очень хорошо, и „тратитъ на ученіе все время, однако, успѣховъ никакихъ не дѣлаетъ и, что всего хуже, становится глупъ, нелѣпъ, разсѣянъ и безтолковъ". Грангузье приглашаетъ новаго воспитателя Панократа, въ лицѣ котораго выведенъ педагогъ-гуманистъ новаго типа. Въ системѣ, которой держится Панократъ, нетрудно уловить тѣ завѣтные идеалы воспитанія, которые продолжали развиваться всѣми лучшими педагогами послѣдующихъ временъ, нашли себѣ поборниковъ въ лицѣ Локка, Руссо, Песталоцци и другихъ знаменитыхъ философовъ и остаются еще не вполнѣ осуществленными идеалами и въ наше время. Цѣль религіознаго воспитанія—вызвать искренній и неподдѣльный восторгъ къ величію Бога. Гаргантюа уже не заставляютъ читать, какъ можно больше молитвъ, и слушать, какъ можно больше обѣденъ; ему прочитываютъ ежедневно нѣсколько страницъ священнаго писанія, но громко и внятно и съ тѣмъ выраженіемъ, какое приличествуетъ предмету. Это чтеніе производило на Гаргантюа такое впечатлѣніе, что онъ самъ принимался „славословить, молиться и взывать къ Господу Богу, величіе и чудесные пути котораго онъ узнавалъ изъ чтенія священнаго писанія". Второй принципъ этого воспитанія—наглядность обученія. Ариѳметику мальчикъ изучаетъ при помощи картъ, которыя приносились не для игры, а для разныхъ фокусовъ и выдумокъ, основанныхъ на ариѳметикѣ и заставившихъ мальчика полюбить эту науку. Классиковъ изучали за обѣдомъ: заговоривъ о какомъ-нибудь вопросѣ, учитель приносилъ Плинія, Полибія, Аристотеля или другого древняго писателя, читалъ относящіяся къ затронутому мѣста, объяснялъ ихъ, и мальчикъ прекрасно запоминалъ классическихъ писателей. Астрономіи Гаргантюа учился, прогуливаясь въ звѣздную ночь со своимъ воспитателемъ и слушая его объясненія; ботанику онъ изучалъ на лонѣ природы. Третій принципъ новаго воспитанія — это строгая гармонія физическаго и и умственнаго развитія. Правильнымъ детальнымъ распредѣленіемъ всего дня, постояннымъ пребываніемъ на свѣжемъ воздухѣ, безпрерывной

смѣной физическаго и умственнаго труда, играми и гимнастикой достигается эта гармонія.

Во время войны съ сосѣднимъ королемъ Пикрошолемъ отцу Гаргантюа оказываетъ важную услугу монахъ Жанъ. Получивъ за это въ награду отъ короля кусокъ земли, братъ Жанъ основываетъ тамъ Телемское аббатство. Полная свобода—главный девизъ обители. Обитель эта—полная противоположность монастырямъ средневѣковыхъ аскетовъ съ ихъ строгой дисциплиной и съ ихъ лицемѣріемъ. Населеніе аббатства—здоровые, красивые люди; умственный и физическій трудъ—ихъ занятіе; наслажденія и полная свобода отъ всякихъ условностей—ихъ главная цѣль. Описаніе Телемской общины, одно изъ лучшихъ мѣстъ романа, рисующее общественные идеалы автора, завершаетъ собою первую книгу. Въ своей извѣстной статьѣ о Рабле академикъ Веселовскій полагаетъ, что въ лицѣ телемитовъ Рабле изображаетъ интеллигентовъ, которые „работаютъ для преуспѣнія человѣчности и свободы отъ труда". Это—гуманисты, занятые изслѣдованіемъ природы и исторіи. Они думаютъ только о личномъ благѣ и о личномъ развитіи. Вся задача будущаго сводится къ одному требованію — образованію цѣльно-развитого человѣка: явятся такіе люди—они перельютъ свою душу въ обветшалыя учрежденія, и содержаніе старыхъ мѣховъ измѣнится само собой. Самихъ мѣховъ мѣнять не нужно, вся суть въ идеалѣ личномъ.

По смерти Гаргантюа выступаетъ новое поколѣніе въ лицѣ его сына Пантагрюэля. Пріятель Пантагрюэля, Панургъ, задумалъ жениться, но прежде чѣмъ рѣшиться на этотъ шагъ, онъ спрашиваетъ представителей разныхъ профессій,—будетъ ли онъ счастливъ. Онъ обращается къ схоластику, доктору, юристу, философу и т. д. Это даетъ возможность Рабле осмѣять представителей разныхъ отраслей тогдашняго знанія. Своими учеными отвѣтами, безконечными ссылками на древнихъ писателей они только запутываютъ вопросъ и не даютъ Панургу никакого удовлетворительнаго отвѣта. Панургъ рѣшаетъ тогда поѣхать вмѣстѣ съ Пантагрюэлемъ къ „оракулу божественной бутылки" за отвѣтомъ по интересующему его вопросу. По дорогѣ они посѣщаютъ рядъ острововъ съ разными аллегорическими фигурами, въ лицѣ которыхъ осмѣяны и папы, и кардиналы, и епископы, и современные суды, и ложная наука. Рабле такимъ образомъ осмѣялъ всѣ стороны современной ему жизни и изобразилъ новыя формы жизни, составлявшія идеалъ гуманизма.

По мнѣнію Флери, эпизодъ съ женитьбой слѣдуетъ понимать шире. Рабле задается здѣсь вообще вопросомъ о томъ, какъ отыскать истину, и своими аллегоріями даетъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Его положительные идеалы, опредѣляющіеся въ этой поѣздкѣ, можно формулировать такъ: не нужно ни аскетизма, ни умерщвленія плоти. Будемъ развивать наши физическія и интелектуальныя способности. Не нужно войнъ и завоеваній. Если необходимо научить благоразумію неразумнаго сосѣда, это не должно падать на народъ. Устранимъ всѣ предразсудки, не будемъ думать, будто міръ управляется случаемъ: онъ подчиненъ точнымъ законамъ. Но ни гаданія, ни сновидѣнія, ни нѣмые, ни юродивые, ни умирающіе, ни астрологія намъ ихъ не откроютъ. Если вы хотите знать истину, вооружитесь неутомимостью и терпѣніемъ, избѣгайте людей, падкихъ до показной внѣшности (олицетворенныхъ въ лицѣ „хамелеоновъ"), не предавайтесь обжорству („островъ желудка"), не внимайте пустымъ словамъ („островъ дыма") и т. д.

IV. РЕФОРМАЦІЯ.

1. РАЗЛОЖЕНІЕ ПАПСТВА И ВОЗНИКНОВЕНІЕ ОППОЗИЦІИ РИМУ.

XXXI. Разложеніе средневѣкового папства въ XV в.

(Изъ соч. М. С. Корелина. «Важнѣйшіе моменты изъ исторіи средневѣкового папства»).

Въ XV столѣтіи европейскій Западъ вступилъ въ новый періодъ своего историческаго существованія, и средневѣковое папство пришло къ окончательному паденію. Въ началѣ новой исторіи св. Престолъ находился въ такомъ положеніи, что реформа церкви сдѣлалась настоятельною необходимостью, которую живо сознавалъ весь христіанскій міръ, начиная съ свѣтскихъ государей и кардиналовъ. Но средневѣковая теорія папской власти допускала только одну возможность какихъ-либо измѣненій въ церковной сферѣ—добрую волю римскаго епископа. Только абсолютный викарій Бога могъ быть источникомъ церковной реформы, потому-что въ его рукахъ находилась безраздѣльно вся полнота апостольской власти, и средневѣковая исторія знаетъ церковныхъ реформаторовъ только на св. Престолѣ, а всѣ остальные были еретики. Между тѣмъ, въ XV столѣтіи требовали реформы церкви посредствомъ общаго собора, а не предоставляли ее на благоусмотрѣніе св. Престола. Такая постановка вопроса заключала въ себѣ и ограниченіе папской власти, потому-что ставила соборъ выше преемника св. Петра, и недовѣріе къ ея представителямъ, потому-что требовала реформы не только церкви, но и ея главы. Идея соборной реформы, по существу, носила оппозиціонный характеръ, и въ этомъ же направленіи развивалась она исторически. Фридрихъ II впервые аппелировалъ на папу къ собору, и позднѣйшіе императоры, а также Филиппъ IV, дѣлаютъ это непрерывно во время борьбы съ св. Престоломъ. Эти апелляціи къ высшей власти неизбѣжно вытекали изъ тогдашняго положенія спора между римскими епископами и свѣтскими государями. Притязанія папской теократіи на политическое

господство рѣшительно отжили свой вѣкъ и не могли быть болѣе терпимы; но въ теоріи они существовали, и юридически эти фиктивныя права могли быть отмѣнены только папой. Между тѣмъ, св. Престолъ шелъ лишь на фактическія уступки и крѣпко держался за принципы Григорія VII и Иннокентія III. Подобно всѣмъ отживающимъ свой вѣкъ учрежденіямъ, средневѣковое папство, утратившп реальную силу, желало сохранить во что бы то ни стало, хотя бы только на бумагѣ, всѣ свои привилегіи, все еще надѣясь на лучшія времена. Требованія государей оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и они вынуждены были прибѣгать къ насилію. Идея соборной реформы быстрѣе пошла къ осуществленію, когда въ пользу ея раздались голоса со стороны самой церкви. Впервые деспотизмъ Бонифація VIII заставилъ кардиналовъ требовать собора, а во время великаго раскола это требованіе сдѣлалось общимъ голосомъ церкви.

Дѣйствительно, великій расколъ дѣлалъ неизбѣжнымъ созваніе общаго собора, потому что только при его посредствѣ возможно было возвратить хотя бы наружную благопристойность двухголовому папству. Одновременное существованіе двухъ канонически выбранныхъ Христовыхъ намѣстниковъ, которые взаимными разоблаченіями выставляли на видъ всю вѣками накопившуюся вокругъ св. Престола нравственную грязь, дѣлало необходимость реформы особенно наглядною. Началось сильное литературное движеніе въ пользу собора, во главѣ котораго стала парижская Сорбонна—главная опора средневѣковаго богословія и ревностнѣйшая блюстительница католической ортодоксальности. Самыя крупныя свѣтила тогдашней науки, Клеманжъ, Д'Альи и Жерсонъ, обстоятельно формулировали ученіе, что соборъ выше папы и что онъ долженъ произвести реформу церкви „во главѣ и въ членахъ". Кардиналы сначала пытались прекратить скандалъ домашними средствами: при избраніи новаго папы каждый изъ нихъ давалъ торжественную клятву, что если выборъ падаетъ на него, онъ прекратитъ расколъ, хотя бы для этого пришлось сложить высокій сапъ. Но кардинальскія клятвы утрачивали цѣну на св. Престолѣ, и преемники св. Петра предпочитали папскую тіару клятвопреступленію. Такъ, Григорій XII при своемъ вступленіи на престолъ торжественно заявилъ: „Я поспѣшу навстрѣчу уніи—даже на рыбацкомъ челнокѣ, если нужно отправиться за море, и съ посохомъ странника, если нужно идти сухимъ путемъ", и вслѣдъ затѣмъ началъ играть запутанную комедію, чтобы отдѣлаться отъ свиданія съ противникомъ, а потомъ совершилъ неслыханный въ лѣтописяхъ папства поступокъ—продалъ Церковную область, чтобы купить себѣ защиту противъ собора. И кардиналамъ стало ясно, что отъ преемниковъ св. Петра нельзя ожидать прекращенія раскола, и они созвали въ 1409 г. соборъ въ Пизѣ, который отвергъ и осудилъ обоихъ папъ и поставилъ на ихъ мѣсто третьяго. Это была несомнѣнная революція противъ св. Престола: кардиналы не имѣли права ни созывать собора, ни судить Христова викарія; но рѣшительный шагъ имѣлъ только то послѣдствіе, что въ западной церкви къ двумъ наличнымъ главамъ присоединился третій (въ лицѣ вновь избраннаго вмѣсто двухъ низложенныхъ папы). Нѣсколько успѣшнѣе была дѣятельность собора въ Констанцѣ: расколъ былъ прекращенъ, но реформировать средневѣковое папство не удалось ни этому собору, ни послѣдовавшему за нимъ Базельскому. Попытки церковной реформы окончились полною неудачей.

Нѣкоторые изъ современныхъ изслѣдователей сожалѣютъ о печаль-

номъ исходѣ соборной реформы, потому что, по ихъ мнѣнію, она могла бы избавить человѣчество отъ тѣхъ потоковъ крови, которые вызваны были реформаціей. Одни изъ нихъ видятъ въ соборной реформѣ попытку замѣнить папскій абсолютизмъ конституціоннымъ режимомъ въ церковной сферѣ; другіе—намѣреніе создать конфедерацію національныхъ церквей подъ почетнымъ президентствомъ св. Престола. Но составъ и настроеніе соборовъ не даютъ основанія для такихъ розовыхъ надеждъ, а въ ихъ задачахъ совсѣмъ незамѣтно приписываемыхъ имъ стремленій. Прежде всего, далеко не всѣ члены соборовъ были заинтересованы религіозною и моральною реформой; огромное большинство имѣло въ виду исключительно финансовую и политическую сторону вопроса. Такъ, итальянскіе кардиналы заботились только о прекращеніи раскола, который уменьшалъ церковные доходы, оставались совершенно равнодушны къ религіозному деспотизму св. Престола и были прямо заинтересованы въ сохраненіи тѣхъ его злоупотребленій, которыя приносили матеріальныя выгоды. Свѣтскіе государи и ихъ прелаты, можетъ быть, и мечтами о независимыхъ отъ Рима церквахъ съ національными папами, но сводили реальныя требованія, главнымъ образомъ, къ уменьшенію папскихъ поборовъ и къ участію въ пользованіи ими. Наконецъ, если вожаки реформаціонной партіи, люди благочестивые и искренніе, не сумѣли отдѣлаться отъ средневѣковой точки зрѣнія на папство и выработали неосуществимую, исполненную непримиримыхъ противорѣчій программу реформы. Они провозгласили, что глава церкви Христосъ, а не папа, а что ея представитель—соборъ, который обладаетъ непогрѣшимостью и можетъ судить и низвергнуть римскаго епископа. Прелаты охотно согласились съ такою точкой зрѣнія, потому что практически вся власть переходила въ ихъ руки, такъ какъ понятіе о церкви исчерпывалось только духовными лицами. Но такая замѣна монархическаго церковнаго строя аристократическимъ казалась слишкомъ радикальною реформой, и реформаторы не только сохранили ненужнаго съ ихъ точки зрѣнія папу, но и объявили его главой внѣшней церкви, уступили ему божественное происхожденіе и сохранили за нимъ всѣ привилегіи, кромѣ стариннаго примата. Это была практическая уступка, которая не вытекала изъ теоріи и вносила непримиримое противорѣчіе въ планъ реформы. На ряду съ Христомъ и соборомъ поставлена ни на что ненужная третья глава церкви въ лицѣ римскаго епископа, положеніе котораго, кромѣ того, было крайне неопредѣленно. Онъ не былъ безотвѣтственнымъ конституціоннымъ государемъ, потому что онъ подчиненъ собору; но его судьи не были его избирателями, потому что выборы папы были, попрежнему, предоставлены кардиналамъ, которыхъ онъ самъ назначалъ.

Это коренное противорѣчіе красною нитью проходитъ черезъ всѣ соборныя реформы. Возставали противъ злоупотребленій, но оставляли ихъ источникъ. Всѣ историческіе наросты средневѣковаго папства сохранены; но соборъ требовалъ, чтобъ упрощенъ былъ культъ, чтобы болѣе обращалось вниманія на внутреннее настроеніе при исполненіи внѣшнихъ обрядовъ, чтобы папы сократили нѣсколько свои поборы. Понятно, что всѣ эти постановленія оставались пустымъ звукомъ. Соборная реформа отличалась крайнею поверхностностью, и вопросъ о религіозной свободѣ, самая важная и вполнѣ назрѣвшая потребность времени, былъ рѣшенъ реформаторами отрицательно. Гусъ погибъ на кострѣ, и осудившій его соборъ постановилъ, что можно не держать слова, даннаго еретику, что, слѣдовательно, правила элементарной морали обязательны только по отно-

шенію къ ортодоксальнымъ католикамъ. Соборамъ недоставало самаго существеннаго для проведенія религіозной реформы—глубокаго и истинно-христіанскаго религіознаго чувства, и ихъ дѣятельность только расшатала то, что должна была укрѣпить.

Несостоятельность соборной реформы съ особенною наглядностью обнаруживаетъ исторія Констанцскаго собора, самаго популярнаго и наиболѣе богатаго послѣдствіями изъ всѣхъ трехъ. Это былъ такой блестящій и обширный конгрессъ всѣхъ народовъ, какого до сихъ поръ не видѣла Европа. Говорятъ, въ Констанцъ съѣхалось 18,000 прелатовъ, 2,400 рыцарей и 80,000 другихъ представителей свѣтскаго общества. На соборѣ присутствовалъ самъ императоръ, уполномоченные отъ всѣхъ государей, депутаты отъ всѣхъ университетовъ и самые блестящіе таланты тогдашней науки. Съѣздъ былъ необыкновенно оживленный и веселый. Церковныхъ реформаторовъ сопровождала огромная толпа артистовъ, музыкантовъ и другихъ менѣе уважаемыхъ спеціалистовъ по доставленію всевозможныхъ удовольствій, и всѣ они получали хорошій заработокъ. Банкеты и турниры смѣнялись торжественными процессіями и обѣднями, причемъ на церковныхъ каѳедрахъ наилучшіе ораторы говорили проповѣди на всевозможныя темы. Иногда громили нравственную распущенность, при чемъ мѣстная скандальная хроника могла дать обильный матеріалъ для пикантныхъ намековъ. Иногда поручали проповѣдь даже свѣтскимъ людямъ, особенно свѣдущимъ въ модной тогда античной литературѣ, и они поражали слушателей то смѣлыми сравненіями Христа съ Юпитеромъ, то глубокимъ пониманіемъ языческихъ авторовъ. Реформа казалась чрезвычайно удачной: одинъ всѣми покинутый папа добровольно сложилъ свой санъ; другого признавала только незначительная испанская крѣпость, за стѣнами которой онъ надѣялся умереть въ тіарѣ; третій явился на соборъ, но потомъ, замѣтивъ неблагопріятное къ себѣ отношеніе, попытался бѣжать, былъ схваченъ и посаженъ въ тюрьму. Это былъ знаменитый Іоаннъ XXIII, морской разбойникъ въ молодости и отъявленный злодѣй на св. Престолѣ; его осужденіе могло встрѣтить только всеобщее сочувствіе. Вновь избраннаго папу съ искреннимъ умиленіемъ привѣтствовалъ императоръ и вмѣстѣ съ нимъ вся католическая Европа. Скандальный расколъ прекратился къ всеобщему удовольствію, и соборъ приступилъ къ своимъ поверхностнымъ, но, тѣмъ не менѣе, неосуществимымъ по внутреннему противорѣчію реформамъ. Прежде всего, онъ объявилъ себя представителемъ церкви съ абсолютною властью въ дѣлахъ вѣры, полученною непосредственно отъ Самого Христа, но тутъ же было заявлено, что онъ не можетъ отмѣнить папской власти, а имѣетъ право только ограничить пользованіе ею. При этомъ свѣтскіе люди не получили голоса при соборныхъ рѣшеніяхъ и такимъ образомъ были исключены изъ понятія церкви. Они должны были только слѣпо повиноваться, и средневѣковой принципъ абсолютнаго авторитета іерархіи въ религіозныхъ дѣлахъ былъ вновь торжественно провозглашенъ, но тотъ же соборъ обнаружилъ недовѣріе къ духовному большинству своего состава. Оно принадлежало итальянцамъ и не было расположено къ реформамъ, вслѣдствіе чего порѣшили голосовать по націямъ, изъ которыхъ каждая независимо отъ своей численности имѣла только одинъ голосъ. Затѣмъ новому папѣ дана была программа реформъ, состоящая изъ 18 пунктовъ, которые требовали не отмѣны, а только ограниченія наиболѣе вопіющихъ злоупотребленій, и Мартинъ V заключилъ конкордатъ съ каждою націей отдѣльно. Соборъ оказался чрезвычайно сговорчивымъ: аннаты были, по-

прежнему, предоставлены св. Престолу, и только Франціи на 5 лѣтъ удалось освободиться отъ тяжелаго налога; назначеніе епископовъ, отлученіе отъ церкви, диспенсаціи, попрежнему, оставались въ рукахъ папы; сохранены были даже индульгенціи, и соборъ требовалъ только не пускать въ продажу слишкомъ много этого ничего не стоящаго товара, „чтобы онъ не подешевѣлъ“ (ne vilescant). Словомъ, все осталось попрежнему, и Мартинъ V безъ всякаго сопротивленія объявилъ ученіе о превосходствѣ собора надъ папою ложнымъ и достойнымъ осужденія. Для этого пришлось только заплатить императору его путевыя издержки въ Констанцъ, да предоставить кардиналамъ нѣсколько экстраординарныхъ милостей. Побѣда папы надъ соборомъ куплена была очень дешево, но этотъ противникъ св. Престола дороже и не стоилъ.

Судя по наружности, преемники св. Петра вышли изъ соборовъ съ обновленными силами. Расколъ прекратился, и весь Западъ снова признавалъ одного Христова намѣстника. Императоръ пребывалъ въ единеніи съ папой, мѣстное духовенство подчинялось его власти, западное христіанство, исправно платившее церковные налоги, массами шло на богомолье въ Римъ во время юбилея 1450 г., и св. Престолъ находился внѣ всякой зависимости отъ какой-нибудь внѣшней силы. Но это было только наружное благополучіе. Соборныя теоріи и въ католической средѣ подорвали вѣру въ незыблемость средневѣковаго папства, а гуситское движеніе охватило всю Богемію и грозило распространиться за ея предѣлы. Абсолютный авторитетъ св. Престола находилъ мало искренно вѣрующихъ поклонниковъ и держался только инертною силой традиціи. Наконецъ, и само папство подверглось существенной перемѣнѣ; церковное учрежденіе окончательно превратилось въ политическій институтъ, и преемники св. Петра сдѣлались настоящими свѣтскими государями. Папы стараго времени видѣли въ свѣтскихъ владѣніяхъ только гарантію церковной независимости, внѣшнее средство для лучшаго исполненія пастырскихъ обязанностей; ихъ преемники XV столѣтія сдѣлали изъ средства цѣль и превратили религію въ простое оружіе для политическаго усиленія. Апостольскій авторитетъ за границей превратился въ финансовый источникъ непрерывныхъ доходовъ, индульгенціи сдѣлались вывознымъ товаромъ, духовныя права св. Престола предметомъ внѣшней торговли. Главныя заботы преемниковъ св. Петра дома—династическіе интересы, и папскій непотизмъ достигаетъ чудовищныхъ размѣровъ. Мартинъ V устраиваетъ выгодные браки для своихъ родственниковъ; Сикстъ IV съ необыкновенною жестокостью преслѣдуетъ одну цѣль—образованіе княжества для своего племянника; Иннокентій VIII все время правленія занятъ мыслью объ устройствѣ своихъ семерыхъ сыновей; самыя безчеловѣчныя преступленія Борджіа вызваны такими же стремленіями. Для достиженія этихъ цѣлей папы не останавливались ни передъ какими средствами въ борьбѣ со своими противниками и безъ разбора соединялись со всякими союзниками. Этимъ объясняется и ранняя связь папства съ гуманизмомъ.

Тогдашнее положеніе папства дѣлало гуманистическаго литератора особенно полезнымъ человѣкомъ. Во время раскола онъ могъ громить противника въ тіарѣ; въ эпоху соборовъ онъ писалъ инвективы противъ реформаціонныхъ прелатовъ. Въ жару спора римскіе епископы не замѣчали, что ихъ противникъ тоже папа, что на соборѣ засѣдаютъ представители католической іерархіи и что нападки ихъ секретарей мѣтятъ иногда далѣе отдѣльныхъ личностей, а касаются самаго учрежденія. Они не обращали вниманія, что ихъ чиновники открыто смѣются надъ тѣмъ,

что̀ защищаютъ оффиціально. Знаменитый Поджіо записалъ и издалъ собраніе анекдотовъ, которые разсказывались въ канцеляріи монашески-настроеннаго Евгенія IV, и изъ этой книги видно, съ какимъ невѣроятнымъ цинизмомъ осмѣивались тамъ и папы, и соборы, и монахи, и церковная проповѣдь, и самыя таинства. Но папы видѣли сначала въ гуманистахъ только внѣшнюю силу, смотрѣли на нихъ какъ нѣкогда на кондотьеровъ и также мало интересовались ихъ воззрѣніями и нравственностью. Въ половинѣ XV вѣка отношеніе мѣняется. Гуманистическое направленіе проникаетъ въ среду кардиналовъ, и представители Ренессанса занимаютъ св. Престолъ,—явленіе, совершенно противоестественное, потому что папство и гуманизмъ взаимно исключали другъ друга. Преемники Григорія VII сдѣлались не только послѣдователями Боккачіо, но и друзьями Лоренцо Валлы, который опровергъ „Даръ Константина“ и считалъ удовольствіе высшимъ благомъ. Средневѣковое папство пришло къ самоотрицанію, и вопіющее противорѣчіе между искренними стремленіями и лицемѣрною защитой правъ, надъ основаніями которыхъ открыто смѣялись, повело, прежде всего, къ окончательному моральному паденію св. Престола. Чтобы не возмущать нравственнаго чувства читателя изображеніемъ такихъ преемниковъ св. Петра, какъ Сикстъ IV или Александръ VI, можно показать полное разложеніе папства и на дѣятельности Льва X Медичи, безусловно лучшаго изъ римскихъ епископовъ этого періода.

Джіованни Медичи, второй сынъ Лоренцо Великолѣпнаго, съ дѣтства былъ посвященъ церкви и быстро совершалъ свое служеніе: семи лѣтъ онъ былъ священникомъ и имѣлъ выгодныя синекуры; 13 лѣтъ его сдѣлали кардиналомъ, и семнадцати онъ покинулъ Флоренцію и переселился въ Римъ. Старый Лоренцо, хорошо понимавшій жизнь, далъ юному прелату весьма полезныя напутственныя наставленія. Онъ совѣтовалъ ему имѣть хорошую конюшню и хорошо дисциплинированный домашній штатъ, предпочитать предметамъ роскоши античныя вещи и хорошія книги, больше давать банкетовъ, чѣмъ принимать ихъ, и во время пировъ больше слушать, чѣмъ говорить. О религіозныхъ обязанностяхъ молодого кардинала ничего не было сказано; зато отецъ далъ нѣсколько гигіеническихъ совѣтовъ: раньше вставать, ѣсть простыя кушанья, заниматься физическими упражненіями, чтобы избѣжать обычныхъ въ этомъ санѣ болѣзней. Джіованни хорошо выполнилъ отцовскіе совѣты, за исключеніемъ развѣ только послѣдняго пункта. Онъ любилъ и охоту, и хорошія книги, и монументальные остатки древняго Рима, а вмѣстѣ съ этимъ усвоилъ и всѣ другіе вкусы и наклонности итальянскихъ гуманистовъ. Важнѣе всего въ жизни было для него удовольствіе, и онъ старательно развивалъ всѣ свои способности, чтобы сдѣлать ихъ болѣе воспріимчивыми ко всѣмъ духовнымъ и физическимъ наслажденіямъ. Достаточно образованный для того, чтобы находить удовольствіе въ юридическихъ, философскихъ и историческихъ бесѣдахъ, Медичи былъ, прежде всего, эстетикомъ, пламеннымъ поклонникомъ и довольно тонкимъ цѣнителемъ всяческой красоты. Онъ умѣлъ наслаждаться красивымъ пейзажемъ, любилъ музыку и пластическія искусства, цѣнилъ въ литературномъ произведеніи форму не ниже содержанія и, въ то же время, не забывалъ и чувственныхъ удовольствій. Къ религіознымъ вопросамъ онъ относился съ спокойнымъ равнодушіемъ, а нравственныя правила замѣнялись у него вкусами и инстинктами, которые не были лишены извѣстной тонкости и благородства, хотя и омрачались чувственностью и необузданнымъ эгоизмомъ. Этотъ совершенно новый человѣкъ сталъ во главѣ

средневѣкового учрежденія и принесъ съ собою на св. Престолъ, основанный на аскетическомъ принципѣ, всѣ достоинства и всѣ пороки современныхъ гуманистовъ.

Левъ X вступилъ на престолъ 37 лѣтъ отъ роду; но это былъ уже сильно пожившій человѣкъ, на которомъ черезчуръ весело проведенная молодость оставила замѣтные и даже болѣзненныя слѣды. Великій Рафаэль написалъ превосходный портретъ этого папы, и нѣсколько отекшее лицо, тусклые глаза и толстыя губы Льва X выдаютъ чувственную натуру эпикурейца на св. Престолѣ. Когда новый папа въ торжественной процессіи двигался къ Латерану по украшеннымъ коврами, щитами и эмблемами улицамъ, то одинъ римлянинъ выставилъ на своемъ домѣ надпись, котарая, намекая на развратнаго Александра VI и на воинственнаго Юлія II, гласила: „нѣкогда были времена Венеры, потомъ Марса, а теперь наступаютъ времена Аѳины“. Надпись на другомъ домѣ нѣсколько измѣняла ожиданія: „былъ Марсъ, теперь Аѳина, а Венера всегда останется“. Въ дѣйствительности же при Львѣ X продолжали царить въ священномъ городѣ всѣ эти божества, а кромѣ нихъ, Меркурій, Вакхъ и другія еще менѣе почтенныя фигуры языческой миѳологіи. Медичи и папою сохранилъ основной девизъ своей жизни—удовольствія; но теперь стремленія къ нимъ приняли болѣе грандіозный характеръ. Положеніе во главѣ церкви давало такія средства, какими Медичи ранѣе не располагалъ; а кромѣ того, съ годами страсть къ наслажденію все усиливалась, а способность къ нему уменьшалась, и пресыщенное чувство требовало все болѣе и болѣе сильныхъ ощущеній. Прежде всего, поклонникъ искусства и литературы сдѣлался меценатомъ музыкантовъ, художниковъ и писателей. Съ именемъ Льва X связаны величайшія имена и произведенія итальянскаго искусства; со всѣхъ сторонъ міра созывалъ онъ ученыя, художественныя и литературныя знаменитости. Импровизаторы, музыканты, буффоны, комедіанты, паяцы толпились при папскомъ дворѣ и развлекали Христова намѣстника. Особенно высоко цѣнилось остроуміе: чтобы вызвать смѣхъ, разрѣшалась грязная острота, кощунственная выходка, издѣвательство надъ Священнымъ Писаніемъ. Страсть къ веселью сдѣлалась господствующимъ стремленіемъ св. Престола. Пиры смѣнялись пикниками, банкеты охотой и рыбною ловлей, и во всемъ этомъ преемникъ св. Петра принималъ дѣятельное участіе. Папскій дворъ съ его изящными кавалерами и красивыми дамами считался самымъ веселымъ въ Европѣ. Даже на улицахъ священнаго города царилъ непрерывный карнавалъ папскихъ потѣшниковъ, которые не стѣснялись ни костюмомъ, ни жестами, ни словами. Все это видѣли своими глазами благочестивые пилигриммы изъ-за Альпъ и по возвращеніи на родину становились послѣдователями Лютера, а папа, по словамъ современника, „съ кардиналами, благородными и безъ предразсудковъ воспитанными, весьма свободно проводилъ жизнь на охотѣ, на пирахъ и банкетахъ“.

Именемъ Льва X называютъ иногда золотой вѣкъ итальянской культуры; но это названіе характеризуетъ только внѣшнее совпаденіе, а не внутреннюю связь. Веселый папа не создалъ ни одного таланта; то же самое можно сказать и о современной ему церкви. Если папство дѣйствительно воспитало средневѣковую культуру, то новая развивалась вопреки ему и въ противоположность его основамъ. Церковь XV столѣтія являлась только заказчицей въ искусствѣ и меценатомъ въ наукѣ и не замѣчала, что глубокочеловѣчная красота мадоннъ не соотвѣтствуетъ ея аскетитескимъ воззрѣніямъ и что мощная мускулатура пра-

ведниковъ — вліяніе языческаго искусства. Новое искусство, воспроизводившее любовь и жизнь, противъ которой боролось монашество, новая наука, изучавшая природу человѣка и грѣховный міръ, который отрицалъ аскетъ, подрывали самыя основы средневѣковаго папства, и меценатство Льва X было его самоубійствомъ, какъ папы. Кромѣ того, страсть къ наслажденіямъ этого преемника св. Петра подрывала его авторитетъ и по другой причинѣ. Пышныя забавы стоили очень дорого: одна кухня поглощала половину доходовъ Церковной области, и Левъ X постоянно нуждался въ деньгахъ. Обычныхъ доходовъ съ христіанской церкви и съ индульгенцій недоставало, обремененный налогами народъ не могъ покрыть всѣхъ издержекъ. Продажа церковныхъ должностей, а также утвари и сосудовъ, практиковалась въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, и одинъ современный шутникъ сострилъ въ латинскомъ двустишіи, что скоропостижно умершій папа потому умеръ безъ причастія, что заранѣе продалъ всѣ св. дары. Тѣмъ не менѣе, въ затруднительномъ положеніи папѣ приходилось прибѣгать къ экстраординарнымъ финансовымъ операціямъ. Такъ, онъ обвинилъ богатаго кардинала Петруччи въ заговорѣ противъ своей особы, и трехъ другихъ въ соучастіи. Петруччи задушили, его имущество было конфисковано, а остальные кардиналы пыткой были вынуждены заплатить колоссальный штрафъ. Затѣмъ Левъ X сразу продалъ 39 кардинальскихъ шапокъ и выручилъ за нихъ сумму, превышавшую его годовой бюджетъ. Тѣмъ не менѣе, знаменитый меценатъ умеръ неоплатнымъ должникомъ. Его тіара была продана съ молотка, и, несмотря на это, всѣ римскіе банкиры были на половину разорены вслѣдствіе банкротства расточительнаго преемника св. Петра.

Кромѣ пріобрѣтенія денегъ на удовольствія, единственнымъ стремленіемъ Льва X было доставленіе родственникамъ земель и власти. Когда онъ былъ избранъ на престолъ, его племянникъ сказалъ его брату: „насладимся папствомъ, потому что Богъ намъ далъ его", и самый беззастѣнчивый непотизмъ сдѣлался политическою задачей Льва X. Одного родственника онъ поставилъ правителемъ Флоренціи, другому хотѣлъ доставить Миланъ, третьему неаполитанскую корону, а четвертаго мечталъ даже возвести на императорскій престолъ, и для достиженія этихъ формальныхъ цѣлей не останавливался ни передъ какими средствами. Союзы за Альпами заключались подъ вліяніемъ минуты съ несомнѣнымъ расчетомъ не исполнить въ случаѣ надобности ни одного обязательства, потому что папа одновременно обѣщалъ дружбу и поддержку двумъ государямъ, которые находились во взаимной борьбѣ. Преемникъ апостола Петра игралъ святостью договора, и положиться на его слово было слѣпымъ безразсудствомъ. Въ Италіи Левъ X поступалъ еще гнуснѣе и вѣрломнѣе. Владѣтеля Перуджіи онъ пригласилъ въ Римъ, давши ему охранную грамоту, а когда тотъ явился, его подвергли пыткѣ, а потомъ обезглавили. Герцогъ Феррарскій былъ болѣе остороженъ, поэтому папа пытался подкупить начальника его гвардіи отравить своего государя.

Свѣтская политика, столь мало достойная Христова намѣстника, совершенно исчерпывала апостольское служеніе лучшаго папы этой эпохи. Пастырская забота о спасеніи душъ вѣрующихъ считалась только средствомъ къ улучшенію бюджета. Левъ X, котораго не шокировала самая грязная литература, при дворѣ котораго насмѣшка надъ религіей считалась признакомъ хорошаго тона, сохранялъ цензуру и внесъ въ индексъ запрещенныхъ книгъ трактатъ Валлы о подложности „Константи-

нова Дара", потому что эта фальсификація составляла одно изъ основаній свѣтской власти св. Престола.

Богословская дѣятельность папы исчерпывалась тѣмъ, что онъ расширилъ значеніе индульгенцій, предоставивъ вѣрующимъ выкупать умершихъ изъ чистилища, потому что такая прибавка увеличивала спросъ на сильно подешевѣвшій товаръ. Его забота о независимости церкви отъ свѣтской власти сводились къ тому, что онъ продалъ французскому королю право назначать въ своей странѣ епископовъ. До сихъ поръ остается недоказаннымъ, дѣйствительно ли Левъ X называлъ христіанство доходною басней, но это изреченіе представляетъ собою наилучшій ключъ къ пониманію его политики. Религіознаго духа больше не было въ средневѣковомъ папствѣ, абсолютная власть римскаго епископа утратила всякій смыслъ въ глазахъ половины Европы, какъ это и доказала реформація. Въ предшествующія столѣтія всякій новый религіозный порывъ возвышалъ св. Престолъ, и теперь за Альпами начиналось религіозное движеніе. За годъ до вступленія на престолъ Льва X благочестивый монахъ Мартинъ Лютеръ съ средневѣковымъ восторгомъ цѣловалъ священную почву Рима; но его поразило католическое нечестіе, и чѣмъ болѣе онъ вдумывался въ современное ему папство, тѣмъ быстрѣе росло его убѣжденіе, что римскій епископъ не намѣстникъ Христа, а врагъ Его ученія, что онъ—антихристъ. Новое религіозное движеніе съ неудержимою силою направилось противъ св. Престола и въ союзѣ съ гуманизмомъ навсегда разрушило ту культурную форму, которая извѣстна подъ именемъ средневѣковаго католицизма.

XXXII. Предшественники Реформаціи.

(По «Исторіи инквизиціи въ Средніе вѣка» Ли).

Церковь въ моментъ своего наибольшаго могущества, когда ей удалось восторжествовать даже надъ королями и императоромъ, почти неожиданно почувствовала, что противъ нея поднялся новый врагъ. Этимъ врагомъ было пробудившееся въ западно-европейскомъ человѣчествѣ сознаніе. Глубокое невѣжество, царившее въ X вѣкѣ, постепенно уступило мѣсто зарождавшемуся Возрожденію. Съ XII вѣка видны уже зачатки того пышнаго расцвѣта мысли, который и сдѣлалъ Европу страной искусства, науки и культуры. Но пробужденіе человѣческаго ума должно было сопровождаться естественнымъ пробужденіемъ духа сомнѣній и критики окружающихъ явленій.

Когда люди стали думать и разсуждать, то контрастъ между ученіями церкви и ея дѣйствіями, между призваніемъ духовенства и его образомъ жизни, не могъ не броситься имъ въ глаза. Слѣпое почтеніе къ церкви стало исчезать. Книга, подобная „Sic et non" Абеляра, гдѣ противорѣчія между традиціей и декреталіями выявлены съ неумолимой правдивостью и извлечены изъ мрака къ свѣту, не была только указаніемъ на волненіе умовъ, предшествовавшее возстанію, но богатымъ источникомъ для будущихъ событій, вызванныхъ работой мысли.

При такомъ настроеніи умовъ появился въ Валлонизѣ первый еретикъ французъ Пьеръ де-Брюи; въ 1106 г. онъ произнесъ первую ере-

тическую рѣчь противъ церкви. Напрасно прелаты изъ Эмбрена (откуда де-Брюи былъ родомъ), старались пресѣчь это зло. Ихъ борьба противъ еретика закончилась обращеніемъ къ королю за помощью. Де-Брюи былъ изгнанъ изъ своей родины и скрылся въ провинцію Гасконь, гдѣ въ теченіе двадцати лѣтъ открыто проповѣдывалъ, пользуясь огромнымъ успѣхомъ у прихожанъ. Но этому, однако, былъ положенъ конецъ: въ 1126 г. онъ былъ сожженъ живымъ въ Сенъ-Жиллѣ.

Ученіе его шло противъ завѣтовъ церкви. Онъ, напримѣръ, не признавалъ крещенія младенцевъ. „Это безполезно,—говорилъ де-Брюи,—ибо мы не можемъ передать вѣру другому, если тотъ еще не чувствуетъ въ себѣ ея присутствія“. Исходя изъ подобныхъ взглядовъ, де-Брюи считалъ также безполезными дары, милостыню, панихиды, молитвы за мертвыхъ и другія служенія, потому что каждому въ небесахъ будетъ воздано только по его заслугамъ.

Послѣ сожженія де-Брюи появился еще болѣе опасный ересіархъ, Генрихъ, монахъ изъ Лозанны. Его суровый образъ жизни въ Мансѣ создалъ ему уваженіе среди прихожанъ. Намъ мало извѣстны исповѣдуемыя имъ въ это время доктрины, но мы знаемъ, что онъ не признавалъ святыхъ, а сила его краснорѣчія была такова, что женщины, возбужденныя его обличеніями, отказывались отъ роскоши и драгоцѣнностей.

Проповѣдуя аскетическую и добродѣтельную жизнь, онъ съ такой силой обрушивался на пороки духовенства, что еслибы не поддержка дворянъ, то духовные этого прихода были бы уничтожены. Изгнанный изъ Манса, онъ нѣкоторое время проповѣдывалъ въ Пуатье, Бордо и Арлѣ, пока въ 1134 его не доставили къ папѣ Иннокентію II въ Пизу. Тамъ онъ былъ признанъ еретикомъ и присужденъ къ тюремному заключенію.

Болѣе важные и длительные результаты дало движеніе, невольнымъ иниціаторомъ котораго былъ Пьеръ Вальдо изъ Ліона, во второй половинѣ XII вѣка.

Это былъ богатый, необразованный торговецъ, желавшій узнать святыя истины Писанія. Для этой цѣли онъ заказалъ переводъ Новаго Завѣта и извлеченій изъ поученій св. отцовъ, извѣстныхъ подъ именемъ сентенцій. Онъ съ жаромъ принялся за ихъ изученіе, вытвердилъ ихъ наизусть, и проникся убѣжденіемъ, что никто изъ его современниковъ не придерживается апостольской жизни, какъ этому училъ Іисусъ. Съ этого времени онъ проповѣдывалъ евангеліе на улицахъ и дорогахъ, разсылая многочисленныхъ послѣдователей, мужчинъ и женщинъ, въ сосѣдніе города. Эти проповѣдники носили апостольскій костюмъ и сандаліи, называя себя „ліонскими бѣдняками“. Они распространяли опасныя доктрины и энергично нападали на духовенство. Однако въ 1179 г. „ліонскіе бѣдняки“ присутствовали на соборѣ въ Латеранѣ, представили ему свои толкованія св. писанія и получили разрѣшеніе проповѣдывать. Они хотѣли добиться отъ Рима позволенія на основаніе ордена проповѣдниковъ, но папа Луцій III отказалъ имъ, ссылаясь на ихъ костюмъ и совмѣстныя съ женщинами собранія.

Въ 1184 г. раздраженный ихъ упрямствомъ папа предалъ ихъ анаѳемѣ.

Вальденсы,—такъ стали называться послѣдователи Вальдо,—думали, что повиноваться нужно только добрымъ пастырямъ, ведущимъ настоящую, апостольскую жизнь, и только эти безупречные пастыри имѣютъ право на духовное руководительство. Такая доктрина наносила смертельный ударъ римской церкви. Если только личныя достоинства, а не посвященіе

въ духовный санъ, давали право освящать и благословлять, то каждый примѣрной жизни человѣкъ имѣлъ на это право.

Все это диктовалось наивнымъ и искреннимъ желаніемъ повиноваться велѣніямъ Христа и жить согласно Евангелію. Еслибы эти принципы получили универсальное распространеніе, то церковь приняла бы видъ бѣдной, апостольской обители, и исчезли бы тренія между духовенствомъ и міpянами.

„Ліонскіе бѣдняки" были одушевлены такой вѣрой, они были такъ неумолимы, усердны, какъ истинные миссіонеры. Преданность идеѣ была въ нихъ безгранична, и населеніе, особенно низшіе классы, показывало имъ дружескій пріемъ. Оно радо было освободиться отъ пороковъ и тираніи духовенства.

Странный характеръ религіознаго чувства этой эпохи, создавшій сильную вражду къ Риму, породилъ и другія секты и, между прочимъ, катаровъ или альбигойцевъ. Въ ученіи послѣднихъ было многое заимствовано изъ древняго манихейства. Объясненіе этого факта кроется, вѣроятно, въ томъ обаяніи, какимъ владѣетъ дуалистическая доктрина, говорящая о вѣчномъ антагонизмѣ между принципами добра и зла. Она покоряла тѣ умы, которые считали несовмѣстимымъ существованіе зла съ существованіемь безконечно добраго и могущественнаго Бога. Манихейство, однако, не было догмой или теоріей у катаровъ или у альбигойцевъ, а превратилось въ фанатическую, полную энтузіазма вѣру, благодаря которой люди шли на костеръ съ ясной улыбкой. Глубокое, очень распространенное убѣжденіе въ тщеславіи католическаго духовенства, въ его скоромъ паденіи и въ торжествѣ новой религіи въ широкой мѣрѣ способствовали этому безкорыстному увлеченію бѣдныхъ и невѣжественныхъ людей, зажженному въ ихъ умахъ доктриной неодуализма.

Изъ всѣхъ ересей, съ которыми должна была бороться церковь, ни одна не вызывала столько опасеній и вражды, какъ эта. Церковь инстинктивно почувствовала въ ней сильнѣйшую для себя опасность и вскорѣ стала безпощадно преслѣдовать ее.

Еще замѣчательнѣе, какъ симптомъ народнаго настроенія, было появленіе флагеллантовъ (бичующихся). Внезапно, безъ всякой видимой причины въ 1259 г. все населеніе Перузы было охвачено какъ бы бѣшенствомъ покаянія. Вскорѣ вся сѣверная Италія покрылась десятками тысячъ бичующихся. Дворяне и крестьяне, молодые и старые, даже пятилѣтнія дѣти, всѣ ходили попарно рядами, образуя торжественныя процессіи. Обнаженные до пояса, они съ плачемъ и мольбой взывали къ божьему милосердію, стягая себя до крови бичами изъ мѣди. Женщины истязали себя дома. Мужчины же въ стужу день и ночь бродили по городамъ. Впереди ихъ шли даже священники съ крестами. Они заходили въ церкви и простирались предъ святынями. Историкъ этой эпохи говоритъ намъ, что въ долинахъ и горахъ раздавалось эхо голосовъ грѣшниковъ, взывавшихъ къ Богу, что музыка и пѣсни любви прекратились повсюду. Всеобщее увлеченіе покаяніемъ охватило народъ. Воры возвращали свою добычу, преступники каялись и отказывались отъ своихъ пороковъ, двери тюремъ открывались, убійцы сами доносили на себя, на колѣняхъ прося прощенія у своихъ жертвъ или у ихъ родныхъ, и тѣ со слезами прощали ихъ; изгнанники были возвращены на родину. Вездѣ небеснымъ огнемъ сіяла божественная доброта людей.

Движеніе разрасталось и дошло, черезъ Германію, до Богеміи. Но всѣ смутныя надежды, которыя внушало это движеніе, не оправдались, и

потому оно исчезло такъ же быстро, какъ и зародилось, будучи къ тому же еще объявлено еретическимъ.

То же явленіе повторилось черезъ сто лѣтъ въ Германіи: въ 1349 г. снова появились флагелланты. Глубокій ужасъ народа, порожденный чумой, вызвалъ снова порывъ покаянія. Хотя Германія пострадала отъ чумы гораздо меньше другихъ странъ,—она потеряла едва только четверть своего населенія,—но настроеніе народныхъ массъ было очень тревожное еще и благодаря землетрясеніямъ, этимъ зловѣщимъ признакамъ божьяго гнѣва противъ рода человѣческаго.

Въ это именно время и появляются снова банды флагеллантовъ, управляемыя начальникомъ и двумя лейтенантами. Имъ строго запрещено было нищенствовать. Всякій, кто обѣщалъ повиновеніе капитану и имѣлъ на пропитаніе *четыре пфеннига* въ день, принимался въ орденъ. Населеніе, впрочемъ, предлагало имъ всегда пріютъ, но флагелланты имѣли право принять его только на одну ночь. Отъ Польши до Рейна процессіи флагеллантовъ встрѣчали мало препятствій, только въ Эрфуртѣ ихъ не впустили въ городъ, а въ Магдебургѣ архіепископъ Ото ихъ прогналъ. Они распространились во Фландріи и Голландіи, но во Франціи Филиппъ де-Валуа не пропустилъ ихъ дальше Труа. Для общественнаго порядка они представляли большую опасность; когда въ Страсбургѣ флагелланты пожелали образовать братство, Карлъ IV, находящійся тамъ, энергично воспротивился этому.

Къ концу XIII и къ началу XIV вѣка вниманіе правовѣрныхъ было привлечено нѣкоторыми доктринами, получившими свое распространеніе между полурелигіозными корпораціями, которыя долго пользовались расположеніемъ религіозныхъ людей и покровительствомъ церкви. Эти конгрегаціи были извѣстны подъ именемъ бегардовъ и доллардовъ. Было затрачено много времени и знаній, чтобы отыскать происхожденіе этихъ словъ. Въ концѣ концовъ нашли, что самое вѣрное предположеніе относительно названія бегардовъ будетъ то, что слово бегарды произошло отъ стараго нѣмецкаго слова beggan, что значитъ попрошайничать, просить; въ названіи лолларды нашли слово lullen, что̀ означаетъ бормотать молитвы. Въ народѣ эти названія часто смѣшивались и путались. Между ними существовала, однако, разница. Ассоціація лоллардовъ возникла около 1300 г. въ Антверпенѣ, во время чумы. Она состояла изъ свѣтскихъ лицъ, отдавшихся уходу за больными и занявшихся въ то же время погребеніемъ мертвыхъ. Деньги они добывами то работой, то подаяніемъ. Названіе лоллардовъ было мало-по-малу приложено ко всѣмъ нищенствующимъ, проявляющимъ только внѣшнюю святость. Ихъ, какъ и бегардовъ, преслѣдовали, хотя городскіе магистраты и старались за нихъ заступаться. Въ 1472 г. Карлъ Смѣлый добился у Сикста IV буллы, признавшей одну изъ ихъ ассоціацій, целлтовъ [1]), религіознымъ орденомъ и тѣмъ освободившей ихъ отъ епископальной юрисдикціи. А въ 1506 г. папа Юлій II даровалъ имъ уже и особыя привиллегіи.

Въ Чехіи-же ересь имѣла своего представителя въ лицѣ перваго по времени предшественника Гуса, Конрада Вальдгаузена, умершаго въ 1369 году.

Конрадъ Вальдгаузенъ придерживался строгой ортодоксальности въ религіи, но въ своихъ проповѣдяхъ поносилъ недостатки духовенства и особенно ордена Нищенствующихъ, что производило глубокое впеча-

---

[1]) Отъ слова „celure"—келья.

тлѣніе на слушателей. Болѣе вліятельнымъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ Миличъ изъ Кремзира, который въ 1363 г. сложилъ съ себя обязанности личнаго секретаря императора, какъ и функцію „корректора“, возложенную на него архіепископомъ Эрнестомъ, и многія другія доходныя должности съ тѣмъ, чтобы посвятить себя исключительно проповѣди. Его рѣчи на чешскомъ, нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ были полны смѣлыхъ нападокъ на преступленія духовенства и общества.

Въ январѣ 1374 г. духовенство добилось отъ папы Григорія XI буллы, объявлявшей Милича закоренѣлымъ еретикомъ, распространившимъ ересь своихъ ученій по всей Богеміи, Польшѣ и Силезіи. По мнѣнію его обвинителей, Миличъ не ограничивался тѣмъ, что объявлялъ свершившееся уже по его мнѣнію пришествіе Антихриста и смерть Церкви, громилъ ослѣпленіе папы, кардиналовъ, прелатовъ и епископовъ, не видящихъ истиннаго положенія вещей. Миличъ шелъ еще дальше, говорили они, позволяя своимъ ученикамъ предаваться порокамъ. Но Миличъ продолжалъ свое дѣло, пока инквизиторскія преслѣдованія не положили этому предѣла. Тогда онъ послалъ воззваніе къ папѣ. Во время поста, въ 1374 г. онъ отправился въ Авиньонъ, безъ труда доказалъ свою невиновность и былъ допущенъ 21 мая къ проповѣди предъ кардиналами. Онъ умеръ 29 іюня до объявленія формальнаго о немъ рѣшенія.

Духъ возмущенія и агитаціи того времени не выражался только въ указаніяхъ на злоупотребленія и пороки духовенства. Многіе шли дальше и стали сомнѣваться въ тѣхъ догмахъ, которыя почитались и служили первоисточникомъ этихъ злоупотребленій. Въ синодѣ 1384 г. однимъ изъ предметовъ обсужденія былъ вопросъ о томъ, могутъ ли святые знать о молитвахъ, къ нимъ обращенныхъ, и можетъ ли вѣрующій разсчитывать на ихъ помощь. Одинъ фактъ обсужденія такого вопроса указываетъ на смѣлость мысли того времени.

Наиболѣе яркимъ представителемъ этого теченія былъ Матвѣй изъ Янова, знанія котораго использовалъ архіепископъ Іоаннъ изъ Енценштейна въ своихъ попыткахъ реформировать духовенство. Матвѣй вынужденъ былъ изучить причины злоупотребленій въ духовной средѣ и дошелъ до проповѣди такой ереси, что даже заступничество самого епископа не защитило его вполнѣ отъ послѣдствій его дерзкой выходки. Въ синодѣ 1389 г. онъ публично отрицалъ нѣкоторые церковные обычаи. Заблужденія, которыя онъ бичевалъ, заключались въ томъ, что, по его мнѣнію, изображеніе Христа и святыхъ возбуждало идолопоклонство, что эти изображенія слѣдуетъ удалить изъ церквей или сжечь. Онъ шелъ еще дальше и отрицалъ значеніе мощей и вѣру въ заступничество святыхъ. Считая обязательнымъ для всѣхъ вѣрующихъ ежедневное причастіе, онъ предвѣщалъ жгучій вопросъ объ Евхаристіи, который долженъ былъ сыграть такую важную роль въ движеніи гуситовъ.

Помимо этихъ только что упомянутыхъ славянскихъ предшественниковъ Гуса, были еще и другіе смѣлые люди въ Чехіи, которые открывали путь къ грядущему церковному перевороту.

Пока Богемія была театромъ этого движенія, исхода котораго никто не могъ предвидѣть, движеніе такого же характера, но развивавшееся съ большей быстротой, возникло въ Англіи. Оно должно было оказать рѣшительное вліяніе на послѣдніе результаты движенія.

Со времени установленія теократіи Григорія VII іерархія никогда еще не подвергалась такой опасности, какъ во время нападокъ на нее

Джона Виклеффа. Въ первый разъ случилось, что опытный схоластикъ, одаренный необыкновенно сильнымъ, проницательнымъ умомъ, съ глубокими познаніями въ области философіи и теологіи всѣхъ школъ и направленій, осмѣлился поднять вопросъ о владычествѣ церкви.

Онъ установилъ философскую систему, принаровленную къ вкусамъ и умственному развитію той эпохи. Секретъ вліянія его заключался въ умѣло составленныхъ заключеніяхъ и выводахъ, проникнутыхъ искреннимъ и добросовѣстнымъ исканіемъ истины. Свои взгляды Виклеффъ развивалъ постепенно, переходя послѣдовательно отъ одного пункта доктрины къ другому, не щадя ни монаха, ни прелата. Цѣлью его было, можетъ быть, скорѣе просвѣтить бѣдныхъ, чѣмъ произвести впечатлѣніе на сильныхъ міра сего, но люди всѣхъ состояній, начиная съ крестьянина и кончая схоластикомъ, признавали въ немъ своего вождя, который старался сдѣлать ихъ лучшими и болѣе сильными. Его вліяніе было длительно, проникло во всѣ школы. Имя этого еретика стало синонимомъ бунта противъ церкви, и простые испанскіе и германскіе вальденсы стали называться общей кличкой виклеффистовъ. Однако жизнеспособностью своего ученія онъ обязанъ своимъ ученикамъ-богемцамъ; въ его же собственной странѣ, послѣ короткаго періода быстраго развитія, теоріи его были окончательно погребены усиліями церкви и государства.

Ересь Гуса была почти во всѣхъ деталяхъ скопирована съ доктрины его учителя Виклеффа. Чтобы понять характеръ гуситскаго движенія, нужно бросить взглядъ на идеи англійскаго реформатора. Четыре года спустя послѣ смерти Виклеффа между 1388—1389 годами противъ учениковъ его выставили обвиненіе изъ двадцати пяти пунктовъ. Отвѣтъ ихъ, написанный на англійскомъ языкѣ, давалъ въ то же время и резюме ихъ доктрины.

Вотъ въ общихъ чертахъ сущность ученія Виклеффа по документу виклеффистовъ.

Папы того времени были воплощеніемъ Антихриста. Вся іерархія, начиная отъ папы и кончая простыми священниками, предается проклятію вслѣдствіе ея жадности, жестокости, жажды власти и порочности. Если духовенство не исправится, „то оно будетъ проклято еще больше, чѣмъ Іуда Искаріотъ“. Папѣ не слѣдуетъ повиноваться, и его декреталіи не имѣютъ никакого значенія. Отлученіе, произнесенное папой или епископами, должно быть игнорировано. Индульгенціи, такъ широко распространяемыя за деньги, или за оплату услугъ крестоносцевъ, есть мошенничество и обманъ. Однако, „власть надъ ключами“ остается по этому документу въ рукахъ духовенства „Конечно,—гласитъ онъ,—если святые отцы достойной жизни, изучившіе Св. Писаніе, держатъ въ своихъ рукахъ ключи отъ небесъ и являются викаріями Іисуса Христа, то зато порочные священники, полные гордости и похотливости, хранятъ ключи отъ ада и состоятъ викаріями Сатаны“.

Исповѣдь предъ священникомъ можетъ быть полезна, но не необходима, потому что люди должны довѣряться Христу. Поклоненіе образамъ противорѣчитъ божественному закону. Обращаться къ святымъ безполезно, наилучшіе изъ нихъ должны подчиниться Богу, а тѣ, къ которымъ ежедневно обращаются въ молитвахъ, находятся, большей частью, въ аду. То же самое относится и до празднованія святыхъ. Можно праздновать только апостоловъ и первыхъ святыхъ. Пѣніе должно быть удалено изъ церкви. Молитва внѣ церкви такъ же полезна, какъ и внутри ея, потому что церкви—не суть святость. Церковь должна быть лишена

всѣхъ имуществъ. Члены ея должны имѣть все общее, необходимое для жизни, вслѣдствіе чего не нужно платить священникамъ. Духовенство скверно поступаетъ, если за исполненіе своихъ обязанностей беретъ плату. Однако, духовное лицо можетъ заработать себѣ на жизнь честнымъ трудомъ: преподаваніемъ или, напримѣръ, переплетнымъ ремесломъ. Собираніе денегъ во время богослуженія можетъ быть допущено, но лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы прихожанинъ не надѣялся этимъ средствомъ получить больше, чѣмъ заслужилъ за свое пожертвованіе.

Виклеффисты защищали самымъ энергичнымъ образомъ всѣ доктрины, которыя имъ ставили въ вину, и только двухъ пунктовъ обвиненія не признавали. Теорія Виклеффа такъ походила на теорію вальденсовъ, что вполнѣ понятно, когда вѣрующіе приписывали виклеффистамъ два важныхъ заблужденія вальденсовъ: одно — будто присяга противна божественному закону, а другое—запрещеніе священнику, согрѣшившему въ чемъ-либо, совершать святыя таинства.

Виклеффистамъ приписывали также мнѣніе Франгичелли, очень распространенное и вліятельное тогда, объ отказѣ отъ всѣхъ земныхъ благъ для спасенія души. Они не признавали и этого обвиненія, находя, что человѣкъ вправѣ наживать и получать доходы честнымъ путемъ, лишь бы онъ съ пользой употреблялъ пріобрѣтаемое.

Въ исторіи нѣтъ примѣра болѣе счастливаго и полнаго успѣха въ пропагандѣ ереси, чѣмъ успѣхъ ученія Виклеффа. Этимъ, между прочимъ, и объясняется, почему его доктрины получили такое быстрое распространеніе въ Богеміи и встрѣтили тамъ такое снисходительное къ себѣ отношеніе. И самъ Гусъ такъ искренно вѣрилъ въ нихъ, что отказывался признать себя еретикомъ.

Однако, въ 1377 г. Григорій XI встревожился, узнавъ, что Виклеффъ способствуетъ тому, чтобы Эдуардъ III сократилъ доходы духовенства, и приказалъ преслѣдовать его, какъ еретика. Но вслѣдствіе политическаго состоянія страны, всѣ усилія, прилагаемыя для того, чтобы выполнить этотъ приказъ, оставались тщетными. Виклеффъ не былъ даже отлученъ и умеръ спокойно у себя въ Леттерворшѣ, 31 декабря 1384 г.

Въ Римѣ не предпринимали ничего до тѣхъ поръ, пока не зашелъ вопросъ о виклеффской ереси въ Прагѣ. Въ 1409 г. Александръ V приказалъ архіепископу Сбынеку запретить пропаганду ученій и чтеніе книгъ Виклеффа; тѣмъ не менѣе въ 1410 г., когда Іоаннъ XXIII отдалъ еретическія писанія на разсмотрѣніе коммиссіи изъ четырехъ кардиналовъ, которые созвали собраніе теологовъ для совмѣстнаго прочтенія этихъ произведеній, большинство заявило, что архіепископъ Сбынекъ не имѣлъ основанія сжечь эти книги. Только въ 1413 г. соборъ Рима произнесъ формальное осужденіе, а въ 1415 г. соборъ Констанца призналъ Виклеффа еретикомъ, приказавъ вырыть его останки и заклеймить его ученіе отъ имени Вселенской церкви.

Но Гусъ настолько находился подъ вліяніемъ этого новаго церковнаго ученія, что могъ до конца своей жизни вѣрить въ ложныя письма, доставленныя изъ Праги въ 1403 г., въ которыхъ оксфордскій университетъ признавалъ якобы Виклеффа истиннымъ сыномъ церкви.

Бракъ Анны Люксембургской, сестры Венцеслава Богемскаго, съ Ричардомъ II, англійскимъ королемъ въ 1382 г., содѣйствовалъ усиленію между Чехіей и Англіей сношеній, которыя продолжались до смерти королевы въ 1394 г. Многіе богемцы находились въ Англіи въ моментъ агитаціи, произведенной споромъ между сторонниками и противниками

Виклеффа. Рукописи этого еретика были привезены въ Прагу и приняты населеніемъ съ симпатіей. Гусъ говоритъ, что съ 1390 г. ихъ читали въ пражскомъ университетѣ и стали изучать съ тѣхъ поръ. До сихъ поръ ни одинъ богемецъ не шелъ такъ далеко въ своей ереси, какъ смѣлый англичанинъ. Однако, многіе люди шли тѣмъ же путемъ, не считая тѣхъ, кто тайно исповѣдывалъ вальденскую доктрину, еретиками, и кромѣ того, еретически настроено было также и нѣмецкое населеніе страны, раздраженное распущенностью духовенства и торгомъ индульгенціями, запятнавшимъ въ послѣдніе годы жизни Бонифація IX. Движеніе это, которое съ середины столѣтія прогрессивно развивалось, получило новый толчекъ, когда труды Виклеффа въ безчисленныхъ копіяхъ читались и распространялись по странѣ. Спросъ былъ такъ великъ, что писанія англійскаго еретика разыскивались съ необыкновенной жадностью. Со временемъ Виклеффа стали чтить въ Чехіи, какъ пятаго Евангелиста, и здѣсь какъ святыню хранили кусочекъ земли съ его могилы.

XXXIII. Янъ Гусъ.

(По „Исторіи инквизиціи въ Средніе вѣка" Ли).

Янъ изъ Гусинца, извѣстный подъ именемъ Гуса, былъ главнымъ представителемъ и первымъ мученикомъ виклеффизма въ Богеміи. Онъ родился въ 1369 г. отъ бѣдныхъ родителей и вынужденъ былъ самъ зарабатывать себѣ на хлѣбъ. Получивъ въ 1393 г. степень бакалавра искусства, въ 1394 г. бакалавра теологіи, въ 1396 г. степень учителя искусствъ, онъ не добился, однако, званія доктора, хотя въ 1398 г. и считался „лекторомъ" въ университетѣ. Въ 1401 г. онъ сталъ деканомъ теологическаго факультета, а въ 1402 г. ректоромъ. Эти успѣхи его нисколько не предвѣщали его будущей карьеры реформатора. Въ 1392 г. онъ истратилъ послѣдній запасъ денегъ на покупку индульгенціи, кормясь впроголодь, однимъ только сухимъ хлѣбомъ. Въ 1400 г. онъ сталъ священникомъ, а черезъ два года его назначили проповѣдникомъ въ Виѳлеемской часовнѣ. Здѣсь онъ обнаружилъ необычайное краснорѣчіе, благодаря чему скоро сталъ духовнымъ вождемъ народа. Изученіе писаній Виклеффа, начатое имъ немного позже этого времени, заставило его живо почувствовать всѣ пороки развращенной римской церкви. Когда въ 1403 г. Гусъ былъ назначенъ пражскимъ архіепископомъ Сбынекомъ въ проповѣдники ежегодныхъ синодовъ, то онъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы обратиться къ собравшемуся духовенству съ жестокими обвиненіями въ постыдномъ образѣ жизни, вызывающемъ ненависть и презрѣніе народа къ духовнымъ лицамъ. Вслѣдствіе особенно рѣзкихъ нападокъ въ 1407 г. поднялся бѣшеный ропотъ противъ Гуса въ духовенствѣ, которое и принесло формальную жалобу на него архіепископу Сбынеку. Результатомъ этой жалобы явилось то, что Гусъ потерялъ свое мѣсто проповѣдника. Въ это время онъ считался уже признаннымъ вождемъ партіи, старавшейся очистить церковь отъ пороковъ и привести ее къ древней простотѣ.

Гуса окружали люди науки и большой набожности, какъ Стефанъ Палечъ, Станиславъ Знаимскій, Янъ изъ Есница, Іеронимъ Пражскій и

другіе. Гусъ уступалъ своей интеллигентностью нѣкоторымъ изъ нихъ, но его безстрашіе, непоколебимая честность характера, чистота его жизни и врожденная мягкость души сдѣлали его очень чтимымъ въ народѣ.

Споры и страсти разгорались. Старая ненависть и соперничество между нѣмецкой и чешской націями еще больше обостряли религіозныя распри, которыя уже ничѣмъ нельзя было успокоить. Благодаря своимъ порокамъ, духовенство потеряло уваженіе народа, и народъ съ жадностью слушалъ пламенныя рѣчи проповѣдника въ Виѳлеемской часовнѣ.

Король Венцеславъ, несмотря на черствость своего характера и на свой эгоизмъ, былъ склоненъ оказать поддержку борцамъ за чистоту церкви. Королева же Софья была еще благопріятнѣе настроена въ этомъ смыслѣ. Но духовенство не могло допустить, чтобы его лишили привиллегій и богатствъ, хотя со времени великаго раскола, который ослабилъ вліяніе римской куріи, всякое вмѣшательство святого Престола въ защиту интересовъ духовенства было менѣе дѣйствительно.

Противъ писаній Виклеффа, какъ главной загвоздки, повелась свирѣпая травля, которая наткнулась на отчаянное сопротивленіе. Слабая сторона писаній англійскаго реформатора, съ точки зрѣнія теологіи, заключалась въ отрицаніи пресуществленія въ таинствѣ Евхаристіи и въ допущеніи вмѣсто него лишь соприсутствія съ хлѣбомъ и виномъ Христовыхъ тѣла и крови. Хотя эта доктрина была отвергнута Гусомъ и его учениками, но она считалась все-таки въ нѣкоторомъ родѣ той плохо защищенной дверью, черезъ которую можно было пройти и побѣдить ученіе виклеффистовъ. И вотъ синодъ 1405 г. утвердилъ догму пресуществленія въ самой абсолютной формѣ, а еще въ 1403 г. университетъ формально осудилъ двадцать пять пунктовъ, взятые изъ произведеній Виклеффа. Изъ-за книгъ Виклеффа возгорѣлась отчаянная борьба. Однако, осужденіе этихъ еретическихъ писаній было возобновлено въ 1408 году, а въ 1410 г. архіепископъ Сбынекъ торжественно сжегъ посреди двора своего замка двѣсти экземпляровъ осужденныхъ писаній. Народъ мстилъ тѣмъ, что пѣлъ по улицамъ грубые припѣвы: „Прелатъ не грамотенъ и не умѣетъ читать, поэтому онъ сжегъ писанія“. Таково было содержаніе пѣсенъ.

Въ загорѣвшейся къ этому времени борьбѣ соперничавшихъ между собою папъ, Венцеславъ изъ политическихъ соображеній считалъ выгоднымъ для себя занимать среднюю позицію. Въ 1408 г. онъ настоялъ на посылкѣ университетомъ делегатовъ къ кардиналамъ, которые отказались присягать какъ Бенедикту XIII, такъ и Григорію XII. Въ посланную миссію вошли Стефанъ Палечъ и Станиславъ Знаимскій, но въ Болоньѣ делегація цѣликомъ попала въ руки Бальтазара Косса, папскаго легата, (впослѣдствіи папы Іоанна XXIII), который бросилъ ихъ всѣхъ въ тюрьму, какъ заподозрѣнныхъ въ ереси. Съ большимъ трудомъ добились ихъ освобожденія. Это событіе охладило пылъ Стефана Палеча и Станислава Знаимскаго, они мало по малу измѣнили свое мнѣніе и изъ самыхъ горячихъ друзей Гуса стали самыми опасными и непримиримыми его врагами.

При такихъ обстоятельствахъ и пражскій университетъ не особенно охотно поддерживалъ примирительныя стремленія короля, на что онъ такъ надѣялся.

Гусъ воспользовался неудовольствіемъ короля Венцеслава, чтобы произвести переворотъ въ этомъ учрежденіи, которое до сихъ поръ служило самымъ большимъ препятствіемъ къ выполненію его плановъ реформы. Пражскій университетъ былъ, по обыкновенію, раздѣленъ на че-

тыре „націи“ [1]). Каждая изъ нихъ имѣла по одному голосу, такъ что богемцы были всегда въ меньшинствѣ, благодаря вотуму остальныхъ націй.

Венцеславу посовѣтовали сорганизовать пражскій университетъ по образцу парижскаго университета, гдѣ французы имѣли три голоса, а всѣ иностранныя націи вмѣстѣ — только одинъ. Но Венцеславъ долго колебался со своимъ рѣшеніемъ и подписалъ декретъ лишь въ январѣ 1409 г. Нѣмецкіе студенты и профессоры поклялись тогда получить свои прежнія права или оставить университетъ. Ихъ протесты были напрасны, и тогда они, выселившись, основали новый университетъ въ Лейпцигѣ и распространили по всей Европѣ слухъ, что Богемія превратилась въ гнѣздо ереси.

Уходъ нѣмецкихъ студентовъ и профессоровъ былъ благопріятенъ для Гуса и его сторонниковъ. Запруда была сломана, волны виклеффизма затопили страну безпрепятственно. Напрасно папа Александръ V приказывалъ архіепископу Сбынеку искоренить ересь, напрасно воинственный прелатъ устраивалъ собранія и издавалъ декреты. Волна росла, унося все на своемъ пути.

Между тѣмъ, когда въ Прагѣ преслѣдованія сторонниковъ религіозныхъ сектъ стали учащаться, и римская курія, казалось, прочно внѣдрила здѣсь пріемы инквизиціи, Гусъ нерѣдко открыто защищалъ преслѣдуемыхъ. Такое поведеніе настолько повредило Гусу, что, какъ на одно изъ обвиненій, предъявленныхъ ему въ Констанцѣ, служители католической церкви указывали на его расположеніе къ вальденсамъ и другимъ еретикамъ.

Въ 1410 г. новый папа Іоаннъ XXIII, на другой день послѣ вступленія на престолъ, передалъ кардиналу Оттону Колоннѣ жалобы на Гуса, присланныя въ Римъ.

20 сентября Колонна пригласилъ Гуса явиться лично. Гусъ послалъ делегатовъ къ папѣ съ жалобой на дѣйствія кардинала, но ихъ бросили въ тюрьму и обходились съ ними сурово. Гусъ еще не успѣлъ получить отъ папы отвѣта на свой протестъ, какъ въ февралѣ 1411 г. Колонна отлучилъ его отъ церкви. 15 марта отлученіе было объявлено во всѣхъ церквахъ Праги, исключая двухъ.

Народъ взялъ сторону Гуса, съ презрѣніемъ отнесясь къ запрещенію, распространенному по всему городу, слушать еретика, и Гусъ могъ свободно проповѣдывать. Въ это угрожающее время произошло событіе, которое вызвало новый взрывъ. Іоаннъ XXIII объявилъ крестовый походъ, устроенный на деньги, вырученныя отъ продажи индульгенцій, противъ Владислава Неаполитанскаго, который поддерживалъ требованія папы Григорія XII. Еще во времена Виклеффа крестовый походъ былъ одной изъ причинъ враждебности англійскаго реформатора къ папѣ. Теперь же чехи выражали явное неудовольствіе. Но Стефанъ Палечъ, бывшій деканомъ на теологическомъ факультетѣ, послѣ пребыванія въ болонской тюрьмѣ, побоялся идти противъ Іоанна XXIII и заявилъ, что ничья власть не позволитъ противиться печатанію индульгенцій.

[1]) Четыре націи, изъ которыхъ состоялъ пражскій университетъ, были: чешская, польская, баварская и саксонская. На сторонѣ двухъ послѣднихъ нѣмецкихъ націй были поляки, такъ какъ они въ большинствѣ случаевъ являлись уроженцами Пруссіи, Помераніи и Силезіи. *Примѣч. Ред.*

Болѣе смѣлый Гусъ вступилъ съ нимъ въ споръ, послѣ чего ихъ дружба перешла въ ненависть, принесшую потомъ горькіе плоды. 16 іюня 1412 г. Гусъ выступилъ публично съ рѣчью, въ которой нападалъ съ необыкновенной силой и краснорѣчіемъ на главное основаніе папской системы — на продажу индульгенцій. Эта рѣчь вызвала взрывъ энтузіазма въ народѣ и протесты противъ продажи въ Прагѣ индульгенцій папскими комиссарами.

Нѣсколько дней спустя послѣ рѣчи Гуса, толпа, предводительствуемая Вокомъ изъ Вальдштейна, любимцемъ короля Венцеслава, устроила публичное сожженіе папскихъ буллъ. Никакое наказаніе не постигло зачинщиковъ этой выходки, а Вокъ изъ Вальдштейна продолжалъ по прежнему пользоваться дружбой короля. Пораженіе папы было полное. Настроеніе населенія вполнѣ выразилось 12 іюля, когда въ трехъ различныхъ церквахъ трое молодыхъ рабочихъ: Мартинъ, Янъ и Станиславъ прервали проповѣдниковъ, восхвалявшихъ индульгенціи, и заявили, что индульгенціи—это обманъ.

Они были арестованы и казнены, несмотря на заступничество Гуса, принявшаго даже добровольно ихъ вину на себя. Но помимо этихъ трехъ казней, движеніе, вызванное проповѣдью Гуса, стоило еще многихъ жертвъ. Народъ велъ себя угрожающе. Трехъ молодыхъ людей, этихъ первыхъ жертвъ гуситства, стали чтить, какъ мучениковъ. Вспыхнули волненія, и духовенство вынуждено было освободить другихъ арестованныхъ.

Король Венцеславъ тщетно старался унять безпорядки, во время которыхъ разгорались дикія страсти и ненависть между нѣмцами и чехами. Первая половина 1413 г. была полна смуты, споровъ, рѣчей, и возстановить порядокъ казалось невозможнымъ.

Гусъ и его сторонники такимъ образомъ оказались хозяевами положенія. Поселившись въ это время въ мѣстечкѣ Козій Градекъ, гдѣ имъ было написано нѣсколько выдающихся богословскихъ трактатовъ, Гусъ уже болѣе не посѣщалъ Праги, за однимъ лишь исключеніемъ, когда по дорогѣ въ Констанцъ, на соборъ, онъ заѣхалъ въ столицу Чехіи, для присутствованія на мѣстномъ синодѣ и полученія отъ короля грамоты, гарантирующей ему неприкосновенность.

Гусъ не лгалъ, когда на соборѣ въ Констанцѣ, гдѣ онъ произносилъ обличительныя рѣчи, сказалъ: „Я пришелъ сюда добровольно. Если бы я не желалъ прійти, то ни король, ни императоръ, не могли бы заставить меня это сдѣлать: такъ много есть благородныхъ богемцевъ, которые любятъ меня и защитили бы меня". Когда кардиналъ Пьеръ д'Элли вскричалъ съ негодованіемъ: „взгляните, какъ нахаленъ этотъ человѣкъ!" и во всемъ собраніи раздался шепотъ, всталъ Янъ Хлумскій и сказалъ: „Слова Гуса вѣрны. Хотя у меня мало власти по сравненію съ другими сеньорами Богеміи, но я легко стану защищать Гуса въ теченіе года противъ всесильной власти двухъ монарховъ. Судите же по этому примѣру, на что способны тѣ, силы которыхъ больше моихъ и замки которыхъ крѣпче моихъ".

Въ то время, какъ въ Богеміи защитники стараго порядка вещей были осуждены на безмолвіе, и враги ихъ собирались оздоровить нравы духовенства, повсюду распространилась молва, что будетъ созванъ соборъ, который положитъ конецъ великому расколу, реформируетъ церковь и уничтожитъ ересь. Само духовенство сознавало, что ему нужны реформы, нужно было также и побороть ересь. И избранный императоромъ Сигизмундъ, братъ Венцеслава, былъ живо заинтересованъ въ успокоеніи страны.

Сигизмундъ избралъ мѣстомъ совѣщанія служителей католической церкви Констанцъ, и папа, послѣ долгихъ препирательствъ съ императоромъ по этому поводу, вынужденъ былъ подъ вліяніемъ Владислава Неаполитанскаго, грозившаго выселить его изъ Рима, если онъ не уступитъ Сигизмунду, согласиться на созваніе собора.

9 декабря 1413 г. Іоаннъ XXIII выпустилъ буллу, въ которой назначилъ соборъ на 1 ноября слѣдующаго года, съ приказомъ собраться всѣмъ прелатамъ и всѣмъ религіознымъ общинамъ, а также съ приглашеніемъ всѣмъ государямъ и правителямъ присутствовать на соборѣ или прислать своихъ делегатовъ.

Представители всѣхъ церквей Европы съ жаромъ отозвались на приглашеніе собраться. Университеты послали самыхъ ученыхъ теологовъ и знатоковъ каноническаго права. Государи отправили своихъ делегатовъ. Всѣ классы общества присутствовали на соборѣ. Наплывъ публики производилъ сильное впечатлѣніе на умы современниковъ. Одинъ хронистъ увѣрялъ, что, кромѣ членовъ собора, въ Констанцѣ собралось шестьдесятъ тысячъ пятьсотъ человѣкъ, изъ которыхъ шестнадцать тысячъ составляли дворяне, начиная отъ рыцарей и кончая принцами и монархами.

Послѣ долгихъ увертокъ, Іоаннъ XXIII согласился присутствовать лично на соборѣ, разсчитывая, что благодаря подкупамъ онъ возьметъ верхъ надъ своими противниками и надъ самимъ соборомъ.

Гусъ, понятно, не могъ уклониться отъ присутствія на соборѣ. Въ этомъ были заинтересованы также Сигизмундъ и Венцеславъ, для которыхъ необходимо было чье нибудь авторитетное рѣшеніе, чтобы положить конецъ церковнымъ распрямъ въ Чехіи. Что же касается реформаторовъ, то они вообще высказывали всегда желаніе изложить свои взгляды предъ соборомъ.

Колебаться въ такой моментъ, это значало бы для Гуса отказаться отъ дѣла всей своей жизни, показать всѣмъ, что онъ боится встрѣтиться лицомъ къ лицу съ представителями церковной святости и образованности, это, кромѣ всего, означало бы, что онъ признаетъ себя самого еретикомъ. Цѣлая армія чешскихъ духовныхъ лицъ, противниковъ Гуса, потерявшихъ вслѣдствіе его нападокъ и обличеній свои доходы, чернили его всячески, распространяя о немъ самыя ложныя мнѣнія. Гусъ самъ долженъ былъ теперь защищаться и защищать свое дѣло, если не желалъ, чтобы его отсутствіе на соборѣ сослужило службу дѣлу его враговъ. Кромѣ этого, какъ ни невѣроятенъ этотъ фактъ, но Гусъ, несмотря на отлученіе отъ церкви и продолжая свои жестокія нападки на нее, считалъ, что находится въ полномъ согласіи съ истинной церковной мыслью, и надѣялся, что соборъ благосклонно выслушаетъ его и приметъ его взгляды.

Когда ему дали знать, что императоръ и король желаютъ его присутствія на соборѣ, обѣщая ему полную гарантію личной безопасности, Гусъ охотно согласился отправиться въ Констанцъ. Желая быть при открытіи собора, онъ даже не дождался письменной гарантіи своей безопасности, которую получилъ уже по прибытіи въ Констанцъ.

Тѣмъ не менѣе, у Гуса предъ отъѣздомъ въ Констанцъ было что-то вродѣ опасенія за свою жизнь или предчувствія. Въ запечатанномъ письмѣ на имя своего ученика Мартина, которое можно было вскрыть только послѣ смерти его, онъ пишетъ, что преслѣдованія, которыя онъ терпѣлъ до сихъ поръ за свое дѣло, должны усилиться, по его мнѣнію, до крайнихъ предѣловъ.

Все его имущество, которое Гусъ оставилъ по своему завѣщанію, заключалось въ двухъ платьяхъ и шестидесяти мелкихъ монетахъ. Въ этомъ же завѣщаніи онъ раскаивается въ томъ, что велъ нѣкогда не надлежащую жизнь, играя въ шашки. Самое трогательное впечатлѣніе оставляетъ завѣщаніе Гуса; оно дышетъ той простотой и тѣмъ добросердечіемъ, которыя никогда не покидали чешскаго реформатора, даже въ моменты острой борьбы его со своими врагами.

Кромѣ пропуска отъ инквизитора Николая, епископа изъ Назарета, аттестующаго его правовѣрность, которымъ онъ запасся, Гусъ расклеилъ по всей Прагѣ заявленіе на латинскомъ и богемскомъ языкахъ, въ которомъ доводилъ до всеобщаго свѣдѣнія, что появится передъ архіепископомъ, устроившимъ собраніе въ Богеміи и приглашаетъ всѣхъ противниковъ явиться и обвинить его либо передъ синодомъ въ Прагѣ, либо въ Констанцѣ на соборѣ, говоря, что готовъ понести наказаніе за ересь, если его признаютъ виновнымъ, но при условіи: въ случаѣ недоказанности его вины, его обвинители понесутъ должное возмездіе.

2 ноября 1414 г. Гусъ въ сопровожденіи трехъ своихъ друзей, Яна и Генриха Хлумскихъ и Венцеслава Дубскаго, прибылъ въ Констанцъ, гдѣ толпа въ двѣнадцать тысячъ человѣкъ встрѣтила опаснаго реформатора. Соборъ, однако, не могъ начать своихъ засѣданій въ назначенное время, такъ какъ въ Констанцъ не прибылъ еще ни одинъ изъ королевскихъ пословъ, и если Іоаннъ XXIII и кардиналы и находились тамъ, то пріѣзда представителей другихъ папъ, Григорія XII и Бенедикта XIII, еще только ждали. Что оставалось дѣлать съ чешскимъ виклеффистомъ? Это очень затрудняло папу и кардиналовъ. Послѣ нѣсколькихъ совѣщаній и споровъ, рѣшили снять съ него отлученіе и позволить ему свободно посѣщать церкви, приглашая только не присутствовать на торжественномъ богослуженіи собора изъ-за боязни безпорядковъ. 4 ноября, наканунѣ открытія собора, Гусъ писалъ своимъ друзьямъ въ Чехію, что ему предлагали мирное разрѣшніе конфликта между нимъ и духовенствомъ, но онъ не согласился на это, ибо надѣется, что въ предстоящей на соборѣ борьбѣ одержитъ блестящую побѣду.

16 ноября, во время мессы, которую папа служилъ лично въ церкви, каждый присутствовавшій на ней имѣлъ свою роль, за исключеніемъ Гуса. Но послѣдній счелъ это простой небрежностью и не придалъ этому случаю серьезнаго значенія, а между тѣмъ уже въ этомъ фактѣ можно было видѣть явно непріязненное отношеніе къ нему собора.

28 ноября особое совѣщаніе кардиналовъ подъ предсѣдательствомъ папы отправило къ Гусу спеціальныхъ делегатовъ съ приглашеніемъ явиться на совѣщаніе, чтобы защититься отъ обвиненій. Посланцы дружески привѣтствовали Гуса, который заявилъ имъ свой протестъ вмѣстѣ съ своимъ другомъ Генрихомъ Хлумскимъ, находя, что это требованіе нарушаетъ данную ему грамоту о безопасности. Тѣмъ не менѣе онъ согласился немедленно отправиться съ ними, хотя и заявилъ, что явился, чтобы предстать публично предъ соборомъ, а не секретно предъ кардиналами.

Его друзья отправились вмѣстѣ съ нимъ во дворецъ папы. Когда кардиналы сказали ему, что его обвиняютъ въ распространеніи многихъ еретическихъ доктринъ, онъ отвѣтилъ, что скорѣе умреть, чѣмъ позволитъ убѣдить себя въ этомъ. Онъ явился мужественно въ Констанцъ, готовый отказаться отъ ошибокъ, если ему докажутъ, что онъ заблуждается.

Съ наступленіемъ ночи, друга Гуса, Генриха Хлумскаго освободили, самъ же Гусъ былъ арестованъ и черезъ недѣлю отправленъ въ доминиканскій монастырь на берегу Рейна, гдѣ онъ опасно заболѣлъ. Его смерть въ этотъ моментъ была нежелательна для духовенства. Поэтому его лѣчили доктора самого папы, который слагалъ теперь съ себя отвѣтственность за участь Гуса и сваливалъ всю вину на кардиналовъ.

Когда императоръ Сигизмундъ прибылъ, наконецъ, въ Констанцъ и узналъ о томъ, что, несмотря на императорскій пропускъ, выданный Гусу отъ его имени, послѣдній подвергся насилію, онъ потребовалъ немедленнаго освобожденія Гуса изъ подъ ареста, грозя въ противномъ случаѣ разрушить стѣны тюрьмы Негодованіе его взволновало весь городъ. Онъ заявилъ, что уѣдетъ изъ Констанца, и сдѣлалъ видъ, что покидаетъ городъ, но кардиналы дали ему ясно понять, что, если онъ не уступитъ, они откажутся отъ собора. Христіанскій міръ возлагалъ слишкомъ большія надежды на соборъ, и Сигизмундъ не осмѣлился на такой шагъ. Въ этомъ вопросѣ была задѣта только его гордость. По историческимъ даннымъ извѣстно, что онъ не внушалъ своимъ современникамъ никакого довѣрія и способенъ былъ на обманъ. Это весьма опредѣленно обнаружилось впослѣдствіи во время его посредничества въ длинныхъ переговорахъ между соборомъ въ Базелѣ и гусситами. Несчастливый въ войнѣ, нуждавшійся въ деньгахъ, онъ искалъ всегда случая избавиться хоть на часъ отъ затрудненій и не колебался пожертвовать своимъ честнымъ словомъ для какой-либо личной выгоды.

И въ этомъ случаѣ ему немногаго стоило поступиться своей честью, а когда 1 января 1415 г. соборъ формально потребовалъ отъ него не вмѣшиваться въ ходъ дѣла Гуса, то онъ декретомъ призналъ публично независимость собора въ вопросахъ вѣры и его право преслѣдовать еретиковъ.

Тогда магнаты Богеміи и Моравіи, устроивъ совѣщаніе въ Медеричѣ, послали Сигизмунду адресъ, гдѣ скорѣе въ рѣзкихъ, чѣмъ почтительныхъ словахъ выражали чувства стыда и униженія отъ лица всѣхъ чеховъ, вслѣдствіе нарушенія императоромъ своего обѣщанія.

Въ маѣ во время бѣгства папы Іоанна XXIII изъ Констанца снова родились надежды на освобожденіе Гуса. Сигизмундъ снова получаетъ адреса отъ двухъ совѣщаній магнатовъ въ Прагѣ и Бруннѣ, написанные еще болѣе рѣзко. Но все было безполезно. Сигизмундъ принялъ уже окончательное рѣшеніе и свою нерѣшительность замѣнилъ теперь дѣятельнымъ участіемъ въ процессѣ противъ Гуса. 7 іюня, во время второго допроса Гуса соборомъ, Сигизмундъ благодаритъ прелатовъ за ихъ уваженіе къ нему, императору, и за то, что они обращаются такъ мягко съ обвиняемымъ. Онъ съ живостью совѣтуетъ Гусу подчиниться, „потому что ему больше нечего надѣяться на чью либо человѣческую помощь". На послѣднемъ допросѣ 6 іюля Гусъ сдѣлалъ слѣдующее заявленіе: „Я самъ по своей доброй волѣ явился на соборъ. Императоръ, здѣсь присутствующій, обѣщалъ мнѣ предъ лицомъ всего общества, что я буду свободенъ отъ всякаго стѣсненія, чтобы доказать свою невиновность и отвѣтить за свою вѣру тѣмъ, кто сомнѣвается въ ней". Произнося эти слова, онъ не спускалъ глазъ съ Сигизмунда, который жестоко покраснѣлъ отъ его взгляда. Въ Богеміи этотъ безчестный поступокъ Сигизмунда произвелъ неизгладимое впечатлѣніе.

Процессъ Гуса далъ почву для бурныхъ изъявленій негодованія, для пламеннаго краснорѣчія вомущенныхъ несправедливостью людей.

Это былъ, безъ сомнѣнія, самый замѣчательный процессъ временъ инквизиціи, который можетъ быть зарегистрованъ исторіей. Для людей, незнакомыхъ съ процедурой и съ системой этого суда, рѣшеніе его показалось возмутительной несправедливостью. Свѣтлая, трогательная личность жертвы, естественно, возбуждала самую горячую симпатію въ окружающихъ. На самомъ дѣлѣ, если соборъ и уклонился отъ обычныхъ пріемовъ, принятыхъ имъ въ такого рода дѣлахъ, то только въ томъ отношеніи, что проявилъ несвойственную ему мягкость къ подсудимому. Гуса не пытали, тогда какъ процедура допроса, введенная инквизиціей, всегда сопровождалась пыткой. По требованію Сигизмунда, Гусъ былъ три раза допрошенъ и допущенъ въ публичное засѣданіе для защиты отъ обвиненій. Онъ могъ съ легкостью оправдать себя, если бы захотѣлъ отречься отъ своихъ взглядовъ. Такова была лицемѣрная система суда инквизиціи, заключавшаяся въ томъ, что̀ зиждилась на лжи, ибо только ложью и можно было спастись отъ ея преслѣдованій.

Дѣло Гуса отягчилось съ самаго начала дѣйствіями его друзей въ Богеміи. Вскорѣ послѣ отъѣзда Гуса въ Констанцъ, Якобель (Jacobellus) Міескій, назначенный въ церковь Св. Адальберта, сталъ давать прихожанамъ причастіе подъ обоими видами и такимъ образомъ утвердилъ самую отличительную черту богемской ереси. Приверженность къ Евхаристіи была давно уже въ Богеміи выдающейся особенностью ея религіознаго настроенія. Но этотъ вопросъ никогда не обсуждался въ теченіе тѣхъ бурныхъ годовъ, когда Гусъ и его друзья боролись въ защиту виклеффистскихъ доктринъ. Причащеніе подъ обоими видами было принято въ нѣсколькихъ церквахъ Праги и въ Виѳлеемской часовнѣ, несмотря на протестъ Венцеслава и архіепископа Конрада, которые тщетно грозили запрещеніями и наказаніями.

Гусъ вскорѣ узналъ объ этомъ и, одобривъ новую доктрину, написалъ сочиненіе въ пользу этой реформы, которое было передано его ученикамъ и дало новый толчокъ движенію. Утраквисты или каликстины, какъ называли себя приверженцы Гуса, больше столѣтія были въ Богеміи правящей партіей. Въ этомъ вопросѣ Констанцскій соборъ чувствовалъ свою неправоту и поэтому еще больше желалъ искоренить духъ протеста, представителемъ котораго являлся Гусъ.

Гусъ былъ обвиненъ Михаиломъ Козискимъ, Стефаномъ Палечомъ и другими врагами реформатора, которые и выдвинули противъ него самые главные пункты по обвиненію его въ ереси. Обвиненіе, написанное отъ имени Михаила Козискаго противъ Гуса, заключалось въ слѣдующемъ.

Во-первыхъ ему приписывали, будто онъ поддерживалъ толкованіе Виклеффа объ Евхаристіи, противное духу католицизма, тогда какъ на самомъ дѣлѣ Гусъ никогда не раздѣлялъ этого ученія. Затѣмъ, изъ другихъ обвиненій самыя важныя заключались въ томъ, что Гусъ проповѣдывалъ, будто служители церкви, папа и священники, обрѣтающіеся въ грѣхѣ, не могутъ давать причастія; что церковь не должна имѣть собственности, что онъ самъ не признаетъ церковнаго отлученія, что, несмотря на запрещеніе церкви, онъ продолжалъ защищать открыто всѣ сорокъ пять пунктовъ ученія Виклеффа, отвергнутыхъ католицизмомъ, и что, наконецъ, возбужденіе имъ народа противъ духовенства дошло до того, что если бы теперь была дана ему возможность вернуться въ Прагу, то это послужило бы сигналомъ къ такимъ волненіямъ, какихъ еще не видѣли со временъ Константина. Кромѣ этихъ, Гусу вмѣнялись еще и

другія безчисленныя обвиненія, которыхъ было больше, чѣмъ достаточно, для того, чтобы обвинить человѣка въ ереси.

1 декабря соборъ избралъ коммиссаровъ-инквизиторовъ для снятія допроса съ Гуса. Весь-же соборъ представлялъ изъ себя такъ называемыхъ экспертовъ, которымъ принадлежало право вынесенія приговора. Вначалѣ процедура велась быстро. Какъ только Гусъ оправился отъ болѣзни, ему представили сорокъ два пункта обвиненій. Эти пункты были извлечены изъ его-же сочиненій Палечомъ. Хотя Гусу не давали книгъ и даже тѣхъ его работъ, изъ которыхъ были извлечены матеріалы для обвиненій, но его письменные отвѣты тѣмъ не менѣе были поразительны по живости, ясности и способности запоминанія имъ мельчайшихъ подробностей толкованія христіанскихъ догмъ. Иногда коммиссары являлись къ нему лично съ допросомъ и между ними и Гусомъ возгорался какъ бы устный диспутъ. 19 мая одинъ изъ присутствовавшихъ на допросѣ заявилъ, что никогда не видѣлъ такого смѣлаго, ловкаго въ умѣніи скрыть истину, преступника, какъ Гусъ. Коммиссары предъявляли ему каждый пунктъ обвиненія отдѣльно, и онъ отвѣчалъ, подробно излагая и объясняя смыслъ своихъ вѣрованій. Трудно было выказать больше послушанія и правовѣрности, чѣмъ это сдѣлалъ Гусъ. Ересь, однако, считалась преступленіемъ даже и при полномъ раскаяніи, и раскаявшійся еретикъ осуждался тогда на вѣчное заключеніе взамѣнъ смертной казни. Гусу приписывались взгляды, которые онъ съ негодованіемъ отрицалъ, какъ ложные извѣты, но все было напрасно. Судьи объявили его еретикомъ, несмотря на то, что онъ, будучи въ тюрьмѣ, написалъ сочиненіе, въ которомъ отрицалъ многія вины, послужившія имъ для его обвиненія. Ему оставалось только одно изъ двухъ: отречься отъ своихъ взглядовъ, раскаяться или идти на костеръ.

Богемцы, находившіеся въ Констанцѣ, обратились съ заявленіемъ въ соборъ 31 мая 1415 г., указывая на то, что свидѣтели Гуса—его заклятые враги. Самъ Гусъ настаивалъ на томъ, чтобы ему позволили взять защитника, но и въ этомъ ему было отказано подъ тѣмъ предлогомъ, что защищать еретика было противно тогда духу закона. Оно и было такъ въ дѣйствительности, и если принять во вниманіе, что многіе несчастные осуждались тогда инквизиціей на пытки и костеръ по одному лишь слову или доносу, то нужно признать, что если не самому Гусу, то друзьямъ его не запрещалось хлопотать за него у императора Сигизмунда и на соборѣ. Но эта якобы уступка Гусу не имѣла никакого значенія, а выступленія защитниковъ богемскаго еретика не могли ему принести никакой пользы, такъ какъ большинство собора было уже заранѣе настроено враждебно къ Гусу.

Гуса можно было уничтожить уже давно, съ того момента, какъ онъ попалъ въ руки инквизиціи, но она предпочитала всегда сожженному еретику—раскаявшагося еретика, особенно въ этомъ, столь выдающемся процессѣ. Если бы Гусъ раскаялся, то его вліяніе свелось бы къ нулю, ученики его потеряли бы также всякое довѣріе въ глазахъ народа и, вѣроятно, послѣдовали бы его примѣру. Но Гусъ, ставши мученикомъ правды, могъ, вопреки мнѣнію невѣжественныхъ заступниковъ порочнаго духовенства, обезсмертить свое имя и вызвать въ народѣ глубокое и серіозное броженіе. И таковымъ онъ остался. Мягкость инквизиціи по отношенію къ Гусу заключалась въ томъ, что судьи старались долгимъ, медленнымъ заключеніемъ сломить всякую надежду въ душѣ узника и побороть его упорство. Средствъ для этого, впрочемъ, было достаточно у инквизиторовъ. Пытка и голодъ были обычными для этого орудіями. Изъ страха

передъ возможностью усиленія народнаго возмущенія Гуса пощадили и подвергли только долгому заключенію. Тамъ онъ писалъ научные трактаты, не имѣя подъ рукой никакой книги и, поражая глубокимъ знаніемъ Писанія и ученія св. отцовъ. Его природная кротость и доброта вызывала участіе даже въ тюремщикахъ, сторожившихъ его, и въ писаряхъ суда. Благодаря искренней любви къ нему, которую Гусъ вызывалъ у окружавшихъ его, а также и благодаря золоту, которымъ одаривали тюремщиковъ друзья Гуса, онъ могъ, несмотря на строгій надзоръ, сноситься съ внѣшнимъ міромъ и переписываться со своими единомышленниками.

Но какъ ни готовъ былъ Гусъ къ испытаніямъ судьбы, все таки лучъ надежды проникъ въ его душу, когда произошелъ разрывъ между папой и соборомъ. Какъ только Іоаннъ XXIII убѣжалъ изъ Констанца, Гусъ попросилъ своихъ друзей немедленно отправиться къ Сигизмунду и добиться его освобожденія.

Отвѣтомъ на это было перемѣщеніе Гуса въ башню Готтлибена. Когда низложеннаго папу привели, какъ узника, въ эту же самую башню, и соборъ сталъ судить его за разореніе церкви и за неописуемые пороки, покрывшіе стыдомъ весь христіанскій міръ, то естественно, что въ это именно время виклеффисты стали надѣяться на скорое освобожденіе Гуса. Низложенный папа, однако, сознался во всемъ и, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ заключенія, былъ помилованъ Мартиномъ V. Гусъ же съ упорствомъ незапятнанной совѣсти не признавалъ за собой вины и не могъ поэтому избѣжать своей участи. Его добродѣтель дѣлала его опаснымъ для духовенства, и процессъ его шелъ своимъ чередомъ.

17 апрѣля была назначена новая комиссія, которая и должна была довести дѣло до конца. 1 іюня соборъ послалъ спеціальную депутацію къ Гусу, которая предъявила ему тридцать пунктовъ обвиненія, окончательно формулированныхъ. Делегаты, вернувшись обратно, заявили, что Гусъ подчиняется рѣшенію собора, но не признаетъ за собой вины въ указанныхъ ему пунктовъ обвиненія. Послѣ этого Гуса закованнаго привезли въ Констанцъ и заперли въ монастырѣ францисканцевъ. 3 іюня соборъ собрался въ этомъ монастырѣ, желая, какъ это практиковалось инквизиціей, разсмотрѣть дѣло Гуса въ его отсутствіе, но друзья его тотчасъ же обратились къ Сигизмунду, который потребовалъ, чтобы вся процедура суда велась въ присутствіи Гуса и чтобы книги его были бы вручены судьямъ для провѣрки обвиненій.

Гусъ добился, такимъ образомъ, давно желаннаго случая защищаться публично предъ своими противниками. Предъ нимъ положили его трактатъ „De Ecclesia“ и его памфлеты противъ Стефана Палеча и Станислава Знаимскаго.

Гусъ призналъ себя авторомъ этихъ сочиненій. Поочередно стали разсматривать каждый пунктъ обвиненія, причемъ Гусъ могъ отвѣтить только да или нѣтъ, но какъ только онъ пытался дать объясненіе, въ собраніи подымалось неописуемое волненіе. Когда онъ спрашивалъ, въ чемъ его заблужденія, то отъ него требовали, чтобы прежде всего, согласно закону, онъ призналъ свою ересь. Три дня длился процессъ. Въ послѣдній день на судѣ присутствовалъ императоръ Сигизмундъ. Гусъ мужественно защищался, съ удивительной ясностью мысли и діалектическимъ умѣніемъ. Но ничто не напоминало въ этомъ собраніи свободнаго обмѣна мыслей, о которомъ въ своей наивности мечталъ Гусъ, уѣзжая изъ Праги.

Хотя кардиналъ Д'Ости, президентъ собора, и старался казаться

благосклоннымъ къ обвиняемому, собраніе само часто превращалось въ буйную толпу, неистово кричавшую: „На костеръ!“ „На костёръ!“ Безпрестанно прерывали Гуса вопросами, и отвѣты его часто терялись въ шумѣ и крикахъ собравшихся членовъ собора. На третій день Гусъ былъ уже не въ силахъ защищаться и лишился чувствъ отъ волненія и усталости. Соборъ всячески настаивалъ, торопилъ Гуса признать свои вины, обѣщая ему снисхожденіе. Но, собравъ послѣднія силы, Гусъ во имя Бога умолялъ соборъ не грязнить его совѣсти: „потому что сознаться,—говорилъ онъ,—это взять на себя такія ошибки, которыя ему приписываютъ зря и въ которыхъ онъ неповиненъ“. Гуса увели и только пожатіе руки одного друга Яна Хлумскаго поддержало духъ всѣми оставленнаго и проклинаемаго еретика.

Борьба длилась еще цѣлый мѣсяцъ, и никогда не подпималась такъ высоко душа человѣка, какъ это было съ Гусомъ при послѣднемъ испытаніи. Онъ пожелалъ причаститься и далъ понять, что для этой цѣли желаетъ выбрать своего бывшаго друга, теперь заклятаго врага, требовавшаго громкими криками его смерти, Стефана Палеча. Этотъ послѣдній, причащая Гуса, убѣждалъ его покаяться и не бояться униженія. „Униженіе отъ наказанія быть сожженнымъ на кострѣ еще сильнѣе, чѣмъ признаніе въ вымышленномъ преступленіи, — отвѣтилъ Гусъ; — какъ же я могу бояться униженія? Но дайте вы мнѣ совѣтъ, какъ поступили бы вы, если-бы вамъ приписали несуществующія вины? Признали ли бы вы ихъ?“ Палечъ разрыдался и пробормоталъ только: „это тяжело“. Онъ сильно плакалъ и тогда, когда Гусъ просилъ у него прощенія за рѣзкія слова, сказанныя имъ во время допроса по его адресу. Соборъ послалъ послѣ этого къ Гусу другого священника, который и отпустилъ ему его грѣхи, не требуя раскаянія. Послѣ этого къ Гусу допускали безпрепятственно всѣхъ въ надеждѣ, что его убѣдятъ раскаяться. Духовенство предлагало такія почетныя формулы раскаянія, которыя другой, менѣе твердый человѣкъ, чѣмъ Гусъ, принялъ бы, чтобы спасти свою жизнь. И питая надежду на успѣхъ въ воздѣйствіи на совѣсть мученика религіозной истины, соборъ тянулъ и откладывалъ выполненіе приговора, но все было напрасно. Соборъ, спасая Гуса, желалъ, въ сущности, спасти свой престижъ, но это ему не удалось, и неизбѣжный эпилогъ этой драмы наступилъ, наконецъ, 6 іюля.

Это было самое пышное auto da fé, какое только устраивалось инквизиціей. Блестящая толпа наполнила соборъ Констанца. Присутствовалъ и императоръ, всѣ чины имперіи и прелаты въ яркихъ платьяхъ. Пока шла служба, Гусъ, окруженный стражей, ждалъ у дверей. Потомъ его ввели въ соборъ и, несмотря на его протесты, обвинили по такимъ пунктамъ, которыхъ онъ не признавалъ. Послѣ прочтенія приговора его лишили духовнаго званія и спилили ногти, волосы на головѣ выстригли въ видѣ креста, надѣли бумажный, шутовскій колпакъ. Гуса повели на мѣсто казни въ сопровожденіи двухъ тысячъ стражниковъ и огромной толпы. Когда, раньше всего, приступили къ сожженію его книгъ, онъ улыбнулся. При видѣ костра, онъ упалъ на колѣни и сталъ молиться. Ему предложили снова раскаяться и причаститься. Но онъ отвѣтилъ: „Я могу обойтись безъ этого, потому что не совершилъ смертнаго грѣха“. Его колпакъ упалъ на землю, и онъ снова улыбнулся, когда его снова надѣли на него.

Простившись трогательно со своими тюремщиками, Гусъ сталъ говорить по-нѣмецки, обращаясь къ толпѣ, но его остановили, свя-

зали и, раньше чѣмъ бросить въ костеръ, снова предложили спасти свою жизнь.

Гусъ повторилъ то же, что и раньше. И уже стоя на кострѣ, онъ произносилъ громко слова молитвы. Быстро разгорѣвшееся благодаря вѣтру пламя оборвало его рѣчь. Но толпа видѣла, какъ губы его продолжали шевелиться, произнося послѣднюю молитву. Драма завершилась, но овладѣть страждущей душей врагамъ истины не удалось. Самые ярые противники его не могли не признать, что ни одинъ философъ въ древности не выказалъ столько мужества предъ лицомъ смерти, какъ Гусъ.

XXXIV. Реформація XVI в., ея причины и принципы.

(Изъ соч. Н. И. Карѣева: „Общій ходъ всемірной исторіи").

Реформаціонное движеніе было вообще явленіемъ весьма сложнымъ, но всѣ его элементы съ удобствомъ распредѣляются по тремъ главнымъ категоріямъ: у каждой были свои причины, свои движущія силы, своя сфера дѣйствія, свои результаты. Прежде всего реформація была движеніемъ чисто религіознымъ, т.-е., крупнымъ событіемъ въ исторіи западнаго христіанства, какъ вѣроученія и какъ церковной организаціи. Съ этой стороны въ ея основѣ лежали вѣрующая совѣсть, оскорблявшаяся „язычествомъ" „вавилонской блудницы", и направленная на вопросы вѣры мысль, не сносившая, говоря языкомъ реформаторовъ и сектантовъ о римской церкви и папѣ, ига непомѣрной власти „антихриста". Съ этой стороны заявленными цѣлями реформаціи были „возвращеніе христіанства къ апостольскимъ временамъ" посредствомъ „очищенія вѣры отъ людскихъ выдумокъ" и „освобожденіе духа отъ мертвящей буквы преданія". Результаты реформаціи въ данномъ отношеніи суть разрушеніе религіознаго единства Западной Европы, образованіе новыхъ исповѣданій и основаніе новыхъ церквей, развитіе мистическаго и раціоналистическаго сектантства, перерѣшеніе догматическихъ, моральныхъ и церковно-практическихъ вопросовъ, новое направленіе теологическаго мышленія, развитіе новыхъ религіозныхъ принциповъ, вольномысліе антитринитаріевъ и деистовъ, ученія которыхъ представляли собой выходъ изъ историческаго христіанства въ философію „естественной религіи", но вмѣстѣ съ тѣмъ и оживленіе умиравшаго католицизма, пересмотръ его догматовъ, починка всей его внутренней организаціи. Протестъ, который мы здѣсь видимъ, истекалъ изъ глубины религіознаго чувства и изъ нѣдръ пытливой мысли, не удовлетворявшейся традиціоннымъ рѣшеніемъ вопросовъ религіи и морали.

Но средневѣковый католицизмъ не былъ вѣроисповѣданіемъ только: какъ царство отъ міра сего, онъ вызывалъ противъ себя протесты иного рода изъ-за чисто свѣтскихъ побужденій, изъ-за отношеній чисто земной жизни человѣка и общества. Онъ былъ цѣлою системою, налагавшей свои рамки на всю культуру и соціальную организацію средневѣковыхъ католическихъ народовъ: его универсализмъ отрицалъ національность, его теократическая идея давила государство, его клерикализмъ, создавшій духовенству привилегированное положеніе въ обществѣ, подчинялъ его опекѣ свѣтскія сословія, его спиритуалистическій догматизмъ

представлялъ мысли слишкомъ узкую сферу, да и въ той не давалъ ей свободно двигаться. Поэтому противъ него давно боролись и національное самосознаніе, и государственная власть, и свѣтское общество, и усилившееся въ послѣднемъ образованіе,—боролись не во имя чистоты христіанскаго вѣроученія, не во имя возстановленія Библіи, какъ главнаго авторитета въ дѣлахъ религіи, не во имя требованій внутренняго голоса совѣсти, встревоженной „порчей церкви“, или пытливой религіозной мысли, обратившейся къ критикѣ того, что передъ ея судомъ оказывалось „людскими выдумками“, а просто потому, что система на все налагала свой гнетъ и слишкомъ грубо втискивала жизнь въ свои рамки, мѣшая ея свободному развитію. Борьба противъ Рима, не касавшаяся вопросовъ царства не отъ міра сего,—явленіе довольно раннее въ европейской исторіи[1]. Нападеніе на католицизмъ, какъ на вѣроученіе и церковь, несогласныя съ духомъ христіанства, со священнымъ Писаніемъ, съ требованіями вѣрующей совѣсти и пытливой мысли, возбужденной религіозными вопросами,—объединяло, усиливало, направляло къ одной цѣли элементы свѣтской борьбы съ католицизмомъ во имя правъ національности, правъ государства, правъ свѣтскихъ сословій, правъ образованія, правъ, въ основѣ которыхъ лежали чисто мірскіе интересы,—и само находило помощь въ этой оппозиціи Риму—національной и политической, въ этой враждѣ къ духовенству — сословной и интеллектуальной. Гуманизмъ также заключалъ въ себѣ идеи, черезъ которыя чисто культурно-соціальная оппозиція могла бы объединиться, формулировать свои требованія, направиться къ одной цѣли. До извѣстной степени онъ даже такъ и дѣйствовалъ, секуляризируя мысль и жизнь западно-европейскихъ обществъ, но значеніе реформаціи именно въ томъ и заключается, что оппозиція противъ католической культурно-соціальной системы во имя чисто человѣческихъ началъ интереса и права пошла подъ знаменемъ реформированной религіи.

Наконецъ, развитіе жизни выдвигало у отдѣльныхъ націй разные другіе вопросы политическаго, соціальнаго и экономическаго свойства, не имѣвшіе сами по себѣ отношенія ни къ „порчѣ церкви“, ни къ гнету куріи и клира. Именно въ разныхъ мѣстахъ Западной Европы велась своя внутренняя борьба и подготовлялись свои домашнія столкновенія, которыя могли — какъ это случилось въ Испаніи при Карлѣ V — разыграться внѣ всякой связи съ реформаціей церкви и съ оппозиціей противъ папства и клира, или же соединиться съ движеніемъ чисто религіознымъ и съ національнымъ, политическимъ, сословнымъ и интеллектуально-моральнымъ протестомъ противъ Рима и католическаго духовенства. Послѣднее мы и видимъ въ Германіи, гдѣ за реформацію схватились и гуманисты, незадолго предъ тѣмъ окончившіе побѣдоносную компанію противъ „обскурантовъ“, и имперскіе рыцари, недовольные новыми порядками, заведенными въ концѣ XV вѣка, и крестьяне, начавшіе волноваться еще раньше, и низшій слой городского населенія, среди котораго происходило соціальное броженіе противъ богатыхъ, и князья, наконецъ, стремившіеся отстоять себя противъ усиливавшейся власти императора.

Перечисленныя причины реформаціоннаго движенія XVI в. были далеко неравномѣрно распредѣлены по разнымъ странамъ. Не говоря

[1]) См. статью Бергера: „Развитіе національнаго самосознанія въ исходѣ Ср. Вѣковъ“, въ I-мъ отдѣлѣ этого тома „Хрестоматіи“. *Прим. Ред.*

уже о томъ, что у каждаго народа въ его внутренней жизни была своя „злоба дня“,—у одного—одна, у другого—другая, у одного—способная уладиться путемъ мирной реформы, у другого необходимо вызывавшая революціонное столкновеніе,—отдѣльные народы въ своихъ массахъ и въ своихъ правящихъ классахъ не совсѣмъ одинаково и не въ одномъ и томъ же смыслѣ были религіозны, различнымъ образомъ относились къ далекой куріи и къ своему собственному клиру, потому что и курія въ сущности вызывала къ себѣ разныя чувства, и клиръ одной страны не былъ похожъ на клиръ другой, да и сами націи во всемъ остальномъ не вполнѣ походили одна на другую. Однѣ остались вѣрны и старой религіи, и „святѣйшему отцу“, и своимъ духовнымъ пастырямъ, тогда какъ другія завели у себя новыя вѣры, отреклись отъ папы, какъ отъ „антихриста“, возмутились противъ духовныхъ, какъ противъ „волковъ въ овечьей шкурѣ“. Мало того: въ одной и той же націи реформація имѣла иногда совершенно разный успѣхъ у отдѣльныхъ сословій и начиналась то снизу, отъ общества, то сверху, отъ власти, да и тутъ вопросъ о томъ, пойдутъ ли правительство за народомъ или народъ за правительствомъ, рѣшался въ общемъ и въ подробностяхъ не вездѣ одинаково. Вотъ почему при изученіи реформаціи въ какой либо отдѣльной странѣ нужно имѣть въ виду нѣкоторые общіе вопросы, отвѣты на которые должны заключать въ себѣ объясненіе несходствъ, которыя мы въ данномъ случаѣ наблюдаемъ. Религіозное настроеніе отдѣльныхъ странъ было далеко неодинаково, и какъ самъ католицизмъ въ лицѣ своихъ представителей, такъ и отношеніе къ нему отдѣльныхъ народовъ были не одни и тѣ же въ различныхъ странахъ. Испанія, напр., только что покончившая вѣковую борьбу съ маврами, была вполнѣ довольна своимъ католицизмомъ, сдѣлавшимся ея національнымъ знаменемъ, да и сама воинствующая церковь не подверглась здѣсь порчѣ въ такой степени, какъ въ другихъ мѣстахъ. Наоборотъ, въ Германіи давно происходило глухое, но глубокое религіозное броженіе, которое рано или поздно должно было прорваться наружу. Какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи опять отдѣльные народы стояли далеко не на одинаковомъ уровнѣ. Напр., итальянская гуманистическая интеллигенція была довольно индифферентна къ религіи и церкви, а народная масса въ Италіи суевѣрна и чувственна, между тѣмъ какъ нѣмецкій гуманизмъ соединялся съ богословскими интересами и съ реформаціонными стремленіями, а въ народныхъ массахъ Германіи замѣчалось въ развитіи сектантства именно болѣе интимное и моральное отношеніе къ религіи, чѣмъ въ Италіи. То же самое различіе замѣчается и по отношенію къ національной оппозиціи. Въ Испаніи католицизмъ и національность сдѣлались синонимами, благодаря религіозной и племенной борьбѣ съ маврами, для Италіи папство было тоже какъ бы національнымъ учрежденіемъ, но въ Германіи беззастѣнчивое хозяйничанье куріи оскорбляло національное чувство, въ то же самое время, какъ и нѣмецкіе князья чувствовали всю тяжесть папской опеки, которая была неизвѣстна, напр., во Франціи, гдѣ государственная власть сумѣла оградить себя отъ вмѣшательства папы во внутреннія дѣла націи. Далѣе, на исторію реформаціи оказывали вліяніе внутреннія, чисто политическія отношенія отдѣльныхъ странъ и на первомъ планѣ ихъ устройство. Государства, уже объединившіяся подъ единою властью, въ общемъ рѣшали у себя вопросъ въ ту или другую сторону, т.-е. или оставались католическими, или принимали протестантизмъ, тогда какъ въ такихъ

федерацiяхъ, какими были Германiя и Швейцарiя, отдѣльныя княжества и кантоны каждый по своему рѣшали вопросъ, и политическая раздробленность отражалась на религiозномъ разъединенiи, какъ, въ свою очередь, религiозное разъединенiе способствовало и политическому распаденiю федеративной страны (Нидерланды). Равнымъ образомъ и форма правленiя, существовавшая въ государствѣ, обыкновенно переносилась и въ новое церковное устройство: реформацiя, возникшая въ Германiи или въ Англiи, приняла монархическiй характеръ, тогда какъ цюрихская и женевская—республиканскiй. Далѣе, реформа могла идти снизу, отъ народа, или сверху, отъ власти, могла быть общенародной или сословной, могла содѣйствовать усиленiю государственной власти или расширенiю народныхъ правъ. Въ Германiи реформа началась снизу и была общенародной, но политическое и соцiальное движенiе, совершившееся подъ религiознымъ знаменемъ, было подавлено князьями, и всѣ плоды протекшихъ событiй выпали на ихъ долю. Въ Шотландiи и въ Голландiи реформа началась тоже снизу, но результаты ея были уже иные. Въ Данiи и въ Швецiи иницiатива реформацiи принадлежала королевской власти, такъ же, какъ и въ Англiи, но въ этой послѣдней странѣ рядомъ съ реформацiей, возникшей по иницiативѣ правительства и содѣйствовавшей его усиленiю, совершилась другая реформацiя, народная, и столкновенiе между обѣими было одной изъ сторонъ той революцiи, которая произошла въ Англiи въ серединѣ XVII в. и содѣйствовала побѣдѣ правъ нацiи. Во Францiи и Польшѣ ни власть, ни масса населенiя не приняли участiя въ движенiи: въ обѣихъ странахъ оно получило характеръ сословный, преимущественно дворянскiй и, хотя въ разныхъ степеняхъ, содѣйствовало во Францiи усиленiю королевской власти, а въ Польшѣ, наоборотъ, ослабленiю вообще государственнаго начала. Важно также различiе между странами ранней реформацiи и странами реформацiи поздней: въ первыхъ все было вновѣ, вторыя имѣли уже многое готовымъ; движенiе, совершившееся въ однѣхъ, застало католицизмъ врасплохъ, въ другихъ оно встрѣтило уже сильное сопротивленiе со стороны старой церкви. Наконецъ, въ разныхъ мѣстахъ возникли неодинаковыя ученiя, которыя различнымъ образомъ рѣшали вопросы не только религiи, но и морали, и права, и политики.

Конечно, при разсмотрѣнiи реформацiи съ общей точки зрѣнiя не эти различiя должны остановить на себѣ наше вниманiе, а именно то, что имѣетъ болѣе универсальное значенiе.

Каждое крупное историческое движенiе имѣетъ свои принципы: иногда они прямо и ясно формулируются участниками или свидѣтелями движенiя, иногда составляютъ подкладку фактовъ послѣдняго и именно въ мотивахъ отдѣльныхъ дѣйствiй, въ настроенiяхъ дѣйствующихъ лицъ, въ томъ значенiи, какое факты получаютъ при научномъ ихъ изученiи. Реформацiя была какъ разъ однимъ изъ такихъ явленiй: масса событiй, составляющихъ ея исторiю, объединяется своею однородностью, и въ ней мы должны искать нѣкоторую совокупность принциповъ, собственно и образующихъ понятiе протестантизма, взятаго съ культурой и соцiальной или политической стороны.

Исходные пункты протестантизма находились въ полной противоположности съ католицизмомъ, хотя принципы перваго и не были цѣликомъ введены въ жизнь, давъ только начало новому движенiю: это были противоположные принципы авторитета и индивидуальной свободы, внѣшней набожности и внутренней религiозности, традицiонной неподвижности

и движенія впередъ. Такъ дѣло представляется, однако, только съ отвлеченной точки зрѣнія, по въ дѣйствительности реформація была слишкомъ часто только перемѣной формы, и, напр., кальвинизмъ во многихъ отношеніяхъ былъ лишь сколкомъ съ католицизма. Да и въ самомъ дѣлѣ, вообще, реформація замѣняла одинъ церковный авторитетъ въ дѣлахъ вѣры другимъ или авторитетомъ свѣтской власти, установляла извѣстныя для всѣхъ обязательныя внѣшнія формы, хотя бы и не въ смыслѣ обрядности, и, внеспи новыя начала въ церковную жизнь, дѣлалась по отношенію къ нимъ силою консервативною, не очень-то допускавшею дальнѣйшее движеніе впередъ. Такимъ образомъ вопреки основнымъ принципамъ протестантизма, бывшаго сначала проявленіемъ индивидуализма въ религіи, реформація въ дѣйствительности сохраняла многія католическія культурно-соціальныя традиціи. Протестантизмъ, взятый съ принципіальной своей стороны, былъ религіознымъ индивидуализмомъ и въ то же время попыткою освободить государство отъ церковной опеки. Послѣднее удалось въ большей степени, чѣмъ проведеніе индивидуалистическаго принципа; государство не только освобождалось отъ церковной опеки, но само подчиняло себѣ церковь и становилось на мѣсто церкви по отношенію къ своимъ подданнымъ, прямо уже вопреки индивидуалистическому принципу реформаціи. Своимъ индивидуализмомъ и освобожденіемъ государства отъ теократической опеки протестантизмъ сходится съ гуманизмомъ, въ которомъ, какъ мы знаемъ, индивидуалистическія и секуляризаціонныя стремленія были особенно сильны.

Общими чертами у ренессанса и реформаціи были стремленіе личности создать собственное міросозерцаніе, соединявшееся съ критическимъ отношеніемъ къ традиціоннымъ авторитетамъ и съ развитіемъ раціонализма и индивидуалистическаго мистицизма; освобожденіе жизни отъ аскетическихъ требованій съ реабилитаціей инстинктовъ человѣческой природы, выразившееся въ отрицаніи монашества и безбрачія духовенства; эманципація государства, секуляризація церковной собственности и т. д. Но, сходясь между собою въ одномъ, протестантизмъ и гуманизмъ расходились между собою во многомъ другомъ, будучи одинъ явленіемъ преимущественно свѣтской культуры, другой — культуры религіозной. Въ самомъ дѣлѣ, гуманисты исходили изъ идеи земного благополучія личности, реформаторы—изъ идеи загробнаго спасенія; въ своихъ стремленіяхъ одни опирались на классиковъ, другіе—на Св. Писаніе и отцовъ церкви; одни радовались возрожденію античной образованности, другіе стремились возвратить церковь къ первымъ вѣкамъ христіанства; въ одномъ направленіи индивидуализмъ принималъ характеръ раціоналистическій, въ другомъ—мистическій, гдѣ сильно было свѣтское возрожденіе, тамъ слабо было движеніе реформаціонное, и наоборотъ, гдѣ послѣднее широко охватывало націю и глубоко въ нее проникало, тамъ гуманизму наносился ударъ. Оба направленія, конечно, сближались: нѣмецкій гуманизмъ, отличный отъ итальянскаго, индифферентнаго къ религіи, соединялся съ богословскими занятіями, и нѣкоторые видные его представители сдѣлались дѣятелями реформаціи; такое же сближеніе мы замѣчаемъ между реформаціей и гуманизмомъ и въ раціоналистическомъ сектанствѣ съ его религіознымъ вольномысліемъ. Но иногда оба движенія расходились до рѣзкой противоположности: мистическій анабаптизмъ, кальвинизмъ и индепендентство отличались пренебреженіемъ и даже враждебностью къ свѣтской наукѣ и литературѣ. Реформація иногда прямо являлась реакціей противъ свѣтскаго направленія жизни, которое она обвиняла въ

язычествѣ. Реформаторы упрекали папство въ томъ, что оно омірщилось; Лютеръ говорилъ, что безъ реформаціи весь міръ сдѣлался бы эпикурейскимъ; суровое сектантство самимъ реформаторамъ казалось возрожденіемъ монашескаго аскетизма. Особенно реакціоннымъ характеромъ относительно свѣтской культуры отличался кальвинизмъ, бывшій во многихъ отношеніяхъ какъ бы усугубленіемъ католицизма: сливъ государство съ церковью, поставивъ общество подъ надзоръ духовенства, подчинивъ его ригористической дисциплинѣ, объявивъ войну мудрствующему разуму, кальвинизмъ, въ сущности, принялъ принципы прямо противоположные гуманистическимъ индивидуализму и секуляризаціи мысли и жизни. Однимъ словомъ, протестантизмъ, какъ и всякое другое историческое явленіе, заключалъ въ себѣ противорѣчія и непослѣдовательности, но общимъ своимъ религіознымъ характеромъ онъ болѣе подходилъ къ тогдашнему культурному состоянію Европы, чѣмъ свѣтскій гуманизмъ.

Но у реформаціи были и нѣкоторыя важныя заслуги сравнительно съ гуманизмомъ въ исторіи культурнаго и политическаго развитія. Совершенно индифферентный или слишкомъ разсудочно относившійся къ религіи гуманизмъ не предъявилъ міру индивидуалистическаго принципа свободы совѣсти, явившагося на свѣтъ Божій только благодаря реформаціи, которая, въ свою очередь, оказалась, впрочемъ, неспособной понять свободу мысли, возникшую въ гуманистическомъ движеніи. Съ другой стороны, въ своей политической литературѣ гуманизмъ не развилъ идеи политической свободы, которую, наоборотъ, защищали въ своихъ сочиненіяхъ кальвинисты, а позднѣе индепенденты, но протестантскіе политическіе писатели не могли отрѣшить государственной жизни отъ конфессіональной окраски, что, наоборотъ, какъ разъ было сдѣлано гуманистами. Религіозная и политическая свобода новой Европы обязана своимъ происхожденіемъ преимущественно протестантизму, свободная мысль и свѣтскій характеръ культуры ведутъ начало отъ гуманизма. Обновленный католицизмъ, конечно, остался принципіальнымъ противникомъ свободы совѣсти и свободы мысли, но онъ входилъ въ сдѣлки съ политической свободой и со свѣтской культурой, когда это находилъ нужнымъ для возстановленія своей власти надъ міромъ, между тѣмъ, у протестантовъ, защищавшихъ политическую свободу, послѣдняя была чѣмъ-то въ родѣ религіознаго догмата, а у представителей свѣтскаго образованія сама она являлась цѣлью, а не средствомъ для чего-то другого. Сопоставляя эти культурно-соціальные принципы протестантизма, гуманизма и новаго католицизма, мы должны признать общую прогрессивность двухъ первыхъ, несмотря на всѣ ихъ недостатки по отношенію къ требованіямъ ихъ времени, какъ должны признать и общій регрессивный характеръ католической реакціи, порожденной, какъ увидимъ, самою же реформаціей.

Разсмотримъ теперь судьбу идей свободы совѣсти, свободы мысли, свободы свѣтскаго государства и политической свободы въ исторіи реформаціи.

Исходнымъ пунктомъ реформаціи былъ религіозный протестъ, имѣвшій въ своей основѣ нравственное убѣжденіе: всѣ отдѣлившіеся отъ католической церкви во имя своего религіознаго убѣжденія встрѣтили противъ себя католическую церковь, а иногда государственную власть, но мужественно и, часто даже претерпѣвая мученичество, отстаивали свою вѣру, свободу своей совѣсти, которая прямо была возведена въ принципъ религіозной жизни анабаптистами и индепендентами. Въ боль-

шинствѣ случаевъ, однако, принципъ этотъ страдалъ и искажался. Дѣло въ томъ, что весьма нерѣдко гонимые прибѣгали къ нему въ видахъ самообороны, не имѣя достаточно терпимости, чтобы не сдѣлаться гонителями другихъ, когда представлялась къ тому возможность, и думая, что, какъ обладатели истины, они могутъ принуждать къ вѣрѣ въ нее другихъ. Ставя реформацію подъ покровительство свѣтской власти, они передавали права государству старой церкви надъ индивидуальною совѣстью. Съ другой стороны, завоевывая религіозную свободу, весьма часто они завоевывали ее только для себя и ссылались при этомъ не столько на индивидуальное свое право, сколько главнымъ образомъ на тотъ принципъ, что нужно болѣе повиноваться Богу, чѣмъ людямъ, но этимъ же повиновеніемъ Богу оправдывалось у нихъ и нетерпимое отношеніе къ иновѣрію, въ которомъ они видѣли оскорбленіе Божества. Только позднѣе среди индепендентовъ утвердился принципъ, по которому Христосъ, искупивъ всѣхъ людей своею божественною кровью, сдѣлался единственнымъ господиномъ надъ человѣческою совѣстью. Реформаторы даже признавали за государствомъ право наказывать еретиковъ, которое и власть считала своимъ потому, что видѣла въ отступленіи отъ господствующаго вѣроисповѣданія ослушаніе ея велѣніямъ. Только позднѣе индепенденты развили ученіе о невмѣшательствѣ государства въ религіозныя дѣла, и исходя не изъ индифферентной терпимости, а изъ идеи свободы совѣсти. Гуманистическій религіозный индифферентизмъ, конечно, соединялся съ терпимостью къ иновѣрію, но въ немъ не было уваженія къ свободѣ религіозной совѣсти, и съ такой точки зрѣнія могло, напр., оправдываться насиліе надъ чужою вѣрою во имя политической необходимости. Такимъ образомъ въ протестантизмѣ воззванія къ свободѣ совѣсти у гонимыхъ соединялись съ нетерпимостью власть имѣющихъ, въ гуманизмѣ — широкая терпимость съ непониманіемъ настоящей свободы совѣсти: нужно было соединеніе свободы совѣсти съ терпимостью при устраненіи нетерпимости и неуваженія къ чужой совѣсти, чтобы могъ возникнуть чистый принципъ религіозной свободы.

Что касается до свободы мысли, то реформація, отнеслась къ ней непріязненно, хотя и содѣйствовала ея развитію. Вообще въ реформаціи теологическій авторитетъ ставился выше дѣятельности человѣческаго разума, и обвиненіе въ раціонализмѣ было однимъ изъ наиболѣе сильныхъ въ глазахъ реформаторовъ. Не предвидя того, къ чему поведутъ заявленія о свободѣ совѣсти и правахъ разума, Лютеръ на вормскомъ сеймѣ отстаивалъ и первую, и вторыя, но когда на основаніи тѣхъ же принциповъ стали высказывать свои взгляды анабаптисты и антитринитаріи, реформаторъ самъ же отшатнулся отъ началъ, приводившихъ къ такимъ результатамъ. То же самое, въ сущности, было и съ другими протестантами, когда передъ боязнью ереси они забывали права чужой совѣсти и отрицали права собственнаго разума. Между тѣмъ самый протестъ противъ требованія католической церкви вѣрить безъ разсужденія заключалъ въ себѣ признаніе извѣстныхъ правъ за индивидуальнымъ пониманіемъ, и было въ высшей степени нелогичнымъ признавать свободу изслѣдованія, а за его результаты наказывать. Элементъ научнаго изслѣдованія между тѣмъ былъ внесенъ въ теологическія занятія реформаторовъ еще нѣмецкими гуманистами, которые съ интересомъ къ классическимъ авторамъ соединяли интересъ къ Св. Писанію и отцамъ церкви. Поэтому, несмотря на общій принципъ подчиненія авторитету Писанія, самое его толкованіе требовало дѣятельности разума, и раціонализмъ, къ

которому, какъ мы уже сказали, большинство протестантовъ и сектантовъ относилось враждебно, тѣмъ не менѣе проникалъ въ дѣло церковной реформы.

Далѣе, въ вопросѣ о взаимныхъ отношеніяхъ церкви и государства, реформація равнымъ образомъ не держалась одного опредѣленнаго принципа: въ лютеранствѣ и въ англиканствѣ церковь стала въ зависимое положеніе отъ государства, а въ кальвинизмѣ обѣ организаціи, свѣтская и духовная, какъ бы сливались воедино. Во всякомъ случаѣ, однако, реформаціонное государство оставалось вѣроисповѣднымъ, а реформаціонная церковь становилась государственной. Связь между церковью и государствомъ порывалась только въ сектантствѣ, особенно въ англійскомъ индепендентствѣ, выработавшемъ тѣ отношенія между религіей и политикой, какія потомъ и утвердились въ американскихъ колоніяхъ Англіи, будущихъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Въ общемъ реформація не измѣнила существа старыхъ связей, и въ XVIII в. среди католическихъ государей было сильно стремленіе сдѣлать изъ церкви государственное учрежденіе, а духовенство превратить въ чиновничество. Только взаимныя отношенія измѣнились, ибо въ общемъ реформація дала государству преобладаніе и даже господство надъ церковью, сдѣлавъ изъ самой религіи какъ бы прежде всего дѣло государства.

Наконецъ, нужно не забывать, что реформація оказала большое вліяніе на постановку и рѣшеніе соціальныхъ и политическихъ вопросовъ въ духѣ принциповъ равенства и свободы, хотя она же содѣйствовала и противоположнымъ общественнымъ тенденціямъ. Мистическое сектантство въ Германіи, въ Швейцаріи, въ Нидерландахъ было и проповѣдью соціальнаго равенства, но, напр., раціоналистическое сектантство въ Польшѣ было характера аристократическаго, и многіе польскіе сектанты шляхетскаго званія даже защищали право истинныхъ христіанъ имѣть рабовъ, ссылаясь на Ветхій Завѣтъ. Все здѣсь зависѣло отъ среды, въ которой развивалось сектантство. То же самое можно сказать о политическихъ ученіяхъ протестантовъ: лютеранство и англиканизмъ отличались монархическимъ характеромъ, цвингліанство и кальвинизмъ—республиканскимъ. Часто говорятъ, будто протестантизмъ всегда стоялъ на сторонѣ власти, но это невѣрно, потому что роли католиковъ и протестантовъ мѣнялись, смотря по обстоятельствамъ, и тѣ же самые принципы, которыми кальвинисты оправдывали свое возстаніе противъ „нечестивыхъ" властей, были въ ходу и у католиковъ, какъ это проявилось въ іезуитской политической литературѣ и во время религіозныхъ войнъ во Франціи. Но что особенно важно въ реформаціонномъ движеніи для пониманія дальнѣйшаго политическаго развитія Западной Европы, такъ это развитіе въ кальвинизмѣ идеи народовластія. Несмотря на то, что не кальвинисты были изобрѣтателями этой идеи и что не одни они развивали ее въ XVI в., никогда ранѣе она не получала одновременно такой теоретической обосновки и такого практическаго вліянія, какъ съ XVI в., и не для чего не имѣла такого религіознаго значенія, какъ для кальвинистовъ, потому что они вѣрили въ ея истинность, какъ въ своего рода религіозный догматъ. Впрочемъ, если и допустить вліяніе собственно идей рефораціи на зарожденіе новыхъ политическихъ теорій, то настоящимъ источникомъ послѣднихъ была та политическая борьба, которая характеризуетъ самую жизнь государства въ XVI в.

2. РЕФОРМАЦІЯ ВЪ ГЕРМАНІИ.

XXXV. Политическое устройство Германіи наканунѣ Реформаціи [1]).

(Ст. С. В. Вознесенскаго).

Подобно всѣмъ западно-европейскимъ странамъ, Германія наканунѣ Реформаціи переживала пору коренной ломки своихъ соціальныхъ и политическихъ порядковъ. Въ ней, какъ и въ остальной Западной Европѣ, тоже выросли въ позднее Средневѣковье новыя общественныя силы, которыя къ началу Новаго Времени заявили властное притязаніе приспособить къ своимъ потребностямъ и стремленіямъ существующій государственный строй. Но въ Германіи перестройка политическаго зданія среди разгара сословно-классовой борьбы отличалась гораздо болѣе сложнымъ характеромъ, чѣмъ въ остальныхъ западно-европейскихъ государствахъ. Дѣло въ томъ, что послѣднія въ большинствѣ своемъ уже въ эпоху крестовыхъ походовъ представляли собой національныя концентраціи, болѣе или менѣе рѣзко отдѣлявшіяся другъ отъ друга цѣлымъ рядомъ особенностей, какъ въ области религіозно-культурной, такъ и въ области экономической, бытовой и политической [2]). Поэтому имъ въ XV ст. было сравнительно легко перестроить свою политическую организацію сообразно съ новыми общественными отношеніями.

Совсѣмъ не то мы видимъ въ Германіи. Въ ряду главнѣйшихъ государствъ въ З. Европѣ XV ст., каковыми были Франція, Англія, Испанія, Польша, лишь она одна не смогла вступить на путь національнаго прогресса и, обуреваемая партикуляристическими стремленіями, находилась въ состояніи крайне-неустойчиваго равновѣсія, переставъ быть единымъ государствомъ, но и не превратившись окончательно въ простую федерацію. Правда, нѣмецкій народъ въ лицѣ своей интеллигенціи вполнѣ уже доросъ до національнаго самосознанія, но рѣзкій антагонизмъ между императорской властью и властью мѣстныхъ князей, съ одной стороны, и глубокое сословное и территоріальное разъединеніе населенія, съ другой, ставили почти непреодолимыя препятствія для національной консолидаціи. Чтобы вполнѣ оцѣнить значеніе указанныхъ препятствій и въ связи съ этимъ понять то хаотическое состояніе, въ какомъ пребывала Германія въ началѣ Новаго Времени, мы должны изучить ихъ генетически, съ момента ихъ возникновенія.

---

[1]) Въ основу статьи положены, главнымъ образомъ, слѣдующіе труды: *Янсена*: „Экономическое, правовое и политическое состояніе германскаго народа наканунѣ Реформаціи"; *Лампрехта*, „Исторія германскаго народа", т. III; проф. *Карѣева*, „Исторія З. Европы въ Новое Время", т. II, и *Г. Белова*, „Городской строй и городская жизнь средневѣковой Германіи".

[2]) См. статью *Бергера*: „Развитіе національнаго самосознанія въ исходѣ Среднихъ Вѣковъ", въ первомъ отдѣлѣ этого тома „Хрестоматіи".

Извѣстно, что Германія, какъ особое государство, образовалась въ періодъ распаденія монархіи Карла Великаго, доставшись по Верденскому договору 843 г. Людовику Нѣмецкому. Въ составъ ея входили нѣсколько германскихъ племенъ, изъ которыхъ главными были франки, саксы, швабы, баварцы и лотарингцы. Германскимъ каролингамъ, однако, не только не удалось побѣдить сепаратизмъ этихъ племенъ и слить ихъ въ единый народъ, но они оказались безсильными и для борьбы съ мощно развившимся въ странѣ феодализмомъ. Поставленные еще Карломъ Великимъ въ качествѣ временныхъ управителей отдѣльныхъ областей графы и маркграфы начинаютъ теперь превращать свои должности въ наслѣдственныя и освобождать себя отъ подчиненія королевской волѣ. Въ борьбѣ съ королями они находятъ могущественную поддержку въ мѣстныхъ національныхъ группахъ и мало-по-малу превращаются изъ королевскихъ чиновниковъ въ племенныхъ герцоговъ. Примѣру высшихъ свѣтскихъ управителей слѣдуютъ и высшіе управители церкви — архіепископы и епископы. Немудрено, что въ 911 г., когда умеръ послѣдній изъ каролинговъ, Людовикъ Дитя, Германія представляла собой пестрый конгломератъ свѣтскихъ и духовныхъ княжествъ, которыя, тѣмъ не менѣе, не воспользовались прекращеніемъ династіи Карла Великаго, чтобы окончательно обособиться. Отъ этого шага удержала ихъ опасность, какою угрожали Германіи внѣшніе враги—венгры и славяне. Необходимость борьбы съ ихъ вторженіями заставила феодально-племенныхъ князей сохранить, хотя и слабую, королевскую власть, и они это сдѣлали, избравъ въ короли Конрада Франконскаго.

Возникшая въ Германіи феодальная монархія носила характеръ наслѣдственно-избирательный. На сеймахъ, состоявшихъ изъ свѣтскихъ и духовныхъ князей, среди которыхъ первыя мѣста занимали архіепископъ майнцкій и пфальцграфъ рейнскій [1]), выбирали въ короли, пока не вымиралъ царствующій королевскій домъ, одного изъ его членовъ и, по мѣрѣ возможности, придерживались преемственности отъ отца къ сыну. Вотъ почему въ Германіи отъ смерти короля Конрада Франконскаго въ 917 г. и до половины XIII в. царствовали, съ небольшими перерывами, всего только три династіи: саксонская (917—1024) франконская (1024—1137) и швабская (1137—1212). Отмѣтимъ при этомъ, что территоріальные князья, являвшіеся на избирательные сеймы, руководились при замѣщеніи королевскаго престола не столько личными взглядами, сколько взглядами населенія своихъ княжествъ, такъ какъ избраніе короля признавалось въ ту эпоху національнымъ правомъ отдѣльныхъ племенъ. На собранія въ 1024 г. при выборѣ Конрада II и въ 1125 г. при выборѣ Лотаря III, происходившія на Нижнемъ Рейнѣ, между Оппенгеймомъ и Майнцемъ, народныя массы являлись съ оружіемъ въ рукахъ и подавали голоса черезъ своихъ епископовъ и герцоговъ. Это право наглядно отразилось и на характерѣ королевской присяги, которая носила форму какъ бы договора между королемъ и народомъ. По избраніи короля на сеймѣ архіепископъ майнцкій предлагалъ ему шесть вопросовъ: желаетъ-ли онъ защищать католическую вѣру и государство, быть справедливымъ судьей и всеобщимъ защитникомъ и т. д. На каждый изъ этихъ вопросовъ король долженъ былъ отвѣчать „желаю" и скрѣпить свое обѣщаніе клятвой на Евангеліи. Послѣ этого архіепископъ, стоя на колѣняхъ, обращался къ „кругу", т.-е. къ окружавшимъ короля князьямъ и всѣмъ присутствовавшимъ, какъ бы ко всему

---

[1]) Оба они—князья тогдашней главной страны въ Германіи, Франконіи.

народу, и спрашивалъ: „желаете-ли вы подчиняться этому государю“. И только послѣ отвѣта со стороны собравшихся: „да будетъ“, слѣдовало коронованіе и міропомазаніе [1]).

Какъ феодальный монархъ, германскій король былъ не обладателемъ, а всего только верховнымъ управителемъ государства, опекуномъ, который долженъ былъ охранять права и вольности каждаго племени, каждой земли. Законы и постановленія, касавшіеся всей государственной территоріи, получали силу отъ его утвержденія, но вырабатывались не имъ однимъ, а на сеймахъ духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ [2]). Правда, король обладалъ верховными правами, вродѣ права взимать пошлины и чеканить монету, но не былъ выше закона: за нарушеніе коронаціонной присяги его подвергали княжескому суду и могли, въ случаѣ признанія виновнымъ, даже низложить съ престола.

Созданная въ интересахъ, главнымъ образомъ, внѣшней безопасности, королевская власть въ Германіи на первыхъ порахъ все свое вниманіе сосредоточила не на ослабленіи враждебныхъ ей въ своемъ существѣ племенныхъ и феодальныхъ силъ, а на борьбѣ съ національными врагами нѣмцевъ—венграми и балтійскими славянами. Уже очень чувствительные удары нанесъ имъ Генрихъ I Птицеловъ. Его преемникъ, Оттонъ I Великій, энергично продолжая ту же политику, сдѣлался какъ бы защитникомъ всего западно-европейскаго христіанства отъ нападеній язычниковъ. Понятно, что послѣ разгрома венгровъ при Лехѣ въ 955 г., безнаказанно опустошавшихъ до того времени не только Германію, но даже Италію и Францію, для него стало вполнѣ возможнымъ осуществить грандіозную мечту новаго возстановленія имперіи. Въ 962 г. онъ это и сдѣлалъ, принявъ при коронованіи въ Римѣ титулъ императора Священной Римской Имперіи Германской націи.

Теперь борьба германскихъ королей съ внѣшними врагами отходитъ на второй планъ, такъ какъ больше всего они заботятся о пріобрѣтеніи пышнаго титула. Эта погоня за призракомъ всемірно-христіанской монархіи вызвала сильный отпоръ со стороны римскаго папства, также стремившагося къ универсализму. Завязавшаяся вслѣдствіе этого почти трехвѣковая борьба императоровъ съ папами имѣла для Германіи однимъ изъ послѣдствій то, что королевская власть въ ней, непрочная и раньше, окончательно обезсилѣла. Въ странѣ пышно расцвѣлъ феодальный строй, который сокрушилъ племенную обособленность, но лишь для того, чтобы разбить населеніе по еще болѣе мелкимъ искусственнымъ территоріямъ, и который совершенно подчинилъ себѣ королевскую власть, олицетворявшую, хотя бы въ идеѣ, государственное единство. Въ такъ называемую эпоху междуцарствія, наступившую вслѣдъ за прекращеніемъ династіи Гогенштауфеновъ, дѣло дошло до полнаго упраздненія королевской власти, что дало поводъ французу Шарлю де-Люсонъ говорить о „концѣ Германіи“.

Но ожиданіе этого конца оказалось слишкомъ преждевременнымъ. Противъ всеобщаго безначалія и произвола, утвердившихся въ странѣ, раньше всего возстали города, создавшіе въ цѣляхъ взаимной помощи

---

[1]) Эту присягу давалъ каждый король Германіи до послѣдняго императора священной римской имперіи и перваго императора Австріи, Франца II, включительно.

[2]) „Чинъ“—„Stand“—означалъ не сословіе, а самостоятельную землю, входившую въ составъ германскаго государства, и тѣхъ, кто стоялъ во главѣ такой земли.

противъ нарушителей мира могущественный Рейнскій союзъ. Къ тому же и рыцарство, обрадовавшееся на первыхъ порахъ установившемуся въ странѣ развалу, вскорѣ стало имъ тяготиться, почувствовавъ на себѣ мощную руку крупныхъ феодаловъ и понявъ, что для защиты отъ нихъ необходимо укрѣпленіе королевской власти. Активное давленіе, главнымъ образомъ, этихъ группъ населенія, побудило, наконецъ, князей приступить къ избранію короля, что они и сдѣлали, возведя на престолъ въ 1273 г. Рудольфа Габсбургскаго.

Габсбурги и царствовавшіе въ перемѣжку съ ними Люксембурги отказались отъ грандіозныхъ замысловъ своихъ предшественниковъ, стремившихся къ созданію универсальной монархіи. Они поставили себѣ болѣе скромную задачу—увеличить свои владѣнія въ Германіи и стать со временемъ могущественнѣе всѣхъ остальныхъ германскихъ князей. Къ этому шелъ уже Рудольфъ Габсбургскій, отнявшій отъ Оттокара II Австрію, къ которой впослѣдствіи преемники его присоединили Чехію и Венгрію. О вмѣшательствѣ въ общегерманскія дѣла эти императоры думали очень мало, довольствуясь императорскимъ титуломъ и примирившись съ утратой императорской власти. Правда, сынъ Рудольфа, Альбрехтъ попытался было стать „человѣкомъ съ мечомъ Карла Великаго“ и „обрубить когти князьямъ-грабителямъ“, но за это палъ въ 1308 г. отъ руки убійцы, послѣ чего подобныя попытки были надолго оставлены. Наоборотъ, утвердившаяся въ Германіи политическая раздробленность была въ царствованіе Карла IV даже юридически санкціонирована. Изданная этимъ императоромъ въ 1356 г. „Золотая булла“ передавала на все будущее время избраніе короля семи курфюрстамъ: тремъ духовнымъ — епископамъ майнцскому, трирскому и кёльнскому и четыремъ свѣтскимъ—пфальграфу рейнскому, герцогу саксенъ-вюртембергскому, маркграфу бранденбургскому и королю богемскому. Она устанавливала нераздѣльность курфюршескихъ владѣній и право первородства въ свѣтскихъ княжествахъ, а также утверждала за курфюрстами всѣ, уже захваченныя ими, верховныя права, вродѣ права на рудники, чеканку монеты, таможни, и кромѣ того предоставляла имъ „свободу суда“, въ силу которой жившее на ихъ территоріи населеніе могло судиться только у нихъ. Позже нѣкоторыя изъ курфюршескихъ привилегій были даны и другимъ князьямъ, а также и имперскимъ городамъ.

Съ этого времени императоръ сталъ почти только „старшиной имперской общины“, полноправными членами которой считались курфюрсты и князья, а съ XV в. и представители городскихъ республикъ. Самостоятельный въ своихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ, императоръ въ дѣлахъ обще-имперскихъ долженъ былъ всегда считаться съ ихъ мнѣніемъ, вслѣдствіе чего, какъ только представлялась необходимость въ изданіи новыхъ законовъ или введеніи новыхъ налоговъ, созывалъ ихъ на такъ называемые рейхстаги. Раздѣлившись къ XV ст. на три куріи: курфюршескую, княжескую и городскую, эти рейхстаги носили характеръ съѣздовъ независимыхъ государей, своего рода международныхъ конгрессовъ. Если императоры, какъ мы уже отмѣтили, больше заботились о своихъ узко-династическихъ интересахъ, то это еще болѣе можно сказать про членовъ рейхстага. Послѣдніе всѣми силами противились изданію законовъ, которые нарушали бы самостоятельность отдѣльныхъ территорій, и, оберегая финансовые интересы послѣднихъ, отвергали всякіе расходы на общія нужды имперіи. Такимъ образомъ, изъ двухъ центральныхъ силъ, которыя, казалось, должны были бы служить дѣлу объединенія германской націи, одна противодѣйствовала другой, и обѣ онѣ не были въ состояніи побѣдить другъ друга.

Немудрено, что императорская власть, ставъ номинальной внутри страны, играла въ эту эпоху жалкую роль и въ дѣлахъ внѣшнихъ. „Князья и города,—говоритъ нѣмецкій лѣтописецъ,—своими почти безпрестанными войнами и усобицами сдѣлали насъ посмѣшищемъ у всѣхъ остальныхъ націй и очень часто наполняютъ всю страну разбоями и пожарами. Особенно виноваты князья въ томъ, что королевская власть, нѣкогда столь высокая и великая, стала безсильной въ имперіи, а въ Италіи и Бургундіи никто не боится римскаго короля нѣмецкой націи". Дѣйствительно, обѣ эти страны, раньше входившія въ составъ имперіи, теперь сдѣлались совершенно самостоятельными, и титулъ римскаго императора сталъ, поэтому, только фикціей, лишенной какого-бы то ни было реальнаго содержанія.

Въ такомъ паралитическомъ состояніи императорская власть въ Германіи пребывала, почти безъ перерыва, до конца XV ст. Что же представляли собой тѣ территоріальныя владѣнія, на которыя въ этотъ періодъ времени распадалась имперія? Эти владѣнія можно раздѣлить, въ сущности, на двѣ группы: на свѣтскія и духовныя княжества, съ одной стороны, и на имперскіе города, съ другой.

Свѣтскія и духовныя княжества, почти вплоть до эпохи междуцарствія, являлись въ полномъ смыслѣ слова феодальными государствами. Главы ихъ, князья и епископы, были по характеру своей власти сюзеренами, подъ патронатомъ которыхъ находились прелаты, рыцари и земскіе города. Такое положеніе ихъ юридически закрѣпилъ обнародованный Фридрихомъ II Гогенштауфеномъ на Вормскомъ сеймѣ въ 1231 г. Statutum in favorem principum ecclesiosticorum et mundanorum. Но послѣ эпохи кулачнаго права власть князей внутри ихъ владѣній стала падать. Подъ вліяніемъ княжескихъ притѣсненій въ средѣ рыцарей и прелатовъ росла солидарность, и они изъ совокупности отдѣльныхъ лицъ мало-помалу превращались въ дворянское и духовное сословія. Сословными интересами проникались также и горожане, численность и богатство которыхъ увеличивались, благодаря развитію бойкой торговли на Нѣмецкомъ и Балтійскомъ моряхъ.

Все болѣе и болѣе разгоравшаяся борьба названныхъ сословій съ мѣстными князьями, въ концѣ концовъ, привела къ возникновенію въ княжествахъ собраній земскихъ чиновъ или иначе ландтаговъ. Устройство послѣднихъ не вездѣ было одинаково. Въ нѣкоторыхъ княжествахъ „духовная, дворянская и городская скамьи" [1] составляли одно собраніе, въ другихъ же каждый чинъ засѣдалъ особо, какъ отдѣльная курія. Постановленія обыкновенно принимались простымъ большинствомъ голосовъ, но иногда требовалось согласіе всѣхъ трехъ чиновъ. Нерѣдко учреждались постоянные комитеты, которые, послѣ роспуска ландтага, должны были наблюдать за исполненіемъ принятыхъ имъ рѣшеній. Важнѣйшими правами ландтаговъ были право законодательства и право податнаго обложенія. Впослѣдствіи они пріобрѣли значительныя права и въ области управленія. Такъ, напр., княжескіе совѣтники стали зависѣть отъ нихъ. Посредствомъ вотированія налоговъ они добились также и того, что князья безъ ихъ согласія не смѣли строить бурговъ и замковъ, вступать въ договоры, начинать войну и заключать миръ. Для разрѣшенія споровъ между князьями и земскими чинами въ нѣкоторыхъ областяхъ существовали особые суды, членовъ которыхъ назна-

---

[1]) Представители крестьянства были только въ восточной Фрисландіи и Тиролѣ.

чали сословія. Въ случаѣ неподчиненія князей судебнымъ постановленіямъ, ландтаги имѣли право разрѣшить населеніе отъ присяги имъ и призвать его къ оружію. Это послѣднее право очень часто торжественно подтверждалось князьями въ особыхъ грамотахъ. Такъ, герцогъ Фридрихъ Брауншвейгъ-Люнебургскій заявилъ въ 1471 г.: „Если мы, наши наслѣдники или потомки, будемъ, вопреки праву и обѣщанію, отягощать нашихъ прелатовъ, рыцарей и города, то мы разрѣшаемъ и позволяемъ имъ дѣйствовать всѣмъ вмѣстѣ или каждому порознь и защищаться отъ насъ, нашихъ наслѣдниковъ или потомковъ, пока ихъ не удовлетворятъ по закону безъ всякихъ проволочекъ и возраженій". Такого рода земскія конституціи гарантировали тремъ сословіямъ довольно широкую личную и гражданскую свободу, пока эти сословія жили въ мирѣ другъ съ другомъ. Такое положеніе вещей французъ Пьеръ де-Фруассаръ очень удачно охарактеризовалъ слѣдующими словами: „Какъ князья поставили въ зависимость отъ себя императора и признаютъ за нимъ лишь нѣкоторыя верховныя права, такъ и они, со своей стороны, зависятъ отъ воли чиновъ". Но это согласіе между сословіями къ концу XV ст. уже было нарушено.

Прелаты, слѣдуя предписаніямъ римскаго папы, стремились къ главенству въ свѣтскомъ обществѣ, которое желали подчинить церковной юрисдикціи и обложить всевозможными сборами въ пользу церкви. Кромѣ того, они пытались всецѣло освободиться отъ подчиненія свѣтской власти, хотя послѣдняя сама надѣлила ихъ массой привилегій, особенно въ сферѣ податной. Немудрено, что за эти притязанія всѣ классы общества относились къ высшему духовенству крайне враждебно.

Такое же отношеніе встрѣчало къ себѣ со стороны массы населенія и рыцарство. Экономическое положеніе его было подорвано быстро развивавшимся съ XIII ст. денежнымъ хозяйствомъ. Чтобы выйти изъ кризиса, обѣднѣвшіе рыцари всячески увеличивали поборы со своихъ крестьянъ и сокращали площадь крестьянской запашки, отбирая въ свое пользованіе все большіе и большіе куски общинныхъ угодій. Раньше спасеніемъ отъ матеріальной нужды являлась для нихъ военная служба. Но съ той поры, какъ было введено огнестрѣльное оружіе и появилась необходимость въ регулярномъ войскѣ, императоръ и князья стали предпочитать нестройнымъ толпамъ буйнаго рыцарства наемные отряды ландскнехтовъ. Тогда рыцари, кромѣ поборовъ съ крестьянъ и захватовъ ихъ земли, не стали брезговать, для добыванія себѣ средствъ къ жизни, также грабежами и разбоями. Но эта дѣятельность вызвала въ отношеніи къ нимъ, какъ къ носителямъ безпорядка и анархіи, всеобщую ненависть. Особенно ярыми врагами ихъ были, помимо крестьянства, горожане. Ведя торговлю и вслѣдствіе этого часто проѣзжая черезъ рыцарскія имѣнія, послѣдніе всегда подвергались опасности быть зарѣзанными или, въ лучшемъ случаѣ, ограбленными.

Такая глубокая общественная рознь какъ нельзя болѣе была на руку мѣстнымъ князьямъ, такъ какъ при наличности ея ландтаги рѣдко могли пользоваться своими обширными полномочіями. Хотя окончательный упадокъ этихъ учрежденій относится ко времени тридцатилѣтней войны, но тенденціи князей къ абсолютизму сдѣлались замѣтными и въ XV в. „Стараясь стѣснить и подорвать самостоятельность дворянства и городовъ порознь,—говоритъ Пьеръ-де-Фруассаръ,—князья пользовались ихъ раздорами, гдѣ бы они ни были, хотя бы въ собраніяхъ чиновъ, и раздували эти раздоры для своей выгоды и для увеличенія своей власти".

Въ нѣкоторыхъ областяхъ самоуправленіе земскихъ городовъ [1]) было почти совершенно разрушено. Члены магистратовъ, напр., утверждались въ своихъ должностяхъ съ разрѣшенія княжеской власти, которая, кромѣ того, контролировала и самую ихъ дѣятельность. Положеніе графовъ и рыцарей тоже пошатнулось. Укрѣпленные замки, въ которыхъ они раньше имѣли полное основаніе считать себя „почти независимыми отъ какой бы то ни было власти“, теперь, съ появленіемъ „дорого стоющей“ артиллеріи, уже не спасали ихъ отъ подчиненія князьямъ. Въ своемъ стремленіи къ абсолютизму территоріальные государи встрѣтили мощную поддержку въ лицѣ представителей крупнаго капитала, для которыхъ сильная правительственная власть, способная уничтожить средневѣковую анархію, была насущной необходимостью. Благодаря средствамъ, предоставлявшимся въ ихъ распоряженіе капиталистами, они начали съ этого времени создавать исключительно подчиненныя имъ бюрократію и наемное войско, вооруженное огнестрѣльнымъ оружіемъ. Въ чиновники къ нимъ поступали главнымъ образомъ лица изъ городского сословія, изучившіе въ университетахъ римское право. Этихъ людей, порвавшихъ всѣ связи съ ихъ прежней соціальной средой, князья охотно дѣлали своими совѣтниками и помощниками, передавая имъ важнѣйшія должности при дворахъ и по управленію и пользуясь ихъ услугами въ качествѣ дипломатовъ. Въ своихъ сочиненіяхъ и на практикѣ эти „юристы“, какъ называло чиновниковъ населеніе, и явились идеологами зарождавшагося абсолютизма. Они проводили взглядъ на территоріальнаго государя какъ на princeps'а въ старо-римскомъ смыслѣ этого слова. Законодательство и администрація, военная, судебная и финансовая власть, торговля и международныя сношенія, рудники и лѣса, наконецъ, частная собственность были объявлены ими принадлежностью князей. Съ особенной ненавистью они выступали противъ монастырскихъ имуществъ, церковной юрисдикціи и самостоятельности духовенства. Нѣкоторые изъ нихъ открыто договаривались до того, что князь, по примѣру римскихъ императоровъ, „и въ религіозныхъ дѣлахъ можетъ и долженъ давать мѣру и форму, назначать и смѣщать епископовъ и употреблять имущества церкви для своей выгоды и въ интересахъ своей страны“. Полное осуществленіе этихъ идей и принесла съ собой начавшаяся въ XVI ст. реформація, во время которой князья, сохранивъ и даже усиливъ свою независимость отъ императора, добили рыцарство и горожанъ и подчинили себѣ протестантскія церкви.

Общественная рознь, правда въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ въ свѣтскихъ и духовныхъ княжествахъ, обнаружилась въ концѣ Средневѣковья также и въ имперскихъ городахъ. Эти города возникли главнымъ образомъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ прежнія племенныя герцогства распались на нѣсколько частей, — въ Швабіи и на Рейнѣ. Главнѣйшими изъ нихъ были слѣдующіе: на нижнемъ Рейнѣ — Аахенъ и Кёльнъ; на среднемъ Рейнѣ — Майнцъ, Вормсъ и Франкфуртъ; на верхнемъ Рейнѣ—Страсбургъ и Кольмаръ; въ Швейцаріи—Бернъ и Цюрихъ; въ Швабіи—Аугсбургъ, Ульмъ, Гейльбронъ и Донаувертъ; въ Вестфаліи—Дортмундъ и Герфордъ; въ Нижней Саксоніи—Любекъ, Бременъ и Гамбургъ; въ Нидерландахъ—Камбрэ и Нимвегенъ; въ Лотарингіи—Метцъ, Туль и Верденъ; во Франконіи—Нюренбергъ; въ Баваріи—Регенсбургъ; въ

[1]) Такъ назывались города, которые въ отличіе отъ имперскихъ, представлявшихъ собой самостоятельныя республики, находились въ подчиненіи мѣстныхъ князей.

Тюрингіи—Эрфуртъ. Только въ Бранденбургѣ, Австріи и Богеміи не было ни одного торгово-промышленнаго центра, который былъ бы въ состояніи добиться независимости.

Впервые имперскіе города появляются на исторической сценѣ въ XI ст. „Въ теченіе двухъ послѣдующихъ вѣковъ,—говоритъ Георгъ Беловъ,—было положено начало всему тому, что составляетъ главное содержаніе городской жизни вплоть до начала новѣйшаго времени. Въ это время ремесленники и купцы образуютъ цехи и гильдіи. Въ это время возникаютъ городскіе совѣты и все городское управленіе. Тогда же воздвигаются первыя городскія думы и гостиные дворы. Тогда же города выступаютъ впервые со своими широкими мѣропріятіями въ области внутренняго управленія". Изъ причинъ, вызвавшихъ появленіе городовъ, сыграли наиболѣе крупную роль двѣ. Первая состояла въ томъ, что населеніе Германіи постепенно росло. Занятіе земли подъ обработку достигло съ теченіемъ времени извѣстнаго предѣла, а колонизація и германизація славянскихъ странъ приняла широкіе размѣры лишь съ XIII в. Пока же избытокъ населенія пригодился городамъ, особенно тѣмъ, по близости отъ которыхъ находились горныя богатства и соляныя копи. Къ этому присоединилось и внѣшнее вліяніе. Въ эпоху крестовыхъ походовъ завязалась оживленная торговля съ Востокомъ, шедшая главнымъ образомъ черезъ Италію. Она дала прежде всего южной и юго-западной, а позже и сѣверной Германіи новый толчокъ къ торгово-промышленному развитію. Пріобрѣтая у итальянцевъ восточные товары, нѣмецкіе купцы снабжали ими не только Германію, но и Польшу, Россію, Скандинавскій полуостровъ и даже Англію. Немудрено, что эта „народно-хозяйственная революція", какъ называютъ экономическій переворотъ XII—XIII вв. нѣкоторые историки, привела къ пышному расцвѣту городской жизни.

Богатые и съ многочисленнымъ населеніемъ города, искусно пользуясь раздорами между императоромъ и папою, съ одной стороны, и между императоромъ и князьями, съ другой, и устраивая союзы между собою, постепенно пріобрѣтали значительную самостоятельность. Наиболѣе крупные изъ нихъ, въ концѣ концовъ, стали въ XV в. на ряду съ свѣтскими и духовными княжествами непосредственными членами имперіи.

Такъ какъ имперскіе города сами вырабатывали нормы своей жизни, то почти въ каждомъ изъ нихъ образовались особыя учрежденія и даже обычаи. „Конституціи ихъ,—замѣчаетъ по этому поводу І. Янсенъ,—часто были не менѣе причудливыми, чѣмъ церкви, воздвигавшіяся ими внутри своихъ стѣнъ". До конца XIII ст. управленіе въ городахъ принадлежало только патриціямъ—стариннымъ купцамъ-землевладѣльцамъ, бывшимъ первыми насельниками. Но съ XIV ст. и цеховые мастера пріобрѣтали, иногда послѣ упорной и кровавой борьбы, право участія въ городскихъ учрежденіяхъ, послѣ чего патриціи и ремесленники постепенно сливались въ одно гражданское общество. Только въ немногихъ городахъ, напр., во Франкфуртѣ и Нюренбергѣ, первые въ отличіе отъ вторыхъ сохранили нѣкоторыя привилегіи. Съ этого момента все городское управленіе стало основываться на цеховой организаціи: полноправные граждане, даже не занимавшіеся промыслами, были соединены въ цехи, представители которыхъ выбирались въ городскіе совѣты, городскія управы и городскіе суды. Обыкновенно совѣтамъ принадлежало право самопополненія, т.-е. кооптаціи новыхъ членовъ изъ числа организованныхъ въ цехи гражданъ, или же право выбора ихъ изъ числа намѣченныхъ цехами кандидатовъ. Только для рѣшенія особенно важныхъ

вопросовъ законодательства и податного обложенія въ нѣкоторыхъ городахъ допускались собранія всѣхъ полноправныхъ гражданъ. Вообще же компетенція городскихъ совѣтовъ и управъ была чрезвычайно обширна. Они вели городское хозяйство, устанавливая косвенные и съ XV ст. подоходные налоги и расходуя поступавшіе доходы на нужды города: городскія укрѣпленія, общественныя зданія и церкви, мосты и дороги, а также выплачивая опредѣленныя суммы главѣ имперіи и жалованье наемнымъ солдатамъ, и погашая городскіе долги; „ради чести, пользы и блага города" они осуществляли строгій надзоръ за торговлей и промышленностью, издавали законы противъ роскоши, устраивали строительную полицію и полицію, слѣдившую за иностранцами; наконецъ, большое вниманіе они обращали на военное дѣло, бывшее любимымъ занятіемъ гражданъ „въ свободные и праздничные дни и въ иное время послѣ работы", устраивая, когда былъ изобрѣтенъ порохъ, арсеналы, пороховые и литейные заводы и крѣпостныя сооруженія для орудій.

Городскія учрежденія, надѣленныя столь широкими полномочіями, превосходно выполняли свои задачи по управленію, пока въ составѣ населенія не было рѣзкихъ контрастовъ. Правда, съ самаго возникновенія городовъ въ нихъ существовали полноправные граждане—купцы и мастера—и неполноправные—приказчики и подмастерья. Но различіе между этими группами долгое время не являлось чѣмъ-то опредѣленнымъ и ненарушимымъ. Пока преобладало мелкое ремесло, и торговля обслуживала, главнымъ образомъ, мѣстные рынки, полноправное гражданство не было замкнутымъ сословіемъ, и доступъ въ него для стороннихъ элементовъ былъ сравнительно легкимъ. Разслоеніе городского общества началось лишь съ дальнѣйшимъ развитіемъ внѣшней торговли. Только она давала возможность купцамъ накапливать въ своихъ рукахъ огромныя богатства, а ремесленникамъ расширять размѣры своихъ мастерскихъ. Съ этого времени организованные въ гильдіи и цехи граждане всяческими способами старались затруднить появленіе въ своей средѣ новыхъ лицъ. Съ приказчика или подмастерья, желавшаго записаться въ гильдію или цехъ, стали требовать громадныхъ вступительныхъ взносовъ, сдѣлать которые оказывались въ состояніи большею частью только сыновья купцовъ и мастеровъ. Мало того, приказчики и подмастерья, признававшіеся раньше членами семействъ купцовъ и мастеровъ, у которыхъ они отслуживали время своего ученья, теперь становились въ положеніе батраковъ: хозяева стремились удлинить для нихъ рабочее время и понизить заработную плату. Естественно, что съ момента классоваго расчлененія органы городского управленія стали вырождаться въ орудія господства полноправнаго гражданства надъ безправной массой пролетаріевъ, и въ городахъ началась глухая соціальная вражда. Временно гражданство и пролетаріатъ объединялись лишь для отпора притязаніямъ духовенства, которое и въ имперскихъ городахъ занимало ту же позицію, что и въ княжествахъ.

Таково было въ общихъ чертахъ внутреннее состояніе Германіи въ XV ст. Ему вполнѣ соотвѣтствовало и ея внѣшнее положеніе. Имперія не только утратила европейскую гегемонію, но не была въ силахъ и успѣшно защищаться отъ враговъ. Особенно печальнымъ въ этомъ отношеніи было продолжительное царствованіе Фридриха III. Шлезвигъ-Голштинія перешла въ 1460 г. къ королю датскому, а Тевтонскій орденъ былъ вынужденъ въ 1466 г. уступить большую часть своей территоріи Польшѣ. По смерти Карла Смѣлаго въ 1477 г., французскій король Людовикъ XI отобралъ Бургундію, а его преемникъ Карлъ VIII, завладѣвъ

въ 1495 г. Неаполемъ, открыто заявилъ о своемъ намѣреніи „возложить императорскую корону на свою голову". Еще большую угрозу несли съ собой турки. Взявъ Константинополь въ 1453 г. и быстро справившись съ Сербіей, трапезунтскимъ царствомъ, Босніей и Славоніей, они стали нападать и на германскія области. До 1493 г., когда умеръ Фридрихъ, было по шести вторженій ихъ въ Штирію и Каринтію и семь въ Крайну.

Внутренняя борьба и внѣшняя опасность, съ которыми Германія не могла справиться, чрезвычайно удручали немногочисленную въ то время нѣмецкую интеллигенцію, вполнѣ доросшую до національнаго самосознанія. „Чѣмъ могла бы быть Германія,—говорили патріоты,—если бы она хотѣла пользоваться своей силой въ своихъ же интересахъ? Ни одинъ народъ въ мірѣ не могъ бы противиться ей!" И необходимость коренныхъ реформъ стала ясной для нихъ еще въ началѣ XV ст.

Съ наиболѣе разработаннымъ проектомъ преобразованій раньше другихъ выступилъ Николай Кузанскій, который былъ также виднымъ реформаторомъ и въ областяхъ церковной и научной. „Смертельная болѣзнь,—писалъ онъ въ своемъ знаменитомъ сочиненіи: „О католическомъ единствѣ",—охватила имперію, и смерть несомнѣнно наступитъ, если вскорѣ не послѣдуетъ лѣченія энергичными средствами". Главную причину упадка Германіи онъ усматривалъ въ своекорыстіи князей, захватившихъ выпавшую изъ слабыхъ рукъ императоровъ власть и оставившихъ всякія заботы объ имперіи. Для исцѣленія отъ этого зла, по его мнѣнію, необходимо учрежденіе 12-ти имперскихъ судебныхъ палатъ въ составѣ присяжныхъ судей: духовнаго, дворянскаго и городского, и превращеніе имперскаго сейма въ ежегодно созываемое учрежденіе, которое въ теченіе мѣсяца засѣдало бы во Франкфуртѣ на Майнѣ для рѣшенія законодательныхъ дѣлъ и на которое, кромѣ курфюрстовъ, приглашались бы всѣ имперскіе судьи и представители отъ городовъ. А для того, чтобы дѣятельность судебной и законодательной властей могла дѣйствительно принести пользу, онъ рекомендовалъ усилить власть императора, предоставивъ въ его распоряженіе постоянное войско и, на содержаніе послѣдняго, опредѣленный налогъ.

Мысль Николая Кузанскаго, что одна лишь императорская монархія, въ противовѣсъ преобладанію территоріальныхъ властей, можетъ возстановить въ Германіи миръ и право и уничтожить угрозу революціи или вражескаго нашествія—неоднократно всплывала и въ послѣдующихъ реформаторскихъ планахъ. „Намъ недостаетъ отнюдь не хорошаго права,—писалъ, напр., въ 1439 г. Вильгельмъ Беккеръ изъ Майнца:—хорошіе законы и обычаи есть у насъ въ изобиліи... Но пока императоръ остается въ постоянной зависимости отъ воли князей, не располагаетъ необходимымъ войскомъ и денежными средствами для выполненія приговоровъ и иныхъ распоряженій, до тѣхъ поръ право и справедливость не утвердятся". Поставленные впервые отдѣльными представителями нѣмецкой интеллигенціи вопросы о вѣчномъ земскомъ мирѣ, о прочномъ устройствѣ судовъ, объ организаціи имперскаго войска и введеніи имперскаго налога не могли не заинтересовать мало по малу и носителей власти въ германскихъ областяхъ. Не разъ послѣдніе стали уже въ царствованіе Фридриха III подымать ихъ на сеймахъ, но переговоры между чинами шли безъ успѣха, и одинъ изъ современниковъ съ прискорбіемъ сознавался, что „въ теченіе долгой жизни императора императорская власть не увеличилась, а уменьшилась", и притомъ „какъ въ нѣмецкихъ земляхъ, такъ и относительно иноземныхъ націй". Единственное, что было достигнуто въ это время,

это болѣе правильная организація рейхстаговъ, на которыхъ имперскіе города окончательно получили представительство, хотя и не въ такой степени, какая соотвѣтствовала бы ихъ силѣ.

Надежды на политическую реформу и связанное съ нею смягченіе классовыхъ контрастовъ особенно ожили со вступленіемъ на престолъ сына Фридриха, Максимиліана I (1493—1519). Онъ принадлежитъ къ самымъ популярнымъ королямъ, извѣстнымъ намъ изъ нѣмецкой исторіи. „Еще и теперь живетъ, въ сказаніяхъ народа,—говоритъ І. Янсенъ,— не одинъ подвигъ этого „послѣдняго рыцаря", не одно изумительное дѣло, совершенное имъ въ пылу битвъ, или на турнирахъ, или во время его охотъ на медвѣдей и кабановъ. Всегда, когда онъ выступалъ лично, онъ вызывалъ уваженіе и расположеніе къ себѣ, — то ли на томъ поединкѣ въ Парижѣ, гдѣ онъ не узнанный, въ простомъ вооруженіи выбилъ изъ сѣдла французскаго рыцаря, котораго всѣ боялись, и лишь послѣ этого поднялъ забрало и показалъ торжествующему народу свое мужественное лицо,—то ли въ день битвы при Генегатѣ, когда онъ, увѣнчавшись первыми лаврами, лично ухаживалъ за ранеными,—или во время той прогулки передъ Аугсбургомъ, когда онъ, увидѣвъ тяжело больного нищаго, сошелъ съ коня, далъ больному напиться, снялъ съ себя императорскій плащъ, укуталъ имъ дрожащаго отъ холода нищаго и затѣмъ поспѣшилъ въ городъ за священникомъ". Но и этотъ императоръ, произведшій на народъ своимъ внѣшнимъ видомъ и внутренними качествами чарующее впечатлѣніе, не взялъ, однако, иниціативы въ проведеніи реформы въ свои руки, правда, по инымъ мотивамъ, чѣмъ недѣятельный Фридрихъ III. Исключительно занятый династическими интересами, желая значительно раздвинуть предѣлы родовыхъ владѣній Габсбурговъ, что имъ и было успѣшно выполнено, Максимиліанъ смотрѣлъ на имперію, лишь какъ на средство для достиженія своихъ замысловъ, совершенно, въ сущности, чуждыхъ націи. Собственнымъ бракомъ на дочери Карла Смѣлаго Маріи онъ пріобрѣлъ Нидерланды, а браками своихъ дѣтей и внуковъ обезпечилъ потомству Испанію съ Новымъ Свѣтомъ, Богемію и Венгрію. Средства же и силы имперіи онъ употреблялъ на то, чтобы отстоять свои земли отъ турокъ и въ особенности отъ французовъ.

Стремленіе къ реформамъ, однако, сдѣлалось настолько сильнымъ, что попытку осуществленія ихъ, какъ и при Фридрихѣ III, взяли въ свои руки территоріальные князья. Такимъ образомъ ожиданія патріотовъ, думавшихъ, что „сила народа зависитъ отъ силы императорской власти", не оправдались: не императоръ, а имперскіе чины предприняли и провели реформу, которая вслѣдствіе этого оказалась въ интересахъ не императора, а князей. На Вормсскомъ сеймѣ 1495 года послѣдніе установили „общій и земскій вѣчный миръ" и учредили имперскій верховный судъ, такъ-называемый рейхскаммергерихтъ, гдѣ лишь предсѣдатель назначался императоромъ, а изъ членовъ 16—курфюрстами, 14 князьями и 2 городами. Кромѣ того, имперія была раздѣлена ими на десять округовъ, во главѣ которыхъ должны были стоять два окружныхъ старшины изъ наиболѣе могущественныхъ князей, начальствовавшіе надъ окружнымъ войскомъ [1]), съ правомъ приводить въ исполненіе приговоры верховнаго суда. Наконецъ, они проектировали еще учрежденіе особаго правительственнаго совѣта для охраны внутренняго мира и внѣшней безопасности и для завѣдыванія

[1]) Это войско должно было состоять изъ 20.000 пѣхоты и 4.000 конницы въ каждомъ округѣ.

общеимперскими финансами. Но Максимиліанъ разстроилъ эту попытку князей создать въ Германіи союзное правительство, которое вовсе отодвинуло бы императора въ сторону. Къ идеѣ о правительственномъ совѣтѣ онъ отнесся особенно непріязненно, и этотъ совѣтъ не былъ учрежденъ, а для противодѣйствія рейхскаммергерихту создалъ въ Вѣнѣ для своихъ наслѣдственныхъ земель рейхсгофратъ. Что же касается окружныхъ войскъ и общеимперскаго налога, то ихъ не удалось учредить вслѣдствіе отсутствія согласія и въ средѣ самихъ имперскихъ чиновъ. Такимъ образомъ княжеская реформа потерпѣла полное фіаско. Открыто же встать противъ князей и начать политическое объединеніе Германіи въ связи съ перемѣнами въ гражданскомъ быту, опираясь на тѣ общественныя силы, которыя были враждебны княжескому порядку и пошли бы за императоромъ, Максимиліану, какъ выразился проф. Карѣевъ, и въ голову не приходило: для этого онъ былъ слишкомъ австріецъ.

Понятно, что вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между императоромъ и князьями остался, такимъ образомъ, открытымъ, а равно и та общественная борьба, которая шла вокругъ него, не была приведена къ концу. Рѣшеніе этого вопроса произошло уже въ эпоху Реформаціи.

XXXVI. Происхожденіе оппозиціи противъ Рима въ Германіи.

(По соч. Ранке: „Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation“).

Различные моменты жизни народной соединились и внушили Германіи рѣшительную оппозицію противъ римскаго престола.

Власть папская болѣе всего потрясена была стремленіемъ послѣдняго десятилѣтія XV вѣка дать народу правильное, самобытное правленіе: папа, имѣвшій сильное вліяніе на политическое состояніе государствъ, необходимо долженъ былъ столкнуться на этомъ пунктѣ съ требованіями народа. Первый шагъ къ оппозиціи сдѣланъ былъ въ 1487 г., когда къ папѣ отправлено было прошеніе объ уничтоженіи сбора десятой части доходовъ, которымъ онъ самовольно обложилъ всю Германію. Въ 1495 г. предполагалось поставить въ обязанность президенту имперскаго совѣта, чтобъ онъ защищалъ народъ противъ тягостныхъ притязаній западной церкви. Когда въ 1498 году сословія соединились на самое короткое время съ императоромъ, тогда, съ общаго согласія, предположено было требовать у папы, чтобъ онъ предоставлялъ собираемые имъ въ такой огромной массѣ аннаты въ ихъ распоряженіе для войны съ турками. Въ 1500 г., когда состоялся имперскій совѣтъ, въ Римъ отправились послы съ этимъ требованіемъ, къ которому присовокуплена была жалоба на незаконное вмѣшательство въ распоряженіе и пользованіе духовными бенефиціями; когда же явился папскій легатъ для празднованія юбилейнаго года новаго столѣтія, ему не позволили дѣйствовать безъ разрѣшенія имперскаго правительства, чтобъ не произошло чего-нибудь противнаго его пользамъ. Легатъ настаивалъ на своемъ, и правительство дало ему коммисаровъ для сбора денегъ, долженствовавшихъ поступить въ казну государственную. Императоръ Максимиліанъ принялъ дѣятельное участіе въ соборѣ, созванномъ въ Пизѣ въ 1511 году, называлъ себя защитникомъ и блюстителемъ церкви, обѣщалъ членамъ

собора покровительство и милость до заключенія ихъ переговоровъ, „которые, какъ онъ надѣется, будутъ угодны Богу и заслужатъ похвалу людей“. Воскресла прежняя надежда, что постановленія собора произведутъ благодѣтельныя перемѣны въ управленіи церкви; но не долго слабый Максимиліанъ былъ покровителемъ рождающихся идей: помирившись съ папою Юліемъ II, онъ потребовалъ у имперскихъ чиновъ пособія для потушенія ереси, вожженной Пизанскимъ соборомъ. Итакъ, первая оппозиція не удалась, потому что не было истинной самобытной дѣятельности; но первая неудача не поселила отчаянія въ успѣхѣ: живо сохранилось въ сердцахъ стремленіе къ независимости, и жалобы на церковную тиранію раздавались все громче и громче. Геммерлинъ, котораго сочиненія вездѣ читались съ жаромъ, представляетъ огромный перечень обмановъ и хищеній папскаго двора. Поистинѣ, нельзя себѣ представить, до какой степени достигло корыстолюбіе западнаго духовенства: по разсчету, сдѣланному на сеймахъ, до 300,000 гульденовъ ежегодно переходили въ папскую казну, за исключеніемъ огромныхъ суммъ, платимыхъ епископами при ихъ посвященіи, за исключеніемъ сбора съ приходовъ, поступавшаго туда же.

Къ жалобамъ на корыстолюбіе духовенства присоединились споры относительно отправленія правосудія свѣтскаго и духовнаго, особенно въ Саксоніи, гдѣ, кромѣ трехъ туземныхъ епископовъ, право суда имѣли архіепископы майнцскій и пражскій, епископы Вюрцбурга, Бамберга и др. Замѣшательство происходило преимущественно отъ того, что всѣ распри между духовными и свѣтскими рѣшаемы были одними духовными судами, которые стѣсняли свѣтское правосудіе. Еще въ 1451 г. герцогъ Вильгельмъ жаловался на это стѣсненіе и представлялъ о томъ папѣ; въ 1490 году повторялась та же жалоба съ присовокупленіемъ замѣчанія, что народъ приходитъ въ нищету отъ безпрерывныхъ процессовъ. Наконецъ, въ 1518 г., герцоги обѣихъ линій, Георгъ и Фридрихъ, настоятельно требовали, чтобы духовные суды ограничились духовными дѣлами, чтобы одни свѣтскіе суды имѣли власть надъ свѣтскими, и чтобы сеймъ рѣшалъ, что должно относиться къ дѣламъ свѣтскимъ и что къ духовнымъ. Впрочемъ, не одна Саксонія желала подобныхъ измѣненій: это было всеобщимъ требованіемъ, поглотившимъ вниманіе всѣхъ послѣдующихъ сеймовъ.

Особенно города отягощены были привилегіями духовенства. И, дѣйствительно, что можетъ быть непріятнѣе для благоустроеннаго государства, какъ видѣть въ стѣнахъ своихъ особенное общество, которое не признаетъ его законовъ и не считаетъ себя обязаннымъ слѣдовать его постановленіямъ? Церкви были убѣжищами для преступниковъ, монастыри—сборищами разнузданной молодежи! Даже появились духовные, которые, пользуясь привилегіею не платить пошлины, занимались торговлею и, къ великому соблазну истинно-благочестивыхъ людей, заводили шинки; а если кто-нибудь вмѣшивался въ ихъ беззаконныя дѣла, то они грозили проклятіемъ и отлученіемъ отъ церкви. При такихъ важныхъ злоупотребленіяхъ духовной власти обнаружились и прочіе недостойные поступки духовенства: съ какимъ жаромъ ратуетъ Геммерлинъ противъ неслыханнаго приращенія богатства монаховъ, опустошавшихъ цѣлыя деревни, противъ множества праздниковъ, противъ безбрачія, которое развратило нравы западнаго духовенства, противъ безчисленнаго множества священниковъ, которыхъ въ одномъ Констанцѣ посвящалось ежегодно до 200!

Безпорядки зашли такъ далеко, что самые обычаи духовенства оскорбляли общественную нравственность. Священники, жившие въ беззаконныхъ связяхъ и обремененные дѣтьми, продавали разрѣшеніе грѣховъ, а потому, вмѣсто уваженія къ своему сану, возбуждали къ себѣ презрѣніе; большая часть людей, вступая въ монашество, искала спокойной, безпечной жизни; всѣ говорили, что духовенство беретъ у всѣхъ сословій только одно пріятное и убѣгаетъ всего тягостнаго: у рыцарей прелатъ заимствуетъ блестящія одежды, огромную свиту, великолѣпные выѣзды, соколиную охоту; съ женщинами раздѣляетъ онъ красивые покои и сады, но не вѣдаетъ ни тяжести, ни трудовъ домохозяйства. Отсюда произошла на Западѣ и пословица: „кто хочетъ быть доволенъ на одинъ разъ, тотъ убей курицу; кто хочетъ оставить себѣ спокойствіе на одинъ годъ, тотъ возьми себѣ жену, а кто на всю жизнь,—сдѣлайся священникомъ“. Такихъ пословицъ ходило множество въ народѣ: ими наполнены брошюры того времени.

На литературѣ народной вполнѣ отразился оппозиціонный духъ, стремившійся поразить злоупотребленія, которыя становились невыносимыми. Чтобъ имѣть доказательства справедливости сказаннаго нами, достаточно назвать произведенія народной литературы Ганса Розенблюма и Себастіана Брандта: „Eulenspigel“ (игры на Рождество Христово), передѣлку „Reineke Fuchs“ и „Narrenschiff“.

Во всѣхъ этихъ твореніяхъ осмѣяны духовные, ихъ домашняя жизнь, ихъ общественныя отношенія, словомъ, все, что касается до католическихъ монастырей и монаховъ. Оппозиція, явившаяся въ формѣ шутки и находившая себѣ пищу въ понятіяхъ всего народа, сдѣлалась главнымъ элементомъ его, утвердилась крѣпко и непосредственно слилась со всѣми явленіями жизни. Замѣшательство и неустройство, видимыя вездѣ въ общественныхъ отношеніяхъ, пробудили естественнаго противника—здравый умъ человѣческій, который возникъ въ глубинѣ націи, и хотя онъ проявлялся въ грубыхъ, мѣщанскихъ формахъ, но представлялъ собою истину, сдѣлался двигателемъ міровыхъ явленій.

Не одна, впрочемъ, народная литература подвизалась на поприщѣ оппозиціи: ученая приняла такое же, можетъ быть, еще болѣе рѣшительное, направленіе. Въ этомъ отношеніи важнѣе всего вліяніе Италіи: тамъ ни схоластика, ни романтическая поэзія не достигли совершеннаго преобладанія; въ Италіи сохранилось воспоминаніе древности, которое развилось въ XV вѣкѣ, заняло всѣ умы и дало новую жизнь литературѣ. Подобное развитіе подѣйствовало и на Германію: нѣмцы видѣли, что воспитанники итальянскихъ грамматиковъ и риторовъ презираютъ ихъ, и сами почувствовали, что говорятъ и пишутъ очень дурно. Потому нѣтъ ничего удивительнаго, что подвинутые соревнованіемъ умы рѣшились искать просвѣщенія, что молодежь толпами отправлялась въ Италію учиться мудрости и древнимъ языкамъ; изъ этой толпы возникъ человѣкъ даровитый, усвоившій себѣ все классическое образованіе того времени — Рудольфъ Гусманъ, прозванный Агриколою. Столь сильно было вліяніе, имъ пріобрѣтенное, что его въ школахъ уважали наравнѣ съ Виргиліемъ. Онъ и друзья его старались объ образованіи народномъ, завели школы поэзіи въ Нюрнбергѣ, Ульмѣ, Франкфуртѣ и другихъ городахъ. Трудно повѣрить, что эти словесники умѣли держать въ порядкѣ и посвящать въ таинства науки суровую молодежь, жившую большею частью подаяніемъ, не имѣвшую книгъ и странствовавшую изъ одного города въ другой, и что изъ среды этой молодежи могли явиться великіе

ученые; достаточно уже и того, что они стремились всѣми силами къ распространенію общественнаго образованія. Между тѣмъ, схоластика университетовъ, овладѣвшая элементарнымъ преподаваніемъ, оставалась еще твердою на своемъ мѣстѣ. и, слѣдовательно, необходимо должны были возгорѣться распри между старымъ и новымъ, гуманистическимъ способомъ преподаванія, — распри, которыя не могли ограничиться однимъ языкомъ, но должны были захватить всѣ области человѣческаго знанія.

Въ это время выступилъ на поприще дѣятельный человѣкъ, посвятившій всю жизнь свою истребленію схоластики въ университетахъ и монастыряхъ, первый писатель, принадлежавшій къ оппозиціи въ новѣйшемъ значеніи этого слова,—Эразмъ Роттердамскій.

Всю обычную горечь противъ ханжества того времени, весьма понятную по обстоятельствамъ его жизни, излилъ Эразмъ въ своихъ произведеніяхъ, не такъ, однакожъ, чтобъ это негодованіе казалось главнымъ его побужденіемъ; напротивъ, оно выражалось у него какъ-то косвенно, неожиданно, часто въ пылу ученаго диспута, но всегда съ увлекательнымъ, неподражаемымъ остроуміемъ. Въ своей сатирѣ „Похвала Глупости“ онъ выводитъ на сцену Морію, дочь Плутуса, родившуюся на счастливомъ островѣ, вскормленную виномъ и распутствомъ; она владычица сильнаго государства, которому принадлежатъ всѣ сословія свѣта. Она скрывается между всѣми сословіями, дольше и охотнѣе всѣхъ остается между духовными, хотя они, будучи ей всѣмъ обязаны, не хотятъ признавать ея благодѣяній. Она насмѣхается надъ лабиринтомъ діалектики, въ которомъ блуждаютъ ученые, надъ силлогизмами, которыми они думали поддержать западную церковь, какъ Атлантъ поддерживаетъ небо, и надъ рвеніемъ и жестокостію, съ которыми они преслѣдовали каждое несогласное съ ними мнѣніе; далѣе, она нападаетъ на невѣжество, нечистоту, странныя и смѣшныя потребности католическихъ монаховъ, ихъ грубыя и ругательныя проповѣди; смѣло задѣваетъ она также и римскій дворъ, и самого папу, объясняя, что онъ призваніемъ своимъ почитаетъ одни удовольствія.

Духъ времени ясно выразился въ этомъ сочиненіи. Потому-то оно и произвело необыкновенное дѣйствіе: еще при жизни Эразма разошлось 27 изданій этого творенія; оно переведено было на всѣ языки и послужило къ большому развитію анти-католическаго духа, характеризующаго ту эпоху. Вмѣстѣ съ вліяніемъ народнымъ Эразмъ соединилъ глубокое вліяніе ученое. Эразму понравилась идея итальянцевъ, что науками заниматься должно по древнимъ: географіею по Страбону, медициною по Гиппократу, философіею по Платону, а не по сухимъ и неполнымъ учебникамъ, бывшимъ тогда въ общемъ употребленіи; онъ пошелъ еще далѣе, требуя, чтобы правила религіи преподавались не по книгамъ Скота и Ѳомы, но по писаніямъ св. отцовъ греческой церкви и преимущественно по книгамъ Новаго Завѣта. По примѣру Лаврентія Валлы, имѣвшаго большое вліяніе на философа роттердамскаго, Эразмъ доказывалъ, что невозможно придерживаться латинской библіи, наполненной множествомъ ошибокъ, и приступилъ самъ къ великому дѣлу изданія греческаго текста, который до тѣхъ поръ не былъ основательно извѣстенъ на Западѣ. Онъ желалъ, по его собственному выраженію, обратить теологію къ ея источникамъ; хитропостроенной системѣ онъ указалъ простоту начала, изъ котораго она произошла и къ которому необходимо должна возвратиться. Онъ тѣмъ болѣе могъ успѣть въ своихъ предпріятіяхъ, что показывалъ злоупотребленія, имъ порицаемыя, а за ними—не

страшную пропасть, но улучшеніе вовсе незатруднительное, и сверхъ того тщательно остерегался оскорбить начала, на которыхъ основаны были религіозныя вѣрованія; остальное совершено его необыкновеннымъ литературнымъ дарованіемъ. Способъ его выраженія и нынѣ плѣняетъ читателя, а тогда увлекалъ, очаровывалъ каждаго.

Примѣръ Эразма служитъ уже доказательствомъ, какъ опасно было новое литературное направленіе для исключительнаго богословія факультетовъ; университеты вооружились, какъ могли. Если Кельнъ незадолго до этого съ ожесточеніемъ возсталъ противъ введенія новой элементарной книги, то можно судить, какія притѣсненія претерпѣли послѣдователи новой школы, и, несмотря на это, заря новаго ученія яркимъ лучемъ освѣтила мракъ схоластики.

Но міръ ученый не могъ преобразоваться вдругъ, безъ жаркаго боя. Дивно было начало этого боя: онъ закипѣлъ не отъ грознаго врага, не отъ опаснаго нападенія, противъ котораго необходимо было бы изготовить оружіе: самому спокойному, самому мирному изъ всѣхъ неофитовъ судьба назначила раздуть пламя сокрушительной распри. Неофитъ этотъ былъ Іоганнъ Рейхлинъ [1]).

Въ лицѣ Рейхлина литературная оппозиція одержала побѣду. Радостно смотрѣлъ вокругъ себя Эразмъ въ 1518 году; повсюду ученики и послѣдователи его втѣснились въ университеты, и всѣ были преподателями литературы древнихъ. Во всѣ отрасли знанія вторгнулась новая жизнь. „О, славный вѣкъ!—восклицаетъ Гуттенъ; — ученіе процвѣтаетъ, умы пробуждаются, жить такъ весело!“ Преимущественно же это проявилось въ области богословія. Первое духовное лицо націи, архіепископъ майнцскій Альбрехтъ, привѣтствовалъ Эразма, какъ возстановители теологіи.

Скоро настало совершенно другое движеніе. Не извнѣ должны были возникнуть опаснѣйшія противодѣйствія: въ самыхъ нѣдрахъ ихъ обнаруживалась вражда, долженствовавшая сокрушить могущество деспотизма католической церкви; внутри богослово-философскаго міра появились несогласія, съ которыхъ начинается новый періодъ жизни и мышленія. Мы не должны упускать изъ вида, что ученіе Виклефа, распространившееся изъ Оксфорда по всему западно-христіанскому міру и принявшее такой грозный характеръ въ Богеміи, имѣло большое вліяніе на Германію; долгое время послѣ того видны были слѣды его: въ Баваріи, Швабіи и Франконіи подозрѣвали существованіе гуситовъ, а въ Бамбергѣ считали за нужное отбирать у жителей присягу, что они не принадлежатъ къ послѣдователямъ Виклефа и Гуса, и даже въ Пруссіи, гдѣ наконецъ-таки и покорились, хотя только для вида, приверженцы этого ученія. Еще важнѣе то обстоятельство, что изъ дикихъ мнѣній и партій Гуса образовалось общество богемскихъ братій, которое старалось представить собою христіанскую общину, которой главный тезисъ, давшій новую религіозную жизнь оппозиціи, состоялъ въ томъ, что Іисусъ Христосъ самъ есть краеугольный камень, на которомъ зиждется церковь, а не апостолъ Петръ и его преемники. Изъ тѣхъ странъ, гдѣ проявились германскіе и славянскіе элементы, вѣстники новыхъ идей незамѣтно пробирались въ отдаленныя области и находили себѣ единомышленниковъ: Николай Кусъ

---

[1]) См. ст. Н. Когана: „Нѣмецкій гуманизмъ“, въ III отдѣлѣ этого тома „Хрестоматіи“. *Прим. Ред.*

въ Ростокѣ, у котораго дважды были такие посѣтители, началъ въ 1511 г. открыто говорить противъ папы.

Наконецъ, въ самыхъ университетахъ возникла оппозиція противъ владычества доминиканской системы. Партія эта была еще малочисленна и часто претерпѣвала гоненія отъ враговъ своихъ, бывшихъ владыками инквизиціонныхъ судовъ; но въ тишинѣ пускала она могучіе корни, становилась все сильнѣе и сильнѣе. Представителями ея явились Лютеръ и Меланхтонъ.

Но, можетъ быть, важнѣе всѣхъ разсказанныхъ нами перемѣнъ, было принятіе въ XV вѣкѣ многими богословами строгаго августинскаго ученія.

Іоаннъ Вессель проповѣдовалъ о предопредѣленіи; онъ говорилъ о той книгѣ, въ которую заранѣе внесены имена избранныхъ. Ученіе его было также приготовленіемъ къ реформаціи, потому что онъ отвергалъ всѣ позднѣйшія постановленія западной церкви и совѣтовалъ слѣдовать древнимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ оспаривалъ право священниковъ разрѣшать и связывать, въ чемъ ясно выказывается идея невидимой церкви. Вообще о немъ можно сказать, что онъ былъ человѣкъ смѣлый и даровитый, потому и могъ играть нѣкоторое время важную роль въ такомъ университетѣ, каковъ былъ эрфуртскій; несмотря, однакожъ, на уваженіе, которымъ пользовался, онъ не могъ удержаться на своемъ мѣстѣ: за сношенія съ богемскими выходцами его потребовали къ суду инквизиціи, и онъ умеръ въ одной изъ темницъ ея.

Мнѣнія оппозиціи, развиваясь болѣе и болѣе, приняли видъ ученой системы. Въ твореніяхъ Іоанна Весселя можно видѣть, какимъ образомъ новыя идеи прокладывали себѣ путь сквозь всѣ многочисленныя препятствія. Вессель говоритъ утвердительно, что прелатамъ и докторамъ можно вѣрить тогда только, когда ученіе ихъ согласуется съ догматами св. писанія, единственными правилами вѣры, стоящими выше папы.

Къ довершенію успѣха, стремленія нововводителей не были раздроблены.

Во время Базельскаго собора августинскіе отшельники составили отдѣльное братство и съ тѣхъ поръ всѣми силами старались поддерживать строгій уставъ своего ордена, чѣмъ они обязаны были Андрею Пролесу, бывшему въ продолженіе полувѣка ихъ викаріемъ. Къ этому направленію въ началѣ XVI вѣка присоединилось другое, родственное съ нимъ. Владычеству схоластики также враждебны были мистическіе взгляды на жизнь: проповѣди Таулера, полныя кроткой важности, глубокомыслія и истины, нашли себѣ многочисленныхъ читателей: слѣдствіемъ этихъ проповѣдей была явившаяся въ то время книга нѣмецкаго богословія, которая доказывала невозможность достигнуть совершенства посредствомъ собственнаго „я“ и поучала искать внутренняго успокоенія въ вѣчной области. Много вліянія произвели эти идеи, распространенныя Іоганномъ Штаупитцомъ. Разсматривая его образъ воззрѣнія, когда онъ говоритъ, напримѣръ, о любви, „которой изучить нельзя ни самимъ собою, ни чрезъ другихъ, ни чрезъ св. писаніе, которая только посредствомъ Св. Духа нисходитъ на человѣка“, легко можно замѣтить въ немъ тѣсное соединеніе божественнаго промысла, вѣры и свободной воли. Нельзя сказать утвердительно, чтобы всѣ монастыри августинскаго ордена или члены ихъ распространяли однѣ и тѣ же идеи; несомнѣнно только, что между ними возникли и развились идеи независимости, которыя поддерживали оппозицію противъ школьныхъ мнѣній того времени.

Въ 1502 г. Фридрихъ, курфюрстъ саксонскій, основалъ университетъ въ Виттенбергѣ; съ разрѣшенія папскаго, онъ превратилъ придворную церковь въ аббатство и соединилъ званіе священника въ немъ съ званіемъ профессора; въ богословскомъ факультетѣ этого заведенія принималъ дѣятельное участіе знаменитый августинскій монастырь, находившійся въ городѣ. Необходимо вспомнить, что университеты были въ то время не только учебными заведеніями, но вмѣстѣ и высшими трибуналами ученаго міра; въ статутѣ виттенбергскаго университета Фридрихъ изъяснилъ, что это заведеніе основано для того, чтобы всѣ окрестные народы обращались къ нему, какъ къ оракулу, „чтобы мы", говоритъ онъ, „приносили туда свои сомнѣнія, рѣшали ихъ тамъ и возвращались домой полные вѣры".

Въ основаніи университета дѣятельное участіе приняли два человѣка, принадлежавшіе къ оппозиціи: докторъ Мартинъ Поллихъ, первый ректоръ, и Іоганнъ Штаупитцъ, деканъ богословскаго факультета. Въ 1508 году послѣдній оставилъ мѣсто молодому Лютеру.

XXXVII. Лютеръ до вступленія его въ борьбу противъ индульгенцій.

(По соч. Гейссера: „Geschichte des Zeitalter der Reformation").

Мартинъ Лютеръ былъ вполнѣ представителемъ того тревожнаго времени, въ которое онъ жилъ и дѣйствовалъ, истиннымъ сыномъ своего народа, вождемъ котораго ему суждено было сдѣлаться. Въ немъ отразились всѣ отличительныя свойства нѣмецкой національности: правдивость, терпѣливость, сосредоточенность и склонность ко всему мистическому.

Ни въ одной исторической личности не выступаютъ съ такой рельефностью, какъ въ Лютерѣ, рѣзкія противоположности того переходнаго времени, къ которому относится его дѣятельность. Дѣтски-наивное добродушіе и крайнее упорство духа, мучительныя страданія души, запуганной сознаніемъ своей грѣховности, и замѣчательная смѣлость въ борьбѣ за свои религіозныя убѣжденія, мягкость, уступчивость при столкновеніяхъ съ практическими вопросами жизни и, рядомъ съ этимъ, непоколебимая, безпощадная строгость монаха — вотъ тѣ противоположности, которыя представляетъ характеръ Лютера.

Лютеръ родился въ 1483 г. въ горной мѣстности Тюрингіи, близъ Эйслебена, куда отецъ его, по ремеслу рудокопъ, отправлялся на работы. Крѣпость натуры, непринужденность, бодрость, живость духа—эти свойства сыновъ Тюрингіи замѣтно сказывались въ Лютерѣ на каждомъ шагу, но они нерѣдко сталкивались въ его личности съ мрачнымъ настроеніемъ монаха средневѣковаго закала.

Не весела была жизнь Лютера въ родительскомъ домѣ: она ни въ какомъ случаѣ не могла способствовать развитію въ немъ той гармоніи, той энергіи духа, которая не оставляла его во всю его послѣдующую жизнь. Не легко доставалось родителямъ Лютера воспитаніе дѣтей своихъ. Самъ Лютеръ разсказываетъ, какъ его мать таскала на спинѣ своей вязанки дровъ, а отецъ работалъ въ потѣ лица; это былъ человѣкъ нрава

суроваго, энергическій и всей душой преданный вѣрѣ отцовъ своихъ и потому именно смертельно ненавидѣвшій нравственно развращенное монашество того времени. Благодаря такой обстановкѣ Лютеръ рано выучился пробивать себѣ дорогу собственными усиліями.

Несмотря на свою бѣдность, отецъ Лютера намѣревался сдѣлать изъ своего сына нѣчто большее, чѣмъ рудокопа. Но для этого родители Лютера, особенно же отецъ его, считали необходимымъ обращаться съ нимъ какъ можно строже. За малѣйшіе проступки онъ подвергался тѣлеснымъ наказаніямъ Онъ во всю свою жизнь не могъ забыть этой незаслуженной строгости, вслѣдствіе которой робкая мать не затруднялась собственноручно до крови сѣчь розгами сына изъ-за какого-нибудь съѣденнаго орѣха. „Крайняя строгость развила во мнѣ какую-то запуганность,— говоритъ о себѣ Лютеръ,—и я, не будучи долѣе въ силахъ переносить эту жестокость обращенія, поступилъ въ монастырь и постригся въ монахи". Въ школѣ, въ Мансфельдѣ, гдѣ родители Лютера прожили почти отъ самаго рожденія Лютера до его 14-лѣтняго возраста, было ему не легче: учителя обращались тамъ со своими учениками, какъ тюремщики съ заключенными. Лютеръ былъ однажды въ этой школѣ въ продолженіе одного дня пятнадцать разъ больно высѣченъ.

Воспитаніе Лютера было строго-религіозное. Если въ комъ-либо еще жила живая искренняя вѣра въ средневѣковую церковь, то это было именно въ Лютерѣ. Онъ самъ не разъ говоритъ о томъ сильномъ вліяніи, какое имѣла на него католическая церковь. Это особенно замѣтно было въ немъ по переходѣ его изъ Мансфельда въ Магдебургъ (1497 г.).

Магдебургъ въ то время былъ самымъ значительнымъ городомъ сѣверной Германіи, резиденціей епископа, блестящимъ центромъ католической церкви на сѣверѣ. Здѣсь-то 14-лѣтній Лютеръ поступилъ въ славившуюся въ то время школу францисканцевъ. Во время пребыванія Лютера въ этой школѣ испыталъ онъ на себѣ первыя неизгладимыя впечатлѣнія величія католической церкви. Ему довелось быть свидѣтелемъ потрясающей сцены, запавшей глубоко въ его душу: онъ видѣлъ, какъ нѣмецкій принцъ, сынъ князя Ангальтскаго, постриженный въ припадкѣ меланхоліи отцомъ своимъ въ монахи, босой, съ непокрытой головой, съ нищенскимъ посохомъ въ рукахъ, ходилъ по широкимъ улицамъ города, истомленный постомъ, бдѣніемъ и бичеваніемъ, блѣдный, исхудалый, и Христа ради просилъ хлѣба у прохожихъ. Это зрѣлище не оттолкнуло Лютера; напротивъ, оно привело его въ такую экзальтацію, что онъ тогда же далъ себѣ обѣтъ пойти по той самой дорогѣ, по которой шелъ Ангальтскій принцъ. „Я былъ такъ настроенъ,—говоритъ Лютеръ,—что охотно стремился къ посту, бдѣнію, молитвѣ, добрымъ дѣламъ, дабы я могъ освободиться этимъ отъ грѣховъ своихъ". Онъ тутъ же далъ себѣ обѣтъ отправиться пилигримомъ въ Римъ и достигнуть благочестія.

Такимъ образомъ проявившееся потомъ въ Лютерѣ оппозиціонное отношеніе къ католической церкви не вытекло у него изъ склонности къ скептическимъ мудрствованіямъ, какъ это было у гуманистовъ. Протестъ Лютера исходитъ изъ души, преданной господствующей церкви до тѣхъ поръ, пока ложь ея не открылась для него [1]).

---

[1]) „Пусть читатель не забываетъ,—говоритъ Лютеръ въ своемъ предисловіи къ полному собранію своихъ сочиненій,—что я былъ монахомъ и отъявленнымъ папистомъ, до такой степени проникнутымъ или поглощеннымъ док-

Изъ Магдебурга Лютеръ перешелъ въ Эйзенахъ. Здѣсь приходилось ему жить милостыней и подаяніемъ добрыхъ людей.

Между тѣмъ, для молодого Лютера наступило время поступать въ университетъ, и ему необходимо было выбрать какую-нибудь спеціальность. Отецъ Лютера очень желалъ видѣть его юристомъ и, несмотря на свою строгую религіозность, меньше всего думалъ о духовномъ званіи для своего сына; на монашество же смотрѣлъ онъ, какъ на послѣднее дѣло. И вотъ именно въ этомъ послѣднемъ пунктѣ Лютеръ впервые обнаружилъ непослушаніе относительно отца. Въ 1501 году онъ поступилъ въ Эрфуртскій университетъ, славившійся какъ резиденція гуманизма. Юристы, медики, богословы, всѣ здѣсь были люди новаго направленія. Лютеръ прилежно изучалъ филологію; однако, нельзя сказать, чтобъ онъ въ этомъ видѣлъ свое жизненное призваніе. Онъ изучалъ юриспруденцію, но его душа не лежала къ этой наукѣ. Этимъ объясняется плохой успѣхъ его въ изученіи права. Его тянуло въ другую сторону. Онъ какъ-то самъ собою натолкнулся на теологію и предался изученію ея со всѣмъ пыломъ своей души. Онъ накинулся на изученіе твореній отцовъ церкви, мистиковъ и другихъ богослововъ, составлявшихъ рѣзкую противоположность съ направленіемъ господствовавшей церкви. Не съ сомнѣніемъ въ душѣ изучалъ Лютеръ богословіе, а съ полною вѣрой въ католицизмъ. Такимъ образомъ въ немъ росло убѣжденіе, что онъ долженъ посвятить себя изученію богословія, отказавшись отъ внѣшняго міра. Разсказываютъ, что случившаяся въ это время внезапная смерть друга Лютера побудила его дать обѣтъ монашества. Нѣтъ сомнѣнія, что это обстоятельство могло послужить только поводомъ, но не причиной такого рѣшенія, которое является въ человѣкѣ не вдругъ, а складывается постепенно подъ вліяніемъ благопріятныхъ для того обстоятельствъ. Лютеру приходилось сильно бороться по поводу своего постриженія съ отцомъ своимъ, привыкшимъ къ строгому послушанію сына. Лютеръ вступилъ въ орденъ августинскихъ отшельниковъ (1505), и едва ли кто-либо давалъ монашескій обѣтъ съ такимъ пламеннымъ желаніемъ сдѣлаться монахомъ въ полномъ смыслѣ слова, какъ Лютеръ. Онъ подвергалъ себя всевозможнымъ лишеніямъ, бичевалъ свое тѣло, морилъ себя по нѣскольку дней безсонницей, голодомъ и жаждой, подвергалъ себя, словомъ, всѣмъ тѣмъ монашескимъ пыткамъ, на которыя средніе вѣка были такъ изобрѣтательны. Онъ усвоилъ себѣ всѣ мрачныя стороны монашества: упорство, необщительность, презрѣніе ко всѣмъ жизненнымъ интересамъ, и бывали минуты въ его жизни, когда эти черты преобладали въ немъ исключительно.

Несмотря, однако, на это мрачное настроеніе духа, Лютеръ не переставалъ работать надъ своимъ умственнымъ развитіемъ. Онъ продолжалъ

трпной папства, что если-бъ могъ, готовъ былъ бы или самъ убивать, или желать казни тѣхъ, кто отвергалъ хотя на одну іоту повиновеніе папѣ. Защищая папу, я не оставался холоднымъ кускомъ льда, какъ Экъ и ему подобные, которые, право, сдѣлались, какъ мнѣ казалось, защитниками папы скорѣе ради своего толстаго брюха, чѣмъ по убѣжденію въ важности этого предмета. Даже болѣе: мнѣ и до сихъ поръ кажется еще, что они насмѣхаются надъ папою, какъ истые эпикурейцы. Я же отдавался доктринѣ всѣмъ сердцемъ, какъ человѣкъ, который страшно боится дня суднаго и, несмотря на то, желаетъ спастись, желаетъ этого съ трепетомъ, проникающимъ до мозга костей".

ревностно изучать науки, что̀ крайне не нравилось монахамъ. Они говорили, что его ученость приведетъ его къ господству надъ ними; но Лютеръ не обращалъ никакого вниманія на эти толки и продолжалъ заниматься.

Процессъ развитія, совершавшійся въ немъ, вращался вокругъ одного жизненнаго для церкви вопроса, который имѣлъ тогда особенное значеніе. Сознаніе грѣховности всего человѣчества, отсутствіе всякой возможности искупить первородный грѣхъ тѣми способами, которые для этого были тогда въ употребленіи, вотъ вопросы, которые тяготили тогда и душу Лютера съ невѣроятной силой. Воззрѣнія господствовавшей церкви не давали ему отвѣта на эти вопросы. Его здѣсь пугалъ образъ мстительнаго ветхозавѣтнаго Бога, а, съ другой стороны, оскорбляло ученіе о томъ, что отпущеніе грѣховъ дается внѣшними дѣлами. Строгое покаяніе, подвергавшее мучительной пыткѣ его душу и тѣло, не могло принести ему утѣшенія, ибо онъ не могъ помириться съ мыслью, что правда Божія есть гнѣвъ Божій.

Подобную же душевную борьбу испытывали всѣ великіе умы христіанства, но никто изъ нихъ не переживалъ ее въ такой степени, какъ Августинъ. Послѣ бурной, тревожной жизни, полной заблужденій и проступковъ, нашелъ онъ успокоеніе въ искренней вѣрѣ, плодомъ которой была выработанная имъ строгая догма. По ученію Августина, только искренняя вѣра можетъ спасти человѣка. Всѣ извѣстные мыслители мистической школы XIV и XV вѣковъ также учили, что нечего полагаться на добрыя дѣла. Это же ученіе овладѣло всѣмъ существомъ молодого Лютера. Ни о чемъ онъ такъ часто не говоритъ, какъ объ этомъ внутреннемъ перерожденіи, озарившемъ его внутреннее существо. Дѣло шло не о схоластическомъ словопреніи въ области догматики: вопросъ шелъ о безплодной борьбѣ между строгимъ ученіемъ Августина и господствовавшимъ воззрѣніемъ католическаго духовенства, которое, не заботясь нисколько о вѣрѣ, о чистотѣ помышленія, о нравственномъ достоинствѣ, считало одно строгое исполненіе внѣшнихъ обрядовъ настоящимъ служеніемъ Богу. Именно XV вѣкъ и начало XVI въ отношеніи религіозномъ представляютъ чуть-ли не самый печальный періодъ въ исторіи церкви; тогда нравственное растлѣніе служителей церкви достигло крайнихъ предѣловъ, ученіе о Христѣ Спасителѣ было забыто, и наглое злоупотребленіе святыней господствовало всюду. Такое направленіе церкви, исполненное внутреннихъ противорѣчій, возбуждало въ сердцахъ однихъ вѣрующихъ страшную злобу, а въ другихъ создавало душевную пустоту. Поэтому человѣкъ, раскрывшій эту внутреннюю ложь и стремившійся возстановить истинное пониманіе религіи и истинную вѣру, затѣвалъ не пустое схоластическое словопреніе, а совершалъ переворотъ, имѣвшій значеніе для всего христіанскаго міра. Такимъ образомъ, внутренняя борьба, испытанная Лютеромъ въ тихой монастырской кельѣ, была борьбою не за себя одного, а за весь тогдашній католическій міръ.

Въ монастырѣ въ Эрфуртѣ завершилось внутреннее развитіе Лютера. Онъ обрѣлъ душевное спокойствіе. Однако, въ монастырѣ великіе дары природы заглохли бы въ немъ. Сила слова, какъ плодъ глубокаго убѣжденія, и магическое вліяніе, производимое его личностью на всѣхъ, кто съ нимъ сталкивался, все это могло получить свое развитіе только въ столкновеніи съ дѣйствительною жизнью. Въ 1508 году представился для того счастливый случай. Онъ былъ назначенъ во вновь открывшійся университетъ въ Виттенбергѣ профессоромъ и проповѣдникомъ.

Мы видѣли, что до прибытія Лютера въ Виттенбергъ настроеніе его было мрачное, сосредоточенное. Въ Эрфуртѣ онъ совершенно отказался отъ внѣшняго міра, подвизаясь во имя Бога и совѣсти. Несмотря, однако, на это, Лютеръ способенъ былъ дѣйствовать на міръ и людей съ такою силою, какъ лишь весьма немногіе, и новое его положеніе въ Виттенбергѣ выдвинуло его именно на такое поприще, для котораго онъ обладалъ всѣми природными средствами: внутренній огонь, сила слова и перо— все это могъ онъ развернуть въ своей настоящей дѣятельности. Онъ успѣлъ мало-по-малу отдѣлаться отъ необщительности и жесткости и вообще отъ многихъ непривлекательныхъ свойствъ, невольно пріобрѣтенныхъ въ монастырѣ. Онъ сдѣлался уже не тѣмъ монахомъ, какимъ былъ вначалѣ. Молодой преподаватель и проповѣдникъ сталъ баловнемъ и публики, и курфюрста. Убѣжденія, выработанныя въ Эрфуртѣ, здѣсь еще болѣе выяснились и вполнѣ созрѣли. Ученіе объ искупленіи, главный пунктъ его богословской системы, было имъ здѣсь самостоятельно разработано. Онъ горячо принялся за изученіе той части Новаго Завѣта, въ которой наиболѣе говорится объ этомъ предметѣ. „Посланіе къ римлянамъ“ сдѣлалось для него предметомъ тщательнаго изученія.

Въ 1510 году Лютеръ отправился въ Римъ. Цѣль этого путешествія достовѣрно не извѣстна: было ли то по порученію отъ своего ордена, или это было исполненіе даннаго еще въ дѣтствѣ обѣта? Можетъ быть, и то, и другое вмѣстѣ. Это путешествіе имѣетъ большое значеніе въ жизни Лютера. Оно заканчиваетъ первый фазисъ въ жизни реформатора. Монаху, жившему до тѣхъ поръ въ незначительномъ княжествѣ, пришлось увидѣть свѣтъ и людей. На пути въ Римъ онъ побывалъ въ большей части своего отечества, увидѣлъ южную Германію, Австрію, Италію и, наконецъ, знаменитый Римъ.

Нѣкоторые ошибочно думаютъ, будто одно это посѣщеніе Рима превратило Лютера изъ горячаго приверженца папизма въ смертельнаго врага его. Напротивъ, онъ и послѣ этого путешествія еще надолго оставался въ тѣхъ же строго религіозныхъ отношеніяхъ къ авторитету папы, въ какихъ пребывалъ въ прежніе годы своей жизни. Даже въ 1517 и 1518 годахъ онъ не отрицалъ папства въ принципѣ, а только напиралъ на различіе между современнымъ ему папствомъ и тѣмъ назначеніемъ, которое оно имѣло въ своемъ первоначальномъ видѣ, какъ высшее главенство католической церкви. Онъ самъ разсказываетъ, что, увидя предъ собою въ первый разъ вѣчный городъ, онъ кинулся на землю и, простирая руки, воскликнулъ: „Привѣтствую тебя, священный градъ, трижды освященный пролитою здѣсь кровью мучениковъ!“ Онъ прибавляетъ: „Не зналъ я тогда, что мнѣ суждено быть тѣмъ отшельникомъ, о которомъ пророчествовали, что онъ возстанетъ противъ церкви“. Однако, нѣтъ сомнѣнія, что такой строгій наблюдатель, какъ Лютеръ, не могъ не заходить въ своихъ наблюденіяхъ нѣсколько далѣе, чѣмъ позволяло его благочестіе. Эти наблюденія не успѣли еще поколебать его основныхъ религіозныхъ воззрѣній. Онъ только впослѣдствіи убѣдился въ неисправимости старой церкви. На этотъ же разъ лишь рѣзко обнаружилось въ немъ нерасположеніе нѣмца къ итальянцамъ, проявляевшееся потомъ не разъ въ его сочиненіяхъ.

Такимъ образомъ до катастрофы 1517 года Лютеръ писалъ, изучалъ, проповѣдывалъ, по временамъ путешествовалъ, оставаясь въ существѣ тѣмъ же истинно-католическимъ проповѣдникомъ и учителемъ, какимъ былъ въ 1508 и 1509 гг.

Лютеръ выступилъ съ своими тезисами не противъ папства, а только противъ индульгенцій, къ которымъ онъ, по своимъ убѣжденіямъ, относился вполнѣ враждебно. Ничто такъ глубоко не возмущало его въ старой церкви, какъ это злоупотребленіе.

XXXVIII. Борьба Лютера противъ индульгенцій.

(По сочиненіямъ: Гейссера: «Geschichte des Zeitalters der Reformation» и Ранке: «Deutschland im Zeitalter der Reformation»).

Ученіе объ отпущеніи, существовавшее въ древне-христіанской церкви, ни въ теоріи, ни на практикѣ не заключало въ себѣ ничего предосудительнаго. Тамъ главнымъ дѣломъ было нравственное покаяніе. Правда, уже и въ древней церкви придавалось значеніе внѣшнему покаянію и считалось возможнымъ замѣнить посты, умерщвленіе плоти, паломничество и т. п. денежными пожертвованіями. Но истинный смыслъ такихъ пожертвованій состоялъ не въ томъ, что они разрѣшаютъ отъ грѣховъ, а въ томъ, что они наводятъ на чистыя помышленія. Это-то древнее ученіе подверглось впослѣдствіи значительнымъ измѣненіямъ, и уже въ XIV ст., во время вавилонскаго плѣненія папъ, приняло совершенно внѣшній, фискальный характеръ, отодвинувъ нравственный элементъ на задній планъ. Въ началѣ XV в. торговля индульгенціями достигла такихъ размѣровъ, что обратила на себя серьезное вниманіе. Члены Констанцскаго собора потребовали безусловнаго прекращенія такого соблазна, рѣзко осуждая папъ за установленіе таксы за грѣхи, какъ на предметъ торговаго обмѣна. Но и послѣ Констанцскаго собора, несмотря на обѣщаніе избраннаго имъ папы Мартина V прекратить продажу индульгенцій, зло это продолжало существовать. Протесты собора повели не къ искоренію продажи индульгенцій, а лишь къ временному ограниченію ея. Но вскорѣ безчиніе дошло до того, что дѣло отпущенія грѣховъ получило даже правильную финансовую организацію: составлены были списки всевозможныхъ грѣховъ съ обозначеніемъ установленныхъ цѣнъ за индульгенціи на нихъ; цѣлыя области отдавались на откупъ купцамъ, банковымъ и вексельнымъ учрежденіямъ, которые занимались сборомъ денегъ за грѣхи.

Въ продолженіе перваго десятилѣтія XVI в. наложены были быстро одинъ за другимъ пять чрезвычайныхъ сборовъ за индульгенціи, и это дѣлалось въ такое время, когда умы были наиболѣе возбуждены. Продавцы отпущеній провозглашали возмутительныя положенія въ родѣ слѣдующихъ: „Отпущеніе очищаетъ человѣка болѣе, чѣмъ самое крещеніе, и приводитъ въ состояніе болѣе безпорочное, чѣмъ состояніе Адама въ раю“; „Дающій отпущеніе создаетъ больше праведныхъ, чѣмъ самъ св. Петръ“, и т. д. До такого безумія доходили злоупотребленія, и все это повторялось пять разъ на глазахъ одного и того же поколѣнія.

Нѣмцы считали для себя крайне унизительнымъ, что именно Германія, благодаря своей государственной разрозненности, наиболѣе подвергалась постыднымъ вымогательствамъ со стороны папскихъ прислужниковъ. Послѣдніе, обирая народъ, прибѣгали ко всевозможнымъ предлогамъ: говорили о необходимости средствъ для войны съ невѣрными; убѣждали народъ

жертвовать на построеніе храма св. Петра, необходимаго будто бы для защиты останковъ св. мучениковъ. Однако, этимъ предлогамъ плохо вѣрили. Не вѣрили имъ прежде всего мѣстные духовные князья и епископы. Они говорили, что деньги, потребныя будто бы для войны съ невѣрными, съ легкостью пера перелетаютъ за Альпы и массами уплываютъ въ Римъ, гдѣ ненасытность папъ не знаетъ границъ. Мѣстное духовенство не могло равнодушно смотрѣть на это: оно видѣло въ этомъ сильный ущербъ своимъ собственнымъ интересамъ. Не удивительно также, что и свѣтскіе люди были недовольны исчезновеніемъ такой массы денегъ изъ страны безъ всякой производительности.

Папа Левъ X, при томъ положеніи, которое онъ занималъ, при тѣхъ видахъ, которые его домъ имѣлъ на всю территорію Италіи, заботился больше всего объ увеличеніи своихъ матеріальныхъ средствъ. Одновременно со взиманіемъ десятины въ пользу папскаго престола дѣйствовали три коммисіи, завѣдывавшія индульгенціями и собиравшія обильную дань въ Германіи. Ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не сомнѣвался въ то время, что эти вымоганія имѣли цѣлью своею лишь одну личную наживу папы и его дома. И дѣйствительно, нѣтъ сомнѣнія, что домъ Медичи, изъ котораго происходилъ папа Левъ X, сильно пользовался доходами его.

Единственнымъ средствомъ противъ папскихъ поборовъ были сопротивленіе и контроль со стороны мѣстныхъ властей. Такой контроль существовалъ, напримѣръ, въ Англіи и даже въ строго католической Испаніи, гдѣ папскіе сборщики обязаны были приносить присягу въ томъ, что собираемыя деньги отнюдь въ Римъ отосланы не будутъ. Даже кардиналъ Хименесъ, духовный глава Испаніи, самый пламенный католикъ и поклонникъ папы, заявилъ (на Латеранскомъ соборѣ 1517 г.), что прежде, чѣмъ выдавать десятину въ пользу папы, необходимо точно уяснить себѣ, на какія потребности пойдутъ эти доходы. Но что же оставалось дѣлать Германіи, которая не имѣла самостоятельнаго представителя своихъ интересовъ? Въ Германіи императоръ, благодаря шаткости своей внѣшней политики, находился въ зависимости отъ вліянія папы. Вліятельный духовный курфюрстъ Альбрехтъ Майнцскій былъ лично заинтересованъ въ папскихъ доходахъ, такъ какъ часть ихъ поступала въ его собственную казну. Остальная Германія подчинена была въ отношеніи сборовъ одному римскому прелату и генералу францисканскаго ордена, преданному интересамъ римской куріи.

Папскіе коммисары, открыто нажившіеся съ собираемыхъ ими индульгенцій, думали, что, угрожая страшными церковными наказаніями, они могутъ зажать ротъ всякому, кто вздумалъ бы протестовать противъ ихъ наглости.

Однако, они ошиблись въ своемъ разсчетѣ. Нашелся, наконецъ, человѣкъ, который осмѣлился имъ воспротивиться. То былъ Мартинъ Лютеръ. Въ то время, какъ онъ успѣлъ уже насквозь проникнуться своими новыми воззрѣніями о покаяніи и ревностно распространялъ ихъ въ монастырѣ на проповѣдяхъ и съ университетской каѳедры, въ окрестностяхъ Виттенберга проводилась на практикѣ церковная теорія объ отпущеніи, противъ которой Лютеръ и его друзья такъ сильно возставали. Къ тому же постыдный торгъ индульгенціями производился въ окрестностяхъ Виттенберга доминиканскимъ монахомъ Тецелемъ, превосходившимъ наглостью всѣхъ остальныхъ сборщиковъ. Между покупателями были также и виттенбергцы, и Лютеръ такимъ образомъ почувствовалъ себя сильно оскорбленнымъ въ лицѣ своей собственной паствы. Такое столкновеніе

діаметрально противоположныхъ направленій не могло кончиться мирно. 31 октября 1517 года, въ храмовой праздникъ мѣстной соборной церкви, Лютеръ прибилъ къ дверямъ послѣдней свои 95 тезисовъ, готовый защищать противъ всѣхъ и каждаго высказанное въ нихъ убѣжденіе о значеніи отпущенія.

Выступая со своими тезисами, Лютеръ не думалъ отрицать вообще ученія о церковной благодати, на которомъ основывалось ученіе объ отпущеніи; онъ отрицалъ только то значеніе, которое приписывали себѣ папы, какъ раздаватели церковной благодати. По мнѣнію Лютера, всякій христіанинъ и безъ посредства папы имѣетъ свою долю въ заслугахъ церкви. Раздавать же индульгенціи, не требуя покаянія, считалъ онъ прямо противнымъ христіанству. Шагъ за шагомъ опровергъ онъ инструкціи папы, дававшія полномочія на продажу индульгенцій. Связанное съ ученіемъ о ключахъ св. Петра понятіе о власти папъ, разрѣшающей въ дѣлахъ совѣсти, Лютеръ признавалъ, но только не безусловно. По мнѣнію Лютера, здѣсь все зависитъ отъ того, въ какой степени человѣкъ покаялся: если раскаянія на самомъ дѣлѣ нѣтъ, то никакія разрѣшительныя папскія грамоты дѣлу не помогутъ, ибо отпущеніе папы имѣетъ силу настолько, насколько оно выражаетъ милосердіе Божіе. Такимъ образомъ, нападенія со стороны Лютера оказались тѣмъ сильнѣе, что онъ боролся противъ злоупотребленій католической церкви ея же оружіемъ, ея же аргументаціей и вовсе еще не отрицалъ основного значенія папы, какъ намѣстника Христа и св. Петра. Лютеръ только рѣшительно отвергалъ ученіе о сосредоточеніи въ лицѣ одного папы всей власти церковной,

Къ этому протесту, вытекавшему первоначально изъ идеи чисто религіозной, вскорѣ присоединился элементъ чисто политическій. Фридрихъ Саксонскій не особеннно былъ доволенъ папскими поборами. Извѣстно, что онъ удержалъ у себя деньги, слѣдовавшія папѣ съ Саксоніи, и объявилъ, что внесетъ ихъ тогда, когда дѣйствительно настанетъ та война съ невѣрными, на которую будто бы деньги эти собирались. Вообще эти поборы были противны ему столько же по соображеніямъ финансовымъ, насколько Лютеру по соображеніямъ чисто религіознымъ. Такъ совершился союзъ между Лютеромъ и курфюрстомъ. Впрочемъ, на самомъ дѣлѣ никакого видимаго соглашенія между ними не состоялось. Они до этого времени никогда не знали другъ друга; но совпаденіе интересовъ указало обоимъ одинъ путь. Смѣлый монахъ напалъ на папу, но недовольный курфюрстъ не обѣщалъ ему никакой помощи, ничѣмъ даже не ободрилъ его; онъ только не мѣшалъ и далъ совершиться факту. Въ этомъ отношеніи очень характеренъ разсказъ о снѣ, который будто бы снился курфюрсту въ замкѣ Швейницѣ въ ночь праздника Всѣхъ Святыхъ, когда Лютеръ прибилъ свои тезисы къ дверямъ соборнаго храма въ Виттенбергѣ. Фридрихъ видѣлъ, какъ монахъ что-то писалъ въ придворной церкви въ Виттенбергѣ такими огромными, рѣзкими буквами, что писанное можно было прочесть въ Швейницѣ. Перо монаха росло все болѣе и болѣе; вотъ оно, наконецъ, достигаетъ Рима, вотъ оно касается тіары на головѣ папы; тіара пошатнулась; Фридрихъ только что протягиваетъ руку, чтобы поддержать зашатавшуюся тіару, какъ вдругъ въ это время просыпается.

Протестъ Лютера имѣлъ многознаменательное значеніе и совершенно соотвѣтствовалъ настроенію общества. Всѣми чувствовалась необходимость такого протеста. Но, съ другой стороны, протестъ вызвалъ немало про-

тивниковъ, интересы которыхъ были задѣты. Первый возразилъ Лютеру Іоаннъ Тецель, который въ своихъ тезисахъ старался отстоять силу папскихъ индульгенцій и значеніе папы, какъ естественнаго истолкователя св. писанія и всѣхъ возникающихъ религіозныхъ сомнѣній. Хотя Тецель и не называлъ Лютера по имени, однако довольно ясно говорилъ о немъ намеками, какъ объ упорномъ еретикѣ. Громы проклятій раздавались противъ Лютера и съ другой стороны: въ его сочиненіяхъ видѣли ядъ ученія Гуса и говорили, что такой еретикъ достоинъ смерти. Но Лютеръ не оставался въ долгу у своихъ противниковъ, и эта полемика выдвинула его еще болѣе. Богословскій міръ въ Германіи сильно зашевелился.

Среди голосовъ, раздававшихся противъ Лютера въ Германіи, послышался, наконецъ, и голосъ изъ Рима. Противъ Лютера вооружился министръ папскаго двора, доминиканецъ Сильвестръ Мазолини. Хотя Лютеру не трудно было опровергнуть Мазолини, однако то обстоятельство, что даже Римъ заговорилъ о Лютерѣ, произвело на него сильное впечатлѣніе.

Ему не хотѣлось прямо возстановлять противъ себя папу. 30 мая онъ отправилъ папѣ посланіе съ объясненіями къ своимъ тезисамъ. Въ этомъ посланіи онъ еще не прерываетъ связи съ преданіемъ и говоритъ, что ни отъ отцовъ церкви, ни отъ папскихъ декретовъ онъ никогда не думалъ отказываться... „Я могу ошибаться,—восклицаетъ онъ,—но еретикомъ я никогда не сдѣлаюсь, какъ бы ни свирѣпствовали противъ меня враги". Посланіе не помогло: возбужденіе противъ Лютера не уменьшилось. Между тѣмъ, въ Германіи недовольство противъ папы было уже сильно въ народѣ, хотя объ отдѣленіи отъ церкви никто еще не думалъ. Защитники папства потеряли значительную долю своего кредита въ глазахъ нѣмецкаго народа: догматъ о непогрѣшимости папы, сила и крѣпость его были значительно поколеблены, а стремленіе народа къ національному единству шло совершенно въ разрѣзъ съ интересами римскаго двора въ Германіи. Словомъ, оппозиція уже возникла, правда, сравнительно еще слабая, но находившая сильную поддержку въ настроеніи народа и въ могущественномъ курфюрстѣ Фридрихѣ Мудромъ, задѣтомъ нападками Тецеля и имѣвшемъ, такимъ образомъ, кромѣ общихъ мотивовъ, еще и личныя причины поддерживать дѣло Лютера.

XXXIX. Постепенное отпаденіе Лютера отъ католицизма.

(По соч. Ранке: „Deutschland im Zeitalter der Reformation").

Въ то время, когда среди самой католической церкви происходили серьезныя религіозныя движенія, во главѣ ея стоялъ человѣкъ, который не придавалъ никакого значенія этимъ движеніямъ и относился къ нимъ совершенно равнодушно. Таковъ былъ папа Левъ X [1]). Онъ даже не считалъ нужнымъ преслѣдовать Лютера за его агитацію. Онъ не предчувствовалъ, что изъ искры, брошенной невѣдомымъ монахомъ, вспыхнетъ пожаръ, который достигнетъ даже до его тіары. Не придавая дѣлу ника-

---

[1]) См. ст. Корелина: „Разложеніе средневѣковаго папства въ XV в.", въ III отдѣлѣ этого тома „Хрестоматіи". *Прим. Ред.*

кого важнаго значенія, онъ желалъ только, чтобы оно кончилось мирно, безъ шума.

Къ тому времени въ Аугсбургѣ собирался рейхстагъ, которому папскій нунцій долженъ былъ представить нѣсколько требованій, опять касавшихся кармана нѣмецкой націи. Дѣло шло о новыхъ поборахъ для предполагаемой будто бы большой войны съ невѣрными. При этомъ папой было принято во вниманіе, что порученіе, данное нунцію, встрѣтитъ гораздо меньше препятствій, если онъ отнесется къ Лютеру, находившемуся подъ покровительствомъ сильнаго курфюрста, не такъ враждебно. Въ виду этого соображенія, кардиналу-легату Каэтану приказано было порѣшить дѣло Лютера мирно: онъ долженъ былъ убѣдить Лютера прекратить свои протесты и не возбуждать раздоровъ въ лонѣ церкви. Но Каэтанъ не понялъ возложеннаго на него порученія: онъ явился не мудрымъ дипломатомъ, а надменнымъ прелатомъ, для котораго даже одна необходимость вступать въ переговоры съ крамольнымъ монахомъ считалась униженіемъ. Съ своей стороны, Лютеръ хотя въ началѣ бесѣды съ Каэтаномъ и держалъ себя скромно, робко, даже боязливо, но вскорѣ заговорилъ смѣло, горячо, и такимъ образомъ объясненіе изъ обыкновенной бесѣды перешло въ богословскій диспутъ. Объ отреченіи отъ своихъ убѣжденій Лютеръ и слышать не хотѣлъ. Такъ стороны разошлись, не придя ни къ какому соглашенію.

Такимъ образомъ первая попытка покончить дѣло миромъ кончилась неудачей, и положеніе вещей ничуть не измѣнилось. Но папа Левъ X и послѣ этого продолжалъ относиться къ протесту Лютера равнодушно и не считалъ его столь важнымъ, чтобы прибѣгнуть къ какимъ-либо рѣшительнымъ мѣрамъ. Онъ все-таки желалъ прекратить эти раздоры безъ шума. Для этого дѣла избранъ былъ фонъ-Мильтицъ, ловкій дипломатъ, хорошо знавшій свѣтъ и людей. По прибытіи своемъ въ Германію въ началѣ 1519 года, Мильтицъ, при встрѣчѣ съ Лютеромъ, вступилъ съ нимъ въ интимную бесѣду. Мильтицъ не ошибся. Соглашеніе, по крайней мѣрѣ формальное, было достигнуто и состоялось на слѣдующихъ условіяхъ: во-первыхъ, ни та, ни другая сторона не должны болѣе ни писать, ни проповѣдывать о предметѣ возникшаго раздора; во-вторыхъ, папа долженъ былъ поручить какому-нибудь ученому епископу изслѣдовать спорные вопросы. Сообщая объ этихъ условіяхъ, Лютеръ, по поводу послѣдняго изъ нихъ прибавляетъ слѣдующія замѣчательныя слова: „Когда меня такимъ путемъ заставятъ сознать свои заблужденія, я откажусь отъ своихъ положеній, такъ какъ я отнюдь не желаю унизить честь и власть святой римской церкви“. Мало того, Лютеръ готовъ былъ вторично написать письмо папѣ, извиниться въ своей прежней горячности и рѣзкости и объяснить, что никогда не имѣлъ намѣренія оскорблять самую церковь. Изъ соглашенія между римскою куріей и Лютеромъ видно, что времена сильно измѣнились. Церковь волей-неволей должна была сознаться, что въ лицѣ Лютера имѣетъ дѣло съ силою, съ которою ей не легко справиться. Она должна была пуститься на компромиссы, на сдѣлки, немыслимыя при прежнемъ порядкѣ вещей. Средневѣковая католическая церковь не знала подобныхъ уступокъ, требуя безусловнаго подчиненія.

Какъ бы то ни было, соглашеніе состоялось, шумъ во враждебныхъ лагеряхъ замолкъ, и страсти, повидимому, на время успокоились. Но не долго продолжался наступившій миръ. Онъ былъ нарушенъ слишкомъ ревностными защитниками римской куріи.

Одинъ изъ самыхъ сильныхъ ревнителей папскаго авторитета, профессоръ ингольштадтскаго университета Экъ, открылъ въ 1519 году большой диспутъ въ Лейпцигѣ. Хотя онъ какъ будто Лютера и не затрогивалъ, а вызывалъ на богословскій диспутъ Карлштадта, сторонника и друга Лютера, но не трудно было тотчасъ замѣтить, что стрѣлы его направлены были противъ самого Лютера. Диспутъ открытъ былъ въ концѣ іюня 1519 г. въ Лейпцигѣ. Сюда явились звѣзды первой величины тогдашней богословской учености: Экъ, Лютеръ, Меланхтонъ и Карлштадтъ со своими друзьями. Диспутъ открытъ былъ съ тѣмъ торжествомъ и пышностью, какими отличались прежніе средневѣковые диспуты. Однако всѣ сознавали, что дѣло идетъ не о пустыхъ схоластическихъ словопреніяхъ, а о примиреніи противоположныхъ началъ, имѣющихъ всемірно-историческую важность. Первая недѣля прошла въ спорахъ между Экомъ и Карлштадтомъ о свободѣ воли, то-есть о вопросѣ, находившемся въ прямой связи съ вопросомъ объ отпущеніи грѣховъ. Затѣмъ Экъ вступилъ въ споръ съ Лютеромъ. Сначала они затронули вопросъ о значеніи добрыхъ дѣлъ. Спорили объ этомъ два дня, но ни къ какому соглашенію не пришли. Вдругъ Экъ перевелъ споръ на вопросъ о значеніи папскаго авторитета. Лютеръ прежде всего замѣтилъ, что подлежитъ еще большому сомнѣнію, дѣйствительно ли власть папы имѣетъ такое же древнее происхожденіе, какъ самая церковь Христова, и высказалъ даже, что, по его мнѣнію, власть папы съ значеніемъ непогрѣшимаго авторитета никакъ не старѣе четырехъ вѣковъ. Однако Эку удалось опровергнуть Лютера въ этомъ пунктѣ, ибо подложность такъ называемыхъ лже-исидоровыхъ декреталій, на которыя ссылался Экъ, еще не была въ то время дознана. Но когда Экъ добавилъ, что происхожденіе папской власти и римской церкви относится къ одному времени, и что все, выходящее за предѣлы римской церкви, выходитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, за предѣлы самого христіанства и должно быть предано анаѳемѣ, то Лютеръ, въ свою очередь, поспѣшилъ воспользоваться такимъ абсурдомъ. Онъ тотчасъ возразилъ, что ни въ св. писаніи, ни въ ученіяхъ отцовъ церкви первыхъ вѣковъ христіанства нѣтъ ни малѣйшаго указанія на папство. Онъ спросилъ Эка, отвергаетъ ли онъ всю греческую церковь и считаетъ ли онъ такія свѣтила, какъ Григорія Назіанзина и Василія Великаго, еретиками, недостойными царства небеснаго? Такимъ вопросомъ Экъ былъ поставленъ въ тупикъ. Однако онъ скоро оправился, сославшись на соборы. Онъ указалъ на то, что Констанцскій соборъ призналъ власть папы, и спросилъ Лютера, признаетъ ли онъ какую-нибудь силу за соборами и справедливо ли Констанцскій соборъ осудилъ Гуса и его ученіе? Надобно замѣтить, что дурное впечатлѣніе, оставленное въ Саксоніи гуситскими войнами, было здѣсь еще весьма свѣжо въ памяти, и потому вопросъ Эка вызвалъ особенное вниманіе мѣстной публики. На диспутѣ присутствовали нѣкоторые князья, отцы которыхъ сложили свои головы въ борьбѣ съ гуситами. Лютеръ зналъ это и остановился на мгновеніе, но тотчасъ же отвѣчалъ Эку, что, по его мнѣнію, соборъ осудилъ нѣкоторыя такія мнѣнія Гуса, которыя стоятъ на почвѣ совершенно христіанской. Въ публикѣ пробѣжалъ шумъ отъ такого отвѣта. Экъ же сказалъ Лютеру: „въ такомъ случаѣ, почтеннѣйшій отецъ, вы для меня не лучше любого язычника и мытаря!“

Такъ кончился знаменитый споръ. Направленіе Лютера выяснилось опредѣленно. Отдѣленіе его отъ церкви не подлежало болѣе сомнѣнію.

Лютеръ самъ разсказывалъ, что однажды еще въ Эрфуртѣ попалось ему въ руки какое-то сочиненіе Гуса. Прочитавши нѣсколько мѣстъ, онъ вдругъ увидѣлъ, что во многомъ сходится съ сожженнымъ еретикомъ. Это обстоятельство его тогда такъ сильно испугало, что онъ быстро закрылъ книгу. Его именно поразило то, что ужасный еретикъ все-таки правъ былъ во многомъ. Но то было давно. Теперь, въ Лейпцигѣ, Лютеръ уже не боялся открыто стать на сторонѣ вѣроотступника Гуса и отвергнуть даже тотъ авторитетъ церкви, который такъ недавно еще признавалъ. Одинъ только непогрѣшимый авторитетъ остался теперь для Лютера—авторитетъ св. писанія. Отъ него онъ никогда не отрекался. Лейпцигскій диспутъ ясно показалъ ему, какъ горько онъ ошибался до сихъ поръ насчетъ своихъ отношеній къ римской церкви. Онъ увидѣлъ, что въ сущности связь съ послѣднею у него порвана была уже тогда, когда онъ вѣрилъ, что стоитъ еще на почвѣ старо-католической. Враждебность принциповъ выяснилась теперь вполнѣ. Не о мелочахъ толковалъ Лютеръ: онъ возсталъ и сдѣлалъ нападеніе на весь принципъ папскаго авторитета, прямо отвергъ его историческое основаніе. Съ этого момента соглашеніе сдѣлалось невозможнымъ, если бы даже Лютеру грозила судьба Гуса.

Сочувствіе къ Лютеру въ массѣ росло все болѣе и болѣе. Онъ имѣлъ на своей сторонѣ всю партію гуманистовъ, цвѣтъ тогдашней учености. Ему стала сильно сочувствовать бурная молодежь, до сихъ поръ мало интересовавшаяся новымъ движеніемъ. Несмотря, однако, на это, Лютеръ и теперь еще продолжалъ бороться съ самимъ собой. Ему тяжело было сознаніе, что онъ окончательно разрываетъ связь съ церковью. Но, какъ бы то ни было, послѣдовательное изученіе исторіи церкви продолжало дѣйствовать на Лютера и съ непреоборимой силой влекло его по пути окончательнаго отпаденія отъ католицизма. Въ Лейпцигѣ онъ оспаривалъ авторитетъ папы и соборовъ въ дѣлахъ вѣры. Но вскорѣ онъ пошелъ еще дальше и отвергъ законодательную власть папы въ дѣлѣ церковномъ, его право на канонизацію и отлученіе отъ причастія.

Въ іюнѣ 1520 года Лютеръ издалъ свое „Обращеніе къ дворянству нѣмецкаго народа". Главная мысль этого сочиненія заключается въ томъ, что настала крайняя необходимость возстать противъ римской куріи, уничтожить тѣ преграды, которыми она окружила Германію, и что дворянство нѣмецкое призвано совершить это поистинѣ христіанское дѣло. Этимъ Лютеръ затронулъ самую живую струну нѣмецкаго народа. Недовольство въ Германіи противъ Рима и его злоупотребленій было велико. Нужна была только искра, брошенная сильною рукой. Агитація Лютера сразу должна была подорвать всю власть и силу римскаго духовенства. Онъ прямо заявилъ, что въ отношеніи священства всѣ христіане равны между собою, что всякій христіанинъ есть вмѣстѣ и первосвященникъ. Отсюда возможны были два вывода: во-первыхъ, что священникъ есть не болѣе, какъ исполнитель церковныхъ требъ; во-вторыхъ, что духовенство должно быть подчинено другой власти, власти свѣтской, которой врученъ мечъ для каранія злыхъ и защиты благочестивыхъ. Такіе выводы сразу подрывали власть и значеніе духовенства и дали совершенно новую основу свѣтской власти. Замѣчательно, что въ своемъ „Обращеніи къ дворянству" Лютеръ утверждалъ еще, что нѣтъ даже основанія совершенно отвергать папство: оно можетъ оставаться, но должно быть сильно ограничено. Папа не долженъ считаться верховнымъ главой имперіи и не долженъ сосредоточивать въ своихъ рукахъ всю духовную власть. На

немъ лежитъ обязанность разрѣшать недоразумѣнія, возникающія въ средѣ духовенства, и контролировать послѣднее въ исполненіи имъ своихъ обязанностей. Далѣе Лютеръ требовалъ независимости національной церкви отъ Рима, требовалъ для Германіи особеннаго примаса съ его собственнымъ судомъ, какъ апелляціонную инстанцію для всѣхъ епископовъ Германіи. Существованіе монастырей Лютеръ въ это время еще допускалъ, но только въ ограниченномъ числѣ, съ строго опредѣленнымъ уставомъ. Далѣе, для низшаго духовенства Лютеръ требовалъ права вступленія въ бракъ. Изъ всего этого видно, что и въ „Обращеніи своемъ къ дворянству" Лютеръ не разрываетъ еще единства латинской церкви, не требуетъ уничтоженія ея учрежденій, а желаетъ только точнѣе очертить кругъ ея дѣятельности, установить границы ея власти. Но главною цѣлью Лютера въ это время было создать національную нѣмецкую церковь, независимую отъ римской куріи.

Но не прошло и полгода, какъ Лютеръ пошелъ далѣе. Въ октябрѣ того же 1520 года онъ издалъ въ свѣтъ другое свое сочиненіе: „О вавилонскомъ плѣненіи папъ". Здѣсь онъ затрогиваетъ уже самыя коренныя основы господствующей церкви, указываетъ, насколько римская церковь расходится съ христіанствомъ первыхъ вѣковъ. Лютеръ отрицаетъ тутъ право папы лишать народъ чаши, ибо никто не имѣетъ права измѣнять то, что установлено самимъ Христомъ. Что касается таинствъ, то четыре изъ нихъ Лютеръ совсѣмъ отвергъ, оставляя только крещеніе, причастіе и покаяніе; но позже Лютеръ отвергъ и послѣднее таинство.

Въ то время, какъ Лютеръ строилъ свое зданіе церковной реформы, надъ нимъ собиралась въ Римѣ цѣлая гроза. Экъ убѣдилъ папу въ необходимости издать буллу противъ Лютера. Папа согласился, хотя и не особенно охотно. Но теперь времена были уже не тѣ. Булла принята была въ Германіи съ открытымъ неудовольствіемъ. Нѣкоторыя правительства боялись обнародовать ее; другія прямо заявили, что не считаютъ необходимымъ подчиняться ей. Курфюрстъ Фридрихъ открыто отъ нея отказался. Виттенбергскій университетъ взялъ Лютера и Карлштадта подъ свою охрану. Ясно видно было всюду желаніе стряхнуть оковы, наложенныя Римомъ. Дѣла приняли такой крутой оборотъ, что довели Лютера до того крайне рѣшительнаго шага, который онъ совершилъ 10 декабря 1520 года. Онъ рѣшился публично сжечь папскую буллу, и онъ сжегъ ее торжественно, въ виду всѣхъ профессоровъ, студентовъ и гражданъ Виттенберга. Буллы, эти крайнія орудія папскаго гнѣва, которыми цари низвергались съ престоловъ, реформаторы возводились на костры, теперь предавались сожженію публично смѣлымъ монахомъ, котораго нельзя было обуздать ни увѣщаніями, ни совѣтами, ни предостереженіями, ни даже отлученіемъ.

Дѣло было столь великой важности, что обратило на себя всеобщее вниманіе. Всѣ силы церковной оппозиціи сгруппировались вокругъ Лютера. Вскорѣ стали появляться различные проекты и планы будущихъ учрежденій и реформъ. Одни обратили исключительно свое вниманіе на отношеніе національной церкви къ церкви римской. Никакой другой языкъ, кромѣ нѣмецкаго, не долженъ былъ употребляться въ проповѣдяхъ. Всѣ прерогативы папства и связанные съ ними поборы должны были быть уничтожены. Отлученіе, исходящее изъ Рима, должно было отнынѣ потерять всякое значеніе. Папскія грамоты должны были получать значеніе для Германіи не иначе, какъ съ утвержденія собора выс-

шаго національнаго духовенства. Другіе же обратили вниманіе на реформы въ средѣ самой церкви: требовали ограниченія числа праздниковъ, опредѣленнаго вознагражденія священникамъ, назначенія хорошихъ проповѣдниковъ, ограниченія числа постовъ и т. п.

Но для осуществленія всѣхъ этихъ плановъ и проектовъ нужна была сильная рука, нужна была власть. Надежды всей Германіи обращены были на германскаго императора Карла V. Императоръ, по мнѣнію оппозиціи, долженъ былъ удалить отъ себя тѣхъ римскихъ клерикаловъ, которыми окружилъ себя, и призвать къ управленію національное нѣмецкое дворянство.

LX. Избраніе Карла V императоромъ.

(Изъ статьи Кудрявцева, «Карлъ V», въ «Рус. Вѣстн.» за 1856 г.).

Истекало второе десятилѣтіе XVI в. Максимиліанъ слабѣлъ и дряхлѣлъ съ каждымъ годомъ; открывались новые виды на самую почетную корону во всемъ образованномъ европейскомъ мірѣ. Не одно дотолѣ спокойное честолюбіе возбуждено было къ необычной дѣятельности приближавшеюся кончиной императора. Къ счастью для претендентовъ и къ несчастью для Германіи, никакое особенное право не ограничивало выборъ лица для замѣщенія нѣмецкаго королевскаго престола. Наслѣдственное право представлялось первое, но оно вовсе не имѣло безусловнаго значенія и, по волѣ курфюрстовъ, легко могло быть замѣнено свободнымъ избраніемъ. Отъ ихъ взаимнаго соглашенія зависѣло провозгласить императоромъ Германіи того или другого короля, или даже принца, хотя бы онъ былъ чужестраннаго происхожденія. Прямое наслѣдственное право неоспоримо принадлежало Карлу испанскому; но Франція совершенно на равной ногѣ могла противопоставить ему,—если бы оно выпало на ея долю, — согласіе курфюрстовъ на избраніе ея короля въ нѣмецкіе императоры. Искусная дипломатическая интрига значила тутъ гораздо болѣе, чѣмъ законность, основанная на наслѣдственномъ правѣ.

Карлъ нисколько не обманывалъ себя насчетъ своихъ правъ престолонаслѣдія въ Германіи. Онъ хорошо понималъ, что ему, можетъ быть, придется имѣть дѣло съ самыми близкими своими соперниками, королями французскимъ и англійскимъ, и заранѣе принималъ мѣры, чтобы обезпечить за собою избраніе. Первая трудность заключалась въ волѣ самого Максимиліана, который желалъ передать послѣ себя нѣмецкій престолъ другому своему внуку, Фердинанду, считая Карла уже достаточно награжденнымъ. Это неудобство было отвращено, благодаря особенно содѣйствію папы, который, въ случаѣ раздѣленія австрійскаго дома, имѣлъ причины опасаться усиленія Франціи. Слѣдующія затѣмъ мѣры, принятыя Карломъ, относились къ князьямъ-избирателямъ. Съ этою цѣлью, въ августѣ 1517 года, нарочный посланный Виллингеръ отправленъ былъ изъ Нидерландовъ въ Германію. Онъ имѣлъ порученіе условиться по тому же предмету съ императоромъ, и старался склонить на сторону Карла князей имперіи. Для успѣшнѣйшаго дѣйствія ему отданы были въ распоряженіе, сверхъ обыкновенныхъ, и нѣкоторыя чрезвычайныя средства. Такъ, онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ банковые билеты на зна-

чительную сумму на знаменитый аугсбургскій банкирскій домъ Фуггеровъ. Тремъ духовнымъ курфюрстамъ велѣно было обѣщать отъ имени Карла очень выгодныя бенефиціи въ Испаніи, а тремъ свѣтскимъ—пенсіоны по 2,000 гульденовъ; о четвертомъ не упоминалось въ инструкціи, потому, вѣроятно, что его считали слишкомъ честнымъ для подкупа: это былъ славный покровитель германскаго реформатора, Фридрихъ Саксонскій. Объ немъ вмѣстѣ съ герцогомъ баварскимъ и маркграфомъ брандербургскимъ поручено было посланному развѣдать, не согласны ли они, можетъ быть, принять отъ Карла болѣе почетную награду—орденъ Золотого Руна. Другія значительныя лица въ имперіи также получили разныя лестныя обѣщанія, соотвѣтствующія ихъ положенію и вліянію.

При содѣйствіи Максимиліана внутри имперіи дѣло Карла мало-помалу устраивалось по его желанію. Задолго до наступленія кризиса онъ имѣлъ уже на своей сторонѣ бо̀льшую часть владѣтельныхъ князей Германіи.

Но и послѣ того оставалось еще сдѣлать очень многое для успѣха предположеннаго избранія. Послѣдовавшая вскорѣ затѣмъ смерть Максимиліана обнаружила скрытыя доселѣ трудности во всей ихъ силѣ. Не только Францискъ, но и Генрихъ англійскій открыто выступили съ своими притязаніями на нѣмецкій престолъ. Генрихъ, правда, мало встрѣтилъ себѣ сочувствія въ Германіи, но король французскій, съ помощью интригъ, денегъ и обѣщаній, успѣлъ составить себѣ значительную партію между нѣмецкими князьями и нашелъ себѣ партизановъ въ самой коллегіи курфюрстовъ. Когда князья съѣхались во Франкфуртъ на выборы, тогда особенно почувствовалась нерѣшительность положенія. Въ немъ не было болѣе ничего вѣрнаго и опредѣленнаго; ужъ готовы были жребіи, и одна минута могла положить конецъ всѣмъ сомнѣніямъ; но даже наканунѣ избранія никто не поручился бы, что оно падетъ на того, а не другого претендента Подъ конецъ ихъ осталось только два. Генрихъ VIII ограничился лишь тѣмъ, что въ собственноручномъ письмѣ къ курфюрстамъ искалъ чести избранія. Но Францискъ не хотѣлъ допустить ни одного лишняго шага впередъ со стороны короля Испаніи. Между тѣмъ какъ посольство Карла расположилось на время выборовъ въ Гехстѣ (въ Нассау, близъ Майна), французское посольство съ конною свитой во сто человѣкъ стояло близъ Рейна, въ Кобленцѣ. Оба вліянія сходились во Франкфуртѣ и боролись между собой внутри самаго сейма. Избирательные голоса покупались на вѣсъ золота. Если одинъ изъ совмѣстниковъ давалъ много, то другой обѣщалъ еще болѣе. Такимъ образомъ, оба вліянія уравновѣшивались между собою на сеймѣ, слѣдствіемъ чего было то, что ни одно имя не могло соединить на себѣ большинства голосовъ. Тогда изъ самаго равновѣсія партій и невозможности подвинуть ихъ впередъ неожиданно возникло новое имя, гораздо болѣе скромное, чѣмъ громкія имена властителей Франціи и Испаніи, но всѣмъ хорошо знакомое и давно пользовавшееся заслуженнымъ уваженіемъ цѣлой имперіи. Это было имя Фридриха Мудраго, который одинъ изъ всѣхъ курфюрстовъ остался недоступенъ подкупу. Предложившій его собранію, архіепископъ майнцскій, конечно, разсчитывалъ больше на его отказъ, чѣмъ на согласіе, и имѣлъ притомъ совсѣмъ другіе виды. Но едва только предложеніе было пущено въ ходъ, какъ оно привлекло къ себѣ большую часть голосовъ. Интрига падала сама собою передъ магическимъ дѣйствіемъ популярнаго имени. Ни папа, ни Генрихъ англійскій не были противъ такого выбора. Рѣшеніе было теперь въ рукахъ самого Фридриха.

Руководясь, главнымъ образомъ, мыслью о необходимости сильной руки для защиты имперіи отъ внѣшнихъ враговъ, благоразумный курфюрстъ отдавалъ въ этомъ отношеніи полное преимущество испанскому королю передъ французскимъ. Притомъ же онъ принималъ въ соображеніе все же болѣе нѣмецкое происхожденіе Карла въ сравненіи съ его совмѣстникомъ. Если у Фридриха еще оставались сомнѣнія, то они происходили отъ недостатка увѣренности, что у Карла, по вступленіи его на престолъ, найдется довольно доброй воли, чтобы сохранить старыя нѣмецкія привилегіи неприкосновенными; но въ послѣднее время получены были изъ Гехста положительныя увѣренія въ готовности претендента подписать капитуляцію, которая будетъ предложена ему избирателями (Wahlcapitulation). Во мнѣніи папы симпатіи къ австрійскому дому опять начали перевѣшивать наклонность къ французскому союзу. И все еще, однако, Фридрихъ держалъ рѣшеніе въ своихъ рукахъ и могъ каждую минуту поворотить его въ ту сторону, куда хотѣлъ. Съ какимъ же замираніемъ сердца должны были ждать его рѣчи всѣ присутствующіе, когда въ день, назначенный для окончательнаго выбора, онъ явился въ торжественное собраніе! Курфюрстъ майнцскій, дѣйствуя по соглашенію съ Фридрихомъ, опять выступилъ съ предложеніемъ въ императоры Карла австрійскаго, на что курфюрстъ трирскій держалъ отвѣтъ и старался, въ свою очередь, склонить мнѣніе въ пользу короля французскаго. Тогда возсталъ Фридрихъ Саксонскій. „Въ годину опасности — сказалъ онъ, имѣя болѣе всего въ виду грозу турецкаго нашествія,—мы должны желать себѣ властителя, съ которымъ намъ не страшны были бы никакія невзгоды“. Далѣе Фридрихъ продолжалъ: „Пусть носитъ скипертъ тотъ, кто всѣхъ могущественнѣе, кто одинъ гораздо крѣпче, чѣмъ всѣ наши нѣмецкія силы, соединенныя вмѣстѣ. Изъ двухъ предложенныхъ кандидатовъ мы должны держаться одного: каждый изъ нихъ въ состояніи защищать насъ; но король испанскій происходитъ отъ нѣмецкой крови, имѣетъ свое мѣстопребываніе въ нѣмецкой землѣ (въ Нидерландахъ), носитъ титулъ наслѣдственнаго имперскаго князя и, по праву наслѣдства, владѣетъ въ Германіи тѣми самыми землями, которыя прямо подвергаются опасности нападенія; поэтому онъ имѣетъ больше правъ на насъ, чѣмъ король французскій, котораго исключаютъ наши законы, ибо онъ чуждъ намъ по крови и языку и не имѣетъ ничего общаго съ нашимъ отечествомъ. Итакъ, да будетъ Карлъ императоромъ, а свобода и безопасность имперіи да оградятся твердыми постановленіями“.

Когда Фридрихъ кончилъ, въ залѣ наступило глубокое молчаніе. Впечатлѣніе, произведенное его рѣчью, было глубоко и сильно. Всякому изъ слушателей почувствовалось, что между ними упало тяжелое, полновѣсное слово, котораго тяжесть они могли поднять и понести лишь соединенными силами. Рѣшалась судьба великаго народа, имперіи, въ нѣкоторомъ смыслѣ—судьба міра. Произнесено было слово неотразимаго рѣшенія, ибо оно вмѣстѣ было словомъ самоотреченія. Передъ такимъ словомъ не могло устоять никакое противорѣчіе. Скоро и курфюрстъ трирскій взялъ назадъ свой голосъ, лучше сказать — присоединилъ къ другимъ, которые Фридрихъ увлекъ за собою. Вскорѣ послѣ того дворянство и народъ созваны были въ церковь, и тамъ архіепископъ майнцскій объявилъ всенародно о послѣдовавшемъ избраніи Карла австрійскаго, на мѣсто умершаго Максимиліана, главою Римской имперіи. Событіе было великой важности не только для Германіи, но и лично для Карла. Онъ торжествовалъ въ одномъ изъ самыхъ щекотливыхъ для

своего самолюбія положеній, но торжествовалъ благодаря не столько употребленнымъ имъ средствамъ, сколько благоразумію и великодушію третьяго лица, какъ безкорыстнаго посредника между нимъ и избирателями, и пройдя, сверхъ того, черезъ опасное совмѣстничество одного изъ своихъ прежнихъ союзниковъ.

XLI. Вормскій сеймъ, переводъ библіи и усиленіе реформаціоннаго движенія въ Германіи [1]).

Въ концѣ января 1521 г. Карлъ открылъ въ Вормсѣ свой первый рейхстагъ, на которомъ предстояло обсудить нѣкоторыя государственныя дѣла, касавшіяся устройства администраціи, суда и финансовъ имперіи, а также порѣшить дѣло Лютера. По этому поводу императоръ предложилъ рейхстагу проектъ своего эдикта въ томъ смыслѣ, что Лютеръ, возставшій противъ Богомъ установленнаго порядка, долженъ быть арестованъ, а приверженцы его изгнаны. Но ему поставили на видъ, что такая мѣра можетъ привести къ печальнымъ послѣдствіямъ, и что благоразумнѣе будетъ выслушать Лютера. Это возраженіе сдѣлано было князьями такъ единогласно, что съ нимъ приходилось согласиться. Рѣшено было, однакожъ, еще до приглашенія Лютера на сеймъ въ Вормсѣ, сдѣлать попытку къ соглашенію мирнымъ путемъ. Роль посредника взялъ на себя духовникъ императора, францисканскій монахъ Глапіонъ, истый представитель строгаго испанскаго католицизма, горячо принимавшій къ сердцу интересы церкви и самъ считавшій необходимымъ поднять клиръ въ нравственномъ отношеніи. Но изъ его посредничества ничего не вышло. Лютеръ оставался твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ и не шелъ на уступки. „Не думайте, что я готовъ отказаться отъ своихъ мнѣній, — писалъ онъ въ это время одному изъ своихъ друзей; — если императору угодно меня погубить, то я и на это готовъ“.

Въ такомъ настроеніи Лютеръ получилъ отъ Карла V приглашеніе на сеймъ, что̀, однако, произвело въ Римѣ крайне непріятное впечатлѣніе. Тамъ не могли помириться съ мыслью, что вопросы вѣры обсуждаются свѣтскимъ собраніемъ и что человѣкъ, преданный анаѳемѣ, приглашается не къ отреченію отъ ереси, а къ публичному объясненію. Чтобы успокоить папистовъ, императоръ повелѣлъ властямъ отобрать всѣ сочиненія Лютера. Сторонники Лютера, видя, что паписты пріобрѣтаютъ все больше вліянія у Карла V, потеряли всякую надежду на его поддержку: они не вѣрили даже охранной грамотѣ императора и стали опасаться за личную безопасность Лютера. Но въ этомъ критическомъ положеніи Лютеръ обнаружилъ всю твердость своей воли, всю несокрушимость своей вѣры.

---

[1]) Пособіями при составленіи этой статьи служили слѣд. сочиненія: 1) Ranke: „Deutschland im Zeitalter der Reformation“; 2) Maurenbrecher: „Studien und Skizzen zur Geschichte der Reformationszeit“; 3) Weber: „Allgemeine Weltgeschichte für gebildete Stände“, B. VIII; 4) Schenkel: „Luther in Wittenberg und Wartburg“; 5) Zimmermann: „Allgemeine Geschichte des grossen Bauernkrieges, 3 Bde“.

Лютеръ отправился въ Вормсъ, сопровождаемый друзьями и императорскимъ почетнымъ герольдомъ. Въ городахъ, лежавшихъ на пути, его встрѣчали съ оваціями, съ тріумфомъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ онъ останавливался для проповѣди, которая всюду производила громадное впечатлѣніе и привлекала массы народа.

16 апрѣля 1521 года, около полудня, Лютеръ совершилъ торжественный въѣздъ въ Вормсъ. На встрѣчу ему выѣхали саксонскіе и многіе другіе графы и дворяне; на улицахъ толпились массы любопытнаго народа, съ нетерпѣніемъ ждавшаго увидѣть удивительнаго монаха.

На другой день вечеромъ Лютеръ позванъ былъ въ собраніе имперскихъ чиновъ. Юный императоръ, сидѣвшіе по обѣимъ сторонамъ его курфюрсты и въ числѣ ихъ Фридрихъ Мудрый Саксонскій, множество свѣтскихъ и духовныхъ князей, множество графовъ, рыцарей и прелатовъ, знаменитые полководцы, друзья и противники реформаціи,— все это многочисленное величественное собраніе ожидало скромнаго монаха. Когда Лютеръ вступилъ въ залу засѣданія, то при видѣ этого блестящаго собранія онъ, по свойственной ему застѣнчивости и непривычности обращаться въ высшихъ кругахъ, былъ нѣсколько смущенъ. Онъ говорилъ довольно слабымъ, невнятнымъ голосомъ, такъ что многіе полагали, что онъ испугался. Когда Экъ прочелъ списокъ сочиненій Лютера и спросилъ, признаетъ ли онъ ихъ своими и желаетъ ли отречься отъ нихъ, то Лютеръ на первый вопросъ отвѣтилъ утвердительно, что касается втораго вопроса, то онъ попросилъ отсрочки для размышленія, „такъ какъ дѣло идетъ о словѣ Божіемъ и о спасеніи душъ". Императоръ, посовѣтовавшись съ своими совѣтниками, согласился на отсрочку. На слѣдующій день Лютеръ снова появился въ собраніи. Было поздно, когда его позвали. Но теперь въ Лютерѣ незамѣтно было и слѣда прежняго смущенія: на поставленные ему вопросы онъ отвѣчалъ твердымъ, мужественнымъ голосомъ, въ которомъ сказывалось непоколебимое убѣжденіе въ истинѣ. На повторенный ему вопросъ, желаетъ ли онъ отречься отъ своихъ сочиненій, Лютеръ отвѣтилъ длинною рѣчью. Онъ раздѣлилъ всѣ свои сочиненія на три категоріи: на книги о христіанскомъ ученіи, сочиненія противъ злоупотребленій римскаго двора и сочиненія полемическія. Отречься отъ первыхъ было бы дѣломъ неслыханнымъ: это значило бы отвергнуть самую истину; отречься отъ вторыхъ, значило бы дать поводъ папистамъ въ конецъ разорить Германію; затѣмъ остаются еще полемическія сочиненія, въ которыхъ онъ, какъ защитникъ Евангелія, нападаетъ на нѣкоторыя личности, находящіяся подъ покровительствомъ Рима и защищающія папскую тиранію. Но и отъ этихъ сочиненій онъ отречься не можетъ, потому что это значило бы придавать силу врагамъ въ помраченіи истины и угнетеніи народа. Но, прибавилъ Лютеръ, такъ какъ онъ не больше, какъ человѣкъ, и, слѣдовательно, можетъ ошибаться, то онъ проситъ, чтобы писаніями пророковъ и апостоловъ ему доказали его заблужденія; тогда онъ готовъ собственноручно бросить свои сочиненія въ огонь. При этомъ Лютеръ сослался на примѣръ самого Спасителя, который, на вопросъ первосвященника Анны объ ученіи его, отвѣчалъ: „Если я сказалъ худо, покажи, что худо". Затѣмъ Лютеръ высказалъ сожалѣніе, что дѣло дошло до раздоровъ и несогласій, которыя могутъ повести къ большимъ бѣдствіямъ для Германіи. Но тутъ оффиціалъ (судья) трирскій остановилъ Лютера, указавъ ему на то, что онъ отклонился отъ прямого отвѣта на поставленный ему вопросъ; онъ указалъ Лютеру на то, что отреченіе отъ

нѣкоторыхъ мнѣній не уничтожитъ еще всего имъ сдѣланнаго, что еще найдется, пожалуй, возможность спасти всѣ его книги, если онъ отречется отъ того только, что̀ осуждено Констанцскимъ соборомъ и что онъ принялъ вопреки повелѣніямъ означеннаго собора. Но Лютеръ отвергъ непогрѣшимость соборовъ такъ же, какъ и непогрѣшимость папъ; онъ говорилъ, что и соборъ можетъ погрѣшать и что онъ готовъ доказать это настоящимъ и прошедшимъ. Тогда оффиціалъ не продолжалъ болѣе настаивать и требовалъ еще разъ отъ Лютера категорическаго отвѣта, всѣ ли свои мнѣнія считаетъ онъ сообразными съ вѣрою, или отречется отъ нѣкоторыхъ, и объявилъ, что если онъ не отречется, то собраніе знаетъ, какъ поступить съ еретикомъ. Однакоже угрозы нисколько не устрашили смѣлаго монаха: убѣжденіе въ правотѣ своего дѣла и явное сочувствіе большинства ободряли его. Онъ рѣшился бы, какъ говорилъ впослѣдствіи, лишиться тысячи головъ, еслибъ онѣ были у него, прежде чѣмъ произнесетъ отреченіе. Онъ повторилъ снова, что если текстомъ Св. Писанія не докажутъ ему, что онъ заблуждается, то онъ не хочетъ и не можетъ отречься отъ словъ своихъ, „ибо не хорошо поступать противъ совѣсти". „На этомъ стою я,—сказалъ онъ въ заключеніе,—иначе дѣйствовать я не могу; Богъ да поможетъ мнѣ. Аминь!"

Рѣчь Лютера произвела весьма сильное впечатлѣніе на собраніе. Особенно радостно забились сердца патріотовъ. Нѣкоторые изъ наиболѣе извѣстныхъ военачальниковъ, присутствовавшихъ въ собраніи, пораженные неустрашимостью Лютера, выразили ему каждый по-своему свое одобреніе: старый Георгъ Фрундсбергскій потрепалъ его по плечу съ видимымъ одобреніемъ, храбрый Эрихъ Брауншвейгскій послалъ ему въ самую тѣсноту собранія пива въ серебряной чашѣ. При выходѣ его изъ залы собранія раздался голосъ: „какъ счастлива должна быть мать, родившая такого человѣка". Самъ Фридрихъ Мудрый былъ доволенъ своимъ профессоромъ и сказалъ о немъ Спалатину: „О, какъ хорошо говорилъ докторъ Мартинусъ передъ глазами императора и имперіи!" и прибавилъ: „только онъ очень смѣлъ!"

Совершенно противоположное впечатлѣніе произвела рѣчь Лютера на Карла, союзъ котораго съ папой въ это время былъ уже дѣломъ рѣшеннымъ. Его раздражали упорство Лютера и смѣлость его рѣчей. Онъ высказалъ имперскимъ чинамъ свое мнѣніе относительно Лютера, объявивъ при этомъ, что болѣе выслушивать Лютера нѣтъ надобности, такъ какъ онъ его считаетъ еретикомъ; что и онъ, императоръ, и всѣ князья покроютъ себя вѣчнымъ позоромъ, если потерпятъ подобное оскорбленіе святой церкви, и что, наконецъ, онъ и жизни не пожалѣетъ для искорененія подобнаго зла.

По выслушаніи такого рѣшенія, князья пришли въ сильное безпокойство. И было изъ-за чего: возбужденіе умовъ было такъ сильно, что слѣдовало ежеминутно опасаться открытаго возстанія. На стѣнахъ городской ратуши было написано воззваніе къ народу взяться за оружіе противъ папистовъ. Въ виду этого рѣшено было еще разъ попытаться мирно покончить дѣло Лютера. Карлъ рѣшился дать ему еще три дня сроку на размышленіе. Но Лютеръ остался при своемъ. Такимъ образомъ примиреніе старой церкви съ Лютеромъ сдѣлалось невозможнымъ.

Въ виду непреодолимаго упорства Лютера, нѣкоторые изъ приближенныхъ къ Карлу лицъ совѣтовали поступить съ Лютеромъ, какъ поступлено было съ Гусомъ. Но Карлъ не рѣшился на это въ виду той симпатіи, которую дѣло Лютера успѣло возбудить во всѣхъ классахъ

населенія, а также изъ уваженія къ Фридриху Мудрому. Онъ отослалъ Лютера въ Виттенбергъ въ сопровожденіи почетнаго герольда.

При отъѣздѣ друзья намекнули Лютеру, что они его на-время отвезутъ въ безопасное убѣжище.

Въ концѣ апрѣля Карлъ опять обратился къ имперскимъ чинамъ съ запросомъ, какъ поступить съ „закоренѣлымъ еретикомъ". Члены рейхстага предоставили дѣло на усмотрѣніе императора.

Между тѣмъ въ Римѣ заключенъ былъ формальный союзъ между папою Львомъ X и Карломъ V: папа обязывался помочь Карлу изгнать французовъ изъ Италіи, а императоръ обязывался уничтожить въ Германіи враговъ католицизма и отмстить за оскорбленіе святой церкви. Въ это же время папскій легатъ Алеандеръ, находившійся при императорѣ, сочинилъ проектъ эдикта противъ Лютера. Карлъ выжидалъ только удобной минуты для внесенія этого эдикта въ рейхстагъ. Дѣйствительно, Карлъ очень ловко воспользовался для своей цѣли отъѣздомъ курфюрстовъ саксонскаго и пфальцскаго, а также многихъ другихъ вліятельныхъ членовъ сейма.

Выслушавъ чтеніе эдикта, члены рейхстага дали согласіе за себя и за отсутствующихъ. Алеандеръ тутъ же изготовилъ два экземпляра эдикта отъ 8 мая, т.-е. заднимъ числомъ, когда курфюрсты были еще всѣ въ Вормсѣ. На другой день въ церкви, во время службы, императоръ подписалъ эдиктъ, поднесенный ему Алеандеромъ. Но, кромѣ того, императоръ повелѣлъ всѣмъ властямъ, подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности, въ точности исполнять эдиктъ. Казалось, что Карлъ V однимъ почеркомъ пера повергъ въ прахъ стремленіе нѣмецкой націи къ религіозному возрожденію, которое лучшіе люди Германіи считали задаткомъ лучшаго будущаго. Но въ дѣйствительности Карлъ не въ силахъ былъ остановить могучаго потока реформаціи.

Извѣстіе объ императорскомъ эдиктѣ противъ Лютера вызвало въ Римѣ необычайную радость. По этому случаю были даже всенародно сожжены два изображенія Лютера. Но скоро агенты римскаго двора увидѣли, какъ мало пользы принесло имъ постановленіе, котораго они добились съ такимъ трудомъ. Въ нидерландскихъ владѣніяхъ, гдѣ Карлъ присутствовалъ самъ, исполняли его повелѣнія и жгли сочиненія Лютера. Въ Германіи же императорскій эдиктъ оставался безъ примѣненія.

Въ концѣ апрѣля Лютеръ выѣхалъ изъ Вормса въ сопровожденіи императорскаго герольда, отъ котораго ему удалось, впрочемъ, скоро освободиться.

По плану, составленному еще въ Вормсѣ Фридрихомъ Мудрымъ при содѣйствіи его близкихъ совѣтниковъ, на возвратномъ пути Лютера въ Виттенбергъ, въ то время, какъ онъ проѣзжалъ по лѣсистой дорогѣ, повозка его была остановлена, на него напали замаскированные саксонскіе рыцари, схватили его и, укутавъ въ плащъ, отвезли въ замокъ Вартбургъ, гдѣ онъ, въ качествѣ государственнаго саксонскаго преступника, содержался въ строгой тайнѣ подъ надзоромъ коменданта замка; а въ то же время распустили слухъ, что Лютеръ схваченъ врагами курфюрста и, вѣроятно, умерщвленъ.

Тяжело было въ это время душевное настроеніе Лютера. Онъ сознавалъ, что дѣло преобразованія церкви едва начато, что для утвержденія его нужно еще много и энергически дѣйствовать, а между тѣмъ онъ бездѣйствовалъ и томился въ какой-то почетной полуневолѣ, ли-

шенный свободы дѣйствій. Не безъ основанія сравнивалъ онъ себя въ это время съ птицею, запертою въ клѣткѣ.

Его желѣзная физическая натура въ это время надломилась, его стали опять мучить галлюцинаціи, и онъ оказывался иногда по цѣлымъ недѣлямъ неспособнымъ взяться за перо. Наконецъ поѣздки по окрестнымъ мѣстамъ, а особенно прогулка и охота по лѣсамъ освѣжили и укрѣпили его организмъ, и къ нему опять возвратилась бодрость духа. Тогда онъ задумалъ воспользоваться своимъ досугомъ въ Вартбургѣ для дѣла, имѣвшаго громадное историческое значеніе и важность котораго онъ и самъ сознавалъ, а именно для перевода библіи на нѣмецкій языкъ.

Лютеръ приступилъ къ переводу библіи съ тщательною подготовкою: онъ ревностно изучалъ греческій и еврейскій текстъ библіи; не менѣе важно было для него основательное знаніе нѣмецкаго народа, его образа мыслей и способа выраженія. Съ этой цѣлью онъ вращался въ простонародьи, чтобы прислушаться лучше къ его рѣчи.

Одновременно съ приготовительными работами для перевода библіи, Лютеръ трудился также надъ составленіемъ книги нѣмецкихъ проповѣдей, замѣчательныхъ по своей глубинѣ и задушевности. Переведенная Лютеромъ библія и книга проповѣдей сдѣлались скоро настольными книгами всякаго грамотнаго простолюдина протестанта и всего болѣе способствовали быстрому возрастанію популярности Лютера.

Въ то время какъ Лютеръ въ уединеніи своемъ въ Вартбургѣ занятъ былъ переводомъ Евангелія на нѣмецкій языкъ, услышалъ онъ о волненіяхъ въ Виттенбергѣ, вызванныхъ цѣлымъ рядомъ поспѣшныхъ и отчасти насильственныхъ нововведеній въ католическомъ богослуженіи и католическихъ обрядахъ, а также стремленіемъ нѣкоторыхъ фанатиковъ, настроенныхъ въ духѣ новаго ученія, къ преобразованію на новыхъ началахъ не только церкви, но также государства и общества. Главными представителями этой партіи движенія выступили Карлштадтъ и Ѳома Мюнцеръ. Карлштадтъ, другъ Лютера, былъ сначала профессоромъ богословія, а потомъ деканомъ и ректоромъ въ Виттенбергскомъ университетѣ. Это былъ горячій эксцентричный ревнитель новаго ученія, который своимъ пламеннымъ и бурнымъ краснорѣчіемъ увлекъ за собой цѣлую толпу молодыхъ энтузіастовъ-слушателей. До Вормскаго сейма Карлштадтъ и Лютеръ долго жили и дѣйствовали дружно: оба легко увлекались мистицизмомъ, оба стремились къ реформаціи, были одинаково непреклонны въ своихъ убѣжденіяхъ и равно серьезно стремились къ достиженію своихъ цѣлей. Но они далеко расходились во взглядѣ на конечную цѣль реформаціи. Лютеръ хотѣлъ освободить новымъ евангеліемъ только души, а Карлштадтъ желалъ освобожденія христіанъ и въ земной жизни; Лютеръ думалъ дѣйствовать постепенно, умѣряя разсудкомъ порывы своей страстности, Карлштадтъ хотѣлъ идти быстро, все ниспровергая на пути. Лютеръ, желая очистить церковь, искалъ опоры въ государяхъ, Карлштадтъ—въ народѣ. Онъ хотѣлъ провести реформу снизу вверхъ. Онъ высоко цѣнилъ священное писаніе, но не считалъ обязательнымъ буквальный смыслъ его. Кабинетная ученая дѣятельность не удовлетворяла его, и онъ старался провести на практикѣ идею реформаціи.

Трудно было въ самомъ дѣлѣ предполагать, чтобы движеніе умовъ въ Германіи, проявившееся съ такою энергіею, какъ только разрывъ съ Римомъ былъ смѣло и открыто провозглашенъ самимъ Лютеромъ сожженіемъ папской буллы и отрицаніемъ авторитета папы и всего, что не

оправдывалось буквальнымъ смысломъ священнаго писанія, чтобы движеніе это довольствовалось лишь теоретическимъ признаніемъ новаго ученія. Было, напротивъ, совершенно естественно со стороны наиболѣе горячихъ ревнителей новаго ученія стремиться къ тому, чтобы отвергнуть главнѣйшія основанія старой церкви, непогрѣшимость папскаго авторитета и обязательную силу церковныхъ преданій, отвергнуть и преобразовать все то, что въ сферѣ старой церкви зиждилось на этихъ основаніяхъ, начиная съ церковныхъ обрядовъ.

Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи было нападеніе двухъ священниковъ въ окрестности Виттенберга на безбрачіе духовныхъ, нападеніе, смѣло поддержанное Карлштадтомъ. Уничтоженіе безбрачія повело къ уничтоженію монашества: одинъ изъ монаховъ августинскаго ордена началъ произносить въ маленькой августинской церкви въ Виттенбергѣ пламенныя проповѣди противъ принципа иноческой жизни. Это произвело сильное волненіе въ монастырѣ, и нѣсколько августинцевъ тотчасъ же оставили его, а отсюда движеніе сообщилось и другимъ монастырямъ. Нововводители, и во главѣ ихъ Карлштадтъ, требовали также насильственно перемѣны въ богослуженіи и отмѣны частныхъ обѣденъ. Въ день Р. Х. 1521 г. Карлштадтъ говорилъ проповѣдь и тотчасъ совершилъ обѣдню, за которой молящіеся пріобщались св. таинъ подъ обоими видами, тѣла и крови Христовой. Не довольствуясь этимъ, Карлштадтъ шелъ каждый день отъ перемѣны къ перемѣнѣ: онъ уничтожилъ церковныя одежды, потомъ отвергнулъ необходимость исповѣди предъ священникомъ; постановилъ, чтобы всѣ приступали къ св. причащенію безъ предварительнаго приготовленія; наконецъ, онъ вооружился противъ постовъ и св. иконъ.

Сильное сочувствіе и поддержку въ насильственномъ осуществленіи церковныхъ нововведеній нашелъ Карлштадтъ въ вожакахъ вновь образовавшейся секты анабаптистовъ или перекрещенцевъ, отличавшейся крайнимъ фанатизмомъ. Лютеръ не удовлетворялъ потребностямъ этихъ людей и ихъ смѣлымъ утопическимъ мечтаніямъ. Они утверждали, что не слѣдуетъ буквально придерживаться библіи, что каждый вѣрующій можетъ вѣровать такъ, какъ учитъ „духъ"; въ своемъ фанатическомъ увлеченіи они утверждали, будто имъ самимъ назначено было свыше оправдать ихъ ученіе и будто „Небесный отецъ" самъ непосредственно внушаетъ имъ, что̀ имъ дѣлать, что̀ проповѣдывать. На этомъ основаніи они прежде всего требовали уничтоженія церковныхъ обрядовъ, особенно же крещенія дѣтей, такъ какъ о немъ не говорится въ библіи; они считали необходимымъ крещеніе только взрослыхъ, уже знакомыхъ съ религіею, и, исходя изъ этого, объявили вторичное крещеніе необходимымъ условіемъ, существеннымъ основаніемъ христіанства. Они проповѣдывали, что міру готовится конечное разореніе, но что затѣмъ настанетъ царство Божіе, „новый міръ", гдѣ, по истребленіи всѣхъ безбожниковъ, особенно всѣхъ безбожныхъ государей и господъ, будетъ царствовать справедливость. Перекрещенцы шли гораздо дальше Карлштадта: они не довольствовались церковными преобразованіями; они мечтали о совершенномъ преобразованіи всего государственнаго и общественнаго строя, стали проповѣдывать общность имущества, уничтоженіе брака и т. п. Главнымъ представителемъ перекрещенцевъ былъ горячій фанатикъ Ѳома Мюнцеръ, ученый проповѣдникъ въ цвикауской церкви Богоматери, стремившійся къ полному преобразованію церкви и государства и возстановленію ихъ на новыхъ основаніяхъ.

Когда въ Виттенбергъ пришли товарищи Мюнцера, цвикаускіе пророки, Карлштадтъ не устоялъ противъ ихъ проповѣдей и предсказаній о наступленіи „новаго царства Божія“ и увлекся ихъ стремленіемъ немедленно, быстро и насильственно утвердить на землѣ царство свободы и равенства. Цвикаускіе пророки при появленіи своемъ въ Виттенбергѣ нашли тамъ во всеобщемъ волненіи умовъ, стремившихся къ невѣдомому новому, благодарную почву для своихъ проповѣдей, особенно послѣ того, какъ имъ удалось привлечь на свою сторону Карлштадта, который, за отсутствіемъ Лютера, игралъ теперь въ Виттенбергѣ первенствующую роль и руководилъ общественнымъ мнѣніемъ. Поэтому волненіе въ Виттенбергѣ достигло высшей степени неистовства, наиболѣе рѣзкимъ проявленіемъ котораго было истребленіе фанатическою молодежью иконъ и алтарей.

Когда Лютеръ въ Вартбургѣ, въ мартѣ 1522 г., узналъ о волненіяхъ, происшедшихъ въ Виттенбергѣ, онъ, не страшась опалы ни императора, ни папы, тотчасъ же оставилъ мѣсто своего заключенія, и поспѣшилъ туда, чтобы силою своего слова успокоить умы и побѣдить тѣ элементы разрушенія, которые готовы были потрясти все общественное зданіе. Лютеръ говорилъ друзьямъ, что ничто въ жизни не оскорбляло и не огорчало его такъ глубоко, какъ эти волненія, которыя казались ему поруганіемъ св. Евангелія и его собственныхъ мнѣній. Въ первое же воскресенье послѣ прибытія своего въ Виттенбергъ, Лютеръ выступилъ съ энергическою проповѣдью, въ которой онъ опровергъ нѣкоторыя изъ произведенныхъ перемѣнъ, хотя и остерегался лично оскорбить нововводителей. „Слово сотворило небо и землю и всѣ вещи: то же Слово должно дѣйствоватъ и здѣсь, а не мы, бѣдные грѣшники,—сказалъ Лютеръ:—Я хочу проповѣдывать, хочу говорить, хочу писать; но силою навязывать не хочу никому ничего, ибо вѣра должна быть принимаема безъ всякаго принужденія. Вступать въ бракъ, не поклоняться иконамъ, постригаться въ монахи, разстригаться, ѣсть мясо въ постные дни—все это отдается на волю, и никто не можетъ этого запретить. Можешь все это соблюдать безъ отягощенія своей совѣсти—соблюдай, не можешь—не соблюдай. Есть много людей, которые поклоняются солнцу, мѣсяцу и звѣздамъ, что же? должны ли мы хлопотать о томъ, чтобы низвергнуть съ неба солнце, луну и звѣзды“? Передъ пламеннымъ краснорѣчіемъ Лютера стихли рьяные реформаторы и улеглись волненія въ Виттенбергѣ. Карлштадтъ и цвикаускіе пророки должны были покинуть Виттенбергъ, не будучи въ силахъ побороть громадное вліяніе Лютера на виттенбергскую общину; но, не разубѣжденные его проповѣдями, они оставили Виттенбергъ съ крайнимъ раздраженіемъ противъ Лютера, какъ противъ крайняго консерватора. Съ этого времени пути умѣренныхъ и крайнихъ проповѣдниковъ реформы еще болѣе разошлись.

Лютеръ былъ, конечно, правъ, когда онъ выступилъ въ Виттенбергѣ противъ насильственнаго проведенія церковной реформы и указывалъ на необходимость терпимости во имя проповѣдуемой Евангеліемъ любви къ ближнему. Скоро, однакожъ, самъ Лютеръ оказался невѣрнымъ гуманнымъ принципамъ Евангелія, обнаруживъ крайнюю нетерпимость и даже нехристіанскую жестокость, какъ относительно Карлштадта и Мюнцера, такъ и вообще относительно проповѣдниковъ, не согласныхъ съ его воззрѣніями, словомъ, всѣхъ тѣхъ, которые, не довольствуясь тѣсными рамками церковной реформы, связывали съ нею также и необходимость преобразованій въ сферѣ политической и общественной.

Когда Карлштадтъ, вынужденный оставить Виттенбергъ, удалился въ Орламюнде, гдѣ народъ встрѣтилъ его съ радостью, Лютеръ настоялъ на томъ, чтобы Карлштадту было запрещено говорить и писать и чтобы было наложено запрещеніе на изданныя сочиненія его. Лютера возстановлялъ, главнымъ образомъ, противъ Карлштадта начавшійся въ то время споръ о причастіи, такъ какъ Карлштадтъ отрицалъ тѣлесное присутствіе Христа въ причастіи. Наконецъ Лютеръ возбудилъ такое негодованіе противъ Карлштадта и его друзей, что они были изгнаны изъ Саксоніи. А между тѣмъ Лютеръ самъ вводилъ впослѣдствіи тѣ же нововведенія въ церкви, которыя началъ Карлштадтъ. Еще болѣе рѣзко выступилъ Лютеръ нѣсколько позже противъ Мюнцера и его послѣдователей: онъ яростно взывалъ къ мѣрамъ преслѣдованія противъ Мюнцера, также, какъ противъ Карлштадта, и склонялъ правительство запрещать и истреблять ихъ сочиненія и изгонять не только самихъ авторовъ, но и лицъ, печатавшихъ ихъ сочиненія. Такимъ образомъ Лютеръ даже противъ своихъ послѣдователей, отступавшихъ въ чемъ-либо отъ формулированныхъ имъ самимъ догматовъ, обнаружилъ крайнее озлобленіе. „Противъ ихъ скверностей и обмана,—говорилъ онъ гласно;—я допускаю всякія мѣры, ради спасенія душъ".

Горячо преданный дѣлу церковной реформы, въ которомъ ему, несомнѣнно, принадлежитъ иниціатива, Лютеръ не могъ допустить, чтобы возбужденное имъ движеніе перешло границы, которыя онъ опредѣлилъ ему. Лютеръ чувствовалъ себя по временамъ исполненнымъ божественнаго духа и, слушая себя, вѣрилъ въ эти минуты, что устами его говоритъ самъ Богъ. Убѣжденіе это тѣмъ болѣе укоренялось въ немъ, что его считали пророкомъ не только простые люди, считавшіе его „человѣкомъ Божіимъ", но и его ученые друзья, какъ напр., Меланхтонъ. Въ этомъ убѣжденіи онъ самъ поставилъ себя авторитетомъ; только догматы католицизма замѣнилъ онъ новыми догматами. Самъ того не сознавая, Лютеръ желалъ сосредоточить въ своемъ лицѣ все умственное движеніе реформаціи. А между тѣмъ главной идеей и исходнымъ пунктомъ возбужденнаго Лютеромъ реформатскаго движенія была свобода мнѣній, свободное толкованіе св. писанія. Но свобода мнѣній въ религіозныхъ вопросахъ по необходимости приводила къ тому же и въ вопросахъ политическихъ. Лютеръ, возставъ противъ такой свободы мнѣній, такимъ образомъ очутился въ явномъ противорѣчіи съ своей собственной основной идеей.

XLII. Борьба соціально-политическихъ силъ въ Германіи въ эпоху церковной реформаціи [1]).

(Ст. С. В. Вознесенскаго).

Раздавшаяся въ первой четверти XVI в. въ Германіи проповѣдь „чистаго Евангелія" попала въ чрезвычайно воспріимчивую среду, такъ какъ весь нѣмецкій народъ давно уже одинаково тяготился господствомъ

[1]) Въ основу статьи положены, гл. обр., слѣд. труды: проф. *Карѣева*, „Исторія З. Европы въ новое время", т. II; *Каутскаго*, „Изъ исторіи общественныхъ теченій", т. I и *Гейсера*, „Исторія реформаціи".

римскаго престола. Но вполнѣ согласныя другъ съ другомъ въ отрицательномъ отношеніи къ папству, различныя общественныя группы далеко расходились между собой въ области положительныхъ стремленій, такъ что каждая изъ нихъ вкладывала въ понятіе церковной реформаціи особый смыслъ и содержаніе.

Правители княжествъ и имперскихъ городовъ хотѣли уничтожить универсальный католицизмъ въ цѣляхъ секуляризаціи церковныхъ имуществъ и созданія мѣстныхъ церквей съ подчиненнымъ свѣтской власти духовенствомъ. На этомъ пути ихъ въ общемъ поддерживалъ, — послѣ того какъ исчезла вѣра въ носителей императорской власти, которые никакъ не могли стать выразителями всеобщаго стремленія къ національно-политическиму объединенію Германіи, — тонкій слой тогдашней интеллигенціи, а также пріобрѣтавшая все большій вѣсъ въ общественной жизни буржуазія. Первая мечтала объ освобожденіи науки и искусства отъ опеки церкви и объ очищеніи и возвышеніи самой религіи, вторая же для своего дальнѣйшаго развитія нуждалась въ сильной правительственной власти, несовмѣстимой съ существованіемъ папскаго могущества.

Быстро клонившееся къ упадку рыцарское сословіе, увеличивавшійся въ городахъ промышленный пролетаріатъ и закабалявшееся въ крѣпостную неволю крестьянство, въ свою очередь, ожидали для себя отъ церковной реформаціи матеріальныхъ благъ, и прежде всего иного распредѣленія собственности.

Такимъ образомъ, когда началось въ Германіи религіозное броженіе, одни надѣялись, что оно поведетъ за собой политическія и культурныя перемѣны, другіе думали, что оно вызоветъ вмѣстѣ съ тѣмъ и соціальный переворотъ.

Несходство и даже противорѣчивость положительныхъ стремленій, которыя были обнаружены различными группами нѣмецкаго народа, питавшими другъ къ другу сильную вражду и ведшими жестокую борьбу между собой, привели къ тому, что объединить эти стремленія въ одной программѣ и сообща обрушиться на католическую церковь явилось для нихъ совершенно невозможнымъ. Каждая общественная группа примыкала къ церковной реформаціи вполнѣ самостоятельно и, выдвигая на первый планъ свои классовые интересы, тѣмъ самымъ вызывала къ себѣ враждебное отношеніе со стороны остальныхъ слоевъ народа.

Первымъ выступилъ на путь активной борьбы съ католицизмомъ, естественно, тотъ классъ общества, который былъ особенно недоволенъ своимъ положеніемъ и въ то же время наиболѣе подготовленъ къ вооруженному возстанію. Это были имперскіе рыцари.

Главная причина, заставившая ихъ подняться, заключалась въ томъ, что, по мѣрѣ роста княжеской власти, имъ приходилось все съ большимъ и большимъ трудомъ отстаивать свою независимость отъ князей, стремившихся поставить ихъ въ такое же подчиненное положеніе, въ какомъ очутилось въ XV в. земское дворянство отдѣльныхъ княжествъ. Такихъ рыцарей, которые еще стояли въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ императору, т.-е. не были княжескими подданными, жило больше всего на западѣ Германіи—въ Швабіи и въ прирейнскихъ областяхъ. Они-то и явились энергическими противниками развитія княжескаго верховенства.

Особенную ненависть имперскіе рыцари питали къ свѣтскимъ и духовнымъ князьямъ и вмѣстѣ съ ними къ правительствамъ имперскихъ городовъ за то, что тѣ и другіе на рейхстагѣ 1495 г. ввели земскій

миръ, а на рейхстагѣ 1519 г., гдѣ былъ избранъ въ императоры Карлъ V, запретили устройство рыцарскихъ союзовъ. Во всемъ этомъ имперское рыцарство усматривало умаленіе своихъ правъ и очень волновалось.

Чрезвычайно озабочивало имперскихъ рыцарей и ухудшеніе ихъ экономическаго положенія. Прежде всего, владѣнія ихъ дробились вслѣдствіе естественнаго прироста членовъ сословія, и уже въ силу одного этого на долю каждаго изъ нихъ приходилось меньшее количество земли. Въ то же время разстраивалось и ихъ хозяйство, такъ какъ, съ развитіемъ въ странѣ въ XV в. капитализма, они оказались неспособными быстро приноровиться къ новымъ для нихъ условіямъ товарнаго производства и товарнаго обмѣна. Между тѣмъ потребности рыцарей быстро возростали. Раньше мало чѣмъ отличавшіеся въ образѣ жизни отъ зажиточныхъ крестьянъ, они теперь начали гнаться за богатѣвшимъ бюргерствомъ и даже князьями. Естественно, что увеличеніемъ поборовъ съ крестьянъ имъ нельзя было пріобрѣсти достаточно средствъ для удовлетворенія всѣхъ своихъ нуждъ, вслѣдствіе чего большинство ихъ бралось за разбой. Съ особеннымъ сознаніемъ своего права рыцари считали возможнымъ грабить купечество и духовенство. Ульрихъ фонъ Гуттенъ въ рядѣ памфлетовъ, призывавшихъ рыцарство къ открытому возмущенію, прямо объявилъ банкировъ и клириковъ истинными разбойниками, а князей— тиранами.

Немудрено, что въ церковной реформаціи, начатой Лютеромъ, имперскіе рыцари увидѣли прежде всего легкій способъ разбогатѣть, спекуляризировавъ въ свою пользу земельныя владѣнія церкви, а затѣмъ и возможность избавиться отъ князей: среди нихъ была популярна мысль о превращеніи Германіи въ единое государство подъ властью императора, окруженнаго рыцарствомъ.

Но начавшееся въ 1523 г. по призыву Гуттена возстаніе было быстро подавлено соединенными силами духовныхъ и свѣтскихъ князей: ихъ артиллерія разрушила старинный замокъ предводителя возставшихъ Зиккингена, который при этомъ былъ смертельно раненъ [1]).

Причиной неудачи рыцарскаго возстанія была его изолированность, его узко дворянскій характеръ. Правда, Гуттенъ искалъ союза съ Лютеромъ, въ которомъ мечталъ увидать вождя національной революціи, но послѣдній принципіально высказался противъ примѣненія всякаго насилія. „Словомъ,—заявилъ онъ,—побѣжденъ будетъ міръ, словомъ будетъ спасена церковь, словомъ же она будетъ реформирована“. Болѣе всего Лютеръ опасался, какъ бы рыцарское возстаніе не приняло демократическаго оттѣнка, не нашло бы поддержки у горожанъ и крестьянъ: „Если возстанетъ господинъ Omnes, который не можетъ ни понять, ни удержать различія между злымъ и благочестивымъ, то онъ будетъ дѣйствовать толпой, какъ случится, что не обойдется безъ великой и ужасной несправедливости“. Но рыцарство какъ разъ и не захотѣло привлечь на свою сторону народныя массы и, оставшись одно, было разбито.

Попытку имперскаго рыцарства повторилъ въ 1524—1525 гг. другой классъ нѣмецкаго народа, крестьянство, сильное своей численностью, но слабое въ отношеніи организованности.

Къ ихъ возстанію присоединились отчасти городской пролетаріатъ, отчасти незначительныя группы мелкаго дворянства и интеллигенціи, но тѣмъ не менѣе и оно разбилось о солидарность территоріальныхъ князей.

---

[1]) Подробности см. въ слѣд. ст. Бецольца, „Рыцарское возстаніе“.

энергично поддержанныхъ и только-что побѣжденнымъ рыцарствомъ, и высшимъ слоемъ городского населенія [1]), такъ какъ и первое и второй были слишкомъ напуганы грозой соціальнаго переворота, которую несла съ собой побѣда крестьянства. Противъ движенія крестьянъ высказался также и Лютеръ, и при томъ еще болѣе рѣшительно, чѣмъ противъ рыцарскаго: „Всякій,—писалъ онъ, — кто въ силахъ, долженъ помогать душить и рѣзать явно и тайно, всякій долженъ думать, что нѣтъ ничего болѣе ядовитаго, вреднаго и дьявольскаго, чѣмъ возставшій человѣкъ. Онъ подобенъ бѣшеной собакѣ, которую надо убивать". Это отношеніе Лютера, конечно, не могло не повредить крестьянскому движенію, лишивъ его, подобно рыцарскому, общенаціональнаго характера.

Подавивъ самостоятельныя выступленія рыцарей и крестьянъ, первое, приводя мѣткое замѣчаніе одного историка, какъ возстаніе офицеровъ, у которыхъ не было солдатъ, другое—какъ возстаніе рядовыхъ, не имѣвшихъ офицеровъ, территоріальные князья и имперскіе города оказались господами положенія и взяли всецѣло въ свои руки дѣло церковной реформаціи. Имущества монастырей и духовенства были ими секуляризованы, а мѣстныя церкви освобождены отъ папской зависимости и подчинены свѣтской власти, княжеской или городскихъ магистратовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и самое ученіе реформаторовъ измѣнило теперь свой первоначальный характеръ. Глава ихъ, Лютеръ, въ 1525 г. написалъ слова: „разумъ—блудница дьявола", и рѣзко порвалъ съ тѣми, кто стоялъ попрежнему за сліяніе реформы церкви съ реформами въ политическомъ и соціальномъ быту.

Прежде всего онъ отступилъ отъ своего первоначальнаго признанія автономности церковныхъ общинъ, высказавъ мысль, что назначеніе на пасторскія мѣста должно зависѣть отъ государства. Затѣмъ онъ сталъ находить, что самое вѣроученіе необходимо поставить подъ охрану внѣшняго авторитета правительственной власти, а не отдавать всецѣло на рѣшеніе отдѣльнаго индивидуума. Этимъ онъ положилъ начало новой протестантской схоластикѣ, не обративъ вниманія на то, что схоластическій догматизмъ заключаетъ въ себѣ коренное противорѣчіе съ гордо провозглашеннымъ имъ принципомъ свободы совѣсти. На основаніи этихъ взглядовъ и стала организовываться протестантская церковь въ областяхъ Германіи, правители которыхъ заняли такимъ образомъ мѣсто, принадлежавшее раньше одному папѣ.

Въ дальнѣйшемъ княжествамъ и городскимъ республикамъ Германіи, принявшимъ протестантизмъ, пришлось отстаивать его вооруженной рукой противъ императора, который въ силу династическихъ интересовъ—помимо императорскаго титула онъ носилъ еще короны такихъ католическихъ странъ, какъ Австрія и Испанія,—принялъ сторону католицизма. Они это выполнили съ успѣхомъ [2]).

---

[1]) См. подробности въ ст. LXIV С. Вознесенскаго: „Великая крестьянская война".

[2]) См. статью LXVII Н. И. Карѣева: „Карлъ V и его борьба съ реформаціей въ Германіи".

XLIII. Рыцарское возстаніе.

(По «Исторіи реформаціи въ Германіи» Бецольда, т. I).

Въ то время, какъ князья производили опыты съ своимъ новосозданнымъ имперскимъ правленіемъ, а города не только далеки были отъ какихъ-либо стремленій къ кореннымъ преобразованіямъ, но съ трудомъ удерживали свое оспариваемое положеніе, низшее дворянство, глубокая озлобленность котораго противъ сложившихся условій жизни давно уже не составляла тайны, прибѣгло къ открытому насилію. Эти буйныя силы, которыя десятки лѣтъ расточались на партизанскую войну противъ общества, грозили теперь перевернуть весь общественный строй, объединившись подъ начальствомъ такого вождя, какъ Зиккингенъ.

Мы знаемъ уже [1]), отъ какихъ перемѣнъ въ экономической жизни и военномъ дѣлѣ зависѣлъ упадокъ, къ которому медленно, но неизбѣжно клонились, повидимому, „графы, господа и дворяне",—различныя степени помѣстной аристократіи, обязанной носить оружіе. Прямо-таки прискорбная картина матеріальной нужды этихъ слоевъ общества развертывается передъ нами, когда мы обратимъ вниманіе, напримѣръ, на то, на какомъ основаніи значительная часть баварскаго помѣстнаго дворянства не могла въ 1525 году участвовать въ ополченіи вассаловъ герцога; здѣсь мы видимъ рыцарей безъ коней, благородныхъ дворянъ, которые владѣютъ лишь одной крестьянской избой, сами съ женой и дѣтьми исполняютъ всѣ работы во дворѣ и домѣ и принуждены вести все хозяйство при годовомъ доходѣ въ 25, даже въ 14 гульденовъ; да и изъ тѣхъ, которые явились на призывъ, многихъ пришлось отослать обратно домой въ виду ихъ недостаточнаго вооруженія. Эти мелкопомѣстные дворяне въ былое время наравнѣ съ городами старались добиться непосредственной зависимости отъ императорской власти и соединялись въ союзы для отстаиванія своихъ интересовъ; еще въ исходѣ XV вѣка баварскій „Союзъ Льва" произвелъ весьма опасное покушеніе противъ верховной власти герцоговъ, но съ тѣхъ поръ старые союзы рыцарей исчезли, и въ большинствѣ территорій среднее и низшее дворянство довольствовалось тѣмъ, что оберегало въ предѣлахъ мѣстныхъ конфедерацій нѣкоторую самостоятельность по отношенію къ мѣстному государю. Въ жалобѣ, поданной имперскому сейму въ 1523 году, наглядно описаны различныя средства, которыя примѣняли князья; расширеніе юрисдикціи территоріальнаго государя и затрудненіе аппеляціи, чуждыя формы римскаго права, измѣненія въ примѣненіи ленныхъ правъ и привлеченіе подданныхъ этихъ дворянъ къ отправленію государственныхъ повинностей,—вотъ тѣ средства, которыми князья старались добиться покорности отъ мѣстныхъ, владѣвшихъ помѣстьями и пришлыхъ господъ и рыцарей. Какой контрастъ между жизнью какого-нибудь венеціанскаго нобиля или почтеннаго англійскаго эсквайра и жалкимъ существованіемъ франконскаго рыцаря, который, переодѣвшись въ мужицкій армякъ, подстерегаетъ въ кустахъ проѣзжающихъ купцовъ, или въ своемъ одинокомъ, окруженномъ лѣсами замкѣ прислушивается

---

[1]) См. ст. XXXV С. Вознесенскаго: „Политич. устройство въ Германіи передъ Реформаціей". Стр. 283 въ этомъ томѣ „Хрестоматіи".

къ вою волковъ, „своихъ любезныхъ прiятелей“. Такъ назвалъ ихъ Гёцъ фонъ Берлихингенъ, увидя, какъ они набросились на стадо овецъ; съ какимъ циническимъ наслажденiемъ онъ разсказываетъ о своемъ подготовленiи къ многообѣщающему набѣгу, о „дѣльцѣ“, какъ онъ выражается: „Теперь я не стану скрывать, что у меня было желанiе затѣять ссору съ Нюрнбергомъ, я уже обдумывалъ это дѣльце и разсчитывалъ такъ: тебѣ надо еще поссориться съ этимъ попомъ, съ епископомъ бамбергскимъ, чтобы впутать въ это дѣло и нюрнбержцевъ“. А Гёца все-таки слѣдуетъ назвать еще безобиднымъ въ сравненiи съ такимъ извергомъ, какъ Гансъ Томасъ фонъ Абсбергъ, который отрубалъ руки своимъ жертвамъ; положимъ и Гёцъ тоже находилъ удовольствiе въ томъ, что заставлялъ своихъ плѣнниковъ по крайней мѣрѣ подставлять руки подъ ударъ и, перепугавши, отпускалъ ихъ потомъ невредимыми, надѣливши пинками и оплеухами. Зато въ бранденбургскомъ маркграфствѣ рыцари-разбойники доходили въ своемъ звѣрствѣ до того, что увѣчили даже женщинъ и дѣвушекъ. Все безсердечiе этого негоднаго отродья мы видимъ въ пресловутыхъ словахъ благородной дамы, Агаты Одгейморъ, обращенныхъ къ своимъ кавалеристамъ: „Если купецъ не исполнитъ, что онъ обѣщалъ вамъ, отрубите ему руки и ноги и бросьте его“.

Мы видимъ передъ собою поистинѣ цѣлую бездну дикости въ средѣ германскаго дворянства, если слѣды ея замѣчаются даже у такого человѣка, какъ Гуттенъ, когда онъ съ отвратительнымъ наслажденiемъ рисуетъ себѣ, какъ онъ будетъ издѣваться надъ безоружными противниками. Вѣдь онъ самъ однажды напалъ на большой дорогѣ на трехъ аббатовъ и вынудилъ у картузiанцевъ изъ Страсбурга 2000 гульденовъ за то, что прiоръ ихъ надругался надъ его портретомъ; Эразмъ увѣрялъ даже, что Гуттенъ обрѣзалъ двумъ монахамъ-проповѣдникамъ уши, и мы, къ сожалѣнiю, не можемъ заявить, что это совершенно невозможная вещь. Рядомъ съ грубыми привычками людей, „вскормленныхъ въ панцырѣ“, въ нихъ встрѣчаются иногда привлекательныя своей сердечностью патрiархальныя черты; такъ, напримѣръ, графъ Вернгеръ фонъ-Циммернъ завѣщаетъ своему сыну любить зависимыхъ отъ него маленькихъ людей и не бить ни одного холопа; во времена гуситовъ одинъ франконскiй рыцарь ежедневно вмѣстѣ съ молитвою за родителей произносилъ молитву за своихъ крестьянъ, ибо они питали его своимъ трудомъ. Но все же подобные факты совершенно меркнутъ въ массѣ фактовъ иного рода, въ массѣ подвиговъ, совершаемыхъ грабителями, которые „добывали себѣ пропитанiе съ сѣдла“ и прибавляли еще издѣвательства къ нанесенному ущербу.

Отъ обыкновенныхъ преступниковъ это захудалое дворянство отличается лишь неискоренимой гордостью своимъ происхожденiемъ и своимъ военнымъ ремесломъ; родословную свою они любили возводить до баснословной эпохи героевъ, примѣрно, до временъ троянцевъ, или по крайней мѣрѣ приписывали себѣ происхожденiе отъ древнихъ римлянъ, въ частности франконцы проникнуты были сознанiемъ, что они „уже самымъ именемъ своимъ свидѣтельствуютъ о благородной рыцарственной и свободной природѣ“.

Легко понять, что большинство этого дворянства осталось равнодушнымъ къ такому движенiю, какъ гуманизмъ, что лишь отдѣльные выдающiеся таланты, какъ Гуттенъ, Эйтельвольфъ фонъ Штейнъ, Шварценбергъ и Герберштейнъ, сумѣли подняться выше душевной пустоты своихъ товарищей по сословiю, этихъ „циклоповъ“ и „кентавровъ“. Со-

всѣмъ иначе подѣйствовало на нихъ возстаніе Лютера противъ духовныхъ властей и его призывъ къ совѣсти каждаго; здѣсь и неученый могъ вставить словечко; вскорѣ затѣмъ послѣдовало мощное воззваніе Лютера „къ христіанскому дворянству нѣмецкой націи", передъ которымъ, какъ передъ надежнымъ союзникомъ, онъ изливалъ свои задушевныя мысли обо всемъ, что, по его мнѣнію, требовало исправленія, не только о духовенствѣ, но и объ юристахъ и купцахъ. Само собою разумѣется, евангелическое ученіе ни чуть не измѣнило рыцарской привычки прибѣгать къ помощи меча; наоборотъ, теперь какъ разъ представлялся удобный случай употребить на защиту великаго дѣла эти силы, которыми до сихъ поръ столько злоупотребляли, и, если Зиккингенъ и Шауенбургъ освободили Лютера отъ страха передъ людьми своей охраной, то это объясняется въ значительной степени тѣмъ, что смѣлый мятежникъ противъ императора и папы говорилъ имъ языкомъ, тонъ котораго долженъ былъ проникнуть до глубины души этихъ господъ. Свое сочиненіе объ исповѣди (1 іюня 1521 года) Лютеръ посвятилъ Зиккингену, какъ „особому государю своему и покровителю", и въ этомъ посвященіи онъ сравниваетъ борьбу противъ закоснѣлой іерархіи съ завоеваніемъ Ханаана, во время котораго Богъ повелѣлъ истребить весь народъ: „у нихъ есть еще время исправить то, чего въ нихъ не возможно, не должно и не желательно терпѣть; если же они не измѣнятъ, то и безъ ихъ соизволенія другой перемѣнитъ это, но онъ будетъ наставлять ихъ не писаніями и словами, какъ Лютеръ, а на дѣлѣ". А послѣ своего возвращенія изъ Вартбурга онъ шлетъ привѣтъ Гартмуту Кронбергу и въ этомъ посланіи призываетъ святой гнѣвъ вѣрующихъ „господъ и дворянъ на грѣхи, смерть, дьявола и все", противъ этихъ „свиныхъ и водяныхъ пузырей", папистовъ, противъ ихъ „бумажной и соломенной тиранніи", онъ обращается „ко всѣмъ друзьямъ по вѣрѣ, къ господину Францу (Зиккингену) и къ Ульриху фонъ Гуттену и всѣмъ, сколько ихъ ни есть". Въ 1522 году, Зиккингенъ, казалось, внялъ наконецъ увѣщаніямъ проповѣдника и собирался выступить въ роли нѣмецкаго Жижки, чтобы учинить судъ и расправу надъ попами и освободить церковь отъ бремени ея сокровищъ.

Но замыселъ затѣвался не противъ однихъ поповъ. Нападеніе на одного духовнаго князя, которое Зиккингенъ подготовлялъ уже во время вормсскаго сейма, должно было естественно, съ одной стороны, усилить до крайности возбужденіе, уже существовавшее среди дворянства, а съ другой — оно должно было оказаться непосредственной угрозой и свѣтскимъ князьямъ. Особенно непокорно было рыцарство въ бранденбургской маркѣ; курфюрстъ Іоахимъ, съ самаго вступленія на престолъ, началъ борьбу съ рыцарями; одного за другимъ казнилъ онъ рукою палача этихъ благородныхъ разбойниковъ, не пугаясь ни дерзкихъ угрозъ, ни упрека, что онъ врагъ всего дворянскаго сословія. На югѣ Швабскій союзъ городовъ былъ грозою этихъ грабителей, а развалины горной крѣпости Гогенгрэенъ (Hohenkrähen), считавшейся неприступною, но павшей послѣ трехдневнаго бомбардированія въ 1512 году, служили имъ серьезнымъ предостереженіемъ. Несмотря на это, несмотря на побѣдоносные походы союза противъ Вюртемберга, въ 1520 году членъ союза, графъ Іоахимъ фонъ Эттингенъ, подвергся набѣгу пресловутаго Ганса Томаса фонъ Абсберга и былъ смертельно раненъ. Этотъ же самый герой большихъ дорогъ въ 1522 году поставилъ городъ Нюрнбергъ, мѣстопребываніе имперскаго правленія, въ своего рода осадное положеніе; въ про-

долженіе двухъ недѣль произведено было имъ три нападенія съ цѣлью грабежа.

Какіе виды на будущее открывались всѣмъ этимъ мелкимъ и ничтожнымъ политическимъ созданіямъ, самонадѣянность которыхъ постоянно находила себѣ новую пищу въ ихъ способности наносить вредъ и помогала имъ забывать свое стѣсненное и унизительное положеніе въ экономическомъ и правовомъ отношеніи, когда такой человѣкъ, какъ Зиккингенъ, поднялъ знамя возстанія противъ этой „тиранніи"! Не слѣдуетъ, конечно, думать, что все имперское рыцерство предоставило свои силы въ полное распоряженіе своему знаменитому сотоварищу, когда лѣтомъ 1522 года онъ началъ междоусобную войну съ Триромъ: пока для него было величайшимъ успѣхомъ уже то, что рыцарство по среднему и верхнему Рейну организовалось въ товарищество и на собраніи въ Ландау выбрало его главнымъ начальникомъ своего новаго „братскаго союза". Ему казалось, что дѣло евангеликовъ, наказаніе закоснѣлой іерархіи какъ нельзя лучше согласуется съ его личными интересами, такъ какъ мысль о секуляризаціи церковныхъ имуществъ носилась тогда въ воздухѣ.

Зиккингенъ, подъ предлогомъ вербовки войска для императора, собралъ небольшую армію; среди начальниковъ встрѣчаются разные графы, двое Фюрстенберговъ, одинъ Цоллеръ и др., рейнскіе и франконскіе рыцари, и рядомъ съ Гуттеномъ и Кронбергомъ такіе господа съ позорнымъ прошлымъ, какъ Гансъ Томасъ фонъ Розенбергъ. Не дожидаясь прибытія обѣщанныхъ подкрѣпленій изъ сѣверной Германіи и Нидерландовъ, онъ вторгся въ трирскую область; быстрая сдача городка С.-Вендель, казалось, предвѣщала счастливый исходъ дѣла, и Зиккингенъ на радостяхъ высказалъ уже въ разговорѣ съ плѣнными дворянами свое намѣреніе сдѣлаться курфюрстомъ трирскимъ. Но, тогда какъ курфюрстъ майнцкій, среди приближенныхъ котораго было немало доброжелателей Зиккингена, совершенно покинулъ своего трирскаго собрата, Рихардъ фонъ Грейффенклау, мужественный владыка, вошелъ въ соглашеніе со своими товарищами по союзу, курфюрстомъ пфальцскимъ и ландграфомъ гессенскимъ, и самолично руководилъ обороной своей столицы; Триру весьма пригодилось, что архіепископъ Рихардъ, несмотря на свой духовный санъ, охотно облекался въ военные доспѣхи и понималъ кое-что въ артиллерійскомъ дѣлѣ. Собственноручно онъ поджегъ монастырь св. Максимина, который лежалъ передъ самымъ городомъ и могъ доставить непріятелю выгодную укрѣпленную позицію; горожане Трира, крестьяне изъ окрестныхъ селеній, даже духовенство съ оружіемъ въ рукахъ собрались подъ знамена своего архипастыря, который рѣшилъ защищать городъ до послѣдняго человѣка. Такъ своеобразно сложилась судьба, что эта первая попытка вооруженнаго выступленія евангеликовъ потерпѣла крушеніе именно вслѣдствіе того обмірщенія іерархіи, которое такъ порицали всѣ, даже сами сторонники католической вѣры. Зиккингенъ простоялъ подъ Триромъ отъ 8-го до 14-го сентября, не достигши ничего. Не осуществился и его планъ поступить со своими войсками на службу императора; въ то время, когда недомогавшій рыцарь искалъ покоя и защиты въ своемъ замкѣ Эбернбургѣ, имперское правленіе поспѣшило объявить надъ нимъ опалу въ отвѣтъ на его высокомѣрныя рѣчи (1-го октября 1522 года).

Однако рѣшеніе дѣла было уже не во власти этого органа верховной власти въ имперіи. Подавленіе революціонной затѣи Зиккингена само-

вольно взяли на себя и энергично осуществили три союзные князя: курфюрсты пфальцскій и трирскій и ландграфъ гессенскій, которые вовсе не считали себя связанными имперскими государственными и правовыми порядками. Въ началѣ войны Георгъ саксонскій совѣтовалъ имперскому правленію прибѣгнуть къ суровымъ мѣрамъ, а именно *„разорить гнѣзда“* рыцарей. Но то, чего не въ силахъ была исполнить центральная власть, не имѣвшая ни денегъ, ни войска, исполнили вышеназванные три князя и Швабскій союзъ. Послѣ того, какъ еще осенью 1522 года Кронбергъ, родовой замокъ Гартмута, и нѣсколько другихъ замковъ принуждены были сдаться, въ продолженіе всей зимы велась непрерывная война противъ Зиккингена при помощи конныхъ отрядовъ и, весною 1523 года князья перешли въ наступленіе, не обращая никакого вниманія на стремленія правленія выступить въ роли посредника.

Въ концѣ апрѣля 1523 года Зиккингенъ увидѣлъ себя вдругъ запертымъ въ своей крѣпости Ландштулѣ главными силами трехъ князей. Немного дней спустя смертельно раненый Зиккингенъ принужденъ былъ въ безопасномъ отъ ядеръ, но лишенномъ свѣта, высѣченномъ въ скалѣ сводчатомъ погребѣ прислушиваться издали къ разрушительной работѣ „совсѣмъ не христіанской пальбы“ своихъ противниковъ, которая довольно быстро вела дѣло къ концу. Не желая безполезно жертвовать своими вассалами, онъ рѣшился сдаться. Князья-побѣдители подошли 7-го мая къ одру умирающаго, который при видѣ своего стараго сюзерена пфальцграфа почтительно обнажилъ голову и сдѣлалъ попытку подняться, но пфальцграфъ ласково освободилъ его отъ этой обязанности. А между тѣмъ архіепископъ Рихардъ, а по нѣкоторымъ извѣстіямъ, и юный ландграфъ не могли удержаться отъ того, чтобы не отравить этихъ и безъ того тяжелыхъ минутъ побѣжденнаго своими упреками. Прежняя гордость Зиккингена снова вспыхнула, когда онъ отвѣтилъ архіепископу: „Долго было бы говорить объ этомъ; на все есть свои причины!“ Вскорѣ послѣ того, какъ князья покинули своды подземелья, этотъ грозный воитель скончался всего 42-хъ лѣтъ отъ роду.

Личность и судьба Зиккингена пріобрѣтаютъ до нѣкоторой степени трагическій оттѣнокъ оттого, что мы видимъ, какъ высокодаровитая натура, полная воспріимчивости къ новымъ идеямъ, трудится между тѣмъ надъ оживленіемъ умершаго уже міра. Положимъ, въ основномъ характерѣ его лежала вовсе не беззавѣтная преданность дѣлу мелкаго рыцарства, а все возраставшее честолюбіе: онъ надѣялся, что рыцарское и религіозное движенія дадутъ ему возможность возвыситься. Ничего не могло быть нелѣпѣе, какъ видѣть нѣмецкаго Жижку, „исполнителя правосудія“, въ этомъ расчетливомъ искателѣ приключеній, въ этомъ рыцарѣ, который возвысился въ качествѣ кондотьера и въ крупныхъ денежныхъ оборотахъ не уступалъ любому банкиру; въ немъ нѣтъ и слѣда пламеннаго фанатизма, ветхозавѣтной грозной непреклонности національнаго героя чеховъ. Это-то именно и свидѣтельствуетъ лишь о неудовлетворенной тоскѣ нѣмецкаго народа, который чаялъ появленія героя и не дождался его, что Зиккингенъ могъ долгое время жить въ памяти извѣстныхъ кружковъ общества въ видѣ заступника за бѣдныхъ людей и перваго борца за евангелическую вѣру; въ то время казалось, вѣдь, что и то и другое неизбѣжно совпадаютъ. Ульрихъ фонъ Гуттенъ гораздо болѣе Зиккингена обладалъ великими страстями революціоннаго вождя, но у него совсѣмъ не было дара практической дѣловитости, безъ которой и самый геніальный энтузіастъ оказывается совершенно безпо-

мощнымъ передъ политическими и военными требованіями эпохи броженія. Такъ, напр., та политическая мысль, которую ревностно отстаивалъ въ эти критическіе дни Гуттенъ, была рѣшительнымъ промахомъ. Въ прежнее время союзъ между городами и низшимъ дворянствомъ, въ томъ видѣ, какъ это, при случаѣ, имѣли въ виду императоры XIV и XV вѣковъ, можетъ быть, и направилъ бы на иной путь развитіе государственнаго устройства Германіи; но теперь менѣе, чѣмъ когда-либо до сихъ поръ, городскіе политики могли принять предложеніе союза со стороны своихъ давнишнихъ смертельныхъ враговъ, которые даже на сеймѣ заодно съ ненавистными имъ князьями нападали на преступное богатство и противную своему сословному положенію роскошь бюргеровъ. „Вольные и имперскіе города,—говоритъ вполнѣ справедливо Ульманнъ,— не могли въ качествѣ представителей всего своего сословія ни одной даже минуты единодушно идти за одно съ рыцарями, пока агитація послѣднихъ не измѣнила своихъ цѣлей“.

Довершеніемъ работы князей-союзниковъ служилъ походъ, который предпринялъ Швабскій союзъ противъ франконскаго рыцарства. Продленіе союза послѣдовало въ мартѣ 1522 года, и вскорѣ затѣмъ рѣшено было наказать Ганса Томаса фонъ Абсберга и товарищей его, т.-е., всѣхъ франконскихъ дворянъ, которые не предстанутъ предъ судомъ союза и не оправдаются. Тщетно рыцари искали прибѣжища отъ грозившей имъ опасности, обращаясь къ имперскому правленію и камеральному суду, какъ къ высшей инстанціи; союзъ не признавалъ ихъ таковою и послѣ съѣзда въ Нёрдлингенѣ въ іюнѣ 1523 года двинулъ во Франконію армію свыше 13,000 человѣкъ вопреки увѣщаніямъ правленія; похвальное само по себѣ стремленіе правленія соблюсти право существенно пострадало вслѣдствіе до нельзя дурной репутаціи лицъ, взятыхъ имъ подъ свое покровительство. Такъ какъ въ предшествовавшемъ году союзъ рыцарей маркграфства подъ названіемъ „Подъ горою“ заявилъ, что дѣло рыцарей, преслѣдуемыхъ союзомъ, его собственное дѣло, и что противоестественно было бы оказывать какую-либо помощь противъ товарищей по сословію, то теперь вполнѣ заслуженное наказаніе постигло не только главныхъ преступниковъ, но и цѣлый рядъ ихъ пособниковъ. Герои большихъ дорогъ не осмѣлились оказать никакого сопротивленія; въ нѣсколько недѣль двадцать три замка были обращены въ пепелъ, а 17-го іюля побѣдоносная армія торжественно вступила въ Нюрнбергъ на глазахъ имперскаго правленія, безсиліе котораго объявилось всему свѣту. Положимъ, Абсбергъ, которому удалось найти безопасное убѣжище, еще цѣлые годы продолжалъ заниматься своимъ гнуснымъ ремесломъ и съ своими вассалами-висѣльниками грабилъ по дорогамъ, пока наконецъ доведенные до крайняго озлобленія нюрнбержцы не подкупили еврея-корчмаря, который и убилъ его во время сна. Но рыцарской монархіи нанесенъ былъ смертельный ударъ паденіемъ Зиккингена и энергичнымъ очищеніемъ франконскихъ земель.

Во время этого крушенія рыцарской революціонной партіи скончался и Ульрихъ фонъ Гуттенъ. Онъ покинулъ „убѣжище справедливости“ задолго до паденія Зиккингена, больной, нуждавшійся болѣе, чѣмъ когда-либо, въ дружеской поддержкѣ другихъ, и теперь именно онъ шелъ навстрѣчу самымъ прискорбнымъ испытаніямъ. Блестящее предложеніе французскаго короля онъ отклонилъ, чего несомнѣнно не сдѣлалъ бы при такихъ обстоятельствахъ его бывшій покровитель Эразмъ, который вѣжливо, но холодно отказался теперь отъ визита Гуттена, потому что онъ

могъ его скомпрометировать, и радъ былъ, что этотъ безпокойный умъ удалился изъ Базеля въ Мюльгаузенъ. Но Гуттенъ и тамъ долженъ былъ спасаться отъ фанатизма католиковъ, пока наконецъ въ Цюрихѣ Цвингли не взялъ на свое попеченіе этого покинутаго и травимаго человѣка. Гуттенъ, несмотря на то, что всѣ испытанныя имъ лишенія и тѣлесныя страданія все еще не сломили его духа, несмотря на дружескую заботливость Цвингли объ его безопасности и лѣченіи, былъ близокъ къ смерти. Въ исходѣ лѣта 1523 года на островѣ Уфнау скончался этотъ рыцарственный боецъ и страдалецъ, 35-ти лѣтъ отъ роду; „онъ ничего не оставилъ послѣ себя цѣннаго,—сообщаетъ Цвингли,—книгъ у него не было, домашней утвари тоже, если не считать пера“.

Но не съ горечью отчаянія умиралъ этотъ смѣлый человѣкъ; незадолго до смерти онъ писалъ: „Германія не можетъ меня выносить въ своемъ теперешнемъ состояніи, но я надѣюсь, что все это скоро измѣнится къ лучшему послѣ изгнанія тиранновъ“, и послѣднимъ произведеніемъ его пера было сочиненіе In tyrannos. Гуманистъ Камерарій, почитатель его, сравнилъ его съ Демосѳеномъ, которому не доставало лишь внѣшней силы, чтобы спасти Грецію отъ подчиненія игу Филиппа; такъ и въ Германіи, если бы Гуттенъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи силу, соотвѣтствующую его таланту и волѣ, тогда уже разразилась бы революція, и совершенно измѣнился бы весь обликъ существующаго порядка.

XLIV. Великая крестьянская война въ Германіи [1]).

1524—1525 гг.

(Ст. С. В. Вознесенскаго).

Возстаніе нѣмецкаго крестьянства въ 1524—1525 гг., принявшее такіе размѣры, что историки назвали его великой крестьянской войной, представляетъ собой явленіе въ высшей степени сложное. Нося въ существѣ своемъ ярко выраженный соціально-экономическій характеръ, оно вмѣстѣ съ тѣмъ восприняло въ себя элементы религіозные и политическіе, первые въ двухъ главныхъ своихъ формахъ—складывавшагося лютеранства и возникавшаго анабаптизма, вторые въ видѣ обширной программы государственнаго переустройства Германіи на новыхъ началахъ. Видѣть въ возмущеніи крестьянъ, какъ это дѣлали нѣкоторые ученые, исключительно порожденіе религіозной реформаціи невозможно хотя бы уже по одному тому, что это возмущеніе было послѣднимъ звеномъ въ той длинной цѣпи крестьянскихъ заговоровъ и бунтовъ, какая тянулась безъ перерыва съ середины XV в. Начатое Лютеромъ религіозное движеніе только

---

[1]) Въ основу статьи положены, гл. обр., слѣд. труды: *Циммермана*, „Исторія крестьянской войны въ Германіи“; *I. Янсена*, „Экономическое, правовое и политическое состояніе германскаго народа наканунѣ реформаціи“; *Н. И. Карѣева*, „Исторія З. Европы въ новое время“, т. II, и *К. Каутскаго*, „Изъ исторіи общественныхъ теченій“, т. I. Упоминаемыя въ статьѣ программы изданы въ переводѣ *А. Н. Савина* въ I-мъ выпускѣ „Источниковъ по исторіи реформаціи“.

усилило революціонное броженіе въ крестьянствѣ, давъ ему идейное знамя. Что это было такъ, можетъ наглядно показать разсмотрѣніе соціально-экономическаго положенія нѣмецкихъ крестьянъ наканунѣ реформаціи.

Къ XVI в. въ бытѣ сельскаго населенія Германіи произошла значительная перемѣна къ худшему. Въ эту эпоху въ странѣ стало быстро развиваться денежное хозяйство, и въ общественной жизни началъ играть крупную роль классъ капиталистовъ, нуждавшійся въ крѣпкой правительственной власти, которая обезпечила бы ему внутренній рынокъ и облегчила бы конкуренцію на рынкѣ міровомъ. Изъ двухъ исконныхъ политическихъ силъ Германіи, императора и князей, представители капитала стали на сторону второй, такъ какъ эта сила, энергично стремясь къ уничтоженію феодальной анархіи, вполнѣ отвѣчала ихъ собственнымъ стремленіямъ. Союзъ территоріальныхъ государей съ капиталистами содѣйствовалъ сильному росту въ нѣмецкихъ областяхъ абсолютизма и возникновенію его обоихъ важныхъ органовъ: бюрократіи и наемнаго войска, на которыя теперь, съ развитіемъ торговли и промышленности, денежныя средства находились въ достаточномъ количествѣ. Поддержка капитала была направлена князьями на то, чтобы лишить привилегированныя сословія, рыцарство и духовенство, унаслѣдованныхъ ими отъ эпохи расцвѣта феодальнаго порядка правъ и вольностей, мѣшавшихъ развитію какъ политическаго верховенства княжеской власти, такъ и экономическаго могущества крупной буржуазіи. Въ возгорѣвшейся борьбѣ побѣда уже въ половинѣ XV в. начала явно клониться въ сторону князей, которые, несмотря на энергичный отпоръ рыцарей и духовенства, брали у нихъ одну позицію за другой, искусно пользуясь и тѣмъ обстоятельствомъ, что оба эти класса общества находились въ сильномъ антагонизмѣ другъ съ другомъ.

Придавленныя княжеской властью, привилегированныя сословія, естественно, постарались въ свою очередь свалить съ себя бремя на зависѣвшую отъ нихъ крестьянскую массу, которая должна была теперь щедро оплатить потерю прежней самостоятельности своихъ господъ. Усиленіе эксплоатаціи крестьянъ землевладѣльцами выразилось въ увеличеніи какъ натуральныхъ, такъ и денежныхъ повинностей, въ конфискаціи общинныхъ пастбищъ, лѣсовъ и другихъ угодій, наконецъ, въ разрушеніи мірского самоуправленія.

Лишая привилегированныя сословія политическихъ правъ, княжескія правительства охотно поддерживали ихъ соціально-экономическіе интересы. Въ эту эпоху развитія капиталистическаго индивидуализма происходила въ Германіи рецепція римскаго права, оказавшаяся выгодной не только буржуазіи, но и землевладѣльческимъ классамъ общества. Тѣ самые юристы, которые въ политическомъ отношеніи стремились къ возвышенію княжеской власти, перенося на нее принципъ римскаго абсолютизма, въ соціальномъ отношеніи явились помощниками привилегированныхъ сословій, такъ какъ въ ихъ пользу они стали толковать римскіе законы.

Въ римской имперіи, какъ извѣстно, не было ни свободныхъ крестьянъ, ни наслѣдственныхъ арендаторовъ, ни крѣпостныхъ въ нѣмецкомъ смыслѣ слова, вслѣдствіе чего и кодексъ императоровъ не могъ содержать въ себѣ соотвѣтствующихъ опредѣленій. Онъ зналъ только владѣльцевъ латифундій, временныхъ арендаторовъ и колоновъ, а такъ какъ у нѣмецкихъ юристовъ XV в., по выраженію современника, „все римское

считалось обязательнымъ, то они безъ околичностей вторглись въ нѣмецкіе порядки, желая устроить все по римскому образцу". Вся земля въ свѣтскихъ и церковно-монастырскихъ помѣстьяхъ считалась ими полной собственностью господъ. Свободныхъ крестьянъ, наслѣдственно пользовавшихся земельными участками, они разсматривали, какъ временныхъ арендаторовъ, а крѣпостныхъ, какъ рабовъ. Такимъ образомъ, съ замѣной нѣмецкаго обычнаго права римскимъ, алчности землевладѣльцевъ открывался законный путь не только для увеличенія всякаго рода повинностей и поборовъ съ крестьянъ, но и для изгнанія ихъ съ ихъ альмендъ [1]) и даже съ наслѣдственно-семейныхъ участковъ. Такую экспропріацію въ особенно широкихъ размѣрахъ провелъ пфальцграфъ Рейнскій, Фридрихъ I, объявившій себя верховнымъ обладателемъ всѣхъ общинныхъ угодій въ своей странѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, ученіе нѣмецкихъ юристовъ о безконтрольной власти собственниковъ латифундій привело къ тому, что народные суды и сельскіе сходы, которыми пользовалось на ряду со свободнымъ и крѣпостное крестьянство, подчинялись теперь въ своей дѣятельности землевладѣльцамъ, а иногда и совсѣмъ уничтожались. Времена, когда крестьяне принимали участіе въ управленіи помѣстьемъ, подобно тому, какъ князья и представители имперскихъ городовъ—въ управленіи имперіей, а земскіе чины [2])—въ управленіи территоріей, стали уходить въ область преданія. Въ сельскомъ быту воцарился необычайный произволъ, и вполнѣ обычными сдѣлались такія злоупотребленія, какъ превращеніе въ аббатствѣ Кемптенъ, при помощи поддѣлки документовъ и даже угрозы церковнымъ отлученіемъ, свободныхъ крестьянъ въ крѣпостныхъ, а крѣпостныхъ въ рабовъ. Насколько безправнымъ стало положеніе крестьянъ, ясно видно еще изъ слѣдующаго распоряженія герцога Вюртенбергскаго Ульриха, которое было издано въ 1517 г.: „Кто въ мѣстахъ для охоты,—говорится въ немъ, — заказанныхъ лѣсахъ, рощахъ или въ полѣ, гдѣ можно охотиться", станетъ ходить съ пищалью, лукомъ и т. п. „въ сторонѣ отъ дороги или вообще будетъ подозрительно шляться, тому будутъ выколоты оба глаза". Лишившись защиты въ лицѣ народныхъ судовъ съ ихъ обычнымъ правомъ и не довѣряя территоріальнымъ судамъ, примѣнявшимъ право римское, а также ландтагамъ, гдѣ крестьянскихъ депутатовъ не было [3]), крестьяне обращались за помощью къ императору, къ юридическимъ факультетамъ, къ швабскому союзу городовъ и т. д., но, само собой разумѣется, не достигали никакихъ результатовъ, пока, наконецъ, и это послѣднее право — право жаловаться на господъ—не было отнято отъ нихъ постановленіемъ аугсбургскаго сейма въ 1500 г.

Къ причинамъ ухудшенія состоянія крестьянъ, вызваннымъ рецепціей римскаго права, присоединились и причины, порожденныя ростомъ населенія. Послѣднее къ XV в. настолько увеличилось въ своей численно-

---

[1]) Альменды—общинныя угодья: лѣсъ, пастбище, рѣка и т. п.

[2]) Рыцарство, духовенство и жители земскихъ городовъ.

[3]) Къ этому учрежденію, уже падавшему, крестьянство не питало никакого довѣрія: „оно,—говорили въ 1514 г. волновавшіеся въ Вюртенбергѣ крестьяне,—только тогда можетъ помочь намъ, если въ немъ будутъ участвовать крестьяне, потому что духовенство, дворянство и горожане не станутъ заботиться о насъ".

сти, что надѣлъ въ 1/4 гуфы[1]) сдѣлался обычнымъ. Дальнѣйшее дробленіе его уже прямо запрещалось землевладѣльцами, и лица, оказавшіеся лишенными земли, превращались въ батраковъ, юридическое положеніе которыхъ часто опредѣлялось на основаніи римскихъ законовъ о рабствѣ. Особенно много обезземелившихся крестьянъ было въ долинахъ Таубера и Неккара, а также въ восточной Германіи, гдѣ крупныя помѣстья, благодаря развитію на Балтійскомъ морѣ хлѣбной торговли, стали пріобрѣтать характеръ капиталистическихъ предпріятій, работавшихъ на заграничные рынки.

Рецепція римскаго права и ростъ населенія ухудшали положеніе крестьянъ болѣе или менѣе медленно, дѣйствуя на пространствѣ всего XV в. Происшедшая же съ открытіемъ Новаго Свѣта революція цѣнъ сдѣлала этотъ процессъ чрезвычайно быстрымъ и рѣзкимъ. Вслѣдствіе золотого дождя, полившаго на З. Европу изъ Америки, деньги страшно подешевѣли, а стоимость продуктовъ обрабатывающей промышленности въ такой же степени возросла, между тѣмъ какъ цѣна на хлѣбъ еще долгое время оставалась почти прежней. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ населеніе, жившее отъ земли, потеряло чрезвычайно много.

Съ кризисомъ, охватившимъ сельское хозяйство, землевладѣльцы кое-какъ могли справиться. Для этого всѣ они переводили натуральныя повинности крестьянъ на денежныя и прямо увеличивали ихъ; а тѣ, у кого былъ оборотный капиталъ, принялись, кромѣ того, за интенсификацію своихъ хозяйствъ. Крестьянство же буквально выбивалось изъ силъ, и ничего не могло подѣлать, такъ какъ у него недоставало доходовъ даже на покрытіе платежей въ пользу землевладѣльцевъ, церкви и территоріальныхъ правительствъ, вслѣдствіе чего ему нельзя было и думать объ улучшеніи способовъ обработки земли или вообще о поднятіи сельскохозяйственной культуры. Чтобы влачить жалкое существованіе, крестьянамъ оставалось дѣлать одно—занимать деньги у землевладѣльцевъ и горожанъ и этимъ все болѣе и болѣе закабаляться. Немудрено, что въ началѣ XVI в. крестьянская задолженность была такъ велика, что Лютеръ, нисколько не преувеличивая, осмѣлился написать: „всякій, кто владѣетъ сотней гульденовъ, можетъ ежегодно сожрать одного мужика, безъ всякаго риска для себя и своего имущества, сидя за печкой и угощаясь яблочнымъ пирогомъ“.

Въ прежнія времена нѣмецкое крестьянство находило спасеніе отъ обезземеленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ произвола господъ, или въ колонизаціи сосѣднихъ славянскихъ земель, или въ переселеніи въ города. Но уже въ концѣ XV в. оба эти средства оказались непримѣнимыми. Все, что германцы могли отнять у славянъ, было ими отнято, и ихъ drang nach Osten долженъ былъ остановиться у предѣловъ такой сильной славянской державы, какъ Польша. Свободныхъ земель, такимъ образомъ, для нѣмецкаго крестьянства больше уже не существовало. Не могло найти оно теперь прибѣжища и въ городахъ, гдѣ развитіе денежнаго хозяйства создало свой промышленный пролетаріатъ, который самъ съ трудомъ находилъ примѣненіе своей рабочей силѣ. Въ эту именно эпоху вполнѣ сложилась замкнутость цеховой организаціи и появились городскіе законы, оберегавшіе исконное населеніе отъ конкурренціи пришлаго люда.

Потеря прежней самостоятельности и ростъ пауперизма среди крестьянской массы вызывали въ отношеніи ея со стороны другихъ клас-

---

[1]) Гуфа—надѣлъ въ 7 приблизительно десятинъ.

совъ общества чувства пренебреженія и даже презрѣнія. Въ это именно время появились пословицы вродѣ слѣдующихъ: „Der Bauer ist an Ochsenstat, nur dass er Keine Hörnes hat“ или „Rustica gens optima flens, pessima gaudens“ [1]).

Въ свою очередь и крестьянство благодаря тѣмъ же обстоятельствамъ питало къ высшимъ сословіямъ нескрываемую ненависть, которая со второй половины XV в. проявлялась въ многочисленныхъ заговорахъ и возстаніяхъ. Въ 1462 г. поднялось сельское населеніе въ Зальцбургской области и Верхней Каринтіи. Въ 1446 г. происходило сильное броженіе по всей средней Германіи, вызванное революціонной пропагандой въ Никлесгаузенѣ пастуха и музыканта Ганса Бэгайма. Онъ называлъ императора и папу нечестивцами, отъ которыхъ нечего ждать помощи, и призывалъ народъ къ конфискаціи частновладѣльческихъ земель и раздѣлу ихъ между крестьянскими общинами. Въ 1491 г. произошелъ настоящій бунтъ нидерландскихъ крестьянъ, названныхъ „сырниками“, такъ какъ на ихъ знамени былъ изображенъ зеленый сыръ съ ячменнымъ хлѣбомъ. Вскорѣ затѣмъ въ различныхъ мѣстностяхъ Германіи стали устраиваться тайныя общества подъ знаменемъ „Башмака“, сдѣлавшагося символомъ революціи для низшихъ классовъ общества. Особенно обширнымъ былъ эльзасскій заговоръ, открытый благодаря предательству въ 1593 г. Въ програму заговорщиковъ, во главѣ которыхъ стоялъ бургомистръ Шлетштадта, Гансъ Ульманъ, входило уничтоженіе имперскихъ и духовныхъ судовъ, отмѣна податей и долговыхъ обязательствъ, сокращеніе церковнаго землевладѣнія, наконецъ, самостоятельная организація отдѣльныхъ общинъ. Въ 1502 г. образовался „Башмакъ“ въ Шпеерской области, открытый тоже при помощи измѣны. Отсюда онъ распространился внизъ по теченію Рейна, а также по Майну и Неккару. Въ слѣдующемъ году тайное общество возникло въ Вюртенбергѣ, гдѣ получило названіе „Бѣднаго Конрада“. Въ 1512 г. „Башмакъ“ возродился въ Брейсгау, а въ 1514 г. „Бѣдный Конрадъ“ сдѣлалъ неудачную попытку вызвать возстаніе въ Вюртенбергѣ. Въ это время въ народной массѣ распространилась программа, выработанная при участіи неутомимаго агитатора, Іоста Фрица, на совѣщаніи заговорщиковъ въ мѣстечкѣ Лэенѣ около Фрейбурга. Она требовала отмѣны всѣхъ властей, кромѣ Бога, императора и папы, уничтоженія феодальныхъ повинностей и долговыхъ обязательствъ, предоставленія во всеобщее пользованіе рѣкъ, луговъ и лѣсовъ, конфискаціи части церковныхъ имуществъ и т. д.

Преслѣдуя общія цѣли, всѣ эти заговоры и возстанія носили, однако, мѣстный характеръ, и только проповѣдь Лютера дала имъ, до извѣстной степени, объединяющій лозунгъ. Она привела въ движеніе всю Германію, гдѣ не было ни одной общественной группы, политическіе, экономическіе или культурные интересы которой такъ или иначе не связывались бы съ вопросомъ о положеніи католической церкви. Въ частности крестьяне особенно тяготились тѣмъ, что съ нихъ римская курія требовала слишкомъ большихъ поборовъ, которые дать они были не въ силахъ. Для тѣхъ же изъ крестьянъ, кто жилъ на церковно-монастырскихъ земляхъ, финансовый гнетъ сопровождался еще и ненавистной юридической кабалой, такъ какъ духовенство, подобно свѣтскимъ

[1]) Первая означаетъ: „крестьянинъ похожъ на быка, только лишеннаго роговъ“, а вторая — „крестьяне лучше всего, когда они плачутъ, и хуже всего, когда радуются“.

землевладѣльцамъ, тоже охотно прибѣгало, какъ мы видѣли, къ рецепціи римскаго права. Лютеръ, смѣло выступившій противъ папства, обращался сначала ко всѣмъ классамъ общества съ требованіемъ провести реформу церкви, но призывъ его особенно глубоко всколыхнулъ крестьянскія массы. Послѣ Вормскаго рейхстага въ 1521 г. множество воззваній настраивали народъ въ революціонномъ духѣ [1]). Еще сильнѣе дѣйствовало въ томъ же направленіи живое слово проповѣдниковъ, несшихъ обездоленнымъ и униженнымъ Евангеліе религіозной свободы вмѣстѣ съ Евангеліемъ свободы соціально-политической.

Почва въ Германіи для всеобщаго народнаго возмущенія была такимъ образомъ подготовлена болѣе, чѣмъ достаточно, и немудрено, что уже въ 1524 г. начался открытый бунтъ, быстро превратившійся въ междуусобную истребительную войну. Территорію, охваченную возстаніемъ, можно разбить, смотря по тому, кто были вождями поднявшихся и какія требованія они выдвинули, на четыре района: 1) юго-западный или швабскій, 2) франконскій, 3) южный или тирольскій и 4) сѣверный или тюрингенско-саксонскій.

Первыми возстали крестьяне ландграфства Штиллингенъ, находившагося недалеко отъ свободной Швейцаріи. Въ Ивановъ день они отказались собирать, по приказанію графини фонъ-Лупфенъ, раковины для наматыванія нитокъ. Къ нимъ примкнули подданные абатства св. Власія, а также жители Гегау, Клетгау и Тургау. Главаремъ возставшихъ сталъ Гансъ Мюллеръ, который раньше служилъ ландскнехтомъ и поэтому хорошо зналъ военное дѣло. Съ незначительнымъ отрядомъ онъ вступилъ въ апрѣлѣ въ городъ Вальдсгутъ, гдѣ подъ его знамена собралось до 35,000 вооруженныхъ, а въ декабрѣ движеніе изъ Шварцвальдена уже перебросилось въ сосѣдній Эльзасъ. Изъ повстанцевъ образовались три большихъ толпы: алльгейская, больдрингенская и пріозерная [2]), которыя въ мартѣ 1525 г. соединились вмѣстѣ и захватили имперскій городъ Меммингенъ, гдѣ былъ созванъ съѣздъ представителей отъ разныхъ мѣстностей Верхней Германіи.

Среди возставшихъ этого района особой популярностью пользовалась программа „Двѣнадцати статей", мѣтко названная однимъ изъ изслѣдователей „земледѣльческимъ манифестомъ съ библейской аргументаціей". „Истинныя и справедливыя статьи всего крестьянскаго сословія и всѣхъ захребетниковъ, обиженныхъ своими духовными и свѣтскими властями", какъ сказано во вступленіи, были составлены для того, чтобы снять съ крестьянъ обвиненіе, будто они стремятся только къ безчинству, и чтобы оправдать ихъ возстаніе съ христіанской точки зрѣнія. Не Евангеліе,—заявляли крестьяне,—а забвеніе Евангелія вызвало мятежъ.

Требованія, заключавшіяся въ программѣ 12-ти статей, можно разбить на три группы: на требованія церковныя, соціально-политическія и, наконецъ, экономическія. Въ области церковнаго устройства крестьяне желали, во-первыхъ, „чтобы всякій приходъ самъ выбиралъ своего священника и чтобы прихожане имѣли право смѣщать его, если онъ поступаетъ не по закону (ст. 1)"; во-вторыхъ, чтобы „малая" десятина, взимаемая со скота,

---

[1]) За 5 лѣтъ (1518—1524) число вышедшихъ въ Германіи книгъ и брошюръ увеличилось въ 7 разъ.

[2]) Первая состояла изъ кемпенцевъ, аугсбургцевъ и др., вторая — главнымъ образомъ изъ ульмцевъ, а третья — изъ жителей прибережья Боденскаго озера.

была бы отмѣнена, „такъ какъ Богъ предоставилъ скотъ въ полное распоряженіе человѣка", а зерновая десятина шла бы на содержаніе священниковъ и на подаянія бѣднымъ (ст. 2). Соціально-политическія стремленія крестьянъ были также очень умѣренны. Они сводились въ сущности къ тому, чтобы крестьянъ поспѣшили „освободить... изъ-подъ ига крѣпостнаго рабства" на томъ основаніи, что „Христосъ своею божественною кровью всѣхъ насъ искупилъ и всѣмъ намъ даровалъ спасеніе, начиная отъ послѣдняго пастуха и до могущественнѣйшаго монарха". При этомъ крестьяне подчеркивали, что они вполнѣ признаютъ „повиновеніе своимъ выборнымъ и поставленнымъ отъ Бога властямъ" (ст. 3). Болѣе подробными и опредѣленными были соціально-экономическія требованія возставшихъ, хотя и здѣсь можно замѣтить желаніе не выходить изъ предѣловъ возможнаго. Они хотѣли возврата правъ охоты и рыбной ловли, лишеніе которыхъ считали „несогласнымъ съ братской любовью и словомъ Божіемъ",—но лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣльцы рѣкъ или озеръ не смогли бы представить письменныхъ доказательствъ правоты своего владѣнія (ст. 4). При отсутствіи этого послѣдняго условія и лѣса также должны стать собственностью крестьянскихъ общинъ, съ разрѣшенія представителей которыхъ каждый получитъ возможность безплатно пользоваться дровами и матеріаломъ для столярныхъ работъ (ст. 5). Далѣе программа требовала сокращенія службы крестьянъ—„пусть насъ заставляютъ служить такъ, какъ служили наши отцы, согласно съ божескимъ писаніемъ" (ст. 6),—а также устраненія произвола замлевладѣльцевъ при назначеніи барщины (ст. 7) и оброковъ — „крестьянинъ не долженъ работать безъ выгоды для себя, потому что всякій работникъ достоинъ своей платы" (ст. 8). „Глубоко обиженные тою безбожною несправедливостью, съ которою постоянно увеличиваютъ наши наказанія", крестьяне добивались еще, чтобы вотчинная юрисдикція впредь руководствовалась бы „древнимъ писаннымъ закономъ", а не пристрастіемъ (ст. 9). Наконецъ, крестьяне настаивали на возвращеніи общинамъ альмендъ, если послѣднія были пріобрѣтены въ частную собственность „не честнымъ путемъ" (ст. 10), и на полной отмѣнѣ посмертнаго сбора [1])—„мы не можемъ допустить и терпѣть, чтобы у вдовъ и сиротъ, вопреки чести и Божьей волѣ, такъ безсовѣстно отнималась собственность, какъ это случается во многихъ мѣстахъ подъ разными видами" (ст. 11). Кончалась программа заявленіемъ, что „если одна или нѣсколько изъ нашихъ статей несогласны со словомъ Божіимъ, то мы отъ нихъ отступимся, какъ только это намъ докажутъ по писанію,... и будемъ молить Господа, чтобы Онъ далъ намъ разумъ поступать и жить по христіанскому ученію" (ст. 12).

До марта 1525 г. возставшіе не встрѣчали серьезнаго сопротивленія, такъ какъ мѣстные владѣтельные князья и города Швабскаго союза опасались изгнаннаго изъ Вюртемберга герцога Ульриха, который велъ переговоры съ Гансомъ Мюллеромъ, заявивъ, что ему безразлично „возвратиться ли (въ свое княжество) съ помощью рыцарскихъ сапогъ или крестьянскихъ башмаковъ". Въ этой стадіи войны сраженій почти не происходило, и дѣло ограничивалось, обыкновенно, мирными сдѣлками. Епископъ Шпеерскій принялъ всѣ условія возставшихъ, а курфюрстъ Пфальцскій, остановленный крестьянами въ полѣ, также обѣщалъ имъ облегчить ихъ участь. Только въ случаѣ сопротивленія возставшіе прибѣгали къ оружію. Когда, напр., маркграфъ Баденскій Эрнстъ отвергъ

[1]) Посмертный сборъ—пережитокъ „права мертвой руки".

ихъ требованія, они взяли его земли и принудили его самого искать спасенія въ бѣгствѣ. Но договоры съ мятежниками заключались только потому, что на ихъ сторонѣ была сила, и территоріальные правители и высшія сословія не переставали готовиться къ борьбѣ, ожидая лишь момента, когда можно будетъ воспользоваться совѣтомъ эрцгерцога Фердинанда, брата Карла V, и начать „колоть, душить и иными мѣрами подвергать тяжкимъ наказаніямъ безъ снисхожденія" всѣхъ тѣхъ, кто оказался бы причастнымъ къ возстанію. Моментъ для этого наступилъ, когда попытка герцога Ульриха вернуть себѣ престолъ окончилась неудачей. Противъ крестьянъ выступили курфюрсты пфальцграфъ Рейнскій и архіепископъ Трирскій, а также полководецъ Швабскаго союза Георгъ Трухзесъ фонъ-Вальбургъ Въ маѣ возстаніе въ этомъ районѣ было уже подавлено, и надъ его участниками началась дикая расправа. Особенно свирѣпствовалъ Трухзесъ. Разбивъ 12.000 крестьянъ около Бёблингена, онъ съ такимъ рвеніемъ принялся жечь и грабить деревни и избивать населеніе, что Швабскій союзъ долженъ былъ послать ему письмо, въ которомъ требовалъ не разорять страны. Но зарвавшійся предводитель ландскнехтовъ отвѣтилъ, что если господа совѣтники намѣреваются учить его вести войну, то пусть сами идутъ на поле битвы, предоставивъ ему ихъ мѣсто на перинѣ,—и продолжалъ дѣйствовать попрежнему.

Аграрное движеніе, возникшее въ юго-западной Германіи, очень быстро перебросилось во Франконію, гдѣ оно получило, помимо соціальной, еще и яркую политическую окраску. Къ поднявшемуся крестьянству здѣсь присоединились и другія группы населенія. Подъ вліяніемъ настроенія низшихъ классовъ общества такіе города, какъ Гейльбронъ. Вюрцбургъ или Ротебургъ, охотно впустили внутрь своихъ стѣнъ крестьянскія ополченія. Движеніе настолько разрослось, что въ немъ приняли участіе даже нѣкоторыя группы рыцарства. Изъ рыцарей, напр., состоялъ „Черный отрядъ", которымъ командовалъ великодушный дворянинъ Флоріанъ Гейеръ, и рыцарь же, Гёцъ фонъ-Берлихингенъ, взялъ на себя командованіе однимъ изъ наиболѣе значительныхъ повстанческихъ отрядовъ—„Свѣтлымъ отрядомъ Оденвальда и долины Неккара". Наконецъ, во главѣ всѣхъ возставшихъ во Франконіи вскорѣ стала радикальная интеллигенція, которая въ сущности и сообщила движенію политическій характеръ.

Въ Гейльбронѣ была образована комиссія изъ гейльсбергскаго совѣтника Ганса Берлина, рыцаря Гёца фонъ-Берлихингена и бывшаго канцлера при дворѣ гогенлоэскихъ графовъ, Венделя Гиплера. Стремясь привлечь къ дѣлу задуманной реформы имперіи дворянъ и города, примиривъ первыхъ съ отмѣной крѣпостного права путемъ вознагражденія изъ секуляризованныхъ церковныхъ имуществъ, и такимъ образомъ сдѣлать крестьянское движеніе обще-національнымъ, эта комиссія рѣшила временно, „до имѣющихъ совершиться государственныхъ реформъ", отказаться отъ нѣкоторыхъ требованій популярной среди возставшаго крестьянства программы 12-ти статей. Отмѣнивъ въ ней пункты 6, 7, 8 и 10, она вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлала къ ней слѣдующую характерную прибавку: 1) запрещалось, безъ разрѣшенія на то, заниматься грабежомъ и вступать въ шайки, 2) требовалась исправная уплата податей и долговъ, 3) устанавливалась неприкосновенность недвижимыхъ имуществъ, принадлежавшихъ свѣтскимъ и духовнымъ правителямъ, 4) предлагалось всѣмъ подчиняться мѣстнымъ судамъ и 5) повиноваться властямъ,

подъ страхомъ выдачи начальникамъ главнаго войска для казни. Самый планъ реформы, принятый комиссіей, былъ выработанъ, какъ думаютъ нѣкоторые ученые, финансовымъ чиновникомъ курфюрста Майнцскаго, Фридрихомъ Вейгандтомъ, и изложенъ въ написанномъ Гиплеромъ манифестѣ. Основной идеей этого плана являлось превращеніе имперіи въ единую демократическую монархію. Предполагалось уничтожить дробность страны, превративъ князей и другихъ сеньеровъ въ простыхъ чиновниковъ; въ странѣ утверждалось общее законодательство съ равенствомъ всѣхъ передъ закономъ, таможенное единство, одна монета и вѣсъ; во главѣ имперіи ставилось центральное правительство, на содержаніе котораго назначались прямая подать съ населенія и доходы съ секуляризованныхъ церковныхъ имуществъ; вмѣсто судей-докторовъ римскаго права, учреждались суды изъ выборныхъ отъ всѣхъ сословій; наконецъ, крестьянамъ предоставлялась возможность выкупить свои повинности и пріобрѣсти въ собственность земли, на которыхъ они работали.

Инициаторы Гейльбронской программы думали сплотить вокругъ нея различныя общественныя группы и даже такія политическія силы, какъ князей и города, противъ самостоятельности которыхъ они больше всего ратовали, предполагая, что секуляризація церковныхъ имуществъ достаточно вознаградитъ всѣхъ тѣхъ, кто потерпѣлъ бы матеріальный ущербъ при юридическихъ и экономическихъ измѣненіяхъ въ крестьянскомъ быту. Но ихъ ожиданія не оправдались. Прежде всего территоріальные князья и высшія сословія, дворянство и богатая буржуазія, подчинялись предъявленнымъ къ нимъ требованіямъ и здѣсь, какъ это мы видѣли въ Швабіи, только изъ страха передъ жестокой расправой. Такъ поступили, напр., первыми графы Гогенлоэ и Левенштейны, а послѣ рѣзни, устроенной крестьянами при взятіи на Пасхѣ 16 апрѣля 1525 г. замка Вейнсберга, владѣлецъ котораго графъ Гельфенштейнъ не желалъ сдаться, то же самое сдѣлали и почти всѣ остальные сеньоры Франконіи. Съ другой стороны, среди самыхъ возставшихъ не было единодушія. Когда, напр., стало извѣстнымъ изданное гейльбронской комиссіей „Объясненіе 12-ти статей", крестьянскіе отряды охватило негодованіе, и они потеряли всякое довѣріе къ своему главному вождю, Гёцу фонъ-Берлихингену.

Понятно, что широкій размахъ франконскаго движенія зависѣлъ главнымъ образомъ отъ того, что мѣстныя правительства, какъ и въ верхней Германіи, оказались недостаточно сильными, чтобы дать ему отпоръ. Но лишь только явились къ нимъ на помощь соединенныя войска Трухзеса и курфюрстовъ Трирскаго и Пфальцскаго, уже подавившія крестьянство въ Швабіи, какъ въ лагерѣ возставшихъ начался развалъ. Накунунѣ рѣшительнаго сраженія при Кенигсгофенѣ на Таубертѣ, происшедшаго 2-го іюня, Гёцъ фонъ-Берлихингенъ измѣннически удалился отъ крестьянъ, и оденвальдская толпа была разсѣяна атакой рейтаръ. 4-го іюня была совершенно уничтожена подъ Гульцдорфомъ и другая толпа возставшихъ, вышедшая по полученіи ложнаго извѣстія о побѣдѣ изъ Вирцбурга. Свирѣпость побѣдителей навела такой ужасъ на крестьянъ, что послѣ сдачи города Пфеддергейма они, безоружные, бросились бѣжать, не думая сопротивляться избивавшимъ ихъ рыцарямъ. Послѣ этого Франконія была успокоена.

Если въ Швабіи возстаніе крестьянъ не выходило изъ рамокъ чисто аграрнаго движенія, а во Франконіи получило политическую окраску, то въ двухъ остальныхъ районахъ въ немъ рѣзко обнаружился характеръ коммунистическій. Въ Тиролѣ, гдѣ было много свободныхъ кре-

стьянъ, съѣздъ возставшихъ принялъ проектъ, составленный бывшимъ чиновникомъ канцеляріи епископа, Гейсмайромъ, и вводившій нѣчто вродѣ государственнаго соціализма. Предполагалось срыть замки и крѣпостныя стѣны, а вмѣстѣ съ этимъ уничтожить и сословныя отличія, превративъ всѣхъ людей въ свободныхъ земледѣльцевъ; рудники, торговля, ремесла должны были поступить въ распоряженіе новой правительственной власти, которая взяла бы въ свои руки заботы о благосостояніи народа. Большой коммунистическій лагерь, наподобіе чешскихъ таборитовъ, образовался въ мартѣ 1525 г. и въ Мюльгаузенѣ, куда стеклись крестьянскія массы изъ Тюрингіи и Мейссена, наэлектризованныя проповѣдью Ѳомы Мюнцера, которую онъ велъ здѣсь съ декабря 1524 г. Отвергая Св. Писаніе, какъ единственную основу истинной церкви, о чемъ училъ Лютеръ, Мюнцеръ на первый планъ выдвигалъ Божественное откровеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ мысль о перерожденіи души, о сліяніи ея съ Богомъ онъ соединялъ съ представленіемъ о переустройствѣ всей человѣческой жизни, обѣщая своимъ послѣдователямъ наступленіе царствія Божія на землѣ, земной рай всеобщаго равенства и братства подъ управленіемъ боговдохновенныхъ пророковъ. Благодаря Мюнцеру совѣтъ имперскаго города былъ замѣненъ „вѣчнымъ совѣтомъ“ образовавшейся общины, куда вошли самъ Мюнцеръ, его товарищъ по проповѣдницческой дѣятельности Пфейферъ и др. „Это было началомъ новаго христіанскаго управленія,—писалъ Меланхтонъ:—Послѣ этого (мятежники) изгнали монаховъ, упразднили монастыри и ихъ имущества. Тамъ, между прочимъ, іоанниты имѣли большое подворье и крупные доходы. Подворьемъ этимъ завладѣлъ Ѳома... Онъ училъ также, что все имущество должно быть общимъ, какъ написано въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, гдѣ разсказывается, что апостолы соединили свои имущества. Благодаря этому чернь сдѣлалась такъ дерзка, что не желала больше работать. Когда кому-либо нуженъ былъ хлѣбъ или сукно, онъ шелъ къ одному изъ богачей и требовалъ, чтобъ ему дали нужное, основываясь на правѣ христіанина, ибо Христосъ училъ, что надо дѣлиться съ нуждающимися. А когда богачъ не давалъ добровольно, что̀ у него требовали, то требуемое отнималось силою“. Изъ Мюльгаузена вышелъ одинъ изъ самыхъ кровавыхъ манифестовъ Мюнцера, гдѣ онъ высказался противъ какихъ бы то ни было сдѣлокъ между крестьянами и ихъ господами. „Не склоняйтесь, — писалъ онъ, — если даже враги будутъ обращаться къ вамъ съ добрымъ словомъ. Не трогайтесь бѣдствіями безбожниковъ. Они будутъ дружески молить, стонать передъ вами, плакать, какъ дѣти, но вы не жалѣйте ихъ. Самъ Богъ приказалъ такъ черезъ Моисея. Намъ онъ открылъ то же... Пусть ваши мечи не охлаждаются отъ крови. Выковывайте ихъ на наковальнѣ Немврода; пусть падетъ его башня. Пока злодѣи живы, вы не освободитесь отъ человѣческаго страха; вамъ нельзя говорить о Богѣ, пока они управляютъ вами. Итакъ, за дѣло, пока еще не ушло время!.. Не ваша идетъ война, а Господня!“

Прокламаціи Мюнцера оказывали сильное вліяніе на населеніе Тюрингіи, Саксоніи и Гессена. Обездоленные, волновавшіеся крестьяне съ восторгомъ внимали ему, когда онъ говорилъ, что „короли должны служить имъ, а кто не захочетъ—погибнетъ смертію“. Къ Мюнцеру отовсюду тянулись толпы фанатически вѣрившихъ въ него людей, и 26 апр. онъ, наконецъ, выступилъ въ походъ, приказавъ нести впереди себя красный крестъ и обнаженный мечъ. Черезъ два дня крестьянское ополченіе вошло въ Эрфуртъ, гдѣ разграбило церкви и церковные дома, а

затѣмъ, подвергнувъ той же участи цѣлый рядъ монастырей, расположилось на возвышенности подъ Фремкенгаузеномъ, съ которой была видна обширная равнина. „Тамъ, какъ остроумно выразился Циммерманъ, хорошо было проповѣдовать, но защищаться—очень худо". А между тѣмъ противъ Мюнцера выступили четыре князя: побѣдитель Зиккингена, Филиппъ Гессенскій, Георгъ Саксонскій, Генрихъ Брауншвейгскій и Альбертъ Мансфельдскій. „Лжепророкъ, говорившій такъ много о силѣ оружія, хотѣвшій истребить всѣхъ безбожниковъ остріемъ меча,—замѣчаетъ тотъ же историкъ, вообще отрицательно относившійся къ Мюнцеру,—видѣлъ себя принужденнымъ положиться на чудо, знаменіе котораго возвѣстилъ своему войску, указывая на разноцвѣтный кругъ, образовавшійся около солнца". Но чудо не помогло. Когда 15 мая загремѣли непріятельскія орудія, крестьяне, плохо вооруженные и даже не имѣвшіе достаточно пороха, пошли съ пѣніемъ духовныхъ пѣсенъ въ битву и были разбиты на голову, а ихъ вождь попалъ въ плѣнъ и былъ казненъ. Вскорѣ палъ безъ большого сопротивленія главный центръ движенія, Мюльгаузенъ, а также сдались и остальные города, занятые мятежниками. Такимъ образомъ и Тюрингія была усмирена. Тогда же герцогъ Лотарингскій Антонъ привелъ войска Шампаньи и Бургундіи на помощь правителю Эльзаса и 17 мая разбилъ и уничтожилъ также и тамъ до 17.000 возставшихъ. Месть побѣдителей и здѣсь была столь же жестока, какъ и въ другихъ мѣстахъ.

Крестьянъ сжигали на медленномъ огнѣ, обезглавливали, вѣшали рядами по дорогамъ, у нѣкоторыхъ изъ нихъ вырѣзали языки, прокалывали глаза, отрубали пальцы. Всего погибло въ битвахъ и было казнено до 130.000 человѣкъ. Побѣдители не ограничились, однако, одной местью. Все, что завоевали крестьяне въ области юридическихъ и экономическихъ отношеній, было теперь отъ нихъ отнято, и на рейхстагѣ чины только лишь поговорили объ отмѣнѣ крѣпостного права.

Главнѣйшія изъ причинъ неудачи крестьянскаго движенія слѣдуетъ искать въ его стихійномъ характерѣ, проявившимся въ отсутствіи единой организаціи и многообразіи программъ. Поднявшееся въ разбродъ, по отдѣльнымъ областямъ, расколовшееся къ тому же на различные религіозные толки, наконецъ, ставшее подъ начальство сторонниковъ различныхъ политическихъ теченій, крестьянство, естественно, разбилось о ту сплоченность, съ какой выступили противъ него его соціальные недруги—дворянство, прелаты и буржуазія. Послѣдніе передъ лицомъ общей опасности забыли свои собственныя антагонистическія отношенія и сомкнулись вокругъ территоріальныхъ князей и имперскихъ городскихъ правительствъ, встрѣтивъ, кромѣ того, мощную поддержку со стороны Лютера и предводительствуемой имъ партіи церковнаго обновленія. Вначалѣ возстанія глава нѣмецкой реформаціи относился къ крестьянамъ благожелательно, признавая справедливыми ихъ экономическія требованія. Но въ дальнѣйшемъ, когда вполнѣ выяснилось настроеніе командующихъ классовъ общества, не желавшихъ никакихъ уступокъ, Лютеръ измѣнилъ свой взглядъ и, приглашая князей „со спокойной совѣстью... рубить" бунтовщиковъ, „пока руки не опустятся отъ усталости", договорился до того, что даже заявилъ, будто „попытка уничтожить крѣпостное право совершенно противорѣчитъ Евангелію и обнаруживаетъ разбойничьи замашки, потому что этимъ способомъ всякій отнимаетъ у своего господина свое тѣло, которое ему принадлежало". Такимъ образомъ Лютеръ, какъ это справедливо замѣтилъ Бецольдъ, давъ одинъ изъ

наиболѣе дѣйственныхъ толчковъ для крестьянскаго возстанія, въ дальнѣйшемъ оказался глашатаемъ и вдохновителемъ реакціи, которая по своей безчеловѣчности не имѣла себѣ подобныхъ.

XLV. Карлъ V и состояніе Германіи до 1532 г.

(По ст. Бригера въ V т. „Weltgeschichte" J. Pflugk-Harttung'a).

Въ теченіе четверти столѣтія положеніе Европы обусловливалось соперничествомъ Карла V и короля Франціи Франциска I.

Карлъ V, владѣвшій уже Испаніей и Нидерландами, соприкасавшимися съ границами Франціи, охватилъ теперь послѣднюю и съ востока, въ качествѣ избраннаго главы Германской имперіи. Для французскаго королевства, съ давнихъ поръ замкнутаго въ самомъ себѣ и сознававшаго всю свою силу, одно это обстоятельство являлось уже вызовомъ. Еще болѣе оно было таковымъ въ виду того, что французскій монархъ благодаря представителю дома Габсбурговъ понесъ пораженіе при выборахъ на германскій престолъ. Съ другой стороны, французскому королю принадлежала Бургундія, на которую правнукъ Карла Смѣлаго имѣлъ, какъ онъ полагалъ, неоспоримыя права; онъ же владѣлъ сѣверной Италіей, принадлежавшей ранѣе Германской имперіи. Молодой императоръ, достигшій необычайнаго могущества, долженъ былъ, конечно, считать вопросомъ своей чести добиться того, что́ не удалось достичь его дѣду Максиміліану,—а именно: вернуть Миланъ и Геную германской коронѣ.

Такимъ образомъ, императоръ и король видѣли себя вынужденными вступить въ борьбу за главенство въ Европѣ. Разумѣется, и другія державы не могли оставаться нейтральными, и даже Англія вовлеклась въ это состязаніе. Еще сильнѣе приходилось вмѣшиваться въ эту борьбу папамъ. Они не довольствовались тѣмъ, что проявляли свои симпатіи то одной, то другой сторонѣ, какъ духовные вожди католической Европы, но и въ качествѣ свѣтскихъ властителей вмѣшивались въ борьбу съ оружіемъ въ рукахъ, побуждаемые къ тому интересами политики. Конечно, это не могло особенно содѣйствовать поднятію престижа церкви. Какъ мало понимали папы свою важнѣйшую задачу, заключавшуюся въ томъ, чтобы, поступаясь собственными мелочными интересами, объединить всѣ народы запада для встрѣчи съ оружіемъ въ рукахъ давнишняго коренного врага христіанства! Сколько разъ въ теченіе этихъ лѣтъ опасность, издавна угрожавшая съ востока, принимала ужасающіе размѣры,—турки дикими ордами наводняли Европу къ ужасу странъ эрцгерцога Фердинанда, подвергавшихся наибольшимъ опустошеніямъ. Нападенія турокъ на австрійскія земли связывали нерѣдко по рукамъ и ногамъ императора Карла V, приходившаго на помощь своему брату Фердинанду. Такимъ образомъ, турецкій султанъ благодаря стеченію обстоятельствъ оказывалъ иногда не малое вліяніе на положеніе вещей въ Западной Европѣ и позволялъ свободно дышать противнику папы и императора—Мартину Лютеру.

Это вліяніе на Германію, конечно, проистекало помимо воли и желанія опредѣленнаго лица. Сознательно же оба главныхъ противника императоръ Карлъ и король Францискъ прилагали всѣ свои усилія, чтобы завладѣть Германіей. Они всячески старались получить въ свое

распоряженіе силы имперіи, то цѣликомъ, то по частямъ, и кому изъ нихъ это удавалось, тотъ получалъ значительный перевѣсъ надъ соперникомъ. Такимъ образомъ, до извѣстной степени мы видимъ здѣсь борьбу за Германію, — борьбу, которая спасла Германію. Когда Габсбурги и Валуа соединились, германскій народъ почувствовалъ себя въ страшной опасности. Если бы въ этотъ моментъ къ этимъ двумъ противникамъ присоединился и папа, то Германія погибла бы. Итакъ, превратности европейской политики отражались на судьбахъ германскаго народа.

Въ войнѣ съ Франціей, начавшейся въ 1521 г., Карлъ V, вопреки своимъ прежнимъ успѣхамъ, почувствовалъ себя въ началѣ 1525 г. почти въ отчаянномъ положеніи. Англія покинула его, новый папа Климентъ VII казался ненадежнымъ; войска Карла V въ сѣверной Италіи были почти уничтожены, тогда какъ Францискъ I появился лично во главѣ блестящаго войска въ Ломбардіи. Какъ разъ въ это время германскіе ландскнехты, переведенные Георгомъ фонъ-Фрундсбергомъ черезъ Альпы, вмѣстѣ съ испанцами, находившимися подъ начальствомъ Пескара, нанесли рѣшительное пораженіе Франциску I при Павіи, 24 февраля 1525 года, въ день рожденія императора. Войско Франциска было разбито наголову, и самъ онъ попалъ въ плѣнъ. Никогда Карлу V не приходилось получать болѣе неожиданной вѣсти, какъ сообщеніе объ этой побѣдѣ, которое онъ узналъ въ Мадридѣ. Въ благочестіи своемъ онъ видѣлъ въ этомъ особую милость Божію и тотчасъ рѣшилъ использовать наступившее на театрѣ военныхъ дѣйствій затишье во славу Божію, иначе говоря—въ цѣляхъ истребленія ереси въ Германіи.

Что̀ произошло бы, если бы онъ и на самомъ дѣлѣ появился бы въ Германіи въ тотъ самый моментъ, когда страна раздиралась внутреннею войною, или если бы это имѣло мѣсто непосредственно послѣ окончанія этой столь значительной войны, когда приверженцы старой религіи, освободившіеся отъ своего страха предъ простымъ народомъ, приступали съ полной увѣренностью къ контръ-реформаціи?

Франція была фактически унижена. Король Францискъ, томясь въ плѣну въ Испаніи, принужденъ былъ подписать миръ въ Мадридѣ въ январѣ 1526 года, и согласиться на самыя тяжелыя условія. Карлъ, въ качествѣ побѣдителя, считалъ возможнымъ требовать отъ Франциска не только отказа Франціи отъ сѣверной Италіи, но и выдачи Бургундіи,—это было уже чрезмѣрное требованіе, за которое позднѣе императору пришлось поплатиться. Французскій монархъ, произнося клятву поддерживать миръ, при растяжимости своей религіозной совѣсти не только втайнѣ имѣлъ намѣреніе нарушить его, но даже изложилъ это намѣреніе письменно. Папа счелъ теперь также своевременнымъ вмѣшаться въ дѣло. Климентъ VII являлся вполнѣ свѣтскимъ властителемъ, заботясь лишь о своихъ мелкихъ выгодахъ и будучи коварнымъ политикомъ, не гнушавшимся лжи и обмана. Побѣду своего союзника при Павіи онъ считалъ для себя тяжкимъ ударомъ судьбы,—въ папской куріи говорили тогда о неисповѣдимости путей Господнихъ! Теперь, изъ боязни, что императоръ станетъ черезчуръ могущественнымъ, папа сдѣлался открыто его врагомъ, и какъ разъ въ то время, когда онъ въ союзѣ съ императоромъ могъ бы нанести ужасный ударъ ереси. Но Климентъ грубо порвалъ съ Карломъ V, который съ давнихъ поръ оказывалъ главѣ христіанской церкви знаки глубочайшаго уваженія и именно теперь могъ бы выступить въ роли истиннаго спасителя католицизма.

Папа разрѣшилъ королю Франціи нарушить клятву и организовалъ

союзъ противъ Карла V, такъ называемую „лигу Коньяка", въ составѣ которой, кромѣ папы и Франціи, участвовала также Венеція и Англія. Союзный договоръ былъ подписанъ Францискомъ I 22 мая и уже въ іюнѣ 1526 года войска союзниковъ выступили въ походъ.

Въ томъ же іюнѣ 1526 года въ Германіи открылся рейхстагъ, на которомъ побѣдитель при Павіи предполагалъ провести строжайшее соблюденіе Вормскаго эдикта, — это былъ рейхстагъ въ Шпейерѣ. Еще въ своемъ указѣ, изданномъ въ Севильѣ 23 марта, императоръ серьезнѣйшимъ образомъ требовалъ исполненія этого эдикта; съ такимъ же требованіемъ онъ выступилъ теперь предъ рейхстагомъ, при чемъ въ случаѣ нужды требовалъ примѣнять силу. Онъ разсчитывалъ, что получитъ на этомъ рейхстагѣ существенную поддержку со стороны большинства, тѣмъ болѣе, что еще лѣтомъ 1525 года, нѣкоторые сѣверогерманскіе князья, въ подражаніе тому, какъ это было сдѣлано въ Регенсбургѣ, заключили въ Дессау „союзъ противъ лютеранъ": это были оба Гогенцоллерна, курфюрсты Бранденбургскій и Майнцскій, герцогъ Георгъ Саксонскій и два герцога Брауншвейгскихъ. Вслѣдствіе этого Саксонія и Гессенъ, которымъ, въ качествѣ лютеранскихъ областей, особенно угрожала опасность, объединились въ оборонительный союзъ; послѣдній незадолго до открытія рейхстага увеличился вступленіемъ въ него другихъ сѣверо-германскихъ князей настолько, что образовалась, хотя и небольшая, но прочно сплоченная евангелическая партія.

Въ рейхстагѣ, подъ давленіемъ императора, должно было произойти рѣзкое столкновеніе обѣихъ партій, но совершенно неожиданно дѣла получили тамъ иной оборотъ. Неизвѣстно, повліяло ли на сторонниковъ старой церкви образованіе оборонительнаго союза или то обстоятельство, что императоръ оказался втянутымъ въ новую тяжелую войну, и потому не былъ въ состояніи провести силою свою волю,—какъ бы то ни было, но обнаружилось вдругъ миролюбивое настроеніе, и оказалось, что всѣ желаютъ спокойствія и мира внутри страны и потому согласны на устраненіе злоупотребленій. Такъ, напримѣръ, курфюрстъ Пфальцскій, о которомъ баварскій посланникъ писалъ къ себѣ домой, что „онъ держится, какъ христіанинъ", полагалъ, что источникомъ только-что подавленнаго возстанія являются не столько зажигательныя проповѣди, сколько злоупотребленія, въ особенности злоупотребленія духовныхъ лицъ. Онъ не хотѣлъ и думать о Вормскомъ эдиктѣ и полагалъ, что этотъ эдиктъ долженъ подвергнуться значительному ограниченію, если во вниманіе къ императору нельзя совершенно его обойти.

Онъ предложилъ еще разъ рейхстагу не упускать изъ виду высшей и важнѣйшей цѣли: установленіемъ общаго для всѣхъ порядка въ области религіи прекратить расщепленіе имперіи на двѣ враждующія партіи. Коммиссія, выбранная изъ княжеской коллегіи, выработала проектъ реформаціи, который представляетъ несомнѣнно большой интересъ, если принять во вниманіе, что онъ составленъ приверженцами старой церкви. Конечно, будучи проникнутъ духомъ половинчатости, онъ содержалъ не радикальную реформу, а рядъ заплатъ, и у однихъ предполагалъ отнять слишкомъ много, другимъ же давалъ слишкомъ мало. Тѣмъ не менѣе, въ качествѣ временной переходной ступени такой порядокъ вещей могъ бы имѣть чрезвычайно большое значеніе. Евангелическая партія не имѣла ничего противъ того, чтобы принять его и этимъ какъ бы откупиться. Въ этомъ отношеніи она была совершенно права. Насколько мы можемъ судить, предполагавшійся порядокъ вещей сыгралъ бы, дѣйствительно,

роль переходной стадіи и при все болѣе разрастающейся силѣ евангелизма въ имперіи повелъ бы, въ концѣ концовъ, къ установленію чисто евангелическаго устройстца церкви.

Этотъ проектъ, впрочемъ, являлся симптомомъ лишь одного изъ настроеній. На ряду съ такимъ настроеніемъ появились къ концу іюля и другія. Они указываютъ ясно на то, что среди представителей сословій образовалось большинство, твердо рѣшившее спасти единство націи путемъ проведенія настоящихъ реформъ и путемъ допущенія нѣкоторыхъ религіозныхъ новшествъ. Фриденсбургъ, которому принадлежитъ наиболѣе основательное историческое изслѣдованіе этого рейхстага, справедливо отмѣчаетъ, „что сторонники Лютера представлялись большинству имперскаго сейма уже не въ качествѣ еретиковъ, а въ качествѣ христіанъ, такъ что различія, которыя были между ними, не казались безнадежно раздѣляющими обѣ партіи“. Многіе надѣялись, что на этомъ рейхстагѣ, быть можетъ, удастся достичь того, что ставилось цѣлью проектированнаго два года тому назадъ національнаго собранія. Съ полнымъ сознаніемъ поэтому старались согласовать и примирить всѣхъ именно въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ лѣтомъ 1524 г. нить была разорвана благодаря противозаконному вмѣшательству императора. Это является также наилучшимъ доказательствомъ, что крестьянская война, неблагопріятныя послѣдствія которой нерѣдко преувеличивались, на самомъ дѣлѣ ничуть не повліяла въ дурную сторону на политическое положеніе лютеранъ.

Въ тотъ самый моментъ, когда рейхстагъ собирался въ этомъ великомъ и жгучемъ вопросѣ освободиться изъ-подъ опеки императора, императорскіе комиссары, съ эрцгерцогомъ Фердинандомъ во главѣ, внесли въ рейхстагъ дополнительное предложеніе императора, содержавшееся до того въ тайнѣ, — предложеніе, запрещавшее самымъ рѣшительнымъ образомъ всякое разсмотрѣніе рейхстагомъ вопросовъ вѣры!

Правда, представители сословій обнаружили настолько чувство собственнаго достоинства, что не подчинились этому грубому запрету. Однако, у большинства пропала рѣшимость къ возстановленію единообразнаго религіознаго устройства. Евангелическая партія должна была довольствоваться тѣмъ, что противники не учинили надъ ней насилія путемъ рѣшенія, вынесеннаго большинствомъ. Напротивъ, въ виду полной и очевидной невозможности въ это „удивительно тяжелое время“ провести Вормскій эдиктъ противники пошли на компромиссъ, который и сдѣлалъ этотъ рейхстагъ столь знаменитымъ въ исторіи.

Компромиссъ этотъ заключался въ единодушномъ постановленіи, что до общаго національнаго собора каждое изъ государствъ имперіи будетъ держать себя въ вопросахъ религіи такъ, какъ считаетъ наиболѣе правильнымъ, въ смыслѣ отвѣтственности передъ Богомъ и передъ императоромъ.

Историческое значеніе этого постановленія вполнѣ ясно. Оно не только послужило исходнымъ пунктомъ къ созданію церквей евангелическаго вѣроисповѣданія въ странѣ, но и создало государственныя основанія для образованія мѣстныхъ церковныхъ установленій.

Имперія, гонимая нуждою, оставила, такимъ образомъ, надежды на свое единство и свалила заботы по устроенію вопросовъ религіи на отдѣльныя княжества. Она предоставила послѣднимъ, въ соотвѣтствіи съ ихъ религіозными и нравственными воззрѣніями, придерживаться въ своихъ областяхъ либо старой церкви, либо слѣдовать евангелическому ученію. Могла ли, на самомъ дѣлѣ, какая-нибудь изъ сторонъ за-

блуждаться относительно истиннаго смысла и значенія этой отвѣтственности, возлагаемой на отдѣльныя имперскія чины? Евангелическіе князья и города знали прекрасно, какой это для нихъ имѣетъ смыслъ, — отвѣтственность за свои дѣла предъ Господомъ они ставили выше всего, отвѣтственность предъ императоромъ, въ случаѣ конфликта между обѣими этими инстанціями, ставилась ими на второй, подчиненный планъ. Реформація родилась нѣкогда изъ религіозной совѣсти, и теперь она опять предоставлялась рѣшенію религіозной совѣсти тѣхъ княжествъ и областей имперіи, которыя ею были охвачены. Это, поистинѣ, былъ не такой ужъ плохой исходъ, если принять во вниманіе невозможность провести реформацію въ качествѣ дѣла всей имперіи! Подобно тому, какъ Лютеръ со времени Вормскаго рейхстага держался своихъ убѣжденій вопреки императору, такъ и религіозная совѣсть евангелическихъ чиновъ должна была съ этого времени проявляться вопреки волѣ императора, — такова была неизбѣжность политическаго положенія. Такимъ, образомъ, въ концѣ концовъ, среди борьбы, которая велась за совершенно свѣтскіе интересы, преданность Евангелію и исповѣданіе евангелическаго вѣроученія стали дѣломъ исключительно вѣры!

Прежде всего, евангелическимъ чинамъ не было надобности бояться императора,—объ этомъ позаботился папа. Они могли въ полномъ спокойствіи работать надъ созданіемъ новыхъ церковныхъ условій на своей территоріи, иначе говоря, могли создавать новыя евангелическія церкви. Это была задача, величіе и трудность которой ясны для каждаго. Приступая къ возведенію новаго зданія, необходимо было, прежде всего, стряхнуть накопившійся мусоръ средневѣковья: надо было совершенно измѣнить и прежнія ученія, и прежнюю обрядность, надо было удалить и большую часть прежняго католическаго духовенства, нравственная распущенность и невѣжество котораго дѣлали его непригоднымъ для новыхъ цѣлей. Далѣе предстояло выполнить и колоссальный трудъ положительнаго характера. Необходимо было дать указанія священникамъ, установить порядокъ богослуженія, устроить обученіе и воспитаніе молодого поколѣнія и взрослыхъ, наконецъ, поставить на надежную финансовую почву церковные приходы и школы путемъ планомѣрнаго поддержанія церковныхъ и монастырскихъ имуществъ, которыми не прочь были воспользоваться всѣ, кто только могъ, въ особенности представители дворянскаго сословія.

Если императору некогда было и думать о томъ, чтобы помѣшать этой мирной работѣ, то въ этомъ, какъ мы уже замѣтили, виноватъ былъ папа. Онъ впуталъ Карла V въ новую войну и такимъ способомъ парализовалъ его силы. Рѣдко можно видѣть въ исторіи, чтобы провинность была столь очевиднымъ образомъ наказана, какъ эта. Поступокъ Климента VII, не говоря уже о вредѣ, который наносился католической церкви этою чисто-свѣтскою политикой, повлекъ за собою, въ качествѣ непосредственнаго результата, ужасающее наказаніе, которому подвергся погрязшій въ порокахъ Римъ.

5 мая 1527 г. къ воротамъ Рима подошли императорскія войска, численностью около 20.000 человѣкъ, находившіяся подъ начальствомъ французскаго полководца герцога Бурбонскаго. Болѣе чѣмъ наполовину войска эти состояли изъ германскихъ ландскнехтовъ, среди которыхъ большинство были еретики. Ландскнехты находились первоначально подъ начальствомъ великаго полководца Георга фонъ Фрундсберга, всѣ помыслы котораго были направлены къ завоеванію Рима и обузданію папы; онъ

довелъ войска, однако, лишь до Болоньи, такъ какъ здѣсь его постигъ трагическій конецъ: этотъ полководецъ, считавшійся „отцомъ ландскнехтовъ", умѣвшій прекрасно справляться съ ними, принужденъ былъ укрощать своихъ взбунтовавшихся „дѣтей", которые требовали давно не выдававшагося имъ жалованья; во время крупнаго разговора съ ними онъ умеръ отъ удара. Остальная часть войска состояла изъ испанцевъ и итальянцевъ.

Какъ они, такъ и нѣмецкіе ландскнехты, въ одинаковой степени стремились впередъ къ Риму, съ одной стороны, желая отомстить вѣроломному папѣ за своего повелителя, съ другой — въ разсчетѣ вознаградить себя за многочисленныя лишенія и за неполученіе жалованья сокровищами вѣчнаго города. Вечеромъ 6 мая городъ былъ въ ихъ рукахъ, за исключеніемъ замка св. Ангела, куда спасся Климентъ VII. Одинъ изъ предводителей ландскнехтовъ, Себастьянъ Шертлинъ фонъ Буртенбахъ, описываетъ взятіе Рима въ слѣдующихъ краткихъ и сухихъ словахъ: „Въ шестой день мая мѣсяца мы взяли Римъ приступомъ, умертвили тамъ около 6.000 человѣкъ, разграбили весь городъ, ограбили церкви и вообще все, что нашли, и значительную часть города сожгли".

Германія, военныя силы которой по преимуществу и добыли императору его побѣду надъ папою, извлекла изъ этихъ военныхъ успѣховъ своей молодежи лишь весьма преходящую пользу. Мщеніе, выполненное надъ папою германскими войсками на службѣ императора Карла, пробудило лишь нѣкоторое патріотическое самосознаніе, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, разожгло заново ненависть къ главѣ католической церкви. Новая мечта о томъ, что теперь „нашъ молодой благородный императоръ Карлъ будетъ править нами съ единственной цѣлью нашего блага", должна была, однако, скоро резлетѣться.

Карлъ V, несмотря на все свое негодованіе противъ папы Климента VII, которое онъ выражалъ даже публично, все же никоимъ образомъ не могъ жить долгое время въ ссорѣ со святымъ отцомъ. Этого не позволяла ему его собственная совѣсть, такъ какъ продолженіе борьбы съ папою могло бы нанести непоправимый вредъ папству. Къ тому же папа былъ нуженъ императору для преодолѣнія нѣкоторыхъ трудностей; такъ, прежде всего, онъ могъ ему помочь въ одномъ дѣлѣ, которое для него лично было чрезвычайно важно. Какъ разъ въ это время въ Англіи разыгрывались первыя сцены той драмы, которая окончилась полнымъ разрывомъ Генриха VIII съ папою. Генрихъ желалъ добиться развода со своею супругою Екатериною Арагонскою, теткой императора Карла V. Императору очень хотѣлось, чтобы Климентъ VII, отказалъ англійскому королю въ разводѣ. И другое еще обстоятельство могло влiять на императора: въ Испаніи поднялся ропотъ по поводу того, что онъ долгое время держалъ въ заточеніи папу Климента VII, который долженъ былъ въ началѣ іюня сдаться и открыть ворота своего замка св. Ангела. Такимъ образомъ, въ ноябрѣ 1527 года императоръ освободилъ папу и съ того времени думалъ лишь о полномъ съ нимъ примиреніи. Формальное заключеніе мира совершилось, однако, лишь 29-го іюня 1529 г. въ Барселонѣ. Миръ былъ заключенъ какъ разъ въ то время, когда въ сѣверной Италіи императорскія войска нанесли рѣшительное пораженіе Франциску I, на сторонѣ котораго находилась и Англія. Вслѣдствіе этого удара и Франція должна была теперь согласиться на миръ, заключенный въ Камбрэ, — она вторично отказалась отъ Генуи и Милана. Съ этого времени испанскій монархъ сталъ повелителемъ Италіи.

Какъ могъ императоръ при столь колоссальномъ своемъ могуществѣ отказаться отъ рѣшительнаго проведенія своей воли и въ Германіи? Какъ могъ онъ не искоренить тамъ ереси? При заключеніи договора въ Барселонѣ онъ торжественно обѣщалъ папѣ уничтожить ересь; при заключеніи мира въ Камбрэ король Францискъ I долженъ былъ снова обѣщать свое содѣйствіе въ борьбѣ съ турками и еретиками.

Карлъ въ теченіе этого времени не былъ, однако, бездѣятельнымъ и въ этомъ отношеніи. Какъ только наступилъ періодъ его военныхъ удачъ, осенью 1528 г., онъ постарался отблагодарить германскій народъ за его дѣятельную помощь противъ папы. Онъ сдѣлалъ серьезную попытку положить предѣлъ дальнѣйшему распространенію „этого моровего повѣтрія"—лютеранства. Это былъ первый шагъ къ выполненію поставленной имъ великой цѣли.

Благодаря этому начинанію императора новый рейхстагъ, собравшійся весной 1529 года въ Шпейерѣ, получилъ свое великое историческое значеніе.

Къ тому времени въ самой имперіи отношенія обострились: чѣмъ тщательнѣе культивировали евангелическіе князья новыя религіозныя идеи, тѣмъ энергичнѣе предпринимали приверженцы старой церкви гоненія на эти самыя идеи. Такими гоненіями занимались эрцгерцогъ Фердинандъ, герцоги Баварскіе и нѣкоторые епископы южной и западной Германіи, бравшіе въ этомъ отношеніи примѣръ съ самого императора, у котораго въ Нидерландахъ, гдѣ руки у него были развязаны, палачи никогда не сидѣли безъ работы. Натянутость отношеній между обѣими партіями еще болѣе усилилась въ 1528 году вслѣдствіе нѣкоторой поспѣшности горячаго и нетерпѣливаго Филиппа Гессенскаго: обманутый поддѣльнымъ документомъ, онъ вступилъ въ вооруженную борьбу съ якобы наступательнымъ союзомъ, который заключили противники.

Благодаря этому на новомъ рейхстагѣ значительное большинство имперскаго сейма оказалось столь послушнымъ велѣніямъ императора, какъ никогда ранѣе,—оно надѣялось найти твердую опору въ его все увеличивавшемся могуществѣ. Императоръ на основаніи своихъ „императорскихъ полномочій" объявлялъ въ манифестѣ при открытіи рейхстага „уничтоженными, кассированными и не имѣющими значенія" всѣ постановленія рейхстага 1526 года, такъ какъ они повели „къ великимъ ошибкамъ и недоразумѣніямъ". Послѣ этого эрцгерцогу Фердинанду удалось безъ труда добиться постановленія большинства, которое каждое дальнѣйшее новшество въ области церковной жизни опредѣляло, какъ преступленіе, и духовнымъ властямъ предоставляло полномочія, грозившія полной гибелью всѣмъ установленіямъ, возникшимъ на вполнѣ закономѣрной почвѣ,—на почвѣ постановленія предыдущаго рейхстага въ Шпейерѣ.

Можно ли было сомнѣваться, что сторонники евангелической вѣры не могли принять этого рѣшенія рейхстага, не нарушая своихъ личныхъ правъ и не подвергая себя великой опасности въ будущемъ? Они отказали поэтому въ своемъ согласіи, заявивъ, что они теперь, какъ и ранѣе, придерживаются прежняго постановленія рейхстага. 19-го апрѣля и затѣмъ, по всѣмъ правиламъ закона, вторично 25-го апрѣля они подали протестъ противъ дѣйствій большинства, которыя они считали незаконными: по ихъ словамъ, постановленіе предыдущаго рейхстага было сдѣлано не большинствомъ, а „единогласнымъ соглашеніемъ", потому оно „по справедливости и по праву можетъ быть измѣнено опять не иначе,

какъ единогласнымъ соглашеніемъ". Одновременно съ этимъ юридическимъ доводомъ они выставляли и религіозный принципъ, коимъ ихъ дѣйствія одобряются свыше. Это было положеніе, гласящее, „что въ дѣлахъ, касающихся Господа Бога, спасенія нашихъ душъ и вѣчнаго блаженства, каждый долженъ самъ быть отвѣтственъ предъ Господомъ и ему лишь одному отдавать отчетъ". Поэтому въ данномъ случаѣ ни заключеніе большинства, ни заключеніе меньшинства не могутъ имѣть никакой связующей силы. Это было положеніе, полагавшее конецъ средневѣковью съ его религіозной скованностью, съ его тиранніей въ дѣлахъ вѣры и съ подчиненіемъ совѣсти; это было положеніе, родившееся изъ того своеобразнаго пониманія вѣры, какое проповѣдывалъ Лютеръ и какое онъ сумѣлъ внушить и другимъ.

Лѣтомъ 1530 г. императоръ Карлъ V, въ теченіе девяти лѣтъ не бывшій въ Германіи, пріѣхалъ туда изъ Италіи, чтобы принять участіе на рейхстагѣ въ Аугсбургѣ, который непосредственно долженъ былъ примыкать къ Вормскому рейхстагу. Онъ твердо рѣшилъ вернуть „отпавшихъ" въ лоно католической церкви,—вернуть добромъ или силою. Первоначально Карлъ, какъ осторожный политикъ, попытался еще разъ примѣнить мягкія средства, тѣмъ болѣе, что ясно видѣлъ, какія опасности можетъ повлечь за собою примѣненіе силы. Поэтому его манифестъ объ открытіи рейхстага, изданный въ концѣ января въ Болоньѣ, содержалъ лишь слова кротости и доброты. Но затѣмъ папскій легатъ, сопровождавшій его черезъ Альпы, попытался убѣдить императора въ необходимости примѣнить возможно сильныя средства. Это былъ уже извѣстный намъ кардиналъ Кампеджи, тотъ самый, который въ 1524 г. первый вогналъ клинъ, расщепившій германское единство; теперь, конечно, онъ желалъ поправить дѣло. Послѣ характеристики „этой проклятой язвы дьявольской ереси", стремящейся, какъ онъ старался убѣдить императора, уничтожить также и всѣ свѣтскія власти, кардиналъ указывалъ единственное, по его мнѣнію, дѣйствительное средство, — необходимо, — говорилъ онъ, — съ корнемъ и со стеблемъ вырвать „ядовитое растеніе", необходимо примѣнить „мечъ и огонь". Мы можемъ оставить въ сторонѣ его исполненные яда совѣты, какъ въ различныхъ случаяхъ слѣдуетъ поступать,—само собою разумѣется, онъ рекомендовалъ императору не сразу раскрывать свои карты. Укажемъ лишь на то, что Кампеджи подчеркивалъ необходимость введенія въ Германіи инквизиціи по испанскому образцу. Сожженіе книгъ и строгая цензура новыхъ произведеній должны окончательно помочь истребленію вредной ереси.

Эти сужденія Кампеджи остались, по всей вѣроятности, не безъ вліянія на Карла V. Очень скоро обнаружилось, что выступленіе императора въ рейхстагѣ нисколько не стоитъ въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что онъ обѣщалъ въ своемъ манифестѣ объ открытіи рейхстага. Въ манифестѣ, между прочимъ, значилось, что обѣ враждующія партіи должны представить на разсмотрѣніе рейхстага письменную сводку своихъ религіозныхъ взглядовъ. Представители старой Церкви были, однако, освобождены отъ этого обязательства, такъ что представленное сторонниками евангелическаго ученія „Confessio" разсматривалось императоромъ и католическимъ большинствомъ рейхстага, какъ будто бы дѣло шло объ оправданіи обвиняемаго на судѣ. Отъ имени императора была противъ этого „Исповѣданія" составлена католическими богословами брошюра, на основаніи которой было объявлено, что ученіе протестантовъ

считается оффиціально опровергнутымъ. Послѣ этого, правда, съ ними вступили еще въ пренія, но при этомъ обнаружили столь малую уступчивость, что пренія остались безрезультатны. Въ заключеніе, въ манифестѣ о закрытіи рейхстага 19-го ноября 1530 г., указывалось на то, что будетъ организованъ общій соборъ и требовалось отъ протестантовъ, чтобы они немедленно пока подчинились; если же они не согласятся на это добровольно, то ихъ слѣдуетъ къ тому принудить.

Карлъ V разумѣлъ подъ жестокимъ заключительнымъ постановленіемъ рейхстага въ Аугсбургѣ скорѣе угрозу, чѣмъ нѣчто реальное,— въ то время онъ не могъ еще рѣшиться повести дѣло серьезно. Уже тогда его отношенія къ Франціи были снова ненадежны, ненадежны были и дружественныя отношенія съ папою вслѣдствіе его требованія церковнаго собора. Къ этому присоединялось угрожающее положеніе дѣлъ на востокѣ. Еще весною 1531 г., Карлу пришла мысль, что все же нельзя будетъ совершенно обойтись безъ какого-либо соглашенія съ протестантами. Они были ему необходимы. Въ Аугсбургѣ они рѣшительно отказались помогать ему противъ турокъ. Теперь онъ увидѣлъ себя почти одинокимъ предъ лицомъ протестантовъ, предъ ихъ сплоченными силами. Необходимость соглашенія съ ними становилась все болѣе и болѣе ясной. Онъ сдѣлалъ послѣднюю попытку удержать султана Сулеймана предложеніями, которыя заключали въ себѣ, уже сами по себѣ, глубокое униженіе, но—все было напрасно.

Сулейманъ задумалъ великій военный походъ съ цѣлью завоеванія міроваго могущества,—онъ хотѣлъ лишить короля испанскаго его императорской власти, при томъ на германской именно почвѣ. Политическая разрозненность и религіозный расколъ въ Германіи были ему хорошо извѣстны. Онъ зналъ прекрасно, что императоръ „не заключилъ еще мира съ Мартиномъ Лютеромъ", какъ говорили въ Турціи.

Страхъ и ужасъ распространились въ странахъ христіанскаго міра, близкихъ къ востоку. Насколько страхъ этотъ былъ великъ въ Римѣ, указываетъ внезапная готовность папы признать христіанами „лютеранъ", которыхъ до сихъ поръ ставили на одинъ уровень съ турками. Папа Климентъ VII предложилъ своимъ богословамъ снова Аугсбургское исповѣданіе, и тогда вдругъ было сдѣлано открытіе, что дѣло съ нимъ обстоитъ совсѣмъ не такъ скверно и что вовсе нельзя было считать абсолютно немыслимымъ соглашеніе съ протестантами; самъ папа побуждалъ императора примириться съ ними.

И Карлъ V долженъ былъ рѣшиться на это, какъ ни тяжело это было для него.

Заключенный 23 іюля 1532 г. въ Нюрнбергѣ и подписанный Карломъ V 2 августа миръ былъ ненадеженъ, такъ какъ императоръ заключилъ его съ протестантами лишь отъ своего лица. Имперія не была имъ связана. Рейхстагъ, засѣдавшій тогда въ Регенсбургѣ, не зналъ совершенно о немъ.

Миръ этотъ съ самаго начала обнаруживалъ крупныя прорѣхи, такъ какъ въ самомъ существенномъ пунктѣ императоръ согласился на довольно двусмысленную формулу и предоставилъ себѣ возможность отнять одною рукою то, что онъ давалъ другою. Миръ былъ совершенно неудовлетворителенъ какъ въ смыслѣ своего содержанія, такъ и въ смыслѣ періода времени, на который онъ былъ заключенъ. Онъ долженъ былъ имѣть значеніе лишь до церковнаго собора, или, если таковаго не удалось бы созвать, до урегулированія религіозныхъ вопросовъ новымъ рейхс-

тагомъ. Такія же сомнѣнія возбуждалъ и составъ областей, на который распространялся миръ: онъ касался лишь областей Германіи, перечисленныхъ въ договорѣ. Мы находимъ здѣсь представителей Шмалькальденскаго союза и на ряду съ ними маркграфа Георга Бранденбургскаго, не вступившихъ въ союзъ,—всего перечислялось 24 города, между ними Гамбургъ. Такимъ образомъ, миръ касался лишь современныхъ сторонниковъ евангелическаго ученія, а не тѣхъ областей Германіи, гдѣ таковое въ будущемъ распространится. Распространенія его и на эти области протестанты требовали сначала съ большою настойчивостью, но затѣмъ, когда императоръ энергично этому воспротивился, они уступили противъ воли ландграфа Гессенскаго. Сопротивленіе Карла V вполнѣ понятно. Согласіе на требованіе протестантовъ было бы равносильно полной гибели католической церкви въ Германіи. Относительно чрезвычайно притягательной силы „этихъ пустыхъ вѣроученій“ онъ нисколько себя не обманывалъ. Точно такъ же былъ въ этомъ твердо убѣжденъ и Лютеръ, такъ какъ онъ высказывалъ соображеніе, что противники не согласятся на требованія, ибо иначе, „безъ сомнѣнія, весь народъ отпадетъ отъ католичества“.

Несмотря на крупные свои недостатки, Нюрнбергскій миръ послужилъ преддверіемъ къ эпохѣ новаго расцвѣта Реформаціи въ Германіи. Карлъ V со дня на день собирался принять репрессивныя мѣры, но давленіе обстоятельствъ европейской политики, тяготѣвшее на немъ, заставило его отложить это на цѣлыхъ 14 лѣтъ. Успѣхи Реформаціи за этотъ періодъ времени были столь значительны, что ея полная, окончательная побѣда въ имперіи была уже близка. Это было вмѣстѣ съ тѣмъ время, когда религіозныя идеи Лютера перешагнули далеко за предѣлы первоначальной своей родины, такъ что является уже возможность говорить о развитіи Реформаціи въ Европѣ.

XLVI. Аугсбургское исповѣданіе.

(Изъ соч. Кольрауша: „Исторія Германіи съ древнѣйшихъ временъ“).

Въ 1530 году собрался великій аугсбургскій сеймъ, на которомъ присутствовалъ самъ императоръ, прибывшій изъ Италіи, согласно своему обѣщанію. Еще на дорогѣ встрѣтили его представители обѣихъ партій, тѣ и другіе съ намѣреніемъ склонить его на свою сторону; но онъ не открывалъ имъ своихъ мыслей до самаго сейма. Вечеромъ, 22 іюня, императоръ съ великою пышностью въѣхалъ въ Аугсбургъ въ сопровожденіи многихъ курфюрстовъ, князей и дворянъ. Карлъ явился теперь передъ ними уже не тѣмъ молодымъ, неизвѣстнымъ еще княземъ, какимъ онъ былъ въ Германіи въ первый разъ, десять лѣтъ тому назадъ; онъ явился императоромъ, которому равнаго не было со временъ Карла Великаго. Міръ полонъ былъ славою его великихъ доблестей. Передъ нимъ не устоялъ самый могущественный король, а Римъ не могъ противиться даже и одной части силъ его, не состоявшей подъ его прямымъ распоряженіемъ. Въ наружности его замѣчали теперь еще болѣе достоинства и мужественности, и уже это одно внушало къ нему уваженіе его противниковъ. Меланхтонъ, бывшій въ Аугсбургѣ вмѣстѣ съ курфюрстомъ

Саксонскимъ, въ одномъ дружескомъ письмѣ такъ выражается о Карлѣ: „Всѣхъ замѣчательнѣе въ этомъ собраніи, безспорно, самъ императоръ. Его безпрерывное счастіе, конечно, и въ нашихъ странахъ сдѣлало его предметомъ удивленія; но въ немъ гораздо удивительнѣе то, что при такомъ счастіи и успѣхахъ, онъ сохраняетъ столько умѣренности: ни однимъ словомъ, ни однимъ поступкомъ онъ не нарушаетъ ея. Назови мнѣ въ исторіи кого-нибудь изъ королей или императоровъ, кого бы не измѣнило счастіе. Онъ одинъ неизмѣненъ. Въ немъ нѣтъ и слѣда какой-нибудь страсти или высокомѣрія, или жестокости. Не говоря уже о другихъ, онъ всегда выслушиваетъ дружелюбно даже насъ, хотя наши противники приложили всѣ старанія, чтобы возстановить его противъ насъ въ дѣлѣ вѣры. Его домашняя жизнь полна прекрасныхъ примѣровъ воздержности, умѣренности и трезвости. Строгій семейный чинъ, нѣкогда соблюдаемый нѣмецкими князьями, нынѣ живетъ только въ домѣ императора. Порочный человѣкъ не можетъ вкрасться къ нему въ общество; друзья его — только великіе люди, которыхъ онъ избираетъ совершенно сообразно съ ихъ достоинствами. Сколько я ни видалъ его, мнѣ всякій разъ казалось, что я смотрю на одного изъ тѣхъ богатырей и героевъ, о которыхъ мы знаемъ только по преданіямъ древнихъ временъ. И кого не порадуетъ сочетаніе стольких добродѣтелей, особенно въ такомъ великомъ властителѣ?“

Но, несмотря на личность императора, внушавшую столько уваженія, несмотря на перевѣсъ его и католическихъ князей, князья протестантскіе, собравшіеся всѣ на лицо въ Аугсбургѣ, показали столько твердости, что настаивали на своемъ, даже и во внѣшнихъ отношеніяхъ, и принуждали императора отмѣнить многія повелѣнія. Такъ, онъ приказалъ, чтобы *всѣ* князья участвовали въ празднествѣ Frohnleichnam, приходившемся на другой день послѣ его прибытія въ Аугсбургъ, но въ самый день праздника утромъ протестантскіе князья верхами торжественно прибыли къ императору съ объявленіемъ, что они не согласны исполнить католическій обрядъ, и онъ долженъ былъ принять этотъ отказъ. Точно также воспротивились они приказанію императора, чтобы протестантское духовенство не проповѣдывало въ Аугсбургѣ, и уступили лишь на томъ условіи, чтобъ и католикамъ не велѣно было говорить проповѣдей и по воскресеньямъ, при божественной литургіи, читать только Евангеліе и посланія апостольскія. Изъ протестантскихъ князей всѣхъ рѣшительнѣе дѣйствовалъ курфюрстъ Іоаннъ Саксонскій, заслужившій тѣмъ имя Твердаго, данное ему потомствомъ. Его не поколебала даже угроза императора отказать ему въ ленномъ владѣніи саксонскимъ курфюршествомъ, которое тогда еще не было ему совсѣмъ предоставлено. Іоаннъ, послѣдній изъ 4-хъ достойныхъ сыновей курфюрста Эрнеста, принадлежалъ къ числу простыхъ, но одаренныхъ твердою волею людей, которые всею силою души своей держатся разъ принятыхъ убѣжденій и за нихъ готовы всѣмъ жертвовать. Онъ зналъ, что ему, съ малыми его средствами, никакъ не устоять противъ могущественнаго императора; но, задавъ себѣ вопросъ: „отречься ли ему отъ Бога, или отъ міра?“ ни на минуту не усомнился въ томъ, какъ ему дѣйствовать. Много также подкрѣпляли его письма Лютера, который, находясь еще въ опалѣ, не могъ ѣхать дальше Кобурга и оттуда съ самыми тревожными чувствами слѣдилъ за аугсбургскими дѣлами. Говорятъ, что къ этому времени относится сочиненный имъ гимнъ: „Богъ — наша крѣпкая твердыня“. Когда на засѣданіяхъ сейма дѣло дошло до вѣроисповѣданія, то протестантскіе

князья открыто представили чинамъ свой символъ, въ которомъ коротко и ясно показаны были различія новой церкви отъ старой. Это исповѣданіе написано было Меланхтономъ въ духѣ свойственной ему умѣренности. Онъ взялъ 17 статей, написанныхъ Лютеромъ въ Швабахѣ, и много другихъ сочиненій, привезенныхъ съ собою протестантскими князьями, и составилъ изъ нихъ нѣчто цѣлое. Такъ возникло *аугсбургское исповѣданіе* вѣры, которое сдѣлалось основою протестантской церкви. Оно было читано саксонскимъ канцлеромъ Байеромъ 22 іюня въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. Послѣ этого императоръ отвѣчалъ протестантскимъ князьямъ черезъ пфальцграфа Фридриха, что „онъ приметъ къ соображенію это дѣло, имѣющее великую важность, и велитъ объявить имъ о своемъ рѣшеніи".

Въ совѣтѣ Карла и въ совѣтѣ католическихъ князей мнѣнія по этому предмету были весьма различны. Папскій легатъ, большая часть епископовъ и герцогъ Георгъ Саксонскій требовали, чтобы Карлъ рѣшительно принудилъ протестантовъ отречься отъ ихъ ученія; другіе, и въ числѣ ихъ архіепископъ Майнцскій, бывшій кардиналомъ, показали болѣе умѣренности. Они сознавали, что не легко заставить протестантовъ отречься отъ ихъ ученія; что такое принужденіе не можетъ обойтись безъ крови и междоусобной войны; они напоминали объ опасности, грозившей со стороны турокъ (которые еще въ 1529 году, при могущественномъ султанѣ Солиманѣ II, съ большими силами проникли до самой Вѣны и нападали на нее, хотя и безъ успѣха) и потому совѣтовали путемъ убѣжденія и другими кроткими мѣрами склонить протестантовъ къ возсоединенію съ церковью, во всякомъ случаѣ, вести дѣло такъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, не нарушить міра внутри государства.

По ихъ совѣту, нѣкоторые католическіе богословы, и въ числѣ ихъ Экъ, сочинили опроверженіе аугсбургскаго исповѣданія; оно было прочитано протестантамъ, но тѣ объявили, что не могутъ принять его. Затѣмъ сдѣланы были новыя попытки къ примиренію и соглашенію. Люди миролюбивые съ обѣихъ сторонъ надѣялись на спокойный исходъ дѣла. Самъ Меланхтонъ писалъ папскому легату: „Кажется, что только небольшое различіе въ церковныхъ обрядахъ препятствуетъ возсоединенію. Но вѣдь и законы церкви говорятъ, что различіе въ обрядахъ не нарушаетъ единства церкви". Но въ это самое время люди фанатическіе мѣшали спокойному обсужденію вопроса; обѣ стороны дѣлали незначительныя уступки, а въ главномъ не могли согласиться. Многіе протестантскіе князья и вольные города примѣшали къ этому дѣлу вопросы житейскіе, такъ какъ дѣло шло о возстановленіи въ ихъ земляхъ епископской власти. Католики, съ своей стороны, упорно настаивали на томъ, въ чемъ уже прежде дѣлали уступки греческой церкви и гуситамъ, именно, на воспрещеніи священникамъ вступать въ бракъ и свѣтскимъ людямъ причащаться подъ обоими видами. Однимъ словомъ, попытки къ возсоединенію, вмѣсто того, чтобы сближать обѣ стороны, раздѣлили ихъ еще болѣе. Наконецъ, императоръ велѣлъ сказать протестантамъ, „чтобы къ 15 числу будущаго апрѣля мѣсяца они обдумали спорныя статьи и объявили, послужатъ-ли онѣ препятствіемъ къ возсоединенію протестантовъ съ христіанскою церковью, съ папой, съ императоромъ и прочими князьями, впредь до открытія новаго собора; до истеченія этого времени они не должны позволять печатать въ своихъ земляхъ ничего новаго и не привлекать въ свою секту ни своихъ, ни чужихъ подданныхъ. А такъ какъ между христіанами, дѣйствительно, съ давнихъ поръ могли вкрасться разныя зло-

употребленія и неправда, то императоръ пригласитъ папу и всѣхъ христіанскихъ государей созвать въ теченіе шести мѣсяцевъ всеобщій соборъ, который начнетъ свои дѣйствія не далѣе, какъ по истеченіи года".

На это протестанты по обыкновенію возразили, что ихъ ученіе еще не опровергнуто священнымъ писаніемъ, что, слѣдовательно, совѣсть запрещаетъ имъ согласиться съ опредѣленіемъ сейма, препятствующимъ распространенію этого ученія; вмѣстѣ съ тѣмъ они представили императору апологію своего исповѣданія, и вслѣдъ затѣмъ бывшіе еще въ Аугсбургѣ протестантскіе князья выѣхали изъ города. Когда курфюрстъ Саксонскій прощался съ императоромъ, послѣдній сказалъ ему: „дядя, дядя, я не думалъ, что мы такъ разстанемся!" Курфюрстъ не сказалъ ни слова въ отвѣтъ, но глаза его наполнились слезами. Онъ оставилъ дворецъ, а вслѣдъ затѣмъ и Аугсбургъ. Разрывъ обѣихъ сторонъ совершился. Въ опредѣленіи сейма, обнародованномъ послѣ этого, лютеранское ученіе порицалось въ сильныхъ выраженіяхъ и называлось ересью; строго было предписано возстановить всѣ отобранные монастыри и духовныя учрежденія; назначалась цензура надъ всѣми сочиненіями, касавшимися вѣры; ослушникамъ сейма грозила императорская и государственная опала.

Между тѣмъ, въ послѣдніе дни того же 1530 года протестантскіе князья собрались въ Шмалькальденѣ и соединились между собою тѣснѣе и крѣпче. Нѣкоторые изъ нихъ тогда же готовы были поднять оружіе, но другіе сохраняли еще прежнее благочестивое чувство страха при мысли, что надо будетъ воевать съ братьями. Они благоговѣли еще передъ священнымъ, по ихъ собственному выраженію, лицомъ императора. Къ чести католическихъ князей должно сказать, что они также противились войнѣ, къ которой императоръ, подъ вліяніемъ Рима, начиналъ уже склоняться. Они не допустили объявить надъ протестантами государственную опалу, чтобы не дать императору оружія въ руки; они хотѣли, какъ тогда говорили, „не биться, но судиться", и надѣялись съ помощью рейхскамергерихта, составленнаго для этой цѣли изъ католиковъ и усиленнаго шестью членами, привести въ исполненіе рѣшеніе сейма. Мы увидимъ скоро, какъ безсильно было и это средство.

XLVII. Судьбы религіознаго движенія въ Германіи отъ аугсбургскаго сейма 1530 г. до аугсбургскаго мира 1556 г.

(Изъ „Исторіи З. Европы въ новое время" Н. И. Карѣева, т. II).

Въ 1530 г. Карлъ V послѣ долговременнаго отсутствія пріѣхалъ въ Германію, назначивъ собраніе имперскаго сейма въ Аугсбургѣ. Сеймъ этотъ отличался особеннымъ блескомъ, пышностью и торжественностью: императоръ, вообще не любившій церемоній, на этотъ разъ хотѣлъ явить себя передъ собравшимися имперскими чинами и народомъ во всемъ своемъ величіи. Побѣдитель папы и французскаго короля, владыка міра, только что коронованный императорской короной, защитникъ церкви, съ главою которой у него состоялось соглашеніе, онъ думалъ теперь, что ему и въ Германіи легко будетъ установить тотъ порядокъ, какой ему

хотѣлось. Но на требованіе, предъявленное имъ протестантамъ, покориться его волѣ, онъ получилъ отказъ, мотивированный тѣмъ, что въ дѣлахъ совѣсти не имѣетъ силы никакое имперское повелѣніе. Начитанный въ св. писаніи и отцахъ церкви Филиппъ Гессенскій сталъ доказывать ему истинность евангельскаго ученія, но когда Карлъ прервалъ его, старый маркграфъ Георгъ Ансбахскій бросился передъ нимъ на колѣна и рѣшительно заявилъ, что онъ скорѣе готовъ сложить голову, чѣмъ отступить отъ слова Божія. «Любезный князь, — заявилъ ему Карлъ на ломанномъ нижне-германскомъ нарѣчіи,—голову не надо прочь, голову не надо прочь». Когда Карлъ V выразилъ желаніе, чтобы князья присутствовали на процессіи Божія тѣла, протестанты не явились, и даже лютеранское богослуженіе стало отправляться въ Аугсбургѣ въ помѣщеніяхъ князей и богатыхъ патриціевъ. Между тѣмъ, по желанію Карла имѣть письменное изложеніе мнѣній членовъ сейма по религіозному вопросу составлена была—издавна, впрочемъ, вырабатывавшаяся и окончательно редактированная Меланхтономъ — „апологія", главною цѣлью коей было оправдать евангелическое ученіе отъ обвиненія въ ереси. Документъ этотъ, получившій названіе аугсбургскаго исповѣданія, какъ изложеніе лютеранскаго ученія, былъ подписанъ всѣми лютеранскими князьями и представителями двухъ имперскихъ городовъ. Съ противной стороны по желанію императора послѣдовало опроверженіе, составленное 19 католическими богословами, но нѣсколько измѣненное потомъ по требованію императора, который и приказалъ, чтобы курфюрстъ саксонскій со своими товарищами и богословами присоединился къ этому акту. Въ поведеніи Карла V на аугсбургскомъ сеймѣ мы уже встрѣчаемся съ нѣкоторыми чертами, указывавшими на то, что и себѣ императоръ приписывалъ право рѣшенія религіознаго вопроса, кромѣ того, что свѣтское государственное учрежденіе дѣлало постановленія церковнаго характера. Видя, что папа не хочетъ созывать собора, Карлъ рѣшился кончить дѣло о реформаціи самъ, устроивъ комитетъ для выработки соглашенія между католиками и лютеранами, но изъ этой попытки ничего не вышло, и дѣло отлагалось до созванія вселенскаго собора. Въ концѣ концовъ Карлъ, понимавшій невозможность рѣшительныхъ мѣръ въ виду недовѣрчиваго и даже враждебнаго отношенія католическихъ князей, особенно Баваріи [1]), къ габсбургской политикѣ, предложилъ сейму отсрочить дѣло до весны слѣдующаго года: этимъ постановленіемъ князьямъ давалось время обдуматься, а затѣмъ они должны были возсоединиться съ католическою церковью подъ страхомъ насильственнаго подавленія ихъ „ереси". Протестантскіе чины, въ томъ числѣ и лютеранскіе, и цвингліанскіе города, протествовали противъ такого рѣшенія, въ силу котораго они должны были возстановить въ своихъ владѣніяхъ старые церковные порядки и признавать папскую власть до рѣшенія религіознаго вопроса на вселенскомъ соборѣ. Отвѣтомъ на угрозы императора и католиковъ было заключеніе въ самомъ концѣ 1530 и началѣ 1531 г. въ Шмалькальденѣ союза протестантскихъ князей и городовъ. Во главѣ союза стали курфюрстъ Саксонскій и ландграфъ Гессенскій, а цѣлью его была взаимная

[1]) Баварскій герцогъ Вильгельмъ интриговалъ противъ Габсбурговъ, желая самъ быть выбраннымъ въ короли, что заставило Карла V поспѣшить съ избраніемъ своего брата Фердинанда, состоявшимся въ январѣ 1531 г. при протестѣ не только протестантовъ, но и Баваріи: Фердинандъ долженъ былъ управлять Германіей въ отсутствіе императора.

оборона отъ возможнаго нападенія. Лютеръ и богословы, учившіе о непротивленіи, должны были сдаться передъ доводами юристовъ, доказывавшихъ, что императоръ Германіи, выбираемый наслѣдственными князьями, не имѣетъ правъ неограниченнаго императора древняго Рима, такъ какъ власть ему дается договоромъ, и что за нарушеніе имъ условій избранія ему можно оказывать сопротивленіе. Съ такою же политическою идеей мы встрѣчаемся и въ исторіи реформаціоннаго движенія въ другихъ странахъ — только съ перенесеніемъ права сопротивленія незаконнымъ требованіямъ высшей власти съ мѣстныхъ правительствъ на весь народъ въ лицѣ его сословныхъ представителей: одинаковыя обстоятельства порождали одинаковыя доктрины, но примѣненіе разнообразилось въ зависимости отъ мѣстныхъ условій.

Аугсбургскія угрозы не были приведены въ исполненіе весною 1531 г.: если, съ одной стороны, образовался вооруженный союзъ противъ рѣшенія сейма, то, съ другой, и Карла V удерживали отъ нападенія на протестантовъ многія причины. Франція и Турція давали поводы для новыхъ опасеній. Кромѣ того, Баварія протествовала противъ избранія въ „нѣмецкіе короли" и правители Германіи на время отлучекъ императора его брата Фердинанда. Другіе католическіе князья тоже косо смотрѣли на усиленіе Австріи. Для веденія войны съ турками, угрожавшими габсбургскимъ землямъ, нужно было во что бы то ни стало примириться съ протестантами. Карлъ V вступилъ поэтому въ переговоры съ шмалькальденцами чрезъ Пфальцскаго и Майнцскаго курфюрстовъ къ великой радости Лютера, совѣтовавшаго своему государю согласиться на требованіе католиковъ, чтобы свобода протестантскаго исповѣданія была признана только за членами шмалькальденскаго союза и ихъ подданными, и чтобы союзъ отказался отъ покровительства своимъ единовѣрцамъ внѣ союза. Наконецъ, лѣтомъ 1532 г. состоялось въ Нюрнбергѣ соглашеніе такого содержанія: князья и города, принявшіе уже аугсбургское (отнюдь не цвингліанское) исповѣданіе, оставались при немъ, но отказывались отъ защиты его послѣдователей въ другихъ земляхъ; такое положеніе дѣлъ должно было продолжаться до рѣшенія религіозныхъ споровъ соборомъ, а если бы онъ не былъ созванъ, то, по крайней мѣрѣ, имперскимъ сеймомъ. Постановленіемъ нюрнбергскаго религіознаго мира, заключеннаго уполномоченными императора и шмалькальденскаго союза, въ сущности, были недовольны обѣ стороны. Общее положеніе дѣлъ снова отсрочивало столкновеніе враждебныхъ лагерей. Карлъ V опять былъ отвлеченъ отъ внутреннихъ дѣлъ Германіи своею сложною международною политикою. Огражденная нюрнбергскимъ трактатомъ реформація могла спокойно утверждаться и даже распространяться на новыя земли, хотя по смыслу соглашенія 1532 г. долженъ былъ поддерживаться status quo ante. Въ 1534 г. введена была реформація въ Вюртембергѣ. Это княжество послѣ изгнанія изъ него жестокаго герцога Ульриха находилось подъ габсбурскимъ правленіемъ, занятое войскомъ императора, но населеніе было этимъ недовольно и стало желать возвращенія своего прежняго князя. Весьма популярный принцъ Христофоръ, его сынъ, принялъ притомъ реформацію, а къ ней въ странѣ было большое тяготѣніе. Самъ Ульрихъ, который раньше былъ готовъ соединиться даже съ мятежными крестьянами, лишь бы только вернуться въ свою родовую землю [1]), тоже обнару-

---

[1]) См. объ этомъ въ статьѣ С. В. Вознесенскаго: „Великая крестьянская война въ Германіи", стр. 333 этого тома „Хрестоматіи". *Прим. Ред.*

живалъ склонность къ тому, чтобы допустить реформацію въ Вюртембергѣ, если бы это помогло ему вернуться къ власти. Въ шмалькальденскомъ союзѣ явилась мысль реставрировать Ульриха въ Вюртембергѣ и ввести тамъ протестантизмъ. Хотя курфюрстъ Саксонскій (Іоаннъ-Фридрихъ, сынъ Іоанна, умершаго въ 1532 г.), находившійся подъ вліяніемъ Лютера, былъ противъ этого, Филиппъ Гессенскій взялъ дѣло на свой страхъ, при денежной помощи со стороны Франціи и протестантскихъ князей и городовъ. Предпріятіе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Кромѣ того, реформація проникла въ другія земли. Тогда главные католическіе князья съ королемъ Фердинандомъ заключили свой союзъ въ Нюрнбергѣ (1538 г.). Въ 1539 г. реформація сдѣлала новыя важныя пріобрѣтенія. Когда умеръ Саксонскій герцогъ Георгъ, его преемникъ Генрихъ, поддерживаемый шмалькальденскимъ союзомъ, ввелъ реформацію и въ альбертинской Саксоніи при содѣйствіи свѣтскихъ сословій ландтага. Точно также и Іоахимъ II, курфюрстъ Бранденбургскій, уступая народному желанію, ввелъ у себя лютеранство, хотя и съ нѣкоторыми особенностями, отличавшими его здѣсь отъ общераспространенной формы. Въ 1542 г. шмалькальденскій союзъ напалъ на Брауншвейгскаго герцога, и послѣдній былъ вынужденъ бѣжать изъ своихъ владѣній; и здѣсь курфюрстъ Саксонскій и Филиппъ Гессенскій ввели послѣ этого протестантизмъ. Лютеранская пропаганда дѣйствовала успѣшно и въ католическихъ земляхъ, пріобрѣтая множество послѣдователей. Все это должно было сильно тревожить Карла V, занятаго тогда войною съ Франціей и турками. Особенно сильно на него подѣйствовало то, что одинъ изъ духовныхъ курфюрстовъ, Германъ фонъ-Видъ, архіепископъ Кёльнскій, также надумалъ ввести въ своихъ владѣніяхъ реформацію. Опираясь на постановленіе 1526 г., онъ испросилъ на это согласіе свѣтскихъ чиновъ мѣстнаго сейма и поручилъ составленіе проекта реформаціи Меланхтону и Буцеру (1543 г.). Примѣры введенія протестантизма духовными владѣльцами были и раньше: самый видный примѣръ былъ поданъ еще гросмейстеромъ тевтонскаго ордена Альбрехтомъ Бранденбургскимъ, секуляризировавшимъ орденскія владѣнія и превратившимся въ наслѣдственнаго герцога Прусскаго (1525 г.). Въ Германіи было много духовныхъ княжествъ, и сохраненіе ихъ за католицизмомъ было весьма важно для старой церкви. Въ это время три изъ семи курфюршествъ (Саксонія, Бранденбургъ и Пфальцъ) были уже протестантскими: присоединеніе къ реформаціи четвертаго курфюршества дало бы въ курфюршеской коллегіи большинство протестантамъ. Это грозило уже интересамъ габсбургской династіи, за которою Карлъ V стремился утвердить Германію. Онъ поспѣшилъ тогда заключить миръ съ Франциcкомъ I (въ Крепи въ 1544 г.) на весьма умѣренныхъ условіяхъ, несмотря на военные успѣхи, и оба государя рѣшили общими силами противиться дальнѣйшему распространенію ереси. Въ 1545 г. при посредствѣ Франціи былъ заключенъ миръ и съ турками. Опять у Карла V руки были развязаны. Онъ могъ теперь не опасаться, что шмалькальденцы откажутся помогать ему противъ турокъ или даже вступятъ въ союзъ съ Франціей. Первымъ результатомъ новаго мира было подавленіе кёльнской реформаціи.

Въ 1545 г., по настоянію Карла V, папа Павелъ III созвалъ соборъ въ Тридентѣ, но протестанты отказались на него ѣхать. Въ 1546 г., въ годъ смерти Лютера, началась война между императоромъ и шмалькальденскимъ союзомъ. Этотъ союзъ оказался недостаточно дружнымъ и энергичнымъ: особенно значительны были въ немъ ссоры князей съ го-

родами. Поэтому съ его стороны ничего не было предпринято для того, чтобы помѣшать Карлу V стянуть въ Германію иностранныя войска, хотя на это онъ не имѣлъ права по избирательной капитуляціи 1519 г. Кромѣ того, отъ шмалькальденскаго союза отдѣлился герцогъ саксонскій Морицъ, преемникъ Генриха, введшаго реформацію въ альбертинской Саксоніи, женатый на дочери Филиппа Гессенскаго. Онъ вступилъ даже въ союзъ съ Карломъ V, разсчитывая при его помощи расширить свои владѣнія путемъ присоединенія къ нимъ нѣкоторыхъ епископствъ: все равно, говорилъ онъ, они были бы захвачены курфюрстомъ Іоанномъ Фридрихомъ, а съ нимъ вдобавокъ онъ и не ладилъ. У Морица не было религіознаго убѣжденія, отличавшаго его родственниковъ, курфюрста и ландграфа. Онъ даже прямо указывалъ Карлу V на то, что реформація въ его владѣніяхъ введена была не по его винѣ. Это былъ типичный представитель новаго поколѣнія князей одной политической школы съ Карломъ V, — человѣкъ, у котораго было очень мало общаго съ старыми князьями, лойяльно относившимися къ своимъ имперскимъ обязанностямъ и искренне убѣжденными въ истинности своихъ вѣрованій. За этотъ союзъ Карлъ V обѣщалъ Морицу санъ курфюрста. Военныя дѣйствія со стороны императора были весьма успѣшны. Одни за другими города и цѣлыя области подчинялись приведенному имъ испанскому войску. Въ 1547 г. при Мюльбергѣ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ Іоаннъ Фридрихъ Саксонскій. Императоръ отнялъ у него санъ и „конфисковалъ“ владѣнія, передавъ курфюршеское достоинство и часть этихъ владѣній Морицу; другую часть получилъ Фердинандъ. Филиппъ Гессенскій былъ вызванъ къ Карлу V и схваченъ, чтобы раздѣлить вмѣстѣ съ курфюрстомъ Саксонскимъ тюремное заключеніе.

Шмалькальденская война кончилась полною побѣдою императора, но это была побѣда иностраннаго государя, это было завоеваніе Германіи иноземнымъ войскомъ. Теперь Карлъ V могъ диктовать свою волю. На сеймѣ 1547 — 1548 г.г. онъ провелъ цѣлый рядъ постановленій въ интересахъ своей власти и габсбургской династіи. Обезпечивалось наслѣдственное господство габсбургскаго дома надъ Нидерландами, какъ частью имперіи; причислялись къ нарушеніямъ земскаго мира покушенія на церковную собственность; преобразовывался рейхскаммергерихтъ съ переходомъ къ императору права назначенія его членовъ; учреждалась имперская военная казна, которая давала бы императору средства на содержаніе войска для подавленія смутъ. Хотя въ началѣ шмалькальденской войны Карлъ V и объявлялъ, что ведетъ ее только противъ политическихъ мятежниковъ, но теперь онъ задумалъ потребовать отъ Германіи подчиненія его волѣ и въ религіозномъ вопросѣ. Таковъ былъ смыслъ „аугсбургскаго интерима“ 1548 г. Это были временныя правила для примиренія лютеранъ съ римскою церковью, выработанныя по порученію императора богословами и заключавшія въ себѣ смѣсь католическихъ и протестантскихъ воззрѣній. Хотя они не удовлетворяли ни той, ни другой стороны, но сеймъ былъ вынужденъ ихъ принять. Карлу V пришлось, однако, только силою принуждать къ принятію интерима. Наиболѣе удобнымъ это оказалось только по отношенію къ южно-германскимъ городамъ, гдѣ было много испанскихъ отрядовъ, но на сѣверѣ интеримъ встрѣтилъ отпоръ (особенно въ Магдебургѣ). Отъ католиковъ еще не требовалось его признанія, но изъ протестантскихъ князей его обнародовали лишь очень немногіе, да и тѣ не встрѣтили повиновенія со стороны подданныхъ. Самъ Морицъ Саксонскій ограничился однимъ наружнымъ

подчиненіемъ. Германія теперь снова заволновалась, особенно негодуя на саксонскаго „Іуду предателя“, и вотъ при такихъ обстоятельствахъ князьямъ выпало на долю выступать въ роли защитниковъ нѣмецкой свободы отъ испанскаго деспота. У нихъ нашлись и союзники. Папа боялся усиленія императорской власти, утвержденія Карла V въ Италіи и его плановъ насчетъ собора, особенно послѣ аугсбургскаго интерима и послѣ того, какъ императоръ протестовалъ противъ перенесенія собора изъ Тридента въ Болонью. Для нѣмцевъ это было весьма важно. Франція была тоже въ числѣ враговъ Карла V: новый французскій король Генрихъ II продолжалъ политику своего отца. Прежній союзникъ императора Морицъ былъ недоволенъ имъ за его поступокъ съ Филиппомъ Гессенскимъ и чувствовалъ себя крайне неловко, такъ какъ всѣ его называли измѣнникомъ. Самовольная расправа Карла V съ двумя популярными князьями, лишенными сана и владѣній и содержавшимися въ тюрьмѣ, какъ самые послѣдніе воры, задѣвала всѣхъ князей, а Карлъ V не остановился даже и передъ произнесеніемъ смертнаго приговора надъ Іоанномъ Фридрихомъ. Въ чувствѣ негодованія на императора нація была солидарна съ князьями. Императорскіе испанцы притомъ поговаривали, что для Германіи лучше имѣть одного господина, чѣмъ столько тирановъ, и что принцъ Филиппъ (сынъ Карла) такъ и сдѣлаетъ, когда займетъ престолъ. Все это заставило Морица повернуть фронтъ. Ему поручена была осада непокорнаго Магдебурга, но онъ ее всячески затягивалъ, приберегая свои силы для другой борьбы. Сначала онъ вошелъ въ соглашеніе съ маркграфомъ Бранденбургскимъ, потомъ и съ другими князьями для начала общихъ дѣйствій въ интересахъ религіи и свободы и для освобожденія заключенныхъ въ тюрьму князей. Къ этому союзу примкнула Франція, давшая денежныя субсидіи за право занять, хоть и въ ленной зависимости отъ имперіи, города, гдѣ говорили не по-нѣмецки, какъ-то: Камбрэ, Мецъ, Туль и Верденъ (1551). Между тѣмъ Карлъ V отклонялъ всѣ обращавшіяся къ нему просьбы отпустить плѣнныхъ князей и не вѣрилъ слухамъ о замыслахъ „пьяныхъ нѣмцевъ“. Въ 1552 г. князья обнародовали манифестъ, въ которомъ приводилось, что они взялись за оружіе для освобожденія Германіи отъ скотскаго рабства. Быстрое движеніе Морица на Тироль, гдѣ находился не ожидавшій нападенія императоръ, заставило его искать спасенія въ бѣгствѣ. Ему оставалось только поручить своему брату договориться съ князьями. Тогда нассаускимъ соглашеніемъ между ними (1552) было постановлено, что имперскіе чины, держащіеся аугсбургскаго исповѣданія, будутъ пользоваться свободою до возстановленія религіознаго единства Германіи вселенскимъ или національнымъ соборомъ, совѣщаніемъ богослововъ или сеймомъ. Интеримъ отмѣнялся и возстановлялись права всѣхъ, на кого Карломъ V была наложена опала во время шмалькальденской войны. Заставить императора сразу принять это рѣшеніе католическихъ и протестантскихъ князей оказалось, однако, труднымъ. Только въ 1555 г. рѣшился великій вопросъ аугсбургскимъ религіознымъ миромъ. Въ томъ же году Карлъ передалъ своему сыну Филиппу управленіе Нидерландами, а затѣмъ и испанскія, и итальянскія области, а въ 1556 г. оставилъ и имперскія дѣла, отрекшись отъ власти для жизни въ монастырскомъ уединеніи. Это было естественнымъ результатомъ крушенія всѣхъ его плановъ.

Аугсбургскій сеймъ 1555 г. прекратилъ религіозную борьбу въ Германіи и санкціонировалъ всѣ главныя пріобрѣтенія князей за рефор-

маціонный періодъ. Наиболѣе существенныя постановленія этого мира были слѣдующія. Князья и вольные города, державшіеся аугсбургскаго исповѣданія, ограждались отъ какого бы то ни было притѣсненія за свою вѣру, но цвингліанцы и кальвинисты (сильно уже заставлявшіе говорить о себѣ въ то время) исключались изъ этого правила. Далѣе утверждался принципъ: „cujus regio, ejus religio“, въ силу котораго подданные должны были слѣдовать вѣрѣ своего правительства, хотя въ пользу протестантскихъ подданныхъ въ духовныхъ княжествахъ сдѣлана была оговорка. Другою оговоркой (reservatum ecclesiasticum) постановлялось, что если бы епископъ задумалъ перейти въ протестантизмъ, то ему уже нельзя было бы секуляризировать свой ленъ. Обѣ эти оговорки не были, однако, утверждены формальнымъ образомъ.

Политическіе итоги нѣмецкой реформаціи можно формулировать въ нѣсколькихъ словахъ. Реформація содѣйствовала дальнѣйшему раздробленію Германіи, начавшемуся гораздо ранѣе, раздѣливъ страну на два враждебныя вѣроисповѣданія, лишь одну часть націи освободивъ отъ Рима, ослабивъ власть императора и усиливъ, наоборотъ, власть князей. Сокрушивъ рыцарей и крестьянъ и побѣдивъ императора, князья стали въ болѣе или вполнѣ независимое положеніе по отношенію къ папѣ, подчинили себѣ мѣстное духовенство, секуляризировали церковную собственность и сдѣлались господами въ религіозныхъ дѣлахъ своихъ княжествъ. Дальнѣйшая внутренняя исторія Германіи заключалась въ освобожденіи княжеской власти отъ тѣхъ ограниченій, какія на нее налагались сверху — имперскими учрежденіями, а снизу—собраніями земскихъ чиновъ. Въ обоихъ этихъ отношеніяхъ они достигаютъ многаго во время тридцатилѣтней войны, особенно въ силу постановленій вестфальскаго мира.

XLVIII. Величіе и паденіе Карла V.

(По ст. Т. Бригера въ „Geschichte“ Pflug-Harttung'a).

Побѣдивъ шмалькальденскій союзъ, Карлъ V принужденъ былъ заняться приведеніемъ вопросовъ религіи въ извѣстный порядокъ собственными силами. У католиковъ, которые до войны обнаруживали колебаніе и трусость, а теперь снова начинали чувствовать свою силу, онъ не пользовался никакимъ церковнымъ авторитетомъ, чтобы опираясь на него сдѣлать какія-либо уступки протестантамъ отъ лица католической церкви. Конечно, если бы это зависѣло отъ него, онъ просто возстановилъ бы во всѣхъ германскихъ областяхъ господство католицизма! Это онъ и сдѣлалъ, дѣйствительно, тамъ, гдѣ позволяли особенно благопріятныя обстоятельства, напримѣръ, въ оказавшемъ упорное сопротивленіе Констанцѣ, — этотъ городъ вмѣстѣ съ своей имперской свободой лишился насильственнымъ путемъ и евангелической вѣры.

Однако, дѣйствовать всюду путемъ насилія не былъ въ состояніи даже побѣдитель шмалькальденскаго союза. Противодѣйствіе Магдебурга не было еще наказано, не было сломано и сопротивленіе всей Нижней Германіи. Помимо того, вѣдь и побѣдителемъ надъ союзомъ императоръ сдѣлался лишь благодаря содѣйствію нѣкоторыхъ протестантскихъ князей и благодаря невмѣшательству другихъ, также протестантскихъ. Если бы

даже онъ не принималъ во вниманіе княжества, остававшіяся нейтральными, то своихъ союзниковъ, во всякомъ случаѣ, онъ обязалъ вѣдь подчиниться лишь рѣшеніямъ собора. Между тѣмъ соборъ оказался какимъ-то воздушнымъ замкомъ и причинилъ ему самому лишь жестокое разочарованіе. Такимъ образомъ, для всѣхъ княжествъ евангелическаго вѣроисповѣданія, не покоренныхъ императоромъ во время войны, имѣли силу по существу прежнія, данныя императоромъ на предшествующихъ рейхстагахъ обѣщанія, согласно коимъ, со времени нюрнбергскаго мира, провозглашалась терпимость религіознаго раздѣленія княжествъ до созыва собора. Мы видимъ, въ какое затруднительное положеніе поставилъ папа императора.

Оставаясь на почвѣ права, императоръ долженъ былъ, слѣдовательно, снова дѣйствовать лишь по согласію съ рейхстагомъ, и — что являлось особенно важнымъ слѣдствіемъ всего создавшагося положенія вещей—весь тотъ совершенно новый порядокъ, который онъ теперь могъ установить, являлся уже съ самаго начала основаннымъ лишь на предположеніяхъ; онъ былъ и оставался дѣйствительнымъ лишь до всеобщаго собора. Если, на самомъ дѣлѣ, нельзя было добиться созыва собора отъ папы Павла III, то все же при глубокой уже старости этого папы оставалось, очевидно, не долго ждать того времени, когда при содѣйствіи новаго папы удастся созвать соборъ, и потому установленіе окончательнаго порядка отлагалось не въ слишкомъ дальній ящикъ. Къ установленію же временнаго соглашенія императоръ считалъ себя вынужденнымъ многими соображеніями. Уже въ силу своей прирожденной покорности церкви онъ никогда не позволилъ бы себѣ установить безъ одобренія высшей инстанціи столь важные законы, иначе какъ въ видѣ временнаго порядка, продиктованнаго острою нуждою. Онъ не могъ этого сдѣлать и въ видахъ католической партіи германскихъ княжествъ. Да и, наконецъ, какую вообще цѣль онъ преслѣдовалъ при установленіи новаго порядка въ религіозныхъ дѣлахъ? Вѣдь не стремился же онъ къ тому, чтобы мирно могли сосуществовать въ имперіи приверженцы старой и новой церкви! Вѣдь не могъ же онъ допустить, чтобы отпавшіе отъ католической церкви, склонившись предъ закономъ, изданнымъ императоромъ, согласились принять обратно значительную часть ученія и обычаевъ старой церкви и зато получили бы освященное закономъ разрѣшеніе сохранить остальныя свои уклоненія. Этого не должно было быть! Цѣль, которую преслѣдовалъ императоръ, была все та же, прежняя, извѣстная уже намъ: возстановленіе единства вѣры во что бы то ни стало, безусловное подчиненіе всѣхъ подданныхъ Германской имперіи святой католической церкви. Отсюда и та терпимость, которую онъ проявлялъ то въ томъ, то въ другомъ пунктѣ и которая обусловливалась лишь невозможностью сразу достичь этой цѣли.

Что уступки эти являются не болѣе, какъ временными, и относятся лишь къ переходной стадіи,—этого Карлъ ни на секунду не скрывалъ отъ протестантовъ, несмотря на всю свою ловкость и хитрость, не оставлявшихъ его и въ данномъ случаѣ. Его лозунгомъ было — „всѣ уступки лишь до церковнаго собора.“ „Объясненіе Его Римскаго Императорскаго Величества, какъ должна отправляться религія въ Священной Имперіи до постановленій общаго церковнаго собора“,—таковъ былъ титулъ новаго религіознаго закона, опубликованнаго 15-го мая 1548 года на аугсбургскомъ рейхстагѣ послѣ принятія его представителями имперскихъ сословій; вслѣдствіе своего временнаго лишь значенія

онъ получилъ вскорѣ названіе императорскаго временнаго закона—„интерима“.

Императоръ первоначально сдѣлалъ видъ, будто законъ этотъ долженъ быть дѣйствительнымъ для обѣихъ религіозныхъ партій. Однообразный порядокъ для всей имперіи требовалъ не только устраненія сквернаго подозрѣнія, будто интеримъ приспособленъ лишь для послѣдователей евангелическаго ученія, но и долженъ былъ соотвѣтствовать столь часто дававшемуся императоромъ обѣщанію „довести до быстраго примиренія и окончанія“ существующій расколъ въ религіи,—такое обѣщаніе давалось имъ еще осенью 1547 года въ началѣ рейхстага, открывшагося еще 1-го сентября въ Аугсбургѣ, переполненномъ войсками.

Однако, вскорѣ несогласіе Баваріи и духовныхъ членовъ сейма, которые уже въ самомъ началѣ засѣданій требовали примѣненія крутыхъ мѣръ въ пользу прежней церкви, дали императору желанный для него поводъ осуществить свое дѣйствительное намѣреніе,—онъ объявилъ, что законъ этотъ обязателенъ лишь для протестантовъ, тогда какъ остальныя области Германіи могутъ теперь, какъ и прежде, придерживаться положеній „обыкновенной христіанской церкви.“ Однако, его уловка не осталась безъ результатовъ! При помощи ея ему удалось для приведенія въ исполненіе своего плана заручиться содѣйствіемъ довѣрчиваго и близорукаго курфюрста Бранденбургскаго. Вмѣстѣ съ слабохарактернымъ курфюрстомъ Пфальцскимъ Іоахимъ II Бранденбургскій обязался на рейхстагѣ поднести императору проектъ этого „временнаго закона“, чтобы казалось, будто иниціатива исходитъ вообще со стороны послѣдователей евангелическаго ученія.

Но былъ ли Карлъ V вообще въ состояніи выполнить это дѣло? Въ этомъ заключался самый главный вопросъ, при этомъ не только для него одного. Между тѣмъ, необходимо было рѣшить этотъ серьезный вопросъ. Какъ замѣтилъ Ранке по другому поводу, это былъ „величайшій жизненный вопросъ для Европы и даже для всего міра.“ Если бы императору не удалось его начинаніе, онъ потерпѣлъ бы полное крушеніе, при томъ потерпѣлъ бы его въ тотъ самый моментъ, когда видѣлъ недалеко передъ собой вполнѣ надежную гавань!.. Въ такомъ случаѣ вся цѣль его жизни не была бы достигнута!

Сознавалъ-ли этотъ разсчетливый, дальновидный политикъ всю тяжесть предпріятія, которое онъ бралъ на себя изъ-за разрыва съ папою? Этого мы не знаемъ! Несомнѣннымъ кажется намъ, что онъ вѣрилъ въ свою удачу. И это, въ сущности, не можетъ намъ казаться особенно удивительнымъ. Онъ достигъ тогда апогея своего могущества. „Величайшимъ властителемъ Европы“ называетъ его даже Ранке, говоря объ этихъ годахъ его царствованія.

Карлъ располагалъ тогда такими могущественными силами, какихъ уже съ очень и очень давнихъ поръ не имѣлъ ни одинъ изъ его предшественниковъ. По словамъ Ранке „прошло болѣе 300 лѣтъ, какъ впервые стала сказываться въ Германіи великая всемогущая воля“. Все въ имперіи „склонялось передъ нимъ, все ему повиновалось...“ „Снова былъ въ Германіи единодержавный властитель, и каждый чувствовалъ, что Карлъ былъ именно таковымъ.“ Спрашивается: какъ могъ онъ самъ не чувствовать этого? И, дѣйствительно, несмотря на свойственную ему силу самообладанія, чувство это нерѣдко прорывалось въ гордомъ и властномъ обращеніи съ германскими князьями, въ невниманіи, съ которымъ онъ относился къ жалобамъ княжествъ на звѣрскую дикость его

испанскихъ и итальянскихъ наемниковъ, которыхъ онъ, къ тому же, по обязательству, принятому при своемъ избранiи, не имѣлъ вообще права вводить въ имперiю,—наконецъ,—въ проявленiяхъ своей ненависти къ ландграфу Гессенскому, котораго онъ не только предоставилъ въ Аугсбургѣ на поруганiе своихъ испанскихъ солдатъ, но и въ качествѣ трофея тащилъ за собою по улицамъ города.

Не обмануло-ли столь трезваго властителя въ данномъ случаѣ это чувство именно относительно истиннаго значенiя того, что на самомъ дѣлѣ было имъ достигнуто? Былъ-ли онъ дѣйствительно теперь фактически полнымъ властелиномъ въ своей имперiи, — иначе говоря, создалъ-ли онъ монархическую основу для своей императорской власти?

Всѣ тѣ знаки покорности, которые онъ получилъ на рейхстагѣ 1547—48 годовъ, вся успѣшность въ проведенiи желаемаго на этомъ рейхстагѣ не давали ему все же никакого права считать этотъ вопросъ рѣшеннымъ утвердительно. Имперiя, давно уже выходившая изъ всѣхъ рамокъ повиновенiя, оставалась прежнею. Всѣ попытки измѣненiя основныхъ устоевъ терпѣли крушенiе,—онѣ разбивались объ упорство имперскихъ чиновъ и о глубоко коренящееся стремленiе къ свободѣ, короче говоря, разбивались о старинныя имперскiя „вольности.“

Такое приближающееся къ анархiи поведенiе имперскихъ чиновъ, такое пассивное отношенiе ихъ къ законамъ не было еще сломлено,—въ этомъ императору пришлось убѣдиться какъ разъ на своемъ церковномъ законѣ, на интеримѣ, тѣмъ болѣе, что этимъ закономъ онъ до глубины души оскорбилъ германскiй народъ, остававшiйся ему теперь, какъ и прежде, чуждымъ.

Выступая въ качествѣ диктатора въ дѣлахъ религiи, Карлъ натолкнулся на упорнѣйшее сопротивленiе. Даже по прошествiи 3—4 лѣтъ онъ почти ничего еще не достигъ. Въ нѣкоторыхъ областяхъ церковный императорскiй законъ, извѣстный подъ названiемъ аугсбургскаго интерима, открыто и окончательно былъ отринутъ, какъ это произошло въ сѣверной Германiи, въ другихъ княжествахъ, напримѣръ, въ Альбертинской Саксонiи онъ примѣнялся въ значительно смягченной формѣ, да и то лишь наполовину. И даже тамъ, гдѣ внѣшнимъ образомъ принуждены были ему подчиниться, какъ, напримѣръ, въ южной Германiи, уступчивость эта была лишь кажущейся.

Такимъ образомъ, тиранническая церковная политика императора не увѣнчалась успѣхомъ. Она лишь повредила ему самому,—ужасающiй отраженный ударъ, который сбросилъ со своего пути побѣдителя шмальକальденскаго союза и великаго властителя Европы, въ немалой степени былъ результатомъ этой именно политики.

Впрочемъ, великое возстанiе германскихъ князей 1552 г. имѣетъ еще и другое основанiе. Въ теченiе наступившей реакцiи императоръиспанецъ получилъ возмездiе и за свое властолюбiе, и за свой эгоизмъ: эти его качества сдѣлали ему чуждыми германскихъ князей, при томъ князей католическихъ, не менѣе, чѣмъ протестантскихъ. Всѣ чувствовали, что честь ихъ задѣта, что свобода ихъ находится въ опасности. Можно сказать, что теперь германскiе князья, всѣ до единаго, возстали противъ этого чужеземца, старавшагося добиться монархической власти въ имперiи, причемъ одни оказывали сопротивленiе въ тиши, другiе перешли къ открытому возстанiю.

Развившiеся давно уже династическiе интересы отдѣльныхъ княжествъ возрасли и окрѣпли, какъ только князья почувствовали, что еще

разъ имъ угрожаетъ опасность, — теперь они начали бороться за свое собственное существованіе, независимо отъ того отношенія къ религіознымъ вопросамъ, какое было въ это время въ данномъ княжествѣ. Тѣмъ не менѣе, несправедливъ былъ бы упрекъ, что княжества побуждались исключительно лишь эгоистическими чувствами. Скорѣе можно сказать, что основнымъ мотивомъ возстанія было живое національное чувство, а у нѣкоторыхъ изъ предводителей и религіозныя побужденія. Какъ бы то ни было, борьба эта защитила германскій народъ отъ грубаго насилія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, бросила сѣмена того здороваго партикуляризма, того областного чувства, которое въ настоящее время представляетъ собою одно изъ преимуществъ нѣмецкаго государства и является источникомъ разнообразія и богатства его внутренней жизни.

Мы знаемъ, съ какою лояльностью относились германскіе князья къ императору. Теперь, однако, кровь ихъ все же закипѣла. Первоначально на это вліяли, быть можетъ, и ихъ личныя переживанія при знакомствѣ съ императоромъ. Многимъ изъ имперскихъ князей пришлось на себѣ испытать его высокомѣрное обращеніе и невѣроятную дерзость его чужеземной „челяди", напримѣръ, герцога Альбы и молодого Гранвеллы.

Точно также производило невыгодное впечатлѣніе продолжительное пребываніе въ странѣ испанскихъ войскъ, которыя позволяли себѣ брать все, что̀ имъ заблагоразсудилось,—императоръ предполагалъ покрыть ими всю Верхнюю Германію, какъ сѣтью; князья видѣли въ этомъ и оскорбленіе, и угрозу себѣ. Еще большее негодованіе вызывало все еще продолжавшееся содержаніе въ тюрьмѣ ландграфа Филиппа и позорное съ нимъ обхожденіе; почти всѣ свѣтскіе князья просили отпустить его, но постоянно наталкивались при этомъ на категорическій отказъ.

Однако, главнымъ толчкомъ къ возстанію былъ проектъ императора о наслѣдованіи испанскаго престола. Карлъ совершенно серьезно собирался гарантировать своему сыну Филиппу императорскую корону. Этимъ, какъ говоритъ Ранке, „завершились бы окончательно всѣ его планы", въ этомъ смыслѣ „всѣ его религіозныя и политическія идеи сходились съ личнымъ и династическимъ честолюбіемъ". Уже въ концѣ 1548 г. онъ велѣлъ наслѣднику испанскаго престола пріѣхать въ Германію, и здѣсь Филиппъ, со свойственнымъ ему неумѣньемъ, старался завоевать себѣ благорасположеніе князей и общественнаго мнѣнія. Насколько серьезны были его старанія, видно было изъ того, что онъ рѣшался принимать участіе даже въ попойкахъ князей. Среди послѣднихъ кое-кто видѣлъ уже въ Филиппѣ своего будущаго повелителя. Весьма мало доволенъ этимъ планомъ императора былъ, однако, король Фердинандъ. Дѣло доходило до серьезныхъ столкновеній между обоими братьями. Въ концѣ концовъ, однако, въ мартѣ 1551 года, Фердинандъ и его старшій сынъ Максимиліанъ дали свое согласіе на то, что послѣ смерти императора Карла Фердинандъ будетъ императоромъ, а Филиппъ—римскимъ королемъ, послѣ же смерти Фердинанда Филиппъ получитъ императорскій престолъ, а Максимиліанъ—римскую корону.

Что̀ стало бы съ Германіей, если бы испанская міровая власть дѣйствительно завладѣла императорской короной? Одна мысль о такой возможности повергаетъ насъ и теперь въ ужасъ! Намъ хорошо извѣстно, какъ и безъ того тяжело давила Испанія на всю Европу Новаго Времени.

При упомянутомъ соглашеніи Фердинандъ самъ вызвался подать свой голосъ на имперскихъ выборахъ въ пользу Филиппа и онъ сдер-

жалъ свое слово. Онъ могъ, однако, съ полнымъ удовлетворенiемъ убѣдиться въ томъ, что въ избирательной коллегiи всѣ три католическихъ князя, со всѣми тремя протестантскими, единогласно отклонили избранiе испанскаго властителя.

Тѣснаго согласiя, продолжавшагося между обоими братьями въ теченiе многихъ десятилѣтiй, теперь уже не было. Волей-неволей Фердинандъ сблизился съ германскими князьями, въ особенности съ курфюрстомъ Морицомъ Саксонскимъ, тѣмъ самымъ, который вскорѣ долженъ былъ сдѣлаться главою революцiоннаго возстанiя противъ императора.

Въ качествѣ предводителя союзниковъ Морицъ Саксонскiй чувствовалъ себя совершенно въ своей сферѣ. Какъ ранѣе ему удавалось держать всѣ нити заговора въ своихъ рукахъ, такъ и теперь онъ сумѣлъ перехитрить императора и прикрыть всѣ свои намѣренiя густымъ и непроницаемымъ покровомъ тайны. Карлъ V и не подозрѣвалъ, какого способнаго ученика онъ воспиталъ себѣ въ этомъ молодомъ германскомъ князѣ!

Въ то время императоръ, чтобы слѣдить вблизи за происходящимъ на церковномъ соборѣ, пребывалъ въ Иннсбрукѣ. Курфюрстъ Морицъ также обѣщалъ, что прiѣдетъ туда въ серединѣ января 1552 года. Затѣмъ онъ все откладывалъ свой прiѣздъ, но при этомъ всегда посылались сообщенiя, объясняющiя отсрочку и указывающiя, что онъ прiѣдетъ позже. Наконецъ, въ Иннсбрукѣ появился даже его квартирмейстеръ. Въ то же время Морицъ переслалъ императору два письма французскаго короля, въ которыхъ содержались соблазнительныя предложенiя ему, Морицу, въ томъ случаѣ, если онъ станетъ на сторону короля въ предположенной его войнѣ съ Карломъ.

Карлъ чувствовалъ себя въ полной безопасности,—безпечность его была такъ велика, какъ никогда ранѣе. Министръ его молодой Гранвелла, епископъ Аррасiй, отклонилъ также всѣ предостереженiя и не обращалъ вниманiя на свѣдѣнiя, получавшiяся имъ о томъ, что происходитъ въ Германiи, и о существующемъ тайномъ соглашенiи съ Францiей, — этихъ нѣмецкихъ простаковъ нечего было бояться! Когда же глаза императора открылись, то было уже слишкомъ поздно для отраженiя нападенiя, — было даже слишкомъ поздно бѣжать на западъ, что онъ попытался сдѣлать. Ни съ одной стороны не приходила къ нему помощь. Католическiе князья, которыхъ онъ просилъ, Баварiя, духовныя княжества,—всѣ отдѣлывались одними обѣщанiями. Тѣ сѣмена неудовольствiя, которыя онъ посѣялъ, приносили теперь свои плоды!

Фердинандъ также не могъ помочь,—у него было слишкомъ много хлопотъ съ турками. Между тѣмъ, войска союзниковъ находились уже на пути въ Аугсбургъ, который и открылъ имъ 4-го апрѣля свои ворота. Императору волей-неволей пришлось прибѣгнуть къ переговорамъ со своими противниками,—въ качествѣ посредника дѣйствовалъ его братъ. 18-го апрѣля король Фердинандъ и Морицъ Саксонскiй сошлись въ Линцѣ. Здѣсь они вели переговоры и установили, что будетъ организованъ съѣздъ германскихъ князей въ Пассау „съ цѣлью устраненiя ошибокъ и недостатковъ германской нацiи“. Было постановлено устроить перемирiе, которое должно было начаться, какъ было позднѣе установлено, 26-го мая. Промежутокъ времени до этого перемирiя хотѣли использовать для нанесенiя Карлу еще одного удара.

19-го мая они заняли Эренбергское ущелье, и такъ какъ теперь Тироль былъ весь передъ ними открытъ, то они могли „изловить лисицу

въ ея собственной норѣ". Однако, вечеромъ этого дня императоръ бѣжалъ черезъ Бреннеръ. Морицъ, задержанный своими взбунтовавшимися ландскнехтами, попалъ въ Иннсбрукъ лишь 23-го мая.

Тѣмъ не менѣе, императоръ сдержалъ обѣщанія, данныя соглашеніемъ въ Линцѣ. Съѣздъ въ Пассау состоялся, и, вопреки волѣ императора, положилъ основаніе миру среди имперскихъ сословій.

Военные успѣхи союзниковъ, пораженіе, которое они нанесли императору, не остались безъ вліянія и на католическія княжества. Вполнѣ естественно поэтому, что послѣднія обнаружили теперь склонность къ миру, и Морицъ удачно провелъ не только свои главнѣйшія политическія требованія, изъ которыхъ особенно важно для него было освобожденіе ландграфа, но и нѣкоторыя религіозныя, стоявшія съ самаго начала въ намѣченной имъ программѣ.

Уже въ манифестѣ князей, которые вели войну съ императоромъ, приводилась жалоба на отмѣну тѣхъ обѣщаній и увѣреній, которыя ранѣе были даны протестантамъ на предыдущихъ рейхстагахъ. Мы совершенно неправильно поняли бы самый характеръ войны 1552 г., если бы оставили безъ вниманія этотъ существенный мотивъ,—она являлась во всѣхъ отношеніяхъ отвѣтомъ на тотъ ударъ, который Карлъ V нанесъ протестантамъ въ 1546 г. Поэтому послѣ побѣды князей для нихъ являлось подразумѣвающимся само собой условіемъ мира возстановленіе того благопріятнаго положенія, которое завоевалъ себѣ протестантизмъ въ 1544 г. въ Шпейерѣ. И на самомъ дѣлѣ, уступки, сдѣланныя въ Шпейерѣ, послужили Морицу Саксонскому въ Пассау исходными точками для его требованій.

Свое великое историческое значеніе съѣздъ въ Пассау получилъ, однако, благодаря тому, что теперь главный защитникъ протестантизма во время хода переговоровъ постепенно расширялъ свои требованія и, въ концѣ концовъ, добился значительно болѣе широкихъ уступокъ протестантамъ. Такой уступкой являлось обѣщаніе мира, независимо ни отъ какого собора и ни отъ какого возможнаго уравненія въ религіозныхъ вопросахъ,—это было, слѣдовательно, окончательное признаніе права на существованіе протестантизма, какъ религіи.

Правда, на самомъ дѣлѣ, въ данномъ случаѣ былъ созданъ лишь фундаментъ для позднѣйшаго мира. Императоръ упорно не соглашался подписать постановленіе съѣзда—предоставленіе протестантамъ „вѣчнаго мира" безъ предварительнаго всеобщаго собора являлось бы противнымъ его убѣжденіямъ. Его удалось склонить лишь на два обѣщанія: во-первыхъ, отпустить ландграфа (старому курфюрсту Іоанну-Фридриху онъ давно уже предоставилъ свободу) и, во-вторыхъ, еще разъ на новомъ рейхстагѣ поставить на обсужденіе вопросъ о религіи. Онъ обѣщалъ, слѣдовательно, лишь временный миръ до ближайшаго рейхстага.

Такимъ образомъ, не удалось достигнуть того, къ чему стремился Морицъ и что было въ то же время единодушнымъ желаніемъ всего съѣзда князей, не исключая и короля Фердинанда. Тѣмъ не менѣе, Морицъ Саксонскій вмѣстѣ съ ландграфомъ Гессенскимъ и Іоанномъ-Альбрехтомъ Мекленбургскимъ подписали этотъ „Пассаускій договоръ" (2 августа 1552 г.), предоставляющій временный миръ; они были къ тому принуждены, такъ какъ къ императору собирались уже войска, и какъ ранѣе подъ Ульмомъ, такъ и теперь подъ сильно укрѣпленнымъ Франкфуртомъ силы союзниковъ потерпѣли пораженіе.

Морицъ могъ, въ концѣ концовъ утѣшаться тѣмъ, что хоть нѣко-

торый успѣхъ все же выпалъ на его долю,—союзники отнюдь не стояли „на томъ самомъ мѣстѣ, на какомъ они были до войны", какъ это полагаетъ одинъ выдающійся историкъ. Скорѣе можно сказать, что они заняли положеніе, которымъ они владѣли до разгрома шмалькальденскаго союза: сила интерима была сломлена, и императоръ до поры до времени былъ связанъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Онъ не могъ отомстить своимъ противникамъ, и, такимъ образомъ, новая великая война въ имперіи была предотвращена.

Прошелъ все же рядъ лѣтъ, пока собрался, наконецъ, обѣщанный рейхстагъ, который долженъ былъ теперь еще разъ заняться величайшимъ вопросомъ этого столѣтія. Это произошло въ февралѣ 1555 г. въ Аугсбургѣ.

Между тѣмъ Германія находилась въ состояніи почти полнаго хаоса, изъ котораго лишь постепенно выплываютъ элементы порядка. Императоръ, начиная теперь войну съ Франціей, привлекъ на свою сторону маркграфа Альбрехта съ его большимъ войскомъ и простилъ ему разбойничье нападеніе на епископовъ Бамбергскаго и Вюрцбургскаго,—уже изъ этого можно было видѣть, что отъ главы государства нельзя было ничего ожидать въ смыслѣ установленія спокойствія и порядка въ странѣ. Германская имперія имѣла для него цѣну лишь постольку, поскольку она составляла одно цѣлое со всѣми остальными его государствами. Теперь, какъ и ранѣе, всѣ его стремленія были направлены къ возвышенію монархической власти. Кромѣ того, послѣ неудачной попытки отвоевать обратно Мецъ (это было уже второе пораженіе, испытанное имъ въ теченіе года) онъ отправился уже въ началѣ 1553 г., усталый и почти сломленный обстоятельствами, въ Нидерланды. Императоръ при этомъ даже не подумалъ о томъ, чтобы сколько-нибудь сократить своего дикаго союзника, маркграфа Альбрехта Бранденбургъ-Кульмбахскаго, который вихремъ носился по Германіи, уничтожая, выжигая и грабя все на своемъ пути. Имперскіе князья увидѣли, что имъ самимъ приходится заботиться о поддержаніи права въ имперіи; имъ, разумѣется, было ясно, что при этомъ вопросы религіозные должны отступить на второй планъ. Первѣйшею задачей являлось сохраненіе мира въ странѣ. Надо было позаботиться о томъ, чтобы никто не боялся нападенія и чтобы каждый могъ жить въ мирѣ и спокойствіи. Для достиженія этого отдѣльныя группы князей соединились безъ всякаго отношенія къ религіознымъ подраздѣленіямъ.

Замѣчательнымъ образомъ, однако, южная Германія отличалась въ этомъ отношеніи отъ сѣверной.

На югѣ, въ мартѣ 1553 г., Пфальцъ, Майнцъ, Триръ, Клеве, Вюртембергъ и Баварія соединились въ такъ называемый „Гейдельбергскій союзъ", чтобы гарантировать себѣ нейтралитетъ въ угрожавшей тогда войнѣ между маркграфомъ Альбрехтомъ и франконскими епископами. Этотъ союзъ являлся безсильнымъ порожденіемъ страха и не имѣлъ сколько-нибудь глубокаго значенія, какъ то было недавно доказано Карломъ Бранди, въ противоположность къ неоднократно высказывавшемуся ранѣе мнѣнію о большомъ вліяніи этой группы нейтральныхъ князей.

Сѣверный союзъ, главной движущей пружиной котораго былъ опять-таки курфюрстъ Морицъ, наоборотъ, обнаруживалъ политическую силу, какой не хватало южному. Этотъ союзъ энергично дѣйствовалъ противъ тѣхъ военныхъ предпріятій, надъ которыми южный безмолвно наблюдалъ, охраняя свой слабый нейтралитетъ.

Въ ландграфѣ Альбрехтѣ, который не прекращалъ своихъ разбойничьихъ походовъ по Германіи, Морицъ Саксонскій видѣлъ опаснаго противника, тѣмъ болѣе, что и императоръ все еще не отказался отъ его поддержки. Король Фердинандъ также чувствовалъ себя въ опасности. Вполнѣ естественно было Саксоніи и Австріи объединиться, особенно въ виду того, что со времени появленія проекта объ испанскомъ наслѣдствѣ онѣ все болѣе и болѣе сближались между собою. Точно также естественно было соединиться имъ и съ франконскими епископами, а равно и съ герцогомъ Генрихомъ Вольфенбюттельскимъ, на котораго также напалъ маркграфъ Альбрехтъ. Морицъ ни на минуту не остановился передъ тѣмъ, что ему приходилось протягивать руку ненавистнымъ прелатамъ и одному изъ старыхъ враговъ протестантизма. Борьбу съ Альбрехтомъ онъ велъ не только въ видахъ собственной безопасности и не для одного возстановленія спокойствія въ имперіи, но также для поддержанія Пассаускаго договора, сильнѣйшею опорою котораго онъ себя считалъ, а слѣдовательно—и для поддержанія протестантизма.

Эта борьба, какъ извѣстно, положила конецъ геройской жизни курфюрста Морица. Онъ былъ смертельно раненъ въ битвѣ при Сиверсгаузенѣ 9 іюля 1553 г., но ему удалось еще насладиться своей побѣдой, и въ письмѣ къ епископу Вюрцбургскому, давая отчетъ объ этомъ сраженіи, онъ могъ похвалиться тѣмъ, что „все предпринятое имъ противъ этого разбойника онъ дѣлалъ изъ особаго рвенія къ поддержанію мира, спокойствія и единенія священной имперіи“. Когда состояніе его здоровья ухудшилось, онъ спокойно сдѣлалъ всѣ приготовленія и распоряженія и затѣмъ, „по христіански и блаженно“, какъ выразился его двоюродный братъ Іоаннъ-Фридрихъ, скончался утромъ 11-го іюля. Карлъ V освободился отъ своего опаснѣйшаго врага, Германія же потеряла одного изъ даровитѣйшихъ своихъ сыновъ, который, быть можетъ, былъ бы въ состояніи предохранить ее отъ ужасовъ Тридцатилѣтней войны,—на это насъ наводитъ то соображеніе, что при заключеніи Аугсбургскаго мира въ 1555 году очень и очень не хватало такого человѣка, какъ Морицъ.

Итакъ, въ концѣ концовъ, въ 1555 г. можно было снова приняться за разрѣшеніе главнѣйшаго вопроса, который пытались рѣшить въ духѣ примиренія еще на Нассаускомъ съѣздѣ. Тогда, однако, рѣшеніе это не состоялось изъ-за упорной преданности католицизму императора Карла V. Новаго препятствія съ этой стороны нечего было теперь опасаться. Подобно тому, какъ въ дѣлахъ успокоенія политическихъ волненій имперія была предоставлена самой себѣ, такъ и исцѣленіе религіозныхъ ранъ ея было предоставлено ей самой. Въ теченіе двухъ лѣтъ императоръ какъ бы умеръ для имперіи, — лишь одна-другая бумажка, отъ времени до времени приходившая изъ Брюсселя, свидѣтельствовала о томъ, что онъ еще живъ. И теперь, когда еще разъ онъ могъ бы рѣшительно вмѣшаться въ дѣло, онъ упустилъ это сдѣлать, если не формально, то фактически.

Это было признаніе безсилія,—онъ не могъ одержать верхъ надъ Мартиномъ Лютеромъ! Но исполненный гордости, съ высоко поднятой головой покидаетъ онъ арену дѣйствій,—честь его остается незатронутой. Онъ предоставляетъ совершаться тому, чему онъ не можетъ воспрепятствовать, но никакая сила въ мірѣ не можетъ заставить его самого содѣйствовать, закрѣплять или какимъ-нибудь способомъ признавать то, что онъ осудилъ, что онъ считалъ отвратительнымъ. Совѣсть его остается чистой. Поэтому онъ не хочетъ болѣе „впутываться“ въ дѣла религіи и передаетъ полную власть своему брату, римскому королю, который вскорѣ

долженъ занять его мѣсто, стать императоромъ,—онъ предоставляетъ брату „вести переговоры и скрѣплять договоры, предоставляетъ власть полную и абсолютную". Пусть самъ Фердинандъ, приверженность котораго къ католической вѣрѣ онъ знаетъ, рѣшитъ, какъ поступать въ случаѣ крайней необходимости,—конечно, онъ спасетъ все, что можно спасти!

Въ своемъ довѣріи къ брату Карлъ не ошибся.

Король Фердинандъ не могъ, правда, не поступиться нѣкоторыми принципами средневѣковой церкви, но въ остальномъ онъ, въ союзѣ съ духовными имперскими княжествами, обнаружилъ такое упорство, котораго мы не можемъ не признать, и, вопреки всякимъ ожиданіямъ, спасъ очень многое,—спасъ существованіе римско-католической церкви въ германской имперіи.

Но надо сказать, что и съ противной стороны боролись съ величайшимъ упорствомъ, стараясь не слишкомъ уменьшить на практикѣ то, что было рѣшено признать въ принципѣ. И если приверженцы стараго развили все же большую степень энергіи, то это легко объясняется измѣнившимся соотношеніемъ партій. Мы находимъ теперь какъ разъ обратныя отношенія по сравненію съ первоначальнымъ положеніемъ дѣлъ: на прежнихъ рейхстагахъ (1526, 1529, 1530 г.г. и т. д.) новое вѣроученіе боролось за свое существованіе, теперь же „старая религія" принуждена была бороться за свое существованіе или, по меньшей мѣрѣ, за свое будущее.

Такимъ образомъ, это собраніе, долженствовавшее заключить миръ, являло собою картину, какую нерѣдко приходится видѣть на мирныхъ конгрессахъ,—здѣсь еще разъ борются между собою жестоко обѣ партіи, борьба тянется долго, шесть мѣсяцевъ, и ведется упорно, даже не безъ примѣненія довольно скверныхъ уловокъ, но все же—это борьба за миръ, и съ обѣихъ сторонъ проявляется желаніе навсегда вложить въ ножны боевой мечъ.

Партіи желали примириться и онѣ примирились. Аугсбургскій миръ, оффиціально объявленный въ заключительномъ постановленіи рейхстага 25 сентября 1555 г., создалъ въ имперіи новое право и былъ, на самомъ дѣлѣ, не чѣмъ инымъ, какъ мирнымъ договоромъ между обѣими партіями,—между его императорскимъ величествомъ, какъ значилось въ этомъ документѣ, и имперскими государствами, преданными „старой религіи", съ одной стороны, и имперскими государствами „аугсбургскаго вѣроисповѣданія"—съ другой.

Какъ должны мы смотрѣть на это событіе, являющееся однимъ изъ важнѣйшихъ въ новой исторіи? Еще и по сію пору мнѣнія о немъ сильно расходятся. Повелъ ли Аугсбургскій миръ ко благу Германіи или, напротивъ, къ ея гибели?

Рѣшающимъ моментомъ было то, что въ Аугсбургѣ въ основу обсужденія рейхстага былъ положенъ „Нассаускій договоръ", при томъ въ его первоначальной формѣ, а не въ томъ видѣ, въ какомъ онъ оказался послѣ операціи, которой его подвергъ императоръ.

Этимъ рѣшался уже принципіальный вопросъ въ пользу протестантовъ, такъ какъ имъ обѣщался „постоянный, непрерывный, безусловный и на вѣчныя времена продолжающійся миръ".

Этимъ уничтожался принципъ единства западнаго христіанскаго міра, и разбивалась въ то же время цѣпь для имперіи, цѣпь столь же давняго происхожденія, какъ сама имперія. Область германской имперіи

и царство римско-католической церкви теперь не были уже понятіями, покрывающими одно другое. Тираническія притязанія папской церкви на единодержавіе въ имперіи были устранены. Религія перестала лишать часть германскихъ государствъ ихъ правъ. Теперь существовала уже „ересь", которая не составляла болѣе государственнаго преступленія, ибо по имперскому закону теперь имѣлись двѣ христіанскія религіи, одинаково равныя передъ закономъ, — это была вещь немыслимая для средневѣковаго христіанина. Одна мысль о ней наполнила бы его ужасомъ и отчаяніемъ.

Никто изъ историковъ не будетъ отрицать, что этимъ самымъ былъ сдѣланъ огромный шагъ впередъ. И, тѣмъ не менѣе, новая религіозная идея, высказанная впервые Лютеромъ, осуществилась въ этомъ великомъ шагѣ лишь въ видѣ своего скромнаго перваго начала. „Вѣра" Лютера, бывшая въ высшей степени личной и свободной, по самому существу своему исключала всякое государственное принужденіе. Самъ Лютеръ, какъ мы видѣли, въ первые дни реформаціи извлекалъ изъ этого соотвѣтствующіе выводы. Мы помнимъ вырвавшіяся у него бурныя слова, которыя острыми стрѣлами вонзились въ сердце принудительной по существу средневѣковой церкви: „къ вѣрѣ никого нельзя принудить и не слѣдуетъ принуждать... ересь — дѣло духовное, ее нельзя вырѣзать никакимъ желѣзомъ, нельзя выжечь никакимъ огнемъ, нельзя залить никакой водой", „Богъ не можетъ и не желаетъ, чтобы кто-нибудь правилъ душою человѣка, за исключеніемъ его самого, поэтому, гдѣ свѣтская власть осмѣливается диктовать законы для души, тамъ самъ Господь Богъ правитъ ею". Такъ писалъ реформаторъ въ 1523 году, а два года спустя въ своемъ посланіи за и противъ крестьянъ онъ говорилъ: „Правящая власть не должна запрещать никому что-либо проповѣдывать или во что-либо вѣрить — все равно, будетъ ли то Евангеліе или сплошная ложь".

Мы видимъ, какъ здѣсь изъ основного религіознаго принципа вполнѣ опредѣленно возникаетъ въ сущности заключающійся уже въ немъ принципъ полной свободы вѣры и свободы совѣсти. Онъ здѣсь, однако, лишь вспыхиваетъ, ничего не зажигая. Условія не благопріятствовали тому, чтобы онъ тотчасъ же былъ проведенъ въ жизнь. Вообще въ исторіи не бываетъ, чтобы великія, составляющія эпоху въ развитіи человѣчества идеи внезапно и сразу получали полное господство. Поэтому для насъ вовсе неудивительно, что Лютеръ на практикѣ не придерживался этого своего радикальнаго требованія, такъ какъ этому препятствовали соображенія, понятныя уже сами по себѣ: ему приходилось довольствоваться преслѣдованіемъ задачъ даннаго момента. Эти задачи заставляли его заниматься реальною политикой, которая, впрочемъ, ему, какъ вовсе не идеалисту и не теоретику, была и болѣе по сердцу. И все болѣе и болѣе скрывались передъ нимъ слѣдствія, вытекающія изъ его основного принципа вѣры, хотя отъ этого принципа онъ никогда самъ и не отрекался

Но кто же могъ снова поднять и провести этотъ оставленный Лютеромъ принципъ? Могли ли это сдѣлать евангелическія имперскія государства, которыя работали въ Аугсбургѣ надъ разрѣшеніемъ религіознаго вопроса? Если бы мы даже допустили, что они, дѣйствительно, ясно сознавали его, то провести его было бы все же выше ихъ силъ, — они не могли бы вдохнуть въ него жизнь. Они весьма мало были въ состояніи преслѣдовать какіе бы то ни было абстрактные принципы. Всѣ мысли ихъ могли быть направлены лишь къ одному, — отстоять самихъ

себя, добиться права существованія для самихъ себя, иначе говоря, для своего понимавія христіанскаго вѣроученія. Поэтому въ Аугсбургѣ дѣло касалось, наравнѣ со „старой“ религіей, исключительно лишь ихъ собственной религіи. Они безусловно, главнымъ образомъ, старались достигнуть абсолютнаго равноправія обѣихъ религій.

Миръ являлся соглашеніемъ между собою имперскихъ сословій, даваемыя имъ преимущества касались, прежде всего, князей, „свободнаго рыцарскаго сословія“, равно какъ и „свободныхъ людей имперскихъ городовъ“, но отнюдь не всѣхъ подданныхъ. Территоріальное разъединеніе Германіи привело къ тому, что всюду въ имперіи правящая власть опредѣляла собою и религію. Аугсбургскій рейхстагъ ввелъ въ имперскіе законы положеніе о территоріальномъ соотвѣтствіи религіи съ вѣроисповѣданіемъ правителя („cujus regio, ejus religio“): по этому закону подданные должны были руководствоваться религіей своего повелителя, по крайней мѣрѣ, въ обыкновенныхъ случаяхъ, такъ какъ допускались и исключенія.

Конечно, это было совершенно не евангелическое и даже противорѣчащее духу протестантизма постановленіе. И тѣмъ не менѣе, оно все же представляло собою огромный шагъ впередъ,—не даромъ и сейчасъ еще оно такъ рѣжетъ римско-католическое ухо! Это постановленіе сломило единодержавіе римской церкви и даже единодержавіе церкви вообще! Вѣдь тѣ свѣтскія власти, которымъ на протестантскихъ территоріяхъ передавалась власть надъ религіей, никогда не могли на долго сдѣлаться покорными слугами тираннически распоряжающейся церкви

Какъ бы то ни было, Аугсбургскимъ миромъ ни въ коемъ случаѣ не было предоставлено каждому свободно выбирать между старой и новой церковью, хотя и допускалось право переселенія иначе вѣрующихъ подданныхъ,—они могли продать свое имущество и переселиться со своими семьями въ область, гдѣ ихъ вѣра не подвергалась гоненіямъ.

Если, такимъ образомъ, религіозная свобода подданныхъ оставалась все же недостигнутой, то это никоимъ образомъ не нарушало поставленнаго во главѣ принципа равенства церквей. По тогдашнему положенію вещей, однако, для римско-католической церкви это было неоцѣненное преимущество. Подъ властью протестантскихъ князей было невелико число тѣхъ, кто стремился перейти обратно въ лоно католической церкви. За то властители-католики принуждены были бороться съ сильнѣйшими симпатіями своихъ подданныхъ къ переходу въ евангелическую вѣру, и если и не вездѣ, то во всякомъ случаѣ во многихъ мѣстахъ средневѣковая церковь лишь едва-едва держалась среди населенія.

Такимъ образомъ, отсутствіе права свободнаго выбора религіи до извѣстной степени изуродовало жизнь народа.

Дѣло въ томъ, что Аугсбургскій миръ не могъ считаться съ настоящимъ положеніемъ вещей, какъ съ положеніемъ вѣчнымъ. Онъ долженъ былъ принять во вниманіе то обстоятельство, что въ будущемъ то или иное княжество можетъ перейти отъ католической религіи къ евангелической или, наоборотъ, вернуться изъ протестантизма въ католицизмъ. При полномъ равенствѣ обѣихъ религій, какъ тотъ, такъ и другой переходъ долженъ былъ быть совершенно одинаково допустимъ. Католическія имперскія сословія, въ общемъ, были съ этимъ согласны, сдѣлавъ, однако, слѣдующую оговорку: духовному князю разрѣшается переходъ въ протестантизмъ, но при этомъ онъ долженъ утратить свою должность и званіе. Формулировка закона гласила: „если кто-либо изъ

духовныхъ лицъ отступитъ отъ старой религіи, то онъ долженъ оставить свое архіепископство, епископство или тому подобное, церковные же капитулы должны избрать и утвердить новое лицо на его мѣсто, исповѣдующее старую религію". Духовные князья упорно настаивали на этомъ требованіи, евангелическіе же настойчиво его отвергали. Это былъ спорный пунктъ, о который грозило разбиться все дѣло. Два совершенно противоположныхъ проекта были представлены королю. Фердинандъ сталъ энергично и опредѣленно на сторону духовныхъ князей, — его рѣшеніе было окончательно: онъ, уже скрѣпя сердце, долженъ былъ согласиться на многое, пусть теперь, хотя бы разъ, уступятъ и противники. Зато онъ старался теперь добиться согласія духовныхъ князей на встрѣчное требованіе, предъявленное протестантами.

Пунктъ о перемѣнѣ вѣры духовными князьями представляется, такимъ образомъ, какъ бы неизгладимымъ препятствіемъ и придаетъ Аугсбургскому миру характеръ компромисса, несущаго въ самомъ себѣ сѣмена раздора. Неизбѣжно долженъ былъ возникнуть вопросъ: какова правовая сила этого изданнаго „на основаніи императорскихъ полномочій" постановленія, относительно котораго князья не пришли къ соглашенію? Очевидно, что это постановленіе не могло быть поставлено на равную ступень съ законами, изданными въ заключительномъ постановленіи рейхстага. „Деклараціи", дававшіяся въ прежнія времена императоромъ Карломъ V протестантскимъ князьямъ, католическая партія никогда не считала для себя обязательными.

Но, и кромѣ того, мирный договоръ давалъ не мало различныхъ поводовъ къ неудовольствію: въ немъ находился цѣлый рядъ, иногда проистекавшихъ отъ плохой редакціи, двусмысленныхъ и неясныхъ опредѣленій. Можно даже, пожалуй, сказать, что весь договоръ представлялъ собою въ цѣломъ крайне запутанный клубокъ. При помощи именно этого мира, давшаго протестантизму въ Германіи право на существованіе, католическая церковь была въ состояніи при тѣхъ благопріятныхъ условіяхъ, которыя сложились въ ближайшее десятилѣтіе, не только противодѣйствовать все болѣе и болѣе сильному напору реформаціоннаго движенія, но даже и отвоевать обратно значительную часть области, отнятой нѣкогда у католицизма.

Въ 1555 году, однако, никто не могъ предсказать съ увѣренностью такого результата. Въ то время вѣдь нельзя было еще и подозрѣвать, что католицизмъ получитъ снова безпримѣрное развитіе. Тогда были возможны и всякія другія комбинаціи, и надежды протестантовъ, что въ теченіе ряда лѣтъ имъ удастся исправить недостатки Аугсбургскаго мира, казались вовсе не пустыми мечтами!

Аугсбургскій миръ, какъ нельзя не признать, желая дать ему правильную историческую оцѣнку, соотвѣтствовалъ въ общемъ лишь тому соотношенію силъ обѣихъ партій въ имперіи, которое существовало въ данный моментъ. Католическая партія, по опыту послѣднихъ лѣтъ, т.-е. послѣ побѣдоноснаго подъема протестантизма и послѣ того, какъ императоръ со своимъ міровымъ могуществомъ устранился, не могла и думать о томъ, чтобы одержать верхъ надъ противниками. Съ другой стороны, шмалькальденская война затемняла кругозоръ протестантовъ, сдѣлавъ мало вѣроятными надежды ихъ втянуть въ процессъ перестройки имперіи на новыхъ евангелическихъ основахъ также и духовныя области Германіи. Поэтому они въ данный моментъ были удовлетворены укрѣпленіемъ своего status quo.

Въ этой чрезмѣрной скромности обнаруживается, несомнѣнно, сильное утомленіе, овладѣвшее ими послѣ борьбы, продолжавшейся нѣсколько десятилѣтій. Значительный перевѣсъ, который все же получили ихъ убѣжденія, не заставляетъ ихъ больше проникаться чувствомъ бодрости и силы; побѣда усыпляетъ усталыхъ борцовъ,—съ полнымъ спокойствіемъ совѣсти могли они сказать, что, одержавъ принципіальную побѣду въ Аугсбургѣ, они совершили дѣйствительно нѣчто великое, и это заставляло ихъ думать, что кое-что можетъ быть оставлено для будущаго!

Такимъ образомъ, именно равновѣсіе силъ даннаго момента сдѣлало тогда невозможнымъ окончательное рѣшеніе религіознаго вопроса въ Германіи.

3. РЕФОРМАЦІЯ ВЪ ШВЕЙЦАРІИ.

XLIX. Ульрихъ Цвингли и реформація въ Швейцаріи.

(По соч. Гейссера: «Geschichte des Zeitalters der Reformation»).

Лютеръ и Цвингли, эти въ сущности столь родственныя между собою натуры, различались, однако, рѣзко между собою по многимъ чертамъ своего характера, по семейной обстановкѣ и ходу первоначальнаго воспитанія, такъ же какъ и по характеру своей реформаторской дѣятельности. И тотъ, и другой происходили изъ крестьянскаго сословія; но родители перваго были люди, знакомые съ тяжелою нуждой, почти нищіе, которые, при всемъ желаніи сдѣлать изъ своего талантливаго ребенка нѣчто особенное, все-таки сами, безъ посторонней помощи, не могли дать ему никакого образованія. Напротивъ, родители другого были люди весьма достаточные, вліятельные, пользовавшіеся почетомъ въ своей средѣ. Лютеръ рано познакомился съ горькимъ опытомъ и нуждой, съ ранняго дѣтства долженъ былъ пріучать себя къ самообладанію, мужественному терпѣнію и подавленію своихъ порывовъ; Цвингли же росъ въ довольствѣ, сознавая себя сыномъ перваго человѣка въ родномъ селѣ, и въ немъ рано развился духъ независимаго республиканца. Меланхолическое настроеніе Лютера привело его въ монастырь; бодрость и ясность духа Цвингли привязали его къ жизни и людямъ. Одинъ всѣмъ своимъ существомъ предался мистикѣ и изученію отцовъ церкви, другой сдѣлался ученикомъ гуманистовъ и занимался древними классиками. Основательное изученіе св. писанія привело Цвингли, такъ же какъ и Лютера, къ воззрѣніямъ, совершенно противорѣчившимъ господствующей церкви. Но между тѣмъ какъ Лютеръ, отличаясь глубиною религіозныхъ воззрѣній и мистическимъ направленіемъ ума, мучился религіозными сомнѣніями и былъ занятъ, главнымъ образомъ, изслѣдованіемъ догматовъ католической церкви и вообще богословской стороной реформы, Цвингли, съ своимъ практическимъ, разсудительнымъ, трезвымъ умомъ, обратилъ все свое вниманіе на преобразованіе внѣшняго церковнаго строя и вообще нра-

вовъ и образа жизни швейцарцевъ. Оба впослѣдствіи отложились отъ господствующей церкви; но одному это стоило тяжелой душевной борьбы, съ какою другой никогда не былъ знакомъ. Лютеръ разорвалъ связь съ старою церковью потому, что, по воззрѣніямъ своимъ, былъ болѣе вѣренъ требованіямъ церкви, чѣмъ сама церковь; Цвингли же — потому, что вслѣдствіе критики гуманистовъ увидѣлъ непримиримое противорѣчіе между истинною и существующею, искаженною церковью.

Ульрихъ Цвингли родился 1 января 1484 г. въ Вильдгаузѣ, въ въ округѣ Тоггенбургъ. Отецъ его принадлежалъ къ небольшой сельской общинѣ, гдѣ онъ отправлялъ одну изъ почетныхъ должностей. Несмотря на незначительность общины, члены ея отличались храбростью и духомъ независимости. Они рано успѣли сбросить съ себя феодальныя оковы, и въ этой борьбѣ съ феодалами отецъ Цвингли игралъ важную роль, возбуждая духъ своихъ согражданъ своими смѣлыми, горячими рѣчами. Онъ былъ однимъ изъ наиболѣе зажиточныхъ членовъ общины. Среда, въ которой выросталъ будущій реформаторъ, отличалась всѣми прекрасными свойствами прямодушныхъ горцевъ; въ ней господствовали здоровая патріархальная простота въ образѣ жизни, прямота въ образѣ дѣйствій, трезвый практическій смыслъ и постоянная бодрость духа. Вотъ почему въ Цвингли не замѣчается и тѣни той склонности къ мистицизму, которая такъ рѣзко обнаруживается въ Лютерѣ. Первоначальное образованіе онъ получилъ у дяди своего, всѣми уважаемаго везенскаго священника. Дальнѣйшее образованіе Цвингли получилъ въ Базелѣ и Бернѣ, гдѣ усвоилъ себѣ элементы классическаго образованія. Надобно замѣтить, что въ Швейцаріи, которая тогда служила какъ бы связующимъ звеномъ между Италіей и Верхней Германіей, гуманизмъ успѣлъ рано пустить свои корни, что̀, въ свою очередь, сильно способствовало развитію религіозной свободы. Какъ то, такъ и другое оказало рѣшительное вліяніе на дальнѣйшій ходъ развитія Цвингли. Извѣстный въ то время талантливый основатель классической школы въ Швейцаріи, Генрихъ Вельфлинъ, или Лупулусъ, какъ онъ самъ называлъ себя, былъ его руководителемъ въ Бернѣ, а Ѳома Виттенбахъ, смѣлый богословъ, который уже тогда открыто заявилъ, что „все ученіе объ отпущеніи грѣховъ, проповѣдуемое римскою церковью, есть не болѣе, какъ гнусный обманъ, ибо Христосъ самъ искупилъ своей жизнью, ученіемъ, смертію и воскресеніемъ грѣхи всего человѣчества“, былъ учителемъ Цвингли въ Базелѣ. Научныя и религіозныя воззрѣнія, господствовавшія въ то время въ наиболѣе образованныхъ слояхъ швейцарскаго общества, представляли достаточно подготовленную почву для религіозныхъ реформъ, и Цвингли былъ въ правѣ сказать позднѣе своимъ обвинителямъ: „мы отдаемъ всю дань уваженія Лютеру, но вмѣстѣ съ тѣмъ сознаемъ, что все, что̀ у насъ есть общаго съ нимъ, составляло наше убѣжденіе еще въ то время, когда мы и имени Лютера не слыхали“.

Въ 1499 г. 15-ти-лѣтній Цвингли поступилъ въ вѣнскій университетъ, рѣзко отвергнувъ предложеніе бернскихъ доминиканцевъ постричься къ нимъ въ монахи. Получивъ, такимъ образомъ, отличное образованіе, изучивъ основательно всѣ гуманистическія науки, вполнѣ владѣя латинской прозой и поэзіей, Цвингли возвратился въ Базель, гдѣ вышеупомянутый Виттенбахъ оказалъ на него такое сильное вліяніе, что онъ весь отдался изученію богословія. Въ 1506 г. онъ получилъ степень магистра свободныхъ искусствъ и въ томъ же году былъ избранъ проповѣдникомъ въ Гларусѣ. Здѣсь онъ прожилъ 10 лѣтъ, продолжая неусыпно работать

надъ самимъ собою; вообще дѣятельность его въ Гларусѣ отличается многосторонностью. Здѣсь онъ началъ заниматься тѣми строго-научными работами, которыя необходимы были ему для его послѣдующей дѣятельности въ качествѣ реформатора. Достойно замѣчанія то обстоятельство, что научныя занятія Цвингли шли путемъ, рѣзко противоположнымъ занятіямъ Лютера. Въ первыхъ письмахъ его отъ этого времени виденъ гуманистъ, который только по званію принадлежитъ церкви, сердцемъ же всецѣло преданъ великимъ умамъ древности. Онъ обставился сочиненіями Цицерона, Саллюстія, Сенеки, Валерія Максима (Старшаго), Горація; онъ принимаетъ живѣйшее участіе въ гуманистическомъ движеніи Германіи и Италіи, отъ всей души радуется пораженіямъ, понесеннымъ обскурантами въ Вѣнѣ, Базелѣ и Парижѣ со стороны гуманистовъ, и въ своемъ домѣ посвящаетъ юношей-поселянъ въ изученіе классиковъ съ такимъ успѣхомъ, что знаменитый Эразмъ выражаетъ по этому поводу свое удивленіе. Съ изученіемъ греческихъ классиковъ, серьезныя занятія которыми онъ впервые началъ здѣсь, для него открывается новый міръ; съ горячею ревностію онъ принялся за изученіе греческой грамматики Хризолораса. „Ничто, кромѣ Бога,—пишетъ онъ къ одному другу,—не удержитъ меня отъ изученія греческаго языка, не ради суетной славы, но ради св. писанія". Платона, Лукіана, Гомера, Пиндара онъ читаетъ съ восхищеніемъ; съ особеннымъ же вниманіемъ углубляется онъ въ чтеніе новаго завѣта, „съ тѣмъ, чтобы,—какъ говоритъ онъ,—изучить ученіе Христа по самому его источнику"; посланіе ап. Павла онъ списываетъ въ первоначальномъ текстѣ, на поляхъ тетради излагаетъ объяснительныя замѣчанія и заучиваетъ слово въ слово. Подобнымъ же образомъ онъ приступаетъ къ источнику откровенія, въ которомъ Лютеръ, будучи эрфуртскимъ монахомъ, нашелъ, наконецъ, свое душевное успокоеніе; при этомъ онъ не прибѣгаетъ къ схоластическимъ изворотамъ, къ мистикамъ и отцамъ церкви, руководясь единственно собственнымъ умомъ, просвѣтленнымъ изученіемъ великихъ классическихъ писателей. Затѣмъ онъ, съ текстомъ точнаго перевода въ рукахъ, приступаетъ къ критикѣ древнихъ и новыхъ христіанскихъ мыслителей, славныхъ учителей церкви, а также и ученыхъ еретиковъ (Виклефа, Гуса). Такимъ-то путемъ мало-по-малу идеи Цвингли сложились въ систему независимыхъ убѣжденій, которая представляла для него прочную опору въ его реформаторскихъ стремленіяхъ и дѣятельности. Здѣсь собственно онъ окончательно созрѣлъ и сложился и впервые серьезно взглянулъ на глубокія соціальныя и политическія раны своего отечества, которыя озабочивали его столько же, сколько и церковныя дѣла.

Въ то время подобные священники въ Швейцаріи были такъ же рѣдки, какъ и вездѣ. Духовенство вполнѣ погрязло въ роскоши и лицемѣріи, а невѣжество его было такъ велико, что на одномъ соборѣ изо всѣхъ священниковъ союза нашлось не болѣе трехъ лицъ, которыя были болѣе или менѣе основательно знакомы съ библіей; всѣ же остальные признавались, что они не были вполнѣ знакомы даже съ новымъ завѣтомъ; проповѣди или читались по чужимъ тетрадямъ, или представляли сухую схоластику. А между тѣмъ соціальное устройство Швейцаріи ставило священнику и проповѣднику весьма серьезныя задачи. Какъ живой членъ общины и полноправный гражданинъ, онъ обязанъ былъ принимать участіе во всѣхъ соціальныхъ интересахъ страны. Цвингли былъ именно такимъ пастыремъ. Онъ былъ слишкомъ ревностнымъ республиканцемъ и общественнымъ дѣятелемъ, чтобы зарыться въ классиковъ и теологію и

не обращать вниманія на различныя стороны государственной и народной жизни своего отечества. Онъ въ качествѣ полкового священника участвовалъ въ двухъ походахъ швейцарцевъ въ Италію. Въ первый походъ (1512 г.) онъ былъ свидѣтелемъ того, какъ швейцарцы съ тріумфомъ проходили черезъ Ломбардію; въ другой разъ (1515 г.) онъ долженъ былъ пережить позоръ, понесенный блестящимъ швейцарскимъ войскомъ: онъ видѣлъ, какъ одни, подкупленные французами, оставили населеніе своей родины беззащитнымъ въ виду непріятеля, и какъ другіе, вслѣдствіе раздоровъ и упадка духа, были разбиты на голову при Мариньяно. Въ виду всего этого, юный проповѣдникъ бичевалъ въ своихъ проповѣдяхъ недостойное поведеніе своихъ согражданъ, проклиналъ наемничество, стараясь возбудить въ нихъ тотъ патріотизмъ и тотъ духъ чести и безкорыстія, которымъ нѣкогда такъ отличались швейцарцы; но слова его были безсильны противъ золота иностранцевъ.

Владѣтельные князья Германіи, находившіеся въ безпрерывныхъ распряхъ, то и дѣло прибѣгали къ помощи храбрыхъ швейцарцевъ. Короли Франціи, римскіе папы, германскіе императоры, итальянскіе князья и республики наперерывъ старались завербовать къ себѣ храбрыхъ сыновъ Альпійскихъ горъ. Съ этою цѣлью они вступали въ договоры съ отдѣльными кантонами и общинами и старались подарками и раздаваніемъ почестей привлекать на свою сторону людей, пользовавшихся вліяніемъ въ народѣ. Интриги и подкупъ проникли въ города, села и даже семейства, союзъ какъ бы осиротѣлъ, ибо сыны отечества забыли свои обязанности и свой долгъ и цѣликомъ отдались чужимъ интересамъ, служа чужому знамени за деньги. Возвращаясь изъ чужихъ краевъ, они приносили съ собою деньги и добычу. Это возбуждало зависть въ остальныхъ гражданахъ, которые, въ свою очередь, кидались на наживу, слѣдствіемъ чего былъ общій упадокъ нравственности и отсутствіе всякой дисциплины. Напрасно голоса нѣкоторыхъ благородныхъ личностей раздавались противъ такой порчи; напрасно общественная власть издавала запрещенія противъ такого безстыднаго торга. Ничто не помогало: корысть брала свое, и граждане союза толпами уходили подъ чужое знамя, сражаясь и за, и противъ одного и того же дѣла, смотря по тому, какая сторона больше заплатитъ.

Впрочемъ, по странному стеченію обстоятельствъ, дѣлу реформы благопріятствовала именно эта пагубная страсть швейцарцевъ къ наемничеству. Дѣло въ томъ, что папа постоянно нуждался въ помощи храбрыхъ швейцарцевъ и вслѣдствіе этого, боясь лишить себя ихъ поддержки, не рѣшался рѣзко выступать противъ того духа нововведеній въ дѣлахъ церкви, который очень давно сталъ вѣять въ Швейцарскомъ союзѣ.

Между тѣмъ Цвингли не переставалъ дѣйствовать. Съ 1516 по 1518 г. онъ былъ священникомъ въ Маріа-Эйнзиделѣ (въ Маріинской пустыни), населеніе котораго было проникнуто грубымъ суевѣріемъ. Здѣсь онъ впервые сталъ проповѣдывать евангельское слово согласно со своими убѣжденіями. Передъ толпами пилигримовъ, стекавшихся сюда въ надеждѣ получить исцѣленіе отъ болѣзней и отпущеніе грѣховъ, онъ рѣшился рѣзко заговорить противъ безсознательнаго служенія обрядности, стараясь внушить соотечественникамъ, что не путешествія къ св. мѣстамъ и суетные обѣты, а нравственное исправленіе, чистота дѣйствій человѣка и искреннее раскаяніе ведутъ къ душевному исцѣленію.

Такія рѣчи Цвингли обратили на себя всеобщее вниманіе: староверы

съ грустью качали головой, свободомыслящіе увидѣли въ Цвингли своего вождя и вступили съ нимъ въ болѣе тѣсныя отношенія. Въ самомъ Римѣ обратили вниманіе на эти проповѣди, и легатъ Пуччи лестью и щедрыми обѣщаніями наградъ старался вовлечь Цвингли въ интересы куріи. Цвингли все еще стоялъ на почвѣ старой церкви; онъ старался только въ средѣ самой церкви возбудить духъ реформы, заставить папистовъ отрѣшиться отъ всѣхъ злоупотребленій, которыя унижали христіанство. Только тогда онъ, подобно Лютеру, открыто разорвалъ связь съ католицизмомъ, когда никакія предостереженія не помогли. Въ 1525 г. самъ Цвингли въ письмѣ къ одному другу подробно разсказывалъ, какъ онъ старался мирнымъ путемъ, безъ огласки, обратить вниманіе высшей духовной власти на необходимость принятія рѣшительныхъ мѣръ противъ вопіющихъ злоупотребленій и предрекалъ, что, въ противномъ случаѣ, зло неизбѣжно само доведетъ себя до паденія, которое потрясетъ всю церковь. Ничто не помогало. Злоупотребленія продолжались, торгъ индульгенціями вооружалъ противъ себя всѣхъ благомыслящихъ людей, а старая церковь въ какомъ-то странномъ ослѣпленіи продолжала шествовать по тому опасному пути, который неминуемо долженъ былъ привести къ расколу.

Начиная съ 1519 г. отношенія Цвингли къ римской церкви стали болѣе рѣзко выясняться. Онъ избралъ Цюрихъ мѣстомъ своихъ дѣйствій. Въ то время въ лѣсныхъ кантонахъ Швейцаріи появился монахъ Бернардинъ Самсонъ и открылъ, подобно Тецелю, торговлю индульгенціями. Цвингли узналъ, что онъ намѣренъ перенести эту гнусную торговлю и въ Цюрихъ. Вслѣдствіе этого онъ сдѣлалъ представленіе городскому собранію о необходимости изгнать изъ Швейцаріи дерзкаго монаха. Духовная власть настолько дорожила своими мирными отношеніями съ союзомъ, что хитрый епископскій викарій письменно заявилъ Цвингли свое одобреніе по поводу его протеста противъ Самсона и похвалилъ его за то, что „прогналъ чужого вола изъ родного стада“.

Въ 1519 г. Цвингли выступилъ въ цюрихскомъ каѳедральномъ соборѣ съ цѣлымъ рядомъ проповѣдей, въ которыхъ толковалъ Евангеліе; онъ изъяснялъ св. Матвѣя, книгу Дѣяній Апостольскихъ, посланія ап. Павла и въ простой, доступной рѣчи, на родномъ языкѣ, говорилъ народу объ оправданіи путемъ вѣры въ Спасителя, бичевалъ какъ злоупотребленія, суевѣріе, лицемѣріе и другіе пороки отдѣльныхъ лицъ, такъ и общій упадокъ нравственности въ духовенствѣ и міряпахъ, возставалъ противъ несправедливости властей къ слабымъ и униженія предъ высшими, скорбѣлъ объ упадкѣ свободы и чести союза, вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ и наемничества, чужеземныхъ пенсій и папскихъ буллъ. Его простая, но сильная рѣчь производила глубокое впечатлѣніе: всѣ чувствовали, что слово его исходитъ изъ глубины души; его рѣчи производили сильное впечатлѣніе даже и на того, кто не соглашался съ его воззрѣніями.

Между тѣмъ, возобновленная война за миланское герцогство опять наводнила Швейцарію ненавистными вербовщиками. Французскому королю Франциску I понадобилась помощь, и швейцарцы кинулись на французское золото, вступая цѣлыми толпами въ ряды французскаго войска. Цюрихцы устояли противъ соблазна; казалось, что слова Цвингли на нихъ подѣйствовали. Но когда явились папскіе легаты и императорскіе послы и стали вызывать швейцарцевъ на защиту церкви, то и цюрихцы не удержались и ушли подъ чужое знамя. Тутъ-то Цвингли заговорилъ

противъ Рима такъ рѣзко, какъ еще никогда не говорилъ. Въ этомъ постыдномъ наемничествѣ онъ видѣлъ весь ядъ, разъѣдавшій его отечество, и національное чувство его заговорило. Разумѣется, политическіе и религіозные враги Цвингли не оставались у него въ долгу. Они называли его вторымъ Лютеромъ, возбуждали противъ него населеніе. Бывали минуты, когда Цвингли не былъ увѣренъ въ своей личной безопасности. Городской совѣтъ долженъ былъ поставить стражу у его дома для охраны его личности. Въ томъ же 1520 году папскій легатъ требовалъ, чтобы сочиненія Лютера были сожжены въ Швейцаріи, а его приверженцы уничтожены. Швейцарскій сеймъ подчинился этому требованію, и въ Люцернѣ были произведены обыски. Всѣ сомнительныя (то-есть, собственно, непонятныя для сыщиковъ) книги и рукописи подлежали сожженію. Такимъ образомъ, одинъ изъ сыщиковъ отобралъ греческое изданіе новаго завѣта Эразма съ цѣлью сжечь его. Но цюрихскій совѣтъ съумѣлъ выйти изъ затрудненія. Онъ въ томъ же году издалъ приказъ, въ которомъ, повидимому, соглашался съ постановленіемъ сейма, но въ сущности, дѣлалъ большія уступки новому ученію; именно, онъ постановилъ, чтобы всѣ священники и проповѣдники вообще свободно, какъ это предписываютъ и папскія постановленія, проповѣдывали *св. Евангеліе и апостольскія посланія единообразно, по духу Божію и согласно съ истиннымъ божественнымъ писаніемъ ветхаго и новаго завѣта*, не вводя въ свою проповѣдь никакихъ другихъ случайныхъ нововведеній и добавленій. Такимъ образомъ, дѣла реформы все-таки продолжали идти своимъ путемъ. Въ самомъ обществѣ началъ обнаруживаться сильный протестъ противъ тѣхъ злоупотребленій, отъ которыхъ римская церковь не хотѣла добровольно отказаться. Въ этомъ отношеніи достойно замѣчанія то, что здѣсь реформа началась не нападками на основные принципы старой церкви, какъ это сдѣлалъ Лютеръ, а только на внѣшнюю религіозную обрядность. Проповѣди Цвингли противъ поклоненія одной обрядности встрѣтили почти всеобщее одобреніе, и когда нѣкоторые изъ высшаго духовенства и монахи разныхъ мѣстностей протестовали противъ его рѣчей, то городской совѣтъ открыто сталъ на сторону Цвингли. Послѣдній продолжалъ проповѣдовать въ томъ же духѣ. Дошедшая въ то время вѣсть о пораженіи, которое потерпѣли швейцарскія наемныя войска, подала поводъ Цвингли опять заговорить съ своими согражданами о наемничествѣ, о страсти къ чужому золоту, которое губитъ Швейцарію. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обнародовалъ 69 положеній, направленныхъ противъ старой церкви. Побѣдивъ послѣднюю въ вопросѣ о постахъ, Цвингли пошелъ далѣе и вооружился противъ безбрачія духовенства. Запрещеніе духовенству вступать въ бракъ вело къ крайне безнравственнымъ послѣдствіямъ. Чтобы составить себѣ о нихъ нѣкоторое понятіе, стоитъ только указать, напримѣръ, на такой фактъ, что епископы формально установили поборы съ наложницъ и незаконныхъ дѣтей священниковъ. Цвингли, такимъ образомъ, не могъ не заговорить объ этомъ вопросѣ. Въ іюлѣ 1522 онъ вмѣстѣ съ другими своими единомышленниками два раза обращался письменно къ констанцскому епископу, прося его положить предѣлъ этимъ безобразіямъ.

Несмотря, однако, на такой образъ дѣйствій со стороны Цвингли, папа Адріанъ VI сдѣлалъ еще разъ попытку умиротворить смѣлаго швейцарца. Но Цвингли хотѣлъ во что бы ни стало выяснить свое положеніе окончательно. Съ этой цѣлью онъ вошелъ въ совѣтъ съ просьбою объ открытіи публичнаго диспута, дабы онъ могъ прямо помѣряться со своими

противниками съ св. писаніемъ въ рукахъ. Совѣтъ уступилъ просьбѣ и назначилъ диспутъ на 23 января 1523 года. Цвингли въ 67 тезисахъ обстоятельно изложилъ свои религіозныя воззрѣнія. Основная черта его воззрѣнія, выяснившаяся уже въ то время, состояла въ стремленіи исключить изъ области церкви и религіи все, что не подтверждается прямо св. писаніемъ. Онъ этимъ рѣзко отличается отъ Лютера, который оставилъ въ силѣ все, что не противорѣчитъ буквальному смыслу библіи. Религіозное міросозерцаніе Цвингли состояло, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ. Одно только Евангеліе есть основной религіозный законъ, и одинъ только Спаситель есть единственный глава всѣхъ вѣрующихъ. Церковь есть совокупность дѣтей Божіихъ, одинаково вѣрующихъ. Только эта совокупность и обладаетъ автономіей и самодержавною властью. Эта власть проявляется, однако, не въ формѣ непосредственныхъ народныхъ собраній, но чрезъ представительство, такъ что каждая община, находясь подъ свѣтскимъ христіанскимъ главенствомъ, образуетъ самостоятельную единицу. Эта единица, въ свою очередь, пользуется автономіей и автократіей какъ въ дѣлахъ свѣтскихъ, такъ и въ дѣлахъ религіозныхъ, не подчиняясь никакой другой волѣ. Представители этой общины, довѣріемъ которой они призваны къ управленію дѣлами, занимаютъ свое опредѣленное мѣсто въ упомянутомъ религіозномъ и свѣтскомъ братствѣ. Эти представители избираются въ томъ предположеніи, что они будутъ блюсти всѣ законы божескіе и человѣческіе и наказывать всякое ихъ нарушеніе. Потому они могутъ быть отстранены, если сами будутъ преступать означенные законы. Эти представители въ дѣлахъ вѣры должны руководствоваться однимъ только св. писаніемъ, а потому всѣ ученія, обычаи, учрежденія, преданія и постановленія соборовъ, не основывающіяся на прямомъ смыслѣ писанія, суть творенія рукъ человѣческихъ и не имѣютъ права на существованіе. Право отлученія отъ церкви и изгнанія изъ общины принадлежитъ самой общинѣ или епископу ея, и никому болѣе. Такое воззрѣніе сразу подрѣзало у самаго корня весь средневѣковый строй церкви и указало совершенно новое значеніе свѣтской власти. Папство, канонизація, монашество, безбрачіе духовенства, вся церковная мистика должны были рухнуть и уступить мѣсто общинѣ и выборному началу.

Съ этими воззрѣніями выступилъ Цвингли на диспутъ. На диспутъ стеклось до 600 человѣкъ. Цвингли предъ диспутомъ произнесъ краткую, но сильную рѣчь. „Вотъ уже пять лѣтъ,—сказалъ онъ,—какъ я стараюсь распространить чистое истинное слово Божіе, и, несмотря на это, меня обзываютъ еретикомъ, лгуномъ и обманщикомъ. Вотъ причина, заставившая меня наконецъ открыто заявить свои убѣжденія, и я готовъ ихъ защищать противъ всякаго. И такъ, во имя Господа, я начинаю". Епископскій викарій, выступившій въ качествѣ противника, началъ возражать, заявилъ, что, по его мнѣнію, диспутъ по религіознымъ вопросамъ долженъ происходить въ присутствіи собора, или, по крайней мѣрѣ, собранія епископовъ или, наконецъ, ученыхъ; говорилъ о многихъ другихъ вещахъ, но собственно о предметѣ диспута, о тезисахъ Цвингли, не сказалъ ни слова. Когда Цвингли потребовалъ, чтобы онъ свои обвиненія въ еретичествѣ доказалъ св. писаніемъ, то онъ упорно молчалъ, не находя возраженій.

Такимъ образомъ, Цвингли вышелъ побѣдителемъ изъ диспута, кончившагося такъ печально для его противниковъ. Слѣдствіемъ этого было то, что 29 января цюрихскій совѣтъ объявилъ слѣдующее: „Такъ какъ

не нашлось никого, кто могъ бы магистру Ульриху Цвингли доказать его заблужденіе, то искреннее желаніе совѣта состоитъ въ томъ, чтобы Цвингли продолжалъ, какъ это дѣлалъ доселѣ, возвѣщать св. евангельское ученіе, чтобы и другіе священники дѣлали то же, и всякое оскорбленіе или клевета относительно нихъ будутъ строго наказаны". Такимъ заявленіемъ Цюрихъ сразу отдѣлился отъ констанцскаго епископства. Община получила права, которыя, по ученію Цвингли, принадлежали ей; свѣтская власть духовенства, какъ неосновательное, по мнѣнію Цвингли, притязаніе со стороны Рима, была фактически подорвана, и положено было основаніе той церковной политикѣ, которая состояла въ признаніи самодержавія общины.

Все это привело къ важнымъ послѣдствіямъ: латинскій языкъ въ молитвахъ и при совершеніи церковныхъ требъ уступаетъ мѣсто родному языку, доходы съ монастырей и другихъ церковныхъ учрежденій обращаются на содержаніе высшихъ и низшихъ школъ, выходъ изъ монастырей дѣлается совершенно свободнымъ, священники открыто вступаютъ въ бракъ; принесеніе безкровной жертвы во время литургіи и поклоненіе иконамъ, какъ подававшія поводъ къ недоразумѣніямъ и суевѣрію, были отмѣнены. 26 января 1524 года люцернскій сеймъ рѣзко высказался противъ реформъ; въ мартѣ явились въ Цюрихъ послы отъ 12 общинъ и вошли въ совѣтъ съ представленіями, но цюрихская община не только не уступила требованіямъ этихъ пословъ, но съ весны 1524 года отважилась на еще болѣе рѣшительный шагъ на пути реформъ. Мессы, религіозныя процессіи, праздникъ тѣла Христова и почитаніе иконъ были отмѣнены; гробницы съ реликвіями были открыты и кости погребены; органы изъ церквей были вынесены; колокольный звонъ при похоронахъ и мессахъ, освященіе пальмовыхъ вѣтвей, соли, воды, свѣчей, а также муропомазаніе и проч., словомъ, вся система церковной обрядности была отмѣнена, и въ великій четвергъ 1525 года на торжественной вечерѣ любви было установлено для всей общины причащеніе подъ обоими видами.

L. Цюрихъ и Швейцарія послѣ введенія въ нихъ реформы Цвингли.

(По соч. Гейссера: «Das Zeitalter der Reformation»).

Послѣ неоднократныхъ попытокъ со стороны „староверовъ" къ возбужденію всего Швейцарскаго союза противъ еретиковъ, союзъ этотъ распался на два враждебныхъ лагеря; ересь же, которую старались уничтожить, распространилась далеко за предѣлы Цюриха и присоединилась къ тому общему броженію, которое возникло въ нравственныхъ и политическихъ воззрѣніяхъ того времени. Образованная часть гражданъ большихъ городовъ, какъ Базель, Бернъ, Шафгаузенъ и Сенъ-Галленъ, и подготовленные либеральными проповѣдниками поселяне Аппенцеля, Гларуса, Граубюндена сопротивлялись подавленію новаго ученія, такъ что староверческая партія могла сплотиться только въ пяти первоначальныхъ кантонахъ: Люцернѣ, Цугѣ, Швицѣ, Ури и Унтервальденѣ, къ которымъ присоединились Фрейбургъ и Валлисъ. Средоточіемъ и опорою этой пар-

тіи была, естественно, патриціанская олигархія, господство которой и главнѣйшіе источники доходовъ изсякли бы, если бъ религіозная демократія одолѣла, а папскія милости и пенсіи прекратились бы; между тѣмъ, все демократически настроенное городское и сельское населеніе тяготѣло къ церковной реформѣ.

Настроеніе жителей подчиненныхъ земель опредѣлилось, главнымъ образомъ, настроеніемъ тѣхъ кантоновъ, которымъ эти земли были подвластны; въ Тургау, Рейнталѣ, Ааргау и др., находившихся подъ вліяніемъ Цюриха, Сенъ-Галлена и Берна, перевѣсъ былъ на сторонѣ реформаціи, между тѣмъ какъ въ Саргансѣ, Гастерѣ, Утцнахѣ и Баденѣ, также въ итальянскихъ округахъ, составляющихъ нынѣшній кантонъ Тессино, гдѣ вліяніе первоначальныхъ кантоновъ было сильнѣе, всѣ жители послѣ долгихъ колебаній остались на сторонѣ старой церкви.

Такимъ образомъ, вопросы церковные были тѣсно переплетены съ вопросами политическими, и положеніе Цвингли, какъ общественнаго дѣятеля, съ самаго начала существенно отличалось отъ положенія Лютера. Лютеръ строго держался, въ границахъ церковной реформы, пути хотя болѣе умѣреннаго, но въ то время для Германіи самаго разумнаго. Въ маленькой Швейцаріи подобная односторонняя реформація была невозможна.

Замѣчательная сообразительность и сила ума Цвингли ясно выражаются въ вѣрномъ пониманіи того положенія, въ которое онъ былъ поставленъ ходомъ событій. Подчинивши дѣла церкви общинѣ, онъ стремился распространить державныя права ея на весь союзъ.

Онъ первый возымѣлъ мысль дать всѣмъ швейцарскимъ кантонамъ одно общее союзное управленіе, подобное современному демократическому представительному строю, котораго Швейцарія, наконецъ, достигла спустя цѣлыхъ три столѣтія послѣ попытокъ Цвингли; онъ хотѣлъ уничтожить противоестественный перевѣсъ маленькихъ первоначальныхъ кантоновъ, вытѣснить ихъ изъ управленія фохтствами и дать большимъ кантонамъ то положеніе, которое должно было принадлежать имъ, сообразно ихъ величинѣ, могуществу, богатству и образованности. Равноправіе, благодаря которому маленькіе первоначальные кантоны имѣли въ сеймѣ такое же значеніе, какъ и большіе, было безсмысленно и вредно въ политическомъ отношеніи. Въ то время идеи Цвингли были для многихъ непонятны и получили свое осуществленіе лишь въ настоящее время.

Вотъ почему, какъ въ политическомъ, такъ и въ религіозномъ отношеніяхъ Цвингли можно считать величайшимъ изъ реформаторовъ, какой когда либо появлялся въ Швейцаріи, и можно сказать, что лишь въ современномъ управленіи Швейцаріи идеи Цвингли нашли свое полное осуществленіе.

Таковы были реформатскія стремленія Цвингли, и въ нихъ заключался одинъ изъ могущественнѣйшихъ рычаговъ его пропаганды, хотя, съ другой стороны, они были также и главной причиною озлобленія на него противниковъ новаго ученія. Успѣхъ этого ученія ставилъ на карту существованіе первоначальныхъ кантоновъ, и потому они смотрѣли на него не только какъ на ересь, но и какъ на мятежъ, революцію; борьба противъ старой церкви была, въ ихъ глазахъ, борьбою противъ всего существующаго порядка, съ которымъ было связано ихъ существованіе и паденіе котораго обусловливало ихъ паденіе.

Наиболѣе замѣчательнымъ и рѣшительнымъ событіемъ этого времени была побѣда протестантской демократической партіи въ Бернѣ надъ го-

сподствовавшей олигархіей. Религіозная борьба вывела массу народа изъ состоянія пассивнаго послушанія. Во время выборовъ 1527 года реформаты вытѣснили наконецъ представителей замкнутой олигархіи изъ большого совѣта. Преобразованное такимъ образомъ правительственное учрежденіе потребовало себѣ возвращенія тѣхъ правъ, которыхъ оно было лишено въ теченіе 20 лѣтъ, и затѣмъ къ новому 1528 году оно устроило торжественное религіозное преніе, въ которомъ ученіе Цвингли одержало новую побѣду. Результатомъ всего этого было не только общее гоненіе противъ иконъ и всей декоративной стороны богослуженія, но и полнѣйшій государственный переворотъ.

Оба совѣта (союзный и кантонный), представлявшіе доселѣ почти замкнутыя учрежденія, доступъ въ члены которыхъ обусловливался кумовствомъ, сдѣлались съ этого времени дѣйствительными представителями общинъ, вслѣдствіе введенія въ преобразованномъ союзѣ всеобщаго избирательнаго права, и позоръ полученія подачекъ въ видѣ пенсій, связывавшій съ Франціей всѣ могущественные доселѣ швейцарскіе роды, былъ, наконецъ, смытъ. Этотъ переворотъ повелъ, въ свою очередь, къ важнымъ послѣдствіямъ. Распространеніе новаго ученія получило теперь сильный толчокъ, такъ что реформаціонная буря, охватившая Швейцарію, проникла и въ первоначальные кантоны, какъ ни крѣпко они были защищены со всѣхъ сторонъ своими неприступными горами. Положеніе этихъ кантоновъ становилось все болѣе непрочнымъ, и они, наконецъ, рѣшились прибѣгнуть къ отчаяннымъ мѣрамъ насильственной самозащиты. Еще въ 1526 году они публично сожгли одного реформатскаго проповѣдника, желая этимъ показать, что имѣющій быть черезъ нѣсколько дней религіозный диспутъ въ Баденѣ есть собственно не что иное, какъ судъ надъ еретиками; теперь же начались преслѣдованія въ широкомъ размѣрѣ: реформатскіе проповѣдники и ихъ приверженцы подвергались денежнымъ штрафамъ, тюремному заключенію, наказанію кнутомъ, изувѣченію и смертной казни; что касается до реформатскихъ кантоновъ, то къ ихъ чести нужно сказать, что они не запятнали себя насиліемъ противъ личностей, хотя почти каждая ихъ побѣда сопровождалась иконоборствомъ.

Эти постоянныя распри и столкновенія подготовляютъ, между тѣмъ, болѣе рѣшительную борьбу; она готова разразиться уже въ 1529 году, и первоначальные кантоны заручаются союзомъ съ Габсбургскимъ домомъ, въ надеждѣ на то, что императору и въ Швейцаріи удастся выполнить то же, что онъ сдѣлалъ у себя, въ Австріи. Протестантскіе же кантоны находятъ себѣ поддержку въ своихъ верхнегерманскихъ единомышленникахъ; на сторонѣ реформатовъ становятся Констанцъ, Нюрнбергъ, Аугсбургъ и Филиппъ Гессенскій. Уже въ іюнѣ 1529 г. обѣ враждующія стороны, вооруженныя и готовыя къ битвѣ, стояли лицомъ къ лицу. На право необходимой обороны съ оружіемъ въ рукахъ Цвингли съ самаго начала далеко не такъ смотрѣлъ, какъ Лютеръ. Его взглядъ на это сказывается въ отвѣтѣ его своему другу Эколампадію на предостереженія этого послѣдняго: „Ты не знаешь этихъ людей,—сказалъ Цвингли;—мечъ обнаженъ, и я сдѣлаю все, что лежитъ на обязанности вѣрнаго стража". Цвингли ясно сознавалъ, что миръ, котораго требуетъ новое ученіе, не можетъ быть достигнутъ безъ войны, и потому онъ хотѣлъ, чтобы война наступила какъ можно скорѣе, и чтобы можно было, воспользовавшись удобною минутою, рѣшить ее однимъ хорошо направленнымъ ударомъ, и вотъ онъ, какъ храбрый сынъ Альповъ, самъ садится на коня, вооpу-

жается алебардой и становится въ ряды своихъ послѣдователей, чтобы помочь имъ ниспровергнуть плохо вооруженнаго врага.

Впрочемъ, до войны дѣло не дошло. Нужно полагать, что цюрихцы, несмотря на ограниченную помощь со стороны союзниковъ и неохотное участіе въ войнѣ со стороны Берна, имѣли въ данный моментъ относительно военной силы значительный перевѣсъ надъ своими врагами, потому что „общій миръ", на который охотно согласились пять первоначальныхъ кантоновъ и который былъ заключенъ 25 іюня 1529 г въ Капеллѣ, свидѣтельствовалъ о признаніи съ ихъ стороны своего полнаго пораженія.

Ограничься этотъ споръ чисто-религіозной стороной, реформаты, вслѣдствіе общаго мира, состоявшагося въ Капеллѣ, надолго сохранили бы свои преимущества надъ первоначальными кантонами, но споръ не ограничивался чисто-религіозной стороной, а Цвингли лично былъ всего менѣе склоненъ къ отдѣленію вопросовъ церковныхъ отъ политическихъ. Вотъ вслѣдствіе этого-то послѣдняго обстоятельства, въ средѣ тѣхъ самыхъ элементовъ, которые въ религіозныхъ вопросахъ были единодушны, теперь, послѣ побѣды надъ первоначальными кантонами, проявился разладъ въ вопросахъ политическихъ. Такъ, Бернъ и Цюрихъ были солидарны въ вопросахъ церковной реформы, но, какъ скоро дѣло дошло до рѣшенія вопроса объ устройствѣ въ Швейцаріи новаго союзнаго управленія съ новымъ кантономъ во главѣ, они разошлись во мнѣніяхъ, и ни тотъ, ни другой не желалъ сдѣлать никакихъ уступокъ.

Въ продолженіе трехъ столѣтій тянулся этотъ споръ, пока, наконецъ, уже въ наше время, Цюрихъ рѣшился (замѣтимъ, не безъ громкихъ жалобъ) согласиться на то, чтобы резиденціей союзнаго управленія сдѣлался Бернъ. Въ то время рѣшеніе спора о преимуществахъ одного изъ нихъ было тѣмъ затруднительнѣе, что Цюрихъ, въ которомъ жилъ и впервые сталъ проповѣдывать свое ученіе Цвингли, игралъ въ церковной реформѣ роль вожака и, слѣдовательно, въ этомъ, по крайней мѣрѣ, отношеніи имѣлъ несомнѣнное преимущество передъ своимъ соперникомъ.

Миръ въ Капеллѣ вскорѣ повелъ къ новымъ столкновеніямъ. Обѣ стороны обвиняли другъ друга въ нарушеніи договора, и уже въ 1530 году, когда, казалось, приближался аугсбургскій взрывъ, отношенія между реформатскими и католическими кантонами были весьма натянуты, хотя открытаго разрыва еще не послѣдовало; но можно было заранѣе предвидѣть, что подобное состояніе долго длиться не можетъ и такъ или иначе должно разрѣшиться. И дѣйствительно, въ началѣ 1531 года жители Цюриха поднялись войной на первоначальные кантоны, но имъ не удалось проникнуть туда, благодаря союзникамъ этихъ кантоновъ; тогда они порѣшили на городскомъ совѣтѣ, несмотря на разумныя предостереженія Цвингли, прибѣгнуть къ пагубнымъ полумѣрамъ: они рѣшились не допустить подвоза съѣстныхъ припасовъ въ бѣдные горные кантоны. Этой мѣрой горные кантоны были доведены до крайней степени ожесточенія, а цюрихцы, между тѣмъ, не приняли никакихъ мѣръ для обезпеченія себѣ во всякомъ случаѣ вѣрной побѣды.

Существуй между Цюрихомъ и Берномъ доброе согласіе, разумѣется, цюрихцамъ, при поддержкѣ со стороны своихъ союзниковъ, не потребовалось бы большихъ усилій для одержанія рѣшительной побѣды надъ гораздо слабѣйшими первоначальными кантонами; но духъ вражды былъ здѣсь такъ же силенъ, какъ и въ Германіи, и этимъ-то сумѣли воспользоваться первоначальные кантоны.

Въ началѣ октября они тайно собрали небольшое войско. Недостатка

въ хорошихъ солдатахъ у нихъ не было, кадры были сформированы и готовы къ быстрому нападенію; силы ихъ были достаточно многочисленны, чтобы одолѣть порознь каждаго изъ союзниковъ-противниковъ.

Жители Цюриха были поражены ужасомъ, увидѣвши на своемъ озерѣ флаги первоначальныхъ кантоповъ; у нихъ едва хватило времени на то, чтобы хоть кое-какъ вооружиться; и, пока на вершинѣ Альбиса медленно собирались кучки цюрихцевъ, внизу, при Капеллѣ, завязалась битва, въ которой участвовалъ самъ Цвингли, возбуждая мужество своихъ согражданъ. Ихъ было всего не болѣе 2,000 человѣкъ противъ вчетверо сильнѣйшаго непріятеля.

Такимъ образомъ, 11 октября 1531 года произошла битва при Капеллѣ; цюрихцы сражались храбро, и побѣда долгое время была сомнительна, но наконецъ цюрихцы должны были уступить значительно сильнѣйшему непріятелю. Побѣда, одержанная первоначальными кантонами, имѣла громадное вліяніе на дальнѣйшее теченіе дѣлъ въ Швейцаріи. Самъ Цвингли погибъ въ послѣдней битвѣ, и въ этомъ обстоятельствѣ сказывается рѣзкая противоположность между міровоззрѣніемъ Цвингли и Лютера, который не признавалъ права вооруженной силы и послѣднимъ словомъ котораго было: „сохраняйте миръ“. Поэтому нельзя судить обоихъ реформаторовъ по одному и тому же масштабу.

Съ дѣятельностью Цвингли связанъ всемірно-историческій принципъ церковнаго управленія, это—*самодержавіе общины*. Въ дѣлѣ религіозной реформы Цвингли рѣшительнѣе, чѣмъ Лютеръ, отвергъ всю обрядность старой церкви, а установленный имъ принципъ верховной власти общины далъ міру такой толчокъ, плодотворныя послѣдствія котораго сдѣлались неисчерпаемы не только для церкви, но и для государственной и общественной жизни.

LI. Кальвинъ до начала его реформаторской дѣятельности.

(По соч. Кампшульте: «Johann Calvin, seine Kirche und sein Staat in Genf»).

Кальвинъ, подобно Лютеру, происходилъ не изъ знатнаго рода. Дѣдъ его занимался бочарнымъ ремесломъ. Его отецъ, благодаря лично своей дѣятельности и трудолюбію, добился болѣе виднаго общественнаго положенія: онъ былъ секретаремъ епископа и синдикомъ капитула канониковъ въ Нойонѣ (въ Пикардіи). Здѣсь родился Іоаннъ Кальвинъ, въ 1509 году. Дѣтскіе годы Кальвина протекли не особенно радостно. Матери онъ лишился рано. Его отецъ, человѣкъ нѣсколько жесткаго нрава, занимался болѣе дѣлами по службѣ, чѣмъ воспитаніемъ своихъ дѣтей, которымъ онъ не съумѣлъ внушить къ себѣ особенной любви. Молодой Кальвинъ получилъ свое воспитаніе внѣ родительскаго дома, среди семьи, принадлежавшей къ высшему слою общества и находившейся въ дружественныхъ отношеніяхъ съ его отцомъ. Здѣсь-то онъ усвоилъ себѣ то изящество въ обращеніи, которымъ такъ рѣзко отличается отъ Лютера.

И вотъ, благодаря стараніямъ своего отца, пользовавшагося вліяніемъ въ средѣ духовенства, Кальвинъ, не достигши еще и 12 лѣтъ, былъ за-

численъ въ капелланы мѣстной соборной церкви. По желанію отца, онъ долженъ былъ поступить въ духовное званіе и достиженіемъ высшихъ духовныхъ степеней возвысить славу своего рода. Получаемые съ прихода доходы давали ему возможность, не обременяя отца своего, продолжать курсъ ученія въ Парижѣ, куда онъ прибылъ въ 1523 году вмѣстѣ съ сыновьями своего патрона.

Дошедшія до насъ свѣдѣнія объ этомъ первомъ пребываніи Кальвина въ Парижѣ показываютъ, что уже въ эти годы Кальвинъ отличался серьезностью и сосредоточенностью, рѣдко свойственными такому юношескому возрасту. Черта строгости, даже нѣкоторой жесткости нрава рѣзко выдается въ этомъ человѣкѣ. Рядомъ съ ней развивается въ немъ ясное сознаніе своего долга. Онъ велъ тихую, уединенную жизнь, точно исполнялъ религіозныя и другія обязанности свои и вполнѣ подчинялся строгой дисциплинѣ, господствовавшей въ школѣ. Ученіе свое онъ продолжалъ такъ ревностно и съ такимъ успѣхомъ, что возбудилъ вниманіе наставниковъ. Благодаря этому, онъ былъ переведенъ въ высшее отдѣленіе коллегіи Монтегю еще до положеннаго на то срока, оставляя своихъ товарищей далеко позади себя.

Для Кальвина наступило, наконецъ, время спеціальнаго изученія богословскихъ наукъ. Всѣ условія его жизни должны были расположить его къ избранію духовной карьеры: и нравственная чистота его, и личныя склонности, и, наконецъ, воля отца. Послѣдній, пользуясь своими связями съ духовными властями и заботясь по-своему о сынѣ, съумѣлъ пріобрѣсти для Кальвина еще одинъ церковный приходъ. Едва достигши 18-ти лѣтъ отъ роду и не будучи еще посвященъ въ священническій санъ, Кальвинъ получилъ приходъ на родинѣ своего отца (Понъ-Левенѣ). Казалось, молодого человѣка ожидала блестящая будущность на избранномъ имъ пути. Вдругъ новое рѣшеніе отца его должно было все измѣнить. Честолюбивый старикъ пришелъ къ убѣжденію, что изученіе права, бывшее въ то время въ почетѣ во Франціи, приведетъ сына его къ болѣе блестящему результату на жизненномъ пути. Подчиняясь волѣ отца, Кальвинъ въ 1527 году началъ посѣщать университеты, сперва въ Орлеанѣ, а потомъ въ Буржѣ, славившіеся тогда своими юридическими факультетами. Съ большимъ рвеніемъ принялся молодой человѣкъ за изученіе права, преподаваемаго знаменитыми юристами того времени (Этуалемъ и Альціати).

Далеко за полночь засиживался Кальвинъ, перечитывая и приводя въ порядокъ прослушанное и записанное въ аудиторіяхъ. Въ этихъ, какъ и во всѣхъ своихъ занятіяхъ, онъ отличается ясностью пониманія и строгостью метода. Блестящіе успѣхи не замедлили обнаружиться, и ученый пикардіецъ вскорѣ обратилъ на себя вниманіе какъ товарищей своихъ, такъ и преподавателей. Еще въ Орлеанѣ онъ сдѣлался настолько извѣстнымъ, что на него смотрѣли скорѣе какъ на учителя, чѣмъ какъ на ученика. Такое видное положеніе его въ университетскомъ кружкѣ не осталось безъ замѣтнаго вліянія на его характеръ. Онъ сдѣлался гораздо общительнѣе. Однако, веселая, подвижная жизнь университетской молодежи слишкомъ мало удовлетворяла Кальвина, который всему предпочиталъ тишину и спокойствіе кабинетной работы. Такимъ образомъ, кружокъ его ограничивался весьма немногими близкими друзьями, съ которыми его связывали общіе научные интересы и стремленія. На ряду съ юриспруденціей, онъ продолжалъ изучать древне-классическую литературу, которую онъ полюбилъ еще въ коллегіи. Нѣ-

мецкій гуманистъ Мельхіоръ Вольмаръ былъ его руководителемъ. Изученіе римскихъ и греческихъ писателей, благодаря такому руководителю, шло весьма успѣшно. Это знакомство съ древне-классическимъ міромъ въ то время имѣло весьма серьезныя послѣдствія. Во Франціи, даже въ большей степени, чѣмъ въ Германіи, такъ называемый гуманизмъ шелъ рука объ руку съ оппозиціей противъ господствовавшаго тогда церковнаго порядка.

Лютеранское движеніе, не касаясь французскаго народа, нашло сильный отголосокъ среди французскихъ гуманистовъ. Любимый учитель его, Мельхіоръ Вольмаръ, сочувствовалъ основнымъ началамъ реформаціи. Могъ ли Кальвинъ оставаться безучастнымъ къ этому дѣлу? Его жаждѣ къ занятіямъ открылось новое поле, которое онъ не оставилъ не воздѣланнымъ. Церковный вопросъ сдѣлался въ Орлеанѣ главнымъ предметомъ его научныхъ занятій. Онъ обратилъ особенное вниманіе на тщательное изученіе библіи, въ которой гуманисты и сторонники реформаціи, главнымъ образомъ, видѣли источникъ своей силы. Достовѣрно извѣстно, что тогда же Кальвинъ посѣтилъ на короткое время Страсбургъ, прозванный тогда новымъ Іерусалимомъ.

Здѣсь-то онъ сошелся съ нѣкоторыми видными сторонниками реформаціи. Однако, главную подготовку къ будущей своей дѣятельности онъ получилъ не въ Орлеанѣ.

Научныя занятія, начатыя въ Орлеанѣ, Кальвинъ продолжалъ въ Буржѣ. Здѣсь онъ нашелъ въ средѣ духовенства не мало значительныхъ лицъ, сочувствовавшихъ новому движенію; здѣсь-то могъ онъ выступить со своими задушевными идеями болѣе открыто. Однако, нѣтъ сомнѣнія, что въ это время Кальвинъ былъ еще весьма далекъ отъ мысли взять на себя роль реформатора въ дѣлѣ религіи.

Другъ стараго порядка и законности, Кальвинъ не могъ помириться съ тѣмъ хаосомъ, который представлялся ему неизбѣжнымъ слѣдствіемъ устраненія церковнаго авторитета. Такимъ образомъ, въ это время Кальвинъ былъ не болѣе, какъ сторонникъ той религіозной оппозиціи, которая была довольно сильна въ образованныхъ кругахъ французскаго народа. Это была оппозиція чисто-консервативнаго свойства, твердо стоявшая на почвѣ католицизма и имѣвшая своею цѣлью не разрушеніе стараго зданія, а только очищеніе его. Въ этомъ направленіи и высказывалась мысль Кальвина. Мало того, эти стремленія умѣренной церковной оппозиціи не поглощали всего вниманія Кальвина: гуманизмъ и его научные интересы все еще стояли у него на первомъ планѣ. Въ изученіи древнихъ классиковъ Кальвинъ находилъ успокоеніе отъ той внутренней тревоги, которую возбудилъ въ немъ религіозный вопросъ. Въ 1530 году умеръ отецъ Кальвина. Это обстоятельство освободило его отъ обязательнаго изученія юриспруденціи. Онъ могъ свободно заняться любимымъ предметомъ, и съ этого времени онъ рѣшительно становится на точку зрѣнія гуманистовъ. Въ это время онъ стремился лишь къ тому, чтобы составить себѣ имя ученаго писателя въ средѣ гуманистовъ. Онъ не мечталъ сдѣлаться Лютеромъ или Цвингли. Рейхлинъ, Эразмъ, Лефевръ были въ этотъ періодъ его идеалами.

Въ такомъ настроеніи прибылъ Кальвинъ въ Парижъ лѣтомъ 1531 г. Здѣсь онъ жилъ, какъ живетъ молодой ученый, серьезно готовящійся къ своему назначенію, употребляя всѣ усилія для своего научнаго совершенствованія. Въ Парижѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ существовали уже въ то время сформировавшіяся общины, порвавшія всякую

связь съ церковнымъ преданіемъ и собственною кровью готовыя отстоять свои новыя религіозныя убѣжденія. Въ столицѣ Кальвинъ познакомился съ однимъ членомъ такой общины, зажиточнымъ купцомъ де ла-Форжъ.

Могъ ли онъ робѣть передъ рѣшеніемъ рокового вопроса? Могъ ли онъ только ради собственнаго успокоенія избѣгать этого рѣшенія болѣе, чѣмъ эти люди? Онъ долженъ былъ подвергнуть себя испытанію. Онъ убѣдился, что въ этомъ великомъ религіозномъ вопросѣ онъ не можетъ оставаться безучастнымъ зрителемъ. „Я внялъ словамъ истины,—говорилъ онъ самъ,—и не избѣгалъ назиданія“. Быстро послѣдовало его рѣшеніе.

Главная преграда, благоговѣніе передъ авторитетомъ церкви и страхъ отлученія, скоро исчезла. По устраненіи этой преграды, стали быстро возникать сомнѣнія одно за другимъ. „Какъ будто внезапный лучъ свѣта озарилъ меня, и я ясно увидѣлъ предъ собою ту крѣпость, въ которой до сихъ поръ находился Господь. Я поступилъ согласно велѣніямъ моего долга и въ ужасѣ и, сверхъ того, проклиная прежнюю свою жизнь, я вступилъ на путь Твой!“—такъ изображаетъ самъ Кальвинъ свое внутреннее настроеніе въ то время. Трудно съ точностью опредѣлить моментъ, къ которому относится окончательный разрывъ его съ католицизмомъ. Но, по всей вѣроятности, этотъ рѣшительный шагъ слѣдуетъ отнести къ 1532 году. Перерожденіе Кальвина было полное. Онъ проникся новыми идеями со всей силой внутренняго убѣжденія. Онъ добровольно пожертвовалъ своей блестящей карьерой, которая его, безъ сомнѣнія, ожидала, и весь отдался нелегкой обязанности пропагандиста новыхъ идей. Въ это время одни только религіозные интересы были близки его сердцу. Занятія гуманистическія потеряли для него всякую прелесть и были имъ заброшены. Гуманистъ превратился въ теолога, библія и отцы церкви заступили мѣсто классиковъ. Маленькая евангелическая община тотчасъ поняла, какое крупную силу она пріобрѣла въ новообращенномъ Кальвинѣ. Послѣдній принималъ самое живое участіе въ тайныхъ сходкахъ общины и своимъ рвеніемъ остановилъ на себѣ всеобщее вниманіе. Не прошло года, какъ молодой ученый сдѣлался духовнымъ центромъ новой религіозной общины въ Парижѣ. Однако, онъ недолго довольствовался скромной дѣятельностью въ предѣлахъ общины. Новое ученіе пріобрѣло сторонниковъ не только въ парижскомъ университетѣ, гдѣ молодой Николай Копъ, другъ Кальвина, былъ избранъ ректоромъ въ 1533 г, но сочувствіе къ реформаціи начинало мало-по-малу распространяться даже въ высшихъ слояхъ общества. Францискъ I, колеблясь постоянно между различными направленіями, смотря по тому, что въ немъ въ данную минуту преобладало—интересы ко внѣшней политикѣ и гуманистическія симпатіи, или его симпатіи монархическо-католическія, обнаруживалъ въ то время серьезное намѣреніе смягчить строгія мѣры противъ новообращенныхъ. Его сестра Маргарита, королева наваррская, высокообразованная покровительница церковной оппозиціи, пользовалась тогда большимъ вліяніемъ. Благодаря ея вліянію, многія лица, которыхъ протестантскій образъ мыслей не подлежалъ сомнѣнію, занимали церковныя кафедры. Въ началѣ 1533 года схоластическая, строго-католическая партія, имѣвшая свой центръ въ Сорбоннѣ и стоявшая всегда за строгія мѣры, лишилась значительной части своего прежняго вліянія. При такихъ обстоятельствахъ Кальвинъ считалъ возможнымъ сдѣлать еще шагъ впередъ. Онъ составилъ смѣлый планъ, вполнѣ въ духѣ экзальтированнаго новообращеннаго.

По его плану, новое живое слово Божіе должно было быть возвѣ-

щаемо открыто, передъ всей Франціей, во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ. Въ наступившій праздникъ Всѣхъ Святыхъ ректоръ университета Копъ, другъ Кальвина, прочелъ передъ многочисленной публикой обработанную Кальвиномъ рѣчь „о христіанской философіи". Онъ изложилъ въ плохо замаскированныхъ выраженіяхъ основныя идеи новой теологіи, сопоставилъ законъ и евангеліе и въ смѣлыхъ выраженіяхъ приглашалъ присутствующихъ не переносить долѣе еретичества софистовъ, ясно намекая этимъ на сорбоннскихъ богослововъ. Это былъ такой вызовъ, какого католическая Франція еще ни разу не переживала. Это событіе возбудило величайшее вниманіе. Сорбонна сочла себя публично оскорбленною и потребовала удовлетворенія. Парламентъ былъ не менѣе оскорбленъ этимъ открытымъ объявленіемъ войны. Наряжено было строжайшее слѣдствіе. Ректоръ, привлеченный парламентомъ къ отвѣтственности, спасся бѣгствомъ въ Базель. Его не могли защитить и привилегіи университета, несмотря на протесты двухъ факультетовъ противъ привлеченія ректора къ отвѣтственности. Преслѣдованія не замедлили обратиться и противъ Кальвина, въ которомъ вскорѣ узнали автора прочитанной рѣчи. Сдѣлано было распоряженіе объ его арестѣ.

Кальвинъ укрылся у одного изъ своихъ друзей. Полиція произвела обыскъ въ квартирѣ Кальвина и захватила всѣ его бумаги. Его не могла спасти даже защита королевы Маргариты. Общественное мнѣніе было слишкомъ возбуждено. Оставаться долѣе въ Парижѣ не было возможности, и Кальвинъ, переодѣтый садовникомъ, бѣжалъ изъ столицы. Такимъ образомъ, первая попытка не удалась. Молодой пропагандистъ ошибся въ своихъ разсчетахъ. Результатъ попытки былъ прямо противоположный ожидаемому. Ударъ обрушился на всю евангелическую партію въ Парижѣ. Эта неудача научила Кальвина быть осторожнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Онъ переселился на югъ Франціи, гдѣ проживалъ подъ вымышленнымъ именемъ. Тихая, скромная жизнь ученаго смѣнилась отнынѣ тревожною жизнью скитальца. Никѣмъ незнаемый, жилъ онъ здѣсь въ уединеніи и продолжалъ свои ученые труды. Въ Ангулемѣ Кальвинъ обдумывалъ и подготовилъ свое важнѣйшее сочиненіе: „Наставленіе въ христіанской вѣрѣ" (Institutio religionis christianae). Въ Ангулемѣ онъ оставался недолго. Въ 1534 году онъ предпринялъ нѣсколько путешествій по южной и средней Франціи. Вездѣ онъ завязывалъ знакомство съ интеллигенціей и хотя осторожно, однако не пропускалъ случая распространять свои идеи. Въ маѣ 1534 г. онъ посѣтилъ свой родной городъ Нойону, чтобы отказаться отъ доходовъ своего прихода, который онъ считалъ недобросовѣстнымъ долѣе удерживать за собой. Онъ посѣтилъ также дворъ королевы Маргариты въ городѣ Неракѣ, гдѣ впервые встрѣтился съ Лефевромъ, отцомъ французскихъ гуманистовъ, который, если вѣрить преданію, предсказалъ Кальвину его будущую славу. Въ концѣ того же года Кальвинъ рѣшился даже посѣтить Парижъ Еще разъ онъ увидѣлъ здѣсь своихъ знакомыхъ. Однако впечатлѣнія, вынесенныя имъ, были не особенно утѣшительнаго свойства. Въ средѣ приверженцевъ евангелія произошелъ расколъ. Возникли мечтательныя секты, которыя вредили христіанству столько же, сколько и папизмъ. Католическая партія, раздраженная фанатизмомъ отступниковъ, продолжала свои нападенія. Пребываніе Кальвина въ Парижѣ совпадаетъ съ временемъ появленія того знаменитаго пасквиля: „О великихъ и достойныхъ презрѣнія злоупотребленіяхъ папской литургіи", который появился на всѣхъ площадяхъ столицы, даже на дверяхъ королевскихъ покоевъ въ Блуа. Это обстоятель-

ство еще болѣе раздражило католиковъ и вызвало новый рядъ преслѣдованій. Подверглись гоненіямъ многіе изъ близкихъ друзей Кальвина, между прочимъ, и де-ла-Форжъ. Кальвинъ убѣдился, что, при такомъ положеніи дѣлъ, ему пока нечего дѣлать во Франціи, и онъ рѣшился оставить свое отечество, дабы „въ какомъ-либо уединенномъ уголкѣ“ сосѣдней Германіи спокойно продолжать свои богословскіе труды. Еще до конца 1534 года отправился онъ въ путь. Изъ множества его друзей одинъ только Луи Тилье послѣдовалъ за нимъ. Не безъ приключеній достигли бѣглецы французской границы... Одинъ изъ ихъ прислуги въ Мецѣ бѣжалъ, похитивъ все имущество своихъ господъ. Лишенные всякихъ средствъ, достигли они Страсбурга, перваго убѣжища французскихъ эмигрантовъ. Повидавшись съ нѣкоторыми друзьями и запасшись всѣмъ необходимымъ, путешественники продолжали путь и, наконецъ, въ началѣ 1535 года, прибыли въ Базель.

Базель собственно и составлялъ цѣль путешествія. Въ этомъ гостепріимномъ городѣ бѣглецы нашли дружескій пріемъ. Здѣсь, пользуясь покоемъ, котораго давно лишенъ былъ Кальвинъ, онъ весь предался своимъ ученымъ трудамъ. Онъ старался избѣгать всего, что могло бы возбудить чье-либо вниманіе и нарушить его покой. Онъ скрылъ и здѣсь свое настоящее имя и ограничилъ кругъ своего знакомства весьма небольшимъ числомъ ученыхъ. Предметомъ его работъ въ Базелѣ было изученіе библіи. Тамъ же онъ занялся приготовленіемъ къ изданію перевода библіи на французскій языкъ, давно уже сдѣланный его родственникомъ Оливетаномъ.

Однако событія времени вскорѣ оторвали его отъ этихъ работъ. Живя вдали отъ своего отечества, онъ, однако, не могъ забыть его. Извѣстія, получаемыя изъ Франціи, указывали, что дѣло, которое было столь близко его сердцу, находится въ весьма неблагопріятныхъ условіяхъ. Кальвинъ составилъ планъ помочь своимъ преслѣдуемымъ единовѣрцамъ и осуществилъ его такъ, что изумилъ весь міръ: онъ издалъ свое знаменитое сочиненіе „Institutio religionis christianae“.

LII. Церковно-политическія преобразованія Кальвина въ Женевѣ и общая оцѣнка его реформаторской дѣятельности.

(По соч. Гейссера: «Geschichte des Zeitalters der Reformation»).

Благодаря отчасти чистой случайности, отчасти же настояніямъ своихъ друзей, Кальвинъ рѣшился поселиться въ Женевѣ, гдѣ должна была начаться его преобразовательная дѣятельность, имѣющая всемірно-историческое значеніе. Расположенная на самой границѣ государства, въ сосѣдствѣ съ честолюбивымъ герцогомъ Савойскимъ, на перепутьи къ различнымъ національностямъ, служа резиденціей епископа, Женева считалась однимъ изъ старѣйшихъ цвѣтущихъ городовъ Бургундіи. Однако, несмотря на это, городъ этотъ замѣтно клонился въ то время къ упадку какъ въ политическомъ, такъ и въ религіозномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Кто знаетъ пуританскую, строгую нравами Женеву, тотъ едва ли можетъ представить себѣ то состояніе, въ которомъ ее засталъ Каль-

винъ. Необузданность страстей и своеволіе, крайнее легкомысліе, отсутствіе всякой дисциплины въ нравахъ, безпорядокъ и анархія въ дѣлахъ государственнаго управленія — вотъ картина, представившаяся Кальвину въ первое его посѣщеніе. Вліяніе духовной власти епископа преобладало въ Женевѣ во всемъ. Хаосъ въ политическихъ дѣлахъ Женевы увеличивался еще интригами честолюбиваго сосѣда, герцога Савойскаго, который, имѣя личные виды на Женеву, ссорилъ гражданъ съ епископомъ и тутъ же предлагалъ себя въ посредники и примирители.

До Кальвина въ Женевѣ дѣйствовали въ разное время нѣсколько реформаторовъ: Вире, Фарель, Теодоръ Беза—всѣ французы. Но никто, конечно, не дѣйствовалъ и не могъ дѣйствовать съ такою силою и съ такимъ успѣхомъ, какъ Кальвинъ. Вся сила его, вся тайна его успѣха лежали не въ количествѣ познаній и не въ ораторскомъ искусствѣ. Нѣтъ! Фанатическая преданность своему дѣлу на жизнь и смерть, строгое проведеніе принциповъ своего ученія въ собственной семейной жизни въ продолженіе многихъ годовъ, безкорыстное служеніе своей идеѣ, безъ малѣйшихъ уступокъ человѣческимъ слабостямъ и страстямъ, неумолимыя требованія относительно другихъ, — вотъ въ чемъ лежало все величіе, все неотразимое вліяніе Кальвина и весь залогъ успѣха его начинаній. И именно такъ онъ дѣйствовалъ въ Женевѣ. Онъ основалъ здѣсь вокругъ себя небольшую школу и усердно принялся за возведеніе того зданія, которое составляло идею всей его жизни. Онъ принялся за проведеніе своей реформы въ области религіи и культа, въ дѣлахъ церковныхъ и соціальныхъ. Онъ проповѣдовалъ своимъ слушателямъ съ такою неотразимою силою, какая доступна была только одному ему, у котораго слово съ дѣломъ никогда не расходилось. Началъ онъ съ организаціи небольшихъ общинъ, на подобіе общинъ первыхъ вѣковъ христіанства. Хотя количество приверженцевъ его возрастало, но онъ не особенно былъ доволенъ этимъ. Онъ видѣлъ, что пріобщеніе къ его ученію есть чисто внѣшнее. Большинство смотрѣло на смѣлаго реформатора, какъ на весьма сподручное орудіе, годное для борьбы съ епископомъ. Они надѣялись этимъ путемъ освободиться отъ римскаго духовенства и создать свою самостоятельную церковь. Свободу они смѣшивали съ произволомъ и продолжали пребывать въ прежней распущенности. Его печалило, что строгая церковная дисциплина никакъ не прививалась, и что всѣ по возможности старались облегчить себѣ дѣло религіи. Кальвинъ не скрывалъ своего недовольства и обнаруживалъ его въ своихъ проповѣдяхъ. Послѣднія выслушивались съ изумленіемъ, смѣшаннымъ со страхомъ; но дальше этого дѣло не шло. Наступилъ праздникъ Пасхи 1538 г. Когда, по обычаю, граждане приступили къ причастію, Кальвинъ вдругъ удалилъ всѣхъ ихъ отъ алтаря, воскликнувъ: „Вы недостойны принять тѣла Христова: ни въ чемъ вы не измѣнились къ лучшему; ваши помыслы и нравы, ваши привычки остались тѣ же, что̀ и были!“

На такую мѣру можно было рѣшиться только разъ, и то не безъ серьезной опасности для себя. Само собою разумѣется, что впечатлѣніе, произведенное этимъ, было ужасное, даже друзья Кальвина, и тѣ не одобряли этого поступка. Его же самого это ничуть не смутило. Однако, онъ долженъ былъ спастись бѣгствомъ изъ Женевы. Женеву онъ оставилъ въ крайне неопредѣленномъ положеніи: внутренняя жизнь представляла безобразный хаосъ, и оправдались пророческія слова Кальвина, сказавшаго, что однимъ отпаденіемъ отъ прежней церкви не создастся

еще церковь новая. Какъ бы то ни было, Кальвину снова пришлось скитаться въ изгнаніи. Понятно, что тяжело было ему переносить новыя неудачи. Этотъ тяжелый періодъ въ жизни реформатора вызвалъ въ немъ въ то время какую-то горечь, которую онъ никогда забыть не могъ.

Скоро, однако, дѣла приняли совершенно другой оборотъ. Три года продолжалась борьба партій, пока, наконецъ, всѣ пришли къ убѣжденію, что, отпавши отъ старой церкви, Женева погибнетъ, если будетъ долѣе противиться реформаціи. Сѣмена, посѣянныя Кальвиномъ, такимъ образомъ, не пропали даромъ, и поворотъ къ лучшему пришелъ самъ собою. Но безъ руководства всѣ надежды и начинанія должны были рухнуть. Въ Женевѣ вспомнили о Кальвинѣ. Единогласно рѣшено было призвать человѣка, который давно желалъ заново создать вѣру, обычаи и свободу. Кальвину сдѣлали настоятельное приглашеніе вернуться въ Женеву и сдѣлаться законодателемъ города. Въ сентябрѣ 1541 года Кальвинъ вернулся въ Женеву, и съ этого момента начинается его всемірно-историческая дѣятельность. Снабженный такою властью, какою только обладалъ въ древности Ликургъ, Кальвинъ широко развернулъ свою дѣятельность и горячо принялся за сооруженіе твердыни Господней, за созиданіе теократіи особаго рода, въ которой все, и религія, и общественная жизнь, и государственное управленіе слились во-едино. Правда, онъ является только проповѣдникомъ слова Божія, не болѣе. Но на самомъ дѣлѣ онъ былъ законодатель, правитель и диктаторъ Женевы. Женева въ рукахъ Кальвина сдѣлалась школой реформаціи для всей западной Европы, и въ то время, когда протестантизмъ изнемогалъ въ борьбѣ съ католицизмомъ, школа Кальвина одна вела эту борьбу съ успѣхомъ и сослужила великую службу дѣлу реформаціи.

По мысли Кальвина, храмъ Божій долженъ состоять изъ однѣхъ только стѣнъ, и никакія внѣшнія украшенія, ни алтарь, ни даже распятіе, словомъ, никакое изображеніе не должно мѣшать благоговѣнію молящагося. Богослуженіе должно состоять въ назиданіи посредствомъ слова и простой духовной пѣсни. Не только молитва, но и всѣ прочіе наши дѣйствія и поступки должны быть, по чистотѣ своей, возведены на степень богослуженія. Брань, игры, пѣсни, пляски и всякаго рода свѣтское препровожденіе времени разсматривались Кальвиномъ, какъ преступленіе и порокъ. Ничто внѣшнее не должно раздражать нашу фантазію. По мнѣнію Кальвина, въ старой церкви внѣшнія впечатлѣнія подавляли внутреннее благоговѣніе вѣрующаго, ибо церковь старалась сильно влiять на внѣшнія чувства человѣка. Онъ же ставилъ на первый планъ духовное начало, внутреннюю идею.

Церковная дисциплина, созданная Кальвиномъ, достойна вниманія. Она слѣдитъ за жизнью каждаго гражданина отъ колыбели до смерти. Всѣ тѣ внушительныя средства и мѣры, которыми старая церковь добилась послушанія вѣрующихъ, Кальвинъ оставилъ и въ своей системѣ и строго провелъ идею о подчиненіи гражданъ всѣмъ церковнымъ порядкамъ. Ни одинъ реформаторъ не ограничилъ личной свободы до такой степени, какъ Кальвинъ. Въ этомъ отношеніи онъ превосходилъ даже старую церковь, которая все-таки представляла исходъ въ отлученіи. Одна только черта смягчала строгость ученія Кальвина, а именно: строгость эта исходила не отъ одного лица, но вытекала изъ воли цѣлой общины, управляемой проповѣдниками и правителями, ею же избираемыми.

Съ изданія ордонансовъ отъ 2 января 1542 года начинается орга-

низація новаго церковно-политическаго устройства Женевы. Четыре рода избирательныхъ чиновъ должны были служить органами этой преобразованной церковной общины: пасторы, ученые, старѣйшины и діаконы. Пасторы и старѣйшины образуютъ консисторію. Первые суть проповѣдники и наставители вѣры; они же совершаютъ необходимыя церковныя таинства. Желающій сдѣлаться пасторомъ долженъ подвергнуться испытанію: отъ него требуется основательное и толковое знаніе св. писанія, онъ долженъ умѣть возвѣщать народу слово Божіе, наконецъ, долженъ отличаться нравственно безупречною жизнью. Только такое лицо можетъ быть подвергнуто выбору. Служебныя обязанности пастора опредѣлены довольно подробно. Пасторы причащаютъ гражданъ четыре раза въ году, руководятъ обученіемъ дѣтей, посѣщаютъ семьи гражданъ и заботятся о томъ, чтобы никто не приступалъ къ церковной трапезѣ невѣжественнымъ и неприготовленнымъ; они же навѣщаютъ заключенныхъ и больныхъ.

Консисторія состоитъ изъ лицъ духовныхъ и двѣнадцати мірянъ, избираемыхъ, по предложенію духовныхъ ея членовъ, совѣтомъ двухсотъ, срокомъ на одинъ годъ. Она обязана заботиться объ исполненіи всѣхъ предписаній закона, главнымъ же образомъ—она есть высшее учрежденіе, наблюдающее за чистотою нравовъ. Каждый четвергъ консисторія имѣетъ свои засѣданія и провѣряетъ, все ли въ порядкѣ въ дѣлахъ церковныхъ. Она снабжена правомъ отлученія, которое, однако, состоитъ только въ исключеніи изъ общества и лишеніи чаши, не сопровождаясь какими-либо другими наказаніями. Консисторія также вѣдаетъ дѣла брачныя. Что же касается діаконовъ, то на ихъ обязанности лежала забота о бѣдныхъ и о подаяніи.

Душею всей этой церковно-политической организаціи былъ Кальвинъ. При взглядѣ на него, мы не замѣчаемъ въ немъ той теплоты, той человѣчности, которая проявлялась въ Лютерѣ, умѣвшемъ тепло и дружественно относиться къ людямъ своего лагеря; какъ человѣкъ, Кальвинъ имѣетъ весьма мало сходства съ Лютеромъ: онъ холоденъ, рѣзокъ, почти мраченъ. На половину пророкъ ветхаго завѣта, на половину демагогъ-республиканецъ, онъ могъ совершать все въ своемъ государствѣ однимъ только могуществомъ своей личности, силою своего слова и величіемъ своего характера. До самаго конца своей жизни Кальвинъ оставался простымъ священникомъ, бѣдный образъ жизни котораго казался врагамъ его проявленіемъ скупости. Дѣйствительно, послѣ 23-лѣтняго управленія онъ оставилъ имущество нищаго-монаха, и этимъ онъ гордился. Бѣдные разсказывали о его добротѣ, великодушіи и щедрости; при немъ городъ необыкновенно разбогатѣлъ, а онъ самъ остался бѣденъ: онъ жилъ и хотѣлъ жить только для другихъ. Это-то и было причиной того, что, въ глазахъ своихъ соотечественниковъ, онъ былъ такъ великъ. По своему положенію, Кальвинъ былъ не только диктаторомъ республики, но даже имѣлъ огромное значеніе въ Европѣ. Изъ его переписки можно видѣть, какъ обширна была даже его внѣшняя, почти общеевропейская дѣятельность. Онъ находится въ постоянномъ письменномъ общеніи съ Маргаритой Валуа, составляетъ подробное наставленіе молодому королю Эдуарду VI англійскому, обмѣнивается письмами съ Булингеромъ, Меланхтономъ, Ноксомъ, даетъ совѣты Колиньи, Кондэ, Іоаннѣ д'Альбрэ, герцогинѣ Феррарской. Его положеніе въ Женевѣ напоминаетъ положеніе Самуила, передъ которымъ склоняется всякій, и хотя въ его письмахъ и звучитъ прямота простого, разумнаго священника, однако

вездѣ въ нихъ проглядываетъ самоувѣренная гордость глубоко убѣжденнаго и вѣрнаго своему убѣжденію человѣка.

Несмотря, однако, на всѣ свои достоинства, Кальвинъ не былъ чуждъ нѣкоторой страшности и раздражительности, свойственныхъ въ довольно значительной мѣрѣ его національности. Вообще же его натура, казалось, принадлежала къ числу натуръ спокойныхъ и холодныхъ, и, дѣйствительно, онъ въ значительной мѣрѣ имѣлъ способность къ самообладанію; но, какъ скоро онъ видѣлъ противорѣчіе тому, что, такъ сказать, наполняло собою все его существо, онъ превращался въ олицетвореніе гнѣва, и тутъ-то выступалъ на сцену уже не хладнокровный священникъ, а іерархъ, реформаціонный папа, пророкъ ветхаго завѣта, низвергающій все, что только противостояло ему; въ другихъ случаяхъ онъ могъ быть милостивъ даже по отношенію къ своимъ врагамъ.

Жертвою подобной нетерпимости Кальвина сдѣлался Серветъ. Этотъ человѣкъ выработалъ и съ жаромъ мученика защищалъ одно изъ теологическихъ воззрѣній, несогласныхъ съ ученіемъ Кальвина, за что послѣдній велѣлъ его сжечь. Такой поступокъ, совершенный въ духѣ среднихъ вѣковъ, когда сожигали на кострѣ всякаго еретика, наложилъ на Кальвина такое пятно передъ лицомъ исторіи, котораго стереть не можетъ ничто.

Впрочемъ, личность этого замѣчательнаго человѣка должна быть разсматриваема со всѣхъ сторонъ, для того, чтобы можно было объяснить себѣ ея могущество. Населеніе республики, въ которой онъ господствовалъ, было до него въ высшей степени развращеннымъ, необузданнымъ, преданнымъ житейскимъ наслажденіямъ; теперь оно сдѣлалось образцомъ мрачной пуританской строгости. Кальвинъ имѣлъ въ этомъ отношеніи огромное значеніе, благодаря полной безупречности своего образа жизни, могуществу самоотреченія, но въ то же время благодаря и всесокрушающей силѣ своей неумолимой воли, а иногда даже и ужасамъ фанатизма.

Его христіанская республика была, собственно говоря, теократіей, устроенной по ветхозавѣтному образцу. Онъ не желалъ, чтобы церковь господствовала надъ государствомъ, но не хотѣлъ и обратнаго; его желанія клонились къ такому полному сліянію государства съ церковью, при которомъ между тѣмъ и другою невозможно было бы провести никакой границы. Очевидно, что для проведенія подобной системы даже въ маленькомъ государствѣ требуется затрата всѣхъ нравственныхъ силъ самой исключительной и энергической личности. Кальвинъ рѣшилъ эту громадную задачу въ промежуткѣ времени между 1540—1561 годомъ, и чуть ли не черезъ три столѣтія спустя остались здѣсь рѣзкіе слѣды его реформы, и та печать, которую ему удалось наложить на народъ, нисчуть не стерлась. Цѣлое столѣтіе спустя послѣ его смерти, можно было отчетливо различить и опредѣлить каждую черту характерной физіономіи женевской школы.

Никто изъ реформаторовъ не принимался такъ серьезно за введеніе церковнаго благочинія, какъ Кальвинъ. Онъ былъ совершенно твердо убѣжденъ въ томъ, что эта переработка должна будетъ обусловить собою прикоренное измѣненіе во всей нравственной жизни народа, и онъ не признавалъ тѣхъ границъ, которыя въ этомъ отношеніи были признаваемы Лютеромъ и Цвингли, имѣвшими болѣе свободныя воззрѣнія на этотъ предметъ.

Уже въ 1536 году Кальвинъ выступилъ на историческую арену въ

качествѣ нравственнаго реформатора, съ совершенно новыми воззрѣніями на преступленія и съ примѣрной строгостью въ наказаніяхъ.

Онъ строго воспретилъ всякое веселье, азартную игру, танцы, пѣніе неприличныхъ пѣсенъ, ругань и т. д.; строгое же исполненіе воскресныхъ дней и посѣщеніе церкви сдѣлалось обязательнымъ для каждаго. Ничто, ни малое, ни великое, не ускользало отъ нравственно-полицейскаго контроля. Въ 9 часовъ вечера каждый гражданинъ долженъ былъ быть дома, подъ страхомъ строгаго наказанія. За нарушеніе супружеской вѣрности полагалась смертная казнь; такъ, одна женщина, уличенная въ этомъ преступленіи, была брошена въ Рону, а двоимъ мужчинамъ были отрублены головы, между тѣмъ какъ прежде то же преступленіе наказывалось только нѣсколькими днями тюремнаго заключенія и небольшимъ денежнымъ штрафомъ. Смертная казнь полагалась не только за всякое богохульство, но даже за проступокъ, въ которомъ можно было усмотрѣть нравственное неуваженіе къ Богу. Ругань и проклятія, обращенныя даже къ животнымъ, были воспрещены. Дитя, позволившее себѣ выругать свою мать, было посажено на хлѣбъ и на воду; другое дитя, бросившее камень въ свою мать, было публично высѣчено и привѣшено за руки къ висѣлицѣ; третье, осмѣлившееся бить своихъ родителей, умерщвлено. Плотскія вожделѣнія, въ большинствѣ случаевъ, наказываемы были утопленіемъ виновнаго; пѣніе неприличныхъ пѣсенъ—заточеніемъ; такъ, женщина, уличенная въ томъ, что она пѣла свѣтскія пѣсни на мотивы псалмовъ, была публично высѣчена; образованный мужчина, пойманный за чтеніемъ соблазнительныхъ разсказовъ Поджіо, былъ заключенъ въ тюрьму. Всякій, кого заставали за картами, былъ привязываемъ, съ картами на шеѣ, къ позорному столбу. Прежнее веселье, сопровождавшее свадебные обряды, должно было быть уничтожено: никакой музыки во время шествія и никакихъ танцевъ на пиру не допускалось Театральныя представленія были воспрещены, за исключеніемъ тѣхъ развѣ случаевъ, когда исполнялись какія-либо сцены изъ библейскихъ сказаній. Чтеніе романовъ было безусловно воспрещено, и кто писалъ что-либо соблазнительное, попадалъ въ тюрьму.

Такимъ образомъ, самое послѣдовательное проведеніе преобразованнаго церковнаго благочинія повело за собою впаденіе въ ту же односторонность, которая характеризовала прежнюю монастырскую и иноческую жизнь; результаты этого неестественнаго положенія вещей не замедлили, конечно, сказаться.

Впрочемъ, подобныя крайности вытекали уже изъ самой сущности кальвиновской реформы: методическая набожность, гордившаяся тѣмъ, что ей удается исключить изъ среды людей самыя пустячныя житейскія наслажденія, была одной изъ весьма характерныхъ чертъ его реформы. Во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать, что все это имѣло свое важное значеніе, въ особенности для того времени.

Такое отношеніе кальвиновской реформы къ людямъ было скорѣе спартанскимъ или древне-римскимъ, нежели христіанскимъ. Никто, конечно, не подумаетъ, что существуетъ хоть малѣйшая возможность пригнать все человѣчество подъ такую мѣрку; но что этимъ путемъ можно въ извѣстномъ кругу людей выработать сильные характеры, выработать личностей съ доходящею до самозабвенія преданностью къ извѣстному дѣлу, съ самоотверженнымъ героизмомъ, это безспорно. Въ этомъ-то и заключалось значеніе кальвиновскаго образцоваго государства. Послѣ нѣкотораго времени распущенной и безнравственной жизни ему удалось пере-

гнуть людей къ противоположной крайности; послѣ нѣкотораго времени страшнаго, ничѣмъ неудержимаго разврата, при которомъ не было, повидимому, ничего воспрещеннаго, явился онъ и наложилъ клеймо преступленія даже на такіе поступки, которые, съ точки зрѣнія общечеловѣческой, считались невинными.

Школа, въ которой господствовала такая строгость, въ которой презирались всякія наслажденія и житейскіе соблазны, которая способна была приносить громадныя жертвы, отважиться на рѣшительныя дѣла ради служенія всемірно-исторической идеѣ, такая школа должна была несомнѣнно пріобрѣсти огромное вліяніе, и, дѣйстрительно, вліяніе ея внутри страны и внѣ ея было поразительно. Жизнь въ Женевѣ совершенно преобразилась; торжественное духовное настроеніе замѣнило собою прежнюю свѣтскую шумную жизнь; прежнее легкомысліе уничтожилось, великолѣпіе въ одеждахъ исчезло, маскарады, танцы и т. п. увеселенія перестали существовать, трактиры и театры были пусты, церкви же были вѣчно переполнены, и общій духъ благоговѣнія и религіознаго настроенія охватывалъ весь городъ, все населеніе...

Эта же школа послужила исходнымъ пунктомъ для обширной пропаганды, дѣятельность которой простерлась на многія другія государства; такъ, мы находимъ большое число пропагандистовъ въ лицѣ французскихъ и голландскихъ кальвинистовъ, главнымъ же образомъ въ лицѣ шотландскихъ пресвитеріанъ и англійскихъ пуританъ, которые всѣ были выходцами изъ Женевы, этой метрополіи кальвинизма.

Въ то время, когда Европа не могла указать въ реформаторской дѣятельности ни на одинъ твердый, укрѣпленный и стойкій бастіонъ, маленькое женевское государство было единственнымъ пунктомъ, который могъ считаться могущественнымъ оплотомъ въ реформаціонномъ движеніи. Это маленькое государство ежегодно разсылало по свѣту апостоловъ, которые вездѣ проповѣдывали свое ученіе и представляли для Рима самый опасный противовѣсъ, тогда какъ онъ не видѣлъ противъ себя ни одной выставленной батареи. Въ піонерахъ этой маленькой общины сказался тотъ смѣлый и гордый духъ, который могъ образоваться лишь подъ вліяніемъ такого стоическаго развитія характера и воспитанія, какое они пережили. Это былъ особенный, точно изъ стали вылитый, родъ людей, для котораго ничто не казалось слишкомъ смѣлымъ и который далъ реформаціонному движенію новое направленіе въ томъ отношеніи, что это движеніе отстало отъ старыхъ порядковъ, носившихъ на себѣ характеръ монархизма и увѣровало въ евангеліе демократіи.

Это было дѣло громадной важности въ томъ смыслѣ, что оно шло наперекоръ тѣмъ отчаяннымъ усиліямъ, которыя тщетно употреблялись старой церковью и старымъ монархическимъ принципомъ для подавленія реформаціоннаго духа.

Съ пассивнымъ сопротивленіемъ Лютера трудно было бы устоять противъ такихъ личностей, какъ Караффа, Филиппъ и Стюарты, для этого нужна была школа вооруженныхъ съ головы до ногъ людей, а такихъ то и вырабатывала школа Кальвина. Они вездѣ подняли брошенную перчатку: во Франціи, въ Нидерландахъ, въ Шотландіи, въ Англіи; во все продолженіе религіозныхъ и политическихъ войнъ за освобожденіе и вплоть до первыхъ переселеній въ Сѣверную Америку, вездѣ можно видѣть дѣятельность женевской школы. Женевѣ принадлежитъ цѣлая область всемірной исторіи, область, въ которую входитъ наиболѣе важный періодъ XVI и XVII столѣтій.

Цѣлый рядъ самыхъ выдающихся личностей во Франціи, Нидерландахъ и Великобританіи принадлежалъ этой школѣ; все это личности рѣзкія, мрачныя, строгія, но въ то же время характеры желѣзные, характеры такой отливки, въ которой смѣшались романскіе и германскіе, средневѣковые и новые элементы и которые изъ новаго ученія вывели самымъ строгимъ и послѣдовательнымъ образомъ свои національно-политическіе взгляды.

4. РЕФОРМАЦІЯ ВЪ РОМАНСКИХЪ СТРАНАХЪ.

LIII. Политическій строй Франціи въ эпоху реформаціи.

(Изъ соч. Ардашева: «Абсолютная монархія на Западѣ»).

Къ началу XVI в., то-есть къ времени, когда завершилось территоріальное собираніе Франціи, заканчивается и государственно-правовой процессъ дефеодализаціи королевской власти во Франціи. Францискъ I (1515—1547) представляетъ собою уже государя въ новомъ, не-феодальномъ смыслѣ, въ смыслѣ государственно-правовомъ. Его власть покоится не на землевладѣніи и не на вѣрности „вассаловъ“, не на избраніи, наконецъ. Онъ — государь Божіею милостію (par la grâce de Dieu), управляющій государствомъ посредствомъ своихъ людей, чиновниковъ, (gens de roi, officiers du roi), — командующій всѣми вооруженными силами королевства, — держащій въ своихъ рукахъ верховный судъ и законодательную власть, — не знающій болѣе никакихъ правовыхъ ограниченій своей власти: однимъ словомъ, онъ — государь и государь абсолютный. Не существуетъ болѣе никакой власти въ государствѣ, которая могла бы конкурировать съ короной. Политическій абсолютизмъ представляетъ собою совершившійся фактъ. Самъ парижскій парламентъ, тотъ самый парламентъ, который столѣтіе спустя сдѣлается ярымъ антагонистомъ короны, теперь не обинуясь провозглашаетъ во всеуслышаніе неограниченность королевской власти, какъ одно изъ основныхъ началъ государственнаго строя Франціи. „Мы хорошо знаемъ,—говорилъ, обращаясь къ Франциску отъ имени парламента его президентъ,—мы хорошо знаемъ, что вы выше законовъ, и ординансы не имѣютъ для васъ принудительной силы“. Венеціанскій посолъ при дворѣ Франциска пишетъ: „Отнынѣ королевская воля—все, даже въ дѣлѣ правосудія: никто не осмѣлился бы слушаться своей совѣсти, если бы для этого пришлось ослушаться государя“. Сравнивая настоящее съ былымъ, старые вельможи меланхолически вздыхали: „Когда-то наши короли именовались reges Francorum („короли надъ свободными людьми“), теперь имъ слѣдовало бы называться reges servorum („короли надъ рабами“). При Францискѣ, котораго одинъ изъ новѣйшихъ историковъ (Hanotaux) совершенно справедливо называетъ „первымъ абсолютнымъ государемъ во Франціи“, какъ было выше замѣчено, впервые входитъ въ постоянное употребленіе заключительная фор-

мула всѣхъ королевскихъ ордоннансовъ: car tel est notre plaisir—поелику таково наше изволеніе,—формула, сдѣлавшаяся, такъ сказать, сигнатурой „стараго порядка“ во Франціи.

Свершившаяся политическая перемѣна находитъ себѣ внѣшнее наглядное выраженіе въ королевскомъ дворѣ, получающемъ новую физіономію; появляется многочисленный и блестящій придворный штатъ съ болѣе или менѣе звучными титулами и громкими именами,—именами знатныхъ феодальныхъ фамилій. Францискъ I уже полагаетъ начало той политикѣ, которой полнаго разцвѣта предстояло достигнуть при Людовикѣ XIV, — политикѣ привлеченія феодальной знати къ королевскому двору, чѣмъ достигался двоякій результатъ: усиленіе внѣшняго блеска и представительности королевской власти — съ одной стороны, а съ другой — постепенное превращеніе своевольной и непокорной феодальной знати въ дисциплинированную и раболѣпную придворную аристократію. При Францискѣ же мы находимъ и первые зародыши того придворнаго этикета и церемоніала, которымъ предстояло расцвѣсти столь пышнымъ цвѣтомъ при дворѣ „короля-солнца“.

Но этому королевскому абсолютизму недоставало кое-чего, и коечего весьма существеннаго: ему недоставало прочной организаціи. Восполнить этотъ пробѣлъ—организовать абсолютную монархію во Франціи—выпало на долю слѣдующаго столѣтія. Этимъ, впрочемъ, не исчерпывалась предстоявшая семнадцатому вѣку задача: ему предстояло не только организовать абсолютную монархію, но еще и возсоздать ее предварительно. Въ самомъ дѣлѣ, семнадцатому вѣку пришлось въ значительной мѣрѣ передѣлать сызнова то дѣло, которое, казалось, уже было окончено въ первой половинѣ шестнадцатаго. Дѣло въ томъ, что во второй половинѣ XVI в. произошла рѣзкая феодальная реакція, которая, казалось, поставила крестъ надъ всѣми результатами, достигнутыми королевскою властью въ предыдущіе пять столѣтій. Наступала какъ бы новая феодализація. Причины этой реакціи были двоякаго порядка: однѣ — длительныя, бравшія свое начало въ предшествующемъ развитіи, другія — моментальныя, скоропреходящія.

Причины первой категоріи сводятся къ тому общему факту, который только-что былъ отмѣченъ: этотъ фактъ—отсутствіе прочной организаціи абсолютной монархіи, или скажемъ болѣе опредѣленно—отсутствіе такой административной организаціи, которая бы соотвѣтствовала потребностямъ королевской власти, претендующей на абсолютизмъ. Королевская власть была абсолютна, всесильна въ томъ смыслѣ, что не было болѣе никакихъ силъ, которыхъ она не могла бы сломить, не было такихъ барьеровъ, черезъ которые она не могла бы перешагнуть; но этой всесильной власти недоставало органовъ, которые бы служили постоянными, ежедневными проводниками ея отъ центра до самыхъ отдаленныхъ окраинъ королевства. Правда, ни въ центрѣ, ни въ провинціи не было недостатка въ королевскихъ людяхъ, королевскихъ чиновникахъ (gens du roi, officiers du roi): одни изъ нихъ назывались генералъ-губернаторами (gouverneurs généraux), другіе казначеями Франціи (trêsoieurs de France), третьи королевскими судьями (juges royaux) разныхъ ранговъ и наименованій; наконецъ, парламенты—парижскій и нѣсколько провинціальныхъ—точно также состояли изъ „королевскихъ людей“. Насколько, однако, всѣ эти „королевскіе люди“ были годны въ качествѣ органовъ королевской власти?

Начнемъ съ парламентовъ.

Первоначально парламентъ, сдѣлавшись органомъ легистовъ, былъ усерднымъ проводникомъ королевскаго абсолютизма. И корона мирволила ему и охотно содѣйствовала расширенію его компетенціи и упроченію его авторитета. Къ числу такихъ знаковъ королевскаго благоволенія относится и та мѣра, благодаря которой парламентъ сталъ въ независимое положеніе по отношенію къ самой королевской власти: мы разумѣемъ несмѣняемость членовъ парламента, признанную короной въ 1467 г., и сдѣлавшуюся съ тѣхъ поръ одною изъ основныхъ „привилегій" парламента. Существо дѣла не измѣнилось, когда вскорѣ послѣ того, со введеніемъ продажности парламентскихъ должностей, послѣднія сдѣлались неотъемлемою благопріобрѣтенною и наслѣдственною собственностью своихъ обладателей. Ставъ, благодаря этому, въ независимое положеніе отъ королевскаго „изволенія", парламентъ не замедлилъ перемѣнить роль послушнаго орудія короны на роль самостоятельной власти, заявлявшей притязаніе контролировать корону. Фактическая утрата генеральными штатами ихъ политическаго значенія (послѣ 1439 г.) какъ бы подсказывала парламенту его новую роль—роль противовѣса королевккому абсолютизму. Формальною основой для притязанія парламента послужило старинное право регистраціи (enregistrement). Въ качествѣ присяжнаго „хранителя законовъ королевства", парламентъ велъ особые реестры, куда вписывался текстъ всякаго новаго королевскаго ордоннанса, при чемъ, въ силу исконнаго обычая, пріобрѣвшаго силу обязательнаго правила, никакой новый ордоннансъ не получалъ силы закона, прежде чѣмъ былъ вписанъ въ парламентскіе реестры. Логическимъ выводомъ изъ этого права регистраціи было право ремонстраціи. Если парламентъ находилъ извѣстный новый ордоннансъ противорѣчащимъ „основнымъ законамъ королевства", то онъ обращался къ королю съ соотвѣтствующими представленіями (remontrances) объ измѣненіи или совершенной отмѣнѣ даннаго королевскаго акта. Если „представленія" оставлялись королемъ безъ послѣдствій, то парламентъ отказывалъ такому ордоннансу въ „регистраціи". Правда, корона никогда не признавала этого присвоеннаго парижскимъ парламентомъ,—а за нимъ и провинціальными—права, почти равносильнаго законодательному veto, — и всегда могла прибѣгнуть, въ крайнемъ случаѣ, къ принудительной регистраціи посредствомъ такъ называемаго lit de justice, т.-е. торжественнаго засѣданія парламента въ присутствіи самого короля. Тѣмъ не менѣе, фактически королевской власти приходилось серьезно считаться съ сопротивленіемъ парламента, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ послѣдній началъ находить себѣ живую поддержку со стороны нарождавшагося общественнаго мнѣнія, — и нерѣдко правительство предпочитало брать обратно забракованный парламентомъ ордоннансъ или вносить въ него соотвѣтствующія поправки, чѣмъ вызывать открытый конфликтъ съ парламентомъ.

Что касается „королевскихъ судей", „казначеевъ Франціи" и другихъ многочисленныхъ финансовыхъ чиновниковъ, то всѣ они, начиная съ первой половины XVI в., превратились, одни за другими, въ такихъ же наслѣдственныхъ обладателей своихъ благопріобрѣтенныхъ должностей, какими были и члены парламентовъ, и слѣдовательно фактически были независимы отъ центральной власти, органами которой они номинально считались.

Оставались еще генералъ-губернаторы. Какъ регулярное учрежденіе, они ведутъ начало со времени Франциска I: до той поры генералъ-губернаторы назначались лишь временно и исключительно въ погранич-

ныхъ областяхъ. При Франциск впервые все королевство было раздѣлено на двѣнадцать генералъ-губернаторствъ, съ генералъ-губернаторами во главѣ, въ качествѣ непосредственныхъ представителей и органовъ королевской власти въ области. Для того, чтобы эта новая, делегированная въ провинцію власть могла съ успѣхомъ выполнить свою задачу въ обществѣ, въ которомъ феодальная знать имѣла еще много вѣса, на должность генералъ-губернаторовъ необходимо было назначать людей, которые бы могли пользоваться авторитетомъ въ глазахъ этого общества по своему соціальному положенію. Вотъ почему генералъ-губернаторы назначались обыкновенно изъ представителей наиболѣе знатныхъ феодальныхъ фамилій, нерѣдко изъ принцевъ королевскаго дома. Но что же вышло? Благодаря своему независимому соціальному положенію, благодаря своему личному вліянію, а также наслѣдственнымъ навыкамъ самовластія, эти знатные сеньеры оказались мало пригодными для роли послушныхъ орудій королевской власти. Дѣйствительно, скоро генералъ-губернаторы начинаютъ разыгрывать въ своихъ обширныхъ ген.-губернаторствахъ роль маленькихъ королей. Они начинаютъ окружать себя придворною помпой; начинаютъ дѣйствовать самовластно, мало обращая вниманія на идущіе отъ центральной власти приказы и инструкціи; однимъ словомъ, обнаруживаютъ замашки былыхъ феодальныхъ владѣтелей и даже на свои области начинаютъ смотрѣть, какъ на свои наслѣдственные „фьефы". И дѣйствительно, феодальный принципъ наслѣдственности общественныхъ должностей, далеко не утратившій своей жизнеспособности, съ новою силой возрождается въ этомъ учрежденіи. Генералъ-губернаторъ обыкновенно при жизни своей спѣшитъ заручиться согласіемъ короля на передачу генералъ-губернаторства своему сыну или другому ближайшему „наслѣднику", и многія генералъ-губернаторства становятся съ теченіемъ времени какъ бы фамильнымъ достояніемъ различныхъ феодальныхъ „домовъ"; возникаютъ какъ бы генералъ-губернаторскія династіи, нѣчто въ родѣ былыхъ феодально-владѣльческихъ фамилій. Однимъ словомъ, въ лицѣ г.-губернаторовъ началась какъ бы новая феодализація. Въ разгаръ феодальной реакціи, въ эпоху религіозныхъ войнъ, въ средѣ генералъ-губернаторовъ находились лица, которые не обинуясь предлагали ни болѣе, ни менѣе, какъ „чтобы тѣ, кто владѣетъ г.-губернаторствомъ въ силу королевскаго порученія, были бы уполномочены сохранить свои г.-губернаторства на правахъ полной собственности, подъ условіемъ феодальной присяги на вѣрность короны": то-есть, другими словами, предлагалось ни болѣе, ни менѣе, какъ однимъ разомъ возвратиться къ тому положенію вещей, на борьбу съ которымъ французская монархія потратила нѣсколько вѣковъ безпрерывныхъ усилій.

Слабость монархической организаціи не замедлила обнаружиться самымъ чувствительнымъ образомъ въ эпоху религіозныхъ войнъ: эти послѣднія и представляютъ собою вторую изъ двухъ вышеупомянутыхъ категорій причинъ феодальной реакціи, которою отмѣчена вторая половина XVI в. во Франціи. Въ эту пору многіе генералъ-губернаторы „ведутъ себя, какъ настоящіе короли", по словамъ одного современника. Они устанавливаютъ и собираютъ въ свою пользу подати, набираютъ войска, ведутъ переговоры и заключаютъ союзы—все это не только безъ согласія и вѣдома короля, но сплошь да рядомъ и прямо противъ него.

Такимъ образомъ, объединенная вѣковыми усиліями въ рукахъ короля государственная власть снова разсыпается, дробится и уплываетъ изъ рукъ короля, захваченная въ центрѣ парижскимъ парламентомъ и

главарями обѣихъ борющихся партій, въ областяхъ — провинціальными парламентами и генералъ-губернаторами. Результатомъ всего этого было то, что когда смута наконецъ прекратилась, то коронѣ пришлось почти сызнова начинать то дѣло собиранія государственной территоріи и государственной власти, которое, казалось, было закончено еще въ первую половину XVI вѣка.

LIV. Церковное состояніе Франціи въ началѣ XVI вѣка и возникновеніе реформаціонныхъ идей.

(По соч. Лучицкаго: «Феодальная аристократія и кальвинисты во Франціи». Ч. I).

Движеніе идей, вызванное „возрожденіемъ", недовольство Римомъ и его политикою, рѣзкая противоположность между нравственными идеалами лучшихъ людей и тѣмъ состояніемъ, въ какомъ находилось духовенство: таковы лишь немногія изъ тѣхъ причинъ, которыя создали реформацію и проложили ей путь какъ въ Германіи и Франціи, такъ и въ другихъ странахъ.

Состояніе французскаго духовенства въ XVI вѣкѣ представляло богатую почву для дѣятельности реформаторовъ, для распространенія реформаціонныхъ идей. Матеріальное положеніе духовенства, какъ и развращеніе, глубоко проникшее въ среду его членовъ, были сильнѣйшими стимулами для возбужденія неудовольствія въ средѣ народа.

Французское духовенство было однимъ изъ богатѣйшихъ сословій въ государствѣ. Въ его рукахъ сосредоточивалась громадная масса поземельныхъ владѣній, а уплата ему народомъ десятины и платежи разнаго рода доводили ежегодный доходъ духовенства до 2/5 всего дохода, получаемаго государствомъ съ народа. Его члены, начиная отъ главнѣйшихъ его представителей и кончая сельскими священниками, были проникнуты духомъ любостяжанія и все свое вниманіе обращали на пріобрѣтеніе новыхъ источниковъ дохода. Въ произносимыхъ ими проповѣдяхъ то и дѣло слышались воззванія объ уплатѣ десятины, и рѣдкій изъ нихъ затрогивалъ вопросы, выходящіе изъ круга матеріальныхъ интересовъ. То были тенденціи, издавна вкоренившіяся въ среду французскаго духовенства, успѣвшаго различными путями добиться до высокаго матеріальнаго положенія. А эти тенденціи стояли всегда въ разрѣзъ съ тенденціями мірскихъ людей, знати и городовъ, которые видѣли въ увеличивавшемся богатствѣ духовныхъ лицъ прямой ущербъ собственнымъ интересамъ. Въ XVI вѣкѣ богатство духовенства увеличилось, а разореніе страны, обѣднѣніе народа шли въ возрастающей прогрессіи. Чѣмъ больше увеличивалась бѣдность, чѣмъ яснѣе обнаруживалось истощеніе страны, тѣмъ больше увеличивался долгъ, тѣмъ рѣзче выступала наружу противоположность между богатствомъ духовенства и бѣдностью народа. Старая вражда горожанъ и знати противъ духовенства, при такихъ обстоятельствахъ, возникла съ новою силою и заставляла болѣе смѣлыхъ сдѣлать рѣшительный шагъ—принять новыя доктрины, проповѣдывавшія секуляризацію церковныхъ имуществъ.

Но то была не единственная причина, привлекавшая народъ къ

ереси. Духовенство было богато и отличалось крайнимъ эгоизмомъ; но это были не исключительныя только стороны, отталкивавшія отъ него народъ. Во всѣхъ своихъ членахъ оно было испорчено и глубоко пало въ нравственномъ отношеніи. Невѣжество и самый наглый, открытый развратъ, казалось, сжились съ духовными лицами, главною заботою и цѣлью жизни которыхъ сдѣлалось пріятное препровожденіе времени. Только одна одежда отличала еще большинство духовныхъ лицъ отъ міранъ. Во главѣ церкви, какъ и на низшихъ мѣстахъ церковной іерархіи, сидѣли лица, нимало не приготовленныя къ своему званію, да и мало заботившіяся о немъ. Пока за духовенствомъ оставалось право выбора, въ аббаты монастырей и въ другія видныя должности избирались лишь тѣ, кто умѣлъ придать жизни веселый колоритъ. „Они выбирали,—говоритъ Брантомъ,—чаще всего того, кто обладалъ качествами хорошаго собесѣдника, кто любилъ охоту, кто крѣпко запивалъ и т. д.“. Это дѣлалось съ тою цѣлью, чтобы „онъ позволялъ и братіи вести развратную и веселую жизнь“. Епископы были не лучше. Когда они достигали этого сана, „они вели Богъ знаетъ какую жизнь“. Заключенный между Франциском I и Львомъ X конкордатъ, въ силу котораго раздача бенефицій и должностей перешла въ руки короля, ничуть не измѣнилъ положенія дѣлъ. Поведеніе духовенства стало не лучше, даже едва ли не хуже. Само духовенство, въ лицѣ своихъ представителей на штатахъ въ Орлеанѣ, сознавалось въ этомъ, требовало возстановленія церковнаго строя, отъ котораго духовныя лица такъ скандалезно и недостойно уклонялись. „Большинство епископовъ,—такъ говорилъ одинъ изъ среды епископовъ, Жанъ де Монлюкъ,—отличается крайнею лѣностью и нисколько не страшится отдать отчетъ о стадѣ, которое имъ ввѣрено: ихъ главная забота — накопленіе доходовъ, употребленіе ихъ на безумные и скандалезные предметы. Въ то же время епископства даютъ дѣтямъ или лицамъ невѣжественнымъ, не обладающимъ ни знаніемъ своего дѣла, ни охотою исполнять его. Сельскіе священники—люди корыстолюбивые, невѣжественные, заботящіеся обо всемъ, исключая своей обязанности, и, по большей части, добившіеся бенефицій незаконнымъ путемъ. Кардиналы и епископы безъ малѣйшаго затрудненія раздаютъ бенефиціи своимъ дворецкимъ, даже болѣе—своимъ поварамъ, брадобреямъ и лакеямъ. Всѣ эти сановники церкви своею жадностью, невѣжествомъ, распутною жизнью сдѣлались предметами ненависти и презрѣнія со стороны народа“. Міряне въ своихъ обвиненіяхъ шли еще дальше и раскрывали безъ утайки жалкое положеніе духовенства. „Невѣжество, жадность и любовь къ роскоши— вотъ три порока, которые одолѣваютъ духовенство, — такъ говорили представители народа на штатахъ въ Орлеанѣ:—церкви оставлены впустѣ и отданы фермерамъ: средства, назначенныя для благотворительныхъ цѣлей, расходуются на мірскія нужды. Громадное число священниковъ получаютъ мѣста за деньги. Бенефиціи покупаются и продаются, церковные суды издаютъ рѣшенія за деньги, и преступленія остаются безъ всякаго наказанія. Лишь немногіе изъ духовныхъ живутъ въ своихъ резиденціяхъ и занимаются добросовѣстно своимъ дѣломъ. Остальные отличаются невѣжествомъ и полнѣйшею неспособностью. Ихъ жадность такъ велика, что они берутъ деньги за совершеніе таинствъ, за звонъ колоколовъ, за всякую духовную требу. Монахи ведутъ бродячую жизнь, забыли дисциплину. Аббаты и аббатиссы держатъ столъ отдѣльно отъ братіи. Своею одеждою они болѣе походятъ на комедіантовъ, чѣмъ на тѣхъ важныхъ и простыхъ лицъ, которыми они должны быть по своему званію“.

У любого епископа вы найдете прекрасно вышитые и раздушенные платки, драгоцѣнныя украшенія и кресты, осыпанные драгоцѣнными камнями. А откуда берется все это, отчего лица церкви отличаются такими пороками, какихъ не найти у другихъ сословій? „Симонія не только терпится, она господствуетъ. Духовенство, не краснѣя, вчиняетъ процессы изъ-за сохраненія беззаконно-пріобрѣтенныхъ бенефицій. А этими бенефиціями владѣютъ и женщины, и люди женатые, любящіе роскошь и наряды". Понятно, что эти люди не заботились о нравственномъ достоинствѣ; что за каждымъ почти изъ сановниковъ церкви водилось не мало грѣшковъ, извѣстныхъ всѣмъ; что они не стыдились, несмотря на церковныя правила, вступать въ бракъ, даже вѣнчаться въ церкви, не лишаясь при этомъ ни своего званія, ни бенефицій. Понятно, что дѣло „ученія" находилось въ полнѣйшемъ пренебреженіи, а если кто-либо и занимался имъ, то гораздо скорѣе изъ-за тщеславія, изъ желанія показать себя, а нисколько не изъ стремленія принести паствѣ дѣйствительную пользу. Да и какъ могли поучать, какъ могли проповѣдывать люди, которые часто „не были въ состояніи объяснить того, что происходитъ во время богослуженія, не умѣли ни читать, ни писать", которые „большую часть дня проводили въ тавернахъ, были постоянно пьяны"? Какое нравственное вліяніе могли имѣть они на народъ, когда часто какой-нибудь крестьянинъ, недовольный поведеніемъ своего сына, его лѣностью и распутствомъ, отдавалъ его въ священники, когда во всѣхъ дракахъ, играхъ, танцахъ, ночныхъ похожденіяхъ они играли всегда первую роль?

При такомъ состояніи духовенства недовольство народа и стремленіе его къ реформѣ становилось дѣломъ вполнѣ естественнымъ. Не только міряне, но и лучшіе изъ среды духовенства, монахини разныхъ орденовъ, сельскіе священники, какъ и нѣкоторые епископы, готовы были пристать къ тому ученію, которое ратовало за чистоту нравовъ; а ее-то они и не находили въ общественной средѣ. Народъ самъ заявлялъ, что главная причина религіозныхъ смутъ заключается въ поведеніи духовенства, и въ средѣ массы неуваженіе къ духовенству стало господствующимъ фактомъ. Въ народныхъ пѣсняхъ, какъ и въ литературныхъ произведеніяхъ того времени, духовенство, его нравы, его поведеніе являются предметомъ насмѣшки, любимою темою для разработки. Не только у Рабле или въ стихотвореніяхъ Маргариты Валуа, но даже у какого-нибудь придворнаго пѣвца лира настраивалась особенно живо и весело, когда дѣло шло о духовенствѣ. Изъ книгъ и народныхъ устъ духовенство попадало и на театральные подмостки, и его невѣжеству, систематическому обману, суевѣрію не давали пощады.

Но то, что служило для многихъ предметомъ смѣха, представлялось другимъ величайшимъ преступленіемъ и порокомъ и возбуждало въ нихъ отвращеніе и ненависть и къ духовнымъ лицамъ, и къ проповѣдываемому ими культу, Уже съ конца XV и въ началѣ XVI вѣка раздавались во Франціи голоса, требовавшіе реформы церкви и въ ея главѣ, какъ и въ членахъ, и проповѣдывавшіе новыя воззрѣнія на вопросы религіи. Во многихъ провинціяхъ еще въ концѣ XV и въ началѣ XVI столѣтія стали появляться личности, проповѣдывавшія открыто самыя страшныя еретическія мнѣнія. Такъ, въ 1511 году въ церковный капитулъ въ Руанѣ была представлена личность, произносившая въ собраніи смѣлыя рѣчи по поводу святости алтаря. Въ другой разъ въ округѣ Нешатель былъ схваченъ, по указанію сельскаго священника, человѣкъ, который вынулъ изо рта во время причастія гостію и унесъ ее въ рукѣ. Онъ, по свидѣ-

тельству призванныхъ лицъ, былъ вынужденъ къ тому молодой дѣвушкой, желавшей изслѣдовать истинность евхаристіи. Такіе случаи повторялись чаще и чаще. Святотатства, не имѣвшія въ виду поживы, совершались въ церквахъ, и священникъ города С.-Ло подалъ даже по этому поводу докладную записку въ капитулъ.

То были движенія, вышедшія изъ среды „темной массы". Но годъ спустя, въ 1512 году, въ средѣ ученыхъ, выработавшихся подъ вліяніемъ идей возрожденія, проявились симптомы критическаго отношенію къ ученію церкви. Профессоръ парижскаго университета Лефевръ д'Этапль положилъ начало этому движенію. Еще въ 1512 году онъ сознавалъ близость переворота, ясно видѣлъ всю негодность католическаго строя. „Сынъ мой!—говорилъ онъ Гильому Фарелю, своему ученику,—Господь обновитъ вскорѣ міръ, и ты будешь свидѣтелемъ этого обновленія". Такое обновленіе было, по его мнѣнію, дѣломъ неизбѣжнымъ. Онъ предсказалъ возможность реформы, а между тѣмъ своимъ сочиненіемъ о письмахъ ап. Павла, вышедшимъ въ декабрѣ 1512 года, онъ полагалъ ей начало, подготовлялъ „возрожденіе и обновленіе церкви". Задолго до Лютера онъ провозгласилъ важнѣйшій принципъ реформаціи, что однихъ дѣлъ недостаточно для спасенія, а необходима благодать; что священное писаніе — источникъ и руководство истиннаго христіанства. Его вліяніе на слушателей, безграничная любовь и уваженіе, которыми онъ пользовался какъ ихъ въ средѣ, такъ и въ кружкѣ ученыхъ, группировавшихся въ Парижѣ, рядомъ съ всеобщею потребностью реформы и неудовольствіемъ противъ духовенства, повели къ сформированію цѣлаго движенія въ пользу доктринъ, проповѣдуемыхъ Лефевромъ. Вокругъ него образовался цѣлый кружокъ изъ лицъ, заинтересованныхъ въ успѣхѣ просвѣщенія и враждебно относившихся къ монашеству, изъ среды котораго выходили наиболѣе рьяные противники знанія.

То значеніе, какимъ пользовался въ то время этотъ кружокъ, открывало ему обширное поле для вліянія. Францискъ I считалъ себя покровителемъ наукъ и искусствъ, тратилъ большія суммы на поддержку ученыхъ, давалъ имъ лучшія мѣста. Значительная часть прелатствъ и выгодныхъ и вліятельныхъ мѣстъ въ церкви принадлежала людямъ ученымъ, которые своими проповѣдями (что было тогда рѣдкимъ явленіемъ) привлекали народъ.

Въ епископѣ города Мо, Брисонне, кружокъ реформаторовъ нашелъ ревностнаго защитника и покровителя. Лефевръ и его ученики, Фарель, Жераръ, Руссель и Аранда, были вызваны имъ въ Мо, и этотъ городъ сталъ играть роль Виттенберга. Реформатскія идеи, проповѣдуемыя всѣми этими личностями, стали проникать въ массу народа и въ рабочемъ сословіи нашли полный сочувствія откликъ. Чесальщикъ льна Жанъ Леклеркъ пытался даже произвести рѣшительный переворотъ въ устройствѣ церкви. Реформа не ограничилась однимъ городомъ Мо; въ Парижѣ, Орлеанѣ, Буржѣ и Тулузѣ стали проявляться симптомы новаго движенія. Проповѣдь Лютера, его сочиненія проникли во Францію, жадно прочитывались и, несмотря на постоянныя запрещенія, на наказанія, которымъ подвергались разносчики его сочиненій, расходились въ большомъ числѣ между учеными, какъ и въ средѣ простого народа.

Движеніе становилось съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе опаснымъ для католической церкви. Епископъ Мо, Брисонне, былъ духовникомъ сестры короля, Маргариты Валуа, и она увлеклась проповѣдями и новымъ ученіемъ и стала ревностною прозелиткою реформаціонныхъ идей.

Ея вліяніе на Франциска I, любовь, которую онъ питалъ къ ней, еще болѣе ухудшали въ глазахъ католиковъ положеніе дѣлъ. Даже королева-мать, Луиза Савойская, выражала свое удовольствіе по поводу того, что „Богъ сподобилъ и ее, и ея сына познать всѣхъ этихъ лицемѣровъ, бѣлыхъ, сѣрыхъ, черныхъ и всѣхъ цвѣтовъ", т. е. монаховъ.

Сорбонна и католическая церковь встрепенулись, почуявъ грозившую имъ опасность. Нѣсколько человѣкъ изъ числа проповѣдниковъ, болѣе смѣлыхъ, были подвергнуты наказанію, сочиненія Лютера запрещены. Но власть далеко не сочувственно относилась къ принимаемымъ ими мѣрамъ для огражденія церкви и вырывала иногда жертвы изъ рукъ инквизиторовъ. Представителямъ католицизма приходилось избирать для достиженія своей цѣли путь мирный, — путь преній и слова, т. е. путь, по которому меньше всего были способны пойти важнѣйшіе изъ членовъ церкви. Монахамъ и епископамъ было предписано проповѣдывать въ церквахъ, разъяснять народу священное писаніе. А это повело къ новымъ опасностямъ. Разъяснять писаніе могли лишь лица, получившія образованіе, а они были враждебно настроены противъ католическаго духовенства. И дѣйствительно, повсюду почти проповѣдники стали возбуждать народъ противъ священниковъ католической церкви, указывать на порочную жизнь и монашества, и всѣхъ членовъ церкви. Въ 1525 г., въ воскресенье, въ недѣлю блуднаго сына, въ церкви Нотръ Дамъ, въ Руанѣ, съ высоты каѳедры проповѣдникъ бросилъ обвиненіе въ мірскихъ стремленіяхъ, въ неисполненіи обязанностей прямо въ лицо всему присутствовавшему на проповѣди капитулу. Въ другой разъ проповѣдникъ публично, при народѣ, не затруднился укорять канониковъ каѳедральнаго собора въ томъ, что каждый изъ нихъ живетъ съ наложницею. Въ средѣ нѣкоторыхъ монаховъ и священниковъ реформа нашла, такимъ образомъ, горячихъ защитниковъ и, благодаря ихъ дѣятельности, стала распространяться все сильнѣе и сильнѣе.

Вліяніе, какимъ пользовалась Маргарита Валуа при дворѣ, тѣ случаи, когда гоненіе противъ реформаторовъ стихало по ея просьбамъ и настояніямъ, колебанія самого короля, освобождавшаго часто еретиковъ отъ наказанія, наложеннаго церковью, все это открывало предъ глазами реформаторовъ блестящую перспективу, служило для нихъ доказательствомъ, что дѣло ихъ будетъ выиграно, что Франція навсегда разсчитается съ католицизмомъ.

То были вполнѣ законныя желанія. Но было ли въ интересахъ королевской власти измѣнить религію въ государствѣ, устранять католицизмъ и устанавливать протестантскую религію, принятую германскими князьями подъ свое покровительство? Королевской власти была всего менѣе выгодна подобная реформа; она нисколько не нуждалась въ ней, и реформаторы обманулись въ своихъ разсчетахъ. Прагматическая санкція, а потомъ конкордатъ 1520 года достаточно ограждали власть короля отъ вліянія папской куріи и предоставляли королю обширное поле для распоряженія въ духовной сферѣ. „Въ самомъ дѣлѣ,—говоритъ извѣстный историкъ французской реформаціи,—что могли выиграть короли, принимая реформу? Независимость отъ римскаго двора? Они пріобрѣли ее еще со временъ Филиппа Красиваго. Повиновеніе духовенства? Они обратили его какъ въ галликанское, при помощи прагматической санкціи, такъ и въ монархическое, посредствомъ конкордата съ Львомъ X, подчинившаго его всецѣло власти короля. Пріобрѣтеніе церковныхъ имуществъ? Они располагали ими посредствомъ назначенія на бенефиціи, а также благо-

даря праву пользоваться доходами съ нихъ, и даже ихъ продажѣ. Такимъ образомъ, реформація не затрогивала ихъ честолюбія, и короли, послѣ недолгихъ колебаній, направили свою дѣятельность прямо противъ распространенія реформаціонныхъ идей. Ихъ влекли на этотъ путь преслѣдованій вліяніе духовенства и католической партіи, уже съ 1524 года пытавшейся подавить реформаціонное движеніе во Франціи, и тотъ страхъ, какой возбуждали въ нихъ идеи реформаціи, которыя, казалось имъ, грозятъ гибелью государству. „Они успѣли,—говоритъ Минье,—уничтожить феодальный духъ знати, ультрамонтанскія тенденціи духовенства, республиканскія конституціи городовъ, но не имѣли въ виду дать дозволеніе проникнуть въ свое государство идеямъ независимости и возбудить столкновенія, которыя могли помочь знати возстановить старый порядокъ, а городамъ—муниципальную демократію“.

Дѣйствительно, Францискъ I опасался вліянія реформаціи на возбужденіе смутъ въ его государствѣ. „Эта секта,—говорилъ онъ по поводу лютеранскаго вѣроученія,—эта секта и всѣ эти новыя секты стремятся гораздо больше къ разрушенію государствъ, чѣмъ къ назиданію душъ». События подтверждали его взглядъ. Въ восточной Франціи и въ Германіи началось возстаніе крестьянъ, проповѣдывавшихъ новыя религіозныя идеи, и въ то же время въ Парижѣ были разбросаны афиши „возмутительнаго содержанія“, присланныя изъ Женевы и направленныя противъ мессы и ученія о пресуществленіи. Реформаторы простерли свою смѣлость до того, что одну изъ афишъ прибили въ комнатѣ Франциска I.

Католическая партія воспользовалась этимъ, представила дѣло реформаціи въ самомъ ужасномъ видѣ и побудила короля начать рядъ преслѣдованій противъ еретиковъ. Это происходило въ 1535 году. Въ томъ же году Кальвинъ посвятилъ королю свою книгу: «Institutio religionis christianae», будучи увѣренъ въ счастливомъ исходѣ дѣла. Онъ обманулся такъ же, какъ обманулся кружокъ Брисоппе.

Для реформаціи былъ теперь закрытъ путь распространенія въ странѣ при содѣйствіи власти. Она должна была пойти по другой дорогѣ, отыскать поддержку гдѣ-либо въ другой сферѣ, враждебной власти, или обречь себя на гибель. Она должна была изъ области учености перейти на почву народную, слиться съ народомъ. Реформа, дѣйствительно, обратилась въ дѣло народа и этимъ спасла сама себя.

Еще въ 1525 году, когда католическая партія, воспользовавшись плѣномъ Франциска I, начала гоненія противъ еретиковъ, важнѣйшіе дѣятели изъ кружка, собраннаго въ Мо, должны были искать спасенія въ бѣгствѣ. Въ числѣ бѣжавшихъ былъ Фарель, отправившійся въ Швейцарію и тамъ начавшій пропаганду уже въ новомъ духѣ. То былъ человѣкъ отважный и смѣлый, обладавшій тѣмъ краснорѣчіемъ, которое увлекаетъ массы, и тою геройскою неустрашимостью, которая спасаетъ человѣка въ опасностяхъ, но лишенный того педагогическаго такта, который былъ свойственъ Лютеру. „Его храбрость была скорѣе храбростью солдата, чѣмъ храбростью полководца, и онъ дѣйствительно обладалъ ею и оказался самымъ даровитымъ дѣятелемъ реформаціи, блестящимъ народнымъ агитаторомъ и способнымъ организаторомъ церкви, членовъ которой преслѣдовали и которую нужно было создать. Онъ положилъ главныя основанія для новой дѣятельности, избралъ Женеву ея центромъ, посылалъ оттуда возмущающіе листки во Францію и подготовилъ вполнѣ почву для Кальвина, въ рукахъ котораго реформа получила окончательную отдѣлку и стала вполнѣ дѣломъ народа“.

LV. Реформація и низшіе классы во Франціи.

(По статьѣ H. Hauser'а: „La Réforme et les classes populaires en France au XVI-e siècle").

Реформція XVI ст. имѣла двоякій характеръ. Она заключала въ себѣ и соціальный переворотъ, и переворотъ въ области религіозной. Низшіе классы возстали не только противъ извращенія религіозной догмы, но и противъ нищеты и царствовавшаго въ то время беззаконія. Въ библіи они искали не столько доктрины о спасеніи Божіей благодатью, сколько доказательства того, что всѣ люди равны между собой отъ рожденія. „Когда Адамъ рылъ заступомъ землю, а Ева пряла, кто былъ тогда дворяниномъ?"—вотъ вопросъ, интересовавшій народную массу. Намъ извѣстно теперь, насколько значительна была роль этой народной массы въ реформаціи Германіи и Англіи. Благодаря крестьянскимъ возстаніямъ Лютеръ добился торжества своихъ идей, несмотря на то, что самъ онъ иногда посылалъ проклятія по адресу этихъ своихъ безпокойныхъ сторонниковъ. Въ Англіи же главная сила реформаціи заключалась въ пуританскомъ движеніи, которое въ сущности было движеніемъ среднихъ классовъ и купцовъ въ городахъ и фермеровъ въ деревняхъ.

Но и во Франціи дѣло обстояло точно такимъ же образомъ, хотя многіе думаютъ, что къ партіи гугенотовъ принадлежали исключительно дворяне. А между тѣмъ многіе факты указываютъ на то, что и здѣсь въ орбиту реформаціоннаго движенія были вовлечены также и народныя массы. Такъ, напримѣръ, въ 1525 году обвиняютъ епископа изъ Мо въ томъ, что онъ раздавалъ въ своемъ приходѣ „французскія книги, полныя заблужденій и ошибокъ". Среди этихъ книгъ находился и переводъ библіи. Это подтверждается тѣмъ, что первые еретики носили прозвище „библейцевъ". Затѣмъ появляются во множествѣ маленькія книжки, предназначенныя для народа, такъ называемые „Алфавиты для простыхъ", гдѣ подъ видомъ обученія дѣтей простому чтенію ихъ пріобщали къ догмѣ о благодати Божіей, преподносили маленькіе трактаты, содержащіе изложеніе ученія Лютера и собраніе протестантскихъ молитвъ. Эти маленькія книжки появлялись сотнями въ подпольной печати Мо и Алансона, Ліона и Женевы. И несмотря на то, что ихъ часто сжигали вмѣстѣ съ тѣми, у кого ихъ находили, эти книжки можно найти еще и теперь въ большомъ количествѣ въ народныхъ библіотекахъ Франціи.

Книжонки эти припрятывались въ тюкѣ разносчика товаровъ среди предметовъ женскаго кокетства и лакомствъ и передавались изъ селенія въ селеніе; не мало такихъ разносчиковъ заплатило жизнью за распространеніе этого запретнаго товара. Гдѣ-нибудь на чердакѣ, вечеромъ предъ сномъ, при слабомъ мерцаніи огарка (чтобы не привлечь ничьего вниманія) или днемъ въ прогалинѣ лѣса, среди кустарниковъ, неграмотные люди, отрываясь отъ повседневныхъ работъ, собирались вокругъ грамотнаго. Это былъ священникъ или монахъ, пріобщившійся къ новымъ идеямъ, иногда учитель или легистъ, адвокатъ, прокуроръ, нотаріусъ. Онъ читалъ вслухъ столпившимся вокругъ него, туго понимавшимъ крестьянамъ,

которые бормотали про себя сильныя выраженія изъ библіи. Женщины слушали съ удивленнымъ широко раскрытымъ взглядомъ. Въ это именно время въ какомъ-нибудь затерянномъ углу строго правовѣрнаго государства рождалась протестантская община.

Но для народнаго воображенія недостаточно было одной книги; народъ во Франціи любитъ работать за пѣсней. Тотъ, кто не умѣлъ читать, а почти большинство среди низшихъ классовъ Франціи было неграмотно, повторялъ въ себѣ самомъ то, что слышалъ изъ устъ деревенскаго мудреца-грамотея. Въ теченіе длиннаго дня за тачкой, на склонѣ какой-нибудь горы, или за инструментомъ, онъ тихонько повторялъ наиболѣе поразившія его слова, они пріобрѣтали ритмъ его работы, и изъ устъ его рождалась тогда пѣсня.

Одной только обширной литературы о гугенотскихъ пѣсняхъ совершенно достаточно, чтобы доказать существованіе народнаго протестантизма, потому что эти пѣсни, ихъ языкъ, ихъ ритмъ и стиль могли быть написаны и воспѣты только самимъ народомъ.

Откуда же взялось обратное мнѣніе?

Откуда исходитъ и повторяется мнѣніе во Франціи, что французская реформація есть дѣло аристократіи? И самая большая уступка, которую дѣлаютъ въ пользу этого мнѣнія, потому что оно слишкомъ очевидно, сводится къ признанію того, что городская буржуазія, судьи (gens de robe), цеховые мастера играли въ реформаціи большую роль. Но почему же не хотятъ видѣть той доли участія, которую приняли въ ней и низшіе классы?

Открытіе золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ, значительно увеличивъ запасъ въ Европѣ драгоцѣннаго металла, повысило цѣнность продуктовъ первой необходимости, плата же рабочимъ была далека отъ увеличенія въ соотвѣтствующей пропорціи. Съ другой стороны режимъ корпорацій, являвшійся въ XIII вѣкѣ защитой для слабыхъ, все больше и больше измѣнялся въ сторону притѣсняющей олигархіи. Руководство индустріей дѣлалось достояніемъ богатой и, въ дѣйствительности, наслѣдственной касты; было почти невозможно для простого рабочаго, неимѣвшаго денегъ и отца, въ положеніи мастера, стать самому во главѣ ремесла. Столкновенія между капиталомъ и трудомъ были часты: образовались коалиціи рабочихъ для увеличенія заработной платы или улучшенія пищи съ одной стороны, коалиціи хозяевъ, которые добивались владѣть рынкомъ труда, съ другой, и все это существовало, несмотря на королевскіе эдикты, рѣшительно запрещавшіе право коалицій. Эта борьба приводила часто къ стачкамъ: такова большая стачка, которая разорила ліонскую и парижскую типографію между 1539—1542 годами и была закончена только въ 1571 году.

Рабочая среда была въ это время средой недовольной, безпокойной, крайне расположенной къ революціоннымъ настроеніямъ. Развитіе французской промышленности привлекло въ страну большое количество рабочихъ-иностранцевъ, особенно нѣмцевъ, фламандцевъ, итальянцевъ, которые приносили съ собой странныя новыя идеи. Агитаціонное движеніе, особенно въ старомъ, мистическомъ Ліонѣ, было наполовину религіознымъ. Напримѣръ, здѣсь, въ 1529 году, народъ поднялся въ виду чрезвычайнаго повышенія цѣнъ на пшеницу; бунтовщики осадили и разграбили консульскіе дома, считая консуловъ виновниками голода, но тутъ же разрушали статуи святыхъ, украшавшихъ зданія, щадя при этомъ изображенія великихъ людей античнаго міра. Все это возстаніе носитъ

странный религіозный характеръ. Оно является какъ бы воскрешеніемъ древнихъ „бѣдняковъ Ліона“.

Но еще гораздо раньше этого событія реформаціонныя идеи проникли въ рабочіе классы. Въ Мо, въ 1525 году, Жераръ Руссель имѣлъ среди слушателей новаго ученія рабочихъ чесальщиковъ льна, валяльщиковъ и суконщиковъ. (Продукты выдѣлки сукна составляли большую часть товаровъ, служившихъ предметомъ торговли въ городѣ). Одинъ изъ этихъ валяльщиковъ черезъ годъ въ Метцѣ оказался первой жертвой французской реформаціи. Прелаты, какъ Брисоне, писатели, дворяне не рѣшались жертвовать жизнью ради новой доктрины, но темный, „невѣжественный въ литературѣ“ рабочій погибъ за вѣру на кострѣ. По этой же причинѣ въ 1528 году, лодочникъ съ Сены былъ замученъ въ Парижѣ. Въ 1531 г. рабочихъ по полотну изъ Валансьена постигла та же участь. Но особенно вслѣдъ за большими гоненіями 1534—35 годовъ послѣ того, какъ въ королевской палатѣ были развѣшаны плакаты противъ мессы, попадается много именъ потерпѣвшихъ кару рабочихъ. Тутъ и сынъ сапожника молодой паралитикъ Бартелеми Моллонъ, прозванный за свое умѣніе объяснять новое ученіе „евангелистомъ“; и ткачъ, красильщикъ, портной, столяръ и два лентовщика. Въ Лимузинѣ рабочіе, прибывшіе изъ Фландріи и Германіи, распространяли ересь реформатскаго ученія въ промышленномъ населеніи Обюссона и Феллетена.

Въ Пюи-анъ-Велей, городѣ по преимуществу католическомъ, знаменитомъ во всей Европѣ пилигримствомъ къ св. Дѣвѣ, въ этомъ городѣ одинъ католическій хроникеръ писалъ въ 1539 году о томъ, что три четверти населенія привержены къ реформаціи. Можно допустить, что это очень преувеличено, но если бы среди рабочихъ не было большого ядра протестантовъ, онъ не сталъ бы преувеличивать. Въ 1541 г. въ Бордо погибло двое рабочихъ на кострѣ. Несмотря на преслѣдованія въ 1535 г. сѣмя, занесенное реформаціей, продолжало молча созрѣвать въ рабочемъ населеніи Мо. Это обнаружилось въ 1545—46 годахъ, во время процесса и казни 14 человѣкъ. Въ спискахъ подозрительныхъ лицъ фигурируютъ только имена простыхъ людей. И снова изъ міра ткачей и чесальщиковъ выходятъ жертвы инквизиціи. Доказательствомъ этому служитъ то, что въ 1546 г. процвѣтавшая дотолѣ суконная мануфактура погибла послѣ казни и гоненій на ея рабочихъ.

Бернартъ Палисси, горшечникъ изъ Сента, тоже принадлежалъ къ осужденнымъ за реформацію и самъ разсказалъ свою исторію. Бѣдный рабочій изъ Сента училъ Евангелію своихъ товарищей, шестеро изъ которыхъ рѣшили проповѣдывать каждое воскресенье въ теченіе шести недѣль; какъ люди мало знающіе, они предварительно пишутъ свои проповѣди съ помощью бывшаго священника, ставшаго впослѣдствіи типографщикомъ, и затѣмъ читаютъ ихъ другимъ. „Вотъ начало реформатской церкви города Сента“. Это церковь бѣдныхъ, имъ даже нечѣмъ платить священнику. Но если не было денегъ, то было много души, и по воскресеньямъ товарищи по ремеслу, гуляя толпами, распѣвали псалмы.

Въ 1562 г. въ церкви въ Бове въ теченіе трехъ лѣтъ вѣрными ея прихожанами состоятъ суконщики и чесальщики. Въ Руанѣ, въ 1560 г. рабочая партія совершенно сливается съ партіей реформаторовъ. Торговцы сукномъ, т.-е. капиталисты, устраиваютъ что-то въ родѣ локаута противъ рабочихъ, слушающихъ проповѣди реформаторовъ. Настоящее революціонное броженіе царитъ въ этомъ большомъ рабочемъ городѣ и

выражается, какъ, впрочемъ, и въ другомъ городѣ, въ Рашелѣ, въ оскорбленіи святыхъ изображеній. Въ Нимѣ, въ Иссуарѣ, Камбрэ, повсюду рабочіе разныхъ профессій играютъ ту же роль.

Подъ угрозой религіозныхъ преслѣдованій рабочій классъ эмигрируетъ. Ничто не привязываетъ его больше къ родной почвѣ. Нѣсколько инструментовъ и пара рукъ—вотъ весь капиталъ рабочаго. Онъ увозитъ его туда, гдѣ сумѣетъ по своему желанію и на своемъ языкѣ молиться Богу. Эмиграціей рабочихъ объясняется въ значительной степени разореніе французской промышленности въ теченіе второй половины XVI вѣка.

Мы уже видѣли, что послѣ процесса четырнадцати разорилась суконная фабрика въ Мо. Красильня въ Парижѣ теряетъ пять шестыхъ своего производства. Амьенъ больше не дѣлаетъ тканей, Ліонъ производитъ только 1.800 метровъ шелка вмѣсто 7.000 метровъ, а типографія влачитъ жалкое существованіе. Въ первый разъ произошло то, что потомъ стало неизбѣжнымъ слѣдствіемъ отмѣны Нантскаго эдикта: перенесеніе французской промышленности за границу.

Моншретьенъ, эмигрировавшій въ Англію, работаетъ на фабрикѣ ножей, гдѣ встрѣчается съ другими эмигрантами-французами. „Англія,—говоритъ онъ,—такъ усовершенствовалась въ ремеслахъ, благодаря знанію и ловкости нашихъ людей, кинувшихся къ ней, какъ къ своей спасительной гавани, что теперь она со славой и съ пользой для себя развиваетъ тѣ самыя производства, которыя мы считали своей собственностью“.

Изъ Франціи рабочіе эмигрировали массами въ Швейцарію, въ Лозанну, напримѣръ, гдѣ на каждомъ шагу можно было встрѣтить французскихъ „gens de metier“, т.-е. ремесленниковъ.

Безспорно, новыя идеи гораздо медленнѣе распространялись среди сельскаго населенія и гораздо больше среди городского. Это объясняется прежде всего соціальными причинами.

Экономическій переворотъ XV и XVI столѣтій былъ разорителенъ для рабочаго, но выгоденъ крестьянину. Рента, получаемая сеньоромъ отъ арендаторовъ, размѣры которой были разъ навсегда установлены въ XII и XIII столѣтіи, являлась теперь въ соотвѣтствіи съ существующимъ курсомъ денегъ, незначительнымъ бременемъ. Это пониженіе денежныхъ знаковъ значительно повышало номинальную стоимость продуктовъ земледѣльческаго труда, продаваемыхъ крестьяниномъ. Цѣна на землю быстро падала даже въ то время, когда французская знать, превращаясь изъ земельной аристократіи въ придворное дворянство, вынуждена была продавать землю для изысканія себѣ средствъ и помѣщенія, какъ тогда выражались, „своихъ луговъ и мельницъ на своихъ плечахъ“. Французскіе крестьяне, въ теченіе вѣковъ копившіе деньги, покупали эти земли и вступали такимъ образомъ въ разрядъ собственниковъ. Царствованіе Людовика XII и начало царствованія Франциска I, было для французскаго крестьянина эпохой истиннаго процвѣтанія. Когда сравниваешь французскаго крестьянина съ крестьяниномъ Германіи, которому въ это время грозило рабство, то видишь, какъ великъ между ними контрастъ. Этимъ и объясняется то, что во Франціи не было крестьянскаго возстанія, заключавшаго въ себѣ одновременно религіозный и соціальный протестъ, какъ это было въ Германіи.

Крестьянинъ, судя по литературѣ той эпохи, напримѣръ, въ „Propos rustiques“ Ноэля дю Фэ, существо рутинное, менѣе воспріимчивое къ

новымъ идеямъ, чѣмъ его неугомонный товарищъ изъ городскихъ рабочихъ, существо, полное суевѣрій, которое церковь сумѣла совершенно подчинить себѣ. Онъ вѣритъ въ святыхъ лѣса, горы и фонтана, въ благодѣтельныя церемоніи, вызывающія дождь и солнце, охраняющія скотъ отъ падежа, землю отъ засухи и т. д. Естественно, что въ такой средѣ плохо прививались новыя идеи. И поэтому не слѣдуетъ удивляться, напримѣръ, тому, что въ 1539 г. крестьяне Лимузина камнями и вилами прогнали протестантскихъ проповѣдниковъ, что дало поводъ венеціанскому дожу Альвизу Контарини писать о Франціи въ 1572 г.: „Жители деревни почти всѣ избавлены отъ этого зла", т.-е. отъ протестантизма. Попадаются, конечно, отдѣльные случаи пріобщенія къ реформаціи и крестьянъ. Въ Нормандіи, по причинамъ мало понятнымъ и теперь, сельское лютеранство такъ сильно развилось, что эта провинція прозвана была „маленькой Германіей". На островахъ Арверъ, Олеронъ, Рэ, цѣлыя коммуны крестьянъ примыкали къ протестантизму, не желая платить налоговъ католическимъ церквамъ и открыто выражая имъ враждебное отношеніе. На югѣ Франціи образовались новыя церкви. Въ Аженаисѣ религіозное возстаніе принимаетъ, какъ въ Германіи, характеръ жакеріи. На ряду съ этимъ свободнымъ и самопроизвольнымъ распространеніемъ сельскаго протестантизма, появляется новый факторъ, имѣвшій въ 1560 г. уже громадное значеніе. Это вліяніе на крестьянъ помѣстныхъ дворянъ, перешедшихъ въ протестантство.

Какъ бы то ни было, а сельскій протестантизмъ имѣлъ бо́льшее значеніе, чѣмъ это думаютъ. Въ самый разгаръ религіозныхъ войнъ находятся протестантскія крестьянскія общины на всемъ югѣ, главнымъ образомъ въ Лангедокѣ, Шампаньи и Сентоннеѣ. Эти крестьяне боролись и стойко держались за землю, не эмигрируя, какъ рабочіе, за границу. Въ Оверни, напримѣръ, гдѣ, однако, реформація не была сильна, протестантизмъ въ 1685 г. является исключительно выраженіемъ религіознаго настроенія крестьянъ.

И если, несмотря на все это, протестантизмъ все же не вполнѣ привился во Франціи, то это произошло, быть можетъ, оттого, что въ XVI вѣкѣ, вслѣдствіе тогдашнихъ соціальныхъ условій, было больше сторонниковъ его среди рабочихъ, класса эмигрирующаго, безпочвеннаго, чѣмъ среди крестьянъ, элемента національно болѣе устойчиваго и постояннаго.

LVI. Первыя проявленія церковныхъ нововведеній.

(Изъ соч. Ранке: „Frankreich im Zeitalter der Reformation").

Патріархомъ реформатовъ во Франціи можно считать магистра Жака Лефевра, который въ то время, какъ король и рыцари вели войну въ Италіи, странствуя по той же странѣ, старался усвоить себѣ основанія возрождавшейся учености. Изученіе классиковъ привело его, такъ же, какъ и многихъ нѣмецкихъ ученыхъ, къ необходимости отказаться совершенно отъ рутиннаго способа ученія монаховъ, отъ схоластической методы; около него собрались многочисленные усердные ученики. Лефевръ былъ человѣкъ невзрачный, почти презрѣнный по виду; но обширность и

солидность его знанія, нравственная степенность, кротость и мягкость, которыми дышало все его существо, сообщали ему высшее достоинство. Осматриваясь вокругъ себя, онъ видѣлъ, что весь свѣтъ вблизи и вдали покрытъ глубокою тьмою суевѣрія, и ему казалось, что обновленія можно ожидать только отъ непосредственнаго изученія источниковъ вѣры: онъ предсказывалъ своимъ приближеннымъ ученикамъ, что они доживутъ до этого обновленія. Онъ самъ приступилъ къ дѣлу почти съ робкою осторожностью: онъ продолжалъ молиться на колѣняхъ передъ образами и придумывалъ основанія для подкрѣпленія ученія о чистилищѣ; онъ имѣлъ отвагу только въ ученой области. Прежде всего онъ отважился на то, что въ критическомъ спорномъ вопросѣ о преданіи онъ отказался отъ мнѣнія латинской церкви и принялъ мнѣнія греческой; затѣмъ онъ заимствовалъ изъ твореній апостола Павла положенія объ оправданіи и вѣрѣ, которыя находились въ несомнѣнномъ противорѣчіи съ господствовавшими представленіями объ объективномъ значеніи и достоинствѣ добрыхъ дѣлъ и которыя, вслѣдствіе появленія и дѣятельности Лютера, исходившаго изъ этого же пункта, неожиданно пріобрѣли универсальное значеніе. При безпрерывной научной работѣ, Лефевръ сохранялъ невозмутимую умственную живость. Въ самомъ преклонномъ возрастѣ, до котораго доживаютъ люди, онъ принялся за переводъ библіи, который послужилъ основаніемъ для французскихъ библейскихъ переводовъ; ему уже было за 80 лѣтъ, когда онъ сдѣлалъ этотъ переводъ.

Къ литературнымъ уклоненіямъ и во Франціи присоединилось мистически-практическое направленіе, стремившееся примѣнять къ жизни теоретически признаваемую религію. Епископская власть, казалось, сама хотѣла взять на себя почипъ въ дѣлѣ исправленія церкви. Епископъ одной большой епархіи, Вильгельмъ Брисонне въ Мо, старый другъ Лефевра, раздѣлявшій его мнѣнія въ ученіи объ оправданіи и поэтому также возстававшій противъ спасительнаго значенія внѣшнихъ добрыхъ дѣлъ, рѣшился преобразовать въ этомъ смыслѣ свою епархію, несмотря на то, что по натурѣ своей онъ былъ болѣе расположенъ къ спокойной созерцательности. Для него было невыносимо, что его священники все говорили только о своихъ правахъ и не заботились о своихъ обязанностяхъ; что болтливые монахи, занимавшіе мѣста священниковъ, проповѣдывали только такія мнѣнія, которыя служили къ ихъ собственной выгодѣ и пользѣ. Онъ старался освободиться отъ тѣхъ и отъ другихъ, и для этого вошелъ въ тѣсную связь съ Лефевромъ и его учениками, Фарелемъ, Русселемъ и Арандою, которыхъ проникшія во Францію религіозныя сочиненія Лютера еще болѣе возбуждали къ преобразованію жизни и ученія; онъ хотѣлъ быть епископомъ въ древнемъ смыслѣ слова и самъ проповѣдывалъ съ каѳедры.

Но именно во Франціи эти стремленія должны были встрѣтить самое упорное сопротивленіе. Въ Парижѣ пользовался особеннымъ авторитетомъ великій богословскій университетъ, который издавна считался охранителемъ латинскаго православія. Бѣдные магистры (учителя), для которыхъ когда-то Людовикъ IX основалъ Сорбонну, стали впослѣдствіи, основавши богословскій факультетъ, новою державою въ мірѣ. Въ XIII в., когда римская церковь причислила Ѳому Аквинатскаго къ лику святыхъ, они приняли себѣ за правило ни на шагъ не отступать отъ его системы и безусловно приняли его ученіе, которое освѣщаетъ церковь, какъ солнце луну. Съ безпрекословнымъ повиновеніемъ они держались старыхъ положеній; они считали дѣломъ неугоднымъ Богу

даже чтеніе книгъ, не принадлежащихъ къ числу тѣхъ, которыя формально приказано читать въ школахъ; они издавна были противниками всякаго уклоненія отъ всего установленнаго обычаемъ. Они осудили Марсиліуса изъ Падуи, Виклефа и Гуса; Іеронимъ Пражскій бѣжалъ отъ нихъ. Въ XV и въ началѣ XVI вѣка они наблюдали, такъ сказать, за мнѣніями всей церкви и поражали всякое нововведеніе. Когда Рейхлинъ въ своемъ спорѣ съ доминиканцами въ Кельнѣ разсчитывалъ на нѣкоторое вниманіе къ себѣ со стороны парижскаго университета на томъ основаніи, что онъ учился въ немъ и дѣлалъ ему честь своими сочиненіями, то оказалось, что онъ ошибся: университетъ, какъ выражались тогда, оттолкнулъ отъ себя своего сына, чтобы не дать упасть своему брату, кельнскому университету. Какимъ же образомъ послѣ этого могло не возбудить въ немъ полнаго отвращенія и гнѣва такое рѣшительное нападеніе на господствующую систему, какое было сдѣлано Лютеромъ? Какъ-бы предвидя то, что случится, факультетъ, когда въ 1520 году ему были представлены лютеровскія полемическія сочиненія, избралъ изъ своей среды для разсмотрѣнія религіозныхъ вопросовъ комиссію въ родѣ той, какая избрана была нѣкогда во время констанцскаго собора, и, по докладу этой комиссіи, Лютеръ былъ осужденъ, такъ какъ онъ пренебрегалъ мнѣніями докторовъ и положеніями соборовъ, и названъ бунтовщикомъ, притязанія котораго слѣдуетъ обуздывать цѣпями и оковами, даже огнемъ и мечемъ. Эта комиссія, часто возобновляемая, существовала болѣе полустолѣтія и оказала почти такое же противодѣйствіе протестантизму, какъ само папство въ Римѣ. Ея дѣятельность основывалась на томъ, что еретичество считалось гражданскимъ преступленіемъ, и для парламеновъ, которые вѣдали уголовныя дѣла, имѣли рѣшающее значеніе приговоры Сорбонны относительно еретиковъ и еретическихъ книгъ. На Лефевра, который уже возбудилъ подозрѣнія своими мнѣніями, сближавшимися съ ученіемъ греческой церкви, смотрѣли теперь, какъ на лютеранина: онъ отправился въ Мо, чтобы не быть обвиненнымъ въ еретичествѣ. Но могла ли быть здѣсь терпима дѣятельность его и его учениковъ? Жалобы монаховъ на епископа были приняты парламентомъ; Сорбонна осудила нѣкоторыя обнародованныя въ Мо статьи и требовала, чтобы авторы отреклись отъ нихъ. Этой соединенной силѣ парламента и Сорбонны не могъ долго сопротивляться упомянутый реформаторскій кружокъ, который поэтому совсѣмъ распался. Послѣ этого епископъ старался только о томъ, чтобы хоть до нѣкоторой степени возстановить свою репутацію, какъ правовѣрнаго католика, и снова погрузился въ свой мистическій мракъ.

Органы древняго правовѣрія дѣйствовали такъ, какъ будто имѣли независимую власть. Но, спрашивается, ужели не было въ странѣ умнаго и энергическаго короля? Какое положеніе занималъ онъ въ этихъ спорахъ?

Францискъ I не любилъ ни парламента, ни Сорбонны, съ которыми онъ велъ споръ изъ-за своего конкордата, и всего менѣе любилъ монаховъ. Уже давно его занимала мысль пригласить къ себѣ самаго знаменитаго противника пріемовъ ихъ мышленія и ученія, Эразма, и дать ему положеніе во главѣ ученаго института. Да и религіозный духъ времени дѣйствовалъ на короля; съ своею матерью и сестрою онъ читалъ священное писаніе и послѣ чтенія они говорили, что божественную истину нельзя называть ересью. При дворѣ отзывались съ похвалою о докторѣ Лютерѣ и его сочиненіяхъ: Сорбонна жаловалась, что преслѣдованіе приверженцевъ и истребленіе книгъ еретика встрѣчаютъ препятствія со

стороны двора. Мало по малу образовался вообще рѣзкій раздоръ между богословскимъ авторитетомъ и королевскою властью.

Хотѣли ограничить надзоръ за печатными сочиненіями, принадлежавшій Сорбоннѣ; но, въ согласіи съ парламентомъ, она тѣмъ упорнѣе отстаивала это свое право.

Когда Сорбонна намѣрена была осудить Лефевра, то король потребовалъ дѣло къ своему двору; но это, однако, не остановило Сорбонну помѣстить сочиненіе его въ списокъ запрещенныхъ книгъ.

Королю вовсе не хотѣлось, чтобы упомянутый реформаторскій кружокъ въ Мо разсѣялся; его сестра находилась въ мистически-религіозной перепискѣ съ епископомъ; онъ самъ ничего не имѣлъ противъ, когда Руссель или Аранда проповѣдывали при дворѣ.

Но особеннымъ расположеніемъ короля пользовался Луи де-Беркенъ, единственный въ то время человѣкъ, живѣйшимъ образомъ соединявшій въ себѣ эразмовскія идеи съ лютеровскими. Съ саркастичностью, свойственной Эразму, онъ напалъ на безобразія монастырей и безобразія съ точки зрѣнія религіи и нравственности, ничего при этомъ не скрывая; но въ то же время онъ понималъ и глубину Лютера, его положеніе, что всѣ христіане—священники, и имѣлъ почти мечтательное представленіе о благодати и вѣрѣ и объ истинномъ церковномъ общеніи. Король однажды, вскорѣ по возвращеніи изъ Испаніи, освободилъ его изъ духовной тюрьмы; но Беркенъ ставилъ свое честолюбіе въ томъ, чтобы не отступать передъ подобными врагами; онъ чувствовалъ въ себѣ настолько мужества, что высказалъ синдику Сорбонны, Бедѣ, главѣ упомянутой комиссіи, еретическія мнѣнія. Трудно сказать, что сдѣлалъ бы Францискъ I, если бы онъ вышелъ побѣдителемъ изъ новой войны въ Италіи. Но, какъ замѣтилъ Эразмъ, предостерегая Беркена, пораженіе, понесенное королемъ, ослабило уваженіе къ нему даже внутри государства. Онъ не могъ въ другой разъ спасти снова осужденнаго Беркена, который и былъ сожженъ въ 1529 году, на Гревской площади. Народъ, на котораго проповѣдники Сорбонны издавна имѣли очень большое вліяніе, не обнаружилъ къ несчастному даже такого сочувствія, съ какимъ онъ относился иногда къ самымъ ужаснымъ преступникамъ.

Съ этого времени Сорбонна намѣренно стала противодѣйствовать королю. Она старалась ограничить дѣятельность учрежденной имъ коллегіи для древнихъ языковъ; она жаловалась на не вполнѣ правовѣрныя проповѣди, произносимыя во время поста въ Луврѣ; ученики ея въ схоластической комедіи осмѣивали евангельскія тенденціи сестры короля, да и его самого обличали въ ереси довольно прозрачными намеками. Францискъ I однажды удалилъ изъ города Беду и его извѣстнѣйшихъ товарищей; но черезъ нѣсколько времени они возвратились и принялись за свои старыя дѣла. Наконецъ, представился случай, по поводу котораго даже король увлеченъ былъ къ принятію участія въ дѣлѣ преслѣдованія.

Если онъ и терпѣлъ нѣкоторыя уклоненія, то они имѣли весьма опредѣленныя границы; ими не нарушался ни принципъ іерархическихъ порядковъ, ни таинство евхаристіи. Король въ переговорахъ съ довѣренными лицами германскаго императора часто хвалился, что въ его государствѣ нѣтъ еретиковъ.

Но вотъ нѣкоторые новаторы, слишкомъ преувеличивая оказываемое имъ покровительство, такъ же, какъ свое число и силу, сдѣлали открытое нападеніе на таинство причащенія, освященное преданіемъ; казалось даже, какъ будто въ Парижѣ тоже обнаружились анабаптистскія

мечты, которыя въ то время, стремясь къ всеобщему перевороту, охватили всѣ германскія земли. Это привело въ сильное негодованіе не только духовенство и народъ, но и короля. Онъ лично отправился въ городъ, чтобы искупить грѣхъ оскорбленія св. даровъ торжественнымъ крестнымъ ходомъ, на которомъ явилась вся пышность католическаго богослуженія. Преслѣдованіямъ снова данъ былъ полный ходъ; 18 человѣкъ, привлеченныхъ къ слѣдствію въ качествѣ виновныхъ и считавшихся зачинщиками, понесли наказаніе огненною смертью.

Однако это не помѣшало королю вести переговоры насчетъ религіознаго соглашенія съ нѣмецкими протестантами, съ которыми онъ старался поддерживать политическія сношенія. Его окружали нѣкоторые высшіе духовные сановники, люди съ умомъ и мягкостью, которые, подобно современной имъ школѣ въ Италіи, думали, что они могутъ прекратить злоупотребленія и возстановить миръ. Они разсчитывали на наиболѣе миролюбивыхъ представителей протестантской партіи: король имѣлъ въ виду устроить совѣщаніе богослововъ обѣихъ сторонъ для свободнаго обсужденія дѣла и уже приглашалъ къ себѣ Меланхтона. Но Сорбонна противилась какому бы то ни было сближенію. Она твердо держалась того принципа, что гнилые члены нужно отсѣкать отъ церкви, и что всякое общеніе съ еретиками опасно. И чего же можно было ожидать отъ переговоровъ съ тѣми, которые отвергаютъ принципы? А эти принципы суть слѣдующіе: преданія церкви, декреты папъ и постановленія соборовъ. Пока эта школа сохранила во Франціи свой авторитетъ, до тѣхъ поръ нельзя было и думать о религіозныхъ преніяхъ въ родѣ происходившихъ въ Германіи, не говоря уже о какомъ-нибудь соглашеніи.

Въ сферахъ, самыхъ близкихъ къ королю, обнаруживались къ протестантамъ симпатіи, но такого рода, что онѣ мало могли быть полезны для нихъ. Онъ самъ не имѣлъ глубокой и настойчивой серьезности, которая нужна была для осуществленія церковнаго преобразованія. Онъ видѣлъ задачу своей жизни въ удержаніи французской территоріи, въ сохраненіи своего значительнаго политическаго положенія и въ борьбѣ съ императоромъ. Какимъ же образомъ можно было ожидать отъ него, чтобы онъ рѣшился возстать противъ папы, который вслѣдствіе этого могъ бы стать на сторону его противника? Соединяя всѣ силы своей страны для борьбы противъ императора, онъ не сталъ благопріятствовать движенію, которое могло бы разъединить націю.

Въ 1543 году Сорбонна издала инструкцію для проповѣдниковъ, въ которой спорные догматы были изложены въ смыслѣ, совершенно противоположномъ протестантизму, и король счелъ нужнымъ утвердить ее, потому что онъ хотѣлъ избѣжать раздора въ ученіи, который могъ бы повести только къ возмущеніямъ.

Во времена Франциска I церковныя уклоненія во многихъ мѣстахъ пользовались терпимостью; но ничего не было сдѣлано для того, чтобы умѣрить на будущее время строгость церковныхъ законовъ. При немъ, ставившемъ свою честь въ томъ, чтобы не проливать крови своихъ подданныхъ, производились отвратительныя казни, которымъ подвергались цѣлыя общины невинныхъ вальденсевъ. Францискъ I долго не соглашался на нихъ, но наконецъ уступилъ, обманутый будто бы, какъ утверждаетъ его преемникъ, ложными донесеніями.

Странно, что то, чего не могъ предпринять могущественный король, было испробовано несравненно менѣе могущественною его сестрою, коро-

левою Маргаритою Наваррскою, въ небольшихъ владѣніяхъ, и было до извѣстной степени достигнуто.

Венеціанскій посланникъ находилъ ее самою умною головою, какую онъ встрѣчалъ во Франціи; онъ удивлялся высказываемымъ ею мнѣніямъ о государственныхъ дѣлахъ, равно какъ и о запутанныхъ вопросахъ религіи. Въ своемъ братѣ она видѣла какъ бы идеалъ мужчины и всю жизнь относилась къ нему съ восторженнымъ удивленіемъ. Она часто помогала ему въ дѣлахъ своимъ зрѣло-спокойнымъ, невозмущаемымъ никакими страстями, свѣтлымъ женскимъ умомъ. Но на религіозные вопросы она обращала еще болѣе самостоятельное вниманіе. Она даже писала объ нихъ, и ея книга замѣчательна тѣмъ, что въ ней говорится не о чистилищѣ, не о молитвахъ святымъ, но только о заслугѣ Христа. Ея религіозная поэзія имѣла въ себѣ нѣчто мечтательное, но въ то же время въ ней выражалось истинное чувство отношенія преданной мірскимъ искушеніямъ души къ божественному Существу, отъ котораго она заимствуетъ полноту и сознаніе общей съ Нимъ жизни. Ея уклоненія также держались въ тѣсныхъ границахъ, и она боялась касаться таинства евхаристіи. Совершенно въ ея духѣ дѣйствовалъ и Руссель, котораго она сдѣлала епископомъ Орелена. Онъ проповѣдывалъ по два и по три раза въ день, основывалъ школы и самъ занимался преподаваніемъ въ нихъ, такъ какъ, по его мнѣнію, на юношествѣ лежали надежды міра; свои доходы онъ дѣлилъ съ бѣдными. Вся его религія основывалась на живомъ понятіи объ оправданіи вѣрою и о невидимой церкви. Такимъ образомъ, дѣло, начатое въ Мо, продолжалось въ области Беарнъ, на которую не простиралось непосредственное дѣйствіе Сорбонны. Королевѣ, которая давала убѣжище и другимъ бѣглецамъ (Лефевръ умеръ вблизи нея), доставляло величайшее удовольствіе въ ея уединеніи заниматься съ единомышленными друзьями св. писаніемъ и его толкованіемъ, чему она и предавалась до самой смерти.

LVII. Успѣхи кальвинизма во Франціи въ царствованіе Генриха I.

(Изъ соч. Лавалле: «Histoire des Français», т. II).

Побѣда протестантовъ въ Германіи надъ Карломъ V, поддержка, оказанная имъ Генрихомъ II, противорѣчивая политика папъ рѣшили успѣхъ реформаціи во Франціи, но правительство формально высказалось противъ нея. „Король,—говоритъ Таваннъ,—ненавидѣлъ кальвинистовъ болѣе по государственнымъ, чѣмъ по религіознымъ основаніямъ, опасаясь, чтобы иностранцы не воспользовались ими противъ него, подобно тому, какъ ими пользовались лютеранскіе государи Германіи противъ императора“. Поэтому онъ издалъ противъ нихъ весьма строгіе эдикты. Такимъ образомъ, въ 1551 г., когда онъ не дозволилъ своимъ епископамъ отправиться на тридентскій соборъ, онъ въ то же время охладилъ и радостные восторги протестантовъ, издавши эдиктъ изъ Шатобріана, который воспрещалъ всякія просьбы въ пользу еретиковъ, обѣщалъ награды доносчи-

камъ и требовалъ свидѣтельства объ усердіи къ католицизму. Впослѣдствіи онъ согласился на предложеніе Павла IV объ учрежденіи инквизиціи, „этого единственнаго молота“, по словамъ папы, „которымъ можно сокрушить ересь“. Парламентъ энергически возсталъ противъ этого проекта и заставилъ отложить его, но въ 1557 году булла, утвержденная Генрихомъ, поручала „введеніе инквизиціи и наблюденіе надъ нею“ тремъ кардиналамъ, и парламентъ внесъ ее въ реэстръ съ тѣмъ условіемъ, чтобы этому суду были подсудны только лица духовнаго званія и чтобы въ своей юрисдикціи онъ не зависѣлъ отъ римскаго двора, но состоялъ бы подъ надзоромъ епископовъ. Этотъ эдиктъ возбудилъ живое неудовольствіе во Франціи. „Горячіе политики и ревнители религіи,—говоритъ Кастельно,—считали, что онъ необходимъ какъ для охраненія и поддержанія католической религіи, такъ и для подавленія возмутителей, которые усиливались, подъ видомъ религіи, ниспровергнуть политическій строй государства, и, наконецъ, для того, чтобы страхъ наказанія вырвалъ секту съ корнемъ. Другіе же, не заботившіеся ни о религіи, ни о государствѣ, также считали эдиктъ необходимымъ, но вовсе не для того, чтобы истребить протестантовъ, но для того, чтобы служить средствомъ для обогащенія путемъ конфискацій, налагаемыхъ на осужденныхъ“.

Но, несмотря на эти эдикты, несмотря на наказанія, протестанты „были такъ стойки и рѣшительны въ своей вѣрѣ, что не скрывались даже и тогда, когда было принято рѣшеніе казнить ихъ, и чѣмъ больше ихъ наказывали, тѣмъ болѣе они размножались“. Половина дворянства, часть духовенства и, можетъ быть, десятая часть народа были тайно преданы реформѣ. „Во всякой провинціи,—писалъ венеціанскій посланникъ,—есть протестантизмъ; за исключеніемъ простого народа, попрежнему усердно посѣщающаго церкви, всѣ другіе стали отступниками, особенно дворяне и почти всѣ люди моложе сорока лѣтъ“. Въ 1555 г. во Франціи была еще только одна реформатская церковь, а въ 1559 г. ихъ было уже двѣ тысячи. Несмотря на королевскія запрещенія, проповѣди произносились публично; составлялись процессіи отъ 5 до 6 тысячъ человѣкъ, которые распѣвали псалмы; посланные отъ Кальвина ходили по провинціямъ, возбуждая религіозное рвеніе, распространяя сочиненія своего учителя, составляя ассоціаціи и дѣлая сборы. Люди, знаменитые по своему происхожденію или по своимъ талантамъ, были уже во главѣ кальвинизма: это были два принца Бурбона и три брата Шатильона, племянники Монморанси: первый—адмиралъ Колиньи, второй—Дандело, генералъ отъ инфантеріи, третій — кардиналъ. Наконецъ, парламенты, которые обязаны были преслѣдовать ересь, сами были расположены къ ней. Тогда было цвѣтущее время французской магистратуры: Оливье, Л'Опиталь, Дюмуленъ, Кюжасъ, Кокиль сообщали блескъ старому національному законодательству, выставляли въ настоящемъ свѣтѣ истинные принципы гражданскаго права и представляли собою рядъ судебныхъ дѣятелей, испытанныхъ въ наукѣ и добродѣтели. Постоянные въ своей оппозиціи римскому двору, ревниво охранявшіе свою юрисдикцію парламенты, а въ особенности парижскій, дѣлали инквизицію безполезною и своею снисходительностью или притворствомъ спасли многихъ обвиняемыхъ. Многіе совѣтники парламентовъ были протестантами; другіе, стремившіеся составить нейтральную партію, требовали собора и свободы совѣсти; всѣ они строгостью своихъ нравовъ и своими связями съ учеными имѣли видъ протестантовъ. Что сдѣлалось бы съ католицизмомъ, если бы магистратура оставила его? Генрихъ II рѣшился посредствомъ

государственнаго переворота остановить успѣхи кальвинизма въ парижскомъ парламентѣ: „вездѣ,—говорилъ онъ,—гдѣ проповѣдуются новыя ученія, авторитетъ королевскій колеблется, и угрожаетъ опасность возникновенія республики вродѣ швейцарской“. Возбуждаемый кардиналомъ лотарингскимъ и фавориткою Діаною Пуатье, онъ неожиданно явился въ парламентъ, и такъ какъ здѣсь шли разсужденія о необходимости смягчить наказанія, опредѣленныя для еретиковъ, то онъ пригласилъ членовъ парламента говорить свободно (1559 г., 14 іюня). Совѣтники парламента Дюбуръ и Дюфоръ отличались рѣзкостью своихъ рѣчей: они требовали пріостановки всякихъ наказаній до рѣшенія вселенскаго собора, порицали пороки двора и едва скрывали свою преданность кальвинизму. Генрихъ счелъ себя обиженнымъ, въ особенности за свою любовницу, на которую, казалось, намекали слова Дюбура; онъ тутъ же далъ приказаніе арестовать обоихъ совѣтниковъ. Трое другихъ были схвачены въ ихъ домахъ, и была назначена комиссія для суда надъ ними.

При извѣстіи объ этихъ арестахъ, священники реформатской церкви собрались въ Парижѣ, и это былъ первый національный синодъ протестантовъ во Франціи. Они составили положеніе, имѣвшее цѣлью поддержать единство между ихъ небольшими общинами, и рѣшили потребовать вмѣшательства нѣмецкихъ государей въ пользу заключенныхъ. Короля сильно раздражило то, что его подданные собираются и совѣщаются безъ его приказанія и прибѣгаютъ къ защитѣ иностранцевъ; онъ запретилъ собранія подъ страхомъ смертной казни и предписалъ строгія преслѣдованія протестантовъ. Но смертъ застигла его среди этихъ плановъ преслѣдованія. Процессъ Дюбура продолжался и при Францискѣ II и вызвалъ сильное волненіе, особенно послѣ того, какъ президентъ Минаръ, отъявленный врагъ обвиняемаго, былъ убитъ неизвѣстнымъ человѣкомъ. Сотоварищи Дюбура поколебались; но онъ безстрашно исповѣдалъ свою вѣру, былъ осужденъ и казненъ въ концѣ 1559 года. Послѣ этого парламентъ, очищенный, вполнѣ былъ преданъ католицизму и поддержанію законовъ, не оставляя, однако, своихъ стремленій къ умѣренности и оппозиціи римскому двору.

Казнь Дюбура возбудила негодованіе между протестантами и внушила имъ планы сопротивленія. Подъ вліяніемъ Кальвина, который увѣщевалъ ихъ защищать ихъ дѣло „даже пушечными выстрѣлами“, они составили исповѣданіе вѣры и учредили свои консисторіальныя собранія, свободный выборъ своихъ пасторовъ и правильныя вспомоществованія. Это было настоящее государство въ государствѣ. Изъ консисторіи каждой церкви дѣла переходили въ провинціальный синодъ, состоящій изъ депутатовъ отъ провинціальныхъ организацій. Въ этихъ собраніяхъ „разсуждали не только о религіи, но и о государственныхъ дѣлахъ, о мѣрахъ для защиты и нападенія, для собиранія денегъ на военныхъ людей и на борьбу съ городами и крѣпостями“. Кальвинисты стали горды и самоувѣренны; число ихъ ежедневно возрастало, и видя, что большая часть дворянства уже готова взяться за оружіе, они рѣшились завладѣть правленіемъ насильственнымъ образомъ и навязать всей Франціи новыя доктрины.

LVIII. Подобіе протестантизма въ Италіи и попытки внутреннихъ реформъ.

(По соч. Ранке: „Римскіе папы“).

Въ то самое время, какъ въ Германіи возникло протестантское движеніе, въ Италіи появились литературныя собранія, принявшія нѣкоторый религіозный оттѣнокъ.

Когда при Львѣ X въ тонѣ общества было подвергать сомнѣнію и отрицать христіанство, въ противодѣйствіе этому, въ кругу умнѣйшихъ людей, которые вполнѣ владѣли образованностью своего времени, но не потерялись въ ней, возникла реакція. Было весьма естественно, что люди эти сблизились между собою.

Еще во время Льва нѣкоторые достойные люди основали въ Римѣ, для обоюднаго назиданія, „ораторію божественной любви“. Собирались они для богослуженія, проповѣди и духовныхъ упражненій въ Трастеверѣ, въ церкви св. Сильвестра и Доротеи, не далеко отъ того мѣста, гдѣ, какъ полагали, жилъ св. Петръ и руководилъ первыми сходками христіанъ. Членовъ „ораторіи“ было отъ 50 до 60 человѣкъ. Контарини, Садолетъ, Джиберто, Караффа, которые всѣ были кардиналами, Липпомано, славный и дѣятельный духовный писатель, и нѣкоторые другіе замѣчательные люди принадлежали къ этому обществу; Юліанъ Бати, священникъ этой церкви, стоялъ въ центрѣ союза.

Многаго, конечно, не доставало, чтобы направленіе этого общества, какъ легко заключить изъ мѣста его собранія, приблизилось къ протестантизму, но въ извѣстномъ отношеніи оно было однородно съ нимъ, именно, въ намѣреніи противодѣйствовать всеобщему упадку церкви обновленіемъ ученія и вѣры, откуда вышло также ученіе Лютера и Меланхтона. Союзъ этотъ состоялъ изъ людей, хотя развившихъ впослѣдствіи весьма различныя мнѣнія, но въ то время соединившихся однимъ общимъ чувствомъ. Однако, въ начавшемся движеніи весьма скоро обнаружились болѣе опредѣленныя и разнородныя стремленія.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ мы снова встрѣчаемся съ частію римскаго общества въ Венеціи.

Римъ былъ опустошенъ, Флоренція завоевана, Миланъ сдѣлался сборнымъ пунктомъ, гдѣ толпились арміи; среди общаго разрушенія одна Венеція оставалась еще гостепріимною для иноземцевъ. Она считалась общимъ мѣстомъ убѣжища. Тамъ собрались разсѣянные римскіе литераторы, флорентійскіе патріоты, для которыхъ отечество ихъ было на-вѣки закрыто. Въ средѣ ихъ обнаружилось теперь сильное духовное теченіе, между прочимъ, подъ вліяніемъ ученія Савонаролы, особенно между флорентинцами, какъ это видно на историкѣ Нарди, переводчикѣ библіи Бруччіоли. Это направленіе раздѣляли и другіе эмигранты, какъ, напр., Реджинальдъ Поль, оставившій Англію, чтобы удалиться отъ нововведеній Генриха VIII. У своихъ венеціанскихъ друзей они встрѣтили теперь радушный пріемъ: въ Падуѣ, у Петра Бембо, который принималъ у себя эмигрантовъ, трактовали преимущественно объ ученыхъ вопросахъ, о цицеронской латыни; бесѣды болѣе глубокія были у учениковъ умнаго

Григорія Кортезе, аббата церкви St. Giorgio Maggiore, близъ Венеціи; въ садахъ St. Giorgio Maggiore излагалъ свои разсужденія Бруччіоли. Недалеко отъ Тревизы была вилла Тревилье, принадлежавшая Луиджи Пріули. Это былъ человѣкъ съ чисто венеціанскимъ характеромъ, какихъ и въ наше время еще иногда случается встрѣчать, полный спокойной воспріимчивости къ истиннымъ и высокимъ чувствамъ и къ безкорыстной дружбѣ. Здѣсь занимались преимущественно духовными изслѣдованіями и бесѣдами. Между прочимъ, былъ тамъ и бенедиктинецъ Марко Падуанскій, человѣкъ глубоко набожный. Но главою общества слѣдуетъ считать Гаспара Контарини, который, по словамъ Поля, знаетъ все, что только открылъ человѣческій духъ непосредственно или по благодати, и который былъ исполненъ добродѣтелей.

Если спросимъ, на какомъ основномъ положеніи сходились между собою эти люди, то увидимъ, что это было преимущественно то же самое ученіе объ оправданіи, которое у Лютера было началомъ всего протестантскаго движенія... Контарини написалъ объ этомъ особый трактатъ, который весьма одобряетъ также и Поль. Обращаясь къ Контарини, онъ говоритъ: „ты извлекъ на свѣтъ драгоцѣнный камень, который церковь хранила полускрытымъ". И самъ Поль находитъ, что св. писаніе въ глубинѣ своей сущности содержитъ лишь одно это ученіе; онъ называетъ своего друга счастливымъ, что онъ началъ выводить на свѣтъ эту „святую, плодотворную, необходимую истину". Къ этому кружку принадлежалъ также и Фламиніо. Онъ жилъ нѣкоторое время у Поля; Контарини хотѣлъ взять его съ собою въ Германію. Фламиніо излагаетъ свое ученіе уже болѣе опредѣленно. „Евангеліе,—говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, — есть не что иное, какъ счастливая вѣсть, что единородный Сынъ Божій, воплотившись, оправдалъ насъ передъ правосудіемъ вѣчнаго Отца. Кто вѣритъ этому, тотъ внидетъ въ царствіе Божіе, получитъ полное отпущеніе грѣховъ, изъ существа тѣлеснаго сдѣлается духовнымъ, изъ сына гнѣва сдѣлается сыномъ милосердія, и въ этой жизни вѣрующій наслаждается спокойствіемъ своей совѣсти". Едва ли можно было выражаться по этому предмету болѣе лютеранскимъ образомъ.

Ученіе это распространилось по большей части Италіи въ видѣ литературнаго мнѣнія или тенденціи.

Замѣчательно, однако, какъ внезапно споръ о мнѣніи, о которомъ прежде лишь изрѣдка заходила рѣчь въ школахъ, теперь занялъ и наполнилъ собою цѣлое столѣтіе и вызвалъ къ дѣятельности всѣ лучшіе умы того времени. Въ XVI ст. ученіе объ оправданіи произвело величайшія движенія, раздоры и даже перевороты. Теперь именно, въ противоположность свѣтскому направленію церкви, забывшей почти совершенно о непосредственномъ отношеніи человѣка къ Богу, этотъ вопросъ, касающійся глубочайшей тайны этого отношенія, занялъ всѣ умы.

Даже въ легкомысленномъ Неаполѣ вопросъ этотъ получилъ ходъ, и при томъ еще отъ испанца, секретаря вице-короля, Іоанна Вальдеца. Самыя сочиненія Вальдеца, къ сожалѣнію, всѣ погибли, но о томъ, за что порицали его противники, мы имѣемъ весьма точныя свидѣтельства. Около 1540 года явилась небольшая книжка „О благодѣяніи Христа", въ которой, какъ выражается одно донесеніе инквизиціи, соблазнительнѣйшимъ образомъ излагается ученіе объ оправданіи, унижаются дѣла и заслуги и все приписывается одной вѣрѣ; такъ какъ это былъ именно тотъ самый пунктъ, противъ котораго тогда весьма погрѣшали многіе

прелаты и монашествующая братія, то эта книжка распространилась повсемѣстно. Старались узнать автора ея. Донесеніе инквизиціи указываетъ его опредѣлительно. Это былъ, говоритъ оно, монахъ изъ Санъ-Северино, ученикъ Вальдеца. Но кто бы ни былъ ея авторъ, она имѣла невѣроятный успѣхъ и сдѣлала на извѣстное время популярнымъ въ Италіи ученіе объ оправданіи. Слѣдуетъ замѣтить, что тенденція Вальдеца не была исключительно богословской: онъ, прежде всего, былъ значительнымъ свѣтскимъ сановникомъ, не основалъ никакой секты, и его книга о христіанствѣ была лишь плодомъ его литературныхъ занятій. Друзья его съ удовольствіемъ вспоминали о прекрасныхъ дняхъ, которые они проводили съ нимъ близъ Неаполя, „гдѣ природа красуется и улыбается въ своей пышности". Вальдецъ былъ человѣкъ кроткій, любезный и съ большими дарованіями. „Одна частица его души,—говорятъ о немъ друзья, — была необходима, чтобы оживлять его слабое, тощее тѣло; большею же ея частью, своимъ спокойнымъ, свѣтлымъ умомъ, онъ возносился къ созерцанію истины". Въ кругу дворянъ и ученыхъ Неаполя Вальдецъ пользовался чрезвычайнымъ вліяніемъ.

Живое участіе въ этомъ религіозномъ, духовномъ движеніи приняли также и женщины, между прочимъ, Витторія Колонна. По смерти своего мужа, Пескары, она совершенно предалась наукамъ. Въ ея стихотвореніяхъ, такъ же какъ и въ письмахъ, видна прочувствованная мораль, непритворная религіозность. Поль и Контарини принадлежали къ ея самымъ близкимъ друзьямъ. Не слѣдуетъ, однако, думать, что она подвергала себя духовнымъ упражненіямъ по монашескому образцу. По крайней мѣрѣ Аретинъ весьма наивно пишетъ ей, что „онъ не думаетъ, чтобы она полагала спасеніе въ обѣтѣ молчанія, въ опущенномъ взорѣ и въ суровомъ одѣяніи, а, вѣроятно, полагаетъ его въ чистотѣ души". Домъ Колонновъ вообще преданъ былъ этому направленію, особенно Веспасіанъ, герцогъ Палліано, и супруга его Юлія, считавшаяся самою красивою женщиною Италіи. Вальдецъ посвятилъ Юліи одну книгу.

Но кромѣ того, ученіе это распространено было и въ среднихъ классахъ.

Въ донесеніи инквизиціи, можетъ быть, преувеличенномъ, говорится, что ему слѣдуютъ до 3000 учителей. Но если число ихъ было и менѣе, то, все-таки, какъ сильно должно было дѣйствовать оно на юношество и народъ!

Не менѣе сочувствія встрѣтило ученіе объ оправданіи и въ Моденѣ. Самъ епископъ Морони, близкій другъ Поля и Контарини, покровительствовалъ ему: книга „О благодѣяніи Христа" была напечатана и распространена въ большомъ количествѣ экземпляровъ прямо по его приказанію.

Время отъ времени въ Италіи называли даже протестантами людей, выступившихъ съ новыми мнѣніями, и о которыхъ мы упомянули. Дѣйствительно, эти люди усвоили себѣ нѣкоторыя мнѣнія, господствовавшія въ Германіи: они старались основать ученіе на свидѣтельствѣ св. писанія и въ догмѣ объ оправданіи весьма близко подходили къ лютеранскому воззрѣнію; но нельзя сказать, чтобы они раздѣляли эти воззрѣнія и во всѣхъ другихъ предметахъ: чувство единства церкви, почитаніе папы слишкомъ глубоко запечатлѣлись въ ихъ умахъ, и нѣкоторые католическіе обычаи находились въ такой тѣсной связи съ національнымъ образомъ мыслей, что отрѣшиться отъ нихъ было трудно.

Фламиніо написалъ изъясненіе псалмовъ, догматическое содержаніе

котораго встрѣтило одобреніе у протестантскихъ писателей; но въ посвященіи этого сочиненія онъ называетъ папу стражемъ и владыкою всего святого, намѣстникомъ Бога на землѣ.

Джіовани Батиста Фоленго приписываетъ оправданіе единственно благодати; онъ говоритъ даже, что грѣхи полезны, а это уже не очень далеко отъ ничтожности „добрыхъ дѣлъ"; съ горячностью ратуетъ онъ противъ мнѣнія о пользѣ постовъ, частной молитвы, обѣдни и исповѣди, даже противъ священства, монашества и епископства; однако, несмотря на это, онъ почти шестидесяти лѣтъ спокойно умеръ въ томъ самомъ бенедиктинскомъ монастырѣ, въ который поступилъ на 16-мъ году.

Нѣсколько иначе подвизался довольно долгое время Бернардино Окино. Если вѣрить его собственнымъ словамъ, сначала глубокая потребность „небеснаго рая, который пріобрѣтается чрезъ божественную благодать", побудила его сдѣлаться францисканцемъ. Ревность его была столь искренна, что онъ весьма скоро перешелъ къ болѣе строгимъ обѣтамъ капуциновъ. Въ третьемъ и еще разъ въ четвертомъ капитулѣ этого ордена онъ былъ назначенъ генераломъ; въ этой должности онъ пріобрѣлъ себѣ чрезвычайное одобреніе; но, какъ ни строга была его жизнь (онъ всегда ходилъ пѣшкомъ, спалъ на своемъ плащѣ, никогда не пилъ вина и другимъ внушалъ въ особенности заповѣдь бѣдности, какъ лучшее средство къ достиженію евангельскаго совершенства), однако онъ мало-по-малу проникся ученіемъ объ оправданіи благодатію. Убѣдительнѣйшимъ образомъ излагалъ онъ это ученіе при исповѣди и съ каѳедры. „Я открылъ ему мое сердце, — говоритъ Бембо, — какъ предъ самимъ Христомъ; мнѣ казалось, что я никогда не видѣлъ человѣка болѣе святого". На его проповѣдь стекались цѣлые города, въ церквахъ недоставало мѣста; ученые и народъ, оба пола, старый и малый—всѣ были удовлетворены. Его грубая одежда, спускавшаяся на грудь борода, сѣдые волосы, блѣдное, тощее лицо и слабость, происходившая отъ его упорнаго поста, придавали ему видъ святого.

Такимъ образомъ, въ нѣдрахъ католицизма оставалась еще черта, за которую не переступали аналогіи съ новыми вѣяніями. Относительно священства и монашества въ Италіи не вступали прямо въ споръ; отъ нападенія на главенство папы были еще слишкомъ далеки. Да и могъ ли, напр., Поль не остаться вѣрнымъ папѣ, когда онъ бѣжалъ изъ Англіи потому единственно, что не хотѣлъ признать короля главою англиканской церкви? Отпаденіе отъ церкви эти люди считали за величайшее зло. Исидоръ Кларіо, который, съ помощью протестантскихъ трудовъ, исправилъ вульгату (латинскій переводъ библіи) и написалъ къ ней введеніе, подвергшееся запрещенію, въ особомъ сочиненіи отклонялъ протестантовъ отъ разрыва съ церковью. „Никакое зло,—говоритъ онъ, — не можетъ быть столь велико, чтобы оправдать отпаденіе отъ ея священнаго общества. Не лучше ли преобразовать то, что есть, чѣмъ отдаваться невѣрнымъ попыткамъ произвести что-нибудь новое. Нужно думать только о томъ, какъ улучшить и исправить отъ ошибокъ старый институтъ".

Новое ученіе съ этими видоизмѣненіями пріобрѣло себѣ въ Италіи множество приверженцевъ. Антоніо деи-Пальяричи, въ Сіенѣ, почитавшійся, между прочимъ, авторомъ книги „О благодѣяніяхъ Христа", Карнезекки изъ Флоренціи, слывшій приверженцемъ и распространителемъ ея, и почти въ каждомъ городѣ Италіи какое-нибудь значительнѣйшее лицо примыкали къ новому ученію. Это было всеобщее мнѣніе, вполнѣ

религіозное, умѣренно-церковное, волновавшее всю страну изъ конца въ конецъ, во всѣхъ кружкахъ общества.

Нѣтъ сомнѣнія, что самымъ полезнымъ и славнымъ дѣломъ Павла III, которымъ онъ ознаменовалъ вступленіе свое на престолъ, было то, что онъ призвалъ нѣкоторыхъ отличныхъ мужей въ коллегію кардиналовъ единственно изъ уваженія къ ихъ заслугамъ. Онъ началъ съ венеціанца Контарини, а этотъ предложилъ и прочихъ. Это были люди безукоризненной нравственности, славные своею ученостью и благочестіемъ и знакомые съ потребностями различныхъ странъ: Караффа, долго жившій въ Испаніи и Нидерландахъ, Садолетъ, епископъ Карпентраса во Франціи, Поль, бѣжавшій изъ Англіи, Джиберто, который послѣ того, какъ долгое время участвовалъ въ общемъ управленіи дѣлами, примѣрно управлялъ своею веронскою епархіей, Федериго Фрегозо, архіепископъ салернскій, это почти всѣ, какъ видимъ, члены „ораторіи божественной любви“. Многіе изъ нихъ держались религіознаго направленія, склонявшагося къ протестантизму.

Эти-то кардиналы, по приказанію папы, разрабатывали проектъ церковныхъ реформъ. Протестанты, узнавъ объ этомъ трудѣ, осыпали его насмѣшками. Сами они, конечно, между тѣмъ ушли гораздо далѣе; но нельзя отрицать, что для католической церкви чрезвычайно важно было уже и то, что нападеніе на ея злоупотребленія сдѣлано въ самомъ Римѣ, и что эти злоупотребленія верховной властью были выставляемы, какъ главный источникъ всеобщаго зла.

Но на одномъ этомъ не остановились. Сохранились нѣкоторыя небольшія сочиненія Гаспара Контарини, въ которыхъ онъ ведетъ жаркую войну преимущественно съ тѣми злоупотребленіями, которыя доставляли куріи доходъ. Обычай композицій, состоявшій въ томъ, что за полученіе даже духовныхъ милостей обязывали платить деньги, онъ называетъ симоніей, которую слѣдуетъ даже считать нѣкоторымъ родомъ ереси. Когда разъ замѣтили ему, что онъ дурно дѣлаетъ, порицая прежнихъ папъ, онъ воскликнулъ: „Какъ, неужели мы должны заботиться объ именахъ трехъ-четырехъ папъ, а не стараться объ исправленіи того, что искажено, и не стараться пріобрѣсти самимъ себѣ добраго имени“? Дѣйствительно, было бы слишкомъ много, если бы защищать дѣла всѣхъ папъ.

На злоупотребленія отпущеніемъ грѣховъ нападаетъ онъ самымъ серьезнымъ и энергичнымъ образомъ. Онъ считаетъ идолопоклонствомъ признавать (что и дѣйствительно признавали), будто папа въ утвержденіи или отмѣнѣ положительнаго права не долженъ уважать никакихъ основаній и побужденій, кромѣ своей воли. Мнѣнія его объ этомъ предметѣ заслуживаютъ вниманія: „Законъ Христа,—говоритъ онъ,—есть законъ свободы и запрещаетъ столь грубое рабство, которое лютеране имѣли полное право сравнить съ вавилонскимъ плѣненіемъ. Но, и кромѣ того, можетъ ли называться управленіемъ такая система, гдѣ закономъ служитъ воля одного человѣка, всегда, по природѣ своей, склоннаго ко злу и дѣйствующаго подъ вліяніемъ безчисленныхъ впечатлѣній? Нѣтъ, всякая власть есть власть разума. Она имѣетъ цѣлію правыми средствами приводить управляемыхъ ею къ общей цѣли, къ счастію. И власть папы тоже есть власть разума. Богъ далъ ее св. Петру и его преемникамъ, чтобы они ввѣренную имъ паству вели къ вѣчному блаженству; папа долженъ знать, что тѣ, на которыхъ простирается его власть, суть люди свободные. Не по произволу долженъ онъ повелѣвать, запрещать или разрѣшать, но по законамъ разума, заповѣдямъ Божіимъ и любви, по зако-

намъ, которые все сводятъ къ Богу и общему благу, ибо не произволъ даетъ положительные законы: они рождаются отъ приспособленія естественнаго права и Божіихъ заповѣдей къ обстоятельствамъ. Только по этимъ же законамъ и по неотразимому требованію жизни они могутъ быть измѣняемы". „Твое святѣйшество,—возражаетъ онъ Павлу III,—да обратитъ вниманіе, чтобы не отступать отъ этихъ правилъ. Не обращайся къ безсильной волѣ, которая нерѣдко избираетъ злое, къ рабству, которое служитъ ко грѣху. Тогда будешь ты могуществeнъ, свободенъ; тогда въ тебѣ будетъ сосредоточиваться жизнь христіанскаго общества".

Это была, какъ мы видимъ, попытка образовать раціональное папство. Она была тѣмъ болѣе замѣчательна, что исходила изъ того же самаго ученія объ оправданіи и свободной волѣ, которое послужило основаніемъ отпаденію протестантовъ.

Легко понять, что радикальное исправленіе злоупотребленій, съ которыми такъ тѣсно связано множество личныхъ правъ и притязаній, множество привычекъ жизни, было самымъ труднымъ дѣломъ, какое только можно было предпринять. Однако, тѣмъ не менѣе, папа Павелъ III, казалось, ревностно готовъ былъ приступить къ реформѣ.

Онъ нарядилъ уже комиссіи для осуществленія реформъ въ консультѣ, канцеляріи, судѣ и коллегіи пенитенціарія и снова принялъ къ себѣ Джиберто. Появились реформаторскія буллы; приготовлялись даже къ вселенскому собору, котораго такъ опасался и избѣгалъ папа Климентъ и котораго даже Павелъ III имѣлъ поводъ избѣгать по своимъ частнымъ обстоятельствамъ.

Но что бы было, если бы улучшенія дѣйствительно были произведены, если бы римскій дворъ преобразовался и злоупотребленія церковнаго управленія были устранены, если бы тотъ самый догматъ, изъ котораго исходилъ Лютеръ, сдѣлался началомъ обновленія жизни и ученія? Не было ли бы тогда возможнымъ примиреніе? Многимъ примиреніе это казалось возможнымъ, многіе возлагали серьезную надежду на религіозные переговоры.

По теоріи, папа не долженъ бы былъ одобрять ихъ, такъ какъ ими хотѣли рѣшить религіозные споры не безъ вліянія свѣтской власти, тогда какъ на окончательное разрѣшеніе спорныхъ вопросовъ имѣлъ притязаніе самъ папа. Онъ такъ и сдѣлалъ, но, тѣмъ не менѣе, допустилъ переговоры и послалъ на нихъ своихъ депутатовъ. При этомъ онъ приступилъ къ дѣлу съ большою осторожностью и выбралъ исключительно людей умѣренныхъ, которые впослѣдствіи, при многихъ случаяхъ, подозрѣваемы были даже въ протестантизмѣ.

Безспорно, никогда еще враждующія стороны не сближались такъ между собою, какъ въ 1541 году, на регенсбургскихъ переговорахъ. Политическія дѣла особенно тому благопріятствовали. Императоръ, который хотѣлъ воспользоваться силами имперіи для турецкой войны или противъ Франціи, также сильно желалъ примиренія. Для этихъ переговоровъ онъ выбралъ самыхъ умныхъ и умѣренныхъ людей между католическими богословами: Гроппера и Юлія Флуга. Миролюбивый Буцеръ, гибкій Меланхтонъ явились со стороны протестантовъ.

То, что папа желалъ счастливаго результата, видно изъ выбора легата, котораго онъ посылалъ, именно того самаго Гаспара Контарини, котораго мы видѣли столь глубоко увлеченнымъ новымъ направленіемъ, принятымъ Италіей, и столь дѣятельнымъ въ начертаніи плана всеобщихъ реформъ. Исполненный кротости, внутренней правды и глубоко-религіоз-

наго настроенія, умѣренный, почти сходящійся съ протестантами въ самомъ важномъ пунктѣ ученія, явился Контарини въ Германію; онъ надѣялся уладить расколъ посредствомъ возрожденія ученія, начиная съ этого пункта, и уничтоженіемъ злоупотребленій. Но не слишкомъ ли уже далеко зашелъ онъ и не слишкомъ ли глубоко пустили корни новыя мнѣнія?

Мы не хотимъ распространяться о степени возможности и вѣроятности этого примиренія: во всякомъ случаѣ, оно было весьма трудно; но если представлялась хотя малѣйшая надежда, то, конечно, стоило сдѣлать попытку. Дѣйствительно, мы видимъ, что къ такой попыткѣ вообще обнаружилась большая склонность и что съ нею связаны были несомнѣнныя надежды; но надежды эти послѣ долгихъ преній оказались неосновательными и тщетными: Контарини возвратился въ Римъ, не сдѣлавъ ничего.

LIX. Протестантизмъ въ Испаніи.

(По соч. Прескотта: «Исторія царствованія Филиппа II», т. IV)

Несмотря на свое уединенное положеніе, Испанія во времена Карла V находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ съ другими государствами Европы и не могла не почувствовать толчка, который потрясъ эти государства до основанія. Она была въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ тѣми странами, гдѣ впервые были посѣяны сѣмена реформаціи. Въ XVI столѣтіи въ Испаніи было обыкновеніе отсылать молодыхъ людей въ германскіе университеты; ученые, сопровождавшіе императора, знакомились съ основаніями протестантскаго ученія, уже распространившагося въ Германіи и Фландріи; испанскія войска узнавали о религіозной реформѣ отъ германскихъ наемниковъ, съ которыми такъ часто служили подъ однимъ знаменемъ. Такимъ образомъ проникали въ Испанію шаткія, иногда совершенно не точныя мнѣнія и, возбуждая любопытство народа, приготовляли умы къ принятію великихъ истинъ, оживившихъ другія европейскія націи. Люди съ серьезнымъ образованіемъ, возвращаясь на родину, находили средства распространять эти истины. Составлялись тайныя общества, устраивались сходки, и на этихъ сходкахъ, среди всевозможныхъ предосторожностей, какъ въ первые дни христіанства, читалось и объяснялось евангеліе, и число слушателей постоянно возрастало. Недостатокъ книгъ составлялъ величайшее затрудненіе, но предпріимчивость нѣсколькихъ самоотверженныхъ друзей протестантизма устранила это затрудненіе.

Вскорѣ въ Испаніи появились кастильскій переводъ библіи, напечатанный въ Германіи, и разныя протестанскія сочиненія, переведенныя съ нѣмецкаго. Экземпляръ подобнаго сочиненія, принадлежавшій частному лицу, случалось, переѣзжалъ безпрепятственно границу Испаніи; но этого было мало. Одинъ испанецъ, по имени Хуанъ Гернандесъ, жившій въ Женевѣ и занимавшій тамъ должность корректора при типографіи, побуждаемый единственно религіозной ревностью, рѣшился доставить въ свое отечество большой запасъ запрещеннаго плода.

Съ необыкновенной ловкостью миновалъ онъ бдительныхъ таможенныхъ чиновниковъ и еще болѣе бдительныхъ шпіоновъ инквизиціи и

вывезъ на берегъ двѣ огромныя бочки запрещенныхъ книгъ, которыя тотчасъ же были разсѣяны между членами новой церкви. Другіе послѣдовали примѣру Гернандеса и такъ же успѣшно. Благодаря этимъ книгамъ и вдохновеннымъ проповѣдникамъ, число протестантовъ увеличивалось съ каждымъ днемъ. Между ними было гораздо болѣе людей просвѣщенныхъ и пользовавшихся высокимъ положеніемъ въ свѣтѣ, чѣмъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что они имѣли возможность посѣщать тѣ страны, гдѣ протестантизмъ проповѣдывался открыто. Такимъ образомъ, протестантская церковь расширилась и благоденствовала, не такъ, конечно, какъ въ свободной атмосферѣ Германіи или Англіи, а лишь насколько позволялъ тяжелый гнетъ инквизиціи, какъ нѣжное растеніе, поставленное въ тѣни и ожидающее только благопріятнаго времени, чтобы дать цвѣтъ и плодъ. Такого времени не дождалась Испанія.

Читателю можетъ показаться страннымъ, что появленіе и распространеніе реформаціи такъ долго скрывалось отъ взоровъ инквизиціи. Однако же не подлежитъ сомнѣнію, что испанскіе инквизиторы получили первое извѣстіе объ этомъ отъ своихъ братій, бывшихъ за предѣлами Испаніи. Католическіе священники, находившіеся при Филиппѣ, подозрѣвая нѣкоторыхъ изъ своихъ соотечественниковъ въ ереси, донесли на нихъ правительству. Они были арестованы, отправлены въ Испанію и преданы въ руки инквизиціи. По строгомъ изслѣдованіи оказалось, что подсудимые вели долгую переписку съ нѣкоторыми лицами, раздѣлявшими ихъ убѣжденія. Такимъ образомъ было открыто существованіе испанской реформаціи, хотя, впрочемъ, число послѣдователей ея еще не было извѣстно.

Около этого времени, именно въ февралѣ 1558 г., папа Павелъ IV, начавшій преслѣдованіе протестантовъ въ своихъ владѣніяхъ, прислалъ верховному инквизитору грамоту, которою повелѣвалъ не щадить усилій въ дѣлѣ преслѣдованія и искорененія возрастающаго зла и уполномочивалъ его судить и предавать казни всѣхъ подозрѣваемыхъ въ ериси, кто бы они ни были: епископы, архіепископы, дворяне, хотя бы короли и императоры.

Въ то время во главѣ инквизиціи стоялъ человѣкъ, вполнѣ способный къ исполненію этихъ безчеловѣчныхъ эдиктовъ. То былъ Фернандо Вальдесъ, кардиналъ-архіепископъ севильскій, суровый, неумолимый фанатикъ, не уступавшій въ фанатизмѣ самому Торквемадѣ. Вальдесъ тотчасъ привелъ въ дѣйствіе страшную машину, отданную въ его вѣдѣніе. Какъ можно осторожнѣе, чтобы не пробудить ничьего вниманія, повелъ онъ свои траншеи. И это было нетрудно: онъ былъ главою суди лица, окруженнаго непроницаемой таинственностью, дѣйствовавшаго посредствомъ невидимыхъ агентовъ. Онъ долго и молча работалъ, и, когда взорвалъ мину, она поразила всѣхъ враговъ его.

Шпіоны инквизиціи проникали въ общества людей, заподозрѣнныхъ въ ереси, входили къ нимъ въ довѣренность. Наконецъ, благодаря измѣнничеству однихъ, боязни или религіозному сомнѣнію другихъ, Вальдесъ узналъ, гдѣ сосредоточивались послѣдователи новой религіи и какъ велико число ихъ. Число же ихъ далеко превосходило его ожиданія. Впрочемъ, испанская реформація была страшна не столько многочисленностью своихъ послѣдователей, сколько ихъ характеромъ и общественнымъ положеніемъ. Многіе изъ нихъ принадлежали къ духовенству, обязанному блюсти за чистотою вѣры. Самое большое число протестантовъ

было открыто въ Аррагонѣ, который по своему географическому положенію легко могъ поддерживать сношенія съ французскими гугенотами, въ Севильѣ и въ Вальядолидѣ, гдѣ реформація была распространена нѣсколькими лицами, пользовавшимися извѣстностью.

Лишь только было получено извѣстіе о такомъ состояніи религіозныхъ мнѣній и общій планъ дѣйствій былъ обдуманъ, дано было приказаніе арестовать всѣхъ подозрѣваемыхъ въ ереси. Это распоряженіе какъ громъ упало на головы несчастныхъ жертвъ, до послѣдней минуты не подозрѣвавшихъ опасности. Инквизиція не встрѣтила ни малѣйшаго противодѣйствія. Мужчины и женщины, духовные и свѣтскіе, люди всѣхъ сословій, короче, всѣ, имѣвшіе несчастіе подать самый ничтожный поводъ къ подозрѣнію, были схвачены и заключены въ тайныя инквизиціонныя тюрьмы. Число арестованныхъ было такъ велико, что ихъ негдѣ было помѣщать: монастыри и частные дома превратились въ темницы. Въ Севильѣ въ первый день было арестовано восемьсотъ человѣкъ. Страхъ и усиленная стража уничтожали всякую возможность побѣга.

Этимъ не кончилось. Выведенные изъ своихъ мрачныхъ темницъ, поставленные передъ тайнымъ судомъ инквизиціи, одинокіе, лишенные совѣта и помощи, не знающіе даже именъ своихъ обвинителей, не видя никакой возможности защищаться, несчастные подсудимые принуждены были признаваться во всемъ и обвинять другихъ. Показанія ихъ служили основаніемъ для новыхъ поисковъ и арестовъ. Если признаніе подсудимаго почему бы то ни было не нравилось судьямъ, употребляли въ дѣло станокъ, веревку и блоки и, когда всѣ суставы несчастнаго были переломаны, приказывали остановить на время пытку, такъ какъ эти страданія были свыше силъ человѣческихъ. Такъ мучилъ человѣкъ человѣка во имя Бога и религіи, и все это оставалось глубокой тайной, ибо, если какой-нибудь рѣдкій свидѣтель этихъ потрясающихъ сценъ и выходилъ живой, открытіе тайнъ инквизиціи грозило ему неминуемой гибелью.

Прошло восемнадцать мѣсяцевъ со времени перваго ареста. Надъ многими лицами судъ былъ оконченъ, и необходимо было исполнить надъ ними приговоръ, потому что тюрьмы были переполнены арестантами. Вальядолидъ избранъ былъ мѣстомъ перваго auto da fe, во-первыхъ, какъ столица, во-вторыхъ, какъ резиденція двора, который своимъ присутствіемъ могъ придать зрѣлищу болѣе торжественности. Въ маѣ 1559 г. регентша Іоанна, юный принцъ астурійскій донъ Карлосъ, всѣ знатнѣйшіе вельможи и придворные были свидѣтелями этого зрѣлища. Знакомя такъ рано наслѣдника престола со своими дѣйствіями, священное судилище, вѣроятно, имѣло намѣреніе пріобрѣсти такимъ образомъ его расположеніе. Но мы думаемъ, эти страшныя сцены не могли произвести на юную душу иного дѣйствія, какъ только внушить ей негодованіе и отвращеніе.

Послѣ того въ Гренадѣ, Толедо, Барселонѣ, Севильѣ, словомъ, во всѣхъ двѣнадцати городахъ, гдѣ находились инквизиціонныя судилища, отпразднованы были auto da fe съ такимъ же торжествомъ. Другое auto da fe отложено было до прибытія Филиппа. Дѣйствительно, надъ многими лицами приговоръ былъ произнесенъ за нѣсколько мѣсяцевъ до назначеннаго срока, а потому есть основаніе думать, что жизнь ихъ продлили только затѣмъ, чтобы присутствіе короля придало зрѣлищу болѣе эффекта.

Auto da fe, актъ вѣры, было самою назидательною и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самою страшною изъ всѣхъ церемоній, утвержденныхъ римско-католической церковью. Въ ней нельзя не видѣть оскорбительнаго для христіанскаго чувства смѣшенія римскаго тріумфа съ ужасами страшнаго суда. Она напоминаетъ кровавыя игрища, которыми привѣтствовали цезарей въ Колизеѣ. На религіозную важность этой церемоніи указывало уже и то, что для отправленія ея избиралось обыкновенно воскресенье или другой какой-либо праздничный день. Сверхъ того, папа объявлялъ сорокадневную индульгенцію всѣмъ присутствовавшимъ при сожженіи несчастныхъ жертвъ, какъ будто бы стремленіе толпы видѣть страданія ближняго требовало поощренія, и особенно въ Испаніи, гдѣ до настоящаго времени не искоренились народныя зрѣлища, отличающіяся кровожадностью.

Мѣстомъ второго auto da fe въ Вальядолидѣ избрана была обширная площадь предъ соборомъ св. Франциска. На одномъ концѣ ея возвышалась платформа, покрытая богатыми коврами, пестрѣвшая разными орнаментами, по которымъ можно было догадаться, что здѣсь будутъ возсѣдать члены священнаго судилища. Возлѣ нея была устроена галлерея для короля и его свиты; посреди площади возвышался обширный эшафотъ, на которомъ несчастные мученики должны были кончить свое земное поприще.

Церемонія началась тѣмъ, что епископъ Замора произнесъ рѣчь, „рѣчь о вѣрѣ". Содержаніе ея соотвѣтствовало случаю: она была наполнена текстами священнаго писанія и длинными отрывками изъ отцовъ церкви. Когда епископъ кончилъ, всѣ присутствующіе, преклонивъ колѣна, произнесли за великимъ инквизиторомъ клятвенное обѣщаніе защищать инквизицію, хранить чистоту вѣры и не скрывать отступниковъ католицизма. Вслѣдъ затѣмъ Филиппъ повторилъ клятву подобнаго же содержанія и, вставъ съ своего мѣста, обнажилъ мечъ, какъ-бы желая показать, что рѣшился не только словомъ, но и дѣломъ защищать священное судилище. Замѣтить надо, что въ прежнія времена, когда сжигали мавровъ и евреевъ, короли никогда не произносили подобныхъ унизительныхъ клятвъ.

Послѣ того секретарь инквизиціоннаго суда прочиталъ актъ, въ которомъ излагались всѣ обвиненія противъ подсудимыхъ и приговоры суда. Признанные покаявшимися становились на колѣни и, положивъ руку на требникъ, торжественно отрекались отъ своихъ заблужденій, послѣ чего верховный инквизиторъ произносилъ разрѣшеніе грѣховъ. Впрочемъ, разрѣшеніе было далеко неполное: однихъ ожидало вѣчное тюремное заключеніе, а другихъ болѣе или менѣе продолжительное покаяніе, и у всѣхъ были конфискованы имѣнія. Послѣдній пунктъ былъ слишкомъ важенъ для благосостоянія священнаго судилища, и судьи никогда не забывали его. Во многихъ случаяхъ обвиненные и ихъ непосредственные потомки объявлялись неспособными къ занятію какихъ бы то ни было общественныхъ должностей, и имена ихъ заклеймлялись вѣчнымъ безчестіемъ. Люди, лишенные такимъ образомъ имущества и гражданскихъ правъ, на нѣжномъ языкѣ инквизиціи назывались „примиренными".

Когда эти несчастные были отданы подъ стражу и отведены въ тюрьмы, общее вниманіе обратилось къ небольшому числу мучениковъ, одѣтыхъ въ san benito, съ веревкой на шеѣ. Они ожидали приговора, держа въ рукахъ крестъ или опрокинутый факелъ, служившій выраженіемъ ихъ печальной участи. Интересъ зрителей въ настоящемъ случаѣ

возбуждался еще и тѣмъ, что въ числѣ этихъ жертвъ были люди, не только занимавшіе высокія гражданскія должности, но пользовавшіеся общимъ уваженіемъ, извѣстные своими талантами и добродѣтелью. Въ ихъ дикихъ взорахъ, на ихъ изможденныхъ, страдальческихъ лицахъ, на членахъ, искалѣченныхъ пыткой, можно было прочитать потрясающую исторію мученій, перенесенныхъ ими во время заключенія, длившагося болѣе года. Но на этихъ лицахъ не было замѣтно ни тѣни страха или унынія; напротивъ, въ нихъ виденъ былъ святой энтузіазмъ, твердая рѣшимость запечатлѣть свои убѣжденія страданіями и смертью.

Когда та часть приговора, въ которой излагались обвинительные пункты, была прочитана, верховный инквизиторъ передалъ страдальцевъ въ руки градоначальника, сказавъ, чтобъ съ ними поступали со всею кротостью и милосердіемъ. Эта сладкая, но въ сущности безчеловѣчная фраза не заключала въ себѣ никакого выговора гражданскому сановнику; она означала, что инквизиторъ желаетъ, чтобъ надъ приговореннымъ былъ исполненъ жестокій приговоръ, для чего ужъ сдѣланы были всѣ приготовленія за недѣлю передъ тѣмъ.

Изъ тридцати человѣкъ, приговоренныхъ въ этотъ день, шестнадцать были примирены, остальные нашли успокоеніе въ рукахъ свѣтской власти, то-есть переданы городскому магистрату для исполненія надъ ними приговора. Но они согласились исповѣдаться передъ смертью, вслѣдствіе чего страданія были облегчены: они были задушены посредствомъ желѣзнаго ошейника (garrote) и потомъ брошены на костеръ. Только двое изъ нихъ и въ виду костровъ сохранили непоколебимую твердость, отказавшись отъ всякихъ снисхожденій. Имена ихъ записаны на страницахъ исторіи.

Однимъ изъ нихъ былъ донъ Карлосъ де Сасо, флорентійскій дворянинъ, нѣкогда пользовавшійся благосклонностью Карла V. Женившись на испанкѣ, де Сасо переѣхалъ въ Испанію и жилъ постоянно въ Вальядолидѣ. Отступивъ отъ католицизма и склонивъ свое семейство къ принятію лютеранскаго ученія, онъ началъ ревностно распространять его между жителями столицы. Короче, это былъ одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ и неутомимыхъ тружениковъ въ дѣлѣ распространенія новой религіи и потому прежде другихъ сдѣлался извѣстнымъ инквизиціи.

Пятнадцать мѣсяцевъ онъ томился въ тюрьмѣ и въ теченіе пятнадцати мѣсяцевъ не лишился твердости духа. Въ ночь наканунѣ его смерти ему прочитали приговоръ суда. Де Сасо потребовалъ, чтобъ ему позволили писать. Ему позволили, воображая, что онъ намѣренъ умилостивить судей признаніемъ всѣхъ своихъ заблужденій. Но онъ написалъ другого рода признаніе: онъ смѣло изобличалъ злоупотребленія и заблужденія католической церкви, высказывая въ то же время рѣшительное убѣжденіе въ истинности протестантскаго ученія. Когда его вели на костеръ, онъ остановился возлѣ королевской галлереи и, обратясь къ Филиппу, грустно воскликнулъ: „Зачѣмъ ты мучишь своихъ невинныхъ подданныхъ?“ — „Если бы мой сынъ былъ еретикъ, я самъ сложилъ бы костеръ, чтобъ сжечь его!“ отвѣчалъ король.

Глубоко убѣжденный въ истинѣ великаго дѣла, за которое переносилъ страданія, де Сасо даже на кострѣ не упалъ духомъ. Когда пламя, медленно подымаясь, начало охватывать его члены, онъ, чтобы ускорить смерть, приказалъ стоявшимъ возлѣ него солдатамъ подбросить больше хвороста. Солдаты исполнили послѣднюю волю погибающаго героя.

Другой былъ Доминго де Рохосъ, сынъ маркиза Позы, который ви-

дѣлъ смерть пяти членовъ своего семейства, включая и старшаго сына, присужденнаго инквизиціей за еретическія мнѣнія къ унизительному покаянію. Де Рохосъ былъ доминиканецъ. Замѣчательно, что въ этомъ орденѣ, доставлявшемъ инквизиціи самыхъ дѣятельныхъ членовъ, нашлось значительное число послѣдователей протестантскаго ученія. Де Рохосъ былъ возведенъ на эшафотъ въ монашеской рясѣ. Когда прочли приговоръ, ряса была снята и, среди громкаго смѣха и восклицаній толпы, на него надѣли san benito. Наряженный такимъ образомъ, де Рохосъ обратился къ зрителямъ, толпившимся вокругъ эшафота, и началъ громкимъ голосомъ рѣчь противъ изувѣрства и жестокости Рима; но Филиппъ въ негодованіи остановилъ его, приказавъ зажать ему ротъ. Приказаніе было въ точности исполнено; ему надѣли gag, кусокъ надколотаго дерева, который, причиняя страшную боль, лишалъ въ то же время возможности говорить. Это орудіе пытки, противъ обыкновенія, оставлено было въ устахъ страдальца даже тогда, когда его возвели на костеръ: какъ будто бы враги его опасались, чтобы сила краснорѣчія не восторжествовала и надъ самою смертью.

Quemadeto, мѣсто сожженія, какъ тогда говорили, было избрано внѣ городской стѣны. Филиппъ рѣшился выразить свою совершенную преданность инквизиціи, оставшись до конца этой потрясающей драмы. Прибывъ на мѣсто казни, тѣлохранители короля смѣшались съ толпою инквизиціонныхъ служителей и стали собирать въ кучи хворостъ, заранѣе приготовленный.

Такое страшное зрѣлище, прикрытое маской религіозной ревности, было, по мнѣнію современниковъ Филиппа, самымъ приличнымъ церемоніаломъ для встрѣчи католическаго монарха, возвращающагося въ свои владѣнія. И въ продолженіе всей этой церемоніи, съ шести часовъ утра до двухъ пополудни, зрители не выразили ни малѣйшаго признака нетерпѣнія и ни малѣйшаго сочувствія къ страданіямъ своихъ ближнихъ. Трудно было бы придумать лучшее средство къ извращенію всѣхъ понятій о нравственности и истребленію въ народѣ всякаго чувства.

Между тѣмъ, костры, зажженные инквизиціей, яростно пылали по всей странѣ. Въ 1570 году были сожжены послѣдніе протестанты. Съ этого времени жертвами инквизиціи сдѣлались евреи и магометане, и если въ спискахъ казненныхъ попадается иногда имя протестанта, то это такое же случайное явленіе, „какъ уцѣлѣвшій колосъ на сжатой нивѣ“.

Никогда преслѣдованіе не было такимъ всеобщимъ и такимъ успѣшнымъ. Говорятъ обыкновенно, что кровь мучениковъ взростила сѣмена новой церкви, но только не въ Испаніи. Дикая злоба преслѣдователей до конца истребила испанскихъ протестантовъ, подобно тому какъ въ XIII столѣтіи были истреблены альбигойцы. Здѣсь выжжено было все живое, такъ что для будущаго не оставалось ни одного зерна. Филиппъ могъ быть убѣжденъ, что на Пиренейскомъ полуостровѣ нѣтъ поборниковъ Лютера. Но какой дорогой цѣной было куплено это убѣжденіе! Онъ не только пожертвовалъ жизнью нѣсколькихъ тысячъ своихъ подданныхъ, но приготовилъ несчастную участь и для будущихъ поколѣній. Инквизиція удалила Испанію отъ умственнаго движенія остальной Европы и скрыла все, что было выработано другими народами въ сферѣ науки. Геній народа изнемогъ подъ вліяніемъ злобнаго, никогда не смежавшагося взора, подъ невидимымъ оружіемъ, всегда готовымъ пасть на голову каждаго испанца.

Для испанца, лишеннаго права мыслить, закрылся путь, ведущій въ

область науки, гдѣ главное условіе — движеніе впередъ, гдѣ прошлое служитъ назиданіемъ для будущаго, гдѣ старое заблужденіе падаетъ предъ новой истиной. Въ Испаніи не стало ничего, кромѣ обломковъ прошедшаго; тамъ старая ложь пріобрѣла права истины потому, что она стара; тамъ реформа сдѣлалась невозможною потому, что всякая новая реформа есть преступленіе. Инквизиція провела черту и сказала: „ни шагу далѣе!“, и Испанія остановилась на той степени развитія, на которой застали ее эти грозныя слова.

---

5. РЕФОРМАЦІЯ ВЪ АНГЛІИ.

LX. Англійское общество въ эпоху Тюдоровъ.

(Изъ соч. Е. Бутми: „Развитіе государственнаго и общественнаго строя Англіи“.)

Въ періодъ Ланкастерской династіи началась, а въ періодъ Тюдоровъ закончилась вторая стадія политической эволюціи Англіи. Составъ общественныхъ классовъ, ихъ іерархическій распорядокъ, ихъ относительное значеніе въ государствѣ претерпѣваютъ тогда глубокое измѣненіе. Устанавливается, такъ сказать, новое разслоеніе общества, которое сопротивлялось всѣмъ послѣдующимъ потрясеніямъ, и еще служитъ основаніемъ современной Англіи. Въ особенности, два факта закрѣпили характеръ политическаго общества и простерли свои послѣдствія черезъ двѣ революціи до громаднаго промышленнаго и аграрнаго преобразованія Англіи въ восемнадцатомъ вѣкѣ, — вымираніе феодальнаго дворянства и паденіе римской церкви.

Нигдѣ природа и составъ баронства не измѣнялись чаще, чѣмъ въ Англіи. Мы видѣли, какъ шайка хищныхъ солдатъ, сопровождавшихъ Вильгельма I или слѣдовавшихъ за нимъ на близкомъ разстояніи, истребленная войною и ослабленная конфискаціями, пополнилась новыми людьми, происходившими по большей части изъ министровъ и чиновниковъ нормандскихъ и анжуйскихъ королей. У этой судебной и административной аристократіи были традиціи порядка и управленія; именно она дала тонъ великимъ вассаламъ тринадцатаго вѣка и организовала законное и вооруженное сопротивленіе; подъ ея вліяніемъ баронство сгруппировалось, стало чуткимъ къ болѣе отдаленнымъ и болѣе общимъ интересамъ, соединило всю націю въ одно цѣлое и обратилось въ политическую аристократію.

Вотъ первое превращеніе. Полтора столѣтія спустя и внутри, и снаружи—все стало другое. Феодализмъ, повидимому, ясно обозначился; онъ основывается на первородствѣ, ставшемъ общимъ обычаемъ, и на статутахъ, стремящихся гарантировать какъ права сеньеровъ, господствующихъ надъ землею, на возвращеніе имъ имѣній, такъ и военную службу или денежныя повинности, связанныя съ феодальной зависимостью. Мы

могли уже видѣть, что въ конечномъ результатѣ вся эта организація не достигла своей цѣли. Рыцарство набрасываетъ блестящее покрывало на общество, въ которомъ эгоизмъ, алчность и жестокость не менѣе развиты, чѣмъ въ предыдущее столѣтіе, и въ которомъ эти плоды нравственной испорченности не искупаются болѣе вспышками героизма. Въ этомъ обществѣ господствуетъ высшая аристократія, крайне уменьшившаяся въ числѣ. Старинныя бароніи или раздѣлились на мелкія помѣстья, или скопились въ видѣ цѣлыхъ удѣловъ въ рукахъ нѣсколькихъ фамилій, происходящихъ отъ королевскаго дома или родственныхъ ему. Постоянное распаденіе баронскихъ леновъ перепутываетъ и уничтожаетъ территоріальныя основы пэрства, а вслѣдствіе этого, чисто формальный элементъ этого достоинства, фактъ призванія къ нему или утвержденія въ немъ королемъ, получаетъ силу полнаго права и комбинируется съ принципомъ наслѣдственности, какъ-разъ тогда пріобрѣтающимъ силу и успѣхъ. Можно считать приблизительно 1295 г. началомъ того времени, съ котораго фактъ призванія къ участію въ палатѣ лордовъ начинаетъ считаться дарованіемъ наслѣдственнаго права, естественно стремящагося къ самостоятельному существованію и къ освобожденію отъ всякой связи съ леномъ. Эволюція повидимому заканчивается въ 1387 году, когда впервые создаются pairs при помощи жалованной грамоты. Палата лордовъ пріобрѣтаетъ въ эту эпоху ту организацію, которую она сохранила и до нашихъ дней.

Съ другой стороны, это баронство, состоявшее изъ удѣльныхъ владѣтелей королевской крови, не замедлило раздѣлиться на двѣ соперническія партіи, сгруппировавшіяся вокругъ претендентовъ на власть или на корону (война Бѣлой и Алой Розы); поводомъ къ взаимной борьбѣ для этихъ двухъ половинъ дворянства являются не серьезное сознаніе правъ или законности ихъ вождя, не искренняя привязанность къ нему; выгода въ грубомъ смыслѣ этого слова, громадный аппетитъ къ грабежу, потребность ненависти, ищущей только предлога, чтобы проявиться, вотъ плохо замаскированные мотивы всѣхъ ихъ поступковъ. Въ теченіе всего долгаго періода, идущаго отъ Ричарда II до Генриха VII, они играютъ въ жестокую игру войны и случая, составляя заговоры, измѣняя другъ другу, избивая другъ друга на поляхъ битвъ, обезглавливая на другой день тѣхъ, кого пощадили случайности сраженія. Палата лордовъ является лишь мѣстомъ временной станціи для той партіи, которой удалось изгнать на время другую, а рядомъ съ нею „фактическій король", выдвинутый можетъ быть революціей въ городской думѣ, ссылается для формы на право, которому никто больше не вѣритъ. Передъ этими мятежными и неустойчивыми властями палата общинъ, единственная постоянная и широко національная власть, становится, благодаря обстоятельствамъ, какъ бы посредницей. Эти носители спорныхъ титуловъ могутъ только у нея испросить временный кредитъ. Еще робкая, неувѣренная, удивленная тѣмъ, что выпало такимъ образомъ на ея долю безъ домогательствъ съ ея стороны, она въ теченіе болѣе чѣмъ столѣтія имѣетъ преобладающую власть. Ея архивы наполняются прецедентами; удачные споры за свои права украшаютъ ея лѣтописи; ея регламентъ обогащается либеральными обычаями: все это, конечно, только формы, сами по себѣ не гарантирующія сущности политической свободы, но онѣ увѣковѣчиваютъ ея, такъ сказать, механизмъ, такъ что въ тотъ день, когда обстоятельства вновь становятся благопріятными, его находятъ наготовѣ подъ рукою. Право опредѣлять самый текстъ закона, вмѣсто того, чтобы только указывать его содержаніе въ челобитныхъ, привилегія вотировать всякаго рода на-

логи, контролировать употребленіе государственныхъ средствъ, первенство общинъ въ вопросахъ о налогахъ, контроль надъ назначеніемъ государственныхъ чиновниковъ, однимъ словомъ, вся громадная будущая прерогатива нижней палаты появляется въ теченіе этого періода, частью окончательно устанавливается, а частью возвѣщаетъ и подготовляетъ нѣсколькими достопамятными примѣрами то, что еще не можетъ установиться.

Между тѣмъ безконечная борьба знатныхъ дворянъ имѣла тотъ результатъ, который легко было предвидѣть. Цѣлыя семьи вымираютъ или теряются въ безыменной народной массѣ; ихъ конфискованныя или выморочныя помѣстья увеличиваютъ королевскую вотчину. Послѣ того, какъ Генрихъ VII подавилъ послѣднія вспышки мятежа и покаралъ черезъ посредство звѣздной палаты сеньеровъ, еще подозрѣваемыхъ въ содержаніи вооруженныхъ шаекъ, баронство чрезвычайно сократилось; король созываетъ не болѣе двадцати девяти свѣтскихъ пэровъ въ свой первый парламентъ. Старой нормандской и феодальной аристократіи не существуетъ болѣе; отъ героическихъ бароновъ великой хартіи едва осталось что-нибудь въ лицѣ нѣсколькихъ спорныхъ наслѣдниковъ; ихъ большія помѣстья раздѣлились или вернулись въ казну. Тогда для заполненія пустотъ является новый классъ, тотъ средній сельскій классъ, который образовался изъ сліянія рыцарей съ свободными землевладѣльцами. Онъ уже составляетъ руководящую часть палаты общинъ. Изъ рядовъ именно этого класса Генрихъ VII беретъ почти всѣхъ новыхъ пэровъ. Пэрство, почти цѣликомъ возобновленное въ своемъ составѣ, чуждое привычкамъ и традиціямъ прежней аристократіи, пополняемое довольно крупными наборами новыхъ пэровъ, находящееся въ тѣсной зависимости отъ королевской власти, создающей его изъ ничего или изъ очень малаго и обогащающей его своими дарами, вотъ зрѣлище, которое представляетъ собой конецъ пятнадцатаго вѣка.

Не менѣе глубокая перемѣна происходитъ въ положеніи высшаго духовенства. Тотчасъ же послѣ завоеванія Вильгельмъ Завоеватель организовалъ духовный судъ отдѣльно отъ общаго суда. Духовенство становится судьею преступленій и проступковъ своихъ собственныхъ членовъ, и этотъ иммунитетъ дѣлаетъ его автономнымъ и отдѣльнымъ обществомъ рядомъ съ обществомъ гражданскимъ. Въ Кентербэрійскомъ и Іоркскомъ съѣздахъ всѣ церковнослужители соединяются по призыву своего архіепископа, вырабатываютъ статуты для своего сословія и вскорѣ вотируютъ отдѣльно налоги, падающіе на доходы духовенства (десятины и даренія въ пользу церкви). Церковь не только сама вполнѣ самостоятельна, но она даже имѣетъ вліяніе въ области свѣтскихъ интересовъ; ея вожди состоятъ членами въ magnum concilium. Каноническое право развивалось съ искусной полнотой; всѣ дѣла, въ которыхъ замѣшанъ религіозный элементъ, какъ-то: завѣщанія, браки и въ концѣ концовъ всѣ контракты съ раннихъ поръ подпадаютъ подъ компетенцію духовныхъ трибуналовъ. Конечно, за силою слѣдуетъ богатство. Въ средніе вѣка считался вѣрнымъ подсчетъ, по которому выходило, что духовенство владѣетъ третью всѣхъ земель королевства. Конгрегаціи, особенно Цистерціенцы, имѣютъ доходы, которые могутъ быть приравнены къ доходамъ цѣлаго государства. Дары, которыми осыпаютъ церковь, безмѣрны, и это ея тонкій умъ такъ же, какъ и ея примѣръ руководятъ сначала рукою легистовъ, старающихся вбить клинъ въ поземельный строй феодальнаго общества. Папство естественно впадаетъ въ искушеніе наложить свою руку на эту сильную организацію и на ея огромныя средства. Кажется, нигдѣ пре-

тензіи Рима не были чудовищнѣе, его жадность ненасытнѣе, его вмѣшательство неосторожнѣе. Обстоятельства давали ему два раза, при Вильгельмѣ I и при Іоаннѣ, кажущееся право считать Англію леномъ св. престола. Мы видимъ, какъ оно прямо взимаетъ подати съ духовенства, а иногда даже и съ міряпъ, какъ оно искусно увеличиваетъ число апелляцій въ курію, какъ оно забираетъ въ свои руки право назначенія на громадное число бенефицій и какъ оно жалуетъ ихъ своимъ итальянскимъ креатурамъ.

Положеніе церкви въ другихъ странахъ не очень отличалось отъ только-что описаннаго мною. Но что слѣдуетъ отмѣтить въ Англіи, такъ это особенно рѣшительное и сильное сопротивленіе свѣтскаго духа. Но въ одномъ не слѣдуетъ ошибаться: этотъ духъ дѣйствуетъ здѣсь не за свой собственный счетъ; онъ даетъ выходъ національному чувству. Примѣшиваясь ко всему или притягивая все къ себѣ, придавая всему свою форму или давая свою сущность чуждой формѣ, это чувство не замедлило слить въ одно цѣлое борьбу противъ иноземнаго вмѣшательства съ борьбою гражданской власти противъ папства, міра противъ клира. Многія обстоятельства увеличиваютъ его силу и служатъ ему въ борьбѣ. Высшіе духовные сановники были, какъ мы уже видѣли, одного класса, а иногда и одной крови съ знатными свѣтскими вассалами; они сражались вмѣстѣ съ ними, и даже въ первыхъ рядахъ, въ эпоху хартіи вольностей. Они также испытываютъ гнетъ этой какъ бы внѣшней совѣсти, которая соединяетъ всѣхъ англичанъ въ одномъ чувствѣ ненависти къ притѣсненію, подозрѣнія противъ иностранца. Они почти всѣ ведутъ себя больше какъ государственные люди, чѣмъ какъ главари отдѣльной корпораціи, какъ англичане больше, чѣмъ какъ князья римской церкви. Палата лордовъ, гдѣ ихъ гораздо больше, чѣмъ свѣтскихъ пэровъ, могла показать себя менѣе снисходительной къ нападкамъ на церковь, чѣмъ нижняя палата. Но тѣмъ не менѣе она вотировала всѣ законы, защищающіе гражданское общество. Все это высшее духовенство проникнуто какимъ-то предчувствіемъ англиканства. Другимъ, не менѣе благопріятнымъ, обстоятельствомъ является то, что низшее духовенство не засѣдаетъ въ палатѣ общинъ; оно удалилось оттуда добровольно или по приказу своихъ начальниковъ и совѣщается отдѣльно въ convocations, чисто духовныхъ по существу и по формѣ собраніяхъ. Обманутые силою своего положенія въ руководящей палатѣ и въ совѣтѣ, прелаты стали полагать, что ихъ хвалить на все, и что они поступили бы умно, не допустивъ свое духовенство фигурировать въ другомъ политическомъ собраніи, гдѣ оно, будучи менѣе многочисленно, чѣмъ міряне, подвергалось бы случайностямъ голосованія. Они упорно отказывались отъ всякаго представительства въ палатѣ общинъ; они добились того, что вошло въ обычай обсуждать въ конвокаціяхъ всѣ дѣла, касающіяся церкви. Тамъ они чувствовали себя болѣе господами подчиненной имъ духовной арміи и могли болѣе свободно ставить королю условія въ интересахъ цѣлаго сословія, главою котораго они были. Послѣдствія такой ошибки нельзя преувеличить, какими бы крупными ихъ себѣ ни представлять. Имя церкви, ея авторитетъ, вліяніе ея просвѣщенія, рессурсы ея изобрѣтательнаго генія, ни одна изъ этихъ силъ не присутствовала и не дѣйствовала въ собраніи, которое обстоятельства все болѣе и болѣе превращали въ органъ національнаго духа. Прелаты дали этому духу развиться, набраться смѣлости, бороться, побѣждать и, при всякомъ своемъ успѣхѣ, чувствовать, что духовенство какъ бы чуждо желаніямъ страны и равнодушно къ его усиліямъ. Въ

концѣ концовъ, церковь не принимается болѣе въ расчетъ въ надеждахъ и въ политическихъ планахъ народа, который, впрочемъ, остался глубоко религіознымъ; или, лучше, въ ней стали видѣть только злоупотребленія, которыми она пользовалась, громадныя преимущества, которымъ было такъ естественно завидовать, ея потворство Риму или, по крайней мѣрѣ, ея видимую солидарность съ нимъ. Такъ объясняется непрерывное и все прогрессирующее движеніе, оборонительное и наступательное, направленное противъ церкви, которое рано обозначается въ Парламентѣ и которое можно прослѣдить до шестнадцатаго вѣка. Великая революція этого времени является лишь окончательнымъ разрушеніемъ зданія, которое долгое время били тараномъ и подрывали подкопами. Этотъ конецъ былъ предсказанъ и подготовленъ безчисленными указами и статутами противъ „мертвой руки", противъ притязаній духовныхъ судовъ, противъ апелляцій въ Римъ, противъ вмѣшательства папы въ назначеніе епископовъ. Въ четырнадцатомъ и пятнадцатомъ вѣкѣ Уиклифъ и лолларды подняли противъ высшаго духовенства народное движеніе, встрѣтившее сначала поощреніе свѣтской власти, а затѣмъ подавленное, но не заглушенное послѣдававшимъ гоненіемъ. Ланкастерская династія благопріятна церкви. При ней римскій дворъ возстановляетъ, по крайней мѣрѣ номинально, многія прерогативы, которыхъ онъ былъ лишенъ предшествующимъ законодательствомъ. Но онъ пользуется ими только для формы и по произволу короны. Итакъ, въ теченіе всего пятнадцатаго вѣка мы видимъ, какъ духовная власть отступаетъ и приходитъ въ упадокъ. Паденіе стариннаго баронства оставляетъ церковь одну передъ лицомъ всемогущаго короля, отсутствующую въ нижней палатѣ, относящейся къ ней недовѣрчиво, и затерянную въ верхней палатѣ среди креатуръ королевской власти. Кто бы удивился, что она сумѣла только покориться, когда Генрихъ VIII наложилъ на нее свою тяжелую руку?

Эта капитальная революція завершается въ десятилѣтіе 1530—1540 годовъ. Король, недовольный папой, отдѣляетъ Англію отъ римскаго престола. Онъ объявляетъ себя главою церкви, хранителемъ и защитникомъ религіозной истины. Собранія духовенства могутъ происходить только съ его согласія; церковные уставы получаютъ силу только черезъ его санкцію. Онъ въ своемъ совѣтѣ является высшей юрисдикціей для духовныхъ дѣлъ и вопросовъ. Даже и ересь не превосходитъ его компетенціи. Кранмэръ полагаетъ, что корона сама-по-себѣ можетъ поставить священника безъ всякаго посвященія. Даже и послѣ того, какъ это крайнее мнѣніе было оставлено, остается признаннымъ, что епископы получаютъ инвеституру только отъ одного государя, и что они сохраняютъ свой санъ только по его волѣ; они снова утверждаются въ должности при каждомъ вновь начинающемся царствованіи. Ихъ доходы уменьшены. Они болѣе не изображаютъ знатныхъ вельможъ, и ничто не напоминаетъ въ нихъ ихъ стариннаго баронскаго титула. Рядомъ съ ними монастыри и аббатства переживаютъ конфискаціи ихъ имущества; корона раздѣляетъ отнятое между новыми дворянами, своими креатурами. Весь высшій свѣтскій классъ оказывается болѣе или менѣе заинтересованнымъ въ поддержаніи новаго порядка вещей, которому онъ обязанъ этими щедрыми подарками. Страхъ, какъ бы возстановленная династія не взяла назадъ этой революціонной мѣры, служилъ рекомендаціей и оправданіемъ самымъ плохимъ правительствамъ и ввелъ въ наслѣдственные инстинкты народа предубѣжденіе противъ всего, что напоминаетъ старый порядокъ. Подобнымъ же образомъ безсознательное дѣйствіе эгоизма и жадности служитъ поддержкой

и устоемъ для новой церкви Генриха VIII. Личный и Семейный интересъ содѣйствуетъ укрѣпленію и огражденію протестантской религіи противъ возвращенія римскихъ доктринъ. Начиная съ шестнадцатаго вѣка, высшіе духовные сановники, недавно бывшіе въ большинствѣ въ верхней палатѣ, теперь уже составляютъ тамъ только меньшинство, видящее, какъ рядомъ съ нимъ быстро растетъ свѣтское пэрство. Церковь, главою которой они являются, послѣ короля и по его королевской волѣ, собственно не есть уже болѣе прежняя апостольская церковь, черпающая свой авторитетъ въ традиціи и только ограниченная закономъ. Она какъ бы вновь основана актомъ свѣтской власти; она получаетъ отъ закона свое право на повиновеніе ей англійскихъ подданныхъ. Хотя духовенство и сохраняетъ земельныя имущества и собираетъ десятину, но все же оно съ этого времени получаетъ физіономію и признаки духовенства чиновниковъ. Оно болѣе ни въ какой степени не напоминаетъ церкви Ансельмовъ, Бэкэтовъ, Лангтоновъ, ни даже Арэнделей и Бофоровъ; оно скорѣе приближается къ французскому духовенству, такому, какимъ его сдѣлала Революція, то-есть духовенству, состоящему на жалованьи, подчиненному государству и закону и зорко контролируемому гражданскою властью. Оно упадетъ даже гораздо ниже и даже слишкомъ низко, потому что оно не можетъ ссылаться на римскій престолъ, какъ это можно французской церкви, и потому что оно не чувствуетъ себя пріобщеннымъ къ великой и возвышенной идеѣ католицизма. Надо прочитать у Маколея исторію униженій англійскаго духовенства въ семнадцатомъ вѣкѣ, особенно тѣхъ низшихъ его представителей, которые живутъ, отказывая себѣ во всемъ, скрываютъ свою нищету, и за которыхъ выходятъ замужъ однѣ служанки. Что бы тамъ ни было, но злоупотребленія и опасности, которыя грозятъ свѣтскому обществу, когда церковь соединяетъ сильный духовный престижъ съ значительнымъ политическимъ кредитомъ и съ вліяніемъ, опирающимся на огромныя земельныя владѣнія, могутъ считаться окончательно устраненными при вступленіи на престолъ Елизаветы.

Теперь понятно, почему англичанамъ, если они и не избѣгли періода самовластія, не была нужна для освобожденія отъ него политическая, экономическая и соціальная революція. Крайняя интенсивность королевской власти въ еще варварскій вѣкъ дала Англіи парламентъ, представителя единства страны, органъ свободнаго государства. Ранняя концентрація высшихъ феодаловъ въ сословіе политической аристократіи дала имъ равенство передъ закономъ и передъ налогами и предохранила ихъ отъ вредныхъ привилегій кровной аристократіи. Поспѣшное развитіе централизаціи, олицетворенной въ „странствующихъ“ судьяхъ, въ то время, когда постоянная бюрократія была невозможна, дало имъ самоуправленіе и вызвало къ жизни, употребило въ дѣло и упрочило мѣстное аристократическое self government. Немного позднѣе анархическія традиціи стариннаго феодальнаго сословія исчезли съ его послѣдними представителями послѣ войны Алой и Бѣлой Розы, церковь заняла въ государствѣ подчиненное положеніе ниже гражданской власти, а палата общинъ, вслѣдствіе исчезновенія двухъ крупныхъ силъ, составляющихъ естественный противовѣсъ королевской власти, играла въ теченіе, по крайней мѣрѣ, столѣтія посредническую и преобладающую роль.

То, что общество, такъ далеко ушедшее впередъ въ политическомъ отношеніи, не избѣгло деспотизма, показываетъ, чего, дѣйствительно, можно ждать отъ учрежденій, взятыхъ сами по себѣ, то-есть отдѣльно отъ людей, приводящихъ ихъ въ дѣйствіе, и чего ждать было бы химерой.

Что касается учрежденій, то Англія имѣла ихъ всѣ полностью, такъ сказать; основныя отношенія крупныхъ политическихъ факторовъ вполнѣ установились; но этимъ вещамъ не доставало людей. Въ средѣ духовныхъ лордовъ, мѣсто прелатовъ съ дворянской родней, государственныхъ людей, общественныхъ совѣтниковъ, дипломатовъ, заступили темные богословы, люди доктрины, счастливые тѣмъ, что они мирно пользовались своими доходами съ церковныхъ имуществъ. Въ средѣ свѣтскихъ лордовъ придворные, пришлые новички, разбогатѣвшіе люди, жадные до титуловъ и до денегъ, очарованные недавней королевской щедростью, замѣнили гордое дворянство, дорожившее властью. Конечно, самыми значительными изъ новыхъ лордовъ были тѣ, которые раньше фигурировали въ палатѣ общинъ; эта послѣдняя теряла въ нихъ своихъ лучшихъ людей и своихъ вождей. Прежній персоналъ каждаго „чина“ былъ исчерпанъ, и политическое учрежденіе оказывалось въ положеніи завода, съ котораго всѣ мастера и всѣ подмастерья, пріученные управлять каждымъ крупнымъ аппаратомъ, исчезли бы вслѣдствіе несчастнаго случая. Были наняты случайныя партіи рабочихъ, но онѣ останавливались въ изумленіи передъ этими механизмами, неловко принимались за нихъ и, въ концѣ концовъ, находили, что скорѣе и вѣрнѣе будетъ слѣпо повиноваться хозяину. Это продолжалось сто пятьдесятъ лѣтъ. Но машина, тѣмъ не менѣе, существовала со всѣми своими органами, призывала рабочія руки, предоставляла себя для опытовъ и содѣйствовала тому, что на ней упражнялся и постепенно окрѣпъ и дисциплинировался новый персоналъ.

Было отмѣчено, что вѣкъ Тюдоровъ является по своей формѣ гораздо болѣе парламентарнымъ не только, чѣмъ послѣдующій вѣкъ, но и чѣмъ предыдущій. Это періодъ обильнаго, почти неумѣреннаго законодательства. Дѣйствительнымъ центромъ управленія является королевскій совѣтъ; всѣ крупныя рѣшенія принимаются тамъ; но всѣ они идутъ въ палаты, получаютъ тамъ освященіе и отливаются въ форму статутовъ. Короли охотно посылаютъ ихъ въ парламентъ; они совершенно не боятся встрѣтить тамъ оппозицію; они знаютъ, что все тамъ покорится ихъ рукѣ и будетъ стремиться угодить имъ. Такимъ образомъ, слабость людей содѣйствуетъ крѣпости учрежденія и поддерживаетъ въ немъ непрерывное движеніе. При этой деспотической династіи парламентъ сохраняетъ вѣшнее пользованіе всѣми своими правами. Неповрежденный и движущійся органъ ждетъ, чтобы возобновилось его дѣйствіе. Вотъ почему такъ быстро возродилась свобода.

Какъ только estates возстановили свои кадры, деспотизмъ не могъ больше существовать. Онъ палъ въ 1648 году, поднялся и затѣмъ вновь окончательно палъ въ 1688 году.

LXI. Генрихъ VIII, король Англіи, передъ столкновеніемъ его съ Римомъ.

(Изъ соч. Грановскаго, ч. II).

Изъ трехъ юношей, которые въ первомъ двадцатилѣтіи XVI в. вступили на главные престолы Западной Европы, Генриху VIII предстояла, по всѣмъ вѣроятностямъ, самая блестящая будущность. Ему было

только восемнадцать лѣтъ, когда, при радостныхъ надеждахъ цѣлой Англіи, началъ онъ свое царствованіе. Великая эпоха, ознаменованная итальянскими войнами, возрожденіемъ наукъ и реформаціею, призывала къ великимъ подвигамъ. У молодаго, славолюбиваго короля были всѣ условія удачи: умъ, образованность и смѣлость. Во внѣшнихъ средствахъ не было недостатка. Генрихъ VII завѣщалъ сыну крѣпкое, покорное государство и богатую казну, о которой ходили самые преувеличенные слухи.

Природа богато надѣлила Генриха VIII всѣми качествами, которыхъ отсутствіе было такъ поразительно въ его отцѣ и которыя, между тѣмъ, болѣе всего бросаются въ глаза и дѣйствуютъ на воображеніе. Новый король представлялъ совершенный типъ англосаксонской красоты. Онъ былъ ловокъ во всѣхъ рыцарскихъ упражненіяхъ, привѣтливъ и щедръ до расточительности. Черезъ десять лѣтъ послѣ вступленія его на престолъ, Джустиніани, посолъ венеціанской республики въ Лондонѣ, доносилъ своему правительству: „Его величеству теперь двадцать девять лѣтъ. Прекраснѣе наружности не могла создать природа. Онъ красивѣе всѣхъ христіанскихъ государей нашего времени, гораздо красивѣе французскаго короля (Франциска I). Тѣло его отличается необыкновенною бѣлизною, всѣ члены—совершенною правильностью и соразмѣрностью. Онъ отличный музыкантъ и композиторъ, превосходный ѣздокъ и борецъ; сверхъ того, онъ обладаетъ основательнымъ знаніемъ языковъ латинскаго, французскаго и испанскаго. Онъ страстно любитъ охоту и всякій разъ загоняетъ до устали 8 или 10 лошадей. Игра въ мячъ также доставляетъ ему большое удовольствіе. Нельзя себѣ представить ничего прекраснѣе англійскаго короля, когда онъ, сбросивъ верхнее платье, предается этой игрѣ. Доступъ къ нему не труденъ; вообще онъ ласковъ и не оскорбляетъ никого. Часто говоритъ онъ мнѣ: „я бы желалъ, чтобы всѣ были довольны своимъ положеніемъ такъ, какъ мы довольны нашими островами". Извѣстно, какое вліяніе имѣли на мнѣнія XVI вѣка гуманисты, представители новой науки, основанной на изученіи классической древности. Они составляли партію, шедшую во главѣ умственнаго движенія эпохи и сильную не только превосходствомъ знаній или талантовъ, но, сверхъ того, числомъ и общественнымъ значеніемъ ея членовъ. Въ рядахъ этой дружины стояли простыми ратниками лучшіе люди Западной Европы. Генрихъ VIII былъ воспитанъ въ ихъ идеяхъ, подъ ихъ надзоромъ. На одиннадцатомъ году отъ рожденія онъ уже переписывался съ главою гуманистовъ, Эразмомъ, и жадно читалъ его сочиненія. Не трудно себѣ представить, съ какими надеждами они ожидали его царствованія. Тотчасъ по смерти Генриха VII, лордъ Монтжой, ученикъ и покровитель Эразма, написалъ къ своему учителю: „Я увѣренъ, что вѣсть о вступленіи на престолъ нашего Генриха VIII, или, лучше сказать, Октавія (игра словъ: Octavus seu potius Octavius), разгонитъ всѣ твои заботы. О, мой Эразмъ, если бы ты былъ свидѣтелемъ радости, которою всѣ здѣсь исполнены, общаго восторга и общихъ желаній долгой жизни королю, ты, конечно, не могъ бы удержать сладкихъ слезъ! Кажется, само небо улыбается, земля радостно трепещетъ... Нашъ король не ищетъ ни золота, ни драгоцѣнныхъ камней, ни металловъ; онъ жаждетъ только вѣчной славы и доблестныхъ дѣлъ". Эразмъ немедленно прибылъ въ Англію, былъ принятъ съ великими почестями и въ письмахъ къ своимъ нѣмецкимъ и итальянскимъ друзьямъ осыпаетъ похвалами молодого монарха, какъ знатока и благоразумнаго покровителя науки. Десять лѣтъ спустя, переселившись въ Нидерланды, онъ еще поздравлялъ юношей съ насту-

пленіемъ золотого вѣка въ Англіи. Отношенія Генриха къ гуманистамъ, вліяніе этихъ отношеній на него лично и на исторію англійской церковной реформы вообще не были до сихъ поръ надлежащимъ образомъ оцѣнены, хотя одна переписка Эразма могла бы доставить историку содержаніе превосходной главы о литературной и ученой жизни въ Англіи въ первой половинѣ Генрихова правленія. Кромѣ Эразма, въ этой жизни принимали особенно замѣчательное участіе архіепископъ кентерберійскій Варгамъ, епископы Фишеръ, Фоксъ, Стоксли, Тонталь, лордъ Монтжой, Пэсъ, Скельтонъ — учитель короля, врачъ Линаркъ, Колетъ, основатель знаменитой школы при храмѣ св. Павла, и авторъ „Утопіи“ — будущій канцлеръ Моръ. Всѣ они были не только глубоко ученые, но образованные, остроумные люди, которымъ происхожденіе или личныя достоинства открыли доступъ ко двору. Генрихъ часто и охотно вмѣшивался въ бесѣды этого блестящаго круга и горячо принималъ къ сердцу его интересы. Когда въ англійскихъ университетахъ началась распря между греками, т.-е. поклонниками философіи и древнихъ, и троянами, защитниками схоластики, возводившими на своихъ противниковъ обвиненіе въ ереси, Генрихъ сталъ крѣпко за первыхъ и поддержалъ ихъ своею властію. Гуманисты воспользовались его покровительствомъ. Не только въ своихъ сочиненіяхъ и лекціяхъ, но съ церковной каѳедры осыпали они неумѣстными, хотя заслуженными, насмѣшками невѣжественныхъ троянъ. Въ перепискѣ Эразма очень забавно разсказаны нѣкоторые эпизоды этой войны, въ которой онъ игралъ главную роль. Непримиримый врагъ Генриха, кардиналъ Поль, котораго пристрастныя, озлобленныя сочиненія были главнымъ источникомъ позднѣйшимъ порицателямъ англійской церковной реформы и ея виновниковъ, отзывается о первой порѣ Генрихова царствованія слѣдующимъ образомъ. „Тогда онъ жилъ не для своего, а для общаго счастія. Какихъ надеждъ не подавали высокія добродѣтели, ярко въ немъ блиставшія—благочестіе, справедливость, кротость, щедрость и благоразуміе! Ко всему этому природа присоединила какую-то простодушную скромность, бывшую великимъ украшеніемъ его тогдашняго возраста и залогомъ его достоинства и счастія въ будущемъ“. Замѣтимъ, что эта прекрасная пора продолжалась около двадцати лѣтъ.

Откуда же произошла рѣзкая перемѣна? Что измѣнило великодушнаго, изящнаго монарха, на котораго, по выраженію врага, кардинала Поля, съ любовью и надеждой обращены были взоры не однихъ подданныхъ, а всѣхъ образованныхъ и благородныхъ друзей Европы, въ суроваго и недовѣрчиваго правителя, какимъ мы его видимъ послѣ дѣла о разводѣ съ Екатериною Аррагонскою?

Судьба долго благопріятствовала Генриху. Общественное мнѣніе вмѣняло ему въ готовую заслугу надежды, которыя на него возлагались, и стеченіе благопріятныхъ ему обстоятельствъ. Въ самомъ дѣлѣ, при тогдашнемъ положеніи Европы, Англія должна была, независимо отъ личныхъ свойствъ своего короля, играть блестящую роль державы, отъ вмѣшательства которой зависѣло рѣшеніе великой борьбы между Франціею и Австрійскимъ Домомъ. Обѣ стороны домогались союза съ нею и не скупились на лесть Генриху, на подарки и обѣщанія его любимцамъ.

Когда къ политическимъ смутамъ тогдашней Европы присоединился религіозный вопросъ реформаціи, и на смѣлое слово Лютера отовсюду раздались отголоски, Генрихъ VIII, по совѣту кардинала Вольсея, подалъ также свое мнѣніе, не какъ монархъ, а какъ ученый богословъ. Поводомъ было извѣстное сочиненіе Лютера о „Вавилонскомъ плѣненіи“. Генрихъ,

который, при жизни своего старшаго брата, готовился занять мѣсто примаса Англіи, кентерберійскаго архіепископа, занимался въ ранней молодости богословіемъ и прилежно изучалъ сочиненія Ѳомы Аквинскаго, на котораго, какъ на верховный авторитетъ, опирались заступники западной церкви и средневѣковой науки. Рѣзкіе отзывы нѣмецкаго реформатора объ этомъ писателѣ оскорбили его царственнаго ученика. Генрихъ ожидалъ легкаго успѣха. Онъ думалъ, что ему, посреднику между сильнѣйшими державами Европы, нетрудно рѣшить споръ между папою и Лютеромъ. Въ 1521 году онъ отправилъ къ папѣ Льву X книгу, напечатанную имъ въ защиту седьми таинствъ (Adsertio septem sacramentorum). Многіе не хотѣли вѣрить, что эта книга написана самимъ королемъ, и приписывали ее разнымъ лицамъ: доктору Ли, Мору, Фишеру, наконецъ—Эразму. Сомнѣнія эти, кажется, неосновательны. Генрихъ не присвоилъ себѣ чужого труда, хотя прибѣгалъ, безъ сомнѣнія, къ совѣту и пособію ученыхъ друзей своихъ. Моръ совѣтовалъ ему, между прочимъ, осторожнѣе говорить объ объемѣ папской власти и не терять изъ виду возможности непріязненныхъ столкновеній въ будущемъ. Король отвѣчалъ ему, что о папской власти нельзя сказать ничего лишняго, что онъ считаетъ ее источникомъ своего собственнаго могущества. Такъ далеко завлекала его полемика противъ виттенбергскаго реформатора. Имя автора ручалось за успѣхъ книги. Эразмъ и его многочисленные поклонники поставили ее на ряду съ твореніями блаженнаго Августина. Левъ X наградилъ державнаго богослова титуломъ заступника вѣры (defensor fidei) и обѣщалъ отпущеніе грѣховъ на десять лѣтъ каждому читателю „Защиты седьми таинствъ". Другой пользы не могла, впрочемъ, принести книга, бѣдная содержаніемъ, исполненная сильныхъ порицаній противъ Лютера. Генрихъ называетъ его адскимъ волкомъ, гнилымъ средцемъ, членомъ дьявола и приглашаетъ нѣмецкихъ князей приступить съ огнемъ и мечемъ къ немедленному истребленію ереси. Вольсей подкрѣпилъ эти увѣщанія дѣломъ. 12 мая 1521 года сочиненія Лютера были торжественно сожжены на одной изъ лондонскихъ площадей, въ присутствіи императорскаго посла, при огромномъ стеченіи народа. Но Генрихъ обманулся, разсчитывая на страхъ своего противника. Отвѣтъ, вызванный его нападеніемъ, встревожилъ даже друзей Лютера, привыкшихъ къ его жестокому слову. „Многіе думаютъ, говоритъ онъ,—что не самъ король Генрихъ составилъ эту книгу. Мнѣ все равно, кто бы ни писалъ ее"... Этотъ отвѣтъ нанесъ глубокую рану самолюбію Генриха и имѣлъ значительное вліяніе на его отношеніе къ реформаціи. Впервые пришлось ему, любимцу гуманистовъ, изнѣженному изящной лестью Эразма, слышать такую горькую рѣчь. Впечатлѣніе было тяжело. Самъ Лютеръ понялъ впослѣдствіи свою ошибку и хотѣлъ поправить ее почтительнымъ письмомъ, смиренною просьбою забыть о прошедшемъ. Генрихъ не могъ забыть. Онъ жаловался саксонскому курфюрсту и другимъ князьямъ на наглость Лютера. Жалобы остались безъ удовлетворенія. Тогда онъ крѣпче примкнулъ къ папѣ и католицизму. Когда мятежныя войска императора, приведенныя коннетаблемъ Бурбономъ къ стѣнамъ Рима, разграбили вѣчный городъ и грозили Клименту VII, Генрихъ показалъ ему горячее, дѣятельное участіе. Мысль о возможности разрыва не приходила ему въ голову, а судьба, или что все равно, собственныя страсти и общее настроеніе умовъ неудержимо вели его къ этому разрыву. Нуженъ былъ только поводъ. Поводъ явился въ формѣ женщины, въ лицѣ Анны Болейнъ, напомнившей Генриху, что бракъ его съ Екатериною Аррагонской беззаконенъ...

———

LXII. Генрихъ VIII и разрывъ его съ Римомъ.

(Изъ соч. Гейссера: «Geschichte des Reformationczeitalters»).

Генрихъ VIII наслѣдовалъ отъ своего отца такую упроченную королевскую власть, какой никогда не имѣлъ въ своихъ рукахъ ни одинъ король англійскій, и онъ вполнѣ сознавалъ значеніе унаслѣдованной имъ короны. Его природная живая наклонность къ самовластію еще болѣе усиливалась страстно-раздражительнымъ, совершенно не терпѣвшимъ противорѣчій, темпераментомъ.

Вмѣстѣ съ рѣзко выражавшимся стремленіемъ къ господству, свойственнымъ вообще всей династіи Тюдоровъ, и усилившимся еще, благодаря постоянной уступчивости парламента, Генрихъ, кромѣ того, имѣлъ наклонность, общую всѣмъ правителямъ того времени, именно—инстинктивное стремленіе освободиться, по возможности, отъ всякихъ стѣсненій и ограниченій своей власти, сдѣлаться, по возможности, абсолютнымъ королемъ, какъ его монархическій идеалъ — Францискъ, которому онъ часто подражалъ до нелѣпости, несмотря на часто возникавшіе между ними раздоры.

Въ Англіи не было ни одного короля, который имѣлъ бы такую наклонность и обладалъ бы такими средствами сдѣлаться тираномъ своей страны. Стюарты имѣли большое стремленіе къ этому, но не имѣли возможности осуществить его; хотя они безпрестанно выставляли на видъ, что они желали быть полновластными правителями, это имъ, однако, никогда не удавалось въ дѣйствительности. Генрихъ VIII былъ именно человѣкъ, способный достигнуть этого: онъ обладалъ свѣтлой дипломатической головой, и потому умѣлъ обращаться съ людьми; онъ обладалъ волей, которая не останавливалась ни передъ какими препятствіями; онъ былъ одаренъ талантливой натурой, способной на многое; но все это омрачалось его дикою страстностью и необузданной чувственностью его темперамента, которая представляется тѣмъ болѣе отталкивающей, что скрывается, до извѣстной степени, подъ покровомъ теологіи.

Генрихъ VIII получилъ довольно удовлетворительное схоластическое образованіе, и потому воображалъ себя чрезвычайно искуснымъ схоластикомъ, любилъ ученые споры и софистику, не отступалъ, наконецъ, и передъ тѣмъ, чтобы догматически обосновывать и извинять даже самыя грубыя проявленія своей натуры.

Въ столкновеніи съ великимъ религіознымъ реформаторскимъ движеніемъ вѣка подобная извращенная натура правителя должна была получить совершенно особенный оттѣнокъ.

Отношенія между Англіею и Римомъ были натянуты въ значительной степени, отчасти даже болѣе, чѣмъ въ Германіи. Если какая-либо нація издавна относилась къ римскому главенству недружелюбно, даже враждебно, то это, именно, англичане. Виклефъ, по справедливости, считается главнымъ предшественникомъ реформаціи, и, кромѣ Гуса, бывшаго его духовнымъ ученикомъ, нѣтъ никого, кто бы такъ независимо понималъ и разсматривалъ дѣла церкви, какъ онъ, съ тѣмъ только различіемъ, что то, за что Гусъ былъ сожженъ, въ Англіи еще за нѣсколько десятилѣтій проповѣдывалось безнаказанно.

Къ этому присоединялось то, что гуманистическое образованіе, бывшее повсюду союзникомъ враждебнаго церкви движенія, получило весьма широкое распространеніе также и въ Англіи; въ немногихъ странахъ сѣвера занятія древними классиками какъ при элементарномъ обученіи, такъ и при научныхъ изысканіяхъ, велись съ бо́льшею основательностью и серьезностью, чѣмъ здѣсь. Короче, оба источника, изъ которыхъ реформація почерпала наибольшую долю своей силы — мотивы религіозной оппозиціи изъ временъ соборовъ и возрожденіе наукъ и искусствъ, вслѣдствіе изученія классиковъ, были здѣсь болѣе обильны и чисты, чѣмъ гдѣ-либо, и поэтому въ Англіи, частію еще до Лютера, частію совершенно независимо отъ него, возникали и могущественно развивались воззрѣнія, подобныя его воззрѣніямъ.

Но Генрихъ VIII относился къ такимъ воззрѣніямъ чрезвычайно недружелюбно. Ни одинъ монархъ Европы не стремился съ такою личною страстностью къ сохраненію существующаго церковнаго устройства, какъ Генрихъ VIII въ началѣ своего царствованія.

Это, прежде всего, находилось въ связи съ его теологическимъ полуобразованіемъ. Его недюжинной натурѣ былъ присущъ своеобразный доктринерско-схоластическій элементъ, весьма удобно уживавшійся съ совершеннымъ недостаткомъ религіознаго чувства; извѣстная доля тщеславія ученаго, которое побуждало его стремиться къ лаврамъ, не выпадавшимъ обыкновенно на долю правителей.

Къ этому присоединилось еще другое. Всѣ Тюдоры питали склонность къ Риму, которая проистекла скорѣе изъ идеи политической солидарности, чѣмъ изъ религіозныхъ побужденій. Основную черту всей династіи Тюдоровъ составляетъ, такъ сказать, врожденное сознаніе величія монархическаго авторитета, и это сознаніе съ достаточною ясностію проглядываетъ также и въ столь различныхъ между собою по характеру дочеряхъ Генриха, Маріи и Елизаветѣ. Римъ есть типъ незыблемаго авторитета, и потому колебать этотъ авторитетъ можетъ быть опасно также и для прочности свѣтскаго трона: вотъ ближайшее, какъ бы инстинктивное соображеніе, лежащее въ основѣ упомянутаго династическаго стремленія.

Съ этой стороны и Генрихъ VIII былъ сначала рѣшительнымъ противникомъ революціоннаго отношенія къ Риму, какое приняла реформація въ Германіи и Швейцаріи. Систематически и съ безчеловѣчной жестокостью выступилъ онъ противъ такихъ стремленій: еретики были для него бунтовщиками, государственными измѣнниками, число процессовъ по обвиненію въ ереси возрастало непомѣрно, и только во Франціи количество жертвъ подобныхъ процессовъ было больше, чѣмъ въ Англіи.

Таково было положеніе Англіи и короля; нація и король были настроены совершенно противоположно: народъ уже съ XV столѣтія представлялъ плодотворную почву для реформатскихъ идей; со стороны же трона, напротивъ, видно было рѣзкое, враждебное отношеніе къ естественному развитію этихъ идей.

При самой первой своей попыткѣ вмѣшаться въ религіозную борьбу въ качествѣ ученаго теолога, Генрихъ VIII потерпѣлъ чувствительное пораженіе. Когда поднялся вопросъ о добрыхъ дѣлахъ, онъ не могъ устоять противъ искушенія—прочитать рѣзкое и убѣдительное поученіе виттенбергскому монаху и въ 1522 году издалъ сочиненіе противъ Лютера. Сочиненіе его обличало диллетанта, пустоту котораго долженъ былъ прикрывать королевскій авторитетъ, что, по отношенію къ Лютеру, было,

однако-жъ, большимъ заблужденіемъ. Лютеръ написалъ гнѣвный, грубый отвѣтъ, наиболѣе грубый изъ всѣхъ, какіе онъ когда-либо написалъ вообще, какъ бы желая показать, что королевскій авторитетъ не имѣетъ для него ни малѣйшаго значенія; выраженіе: „если Господь желаетъ имѣть дурака, то онъ дѣлаетъ короля богословскимъ писателемъ“ — сравнительно принадлежитъ еще къ наиболѣе мягкимъ выраженіямъ въ отвѣтѣ сына тюрингенскаго крестьянина.

Такимъ образомъ, нерасположеніе короля къ реформаціи усилилось еще его личнымъ неудачнымъ вмѣшательствомъ въ это дѣло. Принимая все это во вниманіе, для Англіи изъ всѣхъ вѣроятностей отдаленнѣйшая была та, чтобы между этимъ королемъ и Римомъ послѣдовалъ разрывъ. Кромѣ того, подлѣ короля находился могущественный любимецъ его, кардиналъ Вольсей, который не питалъ никакой иной мысли, какъ изъ кардинала сдѣлаться папою, и одной ногой стоялъ уже въ римской куріи.

Съ 1526—1527 гг. завязывается своеобразное бракоразводное дѣло короля, которое, казалось бы, не имѣло никакой связи съ реформаціей, но при дальнѣйшемъ своемъ теченіи, изъ чисто личнаго и притомъ не особенно чистаго дѣла возвысилось до важнаго историческаго событія.

Генрихъ VIII уже съ іюня 1509 года былъ женатъ на вдовѣ своего рано умершаго старшаго брата Артура, наслѣдникомъ котораго онъ и былъ назначенъ и для котораго умный отецъ сумѣлъ сосватать богатѣйшую наслѣдницу. Это была Екатерина Аррагонская, дочь тѣхъ могущественныхъ родителей, Фердинанда Аррагонскаго и Изабеллы Кастильской, которые, вступивши между собою въ бракъ, соединили свои наслѣдства и этимъ положили начало могуществу Испанской монархіи. Дочь такихъ родителей была завидной партіей: она приносила за собою, какъ приданое, союзъ съ богатымъ и могущественнымъ испанскимъ королевскимъ домомъ. Но вскорѣ по заключеніи брака молодой принцъ внезапно умеръ. Естественно было бы, чтобы нарушенная такимъ образомъ связь между обоими домами считалось порванною. Но Генрихъ VII употребилъ всѣ старанія, чтобы вдова сдѣлалась женою второго сына, настоящаго наслѣдника престола. Это представляло, однако-жъ, не мало затрудненій. Во-первыхъ, являлся вопросъ каноническаго права — дозволителенъ ли бракъ со вдовою брата. Затѣмъ, Генрихъ былъ моложе и совершенно иного характера, чѣмъ Екатерина, тихій, мечтательный характеръ которой, казалось, мало подходилъ къ дикому, необузданному нраву Генриха. Но хитрому и умному Тюдору, которому уже удавалось такъ многое, удалось и это, и уже въ концѣ іюня 1503 года былъ готовъ брачный договоръ между Генрихомъ VIII и Екатериною, который, однако, по молодости наслѣднаго принца, лишь по истеченіи шести лѣтъ, уже по вступленіи его на престолъ, былъ совершенъ формально и по закону.

Англичане, желая выставить своего короля въ возможно лучшемъ свѣтѣ, не забываютъ упомянуть, что Генрихъ въ самомъ началѣ переговоровъ о бракѣ его со вдовою брата письменно изложилъ свои сомнѣнія относительно допущенія подобнаго брака каноническими правилами. Фактъ этотъ вѣренъ. Но королю присуща была нѣкоторая теологическая мнительность и казуистика, что побуждало его заботиться объ охраненіи себя на всякій случай. Римъ въ то время пришелъ къ нему на помощь, и папа Юлій II издалъ буллу, которой устранялись всѣ теологическія возраженія и бракъ объявлялся вполнѣ законнымъ.

Продолжительное прочное существованіе брачныхъ узъ, казалось,

не должно было оправдать ни одного изъ опасеній, возникшихъ при заключеніи этого брака. Хотя супруги мало подходили одинъ къ другому по своему характеру, но эти двѣ столь различныя натуры замѣчательнымъ образомъ уживались между собою вполнѣ хорошо. Плодомъ этого брака была дочь Марія, которая впослѣдствіи вступила на престолъ; сыновья всѣ умирали, и англійскіе историки завѣряютъ, что это было первою причиною отчужденія между супругами. Но въ дѣйствительности этого ничего не замѣчалось. Екатерина, мечтательная и охотно углублявшаяся въ самое себя, была снисходительна, уступчива и позволяла своему легкомысленному и разгульному супругу дѣлать что ему угодно.

Послѣ долгихъ лѣтъ ненарушимо-спокойной брачной жизни опять всплыли наверхъ тѣ сомнѣнія, которыя, казалось, были погребены совсѣмъ. Слова Моисея, порицавшія подобный бракъ, съ новою силою овладѣли умомъ короля-теолога, и онъ не зналъ болѣе покоя. Англійскіе историки при этомъ кстати замѣчаютъ, что при дворѣ въ это время появилась юная цвѣтущая фрейлина, Анна Болейнъ, легкомысленная, какъ француженка, и прекрасно образованная, очаровательная и представляющая совершенную противоположность меланхолическому однообразію Екатерины; ея появленіе очаровало короля, и это было если не единственнымъ, то главнѣйшимъ поводомъ къ возбужденію забытыхъ религіозныхъ сомнѣній. Король скучалъ со старѣющейся супругой и въ то же время былъ сильно увлеченъ Анною Болейнъ: она обѣщала ему взаимную любовь не иначе, какъ ставши его законною супругою. Такимъ образомъ, король долженъ былъ позаботиться о разрывѣ стараго и о заключеніи новаго брака, который болѣе могъ удовлетворить его чувственно и давалъ надежду имѣть наслѣдниковъ. Но главную роль играло все-таки чувственное удовлетвореніе. Придворные теологи въ этомъ дѣлѣ были на сторонѣ короля; они торжественно объявляли бракъ его съ Екатериною недѣйствительнымъ и утверждали, что онъ долженъ очистить свою совѣсть, разорвавъ этотъ бракъ и женившись на Аннѣ Болейнъ.

Кардиналъ Вольсей, хотя все-еще надѣялся когда-нибудь возложить на себя тройную корону, но наконецъ согласился, конечно, не безъ глубокаго сердечнаго сокрушенія, принять на себя посредничество, которое могло стоить ему не только надежды на папскую тіару, но и дѣла всей его жизни. Обратились въ Римъ и старались выхлопотать буллу, которая бы подтвердила сомнѣнія короля и успокоила его совѣсть, разорвавъ бракъ, противорѣчащій церковнымъ постановленіямъ. Это для Рима былъ запросъ двусмысленный. Если бы Римъ прежней буллой самъ не устранилъ всѣ сомнѣнія, то, при господствовавшихъ въ куріи воззрѣніяхъ, дѣло не представляло бы особенныхъ затрудненій. Но тамъ очень хорошо понимали, какъ это должно было казаться непристойнымъ, если-бъ рѣшеніе папы Климента VII по этому вопросу было прямо противоположно тому, что папа Юлій II совершенно недвусмысленно высказалъ относительно этого же дѣла.

Но это было время (1526 — 1527), когда, вслѣдствіе побѣды при Павіи и мадридскаго мира, императоръ Карлъ достигъ высоты своего могущества, когда Римъ вмѣстѣ съ Францискомъ I соединенными силами старались снова разрушить возраставшее могущество императора и когда папскою политикою руководилъ не настоящій духовный пастырь, а Медичи, преслѣдовавшій чисто мірскія цѣли. При такихъ-то затруднительныхъ обстоятельствахъ явилось къ папѣ англійское посольство, и едва ли могло случиться болѣе благопріятное стеченіе обстоятельствъ для успѣш-

наго окончанія дѣла англійскаго короля. Могъ ли папа, при данномъ положеніи, затрудниться нанесеніемъ смертельнаго оскорбленія королевѣ Екатеринѣ, теткѣ императора Карла V, когда въ Римѣ замышлялось низверженіе его самого? Можно ли было тутъ задумываться надъ законностью ходатайства Генриха VIII? И папа высказалъ расположеніе снизойти на просьбу короля. Мы знаемъ, какъ политика верховнаго князя церкви постепенно сдѣлалась вполнѣ свѣтскою; въ негодованіи на успѣхи Карла V и въ надеждѣ пріобрѣсть новаго могущественнаго союзника противъ него, Климентъ VII дозволилъ себѣ невѣроятную слабость отправить въ Англію посольство, которое разслѣдовало бы дѣло и, по разслѣдованіи, расторгло бы бракъ. Такова именно была первоначальная инструкція, данная легату.

Такимъ образомъ, легатъ папскій, кардиналъ Компеджіо, прибылъ въ Англію. Онъ сперва попытался склонить королеву къ добровольному разводу, и когда это не удалось, началъ возмутительный судебный процессъ, который возмутилъ всѣхъ современниковъ и даже въ жестокосердныхъ судьяхъ пробудилъ на мигъ жалость къ несчастной королевѣ. Навсегда осталось въ памяти, какъ невинная королева была привлечена къ суду и къ допросу, какъ она по-своему, чистосердечно и просто, но опредѣленно и рѣшительно отстаивала свое право, свою супружескую вѣрность, приводила на память залогъ ея любви и трогательно, съ грустью жаловалась на то, что ей, чужестранкѣ, невозможно было болѣе быть королевой Англіи, какъ она бы этого желала.

Судей это не смутило: они продолжали свое варварство; но дѣло не шло впередъ. Папскій легатъ въ особенности вовсе не такъ спѣшилъ, какъ король, безпрестанно писавшій къ своей Аннѣ одно за другимъ письма, исполненныя горячаго нетерпѣнія. Положеніе внѣшнихъ дѣлъ было еще неопредѣленно, все находилось еще въ шаткомъ состояніи. Легатъ—онъ могъ на этотъ счетъ имѣть тайныя инструкціи — не спѣшилъ, ибо онъ хотѣлъ выждать, въ какое положеніе станутъ между собою императоръ и папа, а это положеніе угрожало совершенно измѣниться. Климентъ VII въ концѣ 1528 г. оказался не въ состояніи противостоять императору; равнымъ образомъ, походъ его союзника Франциска I опять кончился неудачей, войска Карла V подступали къ Риму; почти вся Италія находилась въ ихъ рукахъ: все указывало на то, что папа долженъ стараться заключить съ императоромъ возможно выгодный миръ; для императора же важнымъ побужденіемъ къ заключенію мира было все еще тянувшееся бракоразводное дѣло, которое грозило не только опасностью разрыва съ Римомъ, но и несмываемымъ позоромъ для его, Карла V, династіи.

Такимъ образомъ, въ іюлѣ 1529 года Компеджіо внезапно получилъ отзывную буллу, потому что дѣло въ Англіи было будто бы недостаточно изслѣдовано, и поэтому должно было окончательно разслѣдоваться въ Римѣ. Разсматриваемый съ внѣшней стороны, такой оборотъ казался какъ-бы лишь принятіемъ вызова, сдѣланнаго самимъ королемъ Генрихомъ VIII. Но, принимая во вниманіе тотъ переворотъ, какому подверглись внѣшнія дѣла вслѣдствіе примиренія между императоромъ и папою, становится очевидною связь буллы съ измѣнившимися отношеніями между императоромъ и папою, и Генрихъ VIII сразу понялъ дѣйствительный смыслъ буллы. До насъ дошло нѣсколько интереснѣйшихъ актовъ, относящихся къ этому дѣлу: обѣ стороны — и король, и папа — являются достойными другъ друга, но ни одинъ не хитеръ настолько, чтобы обма-

путь другого, хотя они и краснорѣчиво стараются увѣрить одинъ другого въ совершенномъ, будто бы, дружескомъ согласіи; они видятъ другъ друга насквозь, и Генрихъ тотчасъ же замѣчаетъ, что папа хочетъ ускользнуть отъ него черезъ заднюю дверь и не намѣренъ никогда исполнить своего обѣщанія. Когда послѣдовалъ отъѣздъ легата, и королю вручена была отзывная булла, то онъ справедливо увидѣлъ въ этомъ первый шагъ къ отступленію со стороны куріи, хотя онъ еще не зналъ, что въ эти самые дни императоръ и папа подписали мирный договоръ, и что существеннымъ условіемъ его было препятствовать низверженію несчастной Катерины.

Теперь Генрихъ порѣшилъ кончить дѣло собственною властью; первымъ видимымъ слѣдствіемъ этого рѣшенія было низверженіе Вольсея. Такъ какъ ни папѣ, ни императору нельзя было отомстить, то за все долженъ былъ поплатиться Вольсей, а именно за то, что вліяніе его оказалось недостаточнымъ, чтобы выхлопотать у папы обѣщанный разводъ. Кардиналъ былъ лишенъ всѣхъ достоинствъ и всего блеска, былъ низвергнутъ въ ничтожество, и, такъ какъ Вольсей не обладалъ стоическимъ характеромъ, то этотъ случай убилъ его.

Это событіе имѣло важное значеніе. Дѣло въ томъ, что Вольсей былъ все-таки кардиналъ римской церкви и въ важнѣйшихъ случаяхъ никогда не упускалъ совершенно изъ виду ея интересовъ. Теперь эта преграда пала, и вскорѣ должны были обнаружиться важныя послѣдствія этого переворота.

Нѣкоторое время король правилъ безъ любимца, безъ могущественнаго министра; затѣмъ мѣсто Вольсея заступилъ Томасъ Кромвель, чрезвычайно ловкій дипломатъ, который по всему своему направленію былъ совершеннѣйшею противоположностью Вольсея. Притомъ онъ не былъ такимъ человѣкомъ, отъ твердости убѣжденій и самостоятельности котораго можно было бы ожидать хорошаго вліянія на короля; напротивъ, его честолюбіе и притворное тщеславіе скорѣе всего могли направить короля на дурной путь; къ тому же онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ свѣтской власти римской церкви, врагъ всякаго вмѣшательства со стороны Рима въ англійскія дѣла.

Подъ вліяніемъ Томаса Кромвеля, вѣроятно, въ парламентѣ впервые обнаружилось нѣкоторое движеніе по вопросу о церковной реформѣ. До этого времени Генрихъ VIII путемъ угрозы, въ грубой и мягкой формѣ, старался подавить въ парламентѣ національную оппозицію противъ Рима; теперь парламентъ впервые былъ предоставленъ самому себѣ. Теперь тотчасъ же громко заявляется усиленное еще посягательствами Вольсея недовольство на привилегіи клира какъ финансовыя, такъ и судебныя; всѣ прежніе договоры съ Римомъ пересматриваются, и еще въ сессію 1529 года уже высказывается желаніе, чтобы король почитался „единственнымъ главою, верховнымъ повелителемъ и охранителемъ духовныхъ и свѣтскихъ интересовъ націи“. Такія заявленія оппозиціи были, видимо, пріятны королю и его министрамъ, которые теперь могли показать куріи, что они не одни возстаютъ противъ нея, но опираются въ этомъ на ясно выраженное общественное мнѣніе страны.

Но въ то же время присоединяется еще новое вліяніе, всего значенія котораго король самъ долгое время не понималъ, и которое только теперь, съ 1530—1531 гг., начало ясно обнаруживаться.

Въ 1532 году Томасъ Кромвель, высоко-образованный священникъ, занимавшійся долгое время въ тишинѣ подъ вліяніемъ сочиненій Лютера,

осмотрительный и обходительный человѣкъ, не отличавшійся крайнимъ, рѣзкимъ характеромъ, но въ душѣ сильно проникнутый воззрѣніями нѣмецкаго реформатора, былъ назначенъ епископомъ кентерберійскимъ, примасомъ англійской церкви; это назначеніе было первымъ со стороны короля отступленіемъ отъ древнихъ правилъ римской церкви: король, конечно, еще не зналъ, въ какой мѣрѣ Кромвель былъ проникнутъ идеями Лютера. Между тѣмъ, обѣ стороны, и папа, и король, еще опасались довести дѣло до крайности: Римъ желаетъ продолженія сношеній, король старается оправдать себя авторитетомъ знаменитѣйшихъ теологовъ; онъ обращается съ запросомъ, по поводу своего бракоразводнаго дѣла, чуть ли не ко всѣмъ университетамъ европейскимъ, которые, какъ центры богословской науки, имѣли въ то время громадный авторитетъ въ каноническихъ вопросахъ, и покупаетъ у нихъ за дорогую плату рѣшеніе, благопріятствующее его разводу. Но это было то время (1530—1531 гг.), когда Римъ находился въ самомъ тѣсномъ союзѣ съ императоромъ; слѣдовательно, въ рѣшительный моментъ нельзя было разсчитывать ни на малѣйшую уступчивость, и, такимъ образомъ, раздоръ видимо возросталъ, хотя ни та, ни другая сторона не хотѣла сказать послѣдняго слова.

Но теперь многое соединилось вмѣстѣ: назначеніе Кромвеля, поощреніе парламента, подстреканіе со стороны клира, объявляющаго короля верховнымъ главою церкви, отмѣняющаго лепту св. Петра и аннаты, наконецъ, бракъ съ Анною Болейнъ (1533 г.), совершенный первоначально съ сохраненіемъ тайны, а затѣмъ обнародованный, и разводъ съ Катериною, признанный законнымъ англійскими юристами. Все это послужило важнѣйшими элементами для открытаго разрыва съ Римомъ, и булла объ отлученіи не заставила себя долѣе ждать (1534).

Генрихъ VIII не былъ такимъ человѣкомъ, чтобы, подобно Лютеру, сжечь отлучавшую его буллу; кары со стороны древняго авторитета церкви ни въ какомъ случаѣ не были для него безразличны, но онъ обладалъ въ достаточной степени чувствомъ самовластія, чтобы чувствовать себя глубоко пораженнымъ этою черною неблагодарностью. Онъ для папы сдѣлалъ многое: ввелъ суды надъ еретиками, писалъ противъ Лютера— и подвергся отлученію; въ сознаніи незаслуженной обиды онъ нашелъ первое утѣшеніе и успокоеніе отъ объявшаго его ужаса проклятія.

Немедленно созывается парламентъ, и подъ впечатлѣніемъ буллы вносятся слѣдующія предложенія, которыя и принимаются единогласно: папскій супрематъ (главенство) отвергается, его мѣсто заступаетъ супрематъ королевскій; утверждается уже прежде самимъ клиромъ постановленное уничтоженіе лепты св. Петра и аннатъ; клиръ становится отнынѣ только конвокаціею подъ главенствомъ короля, а не церковью подъ главенствомъ Рима. Всѣ должны были дать присягу въ признаніи церковнаго главенства короля. Присяга должна была утверждать слѣдующее: недѣйствительность перваго и законность второго брака короля, лишеніе дочери его Маріи права наслѣдованія и утвержденіе этого права за Елизаветою, признаніе короля верховнымъ главою церкви и „что она должна проповѣдывать Христа и Его евангеліе отъ чистаго сердца, по слову св. писанія и согласно съ тѣмъ, какъ заповѣдывали учителя православной каѳолической церкви, ничего не искажая, и въ своихъ молитвахъ прежде всего должна поминать короля, какъ главу англійской церкви", и т. п.

Здѣсь не могло быть и рѣчи объ измѣненіи вѣроисповѣданія согласно новому, лучшему ученію. Іерархія была только, такъ сказать, извращена и подчинена королю; все же прочее осталось по старому. Католическая

догма не была измѣнена. Горе тому, кто коснулся бы мессы, ученія о пресуществленіи, почитанія святыхъ, семи таинствъ или ученія о добрыхъ дѣлахъ: онъ непремѣнно былъ бы схваченъ и сожженъ, какъ еретикъ. Но горе было и тому, кто отказался бы отъ присяги главенству короля, не хотѣлъ бы признать новаго королевскаго папства: онъ былъ бы схваченъ и повѣшенъ, какъ государственный измѣнникъ. Это была не реформація, не новое церковное устройство, а лишь перенесеніе верховной власти отъ папы на короля; все же прочее, какъ вѣра, такъ и обряды богослуженія, осталось старое; лишь во главѣ управленія произошло существенное измѣненіе, которое сдѣлало труднымъ, если не невозможнымъ, поддерживать дальнѣйшую связь съ Римомъ.

Лишь для гибкихъ, уступчивыхъ, малодушныхъ людей было сносно подобное положеніе дѣлъ; для личностей же съ характеромъ, которыя открыто выражали свои убѣжденія, оно было пагубно. Кто, напр., подобно канцлеру Томасу Мору, нѣкогда ревностно помогавшему королю въ истребленіи еретиковъ, и епископу Джону Фишеру, отказывался отъ присяги, тотъ подвергался преслѣдованію и посылался на эшафотъ; такимъ же кровавымъ преслѣдованіямъ подвергались сторонники протестантизма. Кромѣ висѣлицы для тѣхъ, кого король считалъ измѣнниками, были устроены эшафоты и костры: первые для знатныхъ, вторые для простыхъ еретиковъ.

Если бы подобное положеніе дѣлъ продолжалось, то болѣе безбожнаго и ужаснаго попранія и поруганія религіи и совѣсти нельзя было представить. Все старое было разрушено, и на мѣсто его ничего не установлено новаго, кромѣ неограниченнаго всемогущества короля и его личной страсти или прихоти. Изъ исторіи тринадцати ужасныхъ лѣтъ, послѣдовавшихъ за разрывомъ съ Римомъ, мы возьмемъ, оставляя вовсе въ сторонѣ брачныя дѣла короля [1]), два момента, которые имѣли важное значеніе для позднѣйшаго образованія и развитія англійскаго государства и англійской церкви; это—секуляризація (отобраніе въ казну) церковныхъ имуществъ и терроризмъ въ дѣлахъ вѣры.

Повсюду, гдѣ борьба съ церковью начиналась правительствомъ, послѣднее обращало въ свою пользу бо́льшую или меньшую часть неисчислимыхъ церковныхъ и монастырскихъ богатствъ. Такъ случилось и въ Англіи. Если бы Генрихъ былъ настолько бережливый, осмотрительный и разсчетливый правитель, чтобы эти огромныя богатства сохранить и употреблять съ пользой, то онъ оставилъ бы наслѣдникамъ своей короны такой капиталъ, который далъ бы возможность Стюартамъ упрочить за собою мощную королевскую власть и сдѣлаться независимыми отъ всякихъ ограниченій со стороны парламента. Вмѣсто этого, церковныя богатства, добытыя съ большою жестокостью, расточались зря; все ушло на роскошь и великолѣпныя празднества; дворъ нѣкоторое время утопалъ въ излишествѣ, роскоши, и, когда въ поразительно короткій срокъ было все промотано, опять наступило прежнее безденежье.

Расточенныя богатства, конечно, не исчезли безслѣдно: сельское дворянство прибрало къ своимъ рукамъ землю; равнымъ образомъ, и высшій землевладѣльческій классъ, доселѣ составлявшій основу государственнаго строя и управлявшій страной, ведетъ начало своего благосостоянія и процвѣтанія также съ того момента, когда легкомысленный король пред-

[1]) У Генриха послѣ смерти Анны Болейнъ было еще четыре жены: Жанна Сеймуръ, Анна Клевская, Катерина Говардъ и Катерина Парръ.

принялъ конфискацію церковныхъ имуществъ, послѣ чего, смотря на увеличившееся благосостояніе средняго и высшаго классовъ, онъ вообразилъ себя могущественнѣйшимъ христіанскимъ государемъ [1]).

Рядомъ съ этимъ экономическимъ переворотомъ неистовствовалъ религіозный терроризмъ, бывшій причиною поразительныхъ ужасовъ и доведшій націю до страшной деморализаціи.

Въ этотъ періодъ Англія представляетъ ужасное зрѣлище религіозной войны, которая годъ за годомъ поглощаетъ безчисленныя жертвы и конца которой не было видно, потому что никто не могъ отвѣчать на вопросъ: какая правая вѣра въ этой странѣ и что выйдетъ изъ моря развалинъ? Самъ парламентъ играетъ постыдную роль: онъ, игрушка королевскихъ прихотей, сегодня составляетъ симвомъ вѣры, а завтра засѣдаетъ въ качествѣ суда надъ католиками и протестантами, сегодня вотируетъ церковныя имущества, какъ частную королевскую собственность, а на завтра прибавляетъ, что каждый долженъ вѣровать тому, что король и его уполномоченные еще имѣютъ приказать относительно вѣры и церковнаго устройства. Въ этой безнадежной путаницѣ въ сущности выиграла только одна партія, это — партія замаскированныхъ папистовъ въ совѣтѣ короля, Гардинеръ и Поль, которые, держась чрезвычайно хитрой и осторожной тактики, старались сохранить изъ старой закваски все, что только было возможно. Съ одной стороны, Кромвель и Кранмеръ преслѣдуютъ старовѣровъ-католиковъ, съ другой—епископъ Гардинеръ и кардиналъ Поль строго слѣдятъ за нововѣрцами-протестантами, руководясь однимъ лишь произволомъ, отъ котораго проведена была узкая линія между дозволенною и запрещенною вѣрою, такъ что для всякаго насилія не трудно было подыскать вѣскія оправданія.

Король постоянно находился въ противорѣчивомъ настроеніи, метался туда и сюда, и ни одинъ независимый голосъ не раздавался вокругъ него; какъ въ брачныхъ дѣлахъ, такъ и въ церковной политикѣ онъ велъ безсмысленную игру. Въ гнѣвѣ на грозныя посланія Рима, онъ разражается противъ папистовъ и велитъ распространять библію (1538 г.); годъ спустя онъ предлагаетъ канцлеру Кромвелю неудачный проектъ о бракахъ и снова переходитъ на сторону папистовъ. Парламентъ долженъ утвердить шесть членовъ символа вѣры, которые должны были повести и дѣйствительно повели къ новымъ варварскимъ преслѣдованіямъ. Вотъ эти члены символа: 1) Пресуществленія не бываетъ при евхаристіи. 2) Чаша для мірянъ не необходима. 3) Браки священниковъ, по божескимъ законамъ, не дозволены. 4) Обѣты цѣломудрія удерживаютъ обязательную силу. 5) Мессы въ частныхъ домахъ не противорѣчатъ св. писанію и удерживаются для утѣшенія души. 6) Исповѣдь полезна и необходима.

Каждый, преступившій эти постановленія, подвергается жестокимъ преслѣдованіямъ, лишенію жизни и имущества; всѣ браки священниковъ, монаховъ и монахинь объявляются недѣйствительными, подъ угрозою смертной казни ослушникамъ; подобная же участь постигала тѣхъ, которые пренебрегали исповѣдью и причащеніемъ, или исполняли ихъ по прежнему обряду. И во всѣхъ этихъ жалкихъ поступкахъ не проглядывало никакой нравственной идеи; то, что оставилъ послѣ себя Генрихъ VIII, былъ хаосъ, изъ котораго нація съ тяжкой борьбой и усиліями должна была вырабатывать себѣ новое церковное устройство.

---

[1]) Подробности объ англійской секуляризаціи см. дальше въ ст. М. М. Ковалевскаго. *Прим. Ред.*

LXIII. Настоящія причины происхожденія оппозиціи противъ Рима въ Англіи.

(Изъ соч. Тэна: «Развитіе политической и гражданской свободы въ Англіи» и т. д.).

Повидимому, реформація въ Англіи возникла не тѣмъ путемъ, какъ на континентѣ, и происхожденіе ея объясняется, на первый взглядъ, главнымъ образомъ, характеромъ личности Генриха VIII и его случайнымъ столкновеніемъ съ Римомъ, а не вопіющей потребностью времени, обусловленной послѣдовательнымъ историческимъ развитіемъ народной жизни. Но коренные перевороты совершаются не придворными распоряженіями и не оффиціальными приказаніями, но общественнымъ положеніемъ и народными инстинктами. Если пять милліоновъ людей обращаются къ новой религіи, значитъ, эти пять милліоновъ чувствуютъ потребность въ обращеніи. Оставимъ въ сторонѣ безпокойство совѣсти и страсти Генриха VIII, угодливость и изворотливость Кранмера, измѣнчивость и низкопоклонничество парламента, колебаніе и медленность реформаціи, начатой, но вскорѣ остановленной, потомъ снова двинутой впередъ, затѣмъ сразу ниспровергаемой насиліемъ, наконецъ, распространившейся въ цѣломъ народѣ и заключенной въ предѣлы легальнаго установленія, прожившаго много вѣковъ. Всякая великая перемѣна имѣетъ свой корень въ духѣ, и стоитъ только попристальнѣе вглядѣться вглубь его, чтобы открыть національныя наклонности и вѣковое раздраженіе, изъ котораго вышелъ протестантизмъ.

Онъ готовъ былъ выйти наружу за полтораста лѣтъ передъ тѣмъ. Появился Виклефъ, возстали лолларды, сдѣланъ былъ переводъ библіи, палата депутатовъ предложила конфискацію всѣхъ духовныхъ имуществъ но подъ соединеннымъ давленіемъ церкви, королевской власти и лордовъ рождающаяся реформація была раздавлена, принуждена таиться и лишь время отъ времени заявлять о себѣ казнями своихъ мучениковъ. Епископы получили право брать подъ стражу безъ суда всякое свѣтское лицо, заподозрѣнное въ ереси: они сожгли живымъ лорда Кобгэма; короли избрали между ними своихъ министровъ; опираясь на свою власть и блескъ, они заставили дворянство и народъ склониться предъ мечемъ, который былъ врученъ имъ, и опутали еще болѣе частою и жестокою сѣтью законовъ націю, и безъ того связанную ею со времени завоеванія. Мелкія прегрѣшенія казнились ими такъ же, какъ и преступныя дѣла, и мщеніе правосудія, распространившееся въ одинаковой степени и на грѣхъ, и на злодѣяніе, преобразило полицію въ инквизицію. Оскорбленіе цѣломудрія, ересь, или все, отзывающееся ересью, колдовство, пьянство, злословіе, нетерпѣливое слово, нарушенное обѣщаніе, ложь, неусердное посѣщеніе церкви, уклоненіе отъ платы за требы, жалоба противъ духовныхъ трибуналовъ—всѣ подобные проступки, взведенные на кого-нибудь или подозрѣваемые въ комъ-нибудь, предавали обвиняемое лицо духовному суду, соединялись съ огромными издержками, съ продолжительными отсрочками, затягивались надолго подъ обманчивымъ призракомъ процедуры и оканчивались тяжкими денежными штрафами, строгимъ тюремнымъ заключеніемъ, унизительными отреченіями, публичнымъ покаяніемъ

и нерѣдко приводимою въ дѣло угрозою пытки и костра. Судите по одному факту: графъ Серрэй, родственникъ короля, былъ преданъ одному изъ такихъ судовъ за то, что не соблюдалъ поста. Отсюда можно убѣдиться, въ какой мѣрѣ былъ мелоченъ и непрерывенъ гнетъ законовъ, до какой степени онъ обнималъ и опутывалъ всю человѣческую жизнь, видимые поступки и невидимыя мысли, какъ, вслѣдствіе поощренія и развитія доносовъ, онъ проникалъ въ каждую семью и каждую совѣсть, съ какимъ безстыдствомъ онъ превращался въ орудія вымогательства и взяточничества, какой глухой гнѣвъ возбуждалъ въ горожанахъ и крестьянахъ, принужденныхъ иногда дѣлать по шестидесяти миль туда и обратно, чтобы только оставить въ безчисленныхъ когтяхъ процедуры какую-нибудь часть добытыхъ потомъ и кровью денегъ, а иногда всѣ насущныя средства свои и своихъ дѣтей! Когда начинаютъ такъ топтать народъ, то тѣмъ самымъ пробуждаютъ въ немъ мысль; всякій невольно задаетъ себѣ вопросъ: неужели эти украшенные митрой служители церкви грабятъ и тиранствуютъ по волѣ Божіей? Начинаютъ вглядываться въ ихъ жизнь, любопытствуютъ, такъ ли строго исполняютъ они сами то, чего требуютъ отъ другихъ, и вдругъ неожиданно узнаютъ престранныя вещи. Кардиналъ Вольсей пишетъ папѣ, что „священники, какъ бѣлаго духовенства, такъ и монашествующаго, совершаютъ обыкновенно такія ужасныя преступленія, за которыя, если бы не спасалъ ихъ санъ, они были бы немедленно казнены, и что всѣ міряне приходятъ въ соблазнъ, видя, что духовные преступники не только не подвергаются наказанію, но пользуются полнѣйшей безнаказанностью“ Въ царствованіе Генриха VIII одинъ священникъ, уличенный въ самомъ грубомъ, преступномъ развратѣ, присужденъ былъ, вмѣсто наказанія, лишь нести крестъ во время процессіи и заплатить 3 шиллинга и 4 пенса. При началѣ слѣдующаго царствованія дворянство и фермеры Кернавоншейра принесли жалобу, въ которой обвиняли духовенство въ преднамѣренномъ развращеніи ихъ женъ и дочерей. Епископы раздаютъ бенефиціи своимъ еще несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ: у святого отца, настоятеля Майденъ Брадлея, ихъ было только шестеро, въ томъ числѣ дочь, выданная замужъ и награжденная приданымъ изъ монастырскаго имущества... Въ монастыряхъ „монахи пьютъ послѣ трапезы до десяти часовъ утра или до полудня и приходятъ къ заутрени пьяные... Они играютъ въ карты, въ кости... Нѣкоторые приходятъ къ заутрени только съ наступленіемъ вечера, да и то изъ страха тѣлесныхъ наказаній. Короче, около двухъ третей монаховъ въ Англіи вели такую жизнь, что парламентъ, выслушивая оффиціальное донесеніе, закричалъ въ одинъ голосъ: „Долой монаховъ!“ [1]) Какой при-

[1]) Что англійская церковь дѣйствительно находилась въ такомъ безнравственномъ состояніи и что ея отношенія къ народу были такъ несправедливы, на это мы имѣемъ самыя неопровержимыя доказательства. Когда парламентъ собрался въ 1529 г., то палата общинъ прежде всего донесла королю о томъ, что возмущеніе и ересь господствуютъ въ странѣ, и что необходимо принять мѣры для предупрежденія ихъ распространенія. Она увѣряла, что затруднительное положеніе государства должно приписать духовенству; что основаніе, поводъ и причина его заключалась въ двойственной юрисдикціи церкви и государства; что несовмѣстная законодательная власть конвокаціи лежала въ основаніи всего зла. Между прочими пунктами палата общинъ приводила слѣдующіе: конвокація постановляетъ законы безъ королевскаго утвержденія, безъ согласія и даже безъ увѣдомленія народа; эти законы никогда не издаются на англійскомъ

мѣръ для народа, въ которомъ начинаютъ пробуждаться мысль и совѣсть! Еще задолго до великаго взрыва гнѣвъ народа глухо рычалъ и скоплялся для возмущенія; священниковъ осыпали бранью на улицахъ или бросали въ ручей; женщины отказывались принимать причастіе, освященное рукою, которую они считали нечистою. Когда сторожъ духовнаго суда вызывалъ преступниковъ, его выгоняли съ ругательствами. Торговецъ разбивалъ голову сторожа аршиномъ. Трактирный слуга говорилъ, что одинъ видъ священника дѣлаетъ его больнымъ и что онъ охотно сдѣлалъ бы шестьдесятъ миль, чтобы засадить хоть одного изъ нихъ въ тюрьму. Епископъ Фитцъ-Джемсъ писалъ, что „лондонскіе жители такъ заражены еретическимъ духомъ, что если имъ случается быть присяжными въ процессѣ какого-либо духовнаго лица, то они осудятъ его навѣрно, будь онъ такъ же невиненъ, какъ Авель“; даже Вольсей увѣдомлялъ папу „объ опасномъ духѣ“, который распространялся между народомъ. Когда Генрихъ VIII поднесъ топоръ въ вѣковому дереву и нанесъ рѣшительно и медленно сначала первый, а вслѣдъ за нимъ и другой ударъ, отсѣкшій сухіе сучья, то нашлись сперва тысячи, а вскорѣ сотни тысячъ сердецъ, которыя ему сочувствовали и хотѣли помогать въ этомъ дѣлѣ.

Обратите вниманіе на то, что дѣлается въ данную минуту (около 1521 года) въ епархіяхъ, напримѣръ, хоть въ линкольнской, и судите по этому образчику, какъ поступаетъ духовенство во всей Англіи, какъ оно увеличиваетъ число мучениковъ, усиливаетъ ненависть и обращеніе въ протестантизмъ. Епископъ Лонглэнъ призываетъ къ себѣ родственниковъ обвиняемыхъ, братьевъ, женъ и дѣтей, и обязываетъ ихъ клятвою доносить на своихъ мужей и отцовъ; такъ какъ они подвергались уже судебному преслѣдованію и отрекались отъ ереси, то необходимо заставить ихъ сознаться: иначе они попадаютъ въ разрядъ вторично отпавшихъ, а такихъ ждетъ неминуемо костеръ. И вотъ они доносятъ на своихъ близкихъ и другъ на друга. Одинъ имѣлъ у себя посланіе святого Іакова на англійскомъ языкѣ. Другой перезабылъ латинскіе Pater и Credo и читаетъ эти молитвы по-англійски. Одна женщина отверну-

---

языкѣ, а между тѣмъ люди ежедневно подвергаются наказанію за ихъ неисполненіе; безнравственность распространена въ духовенствѣ, начиная съ архіепископа кентерберійскаго до самаго ничтожнаго священнослужителя, такъ что самого архіепископа подкупаютъ въ духовномъ судѣ; патеры, викаріи, кураторы имѣютъ обыкновеніе давать причастіе только за денежную плату; бѣдныхъ таскаютъ по духовнымъ судамъ безъ всякой законной причины, единственно изъ желанія ограбить; стѣснительные штрафы налагаются безъ всякаго повода, духовенство отказываетъ въ засвидѣтельствованіи завѣщаній до тѣхъ поръ, пока не удовлетворятъ жадности прелатовъ къ деньгамъ; высшее духовенство требуетъ большія суммы за введеніе во владѣніе бенефиціями и ежедневно раздаетъ эти бенефиціи „молодымъ людямъ“, своимъ племянникамъ и родственникамъ, съ цѣлью самимъ пользоваться ихъ плодами и выгодами; архіепископы беззаконно заключаютъ въ тюрьму, иногда на годъ и болѣе, различныхъ лицъ, не говоря имъ причины заключенія и даже не сообщая имени ихъ обвинителей; въ духовныхъ судахъ опутываютъ простыхъ безграмотныхъ и даже смышленыхъ людей тонкими вопросами, обвиняютъ въ ереси и подвергаютъ наказаніямъ.

Обвиненія эти серьезны; они доказываютъ, что церковь сдѣлалась средствомъ грабежа. Палата общинъ просила короля издать законы, которые исправили бы это зло. (Дрэперъ: „Исторія умственнаго развитія Европы“, т. II, стр. 202—203) *Прим. Ред.*

лась отъ креста, который носили утромъ въ день Пасхи. Нѣкоторые въ церкви, особенно при возношеніи святыхъ даровъ, не хотѣли читать молитвъ и сидѣли „нѣмые, какъ скоты". Трое гражданъ, изъ которыхъ одинъ былъ плотникъ, провели вмѣстѣ ночь за чтеніемъ священнаго писанія. Такая-то женщина отправилась пріобщаться, наѣвшись. Такой-то мѣдникъ отвергалъ невидимое присутствіе Христа при совершеніи таинства евхаристіи. Такой-то кирпичникъ сохранялъ у себя апокалипсисъ. Другіе отзывались дурно о хожденіяхъ по богомольямъ, или о папѣ, или о мощахъ, или объ исповѣди. На основаніи этихъ обвиненій, въ продолженіе одного года, пятьдесятъ человѣкъ изъ нихъ осуждены на всенародное отреченіе, на клятвенное обѣщаніе доносить на другихъ, на соблюденіе въ теченіе всей остальной жизни предписанныхъ обрядовъ покаянія, подъ страхомъ подпасть въ число отпавшихъ и погибнуть за то на кострѣ. Ихъ запираютъ по различнымъ аббатствомъ съ тѣмъ, что они должны кормиться здѣсь подаяніемъ и заслуживать это подаяніе работами; на базарахъ, при всеобщихъ процессіяхъ и при казни еретиковъ они обязаны являться съ вязанкой хвороста на плечѣ; кромѣ того, каждую пятницу, въ теченіе всей жизни, они не должны ѣсть и пить ничего, кромѣ хлѣба и воды, и носить на щекѣ клеймо. Шестеро изъ обвиненныхъ сожжены живыми, причемъ дѣти одного изъ нихъ, Джона Скривенера, принуждены собственноручно поджечь костеръ своего отца. Неужели вы думаете, что если человѣка сжечь или запереть, то этимъ дѣло и покончится? Безъ сомнѣнія, все молчитъ и все скрывается; но подъ вынужденнымъ молчаніемъ живетъ продолжительное воспоминаніе и горькая злоба. Они видѣли своего пріятеля, родственника, брата, когда тотъ, прикованный цѣпью къ столбу, молился, сложивъ руки, среди дыма и пламени, между тѣмъ какъ тѣло его лопалось отъ жару, и кожа обугливалась. Подобныя сцены не забываются; послѣднія слова, произносимыя на кострѣ, предсмертныя воззванія къ Богу и Христу остаются неизгладимы и всемогущи въ ихъ сердцѣ. Они уносятъ ихъ съ собою и размышляютъ о нихъ въ полѣ, за работой, когда остаются одни; ихъ головы работаютъ надъ этой мыслью тайкомъ, но со всею страстью. Кромѣ общедоступной симпатіи, заставляющей принимать сторону угнетеннаго, тутъ бродитъ еще и религіозное чувство. Переломъ совѣсти начался: онъ присущъ этой расѣ. Они думаютъ о своемъ спасеніи, тревожатся настоящимъ состояніемъ; ихъ страшитъ мысль о судѣ Божіемъ, и они спрашиваютъ себя: не дѣлаются ли преступными и не заслуживаютъ-ли они вѣчнаго осужденія, оставаясь въ католической религіи и выполняя обязательные ея обряды?.. Есть ли возможность заглушить этотъ ужасъ тюрьмами и казнями? Страхъ за страхъ: остается узнать, который изъ двухъ сильнѣе. Послѣднее обнаружится скоро, потому что существенное свойство этихъ внутреннихъ томленій заключается въ томъ, что они растутъ по мѣрѣ стѣсненія и угнетенія. Какъ живой родникъ, который напрасно стараются завалить каменьями, они клокочутъ, скопляются и наполняютъ душу до краевъ, до тѣхъ поръ, пока избытокъ, ломая и разметывая запоры, подъ которыми стараются его удержать, не хлынетъ неудержимымъ потокомъ черезъ край. Вообразите себѣ блѣдное и тоскливое лицо, скрывающее тайный пылъ подъ маскою суровости и флегмы; таковы были въ Англіи бѣдные сектаторы въ изношенномъ платьѣ, которые, съ библіею въ рукахъ, принимались вдругъ проповѣдывать на перекресткѣ или, по окончаніи богослуженія, затягивали на улицѣ какой-нибудь псаломъ, находя, что еще не довольно

молились. Мрачное воображенiе затрепетало, и плодъ его растетъ съ каждымъ днемъ, разрывая оболочку, дающую ему жизнь Отнынѣ человѣкъ рѣшился спасти свою душу во что бы то ни стало. Съ опасностью жизни онъ достаетъ нѣкоторыя изъ книгъ, указывающихъ путь къ спасенiю: „Узкую дверь“ Виклефа, „Послушанiе христiанина“, иногда „Откровенiе антихриста“, написанное Лютеромъ, но чаще всего нѣкоторые отрывки слова Божiя, только-что переведенные Тиндалемъ. Одинъ прячетъ свои книги въ дупло дерева, другой заучиваетъ наизусть апостольское посланiе или евангелiе, чтобы имѣть возможность думать о немъ постоянно, даже въ присутствiи доносчиковъ. Одинъ на одинъ, если онъ увѣренъ въ своемъ сосѣдѣ, онъ говоритъ съ нимъ о занимающемъ его предметѣ. „Если вѣра Христова поддерживалась еще въ Англiи,—говоритъ Летимеръ,—то единственно благодаря сынамъ iоменовъ“ [1]), а впослѣдствiи тѣ же сыны iоменовъ помогутъ Кромвелю одержать его пуританскiя побѣды. Когда въ народѣ начинается подобное перешептыванiе, то всякiе оффицiальные голоса безполезны: нацiя нашла свою поэму; она отвращаетъ свой слухъ отъ тѣхъ, кто силился увлечь ее въ другую сторону, и скоро начинаетъ распѣвать ее во весь голосъ и отъ всего сердца,

Между тѣмъ, зараза коснулась даже лицъ оффицiальныхъ, и Генрихъ VIII позволилъ наконецъ издать англiйскую библiю. Англiя имѣла отнынѣ свою книгу. „Кто могъ купить книгу,—говоритъ Стрейпъ,—тотъ или самъ читалъ ее прилежно, или просилъ другихъ читать себѣ ее, а не мало было и такихъ людей, которые нарочно для того выучились читать“. По воскресеньямъ бѣдные собирались внизу церкви для чтенiя библiи. Одинъ молодой человѣкъ, Мельдонъ, разсказывалъ потомъ, какъ онъ откладывалъ вмѣстѣ съ подмастерьемъ своего отца всѣ сбереженныя деньги, чтобы купить Новый Завѣтъ, и какъ они, боясь отца, прятали книгу подъ соломенный тюфякъ. Напрасно король въ прокламацiи приказывалъ людямъ низшихъ сословiй „не слишкомъ полагаться на свой собственный смыслъ, или довѣрять своему воображенiю или мнѣнiю, не разсуждать объ этомъ предметѣ всенародно въ тавернахъ, или за кружкой пива, но обращаться къ людямъ свѣдущимъ и достойнымъ довѣрiя“,—зерно пускало ростки, и всѣ предпочитали полагаться въ данномъ случаѣ на Бога, чѣмъ на людей. Самое предисловiе къ переводу священнаго писанiя призывало людей къ независимому изученiю слова Божiя, говоря, что „епископъ римскiй долгое время старался лишить народъ библiи... дабы нельзя было открыть его ухищренiя и лжи... зная, что какъ только появится ясное солнце слова Божiя въ полуденный зной, то разсѣетъ немедленно заразительный туманъ его дьявольскаго ученiя“. По мнѣнiю даже лицъ оффицiальныхъ, въ священномъ писанiи заключается чистая и полная истина, истина не философски-умозрительная, но нравственная, безъ которой нельзя ни жить благочестиво, ни спастись. „Въ священномъ писанiи,—говоритъ переводчикъ,—ищи наипаче и первѣе всего договора и условiя между Богомъ и нами, т.-е. данный намъ Богомъ законъ и заповѣди, а потомъ благодать и искупленiе, которое онъ обѣщаетъ всѣмъ соблюдающимъ его законъ. Ибо всѣ обѣщанiя вездѣ, во всемъ священномъ писанiи, содержатъ въ себѣ договоръ, то-есть, что Богъ обязывается даровать тебѣ эту благодать, съ тѣмъ лишь условiемъ, чтобы ты постарался и самъ хранить его законы“. Каково выраженiе! Зато, съ

[1]) Iомены—свободные крестьяне въ Англiи. *Прим. Ред.*

какимъ также жаромъ, съ какимъ вниманіемъ люди, мучимые неумолчными укорами щекотливой совѣсти и предчувствіемъ темной вѣчности, обращаютъ къ этимъ страницамъ взоры и сердца свои!

Для уразумѣнія великой перемѣны, произведенной въ XVI вѣкѣ въ нравахъ и понятіяхъ Англіи священнымъ писаніемъ, постарайтесь перенестись мысленно къ этимъ іоменамъ и лавочникамъ, которые раскладываютъ по вечерамъ библію на столѣ и, обнаживъ головы, съ благоговѣніемъ слушаютъ или читаютъ одну изъ ея главъ. Не забудьте, что у нихъ нѣтъ другихъ книгъ, что ихъ умъ дѣвственъ, что всякое впечатлѣніе оставляетъ въ немъ глубокій слѣдъ, что монотонность повседневной жизни предаетъ ихъ всецѣло на волю новыхъ ощущеній, что они открываютъ эту книгу не ради развлеченія, но чтобы отыскать въ ней для себя приговоръ жизни или смерти. Тиндаль, переводчикъ библіи, писалъ, обуреваемый подобнымъ состояніемъ духа, въ то время, когда былъ осужденъ и преслѣдуемъ, когда скрывался и не отрывалъ свой умъ отъ мысли о близкой смерти и о великомъ Богѣ, во имя котораго онъ, наконецъ, и взошелъ на костеръ.

LXIV. Религіозная реформа въ англійской церкви при Эдуардѣ VI.

(Изъ соч. Ранке: «Englische Geschichte im Zeitalter der Reformation», B. I.).

Если мы зададимъ себѣ вопросъ, возможно ли было осуществленіе мысли Генриха VIII — отвергнуть папскій авторитетъ и въ то же время сохранить ученіе католической церкви въ томъ видѣ, какъ оно существовало, то можемъ смѣло отвѣтить: это было невозможно, ибо мысль эта заключала въ себѣ историческое противорѣчіе. Католическое ученіе развилось подъ вліяніемъ іерархическаго главы, достигшаго высшей степени своего могущества; какъ глава, такъ и ученіе были продуктомъ одного и того же времени, одинаковыхъ событій и стремленій; ихъ никакъ нельзя было отдѣлить другъ отъ друга. Можетъ быть, еще можно было бы измѣнить и ученіе, и церковныя учрежденія, если бы для этого нашлась подходящая форма; но уничтожить послѣднія и удержать первое, во всей его цѣлости, было неосуществимо.

Въ то время, какъ стало очевиднымъ, что Генриху уже не жить больше, обнаружились, какъ въ странѣ, такъ и при дворѣ, двѣ партіи, изъ которыхъ одна, хотя дѣйствовавшая очень сдержанно и осторожно, несомнѣнно стремилась къ возстановленію владычества папы, а другая — къ болѣе полному развитію протестантскаго принципа. Генрихъ относительно престолонаслѣдія распорядился такимъ образомъ, что ему долженъ былъ наслѣдовать сначала его сынъ Эдуардъ, потомъ старшая дочь отъ его супруги-испанки и, наконецъ, младшая, отъ Анны Болейнъ. Такъ какъ первый, имѣвшій прежде всѣхъ сдѣлаться королемъ, былъ только еще десятилѣтнимъ мальчикомъ, то поэтому имѣлъ необыкновенную важность вопросъ, кто будетъ управлять государствомъ во время его несовершеннолѣтія. Генрихъ для управленія государствомъ составилъ тайный совѣтъ изъ людей обоихъ направленій, въ той надеждѣ, какъ кажется, чтобы этимъ способомъ тѣмъ прочнѣе укрѣпить свою систему. Но при-

вычка видѣть сосредоточеніе высшей власти въ рукахъ одной руководящей личности была слишкомъ сильна для того, чтобы эта власть могла долгое время находиться въ рукахъ совѣщательнаго учрежденія. На первыхъ засѣданіяхъ тайнаго совѣта, лишь только умеръ Генрихъ VIII, дядя Эдуарда VI, графъ Гертфордскій, сдѣланъ былъ герцогомъ Сомерсетскимъ и протекторомъ государства. Въ лицѣ его получили перевѣсъ реформаторскія стремленія.

Съ полною силою эти стремленія появились тотчасъ же при коронаціи, которая была совершена не вполнѣ согласно съ реформою, установленною Генрихомъ VIII, такъ какъ эта послѣдняя все еще слишкомъ тѣсно была связана съ установившимися обычаями; Кранмеръ, въ своей рѣчи, обращенной при этомъ къ молодому королю, самымъ рѣшительнымъ образомъ уклонился отъ всѣхъ идей, соединявшихся до сихъ поръ съ коронованіемъ. Куда дѣвались времена первыхъ Ланкастеровъ, когда помазанію на царство сообщалось особое іерархическое посвященіе тѣмъ, что оно постановлено было въ связь съ Томасомъ Бекетомъ? Теперь святыня Бекета была разрушена. Теперешній архіепископъ контенберійскій возвращался къ самымъ далекимъ воспоминаніямъ древнѣйшихъ временъ: онъ приводилъ примѣръ Іоссіи, который также вступилъ на царство малолѣтнимъ и истребилъ идолопоклонство; также точно и Эдуардъ VI долженъ въ концѣ истребить поклоненіе иконамъ, утвердить истинное поклоненіе Богу и освободить страну отъ тиранніи римскаго епископа; не елей дѣлаетъ его помазанникомъ Божіимъ, но даруемая ему свыше власть, въ силу которой онъ есть въ своемъ царствѣ намѣстникъ Бога. Его обязанности относительно церкви превращаются въ религіозную обязанность, которая требуетъ отъ него и въ то же время даетъ ему право вмѣсто поддержанія существующихъ отношеній приступить къ реформаціи церкви.

Существенный вопросъ состоитъ теперь въ томъ, какимъ образомъ начать перемѣну путемъ, согласнымъ съ государственными законами, и до какой степени можно было отстоять при этомъ конституцію страны относительно европейскихъ государствъ. На основаніи супремата и примѣра Генриха VIII, дѣло начали съ того, что приняли рѣшеніе разослать по государству комиссіи, чтобы онѣ снова возбудили ослабѣвшія протестантскія симпатіи. При этомъ вспомнили о распоряженіяхъ, изданныхъ прежде Томасомъ Кромвелемъ, и представили дѣло такимъ образомъ, какъ будто эти распоряженія не были уничтожены тѣмъ, что случилось съ тѣхъ поръ, а только не примѣнялись къ дѣлу вслѣдствіе небрежности и духа партій. Приказано было разслѣдовать, дѣйствительно-ли, какъ повелѣвалось этими распоряженіями, епископы проповѣдуютъ противъ узурпаціи папы, а священники учатъ паству считать добрыми дѣлами не соблюденіе внѣшнихъ обрядовъ, но исполненіе нравственныхъ обязанностей и стараются объ уменьшеніи праздничныхъ дней и странствованій на богомолья. Но прежде всего слѣдовало устранить суевѣрное почитаніе иконъ; затѣмъ учить юношество главнымъ основаніямъ вѣры на англійскомъ языкѣ, каждое воскресенье прочитывалъ главу изъ библіи и для истолкованія ея пользоваться парафразомъ Эразма. Вмѣсто проповѣдей должны произноситься бесѣды, которыя были бы распубликованы съ дозволенія архіепископской и королевской власти. Это послѣднее распоряженіе также основывалось на словахъ Генриха VIII. Архіепископъ Кранмеръ, сочинившій ихъ, держался въ нихъ двухъ принциповъ, которые служили для него исходнымъ пунктомъ уже въ 1536 г. и изъ которыхъ одинъ состоялъ въ томъ, что священное писаніе содержитъ въ себѣ все,

что необходимо знать человѣку, а другой — въ томъ, что прощеніе грѣховъ зависитъ исключительно только отъ заслугъ Искупителя и вѣры въ Него. Также было приложено стараніе и къ тому, чтобы искоренить изъ умовъ понятія объ обязательной силѣ преданій и іерархическіе взгляды о спасительности внѣшнихъ добрыхъ дѣлъ. Цѣлямъ архіепископа содѣйствовали краснорѣчивые и усердные проповѣдники, каковы, напр., Матью Паркеръ, Джонъ Ноксъ, Гуфъ Латимеръ, въ особенности послѣдній, который былъ выпущенъ изъ Тоуэра хотя съ разстроеннымъ здоровьемъ, но съ неослабленною умственною силой. То обстоятельство, что онъ отстаивалъ свое ученіе даже во времена преслѣдованія, его убѣдительность и его почтенный возрастъ удвоивали дѣйствіе его проповѣдей.

Но о положительной реформѣ не могло быть и рѣчи до тѣхъ поръ, пока сохраняли силу шесть статей съ ихъ строгими наказаніями. Въ парламентѣ, избранномъ подъ вліяніемъ новаго правительства, не нужно было продолжительныхъ преній, чтобы достигнуть отмѣны этихъ статей. Протекторъ увѣрялъ, что его просили объ этомъ самымъ настоятельнымъ образомъ, ибо всякій чувствовалъ стѣсненіе отъ этихъ статей.

Теперь проложило себѣ дорогу одно изъ тѣхъ популярныхъ мнѣній, которыя въ большихъ собраніяхъ нерѣдко производятъ бо́льшее дѣйствіе, чѣмъ длинныя доказательства, именно — убѣжденіе, что сродство между ученіемъ и авторитетомъ слишкомъ сильно для того, чтобы можно было отдѣлиться отъ Рима, не уклоняясь отъ его ученія; нужно вести разрывъ дальше, чтобы онъ былъ проченъ, и отказаться также и отъ іерархическаго ученія. И такимъ то образомъ, по единодушному рѣшенію конвокаціи, утвержденному парламентомъ, было принято нововведеніе, характеризующее всѣ церкви, наиболѣе уклоняющіяся отъ римской, именно — причащеніе подъ обоими видами.

Собственно изъ этого возникло въ Англіи преобразованіе всего богослуженія. Къ слѣдующей же пасхѣ (1548 г.) была составлена новая форма для таинства причащенія на англійскомъ языкѣ. Къ ней была прибавлена, по желанію, выраженному молодымъ королемъ, новая, обнимавшая домашнія и церковныя службы, литургія, въ которую включена была исправленная литанія Генриха VIII, всеобщій молитвенникъ. Относительно ученія реформаторскія тенденціи взяли перевѣсъ, и теперь было устранено одно изъ самыхъ любимыхъ положеній, которое постановляло необходимость устной исповѣди: было предоставлено собственному усмотрѣнію каждаго дѣлать устную исповѣдь, или не дѣлать ея. Иногда старались снова вводить то, что въ послѣднее время вышло изъ употребленія, и возвращались къ англійскимъ обычаямъ. Всеобщій молитвенникъ есть настоящій памятникъ религіознаго чувства этого времени, его учености и утонченности, его осторожности и рѣшительности. Въ парламентѣ 1549 г. онъ былъ принятъ съ восторгомъ: говорили даже, что онъ составленъ по внушенію духа Божія. Вышло распоряженіе, чтобы онъ употреблялся во всѣхъ церквахъ страны, и всѣ другія литургіи были уничтожены; онъ питалъ и назидалъ національную религіозность англійскаго народа.

Правительство утверждало, что оно во всемъ осуществляетъ только намѣренія покойнаго короля, обнаруженныя имъ нѣсколько лѣтъ назадъ и потомъ снова заявленныя; соотвѣтственно этому, Сомерсетъ рѣшился привести въ исполненіе еще другое намѣреніе его, имѣвшее связь съ его религіозными воззрѣніями.

Въ 1542 г. Генрихъ VIII условился съ нѣкоторыми могуществен-

ными магнатами Шотландіи насчетъ того, чтобы преобразовать церковь и въ этой странѣ, прервать всякія сношенія съ Франціей и, если можно, перевезти молодую королеву въ Англію, чтобы здѣсь выдать ее замужъ за своего сына Эдуарда VI. Намѣреніе это не осуществилось вслѣдствіе различныхъ препятствій, но идея соединить Англію и Шотландію въ одно большое протестантское государство была этимъ пущена въ свѣтъ и не могла быть устранена. Честолюбивая мысль осуществить ее наполняла душу Сомерсета. Еще лѣтомъ 1547 г., поднимая оружіе, онъ надѣялся заставить признать древнюю верховную власть Англіи надъ Шотландіей, приготовить посредствомъ брачнаго союза будущее соединеніе двухъ странъ и уничтожить партію, которая противодѣйствовала вторженію протестантизма. Онъ мечталъ слить эти два народа въ одинъ посредствомъ династическаго и конфессіональнаго союза. И опекаемый имъ король смотрѣлъ на дѣло, главнымъ образомъ, съ религіозной точки зрѣнія. „Они сражаются за папу,—писалъ Эдуардъ VI протектору, находившемуся въ походѣ, — мы же сражаемся за дѣло Божіе, и нѣтъ сомнѣнія, что мы побѣдимъ".

Углубившись уже далеко въ страну, Сомерсетъ предлагалъ шотландцамъ миръ и свое отступленіе съ тѣмъ единственнымъ условіемъ, чтобы Марія вступила въ бракъ съ Эдуардомъ VI. Но господствующая партія даже не объявила обоихъ предложеній. Дѣло дошло до сраженія при Пинки, въ которомъ Сомерсетъ одержалъ блестящую побѣду. Эта побѣда не мало содѣйствовала утвержденію его славы въ Европѣ: даже въ Шотландіи нѣкоторые пограничные округа принесли присягу на вѣрность королю Эдуарду. Но вообще это возбудило тѣмъ бо̀льшія антипатіи шотландцевъ къ англичанамъ; они не хотѣли и слышать о сватовствѣ, которое предлагается съ оружіемъ въ рукахъ: молодая королева, спустя нѣсколько времени, была увезена во Францію, чтобы вступить въ бракъ съ дофиномъ. Католическіе интересы еще разъ одержали перевѣсъ надъ англійскими и протестантскими.

Да и въ самой Англіи намѣренія и предпріятія Сомерсета не могли не встрѣтить сопротивленія. Въ ней еще сохранились всѣ тѣ элементы, которые нѣкогда сопротивлялись съ такою силою королю Генриху. Когда серьезно было приступлено къ нововведеніямъ лѣтомъ 1549 г., то возстаніе еще разъ запылало полнымъ пламенемъ.

Въ Корнваллисѣ, при снятіи одного образа, возникло волненіе, при которомъ одинъ священникъ убилъ королевскаго коммисара. Безпокойства распространились на Девонширъ, гдѣ священниковъ заставляли служить обѣдни по старому обряду, и затѣмъ процессіи отправились въ поле съ св. дарами, съ крестами и свѣчами. Когда толпы становились довольно многочисленными, чтобы отважиться на открытую демонстрацію, то онѣ прежде всего требовали — кто бы могъ этому повѣрить? — возобновленія шести статей и возстановленія латинской обѣдни, прежняго совершенія таинствъ и возвращенія иконъ. Но и они, однако, не заходили такъ далеко, чтобы требовать возстановленія авторитета римскаго престола, какъ бунтовщики при Генрихѣ VIII; но они вообще настаивали на признаніи вселенскихъ соборовъ и древнихъ церковныхъ положеній. Отнятыя церковныя имущества должны быть возвращены, по крайней мѣрѣ, на половину; въ каждомъ графствѣ должно существовать, хотя бы два аббатства. Но особенный характеръ сообщило этому движенію еще другое обстоятельство. Отчужденіе общинныхъ земель для превращенія ихъ въ луга, на что постоянно жа-

ловались крестьяне [1]), продолжалось попрежнему, и, кромѣ того, дворянство, въ сильной степени пользовавшееся плодами секуляризаціи, распространялось по вновь пріобрѣтеннымъ помѣстьямъ. Такимъ образомъ, съ тенденціями церковнаго возстановленія, какъ нѣкогда съ идеями совершенно другого рода, соединилось теперь движеніе крестьянъ противъ дворянства. Востокъ и западъ возстали одновременно по различнымъ мотивамъ. Одинъ изъ наиболѣе почтенныхъ предводителей возстанія, по имени Кетъ, ремесломъ кожевникъ, поселился на холмѣ близъ Норвича подъ дубомъ, который и назвалъ дубомъ реформы; ежедневно онъ приказывалъ совершать здѣсь обѣдню по старому обряду, но въ то же время онъ думалъ и о преобразованіи государства въ демократическомъ смыслѣ. Возникли самыя фантастическія ожиданія. Вездѣ находило себѣ вѣру пророчество, по которому король и дворянство будутъ истреблены, а новое правительство составятъ четыре губернатора, избранные общинами. И горе тому, кто станетъ отговаривать крестьянъ отъ ихъ намѣренія! Противъ одного проповѣдника, который пытался это сдѣлать, они навели уже свои луки, и онъ едва спасся. Сопротивляться регулярной силѣ государства они въ этотъ разъ были еще менѣе способны, чѣмъ при Генрихѣ VIII. Въ Девонширѣ они были побѣждены лордомъ Росселемъ, родоначальникомъ герцоговъ Бедфордскихъ, а въ Норфолькѣ, гдѣ они имѣли наибольшую силу, Джономъ Дудлеемъ, графомъ Варвикомъ. Подъ знаменами ихъ мы находимъ также и нѣмецкія войска, которыхъ не коснулись національныя симпатіи и которыя преслѣдовали въ бунтовщикахъ только враговъ протестантизма. Правительство одержало полную побѣду.

Мятежное движеніе было подавлено; однако оно снова произвело потрясающее дѣйствіе на внутреннія дѣла, которое на этотъ разъ коснулось и самаго главы государства.

Между англійскими государственными людьми не было ни одного, который бы столь живо былъ проникнутъ идеей монархической власти, какъ протекторъ Сомерсетъ. Онъ исходилъ изъ того мнѣнія, что въ рукахъ помазаннаго короля соединяется религіозный и политическій авторитетъ въ силу его божественныхъ правъ. Сохранилась молитва, съ которою онъ ежедневно обращался къ Богу: она проникнута сознаніемъ того, что ему, намѣстнику и опекуну короля, вмѣстѣ съ руководствомъ его поручено и управленіе всѣми дѣлами. Такъ смотрѣлъ на это и самъ молодой король. Сомерсетъ не думалъ стѣснять себя тайнымъ совѣтомъ, такъ какъ отвѣтственность за государственное управленіе лежала на немъ, а не на комъ другомъ. Онъ считалъ своимъ правомъ удалять, по своему усмотрѣнію, членовъ его, оказывавшихъ сопротивленіе ему. Протекторъ взялъ исключительно въ свои руки всѣ внѣшнія и внутреннія дѣла. Никого не спрашивая, онъ замѣщалъ министерскія и гражданскія должности и одинъ давалъ аудіенціи иностраннымъ посланникамъ. Въ своемъ домѣ онъ устроилъ палату прошеній, которая не мало вмѣшивалась въ дѣла канцелярій. Сомерсетъ своимъ личнымъ усердіемъ проложилъ свободную дорогу протестантскому направленію, которое возникло при Генрихѣ VIII, и придалъ англійскому правленію протестантскій характеръ. Онъ поставилъ въ связь съ этимъ не только присоединеніе Шотландіи къ Англіи, но еще другую, для самой Англіи чрезвычайно важную мысль. Онъ хотѣлъ освободить религіозную реформу отъ антипатій простого

[1]) Объ этомъ см. статью Чанnея во II томѣ „Хрестоматіи“. *Прим. Ред.*

народа, обнаружившихся въ то время. Во время упомянутыхъ смутъ онъ открыто сталъ на сторону требованій общинъ: онъ былъ противъ уничтоженія общиннаго землевладѣнія и говорилъ, что этихъ людей за ихъ возстаніе не нужно притѣснять до такой степени, чтобы имъ оставалось выбирать только между голодной смертью и бунтомъ. Казалось, какъ будто онъ желаетъ посредствомъ своего вліянія провести въ слѣдующемъ парламентѣ законодательную мѣру въ пользу общинъ.

Но этимъ онъ неизбѣжно возбуждалъ неудовольствіе въ аристократіи. Его обвиняли въ томъ, что своими прокламаціями, издаваемыми вопреки тайному совѣту, онъ самъ подалъ поводъ къ безпокойствамъ и не только ничего не сдѣлалъ для ихъ подавленія, но, напротивъ, поддерживалъ мятежниковъ и принялъ ихъ подъ свою защиту. Безъ сомнѣнія, это было причиною, почему походъ противъ бунтовщиковъ въ Норфолькѣ былъ порученъ не ему, какъ онъ этого желалъ, но, по нѣкоторомъ колебаніи, знатнѣйшему изъ его соперниковъ, Джону Дудлею, графу Варвику. Побѣда, одержанная послѣднимъ при живомъ участіи дворянства, которое защищало свое собственное дѣло, была пораженіемъ для Сомерсета. Даже тѣ, которые не вѣрили его личному участію въ движеніяхъ, упрекали его, однако, за то, что онъ дозволилъ народу предписывать условія ему и его правительству: простой народъ хочетъ быть королемъ. Финансовыя затрудненія, возникшія вслѣдствіе измѣненія монеты, несчастный исходъ войны противъ Франціи также помогли тому, что его противники получили перевѣсъ въ тайномъ совѣтѣ. Послѣ нѣкотораго колебанія, къ какой бы сторонѣ ему примкнуть, онъ долженъ былъ покориться. Ему однако удалось на этотъ разъ спасти свою жизнь: спустя нѣсколько времени онъ вышелъ изъ тюрьмы и снова вступилъ въ тайный совѣтъ; затѣмъ онъ еще разъ сдѣлалъ попытку съ помощью народа снова захватить высшую власть и тѣмъ навлекъ на себя исполненіе страшнаго приговора своей судьбы. Народъ, который видѣлъ въ немъ своего вождя, во время его казни показалъ громкое и сердечное участіе къ нему.

При первомъ паденіи Сомерсета говорили, что Карлъ V содѣйствовалъ этому паденію, и это было бы весьма понятно, потому что для этого государя ничего не могло быть непріятнѣе, какъ видѣть укрѣпленіе въ Англіи протестантизма, противъ котораго онъ боролся въ Германіи: несомнѣнно, что при дворѣ въ Брюсселѣ съ радостью привѣтствовали государственную перемѣну въ Англіи.

Въ первое время новое правительство заняло враждебное положеніе относительно Франціи; но вскорѣ потомъ графъ Варвикъ, ставшій теперь во главѣ управленія съ титуломъ герцога Нортумберландскаго, долженъ былъ заключить миръ съ этой державой, по которому онъ отказался отъ Булони и предоставилъ Шотландію французскому вліянію. Одна статья мирнаго договора содержала въ себѣ косвенный отказъ отъ задуманной женитьбы англійскаго короля на шотландской королевѣ.

Къ моментамъ, которые опредѣляли всемірно-историческое движеніе, принадлежитъ вообще личное настроеніе этого государя, какъ ни молодъ онъ былъ еще. Сомерсетъ держалъ его довольно строго; но герцогъ Нортумберландскій далъ ему большую свободу, позволилъ ему распоряжаться его собственной кассой и любилъ, когда онъ дѣлалъ подарки и велъ себя по-королевски; онъ заботился о томъ, чтобы ему оказывалось безпрекословное повиновеніе. До сихъ поръ Эдуардъ почти исключительно занимался ученіемъ; а теперь слѣдовали рыцарскія упражненія, къ кото-

рымъ у него также были способности: онъ умѣло ѣздилъ верхомъ, натягивалъ лукъ и владѣлъ копьемъ такъ же хорошо, какъ всякій другой молодой человѣкъ его возраста. Но при этомъ не забывалось и ученіе. Эдуардъ VI имѣлъ необыкновенныя для своего возраста и разностороннія познанія; кромѣ того, оставшіяся послѣ него письменныя упражненія доказываютъ рѣдкое умственное образованіе. То, напр., что онъ писалъ объ его отношеніяхъ къ его дядямъ, обоимъ Сеймурамъ, свидѣтельствуетъ о вѣрномъ, можно даже сказать, чистомъ пониманіи этихъ отношеній и доказываетъ необыкновенную сообразительность. Но занятія ученіемъ и религія совмѣщались для него другъ съ другомъ: онъ болѣе и болѣе становился протестантомъ; все его честолюбіе стремилось къ тому, чтобы по своему положенію и по своей силѣ стать во главѣ протестантскаго міра. Герцогъ не могъ бы осмѣлиться противодѣйствовать теченію реформы.

Въ бѣдственные дни, послѣ пораженій въ Шмалькальденской войнѣ, Англія считалась убѣжищемъ евангелія; въ ней съ радостью принимали бѣжавшихъ ученыхъ, содѣйствіе которыхъ было весьма желательно въ борьбѣ противъ все еще очень сильнаго католичества. Во дворцѣ Кранмера, въ Ламбесѣ, собирались итальянцы, французы, поляки, швейцарцы, нѣмцы верхней и нижней Германіи; государственный секретарь Вильямъ Сесиль, получившій образованіе на службѣ у протектора и по его паденіи удержавшій свое мѣсто, доставилъ имъ поддержку короля. Мартинъ Буцеръ и Павелъ Фагіусъ получили мѣста въ Кембриджѣ, а Петръ Мартиръ—въ Оксфордѣ; здѣсь на большомъ диспутѣ онъ побѣдоносно защитилъ кальвинистское ученіе о евхаристіи. Въ прежнихъ мѣстахъ католическаго богослуженія, Кентербери и Гластонбери, были валлонскія и французскія церкви; Іоганнъ Ласкій проповѣдывалъ въ августинской церкви въ Лондонѣ. Съ не меньшей энергіей, чѣмъ эти иностранцы, и туземцы, возвратившіеся изъ ссылки, боролись за воззрѣнія, господствующія на континентѣ. Среди этихъ вліяній нельзя уже было, согласно съ намѣреніемъ, принятымъ въ 1536 г., остановиться на ученіи въ томъ видѣ, какъ оно было развито павшею теперь виттенбергскою школою. Разница выступаетъ очень рѣзко, если сравнить всеобщій молитвенникъ 1549 г. съ исправленнымъ изданіемъ его 1552 г. И въ Англіи первоначально твердо держались ученія о дѣйствительномъ пресуществленіи тѣла Христа въ евхаристіи: Кранмеръ въ своемъ катехизисѣ формально высказался за него; въ формулѣ первой книгѣ, составленной по Амвросію и Григорію, было удержано это же представленіе. Но потомъ въ Англіи убѣдились, что это ученіе въ христіанской древности господствовало не такъ безусловно, какъ это до тѣхъ поръ принималось; по примѣру ученѣйшаго изъ протестантскихъ епископовъ, Ридлея, многіе отказались отъ ученія о дѣйствительномъ пресуществленіи; въ новомъ всеобщемъ молитвенникѣ было даже вставлено полемическое замѣчаніе противъ него. Сначала по собственному побужденію, а потомъ и съ одобренія тайнаго совѣта, протестантски настроенные епископы вынесли изъ церквей престолы и на мѣсто ихъ поставили для совершенія евхаристіи деревянные столы, такъ какъ со словомъ престолъ въ алтарѣ соединялось понятіе о жертвѣ.

Вопросъ объ отношеніи между государствомъ и церковью, изъ котораго въ Англіи возникло все, иначе и не могъ быть рѣшенъ, какъ совершенно въ пользу свѣтскихъ принциповъ. Конечно, вполнѣ вѣрно, что Кранмеръ держался понятія объ объективномъ значеніи видимой церкви. Когда были измѣнены обряды, при которыхъ католическая церковь со-

общала духовное рукоположеніе, то при этомъ только были уничтожены мистическіе обычаи и возстановленъ былъ обрядъ, развившійся въ болѣе раннюю эпоху, особенно въ африканской церкви. Но весьма важнымъ нововведеніемъ было то, что желавшихъ принять рукоположеніе сначала спрашивали, согласно ли ихъ внутреннее призваніе съ волею Искупителя и съ закономъ страны; они должны были признать принципъ, что писаніе содержитъ въ себѣ все, что человѣку необходимо знать, и дать обѣщаніе противиться ученіямъ, несогласнымъ съ писаніемъ. Считалось нужнымъ, и это всегда имѣло большое значеніе, чтобы въ преобразованіяхъ принимали участіе конвокаціи клира, коммисія изъ духовенства, архіепископъ-примасъ и нѣсколько епископовъ; но рѣшительныя распоряженія исходили отъ парламента, съ которымъ со времени Генриха VIII связана была неразрывно и духовная власть, иногда же отъ одного тайнаго совѣта. Чтобы имѣть основныя правила новаго ученія, приступлено было къ сочиненію символа вѣры, который и составленъ былъ изъ 42 членовъ. Было желаніе, чтобы Меланхтонъ принялъ въ этомъ личное участіе; по крайней мѣрѣ, его работы имѣли большое вліяніе на формулированіе символа. Эти члены принадлежали къ числу тѣхъ исповѣданій, какія въ то время были составлены въ Саксоніи Меланхтономъ, въ Швабіи Бренцомъ для представленія на соборъ. Исповѣданіе имѣло то значеніе, что посредствомъ его Англія вступила въ тѣснѣйшее общеніе съ протестантскимъ континентомъ. Оно было произведеніемъ Кранмера, которому поручили составленіе его король и тайный совѣтъ и который представилъ свой трудъ сначала учителю короля—Чеке и государственному секретарю Сесилю, а потомъ и королю. При содѣйствіи нѣсколькихъ капеллановъ ему дана была окончательная форма, и затѣмъ тайный совѣтъ приказалъ утвердить его подписью. Вліяніе правительства на замѣщеніе епископскихъ вакансій стало съ этихъ поръ еще замѣтнѣе; епископовъ держали на мѣстахъ до тѣхъ поръ, пока они вели себя хорошо, т.-е. пока ими были довольны господствовавшія власти. Церковное правосудіе отправлялось не отъ имени епископской власти, но, подобно свѣтскому, отъ имени короля и съ королевской печатью. Когда приступлено было къ пересмотру церковныхъ законовъ, то высшимъ принципомъ принято было правило не допускать въ нихъ ничего, что противорѣчитъ свѣтскимъ законамъ. Пользованіе правомъ вязать и разрѣшать Кранмеръ обусловливалъ дозволеніемъ государя. Противъ этой все увеличивавшейся зависимости возстали нѣкоторые преданные старинѣ епископы; чтобы не быть въ необходимости оспаривать супрематъ, который они признали, они выставляли положеніе, что король не можетъ пользоваться супрематомъ по своему несовершеннолѣтію; они допускали, чтобы въ малыхъ капеллахъ ихъ каѳедральныхъ церквей служились прежнія обѣдни, не соглашались на замѣну престоловъ и алтарей столами для евхаристіи или поддерживали споры о религіозныхъ ученіяхъ. Правительство, съ своей стороны, настаивало на проведеніи однообразія. Оно предавало непокорныхъ суду коммисіи, состоявшей изъ свѣтскихъ и духовныхъ сановниковъ, и не задумывалось приговаривать епископовъ къ низложенію — участь, которой подверглись Гардинеръ въ Винчестерѣ, Боннеръ въ Лондонѣ, Дей въ Чичестерѣ, Гитъ въ Ворчестерѣ. Напрасно они возражали, что судъ, которому ихъ подвергли, не имѣлъ каноническаго характера: правительство ссылалось на всеобщія права свѣтской власти, какими пользовались нѣкоторые римскіе императоры. Въ борьбѣ церковныхъ мнѣній протестантски-настроенные прелаты одержали теперь верхъ. Многіе, не желавшіе

подчиниться однообразію (нонконформисты), купили терпимость со стороны правительства деньгами или имуществомъ. Въ другихъ мѣстахъ вновь поступавшіе епископы соглашались на пожертвованія, которыя не всегда шли въ пользу короны, но иногда, какъ, напр., въ Личфильдѣ, въ пользу частныхъ лицъ. Уже поднятъ былъ вопросъ, дѣйствительно ли есть существенное различіе между епископами и пресвитерами (священниками): въ Лондонѣ устроена была церковь для иностранцевъ, чтобы она служила для страны достойнымъ подражанія образцомъ чисто апостольскаго устройства. Правительство, до такой степени овладѣвшее духовенствомъ, проникнуто было явнымъ нерасположеніемъ къ старымъ формамъ церковнаго устройства. Могъ ли кто-нибудь предсказать, куда поведетъ все это, если дѣло пойдетъ тѣмъ же путемъ, на какой оно было разъ поставлено?

LXV. Особенности англиканской церкви и отношеніе ея къ коронѣ.

(Изъ соч. Маколея: «Исторія Англіи», ч. I, въ русск. переводѣ).

Генрихъ VIII попытался учредить англиканскую церковь, отличную отъ церкви римско-католической въ отношеніи верховности (supremacy), и только въ одномъ этомъ отношеніи. Успѣхъ его въ этой попыткѣ былъ чрезвычайный. Сила его характера, особенно благопріятное положеніе, въ какомъ онъ находился относительно иностранныхъ державъ, несмѣтныя богатства, какія поступили въ его распоряженіе вслѣдствіе ограбленія монастырей, дали ему возможность идти наперекоръ крайнимъ поборникамъ и протестантизма, и католицизма—жечь, какъ еретиковъ, всѣхъ, кто исповѣдывалъ догматы реформаторовъ, и вѣшать, какъ измѣнниковъ, всѣхъ, кто признавалъ авторитетъ папы. Но система Генриха скончалась съ нимъ. Новое правительство должно было или подчиниться Риму, или пріобрѣсти помощь протестантовъ. Правительство и протестанты имѣли одно лишь общее между собою—ненависть къ папской власти. Англійскіе реформаторы горѣли желаніемъ ни въ чемъ не отставать отъ своихъ братьевъ на материкѣ. Они единодушно осуждали многіе догматы и обычаи Римской церкви, какъ противохристіанскіе, которыхъ Генрихъ упорно держался. Многіе чувствовали сильное отвращеніе даже къ неважнымъ вещамъ, составлявшимъ часть внутренняго устройства или внѣшнихъ обрядовъ церкви. Такъ, епископъ Гуперъ, который умеръ въ Глостерѣ за свою религію, долго отказывался носить епископскія ризы. Епископъ Ридли ниспровергъ древніе алтари своей епархіи и приказалъ давать причастіе посреди церквей. Епископъ Понетъ былъ того мнѣнія, чтобы слово епископъ оставить папистамъ, а главныхъ служителей очищенной церкви называть суперъинтендантами. Принимая во вниманіе, что ни одинъ изъ этихъ прелатовъ не принадлежалъ къ крайнему отдѣлу протестантской партіи, нельзя сомнѣваться въ томъ, что, будь общее настроеніе этой партіи доведено до всѣхъ своихъ послѣдствій, дѣло реформы совершилось бы въ Англіи такъ же безпощадно, какъ и въ Шотландіи.

Но какъ правительство нуждалось въ помощи со стороны протестантовъ, такъ и протестанты нуждались въ защитѣ со стороны прави-

тельства. Много, поэтому, было уступокъ съ обѣихъ сторонъ; союзъ былъ заключенъ, и плодомъ этого союза была англиканская церковь.

До сихъ поръ устройство, ученіе и богослуженіе англиканской церкви сохраняютъ видимые знаки соглашенія, изъ котораго она возникла. Она занимаетъ средину между церквами римскою и кальвинскою. Ея учительныя исповѣданія и разсужденія, сочиненныя протестантами, установляютъ богословскія начала, въ которыхъ Кальвинъ и Ноксъ едва нашли бы нужнымъ осудить какое-нибудь слово.

Римская церковь утверждала, что епископство было божественнымъ установленіемъ, и что извѣстная доля сверхъестественной благодати высокаго разряда перешла, посредствомъ рукоположенія, черезъ пятьдесятъ поколѣній, отъ одиннадцати, пріявшихъ порученіе на горѣ Галилейской, къ епископамъ, собиравшимся въ Тридентѣ. Съ другой стороны, огромная масса протестантовъ считала прелатство положительно незаконнымъ и убѣждала самое себя, что она нашла совершенно иную форму церковнаго правленія, предписанную въ св. писаніи. Основатели англиканской церкви избрали средину. Они удержали епископство, но не объявляли его установленіемъ, существеннымъ для блага христіанскаго общества или для дѣйствительности таинствъ. Кранмеръ въ одномъ важномъ случаѣ открыто выразилъ свое убѣжденіе, что въ первоначальныя времена не было никакого различія между епископами и священниками и что рукоположеніе было совершенно лишнимъ.

У пресвитеріанъ отправленіе общественнаго богослуженія въ значительной степени предоставлено священнослужителю. Поэтому ихъ молитвы не совершенно одинаковы въ двухъ различныхъ собраніяхъ одного и того же дня, или въ два разные дня въ одномъ и томъ же собраніи. Въ одномъ приходѣ онѣ горячи, краснорѣчивы, исполнены смысла; въ слѣдующемъ приходѣ онѣ могутъ быть вялы или нелѣпы. Священники римско-католической церкви, напротивъ, въ теченіе многихъ поколѣній ежедневно пѣли одни и тѣ же древніе псалмы покаяній, литаніи и благодарственныя молитвы — въ Индіи и Литвѣ, въ Ирландіи и Перу. Ихъ богослуженіе, совершаемое на мертвомъ языкѣ, понятно только ученымъ; значительное же большинство прихожанъ, можно сказать, присутствуетъ скорѣе въ качествѣ зрителей, нежели въ качествѣ слушателей. Здѣсь опять англиканская церковь избрала средину. Она заимствовала римско-католическіе образцы молитвъ, но перевела ихъ на общенародный языкъ и предложила безграмотной толпѣ присоединить свой голосъ къ голосу священнослужителя.

Въ каждой части ея системы можно прослѣдить ту же самую политику. Она требовала, къ омерзенію пуританъ, чтобы чада ея принимали памятные знаки божественной любви, употребляемые при таинствѣ евхаристіи, смиренно преклоняя колѣни. Отвергнувъ многія богатыя ризы, окружавшія алтари древней вѣры, она, однако, къ ужасу слабыхъ умовъ, удержала бѣлое полотняное облаченіе, эмблему чистоты, принадлежавшей ей, какъ таинственной невѣстѣ Христа. Отвергнувъ тьму пантомимныхъ жестовъ, которые въ римско-католическомъ богослуженіи замѣняютъ собою понятныя слова, она, однако, приводила многихъ суровыхъ протестантовъ въ соблазнъ, осѣняя только-что воспріимтаго отъ купели младенца знаменіемъ креста. Англиканская церковь, не признавая святыхъ, назначила, однако, особенные дни для поминовенія нѣкоторыхъ великихъ подвижниковъ и мучениковъ вѣры. Она удержала мѵропомазаніе и рукоположеніе, какъ назидательные обряды, но перестала считать ихъ таин-

ствами. Исповѣдь не входила въ ея систему. Тѣмъ не менѣе, англиканская церковь кротко предлагала умирающему покаяннику исповѣдать свои прегрѣшенія священнику и уполномочивала своихъ служителей утѣшать отходящую душу прощеніемъ грѣховъ, отъ котораго такъ и вѣетъ духомъ древней религіи. Вообще можно сказать, что она обращается къ уму и менѣе къ чувствамъ и воображенію, нежели римская церковь, и менѣе къ уму, но болѣе къ чувствамъ и воображенію, нежели протестантскія церкви Шотландіи, Франціи и Швейцаріи.

Ничто, однако, не отличало такъ рѣзко англиканскую церковь отъ прочихъ церквей, какъ отношеніе, въ которомъ она находилась въ монархіи. Король былъ ея главою. Предѣлы власти, которою онъ обладалъ, какъ глава церкви, не были обозначены и дѣйствительно никогда еще не обозначались съ точностью. Законы, провозгласившіе его верховнымъ владыкою въ дѣлахъ церковныхъ, были начертаны грубо и въ общихъ выраженіяхъ. Если мы, для опредѣленія смысла этихъ законовъ, изслѣдуемъ книги и жизнь тѣхъ, которые основали англиканскую церковь, наше затрудненіе еще болѣе увеличится. Основатели англиканской церкви писали и дѣйствовали въ вѣкъ сильнаго умственнаго броженія и постояннаго дѣйствія и противодѣйствія. Они поэтому часто противорѣчили другъ другу, а иногда противорѣчили и самимъ себѣ. Всѣ они единогласно утверждали, что король послѣ Христа былъ единственнымъ главою церкви; но эти слова въ различныхъ устахъ и даже въ однѣхъ и тѣхъ же устахъ при различныхъ обстоятельствахъ имѣли весьма различныя значенія. Иногда государю приписывалась власть, которая удовлетворила бы Гильдебранда; иногда же она умалялась до того, что становилась немногимъ болѣе той власти, какую присвоивали себѣ многіе древніе англійскіе государи, находившіеся въ постоянномъ общеніи съ римскою церковью. То, что Генрихъ и его любимые совѣтники разумѣли одно время подъ верховностью, было, конечно, не менѣе, чѣмъ полное могущество ключей. Король долженствовалъ быть папою своего королевства, намѣстникомъ Бога, истолкователемъ каѳолической истины, каналомъ таинственной благодати. Онъ присвоилъ себѣ право рѣшать догматически, что было правовѣрнымъ ученіемъ и что было ересью, начертывать и предписывать исповѣданія вѣры и давать религіозныя наставленія своему народу. Онъ провозглашалъ, что вся юрисдикція, какъ духовная, такъ и свѣтская, исходитъ отъ него одного, и что въ его власти жаловать и отнимать епископскій санъ. И дѣйствительно, онъ повелѣлъ прилагать свою печать къ патентамъ о назначеніи епископовъ, которые должны были отправлять свои обязанности въ качествѣ его уполномоченныхъ и пока на то была его добрая воля. По этой системѣ, какъ изложилъ ее Кранмеръ, король былъ не только свѣтскимъ, но и духовнымъ главою націи. Въ томъ и другомъ качествѣ его величество нуждался въ намѣстникахъ. Какъ назначалъ онъ гражданскихъ чиновниковъ хранить его печать, собирать его доходы и отправлять его именемъ правосудіе, такъ назначалъ онъ духовныхъ различныхъ степеней проповѣдывать евангеліе и совершать таинства. Въ рукоположеніи не было надобности. Король,— таково было мнѣніе Кранмера, выраженное самыми ясными словами, — могъ, въ силу власти, полученной отъ Бога, назначить священника; а священникъ, такимъ образомъ назначенный, не нуждался ни въ какомъ посвященіи.

---

6. СЕКТАНТСКОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ ВѢКЪ РЕФОРМАЦІИ.

LXVI. Секты въ эпоху реформаціи XVI в.

(Изъ соч. Ч. Бэрда: «Реформація XVI в. въ ея отношеніи къ новому мышленію и знанію». Переводъ Е. А. Звягинцева).

На секты эпохи реформаціи обыкновенно смотрятъ какъ на позоръ великаго и благодѣтельнаго религіознаго движенія. Въ 1522 году цвиккаускими пророками была сдѣлана попытка захватить въ свои руки исполненіе задачъ реформаціи. Послѣдующія стадіи этой попытки соединены съ именами Карльштадта и Мюнцера; и то, и другое стояло въ прямой связи съ крестьянской войной 1525—26 гг., а послѣдняя поколебала общественное устройство Германіи въ самомъ его фундаментѣ и серьезно повредила дѣлу Лютера, во многомъ измѣнила его ходъ. Потомъ взятіе Мюнстера перекрещенцами въ 1535 году,—пустая, нечестивая пародія на царство Божіе, которую они тамъ сыграли, и кровь, которою разрѣшился въ концѣ концовъ ихъ пылкій фанатизмъ, сдѣлали имя перекрещенцевъ пугаломъ во всякой европейской странѣ, гдѣ боролись старыя идеи съ новыми. Между тѣмъ философу-историку непозволительно пройти мимо подобныхъ явленій. Иные благочестивые протестанты могли увѣрять, будто по примѣру того, какъ добродѣтель у Аристотеля есть средина между двумя крайностями порока, такъ и реформація стоитъ въ золотой срединѣ вѣчной истины и справедливости между дурными сторонами католицизма, съ одной стороны, и анабаптизмомъ и раціонализмомъ — съ другой. Нѣсколько болѣе глубокомысленные протестанты пытаются освободить реформацію отъ ея собственныхъ уродливыхъ чертъ другимъ путемъ: они слѣдятъ за этими чертами до самаго ихъ начала, коренившагося въ особенностяхъ религіозной мысли въ Германіи 14-го и 15-го вѣковъ. Но немного болѣе детальное изслѣдованіе покажетъ, что это—только часть правды. Эти секты реформаціоннаго періода представляли тѣ стремленія человѣческаго духа, которыя выражаются въ религіозномъ мистицизмѣ и аскетизмѣ, при чемъ онѣ не свойственны какому-либо одному столѣтію, но въ различной формѣ появляются почти въ любомъ вѣкѣ. Онѣ преслѣдовали свои принципы слишкомъ односторонне, до крайности; онѣ не замѣчали другихъ руководящихъ и контролирующихъ силъ; онѣ не отличались большой способностью къ организаціи и дисциплинѣ; но не всегда ихъ вожди заблуждались, не всегда и Лютеръ былъ правъ въ своихъ нападкахъ на нихъ. Неумѣло и по-дѣтски — да иначе и невозможно было въ тотъ вѣкъ полузнанія и несовершенныхъ методовъ мышленія—сектанты ухватились за цѣлую совокупность принциповъ, которымъ съ теченіемъ времени суждено было играть все большую и большую роль въ развитіи религіозной мысли и жизни. Именно они сознали истины, упущенныя и отвергнутыя реформаціей, хотя съ этими истинами она когда-либо примирится, разъ желаетъ завершить свое дѣло.

Старый христіанскій мистицизмъ въ Германіи, представителями ко-

тораго мы можемъ считать Таулера и автора „Theologiae Germanicae“, имѣлъ значительную долю вліянія въ развитіи религіозныхъ взглядовъ Лютера. Оправданіе вѣрой, по крайне мѣрѣ, въ своей самой первоначальной, наиболѣе глубокой и высокой формѣ, представляетъ собою настоящее мистическое ученіе; т.-е. оно ставитъ душу въ непосредственное соприкосновеніе съ ея божественнымъ объектомъ и отъ такого соприкосновенія ожидаетъ всѣхъ плодовъ религіозной жизни. А для церковной организаціи оно не предъявляетъ никакихъ требованій. Оно есть частное дѣло индивидуальной души. Оно—нѣчто невидимое, исключающее всякій анализъ и не терпящее какого-либо признака общественнаго богопочитанія. Стало-быть, въ этомъ пунктѣ мистики реформаціонной эпохи сходятся съ Лютеромъ. Только тамъ, гдѣ онъ старается построить церковъ на основѣ таинствъ, гдѣ онъ становится на сторону важности внѣшняго церковнаго общенія и вводитъ видимые отличительные признаки для своихъ послѣдователей, тамъ они оставляютъ его. И все-таки мистицизмъ сравнительно мало что имѣетъ возразить противъ евхаристіи; онъ, напротивъ, находитъ для себя радость во внѣшнихъ символахъ, которые при истолкованіи вѣры помогаютъ выразить невыразимое по самому существу; онъ можетъ, конечно, выставить свой собственный взглядъ на евхаристію, но онъ не чувствуетъ себя вынужденнымъ ее отрицать. Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ крещеніемъ дѣтей. Здѣсь не можетъ быть той живой вѣры, которая воспринимаетъ божественную благодать таинства. Если младенецъ вообще получаетъ благодать, то это должно произойти благодаря какому-то чисто внѣшнему процессу, что противорѣчитъ основнымъ принципамъ мистической религіи. Крещеніе взрослыхъ, сознательное воспріятіе христіаниномъ или христіанкой обязанностей апостольства есть, очевидно, нѣчто совершенно иное. Тутъ исполняются всѣ условія истиннаго таинства; здѣсь на лицо благодать Божія, внѣшній символъ и дѣйствительная вѣра. Ясное сознаніе этого различія высвобождаетъ умъ изъ подъ дѣйствія церковнаго обычая и выясняетъ всю слабость и несостоятельность доводовъ въ пользу крещенія младенцевъ. Это не было, слѣдовательно, какимъ-нибудь несущественнымъ догматическимъ моментомъ, это именно обстоятельство и заставило мистицизмъ принять форму перекрещенства. Слово „перекрещенецъ“ употребляется, какъ я уже говорилъ, для обозначенія очень различныхъ фазъ религіозной вѣры. Но вышеуказанное отличіе одно было общимъ у всѣхъ анабаптистовъ.

Перекрещенцы были индивидуалистами реформаціи. Они подняли протестъ противъ церковнаго авторитета и довели протестъ этотъ до крайности. Болѣе здравые изъ нихъ или тѣ, которые, не принадлежа къ нимъ, давали направленіе ихъ религіозной мысли, видѣли ясно различіе между словомъ Божіимъ въ св. писаніи и св. писаніемъ, какъ словомъ Божіимъ, и они не замедлили вывести отсюда самыя послѣднія заключенія. Лютеръ не только отказывалъ человѣческому разуму въ правѣ критиковать св. писаніе, но даже требовалъ, чтобы вѣра заглушала и убивала разумъ; при всемъ этомъ онъ все-таки обосновывалъ авторитетъ библіи на совокупномъ свидѣтельствѣ святого Духа въ сердцѣ вѣрующаго и святого Духа въ книгахъ писанія. Но почему же останавливаться именно въ этомъ пунктѣ? Почему назначеніе Духа въ человѣкѣ ограничивать однимъ опредѣленіемъ авторитета и толкованіемъ библейскихъ преданій? Почему бы Богу и теперь еще не говорить съ человѣкомъ, какъ это онъ дѣлалъ со святыми первыхъ временъ? Другими словами, перекрещенцы, начиная съ цвиккаускихъ пророковъ, несовер-

шенно и полусознательно постигли принципъ непрерывности откровенія; они стали исповѣдывать, что откровеніе, переданное въ св. писаніи, и плоды теперешней религіозной жизни представляютъ различныя фазы одного и того же богоявленія. Даже такой человѣкъ, какъ Мюнцеръ, говоритъ: „Писаніе есть нѣчто иное, а не мертвая буква; человѣкъ долженъ слышать голосъ Отца небеснаго внутри себя. Богъ говоритъ со своими сынами и въ настоящее время, какъ нѣкогда говорилъ съ Исаакомъ и Іаковомъ". Я не могу не признать, что эту точку зрѣнія логически очень трудно оспаривать. Это было первой слабой попыткой обосновать авторитетъ св. писанія, т.-е. разрѣшить ту проблему, которую реформаторы систематически устраняли.

Отношеніе перекрещенцевъ къ св. писанію нельзя опредѣлить какимъ-либо однимъ словомъ. Нѣкоторые изъ тѣхъ, къ кому прилагается обыкновенно это имя, хотя и не вполнѣ правильно, ощупью искали пути къ болѣе глубокой и одухотворенной теоріи, чѣмъ та, какую содержатъ сочиненія реформаторовъ. Но большинство отступало отъ буквы лишь для того, чтобы бродить въ лабиринтѣ незаконнаго аллегорическаго истолкованія. Эти два, очевидно, противоположныхъ принципа перемѣшиваются и переплетаются другъ съ другомъ самымъ удивительнымъ образомъ. Между тѣмъ опытъ всѣхъ вѣковъ христіанства убѣждаетъ, что людямъ стоитъ только пріурочить къ библіи крупные предразсудки и грубые взгляды, и послѣдніе съ полнымъ обаяніемъ непогрѣшимаго авторитета представляются людскому уму. Такъ и анабаптисты думали обосновать всѣ свои сумасбродства на св. писаніи. Николай Шторхъ даже избралъ себѣ 12 апостоловъ и 70 учениковъ. Карльштадтъ бросилъ свое архидіаконство, профессуру, схоластическую философію, надѣлъ мужицкій армякъ и обработывалъ землю подъ именемъ дяди Андрея. Слѣдствіемъ виттенбергскихъ безпорядковъ 1522 года было то, что двѣсти студентовъ, убѣдившись въ безполезности свѣтской науки, покинули университетъ. Иныя послѣдующія формы анабаптизма были еще страшнѣе и при этомъ существовали болѣе продолжительное время. Буллингеръ въ своей тогдашней исторіи говоритъ о нѣкоторыхъ перекрещенцахъ: „Они глядѣли лишь на буквы св. писанія. Поэтому они скитались по странамъ безъ посоха и обуви, безъ сумы и денегъ, и хвастались своимъ небеснымъ призваніемъ проповѣдниковъ. И такъ какъ Господь сказалъ: что вамъ шептали на ухо, то возвѣщайте съ кровли, они взлѣзали на крыши и проповѣдывали съ крышъ. Они мыли также другъ другу ноги, говорили, что съ дѣтьми нужно быть дѣтьми, и потому вели себя ребячески; это было довольно глупо. Даже, такъ какъ Господь сказалъ: „Кто не оставитъ домъ свой и все имущество, тотъ не можетъ быть моимъ ученикомъ", то и они бросали своихъ женъ и дѣтей, домъ и занятіе, кочевали по странѣ, лежали бременемъ для ближнихъ, объѣдая ихъ".

Нѣкоторые носили особую одежду и вели особый образъ жизни, какъ будто хотѣли учредить новый монашескій орденъ; другіе падали въ конвульсіяхъ и корчахъ, причемъ они, по ихъ собственнымъ словамъ, имѣли общеніе съ небомъ; одни проводили жизнь свою въ молчаніи, другіе въ молитвѣ, третьи въ постоянныхъ вопляхъ и плачѣ. Подъ этой разнообразной внѣшностью жили и дѣйствовали чистые импульсы, безъ которыхъ рѣдко обходится эпоха сильнаго религіознаго возбужденія. Ученіе перекрещенцевъ о бракѣ ясно указываетъ на крайность; ихъ безполезно описывать, такъ какъ врядъ ли возможно на нихъ настаивать. Апокалиптическія пророчества о тысячелѣтнемъ царствѣ носились передъ

умами людей, находившихся въ смертельной враждѣ съ государствомъ и церковью, и ободряли къ воспріятію ужасной идеи о той кровавой рѣзнѣ, которая одна можетъ привести окончательно въ царство святыхъ. Словомъ, перекрещенство царило по всей линіи человѣческихъ чувствъ и симпатій, начиная отъ чистаго и благочестиваго энтузіазма Бальтазара Губмайера до разнузданнаго и ужаснаго фанатизма Іоанна Лейденскаго.

Религіозный индивидуализмъ никогда не можетъ создать организаціи; какъ только онъ достигаетъ высшаго пункта развитія, такъ онъ становится силой разъединяющей. Лютеранскій протестантизмъ подъ защитой курфюрстовъ, князей и вольныхъ городовъ, кристаллизовался въ церковь, которая покрыла страну своими приходскими общинами, присвоила себѣ по возможности прежніе церковные доходы и установила свои рамки исповѣданіями вѣры и таинствами; перекрещенство такъ же съ громадной быстротой распространялась по Германіи, Швейцаріи и Голландіи, но всегда разрозненными общинами, болѣе или менѣе тайными обществами; послѣднія были связаны другъ съ другомъ братскими узами, но для взаимной помощи и защиты не были организованы. Установить общее вѣроученіе не было даже попытокъ. Теорія и обычаи въ каждомъ городѣ были свои. Но существовали извѣстные признаки, объясняющіе то отвращеніе, съ какимъ смотрѣли на перекрещенцевъ власть имущіе въ церкви и государствѣ еще тогда, когда мюнстерская катастрофа не пролила своего мрачнаго свѣта на практическіе выводы, скрытые въ ихъ теоріяхъ. Они стояли внѣ всякой церковной организаціи и громко исповѣдывали ея безполезность. Они не крестили своихъ дѣтей; считали грѣхомъ каяться; отказывались нести военную службу. Они не желали признавать обязанностью повиновеніе гражданской власти, которая не была христіанской въ ихъ смыслѣ этого слова. Они полагали, что бракъ между вѣрующимъ мужчиною и невѣрующей женщиной самъ по себѣ недѣйствителенъ и что обѣ стороны свободны для вступленія въ новый бракъ. Новѣйшій протестантизмъ въ нѣкоторыхъ изъ своихъ наиболѣе эксцентричныхъ формъ пріучилъ насъ ко всѣмъ подобнымъ мнѣніямъ, и мы вполнѣ считаемъ допустимымъ, что человѣкъ находится подъ вліяніемъ такихъ колебаній и все-таки честно исполняетъ свои гражданскія обязанности. Но нѣмецкіе государи первой половины 16-го вѣка держались совершенно иныхъ взглядовъ, а богословы большею частью подстрекали ихъ въ дѣлѣ преслѣдованія. Анабаптистъ казался не только еретикомъ, но и плохимъ подданнымъ и заслуживалъ самаго строгаго наказанія за каждое изъ этихъ свойствъ. Естественно, католическіе государи не имѣли никакой жалости къ нимъ; въ Австріи и Тиролѣ они умерщвлялись тысячами; герцогъ Вильгельмъ баварскій сказалъ: „Кто отрекается, будетъ обезглавленъ, кто не отречется, будетъ сожженъ". Мы видимъ, что произошло въ Цюрихѣ при содѣйствіи Цвингли; Бернъ, Базель, Шаффгаузенъ, С.-Галленъ послѣдовали дурному примѣру. Въ 1527 году въ Ротенбургѣ на Неккарѣ некоему Михаилу Шаттлеру отрѣзали языкъ и потомъ сожгли самого. Бальтазаръ Губмайеръ, человѣкъ истинно набожный, несомнѣнно многосторонне-ученый, съ благороднымъ и независимымъ умомъ, былъ казненъ въ Вѣнѣ въ 1528 году. По другимъ мѣстамъ въ теченіе всего этого періода анабаптисты цѣлыми десятками всходятъ на эшафоты и костры, всегда, впрочемъ, съ непоколебимой твердостью, какъ люди, ясно видящіе передъ собой небеса.

Было бы несправедливостью по отношенію къ руководителямъ реформаціи не отмѣтить связи перекрещенства съ революціонной политикой.

По крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ своихъ чертахъ оно было нѣчто гораздо большее, чѣмъ теологическое воззрѣніе. Карлштадтъ и цвиккаусцы стояли въ тѣсномъ отношеніи къ Томасу Мюнцеру, этому фанатическому пророку и, по меньшей мѣрѣ, несчастной жертвѣ крестьянской войны. Мы не должны забывать, что на первыхъ же шагахъ къ реформаціи примѣшался рѣзко-политическій элементъ; этотъ фактъ слѣдуетъ признать, какъ ни отдѣлывался постоянно Лютеръ въ позднѣйшіе годы отъ національной политики, какъ онъ ни старался опереться на помощь государей и тѣмъ показать, что онъ удовлетворяется наличнымъ положеніемъ дѣлъ. Время было во всѣхъ отношеніяхъ возбужденное. Люди не знали, что выйдетъ изъ новаго движенія въ интеллектуальной и религіозной жизни. Фантастическія, неопредѣленныя надежды возлагали на молодого императора; послѣдній не былъ нѣмцемъ, но въ его лицѣ, словно, воплощали желанія Германіи. Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, прямо подчинявшій религіозныя цѣли политическимъ, старался привлечь Лютера къ предпріятію Франца фонъ-Зиккингена, и одно время казалось, что это ему удасться. Потомъ въ 1525 году теоріи первыхъ анабаптистовъ, особенно Мюнцера, раздули пламя, быстро распространившее по всей Германіи удушливый зной крестьянской войны. Тутъ не было ничего новаго; крестьяне и раньше уже часто возставали, а въ Швейцаріи добились свободы и правъ. Кличка „башмакъ“ по тому кожаному башмаку, какой носили передъ собой крестьяне въ качествѣ знамени, была слишкомъ извѣстна. Она напоминала, во-первыхъ, выходки, въ которыхъ постоянно находило себѣ отмщеніе чувство невыносимаго безправія, во-вторыхъ, кровавое и безжалостное подавленіе. Настоящее возстаніе окончилось, какъ и всѣ предшествующія; сначала оно заставило князей съ успѣхомъ объединиться и потомъ привело ихъ въ бѣшенство своими жестокостями; онѣ, правда, не могутъ быть оправданы, но тѣмъ не менѣе были ничуть не хуже того, что практиковали безъ всякаго состраданія князья относительно простого народа. Столкновенія, какъ, напр., при Франкенгаузенѣ, представляются не битвами, а просто рѣзней. Толпы недисциплированныхъ крестьянъ, вооруженныхъ почти одними сельскохозяйственными орудіями, были просто изрублены рыцарями, закованными въ панцыри, и ихъ обученной и вооруженной свитой.

Германія отдѣлалась отъ громадной соціальной опасности, но какой цѣной! На народѣ все еще тяготѣло рабство; между землевладѣльцами и земледѣльцами шире, чѣмъ когда-либо, зіяла пропасть, наполненная кровью и слезами. Быть можетъ, самымъ печальнымъ и важнымъ слѣдствіемъ было то обстоятельство, что реформація потеряла симпатіи народа и попала въ руки государей. Лютеръ, самъ крестьянинъ и сынъ крестьянина, сначала сталъ на сторону класса, изъ котораго происходилъ. Но когда этотъ классъ перешелъ къ насиліямъ, онъ навсегда отъ него отстранился. Ему необходимо было высказаться въ пользу какой-либо одной партіи, и онъ объявилъ себя на сторонѣ существующихъ властей.

То же самое стремленіе вновь проявляется въ формѣ крайне грубой и отвратительной каррикатуры въ царствѣ мюнстерскихъ анабаптистовъ. Со времени крестьянской войны прошло десять лѣтъ безостановочнаго мышленія и повышеннаго религіознаго чувства; неопредѣленная тогда догадка, что соціальныя бѣдствія нужно цѣнить, обратившись къ предписаніямъ Новаго Завѣта, превратилась теперь въ обоснованную теорію, созданію которой содѣйствовало много замѣчательныхъ силъ. Сюда при-

надлежитъ слѣдующая идея пуритапъ: истинно вѣрующіе должны быть особымъ народомъ, который не только отличается отъ окружающаго міра невидимымъ состояніемъ духа, но разобщается и видимыми признаками. Сюда принадлежатъ мечтательныя ожиданія насчетъ тысячелѣтняго царства, которыя такъ часто примѣшиваются къ движеніямъ революціоннаго фанатизма.

Мы допустимъ несправедливость по отношенію къ диссидентамъ реформаціи, если не опишемъ въ отдѣльности нѣкоторыхъ изъ выдающихся своимъ оригинальнымъ мышленіемъ и характеромъ. Я возьму трехъ: Іоганна Денка, Каспара Швенкфельда и Себастьяна Франка.

Время и мѣсто рожденія Денка неизвѣстны; когда онъ въ 1527 году умеръ, его считали еще молодымъ; изъ этого мы можемъ съ нѣкоторой вѣроятностью заключить, что онъ родился въ послѣдніе годы 15-го столѣтія. Сперва онъ появляется въ Базелѣ, гдѣ пріобрѣтаетъ ученую степень. Уже тогда онъ былъ другомъ Эколампадія и остался имъ въ теченіе всей своей короткой жизни; онъ слушалъ его лекціи объ Исаіи, въ которыхъ реформаторъ излагалъ свои оригинальныя идеи о реформаціи. По совѣту Эколампадія, Денкъ отправился въ Нюрнбергъ и тамъ исполнялъ должность ректора въ школѣ св. Себальда. Здѣсь гуманистъ превратился въ теолога; ортодоксальный протестантъ, если онъ когда-либо былъ таковымъ, становится еретикомъ. Древній знаменитый имперскій вольный городъ былъ въ ту эпоху сосредоточіемъ кипучей и разнообразной религіозной жизни; здѣсь жилъ Пиркгеймеръ, типъ свѣтскаго ученаго своего времени, окруженный цѣлой свитой богослововъ, художниковъ и филологовъ; здѣсь жилъ также Озіандеръ, гавный городской пасторъ, человѣкъ суровый и нелюдимый, предупредившій узкое и неподвижное лютеранство послѣдующаго поколѣнія; въ то же время въ менѣе замѣтныхъ слояхъ общества развивалось всякаго рода теологическое умозрѣніе подъ защитой свободныхъ учрежденій Нюрнберга и извѣстной терпимости его совѣта. Денкъ прожилъ въ Нюрнбергѣ полтора года и вступилъ съ Озіандеромъ въ споръ относительно евхаристіи. Въ результатѣ отъ Денка потребовали представить свое исповѣдываніе вѣры; когда оно оказалось неудовлетворительнымъ, его изгнали изъ города и подъ страхомъ смерти запретили показываться въ окружности его въ теченіе десяти лѣтъ. Съ тѣхъ поръ Денкъ до самой смерти бродилъ странникомъ. Существуетъ масса свидѣтельствъ громаднаго вліянія, какое онъ оказывалъ на окружающихъ, чистоты и мягкости его характера, оправдывавшихъ это вліяніе. Онъ принадлежалъ къ тому лучшему періоду перекрещенства, когда оно было еще глубоко-религіознымъ и дѣйствительно этическимъ движеніемъ, когда безжалостная ярость въ безсмысленныхъ преслѣдованіяхъ еще не отняла у него естественныхъ руководителей, когда оно еще не дошло до необузданныхъ крайностей. Усердно вокругъ него собирался народъ, внимательно его слушалъ, принималъ его принципы и не боялся пострадать за свою вѣру. Въ продолженіе трехъ лѣтъ, обнимавшихъ всю дѣятельность, онъ показалъ себя великимъ богословомъ-вождемъ, и въ дальнѣйшей жизни онъ, пожалуй, развился бы и въ философа-теолога.

Въ нѣкоторомъ отношеніи Денкъ стоялъ на обычной анабаптистской точкѣ зрѣнія. Онъ дѣлалъ извѣстное различіе между внѣшнимъ и внутреннимъ словомъ, между написаннымъ въ библіи и начертаннымъ на скрижаляхъ человѣческаго сердца—различіе, само по себѣ подрывающее исключительный авторитетъ св. писанія и открывающее дорогу непре-

рывности откровенія. „Священное писаніе,—говоритъ онъ,—я считаю выше всѣхъ человѣческихъ сокровищъ, но оно не такъ высоко, какъ слово Божіе, которое животворно, сильно и вѣчно, которое совершенно свободно отъ всякихъ примѣсей міра сего, потому что оно—самъ Богъ, самъ Духъ, а не какая-то буква, написано безъ пера и бумаги и не можетъ никогда быть истреблено“. Что касается крещенія, онъ сталъ на сторону своей секты, не придавая однако этому вопросу большой важности. „Не повредитъ вѣрующему,—говорилъ онъ,—если онъ въ дѣтствѣ будетъ крещенъ, и Богъ не потребуетъ никакого новаго крещенія; оно необходимо лишь для порядка, приличнаго христіанской общинѣ“. Онъ полагалъ далѣе, что въ чисто духовномъ пониманіи христіанства таинства не занимаютъ какого-либо важнаго мѣста. Они—только символы любви и имѣютъ цѣлью напоминать о ней, а она—все, что нужно. Кто имѣетъ одну только любовь, тотъ уже стоитъ выше всякихъ обрядовъ и церемоній. „Это единое есть любовь; любовь — самъ Богъ; кто не имѣетъ Бога, тому нисколько не поможетъ весь міръ, будь онъ повелителемъ міра. А кто имѣетъ Бога, тотъ располагаетъ всей вселенной“. Впрочемъ, онъ шелъ еще гораздо дальше; онъ покинулъ почву реформаціоннаго богословія, отвергнувъ цѣликомъ его теорію искупленія. Онъ оспаривалъ основное положеніе Лютера о несвободѣ воли и, наоборотъ, доказывалъ, что въ душѣ каждаго существуетъ божественная искра — внутренній Христосъ; ее раздуваетъ въ цѣлое пламя набожности непосредственное дѣйствіе Христа. Подражаніе Христу было одною изъ его отличительныхъ чертъ. Не отрицая категорически, что Христосъ пострадалъ за насъ, онъ гораздо охотнѣе останавливался на мысли о нашей обязанности страдать вслѣдъ за нимъ; онъ болѣе всего настаивалъ на томъ, что Христосъ—прообразъ, и мало обращалъ вниманія на положеніе, что онъ—жертва. При такихъ воззрѣніяхъ нечего удивляться обвиненіямъ, взводившимся на Денка; его обвиняли вообще въ антитринитарскихъ взглядахъ, какіе, какъ извѣстно, имѣлъ его другъ и сотрудникъ Гетцеръ.

Однако ересь Денка, какова бы она ни была, развивалась не въ этомъ направленіи. То возбужденіе души, которому Лютеръ придаетъ наивысшее значеніе, называя его вѣрой, въ глазахъ Денка есть любовь, самоотреченіе, увѣренность въ обѣтованіяхъ Бога. Изъ этической стороны Богъ есть любовь, и только любовь. Денкъ, вступившій, слѣдовательно, уже тогда на путь, принятый мышленіемъ новаго времени, не могъ рѣшиться вѣрить въ безконечныя муки ада. Всемогущая любовь Бога должна все побѣдить; не только люди въ концѣ концовъ, но и падшіе духи должны быть спасены. Въ дѣйствительности, критики значительно расходятся во мнѣніяхъ по вопросу о томъ, вѣрилъ-ли онъ вообще въ матеріальный адъ, или подъ адомъ разумѣлъ одни угрызенія совѣсти и сознаніе Божьяго правосудія. Текстамъ, обосновывающимъ вѣру въ вѣчное мученіе, онъ противопоставляетъ отчасти другіе тексты, но непреложная и необходимая любовь Бога была главнымъ его орудіемъ. Мы, очевидно, имѣемъ здѣсь дѣло съ религіознымъ явленіемъ, совершенно непохожимъ на тѣ, которыми мы до сихъ поръ занимались. Эта теологія точно такъ же противорѣчитъ теологіи Виттенберга, Цюриха и Женевы, какъ и богословію Рима.

Каспаръ Швенкфельдъ занимаетъ въ церковной исторіи того времени гораздо болѣе важное мѣсто, чѣмъ Денкъ, отчасти, быть можетъ, потому, что по его имени называлась секта, долго влачившая очень жалкое, впрочемъ, существованіе въ Германіи и теперь еще существующая

въ Америкѣ. Это былъ силезскій дворянинъ, получившій въ Кельнѣ и въ другихъ мѣстахъ лучшее для своего времени воспитаніе и первые годы зрѣлаго возраста проведшій на службѣ нѣкоторыхъ мелкихъ дворовъ своей провинціи. Родившись въ 1490 году, онъ самыя сильныя впечатлѣнія юности получилъ отъ реформаціи, къ которой съ тѣхъ поръ долго не переставалъ питать полное сочувствіе. Но онъ имѣлъ слишкомъ оригинальный умъ, чтобы слѣпо слѣдовать за кѣмъ-либо; вмѣстѣ съ тѣмъ то обстоятельство, что онъ былъ отъ природы мистикомъ, ставило его съ теченіемъ времени все въ большее и большее противорѣчіе съ направленіемъ, какое приняла лютеранская теологія. Его религіозная точка зрѣнія, которая въ глазахъ враждующихъ партій не была ни католической, ни протестантской, навлекла на него преслѣдованіе съ той и другой стороны. Великій страдалецъ проживалъ то въ одномъ, то въ другомъ городѣ южной Германіи, постоянно собирая вокругъ себя небольшой кружокъ приверженцевъ, которые были организованы имъ въ особое общество; онъ не переставалъ писать книги, которыя проклинались и сжигались, при чемъ онъ встрѣчалъ это преслѣдованіе съ кроткой стойкостью, какую ничто не могло преодолѣть. Его дворянское происхожденіе и придворныя манеры располагали въ его пользу людей, недоступныхъ для реформаторовъ изъ плебеевъ; эти же особенности Швенкфельда привлекали къ нему государей, не обращавшихъ никакого вниманія на реформаторовъ-плебеевъ. Онъ не принадлежалъ къ анабаптистамъ, хотя много имѣлъ съ ними сношеній; они терпѣливо его выслушивали, а онъ имѣлъ слишкомъ широкое сердце, чтобы вѣрить, будто благочестіе—удѣлъ какой-нибудь особой церкви. „Перекрещенцы, — говорилъ онъ, — потому для меня любезнѣе, что они о божественой истинѣ печалятся нѣсколько больше, чѣмъ многіе изъ ученыхъ. Кто серьезно ищетъ Бога, тотъ его найдетъ“. Этотъ взглядъ, подобно всѣмъ другимъ взглядамъ Швенкфельда,—чисто мистическаго свойства. Даже тогда, когда онъ собиралъ свои маленькія общины, гдѣ единственною связью было сознаніе общаго духовнаго наслѣдія, его цѣлью вовсе не было создать какую-либо церковную организацію. По отношенію къ идеямъ реформаціи онъ не былъ еретикомъ, скорѣе чувствовалъ, что онъ ею вдохновленъ къ чему-то болѣе реальному и болѣе прочному. Чѣмъ старше онъ становился, чѣмъ больше изъ лютеранства исчезалъ духовный элементъ, тѣмъ энергичнѣе онъ настаивалъ на томъ, что духъ—единственное, въ чемъ нуждается человѣкъ. Собственно протестантскій характеръ его мистицизма обнаружился въ ученіи относительно обоготворенія плоти Христа; этимъ ученіемъ онъ разрѣшалъ затрудненія въ вопросѣ о присутствіи Христа въ евхаристіи. Іисусъ, сидящій одесную Бога, при своей небесно - человѣческой природѣ—истинный Господь Богъ, и потому трудный вопросъ о тѣлесномъ присутствіи въ хлѣбѣ и винѣ отпадалъ самъ собой. Это обоготворенное человѣческое естество Христа было главнымъ ученіемъ Швенкфельда; его приверженцы называли себя „исповѣдниками славы Христовой“. Хотя онъ выставилъ тѣмъ самымъ особое ученіе объ евхаристіи, однако изъ духовности его теоріи неизбѣжно вытекало, что онъ равнодушно относился ко всякимъ обрядамъ и таинствамъ. Мистикъ, стремящійся достигнуть Бога и вѣрящій въ возможность этого, мало заботится о маловажныхъ вещахъ, и меньше всего о крыльяхъ, при помощи которыхъ менѣе смѣлыя души стараются взлетѣть выше. Швенкфельдъ, несмотря на свою продолжительную дѣятельность и несмотря на преслѣдованіе, прославившее его, не добился никакого прочнаго успѣха.

Жизнь Себастьяна Франка во многихъ отношеніяхъ похожа на жизнь Денка и Швенкфельда; она представляетъ ту же неослабшую преданность своимъ богословскимъ воззрѣніямъ, то же странствованіе съ мѣста на мѣсто, такое же мучительное существованіе и тотъ же успѣхъ-славу у современниковъ и быстрое забвеніе. Онъ родился въ Донпаувертѣ, въ Швабіи, вѣроятно, въ послѣднемъ десятилѣтіи 15-го вѣка. Около 1527 года мы встрѣчаемъ его въ Нюрнбергѣ, томъ Нюрнбергѣ Виллибальда Биркгеймера, Альбреха Дюрера и Ганса Сакса, въ которомъ за годъ или за два передъ тѣмъ жилъ Денкъ, а, можетъ быть, также и Людовигъ Гетцеръ. Его трудъ — переводъ знаменитаго трактата подъ названіемъ „Жалоба или моленіе несчастныхъ бѣдняковъ въ Англіи и пр.“ сыгралъ въ англійской реформаціи большую роль. Съ тѣхъ поръ Франкъ въ теченіе почти пятнадцати лѣтъ, не переставая, работалъ въ литературѣ въ самыхъ разнообразныхъ ея видахъ. Популярная исторія и мистическое богословіе по очереди поглощали его вниманіе. Онъ пишетъ большую историческую библію, въ которой церковная часть содержитъ, чего прежде не бывало, списокъ еретиковъ, потомъ работаетъ надъ нѣмецкой исторіей, надъ хроникой франковъ, надъ книгой о мірѣ или космографіей. Онъ — авторъ книги противъ національнаго порока — пьянства, онъ переводитъ „Похвалу глупости“, собираетъ нѣмецкія пословицы. Далѣе, мы имѣемъ его Paradoxa, числомъ двѣсти восемьдесятъ, которые безпорядочно, но глубоко разбираютъ всѣ важные религіозные вопросы;—его „Золотой ковчегъ“, сборникъ мудрыхъ изреченій изъ св. писанія, отцовъ церкви и языческихъ мудрецовъ, и его „Книгу подъ семью печатями“, трактующую о противоположности между писаннымъ и внутреннимъ словомъ Божіимъ. Въ продолженіи 15 или 16 лѣтъ, когда Франкъ писалъ эти объемистыя сочиненія,—а ихъ еще больше, чѣмъ я перечислилъ здѣсь, — онъ изгонялся изъ одного города южной Германіи въ другой, зарабатывая себѣ пропитаніе въ качествѣ то мыловара, то типографщика; но его сердце постоянно было съ его литературными работами.

Франкъ не былъ ученымъ человѣкомъ; онъ писалъ по нѣмецки и для нѣмцевъ, не претендуя на солидную ученость. Его историческія произведенія—преимущественно компиляціи; за исключеніемъ нѣкоторыхъ счастливыхъ догадокъ, они обнаруживаютъ лишь слабые слѣды критическаго ума. Въ томъ, что лежитъ внѣ круга его личнаго наблюденія, онъ легковѣренъ такъ же, какъ и сэръ Джонъ Мандевиль. „Горгоны, гидры, и ужасныя химеры“, не говоря уже о „людяхъ съ головами ниже плечъ“, играютъ въ его книгѣ важную роль, и какъ Мильтонъ послѣ него, онъ начинаетъ свою отечественную исторію съ троянской войны. При этомъ онъ читалъ много, но безъ критики; онъ наполняетъ свои страницы цѣлой бездной античной учености, а повѣствованіе о событіяхъ современныхъ живо и полно. Исторія въ его глазахъ, продолженная въ жизни человѣчества, иллюстрація того, что повелѣваетъ и что запрещаетъ св. писаніе. Особенное преимущество, думаетъ Франкъ, имѣютъ тѣ, кто живетъ въ послѣдніе дни, потому что за ними лежитъ такой значительный и разнообразный опытъ человѣчества. За одинъ его интересъ къ проявленіямъ не еврейской и не христіанской мысли и жизни мы могли бы назвать Швенкфельда гуманистомъ; но онъ это имя заслужилъ еще въ болѣе благородномъ смыслѣ, какъ человѣкъ, на котораго имѣетъ одинаковое право все человѣчество.

Врядъ-ли у такого богослова, какъ Лютеръ, могло быть случай-

ностью то, что, по его мнѣнію, человѣчество со времени грѣхопаденія находилось въ нравственномъ рабствѣ и растлѣніи, и патріарховъ съ пророками онъ спасалъ отъ общаго проклятія, только приписывая имъ своего рода христіанство до Христа. Подобнаго взгляда избѣгъ Франкъ благодаря своему ученію о словѣ. Какъ и анабаптисты, съ которыми онъ часто по ошибкѣ ставится рядомъ, онъ дѣлалъ различіе между писаннымъ и неписаннымъ, внѣшнимъ и внутреннимъ словомъ. Такое разграниченіе дѣйствительно представляетъ ключъ ко всей его теологіи. Писанное слово — это то, что виттенбергскіе реформаторы сдѣлали своимъ идоломъ; оно часто вводило въ обманъ и заблужденіе, какъ это въ достаточной степени видно на массѣ противорѣчивыхъ ученій, выводимыхъ изъ него. Но есть внутреннее слово, живущее и дѣйствующее въ каждомъ человѣкѣ, іудеѣ, христіанинѣ, язычникѣ и туркѣ; для него внѣшнее слово — лишь свидѣтельство. Это въ нѣкоторомъ смыслѣ свѣтъ природы, иначе, Христосъ въ душѣ людей, единственно истинный Христосъ. Дѣйствительно, Франкъ очень мало говоритъ объ историческомъ Христѣ. Христосъ универсальный, если можно такъ выразиться, вотъ кто привлекаетъ къ себѣ его вниманіе. Силой внутренняго, божественнаго слова говорили не только пророки, но и всѣ мудрые добродѣтельные язычники. Платонъ не меньше, чѣмъ Исаія, Адамъ и Христосъ; зерно дурного и хорошаго, находятся въ душѣ каждаго человѣка; каждый воленъ согласиться съ тѣмъ или другимъ. Безъ такого внутренняго согласія, обусловливающаго прощеніе грѣховъ и очищеніе совѣсти, страданія Христа — только мертвая буква для насъ точно такъ же, какъ и всякая языческая исторія.

Въ тѣсной связи съ этой идеей о написанномъ словѣ у Франка стоитъ такое пониманіе природы, которое говоритъ больше, чѣмъ всякое другое, какое я нахожу въ умозрѣніяхъ того времени. „Весь міръ,—говоритъ онъ, — и всѣ созданія есть не что иное, какъ раскрытая книга и живая библія, откуда безъ всякаго руководства можно изучать премудрость Бога и познавать Его волю. Человѣку просвѣщенному и умѣющему видѣть проповѣдуютъ всѣ твари. Поэтому человѣкъ благочестивый научается изъ твореній и дѣлъ Божіихъ болѣе, чѣмъ всѣ безбожники изъ всѣхъ библій и словъ Божіихъ. Вѣдь кто не понимаетъ дѣла Бога, тотъ не пойметъ и его слова“.

Франкъ превзошелъ реформаторовъ въ ненависти къ папству, въ рѣзкой критикѣ папской системы; эти ненависть и критика въ значительной степени сказались на его историческихъ трудахъ. Но по отношенію къ лютеранству онъ врядъ-ли велъ себя мягче и миролюбивѣе. Если какое-либо вообще ученіе особенно глубоко задѣвало его сокровеннѣйшія убѣжденія, то это именно теорія авторитета буквы св. писанія. Онъ обвинялъ лютеранъ въ томъ, что они, устранивъ человѣка-папу, установили вмѣсто него бумажнаго. „Антихристъ, — говоритъ онъ, — насытившись, уставши и воспользовавшись почти сполна папой, теперь прикроется иными средствами и сядетъ въ буквы писанія... И онъ, конечно, начитаннѣе насъ въ писаніи. Такимъ-то образомъ многіе изъ послѣдняго сотворятъ себѣ кумиръ, такъ какъ они даже не просятъ Бога открыть намъ свою тайну, а писаніе не можетъ измѣнить злое сердце; иначе мистики были бы самыми благочестивыми людьми“.

Подобнымъ же образомъ онъ былъ равнодушенъ къ таинствамъ. Погрузиться въ Бога, жить въ общеніи съ божественнымъ словомъ внутри себя—вотъ все, а внѣшніе символы и обряды—ничто. „Храмамъ,—гово-

ритъ онъ, — иконамъ, праздникамъ, жертвамъ и церемоніямъ не мѣсто въ Новомъ Завѣтѣ, такъ какъ здѣсь ничего не требуется кромѣ св. Духа, чистой совѣсти, искренней любви, яснаго настроенія, невинной жизни, сердечной правоты подъ вліяніемъ подлинной вѣры“.

Франкъ такимъ образомъ не былъ анабаптистомъ, потому что на крещеніе смотрѣлъ какъ на что-то безразличное. Онъ даже былъ рѣшительно нерасположенъ къ сектантскому духу перекрещенцевъ. Онъ представлялъ тотъ рѣдкій религіозный феноменъ, какого еще до сихъ поръ не умѣетъ понимать міръ: онъ былъ глубокорелигіознымъ человѣкомъ, которому не было дѣла до церквей или церковныхъ организацій. Не то, чтобы онъ желалъ стоять въ одиночку, но никакія внѣшнія грани не могли его оторвать отъ сознанія всеобщаго братства. Онъ довольствовался тѣмъ, что былъ христіаниномъ; но смыслъ этого слова онъ понималъ такъ широко, что оно включало въ себѣ мудрыхъ и добрыхъ людей всѣхъ вѣковъ.

Можетъ быть, кое-кто изъ слушателей уже догадался, что при точной характеристикѣ Франка слѣдуетъ употреблять не только слово „мистикъ“, но нѣчто худшее по своей репутаціи, именно слово „пантеистъ“. Если бы я прибѣгалъ къ тонкимъ философскимъ различеніямъ, то я могъ бы, вѣроятно, выгородить его отъ такого упрека; однако, мнѣ этого не нужно. Онъ видѣлъ Бога во всемъ и все въ Богѣ; и когда онъ пытался опредѣлить Божество, онъ съ трудомъ подбиралъ такія выраженія, которыя заключали бы въ себѣ понятіе личности.

Замѣчательно, что Франкъ, бывшій такимъ популярнымъ въ теченіе своей короткой литературной дѣятельности, скоро былъ позабытъ и только въ самые послѣдніе годы былъ извлеченъ изъ мрака забвенія. Если же теперь, когда онъ снова воскресаетъ, его находятъ чрезвычайно интереснымъ, то это обстоятельство можетъ хорошо объяснить его собственную судьбу, какъ и судьбу многихъ другихъ, ученыхъ и неученыхъ сектантовъ, очерченныхъ мною. Изъ полумрака они протягивали руки къ чему-то лучшему и болѣе достовѣрному сравнительно съ тѣмъ, что они знали или могли съ достовѣрностью узнавать. Ихъ идеи о непрерывности откровенія, о божественномъ въ исторіи и природѣ, о внутреннемъ словѣ, которое должно въ послѣдней инстанціи истолковывать внѣшнее, идеи о второстепенности таинствъ въ сравненіи съ богоугодной жизнью и даже о царствѣ Божіемъ, какъ объ идеалѣ, достижимомъ человѣческимъ обществомъ, всѣ эти идеи только теперь, по прошествіи стольких лѣтъ, стали выясняться, развиваться и распространяться. Въ анабаптизмѣ невозможно отрицать наличности грубаго фанатизма и нѣкотораго безнравственнаго элемента; однако мы должны припомнить, что перекрещенцевъ мы знаемъ преимущественно въ изображеніи ихъ враговъ, и мы можемъ напередъ сказать, что исторія въ будущемъ отнесется къ нимъ дружелюбнѣе, чѣмъ относилась раньше. Я не хочу Денка, Швенкфельда и Франка сравнивать съ Лютеромъ, Цвингли и Кальвиномъ; каждый изъ нихъ работалъ надъ необходимымъ дѣломъ, каждый по своему. Но люди, о которыхъ міръ почти забылъ, о которыхъ вспоминаетъ съ одними упреками, видѣли, хотя быть можетъ смутно, истины, просмотрѣнныя и поруганныя тѣми, кто собралъ богатую жатву на полѣ славы въ качествѣ вождей и благодѣтелей человѣческаго рода. Но время беретъ свое: пускай люди забыты, зато не можетъ умереть истина.

LXVII. Мюнстерская коммуна.

(По ст. К. Каутскаго въ I т. изданія: «Изъ исторіи общественныхъ теченій». Переводъ Е. К. и И. Н. Леонтьевыхъ).

Мюнстеръ былъ богатымъ и хорошо укрѣпленнымъ городомъ, столицей не только епископства, но и всей Вестфаліи. Демократія тамъ была особенно сильна. Первоначально здѣсь, какъ и во всѣхъ средневѣковыхъ городахъ, совѣтъ находился исключительно въ рукахъ членовъ марки, патриціевъ, называвшихся въ Мюнстерѣ „наслѣдователями" (Erbmänner). Но когда торговля и ремесла начали процвѣтать и цехи достигли могущества и уваженія, они завоевали себѣ, наконецъ, право участія въ городскомъ совѣтѣ. Совѣтъ съ тѣхъ поръ выбирался ежегодно десятью избирателями (Korgenoten), которые назначались всѣмъ населеніемъ. Только половина двадцати четырехъ совѣтниковъ должна была состоять изъ патриціевъ. Но занятіе городскими дѣлами требовало больше времени и знаній, чѣмъ могъ имѣть человѣкъ изъ простого народа, поэтому всегда приходилось избирать тѣхъ 12 совѣтниковъ, которыхъ имѣли право выбирать мѣщане, изъ числа немногихъ семействъ, изъ которыхъ современемъ развилась вторая городская аристократія, менѣе знатная, чѣмъ аристократія патриціевъ, но соединенная съ нею общими интересами.

Такимъ образомъ совѣтъ съ теченіемъ времени сдѣлался представительствомъ городскихъ аристократовъ, которые жили частью сдачей въ аренду своихъ земельныхъ участковъ, частью же торговлей. Наряду съ совѣтомъ усилилось могущество цеховъ или гильдій. Въ Мюнстерѣ было 17 гильдій; каждая изъ нихъ имѣла свой гильдейскій домъ и управлялась по собственнымъ статутамъ. Центромъ же, вокругъ котораго группировалось все мѣщанство, былъ „Шогаузъ". Во время поста, вскорѣ послѣ выборовъ совѣтниковъ, тамъ собирались 34 гильдейскихъ мастера и избирали 2 старшинъ. „Эти старшины, — говоритъ мюнстерскій историкъ того времени,—являются главами и предводителями всего мѣщанства и пользуются такимъ значеніемъ, что вмѣстѣ съ гильдейскими мастерами могутъ отмѣнить, если захотятъ, рѣшеніе совѣта. Поэтому магистратъ въ важныхъ и касающихся блага всего города дѣлахъ, ничего не можетъ сдѣлать безъ согласія вышеупомянутыхъ старшинъ".

Въ мирныя времена совѣту позволяли управлять по собственному усмотрѣнію, но какъ только дѣло доходило до конфликта общины съ совѣтомъ или духовенствомъ, то значеніе совѣта быстро исчезало. Это обнаружилось, въ особенности, въ 1525 году. Страшная борьба въ верхней Германіи не прошла безслѣдно мимо Германіи нижней. Въ городахъ всюду поднялся простой народъ; какъ въ Кёльнѣ, такъ и въ Мюнстерѣ дѣло дошло до движенія противъ духовенства, превратившагося въ настоящее возстаніе, какъ только совѣтъ сдѣлалъ попытку противостать движенію. Народъ поднялся и назначилъ комитетъ изъ 40 человѣкъ, которые въ 36 параграфахъ формулировали требованія общины. Требованія эти касаются не религіозныхъ, а экономическихъ вопросовъ и показываютъ намъ, что движеніемъ руководили цехи.

Мы здѣсь приводимъ нѣкоторые изъ этихъ параграфовъ, характеризующихъ движеніе:

„5. Никто изъ духовенства, какого бы то ни было ордена, ни священники, ни монахи, ни монахини, ни викаріи бѣлаго духовенства, не должны заниматься торговлей, ни какимъ-либо другимъ свѣтскимъ дѣломъ, ни откармливать на убой воловъ, ни ткать полотна, ни сушить хлѣба; поэтому они должны добровольно и тотчасъ же продать всѣ необходимыя для этихъ занятій орудія, которыя найдутся въ монастыряхъ или домахъ священниковъ; въ противномъ случаѣ народъ ихъ отниметъ.

„6. Ни одного священника не слѣдуетъ съ нынѣшняго дня освобождать отъ городскихъ общественныхъ податей.

„7. Свѣтскія и духовныя власти должны запретить своимъ подчиненнымъ въ деревняхъ, на разстояніи двухъ миль отъ города, заниматься какимъ-нибудь ремесломъ или же варить, въ ущербъ горожанамъ, пиво или печь хлѣбъ, и т. д.

Такимъ образомъ, при этомъ возстаніи дѣло касалось не уничтоженія всѣхъ привилегій, а только замѣны духовныхъ привилегій цеховыми.

Пункты эти были приняты совѣтомъ, члены соборнаго капитула сами подписались подъ ними. Но дѣло не дошло до ихъ выполненія. Окончаніе верхне-германскаго возстанія остановило и нижне-германское движеніе и направило силы побѣдоносныхъ князей на помощь ихъ сѣверныхъ коллегамъ. 27 марта 1526 года между епископомъ и соборнымъ капитуломъ, съ одной стороны, и городомъ, съ другой—произошло соглашеніе, которое возстановило права духовенства, за что духовенство въ свою очередь отказалось отъ требуемаго имъ вознагражденія и обезпеченія противъ могущихъ случиться въ будущемъ непріятностей.

Такимъ образомъ спокойствіе было возстановлено. Но оппозиція городскихъ элементовъ, въ особенности городской демократіи, богатому, привилегированному и склонному къ эксплуатаціи духовенству, продолжалась. Катастрофа 1525 года привела въ движеніе народныя массы, которыя до тѣхъ поръ мало интересовались реформаціей (это говорится не только о Мюнстерѣ, но и обо всей южной Германіи), и дѣло Евангелія было поддержано ими съ радостью.

При такомъ положеніи вещей проповѣди одного изъ анабаптистовъ, Бернгарда Ротмана, нашли благопріятную почву. Когда онъ въ январѣ 1532 года перебрался изъ предмѣстія св. Маврикія въ Мюнстеръ, мѣстная демократія приняла его съ распростертыми объятіями и защищала отъ всякаго насилія.

Случай благопріятствовалъ демократіи. „Дѣйствительно, — пишетъ преданный Мюнстерскому епископу Керсенбранкъ,—достойный епископъ, благодаря своему авторитету и помощи друзей, много бы сдѣлалъ для этого дѣла, если бы ему не помѣшала преждевременная смерть; находясь въ замкѣ своемъ Фюрстенау, расположенномъ въ Оснабрюкѣ, онъ веселился болѣе чѣмъ обыкновенно и вдругъ захворалъ, или, какъ говорятъ другіе, выпилъ большой кубокъ вина и умеръ скоропостижно 14 мая".

Это событіе было сигналомъ возстанія во всѣхъ трехъ епископствахъ, которыя притѣснялъ и эксплуатировалъ почившій епископъ. Въ Оснабрюкѣ, Падерборнѣ и Мюнстерѣ народъ поднялся, изгналъ католическихъ священниковъ и посадилъ на ихъ мѣсто протестантскихъ, по своему усмотрѣнію. Совѣтъ нигдѣ не былъ въ состояніи остановить народъ. Въ Оснабрюкѣ, благодаря посредничеству рыцарства, дѣло дошло до соглашенія между духовенствомъ и городомъ; Падерборнъ въ октябрѣ 1532 года былъ силою побѣжденъ архіепископомъ Германомъ Кельнскимъ; въ Мюнстерѣ же возстаніе продолжалось, пока при посредствѣ Филиппа

Гессенскаго не былъ составленъ договоръ (14 февраля 1533 года), который въ сущности выражалъ согласіе новаго епископа, капитула и рыцарей на требованія возставшихъ.

Мюнстеръ былъ признанъ евангелическимъ городомъ.

Въ Мюнстерѣ побѣдила цеховая демократія, но побѣды этой она достигла лишь съ помощью неорганизованной массы населенія, съ помощью неимущихъ пролетаріевъ. На этотъ разъ она не могла, однако, по достиженіи цѣли бросить оружіе, которымъ пользовалась, какъ это дѣлалось въ подобныхъ случаяхъ такъ часто и раньше и послѣ этого. Побѣда была достигнута на этотъ разъ однимъ счастливымъ ударомъ, а не рѣшительнымъ пораженіемъ противника въ открытомъ бою. Миръ былъ слѣдовательно лишь перемиріемъ. Цеховой демократіи предстояли еще дальнѣйшія серьезныя битвы, поэтому она не могла порвать сношеній съ демократіей пролетарской. Тенденціи послѣдней лучше всего выражались въ анабаптизмѣ, а такъ какъ пролетаріатъ занялъ выдающееся положеніе именно въ Мюнстерѣ, то этотъ городъ сдѣлался центромъ анабаптизма въ нижней Германіи.

Очагами, изъ которыхъ распространялась эта зараза по нижней Германіи, были Страсбургъ и Нидерланды.

Совѣтъ Мюнстера попытался побѣдить анабаптистовъ духовнымъ оружіемъ; онъ заставилъ Меланхтона написать вождю ихъ, Ротману, письмо, чтобы вернуть его къ истинной вѣрѣ. Но когда это и подобныя ему письма не принесли никакой пользы, городской совѣтъ устроилъ 7 и 8 августа 1533 года диспутъ, который конечно не обратилъ анабаптистовъ, а скорѣе придалъ имъ духу.

Но теперь городской совѣтъ началъ принимать болѣе строгія мѣры. Цѣлый рядъ городскихъ постановленій угрожалъ имъ, въ сентябрѣ 1533 г., лишеніемъ должности проповѣдниковъ и изгнаніемъ, если они будутъ отказываться крестить своихъ дѣтей. Они отвѣтили (17 сентября), что Бога надо слушаться больше, чѣмъ людей. Послѣ этого совѣтъ старался привести въ исполненіе свою угрозу. Прежде всего совѣтъ лишилъ Ротмана должности проповѣдника въ Ламбертовской церкви, но приходъ занялъ такое угрожающее положеніе, что въ октябрѣ совѣтъ разрѣшилъ ему проповѣдовать въ другой церкви, и такимъ образомъ анабаптисты добились своей первой побѣды.

Вскорѣ они такъ усилились, что могли открыто бороться со своими противниками. 8 декабря кузнечный подмастерье Іоаннъ Шредеръ началъ публично проповѣдывать анабаптистское ученье; 15 совѣтъ велѣлъ его арестовать, но кузнечный цехъ собрался и, явившись къ ратушѣ, потребовалъ его освобожденія. Ротману приказано было удалиться, но онъ спокойно остался въ городѣ. Къ концу года возвратились и высланные въ ноябрѣ проповѣдники, по 15 января 1534 года совѣтъ опять изгналъ ихъ. Городскіе наемники вывели ихъ чрезъ одни ворота; а братья пустили черезъ другія, и совѣтъ не посмѣлъ имъ противиться. Фактически анабаптисты уже были господами города.

Неудивительно, если братья всюду начинали вѣрить, что Страсбургъ оставленъ Богомъ, а въ Мюнстерѣ воздвигнется истинный новый Сіонъ. На сѣверѣ центръ движенія — или, какъ говорятъ теперь, руководство партіей,—было перенесено изъ Амстердама въ Мюнстеръ. Іоаннъ Матисъ, новый пророкъ и замѣститель Гофмана въ предводительствѣ мельхіоритами, послалъ въ началѣ января въ Мюнстеръ нѣсколько пословъ, въ числѣ которыхъ былъ и Іоаннъ Бокельзонъ Лейденскій, который и при-

былъ туда 13 января. Въ февралѣ мы и самого Матиса находимъ также въ Мюнстерѣ.

Партія порядка была въ полномъ отчаяніи. Она видѣла лишь одну возможность поставить преграду наростающей коммунистической волнѣ: она передалась на сторону епископа и отдала городскую свободу въ его распоряженіе, — поступокъ, который въ то время значилъ то же, что теперь измѣна отечеству.

„Когда мой милостивый повелитель Мюнстера увидѣлъ, — пишетъ Гресбекъ, преданный епископу современный историкъ,—что анабаптисты въ Мюнстерѣ не позволяли давать себѣ никакихъ совѣтовъ и вовсе не желали милости епископа, онъ согласился съ совѣтомъ города Мюнстера и той частью гражданъ, которая не держалась анабаптизма, чтобы они открыли епископу мюнстерскому двое воротъ: ворота Божьей Матери и Еврейскихъ полей. Такимъ образомъ епископу были открыты ворота, и онъ ввелъ въ городъ 2—3000 крестьянъ и отрядъ конницы съ лошадьми, такъ что мой милостивый повелитель уже владѣлъ городомъ“.

Это произошло 10 февраля. Съ епископскими войсками, которыя столь вѣроломно, среди мирнаго времени, напали на городъ, соединились благонамѣренные бюргеры, которые ихъ ожидали и уже носили оружіе подъ одеждой, кромѣ того по условію повѣсили соломенные вѣнки на своихъ домахъ, чтобы избавить ихъ отъ ожидаемаго разграбленія „защитниками собственности“.

Заговорщики въ началѣ имѣли успѣхъ. Имъ удалось схватить Книппердолинга и нѣкоторыхъ другихъ анабаптистовъ и посадить ихъ въ тюрьму.

Но застигнутые врасплохъ анабаптисты скоро опомнились и доказали, что въ нихъ живетъ воинственный духъ знаменитаго вождя анабаптистовъ въ Нидерландахъ, Іоанна Матиса; они скоро получили перевѣсъ въ уличномъ бою; епископскія войска, удалившись, предложили начать переговоры, и „благодаря своему уму и быстротѣ они (анабаптисты) изгнали крестьянъ и конницу изъ города“. Измѣна обратилась противъ измѣнниковъ и повела къ тому, что городъ, который въ духовномъ отношеніи былъ уже въ рукахъ анабаптистовъ, попалъ въ ихъ руки и въ смыслѣ военномъ. Они овладѣли Мюнстеромъ не помощью наступательнаго движенія, но защищаясь.

Битва 10 февраля имѣла два послѣдствія: между городомъ и епископомъ начались правильныя военныя дѣйствія. 23 февраля епископъ Францъ вступилъ со своими войсками въ Тельчтъ, чтобы начать осаду. Въ этотъ самый день въ Мюнстерѣ происходило предписанное закономъ избраніе магистрата. Хотя порядокъ избранія ничуть не былъ измѣненъ, но выборы прошли вполнѣ въ пользу анабаптистовъ. Книппердолингъ и Киппенброкъ, суконщикъ, который уже нѣсколько разъ отличался въ дѣлахъ анабаптизма, были избраны бургомистрами Мюнстера. Такимъ образомъ предводители движенія законнымъ путемъ достигли высшей власти, и главный городъ Вестфаліи былъ у ногъ новыхъ пророковъ.

Теперь началась, согласно изображенію многихъ историковъ, безумная оргія сладострастія и кровожадности. Таково общепринятое изображеніе происходившихъ тогда событій, которое давалось имъ со временъ мюнстерской „коммуны“ и до нашихъ дней. „Завладѣвъ городомъ, —писалъ епископъ Францъ въ одномъ служебномъ донесеніи, — они уничтожили всякій христіанскій порядокъ и справедливость, всякую гражданскую и духовную власть, полицію и начали скотскую жизнь“.

И новѣйшій „ученый“ анонимный авторъ „Shlaraffia politicia“, разсказываетъ съ ужасомъ: „Мюнстеръ сдѣлался ареной самаго разнузданнаго разврата и кровопролитнѣйшей рѣзни... Такимъ образомъ было основано государство, въ которомъ осуществился коммунизмъ и полигамія, правительство, въ которомъ самымъ отвратительнымъ образомъ соединялась духовная заносчивость и плотская чувственность, набожная преданность и самопожертвованіе съ кровожадной грубостью и низменной жаждою наслажденій... Кто знаетъ исторію этого движенія, тотъ не сочтетъ описаніе, подобное сочиненію Григоровіуса „Himmel auf Erden“ за преувеличенное собраніе безобразій и низостей. Позорныя дѣянія, жертвой которыхъ сдѣлались женщины Мюнстера, нероновское распутство и жестокость Іоанна Лейденскаго и его сподвижниковъ могутъ служить къ этому сочиненію исторической иллюстраціею“.

Но, желая понять мюнстерское возстаніе и стремленія анабаптистовъ, нельзя мѣрить ихъ государство по масштабу мирнаго времени, а слѣдуетъ помнить, что это былъ осажденный, — и даже при особенно тяжелыхъ обстоятельствахъ осажденный городъ. Для анабаптистовъ не существовало обычнаго военнаго права; почетной капитуляціи они также были лишены; осажденнымъ оставался только выборъ между побѣдой и мучительнѣйшею смертью.

На ряду съ этимъ особымъ положеніемъ, которое побуждало къ кровавымъ поступкамъ, слѣдуетъ принять во вниманіе характеръ вѣка, который былъ однимъ изъ кровожаднѣйшихъ, быть можетъ, самымъ кровожаднымъ. Приведенные нами до сихъ поръ факты дали уже достаточно доказательствъ этому. Эти миролюбивѣйшіе изъ всѣхъ людей всюду были систематически гонимы, какъ дикіе звѣри, и предаваемы ужаснѣйшимъ мученіямъ. Если благодаря отчаянью эти бѣдняки доходили до настроенія, при которомъ надоѣдало терпѣніе и которое побуждало ихъ рѣшительно сопротивляться, то удивляться здѣсь нечего; удивляться слѣдуетъ лишь тому, что настроеніе это развивалось такъ долго и всегда овладѣвало только частью гонимыхъ.

Теперь цѣлый рядъ счастливыхъ обстоятельствъ далъ въ руки жестоко гонимыхъ и оскорбляемыхъ крѣпкій городъ, но извнѣ имъ грозило полное уничтоженіе.

Какъ же поступали они при такихъ обстоятельствахъ?

„27 февраля,—повѣствуетъ историкъ Янсенъ,—начался терроръ объявленіемъ приказа, гласящаго, чтобы всѣ жители города либо приняли новое крещеніе, либо оставили городъ“. Но это было отвѣтомъ на изданный осаждавшимъ Мюнстеръ епископомъ 13 февраля эдиктъ, въ которомъ его подчиненнымъ приказывалось поступать со всѣми непокорными и мятежниками согласно императорскому эдикту, т.-е. убивать ихъ. И этотъ приказъ строго приводился въ исполненіе. Современникъ Керсенбронкъ съ наслажденіемъ разсказываетъ: „чтобы исполнить императорскій эдиктъ и требованіе закона, строго наказывали попадающихся тамъ и сямъ въ епископіи анабаптистовъ“.

Во время осады въ городѣ пришлось ввести строгое управленіе: былъ совершенъ рядъ казней. Но если разсмотрѣть случаи, о которыхъ разсказываютъ не разъ упоминавшіеся нами Керсенбронкъ и Гресбекъ, то мы увидимъ, что они всегда касаются проступковъ противъ безопасности города: соглашенія съ врагомъ, нарушенія дисциплины, попытокъ дезертировать или поколебать спокойствіе населенія.

Высшая власть фактически сосредоточивалась въ рукахъ комен-

данта крѣпости, которымъ былъ въ началѣ пророкъ Іоаннъ Матисъ. Когда онъ палъ 5 апрѣля 1534 года, во время отчаянной битвы при вылазкѣ, на его мѣсто вступилъ Іоаннъ Лейденскій, который, какъ доказали его успѣхи, отлично выполнялъ эту роль.

Въ качествѣ хорошаго полководца, Іоаннъ Лейденскій заботился не только о достаточномъ вооруженіи и военной подготовкѣ своихъ войскъ, но и о хорошемъ душевномъ настроеніи населенія. Чтобы отвлечь его отъ подавляющей бездѣятельности и ужасовъ осады, онъ старался занимать ихъ дѣломъ и даже забавлять. Не понимая смысла этого или, вѣрнѣе, переиначивая его, Керсенбронкъ разсказываетъ: „Для того, чтобы городскіе жители не имѣли времени думать о возмущеніи противъ короля (т.-е. Іоанна), они (повелители города) постоянно заставляли ихъ работать. А чтобы они не сдѣлались слишкомъ заносчивыми, имъ не давали ничего ѣсть, кромѣ сухого хлѣба съ солью". На ряду съ военными и гимнастическими упражненіями, устраивались общія пиршества, игры и танцы, торжественныя процессіи и театральныя представленія. Въ этомъ случаѣ очень пригодилась жизнерадостная артистическая натура Іоанна.

Особенно характерны театральныя зрѣлища, которыя приказывалъ онъ давать. Одно изъ нихъ, носившее тенденціозный характеръ, описываетъ намъ Гресбекъ: „они доставляли себѣ большія удовольствія, чтобы провести время. Такъ, напр., король (т.-е. Іоаннъ) велѣлъ собрать весь простой народъ въ соборѣ, и весь народъ собрался, мужчины и женщины, кромѣ тѣхъ, которые сторожили на валахъ, чтобы увидѣть то, что должно было произойти въ соборѣ. Король велѣлъ сдѣлать на соборныхъ хорахъ надъ алтаремъ, который виденъ отовсюду, сцену, обвѣшанную занавѣсями, и тамъ они давали представленіе о богачѣ и Лазарѣ. Такъ они начали игру и продолжали играть и говорили стихи другъ другу. Послѣ каждаго обращенія богача къ Лазарю, стоявшіе у подножья сцены три флейтщика съ флейтами начинали играть пьесу въ три голоса. Потомъ опять говорилъ богачъ и снова играли флейтщики. Такимъ образомъ представленіе продолжалось до конца, и, наконецъ, появлялись черти, и захвативши богача съ душою и тѣломъ, уводили его за занавѣсъ. Въ соборѣ тогда поднимался смѣхъ, и всѣ испытывали отъ этого большое удовольствіе".

Общность имущества была основой всего анабаптистскаго движенія. Изъ-за нея же боролись подъ Мюнстеромъ, но характеръ мюнстерскаго анабаптистскаго государства опредѣлился прежде всего не подъ вліяніемъ общности имущества, но подъ вліяніемъ осады. Мюнстеръ былъ большимъ военнымъ лагеремъ, военныя требованія шли впереди всякихъ другихъ, а свобода и равенство имѣли мѣсто лишь настолько, насколько не мѣшали военной диктатурѣ.

Едва только 10 февраля Мюнстеръ попалъ въ руки анабаптистовъ, какъ они стали посылать во всѣ стороны письма своимъ единомышленникамъ съ приглашеніемъ явиться въ Мюнстеръ. Въ одномъ дошедшемъ до насъ письмѣ говорится: „здѣсь у васъ будетъ всего вдоволь. Бѣднѣйшіе изъ насъ, которыхъ прежде считали нищими, у насъ теперь такъ же прекрасно одѣты, какъ высшіе и знатнѣйшіе, которые бывали у васъ и у насъ; бѣднѣйшіе сдѣлались Божіею милостью такъ же богаты, какъ бургомистры и городскіе богачи".

Но развитіе этого каммунизма остановилось въ самомъ началѣ.

Вездѣ говорится о томъ, что въ Мюнстерѣ была уничтожена всякая

частная собственность. Но ничего подобнаго на самомъ дѣлѣ не было; уничтожено было только частное владѣніе золотомъ и серебромъ въ деньгахъ. Пророки, предсказатели и совѣтъ „пришли къ соглашенію и рѣшили, что впередъ имущество должно быть общее для всѣхъ, что каждый долженъ принести свое золото, серебро и деньги“. Эти деньги употреблялись на расходы, необходимые при сообщеніи города съ внѣшнимъ міромъ, и въ особенности для отправки агитаторовъ и найма ландскнехтовъ. Но отдѣльныя хозяйства продолжали существовать попрежнему, а частная собственность на предметы производства и потребленія уничтожалась лишь настолько, насколько этого требовали военныя нужды.

Правда, въ Мюнстерѣ происходили общія трапезы, но это были отчасти случайныя, торжественныя собранія народа, — такъ называемыя причастія, — а отчасти военная мѣра. „Они передъ каждыми воротами имѣли домъ, принадлежавшій общинѣ,—говоритъ Гресбекъ:—туда шелъ ѣсть каждый, кто стоялъ на часахъ у воротъ и кто трудился на валахъ и у рвовъ. Точно также они имѣли обыкновеніе проповѣдывать въ общемъ домѣ, каждый день утромъ и въ обѣдъ. Діаконы должны были заботиться о пищѣ въ каждомъ такомъ домѣ. Каждыя ворота имѣли своихъ діаконовъ. Въ каждомъ приходѣ они поставили хозяина общиннаго дома, который долженъ былъ распоряжаться приготовленіемъ пищи и завѣдывать всѣмъ домомъ Во время же обѣда каждый разъ вставалъ молодой человѣкъ и читалъ главу изъ Ветхаго Завѣта или изъ пророковъ. По окончаніи обѣда они пѣли нѣмецкій псаломъ, послѣ этого вставали и снова шли къ своимъ сторожевымъ постамъ“.

Не только мужчины, но и женщины принимали участіе въ этихъ трапезахъ, такъ какъ и онѣ участвовали въ защитѣ города.

Общія трапезы происходили на счетъ католической церкви и эмигрантовъ. Изъ ихъ домовъ и изъ монастырей діаконы брали необходимые продукты. Въ каждомъ приходѣ было назначено по три діакона, которымъ была передана также забота о бѣдныхъ.

Дальше этого христіанскій коммунизмъ на практикѣ никогда не заходилъ, разъ онъ допускалъ существованіе отдѣльныхъ хозяйствъ. Гресбекъ говоритъ: „Діаконы ходили по своимъ приходамъ и обязаны были освѣдомляться, сколько бѣдныхъ людей въ городѣ, и заботиться, чтобы ни въ чемъ не было недостатка; повидимому, они и на самомъ дѣлѣ исполняли это въ Мюнстерѣ“.

И земля, которую обрабатывать заставляла необходимость, не обрабатывалась сообща, но каждому дому назначали участокъ для обработки. Такъ король назначилъ завѣдующихъ полями (Landhern), которыхъ было четверо въ городѣ; они ходили по всему городу, во всѣ дворы, и каждому дому назначали участокъ или два, смотря по тому, сколько людей было въ домѣ. Тамъ пахали и садили картофель, капусту, рѣпу, фасоль и горохъ. У кого былъ большой участокъ, тотъ долженъ былъ пользоваться лишь такою его частью, какую ему указывалъ распорядитель“.

Сохраненіе отдѣльныхъ хозяйствъ было тѣсно связано съ поддержаніемъ дисциплинарной власти главы хозяйства надъ членами его; средневѣковая же семья состояла не только изъ мужа, жены и дѣтей. Большія домоводства того времени требовали и челяди, потому что мы находимъ въ Мюнстерѣ не только власть мужа надъ женой, но и власть господина надъ слугами. Въ одномъ изъ эдиктовъ старѣйшинъ, третій параграфъ трактуетъ о господствѣ мужчины и подчиненіи женщинъ, а четвертый — о послушаніи домашней челяди хозяину и объ обязанно-

стяхъ хозяина по отношенію къ челяди. Такимъ образомъ и на общія трапезы приглашали „каждаго брата съ его женой и съ его челядью".

Рядомъ съ отдѣльными хозяйствами не переставало также существовать тѣсно соединенное съ ними мелкое производство. И какъ не была уничтожена прислуга, такъ не была уничтожена и разница между мастеромъ и подмастерьемъ.

Слѣдовательно, вовсе несправедливо утвержденіе историковъ, что былъ введенъ „всеобъемлющій коммунизмъ имущества". Почему дѣло до этого не дошло,—объясняется такимъ же образомъ, какъ и незначительная дѣятельность парижской коммуны въ области соціальныхъ реформъ. Это было естественно-необходимое слѣдствіе осады, вліяніе которой мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу. Она занимала всѣ умы и вліяла на всѣ поступки. Война никогда еще не представляла благопріятнаго момента для коренного переустройства общества.

Какъ въ экономическомъ, такъ и въ религіозномъ отношеніи анабаптисты не дошли до коренныхъ преобразованій: Келлеръ этому удивляется: „слѣдовало бы ожидать, что ихъ дѣятельность прежде всего выразится въ объявленіи новаго церковнаго устройства, или въ предписаніяхъ о формѣ богопочитанія, или въ тому подобныхъ вещахъ. Но въ этомъ отношеніи не только въ началѣ не было необходимыхъ мѣропріятій, но даже, насколько намъ извѣстно, дѣло вообще никогда не доходило до упорядоченія богослужебныхъ формъ". Намъ это не кажется страннымъ. Мы приписываемъ это обстоятельство частью войнѣ, но частью также и тому, что анабаптисты, также какъ, напр., богемскіе братья или Мюнцеръ, относились равнодушно къ формамъ богослуженія.

Ихъ пристрастье къ Ветхому Завѣту, которое обнаруживается на каждомъ шагу, и ихъ призрѣніе къ учености, которое они доказали, сжегши на соборномъ дворѣ всѣ книги и рукописи, какія нашли въ городѣ, за исключеніемъ библіи, — все это вполнѣ согласуется съ общимъ духомъ еретическаго коммунизма. И все это подтверждаетъ также и то правило, что презрѣніе къ учености у коммунистовъ шло рука объ руку съ заботами о народной школѣ. Несмотря на осаду, они устроили 5 или 6 новыхъ школъ, въ которыхъ учились дѣти, мальчики и дѣвочки; „они учили нѣмецкіе псалмы, чтеніе и письмо; все то, чему они учились, было анабаптистское и согласное съ ихъ правилами".

Мы находимъ также у мюнстерскихъ баптистовъ мистицизмъ, вѣру нѣсколькихъ особенно восторженныхъ братьевъ въ непосредственное общеніе съ Богомъ, въ откровеніе и пророчество. О Книпппердолингѣ, Іоаннѣ Матисѣ, Бокельзонѣ и другихъ пророкахъ Новаго Іерусалима разсказываютъ многочисленные случаи положительно болѣзненнаго экстаза, которые вѣроятно значительно преувеличены и прикрашены повѣствователями, но во всякомъ случаѣ не были ими цѣликомъ выдуманы.

Болѣе радикальный характеръ носили у анабаптистовъ преобразованія семейныхъ отношеній, преобразованія, которыя долгое время возмущали нравственное чувство историковъ, не умѣвшихъ вполнѣ понять ихъ. Мы уже видѣли, въ какомъ искаженномъ видѣ понималось за стѣнами Мюнстера то, что дѣлалось въ его стѣнахъ во время осады. И въ особенности это относится къ нравственно-семейной жизни анабаптистовъ. Ихъ тяжко обвиняли за „бездушіе и скотскую разнузданность", за почти нероновскую распущенность нравовъ.

Между тѣмъ теоретическія воззрѣнія анабаптистовъ на бракъ отличаются необыкновенной строгостью и чистотой. Вотъ что говорится по

этому поводу въ защитительной рѣчи, изданной совѣтомъ 12-ти старѣйшинъ: „Бракъ, говоримъ мы, придерживаясь Писанія, есть соединеніе мужчины и женщины и обязательство передъ Господомъ... Богъ создалъ въ началѣ человѣка, и создалъ мужчину и женщину и соединилъ обоихъ въ священномъ бракѣ, чтобы они были двѣ души и одна плоть, и никакой человѣкъ не долженъ разлучить такого соединенія... Бракъ есть отображеніе Іисуса Христа и его святой невѣсты, т.-е. его общины вѣрующихъ, и какъ Христосъ и община соблюдаютъ и держатся другъ друга, такъ и брачущіе о Господѣ и соединенные Богомъ должны другъ друга соблюдать и держаться. И если мы такъ относимся къ браку, то есть разница между нашимъ бракомъ и бракомъ язычниковъ и невѣрующихъ. Бракъ невѣрующихъ есть преступленіе и несчастіе, потому что они женятся не иначе, какъ ради друзей, родственниковъ, денегъ и имущества, ради плоти и нарядовъ... Такъ какъ бракъ есть честное и прекрасное состояніе, то никто не долженъ приступать къ нему легкомысленно, но съ чистымъ сердцемъ и не искать ничего, кромѣ славы и воли Божіей“.

Однако, провести на практикѣ эти воззрѣнія въ осажденномъ городѣ оказалось невозможнымъ, а вмѣсто того въ немъ дѣйствительно распространилось многоженство. Объясненіе этого факта слѣдуетъ искать въ особыхъ отношеніяхъ половъ въ Мюнстерѣ во время осады. Благодаря массовому бѣгству изъ него благонамѣренныхъ гражданъ, преимущественно мужчинъ, въ городѣ явился громадный перевѣсъ женщинъ. Гресбекъ сообщаетъ, напр., что на 1500 способныхъ носить оружіе мужчинъ приходилось до 8—9000 женщинъ! Это необыкновенное положеніе осложнялось еще тѣмъ, что почти половина мужчинъ—бѣглецы изъ другихъ мѣстъ и ландскнехты—были холостые. Такое положеніе для большинства взрослаго населенія, съ теченіемъ осады, которая отрѣзывала его отъ всякаго сообщенія съ внѣшнимъ міромъ, должно было сдѣлаться совсѣмъ невыносимымъ, особенно въ виду строгости анабаптистовъ въ половыхъ отношеніяхъ. Именно эта строгость, угрожавшая тяжелымъ наказаніемъ за развратъ, должна была вызвать, въ концѣ концовъ, полный переворотъ въ брачныхъ отношеніяхъ. Когда жизнь рядомъ тысячи мужчинъ съ нѣсколькими тысячами женщинъ повела къ тому, что бракъ часто сталъ нарушаться — многія жены, напр., имѣли мужей, которые давно ушли изъ города и о которыхъ они ничего не знали,—старѣйшины и пророки поняли, что единственнымъ средствомъ для цѣлесообразнаго противодѣйствія начинавшейся разнузданности является установленіе брачныхъ отношеній на новыхъ началахъ. Послѣ долгаго раздумья они приступили къ этому дѣлу въ іюлѣ, на пятый мѣсяцъ осады.

Задача предстояла трудная, почти невыполнимая. Нужно было установить брачное право, которое гармонировало бы со строгой брачной моралью анабаптизма, но при этомъ соотвѣтствовало бы единственнымъ въ своемъ родѣ отношеніямъ половъ, существовавшихъ въ Мюнстерѣ. Сообразно съ трудностью задачи новыя брачныя правила вышли въ свѣтъ не въ формѣ одного закона, но въ формѣ разнообразныхъ, отчасти дополняющихъ, а отчасти исключающихъ другъ друга постановленій. Мюнстерскіе анабаптисты не пошли дальше поисковъ подходящей брачной формы, да и не могли пойти дальше, при наличности тѣхъ ненормальныхъ отношеній, въ которыхъ они жили. Пробовали, напр., въ хозяйственномъ отношеніи соединять нѣсколькихъ женщинъ въ одну семью подъ главенствомъ одного мужчины, исходя изъ той мысли, что существовало много хозяйствъ, лишен-

ныхъ своихъ главъ. Но женой въ такомъ новомъ хозяйственно-семейномъ цѣломъ считалась одна, другія же носили названіе ея подругъ. Прообразомъ для такого рода семьи послужило многоженство патріарховъ. Иногда разрѣшалось мужчинамъ выбирать себѣ въ фактическія жены двухъ женщинъ. Но между этимъ половымъ и экономическимъ многоженствомъ слѣдуетъ дѣлать строгое различіе. При первомъ мужчина выбиралъ себѣ женъ, а при второмъ женщины выбирали себѣ мужчину, котораго онѣ желали имѣть своимъ покровителемъ. Впрочемъ, какъ бы не представлять себѣ это многоженство, во всякомъ случаѣ нельзя думать при этомъ о восточномъ гаремѣ. Послѣдній ведетъ за собой полное порабощеніе женщины, въ Мюнстерѣ же объ этомъ не было и рѣчи.

Таковы были семейныя отношенія въ Мюнстерѣ, часто несправедливо и огульно рисовавшіяся, какъ сатурналіи.

Мюнстерская коммуна просуществовала недолго. Уже къ концу 1534 года мюнстерскіе анабаптисты не могли болѣе ожидать подкрѣпленія изъ Германіи; но у нихъ еще оставалась надежда на Нидерланды, которыя придали столько силы мюнстерскому движенію, давъ ему въ вожди Матиса.

Однако подавленіе амстердамскаго возстанія знаменовало собой гибель послѣдней способной къ дѣятельности части воинственнаго направленія анабаптистовъ внѣ Мюнстера. Послѣ этого исчезла всякая надежда на выручку осажденныхъ мюнстерцевъ.

Среди нихъ уже свирѣпствовалъ голодъ. „Сначала они ѣли лошадей,—говоритъ Гресбекъ,—даже голову и ноги, печень и легкія; затѣмъ ѣли кошекъ, собакъ, мышей, крысъ, большихъ толстыхъ улитокъ, лягушекъ и траву, а мохъ замѣнялъ имъ хлѣбъ. Пока у нихъ была соль, она замѣняла имъ жиръ. Они также ѣли кожи воловъ; размачивали старые башмаки и ѣли ихъ... Дѣти ихъ и старики одинъ за другимъ умирали отъ голода".

Когда нужда сдѣлалась невыносимой, Іоаннъ велѣлъ объявить, что тотъ, кто не хочетъ болѣе участвовать въ борьбѣ и желаетъ оставить городъ, можетъ заявить объ этомъ въ ратушѣ. Дано было 4 дня, въ теченіе которыхъ каждый воленъ былъ выбраться изъ города. Не мало народа воспользовались этимъ разрѣшеніемъ,—женщины, старики и дѣти, а также и много людей, способныхъ носить оружіе. Часть ихъ была тотчасъ же перебита епископскими солдатами, другіе были взяты въ плѣнъ.

Большинство оставшихся рѣшили терпѣть до послѣдняго издыханія и, когда все будетъ потеряно, похоронить себя подъ развалинами Мюнстера. Въ лагерѣ епископа знали объ ихъ бѣдственномъ положеніи. У нихъ было очень мало пороху: „они не стрѣляютъ, если не увѣрены совершенно, что выстрѣлъ достигнетъ цѣли. У нихъ, какъ разсказываютъ плѣнные, всего только полторы бочки пороху",—писалъ 29 мая изъ мюнстерскаго лагеря бургомистръ города Франкфурта, Юстиніанъ Гольцгаузенъ. Военныя силы города сократились до минимума. 24 мая Іоаннъ сдѣлалъ смотръ „тѣмъ, кто былъ способенъ къ бою. Ихъ было, какъ признались намъ плѣнные, всего до 200 человѣкъ".

И, несмотря на все это, епископскія войска долго не рѣшались на штурмъ. Они очень хорошо помнили, что въ борьбѣ съ маленькой кучкой анабаптистовъ имъ пришлось потерять уже до 6000 человѣкъ. Но вотъ уже нашелся измѣнникъ, котораго они ожидали. Это былъ Гресбекъ. 23 мая онъ дезертировалъ изъ города и, будучи взятъ въ плѣнъ, предложилъ

провести осаждающихъ въ городъ по безопасной дорогѣ; анабаптисты не были уже въ состояніи охранять всѣ пункты укрѣпленій.

Подъ предводительствомъ Гресбека передовой отрядъ ландскнехтовъ, числомъ около 200 человѣкъ, счастливо прибылъ къ Крестовымъ воротамъ, на валу перебилъ ближайшихъ и открылъ ворота. Отъ 500 до 600 ландскнехтовъ ворвались въ нихъ, и Мюнстеръ былъ взятъ.

Послѣдовала страшная уличная битва. Анабаптисты забаррикадировались, какъ могли; въ восемь часовъ утра ядро ихъ военной силы, числомъ въ 200 человѣкъ, еще удерживало за собой сильно забаррикадированный рынокъ. Военный совѣтъ епископскихъ генераловъ рѣшилъ, что будетъ слишкомъ рискованнымъ и во всякомъ случаѣ дорого стоющимъ предпріятіемъ изгнать анабаптистовъ силою изъ ихъ послѣдней позиціи. Имъ обѣщали свободный пропускъ, по сдачѣ оружія, и конвой.

Запертые анабаптисты приняли это условіе, такъ какъ у нихъ не было другой надежды. Едва они сложили оружіе и оставили свои укрѣпленія, какъ ихъ безоружныхъ изрубили.

Большая часть предводителей пала, въ томъ числѣ Тильбекъ и Книпенбронкъ, да, вѣроятно, и Ротманъ. Только немногимъ, какъ, напримѣръ, Генриху Крехтингу, удалось бѣжать. Его братъ Берендтъ, равно какъ Книппердолингъ и Іоаннъ Лейденскій, попали живыми въ руки побѣдителей и были сохранены для прекраснаго зрѣлища.

LXVIII. Антитринитаріи.

(Изъ „Исторіи З. Европы въ Новое время", Н. И. Карѣева. Т. II)

Религіозный раціонализмъ реформаціонной эпохи съ особою силою развился въ антитринитаризмѣ второй половины XVI вѣка, который нашелъ пріютъ въ Польшѣ, благодаря фактически установившейся тамъ религіозной свободѣ. Въ середины XVI в. въ Швейцаріи было уже нѣсколько антитринитаріевъ изъ итальянскихъ бѣглецовъ, каковы: Камилло Ренато, Франческо Негри, Гіетро-Паоло Верджеріо, Бернардино Оккино, Леліо Социни, Маттео Грибальдо, Джіорджіо Біяндрата (Бландрата), Джентиле (Гентилій), Паоло Альчіати (Альціатъ), а впослѣдствіи нѣкоторыхъ изъ нихъ мы встрѣчаемъ въ Польшѣ. Всѣ они находились еще подъ вліяніемъ анабаптизма, и только уже въ Польшѣ, подъ вліяніемъ самаго виднаго изъ антитринитаріевъ второй половины XVI в., Фавста Социна, это ученіе порвало связь съ свойственнымъ анабаптизму мистицизмомъ и сдѣлалось совершенно раціоналистической религіей.

Фавстъ Социнъ родился въ Сіенѣ въ 1539 г. и получилъ гуманистическое образованіе, хотя и предназначался къ занятію правомъ. Обладая острымъ умомъ и живя въ эпоху религіозныхъ споровъ, онъ предался разрѣшенію богословскихъ вопросовъ. Ему достались бумаги его дяди Левія Социна, извѣстнаго антитринитарія, когда тотъ умеръ, и чтеніе ихъ не мало содѣйствовало развитію въ Фавстѣ Социнѣ антитринитарскихъ идей. Живя нѣкоторое время при дворѣ тосканскаго великаго герцога Франческо Медичи, онъ усвоилъ самыя утонченныя манеры придворнаго быта, сдѣлавшіяся впослѣдствіи одной иаъ приманокъ, которыя снискали ему расположеніе польской шляхты. Первое его сочиненіе

„Объясненіе первой части первой главы Евангелія отъ Іоанна“, написанное по-латыни, появилось въ 1562 г. Боясь преслѣдованій инквизиціи за высказанныя здѣсь мысли, Социнъ переселился въ Базель и тамъ занялся изданіемъ своихъ новыхъ трактатовъ „Объ Іисусѣ Христѣ Искупителѣ“ и „О состояніи перваго человѣка до грѣхопаденія“, доказывая въ послѣднемъ сочиненіи, что Адамъ уже былъ созданъ смертнымъ, а вовсе не сдѣлался таковымъ вслѣдствіе грѣхопаденія.

Пріѣхавъ въ Польшу въ 1579 г., онъ поставилъ своею задачею объединить всѣхъ польскихъ антитринитаріевъ, разбившихся въ это время на нѣсколько толковъ. Достигнуть этого было довольно трудно, потому что часть сектантовъ была анабаптистской, Социнъ же не хотѣлъ перекрещиваться для вступленія въ ихъ общество. Тѣмъ не менѣе своимъ вліяніемъ на умы, своею терпимостью къ противоположнымъ мнѣніямъ онъ сумѣлъ преодолѣть препятствія, тѣмъ болѣе, что сектанты сами чувствовали потребность сплотиться въ виду двойной опасности отъ католиковъ и отъ протестантовъ. Польскіе гуситы, лютеране и кальвинисты прямо исключили антитринитаріевъ изъ сандомирскаго соглашенія 1570 г., въ которое вступили между собою для общей борьбы съ католицизмомъ. Дѣятельность Социна въ Польшѣ была кипучая: онъ составлялъ сочиненія экзегетическаго и дидактическаго содержанія, велъ обширную переписку съ единомышленниками, разъѣзжалъ по странѣ, подвергая опасности свою жизнь вслѣдствіе уже сильной въ это время католической реакціи, и все это служило одной цѣли—антитринитарской пропагандѣ. Въ 1598 г. краковскіе студенты даже напали на его жилище, разграбили его бумаги и книги и сожгли ихъ на площади при крикахъ собравшейся толпы. Ему самому грозили смертью на кострѣ, если онъ не отречется отъ своей ереси. Онъ не отрекся, и его собрались немедленно потопить въ Вислѣ. Уже двигалось къ рѣкѣ шествіе, но, къ счастью для Социна, въ окно своего дома увидѣлъ толпу одинъ профессоръ: онъ спасъ Социна и далъ ему возможность бѣжать изъ Кракова. До самой своей смерти, въ 1604 году, онъ, несмотря на подобныя преслѣдованія, продолжалъ свое дѣло, и когда онъ умеръ, то значеніе его въ реформаціи послѣдователями его было опредѣлено въ такомъ двустишіи:

Палъ Вавилонъ высокій: Лютеръ разрушилъ въ немъ крышу,
Стѣны Кальвинъ, но Социнъ сокрушилъ и основы.

Социнъ завершилъ развитіе антитринитаризма въ Польшѣ, уложивъ его въ систему, которая была представлена въ такъ называемомъ Раковскомъ катехизисѣ, изданномъ по-польски въ 1605 г. и по-нѣмецки въ 1608. Дальнѣйшія изданія этого катехизиса дѣлались уже по изгнаніи социніанъ изъ Польши, причемъ эти позднѣйшія изданія очень интересны заявленіями о необходимости полной религіозной свободы и объ измѣняемости вѣроученія сообразно съ движеніемъ времени. Социніанизмъ объединилъ большое количество польскихъ сектантовъ; къ нему присоединились и многіе иностранные антитринитаріи, бѣжавшіе въ Польшу отъ преслѣдованія на родинѣ. Центромъ социніанизма сдѣлалось мѣстечко Раковъ, принадлежавшее Сѣнинскому. Владѣлецъ Ракова принялъ ученіе Социна и превратилъ свое мѣстечко въ столицу социніанъ. Раковъ сдѣлался „сарматскими Аѳинами“: здѣсь была высшая школа съ тысячею студентовъ въ лучшее время ея существованія, и среди нихъ были и католики, и протестанты, и шляхтичи, и плебеи; здѣсь существовала типографія, выпускавшая социніанскія изданія; здѣсь же собирались ежегодные синоды социніанъ, рѣшавшіе не только религіозныя

дѣла, но и свѣтскія, такъ какъ послѣдователи ученія только въ крайнихъ случаяхъ прибѣгали не къ своему суду. Но это процвѣтаніе было непродолжительно: вслѣдъ за тѣмъ, какъ нафанатизированная іезуитами толпа разсѣяла антитринитарскую общину въ Люблинѣ (1627), и для Ракова пришла очередь, когда онъ достался католическому шляхтичу, который превратилъ „сарматскія Аѳины" въ жалкую деревню. Въ Литвѣ центромъ антитринитаризма былъ Несвижъ. Здѣсь, между прочимъ, это движеніе коснулось отчасти и православнаго населенія Рѣчи Посполитой.

Если антитринитарское движеніе зародилось въ нѣмецкимъ земляхъ въ анабаптистскомъ, мистическомъ сектантствѣ, то не эта его форма пришлась по характеру полякамъ. Недаромъ главными дѣятелями сектантскаго движенія въ Польшѣ были итальянцы, уже раньше вліявшіе на нее своей культурой: поляки издавна были предрасположны къ принятію итальянскихъ идей, отличавшихся болѣе скептическимъ и раціоналистическимъ характеромъ. Вообще нѣмецкая реформація съ своимъ сектантствомъ имѣла совсѣмъ иной психологическій источникъ, чѣмъ социніанизмъ, распространившійся въ Польшѣ. Еще до появленія Лютера отдѣльныя лица провозглашали тезисъ „объ оправданіи посредствомъ вѣры", сдѣлавшійся исходнымъ пунктомъ и краеугольнымъ камнемъ лютеранской, цвингліанской и кальвинистической теологіи. Вопросъ о томъ, какъ спастись отъ первороднаго грѣха, былъ мученіемъ всей жизни Лютера до той поры, когда онъ узналъ, что „праведный отъ вѣры живъ будетъ". Съ другой стороны, въ Германіи давно уже развивался и дѣйствовалъ на умы мистицизмъ, подготовлявшій собою сектантство, и въ послѣднемъ развилось ученіе о „внутреннемъ откровеніи", о непосредственномъ божественномъ дѣйствіи на душу человѣка, стоящемъ выше буквы „внѣшняго откровенія". Между „оправданіемъ" посредствомъ внутренняго акта вѣры по дѣйствію на душу благодати и „божественнымъ озареніемъ" этой души свыше существуетъ глубокая связь: оба ученія выросли на одной и той же психологической почвѣ религіознаго настроенія духа. Иной характеръ религіозное движеніе, охватившее часть интеллигенціи, имѣло въ Италіи: и тамъ въ эту эпоху стали заниматься религіозными вопросами, но интересовались ими больше съ философской стороны, нерѣдко даже безъ спеціально-христіанскаго оттѣнка, и холодный анализъ разума не допускалъ здѣсь никакого мистическаго озаренія. Лютеръ не сомнѣвался въ безсмертіи души; его мучилъ лишь вопросъ о томъ, какъ оправдаться передъ Богомъ, чтобы достигнуть спасенія въ загробной жизни, въ которой онъ былъ твердо увѣренъ. Въ Италіи между тѣмъ вопросъ о личномъ безсмертіи былъ предметомъ сомнѣній (вспомнимъ одного Помпонацци, современника папы Льва X), и это сомнѣніе, а не „оправданіе", сдѣлалось исходнымъ пунктомъ всей социніанской теологіи. Мы упомянули уже, что въ сочиненіи „О состояніи перваго человѣка до грѣхопаденія" Фавстъ Социнъ отвергъ церковное ученіе о созданіи Адама безсмертнымъ и сталъ, наоборотъ, учить, что всѣ люди родятся смертными. Какъ Лютеръ утверждалъ, что „оправдываетъ" человѣка вѣра во Христа, такъ Социнъ говорилъ, что эта вѣра дѣлаетъ человѣка безсмертнымъ. Не изъ христіанскаго чувства грѣховности, не изъ боязни передъ страшными послѣдствіями первороднаго грѣха вытекла вся его догматика; это чувство и самое понятіе о первородномъ грѣхѣ имѣли мало силы надъ умомъ итальянца: въ немъ зародилось сомнѣніе, дѣйствительно ли человѣкъ по природѣ своей безсмертенъ послѣ грѣхопаденія. Социнъ отвѣтилъ на этотъ вопросъ отрицательно и чисто ра-

ціоналистическимъ путемъ, вопреки вѣковой традиціи всего христіанства, создалъ свое оригинальное ученіе. По его представленію, человѣкъ смертенъ по природѣ, а вслѣдствіе грѣхопаденія уничтожается и въ загробной жизни; цѣль христіанства въ томъ и состоитъ, чтобы избавить его отъ этой второй смерти: „христіанская религія есть путь, свыше открытый для достиженія вѣчной жизни“. Признавая св. писаніе единственнымъ авторитетомъ, Социнъ толковалъ его, однако, очень широко, различая въ немъ существенное и несущественное, буквальное и иносказательное, откуда критическій раціонализмъ всей системы, порвавшей съ дѣйствительнымъ, историческимъ христіанствомъ. Поэтому Социнъ и его послѣдователи отвергали догматъ о троичности Божества, не находя его буквально формулированнымъ въ св. писаніи и не соглашаясь съ нимъ, кромѣ того, по чисто раціоналистическимъ соображеніямъ. Съ тѣмъ же чисто діалектическимъ творчествомъ собственной мысли Социнъ училъ, что цѣлью пришествія Христова было сообщеніе человѣку безсмертія въ загробной жизни, какъ произвольнаго дара Божія. Это надѣленіе человѣка новымъ качествомъ произошло чрезъ воскресеніе Іисуса Христа: оно, говорилъ Социнъ, есть гарантія нашего собственнаго воскресенія. Чтобы это послѣднее утвержденіе имѣло смыслъ, Социну нужно было признаніе Искупителя за простого человѣка: отличайся Христосъ отъ остальныхъ смертныхъ своею божественностью, въ его воскресеніи не было бы указанной гарантіи. Съ другой стороны, съ раціоналистической же точки зрѣнія Социнъ не допускалъ ни воплощенія Божества, ни неслїяннаго и нераздѣльнаго соединенія двухъ естествъ въ Богочеловѣкѣ. Впрочемъ, многіе социніане видѣли въ Іисусѣ Христѣ все-таки болѣе, чѣмъ простого человѣка, признавали его сверхъестественное рожденіе, полную его святость и совершенную безгрѣховность, а также сообщенное ему Богомъ за „послушаніе даже до смерти“ могущество, и требовали божескаго поклоненія Христу. Болѣе крайніе изъ нихъ шли дальше, не видя въ Христѣ ничего больше, кромѣ простого человѣка. Крестная смерть для нихъ была не искупительной жертвой, а простымъ переходнымъ моментомъ къ воскресенію, въ которомъ заключается гарантія воскресенія всѣхъ людей. Съ этой же точки зрѣнія причащеніе они принимали за простой символъ, а крещеніе считали за излишнее для спасенія.

Мы еще увидимъ, какая судьба въ серединѣ XVII вѣка постигла социніанъ въ Польшѣ. Гоненія, которымъ они здѣсь подверглись въ эпоху католической реакціи, заставили ихъ перенести свое мѣстопребываніе въ Нидерланды, гдѣ они и продолжали издавать богословскія сочиненія въ духѣ своей системы. Социніане и въ послѣдующія эпохи остаются при вѣрѣ въ боговдохновенность св. писанія, въ которомъ, однако, они признавали за дѣйствительное откровеніе то, что̀ не противорѣчило разуму. Правда, ихъ общій взглядъ на взаимныя отношенія св. писанія и разума отличается неопредѣленностью, но на практикѣ они все болѣе и болѣе послѣдовательно защищали права разума. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ изданій „Раковскаго катехизиса“ прямо рекомендовалось не вводить ничего, что̀ было бы противно разуму (nequid statuatur, quod ipsi sanae rationi repugnet seu contradictionem involvet). Въ качествѣ историческаго фактора социніанизмъ, утратившій послѣ своего паденія въ Польшѣ значеніе, какъ церковная организація, оказалъ большое вліяніе на позднѣйшій религіозный раціонализмъ. Другимъ аналогичнымъ явленіемъ въ исторіи реформаціи былъ англійскій деизмъ XVII вѣка, въ которомъ, какъ мы это увидимъ въ своемъ мѣстѣ, тоже былъ очень силенъ раціоналистическій элементъ.

7. СЛѢДСТВІЯ РЕФОРМАЦІИ XVI В.

LXIX. Итоги реформаціи XVI в. въ области культурныхъ и соціальныхъ принциповъ.

(Изъ „Исторіи З. Европы въ Новое Время", Н. И. Карѣева. Т. II).

Разсмотрѣніе реформаціи въ собственномъ смыслѣ нами окончено: мы познакомились съ разными видами реформаціи и съ исторіей ея въ разныхъ странахъ. Намъ предстоитъ теперь поставить вопросъ объ общихъ ея результатахъ, какъ прежде мы ставили вопросъ объ ея причинахъ. На однихъ ея результатахъ, каковыми, напримѣръ, является распаденіе католическаго единства западной Европы и появленіе новыхъ церквей, останавливаться нечего, такъ какъ они очевидны сами собою; о другихъ, каковы освобожденіе протестантскихъ государей отъ папской власти, подчиненіе имъ мѣстнаго духовенства, обогащеніе ихъ отъ секуляризаціи церковныхъ имуществъ и т. п., мы тоже распространяться не станемъ. Съ другой стороны, мы видѣли, что для каждой страны въ отдѣльности, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, реформація имѣла далеко не одинаковое значеніе; но и въ этомъ отношеніи все наиболѣе важное было уже указано, а какія могутъ быть еще сдѣланы дополненія, для этого найдется мѣсто въ дальнѣйшемъ изложеніи событій. Но есть нѣкоторая такая еще область, по отношенію къ которой недостаточно ограничиться итогами реформаціи съ указанныхъ точекъ зрѣнія: это область—общихъ принциповъ, внесенныхъ реформаціей въ культурную и соціальную исторію.

Начнемъ съ вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ католицизма, гуманизма и протестантизма.

Исходные пункты протестантизма находились въ полной противоположности съ католицизмомъ, хотя новые принципы и не были цѣликомъ введены въ жизнь: здѣсь были одни противъ другихъ принципы церковнаго авторитета и индивидуальной свободы, формальной набожности и внутренней религіозности, традиціонной неподвижности и прогрессивнаго развитія. Такъ дѣло представляется съ отвлеченной точки зрѣнія, но въ дѣйствительности реформація слишкомъ часто была только перемѣною формы, а не принципа: мы видѣли, напр., что во многихъ отношеніяхъ кальвинизмъ былъ только сколкомъ съ католицизма. Въ самомъ дѣлѣ, реформація нерѣдко лишь замѣняла одинъ церковный авторитетъ въ дѣлахъ вѣры другимъ или авторитетомъ свѣтской власти установляла для всѣхъ обязательныя внѣшнія формы и, установивъ извѣстныя начала въ церковной жизни, дѣлалась по отношенію къ этимъ началамъ силою консервативною, не допуская дальнѣйшаго ихъ измѣненія. Такимъ образомъ, вопреки основнымъ принципамъ протестантизма, реформація въ дѣйствительности нерѣдко сохраняла старыя культурно-соціальныя традиціи. Протестантизмъ, взятый съ принципіальной своей стороны, былъ религіознымъ индивидуализмомъ и въ то же время попыткою освобожденія

государства отъ церковной опеки. Послѣдне удалось въ большей степени, чѣмъ проведеніе индивидуалистическаго принципа: государство не только освобождалось отъ церковной опеки, но само подчиняло себѣ церковь и даже становилось на мѣсто церкви по отношенію къ своимъ подданнымъ прямо вопреки индивидуалистическому принципу реформаціи. Своимъ индивидуализмомъ и освобожденіемъ государства отъ теократической опеки протестантизмъ сходится съ гуманизмомъ эпохи Возрожденія, въ которомъ, какъ извѣстно, сильны были индивидуалистическія и секуляризаціонныя стремленія. Общими у ренессанса и реформаціи были именно стремленія личности создать себѣ собственный взглядъ на міръ и критическое отношеніе къ традиціоннымъ авторитетамъ, соединенное съ развитіемъ индивидуализма въ формахъ раціонализма и мистицизма; освобожденіе жизни отъ аскетическихъ требованій и реабилитація инстинктовъ человѣческой природы, выразившіяся въ отрицаніи монашества и целибата духовенства; эманципація государства, секуляризація церковной собственности и т. д. Но, сходясь между собою въ этихъ отношеніяхъ, протестантизмъ и гуманизмъ расходились въ другихъ, будучи одинъ явленіемъ преимущественно свѣтской культуры, другой — культуры религіозной: гуманисты исходили изъ идеи земного благополучія личности, реформаторы—изъ идеи загробнаго спасенія; въ своихъ стремленіяхъ первые опирались на классиковъ, вторые на св. писаніе и отцовъ церкви; одни радовались возрожденію античной образованности, другіе стремились возвратить церковь къ первымъ вѣкамъ христіанства: въ одномъ направленіи индивидуализмъ принималъ характеръ раціоналистическій, въ другомъ—мистическій.

Религіозная и политическая свобода новой Европы обязана своимъ происхожденіемъ преимущественно протестантизму; наоборотъ, свободная мысль и свѣтскій характеръ культуры ведутъ начало отъ гуманизма. Обновленный католицизмъ оказался по существу своему принципіальнымъ противникомъ свободы совѣсти и свободы мысли, но онъ входилъ въ сдѣлки и съ политическою свободой, и съ свѣтской культурой, когда считалъ это нужнымъ для возвращенія себѣ прежней власти надъ міромъ, между тѣмъ какъ протестанты, защищавшіе политическую свободу, искренне вѣрили во внутреннюю ея правоту, а „философы“ XVIII в. столь же искренне вѣрили въ истину научнаго знанія. Сопоставляя эти культурно-соціальные принципы протестантизма, гуманизма и обновленнаго католицизма, мы должны признать общую прогрессивность двухъ первыхъ, несмотря на всѣ ихъ недостатки, даже съ точки зрѣнія требованій ихъ времени, и общій регрессивный характеръ католической реакціи, вызванной, впрочемъ, самой реформаціей.

Разсмотримъ же судьбу идей свободы совѣсти, свободы мысли, свободы свѣтскаго государства и политической свободы въ исторіи реформаціи.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что протестантизмъ породилъ принципъ свободы совѣсти, хотя реформація его и не осуществила. Исходнымъ пунктомъ реформаціи былъ, какъ извѣстно, религіозный протестъ, имѣвшій въ своей основѣ нравственное убѣжденіе: всѣ, сдѣлавшіеся протестантами по внутреннему убѣжденію, встрѣчали отпоръ со стороны католической церкви, а иногда и со стороны государственной власти, но мужественно и даже претерпѣвая мученичество, они отстаивали свободу своей совѣсти, возводя ее даже въ принципъ религіозной жизни, какъ это дѣлалось особенно индепендентами. Въ большинствѣ случаевъ, однако, принципъ этотъ на практикѣ искажался. Мы видѣли, напр., какъ

отступилъ отъ него самъ Лютеръ, торжественно сначала его провозгласившій передъ лицомъ всего міра, но это былъ лишь частный случай болѣе общаго правила. Весьма часто гонимые ссылались на этотъ принципъ лишь въ видахъ самообороны, не имѣя достаточно терпимости, чтобы не дѣлаться гонителями другихъ, когда къ тому представлялась возможность, и думая, что, какъ обладатели истины, они могутъ принуждать къ ней другихъ. Ставя реформацію подъ покровительство свѣтской власти, сами реформаторы передавали ей права старой церкви надъ индивидуальною совѣстью. Съ другой стороны, завоевывая религіозную свободу, протестанты нерѣдко завоевывали ее только для себя. Нѣмецкіе князья, протестовавшіе на имперскомъ сеймѣ противъ вмѣшательства свѣтской власти въ религіозную область и ссылавшіеся при этомъ на тотъ принципъ, что дѣла вѣры не могутъ рѣшаться большинствомъ, сами, однако, пользовались правомъ по-своему рѣшать, какой вѣры должны были держаться ихъ подданные. Мы увидимъ еще, что по религіознымъ эдиктамъ, дававшимъ гугенотамъ свободу богослуженія во Франціи, дворянство получало въ этомъ отношеніи болѣе широкія права, чѣмъ горожане. Однимъ словомъ, въ этихъ случаяхъ свобода совѣсти была лишь привилегіей извѣстныхъ лицъ и состояній, а не общимъ правомъ личности. Отстаивая, далѣе, свою вѣру, протестанты ссылались не столько на индивидуальное свое право, какъ это дѣлалъ Лютеръ на вормскомъ сеймѣ, но главнымъ образомъ на обязанность болѣе повиноваться Богу, чѣмъ людямъ; но этимъ же самымъ повиновеніемъ Богу оправдывалось и ихъ нетерпимое отношеніе къ иновѣрію, которое они приравнивали къ оскорбленію Божества. Только позднѣе среди индепендентовъ утвердился принципъ, по которому Христосъ, искупивъ всѣхъ людей своею кровью, сдѣлался единственнымъ господиномъ надъ совѣстью людей. Реформаторы даже признавали за государствомъ право наказывать еретиковъ, съ чѣмъ вполнѣ сходилась съ ними свѣтская власть, видѣвшая въ отступленіи отъ господствующаго вѣроисповѣданія ослушаніе ея велѣніямъ. Правда, на первыхъ порахъ вопросъ объ отношеніи къ несогласнымъ въ вѣрѣ приводилъ реформаторовъ въ немалое смущеніе: не могъ же, напримѣръ, Лютеръ ссылаться на тѣ же самые принципы, на основаніи которыхъ католическая церковь его самого объявила еретикомъ. Поэтому онъ останавливался передъ мыслью о казни еретиковъ и охотнѣе подводилъ ересь подъ понятіе богохульства, наказуемаго и гражданскими законами, а еще больше напиралъ на политическую неблагонадежность такихъ еретиковъ, какими были анабаптисты. Такое отношеніе даже Меланхтонъ, однако, находилъ „глупо мягкимъ", а Кальвинъ не отступилъ передъ сожженіемъ Сервета. Извѣстно, что большинство протестантскихъ богослововъ, включая въ ихъ число и Меланхтона, стали въ этомъ дѣлѣ на сторону Кальвина. У протестантовъ разныхъ толковъ вообще не было взаимной терпимости: лютеране и кальвинисты только и дѣлали, что враждовали одни съ другими. Особенно нетерпимость развита была въ кальвинизмѣ и вообще во второй половинѣ XVI в. Религіозный индифферентизмъ гуманистовъ, конечно, соединялся съ терпимостью къ иновѣрію, но въ немъ не было уваженія именно къ свободѣ религіозной совѣсти, и съ этой точки зрѣнія могло оправдываться насиліе надъ чужою вѣрою, если не въ смыслѣ наказанія за ересь или богохульство, то во имя политической необходимости. Въ протестантизмѣ воззванія къ свободѣ совѣсти у гонимыхъ соединялись съ нетерпимостью у власть имѣющихъ, въ гуманизмѣ широкая терпимость — съ непониманіемъ настоящей свободы совѣсти:

нужно было соединеніе свободы совѣсти съ терпимостью, нужно было устраненіе религіозной нетерпимости и политическаго неуваженія къ чужой совѣсти, чтобы могъ возникнуть чистый принципъ религіозной свободы.

Перейдемъ теперь къ другому выводу. Реформація непріязненно отнеслась къ свободѣ мысли, хотя и содѣйствовала ея развитію. Мы знаемъ, напримѣръ, какъ враждебно говорили о дѣятельности разума и Лютеръ, и Кальвинъ, и это опять-таки не было случайностью. Вообще въ реформаціи теологическій авторитетъ ставился выше дѣятельности человѣческой мысли, и обвиненіе въ раціонализмѣ было однимъ изъ наиболѣе сильныхъ въ глазахъ реформаторовъ. Не предвидя того, къ чему поведутъ заявленія о свободѣ совѣсти и правахъ разума, Лютеръ на вормскомъ сеймѣ еще отстаивалъ и эту свободу, и эти права, но когда на основаніи тѣхъ же принциповъ стали высказывать свои взгляды анабаптисты и антитринитаріи, Лютеръ отшатнулся отъ началъ, приводившихъ къ такимъ результатамъ. То же самое въ сущности было и съ другими протестантами, когда передъ боязнью ереси они забывали права чужой совѣсти и отрицали права собственнаго разума. Между тѣмъ самый протестъ реформаторовъ противъ требованія католической церкви вѣрить, не разсуждая, заключалъ въ себѣ признаніе извѣстныхъ правъ за индивидуальнымъ пониманіемъ, и было въ высшей степени нелогично признавать свободу изслѣдованія, а за его результаты наказывать. Элементъ научнаго изслѣдованія былъ внесенъ въ теологическія занятія еще тѣми гуманистами, которые съ интересомъ къ классическимъ авторамъ соединяли интересъ къ св. писанію и отцамъ церкви и прилагали гуманистическіе методы къ богословію. Для самого Лютера изученіе библіи при помощи новыхъ пріемовъ было цѣлымъ рядомъ научныхъ открытій. Поэтому, несмотря на общій принципъ подчиненія разума авторитету св. писанія, необходимость его толкованія требовала дѣятельности разума, и раціонализмъ, несмотря на вражду къ нему теологовъ и мистиковъ, тѣмъ не менѣе проникалъ въ дѣло церковной реформы. Свободомысліе итальянскихъ гуманистовъ рѣдко направлялось на религію, но, стремясь освободить разумъ отъ теологической опеки, они даже изобрѣли особую уловку, утверждая, что истинное въ философіи можетъ быть ложнымъ въ теологіи и наоборотъ. Въ XVI в. мысль направилась, главнымъ образомъ, на рѣшеніе религіозныхъ вопросовъ, и мистическая идея о внутреннемъ откровеніи, какъ мы увидимъ въ другомъ мѣстѣ, была лишь предшественницей того позднѣйшаго ученія, въ которомъ самъ разумъ являлся откровеніемъ Божества и разсматривался поэтому, какъ источникъ религіозной истины. Мы еще познакомимся съ тѣмъ, какъ англійское сектантство въ соединеніи съ другими культурными факторами привело въ исходѣ XVII в. къ такъ называемому „христіанскому деизму“, объявившему себя „естественной религіей“, или вѣрой „свободныхъ мыслителей“; но уже въ антитринитаризмѣ анабаптическаго происхожденія и въ серветизмѣ въ первой половинѣ XVI в. мы наблюдаемъ сильную примѣсь религіознаго раціонализма.

Отъ вопросовъ о свободѣ совѣсти и свободѣ мысли переходимъ къ вопросамъ о взаимныхъ отношеніяхъ церкви и государства и о политической свободѣ, намѣченнымъ въ началѣ этой главы.

Взаимныя отношенія церкви и государства въ католицизмѣ понимались въ смыслѣ главенства первой надъ вторымъ. Въ реформаціи мы наблюдаемъ стремленіе измѣнить старыя отношенія между церковью и государствомъ. Теперь церковь или подчинялась государству (лютеранство и

англиканство), или какъ бы сливалась съ нимъ воедино (кальвинизмъ), но въ обоихъ случаяхъ происходило, что и государство имѣло конфессіональный характеръ, и церковь являлась учрежденіемъ государственнымъ. Освобожденіемъ государства отъ церкви и сообщеніемъ ей характера учрежденія національно-политическаго нарушались принципы католическаго теократизма и универсализма (отчасти сохранявшіеся, однако, въ кальвинизмѣ). Какая бы то ни было связь между церковью и государствомъ порывалась только въ сектантствѣ. Можно сказать, что въ общемъ реформація дала государству преобладаніе и даже господство надъ церковью, сдѣлавъ изъ самой религіи одно изъ орудій государственной власти.

Въ какія бы отношенія между собою ни становились церковь и государство въ эпоху реформаціи, во всякомъ случаѣ эти отношенія были соединеніемъ религіи и политики. Все различіе заключалось въ томъ, что̀ принималось за цѣль и что́—за средство. Въ общемъ, если въ средніе вѣка политика должна была служить религіи, то, наоборотъ, въ новое время очень часто религію заставляли служить политикѣ. Ранѣе, чѣмъ въ извѣстныхъ формахъ протестантизма церковь должна была подчиняться государству, уже нѣкоторые гуманисты (напримѣръ, Макіавелли) видѣли въ религіи своего рода instrumentum imperii. Католическіе писатели не безъ основанія указываютъ, что это было возвращеніемъ къ языческому государству: въ христіанскомъ государствѣ религія не должна быть политическимъ средствомъ. На ту же точку зрѣнія становились и сектанты. Самое существо сектантства не позволяло ему организоваться въ какую-либо государственную церковь, и тѣмъ самымъ оно должно было приводить къ постепенному разъединенію религіи и политики. Лучше всего это проявилось въ англійскомъ индепендентствѣ XVII вѣка, но вполнѣ осуществился принципъ отдѣленія церкви отъ государства въ сѣверо-американскихъ колоніяхъ Англіи, изъ которыхъ возникли Соединенные Штаты. Отдѣленіе религіи отъ политики приводило къ невмѣшательству государства въ вѣрованія своихъ подданныхъ. Это былъ логическій выводъ изъ сектантства, которое видѣло въ религіи прежде всего дѣло личнаго убѣжденія, а не орудія государственнаго властвованія. Съ этой точки зрѣнія религіозная свобода явилась неотъемлемымъ правомъ личности, и въ этомъ смыслѣ религіозная свобода отличается отъ вѣротерпимости, вытекающей изъ уступокъ, дѣлаемыхъ государствомъ, которое само опредѣляетъ и границы этихъ уступокъ. Во всякомъ случаѣ реформація, произведшая религіозные расколы въ отдѣльныхъ государствахъ, поставила тѣмъ самымъ на практическое разрѣшеніе вопросъ о границахъ власти государства и границахъ свободы гражданъ въ религіозной сферѣ.

Наконецъ, реформація оказала большое вліяніе на постановку и рѣшеніе соціальныхъ и политическихъ вопросовъ въ духѣ принциповъ равенства и свободы, хотя она же содѣйствовала и противоположнымъ общественнымъ тенденціямъ. Мы знаемъ, что мистическій анабаптизмъ въ Германіи, Швейцаріи и Нидерландахъ былъ и проповѣдью соціальнаго равенства; наоборотъ, раціоналистическій антитринитаризмъ въ Польшѣ былъ характера аристократическаго: многіе польскіе сектанты шляхетскаго званія даже защищали право истинныхъ христіанъ имѣть „подданныхъ" или рабовъ, ссылаясь на Ветхій Завѣтъ, а самъ Социнъ осторожно не затрогивалъ этого вопроса. Все въ данномъ случаѣ зависѣло отъ среды, въ которой развивалось сектантство. То же самое можно сказать о политическихъ ученіяхъ протестантовъ: лютеранство и англиканизмъ отличались

монархическимъ характеромъ, цвингліанство и кальвинизмъ—республиканскимъ. Часто говорятъ, будто протестантизмъ всегда стоялъ на сторонѣ свободы, а католицизмъ всегда на сторонѣ власти, но это невѣрно, такъ какъ роли католиковъ и протестантовъ мѣнялись, смотря по обстоятельствамъ, и тѣ же самые принципы, которыми кальвинисты оправдывали свое возстаніе противъ „нечестивыхъ" королей, были въ ходу и у католиковъ, когда они имѣли дѣло съ еретическими государями. Это вообще наблюдается въ іезуитской политической литературѣ, но особенно рѣзко проявляется во Франціи во время религіозныхъ войнъ.

Но что имѣетъ преимущественную важность для пониманія дальнѣйшаго политическаго развитія западной Европы, такъ это развитіе въ кальвинизмѣ идеи народовластія, которая раньше не чужда была легистамъ, защищавшимъ государство отъ папской власти, и нѣкоторымъ гуманистамъ, хотя большинство ихъ стояло за принципатъ, а позднѣе была въ ходу у іезуитовъ, бывшихъ готовыми усваивать все, что можно было употреблять на пользу церкви. Несмотря на то, что не кальвинисты были изобрѣтателями этой идеи и что не одни они развивали ее въ XVI в., никогда ранѣе она не получала одновременно такой теоретической обосновки и такого практическаго вліянія, какъ именно въ XVI в., и ни для кого не имѣла такого религіознаго значенія, какъ для кальвинистовъ (а въ XVII в. для индепендентовъ). Они вѣрили въ ея истинность, тогда какъ іезуиты, становясь на ту же точку зрѣнія, видѣли только одну ея выгодность при извѣстныхъ обстоятельствахъ.

Лютеръ одно время во имя свободы сопротивлялся и духовной, и свѣтской власти, но вообще онъ отстаивалъ только внутреннюю свободу, а не внѣшнюю, говоря, напр., по поводу крестьянскаго возстанія, что евангеліе освобождаетъ душу, не касаясь внѣшнихъ сторонъ жизни. Организуя свою церковь, онъ не удержался потомъ и на этой точкѣ зрѣнія, подчинивъ внутреннюю свободу церковному авторитету, а церковь—князьямъ. Онъ допускалъ вообще лишь одно пассивное сопротивленіе, исходя изъ той идеи, что обязанность христіанина—терпѣть. Государство, по его мнѣнію, имѣло даже право вмѣшиваться въ дѣла вѣры въ случаѣ проповѣди возмутительныхъ ученій или ученій, несогласныхъ съ ясными текстами св. писанія, и въ случаѣ раздоровъ по поводу догматовъ, беря при этомъ на себя обязанность рѣшать, что согласно съ словомъ Божіимъ и что нѣтъ. Пересмотромъ всѣхъ главныхъ политическихъ вопросовъ съ точки зрѣнія новыхъ началъ занимался также и Меланхтонъ въ Loci communes theologici и въ Epitome philosophiae moralis. Вообще онъ развивалъ слѣдующее положеніе: власть происходитъ отъ Бога; Новый Завѣтъ не установляетъ никакого опредѣленнаго государственнаго устройства, но требуетъ вообще повиновенія властямъ предержащимъ; государство есть хранилище законовъ и охрана религіи; государямъ принадлежитъ право преобразованія церкви (jus reformandi, о коемъ Меланхтонъ написалъ и особую статью); нечестивымъ повелѣніямъ свѣтской власти повиноваться не слѣдуетъ. Послѣдняя оговорка устраняла безусловность повиновенія, но то, что было нечестивымъ для подданнаго, могло казаться именно благочестивымъ для правителя, которому Меланхтонъ въ то же время давалъ право преслѣдовать богохульство; но богохульство правитель могъ усматривать какъ разъ въ томъ, что для его подданныхъ должно было казаться настоящимъ пониманіемъ писанія. Католики для протестантовъ были идолопоклонники; а протестанты для католиковъ — еретики: и тѣ, и другіе охотно

подводили то, въ чемъ упрекали своихъ противниковъ, подъ понятіе богохульства.

Лютеранство допускало только пассивное сопротивленіе. Мы видѣли, что подъ извѣстными условіями Кальвинъ допускалъ и активное сопротивленіе и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ его требовалъ, только не со стороны отдѣльной личности, а со стороны государственныхъ чиновъ королевства. И вообще своимъ республиканскимъ церковнымъ строемъ и предоставленіемъ церкви большей независимости по отношенію къ государству, кальвинизмъ былъ болѣе благопріятенъ, чѣмъ лютеранство, для политической свободы. Случилось къ тому же еще и такъ, что кальвинизмъ распространился среди подданныхъ католическихъ (слѣдовательно „нечестивыхъ") королей, и что стремленіе послѣднихъ къ абсолютизму вызвало въ отдѣльныхъ сословіяхъ политическую оппозицію, соединившуюся съ оппозиціей религіозной. Мы это увидимъ еще на примѣрахъ Франціи и Нидерландовъ, а въ XVII в. и на примѣрѣ Англіи, гдѣ въ данномъ случаѣ роль католицизма игралъ англиканизмъ. Политическая борьба во всѣхъ этихъ странахъ и сопровождалась появленіемъ политическихъ сочиненій въ оппозиціонномъ духѣ.

Если гуманистическая свободная мысль и свѣтская культура были затерты религіознымъ движеніемъ реформаціи, относившимся иногда съ фанатическою нетерпимостью къ разуму и къ свѣтской наукѣ-литературѣ, то свобода религіозная и политическая, находившаяся въ большемъ или меньшемъ пренебреженіи у гуманистовъ, была сильно выдвинута передовыми протестантами. Въ наиболѣе сильной степени ея развитіе совершается въ англійскомъ индепендентствѣ XVII в., черезъ которое главнымъ образомъ протестантскія начала и переходятъ въ „просвѣщеніе" XVIII в.

Мы разсмотрѣли всѣ главныя проявленія реформаціи, протестантизма и сектантства въ XVI вѣкѣ, но къ числу результатовъ реформаціи нужно еще отнести оживленіе самого католицизма, слѣдствіемъ котораго была такъ называемая католическая реакція, направившаяся, собственно говоря, противъ реформаціи, но гибельно подѣйствовавшая и на свѣтское возрожденіе. Хотя на эту реакцію и позволительно смотрѣть, какъ на особый видъ реформаціи рядомъ съ реформаціей протестантской и сектантской, но съ общей точки зрѣнія это было явленіе, явно стремившееся возвратить культурно-соціальную жизнь Европы къ средневѣковымъ началамъ. Такъ какъ, далѣе, въ серединѣ XVI в., когда организовалась эта реакція, начались страшныя религіозныя войны, окончившіяся лишь въ серединѣ XVII в., то мы и можемъ выдѣлить разсмотрѣніе всѣхъ этихъ фактовъ въ особый отдѣлъ „католической реакціи", какъ первой сильной преграды, поставленной со стороны католицизма культурно-соціальному развитію на основаніи принциповъ ренессанса и реформаціи.

LXX. Реформація и ея вліяніе на взаимныя отношенія церкви и государства.

(Изъ соч. Н. И. Карѣева: „Западно-европейская абсолютная монархія").

Разсматривая вѣроисповѣдныя и церковныя отношенія стараго порядка, мы должны бросить взглядъ назадъ и посмотрѣть, какъ въ прежнія времена складывались взаимныя отношенія политики и религіи.

Извѣстно, что вся древность,—какъ восточная, такъ и классическая, какъ монархическая, такъ и республиканская,—не знала того обособленія политики и религіи, которое выразилось въ христіанскомъ мірѣ, благодаря существованію двухъ раздѣльныхъ организацій государства и церкви съ соотвѣтственными понятіями свѣтской и духовной власти. До-христіанское государство было въ то же время само по себѣ и церковью, и глава государства—ея первосвященникомъ.

Возникновеніе дуализма государства и церкви, свѣтской и духовной власти было результатомъ того, что христіанская религія организовалась въ церковное общество, притомъ универсальное, вселенское, внѣ рамокъ римской, тоже универсальной государственности. Когда въ IV в. императорская власть признала новую религію, послѣдняя уже имѣла свою собственную организацію, возникшую независимо отъ государства и представлявшую собою царство Божіе на землѣ. Въ послѣдующія времена взаимныя отношенія между государствомъ и церковью складывались различнымъ образомъ. Въ Византіи произошло подчиненіе церкви государству, приводящее къ представленію о „цезаропапизмѣ“ въ смыслѣ соединенія въ одномъ лицѣ главы и государства (цезаря), и церкви (папы), по аналогіи съ чѣмъ стремленіе средневѣковыхъ папъ тоже сосредоточить въ своихъ рукахъ обѣ власти (sacerdotium и imperium) обозначается, какъ папоцезаризмъ. Въ сущности, однако, нигдѣ въ такой мѣрѣ не осуществилась раздѣльность государства и церкви, безъ полнаго ихъ отдѣленія другъ отъ друга, какъ на средневѣковомъ Западѣ, гдѣ даже возникала цѣлая политико-богословская теорія двухъ властей, установленныхъ самимъ Богомъ, одной ввѣрившимъ души людей и все духовное, другой—ихъ тѣла и все свѣтское, мірское, матеріальное. Цезаропапистскія стремленія обнаруживались по временамъ и на Западѣ (при Карлѣ Великомъ, при Генрихѣ III Франконскомъ), но феодальное государство было наименѣе способно господствовать надъ объединившейся подъ властью одного духовнаго главы, папы, католическою церковью; наоборотъ, скорѣе средневѣковая церковь въ эпоху феодальнаго раздробленія могла осуществить главенство духовной власти надъ свѣтскою. Папа, какъ представитель самого Бога на землѣ, считалъ себя стоящимъ выше свѣтскихъ государей; бывали же случаи, когда папа объявлялъ нѣкоторыхъ изъ нихъ низложенными съ престола и разрѣшалъ ихъ подданныхъ отъ присяги на вѣрность. Вмѣстѣ съ этимъ церковь издавала законы, которые считала обязательными для государства, отнюдь не признавая для себя обязательности законовъ, издававшихся государствомъ. Совершенно въ томъ же родѣ были взаимныя отношенія церкви и государства въ дѣлѣ установленія налоговъ: папа могъ облагать всѣхъ вѣрныхъ, но государи не должны были облагать духовенство. Наконецъ, и въ отношеніи къ суду во многихъ случаяхъ церковь считала подсудными себѣ и свѣтскихъ лицъ, тогда какъ духовные ни въ какихъ случаяхъ не должны были бы подлежать свѣтскимъ судьямъ. Все это оправдывалось соображеніями о превосходствѣ духовнаго надъ плотскимъ, божескаго надъ человѣческимъ, небеснаго надъ земнымъ. Средневѣковая католическая церковь подъ властію папы была теократическимъ воспроизведеніемъ абсолютной монархіи древнихъ римскихъ цезарей, какъ и она, іерархически централизованнымъ цѣлымъ съ неограниченною властью во главѣ. Сдѣланная-было въ эпоху великихъ соборовъ первой половины XV в. попытка превращенія папства изъ абсолютной монархіи въ монархію ограниченную, путемъ организаціи церковнаго представительства на

соборахъ, окончилась неудачею, и католическая церковь въ новое время сохранила характеръ абсолютной духовной монархіи.

Въ исторіи королевской власти на Западѣ церковныя отношенія играли вообще большую роль. Если, съ одной стороны, церковь давала этой власти религіозное освященіе (видимо въ обрядѣ священнаго помазанія и вѣнчанія на царство), то, съ другой стороны, она же и умаляла значеніе этой власти, ставя ее подъ опеку другой, болѣе высокой по своему происхожденію и болѣе священной по своему достоинству власти. По папской теоріи, это была делегація, отъ высшаго къ низшему, извѣстныхъ правъ надъ внѣшнею, матеріальною жизнью людей, причемъ власть делегирующая, высшая сохраняла за собою право судить и наказывать эту низшую, делегированную власть. Государственности новаго времени пришлось вырабатываться въ борьбѣ не только съ феодализмомъ, оказывавшимъ ей сопротивленіе, такъ сказать, снизу, но и съ католицизмомъ, который стѣснялъ ее сверху; задачу же проведенія въ жизнь государственныхъ началъ исполняла въ исходѣ среднихъ вѣковъ, какъ мы знаемъ, королевская власть съ представительными сеймами.

Эпоха сословной монархіи, XIV и XV столѣтія, была временемъ сильнаго роста чисто политической оппозиціи противъ папства. Первые же генеральные штаты во Франціи въ 1302 г., созванные Филиппомъ IV во время его распри съ папою Бонифаціемъ VIII, торжественно провозгласили независимость, въ свѣтскихъ дѣлахъ, французской короны отъ римской куріи, и менѣе, чѣмъ черезъ полвѣка спустя, англійскій парламентъ особымъ актомъ призналъ уничтоженіе той подчиненности, въ какой находилось по отношенію къ Риму королевство послѣ того, какъ Іоаннъ Безземельный призналъ себя папскимъ вассаломъ. Это—только два наиболѣе бросающіеся въ глаза примѣра тогдашней политической оппозиціи противъ притязаній папства. Свѣтскія сословія тѣмъ охотнѣе помогали королевской власти въ этой борьбѣ, что сами тяготились привилегіями и властолюбіемъ духовенства; общая же тенденція государей заключалась въ томъ, чтобы утвердить свою самостоятельность въ свѣткихъ дѣлахъ по отношенію къ папству и вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, поставить мѣстное духовенство въ бо̀льшую отъ себя зависимость. Религіозная реформація XVI в. позволила государямъ половины Западной Европы достигнуть указанныхъ цѣлей совершенно, т.-е. и въ духовныхъ дѣлахъ, освободившись отъ папской власти, и всецѣло подчинивъ себѣ мѣстное духовенство, такъ что и англійскій король, объявившій себя главою церкви въ своемъ государствѣ, и германскіе владѣтельные князья, ставшіе высшими епископами въ своихъ земляхъ, радикально измѣнили въ своихъ владѣніяхъ взаимныя отношенія государства и церкви, ставши на путь цезаропапизма.

Въ Германіи реформаціонное движеніе началось снизу, въ народныхъ массахъ, принявъ чисто революціонный характеръ, но это движеніе, какъ извѣстно, было подавлено князьями. Основанная въ Германіи Лютеромъ церковь безусловно подчинилась княжеской власти. Народные безпорядки заставили реформатора возложить всѣ свои упованія на свѣтскую власть. Сначала онъ стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что пасомые должны сами выбирать своихъ пастырей, но потомъ отказался отъ этого взгляда въ пользу назначенія духовенства государями. „Такъ какъ,—писалъ онъ въ 1526 г. курфюрсту саксонскому,—папскій порядокъ отмѣненъ, всѣ учрежденія дѣлаются вашимъ достояніемъ, какъ верховнаго главы. Ваше дѣло всѣмъ этимъ управлять; никто другой объ этомъ не заботится, не можетъ и не долженъ заботиться“. Съ самаго же начала

устройство новой церкви въ курфюршествѣ было возложено на правительственную комиссію, а управлять церковными дѣлами стала консисторія, сразу получившая характеръ бюрократической канцеляріи. Въ то время, какъ цвингліанская церковь (а позднѣе и кальвинистическая) основала свои внутренніе порядки на основахъ самоуправленія, развитіе лютеранскаго церковнаго устройства пошло по совершенно иному пути. Лютеранскіе государи сдѣлались верховными правителями или „высшими епископами“ (summi episcopi) церквей въ своихъ владѣніяхъ, поручивъ надзоръ за религіозною жизнью суперъ-интендентамъ и учредивъ консисторіи съ административною и судебною властью надъ духовенствомъ. Мало-помалу это духовенство сдѣлалось послушнымъ орудіемъ въ рукахъ свѣтской власти, и о той степени униженія, до которой оно доходило, свидѣтельствуетъ такое заявленіе, сдѣланное однимъ духовнымъ лицомъ XVII в. своему князю: „если бы Господь Богъ не былъ Господомъ Богомъ, никто не былъ бы достойнѣе вашей свѣтлости занять мѣсто Господа Бога“. Съ 1555 по 1648 г. въ Германіи дѣйствовалъ, кромѣ того, законъ, отдававшій совѣсть подданныхъ подъ произволъ княжеской власти: они должны были быть одной вѣры съ княземъ (cujus regio, ejus religio), который самъ имѣлъ право переходить изъ одного исповѣданія въ другое: въ эпоху наибольшаго развитія такихъ порядковъ лютеранскій государь былъ для своихъ подданныхъ и цезаремъ, и папою.

Съ реформаціей явилось понятіе государственной церкви, т.-е. церкви, установленной государствомъ, что уже заключало въ себѣ подчиненіе религіи политикѣ. Католицизмъ былъ организаціей церковнаго единства, протестантизмъ долженъ былъ признать существованіе отдѣльныхъ государственныхъ церквей. Въ Германіи, начиная съ середины XVI в., чуть не каждое протестантское княжество стремилось чѣмъ-нибудь отличаться отъ другихъ такихъ же княжествъ въ церковномъ отношеніи. Англиканская церковь въ теоріи признавала понятіе вселенской церкви, но то была церковь невидимая, видимыми же ея частями признавались церкви національныя подъ видимымъ главенствомъ государей при единомъ невидимомъ главѣ вселенской церкви, Христѣ. Сама англійская реформація началась съ того, что король Генрихъ VIII особымъ парламентскимъ „актомъ о супрематіи“ (1534) былъ объявленъ „единственнымъ покровителемъ и верховнымъ главою (supremum caput) церкви“ со всѣми „титулами, почестями, достоинствами, привилегіями, юрисдикціей и доходами, свойственными и принадлежащими верховному главѣ церкви“, равно какъ съ правомъ и властью „реформировать, исправлять, укрощать и подавлять всѣ тѣ заблужденія, ереси, злоупотребленія и безпорядки, которые того потребуютъ“. О главенствѣ короля въ церкви должны были проповѣдовать въ церквахъ и учить въ школахъ; королю, какъ главѣ церкви, обязаны были приносить особую присягу всѣ духовные и чиновники. Извѣстно, какъ воспользовался своею церковною супрематіей Генрихъ VIII, секуляризовавшій всю монастырскую собственность и вносившій въ догматы и обряды сегодня одни измѣненія, завтра другія. Англиканизмъ соединялъ церковь и государство подъ однимъ главенствомъ, что, по мнѣнію англиканскихъ богослововъ, съ одной стороны, дѣлало государство христіанскимъ, а съ другой обязывало подданныхъ принадлежать къ церковному единенію, установленному государствомъ. Сохранивъ епископатъ, какъ божественное установленіе, черезъ которое въ преемствѣ отъ апостоловъ сообщается благодать священникамъ и мірянамъ, англиканская церковь вмѣстѣ съ тѣмъ подчиняла епископовъ королевской власти.

Монархическія реформаціи XVI в. создавали для государей, ихъ производившихъ, и для ихъ преемниковъ положеніе своего рода папъ или, по крайней мѣрѣ, высшихъ епископовъ въ ихъ владѣніяхъ. Въ то самое время, какъ женевская организація кальвинизма, сливая въ одно цѣлое государство и церковь, въ сущности, стремилась къ поглощенію государства въ церкви, лютеранство и англиканизмъ превращали церковь, слитую воедино съ государствомъ, въ одно изъ вѣдомствъ государственнаго управленія. Въ Англіи епископы имѣли еще самостоятельное значеніе въ качествѣ духовныхъ лордовъ, т.-е. членовъ верхней палаты парламента, но въ лютеранскихъ странахъ суперъ-интенденты, тоже иногда называвшіеся епископами, были въ большей зависимости отъ государей, и здѣсь церковь дѣлалась такимъ же вѣдомствомъ духовныхъ дѣлъ, какія существовали для иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ, для военныхъ дѣлъ, для дѣлъ хозяйственныхъ и т. п.

Въ государствахъ, оставшихся вѣрными католицизму, реформація содѣйствовала образованію болѣе тѣснаго союза между алтаремъ и трономъ. Революціонный протестантизмъ заставилъ сблизиться между собою духовную и свѣтскую власти для установленія между церковью и государствомъ извѣстнаго modus vivendi, который долженъ былъ бы быть выгоденъ и для папы, и для королей. Папство должно было отказаться отъ своей прежней боевой позиціи по отношенію къ свѣтскимъ государямъ и пойти на разныя уступки: католическіе монархи, даже наиболѣе фанатичные изъ нихъ, отнюдь не выказывали намѣренія слишкомъ поступаться своими верховными правами; только очень слабые правители позволяли духовенству забирать себя въ руки. Католическія правительства прямо протестовали противъ ученія тридентскаго собора о папскомъ полновластіи надъ государями и приняли многія постановленія этого собора лишь съ оговорками. Въ числѣ протестовавшихъ былъ и испанскій король Филиппъ II, фанатикъ католицизма, сжегшій всѣхъ еретиковъ въ Испаніи, возбудившій противъ себя своею нетерпимостью возстаніе въ Нидерландахъ, ведшій войны съ другими странами въ интересахъ единой спасающей церкви. Онъ протестовалъ съ другими католическими государями также и противъ одной буллы папы Пія V, предававшей анаѳемѣ нарушителей папскихъ правъ. Несмотря на это, духовныя власти, инквизиція, іезуиты, сами папы всячески—и морально, и матеріально—помогали Филиппу II во всѣхъ его предпріятіяхъ. На примѣрѣ Испаніи во второй половинѣ XVI в. мы вообще лучше всего можемъ познакомиться съ тѣми услугами, которыя католическая реакція оказывала абсолютизму. Но это далеко и не единственный примѣръ. Конечно, были случаи абсолютизма безъ вѣроисповѣдной окраски,—что мы наблюдаемъ, наприм., во Франціи при кардиналѣ Ришелье, — но общимъ правиломъ до середины XVIII в. было тѣсное соединеніе абсолютной монархіи съ католической реакціей. Этому союзу всегда были вѣрны Габсбурги не только въ Испаніи, но и въ Австріи, въ послѣдней съ короткимъ перерывомъ въ концѣ XVIII в., до нашихъ дней. Реакціонно-католическимъ характеромъ отличалось и царствованіе главнаго представителя абсолютизма во второй половинѣ XVII в., Людовика XIV, предпринявшаго истребленіе протестантизма въ своемъ королевствѣ, но и Людовикъ XIV, подобно Филиппу II, рѣзко отстаивалъ свои королевскія права отъ папскихъ притязаній. Онъ не побоялся даже рѣзкаго конфликта съ папою Иннокентіемъ XI. Дѣло заключалось въ томъ, что король, имѣвшій вообще по конкордату 1516 г. право замѣщенія епископскихъ ваканцій, сталъ назначать епископовъ и

въ тѣхъ епархіяхъ Франціи, на которыя это его право не распространялось. Отсюда возникъ споръ, во время котораго Людовикъ XIV созвалъ въ Парижѣ національный соборъ (1685 г.), который провозгласилъ такъ называемыя „вольности галликанской церкви" (ограниченіе папской власти только духовными дѣлами, главенство вселенскихъ соборовъ надъ папами, автономность французской церкви и т. п.). Потомъ между королемъ и папою произошло примиреніе, но поведеніе французскаго духовенства во время всей этой исторіи показало, что въ немъ абсолютная монархія Бурбоновъ во второй половинѣ XVII в. имѣла самыхъ вѣрныхъ слугъ. Самыя „вольности галликанской церкви" нужны были Людовику XIV лишь въ качествѣ средства сдѣлать французское духовенство болѣе независимымъ отъ папы и тѣмъ сильнѣе подчинить епископовъ королевской власти. Непокорныхъ сановниковъ церкви Людовикъ XIV наказывалъ отобраніемъ соединеннаго съ должностью имущества (le temporel) и лишеніемъ доходовъ. При немъ французскій епископатъ превратился поэтому въ послушное орудіе государственной власти: одни епископы входили въ составъ придворной знати, другіе сдѣлались агентами центральнаго правительства въ провинціяхъ въ качествѣ сотрудниковъ интендантовъ. Людовикъ XIV былъ вполнѣ вѣрнымъ сыномъ католической церкви, но это не мѣшало ему желать, чтобы духовные во всѣхъ случаяхъ, когда имъ приходилось выбирать между повиновеніемъ папѣ и королю, отдавали предпочтеніе свѣтской власти, а не духовной.

Въ XVI и XVII вв., преимущественно во второй половинѣ перваго изъ нихъ и въ первой половинѣ второго, почти всѣ государства Западной Европы и въ особенности абсолютныя католическія монархіи стремились къ религіозному единообразію, поддерживая его всякими средствами, не останавливаясь передъ казнями, не задумываясь надъ тѣмъ, что религіозныя гоненія встрѣчали отпоръ, который велъ къ гражданскимъ войнамъ, или заставлялъ преслѣдуемыхъ за вѣру бѣжать изъ родной страны. Филиппъ II испанскій, истребившій посредствомъ сожженій на кострѣ (ауто-да-фе) всѣхъ еретиковъ въ своемъ королевствѣ и начавшій преслѣдовать потомковъ мавровъ, обращенныхъ въ христіанство (морисковъ), своимъ религіознымъ терроромъ въ Нидерландахъ привелъ часть этихъ провинцій къ отпаденію отъ монархіи и подготовилъ выселеніе изъ Испаніи массы морисковъ при Филиппѣ III. Францію почти четыре десятилѣтія раздирали религіозныя войны, отъ которыхъ она отдохнула лишь послѣ изданія Генрихомъ IV нантскаго эдикта въ 1598 г., но Людовикъ XIV съ самаго начала своего правленія сталъ стѣснять права своихъ протестантскихъ подданныхъ и прямо ихъ преслѣдовать, пока въ 1685 г. совсѣмъ не отмѣнилъ нантскій эдиктъ. Громадное количество гугенотовъ выселилось изъ Франціи, а тѣхъ, которые остались въ странѣ, считали „дурно обращенными" католиками, всячески ихъ стѣсняя, преслѣдуя, обижая. „Лишь одна вѣра" должна была царить во Франціи, и только при Людовикѣ XVI, незадолго до революціи, протестантамъ возвращено было право исповѣдовать свою реформированную вѣру. Въ католической Германіи съ послѣдней четверти XVI в. господствовала та же нетерпимость къ иновѣрію, и особенно страшно было насильственное истребленіе протестантизма въ Австріи въ эпоху тридцатилѣтней войны. До самаго конца XVIII в. протестантамъ въ Австріи быть не полагалось, и если кто-либо переходилъ на службу къ австрійскому правительству изъ протестантскихъ частей Германіи, то долженъ былъ хоть наружно принимать католицизмъ. Вина такой нетерпимости падаетъ,

впрочемъ, не столько на абсолютизмъ, сколько на католицизмъ. Абсолютизмъ, даже католическій, могъ быть и бывалъ вѣротерпимъ, вспомнимъ, Генриха IV и Ришелье, бывшаго даже кардиналомъ и умѣвшаго оставаться вѣротерпимымъ,—не говоря уже о государяхъ протестантскихъ,—и именно католицизмъ сумѣлъ нафанатизировать въ XVII в. польскую шляхту, въ XVI в. видѣвшую въ религіозной свободѣ одну изъ составныхъ частей шляхетской „золотой вольности". Въ общемъ, протестантскія государства были много вѣротерпимѣе католическихъ, и абсолютная монархія тоже умѣла быть болѣе вѣротерпимою, чѣмъ оказалась шляхетская республика польской націи.

—

LXXI. Секуляризація монастырской собственности въ Англіи и ея ближайшія послѣдствія.

(Изъ ст. М. М. Ковалевскаго въ №№ 1 и 2 «Русской Мысли» за 1888 г.)

Въ серединѣ XVI ст. происходитъ на Западѣ Европы событіе, которое, по важности вытекшихъ изъ него послѣдствій, по вліянію своему на всевозможныя стороны народной жизни, далеко отодвигаетъ на задній планъ все остальное. Такимъ событіемъ была реформація. Въ исторіи мысли торжество ея равнозначительно торжеству началъ свободнаго изслѣдованія и критики. Въ исторіи политической жизни оно означаетъ разрывъ съ прежнею, средневѣковою системой двоевластія и поворотъ въ сторону упроченія единоначалія, обогащеннаго всѣми тѣми аттрибутами власти, какіе дотолѣ принадлежали папству. Наконецъ, въ исторіи общественнаго развитія торжество реформаціи равнозначительно съ торжествомъ свѣтской аристократіи надъ духовной и съ расширеніемъ сферы ея землевладѣльческихъ правъ почти на всю сумму конфискованныхъ у духовенства имуществъ. Мы не ошибемся поэтому, сказавши, что секуляризація собственности въ такой же мѣрѣ является послѣдствіемъ реформаціи въ сферѣ общественныхъ отношеній, въ какой секуляризація политики составляетъ содержаніе достигнутыхъ ею политическихъ результатовъ.

Въ настоящемъ изслѣдованіи мы будемъ имѣть дѣло только съ одною стороной тѣхъ послѣдствій, какія были вызваны реформаціей. Для насъ имѣетъ значеніе лишь тотъ переворотъ, какой сдѣланъ былъ ею въ сферѣ общественныхъ отношеній, и который, согласно сказанному, сводится къ секуляризаціи собственности. Мы послѣдовательно задаемся вопросомъ о тѣхъ причинахъ, какія вызвали стремленіе къ такой секуляризаціи, постараемся опредѣлить размѣры, въ какихъ это стремленіе обнаружилось почти одновременно въ разныхъ государствахъ Европы, и перейдемъ затѣмъ въ частности къ изученію хода развитія этой секуляризаціи въ Англіи. Познакомивши читателя съ фактическою стороной дѣла, мы остановимся затѣмъ на разсмотрѣніи тѣхъ многоразличныхъ послѣдствій, какія вызвала эта секуляризація въ самомъ складѣ англійскаго общества XVI в.

Въ 11-й годъ правленія Генриха IV,—слѣдовательно, за 120 съ лишнимъ лѣтъ до конфискаціи монастырской собственности Генрихомъ VIII,—англійская палата общинъ уже дѣлаетъ правительству предложеніе отобрать церковныя имущества и надѣлить ими служилое сословіе. Согласно Вольшигаму, которому мы обязаны нашими свѣдѣніями на этотъ счетъ,

рыцари графствъ предложили въ этомъ году (1410) королю и лордамъ конфисковать всю церковную собственность, безъ различія, бѣлаго и чернаго духовенства и обратить полученный этимъ путемъ доменіальный фондъ частью на обогащеніе собственной казны, главнымъ же образомъ на увеличеніе личнаго состава какъ высшаго, такъ и средняго дворянства. 15 вновь создаваемыхъ графовъ, 1,500 рыцарей и 600 сквайровъ должны были, согласно представленному проекту, получить каждый соотвѣтственное его состоянію земельное пожалованіе. Не были забыты вполнѣ и интересы неимущихъ классовъ. 100 новыхъ госпиталей имѣли получить необходимый для ихъ содержанія земельный надѣлъ. Въ современныхъ этому событію политико-религіозныхъ трактатахъ, приписываемыхъ частью самому Виклефу, частью его ученикамъ, и вышедшихъ, по всѣй вѣроятности, изъ-подъ пера послѣдователей оллардизма, правительству однообразно ставится на видъ, что земельная собственность призвана быть постояннымъ фондомъ для вознагражденія служилаго сословія, что духовенство присвоило себѣ то, что по праву принадлежитъ свѣтской знати и рыцарямъ; и что конфискація церковной собственности не болѣе, какъ возстановленіе status quo ante, конецъ которому былъ положенъ несправедливою узурпаціей.

Сопоставьте эту аргументацію съ тою, какую, въ эпоху реформаціи въ Германіи, даютъ конфискаціи монастырской собственности Гуттенъ, Зиккингенъ, Меланхтонъ, и необходимо придете къ заключенію, что общественнымъ стимуломъ секуляризаціи собственности на протяженіи всей континентальной Европы является тотъ же запросъ на землю со стороны служилаго сословія, что и въ Англіи. Если на ряду съ этимъ главнымъ мотивомъ и выставляется другой, второстепенный, то послѣднимъ опять-таки является не что иное, какъ та же благотворительность по отношенію къ бѣднымъ, о которой говоритъ намъ петиція общинъ 1410 г. Такъ, напримѣръ, во Франціи въ 1557 г. протестанты упрашиваютъ короля наложить руку на церковныя имущества съ цѣлью доставить пропитаніе бѣднымъ и средства для содержанія школъ и воспитанія неимущей молодежи.

Стремленія пріурочить церковныя земли къ цѣлямъ государевой службы, которыми обусловливается общественная сторона реформаціоннаго движенія, начались задолго до момента его наступленія. Уже меровингскіе короли, и въ частности Хильперикъ, по словамъ лѣтописцевъ, задавались мыслью о захватѣ въ казну церковной собственности и образованіи этимъ путемъ новаго фонда для земельныхъ пожалованій въ пользу служилаго сословія. Съ истощеніемъ королевскихъ домэновъ, благодаря расточительному распоряженію ими меровингскими правителями, новой Корловингской династіи не оставалось иного средства, кромѣ присвоенія церковной собственности, съ цѣлью обратить послѣднюю въ бенефиціи поддерживавшихъ ее свѣтскихъ магнатовъ. Извѣстно, какую ненависть вызвала въ духовенствѣ такая попытка со стороны Карла Мартела. Извѣстны тѣ краски, какими Гинкмаръ Реймскій рисуетъ намъ постигшую узурпатора судьбу: вѣчныя мученія въ аду являются его горестнымъ удѣломъ, какъ слѣдуетъ изъ приводимаго Гинкмаромъ свидѣтельства орлеанскаго епископа Евхерія, временно перенесеннаго яко бы въ адъ и созерцавшаго эти муки. Самая гробница франкскаго майоръ-дома служитъ въ глазахъ духовенства неоспоримымъ свидѣтельствомъ того неодобренія, какое во Всевышнемъ встрѣтилъ его поступокъ. При вскрытіи ея,—повѣствуетъ онъ,—на мѣстѣ трупа найденъ былъ наведшій на всѣхъ ужасъ змій, который тотчасъ же скрылся безслѣдно. Несмотря на явное неодобреніе значительной и наиболѣе просвѣщенной части франкскаго общества, насиль-

ственная раздача бенефицій не только продолжается въ правленіе наслѣдниковъ Карла Мартела, первыхъ арнулфингскихъ королей, Пеппина и Карломана, но и получаетъ законодательное признаніе въ 743 и 744 гг., причемъ каждый разъ ставится на видъ необходимость усиленія войска и высказывается надежда на то, что Богъ, въ виду такой необходимости, проститъ королю вынужденный обстоятельствами образъ дѣйствій. Возстановитель имперіи, папскій помазанникъ, Карлъ Великій продолжаетъ этотъ грабежъ церковнаго имущества, соглашаясь, впрочемъ, по требованію духовенства, на то, чтобы надѣленные церковною землей служилые люди считались вассалами не короля, а тѣхъ лицъ, которымъ принадлежала собственность. Отъ секуляризаціи этотъ способъ распоряженія церковною собственностью отличается тѣмъ, что надѣленіе землею служилаго сословія производится не на вѣчныя времена, и что титулъ собственности остается каждый разъ за прежними ея владѣльцами, церквами и монастырями.

Только-что указанное движеніе на разстояніи трехъ столѣтій повторяется и въ Англіи, хотя и въ менѣе рѣшительной формѣ. Ближайшій преемникъ завоевателя, Вильгельмъ Рыжій, вызываетъ сильное недовольство членовъ церковной іерархіи произвольнымъ распоряженіемъ епископскою и монастырскою собственностью. Король этотъ, готовый, по выраженію англо-саксонской хроники, „быть наслѣдникомъ всѣхъ и каждаго, все равно, будетъ ли покойникомъ міряпинъ или клирикъ", какъ общее правило, не спѣшилъ замѣщеніемъ вакантныхъ епископскихъ каѳедръ, чтобы какъ можно дольше удерживать присвоенныя имъ имущества въ своихъ рукахъ. Это обстоятельство давало ему возможность не только временно обращать въ свою пользу поступающій съ нихъ доходъ, но обезпечивать себѣ и на будущее время нѣкоторыя имущественныя выгоды. Съ этою цѣлью введена была система надѣленія англійскаго рыцарства церковными землями на правахъ наслѣдственныхъ леновъ. Новый епископъ не иначе получалъ свое назначеніе, какъ подъ условіемъ предварительнаго утвержденія всего, что сдѣлано было королемъ по отношенію къ принадлежащей его каѳедрѣ землѣ. Начиная съ Генриха I, англійскіе короли принуждены, однако, отказаться отъ такой практики и принять торжественную присягу въ томъ, что не будутъ впредь ни продавать, ни отдавать на откупъ церковныя имущества. Отказываясь отъ распоряженія церковною собственностью, англійскіе короли, въ то же время, принимаютъ мѣры къ тому, чтобы сдѣлать невозможнымъ дальнѣйшее сокращеніе земельнаго фонда, изъ котораго производимы были пожалованія членамъ служилаго сословія. Подобно русскимъ царямъ болѣе поздней эпохи, они озабочены, прежде всего, тѣмъ, „чтобы земля изъ службы не выходила", и этимъ опасеніемъ объясняется изданіе знаменитаго статута „de religiosis" 1129 г. Имъ запрещалось на будущее время надѣленіе землею лицъ, которыя, въ силу своего общественнаго состоянія, не призваны къ отправленію воинской службы, а такими, очевидно, одинаково было какъ бѣлое, такъ и черное духовенство.

Послѣдующая исторія вноситъ не столько измѣненія въ количественное отношеніе церковной собственности къ свѣтской, сколько въ то, въ какомъ собственность чернаго духовенства стоитъ къ собственности бѣлаго. Статутъ Эдуарда I „de religiosis", вопреки случайному обходу его на практикѣ, въ общемъ все же являлся серьезнымъ препятствіемъ къ расширенію церковнаго землевладѣнія въ ущербъ свѣтскому. Но ничто не стояло на пути такъ называемой апропріаціи церковныхъ погостовъ и принадлежащихъ имъ земель отдѣльнымъ монастырямъ. О томъ, въ ка-

кихъ размѣрахъ происходило такое пріуроченіе, можно судить по тому, что изъ 9,285 приходовъ, какихъ Спидъ насчитываетъ въ Англіи въ эпоху уничтоженія монастырей, 3,845, т. е. болѣе 2/5 всего числа, были навсегда присоединены къ монастырямъ (unitae, annexae et encorporatae in perpetuum, по выраженію грамоты). Въ періодъ времени отъ XIII по середину XVI столѣтія слѣдующіе факты, помимо только-что указаннаго, вліяютъ на размѣръ монастырскаго землевладѣнія. Въ XIV в. ученіе лоллардовъ, неблагопріятное свѣтскому владѣнію церкви, оказываетъ несомнѣнное вліяніе на уменьшеніе случаевъ основанія новыхъ монастырей. Въ правленіе Генриха III, напримѣръ, мы встрѣчаемъ упоминаніе объ основаніи всего-на-всего 4 новыхъ обителей. Болѣе серьезное значеніе для судебъ монастырской собственности имѣетъ начавшійся еще въ правленіи Іоанна Безземельнаго процессъ постепеннаго закрытія тѣхъ изъ монастырскихъ обителей, которыя являлись филіалами континентальныхъ. Въ правленіе названнаго нами короля 81 пріорія подобнаго рода перестаютъ существовать. Вслѣдъ за временнымъ ихъ возстановленіемъ и даже увеличеніемъ численнаго состава на 15 новыхъ въ царствованіе Генриха V слѣдуетъ новая и на этотъ разъ окончательная ихъ секвестрація въ періодъ столѣтнихъ войнъ съ Франціей.

Предпринятая Генрихомъ VIII секуляризація коснулась далеко не всѣхъ владѣній церкви, а только тѣхъ, которыя составляли собственность чернаго духовенства. Спрашивается теперь, какъ велика была эта часть, другими словами, въ какомъ отношеніи стояло въ это время монастырское землевладѣніе къ церковному? Для рѣшенія этого вопроса мы располагаемъ довольно опредѣленными данными. Продажѣ земель, принадлежащихъ тому или другому аббатству, каждый разъ предшествовала ихъ оцѣнка. Правда, изъ тѣхъ представленій, какія на этотъ счетъ сдѣланы были впослѣдствіи королевѣ Елисаветѣ, можно придти къ тому заключенію, что порядокъ производства самой оцѣнки далеко не былъ правиленъ и что сумма доходовъ, указываемая коммисарами, командированными съ этой цѣлью, была, въ большинствѣ случаевъ, ниже настоящей, но все же мы имѣемъ возможность установить, благодаря ей, по крайней мѣрѣ, минимальный размѣръ получаемой монастырями ренты. Этотъ послѣдній, по вычисленіямъ епископа Таннера, для большихъ аббатствъ представляетъ сумму въ 140 съ лишнимъ тысячъ фунтовъ. Извѣстно, однако, что ихъ упраздненію предшествовалъ фактъ закрытія мелкихъ манастырей, въ числѣ 376, имущества которыхъ, по распоряженію кардинала Вольсея, перешли отчасти въ руки основанныхъ имъ университетскихъ коллегій. Ежегодный доходъ этихъ монастырей вычисляется Голлиншедомъ и Стау въ 32 т. фунтовъ. Прибавляя эту сумму къ приведенной уже нами выше суммѣ доходовъ большихъ монастырей, мы получаемъ въ общемъ итогѣ 172 т. фунтовъ, для выраженія суммы всѣхъ доходовъ, получаемыхъ монастырями въ моментъ ихъ секуляризаціи. Цифра эта довольно близка къ той, какую приводитъ Спидъ въ своемъ спискѣ церковныхъ и монастырскихъ владѣній въ Англіи второй четверти XVI вѣка (161 т. ф.). Она даетъ намъ право утверждать, что половина церковныхъ земель составляла собственность монаховъ, что послѣдняя сравнительно съ XII ст. возросла вдвое и что секуляризація, произведенная Генрихомъ VIII, затронула собою, по меньшей мѣрѣ, одну шестую всей земельной собственности страны.

Какъ видно изъ текста парламентскихъ статутовъ и свидѣтельства лицъ, бывшихъ современниками секуляризаціи, правительство имѣло въ

виду обратить полученныя путемъ конфискаціи имущества частью на усиленіе оборонительныхъ средствъ страны, частью на дѣла общественнаго призрѣнія и народнаго образованія. Только нѣкоторую долю монастырской собственности рѣшено было съ самаго начала передать въ руки высшаго дворянства, ряды котораго должны были пополниться созданіемъ новыхъ свѣтскихъ пэровъ, взамѣнъ выбывшихъ изъ верхней палаты, благодаря уничтоженію монастырей, 29 духовныхъ. Располагая палаты къ утвержденію предложеннаго имъ проекта секуляризаціи,—говоритъ г. Соколовъ въ своей монографіи „Реформація въ Англіи",—правительство въ 31 годъ царствованія Генриха VIII заявило и о своихъ намѣреніяхъ. Изъ этого заявленія мы узнаемъ, что имѣлось въ виду: не обращать пріобрѣтенныхъ имѣній въ частную собственность, но обогатить ими государственное казначейство, чтобы государство могло съ успѣхомъ поддерживать свое достоинство во внѣшней политикѣ, содержа съ этою цѣлью 40 тысячъ хорошо вооруженныхъ воиновъ и не безпокоя впредь подданныхъ требованіемъ субсидій, податей, займовъ и т. п. Изъ опасенія, чтобы честь и достоинство государства не потерпѣли ущерба отъ уничтоженія 29 духовныхъ лордовъ, король высказывалъ намѣреніе восполнить эту убыль назначеніемъ достаточнаго числа лордовъ свѣтскихъ. Въ предисловіи къ биллю, внесенному Кромвелемъ въ томъ же году на обсужденіе англійскаго парламента, биллю, задачей котораго было предоставить королю право созданія новыхъ епархій, открыто высказывалось желаніе, чтобы конфискованныя у монастырей имущества пошли на поощреніе народнаго образованія, на содержаніе стипендіатовъ въ университетахъ, на учрежденіе каѳедръ еврейскаго, греческаго и латинскаго языковъ, на обезпеченіе престарѣлыхъ слугъ государства, на общественную благотворительность и т. п. Въ проповѣдяхъ современниковъ секуляризаціи, въ ихъ числѣ Томаса Левера, какъ и въ сатирической литературѣ этого времени, постоянно говорится о томъ, что ближайшею ея цѣлью выставлялась необходимость оказать помощь бѣднымъ, поддержать интересы образованія и религіозной проповѣди.

Употребленіе, сдѣланное на самомъ дѣлѣ изъ конфискованной собственности, далеко не оправдало ни тѣхъ обѣщаній, какія на этотъ счетъ сдѣланы были правительствомъ, ни тѣхъ надеждъ, какія въ этомъ отношеніи возлагало на него общество. И неудивительно, такъ какъ секуляризація не только въ Англіи, но, какъ мы видѣли, и на континентѣ Европы, была, прежде всего, дѣломъ служилаго сословія, отвѣчала его вѣковымъ стремленіямъ и, слѣдовательно, должна была удовлетворить, прежде всего, предъявляемому имъ запросу на землю.

Уже съ самаго начала легко было предугадать тотъ исходъ, какой будетъ имѣть въ Англіи секуляризація монастырской собственности. Въ самый годъ производства этой послѣдней ближайшій ея виновникъ, Кромвель, уже осажденъ письмами временщиковъ и придворныхъ, въ которыхъ послѣдніе усиленно ходатайствуютъ о пожалованіи или продажѣ имъ земель той или другой обители, инсинуируютъ противъ своихъ конкурентовъ и подкрѣпляютъ свои просьбы обѣщаніемъ денежныхъ и личныхъ услугъ.

По убѣжденіямъ современниковъ, отчуждая монастырскія земли членамъ служилаго сословія, Генрихъ VIII и его ближайшій совѣтникъ, Кромвель, преслѣдовали сознательно опредѣленную политическую программу. Въ одной рукописи XVI в., хранящейся въ числѣ тѣхъ, которыя составляютъ богатую коллекцію Коттана въ британскомъ музеѣ,

мы находимъ на этотъ счетъ слѣдующія, не безъинтересныя подробности. Кромвель, значится въ ней, побудилъ короля раздать монастырскія имущества въ руки возможно бо́льшаго числа лицъ, съ цѣлью заинтересовать многихъ въ дѣлѣ секуляризаціи. Этимъ соображеніемъ объясняется надѣленіе ими епископій и коллегій, продажа ихъ дворянству, обмѣнъ ихъ на старинныя владѣнія земельной джентри, наконецъ, возведеніе многихъ королевскихъ служителей въ почести и дворянское званіе, съ правомъ покрывать связанныя съ ихъ достоинствомъ издержки доходомъ отъ уступленныхъ имъ монастырскихъ земель.

Процессъ, благодаря которому монастырская собственность перешла въ руки землевладѣльческой джентри, состоялъ въ продажѣ секуляризированныхъ имуществъ съ публичныхъ торговъ. Эта продажа производима была коммиссарами, посланными для этой цѣли Кромвелемъ, и на основаніи оцѣнки, ими же произведенной. Въ 24-й годъ правленія Елизаветы жалобы на неправильности, допущенныя при совершеніи этихъ описей, повели къ назначенію особой коммиссіи, которая на мѣстахъ разслѣдовала дѣло, и протоколы которой представляютъ богатый матеріалъ для ознакомленія съ тѣмъ порядкомъ, въ силу котораго небольшое число частныхъ лицъ такъ легко сдѣлались собственниками отъ одной шестой до одной пятой части всѣхъ воздѣлываемыхъ въ Англіи земель. Въ отчетѣ, представленномъ этой коммиссіей на имя королевы, мы находимъ, между прочимъ слѣдующія, не безъинтересныя подробности. Коммиссары, которымъ поручена была оцѣнка, въ большинствѣ случаевъ, уничтожали или отчуждали за деньги находимыя ими крѣпости на имущество. Это давало имъ возможность продавать помѣстья и владѣнія, оцѣнивая ихъ ниже доставляемой ими ренты. Нерѣдко также въ оцѣнку не включаемы были вовсе принадлежащія къ помѣстьямъ лѣса, которые этимъ порядкомъ переходили къ покупателямъ безъ всякаго вознагражденія съ ихъ стороны. Допускался еще и слѣдующаго рода обманъ. Пріобрѣтатель монастырской собственности, вырубивши перешедшій въ его владѣніе лѣсъ, соглашался затѣмъ обмѣнять свой участокъ на неотчужденныя еще земли, которыя коммиссары охотно уступали ему, несмотря на то, что въ нихъ лѣсъ еще стоялъ нетронутымъ. Какъ значительны были потери, понесенныя казною при отчужденіи монастырской собственности, благодаря вышеуказаннымъ способамъ обхожденія закона, можно судить хотя бы по слѣдующему примѣру. Аббатство въ Гластонбёри досталось Эдуарду, герцогу Сомерсётскому. Оно оцѣнено было при продажѣ въ 3.508 фунтовъ. По вычисленіямъ же, сдѣланнымъ въ 1581 г. коммиссарами Елизаветы, оказывается, что въ оцѣнку не былъ включенъ цѣлый рядъ отошедшихъ къ покупателю имуществъ и доходныхъ статей, на сумму въ 1.018 фунтовъ ежегодно.

Мы говорили пока объ одномъ лишь способѣ распоряженія секуляризованными землями, о продажѣ ихъ. Но на ряду съ нимъ долженъ быть указанъ и другой, призванный играть, впрочемъ, лишь второстепенную роль: мы разумѣемъ пожалованіе. Въ показаніяхъ современниковъ мы находимъ доказательства тому, что Генрихъ VIII, распоряжаясь монастырскими имуществами, какъ личнымъ достояніемъ, нерѣдко проигрывалъ ихъ въ кости, расплачивался ими съ своими любовницами или раздаривалъ ихъ по случайному капризу. Хорошо извѣстенъ сообщаемый Коллеромъ фактъ проигрыша лондонскихъ колоколовъ Майльсу Патриджу. На ряду съ нимъ надо поставить и другой—отдачу цѣлаго монастыря одной дамѣ за то, что она угостила короля вкусно приготовленнымъ пуддингомъ.

Подводя итоги всему сказанному, мы вправѣ утверждать, что переворотъ, произведенный секуляризацiей въ распредѣленiи земельной собственности Англiи, состоялъ въ расширенiи свѣтскаго крупнаго землевладѣнiя въ ущербъ церковному; что за нимъ послѣдовало перемѣщенiе приблизительно $^1/_5$ или $^1/_6$ всей воздѣлываемой площади изъ рукъ аббатовъ и прiоровъ въ руки свѣтской знати.

Остановимся теперь на разсмотрѣнiи тѣхъ послѣдствiй, къ какимъ необходимо долженъ былъ повести этотъ фактъ для непосредственно заинтересованныхъ въ судьбѣ монастырскихъ имуществъ, съ одной стороны—клириковъ, съ другой—неимущихъ мiрянъ.

Католическiе писатели въ Англiи охотно возвращаются къ той мысли, что послѣдствiемъ секуляризацiи было обращенiе цѣлыхъ сотенъ и тысячъ человѣкъ въ нищенство. Спрашивается, имѣло ли это мѣсто на самомъ дѣлѣ, или нѣтъ? Едва ли въ какой странѣ церковная революцiя стоила меньшихъ жертвъ, какъ въ Англiи. Былъ ли тому причиной самый характеръ англiйской реформацiи, не задѣвшiй существенно, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, догматовъ католицизма и удержавшiй созданную имъ церковную iерархiю, или же подготовленность англiйскаго общества, благодаря проповѣди Викклефа и лоллардовъ, къ большинству тѣхъ реформъ, какiя проведены были Генрихомъ VIII; но справедливость заставляетъ насъ сказать, что отпоръ, сдѣланный реформацiи непосредственно заинтересованнымъ въ ея неуспѣхѣ католическимъ священствомъ, былъ весьма слабый. Въ 1559 г., согласно Стрэйпу, изъ 9.400 лицъ, представлявшихъ въ то время наличный составъ бѣлаго духовенства, всего-на-всего 177 считаютъ нужнымъ покинуть свои мѣста, по несогласiю въ религiозныхъ убѣжденiяхъ. Если даже согласиться съ Ли, что эта цифра далеко не вѣрна, а признать точными собственныя его вычисленiя на этотъ счетъ,—вычисленiя, изъ которыхъ оказывается, что около 1.200 человѣкъ выбыло изъ списка владѣльцевъ церковныхъ бенефицiй,—то все же придется согласиться съ мнѣнiемъ тѣхъ писателей, которые полагаютъ, что католическое духовенство въ Англiи обнаружило рѣдкую терпимость, чтобы не сказать индифферентизмъ, и не повторяющуюся въ другихъ странахъ способность примѣниться къ обстоятельствамъ.

Въ большей степени, чѣмъ само духовенство, пострадала отъ секуляризацiи нищенствующая братiя. Фактъ этотъ признаютъ, повидимому, всѣ современники, безъ различiя вѣроисповѣданiя: и Латимеръ, утверждающiй, несмотря на свой англиканизмъ, что аббатства были созданы въ интересахъ бѣдныхъ, такъ что способъ распоряженiя принадлежавшими имъ землями надо считать равносильнымъ ограбленiю неимущихъ, и Стебсъ, принимающiй, что существующихъ въ Англiи госпиталей не достаточно для содержанiя сотой доли имѣющихся въ ней нищихъ, нѣкогда призрѣваемыхъ аббатствами, и Черчьярдъ, вспоминающiй съ сожалѣнiемъ то время, когда земельные собственники, и въ ряду ихъ монастыри, „щедро одаряли бѣдныхъ, просившихъ у нихъ подаянiя, держали ворота открытыми для странниковъ, кормили сосѣдей, прiобрѣтая всѣмъ этимъ расположенiе окружающихъ“. Общая жалоба современниковъ сводится къ утвержденiю, что гостепрiимство вымерло въ Англiи.

Мы далеки, конечно, отъ мысли приписывать одному факту секуляризацiи монастырей развитiе того нищенства и пауперизма, съ какимъ мы встрѣчаемся въ Англiи, начиная со второй четверти XVI столѣтiя. Мы полагаемъ, что источникъ ихъ лежитъ болѣе глубоко, въ томъ пере-

воротѣ, какой созданъ былъ здѣсь, какъ и повсюду, переходомъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному. Но справедливость заставляетъ насъ сказать, что упраздненіе монастырей и способъ распоряженія ихъ секуляризованною собственностью во многомъ содѣйствовалъ и быстротѣ развитія въ Англіи пауперизма, и бо̀льшимъ противъ католическихъ странъ размѣрамъ послѣдняго. Пріобрѣтая отобранныя у аббатствъ земли большими участками и заводя на нихъ широкое фермерское хозяйство, съ перевѣсомъ скотоводства надъ земледѣліемъ, члены вновь созданнаго дворянства и разбогатѣвшей на счетъ монастырей джентри начинали обыкновенно съ того, что или совершенно сносили доставшіяся имъ обители, или обращали ихъ въ сельско-хозяйственныя службы (клуни, амбары и т. п.)[1]. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, одинаково, прежнему гостепріимству полагаемъ былъ конецъ, и неимущая братія необходимо должна была отхлынуть по направленію къ городскимъ и промышленнымъ центрамъ, ища и не находя, разумѣется, сразу нужныхъ ей заработковъ. Неуспѣхъ первыхъ по времени эмигрантовъ парализовалъ энергію остальныхъ: нечего было спѣшить въ городъ, гдѣ квартирная плата и цѣна на продукты первой необходимости все болѣе и болѣе возрастали, благодаря самому наплыву новыхъ пришельцевъ. Ничто не мѣшало медлить на пути, снискивая пропитаніе милостынею, а при недостаткѣ послѣдней не только болѣе или менѣе ловкимъ обманомъ, но и ночнымъ грабежомъ. Къ главному стволу, образуемому содержимыми на средства монастырей паломниками и неимущими, присоединяются вскорѣ побочныя вѣтви: согнанные съ своихъ надѣловъ крестьяне, жертвы развивающагося фермерскаго хозяйства и замѣны пахотей пастбищами; распущенные члены феодальныхъ свитъ, такъ называемыхъ serving-men или civery-men, число которыхъ доведено до minimum'а законодательными запрещеніями Генриха VII, а также невозможностью давать имъ прежнее содержаніе, въ виду всеобщаго возрастанія цѣнъ на предметы потребленія; вернувшіеся изъ походовъ и получившіе отставку солдаты и матросы; наконецъ, оставшіеся, благодаря временнымъ кризисамъ, безъ работы ремесленники и приказчики.

Спрашивается теперь, въ какое отношеніе стало правительство къ этому новому для него вопросу; какія мѣры приняло оно для борьбы съ развивающимся нищенствомъ; что̀ сдѣлало оно если не для искорененія, то для сокращенія размѣровъ зла?

Не ранѣе 27-го года правленія Генриха VIII встрѣчаемся мы съ попытками задержать бродяжничество и нищенство путемъ доставленія заработка всѣмъ способнымъ къ работѣ бѣднымъ. Двадцать пятая глава изданнаго въ этомъ году статута возлагаетъ обязанность пріисканія такой работы на мэровъ, больеаровъ, констэблей и другихъ городскихъ и приходскихъ властей. Имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи данныя даютъ поводъ думать, что означенные органы поспѣшили исполнить возложенныя на нихъ правительствомъ надежды и приняли дѣятельныя мѣры къ доставленію заработка неимущимъ рабочимъ. Въ протоколахъ Лейчестера мы находимъ постановленіе временъ Эдуарда VI, гласящее, что городскіе нотабли обязаны доставлять работу способнымъ къ ней бѣднымъ. Ежегодно, значится въ нихъ, каждый изъ членовъ малаго совѣта 24-хъ человѣкъ долженъ сдѣлать бѣднымъ заказъ двухъ штукъ сермяжнаго сукна

---

[1]) См. объ этомъ во II томѣ „Хрестоматіи по Новой Исторіи“ статью Чаннея. *Прим. Ред.*

(cersey), а любой изъ членовъ совѣта 48-ми—одной штуки. Длина каждой 18 ардовъ.

Только что упомянутый статутъ вводитъ еще то существенное измѣненіе въ прежнюю систему отношеній правительства къ пролетаріату, что впервые узаконяетъ начало общественной помощи неспособнымъ къ работѣ бѣднымъ. Эта помощь не носитъ еще обязательнаго характера, законодатель довольствуется указаніемъ путей, которыми она можетъ быть достигнута, и съ этой цѣлью рекомендуетъ производство въ воскресные и праздничные дни денежнаго сбора въ церквахъ.

Особую заботливость законодателя вызываютъ нищенствующія на улицахъ дѣти. Городскія и приходскія власти, а также констэбли и мировые судьи призваны забирать всѣхъ такихъ нищихъ, возрастомъ отъ пяти до тринадцати лѣтъ, и отдавать ихъ въ обученіе земледѣлію или ремесламъ, чтобы сдѣлать возможнымъ поступленіе ихъ на службу, причемъ рекомендуется снабжать ихъ необходимою одеждой на средства, доставляемыя производимымъ въ церквахъ сборомъ.

Ближайшее царствованіе не вноситъ существенныхъ перемѣнъ въ систему общественнаго контроля и призрѣнія бѣднымъ. Правда, желая устранить возможность повторенія такихъ народныхъ возстаній, каково было только-что подавленное имъ движенія Кэта въ Норфолькѣ, и видя не безъ основанія въ бродягахъ всегда готовый контингентъ для образованія полчищъ мятежниковъ, законодатель рѣшается выставить противъ нихъ новую угрозу—отдачи каждаго годнаго къ работѣ лѣнивца (lortering-men) въ двухъ-годовое рабство; но самая суровость такой кары, по собственному его сознанію, причина тому, что издаваемыя имъ мѣропріятія не находятъ себѣ примѣненія на дѣлѣ.

Съ другой стороны, въ системѣ общественной помощи негоднымъ къ работѣ нищимъ мы можемъ отмѣтить лишь тотъ успѣхъ, что, оставаясь добровольною, она, тѣмъ не менѣе, получаетъ уже опредѣленную организацію въ лицѣ выбираемыхъ прихожанами сборщиковъ, которые по окончаніи воскреснаго богослуженія обходятъ молящихся съ особо-устроенною для этой цѣли кружкой и получаютъ отъ нихъ еженедѣльный взносъ, предназначаемый для цѣлей благотворительности. Выбираемые на годъ сборщики не въ правѣ ни отказаться отъ должности, ни сложить съ себя полномочія ранѣе положеннаго срока. Результаты сбора они распредѣляютъ, по своему усмотрѣнію, между наличными въ приходѣ нищими, которымъ для этой цѣли ведется особый списокъ.

Съ 1562—63 г. можно вести исторію обязательнаго призрѣнія бѣдныхъ въ Англіи. Эта обязательность была возможна лишь подъ условіемъ вмѣшательства государства въ одну изъ тѣхъ сферъ, которыя въ глазахъ индивидуалистовъ всего менѣе подлежатъ его контролю,—сферу распредѣленія цѣнностей. Поступая такимъ образомъ, законодатель XVI в. не являлся, однако, новаторомъ, онъ продолжалъ только дѣло, начало которому положено было его предшественниками цѣлыхъ два вѣка ранѣе, въ серединѣ XIV ст., когда, по иниціативѣ земельныхъ собственниковъ и предпринимателей, Эдуардъ III взялъ на себя регулированіе путемъ статута высоты заработной платы. Только на этотъ разъ вмѣшательство сдѣлано было не въ тѣхъ интересахъ, въ какихъ оно практикуемо было прежде. Запрещая рабочимъ получать, а предпринимателямъ платить больше того, что слѣдовало за трудъ до моровой язвы 1348 г., при наличности населенія въ два раза большаго противъ настоящаго, Эдуардъ III, очевидно, имѣлъ въ виду поддержать выгоды помѣщиковъ и капитали-

стовъ. Того же нельзя сказать о Елизаветѣ; въ ея мѣропріятіи слѣдуетъ видѣть попытку исправить ошибку, допущенную въ распоряженіи монастырскою собственностью законодательствомъ ея отца; не имѣя возможности повернуть обратно прежнихъ пожалованій и отчужденій, она считаетъ себя призванною оживить тотъ источникъ, изъ котораго аббатства и пріоріи получали пищу для своей благотворительности. Источникомъ этимъ, какъ извѣстно, являлись частныя пожертвованія. Необходимо было сдѣлать ихъ обязательными, такъ какъ безъ этого невозможно было созданіе постояннаго фонда, и общественная благотворительность сохраняла эфемерный характеръ. Законъ ввелъ поэтому обязательность; онъ придалъ санкцію своимъ на первыхъ порахъ факультативнымъ мѣропріятіямъ и тѣмъ самымъ вторгся неизбѣжно въ сферу распредѣленія цѣнностей. Часть ренты и процента была отчислена въ пользу неимущихъ и сдѣланъ первый шагъ къ осуществленію на дѣлѣ началъ государственнаго соціализма. Никакая самая радикальная аграрная реформа, никакой переворотъ въ сферѣ налоговаго обложенія, ни національзація земли, ни конфискація ренты земельною податью, въ случаѣ ихъ осуществленія въ Англіи, не потребовали бы ничего, кромѣ дальнѣйшаго примѣненія принциповъ, на какихъ опирается Елизаветино законодательство о бѣдныхъ.

Полнаго завершенія процессъ развитія законодательства о бѣдныхъ достигаетъ въ 43-й годъ правленія Елизаветы, съ изданіемъ новаго статута, который доселѣ составляетъ основаніе англійскаго законодательства объ общественномъ призрѣніи. Этотъ статутъ не вводитъ, впрочемъ, много измѣненій, а скорѣе является кодификаціей всего предшествующаго законодательства. Характерную черту его составляетъ обязательность, какую, съ момента его изданія, пріобрѣтаетъ взиманіе налога на нищихъ. Мировымъ судьямъ предоставляется издавать личные приказы о задержаніи имущества неисправнаго плательщика или его самого; въ послѣднемъ случаѣ слѣдуетъ препровожденіе въ тюрьму и пребываніе въ ней до момента уплаты требуемой суммы. Цѣль налога опредѣляется слѣдующимъ образомъ: доставленіе работы дѣтямъ неимущихъ родителей, а также всѣмъ незанятымъ или неспособнымъ найти занятія рабочимъ; закупка матеріала, необходимаго для работъ, и денежная помощь увѣчнымъ, слѣпымъ, старикамъ, вообще неспособнымъ къ работѣ нищимъ. Статутъ удерживаетъ постановленія прежнихъ законовъ о понужденіи къ работѣ въ смѣнахъ исправительнаго дома годныхъ къ ней нищихъ, объ обязанности родителей содержать дѣтей и наоборотъ, причемъ подъ дѣтьми разумѣются имъ не только сыновья и дочери, но и внуки и внучки, а подъ родителями—отцы и матери, дѣды и бабки. Предвидя тотъ случай, когда у прихода не окажется средствъ для покрытія всѣхъ издержекъ по общественному призрѣнію, статутъ вводитъ систему добавочнаго обложенія сосѣднихъ приходовъ одной съ нимъ сотни, а въ случаѣ необходимости—и всѣхъ приходовъ одного и того же графства. На практикѣ, впрочемъ, какъ замѣчаетъ Никольсъ, такой добавочный сборъ рѣдко когда былъ взимаемъ. Предметомъ обложенія для простого и добавочнаго налога одинаково признаются: земли, усадьбы, церковныя десятины, угольныя копи и подлежащій продажѣ хворостъ на корню. Никакихъ податныхъ изъятій при взиманіи налога на бѣдныхъ не допускается.

Въ числѣ задачъ, какія ставило себѣ правительство, приступая къ секуляризаціи монастырской собственности, было, какъ мы видѣли, поднятіе умственнаго уровня народа заведеніемъ школъ и денежною по-

мощью университетамъ. Спрашивается, что же сдѣлано было въ этомъ смыслѣ и какъ сказался на судьбахъ высшихъ и среднихъ училищъ фактъ закрытія аббатствъ и пріорій?

Надѣленіе кардиналомъ Вольсеемъ коллегіи Corpus Christi въ Кэмбриджѣ частью земель упраздненныхъ имъ мелкихъ обителей, повидимому, говоритъ въ пользу мысли, что секуляризація должна была пойти на помощь образованію. Къ тому же выводу приводитъ на первый взглядъ и фактъ основанія Эдуардомъ VI и Елизаветою цѣлаго ряда такъ называемыхъ „grammer-schools",—своего рода среднихъ учебныхъ заведеній,—отчасти на средства, полученныя правительствомъ отъ конфискаціи земельной собственности госпиталей и гильдій. Но ссылокъ на эти хорошо извѣстные факты далеко недостаточно для того, чтобы придти къ какимъ-либо опредѣленнымъ заключеніямъ. Дѣло въ томъ, что, упраздняя монастыри, правительство не только уничтожало тѣмъ общественные разсадники знанія, но и закрывало тотъ источникъ, изъ котораго текли пожертвованія на содержаніе школъ и коллегій, на основаніе стипендій и раздачу денежныхъ пособій ищущимъ высшихъ степеней молодымъ ученымъ. Вопросъ еще, въ какой мѣрѣ вызванныя имъ къ жизни новыя воспитательныя учрежденія сдѣлали нечувствительною потерю прежнихъ, въ какой мѣрѣ правительственная и частная помощь сумѣли заступить мѣсто той, которая такъ щедро расточаема была средневѣковыми аббатствами и пріоріями? Прислушиваясь къ голосу современниковъ, къ жалобамъ проповѣдниковъ и обличителей всякаго рода, парламентскихъ и университетскихъ дѣятелей, невольно выносишь то впечатлѣніе, что секуляризація монастырей, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, скорѣе содѣйствовала застою, нежели прогрессу знаній. „До тѣхъ поръ, пока вы, придворные,—говоритъ Леверъ,—не присвоили себѣ монастырской собственности и не стали тѣмъ самымъ въ положеніе орудій королевской щедрости къ знанію и бѣдности, въ Кэмбриджскомъ университетѣ можно было встрѣтить 200 студентовъ богословія и въ томъ числѣ много весьма образованныхъ. Теперь всѣ они, и старъ, и младъ, разбрелись въ разныя стороны. На ряду съ стипендіатами, содержимыми на средства коллегій, университетъ считалъ еще сто служителей, жившихъ щедростью своихъ богатыхъ друзей или доходомъ отъ получаемыхъ ими бенефицій. Изъ гостиницъ въ какихъ они пребывали прежде, этотъ классъ учащихся старается пробраться въ настоящее время въ коллегіи, вытѣсняя изъ нихъ бѣдныхъ школьниковъ, изъ которыхъ весьма немногіе продолжаютъ еще бороться съ нищетою, при совершенномъ равнодушіи общества и отсутствіи какой-либо помощи". Не лучше положеніе и среднихъ школъ. „Въ сѣверныхъ графствахъ Англіи, среди полудикаго населенія,—вспоминаетъ тотъ же Леверъ,—еще недавно можно было видѣть школу (grammer-school), державшую въ Кэмбриджѣ восемь стипендіатовъ, охотою возвращавшихся въ нее на правахъ учителей. Нынѣ они пришли въ совершенный упадокъ" Упомянутая школа не болѣе, какъ одна въ ряду другихъ, которыя,—жалуется проповѣдникъ—проданы и закрыты. „Вы утопили молодежь въ невѣжествѣ и привели въ совершенный упадокъ университеты",—такъ заканчиваетъ онъ, подводя итоги своимъ обличеніямъ противъ придворныхъ.

При отсутствіи той денежной поддержки, какую оказывали недостаточнымъ студентамъ монастырскія обители, и при быстромъ наплывѣ въ коллегіи аристократической молодежи неудивительно, если университеты отклонились отъ того назначенія, какое дано было имъ первона-

чально лицами, ихъ основавшими. „Университеты,—справедливо говоритъ Гаррисонъ,—были созданы въ интересахъ людей, не имѣвшихъ достаточно матеріальныхъ средствъ для домашняго воспитанія дѣтей. Въ наше время бѣдные не извлекаютъ изъ нихъ, однако, ни малѣйшей для себя выгоды, въ виду захватовъ со стороны богатыхъ. И такихъ размѣровъ достигло въ настоящее время это зло, что бѣдному человѣку, какъ бы хорошо онъ ни учился, трудно добиться включенія его въ число такъ называемыхъ felons, своего рода стипендіатовъ. Это вытѣсненіе бѣдныхъ богатыми не ограничивается стѣнами однихъ университетотъ; мы можемъ повторить сказанное и по отношенію къ grammer-schools".

Съ этими притязаніями дворянъ на обращеніе университетовъ въ исключительно аристократическія учрежденія не могло, однако, помириться ни среднее сословіе, ни правительство. И то и другое одинаково были заинтересованы въ томъ, чтобы университеты продолжали поставлять образованныхъ пресвитеровъ и проповѣдниковъ. Неудивительно поэтому, если Елизавета еще въ октябрѣ 1560 г. сочла нужнымъ обратиться къ лорду-хранителю печати, Николаю Бэкону, съ заявленіемъ, что, въ виду замѣтнаго сокращенія числа лицъ, занимающихся богословіемъ, причину чему королева видитъ въ отсутствіи какихъ-либо мѣръ къ поощренію такихъ занятій въ университетахъ Оксфордскомъ и Кэмбриджскимъ, необходимо усилить въ гражданахъ стремленіе къ пріобрѣтенію такихъ знаній и воспрепятствовать дальнѣйшему оставленію университетовъ молодыми богословами. Для этого слѣдуетъ, что впредь всѣ священнослужительскія мѣста, замѣщаемыя самою королевой или лордомъ канцлеромъ будутъ состоять въ исключительномъ распоряженіи лицъ, рекомендованныхъ канцлерами университетовъ.

Только высшія должности церковной іерархіи могли (однако) сдѣлаться предметомъ такихъ замѣщеній; что же касается службы въ отдѣльныхъ приходахъ, то слабая обезпеченность ея въ теченіе всей первой половины столѣтія является непреодолимымъ препятствіемъ къ участію въ ней сколько-нибудь грамотныхъ людей. Особенно безвыходнымъ было, повидимому, въ этомъ отношеніи положеніе Уэльскаго герцогства. Защищая проектъ представленія королевѣ особой петиціи насчетъ необходимости увеличить наличный составъ священниковъ, анонимный авторъ говоритъ, „что во всемъ герцогствѣ нельзя найти 12 священниковъ, должнымъ образомъ отправляющихъ свои обязанности; остальные, по своему невѣжеству, неспособны къ проповѣди".

Если таково положеніе сельскихъ приходовъ, то не лучше ли, спрашивается, обставлены въ этомъ отношеніи города? Имѣющіяся въ нашихъ рукахъ данныя, почерпнутыя изъ городскихъ архивовъ, даютъ право сомнѣваться въ этомъ. Дѣло церковной проповѣди было поставлено весьма плохо и въ такихъ населенныхъ центрахъ, какъ Іоркъ или Кингстонъ на Гулѣ, по крайней мѣрѣ, въ срединѣ столѣтія. Въ первый годъ правленія Эдуарда VI Іоркъ жалуется, что доходъ въ 26 шиллинговъ 8 пенсовъ, какой голучаютъ въ его стѣнахъ многіе изъ приходскаго священства, настолько недостаточенъ, что сколько-нибудь грамотныхъ людей не находится для занятія вакантныхъ каѳедръ.

Итакъ, въ какую бы часть королевства мы ни заглянули, и въ селахъ, и въ городахъ мы встрѣчаемъ одно и то же явленіе: упадокъ религіозной проповѣди, къ которой университеты перестали готовить своихъ питомцевъ. Чтобы поднять уровень духовенства, современники не видятъ другого исхода, кромѣ оживленія того источника, изъ котораго чрезъ посредство

монастырей текли нѣкогда щедрыя пожалованія въ пользу университетовъ и семинарій: мы разумѣемъ частную благотворительность. И эта послѣдняя, по крайней мѣрѣ, съ середины XVI столѣтія, стала весьма отзывчива. Не ранѣе конца царствованія Елизаветы замѣтно пробужденіе новой жизни въ университетахъ, сказывающееся, прежде всего, въ увеличеніи числа слушателей до 3 тысячъ человѣкъ въ Оксфордѣ и Кембриджѣ,—цифра, приводимая Гаррисономъ и включающая въ себѣ, на ряду съ сыновьями зажиточныхъ сквайровъ, богатыхъ купцовъ и титулованныхъ дворянъ, все болѣе и болѣе возрастающій классъ бѣдныхъ стипендіатовъ, обыкновенно богослововъ. Тотъ же Гаррисонъ сообщаетъ намъ, что число такъ называемыхъ grammer-schools значительно увеличилось въ его время; что трудно найти городъ, пользующійся правами корпораціи, который не имѣлъ бы такой школы, и что во всѣхъ ихъ частная благотворительность повела къ созданію многочисленныхъ стипендій для бѣдныхъ. Коллегіи въ Виндзорѣ, Винчестерѣ, Итонѣ и Вестминистерѣ, по его словамъ, также выпускаютъ ежегодно большое число учениковъ изъ бѣдныхъ, содержимыхъ, во все время ихъ обученія, на средства благотворителей, доставляющихъ имъ пищу, одежду и книги. По окончаніи же ученія и пріобрѣтеніи солидныхъ свѣдѣній въ латинскомъ и греческомъ языкахъ, упомянутые стипендіаты поступаютъ въ спеціально предназначенныя для нихъ университетскія коллегіи. Ко всѣмъ этимъ причинамъ быстраго возрастанія числа образованныхъ священниковъ присоединяется еще одна: лучшее ихъ обезпеченіе, особенно съ момента установленія церковной десятины, т. е. обложенія всѣхъ видовъ дохода налогомъ въ одну десятую въ пользу священства.

V. КАТОЛИЧЕСКАЯ РЕАКЦІЯ.

I. ПАПСТВО И ІЕЗУИТЫ.

LXXII. Инквизиція и цензура въ Италіи.

(Изъ соч. Ранке: «Римскіе папы»).

Когда увидѣли, что съ нѣмецкими протестантами не пришли ни къ какому соглашенію, что, между тѣмъ, и въ Италіи усилились споры о таинствахъ и сомнѣнія относительно чистилища и другія опасныя для римскаго обряда мнѣнія, то папа спросилъ однажды кардинала Караффу, какое бы онъ присовѣтовалъ противъ этого средство. Кардиналъ объявилъ, что единственнымъ средствомъ считаетъ всесильную инквизицію. Іоаннъ Альварецъ де-Толедо, кардиналъ бургосскій, поддержалъ это мнѣніе.

Старинная доминиканская инквизиція давно уже была въ упадкѣ. Такъ какъ избраніе инквизиторовъ предоставлялось монашескимъ орденамъ, то случалось, что избираемые нерѣдко раздѣляли мнѣнія, которыя должны были искоренять. Въ Испаніи уже отклонились отъ первоначальной формы тѣмъ, что учредили верховный инквизиціонный трибуналъ для этой страны. Караффа и кардиналъ бургосскій, оба старые доминиканцы, люди столь же мрачные, сколько и справедливые, ревностные поборники чистаго католицизма, строгіе въ своей жизни, непреклонные въ своихъ мнѣніяхъ, посовѣтовали папѣ учредить въ Римѣ, по образцу Испаніи, всеобщій верховный инквизиціонный трибуналъ, отъ котораго бы зависѣли всѣ другіе. Такъ какъ св. Петръ, говорилъ Караффа, не въ иномъ мѣстѣ, а именно въ Римѣ, побѣдилъ перваго ересіарха, то преемникъ св. Петра долженъ подавлять всѣ ереси міра въ Римѣ. Іезуиты относятъ къ своей славѣ, что основатель ихъ ордена, Лойола, поддержалъ этотъ проектъ особеннымъ представленіемъ.

21 іюля 1542 года явилась булла объ учрежденіи инквизиціи.

Она назначаетъ шесть кардиналовъ, и въ числѣ первыхъ между ними Караффу и епископа толедскаго, коммиссарами апостольскаго пре-

стола, высшими и верховными инквизиторами въ дѣлахъ вѣры, по обѣ стороны Альповъ; папа даетъ имъ право во всѣхъ мѣстахъ, по ихъ усмотрѣнію, назначать отъ себя духовныхъ лицъ съ подобною же властью, рѣшать апелляціи по рѣшеніямъ этихъ лицъ и даже творить судъ однимъ, безъ участія ординарнаго духовнаго лица. Всѣ безъ исключенія, не взирая ни на состояніе, ни на санъ, должны подлежать этому суду; людей подозрительныхъ инквизиторы должны заключать въ тюрьмы, виновныхъ подвергать наказаніямъ, даже смерти, а имущество осужденныхъ продавать. Право наказанія принадлежитъ инквизиціи, право же миловать виновныхъ, которые обратятся на путь истины, предоставляетъ папа себѣ. Такимъ образомъ, на инквизицію возлагалось все: рѣшать и приводить въ исполненіе свои рѣшенія, преслѣдуя лишь одну цѣль—подавить и вырвать съ корнемъ заблужденія, проявившіяся среди христіанскаго общества.

Караффа тотчасъ же приступилъ къ исполненію этой буллы; хотя онъ не былъ самъ богатъ, однако считалъ потерею времени ожидать полученія денегъ изъ апостольской казны и на собственныя нанялъ домъ, устроивъ комнаты для служащихъ и тюрьмы и снабдивъ ихъ крѣпкими запорами и замками, блоками, цѣпями, оковами и всѣми другими ужасными орудіями инквизиціи. Затѣмъ назначилъ въ разныя страны генеральныхъ коммиссаровъ. Первымъ, сколько извѣстно, въ Римъ назначенъ былъ теологъ самого Караффы, Теофило ди Тропеа, на строгость котораго кардиналамъ, какъ, напримѣръ, Полю, пришлось жаловаться.

Караффа предначерталъ, какъ самыя справедливыя, слѣдующія правила, изложенныя въ одномъ рукописномъ жизнеописаніи этого кардинала: во-первыхъ, въ предметахъ вѣры не должно медлить ни минуты, приступая къ дѣлу тотчасъ же, при малѣйшемъ подозрѣніи, и съ крайнею строгостью; во-вторыхъ, не должно обращать вниманія ни на герцоговъ, ни на прелатовъ, какъ бы они ни стояли высоко; въ третьихъ, напротивъ, всего строже слѣдуетъ быть съ тѣми, которые попытались бы искать защиты у какого-нибудь владѣтельнаго лица, и поступать съ кротостью и отеческимъ состраданіемъ только съ тѣми, кто принесетъ искреннее сознаніе. Въ четвертыхъ, относительно еретиковъ, и въ особенности кальвинистовъ, не должно унижаться ни до какой пощады.

Во всемъ этомъ видна строгость самая безпощадная, неумолимая. Строгость страшная, особенно въ то время, когда мнѣнія не вполнѣ еще развились, когда многіе еще старались примирить глубокое ученіе христіанства съ существовавшей тогда церковью. Слабые просто сдались и покорились, люди же болѣе сильные, напротивъ, только теперь собственно приняли противоположныя мнѣнія и старались избѣжать преслѣдованія власти.

Однимъ изъ первыхъ подсудимыхъ былъ Бернардинъ Окино. Уже нѣкоторое время замѣчали, что онъ не совсѣмъ тщательно исполняетъ свои монастырскія обязанности; въ 1542 г. его проповѣди возбуждаютъ недоразумѣніе. Рѣзче всего бросалась въ глаза его проповѣдь о томъ, что оправдываетъ лишь одна вѣра; по поводу одного мѣста Августина, онъ воскликнулъ: „Тотъ, кто сотворилъ тебя безъ твоего участія, неужели не сдѣлаетъ тебя блаженнымъ также безъ твоего вѣдома!“ Толкованія его о чистилищѣ казались также не совсѣмъ правовѣрными. Венеціанскій нунцій уже запретилъ ему на нѣсколько дней всходить на каѳедру. Затѣмъ Окино вызванъ былъ въ Римъ и дошелъ уже до Болоньи, наконецъ до Флоренціи, какъ вдругъ, опасаясь, вѣроятно, только-что учрежденной инквизиціи, рѣшился бѣжать. Исторіографъ его ордена разсказываетъ,

какъ онъ, придя на С. Бернаръ, еще разъ остановился и вспомнилъ о всѣхъ почестяхъ, которыя ему оказывали въ его прекрасномъ отечествѣ, о безчисленныхъ слушателяхъ, встрѣчавшихъ его съ нетерпѣніемъ, съ напряженнымъ вниманіемъ слушавшихъ его проповѣди и съ чувствомъ удовлетворенности и удивленія провожавшихъ его домой. Дѣйствительно, ораторъ, оставляя отечество, теряетъ болѣе всѣхъ. Но все-таки Окино, несмотря на свои преклонныя лѣта, оставилъ свое отечество. Орденскую печать, которую онъ до сихъ поръ всегда носилъ при себѣ, передалъ онъ своему спутнику и отправился въ Женеву. Тѣмъ не менѣе убѣжденія его все еще не были тверды: онъ впалъ въ необычайныя заблужденія.

Въ то же время оставилъ Италію и Петръ Вермильи. „Я вырвался,—говоритъ онъ,—изъ бездны лицемѣрія и спасъ свою жизнь отъ угрожавшей опасности“. Многіе изъ его учениковъ, которыхъ онъ воспитывалъ въ Луккѣ, вскорѣ послѣдовали за нимъ.

Въ Моденѣ уже разъ были волненія; теперь они пробудились снова. Одинъ обвинялъ другого; Филиппо Валентинъ бѣжалъ въ Тріентъ; Кастельветри также счелъ за лучшее, по крайней мѣрѣ на время, укрыться въ Германіи, потому что въ Италіи повсюду разразились ужасы преслѣдованія. Взаимная ненависть партій явилась на помощь инквизиторамъ. Нерѣдко случалось, что послѣ тщетныхъ усилій отомстить противнику, прибѣгали къ обвиненію въ ереси. Упорные въ своихъ старыхъ понятіяхъ, монахи имѣли у себя въ рукахъ оружіе противъ всей организаціи францисканцевъ, державшейся новаго образа мыслей, дошедшей до религіозной тенденціи литературнымъ путемъ; обѣ эти партіи питали другъ къ другу одинаково сильную ненависть, и каждая обрекала своихъ противниковъ на мертвое молчаніе. „Почти невозможно,—восклицаетъ Антоніо деи-Пальяричи,—будучи христіаниномъ, умереть на своей постели“. Не одна лишь моденская академія прекратила свои ученыя занятія. И неаполитанскія академіи, увлеченныя духомъ времени, принявшіяся за богословскіе споры, также были закрыты по повелѣнію вице-короля.

Вся литература подвергнута была самому строгому контролю. Въ 1543 г. Караффа приказалъ, чтобы впредь никакая книга, какого бы ни была содержанія, новая или старая, не могла печататься безъ дозволенія инквизиторовъ; книгопродавцы обязаны были представлять имъ каталоги книгъ и безъ дозволенія инквизиторовъ не могли ничего продавать; таможеннымъ чиновникамъ было приказано не выдавать адресатамъ никакого ни рукописнаго, ни печатнаго сочиненія безъ предварительнаго просмотра его инквизиціей. Мало-по-малу пришли къ каталогамъ запрещенныхъ книгъ [1]). Въ Левенѣ и Парижѣ поданы были первые примѣры. Въ Италіи Джіованни делла-Каза, пользовавшійся довѣріемъ фамиліи Караффы, напечаталъ въ Венеціи первый каталогъ, заключавшій въ себѣ до 70 заглавій запрещенныхъ книгъ. Болѣе подробные появились въ 1552 г. во Флоренціи, въ 1554 г. въ Миланѣ, и первый въ той формѣ, которая позднѣе употреблялась въ Римѣ, въ 1559 г.; онъ содержалъ въ себѣ сочиненія кардиналовъ и стихи самого же делла-Каза.

Эти законы имѣли силу не только для содержателей типографій и книгопродавцевъ, но распространялись даже на совѣсть частныхъ лицъ, которыя были обязаны доносить о существованіи запрещенныхъ книгъ и содѣйствовать ихъ истребленію. Мѣры эти исполнялись съ невѣроятной

[1]) Называется онъ по латыни: Index librorum prohibitorum.

Прим. Ред.

строгостью. Какъ ни много напечатано было книги „О благодѣяніи Христа“, но она совершенно исчезла, и ее нельзя было болѣе отыскать. Въ Римѣ сожигались цѣлые костры изъ отбираемыхъ экземпляровъ.

При всѣхъ этихъ учрежденіяхъ и мѣрахъ духовенство пользовалось поддержкою свѣтской власти. Папамъ было теперь весьма кстати, что они владѣли столь значительными областями; здѣсь они могли подавать примѣръ и образецъ. Правительства въ Миланѣ и Неаполѣ не могли противиться этому порядку, потому что сами замышляли ввести у себя испанскую инквизицію; въ Неаполѣ не была допущена лишь конфискація имуществъ; въ Тосканѣ инквизиція начала дѣлаться доступной свѣтскому вліянію, но и при этомъ основанныя ею братства оказали большое вліяніе; въ Сіенѣ и Пизѣ она выступила противъ университетовъ съ большею яростью, чѣмъ это ей подобало; въ Венеціи инквизиторъ хотя не остался безъ надзора со стороны свѣтской власти [1], однако все это не мѣшало въ сущности тому, что предписанія Рима приводились въ исполненіе. Такимъ образомъ стремленіе уклониться отъ установленныхъ религіозныхъ мнѣній въ Италіи было подавлено и уничтожено силою. Почти весь орденъ францисканцевъ принужденъ былъ отречься отъ своихъ религіозныхъ мнѣній такъ же, какъ и большая часть приверженцевъ Вальдеца. Въ Венеціи оставляли еще нѣкоторую свободу иностранцамъ, нѣмцамъ, находившимся тамъ для торговли или для ученыхъ занятій; туземцы же, напротивъ, вынуждены были отказаться отъ своихъ мнѣній, и собранія ихъ были разсѣяны. Многіе бѣжали; эмигрантовъ этихъ мы встрѣчаемъ во всѣхъ городахъ Германіи и Швейцаріи; тѣ, которые не хотѣли уступить и не нашли средства бѣжать, подпали преслѣдованію. Въ Венеціи ихъ топили, высылая изъ лагунъ въ море на баркахъ. Между двумя барками клали обыкновенную доску и на нее сажали осужденныхъ; по данному сигналу гребцы обѣихъ барокъ начинали грести въ разныя стороны, доска срывалась съ бортовъ и погружалась въ волны, а несчастные еще разъ призывали имя Христа и тонули. Въ Римѣ предъ Санта-Марія алла-Минерва совершали ауто-да-фе по всей формѣ. Многіе скитались изъ города въ городъ съ женами и дѣтьми; нѣкоторое время пребываніе ихъ было еще извѣстно, но потомъ они исчезаютъ, попадая вѣроятно въ сѣти безпощадныхъ ловцовъ. Другіе отдавались, не стараясь укрываться. Герцогиню феррарскую, которая, если бы не было салическаго закона, была бы наслѣдницею французскаго престола, не спасли ни ея происхожденіе, ни ея высокій санъ. Даже мужъ ея былъ ея противникомъ. „Она не имѣетъ никого,—говоритъ Маратъ,—предъ кѣмъ бы излить свое горе, между нею и ея друзьями воздвиглись горы: она мѣшаетъ свою пищу со слезами“.

[1]) Въ его трибуналѣ въ столицѣ, съ апрѣля 1547 лода, засѣдали три венеціанскіе nobili, а въ провинціяхъ въ слѣдствіяхъ принимали участіе правители городовъ, а иногда призываемы были въ совѣтъ юристы, и въ важнѣйшихъ случаяхъ, когда обвиненіе касалось значительнаго лица, требовалось мнѣніе совѣта десяти.

LXXIII. Духовное тяготѣніе къ контръ-реформаціи и іезуиты.

(Изъ статьи Г. фонъ Цвиденекъ-Зюденгорста въ «Исторіи Новаго Времени» подъ редакціей І. Пфлугъ-Гартунга, т. I).

Духовныя силы германскаго міра были почти растрачены, когда романскій только готовился нанести отвѣтный ударъ. На германской почвѣ не было никакихъ данныхъ для противнаго теченія, достаточно сильнаго, чтобы осуществить необходимое обновленіе стараго церковнаго устройства и искоренить глубокіе нравственные пороки духовенства.

Протестантизмъ вообще не могъ пустить въ ходъ созидающихъ и образующихъ силъ, такъ какъ онъ крѣпко держался за догматическое міровоззрѣніе и былъ очень далекъ отъ того, чтобы вносить существенныя измѣненія въ средневѣковыя установленія. По своей внутренней сущности протестантизмъ не могъ явиться непосредственнымъ переходомъ къ современному міру, напротивъ, онъ можетъ считаться скорѣй обновленіемъ и укрѣпленіемъ стараго идеала: принудительной церковной культуры.

Въ то время какъ на германской почвѣ религіозныя дѣла все больше осложнялись политическими, а политическое использованіе протестантизма имѣло въ виду исключительно интересы лицъ власть имущихъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, искреннее одушевленіе реформатскими идеями разгорѣлось еще разъ въ борьбѣ за свободу вѣры и за давно завоеванную независимость у голландцевъ и гугенотовъ. Здѣсь тоже была большая доля политики, но она не играла рѣшающей роли. Но навстрѣчу этимъ силамъ уже выходилъ новый врагъ, при помощи котораго романскій міръ стремился сохранить свою власть надъ умами, утверждавшуюся въ теченіе долгихъ вѣковъ: это была организація іезуитскаго ордена.

Христіанство у романскихъ народовъ было иное, чѣмъ у германскихъ. Ни занятія арабской философіей въ Испаніи, ни изученіе античнаго міра въ Италіи не привели къ осужденію существующаго церковнаго строя. Нигдѣ стремленіе обнажить мечъ за христіанство и пускаться на всякія приключенія во имя его не было такой рѣзко выраженной національной потребностью и въ то же время такой общественной обязанностью, какъ въ Испаніи. Изученіе библіи и теологическая доктрина, гуманизмъ Эразма Роттердамскаго, который пользовался большимъ почетомъ среди образованныхъ испанцевъ и былъ взятъ подъ особое покровительство противъ всякихъ нападокъ духовными властями,—все это содѣйствовало развитію мистическаго направленія и аскетизма, но не побуждало къ провѣркѣ церковныхъ установленій; дѣло не доходило до установленія различія между духомъ христіанства и тою формою, въ какую оно вылилось на протяженіи тысячилѣтія.

Образованные итальянцы, проникнутые идеями Возрожденія, напротивъ, находили много поводовъ для порицанія внѣшнихъ формъ церковной жизни, и безъ стѣсненія занимались публичнымъ осужденіемъ ея. Среди многообразныхъ духовныхъ интересовъ религіозный, однако, выступалъ не настолько сильно, чтобы побуждать къ преобразовательнымъ идеямъ. Кромѣ того въ Италіи отсутствовало какое бы то ни было общеніе между образованными слоями населенія и народною массою,—народъ не имѣлъ ни малѣйшей доли участія въ духовной жизни тѣхъ. Итальянская на-

родная религія осталась „слегка прикрытымъ язычествомъ“. „Первоначальная религіозная потребность — облечь неземное въ земныя формы, вдохнуть въ него всю полноту жизни и вслѣдствіе этого смѣшать его съ жизнью, господствовала здѣсь во всей силѣ“. Довѣріе къ священнику, какъ посреднику божественной тайны, безгранично, какъ бы ни былъ онъ недостоинъ почтенія и какъ бы ни мало онъ дѣлалъ для воспитанія народа, даже для его религіознаго просвѣщенія.

Гуманистическое образованіе не находило здѣсь повода для обличеній, оно пускало въ ходъ противъ порочныхъ служителей церкви безобидную шутку, а не серьезныя, научно обоснованныя нападки.

Бури, поднятыя германской реформаціей, прошумѣвшія надъ Европой, потрясшія папство, создавшія политическія столкновенія, значенія которыхъ нельзя достаточно оцѣнить, не остались безъ вліянія и на Италію. Явилась потребность въ углубленіи религіозной жизни, въ очищеніи церкви отъ грязи своекорыстныхъ свѣтскихъ стремленій. Нѣкій Гаспаро Контарини развивалъ воззрѣніе, что земельная собственность папъ мѣшаетъ выполненію ими своихъ обязанностей, передъ Павломъ III, который, учредивъ комиссію реформъ въ 1536 году, самъ сдѣлалъ, повидимому, шагъ къ устраненію злоупотребленій. Итальянскіе теологи принялись съ глубокой серьезностью за дѣло согласованія гуманизма съ христіанскимъ ученіемъ.

Во Франціи, гдѣ германскіе и романскіе элементы близко соприкасаются другъ съ другомъ, даже часто перекрещиваются, предпріятіе Лютера съ самаго начала пробудило живой интересъ. Въ Мо епископъ Бриконельтъ стоялъ въ центрѣ духовнаго общества, задававшагося цѣлью преобразовать христіанское ученіе въ реформатскомъ духѣ. Но Сорбонна, теологическій факультетъ парижкаго университета, находившійся подъ покровительствомъ королевской власти, осудило новое ученье какъ ересь, признало его гражданскимъ преступленіемъ и потребовало отъ парламентовъ исполненія его приговоровъ надъ еретиками. Черта галльской жестокости въ характерѣ французскаго народа уже съ самаго начала придала борьбѣ на этой почвѣ опасный характеръ. Здѣсь прежде всего разгорѣлась партійная вражда. Фанатизмъ консерваторовъ вызывалъ одушевленіе среди того общества мистиковъ, которое собралось вокругъ королевы Наваррской, сестры Франциска, закалялъ вѣрность убѣжденіямъ въ общинахъ, разсѣянныхъ по всей Франціи, отъ Нормандіи до Дофинэ и Прованса, и заставлялъ ихъ устремлять свои взоры на Женеву, какъ столицу французскаго протестантизма, гдѣ Фарель и Кальвинъ добились неограниченной власти надъ вѣрой и образомъ жизни своихъ приверженцевъ. Въ королевствѣ Валуа насчитывалось 400.000 реформистовъ въ то время, когда въ сосѣдней Германіи, послѣ кажущейся побѣды идеи вѣротерпимости въ постановленіяхъ Аугсбургскаго религіознаго мира, дѣлала первые нерѣшительные шаги контръ-реформація.

Испанія была той страной, гдѣ могла сложиться личность, способная широко распространить духъ католической реформы.

Донъ Иниго Рекальде де Лойола (род. 31 іюля 1493 г.) былъ истиннымъ сыномъ загадочнаго, замкнутаго, энергичнаго и фанатическаго племени басковъ. Въ 1521 году онъ былъ тяжело раненъ при осадѣ Пампелуни. Такъ какъ онъ сталъ послѣ того калѣкой и не могъ продолжать обычную жизнь испанскаго дворянина, то онъ весь отдался во власть своей фантазіи. Его честолюбіе влекло его совершить что-нибудь необыкновенное. Прежде всего онъ стремится въ Іерусалимъ, — ему являлась

во снѣ Пресвятая Дѣва, требовавшая, чтобы онъ оставилъ домъ брата своего. Путешествіе его было такъ обставлено, что служило прообразомъ выступленій испанскаго героя новаго времени—Донъ Кихота Ламанческаго. Онъ продолжалъ работать надъ своей внутренней и внѣшней подготовкой, но совершенно иначе, чѣмъ обыкновенные испанскіе мечтатели,—все это было направлено на одну опредѣленную цѣль. Въ доминиканскомъ монастырѣ Манрезы вырабатывались основныя черты exercitia spiritualia (религіозныхъ упражненій), которыя до настоящаго времени составляютъ тактику іезуитскаго ордена въ отношеніи вновь пріобрѣтаемыхъ послѣдователей. Церковнымъ властямъ онъ казался сначала еретикомъ, такъ какъ эти упражненія далеко уклонялись отъ бывшихъ тогда въ силѣ схоластическихъ правилъ. Они длились четыре недѣли, въ теченіе которыхъ вновь принимаемый членъ долженъ былъ непрерывно находиться подъ воздѣйствіемъ своего учителя. Вступленіе состояло въ экстатической бесѣдѣ съ распятымъ Христомъ. Слѣдствіемъ этой бесѣды являлось жгучее самоосужденіе; противовѣсомъ этому служило созерцаніе могущества, мудрости, милосердія и справедливости Божіей. Послѣ принесенія Богу благодарности за то, что для кающагося еще есть возможность спасенія, долженъ быть немедленно изображенъ адъ, чтобы снова вызвать душевное потрясеніе. Знакомство съ земной жизнью Христа, имѣющее цѣлью внушить испытуемому представленіе, будто онъ самъ тѣлесно переживаетъ исторію страстей, мистическое созерцаніе наполняютъ остальное время, причемъ теченіе религіозныхъ упражненій ни въ какомъ случаѣ не должно нарушаться какими-нибудь посторонними внѣшними впечатлѣніями. Цѣль этой трудной педагогики состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать человѣка господиномъ своего духа и своей воли. Тѣлесный аскетизмъ вовсе не является необходимымъ условіемъ, но всѣ тѣлесныя страсти должны обуздываться.

Въ 1528 году Лойола пріѣхалъ въ Парижъ, воспользовавшись поддержкой своихъ приверженцевъ, въ числѣ которыхъ были между прочимъ и важныя испанскія дамы, пріѣхалъ, чтобы усвоить теологическія познанія, которыя до тѣхъ поръ были ему совершенно чужды. Сорбонна вела жестокую борьбу противъ всѣхъ новшествъ, распространявшуюся даже на искусство книгопечатанія. За короткой побѣдой гуманизма послѣдовало полнѣйшее его пораженіе, бѣгство наиболѣе выдающихся студентовъ, настроенныхъ сочувственно къ реформаціи. Въ теченіе семи лѣтъ продолжалъ Лойола свои занятія въ Парижѣ, окруженный единомышленниками испанцами Францискомъ Ксавье, Діего Лайпесомъ, Алоизо Сальмерономъ. Только Паскаль Бростъ, въ качествѣ нидерландца, служилъ представителемъ германской націи среди окружающихъ его. Въ день Успенія Богородицы въ 1534 году это студенческое общество, не составлявшее никакого ордена, произнесло на Монмартрѣ торжественный обѣтъ приняться въ Палестинѣ за дѣло обновленія христіанства и въ то же время отдать себя въ распоряженіе папы. Въ Лувенѣ и Кельнѣ возникали союзы. Но Игнатій въ своемъ путешествіи въ Палестину доѣхалъ лишь до Венеціи; тамъ онъ понялъ, что ему, съ его стремленіями, мѣсто въ Италіи. Онъ отправился, проповѣдуя на площадяхъ, въ Римъ и, вспомнивъ свое прежнее военное призваніе, называлъ слѣдующую за нимъ толпу—войскомъ Іисуса. Обвиненія въ ереси должны были неминуемо раздаться со всѣхъ сторонъ противъ Лойолы. Папа Павелъ III, отнесшійся къ нему сначала съ большимъ недовѣріемъ, призналъ потомъ большое значеніе этого общества для всего христіанства и далъ въ 1539 году разрѣшеніе на основаніе ордена. Задачами его было признано: обращеніе язычниковъ, внутренняя

миссія, соціальныя преобразованія, дѣла милосердія и дѣятельность въ исповѣдальнѣ. Національныя тенденціи были строго воспрещены ордену. Основываемыя имъ коллегіи должны были состоять изъ представителей различныхъ національностей, что создавало большія затрудненія въ Испаніи, Португаліи и Франціи. Всего черезъ два года послѣ его основанія орденъ этотъ достигъ ужъ такого могущества, что католическіе государи находили нужнымъ считаться съ нимъ.

Внутреннее устройство ордена,—его Constitutiones,—цѣликомъ выработанное Лойолой, соотвѣтствовало военному воспитанію послѣдняго,—такъ какъ направляло всѣ силы и всѣ знанія къ достиженію одной, твердо установленной цѣли. Привлеченіе новаго члена ордена могло происходить при посредствѣ разныхъ корпорацій: черезъ домъ испытаній, гдѣ упражнялись въ самоотреченіи, или черезъ коллегіи, гдѣ сообщалось научное образованіе. Но наука никогда не должна была служить самостоятельной цѣлью; въ коллегіи должны воспитываться неутомимо дѣятельные люди, которые подготовляютъ себя ко всякаго рода спеціальностямъ. При теологическихъ занятіяхъ Вульгата должна была усвоиваться цѣликомъ, безъ всякихъ оговорокъ; богословскія изысканія совершенно исключались изъ области такъ называемой научной дѣятельности. Среди сотоварищей не должно быть никакого различія во мнѣніяхъ, поэтому Index librorum prohibitorum пріобрѣтаетъ особое значеніе при воспитаніи школьниковъ. Аскетизмъ такъ же мало требуется отъ нихъ, какъ и пренебреженіе тѣлеснымъ развитіемъ. Зато безграничное послушаніе сковываетъ какъ желѣзный обручъ всѣхъ солдатъ Христовыхъ. Оно является огненной жертвой—вся душевная жизнь человѣка, охваченная пламенемъ любви, отдается безраздѣльно въ руки служителей Христа. Собственность можетъ имѣть только орденъ, но не отдѣльный членъ его. Произнесшіе обѣтъ должны жить на доброхотныя даянія, коллегіи — на прочныя пожертвованія. Понятно, поэтому, что различныя имущества ордена играли большую роль въ его исторіи. Въ теченіе одного поколѣнія это общество стало богатѣйшимъ въ Европѣ.

Его статутъ объединялъ силы всѣхъ его членовъ, подчиняя ихъ волѣ одного — генерала. Этому содѣйствовало строгое, послѣдовательное проведеніе его Constitutiones. Генералъ приноситъ обѣтъ послушанія папѣ и не передъ кѣмъ, кромѣ него, не отвѣтственъ. Ассистенты являются его министрами. Одинъ лишь генералъ выбирается пожизненно, провинціалы избираются на три года, ректоры назначаются генераломъ и его ассистентами. Весь орденъ въ цѣломъ пріобрѣтаетъ большое вліяніе на генерала тѣмъ, что опредѣляетъ къ нему духовника. Отношенія ордена къ Павлу IV, прежнему кардиналу Караффѣ, подвергли опасности существованіе ордена, такъ какъ Павелъ ненавидѣлъ испанцевъ и считалъ Игнатія способнымъ взять на себя роль агента испанскаго двора. Но на Тридентскомъ соборѣ Лайнесъ и Сальмеронъ, въ качествѣ помощниковъ папскаго легата, сумѣли достичь такого выдающагося положенія, что для престола св. Петра оказалось опаснымъ лишать себя такой могущественной поддержки.

Іезуиты отстаивали на соборѣ старыя церковныя формы, проникнутыя ихъ духомъ. Они выступили также на защиту провозглашеннаго Піемъ IV (1560—65) принципа непогрѣшимости папъ. Со времени этого собора орденъ сталъ считать своей важнѣйшей цѣлью борьбу съ еретиками, а такъ какъ сила тѣхъ покоилась главнымъ образомъ на сдѣланныхъ въ Германіи завоеваніяхъ, то онъ долженъ былъ дать именно

тамъ рѣшительное сраженіе. Самъ Игнатій признавалъ значеніе Германіи для своихъ плановъ и посылалъ наиболѣе способныхъ изъ своихъ сотрудниковъ, какъ, напримѣръ, Фабера, на Рейнъ, чтобы тамъ со всей энергіей отстаивать старое ученіе и старую церковь. Какъ Фаберъ, такъ и Петръ Канизіусъ изъ Нимвегена, принадлежавшій къ кельнскому университету, были убѣждены, что Кельнъ долженъ стать крѣпостью католицизма на Рейнѣ. Тамъ возникла первая въ Германіи коллегія, на основаніе которой лишь съ трудомъ удалось добиться разрѣшенія городской ратуши. Клодъ Пой и Канизіусъ въ теченіе двухъ десятилѣтій основали три коллегіи: въ Регенсбургѣ, въ Ингольштатѣ и въ Вѣнѣ. Вильгельмъ Баварскій былъ непрочь присвоить себѣ нѣкоторое вліяніе на университетъ, открывшійся въ его владѣніяхъ, но Лойола не соглашался на то, чтобы свѣтскія власти вмѣшивались въ дѣла учебныхъ заведеній ордена. Онъ не успокоился до тѣхъ поръ, пока Ингольштатъ не подчинился безраздѣльно его власти. Во время лекцій и вакаціонныхъ курсовъ молодые слушатели привязывались къ этимъ людямъ, импонировавшимъ силой своего характера. Полная независимость церкви отъ свѣтскихъ властей снова и снова провозглашалась синодами епископовъ. Религіозные вопросы не должны были обсуждаться въ свѣтскихъ кругахъ. Простое возраженіе папѣ признавалось уже ересью, если даже при этомъ не была затронута никакая догма. Чтобы упрочить главную основу своей педагогической системы — исключеніе всякаго посторонняго вліянія, — Лойола установилъ, чтобы въ униврситетъ принимались только интерны. Для принятія въ университетъ достаточно было рекомендаціи генерала или провинціала.

Когда іезуиты задались цѣлью спасти подвергавшуюся большой опасности католическую церковь въ Австріи, Баварія уже стала ихъ укрѣпленнымъ лагеремъ, откуда они намѣревались развить свою дѣятельность по всѣмъ направленіямъ. Въ 1570 году тамъ было уже около 70 патеровъ, которые содержались на средства герцога. Никогда герцогскій домъ, при всемъ своемъ упорствѣ, не достигъ бы такихъ результатовъ собственными усиліями. Іезуиты завоевали Баварію для себя и для принципа религіозной нетерпимости. Въ Вѣнѣ, гдѣ въ теченіе двадцати лѣтъ не былъ рукоположенъ ни одинъ священникъ и только семь студентовъ изучали богословіе, іезуиты въ такихъ широкихъ размѣрахъ стали примѣнять дѣло исповѣди, какъ это никогда до тѣхъ поръ не бывало въ Германіи. Послѣ того какъ глубоко потрясенныя этимъ души еще болѣе размягчились подъ вліяніемъ пламенныхъ проповѣдей Канизіуса въ церкви Введенія Божіей Матери, іезуиты переходили къ заклинанію дьявола и призывали къ уходу за ранеными солдатами и за больными. Въ своемъ чрезвычайно искусно составленномъ катехизисѣ Канизіусъ изложилъ всѣ догматы, признаваемые іезуитами наиболѣе важными. И здѣсь, въ Австріи орденъ нуждался въ матеріальной и политической поддержкѣ со стороны правящаго дома. Покровительства императора Фердинанда I было недостаточно: онъ вообще не проникался духомъ іезуитовъ, но, наоборотъ, надѣялся заставить орденъ служить упроченію своей власти въ имперіи. Контръ-реформація могла начать свои завоеванія въ Альпійскихъ странахъ только при содѣйствіи баварскихъ родственниковъ австрійскаго двора.

LXXIV. Уставъ ордена іезуитовъ.

(Изъ соч. Гризингера: «Іезуиты и т. д.», т. I).

„Кто желаетъ,—такъ начинается уставъ іезуитскаго ордена, предложенный Лойолой папѣ,—быть членомъ нашего общества, которое мы называемъ именемъ Іисуса, кто желаетъ сразиться подъ знаменемъ Христа и служить одному Господу Богу и его намѣстнику на землѣ, римскому папѣ, тотъ долженъ дать торжественный обѣтъ цѣломудрія и вѣчно помнить цѣли нашего общества. Оно основано единственно для того, чтобы совершенствовать людей въ христіанскомъ ученіи и жизни и распространять истинную вѣру проповѣдываніемъ слова Божія, духовными упражненіями и умерщвленіемъ плоти, подвигами любви, воспитаніемъ юношества и наставленіемъ тѣхъ, кто не имѣетъ истиннаго понятія о христіанствѣ, наконецъ, исповѣданіемъ вѣрующихъ и подаяніемъ христіанскаго утѣшенія. Онъ никогда не долженъ упускать изъ виду Бога, или, точнѣе, цѣли учрежденія нашего ордена, ибо она одна представляетъ истинный путь къ Богу, и всѣми силами стараться осуществить эту цѣль. Каждый долженъ довольствоваться тою мѣрою благодати, которая дарована ему Святымъ Духомъ, и не долженъ питать неразумной ревности къ другимъ, которые, быть можетъ, одарены ею болѣе. Для того, чтобы поддержать порядокъ, необходимый въ каждомъ благоустроенномъ обществѣ, мы изъ среды нашей должны избрать себѣ главу или генерала, и онъ одинъ будетъ имѣть право рѣшать, на какое дѣло кто годенъ и кому поручить какое занятіе.

„Генералъ, съ согласія прочихъ членовъ ордена, долженъ имѣть право постановлять для общества извѣстныя правила и уставы, какіе сочтетъ нужными для цѣли общества; но онъ не можетъ ничего постановлять безъ вѣдома и совѣта прочихъ членовъ. Поэтому въ важныхъ случаяхъ, при установленіи общихъ правилъ и положеній, имѣющихъ для ордена прочное и постоянное значеніе, генералъ долженъ созывать на совѣтъ всѣхъ членовъ общества или, по крайней мѣрѣ, большую часть ихъ, и тогда вопросъ рѣшается простымъ большинствомъ голосовъ; въ менѣе важныхъ случаяхъ и особенно въ дѣлахъ, нетерпящихъ отлагательства, достаточно созвать на совѣтъ только тѣхъ членовъ, которые найдутся по близости. Но приводить уставы въ исполненіе, т.-е. начальническая и исполнительная власть, принадлежитъ одному генералу.

„Да будетъ извѣстно всѣмъ членамъ нашего общества и да напишутъ они это неизгладимыми буквами не только на дверяхъ своихъ обителей, но и въ сердцахъ своихъ на всю свою жизнь: все наше общество и, слѣдовательно, всѣ и каждый, кто въ него вступаетъ, обязываются вѣрно повиноваться нашему святому отцу—папѣ и всѣмъ преемникамъ его и только съ этимъ условіемъ имѣютъ право трудиться для Бога. Хотя Евангеліе учитъ, и потому церковь признаетъ догматомъ, что всѣ вѣрующіе во Христа обязаны повиновеніемъ и покорностью римскому папѣ, какъ видимому главѣ церкви и намѣстнику Іисуса Христа, тѣмъ не менѣе, чтобы показать великое смиреніе нашего общества вообще и полное самоотреченіе каждаго члена его въ особенности, чтобы всенародно засвидѣтельствовать рѣшительный отказъ нашъ отъ собственной

воли, мы обязываемся принять особый обѣтъ послушанія. Обѣтъ этотъ долженъ состоять въ томъ, что мы обѣщаемъ всегда немедленно и безотвѣтно повиноваться всему, что прикажутъ намъ нынѣшній или будущіе папы—насколько это послужитъ для блага душъ и для распространенія религіи, какія бы порученія они намъ не давали, хотя бы они послали насъ къ туркамъ или къ другимъ невѣрнымъ, даже въ самую Индію или къ еретикамъ-лютеранамъ, схизматикамъ и правовѣрнымъ. Поэтому всѣ, кто намѣренъ поступить въ наше общество, должны, прежде чѣмъ принять на себя такое бремя, хорошенько взвѣсить и подумать, обладаютъ ли они для этого достаточною душевною силою, чтобы съ Божіею помощью взобраться на такую крутизну; они должны подумать, одарилъ ли ихъ на это дѣло Святой Духъ такою степенью своей благодати, чтобы они могли надѣяться при его помощи не пасть подъ великимъ бременемъ такого призванія. Но, разъ рѣшившись твердо быть Христовымъ воиномъ, они должны денно и нощно не снимать меча и каждый часъ быть готовыми выполнять свои обязанности.

„Никто изъ членовъ общества не долженъ увлекаться честолюбіемъ, самовольно брать на себя миссіи и должности и тѣмъ болѣе вступать отъ своего лица посредственно или непосредственно въ переговоры съ римскимъ престоломъ или вообще съ духовными властями; все это принадлежитъ одному намѣстнику Христа—папѣ и генералу ордена. Всѣ приказанія должны исходить отъ нихъ; но если членъ ордена получилъ какое-либо порученіе, то ни подъ какимъ видомъ не долженъ отказываться отъ него и обязанъ немедленно его исполнять. Генералъ, съ своей стороны, обязывается не входить безъ вѣдома общества ни въ какія соглашенія съ папой по важнымъ миссіонерскимъ предпріятіямъ.

„Всѣ и каждый должны дать обѣтъ безусловно повиноваться генералу во всемъ, что касается уставовъ ордена; генералъ же обязывается давать только такія приказанія, которыя, по его мнѣнію, клонятся къ достиженію цѣли общества. Особенно онъ долженъ стараться о томъ, чтобы общество никогда не упускало изъ виду воспитанія юношества и наставленія невѣжественныхъ взрослыхъ въ главныхъ основаніяхъ христіанскаго ученія: въ десяти заповѣдяхъ и прочихъ главнѣйшихъ положеніяхъ христіанства, болѣе или менѣе подробно, смотря по обстоятельствамъ времени и мѣста и по способностямъ лица. Это тѣмъ необходимѣе, что безъ основаній христіанской вѣры невозможна истинная добродѣтель. Генералъ и все общество должны обращать строгое вниманіе на то, чтобы никто изъ членовъ ордена не отказывался посвящать себя первоначальному обученію христіанъ, воображая, что онъ призванъ совершить нѣчто болѣе высокое, и считая такую дѣятельность слишкомъ ничтожною для своихъ способностей и познаній; между тѣмъ, ничто не можетъ быть полезнѣе этого первоначальнаго обученія, какъ для наставленія ближнихъ, такъ и дла подвиговъ смиренія и милосердія и, наконецъ, для достиженіи нашей цѣли. Словомъ, для пользы ордена и въ видахъ постояннаго упражненія себя въ смиреніи, члены общества должны во всемъ и всегда повиноваться генералу, по правиламъ общества, и чтить въ немъ представителя Христова.

„Опытъ учитъ, что только тѣ люди ведутъ чистую, назидательную и полезную жизнь, которые болѣе всего чужды яда алчности и всего болѣе приближаются къ евангельской бѣдности; далѣе извѣстно, что Господь Іисусъ Христосъ самъ заботится о питаніи, одѣяніи рабовъ своихъ, служащихъ царству небесному; поэтому всѣ и каждый членъ

нашего ордена не станутъ присваивать себѣ недвижимости, владѣній и доходовъ ихъ, а будутъ довольствоваться тѣмъ, что міряне добровольно пожертвуютъ имъ на ихъ бѣдность. Но они могутъ имѣть при университетахъ коллегіи и для этихъ коллегій могутъ панимать имѣнія и другія имущества съ доходами и процентами съ нихъ, дабы обращать ихъ на пользу и надобности учащихся. Надзоръ за коллегіями и учащимися, управленіе ими и ихъ доходами принадлежатъ одному генералу и уполномоченнымъ отъ него братьямъ. Они завѣдываютъ всѣмъ, что касается принятія, увольненія, возвращенія и исключенія учителей, смотрителей и учениковъ, также веденія, устава правилъ и приложеній, обученія и руководства для учащихся, наставленія ихъ, наказанія, пищи и одежды, словомъ, всего, что касается воспитанія, попеченія и управленія. Такимъ образомъ всего удобнѣе предупредить злоупотребленія имуществами и доходами со стороны учениковъ; что же касается общества, то оно ни подъ какимъ видомъ не можетъ обращать коллегіальныхъ имуществъ въ свою пользу. Всѣ доходы съ коллегіальной собственности должны употребляться на воспитаніе учениковъ; по достиженіи ими достаточныхъ познаній въ наукѣ, общество можетъ, по тщательномъ испытаніи, принимать ихъ въ свою среду и давать мѣста учителей.

„Всѣ члены ордена, посвященные въ священники, должны отправлять всѣ церковныя требы, хотя бы они не имѣли ни прихода, ни вообще постоянной должности и доходовъ съ нихъ; они должны отправлять церковныя службы каждый особо, каждый самъ по себѣ, а не всѣ вмѣстѣ, какъ монастырская братія.

„Таковъ уставъ нашего ордена, составленный нами подъ покровительствомъ святого отца Павла и представленный нами на утвержденіе апостольскаго престола. Это краткій очеркъ, но тѣмъ не менѣе довольно ясный для тѣхъ, кто интересуется нашими намѣреніями и дѣятельностью. Онъ можетъ служить руководствомъ всѣмъ, кто пожелалъ бы вступить въ орденъ. Мы по опыту знаемъ, какимъ тяжкимъ испытаніямъ подвержена жизнь, подобная нашей, и потому постановили не допускать никого въ наше общество безъ предварительнаго искуса. Въ воинство Іисуса слѣдуетъ принимать только тѣхъ, кто выказалъ усердіе въ служеніи Христу и оказался чистъ въ жизни. Да ниспошлетъ Христосъ милость и благодать свою нашему слабому начинанію во славу Бога Отца, ему же слава во вѣки. Аминь“.

Таковы были правила новаго ордена, утвержденнаго Павломъ III подъ именемъ Общества Іисуса, съ условіемъ, чтобы число членовъ его не превышало шестидесяти. Но правила эти были лишь первымъ основаніемъ, лишь началомъ ордена іезуитовъ; главныя и важнѣйшія учрежденія и положенія были прибавлены впослѣдствіи.

LXXV. Устройство ордена іезуитовъ.

(Изъ соч. Г. Бемера: «Іезуиты». Переводъ Н. Попова).

Когда развитіе ордена почти уже завершилось, Игнатій взялся за составленіе его конституціи въ собственномъ смыслѣ слова. Въ 1550-мъ году она была закончена въ главныхъ чертахъ; но Игнатій еще долгое время

работалъ надъ улучшеніемъ своего первоначальнаго проекта, и лишь въ 1555-мъ году познакомилъ съ своимъ произведеніемъ іезуитовъ Испаніи и Германіи. Этимъ путемъ ему удалось не только принять въ разсчетъ результаты внутренняго развитія ордена, благодаря чему конституція представляетъ изъ себя въ одно и то же время и отраженіе и плодъ этого развитія, но ему удалось также приспособить организацію ордена до мельчайшихъ деталей къ той цѣли, для достиженія которой онъ его создалъ, то-есть, сдѣлалъ его и фактически тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ былъ быть по идеѣ: отборнымъ отрядомъ, всегда готовымъ къ битвѣ, на службѣ у воинствующей церкви.

Пріобрѣтенію такого отборнаго войска онъ и посвящаетъ, главнымъ образомъ, первыя части конституціи, которыя говорятъ о рекрутированіи членовъ (I), отпускѣ ихъ (II), подготовкѣ (III и IV); способы, при помощи которыхъ можетъ быть достигнута необходимая боевая готовность, указаны преимущественно въ постановленіяхъ объ организаціи (части V—X).

Что касается до рекрутированія, то едва ли какая-нибудь другая корпорація была такъ разборчива и осторожна въ пріемѣ новыхъ членовъ, какъ общество Іисуса.

Безусловно пригодными Игнатій считаетъ лишь лицъ здоровыхъ, въ полномъ расцвѣтѣ силъ, привлекательной наружности, съ хорошими умственными способностями, спокойнымъ и энергичнымъ характеромъ. Богатство и благородное происхожденіе—не необходимое условіе, но всегда хорошая рекомендація. Условно годными признаются люди, съ трудомъ господствующіе надъ своими страстями, слабо-характерные, склонные къ мечтательности, обнаруживающіе упорную и ограниченную привязанность къ своимъ мнѣніямъ, съ посредственными умственными способностями, слабою памятью, плохимъ даромъ слова, страдающіе бросающимися въ глаза тѣлесными недостатками или отличающіеся отталкивающею наружностью, обремененные долгами. Совершенно непригодными признаются всѣ тѣ, которые принадлежали къ еретическимъ или раскольничьимъ общинамъ, или были осуждены за заблужденія въ вѣрѣ, далѣе, монахи, отшельники, люди слабоумные или склонные къ слабоумію, наконецъ, всѣ лица, которые по тѣмъ или инымъ мотивамъ не могутъ принять священническій санъ. Въ послѣднюю группу отнесены всѣ женщины.

Въ послѣднюю минуту Игнатій воспротивился образованію женскаго отдѣленія ордена, конечно, не изъ-за каноническихъ соображеній, а потому, что онъ полагалъ, что изъ совмѣстной работы съ женщинами „можетъ возникнуть лишь огонь или дымъ". Ибо, хотя Игнатій первыми своими успѣхами былъ обязанъ женщинамъ, онъ въ своей старости мало уважалъ прекрасный полъ, жестко оттолкнувъ своего стараго друга, Изабеллу Розеръ, желавшую основать конгрегацію іезуитокъ, и придалъ своему обществу чисто мужской характеръ.

Но если даже неофитъ окажется вполнѣ пригоднымъ, онъ не можетъ съ увѣренностью разсчитывать на спокойное пребываніе въ орденѣ, потому что въ послѣднемъ безусловно царитъ военная система синяго письма. Тотъ, кто ведетъ себя нехорошо или является мало способнымъ къ работѣ ордена, просто исключается изъ него безъ какихъ-либо процессуальныхъ формальностей. Подобныя „кровопусканія" повторялись въ первое время довольно часто, и обычно нисколько не вредили обществу. Они поддерживали его здоровье, молодость и свѣжесть и съ выгодой замѣняли, на что вполнѣ основательно указалъ уже Игнатій, всѣ другія,

болѣе суровыя дисциплинарныя мѣры. Но вообще заботливость, съ которой общество относилось къ подготовкѣ своихъ членовъ, охраняла его отъ подобныхъ разочарованій. Согласно конституціи, вновь принятый членъ поступаетъ сначала на два года въ новиціатъ или домъ испытанія. Здѣсь новицій получаетъ военное воспитаніе характера и сердца, необходимое для рыцаря Христа. Здѣсь онъ учится самоотреченію и повиновенію, молиться и созерцать, исповѣдываться и должнымъ образомъ посѣщать богослуженіе. Кромѣ того, если позволяютъ обстоятельства, онъ упражняется въ произнесеніи проповѣдей. Однако, строго слѣдятъ, чтобы онъ не переходилъ границъ въ благочестивыхъ упражненіяхъ и не вредилъ своему здоровью умерщвленіемъ плоти. Если онъ не обнаруживаетъ никакой склонности къ научнымъ занятіямъ, онъ становится къ концу перваго года свѣтскимъ коадъюторомъ, то-есть, онъ вступаетъ въ орденъ въ качествѣ какъ бы свѣтскаго брата и въ этомъ званіи несетъ въ домахъ ордена разнаго рода низшія службы. Если, напротивъ, онъ обнаруживаетъ талантливость, то къ концу второго года онъ становится схоластикомъ, то-есть, его посылаютъ въ одну изъ многочисленныхъ школъ ордена, гдѣ онъ долженъ всецѣло отдаться научнымъ занятіямъ въ теченіе долгихъ лѣтъ. Сначала онъ проходитъ гимназическій курсъ, затѣмъ въ продолженіе трехъ лѣтъ изучаетъ философію. Послѣ этого его обычно заставляютъ въ теченіе нѣкотораго времени быть учителемъ. Если онъ обнаружилъ способности, его допускаютъ къ изученію богословія, которое отнимаетъ у него, по меньшей мѣрѣ, еще четыре года. Заключеніемъ и вѣнцомъ второго періода занятій является рукоположеніе въ священники. Но посвященіе еще не даетъ ему права немедленно начать исполнять священническія функціи. Разрѣшеніе на это онъ получаетъ лишь по истеченіи годичнаго срока, послѣ того какъ онъ, принеся три монашескихъ обѣта: бѣдности, цѣломудрія и повиновенія, вступитъ въ разрядъ духовныхъ коадъюторовъ. Но даже, какъ духовный коадъюторъ, онъ не принадлежитъ еще къ обществу Іисуса въ строгомъ смыслѣ слова. Въ общество онъ принимается лишь послѣ допущенія къ „профессіи", то-есть, къ торжественному принесенію не только трехъ монашескихъ обѣтовъ, но и спеціальной присяги вѣрности, которая связываетъ общество съ папой.

Изъ этой необыкновенно точно урегулированной системы подготовки само собой вытекаетъ іерархическое расчлененіе ордена. Онъ дѣлится на четыре класа: 1) схоластиковъ, то-есть студентовъ въ собственномъ смыслѣ слова, потому что новиціи, подвергающіеся искусу въ домахъ ордена, еще не считаются членами общества; 2) свѣтскихъ коадьюторовъ; 3) духовныхъ коадьюторовъ; 4) профессовъ. Въ извѣстныхъ случаяхъ къ этимъ четыремъ классамъ можетъ присоединиться пятый классъ „индифферентовъ", то-есть, такихъ членовъ ордена, относительно зачисленія которыхъ въ тотъ или иной классъ общество еще не успѣло принять рѣшенія. Раньше думали, что подъ именемъ „индифферентовъ" разумѣются іезуиты въ короткомъ платьѣ, то-есть тайные іезуиты. Но это заблужденіе. Правда, при Игнатіи было два случая, когда высокопоставленныя лица нѣкоторое время скрывали свое вступленіе въ общество, чтобы спокойно привести въ порядокъ свои личныя дѣла. Но тайныхъ іезуитовъ, всю жизнь скрывавшихъ свою принадлежность къ ордену, никогда не существовало.

Эта армія, распадающаяся на четыре разряда, естетвенно нуждается въ крѣпкой мѣстной и центральной организаціи. Нижнюю степень первой

образуютъ обыкновенныя поселенія, резиденціи и миссіи; затѣмъ болѣе крупные орденскіе дома, коллегіи, новиціаты и дома профессовъ. Эти поселенія и дома сгруппированы въ провинціи, во главѣ которыхъ стоятъ провинціалы. Наконецъ, провинціи образуютъ такъ называемыя ассистенціи; въ настоящее время ихъ пять; Италія, Франція, Германія, Испанія и Англія вмѣстѣ съ Америкой. Стоящіе во главѣ этихъ ассистенцій, ассистенты являются, однако, не мѣстными должностными лицами, а членами центральнаго правительства и имѣютъ свое мѣстопребываніе въ Римѣ. Ихъ функціи можно сравнить съ функціями прежнихъ провинціальныхъ министровъ въ Пруссіи. Сказавъ объ ассистентахъ, мы уже назвали одинъ изъ важнѣйшихъ органовъ генеральнаго штаба общества. Кромѣ ассистентовъ, въ составъ штаба входятъ: адмониторъ, то-есть, приставленный орденомъ къ генералу контролеръ, далѣе, помощники генерала, среди которыхъ на первомъ мѣстѣ стоятъ генеральный секретарь и генеральный прокураторъ—министръ финансовъ ордена. Но душой всей организаціи является генералъ, избираемый пожизненно. Одинъ облеченный правомъ повелѣвать, онъ неограниченно руководитъ всѣми дѣйствіями ордена и выбираетъ всѣхъ должностныхъ лицъ ордена за исключеніемъ ассистентовъ и адмонитора. Кромѣ того, онъ полновластно распоряжается всѣмъ имуществомъ ордена и разрѣшаетъ своими приказами, имѣющими силу закона, всѣ вопросы, которые не требуютъ измѣненія конституціи ордена. Какъ единственный представитель ордена во внѣшнихъ дѣлахъ, онъ руководитъ всѣми переговорами съ верховнымъ военнымъ главой, папой, и со всѣми свѣтскими державами, съ которыми орденъ состоитъ въ сношеніяхъ или союзѣ. Принимая все это во вниманіе, мы могли бы вмѣстѣ съ іезуитомъ Маріаной назвать конституцію ордена абсолютной монархіей. Но: 1) генералъ въ принципѣ не несмѣняемъ; 2) онъ въ принципѣ отвѣтственъ передъ орденомъ; 3) въ извѣстной мѣрѣ онъ находится подъ контролемъ общества, которое назначаетъ ему, въ лицѣ его духовника, адмонитора, то-есть, контролера или совѣтника. Въ этомъ заключалась возможность ограничить власть генерала. Но Игнатію, конечно, была чужда подобная мысль: иначе онъ не сдѣлалъ бы эту систему контроля почти иллюзорной, давъ одному только генералу право созывать генеральную конгрегацію во время своего правленія. Фактически генералъ, въ силу конституціи, правитъ орденомъ почти такъ же самовластно, какъ главнокомандующій командуетъ своими войсками. Правда, это самодержавіе соединяется съ своего рода парламентомъ, генеральной конгрегаціей, составляющейся изъ провинціаловъ и извѣстнаго числа депутатовъ отъ каждой провинціи, которые выбирались почти исключительно среди іезуитовъ высшаго класса, профессовъ. Этотъ парламентъ, прежде всего, имѣетъ право въ случаѣ вакантности поста генерала выбрать новое правительство, то-есть избрать новаго генерала, новыхъ ассистентовъ и новаго адмонитора. Во-вторыхъ, онъ образуетъ высшую законодательную власть ордена и, въ-третьихъ, онъ одинъ можетъ распускать поселенія ордена. Но такъ какъ онъ можетъ самостоятельно собираться только въ случаѣ смерти генерала, то онъ не составляетъ, подобно генеральнымъ капитуламъ другихъ орденовъ, противовѣса власти генерала и дѣйствительно имѣетъ въ первое время очень небольшое значеніе. Еще менѣе генералъ можетъ опасаться собранія провинціальныхъ прокураторовъ, которое съ 1581-го года собирается каждые три года, такъ какъ это собраніе носитъ исключительно освѣдомительный характеръ. Такимъ образомъ, Маріана правъ въ своемъ

сужденіи о правительствѣ ордена въ его первоначальномъ видѣ. Орденъ въ томъ видѣ, какъ его создалъ Игнатій, дѣйствительно представлялъ изъ себя абсолютную, сомодержавную монархію.

Этотъ строгій абсолютизмъ былъ, конечно, лишь слѣдствіемъ самой природы ордена. Разъ орденъ долженъ былъ быть всегда къ услугамъ папы въ полной боевой готовности, онъ долженъ былъ подчиняться единой власти, долженъ былъ отъ перваго человѣка до послѣдняго преклоняться передъ единой верховной волей,—отъ крайнихъ предѣловъ Азіи до береговъ Бразиліи. Это единство верховной власти было легко провести въ статутахъ, но трудно примѣнить на практикѣ. Игнатій старался достигнуть этого: 1) старательно организовавъ письменныя сношенія между главой ордена и членами и 2) введя желѣзную военную дисциплину. Уже въ его время письменныя сношенія внутри ордена играютъ такую важную роль, какъ ни въ одномъ изъ европейскихъ государствъ. Уже при немъ существуетъ настоящее правительство кабинета; Игнатій не пренебрегаетъ никакими освѣдомительными средствами, пользуясь даже „денунціаціями“, то-есть тайными донесеніями, какъ бы не предосудительными онѣ были съ точки зрѣнія морали. Но въ его глазахъ дисциплина еще важнѣе. Принципы этой дисциплины хорошо извѣстны: безусловная субординація и „perinde ac codaver“. Подчиненный долженъ смотрѣть на старшаго, какъ на самого Христа; онъ долженъ повиноваться старшему, „какъ трупъ, который можно переворачивать во всѣхъ направленіяхъ, какъ палка, которая повинуется всякому движенію, какъ шаръ изъ воска, который можно видоизмѣнять и растягивать во всѣхъ направленіяхъ; какъ маленькое распятіе, которое можно поднимать, и которымъ можно двигать какъ угодно“.

Намъ нечего указывать, что все это лишь основные принципы военной дисциплины. Слѣдуетъ однако замѣтить, что зародышъ этихъ принциповъ мы можемъ найти въ исторіи монашества еще задолго до Игнатія; уже древній Бенедиктъ Нурсійскій настаиваетъ на томъ, что въ аббатѣ нужно видѣть намѣстника Христа; уже Францискъ Ассизскій предписываетъ повиновеніе трупа; именно у него и взялъ Игнатій это знаменитое сравненіе. Нова у Игнатія не идея, а тонъ, съ которымъ онъ предлагаетъ ее. При внимательномъ отношеніи нельзя не прійти къ заключенію, что никто не придавалъ субординаціи и повиновенію такъ много значенія, какъ Игнатій. Онъ развилъ цѣлую теорію повиновенія, въ которой онъ различаетъ три степени: 1) подчиненіе дѣйствія, 2) подчиненіе воли, 3) подчиненіе ума. Послѣдняя степень является наивысшей, потому что отреченіе отъ собственныхъ убѣжденій есть самая трудная жертва, которую можно требовать отъ человѣка. Но именно потому она и составляетъ отличительный признакъ совершеннаго іезуита, цѣль и вѣнецъ долгаго воспитанія, которому орденъ подвергаетъ своихъ учениковъ.

Разъ армія должна была всегда быть въ полной боевой готовности къ услугамъ генерала, то для этого, кромѣ полнаго внутренняго единства, необходимо было, чтобы каждый членъ ея былъ совершенно свободенъ отъ всѣхъ обязательствъ, которыя могли помѣшать свободѣ его дѣйствій. Игнатій позаботился и объ этомъ: 1) онъ обезпечилъ іезуитамъ безусловную независимость отъ всѣхъ свѣтскихъ и духовныхъ властей путемъ ряда папскихъ привилегій; 2) онъ освободилъ ихъ отъ всѣхъ монашескихъ и священическихъ обязанностей, которыя могли бы стѣснить ихъ дѣятельность; 3) въ то же время онъ обезпечилъ имъ всѣ,

даже самыя высшія привилегіи свѣтскаго духовенства, а учрежденіямъ ордена, поскольку они вели университетское преподованіе, высшія привилегіи университетовъ.

Вслѣдствіе этого іезуитъ не обязанъ, какъ монахи, носить спеціальный костюмъ, онъ не обязанъ всецѣло отдаваться аскетизму; онъ не обязанъ, подобно членамъ капитуловъ или такъ называемымъ регулярнымъ каноникамъ, пѣть въ хорѣ. Такимъ образомъ онъ и не монахъ, и не свѣтскій священникъ въ обычномъ смыслѣ слова; онъ представляетъ изъ себя нѣчто особенное. Онъ совершенно независимый отъ какой бы то ни было посторонней власти членъ священнической корпораціи, суверенно управляемой единымъ главой, который отвѣтственъ только передъ папой. Таково же положеніе всѣхъ поселеній и домовъ ордена. Гдѣ бы они ни находились, они являются среди государственныхъ территорій какъ бы владѣніями иностранной державы, которая суверенно управляетъ ими, хотя бы по временамъ она и скрывала это положеніе изъ благоразумія. Такимъ образомъ, орденъ образуетъ автономный политическій организмъ, государство съ собственнымъ правомъ, собственной конституціей, собственнымъ имуществомъ, словомъ, государство на подобіе древнихъ германскихъ государствъ: армію, всегда готовую къ бою съ девизомъ: ad maiorem Dei gloriam, то-есть къ наибольшей славѣ церкви, управляемой непогрѣшимымъ папой.

LXXVI. Характеристика Лойолы и ордена іезуитовъ.

(Изъ соч. Губера: «Der Jesuitenorden nach seiner Verfassung und Doctrine»).

Несомнѣнно, что Лойола находился подъ сильнымъ воздѣйствіемъ ученія римской церкви, выражавшимся въ его, доходившей до фанатизма, религіозной ревности, и подъ вліяніемъ фантастической восторженности и болѣзненной мечтательности; тѣмъ не менѣе, судя безпристрастно объ его жизни и дѣятельности, мы не можемъ поставить этого замѣчательнаго человѣка на-ряду съ обыкновенными мистиками и фанатиками. Человѣкъ этотъ обладалъ желѣзною волей, неослабной энергіей какъ въ дѣятельности, такъ и въ перенесеніи всякаго рода лишеній, отважной предпріимчивостью и свято вѣрилъ въ свое назначеніе, не обнаруживая ни тѣни малодушія и унынія; при пламенной фантазіи, кроткомъ благочестіи и сильной наклонности къ суевѣрію, онъ обладалъ проницательнымъ умомъ, способнымъ распознавать характеры людей и сверхъ всего этого отличался мягкостью, гибкостью характера и обходительностью, благодаря которымъ онъ располагалъ къ себѣ и привлекалъ на свою сторону даже враговъ своихъ. Поэтъ и мечтатель, онъ въ то же время обладалъ умомъ, все взвѣшивающимъ, былъ искусный организаторъ и стратегъ, всѣми силами стремившійся создать мощную армію для великой войны за дѣло Божіе, дѣйствуя при этомъ съ величайшею осмотрительностью; при всемъ этомъ онъ имѣлъ сердце, полное состраданія, любви и готовности жертвовать всѣмъ для блага человѣчества: вотъ тѣ великія черты, которыми характеризуется основатель іезуитскаго ордена. Этими

только чертами характера объясняется возможность появленія его грандіознаго созданія, а равнымъ образомъ и согласіе біографовъ въ его характеристикѣ. Мы видимъ, что тщеславный, преданный мірскимъ удовольствіямъ, свѣтскій человѣкъ и воинъ беретъ на себя почти сверхъестественные труды и старанія, видимъ, что онъ промѣниваетъ блескъ и радости великосвѣтской жизни на скудную, презрѣнную жизнь бѣдняка и насмѣшки окружающихъ предпочитаетъ славѣ, — все это можно объяснить лишь глубокимъ, полнымъ раскаянія сосредоточеніемъ въ самомъ себѣ и твердой рѣшимостью, проникшими въ душу послѣ нравственнаго обновленія и возвышенія непоколебимой силой вѣры и проникающимъ до глубины души религіознымъ одушевленіемъ, словомъ, полнымъ нравственнымъ перерожденіемъ. И протестантскіе историки церкви (какъ, напримѣръ, Гагенбахъ) замѣчаютъ, что благочестіе Лойолы было серьезно и искренно, что онъ (какъ въ свое время Лютеръ), ища внутренняго спокойствія, переживалъ сильную душевную борьбу и что, наконецъ, онъ, какъ согласится каждый, имѣющій понятіе о душевной жизни, уже изъ собственнаго опыта до нѣкоторой степени зналъ о блаженствѣ души, исполненной любви къ Богу.

Отъ Лойолы дошелъ до насъ цѣлый рядъ поучительныхъ изреченій, проникнутыхъ глубокой моралью и убѣжденіемъ. „Отреченіе отъ собственной воли, — говоритъ онъ, — должно цѣниться выше, чѣмъ воскрешеніе мертвыхъ“. „Никакая буря такъ не опасна, какъ штиль; опаснѣе злѣйшаго врага — вовсе не имѣть враговъ“. „Если предметъ любви безконеченъ, то мы можемъ постоянно укрѣпляться и совершенствоваться въ ней“. Вообще въ такихъ сентенціяхъ онъ обнаруживаетъ различныя стороны своего характера и убѣжденій, какъ, напримѣръ: слѣпую преданность римской церкви, требуя, чтобы мы признавали бѣлое чернымъ, если только признаетъ его такимъ церковь; высокую важность безусловнаго послушанія, выражающуюся въ словахъ: „если бы Богъ поставилъ надъ тобою даже неразумное животное, то не противься слѣдовать за нимъ, какъ за своимъ наставникомъ и путеводителемъ, потому что такъ угодно Богу“; неутомимость въ исполненіи того, что онъ считаетъ служеніемъ Богу, говоря: „работающіе въ вертоградѣ Господнемъ должны лишь одной ногой стоять на землѣ, другой же всегда держаться наготовѣ для продолженія путешествія“; полное упованіе на Бога — въ слѣдующихъ словахъ: „человѣкъ долженъ имѣть такое упованіе на Бога, что не усомнится, за неимѣніемъ корабля, переплыть море на простой доскѣ“. Но особеннаго вниманія заслуживаетъ и чрезвычайно характерно то значеніе (въ извѣстной степени даже противорѣчащее ученію о безусловной преданности волѣ Божіей), какое Лойола придаетъ уму въ дѣлѣ обращенія къ истинной вѣрѣ и въ руководительствѣ ко спасенію: „превосходный умъ, — говоритъ онъ, — при не вполнѣ строгомъ благочестіи имѣетъ большее значеніе, нежели строгое благочестіе при недалекомъ умѣ“. „Истинный ловецъ душъ человѣческихъ долженъ на многое не обращать вниманія, ко многому снисходить; но коль скоро онъ сталъ господиномъ воли подвизающихся на пути добродѣтели, то можетъ вести ихъ, куда пожелаетъ“. „Съ людьми, всецѣло преданными мірской суетѣ, нельзя прямо начинать бесѣду о духовныхъ дѣлахъ: это было бы то же, что удить рыбу безъ прикорма“.

Самъ Лойола въ дѣлахъ, касающихся успѣховъ ордена, не разбиралъ средствъ и не рѣдко даже въ виду цѣли, которую онъ считалъ священной, допускалъ хитрость и ложь. Эти темныя стороны характера

Лойолы станутъ вполнѣ ясны лишь съ обнародованіемъ всей переписки знаменитаго основателя еще болѣе знаменитаго ордена.

Житейская мудрость, чтобы не дать ей болѣе рѣзкаго имени, полагавшая, что и мірскія нечистыя средства дозволительны и могутъ служить ad majorem Dei gloriam, при этомъ черты левитской, фанатической ревности въ борьбѣ противъ иновѣрцевъ, преимущественно еретиковъ, далѣе, мрачный, попирающій все мірское мистицизмъ и, при большомъ развитіи ума, сильная наклонность къ грубому суевѣрію, источникомъ котораго служило до извѣстной степени самое ученіе римской церкви, вотъ наиболѣе характерныя черты, которыми яснѣе всего обрисовывается нравственная физіономія іезуитскаго ордена.

Общество Іисуса представляетъ собою духовное воинство, которое „подъ знаменемъ креста сражается за и для Бога". Уже самымъ названіемъ Societas, равнозначащимъ испанскому Compania, основатель желалъ, какъ замѣчаетъ Орландини, указать на воинственную цѣль и духъ ордена. Писатели-панегиристы ордена особенно выставляютъ на видъ эту воинственную черту въ характерѣ ордена. Игнатій на эпитафіи сопоставляется съ великими полководцами: Помпеемъ, Цезаремъ и Александромъ, и ставится при этомъ выше названныхъ завоевателей. Imago primi saeculi изображаетъ орденъ, какъ легіонъ Божій, и съ гордостію и поэтическимъ пареніемъ восхваляетъ храбрость при нападеніи, львиную неустрашимость, геройское презрѣніе къ опасности, которыя выказываютъ члены его. „Какой громъ войны,—говорится въ другомъ мѣстѣ,—какой цвѣтъ рыцарства, какой гарнизонъ, какую оборону и защиту для церкви представляютъ они собою? Каждый изъ нихъ стоитъ цѣлой арміи, а иной одинъ побѣждалъ такія полчища враговъ, противъ которыхъ едва могло бы устоять многочисленное войско". Сага о дѣтяхъ, рождающихся въ шлемахъ, исполняется на всѣхъ членахъ ордена: они не только съ пламеннымъ геройскимъ сердцемъ, но и съ неослабѣвающей никогда силой должны бросаться на остріе меча, встрѣчать удары судьбы, грудью стоять противъ ярости враговъ, противъ всѣхъ бурь и бѣдъ, посылаемыхъ несчастіемъ. Какъ солдатъ каждое мгновеніе долженъ быть готовъ къ походу, такъ и для іезуита нѣтъ постояннаго мѣста жительства и родины: какъ слуга и посланецъ папы, онъ всегда долженъ быть готовъ отправиться въ путь. „Обители наши, — говоритъ Суарецъ, — то же, что лагери". Вслѣдствіе такой бездомности и такого непостоянства, непрочности положенія, іезуиты не могли брать на себя обязанностей постояннаго духовнаго руководительства въ данномъ мѣстѣ, слѣдовательно не могли принимать на себя священническихъ обязанностей.

При такомъ характерѣ ордена, булла Павла III объ утвержденіи его отъ 27 сентября 1540 г., начинающаяся обращеніемъ къ воинствующей церкви (Regimini militandis ecclesiae), является вполнѣ соотвѣтствующей предмету.

Такъ какъ Лойола въ своемъ орденѣ создавалъ для папства новое духовное воинство, то необходимо было, чтобы лица, вступившія въ него, были, какъ воины, вооружены не только внѣшнимъ, такъ сказать, но и внутреннимъ оружіемъ. Для послѣдней цѣли Лойола употреблялъ свои такъ называемыя „Exercitia spiritualia", которыя, какъ показалъ опытъ многихъ тысячъ, дѣйствительно способны были переносить человѣка въ новую, чуждую реальному міру, сферу мистическо-аскетической жизни. Система эта оказывалась дѣйствительною по отношенію къ самымъ различнымъ индивидуальностямъ: она увлекала и подчиняла себѣ какъ про-

стыя, непосредственныя натуры, такъ и фантастически-мечтательныя, порочныя и чистыя.

Чтобъ понять и оцѣнить надлежащимъ образомъ идею, воодушевлявшую Лойолу, необходимо изучить его экзерциціи (духовныя упражненія). „Exercitia spiritualia" въ редакціи самого Лойолы не представляли еще строго-методическаго руководства и во многихъ важныхъ пунктахъ требовали дополненія и дальнѣйшаго развитія; поэтому уже первая генеральная конгрегація признала необходимымъ составленіе Directorium'a, т.-е., руководства къ практическому примѣненію упражненій. Это руководство имѣло прежде всего въ виду руководителя упражненіями, предлагая ему нормы, какъ вести упражненія съ другими и какъ при этомъ вести себя. Существующій въ настоящее время „Directorium in exercitia spiritualia" окончательно составленъ и утвержденъ, послѣ многочисленныхъ и разнообразныхъ опытовъ примѣненія упражненій, пятой генеральной конгрегаціей 1593—94 г.

Изъ плана духовныхъ упражненій видна вся сильная внутренняя, мужественная и честная, борьба самаго Лойолы, а равнымъ образомъ и то, что онъ самъ пережилъ моменты Божьяго гнѣва и милосердія. Въ этихъ правилахъ Лойола является образцомъ аскетизма и вообще глубокимъ знатокомъ человѣческаго сердца, изслѣдовавшимъ всѣ его сокровеннѣйшіе изгибы, побужденія и увлеченія и знающимъ цѣну тѣхъ и другихъ. Онъ предписываетъ правила, чтобы затронуть различныя душевныя струны и такимъ образомъ узнать, будутъ ли издавать онѣ гармоническіе аккорды или звучать диссонансомъ; онъ, какъ діагностъ, изслѣдуетъ болѣзни и тревоги совѣсти и для успокоенія и укрѣпленія ея старается найти надежное средство, употребленіе котораго вело бы къ цѣли вѣрнѣйшимъ путемъ. Наконецъ, въ своихъ правилахъ онъ является образцовымъ глубокопроницательнымъ учителемъ христіанскаго аскетизма, причемъ онъ самъ все-еще стремится дѣлами милосердія, напр., раздачею милостыни, достигнуть высшаго нравственнаго совершенства.

Павелъ III постигъ важное значеніе новаго общества для римской церкви и, когда былъ представленъ ему на утвержденіе статутъ новаго общества, онъ воскликнулъ: „hic est digitus Dei!" (здѣсь перстъ Божій). Лойола и его товарищи и послѣдователи задались такою широкою задачею, что включили въ кругъ своей дѣятельности почти всѣ спеціальныя цѣли прежнихъ орденовъ, поддержка которыхъ считалась еще полезной и необходимой для блага церкви. Уже благодаря этой универсальности, общество Іисуса отодвигало всѣ другіе ордена, какъ болѣе или менѣе излишніе, на задній планъ; но юное, горячее одушевленіе членовъ новаго общества, полное живой дѣятельности и силы, совершенно помрачало дѣятельность прежнихъ обществъ. Подобно древнему почтенному ордену бенедиктинцевъ, главная задача котораго состояла въ занятіяхъ наукою, обученіемъ и образованіемъ юношества, и іезуиты съ самаго же начала обратили вниманіе на эту область: обученіе юношества, въ обширнѣйшемъ значеніи этого слова, они приняли даже въ свой статутъ, какъ особенный обѣтъ, и дѣйствительно проявили замѣчательную дѣятельность въ этомъ отношеніи. Равнымъ образомъ они стремились подражать въ совершенной бѣдности обоимъ нищенствующимъ орденамъ, доминиканцамъ и францисканцамъ, и подобно тому, какъ первые проявили особенную ревность (Domini canes) къ проповѣди между еретиками и невѣрными съ цѣлью обращенія ихъ или пораженія ихъ лжеученій, вторые посвящали свою дѣятельность другимъ дѣламъ христіанскаго милосердія. И іезуиты обна-

ружили въ этомъ направленіи горячую, энергическую дѣятельность. Далѣе, оба нищенствующіе ордена стремились занимать каѳедры въ университетахъ и забирать въ свои руки преподаваніе философіи и теологіи, и іезуиты, съ своей стороны, добивались того же и съ значительно большимъ успѣхомъ. Григорій IX (1232 — 33 г.), какъ извѣстно, посылалъ доминиканцевъ, въ качествѣ постоянныхъ папскихъ инквизиторовъ; равнымъ образомъ и іезуиты, по буллѣ Григорія XIII отъ 10 сентября 1584 г. могли быть употребляемы, какъ инквизиторы, но только съ согласія генерала ордена. Ко всему этому нужно прибавить, что и въ дѣлѣ поощренія суевѣрія и грубаго культа, служащихъ такимъ сильнымъ средствомъ для господства надъ массами, іезуиты нисколько не уступали нищенствующимъ орденамъ. Соединяя въ себѣ, такимъ образомъ, характерныя черты почти всѣхъ остальныхъ орденовъ, іезуты имѣли и свою отличительную черту, именно вытекавшую изъ ихъ обязанности ратовать за церковное и свѣтское господство папъ; черта эта и породила преимущественно политическій характеръ ордена.

Іезуиты не желали быть монашескимъ орденомъ; тридентскій соборъ называетъ ихъ „Religio Clericorum Societatis Jesu“, т.-е. орденомъ клириковъ (духовныхъ) общества Іисуса. Поэтому они не носили монашескаго платья и могли снимать свое одѣяніе; они не обязаны были отправлять богослуженіе сообща, хоромъ и не называли своихъ обителей монастырями. Альфонсъ Родригецъ сообщаетъ, что Лойола, основательно изучившій духъ и строй прежнихъ орденовъ, нашелъ, что всѣ они, главнымъ образомъ, имѣютъ въ виду духовную пользу своихъ членовъ и соотвѣтственно этому устраиваютъ свои аскетическія упражненія и богослуженіе; поэтому, въ виду иной цѣли своего общества, которое, какъ „эскадронъ или рота солдатъ“, должно было бороться въ этомъ мірѣ съ ересью и пороками, онъ не ввелъ въ уставъ его общаго хорового богослуженія и другихъ обрядностей, чтобы оно, какъ легкая кавалерія, было постоянно готово при первой тревогѣ ринуться на врага и защищать братьевъ. Въ виду той же цѣли, члены общества не обязаны были подвергать себя строгимъ аскетическимъ упражненіямъ, какъ ослабляющимъ и даже разрушающимъ физическія силы, и потому скорѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ, препятствующимъ достиженію болѣе высокихъ благъ, и прежде всего живой дѣятельной силѣ въ священной войнѣ.

Никогда, ни прежде, ни послѣ, ни одинъ орденъ не получалъ отъ папъ столько привилегій, индульгенцій и льготъ, какъ общество Іисуса. Сводъ однихъ извѣстныхъ привилегій составляетъ довольно объемистую книгу, въ которую не вошли привилегіи *неизвѣстныя*, пользованіе которыми предоставлялось усмотрѣнію генерала ордена. Главною охраною привилегій служило то, что папы объявляли недѣйствительнымъ все, что было направлено противъ этихъ привилегій; затѣмъ они особенно рекомендовали орденъ правителямъ и настоятельно побуждали ихъ охранять привилегіи ордена, угрожали великимъ отлученіемъ (lata sententia) каждому, кто посягаетъ на эти привилегіи, и, наконецъ, одной изъ буллъ Пія V отъ 1571 г. устанавливалась даже полная неизмѣняемость и неограниченность привилегій; такъ, генералу ордена было предоставлено право возстановлять отмѣненныя или уменьшенныя, хотя бы то въ силу папской ревокаціи, привилегіи во всемъ ихъ первоначальномъ объемѣ. Въ довершеніе всего Григорій XIII снова подтвердилъ всѣ привилегіи ордена, такъ что дѣйствительно было дѣломъ доброй воли и власти іезуитовъ, если они позднѣе соглашались на нѣкоторыя ограниченія ихъ дѣй-

ствій церковнымъ авторитетомъ. Такимъ образомъ, орденъ не только по отношенію къ свѣтскимъ властямъ, но и по отношенію къ самой папской юрисдикціи достигъ неприкосновенной самостоятельности; такъ, изъ буллы Павла III отъ 1543 г. и изъ позднѣйшихъ (отъ 1549, 1582 и 1684) видно, что іезуиты имѣли право, соотвѣтственно условіямъ мѣста и времени, измѣнять свои правила и законы, даже и не спрашиваясь объ этомъ у святого престола; поэтому преобразованіе ордена папами въ силу закона являлось невозможнымъ.

Ясно, что такіе непомѣрныя привилегіи противорѣчили прежнему строю церкви; но папы имѣли въ виду облечь іезуитовъ во всеоружіе духовнаго могущества не только для борьбы съ отступничествомъ, но и для того, чтобы создать себѣ въ іезуитахъ, такъ сказать, лейбъ-гвардію, которая бы защищала и утверждала ихъ собственное абсолютное господство надъ церковью.

Въ силу своихъ привилегій общество имѣло право, въ которомъ ему не должны были препятствовать ни духовныя, ни свѣтскія власти, повсюду учреждать коллегіи, строить церкви и дома или принимать таковые въ даръ, и всѣ начальствующія лица ордена, генералъ, суперіоры и директора, имѣли право освящать (но только для потребностей самого ордена) предметы, составляющіе принадлежность церквей, кладбищъ, алтарей и богослуженія. По буллѣ Павла III отъ 1545 г., іезуитамъ дозволено было всюду проповѣдывать, исповѣдывать, причащать и отправлять богослуженіе, не испрашивая на это позволенія мѣстныхъ епископовъ и священниковъ. Въ особенности въ широкомъ объемѣ было предоставлено іезуитамъ право отпущенія грѣховъ; они могли отпускать во всѣхъ случаяхъ, предоставленныхъ епископамъ и удержанныхъ за собою папами, исключая очень немногихъ. Въ отдаленныхъ же странахъ, среди невѣрныхъ, іезуиты не были связаны никакими ограниченіями. Они имѣли право на отпущеніе грѣховъ разбойникамъ, каторжникамъ и еретикамъ и могли замѣнять болѣе легкими почти всѣ обѣты, если это не наносило вреда другимъ; но пользуясь этимъ полномочіемъ, они не должны были нарушать правъ епископовъ. Равнымъ образомъ они могли разрѣшать и отъ такихъ обѣтовъ, разрѣшеніе отъ которыхъ принадлежало лишь епископамъ; наконецъ, они могли смягчать принятыя на себя обязанности, если это никому не наносило ущерба.

Еще въ большей степени право отпущенія грѣховъ принадлежало генералу ордена. Онъ могъ отпускать всѣ грѣхи членовъ, совершенные ими какъ до, такъ и послѣ поступленія въ орденъ, какъ отпаденіе въ ересь и схизму, поддѣлку апостольскихъ писаній и перенесеніе запрещенныхъ вещей къ невѣрнымъ и слагать, измѣнять, уменьшать или увеличивать церковные штрафы, эпитиміи. Равнымъ образомъ и настоятели домовъ, и ректоры уполномочены были, при обѣщаніи удовлетворенія и съ наложеніемъ эпитиміи, разрѣшать членовъ ордена отъ отлученія, отъ запрещенія отправлять богослуженіе и отъ интердикта. Тѣ, которые дали хотя только три первыхъ простѣйшихъ обѣта и затѣмъ самовольно возвратились въ міръ (т.-е. вышли изъ ордена), подвергались отлученію отъ церкви и не могли получить разрѣшенія. Они подлежали наказанію, какъ отступники, и заключенные ими браки и всевозможные договоры считались недѣйствительными. Генералъ ордена имѣлъ право обращаться за содѣйствіемъ къ свѣтской власти; такихъ отступниковъ арестовывали, заключали въ тюрьму, и такимъ образомъ они вынуждены были переносить наложенное орденомъ наказаніе. Даже въ томъ случаѣ,

если такія лица находились при папскомъ дворѣ, ихъ имѣли право арестовывать и, по приказанію генерала, отлучать отъ церкви, и объ этомъ отлученіи извѣщались оффиціально всѣ прелаты; но прелаты, со своей стороны, не могли подвергать такихъ іезуитовъ ни отлученію отъ церкви, ни запрещенію отправлять богослуженіе, ни интердикту; равнымъ образомъ не имѣли этого права и по отношенію къ служащимъ общества, пока они не находились въ его обителяхъ.

Общество, его члены и имущество находятся внѣ всякой зависимости отъ епископовъ и состоятъ непосредственно подъ протекторатомъ св. престола. Это изъятіе распространилось и на тѣхъ лицъ, которыя дали только три простѣйшихъ обѣта; поэтому никто не имѣлъ права назначать такое лицо, безъ согласія его начальника, на какую-либо церковную должность, даже если бы другихъ лицъ и не было для исправленія этой должности. Общество не платитъ никакихъ податей ни папѣ, ни князьямъ и свѣтскимъ властямъ; даже въ чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ, напр., крестовые походы, защита отечества и т. п., оно не подлежало налогамъ. Оно свободно отъ всякихъ пошлинъ и всякихъ повинностей, хотя бы то съ общественною и общеполезною цѣлью, и короли, свѣтскіе правители, магистраты, университеты и пр., если дерзали налагать повинности на лица или вещи ордена, хотя бы въ интересахъ общаго блага, подвергались отлученію отъ церкви и вѣчной анаѳемѣ. Какъ духовные, іезуиты вообще не были подчинены никакой свѣтской власти и поэтому не могли быть обвиняемы въ оскорбленіи величества. Къ числу привилегій, которыя были наиболѣе полезны и прибыльны іезуитамъ, принадлежитъ привилегія, данная имъ Григоріемъ XIII, по которой они имѣли право повсюду производить торговлю и банковыя операціи. Члены общества не могли быть принуждаемы являться на соборы или синоды и участвовать въ процессіяхъ; они не обязаны были пѣть хоромъ каноническіе часы.

На церкви и дома ордена, коллегіи и все, что къ нимъ принадлежало, какъ, напр., сады и проч., распространялось право убѣжища.

Орденъ владѣлъ самыми полными индульгенціями и отпустительными грамотами, подобными тѣмъ, какія раздавались въ юбилейный годъ римской церкви. Всѣ вступившіе въ общество, даже слуги, при вступленіи, а также при смерти получали прощеніе всѣхъ грѣховъ и полное отпущеніе. Въ іезуитскихъ церквахъ можно было получать такое же отпущеніе, какъ и въ Римѣ, и при этомъ въ то же самое время. Іезуитскіе исповѣдники были уполномочены in articulo mortis давать полное отпущеніе. Всѣ хранители, основатели, защитники ордена и ихъ дѣти получали одинъ разъ при жизни, а другой при смерти полное прощеніе и отпущеніе грѣховъ.

Но всѣхъ этихъ чрезвычайныхъ привилегій и льготъ оказывалось недостаточно, и вотъ папа Григорій XIII буллою отъ 3 мая 1575 г. постановилъ, что всѣ привилегіи другихъ орденовъ, какъ существующія, такъ и имѣющія быть, распространяются и на общество Іисуса, и преимущественно привилегіи нищенствующихъ орденовъ, ибо Лойола съ самаго начала наложилъ обѣтъ бѣдности не только на отдѣльныхъ членовъ, но и на все общество. Но еще при жизни Игнатія, именно въ 1550 г., Юлій III ограничилъ этотъ обѣтъ, утверждая его обязанность лишь для давшихъ монашескій обѣтъ (т.-е. 4 обѣта іезуитскаго ордена) и для монастырскихъ жилищъ, и то съ значительнымъ смягченіемъ; генералъ же и коллегіи могли безпрепятственно пріобрѣтать имущества для

ордена. Такимъ образомъ характеръ нищенствующаго ордена по отношенію къ іезуитамъ являлся фиктивнымъ, и, нисколько не ограничивая ихъ правъ, онъ лишь расширялъ ихъ привилегіи.

Въ заключеніе нужно еще сказать, что всѣ привилегіи общества собственно принадлежали какъ-бы одному генералу, который изъ богатой сокровищницы ихъ или лично, или чрезъ делегатовъ распредѣлялъ ихъ по своему усмотрѣнію между отдѣльными членами. Это постановленіе еще болѣе обусловливало зависимость подчиненныхъ отъ своего главы.

Епископальная и приходская власть, привилегіи другихъ орденовъ, права университетовъ, наконецъ, свѣтское господство и самое могущество и юрисдикція папы, какъ указано выше, во многомъ нарушались и даже совершенно теряли свое значеніе вслѣдствіе такихъ привилегій іезуитовъ. Папы, чтобы поддержать и упрочить свое церковное и свѣтское главенство, постепенно, въ теченіе среднихъ вѣковъ, достигнутое ими всѣми правдами и неправдами, предали церковь во власть новому ордену, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сами попали въ его руки. Даже самый обѣтъ безусловнаго послушанія по отношенію къ миссіи, который былъ обязателенъ для профессовъ, давшихъ четыре обѣта, являлся въ извѣстной степени призрачнымъ; правда, папа могъ посылать ихъ, куда хотѣлъ, но генералъ, съ своей стороны, имѣлъ право, когда ему угодно, отзывать ихъ. Между тѣмъ какъ папа безъ согласія генерала не могъ освободить изъ ордена ни одного члена, генералъ могъ, по своему усмотрѣнію, отпустить каждаго и разрѣшить его отъ обѣтовъ. Ни одинъ іезуитъ безъ спеціальнаго дозволенія папы не имѣлъ права апеллировать къ нему на рѣшеніе генерала, но просить объ этомъ дозволеніи онъ могъ лишь съ согласія генерала. Такимъ образомъ, папы сами сдѣлали все для того, чтобы создать изъ института Лойолы особое независимое государство въ самыхъ нѣдрахъ римской церкви, и нѣтъ ничего удивительнаго, что оно, при своей организаціи и богатствѣ духовныхъ и матеріальныхъ силъ, пріобрѣло господство надъ церковью.

Уже самое названіе іезуитскаго ордена—„общество Іисуса"—возбуждало мысль объ особенномъ, преимущественномъ положеніи его въ церкви и о ближайшемъ отношеніи къ ея основателю и владыкѣ Господу Іисусу, такъ какъ самая церковь называется только по имени прозванія Іисуса Христовой. Это названіе ордена съ самаго же начала обратило на себя вниманіе и вызвало пререканія и возраженія. Сами же іезуиты говорили, что ихъ первый основатель и начальникъ Іисусъ, второй — Пресвятая Дѣва и третій — Игнатій, и что они, іезуиты, приняли имя въ честь своего перваго и истиннаго основателя.

Законность привилегій новаго ордена основывалась на признаніи или предположеніи права абсолютнаго господства папы надъ церковью и надъ мірскимъ обществомъ и его властями. Но такъ какъ это папское главенство и монархія были узурпаціей, то и вытекавшее изъ нихъ исключительное положеніе іезуитовъ въ церкви и государствѣ было также узурпаціей. Ратуя за такія притязанія папства, объявляя папу верховнымъ и непогрѣшимымъ властителемъ душъ всего христіанства, іезуиты, вмѣстѣ съ тѣмъ, ратовали за законность собственнаго института. Если папство опиралось на іезуитовъ, то и они въ свою очередь всѣмъ своимъ существованіемъ опирались на абсолютное духовное и свѣтское главенство папства. Ясно, что интересы ихъ переплетались самымъ тѣснымъ образомъ и взаимно обезпечивались. Поэтому, когда іезуиты стремились возвысить въ догматъ теорію папской системы о верховномъ владычествѣ,

непогрѣшимости и о всемірномъ епископствѣ папы и когда они употребляли всѣ средства и усилія для того, чтобы добиться санкціи этихъ догматовъ вселенскимъ соборомъ, то они въ этомъ случаѣ дѣйствовали столько же для самосохраненія, сколько изъ почтенія къ св. престолу. Въ этомъ отношеніи они подражали только нищенствующимъ орденамъ, которые вслѣдствіе подобныхъ же мотивовъ ставили себѣ цѣлью укрѣпленіе и защиту папской системы, и ихъ теологія посвящена была, какъ это въ особенности ярко выступаетъ у Ѳомы Аквинскаго, главнымъ образомъ этой задачѣ. Изъ этого тѣснаго сплетенія интересовъ, изъ этого союза папства съ обществомъ Іисуса почти съ роковою необходимостью вытекаетъ дальнѣйшая исторія обоихъ институтовъ и католической церкви. Папство имѣло въ іезуитахъ крѣпкую защиту своего абсолютнаго режима и оказалось, такъ сказать, застрахованнымъ отъ всякой реформы, вытекающей изъ нѣдръ церкви. Общество Іисуса, взявши на себя дѣло папства и стремясь всѣми силами сохранить или доставить папству верховное господство, какъ духовное, такъ и свѣтское, подвергалось нравственной порчѣ, извращенію. Наконецъ, сама церковь, древній строй и начальныя вѣрованія которой въ теченіе среднихъ вѣковъ болѣе и болѣе затемнялись и искажались, окончательно подчинилась руководству и власти римской куріи и созданной ею теологіи. Съ этихъ поръ такъ называемая католическая церковь носитъ на себѣ рѣзкій отпечатокъ іезуитизма; іезуитизмъ же есть только послѣдовательный и крайній папизмъ.

LXXVII. Казуистика іезуитовъ.

(Изъ „Исторіи культуры“ Кольба, т. 11).

Все зданіе іезуитства построено было на глубокомъ знаніи человѣческихъ слабостей и хитромъ умѣніи пользоваться ими. Вся ихъ организація клонилась къ достиженію господства надъ государствами и народами. Здѣсь управлялъ не узкій фанатизмъ, а, напротивъ того, вся организація ордена показываетъ, что іезуиты относились къ церковнымъ учрежденіямъ и предразсудкамъ съ тою свободою, которая въ такихъ предметахъ граничитъ съ полнымъ невѣріемъ. Конечно, въ орденѣ попадались ханжи и фанатики, но ими пользовались только, какъ орудіемъ. Іезуитамъ нужно было овладѣть массою, и потому имъ какъ нельзя лучше пригодилось такое средство, какъ легкое отпущеніе грѣховъ, упоительно и пріятно дѣйствовавшее на умы невѣжественной толпы, Орудіями для нихъ служили и знатные люди, въ особенности правители; смотря по личности и по надеждѣ на успѣхъ, они иногда выказывали себя чрезвычайно строгими и налагали самыя унизительныя эпитиміи на государей, воспитанныхъ въ страхѣ и благочестіи, а иногда проповѣдывали самыя безнравственныя правила; нерѣдко они даже систематически поощряли къ разврату, лишь бы только крѣпче и вѣрнѣе держать въ своихъ путахъ могущественныхъ лицъ и помыкать ими. Они сообразовали свои поступки съ обстоятельствами. Иногда выказывали они крайнее смиреніе, а когда было нужно—крайнее нахальство; они не останавливались ни передъ какими средствами; правило: „цѣль освящаетъ

средство", вездѣ проводилось на практикѣ, хотя и порицалось въ теоріи. Въ „институтѣ" общества—Institutum Societatis—нигдѣ не поднятъ вопросъ: хорошо или дурно такое-то дѣйствіе; а спрашивается только: цѣлесообразно и полезно ли оно (num actio expediat, conveniat opportuna sit), и считалось всегда хорошимъ, если служило къ возвышенію могущества ордена, а слѣдовательно содѣйствовало дѣлу Божьему. Ни одинъ духовный католическій орденъ не былъ, съ одной стороны, такъ прославляемъ, съ другой—такъ ненавидимъ; въ одномъ мѣстѣ іезуитамъ покровительствовали, въ другомъ—ихъ гнали. Страшное распространеніе этого учрежденія, обвившаго, подобно сѣти, и народы, и правительства, давало поддержку и крѣпость какъ каждому члену въ отдѣльности, такъ и всему обществу.

Слово іезуитъ вошло въ поговорку для обозначенія коварства, лживости, обольщенія, безсовѣстнаго обмана и гнуснѣйшаго поруганія надъ всякою нравственностью, обычаями и правомъ. Понятно, что протестанты были щедры на обвиненіе ордена, который въ продолженіе столѣтій боролся противъ нихъ съ такимъ успѣхомъ, тогда какъ большая часть протестантскихъ пасторовъ въ умственномъ отношеніи далеко не доросли до іезуитовъ. Если бы обвиненія исходили только изъ этого источника, то мы бы имѣли право сомнѣваться въ ихъ справедливости; но главныя жалобы на іезуитовъ раздавались въ католическихъ странахъ: оттуда нанесены были имъ самые тяжелые удары. Во всякомъ случаѣ, нельзя, однако, упрекнуть іезуитскій орденъ въ томъ, что онъ показалъ склонность быть слѣпымъ орудіемъ монархическаго всевластія. Если мы станемъ доискиваться дѣйствительной причины того проклятія, которое пало на іезуитовъ, то окажется, что она кроется въ той своеобразной нравственной теоріи, которую усвоилъ орденъ и которая вела къ подрыву всякой нравственности.

Основу іезуитской морали составляетъ теорія „оправданія". Она вытекаетъ изъ того воззрѣнія, что каждое дѣйствіе можетъ быть совершено, если только допускается какимъ-нибудь значительнымъ авторитетомъ, хотя бы большинство другихъ авторитетовъ было противъ этого и ихъ мнѣніе казалось справедливѣе. Патеръ Эскобаръ говоритъ: „Если какой-нибудь знаменитый докторъ стоитъ за какое-нибудь мнѣніе, то это мнѣніе уже по всѣмъ вѣроятіямъ должно считаться истиннымъ, хотя бы сотни другихъ были противъ него, потому что человѣкъ, посвятившій себя наукамъ, едва ли можетъ придерживаться такого мнѣнія, которое бы не имѣло какихъ-либо особыхъ и важныхъ основаній". Въ томъ же духѣ высказались относительно этой теоріи и многіе другіе іезуитскіе авторитеты. Такъ знаменитый Санчесъ писалъ: „Если у кого-нибудь явятся сомнѣнія насчетъ того, можетъ ли оправдываться извѣстный взглядъ авторитетомъ какого-нибудь „почтеннаго и честнаго доктора" (doctor gravis et probus), я отвѣчу заранѣе: несомнѣнно. Всякое мнѣніе можетъ быть оправдано, когда оно имѣетъ не ничтожное основаніе, а мнѣніе ученаго и благочестиваго человѣка нельзя назвать ничтожнымъ основаніемъ. Если свидѣтельство великаго человѣка о томъ, что въ Римѣ произошло то или другое событіе, вполнѣ полновѣсно, то почему же въ сомнительныхъ случаяхъ нравственнаго ученія не можетъ быть полновѣснымъ то, что высказалъ объ этомъ благочестивый и свѣдущій человѣкъ?" Doctor gravis, Эммануилъ Са, высказался еще опредѣленнѣе: „Можно дѣлать то, что согласуется съ теоріей „оправданія", хотя бы противное и было безопаснѣе для совѣсти. Достаточно мнѣнія какого-нибудь почтеннаго доктора или же хорошій примѣръ".

Эта странная теорія была важнѣйшимъ средствомъ къ борьбѣ съ протестантствомъ и къ возвышенію іезуитскаго ордена надъ прочими орденами католической церкви. Протестантство вооружалось противъ ученія о значеніи добрыхъ дѣлъ и ставило непремѣннымъ требованіемъ: внутреннее усовершенствованіе человѣка. Строгость этого ученія проникала глубоко въ души людей, но слѣдовать ему было не такъ удобно и не такъ пріятно. И вотъ іезуиты противопоставили этой доктринѣ доктрины старой церкви: церковь можетъ давать отпущеніе грѣховъ и успокоивать болѣзненную совѣсть; но оставалась еще одна тягость, отклонявшая людей отъ католичества: тягость исповѣди и покаянія. Теорія „оправданія" представляла массѣ въ этомъ случаѣ наилучшее средство облегченія. Каждый заранѣе былъ увѣренъ, что за всякій грѣхъ нетрудно получить отпущеніе и успокоить совѣсть. Въ качествѣ духовныхъ отцовъ, іезуиты, на другихъ основаніяхъ, чѣмъ прочіе исповѣдники, судили грѣхи чрезвычайно снисходительно и съ такимъ остроуміемъ оправдывали ихъ, что довели милость въ этомъ отношеніи до послѣдней степени. Что за бѣда, если нравственность народа и сильныхъ міра сего будетъ подорвана въ корнѣ и пропитана ядомъ: этого каждый вѣрующій въ отдѣльности и не долженъ былъ доискиваться, лишь бы неизмѣримъ былъ успѣхъ ордена!

Не случайно, а, напротивъ, совершенно сообразно съ тѣми цѣлями, съ какими была создана теорія „оправданія", была она приложена и къ исповѣди. Петръ Васкесъ положительно совѣтуетъ духовному отцу, для освобожденія своего духовнаго чада отъ какой-нибудь грѣховной тягости, вопреки собственному своему мнѣнію, указывать на какой-нибудь другой взглядъ, хотя бы менѣе правдоподобный. Такъ же смотрѣлъ на это и Эскобаръ, который говоритъ: „Если духовному отцу предложатъ вопросъ: какое мнѣніе справедливѣе, то онъ долженъ назвать то, какого онъ самъ придерживается; но когда рѣчь идетъ объ однѣхъ обязанностяхъ, то онъ можетъ высказать менѣе справедливое мнѣніе; какъ совѣтникъ, онъ поступитъ благаразумнѣе, если посовѣтуетъ то, что можетъ быть исполнено легче и съ наименьшимъ вредомъ". Патеръ Бони говоритъ: „Если правило, по которому поступалъ духовный сынъ, согласно съ теоріей оправданія, то духовный отецъ можетъ дать ему разрѣшеніе, хотя бы онъ самъ былъ противнаго мнѣнія,—такъ какъ смертный грѣхъ—отказать въ разрѣшеніи тому, кто дѣйствовалъ сообразно съ теоріей оправданія. Такъ учили Васкесъ, Санчесъ и Суаресъ".

Теорія „оправданія" выработалась и развилась самымъ утонченнымъ и чудовищнымъ образомъ. Защитники іезуитовъ могли всегда, при всякомъ ученіи, оскорбляющемъ нравственность, противопоставить одинъ авторитетъ другому. „Когда кто-нибудь,—замѣчаетъ Элендорфъ,—былъ противъ убійства, іезуиты доказывали ему изъ Васкеса, что убивать никакъ не слѣдуетъ, а кто хотѣлъ убійствомъ врага насытить свою месть, тому іезуиты подставляли Лессіуса или Эскобара, и онъ могъ, ссылаясь на авторитетъ этихъ doctorum gravium, совершить убійство. Лессіусъ говорилъ объ убійствѣ, какъ язычникъ, а объ раздачѣ милостыни, какъ христіанинъ, а, напротивъ, Васкесъ объ убійствѣ, какъ христіанинъ, а о раздачѣ милостыни, какъ язычникъ".

На этомъ основаніи добро и зло становились совершенно безразличнымъ: можно было совершить убійство потому, что doctor gravis Лессіусъ дозволяетъ это; можно было и пощадить врага, потому что Васкесъ такого мнѣнія. Іезуиты потакали благочестію и злодѣянію, добродѣтели и грѣху. Сотни казуистовъ отстаиваютъ такое-то мнѣніе, а сотни другихъ отвер-

гаютъ его; даже въ одномъ и томъ же мнѣніи найдется множество различій и оттѣнковъ, уничтожающихъ одно другое; но все-таки суть дѣла въ томъ, что если какой нибудь doctor gravis оправдываетъ извѣстное мнѣніе, то этого достаточно для оправданія всякаго поступка.

Іезуитскіе казуисты дошли до того, что примѣняли это ученіе къ различнымъ условіямъ жизни какъ свѣтской, такъ и духовной. Григорій изъ Валенціи безъ зазрѣнія совѣсти подвергалъ разсмотрѣнію такой вопросъ: можетъ ли судья, обязанный соблюдать безпристрастіе, для пользы своего друга прибѣгнуть къ іезуитской теоріи „оправданія"? Онъ дошелъ до слѣдующаго вывода: если судья полагаетъ, что одно мнѣніе, на основаніи этого ученія, равносильно съ другимъ, то онъ, не задумавшись, имѣетъ право произнести такой приговоръ, который можетъ служить къ пользѣ его друга. Этого мало: желая услужить своему другу, онъ можетъ въ одномъ случаѣ руководствоваться однимъ мнѣніемъ, а въ другомъ—противоположнымъ, лишь бы изъ этого не выходило скандала. Объ избѣжаніи внѣшняго скандала іезуиты болѣе заботились, чѣмъ о вредныхъ послѣдствіяхъ самаго дѣла.

Равнымъ образомъ, остроумный патеръ Азоръ, а за нимъ Эскобаръ говорили, что „если врачъ, знающій многія цѣлебныя средства противъ извѣстной болѣзни, за неимѣніемъ подъ рукою другого, болѣе испытаннаго медикамента, даетъ наугадъ больному, въ выздоровленіи котораго онъ не сомнѣвается, и въ такомъ случаѣ, если бы даже считалъ вѣроятнымъ, что такое средство принесетъ вредъ, то онъ не подлежитъ порицанію, потому что поступаетъ на основаніи вѣроятія". Такъ совѣтовали поступать и въ другихъ случаяхъ.

Тамъ, гдѣ доктрина „оправданія", несмотря на свою растяжимость, оказывалась неудобопримѣняемою, тамъ прибѣгали къ другой уловкѣ: къ такъ называемой „Directo Intentionis".

Если при какомъ нибудь дѣйствіи или намѣреніи (считаемомъ по обычнымъ понятіямъ безнравственнымъ) можно ухватиться за какую-нибудь черту позволительнаго свойства, тогда оправдывается все дальнѣйшее. Сообразно съ этимъ можно совершить такой поступокъ, который на обыкновенномъ церковномъ языкѣ называется „грѣхомъ", если только при этомъ грѣхъ не составляетъ главной цѣли, а совершается для того, чтобы достигнуть другой, позволительной и похвальной цѣли. Казуисты объясняли это положеніе такимъ образомъ: „Пусть сынъ желаетъ смерти своего отца, чтобы завладѣть его имуществомъ; онъ долженъ только остерегаться, чтобы смерть отца не была въ его глазахъ конечною цѣлью, но можетъ вполнѣ желать и стремиться къ тому, чтобы завладѣть его имѣніемъ".

Къ этимъ двумъ уловкамъ іезуитской казуистики, какъ теорія „оправданія" и „directio intentionis" присоединялось еще ученіе объ „мысленной оговоркѣ" или „двусмысленномъ выраженіи", reservatio или restrictrio mentalis. На основаніи этого ученія можно все обѣщать и даже подтвердить обѣщаніе клятвою, не связывая себя никакимъ обязательствомъ: стоило только подобрать двусмысленныя слова и ввести ими другого въ заблужденіе, или же промолчать, не досказать и дать словамъ своимъ другой смыслъ. Благоразумный Санчесъ, doctor gravis, развиваетъ слѣдующимъ образомъ это ученіе: „Первое правило состоитъ въ томъ, что если слова имѣютъ двоякій смыслъ и могутъ быть объяснены различными способами, то не будетъ лжи въ томъ, если ихъ выговорить въ такомъ смыслѣ, какой говорящій хочетъ имъ придать, хотя другіе, къ которымъ обращены эти слова, принимаютъ ихъ въ другомъ смыслѣ. Можно также,

не прибѣгая ко лжи, употреблять и такія слова, которыя по своему значенію не двусмысленны и какъ сами по себѣ, такъ и при случайныхъ обстоятельствахъ не допускаютъ того смысла, который имъ хотятъ придать, а получаютъ его въ дѣйствительности только тогда, когда къ нимъ еще что-нибудь прибавляется мысленно".

Напримѣръ, если кого-нибудь спрашиваютъ о чемъ-нибудь наединѣ, или передъ другими, и онъ, ради шутки, или для какой-нибудь цѣли, клянется, что не дѣлалъ того, что онъ въ самомъ дѣлѣ дѣлалъ, а въ умѣ своемъ представляетъ что-либо совсѣмъ другое, чего онъ дѣйствительно не дѣлалъ, или же представляетъ какой-нибудь другой день, а не тотъ, въ который онъ совершилъ извѣстный поступокъ, или вообще думаетъ въ это время о чемъ-нибудь истинномъ, то въ такомъ случаѣ онъ не лжетъ и не совершаетъ ложной клятвы: онъ только не говоритъ истины, которую выражаютъ его слова, а совершенно другую. Если бы кого нибудь обвиняли въ убійствѣ патера, котораго онъ дѣйствительно убилъ, онъ бы могъ отвѣтить: я не убилъ патера, а между тѣмъ думать о комъ-нибудь другомъ, носившемъ то же имя, или же думать о томъ самомъ патерѣ, но съ такимъ „restricto mentalis": „до его рожденія я не убилъ его". Такая хитрость, замѣчаетъ докторъ gravis Санчесъ, приноситъ большую пользу, когда нужно скрывать то, что должно быть скрыто и что не можетъ быть утаено безъ обмана и клятвы никакимъ инымъ, какъ только упомянутымъ способомъ. Вполнѣ законно прибѣгать къ такой хитрости въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится охранять свою личность, жизнь и честь, защищать свое достояніе или совершить какое-нибудь доброе дѣло!" Филліукціусъ подаетъ благой совѣтъ, какъ употреблять практически это средство: „Ты, напримѣръ, вчера совершилъ какой-нибудь проступокъ, который надобно скрыть; тогда говори: „клянусь, что я... тутъ слѣдуетъ reservatio mentalis, ты думаешь про себя: сегодня—того или другого не дѣлалъ". Петръ Эскобаръ распространяетъ это средство и на даваемыя обѣщанія. „Мы не обязаны исполнять обѣщаній, учитъ онъ, если, давая ихъ, не имѣемъ дѣйствительнаго намѣренія ихъ сдержать".

Подобный арсеналъ уловокъ могъ быть вездѣ пригоденъ. Почти невѣроятно, какъ могли такія ученія формально проповѣдываться. Такимъ образомъ l'Ami выдумалъ доктрину, которая дозволяла убійствомъ врага предупредить тотъ вредъ, какой бы онъ могъ нанести. Эта доктрина возбудила противъ себя общее изумленіе и негодованіе, и левенскій университетъ объявилъ ее противною христіанству. Нѣкоторые казуисты и орденъ приняли на себя защиту. Карамуэль и Царголи выказали особую дѣятельность, отыскивая повсюду новые доводы для подкрѣпленія этой доктрины; орденъ одобрялъ ихъ сочиненія.

На основаніи теоріи оправданія, въ дѣлахъ касающихся чести можно, по словамъ Наварры, не вызывать на поединокъ и не принимать вызова, „когда представляется возможность тайнымъ убійствомъ противника сохранить свою честь и имущество, такъ какъ этимъ путемъ человѣкъ избавляется отъ опасности и даже предохраняетъ врага своего отъ грѣха, въ который бы тотъ впалъ, если бы принялъ вызовъ или самъ сдѣлалъ его". Іезуитскій орденъ, какъ показано выше, былъ установленъ съ цѣлью распространенія католической церкви и ея ученія, и члены ордена давали обѣтъ особаго послушанія папѣ; но достаточно замѣчено, что несмотря на это, іезуиты часто проводили свои правила вопреки уставамъ и распоряженіямъ церкви и папы. Католическая церковь повелѣваетъ слушать обѣдню по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, a doctores graves et pii

Ангелусъ и Розелла дозволяли нарушать эту обязанность. Церковь требуетъ, чтобы оставались въ церкви до конца обѣдни; Эскобаръ думаетъ, напротивъ, что достаточно прослушать три четверти. Энрикесъ и Луго пошли еще далѣе, но Лайманъ перещеголялъ ихъ обоихъ въ либерализмѣ. Эскобаръ находитъ, что если войти въ церковь въ то время, когда четыре священника разомъ на четырехъ алтаряхъ совершаютъ обѣдню: одинъ только начинаетъ ее, другой читаетъ евангеліе, третій освящаетъ св. Дары, а четвертый выноситъ причастіе,—то можно исполнить обязанность слушанія всей обѣдни, употребивъ четверть часа того времени, которое обыкновенно требуется на это. Подобнымъ образомъ толковали Санчесъ, Майоръ и Бузенбаумъ. Церковь требуетъ, чтобы вѣрные присутствовали при литургіи; а Бузенбаумъ, напротивъ, полагаетъ, что не великій грѣхъ болтать съ кѣмъ-нибудь во время обѣдни, лишь бы только замѣчать, что происходитъ у алтаря. Конихъ, Сильвій, Розелла и Медина утверждали, что для исполненія церковной заповѣди достаточно наружно-почтительнаго поведенія при богослуженіи, хотя бы при этомъ вѣрующій умышленно предавался разсѣянности. Неподражаемый Эскобаръ дозволяетъ даже во время обѣдни имѣть дурныя мысли, а Бузенбаумъ говоритъ: „Если кто присутствуетъ при обѣднѣ изъ пустого тщеславія или съ намѣреніемъ украсть что-нибудь, то онъ все-таки исполняетъ цирковную заповѣдь, хотя и грѣшитъ противъ другой заповѣди".

По отношенію къ исповѣди іезуиты дѣлали почти невѣроятныя вещи, лишь бы оправдать грѣхи своихъ духовныхъ чадъ. Тамбурини учитъ: „Исповѣдующійся можетъ многократно солгать на исповѣди... Лгать относительно смертныхъ грѣховъ было бы тяжелымъ грѣхомъ только тогда, когда бы на это не было достаточно основаній, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ можно ограничиться отнѣкиваніемъ или же, во избѣжаніе какого-нибудь второстепеннаго грѣха, можно отдѣлываться двусмысленными отвѣтами, которые можно заимствовать изъ ученія о двусмысленныхъ выраженіяхъ". Эскобаръ говоритъ: „Если кто часто впадаетъ въ тяжкія прегрѣшенія и желаетъ сохранить доброе о себѣ мнѣніе своего обычнаго духовника, тотъ можетъ найти себѣ другого духовника и исповѣдывать ему важнѣйшіе грѣхи, а первому второстепенные".

Рядомъ съ такими ученіями, которыя, повидимому, истекали изъ совершеннаго невѣрія, уживались такія, которыя могли удовлетворить самыхъ грязныхъ фанатиковъ. Напримѣръ, іезуиты разрѣшили отъ грѣха такого ревнителя вѣры, который, похитивъ у невѣрныхъ или еретическихъ родителей некрещенаго ребенка и желая избавить его навсегда отъ искушенія, броситъ его въ рѣку, но произнесетъ при этомъ слова, употребительныя при крещеніи. Этого мало: они находили дозволительнымъ и такое дѣло, если бы кто-нибудь облилъ ребенка кипяткомъ съ цѣлью вмѣстѣ окрестить и умертвить его.

Принципы легкой нравственности подорвали и совершенно испортели нравственность массы, принадлежавшей къ ордену. Между іезуитами возросло до чрезвычайности число тѣхъ, которые запятнали себя самыми низкими пороками, и это было не какимъ-либо случайнымъ явленіемъ, а неизбѣжнымъ слѣдствіемъ подобнаго учрежденія.

LXXVIII. Іезуиты въ эпоху реформаціи.

(Изъ предисловія Габріэля Моно къ книгѣ Г. Бёмера: „Іезуиты". Переводъ Н. Попова).

Если мы дадимъ себѣ трудъ внимательно изучить развитіе христіанской церкви въ средніе вѣка, ея упадокъ въ XIV-омъ и XV-омъ вѣкахъ, двойное движеніе протестантской реформаціи и католической реформаціи, которая преобразовала и спасла церковь въ XVI-мъ вѣкѣ, мы увидимъ въ возникновеніи общества Іисуса естественный результатъ всей предшествующей церковной и религіозной эволюціи; мы легко поймемъ значительную, даже преобладающую роль, которую оно стало играть въ реформированной католической церкви; для насъ станетъ яснымъ, какимъ образомъ католицизмъ и іезуитизмъ съ теченіемъ времени постепенно идентифицировались, несмотря на то, что въ XVIII-мъ вѣкѣ общество (т.-е. орденъ) должно было на нѣкоторое время прекратить свое открытое существованіе по приговору самой папской власти.

Западная христіанская церковь достигла апогея своего могущества въ XIII столѣтіи, въ тотъ моментъ, когда разрушившаяся держава Гогенштауфеновъ пала къ ногамъ папской власти; когда капетингская монархія тѣсно сблизилась съ святымъ престоломъ; когда Византійская имперія рушилась подъ ударами западныхъ христіанъ; когда къ блестяще расцвѣтшему монашеству XII вѣка прибавились два новыхъ ордена, францисканцы и доминиканцы, которые явились новыми источниками мистики и дали церкви цѣлыя арміи проповѣдниковъ и миссіонеровъ; когда, наконецъ, на всѣхъ проявленіяхъ духовной и общественной жизни легла печать религіи. Правила рыцарства накладывали религіозный отпечатокъ на военную организацію и жизнь феодализма; съ другой стороны, религіозныя братства были тѣсно связаны съ организаціей цеховъ и всей городской жизнью. Всѣ искусства: архитектура, скульптура, живопись на стѣнахъ и на стеклѣ, мозаика, находили свое приложеніе, главнымъ образомъ, въ церковныхъ зданіяхъ. Университеты были полуцерковными учрежденіями и получали свои привилегіи отъ папы. Философія была служанкой теологіи; и эпическая поэзія, составлявшая духовную пищу феодальнаго общества, развивалась вокругъ монастырскихъ святилищъ и на дорогахъ паломниковъ.

Это общество, глубоко христіанское, неутомимо боровшееся за поддержаніе единства вѣры и распространеніе христіанской церкви при помощи крестовыхъ походовъ противъ невѣрныхъ, еретиковъ и раскольниковъ; это общество, въ которомъ папская власть, начиная съ середины XI-го вѣка, благодаря ряду великихъ первосвященниковъ, заставила признать свой верховный авторитетъ и монарховъ, и епископовъ, и очистила духовенство,—открывало, тѣмъ не менѣе, широкое поле для проявленія личной иниціативы, самобытности и свободы. Католическая церковь въ каждой отдѣльной странѣ имѣла свою собственную физіономію; галликанская церковь не являлась рабской копіей англійской или нѣмецкой церкви. Каждый монашескій орденъ имѣлъ свои особенныя сферы и пріемы дѣятельности; схоластическая философія бралась съ большою смѣлостью за разработку всѣхъ проблемъ и порождала различныя школы, иногда даже враждебныя другъ къ другу, какъ, напримѣръ, номинализмъ и реализмъ; религіозное искусство отнюдь не замыкалось въ условныя формы,

подобно византійскому, а напротивъ, постоянно черпало новыя силы изъ изученія природы, изъ тѣхъ впечатлѣній, которыя давали жизнь и исторія, изъ міра фантазіи и воображенія; наконецъ, свѣтское общество свободно развивало свои учрежденія, искусство, литературу, совершенно не думая этимъ подрывать религіознаго единства; преданный сынъ церкви, Людовикъ Святой, умѣлъ защищать права свѣтской власти отъ притязаній духовенства и даже самаго папства.

Однако, идеалъ христіанскаго общества, въ которомъ бы церковь гармонически обнимала все разнообразіе государствъ и общественныхъ группировокъ, свободно живущихъ, развивающихся и борющихся между собой, могъ быть только поставленъ, но не реализированъ. Не успѣлъ онъ еще возникнуть, какъ ему были нанесены неизлѣчимые удары.

Свѣтское общество, придя къ сознанію своихъ силъ, начало все болѣе и болѣе эмансипироваться отъ церкви; оно не только вступило въ борьбу съ церковью, но и заявило притязанія на господство надъ нею; въ то же время въ церковь проникли всѣ пороки того времени. Правленіе Бонифація VIII-го, этого высокомѣрнаго папы, который думалъ, что власть святого престола утверждена навѣки, было началомъ непоправимаго упадка; за нимъ вскорѣ послѣдовали авиньонскій плѣнъ, затѣмъ, великій расколъ западной церкви и, наконецъ, послѣ недолговременнаго подъема, нравственное и религіозное паденіе папства: папы, начиная съ Сикста VI и кончая Климентомъ VII, вели себя скорѣе, какъ свѣтскіе государи, чѣмъ какъ духовные вожди христіанскаго міра. Ростъ власти королей и свѣтскихъ князей происходилъ всюду, за исключеніемъ, можетъ быть, Испаніи, за счетъ авторитета церкви. Свобода мысли всюду породила ереси, даже въ университетахъ и въ духовенствѣ; возрожденіе древней литературы и расцвѣтъ пластическихъ искусствъ, ростъ богатства и роскоши, придворная жизнь и жизнь въ замкахъ создали совершенно новыя, почти языческія концепціи человѣческаго счастья и дѣятельности. Но, съ другой стороны, всюду въ нѣдрахъ этого общества, которое осталось по своей сущности христіанскимъ, особенно среди здоровой части университетовъ и духовенства, сталъ раздаваться все болѣе громкій и настойчивый призывъ къ реформѣ церкви, въ ея главѣ и членахъ.

На двухъ великихъ собраніяхъ христіанскаго міра, въ Констанцѣ и Базелѣ, обнаружились двѣ противоположныя тенденціи; одни, и къ нимъ, по крайней мѣрѣ въ Констанцѣ, принадлежали наиболѣе выдающіеся, какъ по своимъ знаніямъ, такъ и по личному характеру, дѣятели церкви, хотѣли, чтобы церковь въ лицѣ представлявшихъ ее соборовъ взяла въ собственныя руки управленіе своими судьбами, сама регулировала догматы и свой внутренній строй, оставляя папѣ лишь роль общаго администратора и верховнаго судьи; напротивъ, другіе — таково было мнѣніе папъ и большинства членовъ римской куріи — видѣли въ соборномъ режимѣ лишь гибель авторитетнаго принципа, на которомъ покоилась католическая церковь, и прямой шагъ къ системѣ, превращавшей католическую церковь въ федерацію національныхъ церквей, изъ которыхъ каждая стала бы вести самостоятельную жизнь; системѣ, которая опрокинула бы несокрушимое единство церкви, символизированное въ хитонѣ безъ швовъ Христа. Они утверждали, что если соборъ имѣетъ полное право положить конецъ расколу и возстановить единство власти избраніемъ единаго папы, то, совершивъ это, онъ уже ничего не можетъ предпринять помимо папы, и что инціатива проведенія реформъ принадлежитъ папѣ вмѣстѣ съ священной коллегіей. Обѣ тенденціи получили,

начиная съ конца констанцскаго собора, свое выраженіе въ рядѣ актовъ, которые должны были, по мысли ихъ авторовъ, возстановить порядокъ въ церкви. Наиболѣе пылкіе сторонники реформы, видя, что папа и кардиналы заботятся не столько о реформѣ церкви, сколько о поддержаніи собственнаго авторитета, стремились при помощи отдѣльныхъ для каждой страны законовъ, такъ называемыхъ прагматическихъ санкцій, организовать съ согласія свѣтскихъ державъ національныя церкви, защищенныя своими конституціями отъ злоупотребленій куріи: между тѣмъ какъ папа старался путемъ договоровъ съ тѣми же свѣтскими державами, конкордатовъ, сохранить свою власть надъ всею церковной іерархіей и извлекаемыми имъ доходами, отказываясь въ пользу свѣтскихъ державъ отъ части этой власти и этихъ доходовъ.

Неудача базельскаго собора, безпорядочность его преній, вызванный имъ новый расколъ дискредитировали соборный режимъ; но въ то же время, несмотря на всѣ усилія папъ, вполнѣ достойныхъ занимаемаго ими мѣста, какъ Мартинъ V, Евгеній IV, Николай V, Пій II, папская власть выказала полную неспособность бороться съ тѣми злоупотребленіями, отъ которыхъ такъ давно уже страдала церковь.

Поэтому, движеніе въ пользу реформъ продолжалось; оно стало проявляться съ тѣмъ большей силой, что ничто не могло ввести его въ опредѣленное русло или умѣрить. Если оно часто носило осторожный и благотворный характеръ, принимая видъ реформъ, самостоятельно предпринимавшихся монашескими орденами, какъ, напримѣръ, братьями общей жизни, или легатами римской куріи, какъ, напримѣръ, Николаемъ Кузанскимъ, то, съ другой стороны, оно вызывало и въ университетскихъ кругахъ и въ монашескихъ орденахъ почти революціонныя стремленія, новаторскія желанія, которыя ставили, какъ нѣкогда при Уиклифѣ и Янѣ Гуссѣ, подъ знакъ вопроса всю іерархическую организацію церкви, ея традиціонные порядки, иногда даже догматы. Папство, испуганное, одинаково безсильное, какъ провести реформу, такъ и подавить движеніе, думало только о томъ, какъ бы сохранить свой авторитетъ, доходы и привилегіи; послѣ Пія II оно попало болѣе, чѣмъ на полвѣка въ руки первосвященниковъ, которые, за исключеніемъ Адріана VI-го, всѣ являлись скорѣе итальянскими князьями, чѣмъ вождями церкви, и стремилось лишь къ тому, чтобы обезпечить себѣ въ Италіи свѣтскую державу, которая позволила бы ему вести переговоры на равныхъ началахъ съ свѣтскими государями и заключать съ ними трактаты, при помощи которыхъ оно думало обезпечить устойчивость традиціоннаго зданія церкви.

Но когда движеніе въ пользу реформы привело въ лицѣ Лютера въ Германіи, Цвингли и Фореля въ Швейцаріи, Лефевра д'Этапль и Кальвина во Франціи, къ полному отрицанію всѣхъ церковныхъ авторитетовъ, къ крушенію единства церкви, къ разрушенію тѣхъ организмовъ, которые были до тѣхъ поръ орудіями религіозной жизни, церковной іерархіи и монашескихъ орденовъ, къ отверженію таинствъ, бывшихъ сверхъестественными источниками божественной благодати; когда увидѣли, что всѣ элементы безпорядка и нечестія, существовавшіе тогда въ обществѣ — дворяне, возставшіе противъ центральной власти, крестьяне, поднявшіеся противъ своихъ сеньеровъ, гуманисты, которые настолько увлеклись античностью, что съ презрѣніемъ отвернулись отъ христіанской вѣры и добродѣтелей,—идутъ рука объ руку съ этими реформаторами, основывавшими безчисленныя секты и ставившими на мѣсто единой, универсальной церкви множество изолированныхъ и часто враждебныхъ другъ другу церквей,

то въ партіи реформы произошелъ странный расколъ. Всѣ тѣ, кто правильно оцѣнивалъ сокровища благочестія, вѣры, добрыхъ дѣлъ, продолжавшія существовать, несмотря на всѣ злоупотребленія, въ лонѣ старой церковной организаціи, кто пришелъ въ ужасъ отъ дерзости и насилій новаторовъ, кто отказывался испробовать режимъ свободы и, особенно, разрушить единство церкви, бывшее, такъ сказать, печатью ея божественнаго происхожденія, снова примкнули съ жаромъ отчаянія къ традиціи. Они не переставали стремиться къ искорененію злоупотребленій, къ реформѣ нравовъ, не переставали требовать отъ духовенства большей нравственности, образованности и большей преданности своимъ религіознымъ обязанностямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, они чувствовали, что для того, чтобы сохранить единство католической церкви, необходимо не только отказываться отъ всѣхъ попытокъ ввести новшества въ церковные порядки и культъ, упростить догматы, уменьшить авторитетъ іерархіи и папства, но, напротивъ, слѣдуетъ еще болѣе усилить узы церковной дисциплины, еще тверже формулировать догматы, сдѣлать еще болѣе торжественными формы культа, еще болѣе абсолютнымъ авторитетъ іерархіи и папы, и даже примириться съ дальнѣйшимъ существованіемъ многихъ золъ среди высшихъ церковныхъ сферъ и особенно въ самомъ центрѣ христіанства, въ Римѣ, потому что злоупотребленія неизбѣжны при всякомъ правительствѣ, которое нуждается въ деньгахъ и свѣтской власти, чтобы спасти неоцѣнимыя блага единства и возвратить католицизму, защищенному отъ споровъ, колебаній и безпорядка безпокойной и ищущей новизны мысли, его прежнее могущество въ сферѣ религіозной и общественной дѣятельности. Но для того, чтобы осуществить эту задачу, папская власть должна была первая приступить къ ней, должна была сама взять въ свои руки дѣло реформы, чтобы быть достойной того высшаго авторитета, который приписывался ей.

Это было достигнуто лишь съ большимъ трудомъ. Потребовались усилія не только благочестивыхъ и безкорыстныхъ людей, желавшихъ возвратить католической церкви ея первоначальную добродѣтель, но и свѣтскихъ державъ, спачала Карла V, потомъ Филиппа II, считавшихъ себя защитниками единства церкви.

Испанія, гдѣ церковь и государство жили въ тѣсной связи, оказала въ этомъ отношеніи наиболѣе рѣшительное вліяніе; орденъ іезуитовъ возникъ какъ-разъ во-время, чтобы стать въ христіанскомъ мірѣ самымъ сильнымъ орудіемъ системы безусловнаго повиновенія святому престолу и безграничной преданности безспорно установленнымъ догматамъ, которая восторжествовала на тридентскомъ соборѣ. Къ счастью, и во главѣ папства какъ-разъ въ этотъ моментъ, въ серединѣ XVI-го вѣка, стояли 2 человѣка, Павелъ III и Пій IV, понявшіе положеніе, сумѣвшіе заставить римскую курію и себя принести необходимыя жертвы и доведшіе до конца трудную работу тридентскаго собора, которая тянулась въ теченіе почти двадцати лѣтъ, встрѣчая на своемъ пути безчисленныя затрудненія.

Какъ показываетъ этотъ краткій обзоръ, общество Іисуса, которое Игнатій Лойола вовсе не предназначалъ для выполненія этой задачи, и которое первоначально представляло изъ себя лишь общество миссіонеровъ, было силою вещей принуждено оказать могущественное содѣйствіе работѣ тридентскаго собора и стать во всемъ мірѣ наиболѣе искуснымъ, наиболѣе упорнымъ, наиболѣе смѣлымъ и наиболѣе убѣжденнымъ агентомъ папской власти, защищенной съ этого времени отъ всякихъ напа-

деній и контроля. Его миссія состояла въ томъ, чтобы распространить католицизмъ во всемъ мірѣ и принудить все христіанское общество къ слѣпому повиновенію декретамъ тридентскаго собора. Общество явилось во-время; оно отвѣчало настоятельной внутренней потребности церкви; его роль была навязана ему самими обстоятельствами.

Нельзя утверждать, что іезуиты поработили и исказили церковь. Они въ гораздо большей степени явились представителями и естественнымъ результатомъ, чѣмъ дѣятелями того превращенія, которое испытала церковь во второй половинѣ XVI-го вѣка подъ давленіемъ потребности жить. Они были наиболѣе полнымъ, наиболѣе интенсивнымъ, наиболѣе сконцентрированнымъ выраженіемъ духа католицизма, и имъ обязанъ послѣдній большею частью своихъ побѣдъ и своей возродившейся живучести.

Для того, чтобы человѣческое общество могло жить и развиваться, необходимы двѣ вещи—правило и свобода, необходимо счастливое равновѣсіе между элементами устойчивости и элементами движенія, между традиціей и прогрессомъ. Правило, лишенное противовѣса, порождаетъ единообразіе и смерть; свобода безъ сдержки ведетъ къ безпорядку, который также содержитъ въ себѣ зародышъ смерти. Въ моментъ возникновенія ордена Іисуса церковь съ полнымъ правомъ могла приходить въ ужасъ отъ того безпорядка, который внесли возрожденіе и протестантская реформація въ унаслѣдованное отъ прошлаго соціальное и религіозное зданіе. Общество Іисуса отвѣчало потребности въ правилѣ и порядкѣ, которая тогда казалось самой насущной потребностью христіанскаго общества; но несомнѣнно, что оно совершенно не оставляло мѣста движенію, прогрессу, свободѣ, и что теперь, по прошествіи почти четырехъ вѣковъ, іезуиты не измѣнились и остались вѣрными стражами рѣшеній тридентскаго собора.

Но, если іезуитскому ордену удалось заставить современное общество принять свои концепціи порядка и правила, можно спросить себя, дѣйствительно ли были подавлены и разрушены всякая самодѣятельность, всякая оригинальность и свобода, всѣ тѣ силы, которыя даютъ жизнь литературѣ, искусству, мысли? Къ счастію, іезуитизмъ былъ лишь однимъ изъ элементовъ современнаго общества. Онъ исполнилъ свою роль, не имѣя возможности помѣшать другимъ силамъ дѣйствовать рядомъ съ нимъ.

Ничто лучше не характеризуетъ различныя стороны реформаціоннаго движенія, чѣмъ три великихъ личности, воплотившихъ это движеніе, хотя они сами этого не предвидѣли и не хотѣли.

Представителемъ и главой реформаціи и протестантскаго раскола въ первую половину XVI-го вѣка былъ Лютеръ.

Игнатій Лойола явился въ серединѣ вѣка, чтобы стать анти-Лютеромъ и возвратить римской церкви, которая всюду была подорвана, и которой всюду грозила гибель, силы, необходимыя, чтобы бороться съ лютеранствомъ и отвоевать обратно часть захваченныхъ имъ территорій.

Какъ-разъ въ то время, когда Игнатій Лойола завершалъ свое дѣло, Кальвинъ превратилъ Женеву въ сильнѣйшій очагъ протестантской пропаганды и создалъ церковное ученіе и организацію, наиболѣе пригодныя для того, чтобы придать протестантизму новую силу и распространеніе. Если Лойола былъ анти-Лютеромъ, то въ Кальвинѣ можно видѣть анти-Лойолу.

Эти три человѣка, которые являются въ исторіи человѣческой мысли и культуры представителями наиболѣе противоположныхъ тенденцій и

ученій, имѣютъ, однако, точки соприкосновенія и могутъ быть сравнены и сближены.

Съ перваго взгляда кажется, что нельзя сблизить ни одной черты въ характерахъ и жизни Лютера и Лойолы. Правда, оба они, стремясь осуществить свои задачи, опирались на свѣтскія власти. Оба сдѣлали уступки политической необходимости, и лютеранство, также какъ іезуитство, благопріятствовало развитію абсолютизма государей. Но нельзя представить себѣ большей противоположности сосредоточенной, разсудительной дисциплинированной, надменной, непоколебимой и увѣренной въ себѣ натурѣ Лойолы, чѣмъ экспансивная, не знающая ни въ чемъ мѣры, подвижная натура Лютера, постоянно переходящаго отъ крайняго отчаянія къ чрезмѣрной радости, вѣчно мучимаго угрызеніями совѣсти. И, однако, исходная точка призванія Лойолы имѣетъ много аналогій съ исходной точкой призванія Лютера. Какъ у того, такъ и у другого направленіе мысли, религіозной вѣры и всей жизни опредѣлилъ нравственный кризисъ, трагическое ощущеніе грѣха. Ничто не похоже такъ на душевное состояніе Лютера въ первое время его пребыванія въ августинскомъ монастырѣ въ Эрфуртѣ, какъ состояніе души Лойолы во время его уединенія въ Манрезѣ. Оба горячо отдаются посту, умерщвленіямъ, покаянію, повторнымъ исповѣдямъ, проводятъ дни и ночи въ молитвѣ, не достигая успокоенія совѣсти. Но здѣсь сходство прекращается. Они находятъ душевный покой совершенно различными путями. Лютеръ, молодость котораго была чиста, и который, являясь на исповѣдь съ воплемъ: „мой грѣхъ, мой грѣхъ“!, часто не зналъ, въ чемъ онъ долженъ каяться, остается проникнутымъ сознаніемъ своего ничтожества и своего нравственнаго недостоинства, сознаніемъ безсилія человѣка самому дѣлать добро; но чтенія Библіи и отцовъ церкви, апостола Павла и блаженнаго Августина, открываютъ ему путь къ спасенію. „Праведный долженъ жить вѣрой“, эти слова становятся для него разрѣшеніемъ всѣхъ сомнѣній, успокоеніемъ всѣхъ мукъ. Прощенія своихъ грѣховъ онъ сталъ искать съ этого момента не въ отпущеніи, произносимомъ священникомъ. Онъ сталъ искать его только у одного Бога, Господа Іисуса, который съ этого времени становится его единственнымъ судьей. Игнатій Лойола послѣ напрасныхъ попытокъ обрѣсти миръ при помощи общихъ и частныхъ исповѣдей и непрерывнаго покаянія, освобождаетъ себя отъ угрызеній совѣсти мыслью, что терзавшія его, несмотря на повторныя отпущенія, угрызенія являются внушеніями дьявола. Онъ убѣждаетъ себя въ цѣнности духовной благодати, сообщаемой священниками, и получаетъ увѣренность въ спасеніи путемъ ряда видѣній, въ которыхъ истины вѣры предстаютъ передъ нимъ въ чувственныхъ формахъ. Такимъ образомъ, между тѣмъ какъ Лютеръ освобождается отъ своихъ сомнѣній и угрызеній совѣсти путемъ совершенно духовной и совершенно индивидуалистической концепціи религіозной жизни, отдавшись волѣ Божіей и вѣрѣ въ Іисуса Христа, отказавшись отъ всякаго посредничества церкви и священника, Лойола превращаетъ свои религіозныя идеи въ чувственныя реальности и всецѣло отдается руководству церкви. Одинъ устремляется на встрѣчу революціоннымъ волненіямъ; порывы его мысли и темпераментъ приведутъ его къ такимъ шагамъ, смѣлость которыхъ часто будетъ ужасать его; другой отдаетъ свою дисциплинированную страсть, свой чувственный мистицизмъ, свой методическій фанатизмъ на службу непреложнаго ученія и безспорнаго авторитета, которые исключатъ всякую возможность какихъ-либо колебаній, сомнѣній, сожалѣній.

Личная вѣра Кальвина, его богословское ученіе не обязаны своимъ происхожденіемъ моральному кризису и терзаніямъ совѣсти. Онъ порвалъ съ католической традиціей путемъ размышленія и научныхъ занятій, путемъ критики и исторіи. Первоначально онъ кажется намъ послѣдователемъ эразмовскаго гуманизма, и, если его теологія съ самаго начала становится въ рѣшительно отрицательное отношеніе къ католицизму и принимаетъ характеръ оригинальной догматики, что заставитъ его пойти гораздо дальше эразмовскаго евангелизма, то, повидимому, его увлекаетъ скорѣе строгость его логическаго и юридическаго ума, чѣмъ предвзятая идея вызвать религіозную революцію.

Если кризисъ вѣры у изобрѣтательнаго мистика, какимъ былъ Лойола, не имѣетъ ничего общаго съ кризисомъ резонирующаго и морализирующаго интеллектуалиста Кальвина, то въ развитіи ихъ генія и въ эволюціи ихъ дѣятельности существуютъ поразительно сходныя черты. Ни у того, ни у другого въ тотъ моментъ, когда они рѣшили посвятить свою жизнь исканію и отстаиванію религіозной истины, не было сомнѣній относительно тѣхъ задачъ, которыя они брали на себя. Игнатій Лойола, покинувъ Манрезу, чтобы отправиться за мученическимъ вѣнцомъ къ невѣрнымъ Палестины, думаетъ лишь о личномъ спасеніи. Создавая 15-го августа 1534-го года первое ядро своего общества, онъ опять-таки думалъ лишь объ основаніи союза молодыхъ людей, посвятившихъ себя миссіи среди мусульманъ. Затрудненія, препятствовавшія осуществленію этого предпріятія, и ознакомленіе съ заслугами, оказанными религіи новыми итальянскими орденами, театинцами, сомасками и др., заставили его преобразовать „Общество Іисуса“ въ общество священниковъ, посвятившихъ себя внутренней миссіи и дѣламъ благотворительности. Когда онъ отдалъ свое общество на службу папству, и когда папа Павелъ III даровалъ ему въ 1540 и 1543 гг. свое покровительство, дѣятельность собранныхъ имъ учениковъ, въ качествѣ проповѣдниковъ, духовниковъ, преподавателей, наконецъ, какъ защитниковъ вѣры противъ ереси, начала быстро развиваться. По мѣрѣ этой эволюціи призванія Лойолы, въ немъ сталъ проявляться настоящій административный, творческій и организаторскій геній. Подъ его руководствомъ множились учрежденія всякаго рода, благотворительныя, учебныя, пропагандистскія. Онъ далъ имъ уставы и управленіе, которымъ суждено было пережить его и остаться неизмѣнными въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ; и черезъ 22 года орденъ, основанный Лойолой въ 1534-мъ году съ шестью товарищами и имѣвшій девять лѣтъ спустя лишь около шестидесяти членовъ, насчитывалъ ихъ уже тысячами въ своихъ двѣнадцати провинціяхъ.

Точно также и Кальвинъ въ тотъ день, когда Фарель заставилъ его, угрожая божьимъ проклятіемъ, отказаться отъ жизни кабинетнаго человѣка, гуманиста и богослова, взять въ свои руки руководство церковью въ Женевѣ и стать вмѣстѣ съ нимъ во главѣ обширной организаціи проповѣди, пропаганды и борьбы, не подозрѣвалъ въ себѣ наличности дѣлового и организаторскаго генія, который ему предстояло проявить впослѣдствіи. Ему также суждено было стать творцомъ, творцомъ школъ, церквей и даже политическихъ учрежденій, творцомъ, который долженъ былъ завершить свое дѣло, несмотря на всѣ препятствія, съ ясностью ума и твердостью воли, исключавшими, казалось, всякую возможность какого-либо колебанія или раскаянія. Подобно Лойолѣ, Кальвинъ увидѣлъ въ преподаваніи основу своего религіознаго зданія; онъ основалъ коллегію и академію въ Женевѣ, подобно тому, какъ Лойола основалъ

римскую и германскую коллегіи; и, что особенно замѣчательно, оба взяли за образецъ большой педагогическій институтъ, созданный при страсбургской гимназіи лютераниномъ Іоанномъ Штурмомъ.

Сходныя черты въ характерахъ и эволюціи двухъ великихъ людей дѣла, двухъ великихъ организаторовъ, какими были Кальвинъ и Лойола, не только не уничтожаетъ, но еще болѣе рѣзко подчеркиваютъ различія въ ихъ духѣ и дѣятельности. Игнатій Лойола, испуганный нравственными, церковными и политическими безпорядками, которые явились плодомъ происшедшаго въ его время потрясенія авторитетнаго принципа, основалъ все свое ученіе на одномъ принципѣ, на одной добродѣтели: повиновеніи. Онъ защищалъ идею свободы воли, но онъ требовалъ, чтобы человѣкъ пользовался этой свободой только для того, чтобы принести ее въ жертву религіозному авторитету. Кальвинъ, отрицая свободу воли и отдавая человѣка всецѣло въ руки Бога, въ дѣйствительности освободилъ его отъ всякаго авторитета, кромѣ авторитета его собственной совѣсти; поэтому, онъ возвелъ искренность и отвращеніе ко лжи въ добродѣтель, имя которой не упоминается іезуитами ни въ ихъ конституціяхъ, ни въ ихъ программахъ воспитанія, въ основную добродѣтель, на которой онъ строитъ всю свою мораль и педагогику.

Поэтому, въ то время какъ Лойола, подчиняя волю всѣхъ въ орденѣ, въ церкви, въ государствѣ самому строгому монархическому принципу, превратилъ іезуитовъ въ апостоловъ и защитниковъ абсолютизма, Кальвинъ, ставя, несмотря на всю свою приверженность къ авторитету, разумъ и совѣсть въ основу своего ученія, а выборы въ основу всѣхъ своихъ политическихъ и религіозныхъ учрежденій, сдѣлалъ изъ кальвинизма могущественный очагъ республиканскихъ и демократическихъ идей міра. Успѣхи Лойолы были неизмѣримо болѣе быстрыми и обширными, чѣмъ успѣхи Кальвина, потому что онъ нашелъ немедленно въ лицѣ католической церкви, папской власти и католическихъ государствъ твердую основу для дѣятельности и грозныхъ союзниковъ. Кальвинъ, не имѣя опоры въ свѣтскихъ властяхъ, изолированный въ небольшомъ городѣ съ 20.000 жителей, окруженномъ и угрожаемомъ тремя страшными политическими силами, Савойей, Испаніей и Франціей, не имѣлъ другихъ средствъ пропаганды, кромѣ подготовки въ Женевѣ проповѣдниковъ и мучениковъ.

LXXIX. Тридентскій соборъ и католическая реставрація.

(По соч. Гейссера: «Geschichte des Reformationszeitalters»).

Завѣтнымъ желаніемъ императора Карла V было созваніе собора въ предѣлахъ Германіи для того, чтобы однимъ уже мѣстопребываніемъ въ этой странѣ верховнаго судилища въ важномъ спорномъ вопросѣ церкви внушить нѣмцамъ довѣріе къ нему. Но получить на это согласіе Рима было невозможно. Самою крайнею уступкою со стороны папы въ этомъ отношеніи считалось созваніе собора въ Тридентѣ, который по имени принадлежалъ къ Германіи и епископъ котораго засѣдалъ въ рейхстагѣ, но по языку и національному составу своего населенія, равно какъ по своему географическому положенію, примыкалъ болѣе къ Италіи, чѣмъ къ Германіи. Здѣсь навѣрное можно было ожидать большого на-

плыва итальянскихъ прелатовъ, которые придадутъ совѣщаніямъ чисто-національный характеръ. Собраніе отсрочивалось въ продолженіе многихъ лѣтъ, частью потому, что вообще положеніе дѣлъ еще безпрестанно колебалось, частью же потому, что въ Римѣ все еще не могли отдѣлаться отъ того призрачнаго страха, который внушенъ былъ обнаруженнымъ констанцскимъ и базельскимъ соборами поползновеніемъ къ верховному господству въ дѣлахъ церкви. Поэтому-то Римъ пользовался всякимъ предлогомъ, чтобы отдалить опасность, связанную для него съ созваніемъ собора.

Императоръ и папа руководствовались совершенно различными цѣлями по отношенію къ этому собору. Папа рѣшился задушить въ зародышѣ всякую оппозицію, тогда какъ императору было бы весьма желательно создать противовѣсъ всемогуществу куріи въ соборѣ, предполагая, что послѣдній будетъ содѣйствовать осуществленію императорской программы.

Уже самое начало собора характеризуетъ положеніе римскаго престола. 13 декабря 1545 г. Марцеллъ Червинъ, Іоганнъ дель Монте и Реджинальдъ Поль открыли собраніе въ качествѣ папскихъ легатовъ. Прежде всего они постарались объ устраненіи толкованія, въ силу котораго „соборъ имѣетъ полномочіе отъ самого І. Христа“, что, въ сущности, имъ и удалось. При этомъ, къ изумленію собранія, обнаружилось, что легаты не могли произнести никакого заключенія безъ соизволенія папы. Голосованіе по національностямъ также было устранено, причемъ особенно напиралось на то, что собраніе находится не въ Констанцѣ или Базелѣ, и что на немъ предсѣдательствуетъ папа, въ лицѣ своихъ легатовъ.

Руководство преніями собора при обсужденіи различныхъ вопросовъ принадлежало, главнымъ образомъ, папской куріи. Что касается характера совѣщаній, то императоръ желалъ, чтобы соглашеніе съ протестантами было, по возможности, облегчено и чтобы были выставлены на первый планъ преимущественно тѣ пункты, которые свидѣтельствуютъ объ общности началъ въ устройствѣ обѣихъ церквей. Римъ же усмотрѣлъ въ этомъ послабленіе еретикамъ, на которое ни въ какомъ случаѣ не хотѣлъ дать согласія и упорно держался на томъ, чтобы на первомъ планѣ было выставлено различіе ученій этихъ церквей.

Сообразно съ этимъ, первыя совѣщанія вращались около вопроса объ авторитетѣ св. писанія, о преданіи, о переводѣ и толкованіи библіи; затѣмъ послѣдовали вопросы объ отпущеніи грѣховъ и объ исповѣди, и къ тому же почти все въ такомъ духѣ, который, по возможности, затруднялъ соглашеніе съ протестантами. Относительно одного только пункта можно было сказать, что на собраніе нѣсколько повліяло новое направленіе; это было относительно ученія объ отпущеніи грѣховъ. Ученіе это уже не было принято въ томъ смыслѣ, который послужилъ основаніемъ торговлѣ индульгенціями Тецеля и его дерзкому зазыванію покупателей, но было исподволь существенно измѣнено. Хотя ученіе Лютера также не было принято, но зато старались найти разумный компромиссъ между ученіемъ Пелагія и одностороннимъ ученіемъ св. Августина объ оправданіи и нашли среднее положеніе, въ силу котораго допускалось, что отпущеніе грѣховъ достигается вѣрою, но вмѣстѣ съ тѣмъ было сохранено и ученіе о добрыхъ дѣлахъ въ такомъ смыслѣ, въ какомъ его никогда не допустилъ бы Лютеръ.

Все это съ самаго начала заняло довольно много времени. Императоръ надѣялся, что прежде всего дѣло коснется реформъ, способныхъ

уничтожить раздвоеніе церкви. Вмѣсто этого, старое ученіе съ догматическою неуступчивостью было рѣзко противопоставлено новому „ложному ученію“, причемъ епископы заявили, что ихъ ученіе правильно и что имъ нѣтъ никакого дѣла до намѣренно ложнаго толкованія его со стороны противниковъ.

Нельзя, однакожъ, сказать, чтобы церковныя преобразованія были оставлены совершенно въ сторонѣ тридентскимъ соборомъ. Въ промежутокъ времени отъ созванія собора до закрытія его (т. е. отъ декабря 1545 г. до весны 1547 г.) въ этомъ отношеніи было сдѣлано слѣдующее: 1) епископамъ было предоставлено позаботиться о пріисканіи болѣе способныхъ учителей и объ улучшеніи школъ; 2) преподаваніе Слова Божія вмѣнялось въ обязанность самимъ епископамъ; 3) установлены были взысканія за нерадѣніе ихъ къ своимъ обязанностямъ и, наконецъ, изданы были многія постановленія, которыми опредѣлялись необходимыя требованія при раздачѣ епископскихъ должностей относительно лицъ, являющихся кандидатами на занятіе этихъ должностей.

Такимъ образомъ, католическая церковь должна была подвергнуться реформѣ, устранявшей многія злоупотребленія, причемъ она, однакожъ, не поступалась ничѣмъ изъ своего ученія.

Подобный ходъ дѣлъ на соборѣ возбудилъ особенное неудовольствіе императора. Въ томъ, что на соборѣ выдвинуты были на первый планъ спорные пункты, онъ усмотрѣлъ перчатку, брошенную ему самому и его планамъ; а въ дѣлѣ реформы, по его мнѣнію, представители Рима были слишкомъ мало искренни, слишкомъ много уже заботились о проклятіи еретиковъ, вмѣсто того, чтобы имѣть въ виду улучшеніе церкви.

Слѣдствіемъ этого было то, что императоръ началъ проявлять видимое вліяніе на соборѣ, организовавъ въ немъ нѣчто въ родѣ оппозиціи Риму, причемъ коммиссары его стали въ особенно хорошія отношенія съ протестантами и довольно ясно дали замѣтить намѣреніе его воспользоваться ими для борьбы съ папою. Этого для Рима было достаточно, чтобы заявить настойчивое желаніе объ избавленіи собранія, какъ можно скорѣе, отъ вліянія германскихъ епископовъ и императорскихъ агентовъ. Обнаружившаяся въ это время въ Тридентѣ лихорадочная болѣзнь, хотя затѣмъ уже весьма скоро исчезнувшая, была признана достаточнымъ предлогомъ для перенесенія мѣстопребыванія собора изъ Тридента въ Болонью (весною 1547 г.). Противъ этого, однакожъ, протестовали императорскіе коммиссары и объявили, что рѣшенія такого жалкаго собора ничтожны и не имѣютъ никакой силы.

Споръ оставался нерѣшеннымъ многіе годы. Между тѣмъ Павелъ III умеръ (въ ноябрѣ 1549 г.). Престолъ его наслѣдовалъ, подъ именемъ Юлія III, кардиналъ дель Монте, одинъ изъ папскихъ легатовъ на соборѣ. Съ нимъ, наконецъ, пришелъ къ соглашенію императоръ, послѣ чего въ маѣ 1551 года снова былъ открытъ соборъ въ Тридентѣ. Однако, императору, ради его положенія въ Германіи, слишкомъ необходимо было жить въ мирѣ съ папою, и миръ былъ возстановленъ въ то самое время, когда въ Германіи на императора надвинулась сильнѣйшая гроза, именно, когда противъ него была организована курфюрстомъ Морицомъ церковная и политическая борьба, для противодѣйствія которой ему врядъ-ли можно было разсчитывать на содѣйствіе тридентскаго собора. На соборѣ остались одни католики; протестантскіе элементы, вначалѣ имѣвшіе еще въ немъ своихъ представителей, теперь всѣ исчезли, когда наступилъ религіозный миръ 1552 года. Такой исходъ дѣла сдѣлалъ не-

возможною всякую дальнѣйшую надежду на соглашеніе съ еретиками. Результаты реформъ въ это бурное время были весьма незначительны, обсужденіе дѣлъ шло довольно вяло, какъ вдругъ было объявлено, что засѣданія собора должны быть снова отсрочены (1552 г.). Папа Юлій III умеръ уже въ мартѣ 1555 года, а преемникъ его, благородный кардиналъ Червинъ, избранный въ папы подъ именемъ Марцелла III, умеръ почти тотчасъ по избраніи. Ему наслѣдовалъ на папскомъ престолѣ кардиналъ Караффа, подъ именемъ Павла IV.

Павелъ IV былъ настоящій папа эпохи реставраціи, отличавшійся пламеннымъ, энергичнымъ характеромъ. Онъ не допускалъ никакихъ уступокъ, никакого соглашенія, а требовалъ непримиримаго разрыва съ новымъ ученіемъ и тѣмъ большей замкнутости старой церкви. Это былъ одинъ изъ способнѣйшихъ умовъ своего времени. Еще въ 1542 году онъ совѣтовалъ не дѣлать болѣе уступокъ, а возстановить инквизицію, творцомъ которой и сдѣлался впослѣдствіи. Онъ первый рѣшительно вступилъ на путь сильнѣйшей католической реакціи; онъ ввелъ въ Италіи испанскіе религіозные суды; онъ первый усилилъ цензуру, составивъ списокъ запрещенныхъ книгъ и сталъ сильно поддерживать іезуитовъ въ интересѣ реставраціи.

Такой поворотъ въ дѣлахъ церкви былъ настоящимъ отвѣтомъ на германскій религіозный миръ. Такъ какъ протестанты не обращали болѣе вниманія на Римъ, то и католики, съ своей стороны, рѣшились устроить свои дѣла безъ протестантовъ. При такомъ положеніи дѣлъ соборъ, само собой разумѣется, оставался въ бездѣйствіи.

Павелъ IV совершенно открыто выразился, что обѣщанныя имъ реформы могутъ быть проведены и безъ собора, который онъ даже старался совершенно упразднить. Но это было сопряжено съ извѣстными трудностями. Даже свѣтскіе католическіе князья, правовѣрность которыхъ не подлежала ни малѣйшему сомнѣнію, государи Франціи и Испаніи, король Фердинандъ и герцогъ Баварскій поставили опредѣленныя требованія, касавшіяся правъ мѣстныхъ церквей, выбора епископовъ, защиты противъ фискальныхъ продѣлокъ Рима, и даже потребовали отмѣны безбрачія духовенства. Дѣло дошло до различныхъ столкновеній, слѣдствіемъ которыхъ было то, что слѣдующій папа Пій IV (1559—1565) въ ноябрѣ 1560 г. снова созвалъ соборъ, такъ что съ ноября 1562 г. совершилось *третье открытіе* тридентскаго собора.

Съ этого времени наступаетъ въ исторіи тридентскаго собора рѣшительный періодъ, въ теченіе котораго начатая на немъ законодательная работа была приведена къ концу. Но если, при открытіи его въ первый разъ, еще можно было бы думать, что та или другая уступка въ состояніи обратить протестантовъ, то теперь объ этомъ уже не могло быть и рѣчи. Дѣло состояло исключительно въ томъ, чтобы придать новую силу основанію старой церкви и оградить ее болѣе надежными оплотами и болѣе прочными укрѣпленіями. Такого громаднаго противодѣйствующаго вліянія, какое имѣлъ прежде Карлъ V, теперь уже не могъ проявить ни одинъ государь. Курія творила верховный судъ и съ самаго начала, вопреки заявленію императора и Франціи, провела постановленіе, по которому соборъ этотъ долженъ былъ считаться продолженіемъ предыдущаго, т.-е. чтобы всѣ прежнія рѣшенія, направленныя противъ протестантовъ, разъ навсегда имѣли дѣйствительную силу, такъ какъ никто и не думаетъ болѣе о соглашеніи съ ними. Затѣмъ было приступлено къ запрещенію книгъ и установленію цензурнаго указателя (index).

Наиболѣе даровитые представители высшаго духовенства съ большою энергіею защищали божественное происхожденіе и связанную съ нимъ непогрѣшимость духовнаго авторитета папы, въ противоположность требованіямъ свѣтскихъ князей, поднявшихъ сначала на соборѣ сильную бурю. Значительнѣйшимъ изъ этихъ духовныхъ лицъ былъ Іаковъ Лайнесъ, второй генералъ и настоящій учредитель іезуитскаго ордена.

Онъ былъ предводителемъ и главою строго-романской партіи, рѣзко и искусно защищалъ воззрѣніе, по которому прежде всего необходимо возстановить „камень Петра", на которомъ зиждется единство установленнаго Богомъ церковнаго авторитета. „Церковь,—говорилъ онъ,—вѣчна, она покоится не на человѣческомъ, а на божественномъ словѣ; государства же суть созданія людей, преходящи и измѣнчивы, смотря по настроенію людей: церковь не создала себя сама, правительство ея также не образовало само себя, а Христосъ, ея князь и верховный владыка, впервые далъ ей законы. Государства же, напротивъ, свободно создали себѣ свое правительство: первоначально вся власть принадлежала общинамъ, которыя добровольно вручили ее своимъ начальствамъ, не лишая при этомъ самихъ себя этой власти".

Между тѣмъ, мнѣніе романистовъ было принято. Возстановленіе неприкосновенности папскаго авторитета было и осталось двигательнымъ началомъ всѣхъ постановленій собора. Все, что было сдѣлано имъ для преобразованія церкви, не имѣло почти никакого значенія, въ сравненіи съ дѣйствительными нуждами ея, и подавлялось вообще ссылкой на непогрѣшимость папскаго авторитета, которою сопровождались всѣ постановленія собора относительно церковной дисциплины и устраненія существующихъ злоупотребленій. Пій IV былъ правъ, сказавъ, что „отцы собора въ дѣлѣ преобразованія церкви обнаружили столько умѣренности и послабленій по отношенію къ нему, что преобразованіе это, если бы онъ долженъ былъ предпринять его самъ, вышло бы гораздо болѣе строгимъ".

Великая услуга, оказанная соборомъ единству католической церкви, состояла въ томъ, что онъ собралъ воедино въ законодательномъ кодексѣ, выработанномъ послѣдовательно изъ одной основной мысли, все то, что въ прежнее время было еще шатко и сомнительно, а потомъ, во время великаго религіознаго переворота, едва совсѣмъ не погибло. Вмѣсто часто возбуждавшихся спорныхъ вопросовъ были выработаны опредѣленные догматы, вмѣсто шаткихъ традицій—прочныя церковныя положенія; въ дѣлахъ вѣры и церковнаго благочинія было установлено недостававшее до тѣхъ поръ однообразіе, и, такимъ образомъ, распатывающемуся духу сектантства и стремленіямъ къ нововведеніямъ противопоставленъ былъ непоколебимый оплотъ.

Когда это единство было установлено на прочныхъ основахъ, конечно, прежняя вселенская церковь распалась: одна значительная часть Западной Европы, заключавшая въ себѣ прежде самыхъ вѣрныхъ сыновъ католической церкви, совершенно порвала съ нею связь. Безусловно повиновались еще этой церкви только Аппенинскій и Пиренейскій полуострова, даже Франція принадлежала къ ней только отчасти, но въ предѣлахъ этой ограниченной области господство папы упрочилось болѣе, чѣмъ когда-либо; независимость его отъ соборовъ была провозглашена рѣшительнѣе, чѣмъ даже въ средніе вѣка; притязанія, подобныя выставленнымъ на соборахъ въ Констанцѣ и Базелѣ, національныя стремленія къ реформамъ, выступившія недавно съ такою силою, были разъ навсегда объявлены противозаконными.

Все это содѣйствовало проявленію могущества католической церкви и, такимъ образомъ, вознаградило ее за прежнія потери. Церковь эта въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала въ продолженіе столѣтій, получила, наконецъ, такую строгую организацію, отклоненіе отъ которой было бы равносильно уничтоженію ея основного характера.

Начало многообразнаго и разнообразнаго развитія, свободное, безпрепятственное проявленіе противоположныхъ началъ, которымъ новое ученіе дало полный просторъ, были не согласимы съ жизненнымъ началомъ католической церкви.

Такимъ образомъ, на тридентскомъ соборѣ впервые была создана положительная правовая почва для католической церкви, для ея власти, законовъ и ихъ примѣненія. До того времени каноническое право вырабатывалось свободно, развиваясь историческимъ путемъ; поэтому оно естественно заключало въ себѣ немало противорѣчій и неясностей, вызывавшихъ сомнѣнія. Эти-то слабыя стороны и послужили новаторамъ во многихъ отношеніяхъ мишенью для справедливыхъ нападокъ; это отсутствіе связи и строгой послѣдовательности оказалось самымъ больнымъ мѣстомъ католической церкви. На тридентскомъ же соборѣ она получила послѣдовательное законодательство, которое, насколько это было возможно, положило конецъ противорѣчіямъ или искусно скрывало ихъ и, такимъ образомъ, не только уменьшило число пробѣловъ, но создало также и крѣпкую броню для отраженія нападеній.

Реформы также не оставались безъ послѣдствій. Для католическихъ странъ немаловажнымъ дѣломъ было уже и то, что были учреждены семинаріи для улучшенія образованія, установленъ надзоръ для улучшенія благочинія духовныхъ лицъ, регулировано богослуженіе, установлено причащеніе мірянъ и назиданіе путемъ проповѣди, и такимъ образомъ хотя до нѣкоторой степени наверстаны были католиками успѣхи, сдѣланные протестантами на пути церковныхъ реформъ. Но главнымъ результатомъ было установленіе неприкосновенности и непогрѣшимости папскаго авторитета, какъ основы вновь достигнутаго единства.

---

2. КАТОЛИЧЕСКАЯ РЕАКЦІЯ ВЪ ИСПАНІИ И НИДЕРЛАНДАХЪ.

LXXX. Филиппъ II, его абсолютизмъ и притязанія на міровую гегемонію.

(Изъ соч. Ардашева: „Абсолютная монархія на Западѣ“).

При Изабеллѣ и Фердинандѣ не только закладываются фактическія основы королевскаго абсолютизма въ Кастиліи, но и дѣлается первая серьезная попытка упрочить его посредствомъ соотвѣтствующей правительственной организаціи. Уже и до „католическихъ королей“ королевской власти не разъ удавалось поднимать свое значеніе до степени абсолютизма; но за этими, такъ сказать, мимолетными вспышками абсолю-

тизма неизмѣнно слѣдовала каждый разъ реакція, низводившая корону до степени иногда жалкаго безсилія. Причина была та, что королевской власти недоставало—ни въ центрѣ, ни въ областяхъ—соотвѣтствующихъ органовъ. При Фердинандѣ и Изабеллѣ была рѣшена, по крайней мѣрѣ, первая половина задачи: организація центральныхъ органовъ королевской власти. До сихъ поръ король былъ окруженъ совѣтомъ, гдѣ главная роль принадлежала знати, занимавшей всѣ высшія должности въ управленіи и въ арміи и передававшей послѣднія изъ рода въ родъ, какъ фамильное достояніе. Слишкомъ очевидно, что такіе совѣтники и исполнители были мало пригодными органами претендовавшей на абсолютизмъ королевской власти. Не рѣшаясь слишкомъ круто повернуть дѣло, „католическіе короли“ прибѣгли къ тому самому средству, которое съ неменьшимъ успѣхомъ столѣтіемъ позднѣе было примѣнено, въ тѣхъ же самыхъ видахъ, „христіаннѣйшими королями“ [1]). Способъ этотъ заключался въ томъ, что за грандами были оставлены прежніе громкіе титулы и сановныя должности королевскихъ совѣтниковъ, коннетаблей, адмираловъ и т. д., со всѣми связанными съ этими званіями почетными привилегіями, — дѣйствительныя же функціи перенесены были мало-по-малу на новыхъ, мало замѣтныхъ чиновниковъ, назначаемыхъ и смѣщаемыхъ королемъ. Это были все „новые люди“, неродовитые, несановные, преимущественно „летрады“, воспитанные на римскомъ правѣ и преданные королевскому абсолютизму и въ теоріи и на практикѣ. Попрежнему были коннетабль и адмиралъ—и тотъ и другой важные гранды,—но адмиралъ не командовалъ больше флотомъ, а коннетабль арміей: эти функціи находились уже въ рукахъ новыхъ, назначаемыхъ королемъ чиновниковъ.

Не послѣдняя роль въ исторіи королевскаго абсолютизма въ Испаніи выпала на долю инквизиціи. Учрежденіе это возникло въ Испаніи на почвѣ еврейскаго вопроса. Подъ вліяніемъ періодическихъ избіеній евреевъ, многіе изъ нихъ, страха ради, приняли христіанство, но по большей части, конечно, чисто внѣшнимъ образомъ, продолжая на дѣлѣ практиковать всѣ обряды іудейскаго вѣроисповѣданія. Противъ этихъ-то „іудействующихъ“, противъ этой „великой ереси“ XV в. въ Испаніи и былъ, по настоянію доминиканцевъ, учрежденъ въ 1480 г. первый въ Испаніи инквизиціонный трибуналъ, въ Севильѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя число инквизиціонныхъ трибуналовъ возросло до тринадцати, и во главѣ ихъ поставленъ былъ, по представленію Изабеллы, папою великій инквизиторъ Кастиліи и Арагона, въ лицѣ знаменитаго Торквемады. Первоначально и въ принципѣ чисто вѣроисповѣдное гоненіе мало-по-малу получило характеръ гоненія противъ всѣхъ инородцевъ, что было какъ нельзя болѣе въ порядкѣ вещей въ странѣ, гдѣ католицизмъ такъ тѣсно, органически сросся съ національностью, какъ въ Испаніи. Этимъ обстоятельствомъ объясняется и тотъ своеобразный характеръ и та выдающаяся политическая роль, которыя пріобрѣла инквизиція въ Испаніи. Съ самаго же начала своего существованія она становится могучимъ политическимъ орудіемъ въ рукахъ короны. Всѣ инквизиторы, не исключая и „великаго“, назначались короной: они были ея креатуры, ея прямые агенты. Въ дѣятельности инквизиціи корона была заинтересована уже тѣмъ, что конфискованныя имущества осужденныхъ поступали въ королевскую казну. Еще важнѣе было то обстоятельство, что судомъ инквизиціи, столько же безконтрольнымъ, сколько и произвольнымъ—онъ былъ

[1]) Такъ назывались французскіе короли.—*Прим. Ред.*

лишенъ всякихъ юридическихъ гарантій для подсудимаго и былъ безусловно секретнымъ—„католическіе короли“ и ихъ преемники стали пользоваться, какъ средствомъ для подавленія всякой оппозиціи, которую трудно или неудобно было сломить инымъ путемъ.

Въ продолжительное царствованіе Карла I (1516—1556), болѣе извѣстнаго въ исторіи въ качествѣ императора Карла V, абсолютная монархія окончательно упрочивается въ Испаніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно устанавливаются тѣ характерныя черты испанско-габсбургскаго абсолютизма, съ которыми мы встрѣчаемся и въ слѣдующее царствованіе (Филиппа II), представляющее собою кульминаціонную точку развитія абсолютной монархіи въ Испаніи. Именно, при Карлѣ испанскій абсолютизмъ пріобрѣтаетъ, съ одной стороны, тѣ притязанія на міровую гегемонію, съ которыми мы встрѣчаемся и въ слѣдующее царствованіе,—съ другой стороны — онъ получаетъ ту яркую вѣроисповѣдную окраску, которой слѣдующее царствованіе придало еще болѣе яркій оттѣнокъ.

Въ противоположность Карлу, который въ Испаніи только царствовалъ, но не управлялъ, предоставляя дѣло управленія своимъ намѣстникамъ и министрамъ,—Филиппъ не только царствуетъ, но и правитъ, не только правитъ, но и управляетъ, всюду внося свой личный починъ и свою властную волю, не упуская изъ вида даже мелочей. Филиппъ могъ съ полнымъ правомъ сказать про себя, что онъ былъ самъ своимъ первымъ министромъ. У него, дѣйствительно, не только не было перваго министра, но не было, собственно говоря, и министровъ, а были лишь секретари, которымъ онъ диктовалъ свои рѣшенія. Это былъ личный абсолютизмъ, доведенный до своихъ геркулесовыхъ столбовъ.

Что касается кастильскихъ кортесовъ, то Филиппъ оставилъ ихъ въ томъ видѣ, какъ ихъ унаслѣдовалъ отъ своего отца: они уже давно потеряли всякое политическое значеніе. Что касается кортесовъ арагонскихъ, то при Карлѣ они сохранили свою исконную „конституцію“, по крайней мѣрѣ, внѣшнимъ образомъ. Филиппъ, скрѣпя сердце, тоже терпѣлъ первое время традиціонныя арагонскія „вольности“ (fueros), но въ концѣ концовъ не выдержалъ. Одною изъ исконныхъ вольностей Арагона былъ независимый отъ короны судъ, въ лицѣ несмѣняемаго верховнаго судьи (justicia mayor). Разъ Филиппу пришлось столкнуться съ этимъ независимымъ судомъ. Насиліе, къ которому прибѣгнулъ по этому случаю король, вызвало въ странѣ вспышку возстанія, быстро впрочемъ затушенную. Этимъ случаемъ и воспользовался Филиппъ для того, чтобы покончить разъ навсегда съ послѣдними остатками арагонскихъ вольностей. Верховный судья былъ лишенъ своего прежняго значенія, превратившись въ простого королевскаго чиновника, королемъ назначаемаго и по его мановенію смѣщаемаго. Политическое значеніе арагонскихъ кортесовъ было урѣзано. Коронѣ было предоставлено широкое вліяніе на выборъ депутатовъ. Наконецъ, въ довершеніе всего, возлѣ Сарагоссы, столицы Арагона, была воздвигнута цитадель, куда помѣщенъ кастильскій гарнизонъ. Отнынѣ Арагонъ становился такимъ же доменомъ королевскаго абсолютизма, какимъ уже давно была Кастилія.

Завѣщанный Карломъ V католико-вѣроисповѣдный характеръ испанскаго абсолютизма получилъ, какъ уже было замѣчено, еще болѣе яркую окраску при Филиппѣ II. Объясняется это не только—и даже, быть можетъ, не столько—личными воззрѣніями и настроеніемъ Филиппа, сколько характеромъ историческаго момента. Это былъ разгаръ такъ называемой католической реакціи.

Это была эпоха высшаго подъема католическаго духа и крайняго напряженія всѣхъ силъ воинствующаго католицизма, ополчившагося на борьбу не на животъ, а на смерть противъ протестантской реформаціи во всѣхъ ея видахъ и формахъ. Этотъ воинствующій католицизмъ нашелъ себѣ блестящее и наиболѣе полное выраженіе въ Филиппѣ II, личный характеръ и настроеніе котораго какъ нельзя лучше гармонировали съ этимъ „духомъ времени", который, въ свою очередь, совершенно совпадалъ съ фанатически-католическимъ настроеніемъ испанскаго народа.

Начало царствованія Филиппа ознаменовалось открытіемъ протестантской ереси въ Севильѣ, которая долгое время ускользала отъ бдительности инквизиціи, благодаря осторожности протестантовъ. Послѣдовали массовые аресты. Папа прислалъ великому инквизитору буллу, въ которой рекомендовалъ „предать въ свѣтскія руки" (т.-е. казнить) всѣхъ еретиковъ, не исключая и тѣхъ, которые отрекутся отъ ереси,—въ случаѣ если отреченіе это будетъ „не отъ всего сердца и не отъ чистаго движенія совѣсти". 21 мая 1559 г. имѣло мѣсто первое въ новое царствованіе auto-da-fe, въ Вальядолидѣ. Изъ тридцати „преданныхъ въ руки свѣтской власти" еретиковъ шестнадцать были отведены въ тюрьму на вѣчное заключеніе, остальные—преданы сожженію на кострѣ, въ присутствіи короля, двора и двухсотъ-тысячной толпы народа. Передаютъ, что одинъ изъ осужденныхъ, проходя мимо короля, воскликнулъ съ упрекомъ: „Зачѣмъ отправляете вы меня на костеръ?"—„Если бы, отвѣчалъ Филиппъ, мой собственный сынъ оказался такимъ же нечестивцемъ, какъ ты, то я первый бы принесъ дровъ на его костеръ".

Съ тѣхъ поръ костры не переставали зажигаться то тамъ, то сямъ, подъ скипетромъ „католическаго короля", ad majorem Dei gloriam. До какой степени, однако, это религіозное изувѣрство было въ духѣ времени и въ духѣ самой націи, объ этомъ можно судить по той популярности, какою пользовались въ Испаніи ауто-да-фе, сдѣлавшіеся любимѣйшимъ народнымъ зрѣлищемъ, можно сказать, народнымъ развлеченіемъ, почти— національнымъ праздникомъ.

Травля еретиковъ дошла при Филиппѣ до того, что даже духовное званіе не спасало отъ подозрительности инквизиціи. По обвиненію въ ереси привлекаются сплошь да рядомъ наиболѣе видные представители католическаго духовенства — аббаты, епископы, архіепископы. Въ одинъ прекрасный день по приказу великаго инквизитора былъ арестованъ самъ примасъ испанской церкви, архіепископъ Толедскій, въ одномъ изъ сочиненій котораго была усмотрѣна ересь, и просидѣлъ девять лѣтъ въ тюрьмѣ инквизиціи. Религіозная нетерпимость, къ которой, впрочемъ, сплошь да рядомъ примѣшивались политическіе и различные закулисные мотивы, принимала подчасъ прямо болѣзненный, психопатическій характеръ. Что она при этомъ шла объ руку съ крайнимъ обскурантизмомъ, это само собою понятно и естественно. Страхъ передъ судомъ инквизиціи—съ одной стороны, цензура той же инквизиціи—съ другой держали мысль въ состояніи полной пришибленности и замороженности, парализовали всякое движеніе мысли, вытравляли всякое стремленіе къ научному знанію, подавляя въ корнѣ духъ изслѣдованія, безъ котораго нѣтъ научнаго знанія. Страхъ инквизиціи, цензура инквизиціи: всего этого казалось Филиппу еще недостаточно для охраны католическаго правовѣрія; онъ запретилъ своимъ подданнымъ ѣздить учиться за-границу, а тѣмъ кто находился за-границей, предписалъ немедленно возвратиться во-свояси. Онъ хотѣлъ изолировать Испанію въ умственномъ отношеніи, отгородить

ее китайскою стѣной отъ остальнаго культурнаго міра, чтобы предохранить ее отъ тлетворнаго вліянія проявлявшейся еще то тамъ, то сямъ живой мысли, столь опасной для чистоты католической вѣры.

Католицизмъ въ Испаніи до такой степени сросся съ національностью, религіозное единство—съ единствомъ національнымъ, что религіозный фанатизмъ роковымъ образомъ долженъ былъ получить здѣсь національную окраску, и вспышка вѣроисповѣдной нетерпимости—сопровождаться взрывомъ національной исключительности. Стихійную силу этого двойного фанатизма суждено было испытать гренадскимъ маврамъ. Насильно крещеные, они только числились католиками, продолжая на дѣлѣ жить попрежнему, соблюдая свои традиціонные національные обряды и обычаи. Навязанная имъ побѣдителями религія продолжала оставаться для нихъ столь же чуждой, какъ ихъ языкъ, ихъ нравы и костюмы. Однимъ словомъ, мавры упорно продолжали оставаться тѣмъ, чѣмъ были, не выказывая ни малѣйшей склонности ассимилироваться съ своими побѣдителями. Для испанской національной гордости это было по меньшей мѣрѣ столь же невыносимо, какъ и для испанской католической ортодоксальности. Нужно еще присоединить сюда извѣстную долю завистливаго недоброжелательства къ трудолюбивымъ и въ значительной степени зажиточнымъ маврамъ со стороны гордаго въ своей праздной нищетѣ испанскаго гидальго. Во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что въ дѣлѣ травли мавровъ почипъ исходилъ отъ общества, а не отъ правительства; въ лицѣ Филиппа II первое нашло себѣ лишь вѣрнаго истолкователя своихъ желаній и усерднаго ихъ исполнителя. Первыя мѣры противъ мавровъ начались по „ходатайству“ кортесовъ 1560 г. Маврамъ было воспрещено держать рабовъ-негровъ, подъ предлогомъ, что господа могли совращать ихъ въ мусульманство; затѣмъ имъ запрещено было держать у себя оружіе безъ разрѣшенія властей. Духовенство, съ своей стороны, не переставало напоминать королю о необходимости строгостей противъ „еретиковъ“. Папа даже укорялъ Филиппа въ грѣховномъ бездѣйствіи, указывая ему на ложащуюся на него отвѣтственность за гибнущія, по милости этого бездѣйствія, мавританскія души. Филиппъ кончилъ тѣмъ, что назначилъ особую коммиссію для выработки проекта соотвѣтствующихъ мѣръ противъ мавровъ. Выработанный коммиссіей проектъ получилъ въ ноябрѣ 1566 г. королевскую санкцію и сталъ закономъ. Этимъ закономъ маврамъ предписывалось отказаться отъ ихъ національнаго костюма и національныхъ обычаевъ, какъ, напримѣръ, омовеній и бань. Въ видахъ контроля, предписывалось даже семейные праздники справлять публично. Въ день свадьбы, напримѣръ, двери дома должны были быть открытыми для всѣхъ и каждаго. Женщинамъ воспрещалось показываться на улицѣ съ закрытымъ лицомъ. Наконецъ, маврамъ предписывалось—забыть свой національный языкъ и научиться говорить исключительно по-испански: на это имъ давался трехлѣтній срокъ.

Предписанія эти привели въ ужасъ даже испанскаго губернатора Гренады. Многіе изъ мѣстныхъ испанскихъ сеньеровъ, которые были заинтересованы въ благосостояніи края, хорошо понимая, къ чему клонился этотъ рядъ фактически совершенно неисполнимыхъ предписаній, съ своей стороны, ходатайствовали передъ правительствомъ объ ихъ отмѣнѣ. Филиппъ отвѣтилъ, что это — дѣло его совѣсти, и законъ долженъ получить исполненіе.

Но мавры не стали дожидаться послѣдняго и массами поднялись противъ ненавистныхъ поработителей. Первыми жертвами народнаго воз-

станія пали тѣ изъ испанцевъ, которые жили небольшими кучками среди сплошного мавританскаго населенія. Сжегши, такимъ образомъ, свои корабли, повстанцы ушли въ неприступныя горы Гренады и съ мужествомъ отчаянія выдерживали около двухъ лѣтъ натиски правительственныхъ войскъ. Наконецъ, послѣ взятія укрѣпленнаго центра, г. Галеры, возстаніе было окончательно сломлено (1570). Все принимавшее участіе въ возстаніи мавританское населеніе было приговорено къ поголовному изгнанію изъ Испаніи. Это было настоящее переселеніе цѣлаго народа: около полумилліона мавританскаго населенія было выброшено изъ страны и перевезено на африканскій берегъ. Испанія потеряла такимъ образомъ полмилліона трудолюбиваго, промышленнаго и по большей части зажиточнаго населенія, а вмѣстѣ съ нимъ лишилась, стало быть, одного изъ источниковъ благосостоянія всей страны. Одна изъ наиболѣе цвѣтущихъ провинцій Испаніи, Андалузія, превратилась на половину въ пустыню. Филиппу не даромъ приписываются слова: „я предпочитаю царствовать въ пустынѣ, чѣмъ въ странѣ, населенной еретиками". Но таково было настроеніе эпохи и этой фанатичной націи, что среди нея находились люди, которые упрекали Филиппа въ недостаточномъ усердіи въ дѣлѣ очищенія страны отъ еретиковъ. По крайней мѣрѣ, когда нѣсколько лѣтъ спустя надъ Испаніей разразилась гроза въ видѣ гибели „непобѣдимой армады", то духовенство не стѣснялось въ публичныхъ проповѣдяхъ — и даже въ лицо самому Филиппу — истолковывать эту катастрофу, какъ знаменіе гнѣва Божія за проявленный королемъ недостатокъ ревности по вѣрѣ въ дѣлѣ мавровъ. „Король впалъ въ Сауловъ грѣхъ,—говорилъ одинъ проповѣдникъ въ присутствіи короля:—Богъ послалъ ему пророка, чтобы повелѣть ему истребить амаликитянъ, не оставивши въ живыхъ ни женъ, ни дѣтей, ни даже младенцевъ у материнской груди. И Саулъ не истребилъ всего, и гнѣвъ Божій поразилъ его" (Mariéjol).

Какъ бы то ни было, политика вѣроисповѣдной исключительности могла торжествовать свою побѣду въ Испаніи. Другой вопросъ, какою цѣною было куплено это торжество. Еще дороже обошлась Испаніи эта политика за предѣлами Пиринейскаго полуострова, при чемъ этою сугубо дорогою цѣною было тамъ куплено въ концѣ-концовъ — нѣ торжество, а рѣшительное пораженіе. Возстаніе протестантскихъ Нидерландовъ (1566), вызванное этою политикою, привело въ концѣ-концовъ къ отторженію по крайней мѣрѣ половины нидерландскихъ владѣній Испаніи, не говоря уже о множествѣ другихъ—прямыхъ и косвенныхъ—пагубныхъ для Испаніи послѣдствій той тяжелой, почти восьмидесятилѣтней кровавой, изнурительной и разорительной войны (1566—1647), которая была непосредственнымъ результатомъ „нидерландской революціи".

Таковы были важнѣйшіе итоги „католической политики" Филиппа II.

Держава Филиппа II была уже въ значительной степени менѣе космополитична по сравненію съ державой Карла V, при которомъ она была связана съ „священною римскою имперіей". Въ силу этого, казалось бы, Филиппъ могъ быть свободенъ отъ тѣхъ міровыхъ притязаній, которыя привносила съ собою императорская корона. Тѣмъ не менѣе, и въ этомъ отношеніи мы напрасно стали бы искать существеннаго различія между Филиппомъ и его отцомъ. Различіе, конечно, есть, но оно скорѣе количественное, чѣмъ качественное. Дѣло въ томъ, что и послѣ разлученія коронъ Испаніи и Имперіи, держава Филиппа продолжала оставаться въ значительной мѣрѣ космополитическою, такъ какъ, кромѣ австрійскихъ земель, доставшихся въ удѣлъ младшему брату Филиппа,

территоріальный и этнографическій составъ ея остался тотъ же, что и при Карлѣ. Съ другой стороны, хотя у Филиппа и не было для широкихъ міровыхъ притязаній всѣхъ тѣхъ основаній, которыя имѣлъ къ тому Карлъ, между прочимъ въ „правахъ священной имперіи“,—тѣмъ не менѣе это не мѣшало Филиппу заявлять такого рода притязанія уже потому, что онъ находилъ для нихъ вполнѣ благопріятную почву въ самомъ положеніи вещей. Въ общемъ это положеніе вещей сводилось къ рѣшительному фактическому перевѣсу Испаніи въ международныхъ отношеніяхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ объединенная Фердинандомъ Испанія усилилась владѣніями, привнесенными Карломъ V, это была самая крупная изъ всѣхъ европейскихъ державъ. Она сохранила это выдающееся положеніе и послѣ разъединенія съ Имперіей. Держава австрійскихъ Габсбурговъ далеко не могла пойти съ ней въ сравненіе. Имперія, какъ государство, представляла собою скорѣе фикцію, чѣмъ нѣчто реальное. Франція, выдвинувшаяся было въ первой половинѣ XVI в. благодаря своему территоріальному и національному объединенію, переживала во второй половинѣ этого столѣтія тягостную эпоху внутреннихъ смутъ, вызванныхъ „религіозными войнами“, по милости которыхъ она не только утратила свое былое вліяніе въ международной политикѣ, но даже и во внутреннихъ своихъ дѣлахъ сдѣлалась полемъ для соперничества различныхъ иноземныхъ вліяній. Англія тогда только-что начинала выдвигаться въ качествѣ великой державы. По своему населенію европейскія владѣнія Филиппа (Испанія, Португалія, Неаполь, Сицилія, Миланъ) значительно превышали взятое вмѣстѣ населеніе Франціи и Англіи, не говоря уже объ обширныхъ заокеанскихъ владѣніяхъ Испаніи. Никакое другое государство не располагало такими огромными матеріальными средствами, какъ Испанія, съ тѣхъ поръ, какъ она сдѣлалась обладательницей богатѣйшихъ въ мірѣ золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ (въ Америкѣ). Наконецъ, Испанія располагала лучшими въ мірѣ арміей и флотомъ. Итакъ, во второй половинѣ XVI в. Испанія далеко превосходила своимъ могуществомъ всѣ прочія державы; роль вершительницы судебъ въ международной политикѣ ей диктовалась, стало быть, самою силою вещей, тѣмъ болѣе, что разношерстность и разбросанность испанскихъ владѣній неизбѣжно приводила ее на каждомъ шагу въ соприкосновеніе и столкновеніе со всѣми другими державами.

Филиппъ, съ своей стороны, какъ нельзя лучше годился для выполненія этой роли, какъ по своимъ личнымъ склонностямъ, такъ и въ силу династическихъ традицій, наконецъ — въ силу отмѣченной выше національной испанской тенденціи: мысль о томъ, что призваніе Испаніи быть „владычицей міра“, отнюдь не утратила со времени Карла своихъ чаръ надъ умами тщеславныхъ испанцевъ. Ко всему этому присоединялось еще одно важное обстоятельство. Въ охранѣ католическаго правовѣрія, въ искорененіи ереси Филиппъ видѣлъ главную задачу своего царствованія, можно сказать — задачу всей своей жизни. Но вѣроисповѣдной вопросъ уже пересталъ быть въ ту пору вопросомъ внутренней политики; онъ сдѣлался въ значительной степени вопросомъ международнымъ, міровымъ. Борьба между католическою церковью и протестантской ересью стала борьбою международною, міровою. Искореняя протестантство у себя дома, Филиппъ тѣмъ самымъ объявилъ войну протестантамъ всего міра, а его положеніе, какъ самаго могущественнаго государя въ Европѣ, естественнымъ образомъ диктовало ему роль предводителя всѣхъ католическихъ силъ въ этой міровой борьбѣ. Отсюда—

вмѣшательство Филиппа во внутреннія дѣла Франціи, гдѣ онъ всячески поддерживалъ католическую партію, не отступая передъ прямымъ давленіемъ на французское правительство, стимулируя его усердіе въ „защитѣ вѣры“. Отсюда же — его косвенное вмѣшательство въ вѣроисповѣдныя дѣла Англіи: въ своихъ нидерландскихъ владѣніяхъ онъ основалъ католическую семинарію для англійскихъ католическихъ священниковъ, получавшихъ здѣсь воспитаніе въ духѣ воинствующаго католическаго фанатизма и потомъ возвращавшихся въ Англію затѣмъ, чтобы подогрѣвать здѣсь католическую оппозицію противъ подвергшейся папскому отлученію „новой Іезавели“, какъ честили они свою королеву Елизавету.

Однимъ изъ наиболѣе непосредственныхъ результатовъ этой міровой католической политики было вооруженное столкновеніе Испаніи съ Англіей, столкновеніе, приведшее къ разгрому „непобѣдимой армады“ (1588), вмѣстѣ съ которой безвозвратно рушилось первенствующее положеніе Испаніи, какъ морской державы. Міровая политика Филиппа вела — другими путями — къ тому же конечному результату, что и политика религіозно-вѣроисповѣдной исключительности; на службѣ этой габсбургской политикѣ Испанія шла быстрыми шагами къ политическому, экономическому и культурному упадку.

Что касается фискальности, то она сдѣлала при Филиппѣ новый крупный шагъ впередъ, такъ какъ финансы не только не улучшились съ новымъ царствованіемъ, а подверглись еще бо́льшему разстройству.

Начать съ того, что Филиппъ получилъ въ наслѣдство отъ отца тридцать пять милліоновъ государственнаго долга, который поглощалъ, по уплатѣ процентовъ, значительную часть государственныхъ доходовъ, въ то время, какъ денегъ не хватало на удовлетвореніе текущихъ нуждъ. Отсюда— цѣлый рядъ фискальныхъ мѣръ. Новое царствованіе дебютировало перечеканкой монеты, которая была уменьшена въ вѣсѣ, при сохраненіи прежней номинальной цѣнности. Другая мѣра заключалась въ томъ, что все золото и серебро, привозимое частными промышленниками изъ Америки, предписано было отбирать въ казну въ обмѣнъ на билеты съ низкимъ и измѣнчивымъ курсомъ. Далѣе—цѣлый рядъ новыхъ налоговъ, по большей части болѣе разорительныхъ для плательщиковъ, чѣмъ выгодныхъ для фиска. Такъ, была установлена довольно высокая вывозная пошлина на шерсть, составлявшую главный предметъ вывоза изъ Кастиліи. Результатомъ было, естественно, сокращеніе вывоза, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сокращеніе производства, т.-е. упадокъ одной изъ наиболѣе производительныхъ отраслей національной промышленности, а слѣдовательно и уменьшеніе одного изъ источниковъ народнаго богатства, а косвеннымъ образомъ — и источниковъ государственныхъ доходовъ. Этотъ примѣръ можетъ служить иллюстраціей той фискальной политики Филиппа, которая подрубала дерево, для того, чтобы достать съ него нѣсколько плодовъ.

Вскорѣ, съ началомъ турецкой войны и начавшагося одновременно возстанія въ Нидерландахъ (1566), открылись разомъ двѣ крупныя статьи расходовъ, а между тѣмъ въ то же время изсякъ одинъ изъ наиболѣе обильныхъ источниковъ доходовъ: пришлось вычеркнуть Нидерланды изъ числа доходныхъ статей. Нидерланды, эта богатѣйшая изъ областей, входившихъ въ составъ испанской державы, — служившія до сихъ поръ однимъ изъ главныхъ поставщиковъ королевскаго фиска, становятся теперь главнымъ источникомъ расходовъ. По вычисленію позднѣйшихъ финансистовъ, восьмидесятилѣтняя борьба съ возставшими Нидерландами (1566—1647) обошлась испанской казнѣ около двухъ милліардовъ лив-

ровъ. Новые налоги, новыя пошлины, какъ ввозныя, такъ и вывозныя, новыя королевскія монополіи на различные предметы потребленія, налогъ даже на торговыя сдѣлки (сначала въ размѣрѣ десяти, потомъ пятнадцати процентовъ съ цѣны всякой проданной вещи), наконецъ—принудительные займы, наложенные на всѣхъ, съ кого представлялось возможнымъ сорвать болѣе или менѣе крупную сумму, — все было пущено въ ходъ. „Никакая нація въ мірѣ,—пишетъ про Испанію въ это время одинъ иностранный дипломатъ, — не несетъ такой фискальной тяжести“. Даже столь обыкновенно покорные кортесы Кастиліи, и тѣ поднимаютъ наконецъ голосъ, заявляя королю, что странѣ становится не подъ силу жить.

Дѣло дошло до того, что, не видя никакого выхода изъ финансоваго тупика, Филиппъ объявилъ государственное банкротство. Эта отчаянная мѣра временно поправила испанскіе финансы на счетъ кредиторовъ, а вскорѣ, съ присоединеніемъ Португаліи къ испанской коронѣ (1581), открылся и новый источникъ государственныхъ доходовъ. Съ помощью новыхъ займовъ удалось сколотить необходимыя суммы для организаціи колоссальной экспедиціи противъ Англіи, такъ называемой „непобѣдимой армады“ (1588), потребовавшей, впрочемъ, сверхъ того огромнаго экономическаго напряженія страны, такъ какъ колоссальный запасъ провіанта для тридцатитысячнаго экипажа „армады“ былъ составленъ путемъ взносовъ натурой; такъ, Севилья должна была поставить шесть тысячъ бочекъ вина, Галиція столько же бочекъ соленаго мяса, Андалузія двѣнадцать центнеровъ луку и т. д. Если бы, по крайней мѣрѣ, все это колоссальное напряженіе страны къ чему-нибудь послужило. Но, вѣдь, все, что только удалось выжать изъ нея на организацію этого грандіознаго предпріятія, все это погибло въ волнахъ океана вмѣстѣ съ сотней военныхъ судовъ, съ двумя тысячами пушекъ и большей частью тридцатитысячнаго экипажа...

А казна была снова пуста. Объ увеличеніи налоговъ нечего было и думать, такъ какъ они и безъ того уже далеко превышали платежныя силы населенія. Кортесы 1594 г. меланхолически жалуются на упадокъ промышленности и торговли, по милости непомѣрно стѣснительныхъ налоговъ на промышленныя и торговыя предпріятія; по ихъ вычисленіямъ, на каждую тысячу дукатовъ капитала коммерсанту приходилось уплачивать до трехсотъ дукатовъ разныхъ налоговъ.

Въ 1596 г., за два года до своей смерти, Филиппъ вторично объявилъ банкротство державы, „во владѣніяхъ которой не заходило солнце“. И, несмотря на это вторичное банкротство, Филиппъ все-таки оставилъ въ наслѣдіе своему сыну и преемнику долгъ, почти втрое превышавшій тотъ, что онъ получилъ отъ своего отца (около ста милліоновъ дукатовъ).

Таковъ былъ финансовый итогъ царствованія могущественнѣйшаго изъ государей Испаніи

Плачевное состояніе государственнаго хозяйства при Филиппѣ имѣло своею главною причиною войны, въ особенности же продолжительная война въ Нидерландахъ и злополучная экспедиція противъ Англіи („непобѣдимая армада“). Не послѣднюю роль въ дѣлѣ разстройства финансовъ играла также постоянно возраставшая расточительность двора. При Филиппѣ дворъ поглощалъ почти десятую часть всего государственнаго дохода. И это независимо отъ постройки колоссальнаго дворца-города Эскуріала, поглотившей, въ теченіе двадцати лѣтъ (1563—1582), до шести милліоновъ дукатовъ,—сумму значительно превышавшую годовой доходъ государства.

Кромѣ увеличенія расходовъ—и расходовъ по большей части непроизводительныхъ, — разстройство испанскихъ финансовъ въ царствованіе Филиппа обусловливалось также и сокращеніемъ различныхъ статей доходовъ. Одна изъ такихъ статей уже была выше отмѣчена: доходы съ Нидерландовъ пришлось вычеркнуть изъ бюджета со времени возстанія (1566). Затѣмъ, съ изгнаніемъ мавровъ (1570), пришлось вычеркнуть другую статью доходовъ, — тѣхъ доходовъ, которые доставляло казнѣ полумилліонное трудолюбивое мавританское населеніе. Далѣе, многія отрасли промышленности и торговли, служившія источниками государственныхъ доходовъ, либо пришли въ упадокъ, либо совсѣмъ исчезли, благодаря варварской фискальной политикѣ правительства. Наконецъ, благодаря этой же фискальной политикѣ, а отчасти, конечно, и вообще какъ внутренней, такъ и внѣшней политикѣ Филиппа, было въ корнѣ подорвано матеріальное благосостояніе населенія, сопровождавшееся и численнымъ уменьшеніемъ послѣдняго. Всего тяжелѣе отозвались пагубныя послѣдствія политики Филиппа на той части Испаніи, гдѣ королевская власть находила себѣ наименѣе преградъ: на Кастиліи; благодаря послѣднему обстоятельству, Кастилія несла пропорціонально гораздо большую какъ фискальную, такъ и военную тяжесть, чѣмъ, напримѣръ, Арагонъ.

Экономическое истощеніе страны вслѣдствіе фискальнаго гнета, умственное оцѣпенѣніе и культурный упадокъ вслѣдствіе гнета моральнаго,—вотъ къ чему сводится конечный итогъ „великаго царствованія“ для Испаніи. Этотъ внутренній упадокъ не могъ, конечно, не отозваться и на международномъ положеніи страны, тѣмъ болѣе, что онъ сопровождался цѣлымъ рядомъ военныхъ и дипломатическихъ неудачъ, испытанныхъ политикою Филиппа во вторую половину царствованія; неудачи въ Нидерландахъ, гдѣ отложившіяся провинціи расширяютъ, въ восьмидесятыхъ годахъ, свои владѣнія на счетъ тѣхъ, что остались въ рукахъ Испаніи; неудачи въ войнѣ съ Англіей—гибель „непобѣдимой армады“, а затѣмъ нѣсколько лѣтъ спустя — новый разгромъ испанскаго флота англичанами, на этотъ разъ уже у самыхъ береговъ Испаніи; далѣе—неудачи во Франціи, гдѣ поддерживаемая Филиппомъ католическая партія терпитъ пораженіе; наконецъ, неудачи въ самомъ Римѣ, гдѣ подъ конецъ своей жизни Филиппу пришлось съ грустью видѣть, какъ глава католичества, ради торжества котораго онъ принесъ въ жертву благосостояніе и, быть можетъ, всю будущность Испаніи, протягивалъ руку враждебной Филиппу политикѣ Франціи.

Три задачи преслѣдовалъ Филиппъ II въ продолженіе своего почти полувѣкового царствованія. Задачи эти были: дать окончательное торжество королевскому абсолютизму надъ остатками традиціонныхъ вольностей, уцѣлѣвшихъ отъ сословной монархіи въ Испаніи; дать торжество Испаніи надъ міромъ и торжество католическому правовѣрію надъ протестантскою ересью.

Изъ этихъ трехъ задачъ Филиппу удалось выполнить лишь первую: королевскій абсолютизмъ въ Испаніи достигаетъ при Филиппѣ своего апогея. Что касается остальныхъ двухъ задачъ, то онѣ были выполнены лишь отчасти. Если Филиппу и не удалось создать міровую гегемонію Испаніи, то во всякомъ случаѣ испанская держава играла при немъ безусловно преобладающую роль въ міровой политикѣ, хотя справедливость требуетъ прибавить, что этою исключительною ролью Испанія была обязана совокупности многочисленныхъ обстоятельствъ, совершенно незави-

симыхъ отъ чьей бы то ни было личной воли, не исключая и воли Филиппа. Наконецъ, что касается католической реакціи противъ протестантской реформаціи, то Филиппъ достигъ полнаго торжества первой надъ послѣдней только въ Испаніи, и ему не удалось достигнуть того же желаннаго результата для остального католическаго міра, хотя усилія его, безспорно, задержали во многихъ случаяхъ успѣхи протестантства.

Мы уже видѣли, какою цѣною заплатила Испанія за эти „успѣхи" Филиппа. Безпримѣрное въ исторіи человѣчества по своей быстротѣ и глубинѣ политическое и культурное паденіе Испаніи въ новое время представляетъ собою загадку, разгадку которой слѣдуетъ искать главнымъ образомъ въ царствованіи Филиппа II.

Исторія Испаніи послѣ Филиппа есть исторія ея постепеннаго упадка. Первенствующая роль — и въ политической и въ культурной сферѣ — постепенно переходитъ отъ Испаніи къ Франціи и Англіи, изъ которыхъ послѣдняя мало-по-малу завоевываетъ у первой роль первенствующей морской державы.

Въ лицѣ Филиппа II потерпѣла крушеніе та политика, которая нашла въ немъ свое наиболѣе полное воплощеніе: политика католической реакціи въ соединеніи съ политическимъ абсолютизмомъ во внутренней и съ мегаломаніей во внѣшней политикѣ.

LXXXI. Нидерландская революція.

(Изъ соч. С. Г. Лозинскаго: „Исторія Бельгіи и Голландіи въ Новое Время".)

Въ 1555 году Карлъ торжественно отрекся отъ престола и „на мѣсто дряхлаго человѣка, одной ногой стоящаго въ гробу", оставилъ Нидерландамъ монарха „въ лучшей порѣ жизни и въ полномъ цвѣтѣ силъ". Сынъ Карла, Филиппъ II, наслѣдовалъ всѣ владѣнія отца, за исключеніемъ Имперіи, которая досталась брату Карла Фердинанду; Филиппъ получилъ титулъ короля Испаніи и обѣихъ Сицилій, сталъ неограниченнымъ властителемъ Америки, Азіи и Африки и сдѣлался наслѣдственнымъ государемъ 17 нидерландскихъ провинцій. По характеру, рожденію и воспитанію Филиппъ былъ истымъ испанцемъ; вмѣстѣ съ молокомъ матери онъ всосалъ какую-то ненависть къ нидерландцамъ, языка страны которыхъ онъ не понималъ и властителемъ которыхъ онъ сдѣлался лишь потому, что происходилъ по женской линіи отъ того Филиппа Бургундскаго, которому путемъ насилія, обмана, денегъ и наслѣдованія удалось соединить подъ своимъ скипетромъ большую часть Нидерландовъ.

Сейчасъ по вступленіи на престолъ Филиппъ поспѣшилъ подтвердить послѣдній религіозный эдиктъ Карла V и тѣмъ показалъ, что его царствованіе будетъ прямымъ продолженіемъ религіозной политики императоровъ въ Нидерландахъ. „Воспрещается,—гласитъ знаменитый приказъ 1550 года,—печатать, писать, имѣть, хранить, продавать, покупать, раздавать въ церквахъ, на улицахъ и другихъ мѣстахъ всѣ печатныя или рукописныя произведенія Мартина Лютера, Іоанна Эколампадія, Ульриха Цвингли, Мартина Бусера, Іоанна Кальвина и другихъ еретиковъ, лжеучителей и основателей безстыдныхъ сектъ, порицаемыхъ святою церковью... Воспрещается всѣмъ мірянамъ открыто и тайно разсуждать и

спорить о св. Писаніи, особенно о вопросахъ сомнительныхъ или необъяснимыхъ, а также читать, учить и объяснять св. Писаніе, за исключеніемъ тѣхъ, кто основательно изучалъ богословіе и имѣетъ дипломъ изъ университета... Въ случаѣ нарушенія одного изъ этихъ пунктовъ виновные подвергаются наказанію: мужчины наказываются мечемъ, женщины—зарытіемъ заживо въ землю, если не упорствуютъ въ своихъ заблужденіяхъ; въ противномъ случаѣ онѣ предаются огню; собственность еретиковъ конфискуется въ пользу церкви".

Если печальное авторское право на этотъ эдиктъ и принадлежитъ Карлу, то не слѣдуетъ забывать, что вина Филиппа усугубляется тѣмъ, что въ моментъ подтвержденія имъ сего документа Германія пользовалась аугсбургскимъ религіознымъ міромъ, во Франціи гугеноты почти добились первыхъ признаковъ религіозной свободы, въ Англіи Елизавета отмѣнила кровавыя постановленія своей предшественницы, и одни лишь демократическіе и свободолюбивые нидерландцы продолжали переживать страшные дни религіознаго преслѣдованія. Вотъ почему, вопреки католическимъ историкамъ, мы склонны приписать историческую отвѣтственность за пресловутый эдиктъ 1550 г., подкрѣпленный въ 1559 году, одному лишь Филиппу, закрывшему глаза на тотъ религіозный переворотъ, который какъ-разъ вездѣ происходилъ въ этотъ моментъ. И это было тѣмъ болѣе непростительно, что дѣятельный, богатый, промышленный, пользовавшійся гражданской свободой и ведшій обширнѣйшую заграничную торговлю нидерландскій народъ не могъ устоять противъ микроба той эпохи, который несъ съ собою каждый тюкъ иностранныхъ товаровъ, каждый чужеземный купецъ, каждый заграничный фабрикантъ; окружить же Нидерланды китайской стѣной католицизма было равносильно гибели самой страны,—и какъ можно было допустить, что нидерландскій народъ добровольно подложитъ свою голову подъ инквизиціонный топоръ Филиппа?..

Для лучшаго обезпеченія дѣятельнаго надзора надъ еретиками Филиппъ, кромѣ того, рѣшилъ учредить тринадцать новыхъ епархій, причемъ каждый епископъ долженъ былъ имѣть въ качествѣ помощниковъ, по меньшей мѣрѣ, по два инквизитора. Народъ увидѣлъ въ этомъ рѣшеніи государя попытку ввести въ Нидерланды испанскую инквизицію, и со всѣхъ сторонъ послышались энергичные протесты противъ этой мѣры. Къ протестамъ народа присоединились вскорѣ такіе же протесты со стороны монаховъ, аббатовъ и даже епископовъ, такъ какъ новыя епархіи уменьшали доходы какъ чернаго, такъ и бѣлаго духовенства. Не были довольны учрежденіемъ новыхъ епархій и дворяне, такъ какъ отнынѣ отъ епископа требовался дипломъ доктора теологіи, дворяне же считали ниже своего достоинства подвергаться докторскому экзамену и лишались возможности занимать столь выгодныя мѣста, какими были въ то время епископскія. Правительство, однако, въ этомъ вопросѣ не хотѣло идти ни на какія уступки, такъ какъ въ увеличеніи количества епархій оно, съ одной стороны, видѣло лучшее орудіе въ дѣлѣ искорененія еретическихъ ученій, а съ другой—удобное средство для измѣненія представительства отъ духовенства въ штатахъ: вмѣсто прежнихъ независимыхъ и часто оппозиціонно настроенныхъ аббатовъ, стали теперь засѣдать въ штатахъ пользующіеся богатствами монастырей епископы, назначаемые королемъ. „Этотъ политическій маневръ,—говоритъ Венцельбургеръ,—легко былъ понятъ дворянствомъ и третьимъ сословіемъ, и весь народъ охотно въ этомъ случаѣ поддерживалъ недовольное черное духовенство, вообще говоря, не пользовавшееся большими симпатіями народа". Не-

довольство политикой Филиппа охватило, такимъ образомъ, всѣ слои нидерландскаго общества. Виновникомъ всѣхъ своихъ несчастій народъ считалъ кардинала Гранвеллу, имѣвшаго большое вліяніе какъ на Филиппа, находящагося обыкновенно въ Испаніи, такъ и на штатгальтершу Маргариту Пармскую, дочь императора Карла.

Еще больше негодованія вызывало въ народѣ присутствіе испанскаго войска въ Нидерландахъ. Страна была совершенно спокойна, извнѣ нельзя было ожидать какого-либо нападенія, народъ не видѣлъ никакой надобности содержать въ готовности войска, въ особенности иностранныя. „Оставалось,—говоритъ Прескоттъ, — одно лишь объясненіе: король, не довѣряя своимъ фламандскимъ подданнымъ, содержитъ этихъ наемниковъ съ цѣлью предупредить народныя волненія и вводить новыя произвольныя преобразованія. Нидерландцы, гордые своей независимостью, возмутились отъ подобнаго предположенія и требовали немедленнаго удаленія испанскихъ солдатъ“. Только черезъ годъ послѣ этого Филиппъ, наконецъ, рѣшилъ отозвать свои войска изъ Нидерландовъ, тѣмъ болѣе, что его военныя неудачи въ Африкѣ заставили его сконцентрировать тамъ всѣ имѣвшіяся у него силы.

Но не одни лишь солдаты представляли собою иноземный элементъ въ Нидерландахъ: всѣ важнѣйшія государственныя мѣста были заняты испанцами. Штатгальтерша окружила себя тремя совѣтами: тайнымъ, финансовымъ и государственнымъ; первые два почти сплошь состояли изъ однихъ иностранцевъ, и лишь въ государственномъ совѣтѣ засѣдала нидерландская знать; но власть государственнаго совѣта была сведена до минимума. Кромѣ того, было устроено особое учрежденіе подъ названіемъ консульта, которое отняло у провинціальныхъ властей и у провинціалныхъ штатгальтеровъ право назначенія различнаго рода чиновниковъ на всѣ общественныя мѣста: отнынѣ это право стало принадлежать иностранцамъ, засѣдавшимъ въ консультѣ. Понятно, что такое лишеніе власти приводило въ ярость дворянство, занимавшее до Филиппа всѣ наиболѣе выгодныя мѣста. Дворянство выступало въ данномъ случаѣ въ качествѣ защитника старыхъ привилегій и конституціонныхъ вольностей Нидерландовъ. Принцъ Оранскій прямо заявилъ Гранвеллѣ, что Филиппъ не имѣетъ права измѣнять безъ согласія штатовъ конституцію страны. „Короля у насъ нѣтъ,—сказалъ онъ; — королемъ Филиппъ можетъ быть въ Кастиліи, Арагонѣ, Неаполѣ, Индіи и гдѣ угодно, онъ можетъ также быть королемъ въ Іерусалимѣ, Азіи и Африкѣ, здѣсь онъ только герцогъ и графъ, власть котораго ограничена нашими привилегіями, которымъ онъ присягалъ при „Joyeuse entrée“. Недовольство дворянства приняло вскорѣ организованную форму: образовалась лига съ цѣлью низверженія Гранвеллы. Отъ имени нидерландской знати принцъ Оранскій, графъ Эгмонтъ и графъ Горнъ отправили письмо королю, умоляя его отозвать поскорѣе Гранвеллу. „Невозможно,—писали они,—чтобы дѣла шли хорошо въ той странѣ, гдѣ первое лицо внушаетъ такую всеобщую ненависть“. По обыкновенію Филиппъ не далъ опредѣленнаго отвѣта на это коллективное письмо, но когда къ ходатайству знати присоединилась и регентша Маргарита Пармская, Филиппъ рѣшилъ уступить и въ началѣ 1564 года написалъ Гранвеллѣ слѣдующее лаконическое письмецо: „Я нахожу, что было бы всего лучше, если бы вы съ согласія герцогини Маргариты удалились на нѣкоторое время изъ Нидерландовъ въ Бургундію повидаться съ вашей матерью; мой авторитетъ и ваша репутація будутъ такимъ образомъ спасены“.

Послѣ удаленія Гранвеллы представители аристократіи въ государственномъ совѣтѣ, въ особенности принцъ Оранскій, стали требовать созванія генеральныхъ штатовъ, смягченія религіозныхъ эдиктовъ, уничтоженія тайнаго и финансоваго совѣтовъ и увеличенія значенія государственнаго совѣта. Но, вмѣсто уступокъ, Филиппъ извѣстилъ свою сестру о необходимости немедленнаго обнародованія постановленій тридентскаго собора и точнаго исполненія ихъ. „Путешественники въ гостиницахъ,— говоритъ Мотлей, — дѣти въ школахъ, трупы на кладбищахъ, нищіе въ богадѣльняхъ должны были приниматься не иначе, какъ съ самыми вѣрными ручательствами въ ихъ правовѣріи. Повивальными бабками могли быть только благочестивѣйшія католички; въ 24 часа нужно было объявлять о новорожденныхъ, приходъ отмѣчалъ приращеніе населенія, и начальство обязано было слѣдить, чтобы новорожденный былъ немедленно, при всякихъ обстоятельствахъ, крещенъ въ католическую вѣру. Никто не имѣетъ права считать себя рожденнымъ или умершимъ, не получивъ на то свидѣтельства отъ духовенства". Въ государственномъ совѣтѣ поднялась цѣлая буря негодованія, когда стало извѣстно, что Филиппъ, несмотря на отставку Гранвеллы, продолжаетъ держаться политики павшаго кардинала. Большинство членовъ совѣта постановило отправить въ Мадридъ къ Филиппу графа Эгмонда, чтобы изложить королю, насколько будетъ чревато серьезными послѣдствіями проведеніе въ жизнь рѣшеній тридентскаго собора. Мысль о посылкѣ Эгмонта въ Мадридъ была поддержана какъ герцогиней Пармской, такъ и принцемъ Оранскимъ.

Филиппъ принялъ явившагося къ нему Эгмонта очень ласково, такъ что Эгмонтъ былъ увѣренъ въ счастливомъ исходѣ своей миссіи. Онъ вернулся въ Нидерланды, очарованный королемъ и довольный своимъ успѣхомъ; но это обольщеніе было непродолжительно: вскорѣ появились знаменитыя инструкціи Филиппа изъ Сеговіи. Въ нихъ говорилось, что пока не можетъ быть и рѣчи о реорганизаціи государственнаго совѣта или о созваніи генеральныхъ штатовъ; что касается религіозныхъ дѣлъ, то королю „крайне не нравится" отношеніе нидерландцевъ къ инквизиціи; въ настоящій моментъ болѣе, чѣмъ когда-либо, слѣдуетъ поддержать католическую вѣру. Въ то же время король требовалъ отдать приказъ всѣмъ губернаторамъ и провинціальнымъ судамъ всячески помогать инквизиторамъ, полностью опубликовать постановленія тридентскаго собора, расклеить ихъ во всѣхъ городахъ и деревняхъ и слѣдить за точнымъ ихъ выполненіемъ.—Возмущеніе народа не поддается описанію: въ церквахъ проповѣдывалось избіеніе католическихъ священниковъ, стѣны многихъ домовъ были покрыты воззваніями къ убійствамъ, появилась масса пасквилей на католическихъ дѣятелей, на улицахъ раздавались враждебные духовенству крики и распѣвались псалмы. Многіе города, въ томъ числѣ и богатѣйшій Антверпенъ, совершенно опустѣли, иностранцы поспѣшно покинули Нидерланды, и самая столица страны не подавала признаковъ жизни. Высшая знать, наравнѣ со всѣмъ народомъ, всячески протестовала противъ усиленія инквизиціонной политики Филиппа: маркграфъ Бергенъ и Монтиньи, въ качествѣ провинціальныхъ штатгальтеровъ, отказались опубликовать постановленія Тридента, говоря, что не могутъ участвовать въ сожженіи 50—60 тыс. человѣкъ; принцъ Оранскій просилъ объ отставкѣ, тѣмъ же угрожали и многіе другіе аристократы. Четыре главныхъ города Брабанта, Брюссель, Антверпенъ, Лувенъ и Герцогенбушъ, подали штатгальтершѣ протестъ противъ нарушенія конституціи ихъ провинціи,—все свидѣтельствовало о томъ, что уже загорались первыя искры страшной

междоусобной войны. Какъ всегда бываетъ при подобныхъ обстоятельствахъ, во многихъ мѣстахъ стали устраиваться тайныя собранія, на которыхъ обсуждались способы борьбы съ правительствомъ. На одномъ такомъ собраніи образовалась лига, цѣль которой была изложена въ актѣ, извѣстномъ подъ именемъ соглашенія (compromisse). „Соглашеніе“ горько жалуется на „кучку иностранцевъ“, которая подъ предлогомъ охраненія религіи и защиты короля угнетаетъ и давитъ всю страну, преслѣдуя свои узко-эгоистическія цѣли; далѣе, „соглашеніе дѣлаетъ рѣзкій выпадъ по адресу инквизиторовъ, которые ведутъ страну къ гибели и компрометируютъ короля, давшаго присягу вѣрности нидерландскимъ конституціямъ. Въ заключеніе союзники свидѣтельствовали передъ Богомъ и людьми, что они не имѣютъ въ виду ничего такого, что могло бы оскорбить Бога или уменьшить власть и величіе короля; наоборотъ, ихъ цѣль— утвержденіе королевской власти и уничтоженіе всякихъ мятежей и заговоровъ. Документъ этотъ стали тайно распространять въ обществѣ, и вскорѣ онъ покрылся 2000 подписей; огромное большинство подписавшихъ принадлежало къ среднему и мелкому дворянству: были здѣсь и лица, сочувствовавшія кальвинизму, и истинные католики, возмущавшіеся ужасами инквизиціи, и настоящіе лютеране, стремившіеся къ усиленію вліянія на Нидерланды новаго ученія, были, наконецъ, и такія лица, которымъ были чужды всякіе религіозные вопросы, и которыя подписали „соглашеніе“, надѣясь обогатиться насчетъ духовныхъ земель. Можно предположить, что категорія послѣднихъ лицъ была очень многочисленна, такъ какъ мелкое дворянство въ то время чувствовало большую нужду въ землѣ и радо было поживиться богатствомъ духовенства. Крупное дворянство, высшая знать стояли въ сторонѣ и не рѣшались вступать въ ряды союзниковъ; изъ лицъ съ громкими именами соглашеніе подписали лишь Людовикъ Нассаускій (братъ Вильгельма Оранскаго), Адельгондъ и ванъ-Гамъ. Не слѣдуетъ, однако, думать, что другіе аристократы, какъ Оранскій, Эгмонтъ, Бергенъ и пр., не сочувствовали соглашенію: если они держались въ сторонѣ, то это свидѣтельствовало не объ ихъ приверженности правительству или о неодобреніи плановъ средняго и мелкаго дворянства, а лишь о томъ, что они считали избранный для борьбы съ правительствомъ путь неудачнымъ и изъ тактическихъ соображеній не могли пристать къ союзу.

Между тѣмъ у союзниковъ не было никакого опредѣленнаго плана дѣйствій, и кое-гдѣ поднимался уже ропотъ по поводу бездѣйствія союза. При такихъ обстоятельствахъ рѣшено было немедленно начать „военныя“ дѣйствія: 3 апрѣля 1566 г. вступила въ Брюссель, въ количествѣ 400 человѣкъ, торжественная депутація отъ союза, которая должна была вручить герцогинѣ Маргаритѣ Пармской петицію съ изложеніемъ неотложныхъ реформъ. Прежде всего петиціонеры требовали созыва генеральныхъ штатовъ и отмѣны религіозныхъ эдиктовъ; на эти требованія Маргарита отвѣтила „необходимостью совѣщаться, съ кѣмъ слѣдуетъ“. Засѣдавшій въ это время государственный совѣтъ сталъ разсматривать петицію, и одинъ изъ членовъ его, Барлеманъ, произнесъ при этомъ то знаменитое слово, которое доставило союзу огромную популярность. „Неужели возможно,—воскликнулъ Барлеманъ,—чтобы ваше величество боялось этихъ нищихъ (gueux)? Развѣ мы не знаемъ этихъ людей? Они не умѣли управлять собственными имѣніями, а теперь учатъ насъ и короля, какъ слѣдуетъ управлять страною! Клянусь честью, что на ихъ прошеніе нужно отвѣтить палками и заставить ихъ сойти съ лѣстницы гораздо

скорѣе, чѣмъ они взошли на нее". Слово „нищіе" (gueux, гезы) оскорбило не одного изъ подписавшихся подъ соглашеніемъ, въ особенности тѣхъ, которые видѣли въ этомъ словѣ скорѣе горькую истину, нежели неудачную шутку. Тѣмъ не менѣе, слово это имѣло успѣхъ, и на состоявшемся 8 апрѣля 1566 г. собраніи рѣшено было дать союзникамъ прозвище „нищіе, гезы"; вскорѣ гезы придумали для себя спеціальный костюмъ: сѣрые штаны, камзолы и короткіе плащи съ нищенской сумкой и чашей; на шеѣ они носили особую медаль съ изображеніемъ на одной сторонѣ Филиппа, а на другой двухъ рукъ, сложенныхъ на сумѣ, съ девизомъ: „Вѣрность королю до нищеты". Непосредственный результатъ подачи петиціи былъ таковъ: герцогиня назначила комиссію для смягченія кровавыхъ религіозныхъ эдиктовъ и обѣщала отправить депутацію въ Мадридъ къ Филиппу съ просьбой уничтожить инквизицію. Смягченіе, однако, было очень „скромнымъ": вмѣсто костровъ, еретикамъ угрожала отнынѣ висѣлица; недаромъ народъ въ насмѣшку назвалъ смягченіе — „moderation" убійствомъ—„morderation". Что же касается депутаціи къ королю, то она, правда, была очень радушно принята, но тайно король писалъ Маргаритѣ, чтобы она, не взирая на смягченіе эдиктовъ, съ прежней энергіей преслѣдовала вѣроотступниковъ.

Однако, преслѣдовать еретиковъ становилось съ каждымъ днемъ все труднѣе и труднѣе: народъ сталъ, подобно гезамъ, открыто выступать съ требованіемъ свободы совѣсти, и во многихъ мѣстахъ появились протестантскіе проповѣдники, собиравшіе вокругъ себя цѣлыя тысячи народа. Въ Антверпенѣ, во время одной католической процессіи, произошло столкновеніе между гезами и католиками, закончившееся разграбленіемъ знаменитаго антверпенскаго каѳедральнаго собора Богоматери. То былъ словно сигналъ къ народному иконоборству: въ теченіе цѣлой недѣли толпы народа съ крикомъ: „да здравствуютъ гезы! долой иконы!" врывались въ церкви и производили различнаго рода святотатства, причемъ не были пощажены и лучшіе памятники готическаго искусства.

Для предупрежденія нападенія со стороны Испаніи принцемъ Оранскимъ было созвано въ Дендермонде тайное собраніе, на которомъ присутствовала вся высшая знать. Оранскій разсказалъ, что ему было извѣстно о козняхъ короля, и обратился къ графамъ Эгмонту и Горну съ слѣдующимъ вопросомъ: „Могу ли я разсчитывать на вашу помощь, если я съ согласія генеральныхъ штатовъ предприму необходимыя мѣры для отраженія испанскаго нашествія на Нидерланды"? Эгмонтъ рѣзко отвѣтилъ, что онъ никогда не подниметъ оружія противъ короля, которому напрасно приписываютъ какіе-то злые умыслы, и что на обязанности аристократіи лежитъ забота объ успокоеніи страны. Графъ Горнъ былъ менѣе рѣшителенъ и рѣзокъ: онъ не считалъ возможнымъ идти противъ короля и удалился съ политической сцены; отнынѣ графъ не оставлялъ своего имѣнія у Верта, пока его не отправили на эшафотъ. Такъ собраніе знати въ Дендермонде закончилось ничѣмъ.

Не лучше аристократіи вело себя въ этотъ моментъ среднее и мелкое дворянство. Многіе изъ бывшихъ союзниковъ, искренно или лицемѣрно возмущаясь народнымъ иконоборствомъ, вдругъ очутились на сторонѣ правительства, а одинъ изъ столповъ союза, упомянутый нами ванъ Гамъ, поступилъ даже къ герцогинѣ на службу. Банкротство дворянства было, такимъ образомъ, полное. Однако, шансы правительства были не особенно высоки: дѣло въ томъ, что на смѣну высшему сословію храбро выступило третье сословіе, горожане. Было собрано много денегъ,

выработана программа, избранъ комитетъ, вербовались солдаты, и начальникомъ національной арміи былъ избранъ Бредероде: съ помощью гугенотовъ и нѣмецкихъ лютеранъ предполагалось сдѣлать нападеніе на Брюссель, захватить въ плѣнъ герцогиню Маргариту и ужъ такимъ путемъ диктовать мирныя условія Филиппу. Однако, этотъ грандіозный планъ не удался, такъ какъ ни изъ Франціи, ни изъ Германіи не была оказана необходимая помощь. Оставленные заграничными единомышленниками, нидерландскіе борцы за религіозную свободу терпѣли повсюду пораженія отъ войскъ Маргариты Пармской, города Дорникъ и Валансьенъ были жестоко наказаны за отказъ принять въ свои стѣны герцогскій гарнизонъ, Антверпенъ едва избѣгъ этой участи,—и правительство Маргариты вездѣ одержало блестящія побѣды. Филиппу, однако, всего этого было мало, и онъ рѣшилъ отправить въ Нидерланды специальную армію съ герцогомъ Альбою во главѣ для искорененія ереси и введенія абсолютизма въ 17 провинціяхъ.

„Я предпочитаю вовсе не имѣть подданныхъ, чѣмъ имѣть еретиковъ“,—таковъ былъ девизъ Филиппа, какимъ онъ напутствовалъ отправлявшагося въ Нидерланды герцога Альбу. Это рѣшеніе короля, говорятъ католическіе писатели, было вызвано протестантами, которые въ той или иной степени поддерживали отвратительное иконоборство. Весьма возможно, что непосредственные результаты иконоборства были плачевны для Нидерландовъ, но нѣтъ сомнѣнія, что безъ отвратительныхъ сценъ въ антверпенскихъ и гентскихъ храмахъ протестантизмъ не такъ скоро восторжествовалъ бы на нижнемъ Рейнѣ: чтобы побѣдить безумный фанатизмъ инквизиціи, нужно было взбудоражить общество до его основанія, и чѣмъ сильнѣе волновались низы, чѣмъ больше было дикаго фанатизма въ новомъ увлеченіи, тѣмъ выше поднимались его шансы, и тѣмъ вѣрнѣе была окончательная побѣда протестантизма надъ католицизмомъ. Недаромъ говорятъ, что великая идея прокладываетъ себѣ путь къ народному сознанію и черезъ подонки общества... Альба началъ свою дѣятельность учрежденіемъ судилища подъ названіемъ „Совѣтъ волненій“ (Raad von Berouten), получившаго въ народѣ кличку „Кроваваго совѣта“. Совѣтъ этотъ состоялъ изъ 12 членовъ, изъ которыхъ лишь двое пользовались правомъ рѣшающаго голоса, но зато председатель совѣта герцогъ Альба могъ самолично постановлять какія угодно рѣшенія. Совѣтъ этотъ дѣйствовалъ по законамъ военнаго времени и почти всегда приговаривалъ къ смертной казни: за три мѣсяца имъ было вынесено 1800 смертныхъ приговоровъ. „На заборахъ, воротахъ, уличныхъ столбахъ,—пишетъ Гофтъ,—висѣли обезглавленные, изуродованные человѣческіе трупы; въ садахъ деревья были покрыты, словно плодами, человѣческими костьми“. „Нидерланды,—пишетъ Мотлей,—были раздавлены; если бы не строгость тираніи, запершей ворота, они были бы покинуты всѣмъ населеніемъ. Трава начинала расти на улицахъ городовъ, которые недавно кормили столько ремесленниковъ; на всѣхъ большихъ мануфактурныхъ и промышленныхъ рынкахъ, гдѣ бился съ такой необыкновенной силой приливъ человѣческой жизни, царствовали теперь молчаніе и мракъ полуночи“. Осужденнымъ на смерть отравляли даже послѣднія минуты ихъ жизни: раскаленнымъ желѣзомъ жгли языкъ у тѣхъ, которые по дорогѣ къ эшафоту обращались къ народу съ какими-либо словами. Въ числѣ жертвъ были и самыя громкія имена: такъ, графъ Эгмонтъ и Горнъ были схвачены Альбой самымъ коварнымъ образомъ и осуждены на смерть. Альба жалѣлъ лишь о томъ, что принцъ Оранскій успѣлъ во-время спастись:

утѣшались, что „у короля длинныя руки“, и что Оранскій будетъ ему выданъ. Богатство было словно преміей на осужденіе: „скоро всѣмъ стало очевидно,—пишетъ Прескоттъ,—что главный предметъ, на который было направлено преслѣдованіе, составляла конфискація имущества осужденныхъ“. Альба нисколько не скрывалъ этой стороны своей дѣятельности: „Я арестовываю теперь,—пишетъ онъ королю,—богатѣйшихъ и ужаснѣйшихъ преступниковъ и подвергаю ихъ денежнымъ взысканіямъ; потомъ я займусь преступными городами,—такимъ путемъ въ сундуки его величества будетъ привлечена порядочная сумма“.

Въ эту тяжелую для Нидерландовъ годину, когда испанцы подъ начальствомъ опытнаго полководца укрѣпились въ провинціяхъ, когда лучшіе люди страны сложили голову на плахѣ, когда все общество, пораженное ужасомъ, отрекалось отъ своихъ убѣжденій, когда внѣ бѣгства не было никакого спасенія,—взоры всей страны были обращены на жившаго въ изгнаніи принца Оранскаго: лишь онъ одинъ могъ освободить Нидерланды отъ ненавистнаго испанскаго ига! И Оранскій приступилъ къ этой великой задачѣ съ удивительной энергіей: прежде всего рѣшено было собрать огромную сумму денегъ для организаціи арміи. Вильгельму въ этомъ отношеніи оказали большую услугу сѣверные города Нидерландовъ: Амстердамъ, Антверпенъ, Лейденъ, Гарлемъ, Миддельбургъ и т. д. доставили свыше 100 тыс. гульденовъ, жертвовали также и частныя лица, и заграничные протестанты. Затѣмъ принцъ Вильгельмъ Оранскій вступилъ въ сношенія съ французскими гугенотами и съ германскими князьями, стоявшими на сторонѣ реформаціи, и вскорѣ ему удалось составить довольно значительную армію. 23 мая 1568 года произошла при Гейлигерли первая удачная для протестантской арміи битва: 1600 испанцевъ пало на полѣ битвы, причемъ погибъ и непріятельскій полководецъ Арембергъ; впрочемъ, освободительная армія потеряла въ этотъ день одного изъ своихъ вождей, младшаго брата принца Оранскаго, Адольфа Нассаускаго. Услыхавъ объ этомъ пораженіи Аремберга, герцогъ Альба воспылалъ гнѣвомъ и лично отправился съ 10-тысячной арміей на театръ военныхъ дѣйствій; 15 іюля между Людовикомъ Нассаускимъ и Альбой произошла при Темгумѣ кровавая схватка, при которой освободительная армія была разбита наголову: самъ Людовикъ бросился въ Эмсъ и этимъ путемъ спасся отъ Альбы; съ жалкимъ остаткомъ своихъ войскъ укрылся графъ Людовикъ Нассаускій въ Германіи. „Черезъ два дня послѣ битвы при Темгумѣ,—пишетъ Мотлей,—испанская армія вернулась къ Гронигену. Страница исторіи, на которой разсказывается этотъ побѣдоносный походъ, гнусна отъ преступленій и красна отъ крови. Въ ней не забыто ни одного изъ ужасовъ, сопровождающихъ переходъ враждебныхъ войскъ черезъ беззащитную страну... Такъ кончился походъ графа Людовика въ Фрисландію; такъ знаменательно и ужасно отстоялъ Альба превосходство испанской дисциплины и свое собственное военное искусство“.

Однако, миссія герцога не ограничивалась искорененіемъ ереси въ Нидерландахъ, онъ долженъ былъ также установить здѣсь прочную финансовую систему. Система эта заключалась въ томъ, что у провинцій должно быть отнято право свободно распоряжаться своими деньгами, и что, вмѣсто „милостыни“ государю, должны были быть введены правильные и обязательные налоги. 20 октября 1569 года Альба созвалъ генеральные штаты и представилъ имъ слѣдующіе декреты. На всякую собственность, движимую и недвижимую, назначается однопроцентный налогъ, причемъ налогъ этотъ не постоянный, а взимается лишь при

экстраординарныхъ условіяхъ по опредѣленію центральной власти. На всякую передачу недвижимой собственности назначается пятипроцентный постоянный налогъ; наконецъ, десятинной податью облагались каждый предметъ торговли и всякая движимая собственность; подать эта должна уплачиваться, когда цѣнность передается другому лицу; этотъ налогъ долженъ былъ быть также постояннымъ. „Страна приговоренныхъ преступниковъ“ встрѣтила финансовые проекты герцога Альбы съ явнымъ неудовольствіемъ: всѣ провинціальные штаты единогласно утверждали, что реформы Альбы окончательно разорятъ страну и погубятъ уже и безъ того павшую торговлю. Отъ общаго недовольства финансовыми мѣрами герцога не отстало и духовенство, которое отказывалось облагать свои несмѣтныя богатства обязательными податями; вскорѣ дошло до Мадрида, что великій полководецъ не пользуется въ Нидерландахъ славой великаго финансиста, и Филиппъ съ нескрываемой досадой говорилъ о преждевременномъ обѣщаніи герцога присылать въ Мадридъ полные золота сундуки. Такъ или иначе, но герцогъ рѣшилъ умѣрить свои требованія и удовлетворился взносомъ двухъ милліоновъ отъ каждой провинціи, вмѣсто установленныхъ налоговъ; взносъ долженъ былъ быть произведенъ два раза: въ 1570 году и въ 1571 году. Въ связи съ финансовыми неудачами Альбы стоитъ и вопросъ объ общей амнистіи осужденнымъ за религіозныя преступленія. Королю со всѣхъ сторонъ стали доносить, что миссія герцога Альбы окончилась полнымъ фіаско, что ему не удалось ни упрочить финансовъ казны, ни уменьшить числа вѣроотступниковъ, и что, видимо, необходимо сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ общемъ курсѣ правительственной политики.

Какъ ничтожна ни была амнистія, она, тѣмъ не менѣе, свидѣтельствовала о недовольствѣ камарильи въ Мадридѣ политикой Альбы; самъ герцогъ хорошо понималъ это и сталъ говорить о необходимости дать ему отдыхъ. Результатами своей миссіи онъ былъ очень доволенъ: „Въ настоящемъ и будущемъ,—писалъ онъ королю,—вашему величеству повинуются и будутъ повиноваться такъ безпрекословно, какъ ни одному изъ вашихъ предшественниковъ“. Нельзя, однако, сказать, что такая оцѣнка дѣятельности Альбы соотвѣтствовала истинѣ: правда, южныя провинціи Нидерландовъ были до извѣстной степени усмирены и не давали поводовъ Альбѣ жаловаться на революціонное настроеніе; богатые дворяне или жили въ изгнаніи, или слѣпо повиновались приказаніямъ жестокаго правителя, крестьянство безучастно относилось къ вопросу о свободѣ совѣсти и о реформированіи церкви „въ главѣ и членахъ“, изъ горожанъ многія эмигрировали въ сосѣднія страны, а оставшіеся поневолѣ преклонили голову предъ суровымъ герцогомъ. Не то было на сѣверѣ, массу населенія котораго составляло третье сословіе. Финансовая и религіозная политика Альбы отразилась на немъ самымъ печальнымъ образомъ: среднему и мелкому горожанину-ремесленнику невозможно было бѣжать, торговля и промышленность пали, и разореніе было всеобщее. Сѣверяне боролись не только за свободу совѣсти, но и за свою жизнь, и понятна та ненависть, съ которой относились Голландія, Зеландія и Фрисландія къ испанскому господству. Но Альба принадлежалъ къ типу тѣхъ правителей, которые на народное негодованіе отвѣчаютъ усиленіемъ репрессій, и на сѣверъ Нидерландовъ все тяжелѣе и тяжелѣе опускалась рука жестокаго правителя. Вскорѣ жизнью перестали дорожить на сѣверѣ, и наступила та общественная анархія, предъ которой безсильны самыя свирѣпыя репрессіи, потому что въ смерти многіе видѣли конецъ

своихъ страданій. Рядомъ съ „идейными нищими", съ гезами, появились „мнимые нищіе", люди, по милости испанскаго правительства выбитые изъ своей колеи и брошенные на произволъ судьбы, являвшейся тогда мачехой для всѣхъ нидерландцевъ; эти дикіе гезы, какъ ихъ часто называютъ, начали свою дѣятельность нападеніями на испанцевъ, вскорѣ они перестали дѣлать различіе между своими жертвами и становились профессіональными разбойниками и грабителями. Особенно страшны были морскіе гезы, спеціализировавшіеся въ каперствѣ и окончательно подорвавшіе морскую торговлю Нидерландовъ; и они, подобно своимъ братьямъ на сушѣ, вначалѣ нападали на одни лишь испанскія суда и часть награбленнаго богатства отдавали даже „въ пользу великаго дѣла" принцу Оранскому, но затѣмъ грабежъ сдѣлался ихъ единственной цѣлью, и иностранныя суда захватывались такъ же часто, какъ и испанскія. Понятно, что это каперство влекло за собою недоразумѣнія Испаніи съ пострадавшими отъ захвата судовъ державами, и по волѣ Альбы Филиппъ вдругъ очутился во враждѣ со всей почти Европой.

Принцъ Оранскій увидѣлъ въ морскихъ нищихъ удобное средство для борьбы съ Альбой и цѣлымъ рядомъ удачныхъ мѣръ сумѣлъ укротить разбойничьи элементы и организовать изъ идейныхъ гезовъ настоящую освободительную армію, которая должна была взять на себя столь неудачно выполненную сухопутной арміей роль. 1 апрѣля 1572 года появилась эскадра изъ 24 судовъ передъ Брилемъ; жители города при видѣ ея пришли въ неописуемый страхъ и стали говорить о поголовномъ бѣгствѣ. Но пришелъ вѣстникъ отъ гезовъ и заявилъ, что они не намѣрены причинять городу никакого вреда, и что дѣло идетъ лишь объ освобожденіи Бриля отъ правительства герцога Альбы. Однако, огромное большинство жителей Бриля не поддалось внушеніямъ представителя морскихъ гезовъ и оставило городъ, въ то время какъ съ судовъ стали сходить „разбойники" для занятія города. Ихъ всего было не болѣе 250 человѣкъ, но и этого количества было вполнѣ достаточно, чтобы завладѣть опустѣвшимъ городомъ. Отъ имени принца Оранскаго, какъ законнаго штатгальтера Филиппа, городъ былъ занятъ командой и объявленъ первымъ укрѣпленнымъ пунктомъ освободителей. Когда, черезъ нѣсколько дней, противъ нихъ были отправлены испанскіе солдаты, повстанцы прорубили шлюзныя ворота, и хлынувшее море сдѣлало Бриль совершенно недоступнымъ. На удачу Бриля первымъ отозвался Флиссингенъ, изгнавшій испанскій гарнизонъ, а черезъ нѣсколько дней весь островъ Вальхеренъ, за исключеніемъ Миддельбурга, перешелъ на сторону принца Оранскаго. Примѣру Вальхерена послѣдовали почти всѣ города южной и сѣверной Голландіи: Эккуйзенъ, Медембликъ, Горнъ, Алькмаръ, Лейденъ, Гарлемъ, Дортрехтъ, Горкумъ, Ротердамъ, Шидамъ, Дельфтъ,—одинъ за другимъ спѣшили признать власть гезовъ; къ концу іюля вся Голландія, за исключеніемъ Амстердама и Шонховена, была въ рукахъ приверженцевъ принца Вильгельма Оранскаго. Отъ Голландіи не отстали и города Гельдерна и Оверисселя, наконецъ, Снеекъ, Франекеръ и Больсвардъ въ Фрисландіи перешли на сторону Оранскаго и тѣмъ положили прочное основаніе его господству. Въ Дортрехтъ сошлись Голландскіе штаты и рѣшили признать принца Оранскаго генералъ-губернаторомъ провинціи, „чѣмъ онъ былъ назначенъ раньше его величествомъ, и чего никто безъ нарушенія обычаевъ и правъ страны не могъ его лишить". Далѣе штаты выдали представителю Оранскаго 100 тыс. кронъ для содержанія арміи и постановили обложить всѣхъ дворянъ, горожанъ,

а также церкви, монастыри, братства и цехи на 500 тысячъ гульденовъ для веденія войны за освобожденіе страны отъ герцога Альбы. Что касается религіознаго вопроса, штаты провозгласили полную свободу совѣсти, и католики и кальвинисты были во всѣхъ отношеніяхъ уравнены; кромѣ того, принцъ и штаты обязались другъ передъ другомъ не заключать безъ совмѣстнаго согласія никакихъ договоровъ съ Испаніей.

Между тѣмъ братъ принца Оранскаго, Людовикъ Нассаускій, съ французскими гугенотами напалъ на столицу провинціи Геннегау, Монсъ, и быстро овладѣлъ ею; путь къ Брюсселю былъ отнынѣ открытъ, и испанцамъ угрожали со всѣхъ сторонъ: на сѣверѣ хозяевами положенія были гезы, на югѣ Людовикъ Нассаускій послѣ захвата Монса готовился идти на Брюссель, а съ востока изъ Рурмонда двинулся съ набраннымъ въ Германіи войскомъ навстрѣчу своему брату Вильгельмъ Оранскій. Въ этотъ критическій для испанцевъ моментъ Альба рѣшилъ сконцентрировать всѣ правительственныя войска у Монса, осадить этотъ городъ и задержать въ немъ Людовика Нассаускаго съ тѣмъ, чтобы не дать ему возможности соединиться съ войскомъ принца. Черезъ нѣкоторое время Монсъ капитулировалъ, и началось возвращеніе южныхъ городовъ къ испанскому вѣрноподданству. И пока Брабантъ и Фландрія снова вгонялись въ казематы герцогскаго режима, дѣла на сѣверѣ стали принимать неблагопріятный для гезовъ характеръ. Никогда не было въ исторіи года,—пишетъ Мотлей,—ознаменованнаго такими быстрыми поворотами счастья, никогда за надеждами весны не слѣдовало такого уныния и разочарованія осенью, какъ въ достопамятномъ 1572 году". Одна лишь Голландія оставалась вѣрна гезамъ, но сюда были направлены теперь всѣ силы испанскаго правительства. Маленькій городокъ Наарденъ первый подвергся нападенію королевскихъ солдатъ и былъ до тла разрушенъ; затѣмъ войска приступили къ Гарлену, который они вынуждены были осаждать семь мѣсяцевъ подрядъ, съ декабря 1572 года по іюнь 73-го; еще неудачнѣе была осада Алькмара, которую они 8 октября 1573 года были вынуждены снять. Моральное значеніе этого успѣха для гезовъ было велико: народъ такъ и говорилъ, что „Van Alkmaar begint die victorie". Въ то же время на морѣ, недалеко отъ Энкуйзена, испанцамъ было нанесено очень чувствительное пораженіе,—такъ что, несмотря на потерю Гельдерна, Овермеля, большей части Зеландіи, Фрисландіи и многихъ отдѣльныхъ пунктовъ Голландіи, гезы все-таки не были изгнаны изъ Нидерландовъ и продолжали держаться отчасти въ сѣверной Голландіи, отчасти въ южной.

Какъ ни велики были осеннія и зимнія побѣды Альбы, фактъ оставался фактомъ: Нидерланды не были очищены отъ мятежниковъ. Филиппъ естественно не могъ быть въ восторгѣ отъ „успѣховъ" Альбы, и жестокій герцогъ былъ окончательно отозванъ изъ Нидерландовъ. При отъѣздѣ онъ, говорятъ, хвасталъ, что казнилъ 18600 еретиковъ; онъ забылъ, однако, прибавить, что эти казни не только не уменьшили религіозной заразы, но вызвали новую опасность: раздробленіе испанскаго могущества и потерю богатѣйшей провинціи.

LXXXII. Отпаденіе Нидерландовъ отъ Испаніи и образованіе самостоятельной республики.

(Изъ соч. Кольба: „Исторія человѣческой культуры". Т. II, въ переводѣ Бѣлозерской).

Мѣсто Альбы заступилъ Реквезенсъ-и-Цунига (въ концѣ 1573 года), дѣльный полководецъ, человѣкъ благоразумный и менѣе жестокій, чѣмъ Альба. Послѣднее свойство доставило ему возможность образовать вокругъ себя партію въ южныхъ провинціяхъ, державшихся католицизма. Но сѣверъ упорно противился. Осада города Лейдена служитъ тому разительнымъ примѣромъ. Доведенный до крайности, городъ не могъ уже болѣе отбиваться. Тогда голландцы прорвали плотины, которыя защищали ихъ страну отъ моря. Морскія волны ринулись на плодородныя равнины; испанцы едва спаслись быстрымъ бѣгствомъ; еще до этого тысячи ихъ погибли отъ климата въ нездоровыхъ низменностяхъ; Лейденъ былъ спасенъ (осада продолжалась отъ 26 мая по 3 октября 1574 г.), хотя морскія волны разрушили его стѣны. Опытные воины Реквезенса одержали повсюду верхъ надъ ландскнехтами Оранскаго. Но побороть упорство народа, боровшагося за свои внутреннія убѣжденія и за свое достояніе, было почти невозможно. Борьба эта стала борьбою между солдатами по призванію и милиціею. Испанцы поднимали ропотъ, когда имъ не уплачивали обѣщаннаго жалованья, а защищавшіе свою страну голландцы добровольно переносили всякія лишенія и невзгоды. Реквезенсъ въ отчаяніи писалъ королю: „До моего прибытія сюда мнѣ было непонятно, какимъ образомъ мятежники могутъ содержать такія значительныя флотиліи, тогда какъ ваше величество не въ состояніи снарядить одну. Теперь я вижу, что люди, которые сражаются за свою жизнь, семейство, достояніе, за свою ложную религію, однимъ словомъ, за дѣло, которое считаютъ своимъ дѣломъ, довольствуются однимъ скуднымъ продовольствіемъ, не требуя никакого жалованья".

Реквезенсъ неожиданно умеръ (5 марта 1576 года). Еще никто не былъ назначенъ послѣ него главнокомандующимъ; въ это время поднялись наемныя войска, которымъ не платили жалованья: „Чистыя деньги, или городъ", стало ихъ лозунгомъ. Они позволяли себѣ всякія хищничества, грабежи, убійства, обезчещеніе и тому подобные ужасы. Всего болѣе нанесли они вреда цвѣтущему и богатому Антверпену. Между тѣмъ, мятежныя сѣверныя провинціи наслаждались въ это время спокойствіемъ и безопасностью. Даже самые усердные католики южныхъ провинцій смотрѣли съ завистью на тамошнее положеніе дѣлъ.

Святость, которую придавали въ католическихъ штатахъ Нидерландовъ всѣмъ религіознымъ предметамъ вообще, а слѣдовательно, и церковнымъ спорамъ и состязаніямъ, имѣла такое дѣйствіе, что набожное населеніе южныхъ провинцій молча переносило нарушеніе земскихъ привилегій, неразлучное съ гоненіемъ еретиковъ. Однако страшное своеволіе солдатчины заставило всѣхъ подумать о защитѣ старыхъ правъ. Государственный совѣтъ былъ принужденъ созвать генеральные чины въ противность королевскому повелѣнію. Сначала они прибыли изъ Брабанта и Геннегау, а затѣмъ примѣру этихъ провинцій послѣдовали и другія,

исключая Люксембурга. Этотъ шагъ, на который втихомолку оказывалъ вліяніе благоразумный Оранскій, долженъ былъ раздражить до крайности деспота; предвидя это, генеральные чины обратились заранѣе къ голландцамъ за помощью. Прежде всего надлежало избавить отъ испанскихъ солдатъ страну, въ которую они вступили вопреки правамъ страны. Но ихъ изгнаніе было возможно только при содѣйствіи голландцевъ. Оранскій обѣщалъ свою помощь, но съ условіемъ, если южныя провинціи соединятся съ сѣверными. Голландскія войска появились въ сентябрѣ 1576 года подъ гентскою цитаделью, которая была тогда главнымъ пунктомъ испанской тиранніи; цитадель принуждена была сдаться.

Послѣ этого между сѣверными и южными провинціями заключенъ былъ въ ноябрѣ оборонительный договоръ, подъ именемъ „Гентской пацификаціи“. Главные ея пункты были слѣдующіе: 1) Всеобщая амнистія и дружественный союзъ на будущее время. 2) Удаленіе испанцевъ изъ Нидерландовъ. 3) Созваніе генеральныхъ штатовъ для приведенія въ порядокъ религіозныхъ дѣлъ на сѣверѣ и передачи тамошнихъ укрѣпленныхъ мѣстъ. 4) Возстановленіе свободной торговли и сношеній между обѣими половинами государства. 5) Объявленіе недѣйствительными всѣхъ эдиктовъ противъ еретиковъ до того времени, когда генеральные штаты произнесутъ по этому вопросу рѣшеніе. 6) Неприкосновенность католической религіи тамъ, гдѣ она сохранилась. 7) Признаніе принца Оранскаго намѣстникомъ (штатгальтеромъ) въ Голландіи и Зеландіи до тѣхъ поръ, пока, по изгнаніи испанцевъ, генеральные штаты не сдѣлаютъ окончательнаго распоряженія.

Такимъ образомъ, съ церковной почвы споръ перенесенъ былъ на свѣтскую. Общіе интересы и общая правда заставили соединиться различныя народныя племена, несмотря на церковную рознь. Но, къ сожалѣнію, религіозныя распри слишкомъ долго поддерживались и потому не могли скоро исчезнуть.

Въ это время въ Нидерландахъ появился новый испанскій намѣстникъ. То былъ знаменитый побѣдитель турокъ при Лепанто, донъ Хуанъ Австрійскій, незаконный сынъ Карла V. Генеральные штаты не хотѣли ему повиноваться до тѣхъ поръ, пока онъ не удалитъ испанскихъ войскъ и не признаетъ гентской пацификаціи. Донъ Хуанъ сначала противился этому, но демонстрація цѣлаго народа указала ему на необходимость уступки. Въ февралѣ 1577 года былъ изданъ „Вѣчный эдиктъ“, даровавшій Нидерландамъ согласіе на всѣ ихъ требованія. Филиппъ II торжественно утвердилъ его, но черезъ три мѣсяца эдиктъ этотъ былъ нарушенъ. Фландрское дворянство, страшась могущества Оранскаго, содѣйствовало намѣстнику противъ воли народной массы. Донъ Хуанъ утвердился на своемъ мѣстѣ при посредствѣ вновь призванныхъ испанскихъ солдатъ, но вскорѣ увидѣлъ, что ему нечего разсчитывать на поддержку со стороны Испаніи; къ тому же онъ навлекъ на себя немилость короля и умеръ 1 октября 1578 года, вѣроятно, отъ отравы, тайно данной ему по приказанію деспота.

Преемникомъ донъ Хуана былъ Александръ Фарнезе герцогъ Пармскій, сынъ бывшей намѣстницы Нидерландовъ Маргариты, незаконной дочери Карла V. Это былъ послѣдній изъ знаменитыхъ полководцевъ, которыми такъ богата Испанія въ XVI вѣкѣ; Фарнезе, кромѣ того, извѣстенъ какъ государственный человѣкъ. Явившись въ Нидерланды съ значительнымъ войскомъ, онъ повелъ войну побѣдоносно. Самое блестящее его военное дѣло было взятіе важнаго и богатаго города Антверпена

послѣ долгой замѣчательной борьбы. Югъ большею частію покорился еще прежде: дворянство содѣйствовало этому; сѣверу грозила крайняя опасность.

Голландцы не могли долѣе обольщаться; они увидѣли, что стремленія юга были совершенно иныя, нежели ихъ собственныя, и что между ними нельзя ожидать въ будущемъ внутренней искренней связи [1]). Чѣмъ болѣе распространялось это сознаніе и чѣмъ грознѣе становилась опасность, тѣмъ болѣе видѣли они необходимость прибѣгнуть къ энергическимъ мѣрамъ и искать спасенія въ собственныхъ силахъ.

Въ январѣ 1579 года семь сѣверныхъ провинцій заключили между собою такъ называемую „Утрехтскую унію". Къ Голландіи и Зеландіи присоединились Гельдернъ, Цутфенъ, Утрехтъ, Овериселль и Гренингенъ. Въ новые вѣка это было первое соединеніе самостоятельныхъ провинцій въ одно федеративное государство. Хотя первый опытъ такого рода былъ во многихъ отношеніяхъ недостаточенъ, но эта форма, при всемъ своемъ несовершенствѣ, дала возможность небольшому голландскому народу развить въ себѣ небывалую силу, передъ которою стушевалось могущество испанскаго единодержавнаго абсолютнаго государства, господствовавшаго надъ двумя частями земного шара. Хотя этотъ федеративный строй образовался съ цѣлью временнаго спасенія, но просуществовалъ болѣе двухъ столѣтій и возвелъ немногочисленный народецъ на такую высоту богатства и могущества, которая превысила все то, что могли представить собою совершенныя монархіи.

Семь провинцій соединились навсегда для взаимной защиты. Для этой цѣли основана была общая военная касса, общее войско, которое составлялось общимъ наборомъ и содержалось на счетъ общихъ налоговъ. Всѣ общія дѣла рѣшались на общемъ сеймѣ; каждая провинція въ отдѣльности отрекалась отъ права заключать особые договоры. Напротивъ того, внутреннія условія, включая сюда и церковь для каждой провинціи, города и земли, оставались своеобразныя, по прежнимъ привилегіямъ. Это былъ только вѣчный союзъ для взаимной защиты и отпора, а не соединеніе воедино государства. Пока еще голландцы не смѣли окончательно свергнуть съ себя господство испанскаго короля, грамота союза была составлена „во имя короля". Это была та фикція, которая такъ часто встрѣчается и впослѣдствіи въ исторіи конституціонныхъ государствъ; на дѣлѣ было совсѣмъ иное.

Эта фикція не могла удержаться надолго. Опасность усиливалась съ каждымъ днемъ. Чтобы избѣжать окончательнаго пораженія и порабощенія, нужно было идти еще далѣе. Въ іюнѣ король Филиппъ объявилъ мятежникомъ стоявшаго во главѣ нидерландцевъ принца Оранскаго, назначилъ 25,000 кронъ награды тому, кто выдастъ его живого или мертваго, обѣщалъ заранѣе исполнителю прощеніе за всѣ преступленія, какія бы онъ ни совершилъ прежде, и, сверхъ того, сулилъ ему

[1]) Необходимо имѣть въ виду, что сѣверные и южные штаты Нидерландовъ были раздѣлены не только различіемъ національнаго происхожденія населенія и его вѣроисповѣданія, но и различіемъ ихъ политическаго строя; въ то время, какъ на сѣверѣ Нидерландовъ господствовала демократія, валлоны, жившіе на югѣ, находились, кромѣ фабричныхъ городовъ, подъ властью сильной аристократіи. Ненавистью южныхъ штатовъ къ демократіи и религіи сѣвера сумѣлъ искусно воспользоваться Александръ Фарнезе для уничтоженія гентскаго союза между сѣверными и южными провинціями. *Прим. Ред.*

дворянское званіе. Всѣмъ подданнымъ строго воспрещалось доставлять пищу, воду и огонь опальнымъ.

Но это была только вспышка безсильной злобы, побудившая голландцевъ идти далѣе на предначертанномъ пути. Въ іюлѣ 1581 г. послѣдовалъ формальный отказъ голландцевъ повиноваться Филиппу II. Соединенныя провинціи предпочли власти короля принципъ народнаго права и провозгласили у себя самостоятельную республику.

Всѣ чиновники, желавшіе остаться на службѣ, обязаны были содѣйствовать исполненію акта независимости, формально сложить съ себя присягу, данную королю, и присягнуть республикѣ.

Борьба велась съ перемѣннымъ счастіемъ. Голландцы получали поддержку изъ Франціи и Англіи; много помогали имъ войны, которыя эти государства вели съ Испаніей. Въ Голландіи и Зеландіи принцъ Вильгельмъ имѣлъ верховную власть, но не носилъ королевскаго титула; онъ дѣлался полновластнымъ только на время войны. Наконецъ, одному изъ многихъ убійцъ, которые, по іезуитскому подстрекательству, пытались умертвить принца Оранскаго, а именно Бальтазару Жерару, удалось заколоть его 10 іюля 1584 года.

Мѣсто убитаго заступилъ сынъ его Морицъ, скоро выказавшій себя знаменитѣйшимъ полководцемъ своего вѣка. Онъ не далъ ни одной рѣшительной битвы, но вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы; сѣверныя провинціи были очищены отъ непріятеля; удалось даже сдѣлать нѣкоторыя завоеванія въ южныхъ провинціяхъ. Еще значительнѣе сухопутныхъ силъ развивалась у голландцевъ морская сила, особливо когда пала морская сила у испанцевъ, вслѣдствіе неспособности предводителей изъ высшей аристократіи и неудачныхъ битвъ съ англичанами и голландцами. Лѣтомъ 1588 г. совершилось уничтоженіе „Непобѣдимой Армады“. Голландцы не довольствовались грабежомъ испанскихъ судовъ; но въ концѣ XVI ст. предприняли завоеваніе испанскихъ и португальскихъ (Португалія принадлежала тогда Филиппу II) колоній и затѣмъ пустились на открытіе новыхъ земель. Геемскеркъ искалъ сѣвернаго пути въ Индію черезъ Ледовитое море. Въ 1595 г. Гоутманъ отнялъ у португальцевъ открытые ими острова Пряностей (нынѣ Молуккскіе). Въ это время голландцы захватили въ свои руки хлѣбную торговлю между плодородными сѣверными и южными винодѣльными странами. Имъ удалось посредствомъ хитрости обезпечить за собою доступъ въ Японію, послѣ того какъ раздраженіе противъ іезуитовъ-миссіонеровъ побудило японцевъ изгнать всѣхъ христіанъ изъ своего края.

Какъ ни сильно было взаимное раздраженіе, однако чрезвычайныя жертвы, поглощенныя войною, расположили, наконецъ, обѣ стороны въ пользу мира. Испанцы должны были убѣдиться въ безплодіи своихъ усилій къ порабощенію народа, отстаивавшаго свою свободу и достояніе. Въ Нидерландахъ республиканская партія была вмѣстѣ съ тѣмъ и партіею мира, тогда какъ приверженцы Морица желали продолженія войны: они надѣялись такимъ путемъ возсоздать тронъ для своего героя, который выказывалъ явную наклонность къ абсолютизму. Республиканцы убѣдились, что развитіе морской силы, въ связи съ морскою и сухопутною торговлею, несравненно болѣе содѣйствуютъ значенію и благосостоянію свободнаго государства, чѣмъ военные успѣхи на сухомъ пути; притомъ же нидерландцы послѣ такихъ сильныхъ напряженій нуждались въ успокоеніи.

Главное препятствіе къ возстановленію мира состояло въ томъ, что высокомѣріе испанскаго двора не хотѣло и теперь признать независимо-

сти голландцевъ. Между тѣмъ, главный предводитель испанскаго войска, Спинола, пытался заключить на многіе годы перемиріе съ голландцами, чтобы имѣть возможность перенести оружіе въ Германію. Сообразно съ этимъ желаніемъ, въ 1605 и 1606 годахъ въ семи соединенныхъ провинціяхъ распространялись во множествѣ летучіе листки, настоятельно требовавшіе перемирія.

Въ мартѣ 1607 г. заключено было перемиріе на восемь мѣсяцевъ, которые предполагалось употребить на переговоры о дальнѣйшемъ мирѣ. Но переговоры эти сильно затянулись вслѣдствіе того, что испанскій дворъ все еще не хотѣлъ признать самостоятельности новаго государства и видѣлъ въ немъ только свои мятежныя провинціи. Пришлось пока ограничиться продолженіемъ военнаго перемирія. Принцъ Морицъ и его партія (монархисты) не хотѣли окончанія войны. Но эта партія была побѣждена энергическими усиліями „патріотовъ" (республиканцевъ), въ особенности „пенсіонарія" (главнаго государственнаго совѣтника и синдика) Ольденъ-Барневельда, поддерживаемаго такими людьми, какъ Гуго Гроцій (пенсіонарій роттердамскій). 9 апрѣля 1609 г. заключено было перемиріе на 12 лѣтъ, которое собственно и было окончательнымъ миромъ, хотя вообще этого названія избѣгали. Испанское правительство принуждено было признать чины семи провинцій въ качествѣ представителей отъ „людей, которыхъ оно признавало свободными". Каждая сторона осталась при тѣхъ владѣніяхъ, которыя у ней были въ рукахъ. Это послѣднее условіе оказалось весьма выгоднымъ для Голландіи, такъ какъ она владѣла значительною частью южныхъ провинцій: это были такъ называемыя „генералитетныя земли". Наконецъ, въ 1648 г., по Вестфальскому миру, признана была государственная независимость Голландіи.

LXXXIII. Смерть Вильгельма Оранскаго и оцѣнка его личности и дѣятельности.

(По соч. Мотлея: „Исторія нидерландской революціи", т. III.)

Объявленіе принца Оранскаго внѣ закона принесло свои плоды; на жизнь его дѣлались постоянныя, хотя и безуспѣшныя покушенія, въ видахъ пріобрѣтенія обѣщанной награды. Въ продолженіе двухъ лѣтъ было сдѣлано пять покушеній на жизнь принца, и инициатива всѣхъ ихъ принадлежала испанскому правительству. Вскорѣ послѣдовало и шестое.

Лѣтомъ 1584 г. Вильгельмъ Оранскій жилъ въ Дельфтѣ, гдѣ жена его родила въ предыдущую зиму сына, знаменитаго впослѣдствіи штатгальтера Фредерика Генриха. Французскій дворъ прислалъ въ Дельфтъ нарочнаго съ извѣстіемъ о смерти герцога Анжуйскаго. Въ воскресенье утромъ, 8 іюля 1584 г., принцъ Оранскій еще въ постели прочелъ депеши и велѣлъ привести къ себѣ привезшаго ихъ курьера, чтобы поразспросить его о болѣзни герцога Анжуйскаго. Курьера тотчасъ ввели въ спальню принца; онъ оказался нѣкіимъ Франциском Гюйономъ, какъ онъ самъ назвалъ себя. Въ началѣ весны человѣкъ этотъ обращался, и не безуспѣшно, къ принцу Оранскому съ просьбою о пособіи на томъ основаніи, что онъ сынъ одного безансонскаго протестанта, казненнаго

за свою вѣру, и самъ ревностно преданъ реформатской религіи. Онъ казался юношей набожнымъ, способнымъ только распѣвать псалмы, преданнымъ кальвинистомъ, который не выходилъ на улицу иначе, какъ съ библіей или молитвенникомъ подъ мышкою, слушалъ проповѣдь съ примѣрнымъ благоговѣніемъ. Тихій, ненавязчивый 27-лѣтній юноша, маленькаго роста, худощавый, съ ничего неговорящей, весьма обыденной наружностью, казался личностью совершенно ничтожною. А между тѣмъ, подъ этой невзрачной внѣшностью скрывался смѣлый и отчаянный духъ; эта мягкая, безобидная натура носилась въ теченіе семи лѣтъ съ страшнымъ умысломъ, выполненіе котораго откладывать долѣе было невозможно.

Францискъ Гюйонъ, этотъ кальвинистъ и сынъ замученнаго кальвиниста, былъ на самомъ дѣлѣ Бальтазаръ Жераръ, фанатическій католикъ, отецъ и мать котораго были еще живы и находились въ Бургундіи. Несовершеннолѣтнимъ юношей онъ возымѣлъ уже умыселъ убить принца Оранскаго, „который въ продолженіе всей своей жизни долженъ былъ, повидимому, остаться врагомъ католическаго короля и старался всѣми силами нарушить покой римско-католической апостольской религіи".

Какъ только принцъ Оранскій былъ объявленъ внѣ законовъ, Бальтазаръ, сгорая желаніемъ осуществить свою завѣтную мечту, уѣхалъ изъ дома и прибылъ въ Люксембургъ. Тутъ онъ узналъ, что его предупредилъ Жорегуай. Извѣстіе это обрадовало его: оно давало ему возможность не подвергаться лично опасности. Считая принца убитымъ, онъ поступилъ клеркомъ къ секретарю графа Мансфельда, губернатора Люксембурга. Вскорѣ распространилось извѣстіе о безуспѣшности покушенія Жорегуая; при этомъ извѣстіи „закоренѣлое рѣшеніе" Жерара заговорило въ немъ съ большею силою, чѣмъ когда-либо.

Въ мартѣ 1584 года Бальтазаръ покинулъ Люксембургъ и прибылъ въ Тревъ. Тутъ онъ сообщилъ свой замыселъ регенту іезуитской коллегіи. Сей достойный мужъ выразилъ полное сочувствіе предпріятію, далъ Жерару свое благословеніе и обѣщалъ сопричесть его къ лику мучениковъ, если онъ падетъ жертвою своего покушенія.

Герцогъ Пармскій давно подыскивалъ человѣка, способнаго убить принца Оранскаго. Подобно Филиппу, Гранвеллѣ и всѣмъ прежнимъ губернаторамъ, онъ сознавалъ, что это единственное средство сохранить за королемъ хоть часть страны. Время отъ времени къ нему являлись охотники до убійства съ предложеніемъ своихъ услугъ, и Александръ, герцогъ Пармскій, переплатилъ не мало денегъ разнымъ итальянцамъ, испанцамъ, шотландцамъ, англичанамъ; но всѣ они растрачивали полученныя деньги, не попытавшись на покушеніе. Наконецъ, обратился къ герцогу Пармскому съ предложеніемъ своихъ услугъ Жераръ. Этотъ маленькій бѣглый клеркъ показался, однакожъ, герцогу совершенно неспособнымъ на такое важное предпріятіе, требовавшее силы и энергіи, и, вскорѣ по полученіи его письма, онъ отпустилъ его. Но убѣжденія приближенныхъ герцога заставили его взглянуть на дѣло другими глазами, и онъ послалъ къ незнакомцу своего довѣреннаго агента разузнать о подробностяхъ замысла. Агентъ убѣдилъ Жерара изложить свой планъ письменно.

Въ письмѣ этомъ Жераръ объяснилъ, что намѣревается представиться принцу Оранскому въ Дельфтѣ, въ качествѣ сына казненнаго кальвиниста, заявить ему, что самъ горячо, хотя втайнѣ, преданъ реформатской религіи, и просить принца принять его къ себѣ на службу, чтобы этимъ избавить его отъ преслѣдованій папистовъ. Затѣмъ онъ повторялъ,

что его побудила взяться за это дѣло исключительно ревность къ вѣрѣ и истинной религіи, охраняемой пресвятой матерью, католической, апостольской и римской церковью, и усердіе къ службѣ его величества.

Безъ сомнѣнія, Жераръ былъ экзальтированный энтузіастъ, но не исключительно энтузіастъ. Онъ убѣдилъ себя, что задуманное имъ дѣло—дѣло доблестное, и нимало не страшился за его послѣдствія. Однакожъ онъ далеко не былъ такъ безкорыстенъ, какъ старался выказать себя въ письмахъ. Напротивъ того, при свиданіяхъ съ агентомъ герцога Пармскаго онъ говорилъ ему, что не имѣетъ никакихъ средствъ къ существованію и задумалъ это дѣло, чтобы обогатиться; что онъ полагается въ этомъ отношеніи на герцога Пармскаго, который, конечно, выхлопочетъ ему награду, обѣщанную тому, кто умертвитъ принца Оранскаго. Наконецъ, Жераръ приступилъ къ осуществленію своего давнишняго замысла. Пріѣхавъ въ Дельфтъ, онъ добился того, что былъ принятъ въ свиту принца Оранскаго.

10 іюля 1584 г., въ исходѣ двѣнадцатаго часа, принцъ шелъ подъ руку съ женою, въ сопровожденіи членовъ своего семейства, въ столовую. Жераръ появился на порогѣ столовой и сталъ просить паспорта. Принцессу поразила блѣдность и взволнованный видъ молодого человѣка, и она съ безпокойствомъ спросила у мужа, что это за человѣкъ. Принцъ небрежно замѣтилъ, что „это просто человѣкъ, которому нуженъ паспортъ“, и тотчасъ приказалъ своему секретарю изготовить этотъ паспортъ. Принцесса не успокоилась и замѣтила, что „никогда не видала такой непріятной наружности“. На самого Оранскаго наружность Жерара не произвела никакого впечатлѣнія, и онъ во все время обѣда сохранялъ свою обычную веселость, разговаривая преимущественно съ бургомистромъ Леварденомъ, единственнымъ гостемъ за этимъ семейнымъ обѣдомъ, о политическомъ и религіозномъ положеніи Фрисландіи. Въ два часа общество встало изъ-за стола. Выйдя изъ столовой, принцъ сталъ медленно подыматься по лѣстницѣ. Едва занесъ онъ ногу на вторую ступеньку, какъ изъ ниши вышелъ человѣкъ и, на разстояніи одного или двухъ футовъ, выстрѣлилъ въ него изъ пистолета. Три пули попали въ принца; одна изъ нихъ пронзила его навылетъ и ударилась съ силою о противоположную стѣну. Почувствовавъ рану, принцъ воскликнулъ по-французски: „О, Боже мой, умилосердись надо мной! О, Боже, умилосердись надъ этимъ бѣднымъ народомъ!“

Это были послѣднія слова, произнесенныя имъ; только когда сестра его, Екатерина Шварцбургъ, спросила его, предаетъ ли онъ душу свою Іисусу Христу, онъ глухо отвѣчалъ: „да“. Принца на минуту посадили на лѣстницѣ, гдѣ онъ тотчасъ же впалъ въ забытье. Затѣмъ его перенесли въ столовую, на диванъ, гдѣ онъ чрезъ нѣсколько минутъ испустилъ духъ на рукахъ жены и сестры.

Вильгельму Оранскому въ день его смерти былъ 51 годъ слишкомъ. Принцъ былъ погребенъ въ Дельфтѣ, оплакиваемый всѣмъ народомъ. Ничья смерть не оплакивалась такъ искренно, такъ горячо и такъ заслуженно.

Жизнь и труды принца Оранскаго дали освобожденной странѣ прочныя основанія; но смерть его отняла всякую надежду на соединеніе всѣхъ Нидерландовъ въ одну республику. Усилія недовольныхъ дворянъ, религіозные раздоры, замѣчательныя политическія и военныя способности Пармы—все соединилось вмѣстѣ съ невозвратимою смертью Вильгельма Молчаливаго, чтобы оторвать навсегда южныя и католическія провинціи

отъ сѣверной конфедераціи. Пока принцъ жилъ, онъ былъ отцомъ всей страны; Нидерланды, за исключеніемъ только валлонскихъ провинцій, составляли одно цѣлое. Несмотря на раздоры и бѣдствія продолжительной гражданской войны, страна была все-таки объединена; существовало одно сердце, одинъ руководящій умъ, на которые возлагала надежды патріотическая партія всей страны. Филиппъ и Гранвелла не ошиблись, разсчитывая на выгоды, которыя доставитъ имъ смерть принца, разсчитывая на то, что рука убійцы окажется дѣйствительнѣе всѣхъ ковъ испанскихъ и итальянскихъ дипломатовъ, всѣхъ войскъ, которыя въ состояніи выслать Испанія. Выстрѣлъ ничтожнаго Жерара уничтожилъ для Нидерландовъ возможность объединенія, тогда какъ при жизни Вильгельма было единство въ политикѣ, единство въ исторіи страны.

На слѣдующій годъ Антверпенъ, бывшій до сихъ поръ центромъ, вокругъ котораго сосредоточивались народные интересы и историческія событія, палъ передъ усиліями герцога Пармскаго. Городъ, бывшій такъ долго самою свободною и самою богатою столицею Европы, навсегда упалъ на степень провинціальнаго городка. Его паденіе, въ связи съ другими обстоятельствами, довершило окончательное отдѣленіе Нидерландовъ. Голландія и Зеландія, со смертью Оранскаго, провозгласили себя независимыми. Страна, которую Вильгельмъ навсегда освободилъ отъ гнета испанской тиранніи, продолжала существовать въ теченіе двухъ столѣтій слишкомъ, въ качествѣ большой и цвѣтущей республики, подъ послѣдовательнымъ управленіемъ его сыновей и потомковъ.

Жизнь его дала существованіе независимой странѣ, смерть опредѣлила ея границы. Еслибъ онъ прожилъ еще 20 лѣтъ, вмѣсто семи провинцій, она состояла бы, можетъ быть, изъ семнадцати; имя испанцевъ было бы забыто въ нижней Германіи и кельтической Галліи. Хотя еще двумъ поколѣніямъ пришлось пережить всѣ ужасы войны до тѣхъ поръ, пока Испанія согласилась признать ея правительство, но и до этого признанія соединенные штаты сдѣлались уже первою морскою державою и превратились въ одну изъ могущественныхъ республикъ въ мірѣ. Религіозную же и гражданскую свободу и политическую независимость страна пріобрѣла еще при жизни Вильгельма; иноземная тираннія была на вѣки сломлена на его глазахъ. Республика существовала de facto со времени провозглашенія отложенія въ 1581 г. Исторія развитія Нидерландской республики есть вмѣстѣ съ тѣмъ біографія Вильгельма Молчаливаго.

Принцъ Оранскій былъ высокаго роста, крѣпкаго и мускулистаго сложенія, довольно худощавъ. Глаза, волосы, борода были темные; цвѣтъ лица смуглый; маленькая, симметрическая, сжатая, подвижная голова обличала воина; высокій лобъ, преждевременно изборожденный морщинами— государственнаго человѣка и мудреца. Изъ нравственныхъ качествъ Оранскаго самымъ выдающимся была набожность. Онъ былъ въ высшей степени религіознымъ человѣкомъ. Упованіе на Бога поддерживало и утѣшало его въ наиболѣе тяжелыя минуты жизни. Безусловно полагаясь на благость и премудрость Всемогущаго, онъ съ улыбкою встрѣчалъ опасность и сохранялъ, при постоянныхъ трудахъ и испытаніяхъ, почти сверхъестественную ясность духа. Но, несмотря на всю свою набожность, Вильгельмъ Оранскій былъ терпимъ къ заблужденіямъ другихъ. Искренно, сознательно преданный реформатской религіи, онъ, тѣмъ не менѣе, готовъ былъ предоставить свободу вѣроисповѣданія католикамъ, съ одной стороны, анабаптистамъ — съ другой, понимая какъ нельзя лучше, что нѣтъ ничего грустнѣе религіознаго реформатора, который становится го-

нителемъ въ свою очередь. Твердость его не уступала набожности. Стойкость, съ которою онъ выносилъ на своихъ плечахъ все бремя неравной борьбы, вызывала удивленіе даже въ его врагахъ. Скала на океанѣ, „спокойная среди бушующихъ волнъ“, была любимою эмблемою, которою друзья изображали его стойкость.

Высокое званіе, почти царственное состояніе,—онъ всѣмъ пожертвовалъ для блага родины и сдѣлался почти нищимъ, былъ объявленъ внѣ законовъ. Спустя десять лѣтъ послѣ его смерти счеты его между душеприкащиками и братомъ Іоанномъ доходили до 1.400.000 флориновъ. Деньги же были взяты имъ у графа подъ залогъ различнаго недвижимаго и движимаго имущества. Кромѣ того онъ задолжалъ и всѣмъ остальнымъ своимъ родственникамъ, такъ что имущество его перешло къ дѣтямъ, обремененное долгами. Расточая на служеніе странѣ огромныя суммы денегъ и рѣшительно отказываясь отъ заманчивыхъ предложеній королевскаго правительства, онъ, съ другой стороны, доказывалъ свое безкорыстіе, упрямо отстраняясь изъ года въ годъ отъ верховной власти надъ провинціями и принявъ передъ самою смертью, когда отказъ сдѣлался совершенно невозможнымъ, только ограниченную конституціонную власть надъ тою частью провинцій, которою въ настоящее время управляютъ его наслѣдники. Онъ жилъ и умеръ не для себя, а для своей страны: предсмертныя слова его были: „Боже, умилосердись надъ этимъ народомъ!“

Умственныя способности его были сильно развиты и многосторонни. Онъ обладалъ практическими качествами великаго полководца, и друзья его утверждаютъ, что во всей Европѣ не было равнаго ему по военному генію. Отзывъ этотъ, безъ сомнѣнія, преувеличенъ личною привязанностью, но самъ императоръ Карлъ былъ высокаго мнѣнія объ его военныхъ способностяхъ. Вѣчными памятниками блестящихъ военныхъ способностей принца Оранскаго останутся его укрѣпленіе Филипевиля и Шарлемонта въ виду непріятеля, переходъ черезъ Маасъ на глазахъ Альбы, его неудачная, но превосходно задуманная кампанія противъ этого полководца, великолѣпный планъ выручки города Лейдена, начертанный имъ и успѣшно приведенный въ исполненіе подъ его руководствомъ въ то время, какъ онъ самъ лежалъ больной въ постели. Болѣе чѣмъ кто-либо обладалъ онъ великими достоинствами солдата: стойкостью въ бѣдствіи, преданностью долгу, твердостью духа въ неудачѣ. Цѣлымъ рядомъ неудачъ онъ достигъ рѣшительной побѣды. Онъ основалъ свободную республику, подъ батареями инквизиціи, наперекоръ самой могущественной монархіи. Онъ былъ побѣдителемъ въ самомъ высокомъ значеніи этого слова, потому что завоевалъ свободу и право на національное существованіе цѣлому народу.

Его политическія способности стоятъ внѣ всякаго сомнѣнія. Онъ былъ положительно первымъ государственнымъ человѣкомъ своего времени. Быстрота соображенія соединялась въ немъ съ осмотрительностью, которая побуждала его зрѣло обдумывать послѣдствія своихъ наблюденій. Онъ былъ глубокимъ знатокомъ человѣческой природы. Онъ игралъ на страстяхъ и чувствахъ великой націи, какъ на инструментѣ, и рукѣ его рѣдко не удавалось извлечь гармонію изъ самыхъ дикихъ звуковъ. Мятежный Гентъ, не признававшій надъ собой никакой власти, котораго самъ гордый императоръ не могъ сокрушить, а только обуздать, покорно смиряется подъ рукою Оранскаго. При жизни Оранскаго Гентъ былъ тѣмъ, чѣмъ долженъ бы былъ навсегда остаться—оплотомъ народной свободы, какъ прежде былъ ея колыбелью. По смерти принца онъ сдѣлался ея могилою. Умѣнье Оранскаго управлять людьми проявлялось въ самыхъ

разнообразныхъ формахъ. Онъ былъ краснорѣчивъ и говорилъ иногда съ увлеченіемъ, но предпочиталъ холодную аргументацію и всегда былъ логиченъ. Впечатлѣніе, которое онъ производилъ на своихъ слушателей, было безпримѣрно въ исторіи этой страны или эпохи; однакоже онъ никогда не унижался до лести народу, не слѣдовалъ за нимъ, а направлялъ его на путь долга и чести, и чаще громилъ пороки, чѣмъ поддѣлывался подъ страсти своихъ слушателей. Скупость, зависть, своеволіе, измѣна всегда подвергались имъ заслуженной карѣ. Онъ безстрашно являлся передъ штатами и народомъ въ минуты крайняго раздраженія ихъ и говорилъ имъ правду въ лицо. Суровый каратель общественныхъ пороковъ, слишкомъ честный для того, чтобы льстить, онъ обладалъ въ то же время краснорѣчіемъ, способнымъ увлекать и убѣждать. Онъ умѣлъ затрогивать умъ и сердце своихъ слушателей. Его рѣчи, импровизированныя или приготовленныя, его письменныя посланія къ генеральнымъ штатамъ, къ провинціальнымъ властямъ, къ городскимъ совѣтамъ, его частная переписка съ людьми всѣхъ сословій, начиная съ императоровъ и королей и кончая секретарями и даже дѣтьми, отличаются легкостью слога и полнотою мысли, силою выраженій, рѣдкою въ то время историческою эрудиціею, богатствомъ фантазіи, теплотой чувства, широтою взглядовъ, ясностью сужденія, словомъ, всѣми достоинствами, которыя поставили бы его на ряду съ лучшими мыслителями его времени, если бы онъ не оставилъ по себѣ другихъ памятниковъ, кромѣ памятниковъ своего краснорѣчія.

Усилія, предпринятыя самымъ трудолюбивымъ и дѣятельнымъ изъ тиранновъ на погибель Нидерландовъ, побороли дѣятельность самаго неутомимаго изъ патріотовъ. Трудно найти въ немъ какія-либо черты, заслуживающія серьезнаго порицанія; но враги его изобрѣли для этого весьма простой способъ; не будучи въ состояніи найти въ его характерѣ мелкихъ недостатковъ, они рѣшились очернить его цѣликомъ. Брилліантъ подъ ихъ рукою оказался поддѣльнымъ. Патріотизмъ его былъ лицемѣріемъ, самоотверженіе и великодушіе — тоже. Имъ руководило только честолюбіе, только стремленіе къ личному возвышенію. Они не пытались отрицать его талантовъ, его трудолюбія, его громадныхъ пожертвованій; они осмѣивали только мысль, что онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ безкорыстныхъ побужденій.

Одинъ Богъ знаетъ сердце человѣка; Онъ одинъ въ состояніи проникать въ запутанную сѣть человѣческихъ побужденій и открывать тайныя побужденія человѣческихъ дѣйствій. Но тщательное изученіе неоспоримыхъ фактовъ и различныхъ оффиціальныхъ и частныхъ документовъ показываетъ, что, судя, по всѣмъ видимостямъ, не было человѣка, который бы дѣйствовалъ подъ вліяніемъ болѣе безкорыстнаго патріотизма.

Былъ ли принцъ Оранскій труслив отъ природы или нѣтъ, но до самой послѣдней минуты онъ выказывалъ изумительное мужество: при осадахъ и на полѣ битвы, въ смертоносной атмосферѣ зараженныхъ эпидеміей городовъ, при истощеніи ума и тѣла усиленными трудами и тревогами, среди постоянныхъ замысловъ убійцъ—онъ ежедневно подвергался смерти во всѣхъ ея видахъ. Въ продолженіе двухъ лѣтъ было открыто пять покушеній на его жизнь. Знатность и богатство предлагались всякому злодѣю, который лишитъ его жизни. Разъ онъ получилъ почти смертельную рану въ голову. Даже и храбрый человѣкъ, поставленный въ такія условія, сталъ бы подозрѣвать ловушку на каждомъ шагу, кинжалъ въ каждой рукѣ, ядъ въ каждомъ сосудѣ. Оранскій же, напротивъ, былъ всегда веселъ и не принималъ никакихъ особыхъ мѣръ предосторож-

ности. „Господь въ своей благости,—говорилъ онъ съ безыскусственною простотою, — поддержитъ мою невинность и честь въ продолженіе моей жизни и на будущіе вѣка; я давно уже посвятилъ свое состояніе и жизнь на служеніе Ему. Онъ поступитъ, какъ Ему будетъ угодно для прославленія собственнаго имени и моего спасенія". Даже зловѣщая наружность Жерара, когда онъ въ первый разъ показался въ дверяхъ столовой, не возбудила его подозрѣній. Онъ посмѣялся пророческому страху жены при видѣ убійцы и до послѣдней минуты былъ веселъ, какъ всегда. Онъ обладалъ тѣмъ, что языческій философъ считалъ высшимъ благомъ — здоровымъ умомъ въ здоровомъ тѣлѣ. По смерти организмъ его былъ найденъ въ такомъ превосходномъ состояніи, что онъ прожилъ бы еще долго, несмотря на всѣ перенесенныя имъ испытанія. Отчаянная болѣзнь его въ 1547 г., страшная рана, нанесенная ему Жорегуа въ 1582 г., не оставили по себѣ слѣдовъ. Онъ былъ веселаго темперамента: за столомъ, умѣренныя наслажденія котораго служили ему единственнымъ отдыхомъ, онъ всегда былъ оживленъ и веселъ; эта веселость была частью естественная, частью притворная. Въ минуту самыхъ тяжелыхъ испытаній для страны онъ надѣвалъ на себя маску веселости, далеко не соотвѣтствовавшую его душевному настроенію, и эта кажущаяся веселость въ критическія минуты вызывала осужденіе со стороны тупоумныхъ глупцовъ, которые не въ состояніи были понять ея глубокаго смысла и не могли помириться съ легкомысліемъ Вильгельма Молчаливаго. Въ продолженіе всей своей жизни онъ несъ съ улыбкою бремя народнаго бѣдствія. Имя этого народа было его послѣднимъ словомъ, за исключеніемъ его простого „да", которымъ солдатъ, сражавшійся всю жизнь за правое дѣло, умирая, предалъ душу „своему великому полководцу—Христу". Народъ относился къ нему съ любовью и признательностью; онъ довѣрялъ „отцу Вильгельму", и никакая черная клевета не въ состояніи была затмить передъ нимъ блескъ высокаго ума Оранскаго, отъ котораго народъ этотъ привыкъ ждать совѣта въ минуты самыхъ тяжелыхъ бѣдствій. Онъ былъ путеводною звѣздою доблестной націи, и, когда онъ умеръ, дѣти на улицахъ плакали о немъ.

---

3. КАТОЛИЧЕСКАЯ РЕАКЦІЯ ВО ФРАНЦІИ.

LXXXIV. Гизы и Бурбоны и подготовленіе религіозно-политической борьбы партій.

(Изъ соч. Гизо: „Histoire de France à mes petits-enfants", t. III.)

Въ продолженіе и особенно въ концѣ царствованія Генриха II два враждебныя другъ другу явленія: съ одной стороны численность и ревность протестантовъ, съ другой — безпокойство, фанатизмъ и власть католиковъ, развились и выросли одновременно. Съ мая 1558 г. по іюнь 1559 г. въ Дофинэ, въ Нормандіи, въ Пуату и въ Парижѣ было совер-

шено 15 смертныхъ казней надъ еретиками. Два королевскихъ эдикта усилили строгость уголовнаго законодательства по отношенію къ протестантамъ. Для утвержденія эдиктовъ Генрихъ II, въ сопровожденіи принцевъ и королевской свиты, отправился самъ въ парламентъ (lit de justice) [1]. Въ то время уже существовало нѣкоторое разногласіе въ этомъ учрежденіи, состоявшемъ тогда изъ 130 магистратовъ: старшіе члены, засѣдавшіе въ большой палатѣ, оказались вообще строгими къ обвиненію въ ереси, младшіе же, составлявшіе такъ называемую палату Ла-Турнель, были терпимѣе. Разногласіе это обнаружилось даже въ присутствіи короля. Два совѣтника, Дюбуръ и Дюфоръ, говорили до такой степени горячо о реформахъ, по ихъ мнѣнію, необходимыхъ и законныхъ, что противники ихъ, не колеблясь, сочли ихъ за протестантовъ. Король приказалъ ихъ арестовать вмѣстѣ съ тремя ихъ товарищами. Специальные коммиссары были назначены для разслѣдованія ихъ дѣла. Одинъ изъ значительнѣйшихъ начальниковъ въ арміи, Франсуа Андело, братъ адмирала Колиньи, возбудилъ тѣмъ же гнѣвъ короля. Онъ былъ въ заточеніи въ г. Мо, когда Генрихъ II умеръ. Таковы были стремленія и взаимныя отношенія двухъ партій, когда Францискъ II, бѣдный духомъ и тѣломъ, вступилъ на престолъ.

Депутаты парламента пришли по обыкновенію поздравить новаго короля и спросить его: „Къ кому онъ прикажетъ впредь обращаться за полученіемъ его приказаній?“ Францискъ отвѣтилъ: „Съ согласія королевы, моей матери, я избралъ для управленія государствомъ двухъ моихъ дядей—герцога Гиза и кардинала лотарингскаго; на первомъ будетъ лежать обязанность заботиться о дѣлахъ военныхъ, второй же будетъ стоять во главѣ финансоваго и судебнаго вѣдомствъ“. Это былъ, дѣйствительно, его выборъ, и онъ былъ несомнѣнно сдѣланъ по совѣту его матери. Такимъ образомъ Гизы пріобрѣли всѣ милости двора, и въ то же время они пользовались огромною властью въ государствѣ.

Чтобы лучше обрисовать герцога Франциска Гиза и его брата кардинала лотарингскаго, двухъ главныхъ лицъ двора, я приведу подлинныя слова ихъ современниковъ, французскаго историка де-Ту и венеціанскаго посланника Жана Мишеля, которые знали ихъ близко и были ихъ лучшими судьями. „Кардиналъ лотарингскій,—говоритъ де-Ту,—былъ характера вспыльчиваго и жестокаго; герцогъ же Гизъ, напротивъ, мягокъ и спокоенъ. Но такъ какъ честолюбіе вообще беретъ верхъ надъ сдержанностью и справедливостью, то скоро крайніе совѣты кардинала овладѣли имъ; и самъ онъ, раздѣляя его крайнія мнѣнія, съ удивительною ловкостью и осторожностью приводилъ въ исполненіе планы, задуманные его братомъ“. Венеціанскій посланникъ входитъ въ еще большія и точныя подробности: „Кардиналъ,—говоритъ онъ,—какъ первое лицо при дворѣ, представлялъ бы собою, по общему мнѣнію, громадную политическую силу въ своемъ королевствѣ, еслибы не тѣ его недостатки, о которыхъ я буду говорить ниже. Ему всего 37-й годъ; при замѣчательномъ умѣ, онъ обладаетъ способностью схватывать съ полуслова мысль говорящаго съ нимъ. У него замѣчательная память, благородная и прекрасная осанка, рѣдкое краснорѣчіе, которое проявлялось въ особенности, когда дѣло касалось политическихъ вопросовъ. Онъ очень образованъ; знаетъ греческій, итальянскій и латинскій языки; онъ знакомъ хорошо

[1]) Такъ назывались парламентскія засѣданія въ присутствіи короля.
Прим. Ред.

съ науками, преимущественно же съ теологіей. Внѣшняя жизнь его безупречна и соотвѣтствуетъ его званію, чего нельзя сказать о жизни другихъ кардиналовъ и прелатовъ, которыхъ привычки слишкомъ безнравственны. Къ числу же его крупныхъ недостатковъ принадлежатъ постыдное корыстолюбіе, не пренебрегающее для своихъ цѣлей даже преступными средствами, и большая двуличность, вслѣдствіе которой у него развилась привычка никогда не высказывать правды. Но въ немъ были еще бо́льшіе недостатки. Онъ пользуется репутаціею человѣка обидчиваго, съ завистливымъ и мстительнымъ характеромъ, мало склоннаго къ добру. Онъ возбудилъ всеобщую ненависть, оскорбляя каждаго, насколько позволяло ему его положеніе. Что касается Гиза, старшаго изъ шести братьевъ, то о немъ можно говорить, какъ о человѣкѣ военномъ, хорошемъ военачальникѣ. Никто въ королевствѣ не далъ столько сраженій, не подвергся столькимъ опасностямъ. Всѣ хвалятъ его мужество, усердіе и настойчивость въ войнѣ, его хладнокровіе,—качество, столь рѣдко присущее французу. Онъ не вспыльчивъ и немного о себѣ думаетъ. Его личные недостатки: во-первыхъ, скупость по отношенію къ солдатамъ, а во-вторыхъ — склонность къ преувеличенію обѣщаній, при медленности въ ихъ исполненіи“.

Къ характеристикѣ кардинала лотарингскаго Брантомъ прибавляетъ, что онъ былъ, „по собственному своему выраженію, труслив отъ природы“.

Было уже достаточно пользоваться такими милостями двора и такими государственными должностями, чтобы утвердить владычество этого большого семейства и его главныхъ представителей. Но господство Гизовъ простиралось еще дальше, и корни его лежали глубоко. Стали тогда, — говоритъ де-Кастельно, одинъ изъ самыхъ умныхъ и безпристрастныхъ лѣтописцевъ XVI вѣка, — смѣшивать ересь и религіозныя распри съ дѣлами государства. Все духовенство во Франціи, почти все дворянство и народъ, исповѣдующіе римскую вѣру, смотрѣли на кардинала лотарингскаго и на герцога Гиза, какъ на посланныхъ отъ Бога для охраненія католической религіи, существующей во Франціи уже 12 столѣтій. И малѣйшее ея измѣненіе казалось имъ не только нечестіемъ, но и невозможнымъ даже безъ разрушенія цѣлости государства. Покойный король Генрихъ, во время своего пребыванія въ Экуанѣ, издалъ эдиктъ, въ іюнѣ 1559 г., по которому судьи вынуждены были осуждать всѣхъ лютеранъ на смерть; эдиктъ этотъ былъ опубликованъ и принятъ всѣми парламентами безъ какихъ бы то ни было ограниченій и измѣненій, съ запрещеніемъ для судей уменьшать наказанія, какъ они это дѣлали нѣсколько лѣтъ тому назадъ. На эдиктъ этотъ смотрѣли различнымъ образомъ. Рьяные монархисты и приверженцы государственной религіи находили, что онъ необходимъ какъ для сохраненія и поддержанія католичества, такъ и для подавленія мятежниковъ, которые подъ знаменемъ религіи старались низвергнуть политическій строй королевства. Другіе же, которые не заботились ни о религіи, ни о государствѣ, ни о благоустройствѣ, защищали этотъ эдиктъ не для того, чтобы истребить протестантовъ, такъ какъ послѣднее, по ихъ мнѣнію, могло способствовать распространенію протестантизма, а какъ средство обогатить себя конфискованными имуществами осужденныхъ, дать возможность королю уплатить 42 милл. ливровъ долга и сдѣлать еще нѣкоторое сбереженіе; кромѣ того, удовлетворить тѣхъ, которые требовали вознагражденія за оказанныя ими услуги королевству. Представителями интересовъ этихъ группъ обще-

ства, стоявшихъ подъ знаменемъ католической церкви, будь онѣ политическія или религіозныя, искренно вѣрующія или стремящіяся только къ наживѣ, были въ XVI в. Гизы. „Былъ ли хотя одинъ человѣкъ,—говоритъ протестантскій лѣтописецъ, — который не дрожалъ бы при ихъ имени?“ И дѣйствительно, акты ихъ управленія не замедлили вскорѣ подтвердить тѣ опасенія и надежды, которыя они внушали. Въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ 1559 г. экуанскій эдиктъ Генриха II былъ не только примѣненъ, но усиленъ новыми эдиктами; изъ членовъ парижскаго парламента была выбрана коммиссія, которой одной было предоставлено разслѣдованіе преступленій и проступковъ противъ католической религіи. Указомъ новаго короля, Франциска II, предписывалось немедленное уничтоженіе и разрушеніе домовъ, въ которыхъ будутъ происходить сходки протестантовъ. Кромѣ того, предписывалась смертная казнь устраивавшимъ тайныя собранія, „подъ предлогомъ религіи или подъ какимъ-либо другимъ предлогомъ“. Въ другомъ королевскомъ актѣ говорилось, что всѣ лица, даже родные, которые принимали бы къ себѣ обвиненнаго въ ереси, обязываемы были представить его правосудію; въ противномъ случаѣ они будутъ наказываемы такъ же, какъ и онъ. Послѣ этихъ мѣръ увеличилось и число осужденій и казней. Со 2-го августа до 31-го декабря 1559 г. 18 лицъ были сожжены живыми: одни за открытую ересь, другіе—за отказъ праздновать Пасху въ католической церкви и за нежеланіе присутствовать при богослуженіи, третьи — за распространеніе запрещенныхъ книгъ. Въ декабрѣ, наконецъ, пять совѣтниковъ парижскаго парламента, которые шесть мѣсяцевъ тому назадъ были, по приказанію Генриха II, арестованы и брошены въ Бастилію, были выпущены и отданы въ руки правосудія. Главный изъ нихъ Анъ Дюбуръ, племянникъ Антуана Дюбура, канцлера при Францискѣ I, защищался съ набожной настойчивостью и патріотизмомъ, рѣшившись извѣдать для оправданія себя всѣ судебныя инстанціи и вообще всѣ средства правосудія, къ которымъ только можно было прибѣгнуть, не измѣняя своей вѣры. Все указываетъ, что онъ не могъ разсчитывать на своихъ судей. Одинъ изъ нихъ, президентъ Минаръ, возвращаясь вечеромъ изъ дворца, 12-го декабря 1559 г., былъ убитъ пистолетнымъ выстрѣломъ. Убійцу не могли открыть; но это преступленіе, естественно приписанное одному изъ друзей Дюбура, послужило только къ утвержденію и къ ускоренію смерти подсудимаго. Осужденный 22 декабря, Дюбуръ выслушалъ безъ волненія свой смертный приговоръ. „Я прощаю моимъ судьямъ,— сказалъ онъ, — они судили по совѣсти, но не согласно съ исходящимъ свыше ученіемъ. Погасите ваши костры, сенаторы; обратитесь сами, живите счастливо. Думайте всечасно о Богѣ и пребывайте въ немъ“. „Послѣ этихъ словъ, записанныхъ въ протоколѣ и приведенныхъ мною здѣсь, — говоритъ де-Ту, — Дюбуръ былъ привезенъ въ телѣгѣ на Гревскую площадь; всходя на висѣлицу, онъ повторилъ нѣсколько разъ: „Боже мой, не оставь меня, да не оставлю я Тебя“. Онъ былъ задушенъ раньше, чѣмъ брошенъ въ огонь, — единственная милость, которую выхлопотали для него друзья.

Какъ только въ лицѣ Гиза, благодаря упомянутымъ эдиктамъ, католическая партія сдѣлалась господствующею и стала въ наступательное положеніе, угрожаемые протестанты приняли оборонительныя мѣры; уже и раньше въ своихъ рядахъ они имѣли великихъ начальниковъ, изъ которыхъ одни были мужественны и пылки, другіе благоразумны и даже нерѣшительны, но теперь, когда общему дѣлу угрожала опасность, всѣ принуждены

были опредѣленно высказаться. Домъ Бурбоновъ, происшедшій отъ Людовика Святого, имѣлъ въ XVI в. своихъ представителей въ лицѣ Антуана Бурбона, короля наваррскаго, мужа Жанны д'Альбре, и брата его—Людовика Бурбонна, принца Конде.

Король наваррскій, хотя и храбрый, но слабый и нерѣшительный, постоянно колебался между католичествомъ и протестантствомъ. Личныя его симпатіи были на сторонѣ протестантской партіи, къ которой королева, жена его, относившаяся сначала совершенно равнодушно, примкнула со всей страстностью пылкой прозелитки. Принцъ Конде, его братъ, юный и пылкій, часто опрометчивый и легкомысленный, сталъ, на виду у всѣхъ, во главѣ протестантскаго движенія. Такимъ образомъ, домъ Бурбоновъ явился по необходимости соперничествующимъ съ Лотарингскимъ. Двое изъ его союзниковъ, адмиралъ Колиньи и его братъ Франсискъ Андело, оба племянника коннетабля Ана де-Монморанси, происходили изъ высшей французской знати и болѣе чѣмъ кто-либо другой были способны къ войнѣ и предводительству; они оба были испытанные бойцы, прославились въ войнѣ, и оба преданы душой и тѣломъ дѣлу реформаціи, такъ что когда, при вступленіи Франциска II на престолъ, католическая партія, опираясь на большинство принадлежащихъ ей земель, руками Гизовъ захватила управленіе Франціею, протестанты сгруппировались вокругъ короля наваррскаго, принца Конде, адмирала Колиньи и подъ ихъ предводительствомъ сдѣлались хотя небольшой, но могущественной оппозиціонной партіей, способной критически относиться къ дѣламъ власти и объявить народу свободу не въ смыслѣ общаго государственнаго принципа, а въ смыслѣ свободной пропаганды своей вѣры и свободнаго ея исповѣданія.

Помимо этихъ двухъ большихъ партій, вооруженныхъ огромными силами и являющихся каждая сама по себѣ представительницей національныхъ идей и страстей, матерью короля, Екатериной Медичи, подготовлялась втихомолку еще третья, которая бы была болѣе независимой отъ общества, болѣе ей покорна, предана престолу и интересамъ двора. Эта партія составилась изъ католиковъ; она считала необходимымъ щадить протестантовъ и дѣлать имъ уступки для предупрежденія гибельныхъ для государства вспышекъ; это было нѣчто въ родѣ третейской партіи, съ точки зрѣнія нашего времени, разсчетливой и благоразумной, щедрой на обѣщанія и не всегда увѣренной въ возможности ихъ исполненія, примѣнявшейся ко всѣмъ обстоятельствамъ данной минуты, занятой болѣе всего поддержаніемъ общественнаго спокойствія и оттягиваніемъ вопросовъ, которые не могли быть разрѣшаемы миролюбиво. Въ XVI в., какъ и во всякое другое время, существенными элементами этой партіи были люди и умѣренные, и безпокойные, и алчные и изворотливые властолюбцы, старые приверженцы престола и должностныя лица, нерѣшительныя въ дѣлахъ управленія государствомъ. Коннетабль Монморанси оставлялъ иногда Шантильи для оказанія содѣйствія королевѣ-матери, къ которой онъ не питалъ никакого довѣрія, но которую во всякомъ случаѣ предпочиталъ Гизамъ; Франсуа Оливье, бывшій совѣтникъ въ парламентѣ, долгое время занимавшій должность канцлера при Францискѣ I и Генрихѣ II, призванный при Францискѣ II къ этому же посту Катериной Медичи, былъ вѣрнымъ орудіемъ этой неопредѣленной, но умѣренной политики. Умеръ онъ въ 1560 г. Катерина, съ согласія кардинала лотарингскаго, назначила канцлеромъ на его мѣсто Мишеля Л'Опиталя, лицо уже прославившееся и имѣвшее впереди великую будущность.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ вступленія на престолъ Франциска II, одно важное событіе вовлекло въ неистовую борьбу три партіи, характеръ и стремленія которыхъ только-что описаны. Господство Гизовъ было невыносимо для протестантовъ и тягостно для многихъ холодныхъ и нерѣшительныхъ людей католической знати. Эдиктъ Франциска II уничтожилъ всѣ милости и отнялъ всѣ владѣнія, данныя его отцомъ. Казна отказалась платить даже самые законные долги; кредиторы осаждали дворъ. Чтобы отъ нихъ отдѣлаться, кардиналъ лотарингскій именемъ короля издалъ повелѣніе, которымъ предписывалось: всѣмъ лицамъ, каково бы ихъ званіе ни было, пришедшимъ хлопотать о полученіи долга, милостей или вознагражденія, удалиться въ двадцать четыре часа подъ страхомъ висѣлицы; и чтобы угроза эта имѣла еще бóльшее значеніе, близъ дворца въ Фонтенебло была поставлена висѣлица. Обида была нанесена страшная. Недовольные присоединились къ протестантамъ.

И некрутыя мѣры, но постоянно повторяющіяся, переходятъ вскорѣ въ ненавистную тиранію. Согласіе водворилось между недовольными самыхъ разнообразныхъ лагерей: всѣ они говорили и распространяли повсюду, что Гизы творцы всѣхъ этихъ незаконныхъ и притѣснительныхъ мѣръ. Они соединенными силами изыскивали средства, чтобы освободиться отъ короля, котораго они ни въ какомъ случаѣ не желали задѣть. Неприкосновенность короля и отвѣтственность министровъ были двумя основными правилами свободной монархіи, усвоенными хорошо всѣми; но какъ воспользоваться ими и приложить ихъ на практикѣ, когда учрежденія, которыми гарантируется политическая свобода, потеряли силу? Протестанты и недовольные католики, всѣ требовали созванія генеральныхъ штатовъ, которые еще со времени созванія ихъ въ Турѣ, въ 1484 г. при Карлѣ VIII, оставили самыя хорошія и почтенныя воспоминанія. Но Гизы и ихъ сторонники рѣзко отвергли это требованіе. Они говорили королю, что каждый, кто только намекаетъ на созваніе генеральныхъ штатовъ, есть его личный врагъ и оскорбитель его достоинства, потому что народъ обязанъ вручать право тому, отъ кого онъ его получаетъ; допустить это, значитъ признать себя номинальнымъ королемъ.

Будучи въ такомъ недоумѣніи, недовольные, между которыми протестанты съ каждымъ днемъ становились многочисленнѣе и сильнѣе, хотѣли прибѣгнуть къ совѣтамъ величайшихъ правовѣдовъ и знаменитыхъ теологовъ Франціи и Германіи. Они спрашивали, дозволительно ли и не будетъ ли это преступленіемъ противъ личности короля, если они съ оружіемъ въ рукахъ захватятъ въ свои руки герцога Гиза и кардинала лотарингскаго и заставятъ ихъ дать отчетъ въ своихъ поступкахъ? Ученые спеціалисты отвѣчали, что незаконному господству Гизовъ должно противопоставить силу, но что дѣйствовать должно подъ покровительствомъ принцевъ крови, являющихся въ подобномъ случаѣ какъ бы прирожденными судьями государства, и не иначе, какъ съ согласія государственнаго большинства ихъ. Принцы, составлявшіе партію, противную Гизамъ, собрались въ Вандомѣ, чтобы опредѣлить, какъ держать себя при такомъ настроеніи умовъ и партій; въ этомъ собраніи участвовали: король наваррскій, его братъ принцъ Конде, Колиньи, Андело и нѣкоторые другіе изъ ихъ близкихъ друзей. Принцъ Конде предложилъ сейчасъ же взяться за оружіе и напасть врасплохъ на Гизовъ. Колиньи возсталъ противъ этого. Совершеннолѣтній король имѣетъ право, говорилъ онъ, избрать себѣ совѣтниковъ; безъ сомнѣнія, прискорбно видѣть иностранцевъ во главѣ государственныхъ дѣлъ, но во всякомъ случаѣ, чтобы отдѣлаться

отъ нихъ, не слѣдуетъ подвергать страну всѣмъ ужасамъ гражданской войны; быть можетъ, достаточно было бы довести до свѣдѣнія королевы-матери о всеобщемъ недовольствѣ. Секретарь коннетабля присоединился къ Колиньи, мнѣніе котораго одержало верхъ. Они пришли къ соглашенію, что принцъ Конде долженъ пока обуздать свою горячность, и заявили о томъ, что желали бы видѣть въ немъ начальника предпріятія, если оно осуществится; во всякомъ случаѣ до новаго указа его имя и участіе должны оставаться въ тайнѣ.

Но во главѣ дѣла, принимавшаго характеръ заговора, нужно было поставить человѣка, хотя и не столь виднаго, но болѣе рѣшительнаго. Такимъ явился Годфридъ Барри, сеньоръ ла-Реноди, знатное лицо древней фамиліи Перигоровъ, хорошо извѣстный герцогу Франсуа Гизу, подъ начальствомъ котораго онъ доблестно служилъ въ Мецѣ въ 1552 г. и который его защитилъ отъ послѣдствій прискорбнаго процесса, въ которомъ ла-Реноди былъ обвиненъ парижскимъ парламентомъ за поддѣлку и производство фальшивыхъ документовъ. Онъ охотно предложилъ свои услуги тѣмъ, кто искалъ другого предводителя, и онъ взялъ на себя обязанность объѣздить все королевство вдоль и поперекъ съ цѣлью привлечь на свою сторону людей, на которыхъ было указано. Онъ заставилъ ихъ дать слово, что всѣ они соберутся въ Нантѣ въ февралѣ мѣсяцѣ 1560 года, гдѣ, когда они собрались, онъ произнесъ ловкую и длинную рѣчь, направленную противъ Гизовъ, которая заканчивалась слѣдующими словами: „Богъ повелѣваетъ намъ покоряться королямъ даже и тогда, когда они къ намъ несправедливы, и несомнѣнно, что тѣ, которые противятся властямъ, установленнымъ Богомъ, противятся и Его волѣ. За нами то преимущество, что, исполненные покорности королю, мы идемъ только противъ измѣнниковъ его и отечества, измѣнниковъ тѣмъ болѣе опасныхъ, что они находятся внутри государства, и что именемъ короля-дитяти и облеченные его властью они вредятъ королевству и самому королю. Чтобы вы не думали, что поступаете противъ совѣсти, я охотно первый даю обѣщаніе, призывая Бога въ свидѣтели, что я не только ничего не скажу и не сдѣлаю, но даже ничего не подумаю противъ короля, королевы-матери, принцевъ, его братьевъ, и противъ его родственниковъ; что, напротивъ, я буду защищать ихъ величіе, славу, силу законовъ и свободу отечества противъ тиранніи нѣсколькихъ иностранцевъ".

Среди столькихъ людей, прибавляетъ историкъ, не нашлось ни одного человѣка, котораго оттолкнула бы эта хитрая уловка и который испросилъ бы времени для обсужденія. Пришли къ соглашенію, что прежде всего значительное число безоружныхъ и неподозрительныхъ людей должны отправиться во дворецъ и подать прошеніе королю съ мольбою объ отмѣнѣ стѣсненій свободы совѣсти и вѣры; что почти въ то же время выбранные отправятся въ Блуа, мѣстонахожденіе короля, гдѣ ихъ соучастники примутъ ихъ и представятъ королю новую просьбу, направленную противъ Гизовъ, и въ случаѣ, если послѣдніе не захотятъ удалиться и дать отчетъ въ своемъ управленіи, напасть на нихъ съ оружіемъ въ рукахъ, и, наконецъ, что принцъ Конде, дотолѣ скрывавшій свое имя, станетъ во главѣ заговорщиковъ. 15-е іюня назначено было днемъ осуществленія заговора.

Но Гизовъ увѣдомили объ угрожающей имъ опасности: одинъ изъ друзей ла-Реноди раскрылъ тайну заговора секретарю кардинала лотарингскаго; изъ Испаніи, Швейцаріи, Германіи и Италіи приходили къ нимъ извѣстія о заговорѣ, направленномъ противъ нихъ. Кардиналъ,

вспыльчивый и трусливый, хотѣлъ немедленно призвать всѣхъ къ оружію; но герцогъ, братъ его, „котораго ничѣмъ не удивишь“, былъ противъ всякой огласки. Они отвезли короля въ Амбуазскій замокъ, мѣсто болѣе безопасное, нежели Блуа. Они совѣтовались съ королевой-матерью, которой, какъ и имъ, были одинаково ненавистны и заговоръ, и самыя личности заговорщиковъ. Она написала благосклонное письмо Колиньи, въ которомъ просила его явиться въ Амбуазъ для совѣщанія. Онъ прибылъ вмѣстѣ со своимъ братомъ Андело и посовѣтовалъ королевѣ-матери возможно скорѣе предоставить протестантамъ свободу совѣсти и вѣры,—единственное средство, по его мнѣнію, уничтожить злыя намѣренія и водворить спокойствіе въ королевствѣ. Нѣкоторые совѣты его были приняты: такъ 15-го марта былъ изданъ и внесенъ въ парламентъ королевскій эдиктъ, которымъ запрещалось преслѣдованіе еретиковъ и давалась имъ амнистія за все прошлое, но съ такими оговорками, которыя уничтожали всякое значеніе этой уступки. Гизы, съ своей стороны, извѣстили конетабля Монморанси о заговорѣ. „Вы должны,—писали они,—такъ же опасаться, какъ и мы“; въ концѣ слѣдовала подпись: „Ваши всецѣло преданные вамъ друзья“. Хотя самъ принцъ Конде и узналъ, что заговоръ открытъ, тѣмъ не менѣе онъ отправился въ Амбуазъ, не подавая вида, что смутился холоднымъ пріемомъ, оказаннымъ ему тамъ лотарингскими принцами. Герцогъ Гизъ, всегда находчивый, но осторожный, „нашелъ удобный способъ испытать его личность, предоставивъ ему охранять одни изъ городскихъ воротъ Амбуаза“, гдѣ былъ за нимъ учрежденъ надзоръ. Приближенные ко двору лица дѣлали вылазки вокругъ города, чтобы предупредить всякое неожиданное нападеніе; „имъ удалось захватить нѣсколько дурно организованныхъ и плохо вооруженныхъ отрядовъ, изъ которыхъ многія лица, растерявшись, просили пощады, бросали на земь то плохонькое оружіе, которое было при нихъ, увѣряя, что они только то знали о предпріятіи, что имъ нужно собраться для участія въ подачѣ королю прошенія, касавшагося какъ его личнаго блага, такъ и блага всего королевства“.

18-го марта ла-Реноди, объѣзжая страну и собирая нужныхъ ему людей, встрѣтилъ отрядъ королевской кавалеріи, которая розыскивала заговорщиковъ; оба отряда напали другъ на друга съ ожесточеніемъ; ла-Реноди былъ убитъ, и тѣло его, перенесенное въ Амбуазъ, было вздернуто на висѣлицу на Лоарскомъ мосту, съ слѣдующей надписью: „это ла-Реноди, называемый ла-Форе, предводитель мятежниковъ, начальникъ и виновникъ возмущенія“. Послѣ этого волненіе продолжалось еще нѣсколько дней въ окрестностяхъ; во всякомъ случаѣ ударъ, направленный противъ Гизовъ, былъ отраженъ, и результатомъ амбуазскаго возмущенія, какъ его называли, былъ изданный 17-го марта 1560 года королемъ Францискомъ II указъ, по которому „Францискъ Гизъ, какъ въ отсутствіи, такъ и въ присутствіи короля его намѣстникъ, долженъ былъ считаться представителемъ его личности въ прекрасномъ городѣ Амбуазѣ и другихъ мѣстахъ королевства, съ предоставленіемъ ему полной власти, могущества, съ спеціальнымъ порученіемъ и предписаніемъ собирать принцевъ, сеньоровъ и дворянъ и вообще распоряжаться, отдавать приказы, заботиться и принимать всѣ мѣры, какія онъ сочтетъ нужными“.

Молодой король, повидимому, не переставалъ тревожиться намѣреніемъ заговорщиковъ: „я совершенно не знаю, въ чемъ дѣло,—говорилъ онъ иногда Гизамъ,—но я по слухамъ вижу, что отъ васъ чего-то желаютъ; я хотѣлъ бы, чтобы вы на время удалились отсюда для того,

чтобы можно было наконецъ узнать, желаютъ ли чего-нибудь отъ меня, или же отъ васъ". Но Гизы отклонили отъ короля эту мысль, увѣривши его, „что ни онъ, ни его братья не останутся въ живыхъ больше часу, если только они удалятся, такъ какъ домъ Бурбоновъ только и стремится къ тому, чтобы выискать удобный моментъ для истребленія королевскаго дома".

Но еще хуже то, что король и младшіе его братья явились на зрѣлище казни, какъ будто для того, чтобы еще болѣе озлобиться; осужденные на смерть были имъ указываемы кардиналомъ лотарингскимъ, который имѣлъ въ это время видъ человѣка весьма довольнаго, и если несчастные умирали стойко, онъ говорилъ: „посмотрите, ваше величество, на этихъ нахальныхъ, дерзкихъ людей; ничто въ нихъ не можетъ убить ихъ свирѣпости и спесивости. Что же сдѣлали бы они, еслибъ вы попались имъ въ руки?"

Месть и наказаніе были слишкомъ жестоки сравнительно съ преступленіемъ. Удаляясь отъ одного изъ этихъ отвратительныхъ зрѣлищъ, герцогиня Гизъ, Анна д'Эсте, герцогиня Феррарская, сказала Катеринѣ Медичи: „Ахъ, сударыня, какая страшная гроза ненависти собирается надъ головами моихъ несчастныхъ дѣтей!" Дѣйствительно, въ значительной части королевства сильная ненависть кипѣла противъ Гизовъ; одинъ изъ казненныхъ ими, Вильмонже, за минуту до смерти, погрузивъ руки въ кровь своихъ товарищей, произнесъ: „Отецъ небесный, вотъ кровь дѣтей твоихъ, ты отмстишь за нее!" Даже канцлеръ Оливье, столь долго привязанный къ Гизамъ, но въ это время сильно заболѣвшій и заботившійся о спасеніи души своей, сказалъ про себя, когда кардиналъ лотарингскій уходилъ отъ него: „Кардиналъ, ты привлечешь проклятія на наши головы".

Между тѣмъ, таинственный предводитель амбуазскаго заговора, принцъ Люи Конде, оставался неприкосновеннымъ, находясь въ самомъ городѣ Амбуазѣ; всѣ удивлялись его безпечности. Во всякомъ случаѣ, онъ получилъ приказаніе не удаляться; бумаги его были захвачены великимъ прелатомъ; хладнокровіе и гордость не оставляли его ни на минуту.

Мы заимствуемъ изъ „Исторіи принцевъ Конде" герцога Омальскаго разсказъ о появленіи Конде предъ королемъ Францискомъ II, окруженнымъ всѣмъ совѣтомъ, въ присутствіи двухъ королевъ, кавалеровъ ордена и важнѣйшихъ государственныхъ сановниковъ:

„Чтобы я могъ удостовѣриться, — сказалъ онъ, — что у меня есть враги, которые желаютъ, во что бы то ни стало, гибели моей и друзей моихъ и которые стоятъ весьма близко къ королю, я его умоляю сдѣлать мнѣ милость выслушать меня въ присутствіи всѣхъ лицъ, здѣсь засѣдающихъ. Итакъ, я объявляю, что, за исключеніемъ его личности, братьевъ его, королевы-матери и царствующей королевы, всѣ тѣ, которые донесли на меня, будто я былъ начальникомъ и коноводомъ мяжежникомъ, составившихъ заговоръ противъ личности короля и всего государства, нахально и безсовѣстно лгали. А потому, слагая съ себя званіе принца крови, ниспосланное мнѣ Богомъ, я силою оружія заставлю ихъ признаться въ томъ, что они всѣ трусливы, подлы и сами желаютъ низвергнуть государство и престолъ, защитникомъ котораго я долженъ быть, естественно, въ большей мѣрѣ, нежели мои обвинители. Если есть между присутствующими здѣсь хотя одинъ, кто сдѣлалъ на меня донесеніе, и если онъ не желаетъ отъ него отказаться, то пусть объявитъ объ этомъ сейчасъ же".

Послѣ этихъ словъ герцогъ Гизъ, поднявшись съ своего мѣста, заявилъ, что онъ не можетъ допустить, чтобы подобная грязная клевета могла оставаться надъ головой столь великаго принца, и предложилъ ему себя, какъ мстителя за его оскорбленную честь. Такимъ образомъ, Конде, воспользовавшись эффектомъ, который произвела его рѣчь на присутствующихъ, попросилъ позволенія удалиться и, получивши его, немедленно удалился.

Казалось, все было кончено; однако Франція была сильно потрясена послѣдними событіями, и хотя въ XVI столѣтіи не было еще правильно организованныхъ учрежденій, которые бы давали народу возможность вмѣшательства въ свои дѣла, тѣмъ не менѣе въ этомъ вмѣшательствѣ уже чувствовалась потребность повсюду, даже при дворѣ, который также хотѣлъ узнать настроеніе общественнаго мнѣнія; со всѣхъ сторонъ слышались требованія о созваніи генеральныхъ штатовъ. Гизы и королева-мать, которые боялись этого большого и независимаго національнаго могущества, пытались удовлетворить общество созваніемъ собранія нотаблей, которое было численностью гораздо меньше и члены котораго избирались самими Гизами. Собраніе это состоялось къ 21-му августа 1560 г. въ Фонтенебло, во дворцѣ королевы-матери. Здѣсь участвовали знатныя лица, нѣсколько епископовъ, коннетабль Монморанси, два маршала, государственные секретари и секретари финансовъ, канцлеръ Л'Опиталь и Колиньи. Король наваррскій и принцъ Конде ничего не отвѣтили на приглашеніе явиться. Коннетабль же отправился въ сопровожденіи конной свиты въ 600 лошадей. Въ первый день собранія канцлеръ Л'Опиталь сообщилъ о бѣдствіяхъ, въ которыя ввержена Франція, Гизы же заявили о готовности своей дать отчетъ въ своемъ управленіи и въ своихъ дѣйствіяхъ. На другой день, въ тотъ моментъ, когда архіепископъ валенскій приготовился говорить, Колиньи подошелъ къ королю, преклонилъ дважды колѣни и выразилъ въ сильныхъ и рѣзкихъ выраженіяхъ порицаніе амбуазскаго заговора и всякаго, подобнаго этому послѣднему, предпріятія, причемъ представилъ королю два прошенія: одно на собственное имя короля, а другое — на имя королевы-матери: „Оба эти прошенія, — сказалъ онъ, — были мнѣ вручены въ Нормандіи вѣрными христіанами, обращающими съ истиннымъ благочестіемъ свои молитвы къ Богу. Они только просятъ свободы вѣры, разрѣшенія имѣть свои храмы и свободно отправлять свое богослуженіе въ назначенныхъ для этой цѣли мѣстахъ. Въ случаѣ надобности, это прошеніе будетъ подписано пятьюдесятью тысячами человѣкъ". „Что касается меня, — грубо прервалъ его герцогъ Гизъ, — я найму милліонъ подписей къ противоположному прошенію". Тѣмъ и закончилась эта размолвка. Далѣе рѣчь шла о желательныхъ церковныхъ реформахъ, о созваніи вселенскаго собора, или, если это невозможно, то хотя національнаго. За кардиналомъ лотарингскимъ осталось послѣднее слово, которымъ онъ рѣзко напалъ на прошеніе, поданное адмираломъ Колиньи. „Выражаясь осторожно и почтительно, — сказалъ онъ, — прошеніе это въ своей основѣ дерзко и мятежно: оно показываетъ намъ, что люди эти будутъ покорны и послушны только тогда, когда король удовлетворитъ ихъ дурнымъ желаніямъ". „Впрочемъ, — прибавилъ онъ, — такъ какъ дѣло идетъ только объ исправленіи нравовъ и о водвореніи порядка, то соборъ, по моему мнѣнію, будь онъ вселенскій или національный, совершенно излишенъ. Я подаю голосъ за созваніе генеральныхъ штатовъ".

Мнѣніе кардинала лотарингскаго было принято королемъ, королевой-матерью и собраніемъ. Эдиктомъ 26-го августа было объявлено созваніе

генеральныхъ штатовъ въ городѣ Мо на 10 декабря. Что касается вопроса о вселенскомъ или національномъ соборѣ, то его оставили на разрѣшеніе папы и епископовъ Франціи, а до тѣхъ поръ объявили, что наказаніе еретиковъ откладывается, но что король предоставляетъ себѣ и своимъ судьямъ право строго карать тѣхъ, кто былъ причиной народныхъ волненій и мятежа. „Такимъ образомъ,—прибавляетъ де-Ту,—протестантская религія, до того времени такъ сильно ненавидимая, стала мало-помалу до нѣкоторой степени терпимой и даже, какъ будто, получила государственную санкцію".

Выборы въ генеральные штаты были чрезвычайно бурны; всѣ партіи устремились туда съ одинаковой горячностью: съ одной стороны, Гизы, соединявшіеся въ одно съ католической партіей и употреблявшіе всѣ силы для одержанія верха, съ другой же — протестанты, взывавшіе къ правамъ свободы и къ страстямъ еретиковъ, раздраженіе которыхъ было особенно сильно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи.

Во время этой избирательной борьбы, въ Провансѣ, въ Дофинэ, графствѣ Авиньонскомъ и въ Ліонѣ произошло нѣсколько возмущеній, въ которыхъ возставшіе съ оружіемъ въ рукахъ взяли нѣсколько городовъ и нарушили общественное спокойствіе. Это еще не было начало религіозной междоусобной войны, но это уже было подготовленіе къ ней, симптомы ея.

LXXXV. Религіозныя войны во Франціи во 2-й половинѣ XVI в.

(По соч. Густава Эрве «Исторія Франціи и Европы,» переводъ подъ редакціей В. И. Яковенко.)

Въ началѣ царствованія Карла IX часть католиковъ и часть протестантовъ готовы были вступить въ борьбу: у каждой изъ нихъ были свои вожди.

Гизы явились опорою церкви и всѣхъ католиковъ; это были богатые лотарингскіе дворяне, имѣвшіе доступъ ко двору во время послѣднихъ царствованій; старшій изъ нихъ Францискъ Гизъ—искусный генералъ; младшій — лотарингскій кардиналъ, одинъ изъ самыхъ богатыхъ прелатовъ церкви.

Во главѣ протестантской партіи были два принца крови изъ семейства Бурбоновъ: старшій Антуанъ Бурбонъ, король Наваррскій, жена котораго, Жанна д'Альбре, была ревностной протестанткой, и принцъ Кондэ, гораздо болѣе дѣятельный, чѣмъ его старшій братъ. Одною изъ наиболѣе свѣтлыхъ личностей въ этой партіи былъ адмиралъ Колиньи,—знаменитая фамилія того времени; это былъ суровый кальвинистъ, человѣкъ испытаннаго мужества и честности.

Сначала правительство пыталось поддерживать равновѣсіе между двумя партіями; власть была тогда въ рукахъ Екатерины Медичи, вдовы Генриха II, регентши на время несовершеннолѣтія молодого Карла IX, которому было только 10 лѣтъ. Впрочемъ, ей пришлось управлять государствомъ и во все время царствованія Карла IX, такъ какъ онъ, достигнувъ совершеннолѣтія, былъ слишкомъ занятъ празднествами и кутежами, чтобы отнестись серьезно къ своимъ обязанностямъ короля. Екатерина Медичи была хитрая итальянка, богомольная безъ истинной вѣры,

сверхъ всего тщеславная и стремящаяся къ власти; покинутая Генрихомъ II, устраненная отъ дѣлъ при жизни мужа, она ненавидѣла Гизовъ, могущество которыхъ набрасывало на нее тѣнь. Поэтому, гораздо болѣе, по причинамъ политическимъ, чѣмъ вслѣдствіе вѣротерпимости, она, изъ ненависти къ Гизамъ, въ теченіе двухъ лѣтъ (1561—1562) позволяла одному изъ своихъ министровъ, канцлеру Мишелю Лопиталю, быть умѣреннѣе по отношенію къ гугенотамъ (таково было насмѣшливое прозвище, данное кальвинистамъ).

Мишель Лопиталь, изъ древней судейской фамиліи, имѣлъ великодушное сердце и свѣтлый умъ. Онъ произвелъ благородную и смѣлую попытку ввести религіозную терпимость. „Къ чему,—говорилъ онъ,—столько убійствъ и пытокъ? Одаренные добродѣтелью и чистыми нравами, будемъ сопротивляться ереси при помощи милосердія, молитвъ и слова Божія... Ножъ не устоитъ противъ ума. Уничтожимъ эти дьявольскія названія, лютеране, гугеноты, паписты, имена партій и мятежа; но будемъ искать прекраснаго имени христіанина". Его поступки соотвѣтствовали его словамъ. Лопиталь созвалъ католиковъ и протестантовъ для совѣщанія въ тѣхъ видахъ, чтобы они подъискали почву для соглашенія: теологи обѣихъ церквей, собравшись въ Пуасси, не нашли ничего лучшаго, какъ поругаться. Эта неудача не помѣшала канцлеру, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, объявить общую амнистію по всѣмъ дѣламъ о еретикахъ и открыть всѣ пути реформаторамъ, которымъ онъ возвращалъ свободу вѣроисповѣданія, кромѣ тѣхъ городовъ, въ которыхъ можно было ожидать волненій.

Къ несчастью, избіеніе въ Васси уничтожило его усилія.

Герцогъ Францискъ Гизъ, возвращаясь въ Парижъ, ѣхалъ изъ Лотарингіи, по примѣру вельможъ того времени, съ многочисленной свитой дворянъ. Дорогой, въ одно изъ воскресеній, онъ остановился близъ Васси, деревни въ Шампаніи, чтобы послушать обѣдню, которую служилъ его капелланъ. Во время службы, въ отдаленіи послышалось пѣніе, раздававшееся изъ сарая, въ которомъ около тысячи протестантовъ собрались на молитву. Герцогъ приказалъ заставить этихъ еретиковъ замолчать. Протестанты отказались. Тогда герцогъ и его свита, со шпагами въ рукахъ, бросились на этихъ несчастныхъ безоружныхъ: 60 изъ нихъ было убито и 200 ранено.

Избіеніе въ Васси было сигналомъ для гражданской войны, продолжавшейся тридцать лѣтъ (1563—1593 г.)

Война имѣла ожесточенный характеръ, которымъ всегда сопровождаются междуусобныя войны, особенно войны религіозныя, когда фанатизмъ удесятеряетъ жестокость партій. Это не была правильная война: нападали городъ на городъ, замокъ на замокъ, домъ на домъ; каждая сторона часто избивала своихъ плѣнниковъ.

Два человѣка особенно отличались своей жестокостью: католикъ Блезъ де Монлюкъ, „королевскій мясникъ", въ Лангедокѣ и Гіеннѣ, и протестантъ Адрэ—въ Провансѣ и Дофинэ. Первый однажды велѣлъ повѣсить 70 человѣкъ на столбахъ рынка, „что привело въ ужасъ всю страну, потому что одинъ повѣшенный страшнѣй ста убитыхъ". Убѣжденный въ этомъ, онъ умножилъ повѣшеніе. „Можно было легко узнать дорогу, по которой онъ шелъ, потому что признаки находились на ближайшихъ деревьяхъ".

Баронъ Адрэ пользовался подобной же репутаціей. Послѣ взятія Монбризона онъ велѣлъ обезглавить половину защитниковъ города, а

остальныхъ заставилъ прыгать съ высокой башни на острія солдатскихъ пикъ. Одинъ изъ этихъ несчастныхъ два или три раза пробовалъ и не рѣшался сдѣлать прыжокъ. „Однако ты тяжелъ на подъемъ!"—сказалъ ему Адрэ. „Эхъ, господинъ баронъ, въ такой игрѣ я вамъ дамъ десять очковъ впередъ". Эта острота его спасла.

Въ обоихъ лагеряхъ находились фанатики, которые прибѣгали къ убійствамъ, чтобы отдѣлаться отъ вождей противной стороны; Францискъ Гизъ былъ убитъ въ 1563 г. подъ Орлеаномъ, который осаждалъ, а Кондэ былъ просто застрѣленъ изъ пистолета, въ Жарнакѣ (1569) въ концѣ сраженія, въ которомъ былъ взятъ въ плѣнъ. Въ каждой партіи находились куплетисты, которые прославляли такіе подвиги или сочиняли жертвамъ сатирическія эпитафіи.

Наконецъ, обѣ стороны обратились съ воззваніями къ иностранцамъ. Протестанты получили могущественную помощь отъ единовѣрцевъ Англіи и Германіи, тогда какъ сторону католиковъ принялъ испанскій король.

Екатерина Медичи кончила тѣмъ, что превзошла звѣрствомъ самыхъ свирѣпыхъ людей той и другой партіи. Она организовала Варѳоломеевскую ночь (24 августа 1572 г.)

Послѣ смерти Франциска Гиза въ 1563 г. Екатерина Медичи, вообразившая, что съ этого времени партія Гизовъ будетъ не такъ опасна, стала смотрѣть на протестантовъ, какъ на мятежниковъ и еретиковъ. Лопиталь былъ лишенъ милостей, и она начала преслѣдовать гугенотовъ со всей ненавистью деспота и ханжи. Но несмотря на пораженіе и смерть Кондэ при Жарнакѣ (1569), протестантская партія оставалась опасною: пришлось заключить съ нею миръ въ Сенъ-Жерменѣ, который упразднялъ всѣ прежніе эдикты противъ протестантовъ, разрѣшалъ имъ свободу вѣроисповѣданія по деревнямъ и въ двухъ городахъ каждой провинціи и, наконецъ, давалъ имъ четыре укрѣпленныхъ мѣста, называвшихся „безопасными", какъ гарантію въ исполненіи договора (1570).

При дворѣ появилось снова много протестантскихъ сеньоровъ. Между ними былъ адмиралъ Колиньи, который скоро пріобрѣлъ большое вліяніе на Карла IX. Молодой Генрихъ Наваррскій, сынъ Антуана Бурбона и Жанны д'Альбрэ, былъ женихомъ Маргариты Валуа, сестры короля. Папа не одобрялъ этого брака протестанта къ католичкой. „Если папа будетъ слишкомъ упрямиться,—сказалъ Карлъ IX,—то я возьму Марго за руку и поведу ее къ вѣнцу всенародно". И папа уступилъ. При дворѣ только и говорили о великомъ проектѣ, внушенномъ королю адмираломъ Колиньи: католики и французскіе протестанты, отнынѣ, союзники, пойдутъ вмѣстѣ вслѣдъ за королемъ отнимать у испанскаго короля Нидерланды, которые тогда возстали противъ него.

Но партія Гизовъ не дремала. Она значительно воспрянула духомъ съ тѣхъ поръ, какъ во главѣ ея сталъ герцогъ Генрихъ, сынъ Франциска Гиза. 22 августа Колиньи былъ опасно раненъ изъ пистолета однимъ изъ клевретовъ Гизовъ.

Первымъ движеніемъ Карла IX было отомстить за того, кого онъ называлъ своимъ отцомъ; но въ дѣло вмѣшалась Екатерина Медичи. Королева-мать завидовала Колиньи и протестантскимъ вождямъ, находя, что они имѣютъ теперь слишкомъ большое вліяніе на ея сына. Побѣжденный настояніями матери, подавленый страхомъ лишиться трона, онъ разрѣшилъ всеобщее истребленіе протестантовъ „Но убейте ихъ всѣхъ—прибавилъ онъ,—чтобы никого не осталось, кто бы упрекнулъ меня въ этомъ".

Въ ночь на 24 августа, дня святого Варѳоломея, когда забили на-

бать въ церкви Сенъ-Жерменъ л'Оксефруа, толпы ханжей, дворянъ и черни, подъ предводительствомъ Гиза и его друзей, проникли въ отмѣченные заблаговременно мѣломъ дома гугенотовъ, и рѣзня началась. Раненый Колиньи былъ пронзенъ шпагой дворяниномъ изъ свиты Генриха Гиза, и его окровавленное тѣло было выброшено изъ окна. Генриху Наваррскому дарована была жизнь подъ условіемъ отречься отъ кальвинизма. Было убито около 3000 протестантовъ въ Парижѣ и 20000 въ провинціи, куда были посланы приказанія губернаторамъ. Мишель Лопиталь умеръ отъ горя, узнавъ объ этихъ звѣрствахъ. Во всемъ католическомъ мірѣ во Франціи и заграницей, напротивъ, восхваляли Варѳоломеевскую ночь; Карлъ IX, явившись на засѣданіе въ парламентъ, гордо потребовалъ оправданія себѣ за содѣянное, не желая предоставлять эту славу Генриху Гизу.

Варѳоломеевская ночь для короля и для католиковъ оказалась безполезнымъ преступленіемъ. Протестанты, озлобленные еще болѣе жаждою мести, опять взялись за оружіе. Генрихъ Наваррскій, которому удалось бѣжать отъ двора, сталъ во главѣ ихъ вмѣсто Колиньи. Это былъ превосходный воинъ съ веселымъ нравомъ гасконца и удивительною способностью увлекать войска мужественнымъ краснорѣчіемъ, остроуміемъ и примѣромъ. Въ 1576 году король Генрихъ III, два года передъ этимъ вступившій на престолъ своего брата Карла IX, былъ принужденъ заключить съ протестантами миръ на гораздо болѣе выгодныхъ для нихъ условіяхъ, чѣмъ тотъ, который былъ заключенъ до Варѳоломеевской ночи: помимо свободы вѣроисповѣданія и крѣпостей, удержанныхъ въ залогъ, ихъ главнымъ вождямъ дозволялось управлять нѣсколькими провинціями.

Тотчасъ же послѣдовалъ взрывъ негодованія со стороны экзальтированныхъ католиковъ. Такъ какъ король отказывался поддерживать истинную религію, то католикамъ слѣдуетъ соединиться и самимъ продолжать до крайности борьбу съ ересью. Съ этою цѣлью они основали Святую лигу. Сѣверное и восточное дворянство вступило въ нее съ энтузіазмомъ и собралось подъ знамя Генриха Гиза. Лига не особенно разрасталась до 1584 года. Но послѣ смерти молодого брата короля, наслѣдника престола, потому что Генрихъ III, хотя и давно былъ женатъ, не имѣлъ дѣтей, ближайшимъ наслѣдникомъ престола становился Генрихъ Наваррскій.

Итакъ, французскимъ королемъ долженъ былъ сдѣлаться гугенотъ! Такая переспектива побудила почти все населеніе большихъ городовъ вступать въ лигу: оно побуждалось къ тому пламенными проповѣдями священниковъ, монаховъ и іезуитовъ, которые твердили о священной войнѣ. Парижъ тотчасъ же раздѣлился на шестнадцать кварталовъ, выбравшихъ каждый себѣ по вождю, а союзъ шестнадцати составилъ революціонное правительство, опиравшееся на парижскую милицію. Тогда лига возмечтала посадить на престолъ своего вождя Генриха Гиза, отъ котораго была въ восторгѣ.

Въ это время новый король Франціи Генрихъ III, занимался кутежами со своими любимцами, окруженный дворомъ, который, благодаря распущенности нравовъ, сдѣлался неприличнымъ мѣстомъ. Еще болѣе изнѣженный, чѣмъ Карлъ IX, онъ находилъ пріятными только дѣтскія или женскія забавы; онъ покрывалъ себя драгоцѣнностями, обливался духами, проводилъ цѣлые часы, играя со своими собачками или попугаями. Время отъ времени имъ овладѣвало стремленіе къ набожности: въ одеждѣ кающагося, онъ расхаживалъ вечеромъ по улицамъ при свѣтѣ

факеловъ въ сопровожденіи монаховъ, которые, по его приказанію, бороздили хлыстомъ его спину. Преждевременно истасканный удовольствіями, онъ былъ не способенъ принять какое-нибудь мужественное рѣшеніе, чтобы вывести свое государство изъ печальнаго положенія, въ которомъ оно находилось. Единственными орудіями его были хитрость и ложь. Поэтому онъ могъ только продолжать коварную политику своей матери: натравливать одну партію на другую въ надеждѣ, что онѣ погубятъ другъ друга. Не имѣя достаточно силъ въ своемъ распоряженіи, онъ принужденъ былъ согласиться на требованіе лиги созвать генеральные штаты и объявить, что съ новою силою возобновитъ борьбу съ ересью. Дѣйствительно, штаты собрались въ Блуа (1588); они были исключительно составлены изъ лигистовъ; тамъ громко говорили о низложеніи короля и въ то же время объявили рѣшающую власть штатовъ въ вопросѣ о налогахъ; они присвоили себѣ также право объявленія войны, заключенія мира и контроля надъ администраціей. Герцогъ Гизъ явился туда, и между нимъ и королемъ произошло нѣчто похожее на примиреніе. Когда нѣсколько дней спустя герцогъ былъ приглашенъ въ покои короля, то дворяне, поджидавшіе его рядомъ въ корридорахъ, искололи его шпагами. Братъ его, кардиналъ лотарингскій, былъ казненъ на слѣдующій день.

Тогда Парижъ возсталъ по призыву своихъ проповѣдниковъ. Генриху III ничего не оставалось болѣе, какъ соединиться съ Беарнэ, своимъ ближайшимъ наслѣдникомъ, который приближался во главѣ протестантской арміи. Они вмѣстѣ двинулись на Парижъ и осадили его; но монахъ Жакъ Клеманъ заколол Генриха III кинжаломъ (1589).

Съ тѣхъ поръ борьба сосредоточилась между Парижемъ, защищаемымъ испанскими войсками изъ Нидерландовъ, и гугенотами подъ предводительствомъ Беарнэ, получавшими нѣкоторое подкрѣпленіе изъ Англіи. Три раза, начиная съ 1589 по 1592 г. онъ осаждалъ столицу и три раза долженъ былъ снять осаду. Парижане мужественно переносили голодъ, а испанцы изъ Нидерландовъ всегда являлись во время, чтобы впустить въ городъ людей и снабдить его съѣстными припасами. Населеніе было возбуждено цѣлой фалангой монаховъ, поддерживавшихъ въ немъ ненависть къ гугенотамъ; однажды во время осады они устроили огромную процессію, имѣвшую цѣлью подѣйствовать на умы: шествіе открывали 1300 монаховъ, со шпагами на боку, съ бердышами на плечахъ, въ латахъ, надѣтыхъ сверхъ рясы, съ пѣніемъ воинственныхъ гимновъ.

Между тѣмъ огромное большинство населенія начинало тяготиться этими войнами, которыя разоряли и обагряли кровью страну въ теченіе 30 лѣтъ. Многіе изъ католиковъ, которымъ героическое сопротивленіе протестантовъ и жестокости, вродѣ Варѳоломеевской ночи, открыли, наконецъ, глаза, стали умѣреннѣе благодаря этимъ горькимъ урокамъ. Они поняли теперь благоразуміе Лопиталя. Они были готовы принять Генриха IV и удовлетворить гугенотовъ, если бы были увѣрены, что ихъ не заставятъ силою перейти въ кальвинизмъ. Ихъ прозвали политиками. Ихъ партія, сперва робко выступавшая послѣ Варѳоломеевской ночи, стала увеличиваться съ каждымъ днемъ. Въ рѣзкомъ анонимномъ памфлетѣ „Сатира Мениппэ“ буржуа этой партіи даже разоблачили лигу и тщеславіе ея вождей.

Что же касается фанатическихъ католиковъ и духовенства, то имъ некого было противопоставить Беарнэ; бывшій во главѣ лиги Генрихъ Гизъ не нашелъ себѣ замѣстителя. Его братъ Майеннъ не былъ популяренъ. Испанскій король Филиппъ II предложилъ въ королевы Франціи

свою дочь, внучку Генриха II, генеральнымъ штатамъ въ 1593 г., состоявшимъ изъ членовъ лиги; но лигисты не осмѣлились зайти такъ далеко.

Если бы Беарнэ согласился перейти въ католичество, то Парижъ, даже Парижъ лиги, готтовъ былъ отъ изнеможенія сложить оружіе. И Беарнэ это понялъ. Его вѣра кальвиниста не была слишкомъ глубока, а Парижъ, въ его глазахъ, стоилъ хорошей обѣдни. Въ 1594 г. онъ рѣшился сдѣлать „опасный прыжокъ",—какъ онъ выражался, т.-е. отречься. Парижъ тотчасъ же открылъ ему свои ворота.

Нантскій эдиктъ, который онъ сумѣлъ навязать всѣмъ, положилъ конецъ религіознымъ войнамъ (1598); протестанты получили свободу совѣсти и право отправлять всюду свое богослуженіе, за исключеніемъ нѣсколькихъ большихъ городовъ, въ которыхъ можно было опасаться безпорядковъ; они получили право занимать всякія должности; въ каждомъ парламентѣ одна палата, полупартійная, т.-е. составленная изъ половины судей католиковъ и протестантовъ, должна была съ этихъ поръ рѣшать всѣ ихъ дѣла; они имѣли право черезъ каждые три года собираться въ общія собранія для устройства своихъ церковныхъ дѣлъ; наконецъ, въ виду того, что они составляли меньшинство среди враждебно настроеннаго къ нимъ народа, имъ было дано шесть укрѣпленныхъ пунктовъ на югѣ.

Итакъ, чтобы католики убѣдились въ правѣ каждаго человѣка исповѣдовать ту религію, которая ему нравится, понадобилась гражданская война въ теченіе 30 лѣтъ, т.-е. 30 лѣтъ рѣзни и разореній; да и пришли то они къ этому убѣжденію, въ силу необходимости. Однако, многіе католики все еще не складывали оружія. Іезуиты никогда не могли простить Генриху IV этого эдикта вѣротерпимости; они затѣвали нѣсколько покушеній на его жизнь, и одно изъ нихъ удалось. Въ 1610 г. Генрихъ IV былъ убитъ монахомъ Равальякомъ.

LXXXVI. Варѳоломеевская ночь.

(Изъ соч. Лучицкаго: „Феодальная аристократія и кальвинисты во Франціи", т. I.)

Около двухъ часовъ ночи, въ день св. Варѳоломея (24 августа), на колокольнѣ церкви С. Жерменъ ударили въ набатъ. То былъ сигналъ начинать рѣзню и истреблять еретиковъ, „этихъ враговъ Бога и короля".

Король, его мать, герцогъ Анжуйскій, вмѣстѣ съ нѣсколькими членами тайнаго совѣта, уже находились на одномъ изъ балконовъ Лувра. Они явились сюда посмотрѣть на начало рѣзни.

Карлъ IX болѣе не колебался. Его сомнѣнія были устранены, и Екатеринѣ Медичи еще вечеромъ 23 августа удалось добиться у него разрѣшенія убить адмирала. Около полуночи она одна, въ сопровожденіи лишь придворной дамы, сошла въ кабинетъ своего сына. Она хорошо знала его характеръ, его самолюбіе и раздражительность, его нелюбовь къ серьезнымъ занятіямъ, привычку жить чужимъ умомъ и то безграничное повиновеніе, которое онъ всегда оказывалъ ей. Поддерживаемая членами тайнаго совѣта, явившимися вслѣдъ за нею, она въ нѣсколько

минутъ порѣшила все дѣло. „Вы отказываете намъ!“ сказала она въ концѣ бесѣды, „такъ дайте мнѣ и вашему брату позволеніе удалиться!“ Король задрожалъ. „Ваше величество,—обратилась къ нему его мать,—неужели вы отказываете въ своемъ согласіи изъ-за страха передъ гугенотами“? Это было слишкомъ сильнымъ ударомъ. Екатерина Медичи попала въ слабую струну сына. Какъ ужаленный, вскочилъ онъ съ мѣста... Его самолюбіе, самолюбіе короля, которому еще съ дѣтства успѣли внушить высокое понятіе о могуществѣ французскаго короля, о безграничности его правъ, было слишкомъ сильно уязвлено. Ему ли бояться гугенотовъ?

„Par la mort de Dieu!—вскричалъ онъ въ бѣшенствѣ.—Вы находите полезнымъ убить адмирала? Если такъ, убивайте, убивайте всѣхъ гугенотовъ, чтобы ни одинъ изъ нихъ не могъ впослѣдствіи упрекать меня!“

Слова были произнесены, приказъ данъ. Отступать назадъ едва ли было возможно, да и Екатерина Медичи, торопившая все и всѣхъ, врядъ ли бы допустила до этого своего сына.

Для рѣзни все было приготовлено. Между важнѣйшими членами католической знати были распредѣлены городскіе кварталы. Гизамъ достался адмиралъ и гугенотская знать, жившая подлѣ Лувра; герцогу Монпансье—самый Лувръ. Солдаты были поставлены подъ ружье. Вдоль Сены, по улицамъ, около жилища адмирала, согласно приказу короля, былъ разставленъ отрядъ изъ 1.200 стрѣлковъ. Марселю, городскому головѣ, позванному въ Лувръ, король самъ, лично, въ присутствіи своей матери, Гизовъ и итальянцевъ, далъ приказъ вооружить горожанъ. Городскія ворота должны быть заперты, лодки — прикрѣплены цѣпями къ берегу рѣки, артиллерія — стоять наготовѣ на Гревской площади. При звукѣ набатнаго колокола всѣ должны быть готовы. Горожане съ ружьями въ рукахъ, съ бѣлымъ платкомъ на рукѣ и съ такимъ же крестомъ на шляпѣ, должны выйти на улицу. Всѣ окна освѣтить, на улицѣ зажечь факелы.

Къ часу ночи всѣ приготовленія были окончены. Приказъ о вооруженіи горожанъ, разосланный по всѣмъ кварталамъ и конфреріямъ Парижа, былъ исполненъ во всей точности.

Уже вооруженныя толпы стали показываться на улицахъ, производя непривычный въ подобное время шумъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ горѣли факелы.

Нѣсколько человѣкъ, изъ числа живущихъ подлѣ Лувра гугенотскихъ дворянъ, выбѣгаютъ на улицу, узнать причину этого движенія взадъ и впередъ, этого шума и стука, производимаго оружіемъ. Они спрашиваютъ и бѣгутъ въ Лувръ.

У воротъ дворца стоялъ наготовѣ небольшой отрядъ гасконцевъ. Они не упускаютъ случая пошутить надъ бѣгущими гугенотами. Завязывается ссора, и нѣсколько человѣкъ падаютъ мертвыми у воротъ дворца короля, давшаго такія торжественныя обѣщанія, клявшагося въ безопасности гугенотовъ.

То были первыя жертвы рѣзни. Кровь была пролита, и пролита въ ту минуту, когда Гизъ съ цѣлою свитою направлялся къ дому адмирала.

Колиньи еще не спалъ... Онъ бесѣдовалъ съ окружающими его кровать гугенотами. Его умъ былъ далекъ отъ всякихъ подозрѣній. Даже шумъ, послышавшійся со стороны Лувра, онъ приписалъ какой-нибудь весьма обыкновенной выходкѣ Гизовъ. Но на этотъ разъ его предположенія обманули его. Шумъ послышался подлѣ дверей его дома, въ ком-

нату вбѣжалъ Корнатонъ и разсказалъ все... Адмиралъ поднялся съ постели, и всѣ бросились на колѣни. „Молитесь за меня,—сказалъ онъ спокойно своему пастору,—я давно ожидалъ этого“, и, обратясь къ дворянамъ, онъ просилъ ихъ спасать свою жизнь. „Я предаю духъ мой Богу“, произнесъ онъ и оперся на стѣну. Въ комнатѣ остался лишь слуга адмирала, нѣмецъ; всѣ остальные убѣжали. Швейцарцы, защищавшіе входъ, были оттѣснены, дверь въ комнату была выломана, и въ нее ворвалась шайка убійцъ подъ предводительсвомъ Бема.

„Вы адмиралъ?“ спросилъ Бемъ.

„Я,—спокойно отвѣчалъ Колиньи:—Молодой человѣкъ, ты долженъ уважать мои сѣдины, мои раны. Ты не можешь сократить дни моей жизни“.

Его слова были напрасны. Не успѣлъ онъ произнесть ихъ, какъ шпага Бема пронзила его насквозь. Другимъ ударомъ Бемъ поразилъ его въ голову. Въ то же мгновеніе десятокъ шпагъ засверкали надъ головою Колиньи. Онъ былъ весь израненъ.

Между тѣмъ, Гизъ ожидалъ внизу у балкона исхода предпріятія.

„Все кончено, Бемъ?“—спросилъ онъ.

„Все“,—отвѣчалъ Бемъ.

„Выбрось его тѣло. Мы хотимъ посмотрѣть на него сами“.

Колиньи былъ выброшенъ. Онъ не былъ мертвъ. Въ предсмертныхъ судорогахъ схватился онъ рукою за перила балкона, но новый, уже смертельный ударъ повергъ его тѣло на землю, къ ногамъ его смертельнаго врага.

Въ это время раздался ударъ набатнаго колокола. Окна домовъ освѣтились, по улицамъ зажгли факелы. Было свѣтло, какъ днемъ. Колиньи лежалъ израненный, кровь залила лицо, и нельзя было разсмотрѣть его. Герцогъ Ангулемскій отеръ платкомъ кровь, и Гизъ узналъ врага своего дома, убійцу своего отца. „Это онъ!“—вскричалъ Гизъ, ударяя его тѣло ногою.

Между тѣмъ, изъ домовъ вышли вооруженные горожане. Громадная толпа окружила тѣло адмирала. „Они собрались сюда, какъ собираются въ варварійскихъ пустыняхъ гнусныя животныя вкругъ издохшаго льва“. Всѣ они были страшно раздражены проповѣдями своихъ священниковъ противъ гугенотовъ. А тутъ Гизъ, ихъ любимецъ, еще больше возбудилъ толпу своими рѣчами. „Смѣлѣе, братцы!—кричалъ онъ:—Дѣло начато хорошо. Пойдемъ къ другимъ. Такъ приказалъ король, такова его воля!“ По рукамъ ходили печатные листки съ воззваніемъ къ горожанамъ: „Господа горожане и обыватели! Всѣ проклятые гугеноты составили заговоръ противъ религіи, короля, королевскаго семейства и Гизовъ, чтобы управлять по образцу Женевы и устроить республику. Заговоръ открытъ. Воля короля—вырвать это проклятое сѣмя, уничтожить этихъ ядовитыхъ змѣй!“ Раздраженная толпа встрѣтила призывъ рукоплесканіями. Разбившись на отряды, подъ предводительствомъ солдатъ и знати, она разсыпалась по городу, и рѣзня началась.

Парижъ представлялъ ужасающую картину: стукъ оружія, выстрѣлы, проклятія и угрозы убійцъ смѣшивались со стонами жертвъ, мольбами о пощадѣ, плачемъ женщинъ и дѣтей... По улицамъ ежеминутно раздавались крики: „бей, бей ихъ!“ Не давали пощады ни женщинамъ, ни дѣтямъ, ни старымъ, ни молодымъ. Кучи труповъ валялись по улицамъ, загромождая ворота домовъ. Двери, стѣны, улицы были забрызганы кровью. А тутъ ежеминутно бѣгали солдаты и знать и возбуждали къ рѣзнѣ.

Гугеноты нигдѣ не находили спасенія. Ихъ дома были извѣстны. Накапунѣ сдѣлана была перепись всѣмъ гугенотамъ. Вооруженныя толпы врывались въ дома и никому не давали пощады. Ларошфуко, другъ короля, его любимецъ, съ которымъ онъ еще вечеромъ игралъ въ мячъ, былъ убитъ на порогѣ своей спальни. Онъ вышелъ отворять двери убійцамъ, считая ихъ посланными отъ короля. Даже Лувръ не представлялъ охраны для гугенотовъ. Изъ комнатъ короля наваррскаго и принца Конде выводили на Луврскій дворъ гугенотскихъ дворянъ и безпощадно убивали ихъ въ виду короля, пригласившаго ихъ въ Лувръ и увѣрявшаго въ полной безопасности. Напрасны были ихъ мольбы о пощадѣ, напоминавшія о гарантіяхъ. „Король смотрѣлъ изъ окна на убійство, подобно Нерону, созерцавшему объятый пламенемъ Римъ", и... молчалъ. Даже болѣе. Видя бѣгущихъ мимо оконъ гугенотовъ, спасавшихся отъ смерти, онъ самъ схватилъ ружье и выстрѣлилъ въ нихъ.

Вездѣ, по комнатамъ и коррпдорамъ дворца, бѣгали солдаты, отыскивая гугенотовъ, а въ Парижѣ въ это время рѣзня была въ полномъ разгарѣ. По улицамъ громадная толпа черни тащила тѣло Колиньи. Ему отрубили голову и послали ее въ Римъ. Толпа удовольствовалась и туловищемъ. Она издѣвалась надъ нимъ, уродовала его, наконецъ, потащила въ Монкофонъ и тамъ повѣсила его за ноги, „за отсутствіемъ головы", какъ говорится въ одной католической пѣснѣ. Разсказывали, что самъ король отправился въ Монкофонъ посмотрѣть на Колиньи. Тѣло начало разлагаться, страшная вонь заставила придворныхъ заткнуть носъ. Одинъ лишь король не послѣдовалъ ихъ примѣру. „И вонь отъ врага пріятна", сказалъ онъ, обращаясь къ свитѣ. Знать смѣшивалась съ презираемою ею чернью, придворные протягивали руки ворамъ, и все это вмѣстѣ шло убивать гугенотовъ. Страстямъ было открыто свободное и широкое поле, и всякій могъ теперь достигнуть желаемаго. Не разбираютъ больше, гугенотъ или нѣтъ то лицо, которое убиваютъ. Нужно или удовлетворить чувству мщенія и вражды, или захватить побольше денегъ. При полной разнузданности страстей нѣтъ никакихъ гарантій для кого бы ни было, никто не сдерживаетъ ихъ разлива. На одной улицѣ толпа мальчишекъ, изъ которыхъ старшему было не болѣе десяти лѣтъ, тащила тѣло маленькаго ребенка.

Но не успѣла рѣзня прекратиться въ Парижѣ, какъ въ провинціяхъ начали разыгрываться подобныя же сцены. Ко всѣмъ губернаторамъ провинцій были посланы курьеры съ приказаніями отъ короля не щадить гугенотовъ. Рѣзня началась съ города Мо, гдѣ еще съ 26 августа католики прибѣгли къ оружію. Съ 27 августа и до первыхъ чиселъ сентября гугенотовъ истребляли въ Труа. По улицамъ города бѣгалъ нѣкто Белэнъ, одинъ труаскій купецъ, взывавшій именемъ короля, въ силу личныхъ его приказаній, къ рѣзнѣ. Гугенотовъ убивали безпощадно. Жана Роберта побили камнями, и это избіеніе продолжалось во все то время, пока онъ, собирая послѣднія силы, бѣжалъ къ бальи города. Въ Орлеанѣ жестокость дошла до крайнихъ предѣловъ. „Всю ночь только и слышны были выстрѣлы, звукъ ломающихся дверей и оконъ, ужасающіе вопли убиваемыхъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, топотъ лошадей, стукъ повозокъ, гулъ толпы, страшныя проклятія убійцъ, опьянѣвшихъ отъ своихъ подвиговъ". Со среды утра, въ теченіе цѣлой недѣли, убивали гугенотовъ, совершая страшныя, едва вообразимыя жестокости. Надъ гугенотами издѣвались, ихъ спрашивали, гдѣ ихъ Богъ, отчего онъ не спасаетъ ихъ? Католики заставляли ихъ заносить руку на своихъ едино-

вѣрцевъ. Въ Ліонѣ гугенотовъ вывели изъ тюрьмы и немедленно убили всѣхъ. Ихъ трупы были брошены въ Рону, и черезъ то въ Арлѣ, гдѣ они скопились въ большомъ числѣ, вода испортилась до того, что нѣсколько дней нельзя было пить ее. Въ Буржѣ, Сомюрѣ, Анжерѣ, Руанѣ, Тулузѣ и др. городахъ повторились тѣ же сцены. Вооруженныя толпы отправлялись изъ городовъ въ мѣстечки и деревни, отыскивали и тамъ гугенотовъ и не давали имъ пощады.

Громадно было число жертвъ: въ одномъ Парижѣ воля короля погубила болѣе десяти тысячъ человѣкъ, а во всей Франціи гугеноты насчитывали до ста тысячъ погибшихъ собратій.

Между тѣмъ, въ Парижѣ католики праздновали свою побѣду, „блестящій тріумфъ христіанской церкви надъ ея врагами“, „правый судъ Божій надъ такъ называемымъ Гаспаромъ Колиньи, нѣкогда бывшимъ сеньоромъ Шатильонъ и адмираломъ Франціи“. Мѣсто обѣдовъ, банкетовъ, маскарадовъ и баловъ заступили процессіи, благодарственные молебны. Блестящіе костюмы придворныхъ были вытѣснены на улицахъ черными сутанами. Самъ король участвовалъ въ молебствіяхъ, являлся на мессы „благодарить Бога за прекрасную побѣду, одержанную надъ еретиками“. На перекресткахъ и вездѣ по улицамъ продавались брошюрки съ описаніемъ рѣзни, эпитафіи, элегіи, тріумфальныя оды, дискурсы и т. п. Изъ Рима, отъ короля Испаніи, были присланы поздравленія съ совершеніемъ столь великаго дѣла. Въ честь короля была даже выбита медаль, съ надписью: „Charles IX, dompteur des rebelles 24 août 1572 a.“.

Но король не рѣшился сразу взять на себя отвѣтственность за совершеніе „великаго дѣла“. 24 августа онъ разослалъ повсюду, къ губернаторамъ, мэрамъ и консуламъ городовъ, къ иностраннымъ дворамъ, письма, въ которыхъ заявлялъ, что несчастіе, случившееся въ Парижѣ, произошло вслѣдствіе возбужденія Гизами волненій въ народѣ. Онъ умывалъ руки въ совершеніи столь „плачевнаго“ событія.

А между тѣмъ, въ тотъ же самый день онъ позвалъ къ себѣ короля наваррскаго и принца Конде и со всею горячностью, на какую онъ былъ способенъ, потребовалъ отъ нихъ принятія католицизма, отреченія отъ ереси. „Я не терплю въ моемъ государствѣ иной религіи, кромѣ религіи моихъ предковъ! Месса или смерть? Выбирайте!“ Генрихъ Наваррскій изъявилъ немедленно полную готовность идти къ мессѣ, Конде отказалъ наотрѣзъ; но угрозы короля и увѣщанія пастора Розье склонили и его къ принятію католицизма. Партія лишилась важнѣйшихъ своихъ вождей.

Два дня спустя, 26 августа, послѣ торжественной мессы, король, въ сопровожденіи двора, явился въ парижскую палату, бывшую пэровъ, и здѣсь, въ полномъ засѣданіи парламента, торжественно объявилъ, что все происшедшее въ Парижѣ совершилось не только въ силу его согласія, но и вслѣдствіе его личнаго желанія и приказанія, что отвѣтственность за все онъ беретъ на себя. Его заявленіе было разослано повсюду и навсегда утвердило за нимъ право считаться творцомъ рѣзни.

Но король объявилъ и причину, въ силу которой онъ рѣшился на подобную мѣру. Не изъ-за религіознаго разномыслія, не изъ желанія водворить католицизмъ и уничтожить „religion pretendue réformée“ онъ приказалъ убить Колиньи. Напротивъ, онъ дозволялъ гугенотамъ свободно исповѣдывать религію, совѣтовалъ жить мирно подъ охраною его эдикта. Рѣзня была вынуждена самимъ Колиньи. Съ своими друзьями онъ составилъ заговоръ, съ цѣлью убить его, короля, и все его семей-

ство и овладѣть королевствомъ. Противъ Колиньи и его сообщниковъ былъ начатъ въ парламентѣ процессъ. Колиньи былъ лишенъ званія дворянина, его имущество было конфисковано, всѣ данныя ему званія и отличія сняты, его дѣти объявлены крестьянами. Два его сообщника казнены. Король присутствовалъ при ихъ казни. Была ночь, и онъ приказалъ освѣтить эшафотъ факелами, чтобы наблюдать за ихъ состояніемъ и выраженіемъ лица. А между тѣмъ, въ письмахъ къ губернаторамъ провинцій онъ требовалъ обращенія гугенотовъ въ католицизмъ, заявлялъ, что не допускаетъ иной религіи, кромѣ католической. По его приказу, была составлена даже формула отреченія.

Какія же цѣли преслѣдовала власть, совершая это „неслыханное въ лѣтописяхъ исторіи злодѣяніе?" Какихъ выгодъ могла ожидать она отъ своей жестокости?

Цѣль (по мнѣнію гугенотовъ) существовала и была широко задумана. Власть, усиливавшаяся все болѣе и болѣе, стремившаяся сломать произволъ и насилія дворянъ, ограничившая даже въ извѣстной степени права дворянства, задумала теперь привести къ окончанію всю эту многовѣковую работу, однимъ ударомъ покончить съ старымъ порядкомъ вещей,—порядкомъ, за который такъ много крови пролило дворянство, защищая его на поляхъ Тайллебурга и Монтлери.

Власть, стремившаяся къ прочному и неограниченному утвержденію во Франціи, уже давно въ двухъ тайныхъ совѣтахъ работала надъ проектомъ, имѣвшимъ цѣлью уничтожить аристократію. Первый изъ этихъ совѣтовъ былъ совѣтъ короля, иначе тайный, составленный изъ него самого, его матери и брата, графа Реца, Бирага и другихъ. На этомъ совѣтѣ старались убѣдить короля, что миръ дотолѣ не будетъ упроченъ въ его государствѣ, пока будутъ живы главные дѣятели смутъ. Три лиги, говорили они, образовались во Франціи: Монморанси, Шатильоны и Гизы. Своими частными, домашними распрями они до того взволновали государство, что мира не будетъ, если факціи эти останутся нетронутыми. Но, чтобы возможно лучше помочь злу, необходимо начать съ адмирала Колиньи, потому что нѣтъ возможности выносить гордыя притязанія простого дворянина, возвеличеннаго милостями короля, потому что съ его смертью падаетъ партія. Убійство адмирала поведетъ къ возстанію въ Парижѣ, и враждующіе дома перерѣжутъ другъ друга. Когда все будетъ покончено, останутся принцы крови. Но справиться съ ними уже не составитъ особаго труда. Ихъ можно окружить вѣрными людьми и постоянно удерживать въ повиновеніи.

Но истребленіемъ лишь вождей факціи цѣль далеко не достигалась. За ними стояли другіе дѣятели, большею частью потомки древнихъ аристократическихъ родовъ, лица, обладавшія достаточнымъ количествомъ силъ для оппозиціи и борьбы съ властью. Не уничтожить ихъ, значило совершить дѣло лишь вполовину. Необходимо уничтожить всякую оппозицію въ государствѣ, создать неограниченную монархію.

Надъ разработкою этого проекта трудился совѣтъ королевы-матери, составленный лишь изъ трехъ лицъ. Екатерина Медичи была вполнѣ способна къ совершенію подобнаго дѣла. Еще съ дѣтства, въ своей семьѣ, погубившей свободу Флоренціи, она успѣла напитаться доктринами Макіавелли, полюбить тиранню. Теперь ей представлялась обширная арена. Свои идеи о неограниченности власти она могла примѣнить къ болѣе обширному, чѣмъ Флоренція, государству.

Екатерина Медичи на своемъ совѣтѣ выработала рядъ мѣръ, веду-

щихъ къ укрѣпленію государства. Было постановлено не допускать во Франціи другихъ сеньоровъ, кромѣ тѣхъ, которые будутъ созданы самою королевою, не давать имъ возможности возвыситься до того, что королева не будетъ въ состояніи уничтожить ихъ въ случаѣ возстанія, препятствовать образованію иной знати, кромѣ создаваемой изо дня въ день, обязанной вполнѣ власти, не могущей вести споры изъ-за большей или меньшей древности рода. Что же касается принцевъ, то ихъ слѣдуетъ забавлять и не допускать до занятія государственными дѣлами. Кромѣ того, должно заполнить должности иностранцами, разрушить всѣ замки и крѣпости, отнять гарантированные гугенотамъ города, утвердить католическую религію и постараться отдѣлаться отъ такихъ сильныхъ домовъ, какъ Шатильоны, Монморанси и Гизы.

Таково было, въ общихъ чертахъ, то впечатлѣніе, какое произвела на гугенотовъ Варѳоломеевская ночь; такою представлялась она имъ и съ внѣшней, и съ внутренней стороны, какъ по отношенію къ тѣмъ побужденіямъ, которыя заставили власть рѣшиться на такой страшный шагъ, такъ и въ отношеніи ея совершенія.

Убѣжденія и просьбы короля заставляютъ гугенотовъ явиться въ Парижъ. Пріемъ, оказанный имъ, обѣщанія, какія даетъ имъ король, значеніе, какимъ они пользуются, все это вмѣстѣ производитъ на нихъ сильное дѣйствіе. Съ полнымъ довѣріемъ относятся они къ дѣйствіямъ и поступкамъ короля. А между тѣмъ, все это оказывается фальшью, обманомъ. Король надѣваетъ на себя маску, скрывавшую самыя тираническія цѣли. Онъ втихомолку готовитъ имъ полную гибель, желаетъ уничтожить ихъ не только какъ секту, но и какъ правоспособное, привилегированное сословіе. А главное, уничтожая ихъ, онъ думаетъ уничтожить и всю аристократію вообще. Лаская ихъ одною рукою, онъ другою самъ, по собственной инціативѣ, направляетъ противъ нихъ ножъ убійцы, подготовляетъ неслыханную рѣзню. По его личному приказу во всей Франціи совершается избіеніе гугенотовъ, „неслыханное въ лѣтописяхъ исторіи", и кальвинистская партія лишается черезъ то громадной массы своихъ послѣдователей.

LXXXVII. Религіозные мирные эдикты Генриха III 1576—77 гг. и Нантскій эдиктъ Генриха IV.

(Составлено по соч. Анри Мартена: „Histoire de France".)

Послѣ многолѣтней междоусобной борьбы религіозно-политическихъ партій гугеноты, руководимые Генрихомъ Наваррскимъ, добились-было, наконецъ, отъ слабаго Генриха III силою оружія религіозной терпимости и даже признанія за ними не только гражданскихъ, но и политическихъ правъ наравнѣ съ католиками. Наиболѣе рельефнымъ выраженіемъ этого временнаго торжества гугенотовъ былъ вынужденный ими у Генриха III (который, впрочемъ, въ своей борьбѣ съ лигою и самъ считалъ необходимымъ усилить для противовѣса партію гугенотовъ) религіозный мирный эдиктъ, изданный въ маѣ 1576 года въ Шатенуа, снова подтвержденный, хотя съ нѣкоторыми ограниченіями, мирнымъ эдиктомъ въ Бержеракѣ въ сентябрѣ 1577 года.

Въ силу мирнаго эдикта 1576 года, гугеноты получили такія права, какими еще никогда до этого времени не пользовались: имъ даровалась полная свобода богослуженія во всемъ государствѣ, безъ всякихъ ограниченій мѣстомъ и временемъ, за исключеніемъ одного только Парижа и мѣстопребыванія двора; протестантовъ разрѣшено было допускать ко всѣмъ должностямъ. Для разбирательства дѣлъ, возникшихъ между гугенотами и такъ называемыми соединенными католиками (des catholiques-unis) или партіею политиковъ, при восьми парламентахъ Франціи учреждены были особыя камеры, такъ называемыя chambres-mi parties, или смѣшанныя палаты, члены которыхъ избирались поровну изъ лицъ обѣихъ религій. Главные вожди гугенотовъ, король Наваррскій, принцъ Конде и Данвиль, были возстановлены въ своихъ должностяхъ, званіяхъ и владѣніяхъ; тайными статьями договора за ними утверждалось право быть губернаторами Пикардіи, Гіэнн и Лангедока, и имъ даны были обширныя права и полномочія, дѣлавшія ихъ какъ бы независимыми владѣтелями ихъ провинцій; далѣе, мирный эдиктъ короля Генриха III гласилъ, что безпорядки и крайнія проявленія жестокости, совершенные 24 августа 1572 года и въ слѣдующіе затѣмъ дни въ Парижѣ и въ другихъ городахъ, произошли вопреки желанію короля и къ его великому неудовольствію, и что всѣ приговоры, произнесенные противъ гугенотовъ, начиная съ Генриха II, будутъ уничтожены. Мало того, въ обезпеченіе эдикта правительство дало губенотамъ на неограниченное время восемь городовъ (places de sûreté) въ Лангедокѣ, Гіэнн, Дофинэ, Оверни и Провансѣ и, сверхъ того, обязалось не ставить своихъ гарнизоновъ и не назначать губернаторовъ во всѣ города, принадлежащіе гугенотамъ внутри государства. Единственными статьями мирнаго эдикта 1576 года, которыя могли еще сколько-нибудь смягчить унизительность мирныхъ условій для католической партіи, были—сохраненіе обязательности для протестантовъ взноса десятины въ пользу католическаго духовенства и возвращеніе ему церковныхъ имуществъ, которыми владѣли гугеноты.

Таково было положеніе, занятое гугенотами въ силу пятаго религіознаго мира. Но раздоры, возникшіе уже вскорѣ между вождями гугенотовъ и переходъ нѣкоторыхъ изъ нихъ на сторону католиковъ (какъ, напр., Данвиля и герцога Анжуйскаго) дали возможность правительству уже на слѣдующій годъ послѣ изданія религіознаго эдикта въ Шатенуа нѣсколько ограничить выгоды, пріобрѣтенныя гугенотами мирнымъ эдиктомъ, изданнымъ въ Бержеракѣ.

Въ силу этого эдикта, свободное отправленіе богослуженія было ограничено для гугенотовъ, кромѣ тѣхъ городовъ, которыми они уже владѣли, еще однимъ городомъ въ каждомъ округѣ (байльяжѣ или сенешальствѣ). Но феодальной знати разрѣшалось, какъ въ предшествующемъ эдиктѣ, право повсемѣстнаго отправленія богослуженія, за исключеніемъ лишь Парижа и мѣстопребыванія двора съ ихъ окрестностями на протяженіи двухъ миль. Кромѣ того, при всѣхъ парламентахъ должны были быть учреждены новыя смѣшанныя палаты, въ которыхъ извѣстное число должностей президентовъ и совѣтниковъ должно было принадлежать протестантамъ. Города, уступленные протестантамъ въ видѣ обезпеченія ихъ правъ по миру 1576 года, протестанты имѣли право удержать за собою въ теченіе шести лѣтъ. Всѣ остальныя статьи Бержеракскаго эдикта были согласны съ соотвѣтствующими статьями мирнаго эдикта 1576 г., за исключеніемъ ограничительной статьи, которою уничтожались и отмѣнялись всякія лиги, общества и братства, существующія и будущія подъ

какимъ бы то ни было предлогомъ, вопреки настоящему эдикту, съ формальнымъ запрещеніемъ дѣлать отнынѣ безъ разрѣшенія короля складчины, денежные сборы, укрѣпленія, наборы, устраивать сборы и сходки, подъ страхомъ строгаго наказанія.

Но эдиктъ 1577 года не удовлетворилъ ни католиковъ, ни протестантовъ. Въ глазахъ католической партіи эдиктъ этотъ былъ громадной уступкой и нечестивой сдѣлкой, въ глазахъ же протестантовъ—не болѣе, какъ компромиссомъ, и если уступкой, то уступкой крайне ничтожной. Къ тому же протестанты жаловались, и не безъ основанія, что эдиктъ этотъ, въ примѣненіи его, утратилъ все свое значеніе, благодаря различнымъ трактатамъ, заключеннымъ съ лигистами, и недоброжелательству магистратовъ и королевскихъ чиновниковъ относительно гугенотовъ. Отдѣльные договоры, заключенные съ сеньерами и городами лиги, противорѣчащіе обѣщаніямъ, которыя были даны гугенотамъ представителями католической партіи, изгоняли совершенно реформатское богослуженіе изъ множества городовъ и округовъ и совершенно устраняли протестантовъ отъ всѣхъ должностей.

Такъ, провансальскіе лигисты требовали, чтобы реформатское богослуженіе было изгнано изъ всего Прованса, а парламентъ города Э (Aix) воспретилъ отправленіе этого богослуженія подъ страхомъ смертной казни. Правда, другіе парламенты были снисходительнѣе, но они все-таки не допускали протестантовъ на свои парламентскія скамьи; прочія учрежденія, и въ томъ числѣ низшія судебныя учрежденія, слѣдовали тому же примѣру: гугенотовъ исключали изъ муниципальныхъ или городскихъ учрежденій, изъ корпорацій, изъ школъ; захватывали и сжигали ихъ книги, преслѣдовали ихъ даже тогда, когда они отправлялись на молитву въ дозволенныя для того мѣста, заставляли ихъ почитать обряды римской церкви. Вопреки эдикту 1577 года, ихъ дѣтей-сиротъ похищали съ цѣлью воспитанія въ духѣ католической вѣры. Смѣшанныя палаты, предназначенныя для разбора столкновеній, возникшихъ между католиками и протестантами, вездѣ, за исключеніемъ Лангедока и Парижа, существовали только по имени. Королевскіе казначеи не платили чиновникамъ изъ гугенотовъ жалованья и не выдавали содержанія гарнизонамъ городовъ, данныхъ гугенотамъ въ обезпеченіе ихъ правъ (places de sûreté).

Таково было положеніе гугенотовъ не только при Генрихѣ III, но еще и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ по вступленіи на престолъ Генриха IV. Въ тѣхъ случаяхъ, когда распоряженія короля клонились въ пользу гугенотовъ, они оставляемы были безъ вниманія его собственными чиновниками. Легко себѣ представить раздраженіе, вызванное такими мѣрами въ гугенотахъ. Не желая вникнуть въ затруднительное положеніе короля, поставленнаго между отличавшимся крайней нетерпимостью большинствомъ католиковъ и неугомоннымъ большинствомъ гугенотовъ, послѣдніе винили въ своемъ положеніи главнымъ образомъ Генриха IV и громогласно заявляли объ его несправедливости. Для противодѣйствія католикамъ гугеноты еще тѣснѣе сплотились, упрочивъ свою старую федеративную организацію, старались расположить въ свою пользу вельможъ и народъ, занимать новые военные посты, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ имъ принадлежало господство, въ свою очередь, всячески препятствовали католикамъ въ отправленіи ихъ богослуженія; они обезпечили себя взаимною помощью и искали покровительства у чужеземныхъ единовѣрцевъ своихъ. Генеральныя собранія гугенотовъ слѣдовали почти безъ перерыва одно за другимъ. Не получая удовлетворенія

отъ короля на свои жалобы, гугеноты были близки къ тому, чтобы формально отказаться отъ эдикта 1577 г., какъ ничтожнаго и искаженнаго, и искать для себя опоры въ условіяхъ перемирія 1589 года.

Но допустить, чтобы гугеноты ставили такое соглашеніе, по принципу, выше королевскаго эдикта, значило создать какъ бы государство въ государствѣ. Генрихъ IV, встревоженный этимъ, объявилъ, что онъ, съ своей стороны, позаботится объ изысканіи средствъ для удовлетворенія протестантовъ.

Но такъ какъ въ дѣйствительности еще долгое время ничего не было сдѣлано въ пользу гугенотовъ, то это побудило послѣднихъ отправить снова депутацію къ королю въ Руанъ, гдѣ онъ находился по случаю созванія нотаблей. Гугеноты требовали, чтобы трактаты, заключенные съ лигистами и приносящіе имъ много вреда, были уничтожены. Старанія ихъ не увѣнчались успѣхомъ. При полученіи извѣстія о взятіи Амьена, самые пылкіе изъ гугенотовъ хотѣли овладѣть Туромъ, чтобы принудить короля удовлетворить всѣмъ ихъ требованіямъ. Трудно было благоразумнымъ людямъ сдержать эти горячія головы. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1597 года Генрихъ IV назначилъ для переговоровъ съ протестантами де-Шемберга, графа Нантскаго, и историка де-Ту, бывшаго тогда президентомъ парижскаго парламента. Оба они вели переговоры съ генеральнымъ собраніемъ гугенотовъ, собравшимся въ Луденѣ, до конца 1597 года. Дѣло стало выясняться только послѣ отнятія Амьена. Генрихъ наконецъ почувствовалъ въ себѣ достаточно силы, чтобы рѣшить вопросы, которые уже тянулись столько времени. 6 декабря 1597 года онъ письменно пообѣщалъ реформаторамъ оставить за ними, въ продолженіе восьми лѣтъ, всѣ тѣ пункты, которые они занимали, содержать въ этихъ мѣстахъ на свой счетъ реформатскіе гарнизоны, въ количествѣ приблизительно около четырехъ тысячъ человѣкъ, и допускать подданныхъ къ должностямъ безъ различія вѣроисповѣданій. Несмотря на все это, споръ продолжался еще четыре мѣсяца по поводу разныхъ другихъ вопросовъ, и только къ 15 апрѣля 1598 года въ Нантѣ Генрихъ IV подписалъ знаменитый эдиктъ, который заканчиваетъ собою долгій періодъ религіозныхъ войнъ.

Замѣчательно особенно вступленіе къ этому эдикту. Генрихъ, чтобы зажать ротъ папѣ и ревностнымъ католикамъ, мотивируетъ эдиктъ, во-первыхъ, необходимостью обезпечить возстановленіе католическаго богослуженія въ мѣстностяхъ, гдѣ оно не могло быть еще возстановлено (въ Беарнѣ, ла-Рошели, Нимѣ и Монтобанѣ), и, во-вторыхъ, обязанностью пещись о своихъ такъ называемыхъ реформатскихъ подданныхъ. „Онъ медлилъ,—говоритъ онъ,—до сихъ поръ, потому что установленіе законовъ не согласовалось съ ожесточеніемъ междоусобной войны. Но теперь, когда Богу угодно было ниспослать намъ покой, которымъ мы пожелали воспользоваться наилучшимъ образомъ..., мы считаемъ нужнымъ пещись о томъ, чтобы Его святое имя могло быть прославляемо всѣми нашими подданными, и если выраженіе этого чувства невозможно въ формѣ только одной вѣры, то пусть, по крайней мѣрѣ, существуетъ оно если не въ одинаковой внѣшней формѣ, то въ одинаковомъ направленіи, и изъ-за этого не должно происходить споровъ и неурядицъ“. Итакъ, онъ рѣшился издать для всѣхъ своихъ подданныхъ „всеобщій, ясный, безусловный законъ“, эдиктъ „вѣчный и непреложный“, и молитъ Бога вразумить ихъ, что въ почитаніи этого закона заключается, послѣ обязанностей по отношенію къ Богу и королю, главный залогъ ихъ союза, мира, спокойствія и приведенія государства къ его первоначальному цвѣтущему состоянію“.

Такъ называемые реформаторы должны были, слѣдовательно, получить право поселяться во всѣхъ мѣстахъ государства, не будучи принуждаемы поступать противъ своей совѣсти. Свободное отправленіе богослуженія было сохраняемо или возстановляемо не только во всѣхъ тѣхъ городахъ, гдѣ оно было разрѣшено съ 1596 по 1597 г., но и въ тѣхъ, гдѣ оно было дозволено эдиктомъ 1577 года; мало того, даже въ тѣхъ городахъ или мѣстечкахъ, гдѣ оно было допущено окружнымъ судомъ или сенешальствомъ (sénechaussée) безъ нарушенія трактатовъ, заключенныхъ съ католиками (лигистами). Высшей феодальной знати разрѣшалось безъ ограниченія повсемѣстное свободное отправленіе богослуженія; для низшаго же дворянства изъ гугенотовъ оно было ограничено. Протестанты получили также право поступать въ коллегіи, издавать книги по вопросамъ своей религіи во всѣхъ тѣхъ городахъ, гдѣ богослуженіе ихъ было уже утверждено. Они могли быть допускаемы ко всѣмъ государственнымъ должностямъ, не взирая на трактаты, заключенные съ католиками, причемъ вступленіе ихъ въ должность не сопровождалось церемоніями и присягами, несогласными съ ихъ совѣстью. Они могли имѣть свои кладбища въ каждомъ городѣ. Было запрещено похищать ихъ дѣтей съ цѣлью воспитанія ихъ въ духѣ католической религіи, и родители получили право, при посредствѣ духовнаго завѣщанія, пещись о воспитаніи своихъ дѣтей. Лишеніе наслѣдства изъ-за религіи не должно было считаться законнымъ. Протестанты же обязывались почитать праздники, установленные католической церковью, и относительно браковъ должны были руководствоваться правилами родства, принятыми господствующею церковью; кромѣ того, они не освобождались также отъ внесенія десятины (dime) въ пользу католической церкви. Въ парижскомъ парламентѣ должна была устроиться палата эдикта (Chambre de l'Edit) для разбирательства всѣхъ процессовъ, въ которыхъ будутъ заинтересованы протестанты; ей должно было быть поручено также разбирательство дѣлъ, касающихся нормандскихъ и бретанскихъ протестантовъ, пока подобныя палаты не будутъ учреждены въ этихъ двухъ провинціяхъ. Въ бордосскомъ и гренобльскомъ парламентахъ должны были быть учреждены двѣ смѣшанныя палаты (Chambres mi-parties). Къ гренобльской палатѣ должны были относиться дѣла Дофинэ и Прованса. Бургундскіе протестанты могли обращаться по своимъ дѣламъ въ Парижъ или Гренобль, смотря по желанію. Всѣ эти палаты должны были начать свои работы до истеченія шестимѣсячнаго срока. Реформаты же должны были отказаться отъ всего, что давало имъ особенно исключительное положеніе и самостоятельность внутри и внѣ государства; всѣ ихъ провинціальные совѣты должны были разойтись; далѣе, имъ воспрещены были раскладка и сборъ податей безъ разрѣшенія короля, которому должно было подлежать также разрѣшеніе провинціальныхъ и національныхъ протестантскихъ синодовъ. Что же касается до уступленныхъ гугенотамъ укрѣпленныхъ пунктовъ и содержимыхъ въ нихъ гарнизоновъ, то это было опредѣлено особою статьей. Всѣ губернаторы, судьи, мэры и знатнѣйшія лица городовъ обязаны были слѣдить за правильнымъ исполненіемъ эдикта.

Таково, въ главныхъ чертахъ, содержаніе Нантскаго эдикта. Тѣнь Л'Опиталя должна была возликовать; мысль его торжествовала; демоны св. Варфоломея были побѣждены. Теперь дѣло не шло уже, какъ при Карлѣ IX и Генрихѣ III, о временныхъ эдиктахъ и соглашеніяхъ, вызванныхъ подъ давленіемъ междоусобныхъ войнъ. Эдиктъ вѣчный и не-

преложный соединилъ оба враждующія вѣроисповѣданія подъ одно общее покровительство свѣтской власти и открывалъ новую эру, въ которой свѣтское общество было освобождено отъ подчиненія церкви. Въ средніе вѣка церковь была одна, а свѣтское общество многоразлично; теперь церковь раздвоилась, а свѣтское общество соединилось въ одно цѣлое: средневѣковое соціальное устройство было разрушено: одинъ ударъ, подобный реакціи семнадцатаго столѣтія, выразившійся въ отмѣнѣ Нантскаго эдикта Людовикомъ XIV, могъ моментально уничтожить дѣло Генриха IV, но не въ состояніи былъ возстановить прошедшаго.

Король, чтобы избѣгнуть непріятностей съ папскимъ посломъ, которымъ былъ весьма доволенъ, подождалъ его отъѣзда, прежде чѣмъ опубликовать эдиктъ, который былъ представленъ въ парижскій парламентъ только къ началу 1599 года. Духовенство и университетъ энергично возстали противъ эдикта; сильная оппозиція обнаружилась даже въ самомъ парламентѣ. Король сдѣлалъ рядъ уступокъ, бывшихъ предметомъ жалобъ со стороны протестантовъ, уступокъ, которыя, въ дѣйствительности, были нарушеніемъ эдикта: онъ рѣшилъ, чтобы дѣла, касавшіяся духовныхъ лицъ, не разбирались въ палатахъ эдикта, хотя палата эдикта въ Парижѣ не была смѣшанной, какъ другія, и хотя въ ней засѣдалъ только одинъ протестантъ. Генрихъ IV словесно пообѣщалъ депутатамъ парламента не назначать реформатовъ на должности: окружнаго генеральнаго намѣстника, королевскаго прокурора и уголовнаго судьи. Парижскій парламентъ внесъ это въ протоколъ 25 февраля 1599 года. Король поспѣшилъ послать по два коммисара въ каждую провинцію, чтобы привести въ исполненіе эдиктъ. Но нѣкоторыя провинціи оказали при этомъ упорное сопротивленіе. Округи Нормандіи умоляли короля отмѣнить эдиктъ (декабрь 1598 года). Руанскій парламентъ принялъ этотъ эдиктъ съ коренными измѣненіями статей Нантскаго эдикта и, несмотря на именной указъ короля, продолжалъ сопротивляться въ продолженіе 10-ти лѣтъ и принялъ эдиктъ цѣликомъ только къ августу 1609 года.

LXXXVIII. Феодальная и муниципальная реакція во Франціи въ эпоху религіозныхъ войнъ.

(Статья С. В. Вознесенскаго) [1].

Реформаціонное движеніе во Франціи было въ существѣ своемъ менѣе всего фактомъ религіознымъ, такъ какъ оно, по справедливому замѣчанію Огюстьена Тьерри, не имѣло здѣсь, подобно сѣверу Европы, „самопроизвольнаго и непреодолимаго характера“, не являлось связаннымъ „съ національными инстинктами, со старинными стремленіями къ церковной независимости“. Дѣйствительно, въ то время, какъ, напр., германская церковь на-

[1] Въ основу статьи положены слѣд. труды: *И. В. Лучицкаго*: „Феодальная аристократія и кальвинисты во Франціи“. Кіевъ. 1871 г.; *Г. Ганото*: „Франція передъ Ришелье“. М. 1903 г.; *О. Тьерри*: „Исторія происхожденія и успѣховъ третьяго сословія“. М. 1899. и *Н. И. Карѣева*: „Исторія З. Европы въ Новое Время“. Т. II. Спб. 1898.

ходилась въ полномъ порабощеніи у Рима, власть папскаго престола надъ французской была значительно ограничена. Короли Франціи, начиная съ Филиппа IV Красиваго и кончая Францискомъ I, путемъ цѣлаго ряда конкордатовъ ликвидировали средневѣковыя притязанія папъ на церковно-политическое господство и уничтожали „привиллегіи, права и вольности" французскаго духовенства по отношенію къ королевской власти. Имъ удалось по Болонскому соглашенію 1516 г. добиться распоряженія епископскими каѳедрами и другими высшими духовными должностями, что, помимо усиленія компетенціи въ чисто церковныхъ дѣлахъ, предоставляло въ ихъ руки и огромныя имущества церкви. Эта національзація французской церкви, выбившейся изъ-подъ космополитической власти папъ, сдѣлала во Франціи общенародный взрывъ реформаціи совершенно не мыслимымъ.

Вотъ почему, когда раздалась въ 40-хъ годахъ XVI ст. изъ Женевы энергичная проповѣдь кальвинизма, она во Франціи встрѣтила откликъ лишь въ тѣхъ слояхъ общества, гдѣ болѣе всего таились политическое недовольство и соціальная вражда. Это были феодальное дворянство и муниципальная буржуазія преимущественно юго-западныхъ областей Франціи, жившихъ еще остатками средневѣковаго быта и дорожившихъ воспоминаніями о былой полной самостоятельности.

Политическое объединеніе различныхъ частей Франціи, формально законченное Людовикомъ XI, расчистило почву королевскому абсолютизму Франциска I. Пышная обстановка двора и первые военные успѣхи короля привлекли къ нему дворянъ, покровительство просвѣщенію, заботы о торговлѣ и промышленности, открытый доступъ къ высшимъ государственнымъ должностямъ подкупили горожанъ. Самая внѣшность Франциска I, его манера держать себя, также много способствовали обаянію королевской власти. Простой народъ боялся его и въ то же время любилъ.

Пользуясь всеобщимъ поклоненіемъ, Францискъ въ своей дѣятельности первый попытался осуществить провозглашенный еще задолго до него орлеанскими легистами принципъ: „Si veut le roi, si veut la loi" [1]. Поклонникъ итальянскаго гуманизма и послѣдователь древне-римской государственной идеи, онъ хотѣлъ совершенно слить королевскую власть съ правительственной. Съ этой цѣлью онъ назначалъ губернаторами только лицъ, въ преданности которыхъ былъ вполнѣ увѣренъ, ограничивалъ права самоуправленія городскихъ общинъ, замѣщая выборныя должности своими ставленниками, вмѣсто états généraux изрѣдка созывалъ на собранія лишь хорошо расположенныхъ къ нему нотаблей, мало считался съ желаніями états отдѣльныхъ провинцій, наконецъ, путемъ раздачи и продажи судебныхъ и административныхъ должностей, съ одной стороны, увеличилъ королевскую казну, съ другой—создалъ послушную себѣ бюрократію. Благодаря, напр., этой мѣрѣ парламенты должны были до извѣстной степени утратить при немъ свой областной характеръ и духъ непокорности, принявъ въ свою среду лицъ, преданныхъ интересамъ короны. Когда, однажды, главный изъ нихъ, парижскій, попытался было воспользоваться своимъ droit de enregistrement et remontrance, Францискъ I заявилъ: „Я—король, и хочу, чтобы мнѣ повиновались". Со времени же его царствованія ведетъ свое начало и поговорка: „Car tel est notre plaisir [2]).

[1]) „Такъ хочетъ король, такъ хочетъ законъ". Эта поговорка является переводомъ латинскихъ аксіомъ: „Quod principi placuit, ita lex esto" или „Quod principi placuit, vigorem legis habet".

[2]) „Такъ намъ пріятно".

Французское общество въ лицѣ дворянства, поглощеннаго безконечными войнами съ Карломъ V, и горожанъ, убаюканныхъ экономическимъ подъемомъ страны въ началѣ XVI в., не замѣчали, однако, нарушенія при Францискѣ I своихъ политическихъ правъ и привилегій. Они терпѣли абсолютизмъ королевской власти и при его преемникѣ, Генрихѣ II. Лишь миръ въ Като-Камбрези, заключенный этимъ королемъ передъ самою своей смертью съ Филиппомъ II испанскимъ, закончившій періодъ продолжительныхъ войнъ, которыя французы вели, начиная съ Карла VIII, заставилъ французское общество раскрыть глаза на внутреннюю дѣятельность правительства послѣднихъ двухъ царствованій. Оно поняло, что французскій король, бывшій когда-то государемъ свободныхъ (francs), сталъ теперь государемъ рабовъ (serfs). Мало того, оно увидѣло, что полустолѣтнія войны чрезвычайно подорвали его экономическое положеніе, отягченное къ тому же и той революціей цѣнъ, которую вызвалъ въ Европѣ громадный притокъ золота и серебра изъ недавно отрытаго Новаго Свѣта.

Позорный міръ съ Испаніей подлилъ масла въ огонь. Потеря Италіи, гарнизоны шестидесяти крѣпостей которой должны были вернуться во Францію, возмущала національныя чувства не только дворянства, но и горожанъ. „Несчастная Франція!—восклицалъ Бриссанъ;—до какихъ потерь, до какого разоренія доведена ты, прежде торжествовавшая надъ всѣми націями Европы“. Разочарованіе, затаенная злоба и сильное неудовольствіе противъ короля и его двора особенно распространились на югѣ и западѣ Франціи. Здѣсь, вдали отъ Парижа, централизація страны еще далеко не покончила съ наслѣдіемъ средневѣковья, духомъ котораго были глубоко проникнуты всѣ нравы и учрежденія. „Средневѣковый строй,—говоритъ по этому поводу проф. Лучицкій,—пустилъ слишкомъ глубокіе корни во французскомъ обществѣ для того, чтобы работа одного или двухъ поколѣній могла уничтожать его вліяніе“.

Благодаря усиліямъ и ловкости королей конца XV и начала XVI вв. аристократическіе роды, владѣвшіе цѣлыми провинціями и часто бывшіе сильнѣе своего сюзерена, были, правда, уничтожены, но многія области, вошедшія въ составъ Франціи, продолжали жить самостоятельной жизнью. Такія провинціи, какъ Лангедокъ, Провансъ, Дофинэ, Бургундія, Бретань, Нормандія, являлись pays d'etats, т.-е. имѣли собственныя представительныя собранія, на которыхъ голосовали и распредѣляли налоги. Присоединявшіяся не вдругъ, а постепенно и чаще всего путемъ соглашеній, онѣ пріобрѣли отъ королей хартіи, обезпечивавшія на будущее время ихъ особыя права и вольности. Большая разница была также въ законахъ, которыми онѣ руководствовались. Правда, къ сѣверу отъ Луары большею частью господствовало обычное право, къ югу—кодексъ Юстиніана, но въ формахъ передачи наслѣдства, какъ и во многихъ другихъ вопросахъ законодательства, одна провинція рѣзко отличалась отъ другой. Въ нѣкоторыхъ изъ провинцій, кромѣ того, были особые суды — парламенты, ревниво оберегавшіе свои права отъ притязаній со стороны Парижскаго парламента. Разъединенность провинцій поддерживалась также и существованіемъ въ нихъ различныхъ діалектовъ, настолько чуждыхъ другъ другу, что лица, говорившіе на одномъ, не понимали лицъ, употреблявшихъ другой. Разительнымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи могутъ служить гасконцы, бретанцы и жители Лангедока.

Все это, въ связи съ трудностью и даже отсутствіемъ путей сообщенія между провинціями и различіемъ вслѣдствіе этого въ нихъ цѣнъ на продукты, питало мѣстный сепаратизмъ, препятствовало власти оказы-

вать нивеллирующее вліяніе. Королевское правительство могло непосредственно вмѣшиваться въ дѣла провинцій лишь при помощи особыхъ комиссій, верховныхъ судовъ, grands jours, которые разъѣзжали по странѣ и подвергали наказанію всѣхъ противящихся королю. Но это средство было исключительнымъ, и частое пользованіе имъ встрѣчало рядъ препятствій.

Такимъ образомъ во многихъ провинціяхъ, и особенно на югѣ и западѣ Франціи, населеніе далеко не примирилось съ королевскою властью и ждало только подходящаго момента, чтобы возстать противъ ея абсолютистскихъ стремленій. Миръ въ Като-Камбрези развязалъ руки дворянству—наиболѣе опасной для правительства силѣ, такъ какъ оно и по своему положенію, какъ привилегированное сословіе въ государствѣ, и по своимъ феодальнымъ традиціямъ и воинственному духу, обладало все еще достаточной силой для борьбы съ властью. Правда, короли перенесли на себя право чеканить монету, ограничили право вести частныя войны, но не могли еще уничтожить судебныхъ правъ феодаловъ и, выселивъ ихъ изъ замковъ, превратить ихъ въ послушныхъ придворныхъ. „Посмотрите, — говорилъ Монтань о современной ему провинціальной знати,—посмотрите на провинціи, удаленныя отъ двора... на жизнь подданныхъ, занятія, службу и церемоніалъ какого-нибудь сеньора, воспитаннаго среди своихъ вассаловъ, посмотрите на полетъ его фантазіи, его мыслей! Нѣтъ ничего монархическаго! Ему сообщаютъ свѣдѣнія о королѣ, какъ о персидскомъ царѣ, разъ въ годъ, и онъ признаетъ его лишь по какому-нибудь древнему родству, которое его секретарь внесъ въ реестръ". Такіе сеньоры считали своей честью не повиноваться распоряженіямъ короля, если они нарушали ихъ собственныя права!

Но оппозиція противъ королевской власти не исчерпывалась однимъ только дворянствомъ. Любовь къ старинной самостоятельности была сильно развита также и въ средѣ городской буржуазіи. Только въ центрѣ Франціи, гдѣ городскія общины окрѣпли, выбившись изъ-подъ власти феодаловъ при поддержкѣ королей, дававшихъ имъ хартіи, которыя обезпечивали за ними только гражданскія, но не политическія права, горожане были проникнуты преданностью къ монархіи, и изъ ихъ среды выходили легисты и вообще королевскіе чиновники. Въ остальныхъ же частяхъ страны въ средѣ городского населенія былъ слишкомъ живъ духъ независимости, такъ какъ тамъ города появлялись и развивались независимо отъ королевской власти и внѣ ея воздѣйствія. „Возникли ли городскія общины,—говоритъ проф. Лучицкій, — изъ старыхъ римскихъ муниципій и подъ вліяніемъ итальянскаго движенія 12 в., или въ основѣ ихъ лежала commune jurée, управлялись ли онѣ выборными консулами или выборнымъ же мэромъ и эшевенами,—въ томъ и другомъ случаѣ онѣ являлись независимыми государствами, становились часто истинными республиками". Въ каждой изъ этихъ коммунъ былъ свой вѣчевой колоколъ, свое управленіе, свои суды и законы, даже свой гарнизонъ. Примѣрами такихъ городовъ могутъ служить на югѣ Франціи Нимъ и Монтобанъ, на западѣ—Рошель.

Правившая въ нихъ буржуазія въ общемъ чрезвычайно дорожила своей самостоятельностью и съ раздраженіемъ встрѣчала попытки ея ограниченія, шедшія отъ королей. Послѣдніе уже въ XIV и XV вв. стали замѣнять, пока только въ отдѣльныхъ городахъ, выборныхъ консуловъ синдиками, назначавшимися королевскими чиновниками, затруднять выборы или ограничивать число избирателей и избираемыхъ, ставить собственною властью мэровъ. Бывали случаи, что короли, вопреки хартіямъ, сами налагали на города новые налоги, вмѣшивались въ ихъ распредѣ-

леніе и, наконецъ, строили въ нихъ цитадели, гдѣ ставили свои гарнизоны. Въ XVI ст. появляются королевскіе ордонансы, касавшіеся уже всѣхъ городовъ и имѣвшіе цѣлью ввести однообразіе въ муниципальномъ устройствѣ и доставить королевской власти возможно большее вліяніе на городскія дѣла. Такъ, по эдикту, изданному Францискомъ I въ Кремье въ 1536 г., сенешалы и другіе королевскіе чиновники получили право контролировать городскіе финансы, а Генрихъ II въ 1555 г. предоставилъ завѣдованіе городскими суммами особому интенданту. Подобнаго рода централизаціонныя тенденціи увеличивали въ городахъ партію такъ называемыхъ рьяныхъ—zelés, seditiozi, которая готова была, подобно дворянству, съ оружіемъ въ рукахъ защищать свои вольности.

Немудрено, что ненависть къ общему политическому врагу—королевской власти—мало-по-малу привела къ сближенію феодальное дворянство и муниципальную буржуазію, еще недавно раздѣленныхъ другъ отъ друга острой соціальной враждой. Кромѣ того, жителямъ городовъ и особенно знати не трудно было найти поддержку въ людяхъ, которые, не имѣя никакихъ политическихъ стремленій, готовы были по первому призыву служить кому угодно и чему угодно, если предвидѣли отъ этого личную выгоду. А такихъ „бывшихъ людей"—солдатъ, бѣглыхъ каторжниковъ „съ знаками лиліи на плечахъ", опустившихся на дно общества дворянъ и даже священниковъ и монаховъ, наконецъ, крестьянъ, про которыхъ Боннемеръ выразился, что они—„fils ingrats, paysans d'hier, renegats de la terre",—было во Франціи въ половинѣ XVI в. громадное число. Объяснялось это тѣмъ, что экономическій кризисъ, охватившій страну, какъ результатъ революціи цѣнъ, сопровождался еще усиленнымъ фискальнымъ гнетомъ правительства. Податная сила народа уменьшалась, а налоги требовались все въ большемъ и большемъ количествѣ, такъ какъ войны и дворъ поглощали огромныя средства. Такъ, одна taille въ промежутокъ времени отъ 1515 г. до 1560 увеличилась на 53%! Если же принять во вниманіе всѣ субсидіи, налоги и подати, особенно gabelle [1]), taillon [2]), fran-fief [3]), aydes [4]), то окажется, что народъ въ 1558—1561 гг. уплатилъ казнѣ гораздо большую сумму, чѣмъ прежде въ восемьдесятъ лѣтъ.

Объединяющимъ началомъ для всѣхъ этихъ группъ общества послужилъ кальвинизъ, давшій религіозную санкцію политической оппозиціи. Дѣйствуя во Франціи первоначально лишь противъ католической церкви, послѣдователи женевскаго реформатора постепенно стали во враждебныя отношенія и къ монархіи, когда увидѣли, что она рѣшила охранять мечомъ единство и чистоту римской вѣры [5]). Уже Францискъ I, несмотря насвое увлеченіе гуманизмомъ и еще болѣе дружбу съ нѣмецкими протестантами, открылъ въ собственныхъ владѣніяхъ преслѣдованіе еретиковъ, а ему энергично подражалъ и Генрихъ II. Послѣдователи реформаціи десятками отправлялись на казнь по приговорамъ спеціально учрежденнаго для разбора дѣлъ о ереси суда—Chambre Ardente. Но до 1560-хъ годовъ это движеніе не носило массоваго характера. „Дымъ костровъ и труповъ" могъ „броситься въ голову народу", восторженные призывы и мужественная стойкость со-

[1]) Соляная подать.

[2]) Добавочный сборъ.

[3]) Плата за пріобрѣтеніе земельнаго участка.

[4]) Сборы съ продажи винъ и съѣстныхъ припасовъ.

[5]) См. объ этомъ ст. проф. Ковалевскаго въ этомъ томѣ „Хрестоматіи", № XC.

жигаемыхъ дѣйствовали на душу даже палачей, глубоко пораженныхъ величiемъ ихъ духа, ихъ презрѣнiемъ къ земнымъ страданiямъ, но все же слѣдовали „религiи евангелiя“ пока только единицы. Партiя кальвинистовъ прiобрѣла дѣйствительно грозные размѣры лишь съ присоединенiемъ къ ней дворянства и буржуазiи юго-западной половины Францiи, т.-е. послѣ того, какъ къ тлѣвшему въ глубинѣ религiозному недовольству прибавилось острое недовольство политическимъ и соцiальнымъ укладомъ жизни.

Готовясь къ борьбѣ съ королемъ подъ знаменемъ кальвинизма, дворяне и буржуа, въ своей массѣ, разсчитывали при этомъ не только получить обратно свои средневѣковыя вольности и вернуться къ дѣйствовавшему раньше традицiонному правилу: lex fit consensu populi et constitutiene regis“, [1]) но и поживиться на счетъ секуляризацiи церковныхъ имуществъ, которая послѣдовала бы за реформой церкви и которая поправила бы ихъ пошатнувшееся матерiальное положенiе. Припомнимъ, что по вычисленiямъ въ 1561 г. венецiанскимъ посломъ Сурiано, изъ 37,500,000 ливровъ поземельнаго дохода всей Францiи на долю духовенства приходилось 15,000,000 ливровъ! Кромѣ того, кальвинизмъ привлекалъ къ себѣ эти сословiя и, если можно такъ выразиться, аристократизмомъ проектируемой имъ въ будущемъ церковной организацiи: власть въ кальвинистскихъ общинахъ предоставлялась феодальной и муниципальной знати.

Первое выступленiе оппозицiя сдѣлала въ самомъ концѣ царствованiя Генриха II, уже давно возбуждавшаго сильную ненависть къ себѣ неимовѣрными денежными вымогательствами и конфискацiей частной собственности. Говорятъ, что противъ него былъ составленъ дворянствомъ и кальвинистами въ 1559 г. заговоръ, который не успѣлъ созрѣть только благодаря смерти короля. Въ 1560 г. кальвинистская партiя во главѣ съ принцемъ Людовикомъ Конде устроила новый заговоръ, такъ называемый амбуазскiй, желая захватить молодого короля Франциска II, чтобы передать его подъ опеку королю Наварры Антуану Бурбону. Однако, ихъ затѣя была во время открыта стоявшими во главѣ правительства герцогами Гизами, и принцъ Конде, попавшiй въ ихъ руки, избавился отъ казни лишь вслѣдствiе перехода власти къ Екатеринѣ Медичи. Хитрая итальянка, сосредоточившая послѣ смерти Франциска II и восшествiя на престолъ Карла IX, въ своихъ рукахъ нити правленiя, хотѣла пользоваться выпавшимъ на ея долю положенiемъ, не давая перевѣса ни Гизамъ, ни Бурбонамъ.

Но ни лидеры католической, ни лидеры протестантской партiи не были довольны половинчатостью и неопредѣленностью правительственной дѣятельности регентши. „Малолѣтнiй король на престолѣ,— говоритъ проф. Карѣевъ, — иностранка-королева во главѣ правленiя, занимающаяся интригами, заискивающая у всѣхъ партiй, не способная заставить однихъ не дѣлать нападенiй на установленную религiю, а другихъ — уважать свободу совѣсти своихъ согражданъ, — все это было на руку феодальной реакцiи, формулировавшей свои идеи такимъ образомъ: „какой-такой король? мы сами—короли, а этого короленка еще розгами можно сѣчь“. Идея объ ограниченiи королевской власти широко распространилась при этомъ не только въ протестантскомъ лагерѣ, но и среди католиковъ. Можно сказать, вся Францiя ждала установленiя твердаго порядка отъ однихъ только генеральныхъ штатовъ, созвать которые согласилась наконецъ и Екатерина Медичи, послушавшаяся умнаго, честнаго и вѣротерпимаго канцлера Лопиталя. Однако, генеральные штаты въ Орлеанѣ въ 1560 г., собранiе

[1]) „Законъ возникаетъ изъ согласiя народа и установленiя короля“.

свѣтскихъ сословій въ Понтуазѣ и духовенства въ Пуасси въ 1561 г. не привели ни къ какимъ результатамъ. Сойдясь другъ съ другомъ только въ признаніи, что это учрежденіе должно быть постояннымъ и что король обязанъ дѣлить съ нимъ свою власть, сословные представители, разъединенные соціальной и религіозной враждой, не могли создать ничего прочнаго, особенно въ области остраго вѣроисповѣднаго вопроса. Послѣдній не былъ разрѣшенъ удовлетворительно и правительствомъ, издавшимъ въ 1562 г. по настоянію Лопиталя Сенъ-Жерменскій эдиктъ, предоставлявшій кальвинистамъ, съ нѣкоторыми ограниченіями, право отправлять свое богослуженіе. При такихъ обстоятельствахъ оставалось одно—рѣшить дѣло оружіемъ.

Нападеніе Франциска Гиза на кальвинистовъ въ Васси послужило сигналомъ къ междоусобной борьбѣ, въ которую втянулись и сосѣднія державы, особенно Испанія и Англія, и во время которой Франція вполнѣ вернулась къ средневѣковой раздробленности.

Безсиліе королевской власти и распадъ страны особенно обнаружились послѣ парижскаго избіенія кальвинистовъ въ Варѳоломеевскую ночь. Протестантскія части страны сейчасъ же приняли организацію, выработанную около 1573 г. на мильгодскомъ собраніи и введшую управленіе, совершенно отличное по своему принципу и дѣятельности отъ королевской администраціи. Новая система основывалась на присягѣ, даваемой лично каждымъ членомъ союза, быть „какъ братья и слуги въ домѣ Господнемъ, помогать другъ други, никоимъ образомъ не измѣнять вышеупомянутому союзу, какія бы удобства и условія ни были имъ предложены". Страна была раздѣлена на діоцезы и округа, въ каждомъ изъ которыхъ существовали особые совѣты, составлявшіеся изъ выбранныхъ изъ среды мѣстнаго дворянства и отчасти буржуазіи членовъ. На этомъ федеративномъ и аристократическомъ основаніи было построено и высшее совѣщательное учрежденіе — генеральные штаты партіи, собиравшіеся каждые три мѣсяца и состоявшіе изъ трехъ представителей каждаго округа—дворянина, члена третьяго сословія и магистрата. Совѣты округовъ завѣдывали рекрутскимъ наборомъ и устройствомъ войска. Авторитетъ королевскихъ трибуналовъ признавался только въ гражданскихъ дѣлахъ и дѣлахъ первой инстанціи; уголовныя же дѣла и апелляціи были переданы спеціальнымъ судамъ, имѣвшимъ преимущественно третейскій характеръ. Всѣ королевскіе доходы и все церковное имущество были конфискованы.

Эта организація впослѣдствіи была измѣнена, а именно въ Нимѣ въ 1575 г. и въ Ла-Рошели въ 1588 г., но основныя черты ея—федератизмъ, аристократизмъ и совѣщательность—оставались неприкосновенными. Это былъ, по замѣчанію де-Ту, „новый родъ республики, отдѣленной отъ остального государства, имѣвшей свои собственные законы относительно религіи, гражданскаго управленія, суда, военной дисциплины, свободы торговли, сбора податей и фискальнаго управленія".

Такое же отчужденіе отъ королевской власти замѣчалось и въ католической партіи. Безсиліе и непопулярность правительства Екатерины Медичи заставили католиковъ подумать о борьбѣ съ протестантизмомъ собственными средствами. Въ мѣстностяхъ, особенно, въ удаленныхъ отъ Парижа, гдѣ развивалась проповѣдь кальвинизма, начинаютъ возникать мѣстныя лиги. Такъ, въ 1563 г. въ Тулузѣ образовался союзъ между дворянствомъ, духовенствомъ и третьимъ сословіемъ „для защиты чести Божьей и Его католической и римской церкви". Подобные же союзы возникли въ 1555 г. въ Анжерѣ, въ 1567 г. въ Дижонѣ, въ 1567 г. въ Буржѣ, въ 1568 г. въ Труа, наконецъ, въ 1576 г. въ Пикардіи.

Въ царствованіе „лицемѣра и сластолюбца" Генриха III, это движеніе захватило и Парижъ. Образовавшаяся въ немъ лига господствовала на сѣверѣ Франціи и во многихъ крупныхъ городахъ, являясь въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ, съ 1586 до 1596 года, настоящимъ правительствомъ, во главѣ котораго стоялъ герцогъ Гизъ, между тѣмъ какъ югъ и западъ находились подъ управленіемъ Генриха Наваррскаго. Въ той и другой половинѣ государства дворяне возвращали обѣ конфискованныя у нихъ правительствомъ земли и возстановляли всѣ прежнія феодальныя права. То же самое дѣлалось и въ городахъ. Законный же правитель всей Франціи, король, не имѣлъ никакого значенія, и католики его ненавидѣли, а кальвинисты презирали. Такимъ образомъ, недавно и съ трудомъ объединившееся государство снова разбилось на свои составныя части и правительственная власть была захвачена въ центрѣ парижскимъ парламентомъ и главарями обѣихъ борющихся партій, а въ областяхъ—мѣстными парламентами и генералъ-губернаторами. Въ то же время до шестидесяти тысячъ людей, пришедшихъ изъ Испаніи, Англіи, Германіи, Италіи и Савойи, попирали землю Франціи, отмѣчая свой путь грабежами, насиліями и пожарами.

Анархія въ странѣ при такихъ обстоятельствахъ была полная, и покончить съ ней не было силъ ни у католиковъ, ни у протестантовъ. Но въ этотъ моментъ появилось, какъ выразился Г. Ганото, чудо. Смерть Генриха III открыла дорогу къ престолу Генриху Наваррскому, человѣку, который пользовался уваженіемъ кальвинистовъ и сумѣлъ возбудить къ себѣ довѣріе католиковъ. „Личный характеръ Генриха IV,—говоритъ Г. Ганото,—примѣнялся съ удивительнымъ умѣньемъ къ положенію, въ которое поставило его такое стеченіе обстоятельствъ. Онъ представлялъ собою воплощенное примиреніе. Въ немъ соединялись различныя мнѣнія, и въ то же время у него было достаточно ума и сердца, чтобы понять ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ охватить. Онъ былъ въ теченіе своей жизни два раза протестантомъ и два раза католикомъ. Опытъ отреченія создалъ ему своеобразную религію, очень широкую и одновременно совершенно искреннюю. „Тѣ люди, которые слѣдуютъ непосредственно за своей совѣстью, принадлежатъ къ моей религіи,—писалъ онъ,—а я принадлежу къ религіи всѣхъ храбрыхъ и хорошихъ людей". Прежде всего его привѣтствовала все болѣе усиливавшаяся партія политиковъ, огромное большинство которой состояло изъ буржуазіи и которая имѣла своими вождями людей типа Лопиталя. „Полная угрызеній совѣсти и опасеній,—говоритъ Г. Ганото,—она ожидала спасителя, энергичнаго вождя, достаточно сильную руку, чтобы обуздать и уничтожить разнузданность дурныхъ страстей, распространившуюся по всей странѣ". Непримѣримые лигисты, потерпѣвъ пораженіе отъ гугенотской арміи близъ Арка, недолго держались и въ Парижѣ. Населеніе столицы, генеральные штаты, парламентъ, всѣ хотѣли мира, и даже епископы, какъ только Генрихъ Наваррскій выполнилъ церемонію коронованія въ С.-Дени, сняли съ него интердиктъ, вопреки волѣ папы.

Религіозное умиротвореніе Франціи, достигнутое Генрихомъ IV, утвердило за католиками полунезависимую галликанскую церковь и дало протестантамъ полную свободу. Въ результатѣ такого рѣшенія религіозной проблемы явилось предоставленіе обѣими партіями королю части ихъ притязаній, которыми ни та, ни другая ранѣе не хотѣли поступиться. Однако, результаты феодально-муниципальной реакціи, обнаружившейся въ эпоху религіозныхъ войнъ, долго еще давали себя знать, и вполнѣ отстроить расшатанное зданіе абсолютизма удалось лишь Ришелье и Людовику XIV.

LXXXIX. Генеральные штаты въ эпоху религіозныхъ войнъ.

(Изъ соч. Г. Ганото: «Франція передъ Ришелье». Переводъ С. П Мельгунова.)

Собраніе Генеральныхъ Штатовъ, въ качествѣ древняго учрежденія, въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ окруженнаго народнымъ уваженіемъ и довѣріемъ; учрежденія, которое, по благородству своего происхожденія, могло стать на ряду съ королевской властью и которое притомъ опиралось на популярное выборное начало; учрежденія, либеральнаго по традиціямъ и стремленіямъ,—это собраніе, казалось, было создано для того, чтобы служить противовѣсомъ королевской власти и чтобы на практикѣ обучить Францію пользованію общественной свободой. Однако же это учрежденіе пало. Франція не сумѣла создать себѣ самобытное представительное правленіе. Исторія Генеральныхъ Штатовъ была лишь рядомъ рѣзкихъ порывовъ и глубокихъ паденій. Много было потрачено крупныхъ талантовъ, много обнаружено великаго мужества, много произошло драматическихъ сценъ, и все это почти безъ всякой пользы для дѣла свободы. Ни въ какую эпоху Штаты не играли рѣшающей роли; въ продолженіе долгихъ періодовъ они стушевываются передъ блестящей звѣздой королевской власти. По странной судьбѣ, они совершили прочное дѣло только исчезая, и по истинѣ славны лишь своимъ паденіемъ. Нужно попытаться опредѣлить причины неудачи Штатовъ или, съ болѣе общей точки зрѣнія, неудачу вообще политическихъ собраній при старомъ порядкѣ.

Мы уже указывали происхожденіе Генеральныхъ Штатовъ. Феодальный король, когда собирался принять важное рѣшеніе или произвести расходъ, превышающій его обычныя средства, созывалъ своихъ вассаловъ и подъ-вассаловъ и просилъ у нихъ „совѣта“ и „помощи“ (conseil и aide). Всѣ призванные королемъ—сеньоры; какъ владѣтелямъ леновъ, имъ принадлежитъ извѣстная доля государственной власти. Это относится и къ дворянству, и къ членамъ духовнаго сословія и даже къ магистратамъ коммунъ и „добрыхъ городовъ“, которые засѣдали въ Штатахъ только въ силу того, что представляемыя ими корпораціи занимали извѣстное мѣсто въ феодальной іерархіи.

Отъ этого феодальнаго происхожденія Штаты сохранили до самаго конца нѣсколько характерныхъ чертъ, которыя должны были рѣшить ихъ судьбу: различіе между тремя сословіями,—духовенствомъ, дворянствомъ и третьимъ сословіемъ,—является причиной несогласія, которое почти всегда лишало рѣшенія собраній силы единодушія; значеніе, придаваемое двумъ высшимъ сословіямъ, упрочивало перевѣсъ аристократическаго элемента и давало большинство голосовъ въ Штатахъ тѣмъ, которые были избавлены отъ бремени государственныхъ повинностей: усилія третьяго сословія, которое чаще всего представлено лишь городскимъ элементомъ, сокрушаются о коалицію двухъ привилегированныхъ сословій. То обстоятельство, что нѣкоторыя провинціи не представлены въ Штатахъ, потому-ли что ихъ не считали находящимися подъ непосредственной властью короля, или потому, что онѣ въ силу особыхъ договоровъ имѣли право на спеціальныя собранія,—это обстоятельство лишало Штаты авторитета, который придавало бы имъ соединеніе въ нихъ делегатовъ всей націи.

Наконецъ, не можетъ быть и рѣчи о періодичности собраній Шта-

товъ, такъ какъ феодальный договоръ не предусмотрѣлъ ничего подобнаго, и сюзерену предоставляется право самому опредѣлять обстоятельства, при которыхъ онъ долженъ спрашивать совѣта или же просить у своихъ вассаловъ помощи, не соотвѣтствующихъ обычаямъ и существующимъ договорамъ.

Эти первоначальныя черты, которыя впослѣдствіи снова появятся, обнаружили тенденцію къ исчезновенію во время Столѣтней войны. Вслѣдствіе ошибокъ королей великія бѣдствія постигаютъ страну; правительство—въ критическомъ положеніи; у него неотложныя нужды. Штаты созываются часто. Чувствуется нужда во всѣхъ. Обращаются не только къ сеньорамъ и жителямъ городовъ, но и къ жителямъ деревень. Депутаты всѣхъ трехъ сословій, сближенные между собой однимъ и тѣмъ же патріотическимъ чувствомъ, привыкаютъ обсуждать дѣла сообща. Пользуясь слабостью правительства и подъ предлогомъ наблюденія за употребленіемъ суммъ, которыя они вотируютъ, Штаты накладываютъ руку на правительство и на администрацію государства и становятся настоящими политическими собраніями. Прежде чѣмъ вотировать субсидіи, они требуютъ отъ правительства формальнаго обѣщанія созывать Штаты часто и въ опредѣленные сроки.

Авторитетъ Штатовъ сталъ бы, можетъ быть, на непоколебимое основаніе, если бы онъ не былъ ослабленъ разрозненнымъ состояніемъ, въ которомъ находилось государство. Въ этомъ грозномъ кризисѣ провинціи стремились обособиться одна отъ другой и вернуть себѣ прежнюю автономію. Даже тѣ изъ нихъ, которыя оставались наиболѣе вѣрными королевской власти, не имѣли достаточной увѣренности въ судьбахъ страны, чтобы энергично стремиться къ единству, достичь котораго казалось такъ трудно. Поэтому каждый устраивался и боролся по своему за независимость. Это была великая эпоха Провинціальныхъ Штатовъ. Они появились одновременно во всѣхъ пунктахъ территоріи. Они присвоиваютъ себѣ часто титулъ, а иногда и власть настоящихъ Генеральныхъ Штатовъ. Съ этимъ то стремленіемъ къ партикуляризму и столкнулись въ 1358 году усилія Парижскихъ Штатовъ, руководимыхъ Этьенномъ Марселемъ. Точно также должно было потерпѣть неудачу въ 1484 году то знаменитое Турское собраніе, которое отмѣчаетъ собой высшую точку развитія и въ то же время конецъ героическаго періода исторіи Штатовъ.

Моментъ былъ рѣшительный. Политика Людовика XI, дерзко безстрашная, не старалась нисколько уменьшить зло и опасности деспотизма, которому она положила начало. Послѣ долгаго гнета реакція была очень сильна. Феодальная аристократія была еще богата и уважаема. Ей оставалось только стать во главѣ либеральнаго движенія, чтобы обезпечить за собой народныя симпатіи. Всѣ, у кого была забота о будущемъ, отыскивали средства умѣрить королевское могущество. Это былъ тотъ моментъ, когда Ф. де-Коминъ написалъ свои славныя страницы, на которыхъ онъ взываетъ къ примѣру великой англійской хартіи. Можно было воспользоваться малолѣтствомъ короля, впрочемъ всѣми любимаго,—чтобы провести въ государственный строй нѣкоторые новые принципы, которые положили бы начало будущей свободѣ.

Съ практической точки зрѣнія собраніе приняло извѣстныя мѣры, которыя какъ будто обнаруживаютъ что-то въ родѣ безсознательнаго пониманія того, что дѣйствительно предстояло сдѣлать. Оно не раздѣляется на сословія, но соединяется подъ руководствомъ одного общаго предсѣдателя. Въ шести комиссіяхъ, учрежденныхъ для ознакомленія съ дѣлами,

были смѣшаны представители всѣхъ трехъ классовъ, и на обсужденіе былъ прямо поставленъ слѣдующій точно формулированный вопросъ: какова власть Штатовъ? А это, другими словами, значило: каковы границы королевской власти? Одинъ бургундскій дворянинъ, де-ла-Рошъ, высказалъ съ чисто античнымъ краснорѣчіемъ вполнѣ новыя идеи о взаимныхъ правахъ правительства и подданныхъ. Но депутаты Лангедока, Прованса, Дофинэ, однимъ словомъ, областей, имѣющихъ свои особые Штаты, протествовали противъ правъ Генеральныхъ Штатовъ въ интересахъ своихъ частныхъ вольностей. Еще разъ мѣстный партикуляризмъ возсталъ противъ національныхъ интересовъ. Было молча рѣшено, что указы о сборахъ податей будутъ утверждаться Провинціальными Штатами. Съ того времени не было больше рѣчи объ обѣщаніи созывать Генеральные Штаты.

Неудача собранія 1484 года имѣетъ рѣшающее значеніе, и причины этой неудачи очень характерны. Привилегіи классовъ и привилегіи провинцій парализовали порывъ болѣе проницательнаго патріотизма. Зато королевская власть въ этомъ собраніи сдѣлала попытку пустить въ ходъ тактику, которую она должна была впредь примѣнять по отношенію къ Штатамъ. Возбуждать противоположные личные интересы, удовлетворять ихъ по очереди, поддерживать раздоры и наконецъ вмѣшиваться въ нихъ въ качествѣ посредника, авторитетъ котораго необходимъ для того, чтобы положить конецъ ненавистнымъ распрямъ,—таковъ съ этихъ поръ будетъ ея неизмѣнный образъ дѣйствій. Извлекая пользу изъ слишкомъ уже реальныхъ причинъ разногласія, которое существовало между классами, королевская власть мало-по-малу получитъ достаточную силу для того, чтобы справиться съ самыми справедливыми притязаніями и съ либеральными попытками, очень удачно задуманными и очень смѣло выполняемыми.

Въ теченіе 76 лѣтъ Штаты вовсе не собирались. Когда, послѣ такого длиннаго перерыва, было созвано въ 1560 году новое собраніе въ Орлеанѣ, обстоятельства оказались уже сильно измѣнившимися. Семьдесятъ шесть лѣтъ абсолютнаго господства достаточно упрочили королевскую власть для того, чтобы устрашить всякую оппозицію, даже такую, которая имѣла бы ясное сознаніе своихъ правъ, своей силы и своихъ намѣреній. Религіозныя войны были въ полномъ разгарѣ. Гизы управляли Франціей и толкали ее въ сторону католичества. Ихъ тонкая политика подготовила выборы въ бальяжахъ. Человѣкъ умный и ловкій, истинное историческое значеніе котораго еще недостаточно выяснено, канцлеръ де-Лопиталь, при помощи торжественныхъ пріемовъ и словъ очень искусно руководилъ умами. Впрочемъ, раздѣленіе, существовавшее въ странѣ, обнаружилось и въ собраніи. Дворянство и третье сословіе требовали, чтобы наложили руку на имущества духовенства. Послѣднее защищалось. Знать жаловалась на множество пожалованій дворянства, „которыя къ родовитому дворянству примѣшивали нечистую примѣсь“. Третье сословіе порицало богатство и роскошь духовенства, большія имѣнія и привилегіи дворянства, которое между тѣмъ такъ плохо выполняло свое назначеніе и даже не несло болѣе военной повинности. Екатерина Медичи, то болѣе твердой рукой, то болѣе мягкой, быстро вела Штаты къ концу. Она боялась, чтобы Штаты не воспользовались малолѣтствомъ Карла IX для того, чтобы отнять у нея регентство. Наконецъ, Штаты вотировали субсидіи и исчезли. Конечно, ни одинъ изъ конституціонныхъ вопросовъ, возникавшихъ во время дебатовъ, не оказался разрѣшеннымъ.

Тѣмъ не менѣе королевская власть вступила въ новую, критическую

для нея фазу. Какъ и во время англійской войны, внутреннія смуты и внѣшняя война ставили власти трудную задачу, лишая ее въ то же время средствъ къ ея разрѣшенію. Послѣдовательное появленіе на престолѣ трехъ сыновей Генриха II уничтожило престижъ монархіи. По всему королевству раздавался одинъ крикъ: крикъ о свободѣ. При такихъ условіяхъ, казалось, у Штатовъ является совершенно опредѣленная роль. Паденіе королевской власти открывало имъ доступъ къ управленію. Настроеніе умовъ было благопріятно для такого переворота.

Дѣйствительно, начиная съ самаго начала религіозныхъ войнъ, протестантскіе и католическіе публицисты предприняли изслѣдованіе о взаимныхъ правахъ государя и подданныхъ. Уже не было и рѣчи о феодальномъ договорѣ и средневѣковыхъ традиціяхъ; писатели, воспитанные на классической литературѣ и воодушевленные могучимъ философскимъ духомъ, сбросили эти старинныя узы и разодрали всѣ завѣсы. Розысканія о происхожденіи власти привели ихъ къ взгляду на государя, какъ лишь на слугу націи. Они лишали его права верховной власти; они предоставляли это право народу или его представителямъ, обсуждающимъ дѣла въ собраніи.

Понятно, насколько это утвержденіе благопріятствовало стремленіямъ Штатовъ. Новые публицисты были чрезвычайно рады найти въ существованіи этого учрежденія подтвержденіе, такъ сказать, экспериментальное и практическое, своихъ теорій.

Король принужденъ преклоняться передъ этимъ могущественнымъ проявленіемъ общественнаго мнѣнія. Генрихъ III, бывшій весьма высокаго мнѣнія о своихъ верховныхъ правахъ и основательно взвѣсивши каждое отдѣльное выраженіе, принимаетъ присягу Лиги, въ которой содержится, между прочимъ, слѣдующая фраза: „ради совершеннаго исполненія того, что будетъ приказано его Величествомъ и собравшимися Штатами“, фраза, гдѣ права обоихъ учрежденій—королевской власти и Штатовъ, поставлены другъ противъ друга на одной ступени, такъ что нельзя сказать, которое изъ двухъ должно устраниться передъ другимъ.

Три большихъ собранія, состоявшихся въ царствованіе Генриха III и въ періодъ междуцарствія, послѣдовавшаго за смертью этого государя, дѣйствительно заявили притязанія на высшее руководство государственными дѣлами. На первыхъ Штатахъ въ Блуа 326 депутатовъ, все католиковъ, получили миссію защищать религіозное единство Франціи. Во главѣ третьяго сословія выдающіеся люди, какъ Гемаръ, мэръ Бордо, юрисконсультъ Гюи Кокиль, будущій министръ Людовика XIII — Піеръ Жанненъ и на первомъ планѣ наиболѣе знаменитый изъ всѣхъ Жанъ Боденъ, ведутъ борьбу противъ королевской политики. Генрихъ III полагаетъ, что искуснѣе всего будетъ стать на ту почву, на которой разыгрывались католическія страсти Штатовъ, и онъ проситъ субсидіи, ссылаясь на то, что она необходима для веденія войны съ гугенотами. Но ему не удается получить ее.

Когда дѣло идетъ о сопротивленіи, Штаты сильны; въ дѣйствіи же они раздѣляются. Политическіе умы ищутъ такой формы парламентскаго производства, которая осуществляла бы единство, и не находятъ ея. Столь простая идея, какъ соединеніе трехъ сословій въ одно собраніе и поголовная подача голосовъ, не приходитъ имъ въ голову. Наоборотъ, послѣ безплодныхъ споровъ они снова останавливаются на устарѣлой формулѣ:— „первыя два сословія не связываютъ третьяго“, которая представляетъ собой не что иное, какъ безсильное признаніе взаимной ненависти трехъ сословій.

Когда возникъ вопросъ о составѣ комиссіи, выбранной Штатами для введенія ея въ королевскій совѣтъ съ тѣмъ, чтобы наблюдать тамъ за исполненіемъ предписаній наказовъ, то по этому поводу возникли подобныя же несогласія. Общее число делегатовъ должно было быть тридцать шесть; изъ нихъ третьему сословію принадлежало двѣнадцать мѣстъ. Но это сословіе чувствовало, что его двѣнадцать депутатовъ будутъ подавлены значительнымъ числомъ остальныхъ членовъ совѣта. Оно не сумѣло уладить это обстоятельство и принять какой-нибудь опредѣленный образъ дѣйствій, и въ результатѣ выказало въ столь важномъ вопросѣ менѣе дѣятельности, чѣмъ даже духовенство. Король воспользовался этими недоразумѣніями, чтобы тянуть дѣло и, въ концѣ концовъ, избавился отъ опасности, на мгновеніе угрожавшей его власти.

Вторые Штаты въ Блуа представляютъ собой нѣчто болѣе бурное и трагическое. Послѣ двѣнадцати лѣтъ бѣдствій и анархіи партіи дошли до неслыханнаго взаимнаго раздраженія. Какъ съ той, такъ и съ другой стороны думали, что наступилъ часъ великихъ рѣшеній. Крайняя нужда въ деньгахъ вынудила королевскую власть созвать Штаты. Такимъ образомъ эти послѣдніе имѣли въ рукахъ могущественное оружіе. Собраніе это сочувствовало Лигѣ. На его сторонѣ была столица и значительная часть большихъ городовъ. Семейство Гизовъ руководило нападеніемъ съ той силой и смѣлостью, которыя дѣлали популярными ихъ честолюбивые замыслы. Казалось, имъ стоило лишь протянуть руку, чтобъ захватить власть.

Впрочемъ, если нападеніе было сильно, то и защита не была вовсе безоружна. Королевская традиція силой вѣковъ тяготѣла еще надъ умами, которые, хотя и потеряли совершенно къ ней уваженіе, но еще сохранили, если можно такъ выразиться, монархическое суевѣріе. Король, правда, былъ человѣкъ слабый, ведшій изнѣженный и постыдный образъ жизни. Но, хотя онъ безпрестанно терялся въ мелочахъ обыденныхъ дѣлъ, тѣмъ не менѣе при важныхъ обстоятельствахъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о томъ, чтобы „сыграть короля“ („faire le roi“), онъ спохватывался. Снова тогда онъ находилъ въ себѣ мужество, важность, умѣніе съ достоинствомъ носить корону и говорить свысока, напоминавшія о тѣхъ надеждахъ, которыя возбуждала его славная юность. А окружающіе его рѣшительные и энергичные совѣтники понимали всю важность той борьбы, которая завязывалась между обоими противниками. Они относились вполнѣ добросовѣстно къ своей роли и не хотѣли допустить, чтобы въ ихъ рукахъ власть государя была умалена; толпа фаворитовъ и наемныхъ убійцъ, жившихъ въ интимномъ кругу Генриха III, была готова на всевозможныя услуги деспотизму и произволу. Наконецъ, за этимъ шумнымъ и безпокойнымъ дворомъ престарѣлая Екатерина Медичи, уединившаяся въ тиши кабинета, но все еще господствующая надъ умомъ своего сына, держала своей блѣдной, умирающей рукой нити разыгрывающейся драмы, развязку которой подготовляло уже итальянское коварство.

Нужно прослѣдить въ ежедневной исторіи Штатовъ движеніе страстей и постепенное наростаніе чувствъ, которыя, развиваясь все болѣе и болѣе ускореннымъ темпомъ, привели наконецъ къ стремительной катастрофѣ: выборы, подготовленные Лигой, причемъ почти вездѣ были устранены приверженцы короля; первое засѣданіе Штатовъ, когда Генрихъ III самъ держалъ рѣчь, въ которой съ достоинствомъ, полнымъ граціи, признался въ своихъ ошибкахъ и взывалъ во имя общаго блага къ содѣйствію Штатовъ; долгіе маневры партій, которыя все колеблются вступить въ рѣ-

шительный бой другъ съ другомъ; затѣмъ, приливъ смѣлости и выборъ главнымъ пунктомъ борьбы вопроса о томъ: „выразится-ли дѣятельность Штатовъ въ формѣ резолюцій или въ формѣ ходатайствъ передъ королемъ“, т.-е. удовольствуются-ли Штаты представленіемъ своихъ жалобъ, какъ въ прежнія времена, или же они заставятъ подчиниться своей волѣ; въ Парижѣ — народъ, подстрекающій медлительныхъ и робкихъ депутатовъ, крича имъ прямо въ лицо, когда они выходили маленькими группами: „Ну, когда же конецъ?“; цѣлое наводненіе памфлетовъ, рѣзкія выходки проповѣдниковъ, тревога, овладѣвшая умами при извѣстіи о насиліяхъ, замышляемыхъ дворомъ; испанскія деньги, переходящія изъ рукъ въ руки и вербующія все, что было продажнаго; при извѣстіи о захватѣ территоріи герцогомъ Савойскимъ, неожиданная постановка вопроса о субсидіи; король, взывающій о помощи, умоляющій, униженный; твердость и высокомѣріе Штатовъ, возрастающія по мѣрѣ того, какъ король унижается все болѣе и болѣе; ихъ отказъ вотировать субсидію, затѣмъ повторенный; и наконецъ, ихъ надменное требованіе просмотрѣть списокъ королевскихъ совѣтниковъ, чтобы исключить изъ него „подозрительныхъ“ и замѣнить ихъ делегатами Штатовъ.

Узелъ затягивается все болѣе и болѣе. Король ищетъ въ Гизѣ какъ бы посредника для выхода изъ этого положенія. Къ Гизу обращаются, чтобы сломить сопротивленіе Штатовъ. Онъ же втайнѣ поддерживаетъ это сопротивленіе. Впрочемъ, онъ колеблется; можно подумать, что онъ опасается уменьшенія власти, которая еще не принадлежитъ ему. Король же, напротивъ, какъ бы пресыщенный униженіемъ, начинаетъ дѣйствовать энергично. Онъ дѣлаетъ видъ, что уступаетъ по всѣмъ пунктамъ. Явившись въ собраніе, онъ заявляетъ: „Я согласенъ на всѣ ваши просьбы“. Всеобщій крикъ: „Да здравствуетъ король“. Радость всѣхъ трехъ сословій не знаетъ границъ. Они считаютъ себя господами положенія.

Пятнадцать дней спустя, 23 декабря, оба Гиза были убиты; зала Штатовъ захвачена вооруженной силой; великій прево де-Ришелье вошелъ въ нее во главѣ отряда солдатъ, вооруженныхъ пиками и алебардами. Обнаживъ шпагу, онъ кричитъ: „Бей, бей, стрѣляй, стрѣляй!“ Депутаты разбѣгаются, нѣкоторые протестуютъ. Наиболѣе скомпрометтированные изъ нихъ—ла Шапель-Марто, президентъ Нейли, и орлеанскій адвокатъ Компанъ—арестованы. Ришелье приказываетъ охваченному страхомъ собранію не двигаться со своихъ мѣстъ. Такимъ образомъ, оказывается совершеннымъ двойной coup d'État: по отношенію къ высшему дворянству, вождей котораго Ришелье захватилъ, и по отношенію къ собранію, престижъ котораго былъ уничтоженъ, и плачевная безпомощность котораго еще увеличивалась тѣмъ презрѣніемъ, которое внушало къ себѣ правительство. Важная роль, которую приписывали Штатамъ книги теоретиковъ, высокая миссія, которая, казалось, предстоитъ имъ благодаря стеченію обстоятельствъ и народному сочувствію, все это было отнято у нихъ однимъ актомъ насилія, слишкомъ легкими жертвами котораго часто являются политическія собранія.

Однако, еще разъ въ теченіе этого смутнаго періода правительство обратилось къ авторитету Штатовъ. Послѣ смерти Генриха III католическое большинство въ государствѣ отказывалось признать законнымъ наслѣдникомъ трона ближайшаго родственника умершаго короля—Генриха Наваррскаго. Послѣ того, какъ умеръ кардиналъ Бурбонъ, тронъ считался вакантнымъ, и выступилъ цѣлый рядъ кандидатовъ на него. Чтобы сдѣлать выборъ среди нѣсколькихъ соискателей, рѣшено было прибѣгнуть

къ созванію Штатовъ. Такимъ образомъ учрежденіе это достигло въ самый разгаръ гражданскихъ смутъ той верховной власти, которой уже такъ давно требовали для него его защитники.

Итакъ, Штаты были созваны въ Парижѣ герцогомъ Мейенскимъ и парламентомъ Лиги. Но такое крамольное происхожденіе заранѣе лишило рѣшенія этого собранія всякаго авторитета. Вначалѣ число депутатовъ было до смѣшного мало; да и потомъ оно не достигло даже половины обычной цифры. Одно изъ сословій, а именно дворянство, почти совсѣмъ отсутствовало. Но какъ бы то ни было, Штаты Лиги все-таки представляли собой силу, которую каждый изъ претендентовъ старался привлечь на свою сторону.

Большинство, рѣшительно стоящее на сторонѣ католической партіи, колебалось между различными рѣшеніями, предлагаемыми ему Лигой, которая сама раздѣлилась. Герцогъ Мейенскій владѣлъ Парижемъ. Онъ былъ истиннымъ вождемъ партіи; но, лишенный средствъ, онъ послѣ битвы при Иври потерялъ весь свой авторитетъ. Герцогъ Гизъ былъ слишкомъ молодъ, къ тому же соперничество дяди отодвигало его на второй планъ. Герцогъ Лотарингскій былъ неизвѣстенъ, герцога Савойскаго всѣ ненавидѣли. Испанскій претендентъ сыпалъ золотомъ во всѣ стороны, но это былъ испанецъ. Единственно лишь посланники Филиппа II осмѣливались выставить передъ собравшимися Штатами кандидатуру инфанта. Торжественное засѣданіе произошло въ Луврскомъ дворцѣ въ аппартаментахъ короля. Здѣсь, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ продолженіи шести вѣковъ жила капетингская династія, было заявлено требованіе объ отмѣнѣ салическаго закона и перемѣнѣ династіи. Посолъ говорилъ очень громко, заявилъ: „что Франція стоитъ на краю пропасти“, что ей приходится выбирать между ересью и чужеземцемъ.

Эта дилемма, такъ рѣзко выраженная, открыла всѣмъ глаза. Парламентъ вмѣшался и запретилъ Штатамъ выслушивать предложенія посланниковъ. Переговоры, завязавшіеся въ Сюренѣ съ комиссарами Беарица, неожиданно привели къ соглашенію. Настроеніе народа такъ перемѣнилось, и въ немъ обнаружилась явная вражда противъ испанца. Въ средѣ самихъ Штатовъ дворянское сословіе, правда представленное немногими депутатами, отдѣлилось отъ большинства и требовало немедленно примиренія. Напрасно протестовало духовенство и часть третьяго сословія, напрасны были угрозы комитета „шестнадцати“ и рычаніе проповѣдниковъ; толчекъ былъ данъ. Вскорѣ пришло извѣстіе объ обращеніи Генриха IV. Пристыженнымъ и приведеннымъ въ смущеніе Штатамъ Лиги, которые, можетъ быть, были рады своему безсилію, ничего не оставалось, какъ разсѣяться. Депутаты одинъ за другимъ разбѣжались и вернулись въ свои провинціи.

Такимъ-то почти трагикомическимъ приключеніемъ закончился блестящій періодъ дѣятельности Штатовъ въ XVI вѣкѣ. Изъ двухъ древнихъ учрежденій, завѣщанныхъ средними вѣками новѣйшей Франціи, одно—королевская власть—вышло торжествующимъ изъ кризиса, въ которомъ оно должно было погибнуть, тогда какъ этотъ же самый кризисъ окончательно подорвалъ значеніе, силу и нравственный авторитетъ другого учрежденія. Королевская власть должна была теперь стремиться къ полному уничтоженію Штатовъ, пуская въ ходъ всѣ тонкости политики, узнавшей, что такое страхъ. Генрихъ IV, впрочемъ, поклялся созвать ихъ для освященія въ торжественномъ собраніи объединенія государства и новой династіи. Но онъ, конечно, поостерегся сдержать свое обѣщаніе и никто не вздумалъ упрекнуть его за это.

Въ самомъ дѣлѣ, даже для добрыхъ гражданъ имя Штатовъ, соединенное съ тѣмъ, что было самаго прискорбнаго въ гражданскихъ смутахъ Франціи, сдѣлалось подозрительнымъ. Этимъ только и можно объяснить холодный тонъ Пакье, который говоритъ: „Это старое безуміе, которымъ заражены даже наиболѣе благоразумные французы, будто бы ничто не можетъ такъ помочь народу, какъ подобныя собранія: напротивъ, нѣтъ ничего, что причинило бы ему столько бѣдствій по разнымъ причинамъ. Въ самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе того, что простой народъ всегда готовъ упрекать стоящихъ у кормила правленія, и что, по его мнѣнію, стоитъ ему только высказать свои жалобы, и все сразу изъ дурного сдѣлается хорошимъ,—вслѣдствіе всего этого онъ ничего такъ не желаетъ, какъ открытія подобныхъ собраній. Кромѣ того, видя себя удостоеннымъ занять тамъ мѣсто и польщенный этой пустой почестью, онъ дѣлается болѣе смѣлымъ на обѣщанія, соглашаясь на все, что только у него ни попросятъ. Такъ что, благодаря этимъ сладкимъ и красивымъ приманкамъ, каждый разъ, когда открывается такое собраніе, народъ сбѣгается и привѣтствуетъ ихъ съ безконечной радостью, не подозрѣвая, что именно ихъ онъ долженъ больше всего бояться, такъ какъ обычная пѣсенка здѣсь о томъ, какъ бы выманить у народа побольше денегъ".

На Штаты нечего было надѣяться. Всѣ это чувствовали. Публицисты, далекіе отъ того, чтобы противопоставлять верховную власть Штатовъ власти короля, съ ужасомъ отвергали тезисъ, который, по ихъ мнѣнію, заключалъ въ себѣ оскорбленія Величества. Правда, въ законодательномъ отношеніи работа Штатовъ не оказалась на первый взглядъ такой безплодной: великіе ордонансы Руссильонскій, Орлеанскій и Блуасскій были составлены на основаніи протоколовъ засѣданій Штатовъ; но противорѣчія и неясность отдѣльныхъ постановленій этихъ ордонансовъ дѣлали ихъ большею частью непримѣнимыми. Современники не заблуждались на этотъ счетъ и слова „недѣйствительны по истеченіи трехъ дней" стали ходячей поговоркой, выражающей совершенно опредѣленное отношеніе общества къ этимъ торжественнымъ законодательнымъ актамъ.

Неудача Генеральныхъ Штатовъ зависитъ отъ ихъ происхожденія, отъ ихъ организаціи и отъ политическаго и соціальнаго устройства страны, въ которой они возникли. Вліяніемъ феодализма объясняется способъ созыва Штатовъ, зависѣвшаго отъ доброй воли государя, а также и система выборовъ, дающая значительный перевѣсъ сеньорамъ и городскому населенію.

Привилегіи проникаютъ въ Штаты и возбуждаютъ тамъ соперничество трехъ сословій. Отсюда постоянная борьба общественныхъ и сословныхъ интересовъ. Оба высшія сословія свободны отъ повинности, и королевская власть опирается на нихъ, чтобы получить субсидію. Но ихъ вѣрность часто подвергается сомнѣнію, а ихъ сопротивленіе могло бы сдѣлаться опаснымъ: потому королевская власть возбуждаетъ противъ нихъ страсти и зависть третьяго сословія. Всѣ неравенства и соперничества, существующія въ государствѣ, повторяются и въ собраніи Штатовъ, принимая здѣсь еще болѣе острый характеръ. Голоса подаются здѣсь по сословіямъ и провинціямъ. Общее собраніе бываетъ только въ день открытія и роспуска Штатовъ. Однимъ словомъ, Генеральные Штаты не представляютъ собой цѣльнаго учрежденія, и ихъ пренія, формулированныя лишь въ видѣ „жалобъ" (doleances), а не постановленій, никогда не выражаютъ собой воли націи, еще не дошедшей до самосознанія

Королевская власть, несмотря на свои недостатки, несомнѣнно имѣла виды болѣе возвышенные и болѣе широкое сознаніе общественнаго интереса. Ей всегда была присуща забота о великихъ задачахъ, которыя нужно выполнить, объ объединеніи, которое необходимо довершить, о странѣ, которая нуждается въ устройствѣ и защитѣ. Контрастъ между этими обширными замыслами и дрязгами представителей трехъ сословій былъ поразителенъ. Онъ давалъ власти увѣренность въ самой себѣ, а Штатамъ сознаніе собственной безсмысленности. Послѣдніе кончили тѣмъ, что приняли опеку, которая предлагалась имъ. Почти всегда, сопутствуемые вначалѣ пожеланіями и довѣріемъ всего народа, они расходились при общемъ равнодушіи. Такъ оканчивалась большая часть сессій Штатовъ; такъ-же должно было кончить свое существованіе и самое учрежденіе.

XC. Королевская власть и политическія доктрины гугенотовъ въ эпоху религіозныхъ войнъ.

Изъ ст. М. М. Ковалевскаго: «Политическія доктрины протестантизма во Франціи», въ № 10 «Русской Мысли» за 1905 г.).

Французская монархія, какъ справедливо указываетъ, между прочимъ, Imbart de la Tour въ своемъ новѣйшемъ сочиненіи объ исходныхъ моментахъ въ развитіи реформаціи, къ эпохѣ возникновенія кальвинизма представляетъ собою образецъ самаго братскаго общенія между свѣтской властью и церковной. „Единство вѣры,—пишетъ цитируемый мною авторъ,—вызываетъ въ ней и единство государственнаго общества; общество вѣрующихъ совпадаетъ здѣсь съ народомъ. Церковь — въ государствѣ и государство — въ церкви; обособлены другъ отъ друга не церковное и гражданское общество, а церковное и гражданское правительство. Отъ могущественнаго ствола общественнаго тѣла пошли двѣ главныя вѣтви: королевская власть и власть духовенства. Это—тѣ двѣ силы, которыя руководятъ христіанскимъ народомъ. Обособленныя другъ отъ друга самымъ различіемъ своихъ функцій, онѣ не могутъ сойтись въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ: функція священника — обучать, руководить совѣстью, судить о нравственности; функція короля — защищать страну отъ иноземцевъ, облагать ее налогами, судить подданныхъ, карая ихъ за преступленія. Священникамъ принадлежитъ юрисдикція надъ клириками и въ вопросахъ духовнаго характера; свѣтскимъ судьямъ—рѣшеніе всѣхъ споровъ между мірянами въ вопросахъ свѣтскихъ. Каждый въ своей сферѣ независимъ, но обѣ власти слѣдуютъ одному принципу и направляютъ свою дѣятельность къ одной цѣли. Онѣ состоятъ между собою въ братскихъ отношеніяхъ, по выраженію генеральнаго прокурора при парижскомъ парламентѣ, сказавшаго въ засѣданіи 20 іюня 1510 года: „Священство и королевская власть взаимно оказываютъ другъ другу братскія услуги“.

„Изъ этого общаго положенія,—продолжаетъ Imbart de la Tour,—вытекали слѣдующія послѣдствія. Если государство опирается на вѣру, сама эта вѣра не можетъ подлежать нападкамъ. Поколебать ее равносильно ниспроверженію государства. Подданный не имѣетъ большаго

права обсуждать и критиковать догматы церкви, чѣмъ нарушать законы страны. Попадая въ положеніе человѣка, стоящаго внѣ церкви, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ становится внѣ закона и государства. Въ виду этого общая вѣра гражданъ признается обязательной вѣрой, — вѣрой, слѣдованіе которой требуется закономъ. Церковный порядокъ сливается съ общественнымъ; заблужденіе, ересь, святотатство, исполненіе обрядовыхъ дѣйствій, несогласныхъ съ церковнымъ ученіемъ, или выраженіе мнѣній, имъ осуждаемыхъ, признаются общественной опасностью, въ виду чего государственной власти предоставляется право вмѣшательства. Всякая ересь приравнивается къ преступленію, считается даже величайшимъ изъ всѣхъ преступленій, содержащимъ въ себѣ нарушеніе общественнаго порядка, колеблемаго ею въ самой его основѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и оскорбленіе Бога, терпящаго въ своей чести. Чѣмъ болѣе нація становится однородной и чѣмъ сильнѣе упрочивается политическая власть, тѣмъ тѣснѣе выступаетъ и религіозное единство. До XI столѣтія церковь обнаруживала притязанія сама сражаться съ ересью и наказывать ее, но въ слѣдующія затѣмъ два столѣтія публичная власть требуетъ собственнаго участія въ этомъ дѣлѣ; возникаетъ цѣлое уголовное законодательство, направленное противъ раскольниковъ; ересь подводится подъ понятіе государственнаго преступленія и наказывается, подобно ему, смертью и конфискаціей имущества. По отношенію къ ней не допускается помилованія; король можетъ простить всякое преступленіе, кромѣ ереси. Католицизмъ — не только обязательное вѣроученіе, — вѣроученіе, поддерживаемое закономъ: это еще религія государственная. Его каноны, его учрежденія, его церковная дисциплина носятъ характеръ публичнаго права. Въ государствѣ католическомъ церкви принадлежитъ управленіе душами, какъ свѣтской власти — управленіе тѣлами. Каноны, разъ внесенные въ протоколы парламента, пріобрѣтаютъ обязательную силу гражданскихъ законовъ. Постановленія вселенскихъ и провинціальныхъ соборовъ, папскія буллы, синодальные статуты,—все, однимъ словомъ, церковное законодательство — составляетъ часть общаго законодательства страны. Оно образуетъ то, что на языкѣ того времени извѣстно было подъ наименованіемъ „правъ неба“ и стоитъ бокъ-о-бокъ съ правомъ земскимъ. Королевскій прокуроръ при парламентѣ, въ засѣданіи 7 декабря 1497 года, объявляетъ: „Право двояко: право неба и право земли“. Устроенная на монархическомъ началѣ, подобно государству, церковь опираетъ и свой свѣтскій суверенитетъ на полномочіяхъ, полученныхъ ею отъ Бога. Подъ этимъ надо разумѣть не выборъ небомъ того или другого правителя, той или другой династіи, а признаніе власти, имѣющей въ основаніи своемъ сверхчувственный принципъ: обязательство для подданнаго повиноваться не за страхъ только, но и за совѣсть, а для монарха — повелѣвать во имя вѣчной справедливости. Доказательствомъ происхожденія королевской власти отъ Бога признается помазаніе; оно считается таинствомъ. Въ виду этого сама королевская власть пріобрѣтаетъ религіозный характеръ; она почти священство; король считается правой рукою церкви; парламенты не хотятъ видѣть въ немъ одну свѣтскую власть. Это воззрѣніе на короля опредѣляетъ и его обязанности: французскій король — христіаннѣйшій (trés chrétien), епископъ внѣшній (évèque du dehors); мечъ всегда поднятый для защиты религіи, церкви и ея имущества. Въ своей присягѣ онъ обѣщаетъ истребить еретиковъ, указанныхъ ему церковью.

Особенность политическихъ порядковъ, сложившихся во Франціи

къ эпохѣ религіозныхъ войнъ, сводится не къ одному союзу монархіи съ католичествомъ: другая черта этого порядка — разрывъ его съ той системой ограниченія власти, которая составляла природу готической монархіи, того устройства, которое, какъ думалъ Монтескьё, уцѣлѣло отъ среднихъ вѣковъ и удержалось въ одной только Англіи. Еще въ концѣ XV столѣтія генеральные штаты, собранные въ Турѣ въ 1484 году, сдѣлали попытку дать письменную опредѣленность тѣмъ опирающимся на обычай правамъ, изъ которыхъ слагалась французская средневѣковая конституція. Они ходатайствовали передъ королемъ о публичномъ подтвержденіи на всѣ времена „вольностей, свободъ, привилегій, изъятій и особыхъ подсудностей церкви, дворянъ, городовъ и земель“, — подтвержденіе, которое бы сдѣлало ненужной выдачу въ будущемъ новыхъ королевскихъ заявленій на этотъ счетъ. „Если бы король принялъ это ходатайство,—пишетъ Imbart de la Tour,—Франція сразу пріобрѣла бы писанную конституцію; но король отказалъ въ своемъ согласіи“. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ такая конституція выразила бы собою уже отходившіе въ прошлое порядки. Самый сильный оплотъ ограниченной сословіями готической монархіи составляли, какъ извѣстно, генеральные и провинціальные штаты. Въ серединѣ XIV вѣка первые едва не добились не только права вотировать налоги и участвовать въ законодательствѣ въ формѣ представленія „скромныхъ жалобъ и ходатайствъ“, но и выбора администраторовъ, а слѣдовательно и направленія всей внутренней и внѣшней политики. Но со времени Карла V Мудраго монархическая власть уже дѣлаетъ успѣшную попытку ограничить сферу дѣятельности штатовъ однимъ вотированіемъ субсидій, т.-е. выраженіемъ согласія или несогласія на новыя подати, а со времени созданія при Карлѣ VII, во второй четверти XV столѣтія, постояннаго прямого налога для содержанія постояннаго войска, необходимаго для войнъ съ англичанами, генеральные штаты теряютъ и самый контроль надъ финансовой дѣятельностью правительства, т.-е. то могущественное орудіе, которымъ они пользовались дотолѣ для реальнаго проведенія въ законодательство своихъ требованій о реформахъ; вѣдь возможность отказа въ субсидіяхъ висѣла дамокловымъ мечомъ надъ правительствомъ, не согласнымъ подчинить свою законодательную дѣятельность народнымъ желаніямъ. Вмѣстѣ съ генеральными штатами отходятъ постепенно въ прошлое и штаты провинціальные. Во всей той половинѣ Франціи, которая говоритъ сѣвернымъ нарѣчіемъ и носитъ поэтому названіе „pays de langue d'oil“, политическая централизація уже повела къ упраздненію провинціальныхъ вольностей и, соотвѣтственно, штатовъ. Это можно сказать въ частности о Пикардіи, Шампани, Турени, Берри, Пуату, Анжу, Мэнѣ. Во всѣхъ этихъ провинціяхъ со временъ Карла VII исчезаютъ штаты провинціальные. Но они продолжаютъ еще держаться въ Нормандіи, Бретани, Бургундіи, Дофинэ, Провансѣ, Лангедокѣ. Всѣ эти земли вошли въ составъ французской монархіи по договору и выговорили въ свою пользу извѣстныя преимущества: сохраненіе мѣстныхъ учрежденій, право судиться, не выходя изъ предѣловъ провинціи, право имѣть администраторами ея уроженцевъ, наконецъ — право на особыхъ штатахъ давать или отказывать въ согласіи на обложеніе ихъ жителей налогомъ и контролировать порядокъ его распредѣленія. Если прибавить къ этимъ вольностямъ то право отказывать въ повиновеніи законамъ, не внесеннымъ въ собственные протоколы, какимъ надѣлены были верховныя судебныя палаты и палаты денежныхъ сборовъ, — палаты, существовавшія не въ

одномъ Парижѣ, но и въ рядѣ провинцій, принадлежавшихъ къ числу такъ называемыхъ pays d'état, то мы исчерпаемъ сумму тѣхъ ограниченій, какими была обставлена королевская власть во Франціи къ началу реформаціи и возрожденія, и расширенія которыхъ потребуютъ сторонники ученія о народномъ суверенитетѣ и о договорномъ происхожденіи королевскихъ полномочій. Легисты, обвиняемые въ упроченіи самодержавія, благодаря цѣлостному перенесенію на французскаго монарха правъ римской императорской власти, поставленной, какъ извѣстной, выше законовъ, въ дѣйствительности только подводили подъ нормы римскаго имперскаго права весьма близкія къ нимъ по природѣ отношенія, вполнѣ сложившіяся къ концу XV столѣтія. Вотъ почему даже такой сторонникъ сословнаго представительства, какимъ былъ Жанъ Боденъ, самъ участвовавшій въ генеральныхъ штатахъ, признаетъ за однимъ королемъ верховенство и суверенитетъ,—права, по его мнѣнію, неотчуждаемыя и недѣлимыя. Эта точка зрѣнія раздѣляется и органами правительственной власти. Королевскій адвокатъ объявляетъ въ засѣданіи парижскаго парламента, отъ 22 марта 1490 г., что король по праву — императоръ въ своемъ королевствѣ. Его верховная власть едина; всякая другая власть имѣетъ его своимъ источникомъ. Королевство нераздѣльно, подобно въ этомъ отношеніи туникѣ Христа. Король — единый наслѣдникъ короля; сыновьямъ и братьямъ онъ можетъ оставить удѣлы (apanages), кому хочетъ и насколько времени ему будетъ угодно, но королевство и монархическая власть переходятъ только къ законному наслѣднику. Въ этомъ смыслѣ, въ полномъ соотвѣтствіи съ совѣтами юристовъ, складывается и правительственная практика какъ при Людовикѣ XI, такъ при Карлѣ VIII и Людовикѣ XII. Суверенитетъ монарха упраздняетъ возможность признанія за городами и провинціями какихъ-либо независимыхъ коллективныхъ правъ и низводитъ всѣ мѣстныя вольности къ однѣмъ королевскимъ привилегіямъ, — привилегіямъ, которыя ежечасно могутъ быть упразднены. „Это—добровольныя милости,—говоритъ Imbart de la Tour,—которыя могутъ быть взяты обратно и которыя для своего существованія нуждаются поэтому въ подтвержденіи новаго правителя“. Созданіе новыхъ преимуществъ и вольностей вызываетъ въ юристахъ конца XV вѣка и начала XVI столѣтія то же противодѣйствіе, какое въ XVIII вѣкѣ обнаруживалъ авторъ „Общественнаго договора“ по отношенію къ признанію частнаго интереса, всегда вступавшаго, въ его глазахъ, въ коллизію съ интересомъ общимъ.

Верховенство монарха не только недѣлимо и неотчуждаемо: оно также неограниченно. Нѣтъ лица или учрежденія, способнаго сдержать власть короля. Въ противность феодальной точкѣ зрѣнія, за королемъ признается даже право произвольнаго обложенія подданныхъ. Согласіе штатовъ опирается на одной терпимости, представляетъ собою вольность, дарованную имъ монархомъ и которая ежечасно можетъ быть отнята у нихъ. Что касается до законодательной власти, то принципъ, провозглашенный еще въ XIII вѣкѣ: „Чего хочетъ король, того желаетъ и законъ“, находитъ себѣ въ эпохѣ реформаціи полное признаніе. Ордонансы, т.-е. законы, изготовляются государственнымъ совѣтомъ, монархъ обнародуетъ ихъ и предписываетъ ихъ соблюденіе своимъ подданнымъ въ силу полноты своей власти и авторитета (le sa certaine science, ample puissance et autorité); онъ же толкуетъ, возстановляетъ и освѣщаетъ законъ. Противъ закона нельзя выставлять никакихъ предшествующихъ уговоровъ феодальнаго характера, никакихъ имперскихъ

или каноническихъ постановленій и никакихъ народныхъ обычаевъ, такъ какъ монархъ считается живымъ закономъ. Генеральный прокуроръ объявляетъ 15 марта 1492 года, что народные обычаи, въ частности, не обязательны для князя. Наконецъ, монархъ сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ и верховную судебную власть: онъ не связанъ приговорами, постановленными подчиненными ему инстанціями, и можетъ ежечасно потребовать переноса дѣла на собственное разбирательство. Никакой актъ не ограничиваетъ свободы короля, монархъ не можетъ ни наложить извѣстныхъ обязательствъ на своихъ преемниковъ, ни связать себя самого. Королевскій адвокатъ, въ засѣданіи отъ 21 мая 1501 года, прямо говоритъ: „Король не можетъ обязываться присягой; онъ не въ силахъ также наложить какія-либо ограниченія на своихъ наслѣдниковъ“.

Такимъ образомъ въ эпоху начавшихся преслѣдованій противъ кальвинистовъ-гугенотовъ монархическая власть во Франціи представляла собою возрожденіе неограниченной власти римскихъ императоровъ, съ тою особенностью, что, въ противность послѣдней, она являлась служительницей интересовъ господствующей церкви, мечомъ послѣдней въ преслѣдованіи еретичества и поддержаніи единовѣрія. Выработавшаяся такимъ образомъ доктрина отвергала изъ ученій древности ученіе о народномъ происхожденіи королевской власти и признавала ея источникомъ непосредственное надѣленіе Богомъ. Въ декларацiяхъ парламента отъ конца XV ст. мы читаемъ: „Короли держатъ свою власть отъ Бога и не имѣютъ другого суверена, кромѣ Него. Короля нельзя создать путемъ выбора“.

(Однако), традиція сословной монархіи съ ея генеральными и провинціальными штатами, а также и контролирующими законодательство парламентами и верховными палатами, наконецъ, съ нѣкоторыми вѣками созданными обычаями и немногими основными законами, была еще настолько жива во французскомъ обществѣ конца XV и XVI вѣка, что многіе изъ публицистовъ, объявляя себя сторонниками единовластія, въ то же время дѣлали оговорки въ пользу старинныхъ вольностей и поддерживавшихъ ихъ обычаевъ и законовъ. Весьма характерно въ этомъ отношеніи сочиненіе Сейселя, который въ своей „Grande monarchie de France“, впервые обнародованной въ 1519 г., рекомендуетъ королю-суверену самоограниченіе его власти, отчего послѣдняя, думаетъ онъ, только сдѣлается болѣе устойчивой. Сейсель признаетъ въ виду этого: во-первыхъ, право членовъ духовенства дѣлать монарху единоличныя представленія о несоотвѣтствіи его дѣйствій съ закономъ какъ Божескимъ, такъ и человѣческимъ. „Это право помѣшаетъ королю,—думаетъ нашъ писатель,—сдѣлаться тираномъ“ или, какъ онъ выражается, „предпринимать дѣйствія неимовѣрныя и заслуживающія порицанія“. Во-вторыхъ, онъ признаетъ за парламентами право ограничивать произволъ короля и утверждаетъ, что эти верховные суды и созданы были съ этой цѣлью. Сейсель думаетъ, что ихъ противодѣйствіе можетъ быть только временно парализовано, но не сломано окончательно. Замѣчательно при этомъ, что онъ не говоритъ о болѣе существенномъ ограниченіи, какое представляли еще недавно генеральные штаты. Въ его книгѣ о нихъ не сказано ни слова, какъ нѣтъ въ ней рѣчи и о томъ практическомъ средствѣ противодѣйствія произволу, какимъ являлся отказъ парламентовъ внести въ свои протоколы новые указы и законы, не согласные въ ихъ глазахъ съ государственными порядками Франціи. Оба упущенія очень характерны, такъ какъ показываютъ, что въ первой четверти того столѣтія, въ ко-

торомъ Францiя призвана была пережить религiозныя войны, порожденныя реформацiей, прежнiе устои готической монархiи были уже вполнѣ поколеблены.

Какъ ни скромны тѣ оговорки, какiя Сейсель дѣлаетъ противъ признанiя французскаго монарха неограниченнымъ, тѣмъ не менѣе его мысли кажутся слишкомъ смѣлыми позднѣйшимъ писателямъ, современникамъ Франциска I. Такiе юристы, какъ Грассайль, напримѣръ, рѣшительно признаютъ короля стоящимъ выше всякой власти и всякихъ законовъ. Грассайль доходитъ до утвержденiя, что онъ въ своемъ королевствѣ — своего рода тѣлесный богъ, и объявляетъ, что Господь надѣлилъ его способностью творить чудеса, подъ чѣмъ, очевидно, разумѣется признаваемое за нимъ народомъ чудодѣйственное лѣченiе золотухи. Одновременно юристы, засѣдавшiе въ парламентѣ, устами президента Гильера отказывались отъ прежняго признанiя поставить короля подъ власть законовъ путемъ отказа въ ихъ регистрацiи. Другой юристъ, Iоаннъ Монтель, въ своемъ латинскомъ трактатѣ, заявлялъ, что парламентъ не можетъ претендовать на равную власть съ королемъ и не имѣетъ другого авторитета, кромѣ производнаго отъ короля. Даже тѣ, кто, подобно извѣстному гуманисту Бюдэ, не прочь были приписывать установленiе королевской власти договору, останавливались на той мысли, что этимъ договоромъ народъ, создавшiй короля, вполнѣ отказался въ его пользу отъ своей первоначальной свободы. Неудивительно поэтому, если въ своемъ „Политическомъ зерцалѣ", отъ 1555 года, Гильомъ де-Перейръ считаетъ возможнымъ напасть на тѣхъ, кто видитъ во Францiи какiя-либо черты смѣшаннаго правительства и признаетъ въ ней участiе во власти со стороны аристократiи. „Сближаютъ, — пишетъ онъ, — парламенты съ эфорами Лакедемонiи; несомнѣнно, что тѣ и другiе — судьи высшей инстанцiи, на которыхъ нѣтъ апелляцiи, но какая разница въ ихъ политическихъ правахъ! Эфоры налагали узду на королей, парламенты же ведутся на уздѣ королями, которые наказываютъ ихъ членовъ, отмѣняютъ ихъ приговоры по усмотрѣнiю и опредѣляютъ ихъ дѣятельность своими эдиктами и ордонансами".

Противъ этихъ-то писателей и выступили сторонники ученiя о первоначальномъ верховенствѣ народа и надѣленiи имъ королей однѣми ограниченными функцiями. Нельзя сказать, чтобы не только Кальвинъ, но и его ближайшiе послѣдователи сразу стали сторонниками такой точки зрѣнiя. При несомнѣнныхъ аристократическихъ пристрастiяхъ, которымъ и отвѣчалъ установленный имъ въ Женевѣ правительственный порядокъ, Кальвинъ въ то же время проповѣдовалъ во Францiи повиновенiе предержащимъ властямъ, совершенно въ духѣ посланiй апостола Павла („Повинуйтеся владыкамъ не только благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ"). Изъ этого правила о пассивномъ повиновенiи онъ дѣлалъ исключенiе только для того случая, когда монархъ повелѣваетъ что-либо не согласное съ волей Божiей и велѣнiями нашей совѣсти. „Повиновенiе властямъ, — учитъ Кальвинъ, — не должно мѣшать подчиненiю Тому, съ Которымъ должны быть согласны приказы правителей, передъ которымъ должна приходить въ уничтоженiе всякая мiрская власть. Грѣхомъ было бы подчинять свои поступки желанiямъ людей, заслуживая тѣмъ самымъ негодованiе Того, изъ-за любви къ Кому мы повинуемся этимъ людямъ. Богъ — Царь царей, и когда Онъ разверзаетъ Свои священныя уста, Его слово должно быть исполняемо всѣми и надъ всѣми". Нельзя сказать, чтобы это ученiе существенно разнилось съ тѣмъ, какое высказывали и като-

лическіе богословы, и богословы православные, говоря о пассивномъ сопротивленіи велѣніямъ свѣтской власти, разъ они противны слову Божію. Но въ такомъ отступленіи отъ правила о подчиненіи властямъ уже заключался зародышъ, изъ котораго могла развиться болѣе революціонная доктрина о границахъ закономѣрнаго повиновенія. И эту доктрину, со всѣми вытекающими изъ нея выводами, мы находимъ уже въ тѣхъ многочисленныхъ памфлетахъ, какіе изданы были писателями изъ среды гугенотовъ въ годы, слѣдовавшіе за Варѳоломеевской ночью.

Никто не выразилъ ее съ большей силой, чѣмъ авторъ трактата, озаглавленнаго по латыни: „Vindiciae contra tyranos“ и вышедшаго въ 1579 году, подъ псевдонимомъ Юнія Брута. До послѣдняго времени обыкновенно отождествляли анонимнаго автора этого трактата съ Губертомъ Лангэ, но нынѣ найдены достаточныя основанія къ тому, чтобы приписать его Дю-Плесси-Морнэ, гугеноту и выдающемуся французскому аристократу, исполнявшему служебныя обязанности при дворѣ Наваррскомъ, при дворѣ будущаго короля Франціи Генриха IV. Дю-Плесси-Морнэ ставитъ вопросъ о томъ, кому повиноваться въ томъ случаѣ, если воля князя идетъ вразрѣзъ съ волею Божьею? Рѣшеніе подсказываетъ ему воззрѣніе на короля, какъ на намѣстника Божія. Къ отношеніямъ обѣихъ властей, небесной и земной, авторъ прилагаетъ теорію феодальныхъ отношеній сюзерена къ вассалу. Богъ — сюзеренъ одинаково и для короля и для народа; король и народъ—его вассалы. Народъ обязанъ прежде всего оставаться народомъ Божіимъ, а потому въ правѣ противиться монарху, приказывающему противное Божьей волѣ. Но, говоря о народѣ, Дю-Плесси-Морнэ разумѣетъ подъ нимъ не толпу, которая въ это время, какъ и столѣтіе спустя во Франціи, пользуется незавидной извѣстностью, подъ наименованіемъ „черни“ (populace), а организованное представительство націи, ея сословныя палаты или штаты, которые для него являются сокращеннымъ выраженіемъ королевства (bref recueil du royaume). Если короли не исполняютъ своего долга по отношенію къ Богу и предписываютъ народу что-либо несогласное съ Его велѣніями, народъ можетъ возстать, но только въ томъ случаѣ, если во главѣ его станетъ по крайней мѣрѣ часть организованнаго представительства націи. Частное сопротивленіе недопустимо, возможенъ только болѣе или менѣе общій протестъ. Должно ли противодѣйствіе власти ограничиться только случаями, когда король предписываетъ что-либо несогласное съ Божескою волею? „Нѣтъ, — отвѣчаетъ Дю-Плесси-Морнэ;—всякое угнетеніе княземъ государства даетъ право къ такому же сопротивленію“. И, говоря это, онъ, очевидно, идетъ гораздо далѣе мысли Кальвина, знавшаго, какъ мы видѣли, только одно исключеніе изъ обязательства пассивнаго повиновенія: именно то, когда оно противорѣчитъ закону Божьему. Но какъ, спрашивается, пришелъ Дю-Плесси-Морнэ къ такому радикальному рѣшенію? Оживляя то же ученіе о королѣ, какъ о получившемъ власть отъ народа, какое у римлянъ выступало въ ихъ представленіи о lex regia, т.-е. о законѣ, которымъ народъ будто бы добровольно перенесъ свою власть въ руки императора.

И ранѣе Дю-Плесси-Морнэ, въ XIV вѣкѣ, въ самый разгаръ столкновенія свѣтской власти съ духовной, Марсилій Падуанскій искалъ въ этомъ мнимомъ перенесеніи верховенства націи въ руки императора обоснованіе притязаній послѣдняго господствовать надъ папою. „Народъ, — учитъ Дю-Плесси-Морнэ, — создаетъ царей, ввѣряетъ скипетръ въ ихъ руки и своимъ выборомъ подкрѣпляетъ ихъ избраніе“.

Говоря это, нашъ авторъ молчаливо признаетъ вѣрность той весьма сомнительной въ историческомъ отношеніи доктрины, которая построена была шестью годами ранѣе другимъ гугенотомъ, Готоманомъ, въ его извѣстномъ памфлетѣ „Франко-Галлія". Здѣсь утверждался, но, разумѣется, не доказывался тотъ фактъ, что генеральные штаты унаслѣдовали отъ франковъ право избранія королей. „Всѣ государства Европы, — заявляетъ Дю-Плесси-Морнэ, — признаютъ за сословнымъ представительствомъ такое право установленія монарховъ". Въ доказательство онъ могъ бы сослаться развѣ на примѣръ избранія императора германскаго коллегіей курфирстовъ; но нашъ авторъ не дѣлаетъ этого и довольствуется ссылкой на то, что подобные порядки отсутствуютъ только въ Турціи и въ Московіи, которыя въ его глазахъ болѣе отвѣчаютъ большимъ организованнымъ шайкамъ, чѣмъ имперіямъ (plutot grands brigaudages qu'empires—то же уподобленіе, какое блаженный Августинъ дѣлаетъ въ своемъ „Божьемъ-царствѣ", говоря о государствахъ, лишенныхъ справедливости). Насъ можетъ интересовать вопросъ, откуда Дю-Плесси-Морнэ почерпнулъ свое представленіе о Московіи, какъ о не знающей контроля сословнаго представительства надъ единовластнымъ монархомъ. Отвѣтъ не труденъ: стоитъ только вспомнить о широкомъ распространеніи, какимъ пользовалось разсужденіе іезуита Антонія Поссевина о Московіи въ царствованіе ближайшихъ предшественниковъ Ивана Грознаго, и тотъ, также латинскій трактатъ „о тираніи", который былъ написанъ совѣтникомъ Елизаветы Вальтеромъ Ралейгомъ, на основаніи свѣдѣній, дошедшихъ до англійскаго двора, о внутренней и внѣшней политикѣ Ивана Грознаго.

Дю-Плесси-Морнэ является предшественникомъ демократическихъ теорій XVII и XVIII вѣковъ не только потому, что признаетъ народъ источникомъ всякой власти, но и потому, что, опережая почти на двѣсти лѣтъ Руссо, онъ учитъ, что верховенство не можетъ быть потеряно народомъ въ силу давности. Суверенитетъ народа, такимъ образомъ, выражаясь языкомъ автора „Общественнаго договора", неотчуждаемъ въ глазахъ Дю-Плесси-Морнэ. „Народъ никогда не умираетъ,—пишетъ онъ,—тогда какъ короли сходятъ со сцены одинъ за другимъ. Подобно тому, какъ непрерывное теченіе воды даетъ вѣчность потоку, такъ точно смѣна рожденій и смертей дѣлаетъ народъ базсмертнымъ." „Изъ всего этого слѣдуетъ,—заключаетъ Дю-Плесси-Морнэ,—что ни теченіе времени, ни перемѣна въ лицахъ не могутъ нимало измѣнить правъ народа." Сочиненіе Дю-Плесси-Морнэ различаетъ два вида договора, опредѣляющихъ собою порядокъ государственнаго устройства націи: договоръ Бога съ народомъ и народа съ королемъ. О первомъ договорѣ, какъ справедливо замѣчаетъ Фиггисъ, не заходитъ болѣе рѣчи у послѣдующихъ писателей, отнесенныхъ Барклеемъ къ числу такъ называемыхъ „монарходѣлателей"; что же касается до договора короля съ народомъ, то Дю-Плесси-Морнэ считаетъ его, подобно всѣмъ слѣдующимъ за нимъ писателямъ, вплоть до Локка, налагающимъ на обѣ стороны извѣстныя обязательства, которыхъ ни одна не можетъ нарушить. Въ договорномъ происхожденіи власти короля, какъ понимаетъ его Дю-Плесси-Морнэ, справедливо видѣть переживаніе феодальной точки зрѣнія, легко объяснимой въ человѣкѣ, принадлежавшемъ къ членамъ феодальной аристократіи. Для Дю-Плесси-Морнэ король — сюзеренъ, а народъ — его вассалы; отношенія обоихъ опираются на взаимной присягѣ, выговаривающей каждой изъ сторонъ рядомъ съ правами и извѣстныя обязательства. Договоръ можетъ быть и молчаливо

заключеннымъ; онъ отъ этого не теряетъ своей силы. Стражами выполненія его сторонами надо считать сановниковъ. Нарушающій договоръ монархъ тѣмъ самымъ становится тираномъ. Сановники въ правѣ принудить его силою къ соблюденію принятыхъ обязательствъ. Дю-Плесси-Морнэ различаетъ двоякаго рода сановниковъ: единоличныхъ, какъ коннетабля и маршала, и коллегіально отправляющихъ свою власть, которыми онъ объявляетъ патриціевъ и палатиновъ, т.-е. членовъ аристократическихъ камеръ; на нихъ падаетъ обязанность принудить монарха, выродившагося въ тирана, къ исполненію договора, заключеннаго имъ съ народомъ. Частнымъ же лицамъ, какъ таковымъ, онъ отказываетъ въ правѣ поднять мечъ справедливости даже противъ тирана, „такъ какъ послѣдній,—пишетъ онъ,—установленъ былъ не частными лицами, а совокупностью гражданъ" (non a singulis, sed ab universis).

Сочиненіе Дю-Плесси-Морнэ представляетъ намъ теорію монарходѣлателей уже вполнѣ сложившейся. Суверенитетъ признанъ за народомъ, монархъ—его ставленникъ; обоюдный договоръ связываетъ стороны, нормы навсегда нерушимы, сановники въ правѣ озаботиться ихъ соблюденіемъ и прибѣгнуть къ возстанію, какъ къ крайнему средству принужденія вѣроломной стороны. Спрашивается теперь, какъ зародилась сама теорія? Какимъ путемъ кальвинисты отъ признанія, вслѣдъ за самимъ основателемъ ихъ вѣроученія, необходимости пассивнаго повиновенія во всемъ, что не затрогиваетъ интересовъ совѣсти и религіи, могли постепенно перейти къ ученію о закономѣрномъ повиновеніи въ границахъ договора, связывающаго правительство съ подданными? Отвѣчая на этомъ вопросъ, мы тѣмъ самымъ представимъ краткій очеркъ развитія либеральной, если не демократической, доктрины во Франціи въ эпоху религіозныхъ войнъ, доктрины, которой упроченіе абсолютизма во времена Ришельё и въ правительство Людовика XIV не дало возможности развиться, но съ которой мы встрѣтимся въ другихъ странахъ, въ Шотландіи, Англіи и Нидерландахъ, задолго до того момента, когда Ж.-Ж. Руссо не только оживитъ, но и восполнитъ ее, послѣ чего этой доктринѣ суждено будетъ сдѣлаться программой демократической партіи на протяженіи всей Западной Европы въ теченіе не одного XVIII, но и первой половины XIX столѣтія.

Борьба кальвинистовъ съ французскимъ правительствомъ загорается изъ-за поддержки королями, начиная съ Франциска I, притязаній католичества быть вселенской церковью и искоренить всякое разновѣріе. Еретиковъ ждетъ не одна правительственная опала, но и сожженіе на кострѣ. Только такія крайнія средства побуждаютъ ихъ отказаться отъ рекомендованнаго имъ Кальвиномъ подчиненія предержащимъ властямъ во всѣхъ тѣхъ вопросахъ, въ которыхъ воля начальства не противорѣчитъ Божьему завѣту. Только поставленные въ необходимость жертвовать жизнью ради исповѣданія вѣры, они рѣшаются возбудить вопросъ о границахъ закономѣрнаго повиновенія, о дѣйствительномъ источникѣ власти и неотъемлемыхъ правахъ личности.

Когда при Генрихѣ II французское правительство вызвало своими денежными вымогательствами — установленіемъ новыхъ налоговъ, продажей вновь создаваемыхъ должностей, широкой конфискаціей частной собственности и т. д.—возстаніе между жителями Бордо въ 1548 г., и это движеніе было подавлено въ крови начальникомъ королевскихъ войскъ, Монморанси,—не изъ среды церковныхъ проповѣдниковъ кальвинизма, а изъ устъ юриста-практика раздался „призывъ къ сверженію доброволь-

наго рабства". Говоря это, я разумѣю распространенную въ рукописяхъ вскорѣ послѣ подавленія возстанія въ Бордо и отпечатанную не ранѣе какъ въ 1577 году брошюру Ла-Боэси: „Рѣчь о добровольномъ рабствѣ".

Кальвинисты на первыхъ порахъ не только не согласились послѣдовать этому совѣту, но и подняли голосъ противъ него. Да и могли ли они поступить иначе, оставаясь вѣрными завѣту своего учителя, дозволившаго угнетаемымъ обращеніе за помощью только къ такимъ установленнымъ властями учрежденіямъ, какими были, какъ онъ выражался, эфоры въ Спартѣ, трибуны въ Римѣ, начальники надъ демами или демархи въ Аѳинахъ, а въ современной ему Франціи — генеральные штаты. Кальвинисты были послѣдовательны сами съ собою, отказываясь поэтому ниспровергнуть „добровольное рабство". Въ 1559 году, въ концѣ кроваваго царствованія Генриха II, они еще признаютъ въ текстѣ редактированнаго ихъ синодомъ исповѣданія вѣры, что Богомъ созданы какъ королевства, такъ и республики, и что ихъ правители—намѣстники Божіи на землѣ; даже въ томъ случаѣ, когда они не исповѣдуютъ правой вѣры (infidèles), слѣдуетъ повиноваться ихъ законамъ, платить имъ налоги и нести подчиненія ихъ власти съ любовью и явной готовностью.

Только возобновившееся снова преслѣдованіе еретиковъ при Францискѣ II, въ 1560 г., заставило кальвинистовъ сразу отступать отъ принциповъ, выраженныхъ въ только-что приведенныхъ документахъ. Совѣтникъ Генриха II, кальвинистъ Анна Дю-Буръ, брошенный въ тюрьму въ концѣ его царствованія, подвергнутъ былъ публичному сожженію. Передъ судьями, приговорившими его къ этой казни, Дю-Буръ произнесъ рѣчь, распространенную затѣмъ съ помощью печатнаго станка въ тысячахъ экземпляровъ. Въ ней высказывалось то положеніе, что Богу, поставившему князя и надѣлившему его властью надъ народомъ, слѣдуетъ повиноваться больше, чѣмъ правителю земному. Король долженъ подчиняться велѣніямъ своего суверена, Бога, и повиненъ въ измѣнѣ Ему, когда предписываетъ что-либо противное волѣ Божьей. Мало этого, онъ достоинъ казни, если упорствуетъ въ заблужденіи, которое ему надлежало бы осудить.

Если, такимъ образомъ, еще до Варѳоломеевской ночи зародились среди кальвинистовъ мысли, несогласныя съ теоріей пассивнаго повиновенія, то можно судить, какое вліяніе должно было оказать въ томъ же направленіи и знаменитое избіеніе ихъ съ вѣдома и согласія короля Карла IX. Еще ранѣе этого времени Федоръ Безъ, преемникъ Кальвина въ Женевѣ, въ трактатѣ „О правѣ сановниковъ надъ подданными", вышедшемъ въ 1573 г. и принадлежность котораго Безу вполнѣ установлена Альфредомъ Кортье не далѣе, какъ въ 1900 г., защищая свободу совѣсти своихъ религіозныхъ собратьевъ, возрождаетъ ученье о естественномъ правѣ человѣка и выводитъ изъ него то заключеніе, что люди должны противиться князьямъ, предписывающимъ имъ поведеніе, несогласное съ религіей и справедливостью.

На разстояніи немногихъ лѣтъ со времени „кровавой бани", устроенной Гизами при Карлѣ IX, французскій юристъ и гугенотъ Францискъ Готоманъ написалъ свой трактатъ о Франко-Галліи, въ которомъ старался дать и историческое и юридическое обоснованіе главенству генеральныхъ штатовъ надъ королемъ. Эта точка зрѣнія проводится, впрочемъ, не однимъ Готоманомъ, но и цѣлымъ рядомъ авторовъ анонимныхъ памфлетовъ, въ числѣ которыхъ одинъ, озаглавленный „Будильникъ", настаиваетъ на томъ что права народа не могутъ быть потеряны въ силу давности, „что верховенство всегда остается за нимъ и что короли Франціи при коронаціи

клянутся сохранить за каждымъ его рангъ и сословныя преимущества". Народъ можетъ поэтому отнять верховенство у князя, которому оно было предоставлено націей.

Въ только-что резюмированномъ трактатѣ имѣется ссылка на французскія учрежденія, на присягу, даваемую монарху, но на значеніе генеральныхъ штатовъ въ ограниченіи монархической власти не указано. За Готоманомъ поэтому надо признать ту заслугу, что первый онъ въ прошломъ Франціи сталъ искать гарантіи противъ произвола. Такую гарантію онъ думалъ найти въ существованіи генеральныхъ штатовъ. „Галлія,—пишетъ онъ,—состояла изъ большого числа маленькихъ городовъ-государствъ, управляемыхъ—одни совѣтами, а другіе—королями. Но и въ королевствахъ власть не была наслѣдственной; ее отправляли по порученію народа люди испытанные, извѣстные своими дарованіями и добродѣтелями. Ихъ власть не была абсолютной, но ограниченной законами. Они столько же стояли надъ народомъ, сколько народъ надъ ними. „Изъ этого слѣдуетъ,—пишетъ Готоманъ,—что Платонъ, Аристотель, Полибій и Цицеронъ весьма вѣрно и съ мудростью судили, говоря, что такой порядокъ представляетъ собою наиболѣе совершенную и наиболѣе прочную форму политическаго устройства. „Болѣе чѣмъ необходимо,—продолжаетъ онъ,—чтобы король былъ удерживаемъ въ границахъ своихъ обязанностей авторитетомъ добрыхъ и честныхъ мужей, представляющихъ собою народъ,—народъ, надѣляющій ихъ полномочіями". Упомянувъ затѣмъ о подчиненіи Галліи Цезаремъ, упразднившимъ ея свободное политическое устройство, Готоманъ изображаетъ намъ галловъ призывающими къ себѣ германцевъ на помощь противъ римлянъ. Послѣ пораженія послѣднихъ германцы принимаютъ названіе франковъ, что значитъ—люди свободные. Съ этого времени они продолжаютъ заслуживать это наименованіе самымъ фактомъ сохраненія своей свободы подъ властью королевской. Нельзя смотрѣть какъ на рабство на самое повиновеніе королю. Только тѣ, кто подчиняется произволу тирана или разбойника, или палача, какъ овцы мяснику, только тѣ должны быть названы крѣпостными и рабами. Когда французы избирали своихъ королей, они только ставили надъ собою попечителей, защитниковъ своей свободы. Власть королевская,—утверждаетъ Готоманъ,—всегда была избирательной во Франціи. Народъ, правда, давалъ въ своихъ выборахъ предпочтеніе сыновьямъ покойнаго короля, но такъ какъ онъ не былъ обязанъ къ тому, то короли и озабочены были мыслью доставить возможно хорошее воспитаніе дѣтямъ. Какъ избранный народомъ, монархъ могъ быть и низложенъ послѣднимъ. Народному собранію предоставлено было распоряжаться и судьбою государственныхъ доменовъ; отчужденіе ихъ было возможно только съ согласія штатовъ. Управленіе государствомъ принадлежало не королю, а общему собранію страны,—собранію трехъ сословій королевства. Въ составъ его входили король, нотабли и делегаты народа. И это—поистинѣ наилучшая форма правленія; она встрѣтила одобреніе еще философовъ древности. Аристократія служила противовѣсомъ монархіи и народному правительству и позволяла обоимъ держаться на одинаково высокомъ уровнѣ. Собраніе націи, извѣстное подъ именемъ placitum, или парламента, созывалось разъ въ годъ или чаще въ случаѣ нужды; оно озабочено было сохраненіемъ исконнаго принципа: „спасеніе народа—высшій законъ". Всякаго рода вопросы были обсуждаемы на этомъ собраніи; ему принадлежало избраніе и низложеніе королей, рѣшеніе вести войну или, наоборотъ, заключить ее миромъ, изданіе законовъ, замѣщеніе должностей, опредѣленіе

порядка наслѣдованія въ королевской семьѣ, судъ надъ князьями и вотированіе денежныхъ субсидій. Всѣ рѣшенія принимались совмѣстно съ королемъ, дворянами и народными уполномоченными. Готоманъ приписываетъ установленіе генеральныхъ штатовъ еще Пепину и смѣшиваетъ ихъ съ „майскими полями“ эпохи Карловинговъ. Власть генеральныхъ штатовъ сказалась во время столкновенія Филиппа IV Красиваго съ папою Бонифаціемъ VIII. Позднѣе, при Людовикѣ XI, обнаруживавшемъ стремленія къ тираніи, штатамъ удалось добиться назначенія государственныхъ контролеровъ. „Такимъ образомъ, — пишетъ Готоманъ, — не далѣе 100 л. назадъ свобода французовъ и авторитетъ штатовъ еще были признаваемы“. Эта свобода имѣла, слѣдовательно, во Франціи болѣе чѣмъ тысячелѣтнее существованіе и нерѣдко защищаема была съ оружіемъ въ рукахъ. Къ несчастію, генеральные штаты замѣнены были парламентами, т.-е. верховными судами. Готоманъ объясняетъ этотъ фактъ развившеюся у французовъ страстью къ сутяжничеству. Юристы пріобрѣли неимовѣрную власть во Франціи. Они не только заступили мѣсто прежнихъ собраній генеральныхъ штатовъ, но еще заставили князей и самого короля подчиняться ихъ рѣшеніямъ. Третья французская династія, потомки Гугона Капета, несутъ за это отвѣтственность. Не ими ли переданы въ руки простыхъ судовъ, какими являются парламенты, всѣ прерогативы штатовъ, въ томъ числѣ внесеніе законовъ въ протоколы. Съ юристами отвѣтственность за потерю свободы во Франціи раздѣляетъ и римская церковь. Не кто, какъ она ввела въ страну римское право, кодексъ Юстиніана, и породила любовь къ процессамъ. Готоманъ не видитъ другого средства противъ этого бѣдствія, кромѣ возращенія къ священному писанію, къ Библіи, а также къ мудрости предковъ.

Книга Готомана даетъ, разумѣется, невѣрную интерпретацію хода развитія французскихъ учрежденій. Генеральные штаты не восходятъ къ временамъ первыхъ двухъ династій и возникли при Филиппѣ IV въ началѣ XIV вѣка. Королевская власть весьма рано перестала быть избирательной. Штаты не имѣли законодательной власти, а только право совѣта по дѣламъ законодательства. Ихъ значеніе зависѣло, главнымъ образомъ, отъ возможности отказать королю въ субсидіяхъ. Весьма рѣдко имъ удавалось присвоить себѣ контроль надъ администраціей, а тѣмъ болѣе — выборъ сановниковъ. Но значеніе книги Готомана лежитъ не въ построенной имъ исторической теоріи, а въ защищаемой имъ политической доктринѣ, въ ученіи, что суверенитетъ принадлежалъ націи и осуществляемъ былъ генеральными штатами. Съ меньшей запальчивостью, чѣмъ Дю-Плесси-Морнэ, Готоманъ проводитъ то же ученіе, что и послѣдній, и подобно ему настаиваемъ на сосредоточеніи права представительства народа въ рукахъ сословныхъ палатъ. Дю-Плесси-Морнэ только рѣзче подчеркиваетъ общее ему съ Безомъ ученіе о договорѣ народа съ правителемъ, — договорѣ явномъ или молчаливомъ и допускающемъ возможность для народа, установившаго короля, отказать ему въ повиновеніи, разъ онъ пожелаетъ сдѣлаться тираномъ. Дю-Плесси-Морнэ отказываетъ, однако, толпѣ въ правѣ открытаго возстанія; для него, аристократа, толпа становится звѣремъ съ милліономъ головъ, какъ только ее выпустятъ на свободу. Въ ея дѣйствіяхъ нельзя найти ни умѣнія, ни опытности, ни толка. Дю-Плесси-Морнэ отказываетъ также и частнымъ лицамъ въ правѣ противодѣйствія королю, разъ они не находятъ поддержки хотя бы въ части сановниковъ. Иное дѣло генеральные штаты, настоящій народъ, народъ, воля котораго выражается его уполномоченными. Этихъ

представителей мы находимъ и въ городахъ, и въ провинціяхъ, ими являются установленные народомъ сановники. Въ союзѣ съ ними, съ этими контролерами короля, съ этими товарищами его во властвованіи, народъ, ихъ поставившій, въ правѣ возстать, въ правѣ оказать сопротивленіе тираніи; но надъ всѣми этими властями возвышаются генеральные штаты, которые въ сокращеніи представляютъ все королевство, и къ нимъ надо возводить поэтому окончательное рѣшеніе всѣхъ его дѣлъ.

Общее всѣмъ разсмотрѣннымъ нами доселѣ писателямъ, то, что изъ принципа народнаго самодержавія они дѣлаютъ неожиданный выводъ въ пользу возстановленія сословнаго или болѣе или менѣе аристократическаго учрежденія генеральныхъ штатовъ. Въ этомъ надо видѣть вліяніе двухъ обстоятельствъ: съ одной стороны, того, что сами пропагандисты доктрины принадлежали по рожденію къ той феодально-дворянской партіи, которая, по вѣрному замѣчанію проф. Лучицкаго, и стала во главѣ кальвинистскихъ движеній во Франціи въ эпоху религіозныхъ войнъ. Другая причина лежитъ въ тѣсной связи съ только-что указанной. Феодальная партія, изъ которой вышли Дю-Плесси-Морнэ и Готоманъ, была недовольна тѣми успѣхами абсолютизма, какіе могутъ быть отмѣчены въ исторіи Франціи съ послѣдней четверти XV столѣтія. Члены ея сохраняли благодарную память о тѣхъ порядкахъ, которые на генеральныхъ штатахъ въ Турѣ позволили ихъ ближайшимъ предшественникамъ поставить на очередь вопросъ объ обращеніи привилегій и вольностей, дарованныхъ отдѣльными правителями Франціи, въ постоянную конституцію, опирающуюся на письменномъ договорѣ сословій съ королемъ. Неудивительно, если въ этомъ оживленіи, порядковъ, отошедшихъ уже въ прошлое, они видѣли ближайшее средство обезопасить себя отъ правительственнаго произвола, задѣвавшаго ихъ интересы, отъ тѣхъ гоненій, жертвою которыхъ сдѣлались проповѣдуемая ими вѣра, мѣстныя свободы, штаты и верховныя палаты отдѣльныхъ провинцій. Этимъ только и можно объяснить то странное сочетаніе народнаго суверенитета съ аристократическимъ по природѣ правительствомъ, которое выступаетъ въ доктринѣ французскихъ „монархо-дѣлателей“ XVI вѣка. Когда, на разстояніи почти ста лѣтъ, мы встрѣтимся съ выраженіемъ той же договорной теоріи происхожденія власти подъ перомъ Жюссье, во Франціи сломано будетъ единовластіемъ короля всякое противодѣйствіе аристократическихъ камеръ и совѣтовъ. Генеральные штаты окажутся вымершими съ 1614 г., парламенты—подавленными заявленіемъ юноши-короля: „Государство, это—я“, и кальвинисту-проповѣднику, поддерживающему оппозицію своей паствы бодрящимъ словомъ въ моментъ преслѣдованій, не придется болѣе вызывать и тѣни отошедшихъ въ прошлое учрежденій, а только рисовать въ ея воображеніи картины народа, возвращающаго въ свои руки искони принадлежавшій ему суверенитетъ, временно только препорученный имъ монарху и потерянный послѣднимъ въ виду несоблюденія имъ связывавшаго его договора.

4. КАТОЛИЧЕСКАЯ РЕАКЦІЯ ВЪ АНГЛІИ.

XCI. Марія Тюдоръ.

(Изъ соч. Мауренбрехера: „England im Reformationszeitalter".)

Марія, дочь Катерины испанской, раздѣляла пламенную приверженность своей матери къ католицизму; она была воспитана въ ненависти къ новой религіи; обладая твердымъ, непреклоннымъ характеромъ, воодушевленная однимъ лишь испанскимъ фанатизмомъ, не отступавшимъ ни передъ чѣмъ, она не знала, что такое снисходительность, уступчивость. Въ завѣщаніи Генриха VIII она была назначена ближайшей наслѣдницей послѣ своего младшаго брата: такимъ образомъ, она еще разсчитывала когда-нибудь наслѣдовать корону Эдуарда VI.

Въ то время она подавала всѣмъ недовольнымъ въ странѣ мужественный примѣръ—не подчиняться церковнымъ распоряженіямъ правительства: она объявила, что не можетъ оставить католической мессы, она публично и рѣшительно отклонила предложеніе присутствовать при англиканско-протестантскомъ богослуженіи; а когда государственный совѣтъ хотѣлъ принудить ее къ подчиненію своимъ распоряженіямъ, въ пользу ея вмѣшалась императорская политика. Въ концѣ концовъ Марія все-таки настояла на своемъ.

Положеніе дѣлъ въ Англіи все болѣе и болѣе становилось неопредѣленнымъ, шаткимъ. Авторитетъ стойкой, энергической принцессы постоянно возрасталъ въ глазахъ массы; приверженность Маріи къ испанской политикѣ не подлежала сомнѣнію; государственные дѣятели, принадлежавшіе къ протестантской партіи, опасались возстанія католиковъ съ цѣлью возвести на тронъ Марію, что снова угрожало рѣзкимъ переворотомъ въ государственномъ управленіи. Такой исходъ все болѣе и болѣе казался вѣроятнымъ.

Король Эдуардъ не имѣлъ почти никакого вліянія на ходъ государственнаго управленія. Этотъ юный правитель получилъ самое тщательное воспитаніе; онъ занимался серьезными науками, преимущественно же основательно былъ знакомъ съ св. писаніемъ; такимъ образомъ, онъ сдѣлался ревностнымъ сторонникомъ строго-реформатскихъ воззрѣній на жизнь. Съ особеннымъ интересомъ изучалъ онъ преимущественно чисто протестантскія поучительныя сочиненія. Пріученный къ порядку и дисциплинѣ ума, онъ имѣлъ обыкновеніе вносить свои мысли, свои наблюденія, свои чувства въ тщательно веденный дневникъ, который свидѣтельствуетъ намъ о ранней развитости христіански-благочестиваго юноши. Въ немъ, такъ сказать, жилъ, проникалъ все его существо духъ Сомерсета, его идеи, и несомнѣнно, что, проживи онъ долго, міръ увидѣлъ бы въ немъ одного изъ великодушныхъ, благородныхъ и проникнутыхъ протестантскими идеями королей Англіи.

Но Эдуардъ, подростая, становился болѣе и болѣе болѣзненнымъ; скоро мысль о его недолговѣчности распространилась по всей Англіи.

Ясно было также, что если по смерти Эдуарда вступитъ на престолъ, согласно завѣщанію Генриха VIII, старшая сестра его, то все, сдѣланное въ послѣдніе годы, тотчасъ же будетъ уничтожено. Поэтому глава протестантской правительственной партіи задумалъ новый законъ о престолонаслѣдіи, и, въ самомъ дѣлѣ, если Генрихъ разъ по своему произволу установилъ порядокъ престолонаслѣдія, то почему бы его преемникъ не могъ измѣнить этого порядка? Кромѣ Маріи, была еще Елизавета, 19-ти-лѣтняя дочь Анны Болейнъ; были живы также внуки младшей сестры Генриха, которымъ онъ самъ отдавалъ преимущество предъ шотландской линіей.

Нортумберлендъ сталъ подготовлять переворотъ. Онъ привлекъ на свою сторону наиболѣе вліятельныхъ лицъ изъ знати, равнымъ образомъ, протестантское духовенство и даже самого нерѣшительнаго Кранмера и заручился обѣщаніемъ поддержки со стороны французскаго правительства. Нѣкоторое время онъ колебался въ выборѣ орудія для достиженія своихъ цѣлей между Елизаветою и Анною Грей, наконецъ, остановился на послѣдней; онъ выдалъ ее замужъ за своего сына и имѣлъ въ виду возвести ее на англійскій престолъ.

Когда, весною 1553 года, болѣзнь Эдуарда стала принимать болѣе и болѣе опасный характеръ, Нортуберлендъ побудилъ его подписать новый законъ о престолонаслѣдіи: такимъ образомъ, казалось, все было подготовлено къ тому, чтобы протестантская политика правительства, съ Нортуберлендомъ во главѣ, осталась неизмѣнною. Но планъ этотъ разбился объ энергію одной женщины: за режимомъ протестантской партіи сперва должно было послѣдовать ужасное господство католической партіи, прежде чѣмъ англиканская церковь могла сдѣлаться неотъемлемымъ достояніемъ націи.

Пока французы готовились помочь Нортумберленду, пока императоръ Карлъ V собиралъ свои силы, чтобы воспрепятствовать попыткѣ устранить Марію, больной король умеръ (6 іюля 1553 г.). Тотчасъ же Анна Грей была провозглашена англійскою королевою. Но заговорщикамъ не удалось взять въ плѣнъ принцессу Марію: она сумѣла избѣжать плѣна и, ни мало не колеблясь, немедленно стала во главѣ своихъ вѣрныхъ сторонниковъ; вопреки всѣмъ предостереженіямъ болѣе вѣрныхъ совѣтниковъ, она отважилась открыто выступить противъ заговорщиковъ. Между тѣмъ какъ въ самой Англіи по вопросу о престолонаслѣдіи всѣ еще чувствовали себя въ неловкомъ, неопредѣленномъ положеніи, когда даже самъ императоръ еще медлилъ открыто объявить себя противъ Анны Грей, самонадѣянная и мужественная Марія не теряла ни минуты. Въ странѣ многіе стали на ея сторону; самъ государственный совѣтъ, отчасти не совсѣмъ добровольно согласившійся на новый законъ о престолонаслѣдіи, также перешелъ на сторону Маріи; ея энергія такъ скоро побѣдила мятежниковъ, какъ никто не ожидалъ. Нортумберлендъ и его королева жестоко поплатилась за свою попытку овладѣть престоломъ.

Уже съ первыхъ дней стали ясно обнаруживаться признаки полнѣйшаго переворота, наступающаго въ государственномъ управленіи. Лица, до сихъ поръ стоявшія во главѣ управленія, немедленно и съ ужасомъ удалились отъ дѣлъ управленія страною; иностранные теологи были немедленно изгнаны изъ государства. Власть перешла опять въ руки партіи Гардинера, то-есть — партіи тайныхъ папистовъ; теперь эта партія уже не имѣла причинъ скрывать своихъ истинныхъ цѣлей и намѣреній и стала энергически стремиться къ ихъ выполненію.

Однимъ изъ первыхъ дѣйствій правительства новой королевы было—отслужить похоронную мессу по ея братѣ по католическому обряду, и хотя королева обѣщала, впредь до дальнѣйшихъ распоряженій, терпимость къ протестантскому настроенію лондонскихъ жителей, но уже на первыхъ порахъ повсюду было возстановлено католическое богослуженіе. Гардинеръ, такъ долго сдерживавшійся, не прилагавшій къ дѣлу своей ревности къ католицизму, теперь съ яростію началъ преслѣдовать каждаго священника съ протестантскими воззрѣніями. И когда архіепископъ Кранмеръ рѣшительно выступилъ за дѣло реформаціи, то немедленно былъ засаженъ въ Тоуеръ. Казалось, что всѣ реформы, введенныя при Эдуардѣ VI, были сновидѣніями: такъ быстро онѣ разсѣялись предъ наступившей бурей реакціи. Какъ ни настоятельно совѣтовалъ императоръ Карлъ, посланникъ котораго Симонъ Ренардъ, соотечественникъ Гранвеллы, имѣлъ весьма большое вліяніе на королеву, держаться благоразумнаго, осмотрительнаго, умѣреннаго образа дѣйствій, Маріи и Гардинеру казался погибшимъ каждый лишній день существованія протестантскихъ учрежденій. Чтобы предупредить могущія быть со стороны парламента возраженія и ограничительныя условія, которыя могли бы, при ея преданности католическимъ воззрѣніямъ, папству, нарушить спокойствіе ея совѣсти, Марія настояла на томъ, чтобы ея коронованіе было совершено до созыва парламента; священное муро, присланное для этого случая Гранвеллою, играло въ глазахъ королевы главную роль въ этой церемоніи.

Когда собрались представители страны, то правительство, благодаря своему сильному давленію на избирателей при выборахъ, имѣло уже такую силу, что предложенныя имъ реакціонныя измѣненія въ учрежденіяхъ церкви были приняты значительнымъ большинствомъ. Лишь относительно немногихъ пунктовъ правительство встрѣтило возраженіе и противорѣчіе со стороны парламента.

Теперь уже никто болѣе не хотѣлъ ничего знать о подчиненіи папѣ: католическая догма была по душѣ большинству населенія, но возвратиться къ прежнимъ церковнымъ порядкамъ, въ особенности къ папскому главенству, желали очень и очень немногіе. Равнымъ образомъ, былъ нанесенъ чувствительный ударъ католической ревности правительства и тѣмъ обстоятельствомъ, что большинство желало устранить преслѣдованіе иновѣрцевъ: парламентъ, совершенно въ духѣ перваго манифеста Маріи, постановилъ, что за непосѣщеніе католическаго богослуженія никто не долженъ быть подвергаемъ никакой отвѣтственности.

Но еще болѣе открыто парламентъ выступилъ противъ плановъ королевы въ другомъ вопросѣ—о ея бракѣ.

Бракъ Маріи казался дѣломъ рѣшеннымъ. Говорили, что она чувствуетъ склонность къ своему двоюродному брату, юному Куртнэ, и англичане были бы особенно довольны этимъ бракомъ; но Марія, нѣсколько дней спустя по вступленіи на престолъ, открыла посланнику Ренарду, что желаетъ избрать себѣ супруга по совѣту Карла и ко благу католической церкви. Нѣкоторое время думали, что она изберетъ брата Куртнэ, кардинала Поля; но императорское правительство, обсудивши этотъ вопросъ, нашло самымъ лучшимъ предложить ей въ мужья или самого Карла, съ которымъ она уже лѣтъ тридцать тому назадъ была обручена, или сына и наслѣдника Карла, Филиппа испанскаго. Ренарду болѣе и болѣе становилось ясно, что сама Марія склонна избрать именно Филиппа; вскорѣ она, съ внезапно охватившимъ ее энтузіазмомъ, какъ бы по вдохновенію свыше, заявила, что намѣрена выйти замужъ за Филиппа.

Англійскій парламентъ, опасавшійся иностранца и пытавшійся уговорить королеву избрать себѣ мужа между англичанами, долженъ былъ выслушать отъ разгнѣванной Маріи рѣзкое поученіе: „Я выйду замужъ за того человѣка, на котораго мнѣ указываетъ самъ Богъ, во славу Его св. имени и ко благу Англіи", съ раздраженіемъ возразила она оратору палаты. Воля ея, разъ она на что-нибудь рѣшилась, была непоколебима.

Въ декабрѣ 1553 г. послѣдовало оффиціальное предложеніе; вскорѣ былъ заключенъ брачный договоръ, и Марія съ страстнымъ нетерпѣніемъ ожидала назначеннаго ей супруга. Но такое рѣшеніе двора было встрѣчено въ народѣ неблагосклонно, что повело къ внутреннимъ смутамъ въ государствѣ.

Этотъ шагъ королевы Маріи не только нанесъ новый ударъ протестантской партіи, но и далъ ей въ руки средство воспламенять національныя страсти: угрожающая тираннія испанскаго короля изображалась самыми яркими красками; памфлеты противъ испанцевъ ревностно распространялись и читались; наконецъ, общее броженіе разразилось опаснымъ возстаніемъ въ Кентѣ. Съ помощью французскихъ денегъ было собрано войско; многіе изъ знати стали на сторонѣ возставшихъ, а другіе остались безучастны къ королевской политикѣ. Девизомъ возставшихъ было возведеніе на престолъ 20-ти-лѣтней Елизаветы, на которую все еще смотрѣли, какъ на наслѣдницу престола. И на этотъ разъ возстаніе сокрушилось о мужество и твердость Маріи: она не уступила напору народной толпы, своимъ появленіемъ она наэлектризовала массу, и всѣ виновные въ возстаніи подверглись жестокой карѣ, которой не избѣжалъ никто. Но всѣ рѣшенія были оставлены до прибытія супруга: тогда должно было совершиться возстановленіе папства, тогда должно было начаться подготовляемое уже Гардинеромъ безусловное, строгое преслѣдованіе иновѣрцевъ.

Наконецъ, 20 іюля 1554 г., король Филиппъ съ блестящею свитой высадился въ Соутгамптонѣ. Черезъ три дня онъ встрѣтился съ своей супругой, и вотъ, казалось, страстное желаніе Маріи наконецъ исполнилось. Теперь реакція, впервые, поддерживаемая испанцами, могла съ полною силой разразиться надъ Англіей.

Филиппъ и Марія, соединившіеся для достиженія общей цѣли, именно—католической реакціи, представляли своеобразную пару. Небольшого роста, худощавая и нѣжнаго тѣлосложенія, Марія мало походила по внѣшности на своего статнаго отца; она имѣла живые глаза, съ проницательнымъ, рѣзкимъ, страхъ наводящимъ взглядомъ; говорила она глубокимъ и громкимъ голосомъ, который скорѣе можно было принять за мужской, чѣмъ за женскій. Она умѣла говорить на пяти языкахъ, отличалась недюжинными способностями и здравымъ умомъ; она была искусна въ женскихъ рукодѣльяхъ и была любительница музыки. Она имѣла случай неоднократно доказать свое личное мужество; ея нравственная стойкость и рѣшительность возбуждали къ ней общее уваженіе. При этомъ все существо ея было проникнуто самымъ набожнымъ благочестіемъ: она душою и тѣломъ была предана католической церкви. Такъ какъ она была истерическая, нервная женщина, то во всѣхъ поступкахъ ея проявлялась возбужденность, нетерпѣливость, поспѣшность; она съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидала увидѣть исполненіе своихъ желаній и рѣшеніе своей жизненной задачи. Ея супругъ, бывшій двѣнадцатью годами моложе ея, всегда относился къ ней съ какимъ-то особеннымъ почтеніемъ.

Когда Филиппъ прибылъ въ Англію и сдѣлался супругомъ Маріи, онъ не питалъ особенно горячихъ чувствъ къ послѣдней. На бракъ съ нею онъ рѣшился чисто изъ политическихъ разсчетовъ. И въ данномъ случаѣ онъ, привыкшій всегда придавать должное значеніе политическимъ соображеніямъ, жертвовалъ свою личность для габсбургской политики и для блага католической церкви. Тѣмъ не менѣе Филиппъ старался казаться довольнымъ. По крайней мѣрѣ его спутники много разсказывали о его любезности и искренности по отношенію къ Маріи; они радостно извѣщали императора о возрастающемъ довѣріи между супругами. Вообще, были всѣ основанія къ тому, чтобы на этотъ разъ Филиппомъ остались болѣе довольны, чѣмъ въ первую его поѣздку въ Италію и Германію.

Отъ природы не отличавшійся особенною доступностью и любезностью, онъ, видимо, старался по отношенію къ англичанамъ высказывать дружелюбіе и обходительность: еще не совсѣмъ здоровый отъ переѣзда по морю, онъ, въ угоду англичанамъ, выпилъ кружку англійскаго пива; наиболѣе могущественныхъ вліятельныхъ лордовъ онъ награждалъ богатыми пенсіями, стараясь этимъ путемъ привлечь ихъ на сторону испанской политики; въ Лондонѣ онъ принималъ участіе въ торжественныхъ въѣздахъ и празднествахъ, чтобы пріобрѣсть любовь низшихъ классовъ. При этомъ онъ старался скрывать свое вліяніе на англійское правительство; онъ показывалъ видъ, что совершенно не вмѣшивается въ англійскія дѣла.

Теперь впервые настало удобное время для выполненія плановъ королевы; теперь впервые явилась возможность осуществить сокровеннѣйшія мысли реакціи; теперь впервые можно было съ огнемъ и пытками рѣшительно выступить противъ ненавистныхъ еретиковъ.

Если нѣсколько лѣтъ тому назадъ англійское правительство употребляло всѣ свои силы на распространеніе и укрѣпленіе въ народѣ протестантизма, то теперь новое правительство, въ свою очередь, не пренебрегало никакими средствами для распространенія въ Англіи самаго строгаго, фанатическаго, ортодоксальнаго католицизма.

Испанцы, прибывшіе съ Филиппомъ, явились въ этомъ дѣлѣ ревностными и опытными помощниками. Между ними, между прочимъ, находился Педро де-Сото, доминиканскій монахъ, одинъ изъ первыхъ догматистовъ реставрированнаго католицизма. Бывши прежде духовникомъ Карла V, онъ возбуждалъ императорскую политику къ войнѣ съ германскимъ протестантизмомъ; теперь онъ занялъ каѳедру въ оксфордскомъ университетѣ, чтобы уничтожить ядъ, распространенный тамъ его предшественникомъ Петромъ Мартиромъ. Въ числѣ прибывшихъ съ Филиппомъ находился также Бартоломей Карранца, тотъ самый Карранца, который нѣкогда просидѣлъ въ тюрьмѣ, по приговору инквизиціи, 17 лѣтъ и такимъ образомъ на себѣ самомъ испыталъ благодѣтельность того учрежденія, которому онъ теперь ревностно служилъ въ Англіи. Всѣ эти личности принялись за свое дѣло съ полною энергіей и путемъ ученія и проповѣди, посредствомъ исповѣди и духовнаго суда старались насадить на англійской почвѣ новое католическое сѣмя.

Равнымъ образомъ и парламентъ, выбранный подъ сильнымъ давленіемъ правительства и при дѣятельномъ личномъ участіи Филиппа, готовъ былъ дѣлать все, угодное двору. Онъ согласился на возвращеніе кардинала Поля, того англичанина, который бѣжалъ изъ Англіи при Генрихѣ VIII и теперь въ Голландіи ожидалъ призыва на родину; онъ

согласился возвратиться не иначе, какъ въ качествѣ папскаго легата. Англійское правительство снова покорилось Риму; при этомъ, конечно, имъ было обѣщано, что церковныя имущества, перешедшія въ частныя руки, останутся неприкосновенными, свободными отъ всякаго притязанія со стороны церкви. Лишь королева, для успокоенія своей совѣсти, возвратила католической церкви свою часть церковныхъ имуществъ, но за это она все-таки не получила отъ Рима никакой особенной благодарности.

Когда кардиналъ Поль возвратился въ Англію, у его ногъ лежало государство, 30 лѣтъ тому назадъ такъ надменно, своевольно отдѣлившееся отъ Рима, а теперь съ раскаяніемъ просящее о помилованіи. Въ силу апостольскаго, т.-е. папскаго, полномочія, онъ разрѣшилъ англійское правительство и народъ отъ проклятія, которое навлекли па Англію Генрихъ VIII и дворянство, и снова принялъ кающихся грѣшниковъ въ лоно папской церкви.

Чтобы ярче освѣтить это возвращеніе къ православной римской церкви и засвидѣтельствовать его искренность, не замедлили воздвигнуть костры, на которыхъ и стали, во славу Божію, безчеловѣчно сожигать учителей ереси. Мы умалчиваемъ о подробностяхъ этого фанатическаго преслѣдованія: ни одинъ изъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ протестантскихъ теологовъ не избѣжалъ мести „кровавой Маріи“; это было время мученичества для англійскаго протестантизма, время, когда англійская церковь крестилась, омывшись въ кровавой купели.

Но все, что было достигнуто такимъ путемъ, не было прочно. Съ королевою Маріею началась католическая реакція правительства; съ нею же могла она и кончиться.

Наслѣдница престола, принцесса Елизавета, несмотря на всѣ притѣсненія и угрозы, упорно держалась протестантской партіи между знатью, и не было никакого сомнѣнія, что, сдѣлавшись королевою, она пойдетъ инымъ путемъ, чѣмъ правительство королевы Маріи.

И вотъ, подъ гнетомъ именно ея католическаго правительства, мало-по-малу совершился переворотъ въ настроеніи націи. Насилія католической реакціи несравненно болѣе способствовали отчужденію Англіи отъ католической церкви, чѣмъ всѣ протестантскія проповѣди при правительствѣ Сомерсета и аристократіи. Недовольство этимъ навязываніемъ католицизма народу распространялось все шире и шире, возрастало и усиливалось все болѣе и болѣе. Такъ, когда Марія сдѣлала попытку въ томъ смыслѣ, чтобы и послѣ ея смерти продолжалось въ Англіи господство Филиппа и испанцевъ, то даже самый покорный и католическій парламентъ воспротивился этому и не согласился измѣнить законы въ смыслѣ испанской политики; на продолженіе существующей системы можно было надѣяться лишь въ томъ случаѣ, если бы Марія дала странѣ наслѣдника.

Но на это не было надежды. Такимъ образомъ, могущество этого правительства было только временнымъ. Въ войнѣ съ Франціей, вслѣдствіе собственной медлительности, было потеряно послѣднее владѣніе на французской почвѣ, Кале; государственный долгъ возросъ до ужасающихъ размѣровъ; аристократія все болѣе и болѣе становилась безпокойною и недовольною: такимъ-то образомъ пришлось оканчивать свое царствованіе королевѣ, нѣкогда привѣтствованной съ такою радостью.

Правительство, обвиняя себя въ излишней кротости къ еретикамъ, могло надѣяться путемъ большихъ жестокостей снискать себѣ благость и помощь Всевышняго, могло съ болѣе неистовою яростью преслѣдовать еретиковъ, могло, наконецъ, вырывать трупы еретиковъ, чтобы

сжигать ихъ послѣ смерти; но все это было не болѣе, какъ пароксизмы отчаянія: Англія не могла идти тѣмъ путемъ, по которому желала направить ее Марія.

Осенью 1558 года Марія серьезно заболѣла; всѣ ожидали ея смерти. И вотъ, она сама еще должна была видѣть, какъ посланникъ Филиппа, ея мужа, по порученію своего господина, старался приблизиться къ ея врагу, принцессѣ Елизаветѣ, чтобы и ее также завлечь въ сѣти Испаніи.

Въ одиночествѣ, съ разбитымъ сердцемъ и упавшимъ духомъ, умерла она утромъ 17 ноября 1558 года. Былъ наложенъ полный трауръ по католической Маріи; тѣмъ не менѣе вся Англія вздохнула свободнѣе, какъ бы освободившись отъ тяжелаго кошмара.

Цѣна 2 р. 50 к.